

A 450

ФОНД

БИБЛИОТЕКА
Л. Г. ГУСАРСКОГО
Е. В. ПОЛКА

маш. каб.

193325

25
100

RECEIVED
JAN 10 1901
U. S. DEPT. OF AGRICULTURE
WASHINGTON, D. C.

RECEIVED
STANDARD L.A.
JAN 11 1968

Пр. 1955 г.

9(с)16
А45

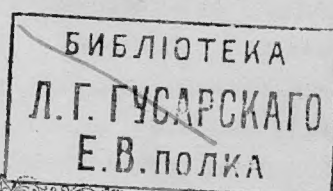
ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ

1849, 1853, 1854—56, 1877—78

ГОДАХЪ.

П. Алабинъ.

САМАРА.

ТИП. И. П. НОВИКОВА, ВОСКРЕСЕНСКАЯ, СОВ. Д.

1888.

2469

ПОХОДНЫМ ЗАПИСКИМ

Печатать дозволено цензурою. Москва, Апрель 6 дня 1888 года.

Въ 1817 году, Федору Николаевичу Глинкѣ Жуковскій и другіе совѣтовали сдѣлать новое изданіе „Писемъ русскаго офицера“, переписавъ и переправивъ въ нихъ, что окажется нужнымъ. Присутствовавшій тутъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ сказалъ: „Нѣтъ! не измѣняйте ничего! Какъ что есть, такъ тому и быть. Не позволяйте себѣ ни притачиваній новаго къ старому, ни поддѣлокъ, ни вставокъ: всякая вставка, какъ бы вы хитро ее ни спрятали, будетъ выглядывать новою заплатою на старомъ кафтанѣ. Оставьте не тронутымъ все, что написалось у васъ, гдѣ случилось, какъ пришлось. Оставьте въ покоѣ ваши походныя строки, вылившіяся у бивачныхъ огней и засыпанныя, можетъ быть, пепломъ тѣхъ незабвенныхъ биваковъ. Предоставьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о томъ, чего вы, какъ фронтовой офицеръ, не могли ни знать, ни вѣдать. И повѣрьте, что позднѣйшимъ читателямъ и любопытно и пріятно будетъ найти у васъ не сухое официальное изложеніе, а именно болѣе или менѣе удачный отпечатокъ того, что и какъ видѣлось, мыслилось и чувствовалось въ тотъ приснопамятный XII годъ, когда вся Россія, вздрогнувъ, встала на ноги и, съ умиленнымъ самоотверженіемъ, готова была на всякое пожертвованіе“.

Издавая въ свѣтъ свои „Походныя записки“ и мы въ принципѣ послѣдовали благому совѣту Дѣдушки-Крылова: мы оставили не тронутыми все, что писалось въ нашемъ дневникѣ во время четырехъ кампаній, въ которыхъ мы имѣли счастье участвовать. Если мы и позволили себѣ пополнить свой рассказъ болѣе новыми взглядами, — разъясненіями нѣкоторыхъ фактовъ на основаніи вновь открывшихся предъ нами данныхъ, — повѣствованіями о событіяхъ совершившихся не на нашихъ глазахъ, — разоблаченіями завѣдомо лживыхъ или ошибочныхъ указаній, — защитой тѣхъ или другихъ дѣятелей, тѣхъ, или другихъ дѣяній ихъ отъ навѣтовъ клеветниковъ, — то, съ одной стороны собственно въ интересахъ истины, а съ другой, ввидахъ представленія общественному вниманію картины того прошлаго, котораго мы были свидѣтелями, въ возможной полнотѣ. При томъ, если мы и рѣшились на сказанныя дополненія, то исключительно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или приложеніяхъ къ нашимъ „Походнымъ запискамъ“, не лишивъ возможности нашего читателя пользоваться ихъ текстомъ въ его первобытномъ видѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

Страницы.

М. Волочискъ. 30 Апрѣля 1849.	3
Приказъ по 4 пѣхот. корпусу. 23 Апрѣля 1849.	4
Лембергъ въ Галиціи. 15 Мая	6
Г. Перемышль	24
Г. Самборъ	30
Г. Дукло	38
Высочайшій приказъ	39
С. Тилава. Венгерская граница. 10 Іюня	40
Моя поѣздка въ Венгрію	44
Г. Дукло. Пожаръ	50
М. Грабъ. 18 Іюня.	53
Г. Кашау. 26 Іюня.	55
Экспедиція въ горы. 7 Августа. г. Токай	116
Нередьгазъ. 8 Августа	121
Г. Дебrecинъ. 12 Августа.	122
С. Дорогъ близъ Дебrecина. 14 Августа	124
С. Берегъ-Сасъ. 21 Августа	138
Крѣпость Мункачъ. 23 Августа	147
Альзо Верецке. 26 Августа	149
Переваль черезъ Карпаты. 29 Августа. г. Стры, въ Галиціи	152
Г. Рогатинъ. 30 Августа	154
Г. Галичъ. 31 Августа.	155
Г. Рогатинъ. 2 Сентября	157
Г. Кременецъ, на Волыни. 16 Сентября, конецъ Венгерской кампаніи, возвращеніе въ Россію	158
Приложеніе 1-е	1
Приложеніе 2-е	45

CLARENCE J. JAMES

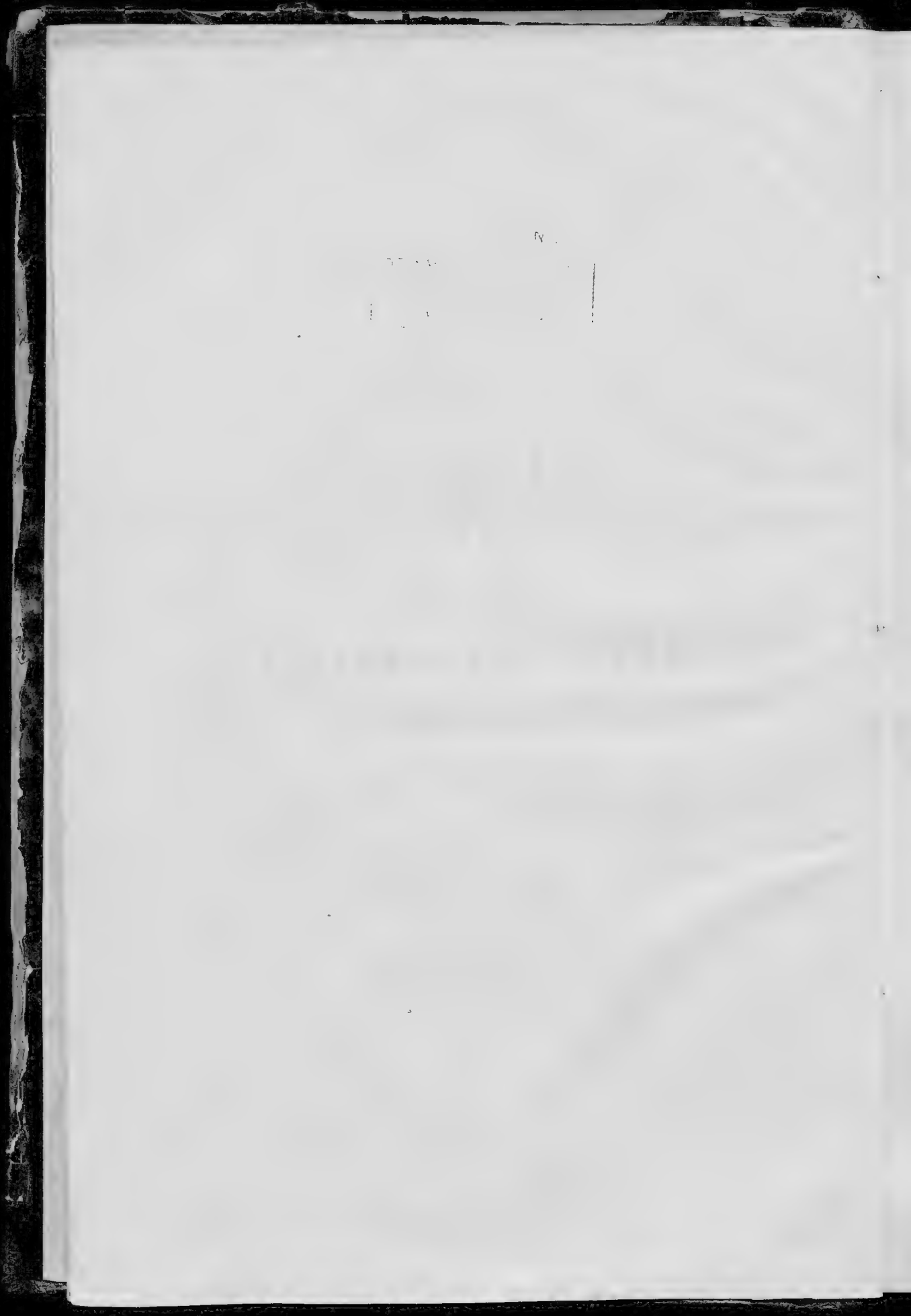
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025
2026
2027
2028
2029
2030
2031
2032
2033
2034
2035
2036
2037
2038
2039
2040
2041
2042
2043
2044
2045
2046
2047
2048
2049
2050
2051
2052
2053
2054
2055
2056
2057
2058
2059
2060
2061
2062
2063
2064
2065
2066
2067
2068
2069
2070
2071
2072
2073
2074
2075
2076
2077
2078
2079
2080
2081
2082
2083
2084
2085
2086
2087
2088
2089
2090
2091
2092
2093
2094
2095
2096
2097
2098
2099
2100

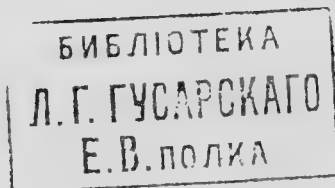
Ч А С Т Ъ Б И О Т Е К А
Л. Г. ГУСАРСКАГО
Е. В. полка

ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА.

1 8 4 9.

М. Волочискъ, 30 Апрѣля 1849.

Штабъ нашего, Камчатскаго егерскаго полка, подъ командою Генералъ-Маіора Колзакова (*), стоялъ всю зиму, по 8 Апрѣля, въ г. Острогѣ, Волынской губерніи.

Въ послѣднее время нашей тамъ стоянки, мы, молодые, преисполненные жизни и жаждавшіе кипучей дѣятельности, люди прислушивались къ раскатамъ приближавшейся съ Запада бури, лаская себя надеждою увидѣть въ очію ея бушеваніе.

Вѣсть о близкомъ военномъ походѣ послалась въ воздухъ и имѣла очевидное подтвержденіе въ приведеніи насъ на военное положеніе. Дѣйствительно, лишь наступила весна, мы оставили зимнія квартиры и 17 Апрѣля прибыли въ мѣс. Ярмолинцы, Подольской губерніи, гдѣ намъ и объявленъ походъ противъ Венгерскихъ мятежниковъ.

Объявленіе это было намъ сдѣлано слѣдующимъ „Приказомъ“ по 4-му пѣхотному корпусу, Генерала отъ инфантеріи Чеодаева, не лишеннымъ интереса, между прочимъ, по своей напыщенности (что бы не сказать—нелѣпою), и по тому, особаго рода, краснорѣчію, которымъ, несомнѣнно, хотѣлъ блеснуть авторъ этого приказа, — Начальникъ корпуснаго штаба, полковникъ С. Г. Веселитскій.

(*) Отецъ Александра Прокофьевича Колзакова, бѣдный, мѣлкопомѣстный дворянинъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, 6 Января 1817 года опредѣлилъ его на службу (15-ти лѣтъ отъ роду), Подпоручикомъ, въ грендерскій Императора Австрійскаго полкъ.

Небольшой ростъ и почти дѣтскій возрастъ Александра Прокофьевича дѣлали его весьма замѣтнымъ въ рядахъ старыхъ грендеръ, кампанейцевъ 12 года: Солдаты полюбили маленькаго Колзакова, какъ игрушку, какъ забаву и поберегали его при отправленіи тяжелой въ то время службы. Почему то особенно привязалась къ Колзакову музыкантская команда; она взяла его на свое попеченіе, такъ сказать, вскормила его въ первые годы его службы и выучила чтѣму могла, грамотѣ и маршировкѣ.

11 Апрѣля 1821 года Колзаковъ произведенъ въ Прапорщики, въ полкъ Принца Карла Прусскаго; 10 Мая слѣдующаго года въ Подпоручики и 10 Декабря 1824 года—въ Поручики.

Колзаковъ былъ юноша скромный, изъ дому не получавшій ни какой матеріальной помощи, а потому всецѣло преданъ службѣ и не зная никакихъ развлеченій и увлеченій, отлично изучилъ ее, т. е. *фронтъ*, своимъ здравымъ природнымъ умомъ понявъ, что улучшеніи своей будущности онъ можетъ ждать только отъ службы. Дѣйствительно, усиліи Колзакова въ знаніи, *фронта*—были таковы, что однажды онъ имѣлъ счастье обратитъ на свою превосходную *маршировку* вниманіе, тогда еще Великаго Князя и Генералъ-Инспектора Инженеровъ Николая Павловича, въ Динабургѣ на смотру Его Высочества, при церемониальномъ маршѣ. Судьба помогла Колзакову исключительно этой искусной маршировкой сдѣлать себѣ служебную карьеру. Въ 1825 году Колзаковъ повелъ людей, назначенныхъ изъ полка Принца Карла въ гвардію. Когда онъ представлялъ этихъ людей Николаю Павловичу, тогда уже вступившему на Престолъ, Его Величество позволилъ вспомнить Колзакова по Динабургу и 22 Декабря повелѣлъ прикомандировать его, а 14 Января 1826 года перевести въ Л. Г. Измайловскій

П Р И К А З Ъ

По 4-му пѣхотному корпусу. Дубно. № 92. Апрѣля 23 дня, 1849.

Бродяжническая шайка злонамѣренныхъ людей, сначала тайно, развратомъ неопытныхъ умовъ, прельщеніемъ ихъ своеволіемъ, вооружила наконецъ явно въ нѣкоторыхъ государствахъ, легкомыслящихъ и нетвердой нравственности людей, противъ Правительства и сіи заблуждающіеся, въ ослѣпленіи своемъ, произвели народныя бѣдствія.

Подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ счастливой Австрійскаго имперія была для нѣземцевъ примѣрной страной довольства, порядка и благоденствія.

Но въ потокѣ волненія народовъ и это счастливое, союзное намъ государство посѣтили тяжкія испытанія.

На призывъ дружественной намъ Австріи, Всемилоствѣйшій нашъ Государь Императоръ, по величію души Своей, для сохраненія спокойствія въ Галиціи, Высочайше повелѣть соизволилъ вступитъ въ нее въѣзженнымъ мнѣ войскамъ.

Его Свѣтлость, Главнокомандующій арміею, въ безконечномъ о насъ попеченіи, для обезпеченія нуждъ, сдѣлалъ нужныя (!) распоряженія.

Богъ благословитъ наше доброе дѣло.

На дѣло чести, на дѣло славы—впередъ братья!

Приказываю вамъ сохранить порядокъ и устройство, которыми вы всегда были одушевлены. Съ мирными жителями обходитесь кротко и дружелюбно, что-бы, при возвратѣ вашемъ домой, мы могли съ чистою совѣстью сказать: мы свято исполнили свой долгъ, помогли сосѣдямъ и на чужой сторонѣ приобрѣли друзей.

полкъ, тѣмъ же Поручичьимъ чиномъ, пожаловавъ ему на гвардейскую экипировку 1241 р. ассигнаціями.

Первою затѣмъ наградою, полученною Колзакимъ, была пожалованная ему золотая табакерка, съ мозаикою, въ память рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, совершившагося во время караула Колзакова въ Зимнемъ дворцѣ.

Колзакову не довелось сдѣлаться боевымъ офицеромъ. Въ турецкую войну 1829 г. онъ дошелъ только до Тульчина, а въ польскую, командуя ротой, стоялъ въ резервѣ при штурмѣ Варшавы, 25—26 Августа 1831, не принимая никакого участія въ бою, что не помѣшало, однако, ему получить за этотъ штурмъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Послѣдовавшій затѣмъ преслѣдованіе мятежниковъ до прусской границы и блокада Модлина, тоже не дали Колзакову случая быть въ огнѣ.

По возвращеніи изъ Польской кампаніи, 25 Іюня 1832, Колзаковъ произведенъ въ Капитана, а 4 Августа 1837 г. въ Полковника Л. Г. Павловскаго полка, откуда переведенъ, 16 Апрѣля 1841, въ свой любимый Измайловскій полкъ, гдѣ принялъ батальонъ, а 12 Февраля 1845 назначенъ командиромъ Камчатскаго егерскаго полка и 6 Декабря 1846 года произведенъ въ Генераль-Маіоры.

Съ первыхъ моментовъ своей службы въ арміи, Колзаковъ встрѣтилъ много несправедливостей. Усилившіеся геморроидальные припадки, которыми онъ давно уже страдалъ, и вражда, закипѣвшая у него съ Бригаднымъ командиромъ, Генераль-Маіоромъ Житковымъ, съ которыми онъ имѣлъ какіе-то непріятные счеты еще въ гвардіи, ожесточали Колзакова до крайности и дѣлали его, похоть часъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, знавшіе его короче, прощали ему его выходки за его добрую душу, и открытый, прямой ха-

Когда же потребуется нашъ штыкъ да сабля, тогда начальники покажутъ путь и во славу Государя и Отечества мы дружно вскрикнемъ „ура“!

Подписалъ: Генераль отъ инфантеріи Чесдаевъ.

27 Апрѣля нашъ полкъ выступилъ изъ м. Ярмолинецъ, войдя въ составъ четвертой колонны дѣйствующей арміи и 1 Мая, согласно полученному нами маршруту, долженъ перейти границу здѣсь, въ Волочискѣ.

Сегодня командиръ полка, Г.-М. Колзаковъ, отдалъ слѣдующій приказъ по полку:

„Завтрашняго числа ввѣренный мнѣ полкъ вступаетъ въ предѣлы Австріи.

Событіе это даетъ мнѣ случай сказать гг. офицерамъ и солдатамъ, подъ моей командой состоящимъ, ревностной службы которыхъ я четыре послѣдніе года имѣлъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ, что это событіе представляетъ имъ случай доказать: въ какой степени они всегда готовы точно и свято исполнять волю нашего Отца-Государя?

Чѣмъ строже и точнѣе выполнимъ мы эту священную волю, тѣмъ блестящѣе явимъ доказательство любви къ Августѣйшему Отцу нашему, тѣмъ явимся мы точнѣйшими исполнителями той клятвы, которую, предъ лицомъ Царя Царей, мы принесли Царю и Отечеству и, наконецъ, тѣмъ большее мы будемъ имѣть право гордиться именемъ русскихъ; тѣмъ большее мы будемъ имѣть право сказать нашимъ потомкамъ, что передавая имъ въ наслѣдство это имя, гремящее по всему міру славою непобѣдимыхъ воиновъ и благородныхъ миротворцевъ, мы не занятали чистоты его, а, на противъ, привили къ нему новые, блестящіе лучи.

Вамъ извѣстно въ чемъ состоитъ эта Августѣйшая воля?

Государю Императору угодно, чтобы мы помогли стариннымъ друзьямъ нашимъ водворить въ своихъ предѣлахъ тотъ миръ и тишину, подъ сѣнію

ракетъ. Неудовольствія и безпрестанныя пререканія съ Бригаднымъ командиромъ, навлекли на Колзакова большія невзгоды со стороны высшихъ военныхъ властей, обыкновенно, изъ принципа, принимавшихъ сторону его врага—Бригаднаго командира. Дошло до того, что у Колзакова хотѣли отобрать полкъ, подъ предлогомъ его болѣзненнаго состоянія и даже, на походѣ, прислали Подполковника Пустовойтова (отца извѣстной въ послѣднее польское возстаніе *амазонки*, подъ именемъ „*дивизи Пустовойтовой*“—адъютанта Лангевича), принять отъ него полкъ на законномъ основаніи, но Колзаковъ не допустилъ до этого и хотя сильно страдалъ физически и нравственно, но полка своего не покинулъ. Впрочемъ, Колзаковъ не всегда могъ совладать съ собою и на одномъ переходѣ, выведенный изъ терпѣнія начальникомъ дивизіи Генераль-Лейтенантомъ Вѣлужевымъ, бросился на него верхомъ и наговорилъ ему дерзостей. Результатомъ было, что гоненіе съ полковаго командира распространили на полкъ и стали держать его, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, во все время Венгерской кампаніи, Камчатскому полку недали возможности принять участіе въ какомъ либо дѣлѣ, не смотря на то, что онъ шелъ въ авангардѣ, разбивъ его на части и оставивъ его содержать коммуникаціонную линію и гарнизоны въ Эперіесѣ и Кашау.

Будучи назначенъ командующимъ резервною бригадою 3 гренадерской дивизіи, Колзаковъ сдѣлалъ, во время стоянки въ Кашау, Камчатскій полкъ своему преемнику Полковнику барону Фитингофу, на законномъ основаніи, въ совершенной исправности (какъ гласила полученная имъ квитанція въ сдачу полка), *въ 2½ часа*, что составляло шикъ того времени.

Колзаковъ умеръ въ Орлѣ, 20 Іюля 1852 года, на 50-мъ году жизни, въ должности завѣдующаго складами обмундирования и вооруженія и кадрами 4-хъ запасныхъ баталіоновъ гренадерской дивизіи и 12 резервныхъ баталіоновъ 5 пѣхотнаго корпуса.

которыхъ они, въ дружбѣ и священномъ союзѣ съ нами, столько лѣтъ благоденствовали, — тотъ миръ и тишину, которые, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австріи, нарушены мятежниками и клятвопреступниками.

Изъ этого ясно: какую прекрасную обязанность угодно было Государю возложить на насъ, — какую благородною довѣренностію Ему было угодно облечь насъ!

Мы ли не оправдаемъ довѣренности этой? Мы ли не явимся достойными нашихъ отцевъ и братій, такъ вѣрно служившихъ Его, въ Бозѣ почившему, Августѣйшему Брату! Мы ли не явимся достойными потомками тѣхъ русскихъ, которые въ 1812 году, сокрушивъ страшнаго врага, явились въ годахъ послѣдующихъ умиротворителями всей Европы!

Нѣтъ, Русскіе остались тѣми-же. Слава не покинетъ нашихъ знаменъ, а друзья увидятъ: умѣемъ ли мы быть друзьями!

Что прибавить? Пусть cadaго руководить честь и долгъ. Пусть ни кто не забываетъ, что блаженство, какъ земное, такъ небесное, бываетъ наградою только милостивымъ и кроткимъ.

Мнѣ остается пожелать, чтобы и за рубежомъ Отечества сохранилась въ васъ, друзья мои, та-же безукоризненная нравственность, то-же стремленіе къ неуклонному исполненію своего долга, которыми я, какъ командиръ вашъ, доселѣ имѣлъ счастье гордиться“.

15 Мая. Лембергъ въ Галиціи.

Изъ Высочайшихъ Манифестовъ русскіе знаютъ, что побудило нашего Великаго Государя повелѣть Своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Австрійской Имперіи!

Прежде чѣмъ продолжать выписки изъ своего дневника, веденнаго во время Венгерской кампаніи, считаю необходимымъ оговориться.

Конечно, *дѣйствительныя* причины нашего внимательства въ австрійскія дѣла, съ цѣлію подавленія Венгерскаго возстанія, не могли быть представлены, во всей подробности и въ настоящемъ свѣтѣ, въ официальныхъ о томъ правительственныхъ извѣщеніяхъ, обращенныхъ къ отечественному населенію и къ войскамъ, а литература того времени оставалась безгласною, не дерзая обращаться къ разъясненію, — тѣмъ болѣе къ обсужденію правительственныхъ мѣропріятій по государственнымъ вопросамъ. По этому, относительно поводовъ и причинъ войны, въ которой намъ предто-ляло принять участіе, мы могли знать только то, что правительство находило необходимымъ намъ сообщить.

Между этими сообщеніями и дѣйствительностью могли быть, и не рѣдко бывали, если не пропасти, то большіе овраги! Впрочемъ, истина въ данномъ случаѣ не намъ только, рядовымъ людямъ арміи, была не доступна: отъ ея познанія было также далеко почти все русское общество, какъ

и мы (*). Если бы это было не такъ, то въ Обществѣ не сложилось бы въ послѣдствіи убѣжденія о безполезности и неумѣстности нашего вмѣшательства въ Венгерскія дѣла, въ 1849 году, даже больше, о навлеченіи этимъ вмѣшательствомъ великихъ бѣдъ на наше отечество, которыя ему суждено было испытать въ послѣдствіи, какъ бывшія прямымъ результатомъ этого вмѣшательства.

Желая, по возможности, освѣтить передъ нашими читателями настоящій вопросъ, мы цитируемъ обсужденіе его, приведенное въ замѣчательномъ трудѣ, изданномъ, въ 1879 году, въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—56) par un ancien diplomate“.

„Въ концѣ достопамятнаго 1848 года, говоритъ „Бывшій дипломатъ“ (Томъ 1-го стр. 29 и пос.), спокойная и энергичная осанка, принятая на себя Россіей, остановила ходъ революціи, поддержала потрясенныя правительства и все европейское зданіе, колебавшееся на своихъ основаніяхъ на Сѣверѣ также, какъ на Югѣ,—на Востокѣ—также какъ и на Западѣ.

Оставалось только обезпечить неприкосновенность Австрійской имперіи, умиротворивъ Венгрію, гдѣ сосредоточивались всѣ элементы всемірной революціи.

Сильно осуждали наше вмѣшательство въ Венгерскія дѣла. Должно, однако, признать, что таковое вмѣшательство было логическимъ развитіемъ всей системы и тѣхъ неизмѣнныхъ принциповъ, которымъ всегда слѣдовалъ Императоръ Николай.

Венгерская революція происходила въ нашемъ непосредственномъ сосѣдствѣ. Мы не могли оставаться ея равнодушными зрителями. Въ началѣ имѣвшая характеръ исключительно аристократическій и монархическій, она вскорѣ прониклась элементами, потрясавшими Европу (**).

Участіе Бема, Дембинскаго и польскихъ легіоновъ придало ей направленіе, вполне враждебное нашимъ интересамъ. Легко было предугадать какіе окончательные результаты будутъ имѣть ея усилія? Было ясно, что однажды уничтожена Австрійская имперія, освобождена отъ ней Венгрія, мы станемъ лицомъ къ лицу со множествомъ маленькихъ анархическихъ республикъ, которыя, съ помощью космополитической революціи, образуются на развалинахъ Австріи и Турціи. Кромѣ того, что перспектива рисовала враждебнаго, иде-

(*) До чего могла доходить нелѣпость въ толкованіи причинъ нашего военного вмѣшательства въ Венгерскія дѣла, можетъ служить слухъ, распространившійся между старообрядцами всей Россіи, будто война Венгерцамъ объявлена нами за лжемитрополита, бѣжавшаго къ нимъ и котораго, несмотря на наши требованія, они не хотѣли выдать.

(**) „Россія, какъ Славянское Государство, ни какъ не могла допустить, что бы въ сосѣдствѣ съ нею возникло Мадьярское Государство, съ либерально революціонною и противно-Славянскою политикою. Императоръ Николай, всю Свою жизнь посвятившій великому дѣлу уничтоженія Турецкаго Государства въ Европѣ и освобожденія Турецкихъ славянъ отъ вѣковаго ига, не могъ равнодушно смотрѣть на то, какъ на границѣ Его Государства возникала новая Турція, хотя-бы и въ новой формѣ. И этотъ Государь Славянской Россіи поступилъ лишь въ Славянскомъ духѣ, въ интересахъ Славянскаго міра, когда ниспровергъ въ прахъ Азіатскихъ Мадьяръ и могучею рукою уничтожилъ то зданіе, которое построилъ Мадьярскій фанатизмъ съ цѣлью угнетенія Славянъ“ (Пичъ. Исторія Словаковъ. Стр. 181).

ямъ господствовавшимъ въ нашей политикѣ, успѣхи этой революціи прямо вредили намъ тѣмъ, что ближайшимъ ихъ послѣдствіемъ было образованіе изъ Польши открытаго къ намъ пути для всѣхъ нашихъ европейскихъ вооруженныхъ враговъ. Въ виду этой явной опасности, мы ни на кого не могли рассчитывать. Англія раздувала революцію на континентѣ; Франція, сама жертва анархін, была чрезвычайно подозрительна; — Германскія правительства были развращены демагогіей; — Пруссія являлась слабою и колеблющеюся. Оставалась только Австрія, поддержаніе которой, казалось, могло насъ обезпечить отъ представлявшихся случайностей. Это было постоянной руководящей идеей нашей политики съ 1815 года. Императоръ Николай, наслѣдовавъ ее отъ своего Августѣйшаго Брата, оставался ей вѣренъ.

Давно уже Николай Павловичъ предложилъ Свою помощь Императору Францу-Іосифу, но экспедиція генерала Лидерса въ Трансильванію показала, что всякая частная помощь, какъ полумѣра, не будетъ имѣть надлежащаго значенія, а потому Императоръ Николай рѣшился дѣйствовать не иначе, какъ только посредствомъ вполне достаточныхъ военныхъ силъ (*), при чемъ въ устраненіе всякихъ могущихъ произойти вредныхъ разномысліи при командованіи оными, Императоръ Николай рѣшилъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. Впрочемъ, Онъ ничего не требовалъ отъ Австріи за Свою услугу, даже не желалъ возмѣщенія Своихъ военныхъ издержекъ въ эту кампанію. Увѣряютъ, что во время пребыванія своего въ Варшавѣ, Императоръ Николай былъ побуждаемъ предложить австрійскому правительству нѣкоторый территоріальный обмѣнъ, въ видахъ возвращенія Россіи части Галиціи. Конечно, Австрія слишкомъ сильно тогда нуждалась въ насъ, чтобы не *купить* помощи, отъ которой зависѣло ея спасеніе; но, не смотря на это, если изложенная идея и имѣлась, то ей не было дано развитія, вѣроятно, вслѣдствіе неуклонной правдивости Императора Николая. Онъ только желалъ поддержанія европейскаго Status quo, которое онъ признавалъ необходимымъ для безопасности Россіи. Если Онъ и поднималъ оружіе, то собственно для возстановленія порядка. Онъ отступилъ бы отъ Своихъ правилъ, допустивъ модификацію, хотя бы даже и въ интересахъ Россіи.

Что касается до Императора Франца-Іосифа, то онъ, изъ весьма естественнаго чувства самолюбія, долго затруднялся принять предложенную ему помощь. Однако, положеніе Австріи дѣлалось столь критическимъ, что долѣе не возможно было медлить. И Францъ-Іосифъ уже не только не колебался болѣе, но прямо умолялъ о помощи своего Августѣйшаго союзника, усиливъ самыя сердечныя свои изліянія при варшавскомъ съ Нимъ свиданіи, явившіяся печальнымъ противорѣчіемъ тому, что вскорѣ затѣмъ послѣдовало.

*) Когда въ Венгрію было двинуто 200000 русскихъ, одно высокопоставленное лицо спросило Императора Николая: „какая надобность употребить въ дѣло такую огромную силу?“ На это Царь отвѣтилъ: „Такая сила нужна потому, что эта война такъ непопулярна въ нашемъ Государствѣ, что ее необходимо окончить, въ три мѣсяца. Kossuth. Souvenirs et écrits de mon exil, Periode de la guerre d' Italie, Paris. 1880. Стр. 110—111.

Дѣйствительно, политика всегда подчиняется неумолимымъ требованіямъ необходимости, а Государи обязаны прежде всего сообразовать ее съ нуждами ихъ страны.

Впрочемъ, должно согласиться, что слишкомъ много произведено шуму по случаю *неблагодарности* Австріи. Политика, обыкновенно, не признаетъ чувствъ подобнаго рода. Это наука разума и расчета. Если мы рассчитываемъ на благодарность въ дѣлахъ политики,—мы сами себя обманываемъ. Въ сущности мы пришли на помощь Австріи отнюдь не по любви къ ней, а потому, что ея сохраненіе намъ казалось нужнымъ. Она приняла эту помощь потому, что не могла безъ ней обойтись. Во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ мѣста чувству благодарности. Но вотъ еще урокъ: оказалось, что консервативная система, повидимому, лежавшая въ основаніи общности нашихъ интересовъ съ Австріей, есть ни что иное, какъ иллюзія. Если бы система эта была построена на истинѣ, то и приносимыя нами жертвы имѣли бы разумное основаніе. Въ моментъ, когда въ дѣйствительности эти основы оказались не существующими,—принесенныя нами жертвы явились излишними и бесполезными.

Прибавимъ еще одно разсужденіе, чтобы объяснить себѣ заблужденіе Императорскаго кабинета.

Обыкновенно, правительство по необходимости обязано бываетъ основывать свои соображенія на тѣхъ интересахъ, какіе оно предполагаетъ у Правительства, съ которымъ трактуетъ. Мы могли думать, что въ интересахъ Австріи поддерживать союзъ съ нами. Мы полагали—отъ него зависѣло ея политическое существованіе. Впослѣдствіи это соображеніе подтвердилось, потому что своимъ поведеніемъ относительно насъ въ 1854 году, Австрія подготовила свою потерю Италіи и Германіи. Но тогда нашъ Кабинетъ могъ ли предполагать подобное заблужденіе со стороны Правительства, славнаго своимъ дипломатическимъ искусствомъ, вошедшимъ даже въ пословицы? Смѣло отвѣтимъ: *нѣтъ*, если одинъ только разумъ руководить политическими комбинаціями,—*да*—если принимаются въ расчетъ человѣческія страсти.

Существуютъ одолженія унижающія!

Великая держава не въ состояніи переварить тяжелой необходимости сознаться, что своимъ спасеніемъ она обязана сосѣдней державѣ. Такъ устроено человѣчество! И если знакомство съ чувствованіями сердца человѣческаго не достаточно, чтобы просвѣтить насъ въ этомъ отношеніи, то насъ должны бы въ томъ убѣдить—событія.

Впечатлѣніе, произведенное триумфальнымъ шествіемъ нашихъ войскъ по воюемой странѣ; взаимныя симпатіи, выразившіяся въ нашихъ отношеніяхъ къ Венгерцамъ;—способъ положенія оружія Гергеемъ,—все это, вмѣстѣ взятое, нанесло слишкомъ чувствительные удары самолюбію австрійцевъ. Они это доказали пріемомъ, сдѣланнымъ ходатайству Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича (въ Бозѣ почившаго Императора Александра II), за виновныхъ Венгерцевъ, которыхъ, не смотря на это высокое хода-

тайство, отъ Имени Императора Николая, — немедленно безпощадно казнили.

Скажемъ въ заключеніе: если въ идеяхъ консерватизма, тогда преобладавшихъ въ политикѣ Императорскаго кабинета, занятіе Венгріи было логическимъ развитіемъ его принциповъ, въ особенности имѣя въ виду Польшу, то мечта, что наша помощь поселить къ намъ добрыя чувства въ помыслахъ Вѣнскаго кабинета, была грубой политической ошибкой.

Можно прибавить, что сѣмена непріязни, брошенные нами въ сердца Венгерцевъ, которыя въ другомъ случаѣ были бы къ намъ симпатичны, событіе достойное вѣчнаго сожалѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, однако паденіе Венгріи было рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ космополитической революціи, и затѣмъ обаяніе и нравственное вліяніе Императора Николая достигло своего апогея.

Такое положеніе льститъ національной гордости, но оно опасно потому, что возбуждаетъ зависть и вражду. Такъ Англія лорда Пальмерстона не могла снискать до признанія такого преобладанія русской политики.

Чѣмъ больше этотъ государственный человѣкъ зацутывался въ содѣйствіи революціи, тѣмъ меньше онъ былъ склоненъ видѣть насъ выходящими изъ этого ужаснаго кризиса не только невредимыми, но еще поднявшимися на степенъ выше въ нравственномъ могуществѣ и, наконецъ, съ усилившимся авторитетомъ въ Европѣ. По этому лордъ Пальмерстонъ повсюду старался устроить намъ затрудненія и хлопоты, чтобы мы испытали удары, которые доказали бы, что Россія вовсе не неуязвима и что въ тоже время значеніе Англіи нисколько не уменьшилось.

Первыя попытки въ этомъ родѣ были сдѣланы Пальмерстономъ по поводу венгерскихъ инсургентовъ, удалившихся въ Валахію.

Порта приняла этихъ эмигрантовъ съ откровенною благосклонностью, что было, впрочемъ, весьма педальновидно, потому что торжество революцій въ Венгріи и въ Польшѣ, было бы въ сущности смертнымъ приговоромъ Оттоманской имперіи. Но страсти не разсуждаютъ. Съ момента начала войны между Венгерцами и русскими, первые сдѣлались предметомъ благосклонной заботливости Турокъ. Императорскій кабинетъ выразилъ желаніе, чтобы названные бѣглецы были изгнаны изъ Турціи, а австрійское правительство, ободренное нашей поддержкой, пошло дальше — потребовавъ ихъ выдачи. Требованія эти были безразсудны. Порта, побуждаемая Франціей и Англіей, сдѣлала изъ этого требованія вопросъ своей чести, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ лицъ (между другими генераль Вемъ), приняли магометанство.

Произошелъ кризисъ, вскорѣ сдѣлавшійся крайне опаснымъ. Даже приготовились образовать противъ насъ коалицію, какъ въ 1854 г. Но осуществить этого плана не могли — время еще не пришло! Людовикъ Наполеонъ не утвердилъ еще своей власти, не связавъ еще себя прочнымъ союзомъ съ лордомъ Пальмерстономъ, и отказался гарантировать Порту

противъ случайностей, какимъ она могла подвергнуться, отвергая наши требованія. Результатомъ было, что переговоры кончились мировой сдѣлкой, на которую нашъ кабинетъ скромно согласился. Императоръ Николай не хотѣлъ новыхъ осложненій на Востокъ. Повторяемъ, Онъ стремился только къ возстановленію и утвержденію европейскаго Status quo.

Рѣшили, что польскіе и венгерскіе бѣглецы будутъ удалены въ глубь Турціи, вдалѣ отъ границъ русскихъ и австрійскихъ. Но таково было возбужденіе Англіи, что адмиралъ Паркеръ прошелъ за тѣмъ со своей эскадрой Дарданеллы, чтобы, напугавъ Турокъ, заставить ихъ произвести разрывъ съ нами. Это дѣйствіе Англичанъ было нарушеніемъ конвенціи 1841 года о проливахъ. Нашъ кабинетъ энергично протестовалъ и Франція была выпущена къ тому-же.

Въ данную минуту рассказанный случай имѣлъ только два результата, принесшіе свои плоды впоследствии: 1) онъ приучилъ Францію рассчитывать на помощь Англіи противъ насъ на Востокъ и 2) онъ утвердилъ въ насъ ошибочное понятіе о готовности Австріи дѣйствовать съ нами за одно!

Не это ли сѣмена Крымской войны!?

Вышесказаннымъ причины нашего вмѣшательства 1849 года въ венгерскія дѣла вполне выясняются и представляются столь серьезными, что за тѣмъ теряютъ всякій смыслъ объясненія этого же событія, дѣлаемые, напримѣръ, столь пристрастнымъ лицомъ, какъ бывшій венгерскій диктаторъ, знаменитый Кошутъ (*).

Въ своихъ „Souvenirs“ (Jdemi) онъ говоритъ, что „уполномоченный его, нѣкто Людвигъ, часто проводилъ время въ бесѣдахъ съ русскимъ посланникомъ въ Бельгіи, преимущественно вспоминая старину. Однажды Людвигъ спросилъ посланника: „какая была, говоря откровенно, дѣйствительная причина вмѣшательства Россіи въ 1849 году?“ Посланникъ отвѣтилъ, что это вмѣшательство не имѣло ни какихъ основаній;— что въ Россіи никто на немъ не настаивалъ, ни кто его не совѣтовалъ и ни кто его не оправдывалъ. Оно было плодомъ личной фантазіи Императора Николая I-го, который, впоследствии, Самъ раскаявался въ этой *страстной политикѣ*.

„Очень много вѣроятнаго, говорилъ русскій посланникъ, въ разсказѣ, будто-бы Царь Николай, въ Варшавѣ, указывая рукою на статую короля Яна Собіесскаго, этого перваго спасителя Габсбурговъ, называлъ этого Короля: „*Безумецъ I-й*“! потомъ, указывая на Себя, продолжалъ: „*Безумецъ II-й*“.

Затѣмъ, посланникъ замѣтилъ, что со стороны Венгерцовъ было большею ошибкою допустить Поляковъ въ свою армію.

(*) Кошутъ родился 16 Сентября 1802 г., въ Земплинскомъ комитатѣ. Характеристика Кошута и его политической дѣятельности чрезвычайно вѣрно и энергично очерчена извѣстною M-me Adam въ статьѣ ея „Patrie Hongrois“ въ „La Nouvelle Revue“, 1 Сент. 1884.

На это Людвигъ отвѣчалъ, что Венгерцы приписали Поляковъ въ свои ряды вовсе не въ видахъ враждебной демонстраціи противъ Россіи и что такая идея была слишкомъ отъ нихъ далека. Но венгерцевъ обвиняли въ стремленіи къ угнетенію Славянъ и польская эмиграція въ Парижѣ прославляла какъ бы войну за освобожденіе, измѣну Кроатъ, подкупленныхъ Австріей. Венгерцы не могли оставить этого обвиненія безъ противо-дѣйствія.

„Я, говоритъ Кошутъ, замѣтилъ Людвигу: „вы дали точный, но не полный отвѣтъ. Напрасно русскіе увѣряютъ, что ихъ вмѣшательство вызвано пріемомъ, оказаннымъ нами Полякамъ. Напрасно насъ считать такими простаками, чтобы мы повѣрили этой ссылкѣ. Въ дѣйствительности, въ Августѣ 1848 года, не было еще ни одного поляка въ венгерской службѣ; когда уже русскіе заняли Молдавію и лордъ Пальмерстонъ писалъ сэру Страффорду Кеннингу: „Его Императорское Величество, Царь, имѣетъ въ виду возможность призыва со стороны Австріи, для водворенія порядка въ Пештѣ“. Въ сущности, вмѣшательство было рѣшено во время Веронскаго конгресса, (рѣшено, т. е. обѣщано) гораздо прежде, чѣмъ Австрійцы напали на Венгерцевъ. Бану Телачичу приказано наступать только тогда, когда уже русскіе были въ ближайшемъ сосѣдствѣ.

Въ 1849 г. Вѣнскій Дворъ не требовалъ вмѣшательства, онъ только призналъ, что таковое сдѣлалось въ данную минуту необходимымъ.

Затѣмъ, восклицаетъ Кошутъ, что же они ссылаются на пріемъ Поляковъ? Число ихъ никогда не превышало 5000 человекъ. Этотъ маленюкій легіонъ ни сколько не могъ безпокоить Московское Государство. Русскіе это знали. Они также знали, что я вовсе не стремился къ увеличенію числа Поляковъ въ нашей арміи и что я положительно воспретилъ расширять театръ войны, захватывая въ него Польшу“ (Стр. 113—114).

Мы находимъ умѣстнымъ привести здѣсь еще одно мнѣніе о причинахъ нашего вмѣшательства въ венгерскія дѣла и о послѣдствіяхъ таковаго.

„Въ настоящее время, говоритъ бывший венгерскій генералъ Клапка (*La guerre d'orient en 1853 et 1854 etc. Geneve. 1854*), ясно: что было причиной занятія Венгріи русскими и что отъ этого выиграла Австрія?

Эта послѣдняя таковымъ событіемъ была побуждена погасить у себя послѣдніе проблески конституціонныхъ учрежденій и принести въ жертву древнія федеральныя отношенія сверхъестественной централизаціи уничтожившей сѣмена національнаго развитія, повергнувъ въ отчаяніе все народы, составляющіе названную Монархію. Съ момента, когда Паскевичъ написалъ своему Государю: „Венгрія у ногъ Вашего Величества“, древняя Австрія перестала существовать, а новая вскорѣ увидѣла себя безъ животворныхъ принциповъ, безъ вѣшняго могущества, вынужденною въ дѣлахъ внутреннихъ опираться на бессмысленную систему террора и грубой силы.

Своимъ великодушнымъ вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла, Россія

исполнила свое призваніе. Она лишила самостоятельнаго бытія и заковала въ цѣли единственный еще ей опасный народъ на берегахъ Дуная, — народъ, который при каждомъ польскомъ возстаніи, всегда являлъ готовность помочь своимъ угнетеннымъ сосѣдямъ; народъ, существованіе котораго, съ его государственнымъ устройствомъ и избыткомъ народныхъ силъ, былъ постоянной угрозой осуществленію ея предпріятій противъ Турціи; народъ, вдвинувшійся между южными и сѣверными славянами, противустоя развитію панславистскихъ идей Россіи; народъ, который въ рѣшительной войнѣ противъ Россіи, побудилъ бы Австрію принять участіе въ составѣ дѣйствующей коалиціи. Русскіе достигли своихъ цѣлей съ помощью Австріи, южныхъ славянъ и Валаховъ, легко подавленныхъ, при чемъ, въ свою очередь, Австріи нанесенъ смертельный ударъ и будущность ея поставлена въ зависимость отъ Россіи“.

~~~~~  
Возвращаюсь къ своимъ походнымъ запискамъ.  
~~~~~

Служа въ одномъ изъ полковъ направленныхъ въ Галицію, (*) а именно въ Камчатскомъ егерскомъ, я расскажу о томъ, чѣму былъ личнымъ свидѣтелемъ во время этого похода и что происходило съ отрядомъ, въ которомъ состою.

1 Мая 1849 года мы простились съ отечествомъ.

Сердца многихъ изъ насъ ждало томительное предчувствіе. Многимъ; о! вѣроятно многимъ, не суждено увидѣть родныхъ полей и чужая земля засыплетъ ихъ очи, отуманенныя теперь предчувственной слезой, или сверкающія тѣмъ беззаботнымъ восторгомъ, какимъ проникается душа русскаго человѣка, когда онъ становится лицомъ къ лицу съ опасностью, или съ самою смертью.

Съ гигантскаго пространства нашей Отчизны сколько молитвъ возносится къ Престолу Божію за воиновъ, составляющихъ наши ряды! Сколько за насъ пролито горячихъ слезъ! Что до насъ, то мы бодро и весело идемъ въ чужую землю; съ надеждой на успѣхъ ждемъ войны; съ твердостью думаемъ о смерти.

Казалось, сама природа Россіи прослезилась, отпуская насъ на чужбину: пока мы стягивались къ границѣ, погода намъ благопріятствовала, но съ утра 1 мая, небо покрылось тучами и когда начался общій, торжественный молебенъ, — пошелъ дождь.

Не плачь родимая о любимыхъ дѣтяхъ своихъ! На славный подвигъ идутъ они въ чужую сторону: тамъ сплетутъ они тебѣ новый вѣнецъ, подобный тому прекрасному и лучезарному вѣнцу, въ какомъ красуешься ты

(*) Въ это время я былъ полковымъ адъютантомъ въ Камчатскомъ егерскомъ полку, нынѣ—пѣхотный.

со временъ своего Благословеннаго Царя! Радуйся святая Русь, имя Великаго Царя, Отца твоего, снова прогремѣть изъ конца въ конецъ вселенной и титло „Умирителя“ народы присоединять къ Его другимъ, хвалебнымъ титламъ!

И такъ, 1 Мал, чрезъ Волочискую таможену, мы вступили въ Австрію.

Нашъ эшелонъ, будучи авангардомъ русскихъ силъ, вступавшихъ въ Галицію, черезъ названную таможену, находился подъ начальствомъ генераль-маіора Петра Никифоровича Житкова, командира составлявшей этотъ эшелонъ 2-й бригады 11 пѣхотной дивизіи. Бригада эта состояла изъ егерскихъ полковъ: Охотскаго (командиръ полковникъ Бибиновъ) и Камчатскаго (командиръ генераль-маіоръ Колзаковъ). Въ составъ нашего эшелона входили легкія батареи 11 артиллерійской бригады № 4 и 5.

Въ одномъ переходѣ за нами слѣдовалъ второй эшелонъ нашего отряда, состоявшій подъ начальствомъ командира 1 Бригады той-же дивизіи генераль-маіора Бурковского, изъ 1-й Бригады той же дивизіи, полковъ: Селегинскаго (командиръ генераль-маіоръ Ротъ) и Якутскаго (командиръ полковникъ Толныга), съ двумя батарейными батареями 11 артиллерійской Бригады.

Многіе изъ насъ надѣялись, въ самый день перехода границы Имперіи, встрѣтить множество предметовъ, которые, своими рѣзкими особенностями, пріятно разнообразили-бы нашу трудовую жизнь. Но искавшіе новизны разочаровались. Край, по которому мы идемъ, — какъ бы продолженіе такъ называемаго у насъ „Подолья“, являясь совершеннымъ ему подобіемъ. Тѣ-же красивые мѣстоположенія, тѣ-же плодородныя долины, живописно извивающіеся по цвѣтущимъ полянамъ, покрытымъ чрезвычайно сильною растительностью и отороченнымъ густымъ кустарникомъ или перелѣсками разнообразныхъ лиственныхъ деревьевъ. И тутъ тѣ-же хаты, ярко блестящія своею бѣлизною въ тѣни густыхъ садовъ черешень и сливъ, что и у насъ, на „Подольѣ“; тѣ-же костюмы мужчинъ и женщинъ; тотъ-же языкъ, нравы, обычаи, что и у подольскихъ простолюдиновъ; — то же униатское вѣроисповѣданіе, которому были вынуждены слѣдовать и жители Подолья до незабвеннаго часа соединенія ихъ съ нашею церковью.

Только, такъ сказать, официальными предметами выражается, что проходимаая нами страна — не наша. Такъ, окраска перилъ на мостахъ и оврагахъ, шлагбаумовъ и придорожныхъ столбовъ не та, что у насъ, а черная съ желтымъ; другой всюду гербъ, туземные солдаты не по нашему держатъ ружье, не по нашему съ нимъ обращаются и тому подобное.

Бѣлые мундиры австрійскихъ солдатъ; зеленыя древесныя вѣтви, воткнутыя, обыкновенно, въ дула ихъ ружей и въ киверъ; неуклюжіе холщевые сюртуки и колпаки ихъ рекрутъ, способъ отдачіи воинской чести солдатами и многое другое, вызывало насмѣшки нашихъ балагуровъ.

На границѣ насъ встрѣтили офицеръ и чиновникъ, назначенные со-

проводить насъ въ пути. Жители городовъ, мѣстечекъ, деревень, безъ различія сословій, сбѣгались толпами смотрѣть на насъ. Чѣмъ глубже про-никали мы въ Галицію, тѣмъ радушнѣе встрѣчали пріемъ не только отъ крестьянъ, но и со стороны интеллигенціи. Была ли главною причиною этого гостепрѣимства страсть къ новизнѣ, которой мы въ значительной степени удовлетворяли своимъ появленіемъ, или мѣстные друзья спокойствія и порядка дѣйствительно видѣли въ насъ орудіе къ достиженію того и другаго, столь необходимыхъ ихъ странѣ, измученной многолѣтними сумятицами, — а жаждущіе волненій и смутъ, горячія головы, которыхъ здѣсь немало, боялись насъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, а офицеровъ въ Галиціи окружали такимъ вниманіемъ, что это радужное гостепрѣимство становилось иногда въ тягость намъ, изнуреннымъ, бывало, еще не совсѣмъ для насъ привычными большими переходами и съ прибытіемъ на квартиры искавшимъ только покоя. Въ городахъ обыватели, на перерывъ другъ передъ другомъ, запрашивали насъ къ себѣ на квартиру, — явленіе, къ которому насъ отнюдь не приучили походы по отечественнымъ городамъ; у сколько нибудь зажиточнаго хозяина, офицеръ находилъ приготовленную для него лучшую комнату, свѣжую воду, чудесную постель, кофе, закуску и за чаемъ общество порядочныхъ людей, милое и, нерѣдко, весьма образованное.

Главнѣйшія пужды нашего солдата также здѣсь обезпечены. Австрійское правительство отпускаетъ на каждаго солдата по $\frac{1}{2}$ фунту мяса три раза въ недѣлю, а во время форсированныхъ маршей — ежедневно, чарку водки (надо признаться очень плохой, картофельной, перегнанной съ анисомъ), — три фунта хлѣба, извѣстную часть соли и крупъ. Обыкновенно наши артельщики, уѣхавъ ночью за станцію впередъ, успѣваютъ къ нашему приходу на ночлегъ, сварить изъ этихъ матеріаловъ весьма вкусную кашу, которую сами нѣмцы, впрочемъ, можетъ быть только изъ вѣжливости, похваливаютъ, когда мы ихъ, бывало, уговоримъ, по нашему примѣру, хлебнуть нѣсколько ложекъ изъ солдадекаго котла.

Проходившая нами страна весьма населенна и земля превосходно обработана, чѣмъ, въ сущности, она и отличается отъ сосѣдней подольской земли. На значительномъ пространствѣ не видишь клочка земли, на которомъ не было бы слѣдовъ труда и терпѣнія человѣка; впрочемъ, за умѣренный даже трудъ, здѣсь природа, обыкновенно, и вознаграждаетъ сторицею. Край благословенный, повторяю, подобіе лучшихъ уголковъ нашего Подоля и Украйны, только въ улучшенномъ видѣ.

Въ три перехода мы пришли въ уѣздный городъ *Тарнополь*, — первый заграничный городъ, что большинству изъ насъ довелось посѣтить.

Видъ на Тарнополь, пріютившійся у огромнаго пруда, очень картиненъ. Готическая архитектура его костеловъ и нѣкоторыхъ домовъ, придаетъ ему отличный отъ нашихъ городовъ характеръ.

За нѣсколько верстъ отъ города насъ встрѣтили воинскія власти города

верхомъ. Въ полуверстѣ отъ Тарнополя мы сдѣлали привалъ; большія толпы народа (въ Тарнополь 13000 жителей) окружили насъ и смотрѣли какъ на чудо:—мы были *первыми* изъ русской арміи, проходившими здѣсь.

Провожаемые толпами любопытныхъ, посреди рядовъ народа, стоявшаго шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги, вплоть до города, мы прошли церемониальнымъ маршемъ мимо своего Начальника Дивизіи и, лучшими улицами города, потянулись дальше, на почлегъ. Когда мы проходили мимо Австрійскихъ войскъ, выстроенныхъ фронтомъ, въ одну шеренгу, для нашей встрѣчи, они намъ кричали „vivat!“, что очень удивляло нашихъ солдатъ, отвѣчавшихъ имъ своими, не лишними юмора, шутками.

Сколько я успѣлъ замѣтить, Тарнополь (*), красотою, чистотою, порядкомъ, не похожъ на наши русскіе города; впрочемъ, говорятъ, онъ и въ Австріи—одинъ изъ лучшихъ городовъ своего разряда. Городъ основанъ въ XVI столѣтіи Иваномъ Тарновскимъ, Краковскимъ Кастеляномъ и названъ во имя его: Tarno-Polia.

Замѣчательный въ торговомъ отношеніи, этотъ, издавна богатый, городъ, прилегая къ владѣніямъ народовъ враждебныхъ Польшѣ (подъ властью которой онъ долго находился), весьма часто испытывалъ тяжесть ихъ оружія. Нерѣдко Казаки или Татары господами гуляли по стогнамъ Тарнополя, но нерѣдко и эти хищники уносились вихремъ, разбитые, отъ его стѣнъ.

Верстахъ въ 25-ти отъ Тарнополя лежитъ знаменитый въ нашихъ лѣтописяхъ *Теребовль*, нынѣ городъ *Трембовля*. Говорятъ, вблизи его и доселѣ существуютъ развалины древняго замка.

Въ Тарнополь всѣ свободные отъ службы наши офицеры собрались въ лучшую гостиницу, гдѣ встрѣтили офицеровъ и начальниковъ мѣстнаго австрійскаго гарнизона. Разумѣется сейчасъ же познакомились. Австрійцы стали угощать насъ краснымъ виномъ и провозгласили при этомъ тостъ за здоровье нашего Государя, при чемъ всѣ вмѣстѣ крикнули „ура“, такъ что окна задрожали, а мы тотчасъ потребовали шампанскаго и еще громче грянули тостъ за здоровье Австрійскаго Императора. Такъ произошло наше первое сближеніе съ нашими союзниками.

Въ Тарнополь мы вышли на шоссе. Подобные искусственные пути прорѣзываютъ Австрію во всевозможныхъ направленіяхъ и хотя эти шоссе далеко не такъ щегольски устроены и содержаны, какъ, напримѣръ, наше Московско-Петербургское, но все таки они чрезвычайно облегчаютъ сообщенія.

Слѣдуя на Лембергъ, мы ночевали въ М. Езерно, въ которомъ нѣкогда былъ оборонительный замокъ, и пройдя нѣсколько хорошенькихъ деревень, вступили въ уѣздный городъ Злочевъ, весьма живописный и чистенькій. Не доходя города, на право отъ дороги, посреди осунувшихся

(*) Родина извѣстнаго Заруцкаго, столь памятнаго въ нашей исторіи крамолами, которыми онъ преступно увеличивалъ несчастія, тяготѣвшія надъ нашимъ отечествомъ въ 1612 году.

землиныхъ укрѣпленій, возвышается древній замокъ Яна Собіесскаго, построенный имъ посредствомъ плѣнныхъ турокъ и татаръ. Нѣкогда, этотъ прекрасно укрѣпленный замокъ, видѣлъ много битвъ подъ своимъ стѣнами и выдержалъ не одну осаду. Самыми памятными годами въ исторической жизни Злочева можно назвать 1649 годъ по осадѣ его татарами, — 1674 — разбитіемъ татаръ у его стѣнъ и, наконецъ, 1690 — погромомъ его тѣми-же татарами.

Въ Злочевѣ насъ встрѣтили весьма гостепріимно: его любезные жители наперерывъ старались предупредить малѣйшее наше желаніе. На чужой сторонѣ такъ пріятно подобное вниманіе; такъ пріятно хоть на нѣсколько часовъ промѣнять бивакъ на уютную гостиную, — сырую землю на мягкій диванъ и грубый говоръ своихъ товарищей — солдатъ на оживленную бесѣду изысканнаго общества.

Слѣдующій ночлегъ мы имѣли у почтеннаго ксенза деревни Виники и подивились какъ славно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нами, духовныя лица.

Въ домѣ нашего хозяина соединялось все чего только можно желать въ деревенскомъ жилищѣ: чудесный садъ наполненный цвѣтами и фруктовыми деревьями; — комфортабельно устроенное помѣщеніе съ гостиной — въ оранжереѣ; — большая библіотека; картины недюжинныхъ мастеровъ по стѣнамъ. Мать и сестры ксенза служили прекраснымъ дополненіемъ домашней жизни нашего хозяина, по видимому, полной довольства и спокойствія.

Но какъ ни пріятна была бесѣда въ благоуханной оранжереѣ, все же мы должны были промѣнять ее на походнаго коня и въ этотъ день прошли мимо, такъ называемой здѣсь „*Печенѣжской могилы*“, насыпанной, какъ говорятъ на мѣстѣ битвы Печенѣговъ вѣроятно съ нашими предками. Наконецъ пройдя еще довольно большее пространство по картинной мѣстности, мы взобрались на возвышеніе, съ котораго въ долину обставленную живописными холмами, увидѣли Лембергъ, во всей его красотѣ. Сколько воспомнаній связано у русскаго человека съ этимъ городомъ! Многое прійдетъ въ голову при видѣ этого древняго нашего Львова, снова узрѣвшаго русскія войска, ставшія бивакомъ по окрестнымъ высотамъ, пришедшія изъ далекой отчизны не воротить его себѣ, а спасать отъ бурь мятежа и такъ сказать, закрѣпить за новыми его властителями.....

Толпы народа окружали насъ все время, что мы дѣлали привалъ. ожидая приказанія вступить въ городъ. Насъ разсматривали какъ диковинку, удивлялись нашей одеждѣ, — молодечеству нашихъ солдатъ, — осматривали ихъ вооруженіе, — артиллерійскія орудія, — любовались нашими лошадьми. Наконецъ послѣдовало приказаніе и мы двинулись церемоніальнымъ маршемъ по среди народа стоявшаго шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги и занявшаго крыши домовъ, окна, крыльцы, заборы.

На одномъ перекресткѣ наши знамена были привѣтствованы музыкою коннаго полка, такъ называемыхъ „*шволежеровъ*“, а на другомъ — насъ

ожидалъ, окруженный многочисленною свитою генераль Гаммерштейнъ, военный и гражданскій начальникъ Галиціи, человекъ извѣстный своею рѣшительностью и благоразуміемъ, а также нашъ корпусный командиръ, генераль отъ инфантеріи Чеодаевъ, со своимъ штабомъ.

Въ этотъ день мы уже сдѣлали около 30 верстъ, — встали въ полночь, — прійдя къ городу долго ждали приказанія вступить въ него, казалось — все это въ совокупности должно было очень утомить солдатъ; но не тутъ-то было! Когда настала минута, то каждый, что называется, подтянулся, чтобы передъ чужеземцами не ударить лицомъ въ грязь и такимъ образомъ полки прошли мимо начальства такими молодцами что удивили зрителей, особенно когда загремѣла и залилась, въ каждой миновавшей начальство ротѣ, удаляя солдатская пѣсня!

Людей разставили по обывателямъ; городъ приготовилъ имъ пищу. Всѣ были довольны этой стоянкой: солдаты любезностью и радушіемъ обывателей, — обыватели порядочнымъ поведеніемъ солдатъ. За всю стоянку въ Лембергѣ не возникло со стороны жителей ни одной жалобы на солдатъ, не смотря на то, что въ городѣ, кромѣ частей состоявшихъ при корпусномъ штабѣ, помѣстился весь нашъ отрядъ. Что касается до офицеровъ, то имъ отвели квартиры въ лучшихъ домахъ, гдѣ хозяева приняли ихъ въ свои семейства, предложивъ имъ отдѣльныя комнаты, прекрасный столъ, готовый экипажъ для осмотра города, словомъ — гостепріимство вполне славянское.

Но прежде чѣмъ рассказать, что въ Лембергѣ преимущественно обратило на себя наше вниманіе, не умѣстно-ли воскресить нѣкоторыя черты его прошлаго?

Въ каждой географіи можно прочесть что славянскій Львовъ, (по нѣмецки Лембергъ, по французски — Леополь) основанъ въ то давно минувшее время, когда настоящая Галиція, подъ именемъ Червоной Руси, и въ послѣдствіи Галицкаго королевства, была достояніемъ русскихъ князей.

Основателемъ Львова, впервые упоминаемаго въ лѣтописяхъ въ 1259 году, называютъ Льва Даниловича Галицкаго, отъ котораго городъ и получилъ свое названіе.

Разсказываютъ, что Левъ Галицкій, первоначально построилъ небольшой каменный замокъ на верху крутой горы, господствующей надъ окрестностью, а въ 1268 году, переселился на житье въ этотъ замокъ. Послѣ этого, у подошвы увѣнчанной замкомъ горы началъ разрастаться городъ, сдѣлавшійся столицей Галицкаго королевства. Гора эта, съ едва замѣтными на ней остатками древняго замка, существуетъ и понынѣ, скрывъ свой первобытный видъ подъ кудрявой зеленью парка, разбитаго по ея скатамъ. Напротивъ этой горы возвышается другая, называемая горою Вроновскаго, на которой недавно найдены каменные истуканы, какъ полагаютъ находившіеся въ капищѣ, вѣроятно существовавшемъ на этой горѣ во времена язычества.

Древнее достояніе русскихъ, Львовъ, впервые былъ у нихъ отнятъ

Польскимъ Королемъ Казиміромъ (1340), которому городъ сдался на капитуляцію, съ условіемъ, что православная вѣра его жителей останется неприкосновенною. При этомъ занятіи Львова Казиміръ воспользовался значительными богатствами русскихъ князей хранившимися въ замкѣ. Изъ этихъ сокровищъ, по преданію, драгоцѣннѣйшимъ былъ ицикъ, весь золотой, отфланный драгоцѣнными камнями, заключавшій въ себѣ часть животворящаго Креста Господня. Говорятъ эта святыня доселѣ хранится въ Краковскомъ кафедральномъ соборѣ. Зѣмъ Львовъ на время былъ освобожденъ отъ польскаго владычества княземъ Даниломъ Острожскимъ и Дашкомъ Перемишльскимъ (1344), но вновь захваченъ Поляками и послѣ того, какъ Галицкая земля подпавъ власти Венгровъ, была возвращена оружіемъ королевы Ядвиги (1390). Галиція со Львовомъ оставалась за Польшей, до раздѣла ея въ 1772 году. Поэтому раздѣлу часть Галиціи, со Львовомъ, досталась Австріи, а другая часть Галиціи, а именно Тарнопольская область, состоявшая изъ земель по рѣкамъ Стры и Днѣстру, образовавшихъ сбводы Тарнопольскій и Чартьовскій съ населеніемъ въ 400000 душъ, отдана была Россіи, за которою и оставалась по 1815 годъ.

Во времена польскаго владычества Лембергъ пережилъ не одну тяжелую минуту. Мы знаемъ, что если не самый городъ, то его обширныя предмѣстья не рѣдко были опустошаемы врагами, послѣ кровавыхъ приступовъ. Такъ казаки съ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1648 году, подступивъ къ городу, взяли съ него богатый окупъ состоявшій изъ всѣхъ драгоцѣнностей его жителей; за тѣмъ его не разъ громили турки, татары, молдоване,—знаменитый же Карлъ XII (въ 1704 году) былъ первымъ непріателемъ вступившимъ побѣдоносно въ Галицкія ворота Львова, надъ которыми до того времени хвастливо красовалась надпись: „*intacta virgo*“, (т. е. *еще дѣва!*) Это славное вступленіе ознаменовано такими подвигами личной воинской доблести Сѣвернаго Палладина, что каждый солдатъ долженъ воскресить ихъ въ своей памяти при воспоминаніи о Лембергѣ.

Вотъ въ чемъ заключались они. Двадцатидвухлѣтній герой устремился на Польшу, что бы посадить на ея престолъ Станислава Лѣщинскаго. Польскій король Августъ бѣжалъ въ Варшаву; русскіе отступили отъ Ярослава-Галицкаго въ отечество: ихъ мѣсто заняли шведскія войска пославшія Львову приказъ доставить имъ продовольственные припасы. Жители Львова, сторонники Августа, надѣясь на помощь союзниковъ и собственную силу, не отвѣчали на это требованіе и рѣшились защищаться отъ Шведовъ. Вслѣдствіе этого Карлъ не замедлилъ подступить къ городу, но былъ встрѣченъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ жителей, занявшихъ весьма выгодную позицію передъ городомъ. Закричалъ „сѣверный левъ!“ немедленно созвалъ военный совѣтъ и не смотря на возраженіе всѣхъ членовъ его, приказалъ, не ожидая прибытія своихъ главныхъ силъ и артиллеріи, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, штурмовать городъ.

Приказаніе было исполнено. Въ 5 часовъ утра начался штурмъ, при-

чемъ Карлъ употребилъ военную хитрость. Ночью онъ скрытно подвелъ свою спѣшенную кавалерію подъ ограду Кармелитскаго монастыря и самъ бросивъ первую ручную гранату за эту ограду приказалъ топорами проложить черезъ нее дорогу. Въ нѣсколько минутъ монастырь былъ взятъ Шведами. Отсюда то и былъ поведенъ дальнѣйшій приступъ къ городу. Карлъ послалъ часть отряда овладѣть башней и пороховымъ погребомъ, лежавшими напротивъ монастыря, а другую часть отряда поставилъ на возвышеніи, приказавъ, безпрестанно бросать въ городъ ручныя гранаты. Гарнизонъ Львова защищался отчаянно. Ружейный и пушечный огонь не прерывался, во всѣхъ пунктахъ Шведы встрѣтили рѣшительный отпоръ и вынуждены были податься назадъ; но тутъ ихъ полковники: Красовъ, Бухвальдъ и Дю-Керъ бросились въ самый пылъ битвы, остановили отступающихъ и полезли по плечамъ солдатъ на эскарпъ. Первымъ ворвался на валъ полковникъ Бухвальдъ гдѣ и удержался. Лѣвымъ крыломъ штурмующихъ командовалъ полковникъ Дю-Керъ, а въ первыхъ рядахъ его сражающихся солдатъ былъ Король! Увидя Карла, Дю-Керъ началъ умолять его пощадить свою жизнь и бесполезно не бросаться въ опасность, утверждая, что это не его, не королевское дѣло и что обязанность овладѣть чѣмъ указано, лежитъ на немъ, Дю-Керъ, какъ на рядовомъ начальникѣ.... „Перестань, закричалъ на него Карлъ, хочу быть съ моими людьми, когда они идутъ на смерть! Знаю—ты лихой солдатъ, но и я, Король твой, хочу быть такимъ-же!“ и держа въ зубахъ обнаженный палаши Карлъ XII полезъ на крѣпостную стѣну, становясь на плечи солдатъ и ими поддерживаемый. Взорвавшись на верхъ, Король съ ожесточеніемъ бросился на осажденныхъ со своими солдатами и тотчасъ сбилъ ихъ съ позиціи. Львовъ былъ взятъ.

Во время пребыванія Карла XII во Львовѣ, Станиславъ Августъ ударилъ на Лещинскаго и выгналъ его изъ Варшавы. Лещинскій явился къ Карлу въ Львовъ и такова странная игра судьбы: въ этомъ городѣ, на *родинѣ* Лещинскаго, Шведскій Король, короновалъ его Королемъ Польши и Галиціи.

Однако Львовъ отказался присягнуть на вѣрноподданство, своему бывшему гражданину, подъ тѣмъ предлогомъ, что присягнуть Августу, городъ не хочетъ сдѣлаться клятвопреступникомъ, присягая другому. Лещинскій былъ такъ великодушенъ, что убѣдилъ Карла въ справедливости доводовъ города и шведскія войска выступили изъ Львова съ цѣлью выгнать Августа изъ Варшавы, послѣдствіемъ чего было утвержденіе на нѣкоторое время польской короны на главѣ Лещинскаго, Альтранштатскимъ договоромъ.

Вообще многія событія прошлой жизни Львова такъ замѣчательны, что и до сего времени остались въ преданіяхъ жителей, переживъ поколѣнія и вѣка. Во многихъ изъ этихъ событій играютъ роль наши князья и бояре; это естественно увеличиваетъ для насъ интересъ таковыхъ событій. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ любопытныхъ разсказовъ Лембергской старины.

Елисавета, дочь князя Ильи Острожскаго, по смерти отца осталась единственною его наследницею и вступила подъ опекою матери своей Беаты, во владѣніе огромными имѣніями на Волынѣ и Подолѣ. Женихамъ богатой и прекрасной княжны не было счету, но сердце ея не лежало ни къ кому изъ нихъ. Первымъ и самымъ рѣшительнымъ претендентомъ на руку Елисаветы явился ея сосѣдь по имѣніямъ, князь Дмитрій Сангушко, который получивъ формальный отказъ на сдѣланное имъ предложеніе; рѣшился силою меча добыть плѣнившее его существо. Въ слѣдствіе такого рѣшенія, Сангушко пошелъ войною на Острогъ, взялъ приступомъ его замокъ, въ которомъ жила княжна Елисавета, овладѣлъ ею и увезъ ее въ Богемію. Но похитителю было суждено не долго почивать на розахъ. Покровитель Острожской княжны, калишскій кастелянъ Мартинъ Зборовскій, отыскавъ Сангушку, убилъ его на поединкѣ и возвратилъ княжну Елисавету ея матери. Боясь новыхъ своеволій, Беата, съ несчастной дочерью, явилась къ королевѣ Бонѣ и осталась жить при дворѣ ея. Но искательства вельможъ не прекращались. Однако Елисавета полюбивъ въ это время Слуцкаго князя Симеона, съ согласія матери обѣщала ему свою руку, что впрочемъ не положило предѣла ея страданіямъ. Надо замѣтить, что польскіе магнаты, стремились всевозможными средствами къ увеличенію своихъ богатствъ и значенія, пользовались обыкновенно всякимъ случаемъ расширить и утверждать свою власть въ западно русскихъ земляхъ. Естественно по этому было ихъ желаніе не выпустить изъ своихъ рукъ огромныхъ имѣній Острожской княжны. Въ этихъ видахъ, одинъ изъ польскихъ магнатовъ, Лука Гурко, сталъ просить руки княжны Елисаветы, но получилъ отказъ, какъ отъ матери княжны, такъ и отъ нее самой. Тогда Гурко, не оставляя своего намѣренія, черезъ посредство дружившихъ ему нѣкоторыхъ магнатовъ, обратился съ просьбою къ королю и тотъ повелѣлъ выдать княжну Елисавету за мужъ за Гурко. Однако Княгиня Беата воспротивилась этому варварскому рѣшенію,—не выдала дочери и укрывалась съ нею опять таки при дворѣ королевы Боны, у которой и оставалась все время, пока эта замѣчательная женщина не уѣхала изъ Польши, на свою родину—въ Италію. По отъѣздѣ королевы Боны, Беата съ дочерью и со своей дружиной принуждена была искать убѣжища въ Львовскомъ монастырѣ Доминикановъ. Этимъ обстоятельствомъ Гурко не замедлилъ воспользоваться, вновь обратился съ просьбою къ королю и тотъ повелѣлъ Львовскому старостѣ выдать княжну Елисавету—просителю. По счастію княгиня Беата была, какъ видно, не изъ слабыхъ натуръ и потому, когда пришли, по королевскому повелѣнію, взять ея дочь, она оружіемъ прогнала дерзкихъ. Монастырь осадилъ; городъ заперли. Но любовь жениха княжны Елисаветы, князя Слуцкаго, преодолѣла всѣ преграды: въ одеждѣ нищаго онъ пробрался въ монастырь и обвѣнчался съ княжной Елисаветой. Однако счастье новобрачныхъ было непродолжительно. Осада монастыря со дня на день становилась тягостнѣе для осажденныхъ, почти совершенно

лишенныхъ продовольствіи; наконецъ осаждающіе испортили трубы, которыми была проведена вода въ монастырь и тѣмъ принудили княгиню Беату къ сдачѣ, съ условіемъ, что княгиня Слуцкая не будетъ выдана Гурко, впродъ до новаго королевскаго повелѣнія. Княгиню Елисавету заперли въ большой замокъ какъ арестантку и ждали королевскаго суда противъ ослушницы, результатомъ котораго, не смотря на неоднократныя письма самой Елисаветы и Львовскаго старосты, было повелѣніе отдать Елисавету—Гурко, что и было приведено въ исполненіе силою. Неизвѣстно какая судьба постигла ея мужа—князя Слуцкаго, но Гуркѣ не было суждено насладиться плодами своихъ усилій: княгиня Елисавета рѣшительно его отвергла и терзаемая горемъ, въ насильственной разлукѣ съ любимымъ ею мужемъ, вскорѣ умерла бездѣтною.

Огромныя богатства княгини Елисаветы достались по праву наслѣдованія, князю Константину Острожскому. (1559 г.).

Но возвратимся къ настоящему, преисполненному такого живаго интереса, такой занимательности, что передъ нами блѣднѣютъ событія минувшихъ вѣковъ! Бросимъ взглядъ на лучшую часть Лемберга: разбитыя бомбами, нѣкогда стройныя башни ратуши, академіи, —театръ и нѣсколько другихъ большихъ зданій города стоятъ печальными свидѣтелями событій предшествовавшихъ нашему вступленію въ Галицію. Событія эти, какъ утверждаютъ, были результатомъ злой воли горсти людей, искавшихъ, подъ видомъ стремленія къ общему благу, —средствъ поставить свои идеи законами человѣчеству, съ тѣмъ чтобы, въ концѣ концовъ, можетъ быть привести его, путемъ смутъ, раздоровъ и безпорядка, къ великимъ бѣдствіямъ, вмѣсто общаемаго ими золотого вѣка.

Всѣмъ извѣстны ковы, какіе начали строить польскіе магнаты и вообще галиційскіе помѣщики противъ австрійскаго правительства, въ 1846 году. Всѣмъ извѣстно, какъ эти господа были поражены собственнымъ своимъ оружіемъ—крестьянами, которыхъ они хотѣли возстановить противъ правительства, но которыхъ правительство съ умѣло возстановить противъ нихъ самихъ. Впрочемъ, знаменитая галиційская рѣзня уничтожила не всѣхъ еще *пановъ*, —зло не съ корнемъ было вырвано! Февральская революція закипѣвшая въ 1848 во Франціи, разлилась по западной Европѣ и проникла въ австрійскую имперію, —въ самую Вѣну и разумѣется —въ Галицію. Слабый и бездарный австрійскій императоръ Фердинандъ I, вынужденъ былъ пойти на всевозможныя уступки революціоннымъ партіямъ, а въ томъ числѣ и на разрѣшеніе формировать во всемъ государствѣ *національную гвардію*. На этомъ основаніи таковая же была сформирована и въ Галиціи. По несчастію, ряды этой гвардіи вмѣсто того, чтобы состояться изъ почтенныхъ городскихъ обывателей, заинтересованныхъ въ поддержаніи порядка и законности въ своемъ обществѣ, составились, преимущественно изъ пролетаріевъ. —недоучившихся юношей —школьниковъ всегда готовыхъ бѣжать отъ докучныхъ лекцій, —наконецъ

изъ людей, что называется отиѣтыхъ, которымъ нечего было терять въ жизни. Новый мундиръ національной гвардіи, казалось, на аршинъ заставлялъ выростать каждого, кто только надѣвалъ его! Вскорѣ послѣ сформирования этой гвардіи, ни офицерамъ регулярныхъ войскъ, ни императорскимъ чиновникамъ не стало житья въ Галиціи, особенно въ Львовѣ: всюду ихъ встрѣчали грубости, дерзости, даже толчки. Между солдатами регулярныхъ войскъ и національными гвардейцами часто стали повторяться драки. Такъ въ одну ночь нашли двухъ императорскихъ гренадеръ—убитыми. Изъ этого возникла открытая вражда между регулярнымъ войскомъ и національной гвардіей. Между тѣмъ, пока разгоралась вражда въ этой сферѣ, свобода печати, дарованная императоромъ одновременно съ другими льготами народамъ—дѣлала свое дѣло въ массѣ народа: либеральныя а чаще, радикальныя идеи стали проповѣдываться открыто, стихами, публичными рѣчами, брошюрами, карриатурами, сатирами, театральными пьесами, эпиграммами и наконецъ—прокламаціями. Пришлецы изъ странъ взволнованнаго запада,—искатели приключеній, эмиссары различныхъ революціонныхъ обществъ,—наши польскіе эмигранты, ищущіе народныхъ волнений гдѣ бы то ни было, раздували въ народѣ пламя анархіи и наконецъ, пламя это пробилось наружу! Революціонеры собрались въ ратушѣ города Львова и въ театрѣ, а такъ названный „академическій легіонъ“—въ зданіи академіи. Эти сходки потребовали отъ мѣстной власти: немедленнаго выступленія регулярныхъ войскъ изъ города,—передачи управления города въ ихъ руки и тому подобное. Когда же на требованія эти послѣдовалъ отказъ—революціонеры приступили къ постройкѣ въ городѣ—баррикадъ. Генералъ Гаммерштейнъ начальствовавшій надъ всеми австрійскими властями въ Галиціи, тотчасъ потребовалъ отъ возмутителей: разбора баррикадъ,—очищенія занятыхъ построекъ зданій,—роспуска, собравшейся вооруженной толпы. Но революціонеры предложеній имъ сдѣланныхъ не принимали,—угрозъ не слушали и начали стрѣлять въ войска. Тогда генералъ Гаммерштейнъ занялъ артиллеріей возвышенность господствующую надъ городомъ со стороны „замковой“ горы и другую у епископскаго замка и открылъ огонь по городу—холостыми зарядами, чтобы устроить непокорныхъ, еще щадя ихъ и вновь послалъ имъ послѣдній разъ предложеніе, принять немедленно его условія. Революціонеры отвѣчали насмѣшками. Тогда начата была дѣйствительная бомбардировка города, при чемъ обстрѣливали только городскую ратушу, зданія театра и академіи, щадя соседніе обывательскіе дома. Вскорѣ обстрѣливаемые зданія загорѣлись—и австрійскіе гренадеры штыками разогнали инсургентовъ, перебивъ и переранивъ многихъ изъ нихъ и арестовавъ еще большее число, а именно всѣхъ неуспѣвшихъ бѣжать за-границу. Въ Лембергѣ объявлено военное положеніе. Спокойствіе было возобновлено, но наука и искусство понесли большія потери: прекрасныя зданія разрушены, замѣчательная бібліотека и музеи номѣщавшіеся въ зданіяхъ академіи почти уничтожены, а сколько человѣ-

ческихъ жертвъ принесено этому кровавому богу междоусобной брани! Сколько семействъ опротивѣло!....

Во время стоянки въ Лембергѣ мы искали его повсемѣстныхъ направленій и нашли, что если не по обширности, то по изящной наружности своей, по архитектурѣ зданій, весьма разнообразной—то новѣйшей европейской, то средневѣковой, готической,—по величинѣ прекрасно обставленныхъ площадей;—по ширинѣ улицъ и тротуаровъ; по обилію садовъ и вообще по преобладающей въ немъ чистотѣ и порядку, онъ можетъ быть причисленъ къ лучшимъ европейскимъ городамъ и только тяжелое впечатленіе производитъ на наблюдателя, какъ нарочно отведуду видѣющіеся темные, обгорѣлые остовы разбитыхъ бомбардировкою зданій.... Въ Лембергѣ особенно замѣчательны слѣдующія зданія: монастырь Св. Юра (Св. Георгія—грекоуніатскій) раскинутый на высокой, господствующей надъ городомъ горѣ, заключающій въ своихъ стѣнахъ грекоуніатскую семинарію. Латинскій кафедральный соборъ (Кляшторъ доминикановъ), въ которомъ красуется великолѣпный, мраморный мавзолей, работы великаго Торвальдсена, воздвигнутый Аннѣ Дупинъ-Барковской ея сыномъ. Группа этого мавзолея состоитъ изъ генія смерти, съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, ведущаго умершую въ область тѣней, при чемъ ея юный сынъ силится удержатъ ее.

Уніатскій соборъ—древняя православная церковь, во имя Св. Онуфрія, сооруженная еще при князѣ Львѣ Галицкомъ, слѣдовательно современная основанію самого города Львова, изъ которой, какъ говоритъ преданіе, польскій правитель Червоной Руси, князь Владиславъ Опольскій, при королѣ Людовикѣ, въ 1342 году, перенесъ въ Ченстохово чудотворную икону Божіей Матери извѣстную по пынѣ подъ именемъ „Ченстоховской“.

Зданіе Осолинскаго, съ картинною галлереей и замѣчательной библіотекой, основаніе которой положилъ императоръ Іосифъ II, подаривъ Львову одну изъ Вѣнскихъ публичныхъ библіотекъ, замѣтивъ при этомъ, что *для вѣнцевъ слишкомъ много и одной библіотеки*, такъ какъ они не любятъ читать!

Кромѣ названныхъ зданій въ Лембергѣ обращаютъ на себя вниманіе: Архіепископскій дворецъ, обширный госпиталь, древняя Армянская церковь и многія другія.

Богатые, торговые магазины Лемберга занимаютъ большую часть нижнихъ этажей домовъ на лучшихъ улицахъ города и главной площади. Товары въ лавкахъ и магазинахъ выставлены съ большимъ вкусомъ. Въ магазинахъ этихъ все можно найти самое роскошное, модное, изящное, но разумѣется, все это предметы намъ не доступные, такъ какъ съ нашимъ сюда приходомъ, цѣны на все значительно подняты торговцами. Мѣстные жители удивлялись, откуда русскіе берутъ столько денегъ, чтобы за все платить въ тридорога,—а мы удивлялись въ свою очередь: какъ у этихъ образованныхъ европейцевъ достаетъ совѣсти, за то, что мы принесли имъ

миръ и твердую надежду на возстановленіе въ странѣ спокойствія и порядка—обратить насъ! Но намъ слѣдовало бы помнить, что здѣсь вся торговля въ рукахъ жидовъ, для которыхъ мы представляемъ собою только счастливую случайность сдѣлать хорошій *гешефтъ*!

Въ лучшемъ ресторанѣ города, мы за дорогую, относительно цѣну, пили весьма не гастрономическій обѣдъ и за двѣ бутылки плохой мадеры заплатили полумперіаль.

Ресторанъ наполняли лембергскіе обыватели и австрійскіе офицеры. Одни изъ посѣтителей играли въ домино, въ карты, на билліардѣ,—другіе, слушая жидовскій очень изрядный оркестръ, попивали прекрасное пиво изъ отменно высокихъ стакановъ и плохое австрійское вино поданное въ маленькихъ бутылочкахъ.

Въ театрѣ, въ которомъ лучшіе актеры Лемберга немилосердно искажали Шиллеровыхъ разбойниковъ, зрители сидѣли въ шляхахъ; но когда мы, вѣрные своимъ обычаямъ, войдя въ партеръ сняли каски, публика хотя видимо удивилась нашему дѣйствію, послѣдовала однако нашему призыву и обнажила головы. Такимъ образомъ лембергскій театръ, по нашей милости, впервые увидѣлъ парики и лысины своихъ посѣтителей!...

Жители всей западной Европы въ настоящее время раздѣлены на партіи; какже было галиційскому обществу не увлечься этой маніей? Хотя большая часть членовъ партіи враждебной правительству настолько уже пострадали, что сдѣлались сдержаниѣе, но партіи все таки не уничтожились; поэтому жители Лемберга встрѣтили насъ различно: одни съ восторженными криками, забрасывая насъ цвѣтами и конфетами;—другіе какъ бы игнорируя наше торжественное вступленіе въ ихъ городъ; наконецъ нѣкоторые облекшись въ глубокій трауръ и принявъ мрачный и угрюмый видъ. Но мы не обращали вниманія на партіи и на ихъ настроенія. Мы пришли не разбирать политическихъ мнѣній населенія страны нами занятой, а выполнить велѣнія своего Государя. Мы совсѣмъ были одинаково ласковы и вѣжливы; всѣмъ, иногда срывая сердце, говорили любезности; во всѣхъ публичныхъ обществахъ, не обращая вниманія состоитъ оно изъ лицъ довольныхъ или недовольныхъ нашимъ сюда вступленіемъ,—или рѣкою шампанское гремя родимое „ура“ за здравіе и долгоденствіе насъ сюда посланнаго и Его юнаго Союзника. Словомъ, обращеніемъ съ туземцами, мы заставили ихъ почти единогласно, хвалить русскихъ офицеровъ, удивляться ихъ тароватости ихъ славянской размашистости. Таковъ былъ отзывъ о насъ всѣхъ здѣшнихъ партій, но насъ ждала, нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашемъ вступленіи въ Галицію партія русиновъ, составляющихъ три части всего населенія Галиціи.

Оторванные отъ лона нашей церкви дѣтелями уніи, порабощенные Польшею, русины цѣлые вѣка страдали подъ гнетомъ магнатовъ и теперь только узрѣли воскресеніе своей народности вслѣдствіе дарованія имъ кон-

ституціи австрійскимъ императоромъ, въ награду за ихъ постоянную вѣрность его Престолу и за ту активную помощь, какую они оказали правительству при подавленіи развивавшейся въ Галиціи анархіи.

Русскій народъ въ Галиціи все время польскаго надъ нимъ владычества хранилъ неприкосновенно свои обычаи,—свой русскій языкъ, конечно нѣсколько въ искаженномъ видѣ (на которомъ теперь пишутся однако стихи, пѣсни, значительныя литературныя произведенія, учебники, даже издается газета „Зоря Галицка“),—норелигія его предковъ искажилась унией. Впрочемъ униатскіе ксензы русиновъ, можетъ быть раздѣляя сочувствіе къ намъ своей паствы, по видимому, искренно намъ преданы. Многіе изъ нихъ приходили по ближе познакомиться съ нами, откровенно намъ высказывая, что они гордятся нами, какъ своими братьями, передъ нѣмцами и поляками и сопровождали насъ привѣтами и благословеніями, когда мы потянулись далѣе—за Лембергъ.....

Однако, куда же мы идемъ?.. спрашивалъ каждый изъ насъ. Показывали маршрутъ до Дукло, на границѣ Венгріи. А тамъ? станемъ ли грознымъ сторожемъ на этомъ рубежѣ или намъ суждено: карой небесной пасть на возмущившихся Мадьяръ,—русскія знамена водрузить тамъ, гдѣ онѣ еще не развѣвались,—освѣтить Карпатскія вершины блескомъ русскихъ штыковъ,—въ долинахъ Тейсы и верхняго Дуная громомъ русскаго оружія провозгласить гибель непокорнымъ и помилованіе заблудшимъ и наконецъ, водворивъ миръ и тишину въ монархіи связанной священнымъ союзомъ съ нами, съ пѣснями новой славы Царю своему торжественно воротиться въ отечество. Насъ волновало нетерпѣніе. Одна мысль о битвѣ уже воодушевляла насъ. Солдаты шли чѣмъ далѣе, тѣмъ свободнѣе, веселѣе, въ надеждѣ скоро, можетъ быть очень скоро, встрѣтиться съ врагомъ.

Восемьнадцать лѣтъ русскіе не оттачивали своего оружія. Новое молодое поколеніе составляетъ большую часть нашихъ боевыхъ рядовъ; но мы дѣти тѣхъ что подъ знаменами Суворовыхъ, Кутузовыхъ побѣждали сильнѣйшихъ вонтелей міра;—мы братья или потомки тѣхъ предъ кѣмъ падали сотни крѣпостей и городовъ и клали оружіе цѣлыя арміи;—таже въ насъ русская кровь,—тотже непреклонный русскій духъ;—

„Мы подъ *тѣми же* орлами,
Тѣ же съ нами знамена!“

16 Іюля. Городъ Дукло, въ Галиціи, близъ Венгерской границы.

Форсированнымъ маршемъ мы пошли изъ Лемберга на Дукло. Переходы были весьма значительны; дневокъ, разумѣется и въ поминѣ не было. Но быстрый маршъ не утомлялъ насъ: намъ благопріятствовала погода, стояли прохладные дни, къ тому-же каждого изъ насъ, отъ солдата до генерала, томило нетерпѣніе, скорѣе вступить на театръ войны, — скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ. Такимъ образомъ пространство какъ бы исчезало передъ нами незамѣтно. Замѣчательно, что солдаты съ удивительнымъ терпѣніемъ переносили труды этого похода, хотя большинство ихъ состояло изъ молодежи, еще не втянувшейся въ трудности службы.

Утомительнымъ походомъ въ мирное время, солдатъ обыкновенно выражаетъ свое горе, неудовольствіе, истому и досаду — бранью. Великъ ли переходъ; — обманываютъ ли солдата встрѣчные прохожіе умышленно ложно или ошибочно обозначая, на его вопросы, число остающихся до ночлега верстъ; разногласятъ ли таковыя показанія нѣсколькихъ прохожихъ между собою; — стерлась ли надпись на поверстномъ столбѣ; — плохъ ли былъ и голоденъ послѣдній ночлегъ; — солдатъ обыкновенно бранится на чемъ свѣтъ стоитъ, но разумѣется, въ полголоса, такъ что только товарищи слышать. Утомленный походомъ, солдатъ бранить и край, по которому проходить и его обитателей, — бранить товарищей, уроженцевъ этого края и смѣется надъ ними; — бранитъ каждого проѣзжающаго — какъ ему удобно ѣхать! каждого проходящаго на легкѣ — какъ ему легко идти! каждого пахаря и селянина работающаго въ полѣ — какъ ему весело дома! каждую пролетную птицу — куда хочетъ полетѣла, когда и гдѣ хочетъ сѣла! каждого коршуна сидящаго съ лакомой добычей на ближнемъ курганѣ — „ишь, подлець, ѣсть — ненаѣтся!“

Но здѣсь, теперь, было дѣло другое, дѣло, что называется, на чистоту — теперь идемъ на войну! и солдатъ стиснувъ зубы, шелъ впередъ весело и бодро; отсталыхъ у насъ почти не было; громкая пѣсня неумолчно оглашала чуждыя поля и только рѣзкія шутки весельчаковъ пробуждали перекатный хохотъ товарищей.....

Станція за станціей, переходъ за переходомъ оставались за нами. Чѣмъ дальше мы углублялись въ Галицію, тѣмъ прекраснѣе намъ представлялось эта страна. Казалось, не было клочка необработанной земли; видимо — довольство разлито во всѣхъ классахъ народа, даже между нисшими слоями евреевъ.

За нами остался *Грудекъ*, когда то, въ цвѣтущія времена свои, взятый на копье Богданомъ Хмѣльницкимъ (1654) и съ тѣхъ поръ сдѣлавшійся такимъ же ничтожнымъ „мѣстечкомъ“, какихъ у насъ множество въ западномъ краѣ. Черезъ *Садовую Вишню*, городъ памятный страшнымъ пораженіемъ татаръ въ 1659 году и *Мосцискъ*, родину извѣстнаго польскаго проповѣдника Мельхіора, мы наконецъ приблизились къ столь слав-

ному въ русской исторіи *Перемышлю* (Шемель), теперь циркуловому, т. е. по нашему—губернскому городу королевства, нѣкогда столицѣ удѣльнаго княжества, игравшей значительную роль, въ свое время.

Мы стали бивакомъ близъ города. Онъ рисовался предъ нами и казалось, манилъ посѣтить его. Да и кто изъ насъ утерпѣлъ бы не побывать въ городѣ, (основанномъ по словамъ польскихъ историковъ королемъ Лешко I), которымъ такъ славно владѣли наши предки, со временъ Владиміра святаго, отвоевавшаго эту страну въ 981 году, отъ Польши.

Раскинутый по берегу р. Сана, при слияніи ея съ р. Варомъ, Перемышль представляетъ двѣ превосходныя картины.

Одна—это самый городъ. Стройныя зданія отбѣенныя развѣсистыми канѣнами и стрѣльчатыми тополями, соборы, церкви и монастыри,—соединившіяся стѣны, съ шестью большими башнями замка, на высокой горѣ, скаты которой покрыты густою зеленью общественнаго сада,—мостъ перекинутый черезъ р. Санъ соединяющій двѣ части города, все это вмѣстѣ составляетъ по истинѣ,—живописное цѣлое.

Другую картину представляетъ видъ на городъ и его окрестности изъ за замка:

Видъ этотъ восхитителенъ. Предъ вами открывается, на много верстъ во кругъ, необозримая мѣстность прорѣзанная голубыми лентами извивающихся и сливающихся рѣкъ; предъ вами, какъ въ напорамъ:—лѣса и холмы, болота и деревни;—шоссе, разбѣгающееся въ различныхъ направленіяхъ по обширнымъ полямъ, мѣстомъ совершенія столькихъ развязокъ самыхъ кровавыхъ драмъ, вѣковѣчными свидѣтелями которыхъ, кое гдѣ торчатъ на горизонтѣ остроконечные курганы, изъ которыхъ, къ югу отъ города, особенно отличается огромностью такъ называемый—„*Снесеніе*“, (вѣроятно отъ слова *сноситъ*—землю для его *насытки*), и наконецъ, у ногъ вашихъ самый городъ, во всемъ своемъ мастиномъ величіи.

Бродя по Перемышлю, мы видѣли нѣсколько зданій замѣчательныхъ размѣрами и красотою архитектуры. Таковы: каедральный латинскій соборъ, искусно росписанный внутри *alfresco*, основанный въ 1375 г. вѣдѣствіе буллы папы Григорія XI.

Описатели Перемышля говорятъ, что въ этомъ храмѣ хранятся два старые стяга, подъ которыми древніе князья Перемышльскіе, Рюрикова рода, боролись со врагами. Разумѣется мы гурьбою бросились въ костель посмотреть на означенную древность, священную для каждаго русскаго, тѣмъ болѣе война: но кого изъ ксензовъ мы ни просили указать намъ древнія русскія хоругви, всѣ отвѣчали, что впервые слышать объ ихъ существованіи. Впрочемъ, другаго отзыва отъ ксензовъ о памятникѣ древности, доказывающемъ былую принадлежность этой страны Россіи и ожидать было трудно. Мы однако не унывали. Отыскавъ, наконецъ, такъ называемаго „за-кристіана“, т. е. ризничаго, мы обратились къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, что и къ ксензамъ и этотъ удивился! Однако попросивъ позволенія

сдѣлать необходимую справку, куда то ушелъ, проходилъ болѣе полчасу и наконецъ явился съ разсказомъ что дѣйствительно здѣсь были русскія знамена, съ древками окованными серебромъ и золотомъ, но когда, при Императорѣ Іосифѣ, изъ монастырей и костеловъ отбирали въ казну все излишнія богатства и украшенія, то взяты были и эти древки, что-же касается до полотна этихъ стиговъ, то оно пришло отъ времени въ такую ветхость, что разваливалось отъ прикосновенія, а такъ какъ на нихъ видѣлись священныя изображенія, то полотна эти—сожгли.

Намъ оставалось только раскланяться!

Дома въ городѣ болѣею частію каменные, старинной архитектуры; улицы чрезвычайно узки и тѣсны, содержатся крайне нечистоплотно, потому что большинство городского населенія—жиды.

Перемышль на нашемъ пути былъ уже четвертымъ городомъ, въ которомъ мы наполняли госпиталь своими людьми. Хотя Лембергскій госпиталь и огромнѣе другихъ, нами встрѣченныхъ, будучи выстроенъ на 1000 человекъ, но Перемышльскій госпиталь мнѣ показался удобнѣе и какъ-то пріятнѣе для больныхъ: здѣсь небольшія, но свѣтлыя, прекрасно вентилированныя, сухія комнаты обращенныя окнами преимущественно въ большой, тѣнистый садъ. Дѣломъ садъ составляетъ незамѣнимое наслажденіе для больного. Видъ цвѣтущей, роскошной природы будто оживляетъ его собственную. Но какъ бы госпиталь ни былъ благоустроенъ, большинству больныхъ было горько въ немъ оставаться. Разумѣется и у насъ есть лѣнтяи и дармоеды, которымъ госпитальная жизнь доставляетъ полное удовольствіе. Такіе люди всегда охотно остаются въ госпиталѣ; но большинство смотритъ на госпиталь какъ на парадное преддверіе могилы или какъ на темницу, въ которую насильно заключаетъ ихъ судьба, отрывая отъ друзей и товарищей. По этому то я видѣлъ непритворныя слезы многихъ старыхъ солдатъ, когда привезъ въ этотъ госпиталь партію больныхъ со всего эшелона.

Прошлое Перемышля намятно нѣсколькими битвами происходившими подъ его стѣнами, да нѣсколькими осадами и погромами города. Изъ битвъ замѣчательна между венгерцами съ одной стороны половцами съ русскими—съ другой, при чемъ венгерцы были разбиты на голову. Изъ осадъ замѣчательны: Болеслава Храбраго (1069) покорившаго Перемышль Польнѣ и Шведская подъ начальствомъ генерала Дугласа (1656), при чемъ мужественный гарнизонъ Перемышля не отворилъ воротъ, не смотря на усилія несравненно многочисленнѣйшаго врага, также какъ и передъ Юріемъ Ракочи (1657) нятъ недѣль его осаждавшимъ. Что же касается до погромовъ, то сильнѣйшій Перемышль понесъ въ 1498 году отъ Стефана Господаря Валахскаго, опустошившаго не только городъ, но и весь край.

Осматривая древній замокъ Перемышля, полуразрушенный вѣнѣ, я замечалъ, что онъ совершенное подобіе тѣхъ замковъ нашихъ древнихъ князей, которые такъ часто встрѣчаются на Волынѣ и на Подолѣ, какъ на-

примѣръ, лучше другихъ сохранившійся въ Луцкѣ. Это *Кремль*. Толстыя и высокія стѣны его, съ прорѣзанными амбразурами и съ бойницами, составляютъ обыкновенно большой четверугольникъ съ болѣе или менѣе высокими башнями по угламъ. Внутри четверугольники, видно, были зданія стоявшія посреди и прислоненныя къ стѣнамъ. Разумѣется, этихъ зданій уже не существуетъ, ихъ разрушили люди или время. Въ стѣнѣ, черезъ которую большими воротами надо входить въ замокъ со стороны города, устроенъ трактиръ съ билліардомъ, а потому, на древней кремлевской стѣнѣ Перемышля, нѣкогда столь грозной его врагамъ, теперь виситъ глупѣйшая вывѣска, приглашающая: „*выпить и закусить*“.

Скаты горы, служащей подножіемъ замку, рвы и валы, которыми онъ былъ окруженъ, обращены въ публичное гульбище,—по нимъ раскинутъ садъ, нынѣ весьма тѣнистый. Аллеи этого сада наполнены студентами двухъ здѣсь помѣщающихся семинарій: униатской и латинской,—бродящими съ тетрадами и книгами въ рукахъ, читая и заучивая уроки,—и щегольски одѣтыми ксензами, по большей части весьма юными. Тутъ на этихъ славныхъ, нѣкогда боевыхъ мѣстахъ, будущіе пастыри душъ, обдумываютъ свои проповѣди или диссертациі, готовятъ лекціи предназначаемыя для прочтенія въ семинаріи и въ *глубокомъ смиреніи* опускаютъ долу очи, когда хорошенькая, элегантная галиціанка касается ихъ иноческой рясы своимъ шелковымъ платьемъ, пробѣгая по узкимъ аллеямъ сада, для утренняго моціона.

Тутъ впервые мы увидѣли на стѣнахъ стараго замка, оставляемыя мѣстной полиціей неприкосновенными, различныя революціонныя надписи и возгласы противъ австрійскаго правительства. Хотя вѣроятно это произведенія школьниконъ, но все таки эти надписи указываютъ на духъ какимъ проникнута здѣшняя молодежь, да и однали молодежь?..... Доказательствомъ, что стѣнная пропаганда не дѣтская шалость собственно—многочисленные побѣги студентовъ латинской семинаріи подъ знамена венгерскихъ мятежниковъ.

Едва мы выступили изъ Перемышля, какъ насъ догналъ курьеръ съ приказаніемъ вмѣсто того, чтобы идти на Дукло, повернуть назадъ и слѣдовать на городъ Самборъ. Такимъ образомъ, мы побывали въ Перемышлѣ будто только для того, что бы посмотреть этотъ замѣчательный древне русскій городъ!

Правду сказать—не понутру намъ было это обратное движеніе.

Русскій солдатъ на войнѣ охотно и весело идетъ впередъ, но возвращаться съ дороги—ему пожъ вострый! Сейчасъ у солдатъ является ропотъ, разумѣется, опять таки не открытый, а что называется у нихъ: „*промежь себя*“: зачемъ насъ напрасно гоняютъ съ мѣста на мѣсто? Отчего не жалѣютъ солдатскихъ ногъ и не могутъ сразу сообразить: куда

необходимо идти и куда ходить неапо! Сейчасъ у салдаъ начали являть-ся вопросы: зачѣмъ повернули насъ въ Самборъ? не обратный ли это по-ходъ въ Россію?.....

Скучно и мрачно было наше дальнѣйшее движеніе по цвѣтущей бо-гатой всякою растительностью округѣ Перемышльской. Не слышно было перекадныхъ солдатскихъ пѣсень,—ни веселыхъ шутокъ,—ни звонкаго смѣ-ха. Все примолкло, все пріуныло. Каждый, казалось, бродилъ мыслью въ будущемъ силась разгадать: что ждетъ насъ?

Впослѣдствіи выяснилось, что это обратное наше движеніе было пло-домъ новыхъ соображеній нашего главнокомандующаго. Осторожный до крайности фельдмаршалъ Паскевичъ, не желая рисковать ни однимъ ле-песткомъ своего лавроваго вѣнца, не хотѣлъ и въ данномъ случаѣ подвер-гнуть наши небольшія воинскія части неблагопріятнымъ случайностямъ, до-пустивъ возможность встрѣчи этихъ частей съ болѣе многочисленнымъ не-пріятелемъ сосредоточившимъ свои силы въ естественной твердынѣ Карпаты. Князь Варшавскій рѣшился дать намъ отдохнуть отъ форсированныхъ мар-шей, надо сказать правду, до сего времени насъ еще вовсе не утомившихъ! Фельдмаршалъ рѣшился остановить насъ здѣсь, въ этомъ роскошнѣйшемъ углу Галиціи, выждать сближеніе къ границамъ нашихъ грозныхъ полковъ, чтобы потомъ двинувъ войска большими массами за Карпаты, разомъ по-давить бунтъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, а мы направились на Самборъ и въ эти нѣсколько дней пути прошли хорошенъкое мѣстечко *Добромила*, гдѣ на насъ смотрѣли какъ на чудо, потому что мы были первыми изъ рус-скихъ здѣсь появившихся. Что до насъ лично, то сильно уставъ съ до-роги, мы даже не осмотрѣли издавна здѣсь существующую извѣстную со-ляную варницу, стоящую надъ глубокимъ источникомъ соленой воды и все что видѣли въ Добромиль, такъ это костель, (основанный въ 1513 году) съ портретомъ его строителя, на стѣнѣ. Въ право отъ Добромиля, между горами (которыхъ довольно рѣзкая возвышенность поднявшись отъ Карпатъ на Сѣверѣ, проходитъ тутъ и затѣмъ поворачивъ къ Львову, Авратынскимъ хребтомъ входитъ въ предѣлы Россіи), на высокой скалѣ, рисуются огромныя развалины древняго замка угасшаго нынѣ дома Гербу-ровъ, нѣкогда владѣвшаго и этимъ городомъ и округою. Этотъ замокъ, придающій нынѣ своими развалинами какую то романтическую прелесть всей окрестности, прославился выдержаніемъ спланныхъ осадъ отъ Шведовъ и Трансильванцевъ.

Въ слѣдованіи до Перемишля намъ предшествовала кавалерія, изъ это-го города она продолжала свое наступленіе по прежнему маршруту, а мы своротили съ дукальскаго тракта. Послѣдней нашей станціей подъ Самбо-ромъ было мѣстечко *Хирово*, сожженное нѣсколько педѣль назадъ, по словамъ жителей *умышленно*, проходившею австрійскою командою.

Вереть 15 не доходя до Самбора, при крутомъ поворотѣ шоссе, мы

увидѣли нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, мѣстечко *Старе—Място*. Говорятъ и пишутъ, что тутъ то и былъ первоначально г. Самборъ, основанный въ древнѣйшія времена однимъ изъ русскихъ князей и что только въ послѣдствіи, какой-то польскій король охотясь въ лѣсныхъ окрестностяхъ древняго Самбора, убилъ оленя на мѣстѣ нынѣшняго Самбора и въ память этого *событія* заложилъ тутъ городъ, давъ ему въ гербъ прострѣленного оленя, гербъ сохранный Самборомъ доселѣ. Въ дѣйствительности Самборъ перенесенъ на его настоящее мѣсто въ 1241 году, послѣ пожара, совершенно уничтожившаго первобытный городъ. Польскіе летописцы большіе выдумщики, пишутъ, что Самборъ, бывшій еще тамъ, гдѣ теперь Старе—Мѣсто, основанъ въ IV вѣкѣ какимъ-то народомъ *Саборами* отъ которыхъ городъ и получилъ будто бы свое названіе. тогда какъ гораздо естественнѣе предположить, что въ названіе города вошли чисто славянскіе слова: *самъ* и *боръ*.

Вереть за пять не доходя города насъ стали встрѣчать толпы Самборцевъ, повидимому торопившихся посмотрѣть своихъ новыхъ гостей. Толпы народа увеличивались съ каждымъ нашимъ шагомъ и вмѣстѣ съ нами подвигались къ городу, даже мѣшая двигаться нашей колоннѣ. Но вотъ открылся городъ. Маіоръ, командиръ стоявшаго въ Самборѣ пѣхотнаго австрійскаго батальона, полка графа Гартмана, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу со своими офицерами.

Церемоніальнымъ маршемъ посреди привѣтствовавшихъ насъ горожанъ мы вступили на городскую площадь, — выстроились, съ музыкой отнесли знамена на квартиру полковаго командира и разошлись по домамъ. Мнѣ досталось прекрасное помѣщеніе у добрыхъ и радушныхъ хозяевъ, состоявшее изъ чистой, изящно мебелированной комнаты, окнами на главную площадь города. Впрочемъ не я одинъ, а все мои товарищи вполне были довольны Самборскими квартирами.

Самборъ не большой но красивый городокъ. Жаль только что Днѣстръ протекаетъ не подъ самымъ городомъ, а верстахъ въ трехъ отъ него; рѣка эта хотя еще очень узка и мелководна здѣсь, но все таки она протекая подъ городомъ украшала бы его и доставляла бы ему многія удобства.

Лежащая подъ моими окнами городская площадь — лучший уголокъ города, квадратная, она обставлена прекрасными каменными двухъ и трехъ этажными домами, чистая, гладко вымощенная. Посреди площади — городская ратуша древней постройки: по легкой и изящной архитектуры; улицы впадающія въ площадь узки, какъ во всехъ старинныхъ западныхъ городахъ, но прямы и чисто содержаны. Одна изъ этихъ улицъ приводитъ насъ къ древнему костелу. Это капитальное зданіе, построенное въ 1370 году Елисаветой де-Снытко, женою Краковскаго воеводы. Внутренняя отделка этого храма отличается изысканной простотой. Нѣсколько большихъ образовъ замѣчательнаго письма; нѣсколько скромно убранныхъ алтарей; нѣсколько мраморныхъ изваяній почерпелыхъ отъ времени; деревянные рѣз-

ные амвоны, исповѣдальники и скамьи,—вотъ все внутреннее украшеніе весьма обширнаго храма. Другой храмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ описаннаго, уніатскій, представляетъ совершенно особый характеръ, какъ наружной архитектурой, такъ внутреннимъ убранствомъ и обстановкой вълѣдствіе смѣшенія обрядовъ восточной церкви съ обрядами западной.

Долженъ замѣтить, что уніатскій храмъ производитъ на меня какое-то тяжелое впечатленіе, котораго не испытываю въ католическомъ костелѣ. Здѣсь видишь самостоятельность; какъ будто осязаешь твердость тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется эта церковь. Въ уніатскомъ храмѣ совсѣмъ другое. Тутъ видна какая-то фальшь, что то дѣланое, натянутое. Такъ, напримѣръ, смотришь на священнодѣйствующаго *попа*, (какъ называютъ его здѣшніе простолюдины), ну такъ и кажется, что облаченіе на немъ, (какая то смѣсь одежды нашего іерея и католическаго ксендза),—не его, а имъ у кого то прихваченное на скорую руку. За тѣмъ, органа нѣтъ здѣсь въ уніатской церкви, но за то католическій пафѣвъ клира, (и не съ клироса, а съ хора) хотя и поющего по славянски, непріятно поражаетъ слухъ.

Кстати упомяну о томъ, скажу—тяжеломъ впечатленіи, какое произвелъ на насъ, въ уніатскомъ храмѣ, видъ австрійскихъ солдатъ, выстроенныхъ въ двѣ шеренги, шпалерами отъ церковныхъ дверей до алтаря, съ ружьями у ноги, въ аммуниціи и *въ киверахъ на голову*, снимаемыхъ только при нѣкоторыхъ моментахъ литургіи. Что за профанція богослуженія! Такое же впечатленіе произвелъ на насъ и проповѣдникъ, хотя и говорившій на мѣстномъ, простонародномъ языкѣ, намъ, знакомымъ съ польскимъ языкомъ и малороссійскимъ нарѣчіемъ,—очень понятномъ, но испестрившимъ свою проповѣдь такими кудреватыми выраженіями, такими цвѣтами ложнаго краснорѣчія, что, конечно, большинство его слушателей—простолюдиновъ ровнехонько ни чего не поняли изъ этой проповѣди.

За городомъ указываютъ остатки окоповъ, по словамъ преданія пѣкогда окружавшихъ замокъ Самборскаго воеводы Мнишка, отца знаменитой жены нашихъ самозванцевъ—Марины. Слѣдовъ самого замка нѣтъ; остались только рвы и валы, образующіе большой четверугольникъ, въ которомъ теперь, (такова превратность судьбы), стоитъ бивакомъ наша батарея, и часовой, бродя по знаменитымъ валамъ, не подпускаетъ любопытныхъ соотечественниковъ Марины приближаться къ орудіямъ, вылитымъ изъ мѣди царства, на мгновеніе ей принадлежавшаго! И на мѣстѣ, гдѣ строились такіе страшные ковы противъ нашего отечества, гдѣ бѣглый русскій дьяконъ заключилъ (25 Мая 1604 года) съ польскимъ магнатомъ условіе—овладѣть престоломъ Россіи и обратить ее въ латинство,—на мѣстѣ, гдѣ въ первые развитъ кровавый стягъ, подъ которымъ пошли на Русь войной легіоны искателей приключеній;—на этомъ, слишкомъ памятномъ Россіи мѣстѣ, теперь, по необыкновенному стеченію обстоятельствъ, беззаботно лежить подъ пушкой русскій солдатъ, отрывисто бесѣдуя съ товарищемъ объ

особенностяхъ новаго для нихъ края, о прошедшихъ и будущихъ походахъ.....

Самборъ, можно сказать, колыбель счастія Дмитрія Самозванца. По словамъ нѣкоторыхъ повѣствователей, здѣсь въ первые признали его Царевичемъ; здѣсь онъ влюбился въ Марину; здѣсь онъ заключилъ извѣстный контрактъ съ ея отцомъ, здѣсь она, еще частнымъ образомъ названа его невѣстою; отсюда Марина поѣхала въ Москву; здѣсь во имя Дмитрія собрались польскіе полки и отсюда они двинулись для водворенія Самозванца на Московскомъ престолѣ. Словомъ, въ чудной судьбѣ Лжедмитрія Самбору было суждено играть блистательную роль.

Но кромѣ этой славы, стяжанной бѣдствіями нашего Отечества, Самборъ извѣстенъ въ исторіи пораженіемъ подъ его стѣнами: шведовъ (1656), трансильванцевъ (1657) и турокъ (1672), наконецъ еще тѣмъ, что жиды, прежде какъ и теперь державшіе въ Польшѣ всю торговлю въ своихъ рукахъ, были лишены до 1732 года права торговать въ Самборѣ!

Мы прожили въ Самборѣ не долго, но весело. Сначала мы было принижили ввиду разнесшагося слуха, будто другіе полки уже въ Венгріи, уже дерутся, уже торжествуютъ. Слухи эти подтверждались нѣмецкими газетами, передававшими за истину цѣлыя реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ, напримѣръ, о разрушеніи г. Кашау генераломъ Зассъ, будто бы въ отмщеніе за упорство жителей, не хотѣвшихъ сдать ему городъ, по первому его требованію. Молва трубила о множествѣ геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ, какъ потомъ оказалось, вовсе небывалыхъ; но вскорѣ мы успокоились, получивъ официальные свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ, еще не переходившихъ Венгерской границы; зависть и досада насъ одолжавшія—исчезли,—воскресла надежда не остаться гарнизономъ въ Галиціи, а, въ свое время, раздѣлить съ товарищами браанный пиръ. У насъ настала новая жизнь. Мы сблизились съ австрійскими офицерами—венгерское и шампанское полилось рѣкой. То мы сходились ужинать и читать газеты въ городское казино,—то находили предлогъ устроить общій завтракъ или обѣдъ,—то собирались пріятельской и шумной гурьбой, къ доброму командиру нашего полка А. П. Колзакову, слушать музыку, которая почти каждый день гремѣла на площади у его оконъ. Словомъ, мы жили весело и я увѣренъ, что Самборцы долго будутъ съ любовью вспоминать насъ за оживленіе ихъ города, за разнообразіе, внесенное нами въ ихъ тихую жизнь. Такъ, напримѣръ, каждый вечеръ импровизировалось большое гулянье на городской площади, гдѣ независимо отъ ежедневно игравшей музыки, каждый вечеръ производилась „заря съ церемоніей“. Очень кстати также нашъ генералъ Колзаковъ получилъ новое назначеніе, что было предлогомъ задать пиръ „на весь міръ“. Дѣйствительно—пировали весь день. Во первыхъ устроили обѣдъ подъ тѣнью вѣковыхъ деревъ сада одного изъ католическихъ монастырей. конечно въ первые, такимъ образомъ, увидавшато въ своихъ мирныхъ стѣнахъ русскій военный

праздникъ. Да и было что посмотрѣть на этомъ оригинальномъ праздникѣ! Все на немъ останавливало взоръ наблюдателя или поражало слухъ его: эти пестрые группы русскихъ офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія съ австрійскими; эти австрійскіе военачальники въ блестящихъ мундирахъ съ почетнѣйшими обитателями города и его гражданскими властями то же въ парадныхъ мундирахъ;—эти католическіе ксендзы и монахи съ униатскими попами и нашими полковыми священниками; эти кучки перемешавшихся русскихъ съ австрійскими солдатами; этотъ громъ русскихъ пѣсенъ со звуками нашей музыки и разноязычнымъ говоромъ толпы. Одушевленный виномъ пародъ веселился и шумѣлъ. Во время нашего обѣда, солдаты тутъ же въ саду плясали въ присядку, — танцовали вальсъ съ австрійцами, для потѣхи нарядившись въ ихъ уродливые кивера, а на австрійцевъ нахлобучивъ свои фуражки. — пили, выставленное и имъ и австрійцамъ, вино, пиво, водку, — шутили другъ надъ другомъ, — вели между собою самые оживленные разговоры, какъ то понимая другъ друга, — тѣшили австрійцевъ своей неизбѣжной „лодкой“, наконецъ увлеклись до того, что одинъ лихой карабинерный унтеръ, съ огромными усами, косая сажень въ плечахъ, схвативъ молоденькаго австрійскаго солдата, вскинулъ его, какъ векидываютъ унтеръ-офицеры ружье на плечо и подойдя съ этимъ импровизированнымъ ружьемъ къ генералу Колзакову, сдѣлалъ *имъ* на караулъ. Наши при этомъ неистово закричали: „ура!“ отъ восторга, тогда какъ офицеры австрійскіе, кажется обидѣлись этой выходкой.....

Обѣдъ кончился, отворили монастырскія ворота и лучшее общество города вмѣстѣ съ толпами народа пришло смотрѣть какъ русскіе веселятся? Хорошенькія галиціянки, пришедшія со своими семействами, смѣшались съ нашимъ обществомъ, лакомились предложеннымъ имъ мороженымъ, конфектами, весело и непринужденно болтали съ нами и по французски и по польски, восхищались русскимъ войскомъ, — безъ всякой церемоніи, при австрійцахъ, отдавали намъ во всемъ преимущество противъ нихъ, — выражали желаніе, что бы мы поближе познакомились съ галиціанами и подольше погостили. Разумѣется, мы отвѣчали всевозможными любезностями и маленькими услугами. Вообще — было весело. Время летѣло быстро; мы жили на распашку, удивляя галиціанъ русской тароватостью, (хотя, правду надо сказать, мы ставили, поддерживая такую жизнь, послѣдній полуимперіаль ребромъ) и наконецъ, для разнообразія придумали тѣшить галиціанъ военными эволюціями. Начались у насъ, чуть ли не всякій день, эффектные ученья, *съ порохомъ*, и на нихъ выходило смотрѣть все населеніе Самбора, какъ на даровое театральное представленіе.

Когда мы исполняли всевозможныя эволюціи на бѣгломъ шагу, то разсыпаясь въ цѣпь, то собираясь въ кучки, то бросаюсь въ бѣшенную атаку штыками, то отбивая рьяный патіекъ воображаемаго непріятеля, и все это при громѣ выстрѣловъ, при грохотѣ барабановъ, — и все это въ тучахъ пороховаго дыма и пыли, — не только мирные жители Самбора, но

даже австрійскіе офицеры удивлялись нашей выучкѣ, порядку и *чистотѣ*, съ которыми унасъ дѣлались всѣ построения, — подвижности, ловкости и вмѣстѣ — твердости нашего фронта. Похваламъ и восторгамъ не было конца. Даже сами австрійскіе офицеры сознавались, что въ ихъ войскѣ нѣтъ подобной военной подготовки.

Наши хорошія отношенія съ Самборцами побудили ихъ дать балъ въ честь нашу. Мы всѣ были приглашены на этотъ пиръ. Балъ вышелъ на славу: онъ отличался многолюдствомъ, — изяществомъ и вмѣстѣ простотою костюмовъ, — множествомъ хорошенькихъ женщинъ, — обильнымъ угощеніемъ и полною непринужденностью, водворившею на этомъ балу неподдѣльное веселье.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней нашего пребыванія въ Самборѣ, мы были свидѣтелями, и нѣкоторымъ образомъ, даже участниками, католическаго, церковнаго, народнаго торжества, извѣстнаго подъ именемъ „*празднованія Божьего тѣла*“, (Боже-цѣло — по польски).

Въ день торжества, на четырехъ углахъ главной городской площади, устроили олтари, украсивъ ихъ цвѣтами, иконами, зеленью, разноцвѣтными тканями, хоругвями, изваяніями святыхъ и картинами духовнаго содержанія. Послѣ литургіи, изъ католическаго собора потянулась процессія. Впереди шли, длинной вереницей дѣти, попарно, подобранныя по ранжиру, — самыя маленькія впереди; за ними потянулись пѣвчіе и другіе служители всѣхъ городскихъ церквей, — далѣе въ блестящихъ одеждахъ всѣ священники города и его окрестностей. Они несли парчевой балдахинъ, украшенный золотыми шнурами, кистями, позументами и страусовыми перьями, — подъ которымъ шель старѣйшій ксендзъ съ св. дарами. Велѣдъ за этимъ священникомъ слѣдовала *наша полковая музыка*; затѣмъ отрядъ австрійскихъ солдатъ и большія толпы народа, разодѣтаго въ самыя пестрые и яркіе костюмы. Во время шествія наша музыка играла непрерывно, согласно даннаго ей приказанія, разныя духовныя пѣсы, преимущественно: „Коль славенъ нашъ Господь!“ Выходило очень оригинально. Конечно, впервые звуки православной молитвы такъ бѣзъсмысленно сливались съ немолкавшимъ пѣніемъ псалмовъ латинскими ксендзами, и гдѣ-же? въ странѣ, столь давно принадлежащей Польшѣ! Но всего было оригинальнѣе, что въ самый торжественный моментъ церемоніи, когда ксендзъ, остановившись передъ олтаремъ вознесъ горѣ дароносицу съ дарами и благословилъ *тѣломъ Господнимъ*, — навѣсивъ при этомъ на колѣни народъ, при чемъ участвующіе въ церемоніи австрійскіе солдаты отдали честь св. дарамъ троекратнымъ ружейнымъ залпомъ, наши музыканты грянули „Боже Царя храни!“ Совершенно неожиданно раздавшіеся звуки этого народнаго нашего гимна, разумѣется, насъ привели въ восторгъ, — не безъ искренняго, можетъ быть, сочувствія были встрѣчены и присутствовавшимъ при церемоніи простымъ народомъ, — но такое ли же они произвели впечатленіе на ксендзовъ и пановъ — крайне сомнительно. Впрочемъ, какъ бы ни было — волей или неволей, а собравшіяся народныя массы, въ торжественнѣйшую минуту одного изъ главнѣйшихъ своихъ празднествъ,

должны были вознести къ престолу Божию молитву за русскаго Царя! Случай этотъ, ни кѣмъ не предвидѣнный, польстилъ нашей народной гордости!

По окончаніи процессіи народъ ликовалъ въ теченіи всего дня. Толпы женщинъ и дѣвушекъ, въ цвѣтахъ и яркихъ уборахъ, ходили нестрыми вереницами по городу, привлекая своими заунывными пѣнями кавалеровъ, угощавшихъ ихъ дешевыми лакомствами. Тутъ-то можно было насмотрѣться на хорошенкиихъ! Въ Самборѣ много красивыхъ женщинъ, но въ деревняхъ ихъ еще больше, а ко дню „Вожьего тѣла“, собрались въ Самборъ жители со всѣхъ окрестностей, будто нарочно устроивъ для насъ выставку красавицъ. И то сказать, если-бы намъ пришлось постоять въ Самборѣ подольше, то немало нашихъ оказалось бы въ вѣчномъ плѣну у Самборянокъ; но бранная труба уже гремѣла вдали; ея чарующіе звуки уже начали долетать до насъ, заглушая сладкія пѣсни галиціанокъ. Получаемыя официальные извѣстія заставляли насъ ждать похода съ минуты на минуту и наконецъ—мы его дождались. Войска стянулись къ границамъ и вдругъ, въ одинъ прекрасный полдень прискакалъ курьеръ съ пакетомъ... Приказаніе: выступить въ день полученія пакета и сдѣлать, порядочный таки, для перваго раза, переходъ! Однако—мы были въ восторгѣ. Какъ ни хороша была наша стоянка въ Самборѣ и для офицеровъ, и для солдатъ; но и тѣ и другіе обрадовались походу. Велики ли наши сборы?!—Въ 3 часа по полудни, мы уже служили папутетвенный молебенъ на Самборской площади. Раздалась обычная команда, походныя пѣсни загремѣли и наша колонна, съ артиллеріей, вытянувшись по шоссе, какъ змѣя, заблестала своею стальною чешуей. Самборцы толпами вышли провожать насъ, папутетвуя тысячами пожеланій и увѣреніями въ живѣйшей, сердечной къ намъ привязанности. Искренни ли были эти увѣренія?—Извѣстно только Богу, но въ настоящую минуту, мы принимали ихъ за чистую монету: намъ хотѣлось вѣрить имъ, и мы имъ вѣрили, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что онѣ льстили нашему самолюбію, такъ какъ мы видѣли, что тѣже Самборцы, въ тоже самое время, совсѣмъ другаго рода чувства высказывали при насъ, въ глаза, австрійскимъ офицерамъ, хотя мы уходимъ отъ нихъ вѣроятно на всегда, а тѣ также вѣроятно надолго съ ними остаются.

Замѣтимъ кстати, что всю нашу стоянку въ Самборѣ мы съ квартировавшими тамъ же австрійскими офицерами, жили очень дружно и не имѣли ни какихъ столкновеній.

Опять мы прошли, черезъ сожженный, и конечно, еще неоперившійся Хировъ: опять перевалили черезъ отрасль карпатскаго хребта, пробирающуюся мимо Львова на Русь; прошли черезъ маленькій городокъ *Лизко* и мѣстечко *Устришки*, вступивъ наконецъ въ г. *Саноу*, одинъ изъ самыхъ плохихъ между обводовыми городами Галиціи. Какъ ближайшій къ

венгерской границѣ г. Санока, въ былыя времена неоднократно дѣлался первою жертвою удалыхъ народовъ закарпатскихъ, когда они являлись въ галицію, неся войну Руси или Польшѣ, либо неменѣе опасную помощь свою той или другой. Вотъ, полагаю, причина печальнаго до сего время ничтожества г. Санока.

Дневки—мы давно забыли. Идемъ да идемъ впередъ, по Суворовски, быстро и весело, по этому мы скорехонько подошли къ г. *Дукло*.

Тутъ пронеслась вѣсть о пріѣздѣ Государя. Всѣ радовались: Отецъ нашъ пріѣхалъ благословить насъ на брань,—пріѣхалъ проститься съ нами,—многимъ въ послѣдній разъ дать взглянуть на Себя!

Говорили: Царь насъ встрѣтитъ въ Дукло. Этотъ слухъ побудилъ всѣхъ, по солдатскому выраженію, *подтянуться*. Солдаты смахнули мѣдь и желѣзо, но о чистотѣ аммуниціи нечего было и думать—теперь было бы ружье на плечѣ, да штыкъ поострѣе... Въ двухъ верстахъ отъ Дукло, у лѣсочка, насъ остановили, осмотрѣли, выровняли и, воображая что Государь изволитъ насъ встрѣтить у заставы, повели въ городъ, чуть не церемоніальнымъ маршемъ!...

Но вотъ и Дукло. Оказалось что насъ встрѣтилъ и пропустилъ мимо себя не Государь, а кавалерійскій генералъ Глазенахъ! (*)

Каково разочарованіе!

Дукло незначительный городокъ. Изъ зданій въ немъ обращаетъ особенное вниманіе большой старинный и уродливый палатко графа Менжинскаго, (тайнаго поборника мятежа) ограбленный еще въ 1846 году, такъ и стоящій доселѣ съ окнами и дверьми большею частію выбитыми, но окруженный тѣнистымъ садомъ и превосходнымъ паркомъ, съ разными затѣями стариннаго богатаго панства. Впрочемъ, нѣсколько помѣстительныхъ каменныхъ зданій, (занятыхъ нашими подъ госпитали), значительныхъ размѣровъ костелъ; немало каменныхъ двухъ и трехъ этажныхъ еврейскихъ домовъ, образующихъ нѣсколько довольно широкихъ улицъ и просторную площадь, посреди которой, по обычаю галиційскихъ городовъ, возвышается ратуша,—придаютъ Дукло очень порядочный видъ. Хотя Дукло, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ венгерской границы и извѣстенъ значительной торговлей преимущественно венгерскими винами, но едвали онъ когда нибудь бывалъ такъ оживленъ, какъ нынѣ.

Близость главной нашей квартиры, положеніе Дукло на пути слѣдованія значительной части нашихъ войскъ на походъ въ Венгрію,—особенно же избраніе этого города главнымъ складочнымъ пунктомъ всевозможныхъ нашихъ запасовъ вѣдомствъ: комиссаріатскаго, артиллерійскаго и интендантскаго, наполнили его военными всѣхъ родовъ оружія, двухъ союзныхъ Имперій. Австрійцы, въ разнообразныхъ мундирахъ, мусульмане,

(*) Тотъ самый генералъ-лейтенантъ Глазенахъ, у котораго фельдмаршалъ Паскевичъ отнялъ дивизію за Дебечинское дѣло—какъ ниже значится.

наши гусары, чиновники, казаки, инженеры, пѣхотинцы, артиллеристы и свитскіе, доктора и священники, — бродили густыми толпами по городу, — наполняли единственные въ городѣ трактиръ и кондитерскую и до нашего еще прихода, успѣли уничтожить все, что въ нихъ было съѣстнаго: по этому мы почли за лучшее поскорѣе убраться на свой бивакъ, верстъ за 5 отъ города и удовольствоваться издѣліями нашей скудной, походной кухни, недостатки которой мы, на этотъ разъ, восполнили бутылкой добраго венгерскаго вина, пріобрѣтеннаго въ Дукло.

И такъ, намъ не удалось видѣть Батюшку-Царя! Но, будто въ утѣшеніе, намъ прислали Его приказъ, отъ 1 Іюня. Мы торжественно прочли этотъ приказъ передъ баталіонами и долго неумолкавшимъ „ура!“ отвѣтили на него солдаты, причемъ шапки полетѣли вверхъ и загремѣла полковая музыка народной русской молитвой — гимномъ за Того, Кто такъ отечески и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ по Царски, сказалъ намъ: „Ребята!“

„Новые труды, новые подвиги вамъ предстоятъ! Мы идемъ помочь Союзнику, усмирить тотъ же мятежъ, который, поправный вами за 18 лѣтъ въ Польшѣ, вспыхнулъ вновь въ Венгріи! Съ помощію Божею, вы явитесь тѣми же православными воинами, какими русскіе всегда и вездѣ были: страшными врагами всего священнаго, великодушными къ мирнымъ жителямъ. Вотъ чего ждетъ отъ Васъ вашъ Государь и наша святая Россія.

Впередъ ребята, за нашимъ Варшавскимъ героемъ — на новую славу! Съ нами Богъ!“

Государь, съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и фельдмаршаломъ Паскевичемъ уже въ м. Змигородѣ, куда пріѣхали изъ Кракова, въ 11 часовъ ночи, 2 Іюня.

Судьба городовъ подобна судьбѣ отдѣльныхъ личностей. Также города, какъ и люди, живутъ, отживаютъ; также и въ жизни городовъ иногда является что либо необыкновенное, неожиданно негадано доставляющее имъ извѣстность. Такъ, ничтожныя до сего времени, городки: Змигородъ и Дукло, на нашихъ такъ сказать глазахъ, составили себѣ извѣстность и пріобрѣли имя въ исторіи: Змигородъ, какъ мѣстопробываніе нашего Государя, гдѣ Онъ, въ послѣдній разъ смотрѣлъ Свои войска, отпуская ихъ на войну; — Дукло, какъ кормилецъ и пленецъ нашей арміи, дѣйствовавшей въ Венгріи. Что касается до Дукло, то городъ этотъ стоитъ своей извѣстности, имѣя важное стратегическое значеніе. Дѣйствительно, Дукло защищенъ со стороны Венгріи горами и тѣсннами Карпатъ, для охраненія которыхъ не требовалось большихъ силъ, а между тѣмъ, по своему центральному положенію, представляетъ всѣ удобства для образованія въ немъ главнаго продовольственнаго пункта арміи.

10 ІЮНЯ. С. ТИЛЯВА.

Венгерская граница.

Пройдя Дукло и переночевавъ у с. *Тренцяны*, (4 Іюня) на бивакѣ, ввиду Карпатъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Галиціи, мы надѣялись въ тотже день встрѣтиться съ непріятелемъ, судя по жишовскимъ разсказамъ о его близости. Но вышло не по нашему. Нашъ отрядъ раздробили: начальникъ нашей дивизіи генералъ Бѣлогужева, съ Охотскимъ егерскимъ полкомъ и его артиллеріею, усиленнымъ двумя батальонами нашего Камчатскаго полка, съ двумя конными орудіями и тремя сотнями Донскихъ казаковъ. 5 Іюня, пошелъ впередъ, въ горы, а мы, въ составѣ двухъ батальоновъ, съ батареей артиллеріи, остались у Тренцяны. Правда, насъ утѣшали надеждой, что будто насъ веротятъ въ Дукло и представятъ Государю; но не тутъ то было: съ разсвѣтомъ мы заняли другую позицію, нѣсколько верстъ впереди, у с. *Тылява*, тогда какъ отрядъ Бѣлогужева прошелъ с. *Барвинокъ*, австрійскую таможену, и занялъ позицію въ ущельѣ, близъ с. *Нижняго Коморника*. Въ пяти—шести верстахъ отъ этого отряда стояли венгерскіе пикеты. Нѣсколько дней тому какъ сс. Коморникъ и Барвинокъ были заняты передовыми постами Дембинскаго, имѣвшего свою главную квартиру въ *Бартфельдѣ*, венгерскомъ городѣ, ближайшемъ къ галиційской границѣ. Однако Дембинскій, извѣстный польскій генералъ, уже мѣрившій съ нами свое оружіе во время польскаго мятежа, счелъ благоразумнѣе ретироваться при нашемъ приближеніи, хотя имѣлъ шансы дать намъ въ занятыхъ имъ природныхъ карпатскихъ твердыняхъ не шуточный отпоръ. Такимъ образомъ, въ день вступленія нашего на позицію у Тылявы, разѣзды нашего отряда, противъ ожиданія, не открыли непріятеля и все было спокойно. Что же до насъ касается, то мы въ день нашего прибытія на тыльскую позицію нескучали, принимая различныя воинскія предосторожности противъ возможнаго набѣга на насъ изъ горъ, и затѣмъ *торопились* хорошенько отдохнуть, послѣ утомительныхъ форсированныхъ маршей. Мы *торопились* отдыхомъ, надѣясь, что или этою же ночью, или утромъ пойдемъ впередъ. Но нашимъ военнымъ соображеніямъ, быстрое и рѣшительное наступленіе наше на непріятеля, засѣвшего въ горахъ, было очевидною необходимостью; но на этотъ вопросъ иначе смотрѣло наше высшее начальство и вотъ мы осуждены стоять неподвижно на этой скучной позиціи, ждать у моря погоды, быть защитниками Дукло и оберегать ведущее къ нему изъ горъ, такъ называемое, „Барвинское дефиле“, которое намъ формально приказано: „умереть, а не уступить врагу“! Но, гдѣ же этотъ врагъ? Пусть бы явился!... горячилась наша молодежь и въ своемъ увлеченіи доходила до желанія, чтобы Венгерцы потѣснили изъ горъ наши передовыя части—авось тогда и насъ пошлютъ впередъ на выручку! Однако, день уходилъ за днемъ, а насъ не посылали впередъ, и мы томились бездѣйствіемъ. Приходилось, отъ нечего дѣлать,

изучать бытъ туземцевъ—Русняковъ, шлаться для этого по ихъ убогимъ хатамъ, велушиваться въ ихъ рассказы; наблюдать ихъ нравы и обычаи.

Впрочемъ, страна нами теперь занимаемая и ея природа, стоятъ ближайшаго наблюденія.

Едва мы отошли нѣсколько верстъ отъ Дукло, предъ нами рѣзче обрисовались дотолѣ только вдали синевшія Карпаты; тутъ же мы вступили въ ихъ предгорія, и все время, нѣсколько подымаясь въ гору, шли по ущелью, въ которомъ лежитъ и настоящая наша позиція. Чѣмъ дальше чѣмъ обширнѣйшіе предъ нами раскрываются горизонты, тѣмъ горы становятся выше. лѣсъ, мѣстами ихъ покрывающій, все гуще и крупнѣе, а жители все бѣднѣе и какъ бы несчастнѣе. По истинѣ, положеніе туземцевъ,—русняковъ по преимуществу, достойно сожалѣнія. Хотя этотъ край и не былъ театромъ войны, хотя онъ и не страдалъ отъ реквизицій, фуражировокъ, (можетъ быть, собственно потому, что нечего было брать у народа!) и отъ передвиженій войскъ, въ такой степени какъ другія мѣстности Венгріи, но здѣшнее населеніе, все таки въ крайне жалкомъ и бѣдномъ положеніи. Причиною, что мѣстные жители владѣютъ слишкомъ незначительными участками земли и то между горами, и по горамъ, слѣдовательно не всегда удобными для хлѣбопашества. Неурожаи здѣсь частые, недороды постоянные: то ранній морозъ осенью уничтожаетъ посѣвы, то поздній—губитъ ихъ весною, то дѣйствуютъ на нихъ разрушительно излившіеся дожди или продолжительные туманы, а у крестьянъ, въ большей части случаевъ, хлѣба нѣтъ

какъ нѣтъ! Могло бы мѣстное населеніе существовать заработками на сторонѣ. Былъ вѣрный заработокъ въ Венгріи—наимались тамъ обрабатывать землю и имѣли таки отъ этого кусокъ хлѣба, но война, въ два послѣдніе года, уничтожила этотъ промыселъ. Другимъ охота доставляла средства существованія—теперь не позволяютъ стрѣлять по случаю военного времени. Иные, что грѣха таить, промышляли контрабандной торговлей табакомъ—теперь самые отчаянные контрабандисты боятся: поймаютъ—пріймутъ за шпиона—и повѣсятъ! Горе, горе мирнымъ жителямъ страны объята войной. Жаль смотрѣть на жителей: неурожаи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ сряду обездолили ихъ совершенно, а война ихъ доконала. Говорятъ, прошедшей зимою многіе едва не умерли съ голоду. Теперь лѣто. Человѣкъ будетъ сытъ хоть ягодами,—какими нибудь кореньями, травой;—теперь съ голоду не умрутъ, правда, но и теперь еще люди ходятъ какъ тѣни, особенно женщины, видно нужда и лишенія высосали изъ нихъ жизненные силы. На хлѣбъ, употребляемый мѣстными жителями въ пищу, страшно поглядѣть. Хлѣбъ изъ муки пополамъ съ какой-то травой,—укого осталось сколько нибудь картофелю—съ картофелемъ, не то, какъ съ отрубями или мякиной. Чтобы имѣть возможность дешево покупать хлѣбъ у нашихъ солдатъ, жители распродали чуть-ли не послѣднее изъ своего хозяйства: укого еще оставалась коровенка, лошадь или праздничная одежда—все перешло въ жидовскія руки, въ обмѣнъ на монету. Кажется жители готовы были

бы продать дома свои, въ большинствѣ случаевъ весьма порядочные, (бревенчатые, какъ русскія избы въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ, не обмазанныя снаружи, подъ одною крышею, обыкновенно заключающіе и жилье, и конюшню съ сараями и амбарами),—кажется продали бы жизнь свою!... Но кому нужны дома этихъ бѣдняковъ, ихъ жалкая жизнь?! Вообще тягостны наблюденія надъ этимъ бѣднымъ народомъ,—не развлеченіе а душевную муку приносятъ онѣ,—нагоняютъ невыносимую тоску! Отъ нечего дѣлать, принялись съ солдатами строить шалаши изъ хворосту; но день, другой и эта работа кончена. Наблюдать явленія природы? только бы этого не доставало: пойти на войну чтобы заниматься метеорологіей! Хотя бы дѣйствительно стоило заняться здѣшной природой, гдѣ въ половинѣ іюня днемъ—жара нестерпимая,—сильная гроза подъ вечеръ, а ночью—морозъ! Вотъ причина отчего унасъ такъ много народу пошло въ госпиталь; какже не желать поскорѣе выбраться изъ этой трущобы. А между тѣмъ новостей никакихъ. Что дѣлаетъ наша армія? Гдѣ она? Куда пошла? Скоро-ли пойдемъ и мы, и пойдѣмъ-ли? Ничего неизвѣстно.....

Нашъ бивакъ, состоявшій изъ отлично устроенныхъ шалашей, раскинулся по обѣ стороны шоссе. Любимымъ мѣстомъ нашей офицерской сходимки, глубокая канава этого шоссе, въ которой мы сидимъ и лежимъ, бесѣдуя или играя въ карты, и наблюдая—не пройдетъ ли какой офицеръ съ приказаніемъ, или посыльный изъ передоваго отряда, чтобы узнать: какія новости? Вдругъ, однажды, показалась небольшая колонна приближавшаяся со стороны Венгріи. Ближе... вглядываемся... ведутъ плѣнныхъ! Плѣнные!... Первые плѣнные въ эту войну, да это восторгъ! Вѣсть о неожиданномъ *событіи* вмигъ облетѣла весь бивакъ и всѣ, кажется допослѣдняго солдата, бросились къ нимъ, чтобы посмотреть, приведенныхъ, какъ сбѣгаются въ деревнѣ дѣти смотрѣть на цыганъ съ медвѣдами. Солдаты—тѣже дѣти—ихъ занимаетъ и развлекаетъ всякая малость, всякій пустякъ.

Плѣнныхъ было восемь человѣкъ пѣшкомъ и двое изрубленныхъ—на повозкѣ. Одѣтыя въ бѣлыя венгерки съ свѣтлозелеными гусарскими шнурами, въ бѣлые, короткіе плащи и обыкновенныя, австрійскаго фасона, фуражки со шнурами и кокардою революціонныхъ цвѣтовъ, плѣнные шли по два въ рядъ, печально поникнувъ головами. Одинъ только изъ нихъ, въ тирольской шляпѣ съ перомъ, далеко будучи старше своихъ товарищей, судя по его лицу, мощнѣе и какъ бы величавѣе ихъ, шелъ смѣло и бодро. По виду этому это былъ изъ начальствующихъ. Партія остановилась. Почти всѣ плѣнные говорили по словацки и могли намъ объяснить что большая часть солдатъ венгерскаго войска дерется по неволѣ и ничего другаго не желаетъ какъ тишины и мира. Вѣроятно эти плѣнные принадлежали къ *ландштурму*.

Надо знать, что кромѣ регулярныхъ венгерскихъ войскъ, объявившихъ себя на сторонѣ революціоннаго правительства *) и значительно пополнен-

*) Изъ Императорской австрійской арміи, расположенной въ различныхъ пунктахъ имперіи, перешло на сторону инсургентовъ 26 баталіоновъ пѣхоты и 59 эскадроновъ гусаръ,

ных новобранцами, у революціоннаго правительства было еще войско, а именно—образованный имъ *Ландштурмъ*, т. е. ополченіе. Это войско если и представляло собою нѣкоторое значеніе, то развѣ только своею численностью. По словамъ самихъ венгерскихъ военачальниковъ, Ландштурмъ былъ грозенъ только вдали отъ непріятеля, но съ его приближеніемъ, Ландштурмъ обыкновенно расходился не сдерживаемый дисциплиной и не имѣя начальниковъ, которые бы могли и умѣли, сильною властью, удержать въ повиновеніи эти безпорочныя толпы. Понимая дѣло лучше другихъ венгерскихъ военачальниковъ, генералъ Гергей, какъ главный начальникъ Ландштурма, въ порученномъ ему округѣ, сдѣлалъ распоряженіе чтобы Ландштурмъ употреблялся въ дѣло не иначе, какъ большими массами и непременно съ артиллеріей. Присутствіе артиллеріи до такой степени ободрило Ландштурмъ, что набиралъ въ него людей, тѣмъ только и можно было уговорить—стать въ его ряды, что при формируемомъ отрядѣ будутъ пушки. Гергей позволялъ употреблять Ландштурмъ только для защиты поселеній, переправъ, ушелій, а также, для сопровожденія транспортовъ; но рѣшительно воспретилъ выводить ландштурмъ въ открытое поле. Гергей такимъ распоряженіемъ справедливо падѣлся отвратить бесполезную потерю людей и думалъ извлечь изъ ландштурма хотя нѣкоторую пользу. Очевидно, что для другаго назначенія, ландштурмъ не пригоденъ: недостаточно или вовсе необученный, онъ, не способенъ не только маневрировать, но даже исполнять простѣйшія военныя эволюціи. При томъ, по словамъ самого Гергея, Ландштурмъ до такой степени боялся непріятельскихъ орудій, что при одномъ только звукѣ пушечномъ выстрѣлѣ, люди составляющіе ландштурмъ, нерѣдко кричали: „измѣна!“ и бросались бѣжать, покидая свое ржавое оружіе: косы, пикъ и едва стрѣляющія охотничьи ружья. Бѣгущій ландштурмъ могла остановить одна только усталость! (*)

Я подошелъ къ лежавшимъ на повозкѣ раненымъ. У одного изъ нихъ было девять ранъ: подбородокъ перерубленъ шашкой,—шея проколота пиккою. Я спросилъ этого раненнаго, по польски, не нужно ли ему чего? Въ отвѣтъ, онъ, на чистомъ польскомъ языкѣ, посоветывалъ мнѣ: „убираться къ черту!“ Это былъ полякъ, не смотря на его озлобленіе, я все таки предложилъ ему крышку холодной воды,—онъ жадно проглотилъ нѣскольکو капель, но не только не поблагодарилъ меня за услугу, но даже не посмотрѣлъ на меня. Другой раненый былъ кротокъ и съ благодарностью принималъ наши услуги.

Конвой перемѣнили. Плѣнные и повозка тронулись въ путь, но онъ

всего 41,799 человекъ и 6198 копей. Венгерцы захватили 2402 артиллерійскія орудія съ припущою, къ которымъ были поставлены артиллеристы Пештскаго гарнизона, студенты различныхъ школъ и волонтеры изъ иностранцевъ.

(*) Извѣстно что въ сраженіи при Швехатѣ, національная венгерская гвардія рѣшительно бѣжала съ поля сраженія, при первыхъ австрійскихъ выстрѣлахъ, побросавъ оружіе, аммуницію и ранцы, чтобы легче было бѣжать. *Косиутъ* пытался было остановить бѣгущихъ, но они, приподнявъ шляпы, кричали: „да здравствуетъ президентъ“ и не останавливаясь—бѣжали дальше...

былъ затрудненъ толпами солдатъ, тѣснившихся, чтобы поглазѣть на плѣнныхъ непріятелей. Можно бы приказать солдатамъ разойтись, идти въ свои мѣста, но не хотѣли этого дѣлать: „пусть ихъ любятъ!“—говорилъ нашъ командиръ. И дѣйствительно, солдаты любовались попой для нихъ картиной, при чемъ многіе впервые видѣли *заправскаго*, какъ они выражались, непріятеля, съ товарищами котораго еще прійдется перевѣдаться въ честномъ бою. И вотъ каждому хотѣлось поближе протискаться къ плѣннымъ, чтобы въ подробности разсмотрѣть ихъ. Остротамъ, замѣчаніямъ не было конца. „Такъ вотъ они, голубчики!“ качали головой одни. „Такъ вотъ съ какими мы пришли сюда драться!“ Говорили бывалые старики. „Видали мы и не эдакихъ!“ Экое диво, подумаешь, замѣчали иные, есть что тутъ смотрѣть: черкесы, вонъ починче будутъ этихъ молокососовъ, да и тѣхъ, бывало на веревочкѣ вѣшивали! Мы вамъ не австрійцы, гордо прибавляла молодежь;—мы васъ научимъ драться!“

И долго еще солдаты смотрѣли вѣдѣ удалявшейся партіи плѣнныхъ и послѣ того, дня два, по крайней мѣрѣ, только и было рѣчи у солдатъ, что объ нихъ: критиковали ихъ одежду, — смѣялись надъ ихъ маленькими фуражками, надъ короткими плащами, — надъ ихъ полусапожками, зашнурованными сбоку.....

Появленіе этихъ плѣнныхъ довело до крайности любопытство не однихъ солдатъ; появленіе ихъ намъ показало, что наша главная колонна уже встрѣтилась съ непріятелемъ и дѣйствуетъ. Но гдѣ же средства узнать: что тамъ дѣлается? По счастію случилось служебное дѣло и меня послали въ Венгрію, давъ мнѣ въ конвой двухъ казаковъ. Можно вообразить, съ какою радостью я встрѣтилъ это приказаніе.

Проѣхавъ версты двѣ отъ Тилявы мы миновали эполементъ, построенный австрійцами для защиты Барвинскаго дефиле, предназначенный обстрѣливать какъ дорогу, выходящую изъ горъ, такъ и всю небольшую долину, на которой лежитъ въ верстѣ съ небольшимъ отъ границы м. Барвинокъ, съ таможей. Крайніе дома мѣстечка со стороны Венгріи, баррикадированы и приведены въ оборонительное положеніе австрійцами; нѣкоторыя окна въ этихъ домахъ заложены на глухо, нѣкоторыя обращены какъ бы въ амбразуры, а въ стѣнахъ продѣланы бойницы для ружейнаго огня. Накопецъ и Барвинокъ, остался за нами, — мы въ Венгрію.

На меня какъ бы повѣяло другимъ воздухомъ здѣсь, гдѣ и природа совсѣмъ другая. Со всякимъ шагомъ моего коня, предо мною горы какъ бы росли все выше и выше; тѣнина, по которой вилось шоссе, (тутъ сдѣлавшееся невыносимо дурнымъ), становилась все уже, а лѣсъ покрывающій горы — все крупнѣе и гуще. Предомною открывались все новыя виды — одинъ живописнѣе другаго. Но вотъ вдали синѣть дымокъ. Всмотримся — казачій постъ, какъ бы нарочно здѣсь поставленный для оживленія грандіозной картины предвѣрія Карпатъ; и дѣйствительно, онъ дополняетъ собою эту картину: этотъ сторожевой донецъ, опершись на длин-

ную пику, держа въ поводу осѣдланнаго коня, внимательно озирающій окрестность. — этихъ нѣсколько человѣкъ, лежащихъ вокругъ костра и эти „казачьи тощія лошади“, что „стоятъ рядкомъ, повѣся носъ“, — развѣ не представляютъ собою поэтическаго цѣлота въ общемъ съ окрестной природой!?

Еще версты двѣ, и по горамъ показалась цѣпь нашихъ аванпостовъ; вотъ главный ихъ караулъ печетъ картофель въ золѣ бивачнаго костра, а вотъ, наконецъ, *с. Нижній Коморникъ* и бивакъ нашего главнаго отряда по обѣимъ сторонамъ села. Опять есть на что засмотрѣться: роты стали бивакомъ по ребрамъ ущелья, тамъ, гдѣ нашли себѣ болѣе удобное мѣсто. Живописный безпорядокъ бивачныхъ нѣлашей, всюду пылающіе костры; группы солдатъ у артельныхъ котловъ; нѣсколько поодаль пестрая ватага казаковъ подъ шатрами изъ бурокъ и плащей, развѣшанныхъ на козла изъ составленныхъ пикъ; табуны осѣдланныхъ и неосѣдланныхъ коней; артиллерійскія орудія, стоящія въ стройномъ и грозномъ порядкѣ на позиціи; кругомъ изъ древесныхъ опушекъ и кустовъ выглядывающіе часовые; группы барабановъ посреди бивака съ положенными на нихъ знаменами и въ довершеніе пестроты развѣшанное на деревьяхъ и кустахъ бѣлье, — все это вмѣстѣ взятое представляло преисполненную жизни и прелести баталическую картину: но я недолго ею любовался: отдѣлавшись отъ разспросовъ товарищей, думавшихъ, что я привезъ имъ новости, и вѣсточки изъ Россіи, къ которой въ послѣднее время я все таки былъ ближе чѣмъ они, — скорѣе самъ пустился искать сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о томъ: что дѣлалось на театрѣ войны, а дѣлалось на этомъ театрѣ вотъ что: впервые русскіе появились въ Венгріи у Градиша, прибывъ по желѣзной дорогѣ, подъ командою генераль-лейтенанта Паниотина, 3 мая, въ числѣ около 11000 пѣхоты съ 48-ю орудіями, лѣвѣе этого отряда вступилъ въ Венгрію другой отрядъ, а именно въ долину р. Арвы, подъ командою генераль-лейт. Засса (кавказскаго), 1 мая, а 4 мая онъ уже побилъ венгерцевъ въ незначительной, впрочемъ, стычкѣ у с. Новой М-м-ши, затѣмъ 27 мая, генераль Зассъ заставъ пнсургентовъ, собиравшихся сжечь мостъ черезъ р. Арву, въ д. Клеженахъ, а потому напалъ на нихъ, и опрокинулъ. Въ свою очередь генераль Граббе 8 іюня произвелъ поискъ изъ Алзо-Кубины на г. Розенбергъ, причемъ наши казаки перешли, подъ огнемъ непріятельскимъ, вбродъ и вилавъ р. Ваагу и прогнали Венгерцевъ изъ г. Розенберга (*).

(*) „Balleddier“ этотъ смѣлый поискъ казаковъ рассказываютъ слѣдующимъ образомъ: узнавъ о приближеніи русскихъ, пнсургенты, занимавшіе г. Розенбергъ, сожгли мостъ на р. Ваагѣ и считая себя безопасными за рѣкою стали дурачить казаковъ, испитавшихъ перевозочныхъ средствъ для переправы на ихъ берегъ. Для этого они посадили на пикъ большого барана и укрѣпили ее на берегу рѣки, помѣстивъ между его рогами, сѣдланную, огромными буквами слѣдующую надпись:

Когда этотъ баранъ заблѣетъ,
Тогда казакъ перейдетъ.
Рѣку Ваагъ и насъ острижетъ!

Таковы были первые боевые встречи наших войск с венгерцами, а вслед за этим стали приводиться въ исполненіе, утвержденный Государемъ Императоромъ планъ нашего общаго наступленія на венгерскихъ мятежниковъ и 5 іюня русскія войска въ нѣсколькихъ пунктахъ перешли венгерскую границу (*).

Такое наступленіе сотысячной арміи русскихъ на Венгрію и сорокатысячной на Трансильванію ставило Венгерцевъ въ безвыходное положеніе. Которой изъ наступающихъ колоннъ могли Венгерцы противопоставить свои войска въ увѣренности, что другія наши колонны не охватятъ ихъ съ фланговъ и тыла? Такой маневръ нашъ былъ причиною, что непріятель не рѣшился оказать намъ серьезнаго сопротивленія въ Карпатскихъ тѣснинахъ, а вынужденъ былъ покинуть ихъ безъ боя.

Перейдя въ Венгрію, наши главные силы двинулись далѣе четырьмя колоннами: — *правая* — генерала Лавинцева, пошла чрезъ Карпаты на Тарно; *средняя* — генерала Купріянова, наступала черезъ Конечно; *лѣвая* — черезъ Змигородъ и Грабъ на д. Смилько — всѣ эти три колонны, разными путями, направлялись на г. Бартфельдъ, а *четвертая*, наша колонна, генерала Бѣлогужева, отъ д. Барвинокъ на Свидникъ и Стропко, при чемъ ея обязанностью было дѣлать демонстрацію, распуская слухъ, что она составляетъ авангардъ главныхъ русскихъ силъ и отвлекать на себя непріятеля отъ вышеназванныхъ трехъ колоннъ.

Резервъ, подъ начальствомъ генерала Чеодаева, сосредоточился 5-го іюня у Змигорода и пошелъ на С. Поляны; что же касается до защиты Барвинскаго дефиле и слѣдовательно, въ частности, до охраненія Дукло, съ его огромными военными запасами, то эта обязанность, какъ видно изъ вышеизложеннаго, лежала на генералѣ Колзаковѣ, въ командѣ котораго мы

Усмотрѣвъ такое эксцентрическое воззваніе, русскій генералъ усмѣхнулся и указавъ на него своей шпагой, сказавъ своимъ войскамъ: солдаты! видно Венгерцы еще легкомысленнѣе чѣмъ мы ожидали, если смѣютъ надѣяться устроить орлово — этимъ смѣшнымъ бараномъ. Докажемъ, что русскимъ орламъ не нужны мосты для перехода рѣкъ, не нужно пожинать что бы стричь враговъ, въ какой бы шкурѣ они ни ходили: въ ослиной ли, въ тигровой ли или въ бараньей! „Впередъ же ребята!“ — Впередъ! воскликнули казаки, бросились въ рѣку и переплыли ее подъ покровительствомъ огня четырехъ своихъ орудій, дѣйствовавшихъ съ берега. Инсургенты бѣжали восклицая: „должно быть русскіе орлы амфибіи!“

(*) 1 колонна — лѣвая, подъ личнымъ предводительствомъ фельдмаршала Паскевича, направляется отъ Дукло на г. Эперіесъ и Кашау, пѣхоты 68 батальоновъ — 53000 чел., кавалеріи 64 эскадрона — 9000 чел. и 28 сотенъ — 3000 чел., 16 пѣшихъ и 6 конныхъ батарей артиллеріи.

2 колонна. — Правая, графа Ридигера, черезъ Неймаркъ идетъ на соединеніе съ лѣвой колонной: пѣхоты 34 батал. — 23000 чел., 32 эскадр. — 4000 чел., 12 донскихъ сотенъ — 1550 чел. 8 пѣшихъ и 3 конныхъ батарей артиллеріи.

3 колонна генерала Лидерса вступаетъ въ Трансильванію; пѣхот. 26 бат. 20400 чел. 16 эскадр. 2380 чел. 18 донскихъ сотенъ 2370 чел. 1 конная и 6 пѣшихъ батарей артиллеріи.

4 колонна генерала Гротенгельма вступаетъ черезъ Буковину въ сѣверную Трансильванію; пѣхоты 8 батал. 6900 чел. 6 эскадр. 880 чел. 1 донская сотня 130 чел. 1 конная и 2 пѣшихъ батарей артиллеріи.

Кромѣ того, западную границу охраняетъ отрядъ генерала Граббе, пѣхоты 16 батал. 12000 чел. 6 донскихъ сотенъ — 800 чел. и 4 легкія батареи. Остальную Галицію оберегаетъ генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ, пѣхоты 8 бат. 6500 чел. 12 эскадроновъ 1300 чел. 5 донскихъ сотенъ 670 чел. 1 конная и 2 пѣшихъ батарей артиллеріи.

и были оставлены съ двумя батальонами Камчатскаго полка, съ нѣсколькими казаками и легкою № 5 батареей 11 артиллерійской бригады.

Колонна Вѣлогужева въ точности исполнила свое назначеніе, ставъ въ Нижнемъ Коморникѣ, гдѣ я ее и догналъ, и посылая казачіе разъѣзды въ окрестности.

6 Іюня колонна эта осталась на мѣстѣ, когда главныя силы двинулись впередъ и казачій разъѣздъ ея, посланный къ Свидлику, подъ начальствомъ урядника Дементьева, узнавъ, что въ этомъ мѣстѣчкѣ есть венгерскіе пѣхотницы, пустился туда на рысяхъ. Десять венгерцевъ, вѣроятно фуражиры, услышавъ о приближеніи казаковъ, сѣли на повозки и бросились бѣжать, но казаки ихъ увидѣли и помчались въ догонку. Венгерцы не видя возможности уйти, остановились и встрѣтили казаковъ, изъ за повозокъ, ружейнымъ огнемъ; по счастію казаки попались молоды, не трусили, ударили въ пики и сбили венгерцевъ. Особенно мужественно защищались двое изъ нихъ, но девятая рана повалила храбрѣйшаго и казаки взяли ихъ въ плѣнъ. Это то и были тѣ самые плѣнные, которыхъ мы видѣли въ Тилявѣ. Оба эти молодца, какъ мы узнали впоследствии, умерли на другой или на третій день послѣ нашего съ ними свиданія.

Эта стычка съ венгерцами, въ сущности ничтожная, но обратившая на себя вниманіе, какъ одна изъ первыхъ встрѣчъ нашихъ съ непріятелемъ, доставила уряднику Дементьеву георгіевскій крестъ, а прочимъ 11 казакамъ разъѣзда по рублю сереб., въ награду.

Была и другая стычка съ венгерцами въ нашей главной колоннѣ, тоже ничтожная. 8 Іюня, 2-й батальонъ Охотскаго егерскаго полка, съ нашимъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ, капитаномъ, генеральнаго штаба Рыльцовымъ, (*) кавказскимъ офицеромъ, былъ посланъ для открытія непріятеля, какъ говорили, воздвигавшаго укрѣпленіе между Краснымъ Бродомъ и деревнею Мезо-Лаборчъ. Дѣйствительно Рыльцовъ открылъ работающих и разогнавъ ихъ нѣсколькими выстрѣлами—воротился.

Вотъ и всѣ новости, какія я собралъ во время своей поѣздки и привезъ товарищамъ, продолжавшимъ стоять и скучать въ Тилявѣ. (**)

(*) Рыльцовъ великимъ былъ забулдыгой и пьяницей, когда мы его знали, но онъ слылъ храбрымъ и весьма способнымъ офицеромъ. Боевая извѣстность Рыльцева составила на кавказѣ. Между многими подвигами его, тамъ совершенными, особенное на себя обращаетъ вниманіе его мужество и распорядительность въ извѣстной своимъ несчастнымъ исходомъ экспедиціи генерала Граббе, въ Ичкерію, въ 1842 году, гдѣ Рыльцевъ, будучи штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, принялъ въ командованіе 2-й батальонъ Кабардинскаго полка, послѣ тяжело раненаго командира батальона, и 1 іюня, у урочища Башилъ Црзау, и 2 іюня, при отступленіи отряда въ Кажельковскій оврагъ, находясь въ арьергардѣ, совершилъ съ нимъ чудеса мужества и храбрости.

(**) Между тѣмъ наши войска продолжали наступленіе.

7 Іюня главная квартира уже вступила въ г. Бартфельдъ и въ тотъ же день фельдмаршалъ, въ присутствіи Вел. Князя Константина Николаевича, предпринялъ рекогносцировку занятой Венгерцами позиціи у д. Лофальва. Тутъ Венгерцы смяли бызо Донскихъ казаковъ полка Юдина, но бросившіеся на выручку мусульмане и линейцы конвоя фельдмаршала, опрокинули ихъ шашками. Ночью Венгерцы оставили свою позицію. Въ это же почти время, 8 іюня, Ридигеръ столкнулся въ Венгерцами у с. Гетарсъ и ловкимъ маневромъ далъ возмож-

измучило ожиданіе. Наши дни проходили въ чаяннх новыхъ вѣстей. По-кажется ли какой адъютантъ со стороны Венгріи,—скачетъ ли ординарецъ по дорогѣ изъ главной квартиры, каждый изъ насъ обращается немедленно въ вопросительный знакъ; каждый ждетъ: вотъ остановится проѣзжающій, спроситъ: гдѣ стоитъ нашъ начальникъ? пойдетъ и передастъ распоряженіе выводящее насъ изъ бездѣйствія! Но все ѣдутъ мимо и мимо, а если останавливаются у насъ, если идутъ къ нашему командиру, то съ какими нибудь приказаніями самаго мирнаго свойства. И вотъ ропотъ на судьбу,

послѣ полковнику Лисенко, (убить въ Севастополѣ) командиру Полоцкаго егерскаго полка, познакомить ихъ съ русскимъ штыкомъ! (За это удачное дѣло полковникъ Лисенко произведенъ въ генераль-маіоры). Далѣе намъ пошли на Энеріесъ, который и заняли безъ боя. Между тѣмъ, въ день вступленія въ Энеріесъ главной квартиры 11 іюня, передовыя части отряда Ридигера встрѣтили нѣкоторое сопротивление Венгерцевъ—подъ *Шамомемъ*, но нанесли имъ чувствительное пораженіе, при чемъ отличился блистательными атаками гусарскій полкъ Вицъ В. Великой Княгини Ольги Николаевны, въ особенности Ротмистръ Радець, (раненный, получившій за это дѣло Георгія 4-й степени) и тяжело раненный эскадръ Грековъ.

Послѣдствіемъ столкновенья подъ *Шамомемъ* было занятіе, безъ боя, города Кашау, 12 іюня.

Такимъ образомъ Венгерцы, проигрывая во всѣхъ боевыхъ встрѣчахъ съ нами, отступали на всѣхъ пунктахъ передъ нашей арміей, не смотря на множество укрѣпленныхъ ими и весьма выгодныхъ для нихъ позицій, даже не смотря на силы довольно достаточныя чтобы дать намъ если не рѣшительный, то хотя нѣкоторый отпоръ; не смотря на пылкость вождей революціи Дембинскаго и Высоцкаго!—не смотря наконецъ на то, что отряды непріятеля нашего состояли преимущественно изъ поляковъ такъ давно, по ихъ словамъ, жаждавшихъ кровавой съ нами встрѣчи. (*)

Не тайна для насъ замысли поляковъ найти въ Венгерской націи орудіе возстановленія своего королевства. Много уже лѣтъ поляки интригуютъ въ этой сторонѣ и не мало въ послѣднее время раздували пламя вспыхнушаго въ Венгріи мятежа. Со всѣхъ концовъ міра они стеклись сюда лишь поднято было здѣсь революціонное знамя. Ихъ генералы частію стали, частію сидѣли съ главоу венгерскихъ армій. Дембинскій (**) и Бемъ (***) составили самый планъ войны; болѣе 20,000 поляковъ составляли чуть ли не самую лучшую часть войска венгерцевъ съ такими генералами, кромѣ упомянутыхъ, какъ Высоцкій, Кланка и др. Не тайна для насъ главная идея поляковъ одновременно съ венгерскимъ возстаніемъ поднять Галицію, русскую Польшу и вооружить противъ насъ Дунайскія княжества, недовольныя нами за

(*) Удивительно, что стоявшій во главѣ Венгерскаго правительства Кошутъ и его ближайшіе сотрудники, имѣли такъ мало точныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи вещей, что нехотѣли вѣрить нашему вступленію въ Венгрію; или они старались обмануть сами себя! Когда Высоцкій донесъ правительству о бывшей у него стычкѣ съ нашими передовыми войсками, ему отвѣчали изъ Пешта: „Вы не разсмотрѣли, вы приняли австрійскихъ уланъ за русскихъ казаковъ!“

(**) Дембинскій участвовалъ съ войсками Понятовскаго во французской кампаніи; воевавши въ отечество въ 1815 году онъ принялъ живое участіе въ революціи 1831 года, сражаясь съ нами въ качествѣ польскаго генерала, затѣмъ эмигрировалъ въ Францію и занимался тамъ изученіемъ механики. Приглашенный Кошутомъ, Дембинскій подъ видомъ механика пріѣхалъ въ Венгрію.

(***) Изъ краткой біографіи Бема, помѣщенной въ изданіи Иверсона „медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей“ Спб. 1878, усматривается: Іосифъ Бемъ родился 1795. Въ 1812 году онъ вступилъ въ польскую конную—артиллерію и въ 1819 назначенъ преподавателемъ въ Варшавскую артиллерійскую школу, но въ 1825 году за вредное направленіе отставленъ отъ должности. Въ революцію 1830 года Бемъ въ чинѣ генерала командовалъ артиллеріею у поляковъ и послѣ взятія Варшавы бѣжалъ во Францію и агитировалъ какъ тамъ, такъ и въ Испаніи въ пользу Польши, а въ 1848 году и явился въ Галицію во время октябрьскаго возстанія въ Вѣнѣ принять на себя командованіе въ ней революціонными войсками противъ Виндингреца, но не выждавъ паденія Вѣны порочъ въ Венгрію гдѣ и принялъ начальство надъ войсками въ Трансильваніи гдѣ, прибавивъ отъ себя, былъ разбитъ нашими войсками. По окончаніи венгерской войны Бемъ бѣжалъ въ Турцію, принялъ Исламъ и подъ именемъ Амуратъ Паша занялъ важную должность, но по протесту Россіи и Австріи, посланъ съ венгерскими бѣглецами въ Алцію, гдѣ подавилъ возстаніе Арабскихъ племенъ противъ Христіанъ. Вскорѣ послѣ этого Бемъ умеръ.

поставившую насъ въ такое страдательное положеніе,—дѣлается все слышнѣе между нами. Что если мы всю кампанію пробудемъ въ вагенбургѣ? Будемъ печь хлѣбъ, сушить его въ сухари,—конвоировать транспорты, плѣнныхъ, содержать гарнизоны? нечего сказать: завидная доля!... Но всему есть предѣлы: не оказалась вѣчною и наша стоянка въ Тилявѣ! наконецъ-то пришла жданная вѣсть: походъ, походъ! Все встрепенулось. Когда выступаемъ?—Спрашиваютъ, бѣгаютъ, кричатъ.—Сегодня. „Слава Богу, слава Богу!“—Куда?...—Представьте: *назадъ*—въ Дукло!....

общее наше съ турками внимательство въ ихъ дѣла. Не тайна для насъ, что замыслы полковъ распространяются на поднятіе противъ насъ и Украины и даже казачества. Одною изъ лучшихъ иллюстрацій польскимъ замысламъ могутъ служить слѣдующія выдержки изъ письма къ Дембинскому, князя Адама Чарторижскаго, этого импровизированнаго короля Польши, изъ Парижа, 5-го іюня, и. с., 1849 года.

„Генераль. Я счастливъ, что вы доставили мнѣ случай выразить вамъ мой восторгъ и поздравленія по случаю благоприятнаго оборота венгерской войны, принятаго ею съ вашимъ прибитіемъ, а равно по случаю вашихъ,—столь значительныхъ побѣдъ. Приближается рѣшительный моментъ. Скажу больше, онъ насталъ—русскіе полки начинаютъ дѣйствовать заодно съ австрійцами. Будемъ молить о помощи Господа силъ, васъ генераль, доселѣ неоставляваго, Господа, который, смѣю надѣяться, поведетъ васъ къ новымъ побѣдамъ, доколѣ вы не достигнете освобожденія нашей отчизны.

Страшусь только новыхъ ошибокъ и неповиновенія! Боюсь что вамъ не предоставятъ главное командованіе надъ арміею. Такимъ именно недоразумѣніемъ я приписываю продолжительное бездѣйствіе вашей арміи въ то драгоцѣнное время, когда силы непріятеля не были еще возстановлены, послѣ нанесенныхъ ему поражений. Эта ошибка можетъ на далеко отодвинуть насъ отъ цѣли.

Я увѣренъ, генераль, судя по обнародованному вами возванію, что вы не переставали стремиться къ сближенію со славянами. Этого требуетъ справедливость; къ этому побуждаютъ собственные интересы Мадырѣ; въ этомъ сближеніи они должны видѣть свое обезпеченіе въ будущемъ, свой успѣхъ въ настоящемъ и возможность удачнаго отпора не измѣримымъ силамъ враговъ, силамъ все болѣе и болѣе возрастающимъ, силамъ, которыя даже при удачѣ, не могутъ быть сокрушены однимъ ударомъ.

Господи! Кошутъ, надѣюсь, съ вами въ настоящую минуту, (сожалѣю, что раньше онъ не могъ быть у васъ) и объяснитъ вамъ желанія славянъ, обещающихъ произвести энергическое возстаніе.

Если вы согласитесь немедленно приступить къ осуществленію этихъ желаній, вы окажете огромную услугу какъ Мадырамъ, такъ и Польскому королевству. Справедливый, благородный и скромный образъ дѣйствій принесетъ Мадырамъ, вѣдѣ за побѣдою,—европейскую славу и огромныя выгоды.

Вопросъ въ какую минуту и какимъ способомъ нашей отчизнѣ принять участіе въ наступающей борьбѣ? долженъ быть предметомъ вашего постоянного размышленія.

Думаю, что Польшу, истерзанную столькими утратами,—скованную столькими бѣдствіями, необходимо, сколь возможно долѣе, оставить внѣ дѣйствій.

Эта мысль тѣсно связана съ мнѣніемъ выраженнымъ въ вашемъ письмѣ.

Пусть поляки воюютъ подъ венгерскими знаменами; но пусть королевство польское остается въ резервѣ до послѣдняго удара! и да не устроитъ оно своей собственной гибели частными восстаніями, плохо подготовленными, восстаніями, всегда влекущими за собою, послѣ великой новой неудачи, плачевныя послѣдствія для страны.

Существуетъ еще другой могущественный мотивъ, долженствующій удержать насъ отъ преждевременнаго возстанія. Мы знаемъ, что даже въ русскую армію заброшены сѣмена неудовольствія. Эти сѣмена уничтожаются безслѣдно если поляки возмутятся слишкомъ рано. Въ настоящее время русскіе исключительно заняты венгерской войной и вотъ, съ увѣренностью можно сказать, что они не будутъ противоdѣйствовать желаемому развитію упомянутыхъ сѣмянъ. Надо дать имъ время—пустить ростки, окорениться.

Намъ необходимо дѣйствовать на провинціи подвластныя Россіи. Необходимо произвести военную экспедицію въ Литву и на Украину, прежде чѣмъ допустить инсurreкцію самой страны. Поляки Кракова и Галиціи не должны подыматься пока ихъ провинціи не будутъ запиты венгерскими войсками. Но самый сильный способъ дѣйствія противъ Россіи заключается

Г. Дукло. Июнь.

12 Июня мы выступили въ Дукло и стали частію бивакомъ подъ городомъ, частію заняли квартиры въ самомъ городѣ. Мы, съ полковой канцеляріей и съ четырнадцатью казаками, состоявшими при полковомъ штабѣ нашемъ, отвели большую жидовскую корчму, въ которой помѣстились всѣ повозки нашего штаба и лошади: верховыя полковаго командира, наши собственные, т. е. чиновъ и штаба, казачьи и всего обоза полковой канцеляріи.

Расположившись въ единственной чистой комнатѣ корчмы, разложивъ свои вещи и устроивъ походную постель, — въ другой, большой общей комнатѣ помѣстивъ канцелярію и открывъ ея дѣйствіе, я, не смотря на палящій зной, отправился завтракать къ батареинному командиру, капитану Воронкову, куда были приглашены многіе мои товарищи и офицеры батареи нашего хозяина. Тутъ мы бражничали часа три, плотно закусили, хорошо выпили отличнаго венгерскаго вина и за тѣмъ пошли всѣмъ обществомъ побродить по городу. Идемъ изъ улицы въ улицу, какъ выйдя на одну, видимъ: улицу намъ преграждаетъ большее зданіе, по наружному виду корчма, съ деревянной крышей... невольно какъ-то остановились, смотримъ — крыша этого зданія *горитъ* какъ свѣча, пламенемъ почти безъ дыма и никто, кромѣ насъ, этого не замѣчаетъ!.. Еще мгновеніе и я, съ ужасомъ, *узналъ* что горящее зданіе — это та именно корчма, въ которой я такъ комфортабельно размѣстился сегодня съ обозомъ полковаго штаба!... броситься къ ней, ударомъ ноги распахнуть ея ворота, вскочить въ пылающее зданіе и закричавъ какимъ то нечеловѣческимъ голосомъ: „пожаръ, горитъ, спасайтесь!“ и въ тоже время начать хлестать нагайкой привязанныхъ лошадей — было дѣломъ одного мгновенія. На мой отчаянный крикъ выскочили казаки, писаря, вѣстовые, кучера, началась неописанная суматоха; испуганныя мною лошади сорвались съ привязей и чего почти никогда въ подобныхъ случаяхъ не бываетъ, выбѣжали, какъ бѣшенныя, изъ сарая.

Крыша во многихъ мѣстахъ уже прогорѣла; ея горящія части валились во внутрь зданія, но дружными усиліями людей, всѣ повозки мигомъ были выкачены на улицу, — писаря, кто развернулъ уже свои *дѣла*, потащилъ ихъ скопканными, въ сукнѣ, обыкновенно покрывающемъ писарской

въ организаціи экспедиціи на Кавказъ. Имѣйте въ виду, что русскіе офицеры изъ Поляковъ служившіе въ войскахъ противу васъ идущихъ; также какъ и офицеры изъ Литвиновъ, при началѣ настоящей кампаніи отправлены русскимъ правительствомъ въ кавказскія войска.

Вотъ тамъ то должно произойти у васъ сближеніе съ казаками.

Необходимо чтобы почва была подготовлена польскими офицерами. Необходимо чтобы тамъ воцарился польскій духъ. Необходимы денежныя фонды, чтобы имѣть армію, солдатъ, офицеровъ, чтобы были средства дѣлать походъ. Мадьяры, будучи руководимы собственными интересами, могутъ доставить необходимый фондъ. Вы уже позаботились объ этомъ, генераль и говорите что подъ вашу росписку уже отпущено около 10 милліоновъ. Эта сумма будетъ употреблена на важнѣйшія потребности войны, но примѣрно, два-три милліона должны быть предназначены на приготовленія къ экспедиціи, которая должна предшествовать возстанію Польши, должествующему произойти непременно“.

столь.... Тутъ я вспомнилъ, что уходя изъ квартиры, положилъ подъ подушку своей постели, свою походную кожанную сумку и въ ней 50 полуимперіаловъ, все свое богатство... Бѣгу къ своей комнатѣ—она уже въ огнѣ! Кричу: „Русановъ, Русановъ!“ такъ зовутъ моего деньщика... вижу онъ пробѣгаетъ сквозь огонь... „А деньги мои? Русановъ!“ — На мнѣ, — кричить онъ мнѣ въ отвѣтъ, махнувъ рукой и тащитъ вмѣстѣ съ вѣстовымъ завернутые въ коверъ мои походные пожитки. „Ну, слава Богу!“ Такимъ образомъ благодаря испытанной честности моего стараго деньщика Терентія Русанова, для меня лично, этотъ пожаръ кончился ничѣмъ, а для города Дукло, пожаръ этотъ начавшійся съ занятой мною корчмы, и происшедшій, какъ говорили одни, отъ *трубочки* казаковъ расположившихся на сѣновалѣ, а какъ утверждали другіе отъ поджога, кончился крайне плачевно—почти весь городъ сгорѣлъ.

Докрайности быстрому распространенію огня способствовала скученность построекъ,—чрезвычайная сушь, неимѣніе пожарной команды и огнегасительныхъ инструментовъ, наконецъ множество винныхъ складовъ бывшихъ въ городѣ. Пожаръ угрожалъ зданіямъ занятымъ нашими провіантскими, комисаріатскими и даже артиллерійскими складами. Уже загорались крыши нѣкоторыхъ изъ этихъ зданій, но мы отстояли свое добро: наши офицеры и солдаты обгорали, но, въ какомъ то дикомъ увлеченіи, боролись съ разрушительной стихіей и вышли побѣдителями. За то австрійскіе солдаты дѣйствовали иначе. Они, или побуждаемые еврейскими подачками, спеціально занимались спасеніемъ жидовскаго имущества или, пользуясь общей суматохой, тащили что попало на свой бивакъ. Тутъ-то и произошли первыя непріятныя столкновенія у нашихъ офицеровъ съ австрійцами: отчасти были даже пущены въ ходъ нагайки, а нѣсколь кочеловѣкъ арестовано съ награбленнымъ добромъ и приведено въ нашъ лагерь. Конечно на другой день всю эту исторію постарались потушить, арестованныхъ отдали ихъ начальству, о расправѣ нагайками заговорили было, но замолчали, а все таки черная кошка уже пробѣжала между нами и нашими союзниками. Пожаръ совершенно прекратился только къ утру. Измученные до чрезвычайности мы отдохнули уже на бивакѣ, разбитомъ ввиду города. Что же касается до самаго города, то въ немъ оставаться было невозможно. Уцѣлѣвшія отъ пожара зданія были переполнены всевозможнымъ народомъ, кромѣ жителей, большинство которыхъ тоже бивакировало. На улицахъ людно, какъ на рынкѣ: тутъ толкались и состоящіе въ госпиталяхъ, и люди проходящихъ командъ, и погонцы, и чиновники разныхъ военныхъ вѣдомствъ, и разнообразный людъ, обыкновенно слѣдующій за арміей, и жида, жида, и жида....

Отъ тѣсноты помѣщеній, отъ многолюдства, отъ вредныхъ миазмъ образовавшихся отъ неуборки нечистотъ и гніенія сгорѣвшаго скота, подъ палящимъ дневнымъ зноемъ, наконецъ отъ холодныхъ ночей, смѣняющихъ здѣсь жаркіе дни, стали появляться довольно сильныя *холерныя* припад-

ки. Сохрани Богъ, если въ настоящую кампанію разовьется холера! Много, о много лишнихъ жертвъ зароемъ тогда въ венгерскую землю!

Въ слѣдствіе ли пожара или того что жители Дукло преимущественно евреи, исключительно занимающіеся торговлей венгерскимъ виномъ, мы терпимъ здѣсь крайній недостатокъ во всемъ необходимомъ. Не говоримъ уже что нельзя купить сахару, сигаръ, табаку, бумаги, — не гдѣ пообѣдать, — не гдѣ купить бѣлаго хлѣба, а если что и можно достать, то буквально *цѣною золота*! Во первыхъ приходилось дорого платить; во вторыхъ, со своихъ новенькихъ такихъ хорошенькихъ полунмперіаловъ, мы получали отъ жидовъ, въ рукахъ которыхъ вся здѣшняя торговля едачу, или такими истертыми цванцигерами, что на нихъ невозможно было отличить знаковъ, или, чаще всего, рванными австрійскими бумажками, возбуждающими и досаду и смѣхъ. Да и какъ не смѣяться, когда вамъ выдаютъ, напри- мѣръ вмѣсто гульдена, ассигнацію соотвѣтствующую этой цѣнности, *разорванную на четыре равныя части*. Это, извольте видѣть, австрійское правительство почувствовавшее, во время революціи недостатокъ въ мелкой монетѣ, дозволило разрывать ассигнаціи, равнявшіеся одному гульдену на четыре равныя части, съ тѣмъ, что каждая изъ такихъ шла бы за 15 крейцеровъ.....

18 Юня, м. Грабъ.

Войска наши, перейдя Карпаты и отдохнувъ нѣсколько дней послѣ форсированныхъ маршей, что было не по вкусу очень многимъ, доказывавшимъ необходимость суворовскихъ безустанныхъ походовъ, если желать успѣховъ быстрыхъ и рѣшительныхъ; при чемъ обезпечили себя продовольствіемъ и сблизили свои запасы, двинулись наконецъ впередъ. 14 Юня главная квартира выступила изъ Кашау, а 16 Юня и мы изъ Дукло.

Нашъ путь въ Кашау не тотъ, которымъ я ѣздилъ въ Венгрію, по шоссе на Барвинокъ, а западнѣе его, черезъ другой карпатскій перевалъ, — на Грабъ.

Въ м. Змигродѣ мы должны взять подъ свою охрану нѣсколько миллионовъ рублей золотомъ и серебромъ и конвоировать ихъ, впредь до приказапія. Двинулись. Первый переходъ небольшой. Солдаты шли весело. На первомъ же привалѣ отрядъ построили въ каре и прочли ему слѣдующій приказъ генераль-фельдмаршала:

„Государь Императоръ осчастливилъ насъ милостивымъ словомъ своимъ, изъявивъ въ приказѣ 1 Юня увѣренность, что мы побѣдимъ мятежъ въ сопредѣльномъ намъ дружественномъ государствѣ.

Настала минута исполнить волю Государя, и мы исполнимъ ее. Мы стоимъ теперь на рубежѣ Венгріи и отдѣляемся отъ крамольниковъ только хребтомъ Карпатовъ. Завтра и того рубежа не будетъ между нами.

Идемъ товарищи! и каждый изъ насъ долженъ быть убѣжденъ, что сдѣлавши шагъ впередъ — не пойдемъ назадъ.

Съ нами Богъ!“.

Раздалось громкое „ура!“ Восторгъ былъ общій. Странно: каждый вѣдь зналъ, что завтра карпатскій хребетъ будетъ за нами, но прочли это торжественное объявленіе, говорящее о томъ же и какъ бы какое-то новое, радостное чувство хлынуло въ душу!

Мы ночевали въ дрянномъ мѣстечкѣ Змигродѣ, раскинутомъ на равнинѣ, у подошвы горнаго хребта. На этой равнинѣ Государь Императоръ извоилъ дѣлать смотръ нашимъ войскамъ. Сохранились слѣды этого смотра: кругомъ потоптанныя поля и луга, — дозрѣвавшій хлѣбъ, скошенный нашими войсками, — множество деревьевъ и въ томъ числѣ и фруктовыхъ срублено. Но жители не ропшутъ: Государь за *все* заплатилъ по Царски, пожаловавъ владѣльцамъ потоптанныхъ земель, по оцѣнкѣ понесенныхъ убытковъ сдѣланной самими владѣльцами — 5400 руб. сер.

За Змигродомъ природа рѣзко измѣнилась: передъ нами вставалъ уже настоящій Карпатскій хребетъ. Потянулись живописнѣйшіе виды. Необыкновенно красныя горы, поросшія лѣсомъ, загроздили горизонтъ; вступивъ въ ихъ среду, мы спускались съ одной горы, чтобы подняться на другую, болѣе высокую и такъ казалось, до безконечности; порою мы входили въ облако, какъ въ густой туманъ и все окружающее скрывалось отъ насъ, но вотъ мы миновали облако, оно оказалось ползущимъ подъ наши-

ми ногами, изорванное въ лохмотья и цѣпляющееся за верхушки вѣковыхъ деревьевъ, по ребрамъ выступающихъ изъ лѣсной чащи утесовъ;—то тамъ, то слытъ сверкають тысячами лучей горные ручьи, то бѣшено несущіеся по каменному ложу, то образующіе каскады и водопады.

Въ горныхъ ручьяхъ этихъ водится форель, въ лѣсахъ, покрывающихъ горы разныхъ звѣрь и главное — медвѣдь.

Жители горъ, Русняки, также бѣдны, какъ и обитатели предгорій; также и здѣсь народъ, въ настоящее время чуть не умираетъ съ голоду. Жилища здѣсь тоже на манеръ русскихъ избъ — бревенчатая. Тесовая или гонтовая крыша большихъ размѣровъ, обыкновенно покрываетъ и жилье хозяина и все его службы. Жиле собственно — курная изба, впрочемъ довольно высокая, отчего при топкѣ, дымъ не стелется до самого полу, какъ въ нашихъ избахъ — „по черному“; жиле обыкновенно хорошо освѣщено большими, красными окнами со стеклами. Замѣчательно: въ избѣ не держатъ иконъ. Отчего? говорятъ: не хорошо держать ихъ въ курной избѣ, въ дыму и копоти, а потому иконы помѣщаются надъ дверями, снаружи дома.

Съ горы на гору, мы прошли до 20 верстъ отъ Змигорода и увидѣли предъ собою маленькое мѣстечко Грабъ, границу Венгріи.

Нѣсколько избъ; большое каменное зданіе таможни; два-три дома таможенныхъ чиновниковъ, да разоренная корчма, вотъ и все мѣстечко. Въ полуверстѣ впереди, на холмѣ, у шоссе, видѣется каменный, пограничный столбъ.

До м. Граба Государь Императоръ изволилъ провожать войска; тутъ Ояъ еще разъ простился съ ними, откушалъ съ генералами у управляющаго таможеню, при чемъ пожаловалъ орденъ св. Анны 3 степени *съ бантомъ*, австрійскому оберъ-лейтенанту, постоянно стоявшему здѣсь съ ротою и неоднократно прогонявшему незначительныя шайки инсургентовъ, покушавшихся пощипать австрійскую таможеню; — простился съ генералами, особенно съ фельдмаршаломъ и наконецъ, еще разъ благословивъ Великаго Князя Константина Николаевича, оставилъ Царевича на опытъ изучать кровавое искусство брани.

Съ сердечнымъ трепетомъ я переступилъ Венгерскую границу!.....

26 июня, Г. Кашау.

Наконец-то можно спокойнымъ взоромъ окинуть прожитое время, со дня перехода Венгерской границы, потому что здѣсь, къ нашему горю и въ разрушеніе нашихъ радужныхъ надеждъ, намъ придется долго стоять гарнизономъ и нести несносную караульную службу, тогда какъ наши товарищи, что впереди, будутъ пожинать лавры.

16 Июня мы выступили изъ Дукло въ составѣ 6 ротъ Камчатскаго полка съ легкой № 5 батареей, 11 артиллерійской бригады.

Оставивъ за собою разрушенное м. Грабъ, мы недолго уже тянулись къ облакамъ, пока не достигли гребня перевала черезъ Карпаты, отсюда и спустились словно въ глубокую пропасть, въ поляну, лежащую у подошвы хребта, черезъ который переваливали. Тутъ мы ночевали въ д. Полянка.

Такого утомительнаго перехода, никто изъ насъ, не служившихъ на Кавказѣ, не запомнить. Дорога наша подымалась почти на отвѣсныя высоты. Стоялъ невыносимый зной. Отъ зноя и крутизны подъема особенно тяжелаго солдату навьюченному ружьемъ, ранцомъ, патронами, сухарями и пр., люди падали десятками. Трудность подъема усилилась по милости слѣдовавшаго съ нами большаго обоза и артиллеріи. Неудобная конструкція нашихъ неуклюжихъ полуфурковъ и патронныхъ ящиковъ—бесцѣлныя лошадей сдерживать ихъ при подъемахъ на почти отвѣсныя высоты, было причиною паденія многихъ изъ повозокъ въ боковыя шоссе-ныя канавы и скатываніе некоторыхъ обратно, подъ гору. Вытаскивать упавшія повозки приходилось солдатами, употреблявшими чрезвычайныя усилія, а потому, во избѣжаніе частыхъ повтореній подобныхъ случаевъ, неизбежныхъ при подъѣмѣ повозокъ лошадьми, рѣшили: повозки, патронныя ящики и артиллерію поднять до перевала исключительно людьми. Много было потрачено солдатскихъ силъ на этотъ подъемъ по горамъ, подъ лучами палящаго солнца, подъ заунывный мотивъ „дубинушки“. По счастью, добравшись до половины подъема, мы очутились въ великолѣпномъ лѣсу, подъ прохладною тѣнью котораго и сдѣлали продолжительный привалъ. Вторую часть перевала, т. е. спускъ съ горъ, хотя мы и дѣлали съ обновленными силами, но онъ представилъ немаловажныя трудности другаго рода—пришлось спускаться съ горъ опять таки людьми и обозъ, и патронныя ящики, и артиллерію.

Что до меня, —жажда замучила: утомленная каской, разболѣлась голова, а снимешь каску чтобы освѣжиться, солнце будто прожигаетъ черепъ... Измученный конь еле двигается... Казалось—не будетъ конца этому мученью! Но вотъ, вдали, подъ горою, группа хорошенькихъ зданій, такъ и сіяющихъ на солнцѣ, словно отлитыя изъ серебра. Будто прибавилось силъ. Живѣе сдѣлалось движеніе отряда. Нагайка начала похлестывать чаще и конь прибавилъ шагу. Голова будто перестала болѣть и жажда словно уменьшилась... Издали мы въ группѣ показавшихся домовъ различили постоянные дворы, корчмы—тѣмъ лучше. Наконецъ то мы приблизились къ

желаннымъ зданіямъ и...—о Боже! что мы увидѣли!.. Такъ вотъ какія встрѣчи ждутъ насъ въ этой обѣтованной странѣ... Дома безъ оконъ; стѣны закоптѣли отъ костровъ и снаружи и внутри зданій; полы взломаны, вѣроятно искателями поживы, печи разбиты, нигдѣ живаго существа, кромѣ кошки, тоскливо мяукающей на крышѣ... Заглянули въ колодцы—они завалены мусоромъ и всякою дрянью...

Подобныя картины намъ часто потомъ встрѣчались до самого г. Кашау, на мѣстности, которая была *охраняема*“ вольными и неподлежными“ войсками генерала Дембинскаго, имѣвшаго задачей удержать насъ при переходѣ Карпатъ, къ чему онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ никакой попытки. Вообще край по которому намъ предстояло слѣдовать сильно пострадалъ отъ войны. Здѣсь, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, Венгры гнали Австрійцевъ не щадившихъ страны ими покидаемой. Затѣмъ толпы инсургентовъ, безъ дисциплины и порядка, бродили здѣсь, то производя наборъ, то собирая продовольствіе какъ для арміи, такъ и для своего существованія,—то требуя средствъ передвиженія съ одного мѣста на другое. Навѣрное знаемъ, что мѣстные жители терпѣли несравненно больше отъ своихъ непрошенныхъ защитниковъ и покровителей, чѣмъ, напримѣръ отъ насъ, русскихъ, хотя Кошутъ во множествѣ своихъ рѣчей и въ прокламаціяхъ къ народу, провозглашаетъ насъ, русскихъ, чуть не канибалами (*).

Доказательствомъ лежащая предъ нами д. Полянка, до которой мы наконецъ добрались. Не говоримъ уже, что здѣсь такое же разрушеніе, какъ и въ тѣхъ корчмахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, этого мало: инсургенты увели съ собою, разумѣется насильно всю деревенскую молодежь, а мѣстнаго Войта, (старосту) сожгли живаго, за какое то неповиновеніе!

Въ м. Змигородѣ къ намъ присоединилась, бывшая тамъ въ караулѣ, 4 карабинерная рота нашего полка и согласно предписанія завѣдующаго

(*) По словамъ Ballaidier (Histoire de la guerre de Hongrie en 1848—49. Paris. 1853. стр. 169), Кошутъ разрисовалъ насъ Венгерцамъ самими мрачными красками. Онъ представилъ фельдмаршала Паскевича ни чѣмъ инымъ, какъ атаманомъ грабителей, каждый шагъ которыхъ знаменуется кровью и пожарами, убійствомъ и разбоемъ, разрушеніемъ и отчаяніемъ.

Вообще манеры пугать нами жителей тѣхъ мѣстностей, которыя намъ предстояло занять или только приходить, практиковалось съ первыхъ моментовъ вступленія нашего въ австрійскіе предѣлы. Въ виду этого обстоятельства въ Львовской газетѣ „Зоря Галицка“, 4/16 мая 1849 (739) появилась передовая статья, въ которой читаемъ:

„Насъ увѣдомляютъ, что злонамѣренные люди всѣми силами стараются возмущать народъ въ селахъ, увѣряя его будто бы русское войско съ тѣмъ вступило въ нашъ край чтобы его присоединить къ Россіи, а поселянъ принудить снова нести барщину. Люди распускающіе въ народѣ такіе лживые слухи, тѣже самые что на выборахъ, а съ того времени во всѣхъ важныхъ случаяхъ, представлявшихся въ нашей странѣ, туманили и мугили народъ. Надѣмся что нашъ народъ успѣлъ основательно изучить этихъ людей и больше имъ ни въ чемъ не повѣрять. Можемъ удостовѣрить нашихъ согражданъ, что русскіе пришли сохраняя пріязнь къ нашему краю, черезъ который они только *проходятъ* въ Венгрію, чтобы помочь нашему войску потушить венгерскій мятежъ, гдѣ дѣло такъ далеко зашло, что Мадьяры постановили совершенно отложиться отъ Австріи и отъ Императорскаго Дома и, или образовать у себя республику, или поставить въ короли кого либо другаго вмѣсто царствующаго Государя. Вотъ русскіе и помогаютъ нашимъ сдѣлать Венгровъ послушными. Наконецъ надлежитъ обратить вниманіе, что въ Венгріи собралось множество поляковъ (говорятъ до 30000), которые имѣютъ намѣреніе вести войну въ наши предѣлы и затѣмъ перенести въ Царство Польское. Чтобы предупредить такое намѣреніе и двигаются русскія войска въ Венгрію“.

продовольственной частью арміи Сенатора, генералъ лейтенанта, барона Репне, мы приняли подъ свою охрану, для сопровожденія въ главную квартиру, вышеупомянутый транспортъ золотой и серебряной монеты.

Второй и третій переходы оказались несравненно менѣ гористы, но все таки изобиловали величественными и живописными картинами. Солдаты идутъ веселѣе, какъ потому что на сѣверной сторонѣ горъ, за переваломъ чрезъ высшій кряжъ Карпатъ, зной не такъ великъ, какъ до перевала, такъ и потому, что меньше было возни съ обозами. Солдаты бывавшіе на Кавказѣ и молчавшіе въ первый день движенія по Карпатамъ, теперь заговорили,—начали рассказывать всякія небылицы про свой „Кавказъ“, подсмѣиваясь и надъ нашими обозными лошадьми, и надъ самими Карпатами, которыя, по ихъ словамъ: „и въ подметки Кавказу не годятся, также какъ Венгерцы-Черкесамъ“.

— „Одно ужъ то, понимай братцы, говорили бывалые, что разѣ такъ по Кавказу пойдешь, какъ здѣсь идемъ, да еще—она съ какими обозами? Нѣтъ, тамъ и людей перебили бы, и обозы черкесскихъ рукъ не миновали бы“!

И то сказать: удивляться надо съ какой безпечностью мы переходили Карпаты, надо замѣтить, ни разу еще не разбивъ непріятеля и въ точности не зная даже его силъ! Транспорты съ продовольственными припасами или со снарядами, иногда въ 150, въ 200 повозокъ русскихъ извозниковъ, или даже мѣстныхъ жителей, двигались сотни верстъ по непріятельской землѣ, съ 5—10 конвойными, подъ командою унтеръ-офицера, рѣдко—офицера. Войско шло въ заранѣе опредѣленномъ направленіи, по предварительно составленнымъ маршрутамъ, слѣдовательно ни для кого не составлявшимъ тайны,—не освѣщая впереди себя и вокругъ мѣстности кавалеріею, которую фельдмаршалъ Паскевичъ считалъ даже *безполезною* при переходѣ черезъ горы, что прямо было выражено начальникомъ главнаго штаба дѣйс. арміи княземъ Горчаковымъ, въ предписаніи генералъ лейтен. Засеу (4 іюня 1849 № 45), оставляя въ окрестностяхъ Дукло 2 бригаду 4 легкой кавалер. дивизіи съ ея артиллеріею, равно какъ 1 бригаду 2 легкой кавалерійс. дивизіи, тоже съ ея артиллеріею. Мы шли точно по Россіи. Казалось, мы можемъ наткнуться на засады,—подвергаться печальнымъ нападеніямъ, особенно по ночамъ;—казалось—одиночные люди, транспорты, обозы должны бы исчезать у насъ во множествѣ. Между тѣмъ во всю кампанію не было сдѣлано на наше войско ни одного печальнаго нападенія, не отбито у насъ ни одной обозной повозки, ни одного куля муки. Надо полагать, что причиною такого бездѣйствія инсургентовъ было несочувствіе мѣстныхъ жителей венгерскому дѣлу и въ слѣдствіе того совершенная невозможность встрѣтить насъ, при первыхъ же нашихъ шагахъ въ Карпаты—народною войною. Напротивъ жители принимали насъ радужно, какъ бы сочувственно. Когда мы, передъ вечеромъ 18 іюня, стали подходить къ м. Зборо, красиво раскинутому въ небольшой долинѣ, при входѣ

въ живописное ущелье, обставленное подоблачными великанами, жители принесли продавать намъ сыръ, превосходную сливовицу, (водка выгнанная изъ сливъ), съ высокими достоинствами которой мы тутъ впервые познакомились, — пироги со сливами, огурцы. Плату здѣсь за все брали съ насъ самую умѣренную и на своемъ словацкомъ нарѣчїи, хотя и славянского корня, но весьма мало намъ понятномъ, старались высказать свое доброе къ намъ расположеніе.

На одной изъ самыхъ высокихъ горъ, ограняющихъ занятую нами долину, возвышаются грандіозныя развалины древняго замка. Нашелся между пришедшими поглазѣть на насъ жителями Зборо, старикъ, который объяснилъ, что это развалины замка принадлежавшаго Ракочи здѣсь жившему во время послѣдней своей войны съ императоромъ и что Ракочи отправляясь въ этотъ походъ, скоропостижно умеръ верстахъ въ 4-хъ отъ этого замка. (*) На мѣстѣ этой внезапной смерти знаменитаго воина, воздвигнуть каменный столбъ, который мы и осматривали на другой день. На этомъ столбѣ доселѣ сохранилась грубо изсѣченное изображеніе рыцаря въ доспѣхахъ и слѣды надписи, которую уже невозможно разобрать.

Не смотря на усталость послѣ утомительнаго перехода, по горамъ, мы таки взобрались въ самый замокъ. Къ нему нѣтъ ни дороги, ни тропинки. Утесъ составляющій подножіе замка покрытъ крупнымъ, густымъ лѣсомъ. Въ замкѣ множество полуразрушенныхъ стѣнъ съ бойницами, — ходовъ и переходовъ, — подземелій со сводами, — помѣщеній видимо бывшихъ блиндированными, — потайныхъ выходовъ, — строеній бывшихъ жилищами, — по все это болѣе чѣмъ полуразрушено временемъ. Во многихъ мѣстахъ, внутри замковыхъ строеній, растутъ чуть ли не вѣковые деревья. Съ замковыхъ стѣнъ открывается восхитительная панорама горъ то обнаженныхъ, то покрытыхъ лѣсомъ, прорѣзанныхъ долинами съ сверкающими по нимъ извилистыми рѣчками, — словомъ открывается картина неописанной красоты. Заходившее солнце своею прихотливою и могучею кистью какъ бы дорисовывало эту картину предъ нами, почти ежеминутно накладывая новыя свѣтѣни на ту или другую изъ ея грандіозныхъ частей и тѣмъ измѣняя колоритъ цѣлаго.

Тѣмъ, что мы видѣли, мы вполнѣ были вознаграждены за трудъ подъема на высокое и утесистое подножіе развалинъ Ракочіева замка. Спустившись къ биваку мы, съ радостью, нашли случайно подлѣхавшаго маркизанта, съ большимъ запасомъ всякой съѣстной и питейной величины, быстро разбиравшейя нашими проголодавшимися товарищами. Съ помощью маркизантской провизїи, мы, у бивачнаго костра, состряпали ужинъ на славу и запили его австрійскимъ виномъ съ водою взятою изъ сосѣдняго источника,

(*) По всей вѣроятности эта легенда относится до Ракочи стоявшаго во главѣ конфедерации противъ Австріи въ 1671 году т. е. отца знаменитаго Ракочи князя Венгерскаго и Седьмиградскаго, Франца II Леопольда, союзника императора Петра I, искавшаго польскаго престола.

очень вкусною, кисловатою и кипѣвшею въ стаканѣ, какъ только что откупоренная бутылка сельтерекной воды. Солдаты попивая эту минучую воду, увѣряли, что здѣсь „такая уже страна *бунтующая*! Не только жители бунтуютъ, говорили они, но даже вода!“

Въ Зборо къ намъ присоединились наши два Камчатскіе баталіона, оставшіеся въ отрядѣ нашего начальника дивизіи генер. лейт. Бѣлогужева, который имѣлъ назначеніемъ содержать въ повиновеніи окрестную страну, впрочемъ, кажется и не воображавшую выходить изъ повиновенія къ намъ. Отрядъ Бѣлогужева, состоявшій изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, во все время своей миссіи имѣлъ съ инсургентами одно только вышеуказанное столкновеніе посредствомъ казачьяго разбѣзда и то, въ сущности, ничтожное. Но отрядъ этотъ, при всѣхъ своихъ передвиженіяхъ былъ въ полной готовности встрѣтить непріятеля грудью, хотя готовность эта и не выражалась тѣми воинскими предосторожностями, которыя указываются элементарными правилами военной науки, обыкновенно, обезпечивая войску спокойную стоянку и таковое же передвиженіе. Готовность эта въ отрядѣ Бѣлогужева имѣла совершенно особенный характеръ, а потому однажды и поставила отрядъ въ комическое положеніе.

Вотъ этотъ случай. Во время одного изъ переходовъ, на горизонтѣ было замѣтно какое то движеніе. Кто то доложилъ объ этомъ начальнику отряда. Генералъ Бѣлогужевъ, начальникъ нашего отряда, почтенный, честный старикъ, добрый человекъ, но уже слишкомъ устарѣлый и, за шапестикой, за пригонкой трынчиковъ и рѣмешковъ совершенно забывшій боевую практику, при томъ по природѣ своей до крайности суетливый, наконецъ, какъ огня боящійся всякой отвѣтственности (*). Обладая таки-

(*) Александръ Николаевичъ Бѣлогужевъ, сибирякъ родомъ, умеръ въ Петербургѣ, членомъ капигула Императорскихъ и Царскихъ орденовъ. Покойникъ великимъ былъ оригиналомъ. Дослужившись до чина генералъ лейтенанта, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго образованія, даже писалъ по старинному, напримѣръ изображалъ букву *е*—буквою *н*, подчеркнутою внизу и тому подобное. Что же касается до правописанія, то законы такового ему на столько были извѣстны, что онъ до конца дней своихъ дѣлалъ ошибку въ собственной фамиліи ставя въ ней букву *е*, а не *ь*, какъ бы слѣдовало. Въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый получившій какой либо орденъ въ періодъ времени съ 1852 по 1870 годъ, заглянувъ въ грамоту выданную ему на таковой орденъ. По поводу этой *ошибки* въ фамиліи Бѣлогужева произошелъ однажды куріозъ. Какъ то, бывшій въ большой фаворѣ у Бѣлогужева, старшій дивизионный адъютантъ капитанъ Мешетичъ, при докладѣ, попробовалъ было, шуткой, объяснить генералу, что надлежало бы устранить изъ его фамиліи неправильно забравшуюся туда букву, замѣнивъ ее имѣющею несомнѣнное право на таковую честь, буквою *ь*. Такъ, вѣдь, Бѣлогужевъ какъ разсердился! Какъ прикрикнулъ на Мешетича! „Я, сударь, 40 лѣтъ, (это было въ 1850 году) офицеръ своему Государю;—такъ я всегда подписывалъ свою фамилію, не рѣдко на донесеніяхъ до Его Величества доходившихъ, не мѣнять же мнѣ эту подпись въ угоду какому нибудь молокососу!“

Много разсказывали странностей про Бѣлогужева, напримѣръ, увѣряли, будто онъ, по послѣдней своей должности бывшій въ необходимости часто участвовать въ различныхъ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, никогда фактически не употреблялъ носоваго платка, (хотя и имѣлъ его при себѣ—для формы), а всегда *обходился собственными пальцами*!

Разсказывали, будто не болѣе какъ за два, за три года до кончины, онъ сталъ ложиться спать *раздѣвшись* и то только уступивъ настоянію своего доктора, а до того всегда спалъ *въ чипанасѣ*. Удивлявшимся пріятелямъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „кто его знаетъ? вдругъ тревогу ударятъ, штановъ надѣтъ и не успеешь!“

Корпуснымъ командиромъ былъ у насъ, одно время, извѣстный баронъ Димитрій Еро-

ми не совсѣмъ на войнѣ удобными для военачальника качествами, генераль Бѣлогужевъ, съ момента перехода венгерской границы не разставался съ огромной, выдвижной, подзорной трубой, безпрестанно обозрѣвая окрестность вѣроятно ежеминутно думая открыть непріятеля, съ одной стороны забывая при этомъ, что по этому пути прошли уже наши войска, а съ другой, что для открытія непріятеля надежнѣе и цѣлесообразнѣе употребить состоявшихъ при отрядѣ гусаръ и казаковъ, чѣмъ подзорную трубу!

Вотъ въ эту то подзорную трубу и началъ Бѣлогужевъ рассматривать происходившее на горизонтѣ движеніе, когда ему о такомъ доложили и послѣ долгихъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что это наступаютъ венгерцы. Тотчасъ ударили тревогу, подняли находившійся на привалѣ отрядъ, артиллерію поставили на позицію, даже фители приказали зажечь — пѣхоту построили въ боевой порядокъ и гусаръ на полныхъ рысяхъ послали впередъ, для открытія непріятеля. Бѣлогужевъ изъ себя выходилъ, — метался во все стороны, распекалъ, бранился, кричалъ, словомъ — готовился къ дѣлу, и о разочарованіе! вмѣсто наступающаго непріятеля, оказалось большее стадо барановъ и воловъ!...

19 Юня мы пришли въ г. Бартфельдъ, (Бартфа — по Венгерски; Бардіова — по Словацки).

Насъ очень интересовалъ первый на нашемъ пути венгерскій городъ, только нѣсколько дней какъ доставшійся въ наши руки.

Февенчъ Остенъ Сакенъ, (впослѣдствіи графъ-начальникъ Севастопольскаго гарнизона). Сакенъ очень недолголюбивалъ Бѣлогужева и старался сбыть его изъ своего корпуса, разумѣется съ почетомъ, на который онъ приобрѣлъ право долголѣтнею службою. Представился удобный случай — Царскій смотръ подъ Луцкомъ, въ 1851 году. Предполагалось что Государь будетъ доволенъ корпусомъ, слѣдовательно возможно ожидать милостей начальствующимъ лицамъ. Такъ и было дѣло поведено Димитріемъ Ерофеевичемъ. Послѣ смотра, которымъ Николай Павловичъ былъ вполне доволенъ, Государь изволилъ кушать въ особо выстроеной, по распоряженію Сакена, столовой залѣ, при домнѣ доктора Гакеля, въ которомъ изволилъ имѣть пребываніе Государь Императоръ. За обѣдомъ, видя Государя въ отличномъ расположеніи духа, Сакенъ осмѣлился просить позволенія Государя представить Его Величеству, рѣдкость которая несомнѣнно удивитъ Его своею необычайностью.

„Очень радъ, отвѣчалъ Государь, что же это такое можетъ быть?“

— Позвольте, Государь, представить Вамъ; вашего генерала, который два раза былъ въ Парижѣ и ни разу не былъ въ Петербургѣ.

„Можетъ ли это быть? Кто же это такой?“

— Генераль Бѣлогужевъ.

„Бѣлогужевъ! Неужели правда?“ спрашивалъ Государь.

— Точно такъ, правда, Ваше Величество!

„Но какъ же это могло случиться?“

— Въ Парижъ, первый разъ, докладывалъ Бѣлогужевъ, я прошель съ полкомъ, походомъ, прямо изъ Сибири, гдѣ поступилъ на службу; второй разъ и вступилъ въ Парижъ съ войсками послѣ 1815 года; въ Петербургъ же надо было нарочно ѣхать, отпускъ брать, а я, за всю сороколѣтнюю службу ниразу въ отпускахъ не бывалъ, Ваше Величество!

„Ну, заключилъ Государь, ты дѣйствительная рѣдкость! Такъ я же тебѣ Самъ покажу Петербургъ!“

И вотъ немедленно, по возвращеніи Государя въ Петербургъ, послѣдовалъ приказъ о назначеніи ген. лейт. Бѣлогужева членомъ капитула орденовъ. Старикъ до конца дней проблаженствовалъ въ этой должности, благословляя свою судьбу; да и какъ было не благословлять судьбу! Бѣлогужевъ имѣлъ отличную, роскошно меблированную казенную квартиру, большее содержаніе, даже придворный экипажъ. Будучи холостымъ и одинокимъ Бѣлогужевъ былъ вполне счастливъ что имѣлъ возможность хотя насконѣ дней своихъ пріютигъ у себя и содержать семейство своего роднаго брата, не имѣвшее обезпеченныхъ средствъ существованія.

Первый налетѣлъ на Бартфельдъ лихой полковникъ конной артиллеріи Степанъ Александровичъ Хрулевъ, (*) съ 50-ю казаками, входившими въ составъ передоваго отряда, которымъ онъ командовалъ. Венгерцы при этомъ налетѣ быстро отступили, покинувъ городъ, — бывшій главною квартирою генерала Дембинскаго, безъ боя, и Хрулевъ успѣлъ захватить въ Бартфельдѣ только 9 повозокъ съ провіантомъ и 17 отсталыхъ инеургентовъ.

Незначительный, въ сущности, настоящій успѣхъ Хрулева, впрочемъ уже третій въ эту, едва только—начинающуюся кампанію, заставилъ—говорить объ этомъ офицерѣ въ арміи и сдѣлалъ возможнымъ надѣяться, что онъ пожнетъ не мало лавровъ въ эту войну. О Хрулевѣ нѣсколько уже разъ пробѣгала молва въ нашихъ кружкахъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени энергичномъ, и не останавливающимся ни передъ чѣмъ на пути къ намѣченной цѣли, хотя-бы приходилось иногда дѣйствовать вопреки буквѣ всеильныхъ „уставовъ“ и издавна укоренившихся служебныхъ порядковъ.

Припоминали два случая съ Хрулевымъ изъ недавней нашей столики въ Россіи.

Хрулевъ со своей батареей стоялъ въ какомъ-то, непомню хорошенько, мѣстечкѣ, кажется въ Берестечкѣ, верстахъ въ 50, слишкомъ, отъ извѣстной Почаевской Лавры. Въ это время происходила памятная польскимъ панамъ смута въ Галиціи. По странѣ этой бродили банды повстанцевъ, перѣдко появляясь вблизи и нашей границы. Какъ-то черезъ всевѣдущихъ жидковъ дошелъ до Хрулева слухъ, что одна значительная банда галицкихъ польскихъ повстанцевъ собирается въ Подкаменьѣ, мѣстечкѣ Галиціи, верстахъ въ 12-ти отъ Почаевской Лавры, съ тѣмъ, чтобы будущей ночью напасть на Лавру и разграбить ее. Надо замѣтить, что охраненіе Почаевской Лавры никто и не думалъ возлагать на Хрулева, — она охранялась полуротою инвалидовъ, постоянно въ ней проживавшихъ, которые впрочемъ, понятно, ни отъ какого враждебнаго покушенія охранить ее не могли, равно какъ и разбросанные по границѣ посты пограничной стражи, — слѣдовательно Лавра дѣйствительно была беззащитна. Но не такой человѣкъ Хрулевъ, чтобы отсутствіе распоряженія со стороны начальства могло ему помѣшать охранить честь и достоинствѣ отечества. По этому Хрулевъ, тотчасъ по полученіи сказаннаго извѣстія, поднялъ свою батарею и менѣе какъ черезъ сутки былъ уже съ нею въ Почаевѣ, поставилъ орудія на избранную имъ позицію, удобную для защиты Лавры и потребовалъ, чтобы Почаевскіе инвалиды стали въ прикрытіи къ его батарее, что тѣ и исполнили. О дѣйствіи своемъ Хрулевъ, тотчасъ по прибытіи въ Почаевъ, съ нарочнымъ донесъ начальству.

Прибытіе ли Хрулева для защиты Лавры было причиною, что нападенія на нее не было сдѣлано, или такового и дѣлать никто не предпола-

(*) Впослѣдствіи столь славный.

галъ, незнаемъ, но только нападенія на Лавру не послѣдовало, а потому Хрулевъ простоявъ двое сутокъ на позиціи, ушелъ на свои квартиры.

Однако за этотъ самовольный поступокъ Хрулева чуть было не отдали подъ судъ и онъ спасся только тѣмъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ, какъ то необыкновенно снисходительно посмотрѣлъ на этотъ случай, выразивъ въ приказѣ по арміи благодарность Хрулеву за очевидно исправное состояніе ввѣренной ему части, всегда, какъ показалъ настоящій случай, готовый къ дѣлу, но, въ тоже время *арестовавъ* Хрулева на трое сутокъ за самовольное распоряженіе ввѣренною ему батареею.

Другой случай. Въ генварѣ 1849 года, въ Каменцѣ Подольскомъ формировался особый отрядъ подъ командою генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенанта Фрейтага съ цѣлью противодѣйствовать предполагавшемуся вторженію въ наши предѣлы извѣстнаго генерала Бема, что казалось весьма возможнымъ послѣ того какъ онъ разбилъ всѣ австрійскія войска, бывшія въ Трансильваніи. Въ составъ отряда генерала Фрейтага была назначена, между прочимъ, и 4 конно-артиллерійская бригада полковника Хрулева, стоявшая въ Староконстантиновскомъ, кажется, уѣздѣ. По маршруту присланному Хрулеву, пространство отъ его квартиръ до Каменца онъ долженъ былъ пройти въ 8 дней, слѣдуя форсированнымъ маршемъ, т. е. безъ дневокъ). Между тѣмъ Хрулевъ, нетерпѣливо жаждавшій скорѣйшей встрѣчи съ непріятелемъ и полагавшій, что чѣмъ скорѣе явиться, при подобныхъ обстоятельствахъ, на назначенный пунктъ, тѣмъ лучше, вопреки маршрута, пришелъ въ Каменецъ въ пять сутокъ, т. е. тремя днями раньше назначеннаго срока. Тѣмъ временемъ самая надобность въ артиллеріи Хрулева, какъ и вообще въ сформированіи отряда Фрейтага миновалась, такъ какъ австрійскій главнокомандующій въ Галиціи, генералъ Гаммерштейнъ, успѣлъ увѣрить нашего главнокомандующаго, что Бемъ разбитъ австрійцами и бѣжалъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничего подобного не было, но все таки послѣдовала отмѣна сдѣланныхъ у насъ распоряженій и начальнику отряда, къ которому принадлежалъ Хрулевъ, генералу Павлову, долженствовавшему слѣдовать на сформированіе отряда генерала Фрейтага, посланъ былъ курьеръ, съ приказаніемъ воротиться на прежнія квартиры. Не найдя генерала Павлова въ головѣ отряда, гдѣ бы ему надлежало находиться со дня выступленія въ походъ, курьеръ поскакалъ отыскивать его въ Староконстантиновъ, гдѣ и засталъ его только готовящимся къ выѣзду съ цѣлью догнать свой отрядъ на походъ. Между тѣмъ пока пропесходила эта курьерская скачка, Хрулевъ былъ уже въ Каменцѣ Подольскомъ, откуда и долженъ былъ возвратиться сдѣлавъ напрасно 109 верстъ, въ одинъ конецъ.

Случай этотъ далъ поводъ корпусному командиру нашему, генералу отъ инфантеріи Чеодаеву, строго предписать всѣмъ начальникамъ дивизіи наблюдать, что бы младшіе исполняли распоряженія начальствующихъ, *„не дозволяя себѣ ни малѣйшихъ отступленій“*.

„На сей разъ, говорилъ генералъ Чеодаевъ въ своемъ предписаніи,

принимая въ уваженіе форсированнымъ движеніемъ доказанную неправоту 4-й конно-артиллерійской бригады и находя неправильное (??), но дѣйствительное усердіе полковника Хрулева явиться скорѣе, я ограничился сдѣланіемъ ему строгаго выговора.

„Полковникъ Хрулевъ подвергнутъ только выговору, въ томъ предположеніи, что онъ, какъ лично мнѣ извѣстный разсудительный офицеръ, командующій уже значительною частью, продолжительно будетъ памятовать *вторично* сдѣланный имъ проступокъ и при томъ мое къ нему снисхожденіе“.

Оригинальное предписаніе это имѣло слѣдующее, но истиннѣе, комическое заключеніе:

„Въ настоящемъ случаѣ дѣйствуя не строгостью, а убѣжденіемъ, приговораю, что дѣйствительно неправымъ офицеромъ только тотъ себя почитать можетъ, кто точнымъ образомъ исполняя свою обязанность, *не допускаетъ укоризны въ чьемъ либо снисхожденіи*“. (Sic!) (18 февраля 1849. № 303. г. Дубно).

Что касается до двухъ вышеупомянутыхъ нами подвиговъ Хрулева, совершенныхъ уже въ эту кампанію, то таковыя заключались въ слѣдующемъ.

Въ первыхъ числахъ мая, въ г. Дукло, для защиты сформировавшихся тамъ нашихъ складовъ, образовался подъ командою полковника Игнатьева, командира пѣхотнаго полка герцога Веллингтона небольшой отрядъ, въ составъ котораго, кромѣ пѣхоты, вошли три сотни Донскаго казачьяго № 51 полка и конная батарея полковника Хрулева. Впередѣ нашего отряда, на горныхъ перевалахъ стояли австрійцы. Хрулевъ убѣдилъ Игнатьева назначить его начальникомъ передовыхъ постовъ русскихъ и австрійскихъ. Игнатьевъ исполнилъ желаніе Хрулева, донесъ объ этомъ распоряженіи начальству и такимъ образомъ Хрулевъ, на всю кампанію, попалъ въ свою настоящую сферу—ближайшаго соприкосновенія съ непріятелемъ. Энергій и дѣятельности Хрулеву не занимать было стать! И вотъ казаки его передовыхъ постовъ пошли рыскать по Венгріи, то подъ предлогомъ открытія приближающагося непріятеля, то подъ видомъ фуражировокъ. Такимъ образомъ, 18 мая, Хрулевъ съ 120-ю казаками, однимъ коннымъ орудіемъ и съ 80-ю австрійцами, налетѣлъ на богатое мѣстечко Стронко, лежащее верстахъ въ 20-ти отъ Галиційской границы, захватилъ тамъ венгерскаго комиссара, производившаго рекрутскій наборъ и нѣсколькихъ административныхъ лицъ инсurreкціи, оружіе и съѣстные припасы. За тѣмъ, въ другой разъ, Хрулевъ съ двумя эскадронами гусаръ и двумя сотнями казаковъ бросился на мѣстечко Зборо, въ то самое время когда наши войска достигли гребня Грабовскаго перевала, уничтожилъ находившійся тамъ венгерскій постъ и привелъ 40 человекъ плѣнныхъ, на площадь м. Змигорода, прямо къ дому, въ который только что прибылъ Государь Императоръ.

Понятно, что Хрулева эти лихіе подвиги дѣлали популярнымъ въ

арміи, тѣмъ болѣе, что еще никто не заставлялъ говорить о себѣ, да и не было ни кому возможности выдвинуться изъ общаго уровня, такъ какъ доселѣ еще не было ни одного дѣла съ повсюду отступавшими Венгерцами (*).

Бартфельдъ—хорошенькій городокъ. Въ центрѣ его—площадь, съ каменнымъ зданіемъ ратуши посреди, обставлена, съ трехъ сторонъ большими каменными домами, обращенными въ военно-временные палаты госпитали, не смотря на ихъ изысканную наружность и богатство внутренней отделки. Съ четвертой стороны площадь завершается католическимъ, кафедральнымъ соборомъ. Воспользовавшись приваломъ, мы успѣли осмотрѣть это древнее зданіе, готической архитектуры и весьма значительныхъ размѣровъ. Говорили что живопись помѣщенныхъ въ этомъ соборѣ образовъ заслуживаетъ особаго вниманія, но ее почти различить не возможно, потемнѣвшую отъ времени; за то мы съ удивленіемъ остановились передъ желѣзной оковкой каменныхъ столбовъ поддерживающихъ куполъ храма: судя по изысканству работы этой оковки, состоящей какъ бы изъ частой чрезвычайно красивой сѣтки, самаго разнообразнаго и прихотливаго узора, надо полагать что эта желѣзная оковка сдѣлана отнюдь не для прочности столбовъ ею одѣтыхъ, а для украшенія храма. Замѣчательно что на одномъ изъ этихъ окованныхъ столбовъ, виситъ, на желѣзныхъ цѣпяхъ, большая *кость*, какого то, очевидно допотопнаго животнаго, вѣроятно мамонта. По мѣстному преданію, это кость одного изъ *великановъ*, аборигеновъ страны, павшихъ въ борьбѣ съ настоящими ея властителями. Оригинальна также *каедрa*, въ соборѣ, будто кружевная, тоже желѣзная. Говорятъ всѣ эти *желѣзные* украшения принадлежать глубокой старинѣ.

(*) Въ остальную кампанію, по тому-ли, что она была очень непродолжительна, и вообще, не отличалась частыми боевыми встрѣчами съ непріятелемъ;—по тому-ли, что отличнымъ характеромъ этой войны была чрезвычайная, до излишества доходившая осторожность главнокомандующаго, можетъ быть какъ результатъ преувеличенно высокаго мнѣнія его о силахъ и свойствахъ непріятеля;—потому-ли что фельдмаршалъ какъ бы умышленно не предоставлялъ инициативы, даже въ частныхъ дѣйствіяхъ, своимъ подчиненнымъ, а старался двигать ими какъ шапками по шахматной доскѣ,—но Хрулеву не выпало на долю ознаменовать себя какими либо блистательными подвигами, если не считать его столкновенія съ самими Гергеємъ, которому онъ, стараясь выпутаться изъ бѣды, случайно его постигшей послѣ Вайпенскаго сраженія, какъ извѣстно, черезъ посланныхъ парламентовъ, предложилъ положить оружіе. Но всеякомъ случаѣ изъ Бенгерской кампаніи, Хрулевъ вышелъ, въ числѣ весьма немногихъ, съ нѣкоторою боевою извѣстностью. Репутацію выдающагося изъ общаго уровня командира части, Хрулевъ съ достоинствомъ поддержалъ во время стоянки нашей подъ Лудкомъ, для приготовленія къ Царскому смотру. Такъ всѣ мы, неоднократно бывали свидѣтелями необыкновенныхъ, для того времени, учений конной батареи Хрулева. Дѣло въ томъ, что тогда какъ прочіе батарейные командиры только и думали чтобы ихъ кони не потеряли тѣла къ предстоящему Царскому смотру и въ тоже время неслишкомъ бы разнесли ихъ командирскіе карманы, а потому учений своимъ батареямъ производили какъ можно меньше и притомъ дѣлая построенія на шагъ, взрѣдка на маленькой рисѣ. Хрулевъ чуть ли не каждый день выѣзжалъ на учебный плацъ со своей батареей и всѣ эволюціи производилъ обыкновенно на полномъ карьерѣ. Товарищи, батарейные командиры, были недовольны Хрулевымъ за такой способъ дѣйствій; даже начальство выражало ему за это свое неудовольствіе; но за то мы молодежь, восхищались красотой и мастерствомъ его построений, удалью его людей, быстротой и выѣзкою его коней, молодечествомъ его самого и всей его, по истинѣ, боевой батареи. Эти лихія ученья Хрулева сдѣлали его извѣстнымъ не только офицерамъ но и солдатамъ всего корпуса, расположеннаго подъ Лудкомъ. Ни одного изъ прочихъ батарейныхъ командировъ, бывшихъ подъ Лудкомъ, никто изъ насъ и фамиліи-то не зналъ, а Хрулевъ куда бы не показался, сейчасъ, бывало слышишь: „Смотри, смотри—Хрулевъ!“

Дома, выходящіе на площадь Бартфельда и на лучшіе его улицы, представляют интересную особенность, будучи росписаны снаружи, *afresco*, и преимущественно самыми яркими красками. Такъ, на одномъ домѣ видимъ Архангела Михаила, пламеннымъ мечемъ поражающаго дьявола, — на стѣнѣ сосѣдняго дома картина самаго эротическаго свойства, — слѣдующій домъ расписанъ гербами владѣльца и изображеніемъ Божіей Матери, потрошессы Венгріи, — за тѣмъ на другихъ домахъ картины священно-историческаго содержанія перемѣшаны съ эмблемами различныхъ профессій домохозяевъ, ихъ специальностей и предметовъ производимой ими торговли и промышленности. Въ цѣломъ такой способъ наружнаго украшенія жилищъ производитъ немалый эффектъ.

При нашемъ вступленіи въ городъ лавки были заперты. Жители, видно, еще боятся насъ, еще не освоились съ нами, а между тѣмъ эта пріостановка торговли намъ очень неудобна, такъ какъ намъ необходимо многимъ заготовиться. Однако, какой-то добрый человекъ взялся насъ устроить въ этомъ отношеніи и указалъ намъ задній, незапертый, ходъ въ одну изъ лучшихъ лавокъ. Дѣйствительно, въ этой лавкѣ все можно было достать, начиная отъ простой воды до бархата и кружевъ. Здѣсь намъ даже предложили выпить и закусить соленьями и копчеными, что мы и не замедлили исполнить, запасаясь всемъ необходимымъ и кстати, купивъ на память большой, венгерскій, стеклянный пугаръ, (высокій стаканъ), съ изображеніемъ въ стеклѣ, бартфельдскаго кафедральнаго собора, о которомъ говорено выше. Здѣсь же, въ лавкѣ мы узнали, что въ нѣсколькихъ отсюда шагахъ, на гаубтвахтѣ содержится трое плѣнныхъ, раненныхъ венгерскихъ офицеровъ, находящихся въ жалкомъ положеніи, нуждаясь въ самомъ необходимомъ. Мы поспѣшили послать *врагамъ* — страдальцамъ табакъ и приличное количество съѣстнаго, за что услышали отъ хозяевъ лавки весьма лѣстные отзывы о русскомъ великодушіи, съ откровеннымъ замѣчаніемъ, что австрійскіе офицеры — такъ бы не поступили.

Едва мы расположились бивакомъ близъ города, какъ рѣшили поспѣшить извѣстныя Бартфельдскія купальни, лежація верстахъ въ 4-хъ отъ города. Переходъ въ этотъ день былъ небольшой, всего 13 верстъ, утомиться мы не могли, а потому позволили себѣ задуманное удовольствіе. Мы покатались въ купальни большимъ обществомъ и вполне были вознаграждены за свою любознательность. Къ купальнямъ, лежащимъ у подношья горъ, покрытыхъ крупнымъ лѣсомъ, ведетъ шоссе, пробѣгающее частію по живописной долинь, прорѣзанной ручьями, испещренной рошицами, частію — по грандіозному ущелью. Купальни представляютъ собою какъ бы городокъ. Домики заведенія, въ числѣ пятидесяти, если не болѣе, одни раскинуты амфитеатромъ по гребню ущелья, другіе образуютъ три чистенькія улицы въ долинь. Затѣмъ, тутъ курзалъ, садъ, паркъ со множествомъ боскетовъ, бесѣдокъ, скамеекъ, укромныхъ живописныхъ уголковъ для отдыха, — подъ большимъ навѣсомъ обширный мраморный бассейнъ, въ которомъ вода будто

кипитъ постоянно отъ углерода безпрестанно выбухающаго со дна источника.

Вообще, говорятъ, вся окрестная мѣстность до того изобилуетъ жилами минеральной воды, что стоитъ только, на любомъ мѣстѣ, вырыть колодезь въ аршинъ глубины, и покажется минеральная вода. Минеральныхъ ключей здѣсь множество; они никогда не замерзаютъ и постоянно содержатъ 10^0 тепла по Р. Взболтаешь свѣжую минеральную воду въ стаканѣ и она вся какъ бы проникнется пузырьками; прихлонишь ее рукой въ бокалѣ и она зашипитъ, зашѣнится какъ шампанское, отъ котораго ее даже по вкусу трудно отличить если прибавить въ бокалъ полъложечки сахару и хоть четверть рюмки стараго венгерскаго. Таковыя качества бартфельдская вода, хорошо закупоренная въ бутылкѣ, сохраняетъ очень долго. Воды эти, большею частію содержащія въ себѣ и желѣзо, имѣютъ свойство укрѣплять слабый организмъ; излечиваютъ отъ солитера, глистовъ, золотухи, ревматизма, подагры, катара желудка. Здѣсь счастливо сгруппированы матерью природой, источники минеральной воды различныхъ свойствъ,—въ этомъ и причина изцѣленія здѣшними водами отъ разнообразныхъ недуговъ. Однѣ воды пьютъ, въ другихъ—только купаются. Для питья служатъ преимущественно источники: Доктор-брюнъ, Гауп-брюнъ и въ особенности Шпрудель-брюнъ—постоянно какъ бы кипящій. Купаются въ двухъ только источникахъ, находящихся неподалеку другъ отъ друга, внутри поселенія—забылъ ихъ названія. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ четырехсотъ, (устроенныхъ) минеральныхъ источниковъ Венгріи, бартфельдскія воды пользуются наибольшею извѣстностью. Торговля этими водами развилась съ 1700-хъ годовъ, когда ихъ стали вывозить, въ значительномъ количествѣ, за границу. На бартфельдскія воды, въ лечебный сезонъ, съѣзжалось обыкновенно до 1200 человекъ. Плата здѣсь за пользованіе водами крайне умѣренная. Такъ, напримѣръ, ванна, смотря по изяществу и комфортабельности обстановки, стоитъ отъ 6 до 10 крейцеровъ. Вообще жизнь на этихъ водахъ очень дешева и пріятна: здѣсь постоянно гремитъ музыка,—устраиваются танцы, поѣздки въ горы—пикниками, словомъ здѣсь бывало очень весело, но разумѣется, только въ мирное время, теперь же воды пусты до того, что мы проведя здѣсь часа полтора—никого не встрѣтили.

Подъ вечеръ мы воротились на бивакъ, расположенный верстахъ въ двухъ за городомъ, на мызѣ какого то венгерскаго магната, ушедшаго въ повстаніе и бросившаго на произволъ военныхъ случайностей, все что не могъ захватить съ собою. Понятно, что мы застали мызу этого патріота въ самомъ жалкомъ видѣ, полуразрушенную нашими предшественниками. Мы пришли и довершили разрушеніе, тѣмъ болѣе естественное, что дождь къ ночи пошелъ какъ изъ вѣдра и стало холодно. Солдаты потащили для устройства бивака съ мызы, все что только могли оторвать, сломать или срубить. Повалились, какъ трава подъ косой, старыя плодовые деревья,—потащили двери, столы, даже разбитыя зеркала, пустыя бочки изъ погребовъ, мебель,—все пошло на костры, пылавшіе всю ночь. Мы, штабные,

устроили своего генерала и себя возможно удобнѣе, въ одной изъ комнатъ господскаго дома, хотя и лишенной оконъ и дверей. Мнѣ, напримѣръ, уцѣлевшій столъ послужилъ отличной кроватью, съ сѣдломъ вмѣсто подушки, съ потникомъ—вмѣсто тюфяка.

На разсвѣтѣ, придя погрѣться къ бивачному костру, мы поделушали разсказъ солдата, что эта мыза такъ ужасно разорена потому, что будто бы здѣсь, при вступленіи нашего авангарда, *отравленъ* офицеръ и 30 солдатъ, хозяиномъ мызы, съ притворнымъ радушіемъ предложившимъ обѣдъ этимъ несчастнымъ. Конечно этотъ разсказъ не имѣлъ другаго основанія кромѣ убѣжденія, что въ народной войнѣ, непріятеля истребляютъ всевозможными способами, однако подобные разсказы до того усвоились нашей арміи, что при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи въ глубь Венгріи, не только солдаты, но даже офицеры, въ случаяхъ когда приходилось имъ пользоваться гостепріимствомъ венгерцевъ или питаться съ ихъ кухни, хотя бы и за деньги, заставляли своихъ хозяевъ, предварительно ѣсть или пить ими предлагаемое. Замѣчательно, что таковою неучтивостью Венгры не оскорблялись, вѣроятно потому, что совѣсть ихъ была чиста и никто изъ нихъ не мыслилъ прибѣгать къ отравленіямъ и въ послѣдствіи, не ожидалъ уже нашей просьбы: попробовать самимъ предлагаемое,—по собственной инициативѣ—ѣли и пили предлагаемое намъ,—все шутя и смѣясь...

20 іюня вечеромъ мы проходили большее село Домети, намѣревались стать за нимъ бивакомъ, если найдемъ удобную для того позицію, но проѣзжая мимо воротъ прекраснаго барскаго дома въ этомъ селѣ, мы были встрѣчены помѣщикомъ, убѣдительно просившимъ нашего генерала отобѣдать у него со всеми офицерами. Генералъ далъ слово исполнить любезное желаніе помѣщика, поставивъ отрядъ на бивакъ. Такимъ образомъ здѣсь, впервые, намъ пришлось посѣтить семейство венгерскаго магната.

Мы были встрѣчены съ большою предупредительностью. Хозяинъ представилъ насъ своимъ дамамъ—женѣ и сестрѣ, недавно только возвратившимся изъ плѣна, въ который были увезены своими же венгерцами, при ихъ послѣднемъ отступленіи. Оказалось, что нашъ хозяинъ близкій родственникъ Гергея и его вліянію наши хозяйки обязаны своимъ скорымъ освобожденіемъ. Правда, что не смотря на это родство нашего хозяина съ излюбленнѣйшимъ венгерскимъ вождемъ, долго здѣсь пировавшіе инсургенты, при отступленіи, кромѣ дамъ, забрали изъ дому все, что было поцѣннѣе и на виду; лошадей, оружіе, попавшее имъ на глаза серебро, бѣлье и даже большую коллекцію трубокъ, тщательно собранную нашимъ хозяиномъ, страстнымъ ихъ любителемъ.

За обѣдомъ (*) радушные хозяева очень усердно подчивали насъ то тѣмъ, то другимъ изъ весьма многочисленныхъ блюдъ, намъ подававшихся. Правду надо сказать, что не смотря на радушіе предложенія, мы могли

(*) Въ Венгріи обыкновенно обѣдаютъ въ полдень и ужинаютъ въ 7 часовъ.

ѣсть только немногія кушанья. Венгерская кухня пришла къ намъ не повкусу: супъ съ шафраномъ; на особомъ блюдѣ холодная, вареная говядина и къ ней, въ соусникѣ, какой-то кислый соусъ; нѣсколько соусовъ, большею частію приправленныхъ черносливомъ и изюмомъ; гора весьма жирнаго плова и въ вершинѣ этой горы, будто кратеръ, углубленіе наполненное — грибнымъ соусомъ; какія-то ватрушки только формою похожія на наши; жареные цыплята, поданные на манеръ телячьихъ ножекъ у насъ, т. е. обваленные въ мукѣ и обжаренные и т. д. Большая часть кушаньевъ на свиномъ салѣ. Хрѣнъ, въ большинствѣ случаевъ замѣняетъ горчицу. Пирожное подаютъ прежде жаркого, обыкновенно сопровождаемаго разными салатами, въ томъ числѣ, изъ стручковаго перца. Вообще, высушеннымъ и истолченнымъ въ порошокъ стручковымъ перцемъ, замѣняющимъ у нихъ *кайенну*, Венгерцы обильно посыпаютъ чуть ли не каждое кушанье, не смотря на то что *наприки* т. е. стручковый перецъ послужилъ уже приправой для многихъ изъ нихъ. Редиска стоитъ на столѣ весь обѣдъ и ее разносятъ послѣ разныхъ кушаний. Въмѣсто кваса — питье изъ вишневаго сока — очень вкусное. Вино, сладкое и кислое, превосходныхъ качествъ, настоящее венгерское, предлагалось въ изобиліи. Послѣ обѣда подаютъ черный кофе.

По выходѣ изъ за стола, какъ и у насъ въ старосвѣтскихъ семействахъ на Руси, хозяйинъ цѣдуется съ хозяйкой, благодаря ея за хлопоты, а гости подходятъ благодарить хозяевъ, при чемъ цѣлуетъ руку хозяйки.

Во время обѣда много говорили о томъ: чѣмъ и какъ питается венгерское простонародье? Хозяинъ рассказывалъ, что католики и словаки строго соблюдаютъ посты. Въ эти дни ихъ главною пищею составляетъ кукуруза въ различныхъ видахъ, большею частію замѣняющая имъ хлѣбъ, (хотя венгерцы употребляютъ пшеничный хлѣбъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и ржаной), — затѣмъ борщъ, чаще изъ недозрѣлаго винограда. (*) Въ скоромные дни и венгерцы и словаки употребляютъ много свиного сала, — приправляя имъ кушанья и въ сыромъ видѣ, разумѣется просоленное или прокопченное, просто съ хлѣбомъ. По этому венгерцы разводятъ много свиней. (**) Мясо рогатаго скота простолюдины здѣсь рѣдко употребляютъ въ пищу, а имѣя большое овцеводство, бьютъ на пищу много барановъ и мастерски умѣютъ готовить баранину, приправляя ее различными пряностями. Вообще венгерцы употребляютъ много фруктовъ въ различныхъ видахъ, также дынь, арбузовъ, огурцевъ, превосходно ими приготовляемыхъ въ прокъ, на зиму.

Въ Тейсѣ, Ваагѣ, Дунаѣ много рыбы, которую ловятъ прибрежные жители преимущественно для домашняго употребленія. Въ горныхъ рѣчкахъ

(*) Кстати замѣтимъ, что нашимъ солдатамъ этотъ венгерскій борщъ очень пришелся по вкусу и они стали варить себѣ такой же, съ говядиной или саломъ, а когда еще не было виноградныхъ гроздій, то борщъ варили изъ молодыхъ побѣговъ виноградной лозы.

(**) Свины здѣсь особой породы, на высокихъ ногахъ, съ огромными ушами, большею частію совершенно черныя, страшныя такія, но дающія очень вкусное мясо и способныя достигать большою гучности.

водится форель, впрочем не крупная. Жители угорій большіе охотники и питаются преимущественно добычей охоты: медвѣдями, козами, зайцами, во множествѣ водящимися въ горахъ, при чемъ Словаки не имѣютъ тѣхъ предразсудковъ что нашъ крестьянинъ и ѣдятъ: *всего* медвѣдл, *всего* зайца. Охота доставляетъ главную пищу жителямъ, потому что хлѣбъ въ этихъ мѣстностяхъ почти не родится, (да горцы, большею частью, и сѣютъ то только ячмень), уничтожаемъ будучи холодными утренниками лѣтомъ и морозами: ранними—осенью, поздними весною. Вообще климатъ въ Венгріи чрезвычайно измѣнчивъ, отъ этого въ Банатѣ, напримѣръ, одинъ хорошій урожай бываетъ въ семь лѣтъ, таковымъ признаютъ урожай прошлаго года. Причиной неурожая въ Банатѣ, наиболѣе занимающемся хлѣбопашествомъ, откуда хлѣбные запасы доставляются при урожаѣ на европейскіе рынки, прежде чѣмъ откуда бы то ни было,—частыя засухи: если въ маѣ нѣтъ дождя, то хлѣбъ не родится, также его губятъ не рѣдко туманы въ іюнѣ и первыхъ числахъ іюля, когда жатва почти бываетъ готова къ уборкѣ.

Послѣ обѣда, законченнаго многочисленными тостами, мы повели своихъ хозяевъ полюбоваться нашимъ бивакомъ.

Пришли и музыка загремѣла, зазвучала солдатская пѣсня; молодежь устроила танцы, подъ открытымъ небомъ; разумѣется наши хозяйки и хозяева, повидимому отъ души, веселились съ нами до поздней ночи и въ заключеніе мы съ музыкой и пѣснями, проводили ихъ до самого ихъ дома гдѣ, на прощанье, роздали еще не одну бутылку стараго венгерскаго.

Таково было наше первое знакомство съ венгерскимъ семействомъ изъ порядочнаго общества.

21 іюня, мы имѣли привалъ на брошенномъ бивакѣ значительнаго венгерскаго отряда. Бивачные шалаши непріятеля послужили намъ матеріаломъ для потѣшныхъ огней. Признаться—не понимаю: зачемъ и для чего жгли эти шалаши? Если они не были нужны намъ собственно, то могли пригодиться какому нибудь другому нашему отряду или транспорту, которому пришлось бы заночевать въ этомъ полѣ.

Но, въ томъ то и дѣло, что у нашего солдата есть жилка такая: сжечь или сломать все то, чего онъ съ собою не можетъ захватить! Но простительно ли начальству позволять солдатамъ развивать въ себѣ подобныя инстинкты?

Пройдя затѣмъ долину Капи, ввиду господствующаго надъ нею древняго замка, носящаго имя „Капушанскаго“,—долину, на которой былъ устроенъ венгерцами укрѣпленный лагерь, раскинутый по обѣимъ сторонамъ шоссе и брошенный ими безъ боя, такъ какъ наши не атаковали этой позиціи, а обошли ее,—мы оставили за собою мѣстечко Капи и мѣстечко Шебешъ, на скорую руку укрѣпленное уже нашими войсками и, передъ вечеромъ, вступили въ городъ Эперіесъ, (Прешовъ—не словаки, древній Fragopolis).

Жители Эперіеса, большею частію, Словаки, враги инсурекиі Венгерцевъ, сторонники австрійскаго императора, встрѣтили насъ съ выраженіемъ не только пріязни, но даже восторга, хотя мы были уже не первыя русскія войска, вступавшія въ этотъ городъ, слѣдовательно не имѣли за собою достоинства новинки.

Подъ Эперіесомъ мы сдѣлали маленькій приваль, — немножко пообчистились, вообще оправились и, съ распущенными знаменами, съ музыкой и пѣнями вступили въ городъ. Насъ встрѣтилъ колокольный звонъ со всѣхъ церквей и большія толпы народа на улицахъ, кричавшаго: *Vivat* и *Эліенъ!* Множество дамъ, большею частію очень красивыхъ, смотрѣли изъ оконъ домовъ проходимыхъ нами улицъ, бросали на насъ цвѣты и конфекты; махали намъ платками и привѣтствовали радостными криками. Городскія власти встрѣтили насъ при входѣ въ городъ и провожали вплоть до мѣста избраннаго подъ нашъ бивакъ, версты за двѣ отъ города. Разумѣется, мы офицеры, съ бивака немедленно воротились въ городъ, во первыхъ — пообѣдать, — во вторыхъ посмотреть: нѣтъ ли въ немъ чего интереснаго? Гостинница, лучшая въ городѣ, оказалась плохою, за то мѣстнаго приготовленія игристое вино подъ именемъ „Эперіескаго шампанскаго“, найдено нами ни чуть не хуже продаваемого у насъ подъ именемъ настоящаго шампанскаго.

Эперіесъ лежитъ въ живописной мѣстности, въ долину, обставленную горами покрытыми виноградниками. Это городъ чистенькій, красивый, съ этажными каменными домами и съ большею, готическою архитектурой церковью, во имя Іоанна Крестителя. Это, какъ оказалось, кафедральный соборъ, обыкновенно здѣсь проживающаго Грекоуніатскаго Епископа, управляющаго всѣмъ уніатскимъ духовенствомъ въ королевствѣ.

Смеркалось когда мы воротились на бивакъ, гдѣ застали многихъ жителей, пришедшихъ изъ города поближе посмотреть на своихъ гостей и послушать ихъ захватскихъ пѣсенъ, родными, славянскими звуками, ласкавшими ихъ слухъ.

Большинство Эперійцевъ было въ широкополыхъ черныхъ шляпахъ съ низкой тульей, въ курткахъ — или бѣлыхъ, суконныхъ, расшитыхъ черными шнурами или — въ овечьихъ, дубленой кожи, расшитыхъ шелками яркихъ цвѣтовъ, — всѣ въ синихъ чакчирахъ, также расшитыхъ шнурами по гусарски, и въ маленькихъ гусарскихъ сапогахъ.

Эперіесцы — это Словаки, что подъ именемъ Венгерцевъ такъ недавно еще скитались по всей Россіи, до Восточной Сибири включительно, — по нашимъ городкамъ и деревнямъ, по помѣщикамъ и попамъ, таская пѣшкомъ, заспиною, тяжелый ящикъ съ разными, какъ они называли „Олейками“, т. е. лекарственными маслами.

Въ дѣйствительности, въ коробѣ Венгерца помѣщались не одни „Олейки“, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Тутъ были кромѣ пузырьковъ съ разными снадобьямъ, маслами, разными домашними средствами отъ раз-

ныхъ болѣзней, отъ моли, клоповъ, таракановъ и пр.: гранаты въ видѣ ожерелій, образки, четки изъ черной ароматной массы, иголки, ножницы, наперстки, бритвы, перочинные ножи, корандаши, краски, различные косметики, въ особенности розовое масло, дешевыя раскрашенныя литографіи и разная другая мелочь. Эти такъ называемые Венгерцы, помнимъ, бывали желанными гостями въ нашихъ деревенскихъ захолустьяхъ. Помнимъ, изъ временъ нашего дѣтства, съ какимъ замѣраніемъ нашихъ маленькихъ сердецъ, мы ждали, какъ начнетъ бывать, развязывать свой коробъ такой Венгерецъ. Съ какимъ любопытствомъ мы разсматривали всякую вещь изъ этого короба; съ какимъ удовольствіемъ мы вслушивались въ полурусскую рѣчь Венгерца, какую то лomanую и отличавшуюся особеннымъ акцентомъ. Живо помнимъ, сколько наслажденій доставляли намъ, въ свое время, эти неутомимые скитальцы. Теперь ихъ не видать у насъ, на Руси. Имъ запретили торговать *олейками*, *) главнымъ образомъ предметомъ ихъ прежней у насъ торговли и вотъ если они и попадаются у насъ въ настоящее время, то или съ мышеловками и другими жестяными издѣліями, или съ краснымъ товаромъ, большею частію, московской фабрикаціи.

22 Іюля мы сдѣлали переходъ въ Кашау. Хотѣлось скорѣе добратъ-ся до этого города, — цѣли настоящаго похода, — хотѣлось скорѣе узнать наше дальнѣйшее назначеніе, узнать: что ждетъ насъ въ ближайшемъ будущемъ? а переходъ, какъ нарочно, большой, въ 28 верстъ и все „съ горки на горку!“. Подвигаемся медленно, тяжело.

Вотъ и мѣстечко Самось. Здѣсь, ровно десять дней тому, какъ произошло кровавое столкновеніе нашихъ передовыхъ войскъ съ аріергардомъ отступавшихъ Венгерцевъ. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Было приказано авангарду генерала Анрена перейти къ Самосу, занятому Венгерцами и на развѣтѣ 12 іюня, атаковать его. Этого распоряженія въ точности исполнено не было: говорятъ — наши не вытерпѣли. Два эскадрона гусаръ полка Вел. Княгини Ольги Николаевны, съ казаками Донскаго № 32 полка и конною № 4 батареею, подъ командою генерала Багговута, бросились на отступающихъ Венгерцевъ еще 11 іюня, подъ самымъ мѣстечкомъ и завязали съ ними дѣло. Говорятъ — столкновеніе было ожесточенное. Наши ворвались даже въ мѣстечко, занятое непріятелями и произвели между ними большее опустошеніе; особенно отличился одинъ изъ эскадронныхъ командировъ, баронъ Раденъ, изрубившій нѣсколько венгерскихъ гусаръ и самъ раненый. Ночь положила конецъ битвѣ и подъ ея покровомъ Венгерцы очистили Самось.

За Самосомъ предъ нами раскинулись Будомірскія высоты, замыкающія долину, по которой мы тянулись по прекрасному шоссе, берегу р. Торчи. Названныя высоты, поросшія крупнымъ лѣсомъ, были хорошо ук-

*) Аптекарскія снадобья и различныя врачевныя средства, которыя слыли подъ именемъ олеиковъ, были нерѣдко средствами шарлатанскими, для здоровья вредными, иногда опасными, а потому торговли ими запрещена.

рѣшлены венгерцами: по обѣ стороны шоссе возвышались бастіоны, съ глубокими рвами, господствовавшіе надъ долиною. Казалось бы венгерцы могли дать на этой позиціи сильный отпоръ нашимъ войскамъ, на нихъ наступавшмъ, но они покинули свои укрѣплѣнія безъ боя, лишь только 12 іюня, 4 пѣхотная дивизія съ частями Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, направилась на эту позицію съ фронта, а 5 пѣхотная дивизія, съ кавалеріей, пошла въ обходъ позиціи съ права, горами, черезъ Лемесъ на Кишфалу въ то время какъ третья паша колона пошла въ обходъ позиціи слѣва, черезъ Богдани, прямо на Кашау. Съ такими силами венгерцы бороться не рѣшились и поспѣшили отступить на Кашау.

Взобравшись на Будомірскія высоты, мы бросили взглядъ на пройденное нами пространство. Предъ нашимъ взоромъ, доколѣ онъ только могъ достигать, была прелестная долина, прорѣзанная живописными извивающимися быстрымъ р. Торчи, испещренная группами деревень и фермъ, садами и виноградниками по скатамъ холмовъ съ ихъ чрезвычайно красивыми издалі, бѣлыми, каменными огородами, драпированными фестонами всевозможныхъ ползучихъ растений и бѣлыми домиками съ зелеными жалузи, пріютившимися въ цвѣтахъ и зелени сада, обыкновенно окружающаго такой домикъ мѣстнаго винодѣла.

Но вотъ всѣ обозы нашей колонны вытянулись на высоты, — ударили подъемъ и мы вошли въ крупный лѣсъ, тянувшійся до самаго почти Кашау, города, роскинушагося, наконецъ, передъ нами по правому берегу мелководной здѣсь рѣчки Гернада, въ долину обставленной отрогами весьма живописныхъ горъ. Долина, по которой теперь лежалъ нашъ путь, прорѣзана рядами очень хорошихъ и удачно поставленныхъ земляныхъ укрѣпленій; но всѣ онѣ достались нашимъ войскамъ безъ боя, какъ и самое Кашау, составлявшее послѣдній горный оплотъ венгерцевъ. Очевидно, что Дебницкій, у котораго было не болѣе 25000 войска и то не дисциплинированнаго и плохо обученнаго, не могъ рѣшиться вступить въ открытую борьбу со всею нашей арміей, надвигавшейся на него, грозной, компактной массой; не смотря на превосходство позицій, бывшихъ въ его рукахъ и потому покинуть горные проходы, при томъ населенные враждебными его дѣлу жителями — Словаками и поспѣшилъ спуститься въ степи коренной Венгріи, гдѣ могъ рассчитывать и на полную поддержку со стороны населенія и на возможность своего соединенія съ главными венгерскими силами.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго привала на берегу р. Гернада, оправившись, отдохнувъ и помывшись, мы вступили, церемониальнымъ маршемъ, въ Кашау, главный городъ Абуйварскаго камитата. (*)

По всему было видно, что мы вступаемъ въ городъ, населенный враждебными намъ жителями — не то, что въ Эперіесъ. Ни какой встрѣчи, ни малѣйшей оваціи: вездѣ нахмуренные, враждебные взгляды; ни какого дру-

(*) *Кошица* — по словацки, *Касса* — по венгерски, имѣетъ до 30000 жителей.

желюбнаго вниманія къ намъ съ чьей бы то ни было стороны; исполненіе требованій и приказаній, какъ уступка силѣ, безъ малѣйшей предупредительности и радушія. Въ Эперіесѣ насъ всюду привѣтствовали разодѣтыя, по праздничному дамы,—здѣсь, если и встрѣчалась изрѣдка порядочная женщина, то непременно въ глубокомъ траурѣ по отцизнѣ, разумѣется, и съ опущенною вуалью. Въ траурѣ были и мужчины. Ихъ трауръ выражался пуховой шляпой съ низенькой тульей, обшитой широкой черной лентой или чернымъ крепомъ, съ серебряною пряжкой. Фельдмаршалъ Гайнау особой прокламаціей, запретилъ носить эти шляпы, но мы ихъ видѣли на всѣхъ почти изъ тѣхъ немногихъ венгерцевъ, которые остались въ городѣ, почему либо не имѣя возможности стать въ ряды защитниковъ отечества, съ оружіемъ въ рукахъ.

При самомъ почти вступленіи нашемъ въ городъ, насъ встрѣтила печальная новость: мы остаемся горпизономъ въ Кашау! Наши надежды на скорое присоединеніе къ арміи разлетѣлись дымомъ. Нашему полковому командиру, генералу Колзакову, приказано принять военное начальство надъ городомъ и окрестной страной. Тотчасъ образовался отрядный штабъ и я назначенъ завѣдывать имъ. Опять томительныя, письменныя занятія и вмѣсто кипучихъ боевыхъ походовъ, скучное сидѣніе въ канцеляріи. И это въ двухъ, трехъ шагахъ отъ театра самыхъ, казалось, оживленныхъ военныхъ дѣйствій. Большинство изъ насъ было пекренно огорчено выпавшей намъ долей.

Ни сколько насъ не утѣшали, ни тѣ великолѣпныя помѣщенія во дворцахъ бѣжавшихъ магнатовъ, которыя мы заняли, ни тотъ полнѣйшій комфорта, который мы тамъ нашли, едвали кѣмъ либо изъ насъ дотолѣ испытанный, тѣмъ болѣе рѣдкій въ походной жизни. Наше время проходило въ томительномъ бездѣйствіи, въ ожиданіи завтрашняго дня, который, думалось, авось измѣнитъ наше положеніе..... Но день уходилъ за днемъ и все оставалось по прежнему,—ни откуда ни какихъ вѣстей. Курьеры проѣзжаютъ только въ главную квартиру, а оттолъ—ни кого. Почти цѣлый день гуляемъ по бульвару, закуривая напросу за напросомъ отъ вѣчно-тлѣющаго фитиля у артиллеристовъ, что стоятъ при двухъ орудіяхъ, поставленныхъ у бульвара, для обстрѣливанія—въ случаѣ чего—главной улицы и площади города; слушаемъ полковую музыку, каждый вечеръ играющую, одно и то же, на бульварѣ; сидимъ въ казино, что на томъ же бульварѣ, потягивая превосходное венгерское поданое въ маленькихъ, будто кованныхъ бутылочкахъ; завтракаемъ да ужинаемъ тутъ же, очень порядочно, ѣдимъ отличные фрукты..... вотъ и все наше обычное, ежедневное, времяпрепровожденіе!..... Читать нечего; говорить не съ кѣмъ и не о чемъ, потому что все давно переговорено. Тоска..... Молодымъ военнымъ людямъ, тоска въ странѣ, про которую говорятъ: Венгрія—это прелестныя женщины, превосходные кони, отличное вино, чарующая и ослѣпляющая цыганская музыка и упоительный *чардашъ*!..... Странно!

Принялись укрѣплять полуразрушенную ограду кладбища, на выѣздѣ, съ юго-западной стороны города. Въ каменной оградѣ дѣлають бойницы для ружейной обороны. Устраняють тамъ же какія то невѣроятныя приспособленія для пушекъ. И зачѣмъ все это?—подумаешь. Зачѣмъ эта напрасная трата солдатскихъ силъ и казенныхъ денегъ? Развѣ можно отстоять этотъ хламъ отъ непріятеля, сколько иибудь предприимчиваго? Тѣмъ болѣе, что эта кладбищенская ограда примыкаетъ къ грушѣ гнилыхъ городскихъ домишекъ, которые загорятся отъ первыхъ непріятельскихъ снарядовъ. Говорять: это укрѣпленіе необходимо для склада нашихъ продовольственныхъ и всякихъ другихъ запасовъ. По моему, скорѣе оно необходимо для очищенія совѣсти нѣкоторыхъ господъ, что бы, въ случаѣ чего, можно было сказать: были приняты необходимыя мѣры защиты.....

Но вотъ, безмятежность нашей жизни нарушилась хотя событіями далеко и нежеланными. Въ арміи появилась и внезапно разевирѣпѣла холера. Этого бича Божія никто не ожидалъ и для встрѣчи его, для принятія его ударовъ—не было взято ни какихъ мѣръ. Госпитальная часть въ арміи была въ полнѣйшей дезорганизациі. Заболевавшихъ холерою и различными другими болѣзнями: лихорадкой (въ данномъ случаѣ венгерской, весьма опасной и безотвязной), дезинтеріей, горячкой и тифомъ, а такъ же раненыхъ, по счастію, впрочемъ, не многочисленныхъ, начали отсылать въ тылъ арміи, т. е.—къ намъ. Были дни, что въ Кашау привозили больныхъ до 1000 человекъ, а между тѣмъ ни какихъ предварительныхъ распоряженій объ устройствѣ хотя бы какихъ иибудь временныхъ госпиталей сдѣлано не было, и не было отпущено ни какихъ денежныхъ или матеріальныхъ средствъ для ихъ устройства. Въ городѣ скопилось до 5000 больныхъ, а на лицо было всего четыре медика, человекъ 10 фельдшеровъ, одинъ священникъ, да человекъ 70 прислуги неумѣлой, взятой изъ фронта, понятія неимѣющей объ обязанностяхъ лазаретнаго служителя или санитаря.

Въ виду такого плачевнаго положенія дѣла все мы принялись за работу съ цѣлью достигнуть возможно лучшаго устройства доставленныхъ къ намъ больныхъ и раненыхъ. Генералъ Колзаковъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ величайшей энергіей. Давали, что могли. Подъ лазаретныя помѣщенія заняли лучшія въ городѣ дома магнатовъ. Больныхъ укладывали на роскошныхъ диванахъ, обитыхъ штофомъ и рытымъ бархатомъ; клали больныхъ и на сдвинутыхъ креслахъ и въ тѣхъ же комнатахъ, съ золочеными карпирами и роскошными драпировками, просто—на паркетѣ, наставъ на него сѣна или соломы. Постельнаго бѣлья, необходимой посуды не было и въ поминѣ. Поручикъ Левшинъ, имѣвшій отъ генерала Колзакова порученіе завѣдывать полицейскою частью въ городѣ, по счастію, открылъ, зарытый гдѣ то въ землѣ большой складъ отличнаго бѣлья, приготовленнаго для инсургентовъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ одежды, оружія и аммуниціи. Последніе изъ этихъ предметовъ были взяты въ складъ, а бѣлье и одежду роздали по лазаретамъ, что значительно улуч-

шило положеніе больныхъ, лежавшихъ до того въ грязномъ бѣльѣ. За тѣмъ, посредствомъ полиціи набрали у жителей и въ лавкахъ необходимую посуду; всѣ вольныя аптеки заставили изготовлять потребныя лѣкарства, объявивъ ихъ содержателямъ, что въ послѣдствіи, за все у нихъ взятое по рецептамъ нашихъ медиковъ, будетъ имъ произведена надлежащая уплата; всѣхъ вольно практикующихъ въ Кашау лекарей, заставили, подѣ надзоромъ нашихъ медиковъ, лечить больныхъ въ устроенныхъ госпиталѣхъ; австрійскаго комиссара Печи, человѣка очень милаго и услужливаго, пригласили доставлять въ госпитали потребныя продукты для продовольствія больныхъ и такимъ образомъ госпитальное дѣло у насъ кое-какъ наладилось, хотя холера и свирѣпствовала до того, что бывали страшныя дни, въ которые хоронили человѣкъ по двѣсти! Разумѣется, такая смертность происходила преимущественно отъ того, что изъ числа привозимыхъ въ Кашау почти ежедневно больныхъ, часть доставлялась уже полумертвыми. Не было транспорта, который не похоронилъ бы въ пути нѣсколько десятковъ человѣкъ, и все таки, бывало, вынимая привезенныхъ изъ форшпановъ, находили по нѣскольку человѣкъ мертвыми! И говорить нечего, что такое положеніе дѣла производило сумятицу въ госпитальной администраціи, сформированной, къ тому же, на скорую руку. Людей, большою частью, привозили безъ билетовъ;—многіе изъ привезенныхъ даже не знали другъ-друга; поэтому очень часто хоронили неизвѣстно кого. Теряли даже счетъ умершимъ, такъ же какъ не знали и счета живымъ-больнымъ, состоявшимъ на попеченіи госпитальнаго начальства; не могли установить ни какой отчетности; о надлежащемъ порядкѣ никто и думать не могъ; заботились только о томъ, что бы умершаго скорѣе вынести изъ комнаты,—о томъ, что бы по возможности всѣхъ доставленныхъ въ госпитали накормить, и всѣмъ дать какую нибудь, медицинскую помощь. По счастію, время года было такое благоприятное и стояла такая прелестная погода, что окна и двери домовъ запятыхъ подѣ больныхъ, всегда можно было держать открытыми и не было затѣмъ нужды въ искусственной вентиляціи и дезинфекціи помѣщеній, а то накопленіе зловредныхъ мѣзмовъ въ лазаретныхъ помѣщеніяхъ, неминуемо вызвало бы новыя болѣзни.

Транспорты больныхъ приходили на венгерскихъ *форшпанахъ*,—это большія, длинныя повозки, несравненно болѣе удобныя для лежанія и сидѣнья чѣмъ наши уродливыя полуфурки. Но больные бывали набиты въ эти форшпаны въ такой степени, что путешествіе въ нихъ представлялось крайне неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что по распоряженію вышшаго начальства, больные должны были отправляться, изъ частей, со всѣмъ ихъ оружіемъ и аммуниціей. Ружья, тесаки, ранцы, сумы, все это наваленное на одну повозку съ больными, разумѣется, наваленное безъ малѣйшаго вниманія и порядка, увеличивало мученіе перевозимаго больного или раненаго, и само коверкалось и ломалось. У насъ скорехонько образовался большой складъ этого добра, сваленнаго въ громадныя кучи, вмѣстѣ съ различнымъ солдат-

скимъ имуществомъ, доставленнымъ съ большими въ послѣдствіи умершими. Кому что изъ этого хлама принадлежало? Конечно никто опредѣлить не могъ, а въ послѣдствіи добромъ этимъ нагрузили большіе обозы и отправили въ Россію. Впрочемъ изъ образовавшихся у насъ складовъ оружія и амуниціи, мы снабдили этими предметами не малое число выздоровѣвшихъ солдатъ, сформировали изъ нихъ роты и батальоны и даже два эскадрона кавалеріи, въ составъ которыхъ вошли и гусары и уланы. Сформированныя нами пѣхотныя части мы отсылали впередъ, къ дѣйствующимъ отрядамъ, а кавалерія несла службу при нашемъ отрядѣ.

Кромѣ заботъ о госпиталяхъ у насъ начало прибывать занятій вообще. Дѣло въ томъ, что военно-гражданское управленіе краемъ, въ сущности, лежало не на насъ, а на австрійцахъ, имѣвшихъ здѣсь для этихъ занятій своего комиссара. Между тѣмъ, австрійцы слишкомъ не симпатичны венгерцамъ, избѣгающимъ всѣми способами отъ общенія съ ними. И вотъ, къ намъ ежедневно начали обращаться жители, то съ просьбою посвидѣтельствовать паспортъ для проѣзда въ какой нибудь городъ, — то выдать охранный листъ какому нибудь помѣщику, то дать *залогъ* какому нибудь поселенію и тому подобное. Какъ-то совѣстно было отказывать въ подобныхъ просьбахъ, отвѣчая стереотипною фразою, что мы присланы сюда не вмѣшиваться въ управленіе здѣшнимъ населеніемъ, а только усмирять бунтующихъ, и хотя намъ ни кто не поручалъ удовлетворять обращаемыхъ къ намъ просьбъ, но мы удовлетворяли многія, такъ напримѣръ: выдавали охранные листы, свидѣтельствовали паспорта и тому подобное, всѣ подобныя акты утверждая нашею *полковою печатью*, конечно, никогда не имѣвшею подобнаго назначенія. Такія маленькія услуги и вообще наше ласковое и предупредительное обхожденіе съ жителями, со всѣми безъ различія, какъ будто нѣсколько стало ихъ сближать съ нами. Намъ казалось, что на насъ теперь уже не смотрятъ встрѣчающіеся на улицахъ такъ враждебно, какъ смотрѣли въ первые дни послѣ нашего сюда прихода. *На мизинѣ* начали появляться дамы, хотя и въ траурѣ, хотя по прежнему — подъ вуалью, но, по крайней мѣрѣ, начали прогуливаться по тому же бульвару, что и мы, — не бѣжали насъ; также перестали убѣгать изъ казино Венгерцы, когда мы въ него входили, какъ было въ первые дни. Мало того. Вдругъ стали являться къ намъ въ помѣщеніе штаба, повидимому, порядочные люди, весьма прилично одѣтые и даже очень элегантныя дамы, — также кунцы и жида, всѣ въ одинъ голосъ увѣряя въ своемъ расположеніи къ русскимъ и сообщая, подъ величайшимъ, Впрочемъ, секретомъ о существованіи противъ насъ сильно организованнаго заговора, въ связи съ которымъ состоитъ, будто бы, приближеніе къ мѣсту нашего расположенія значительныхъ инсургентскихъ партій, вошедшихъ въ тѣсную связь со многими мѣстными жителями и готовящихся нанести намъ рѣшительный ударъ. Пренебрегать такого рода показаніями, шедшими изъ различныхъ источниковъ, при томъ, повидимому, безкорыстныхъ, такъ какъ

эти предостерегатели ни какого вознагражденія отъ насъ не требовали, бы-
лобы неосновательно, а потому мы приняли различныя, соотвѣтствующія
получаемымъ предостереженіямъ мѣры осторожности. Такъ, мы стали посы-
лать небольшіе отряды на рекогносцировку тѣхъ мѣстностей, на которыя
указывали наши доброжелатели, какъ на сборные пункты инсургентскихъ
партіи; вокругъ города посылали кавалерійскіе разъѣзды и днемъ и ночью;
по городу установили ночные патрули; назначили сборные пункты воин-
скимъ частямъ на случай тревоги и тому под. Однимъ словомъ, по мило-
сти нашихъ остерегателей, мы какъ бы проснулись, какъ бы вспомнили, что
стоимъ не въ какой нибудь благословенной *Диканкѣ* или въ трущобной
Шановаловкѣ, а въ чужемъ городѣ, окруженномъ неизлѣдованными не-
осмотрѣнными и слѣдовательно, не освѣщенными нами лѣсистыми горами и
трущобами, намъ совершенно не вѣдомыми и въ тоже время отлично знако-
мыми нашимъ непріятелямъ, со всѣми ихъ тайниками, входами и выходами.

Правда, ни одно изъ сдѣланныхъ намъ предостереженій и указаній
не оправдалось:—ни гдѣ не было не только открыто, но даже заподозрѣно,
малѣйшаго противъ насъ умысла, но все таки мы, по крайней мѣрѣ, бла-
годаря предостереженій, намъ сдѣланныхъ, вышли изъ той апатіи, въ ко-
торую было погружились, по естественной русскому человѣку лѣни и без-
печности. Что было причиною намъ сдѣланныхъ указаній? Какая цѣль была
у нашихъ остерегателей!—трудно разгадать. Нельзя же думать, что бы
такія дѣйствія ихъ были вызваны простымъ къ намъ доброжелательствомъ.
Скорѣе можно предположить, что насъ думали попутать и тѣмъ вызвать на
какую либо компроментировавшую бы насъ мѣру. Или предостереженіе намъ
сдѣланное шло отъ лицъ компроментированныхъ передъ венгерскими инсур-
гентами, восстановление власти которыхъ въ городѣ отозвалось бы губительно
на нашихъ будто-бы доброжелателяхъ, въ сущности боявшихся, что инсур-
генты, группировавшіеся въ различныхъ мѣстностяхъ страны, могутъ слиш-
комъ легко воспользоваться нашею безпечностью, а потому считавшихъ не-
обходимымъ пробудить насъ въ интересахъ своей собственной безопасности.

Вскорѣ наше спокойствіе было нарушено другимъ способомъ.

Въ одно прекрасное утро, мѣстная австрійская власть, именемъ своего
главнокомандующаго, предложила нашему командиру, содѣйствовать ей во-
оруженной силой къ арестованію, посредствомъ нарочно назначенныхъ Ком-
мисаровъ, въ Кашау, внезапно и непременно въ одну ночь *шестидесяти*
обывателей—венгерцевъ, обвиняемыхъ въ какомъ то заговорѣ противъ авст-
рійскаго правительства.

Крѣпко было не понутру и нашему командиру и намъ всѣмъ пред-
стоявшее внимательство въ домашніе счета Австрійцевъ съ Венгерцами и
необходимость исполнять относительно мѣстныхъ жителей, намъ не свойст-
венныя и весьма неблагоприятныя полицейскія обязанности, тѣмъ болѣе въ та-
кія минуты, когда, казалось, у насъ начали налаживаться добрыя съ ними
отношенія. Генераль Колзаковъ попробовалъ было протестовать противъ

требованія австрійскихъ властей, доказывалъ, что мы присланы сюда Государемъ отнюдь не для того, что бы обратиться въ австрійскихъ жандармовъ и что, наконецъ, онъ не имѣетъ ни какого прямого распоряженія по этому поводу, отъ своего начальства; но когда Австрійцы предъявили ему письменное распоряженіе своего начальства, основанное на соглашеніи австрійскаго правительства съ нашею высшею военною властію и заявили, что въ случаѣ отказа генерала отъ исполненія предъявленнаго къ нему требованія, вся отвѣтственность за лишеніе ихъ возможности захватить заговорщиковъ, останется на немъ, генералъ Колзаковъ,—то онъ уступилъ настоянію Австрійцевъ.

Въ тотъ же вечеръ былъ сдѣланъ соотвѣтствующій нарядъ и трое изъ насъ: я, поручики: Левшинъ и Гебель, получили приказаніе, принявъ въ свою команду каждый по 30 человѣкъ солдатъ, при унтеръ-офицерахъ, съ заряженными боевыми патронами ружьями, этою же ночью арестовать и доставить въ австрійское управленіе тѣхъ лицъ, на которыхъ намъ укажутъ австрійскіе комиссары.

Вся эта экспедиція противъ мирно-снавшихъ кашаусскихъ обывателей, должна была совершиться, и въ дѣйствительности совершилась, въ величайшей тайнѣ. На долю каждого изъ насъ досталось арестовать по 20 лицъ. Говоря другими словами, каждому изъ насъ привелось въ эту ночь быть свидѣтелями и невольными дѣйствующими лицами въ двадцати душъ раздѣленныхъ драмахъ!

Ночь была—зги не видать. Съ потайными фонарями мы пробирались по не освѣщеннымъ улицамъ города и—окруживъ указанный намъ комиссаромъ домъ,—занимали по его же указанію все выходы такового. Комиссаръ стучалъ во входную дверь или ворота и когда ему отворялъ ихъ превратникъ, мы съ десятию человѣками пробирались къ квартирѣ намѣченнаго лица. Нѣкоторыя изъ квартиръ отворялись тотчасъ послѣ того, какъ въ ихъ двери стучалъ комиссаръ, а нѣкоторыя, не смотря на его настойчивыя требованія, именемъ закона и австрійскаго Императора, отворялись только послѣ угрозы сломать двери. Угрозу эту пришлось выполнить въ трехъ домахъ: въ одномъ мы сломали ворота и въ двухъ квартирахъ—двери. Послѣ вступленія въ квартиру начинался поискъ требуемаго лица и тутъ то происходили сцены, какихъ не дай Богъ видѣть ни кому. Признаться, не разъ приходилось украдкой утирать слезы, невольно бѣжавшія изъ глазъ, когда напримѣръ, вдругъ почтенная старушка, мать арестовываемаго, бросалась предъ нами на колѣни и обхватывала наши ноги, отчаяннымъ голосомъ умоляя пощадить и не трогать ея единственнаго сына, или когда мы были вынуждены отстранять молодую женщину, въ истерическомъ припадкѣ, вѣднвившуюся въ увлекаемаго отъ ней мужа, при раздирающемъ душу плачѣ и крикѣ нѣсколькихъ малютокъ, перепуганныхъ нашимъ появленіемъ и горестію своихъ родителей. Конечно, эти несчастныя семейства непонимали нашихъ увѣщаній на чуждомъ имъ языкѣ, но если бы и пони-

мали—развѣ эти увѣщанія могли бы ихъ успокоить и утѣшить! Эти несчастные видѣли одно, что ихъ милыхъ, единственную можетъ быть опору ихъ существованія, ихъ кормильцевъ,—ихъ исключительную, можетъ быть, любовь, увлекають вооруженные солдаты, что бы отдать въ руки австрійскаго правительства, представитель котораго тутъ присутствовалъ! Довольно имъ было этого факта, чтобы прійти въ отчаяніе.

Многіе изъ арестованныхъ были только заподозрены въ чемъ то австрійскими властями; впоследствии они вполне доказали свою невинность и, какъ мы слышали, были освобождены; но въ минуту ареста, самый невинный изъ нихъ шелъ какъ на смерть и такъ какъ идущаго на смерть провожали его близкіе. Венгерцы до того ненавидѣли австрійскіе суды, до того трепетали ихъ и не вѣрили въ ихъ безпристрастіе, что считали невозможнымъ благополучный исходъ изъ случайнаго даже столкновенія съ ними. Венгерцы говорили, что стоитъ только кому нибудь изъ нихъ попасться въ австрійскую тюрьму, хотя бы только по одному намеку на политическую неблагонадежность, что бы сгнить въ какомъ нибудь казематѣ.

Разумѣется, мы съ своей стороны, употребили все средства, что бы по возможности ослабить впечатлѣніе совершенныхъ нами ночныхъ подвиговъ, произведенное на нашихъ жертвъ и ихъ окружающихъ. Мы не позволили нашимъ солдатамъ ни одного грубаго движенія, ни какого насилія противъ арестуемыхъ, хотя нѣкоторые пытались даже отбиваться отъ насъ; мы какъ умѣли, старались успокаивать ихъ семейныхъ, но конечно безуспѣшно и были совершенно счастливы, когда кончили свою миссію и сдали арестованныхъ въ городскую ратушу, подъ караулъ, поставленный тамъ австрійцами отъ пѣхотнаго полка „Парма,“ два батальона котораго здѣсь квартировало.

Былъ уже бѣлый день, когда мы собрались къ генералу дать отчетъ въ нашихъ ночныхъ похожденіяхъ и затѣмъ, съ нимъ вмѣстѣ отправились къ заключеннымъ, что бы узнать: не можемъ ли быть чѣмъ нибудь имъ полезными. Мы нашли всѣхъ 58 арестованныхъ, (двухъ изъ намѣченныхъ жертвъ не отыскали) въ залѣ ратуши, охраняемыми наружными часовыми у каждой двери, кругомъ всей ратуши и внутреннимъ австрійскимъ карауломъ. Все арестованные были—въ чемъ взяты: кто въ одномъ скюртукѣ, кто кутался въ пальто или пледъ. Арестованные пріютились одни на креслахъ, другіе просто на полу. Генералъ, чрезъ переводчика, освѣдомился о нуждахъ каждаго и сейчасъ же распорядился, по возможности удовлетворить желаніе каждаго изъ заключенныхъ. Тотчасъ послали по ихъ домамъ принести: тому бѣлье, тому подушку или одѣяло, либо коверъ, обувь, платье, а между тѣмъ распорядились доставить всѣмъ изъ ближайшей гостиницы по стакану кофе и по булѣ. Нѣкоторые изъ арестованныхъ отвѣчали благодарностью на такую о нихъ заботу и любезность,—другіе—упорно молчали, сохраняя недовольный и мрачный видъ. На горячія объясненія нѣкоторыхъ на несправедливый и ни на чемъ не основанный арестъ съ

просьбою стать въ ихъ защиту и приказать освободить ихъ, генераль Колзаковъ просилъ переводчика разъяснить арестованнымъ, что мы не можемъ принимать на себя рѣшенія ихъ участи, даже не зная мотивовъ, послужившихъ основаніемъ ихъ ареста;—что если мы и приняли активное участіе въ производствѣ такового, то единственно, какъ физическая сила, отданная въ распоряженіе австрійскаго правительства Высшими нашими властями и потому если и можемъ что нибудь сдѣлать въ интересахъ заключенныхъ, то собственно не выходящее за предѣлы обыкновеннаго сочувствія несчастію.

Дѣйствительно, какая была наша роль въ военно-гражданскомъ управленіи краемъ? Мы представляли собою не что иное, какъ физическую силу, недостававшую австрійскому правительству. Ни какой инициативы мы не имѣли и имѣть не могли. Все управленіе страной совершалась подъ надзоромъ австрійскихъ чиновниковъ и главное управленіе каждымъ комитатомъ, занятымъ нашими войсками, сосредоточивалось въ рукахъ австрійскаго комисара и его канцеляріи. Въ каждомъ городѣ, независимо отъ нашего военнаго начальника, былъ австрійскій, такъ называемый плацъ-маіоръ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось вся административная, хозяйственная и отчасти судебная власть. Этотъ же штабъ-офицеръ былъ секретнымъ надсмотрщикомъ Правительства за всѣмъ, что дѣлалось въ городѣ и его окрестностяхъ; находился въ непрестанномъ общеніи съ нашимъ воинскимъ начальникомъ въ городѣ; способствовалъ исполненію всѣхъ нашихъ законныхъ требованій. Въ свою очередь мы обязаны были во всемъ содѣйствовать австрійскому плацъ-маіору, который, въ сущности, безъ насъ ничего бы не могъ дѣлать, хотя у него, въ Кашау напримѣръ, въ распоряженіи было два батальона Австрійцевъ и толпа послушныхъ ему полиціантовъ. Представлялась ли необходимость собрать подводы съ деревень, или доставить войскамъ изъ окрестности потребное количество продовольственныхъ запасовъ, мы посылали своихъ солдатъ съ венгерскими чиновниками, разумѣется, сторонниками австрійскаго правительства, въ самыя глухія, горныя тропы и предъявляемыя требованія исполнялись немедленно и безирекословно. Пошли же австрійскій плацъ-маіоръ, съ тѣмъ же требованіемъ своихъ солдатъ—ихъ непременно передуприли бы Венгерцы. Приходилось ли севестровать имущество ушедшаго въ поветанье помѣщика, опять таки посылали нашихъ и распоряженіе приводилось въ исполненіе безъ всякаго противудѣйствія, тихо и смирно. Словомъ: гдѣ только гражданской власти предстояло употребить давленіе или поддержать свой авторитетъ,—всюду употребляли насъ, неключительно.

Такое вліяніе наше весьма рѣзко выразилось въ исполненіи одной изъ мѣръ, признаваемыхъ необходимой австрійскимъ правительствомъ, а именно, при изытіи изъ обращенія ассигнацій революціоннаго правительства, такъ называемыхъ „*кошутковъ*“.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ: что это такое—„*кошутки*“?

Еще до венгерской революціи, тотчас послѣ утвержденія австрійскимъ Императоромъ, такъ называемой, Ольмюцкой конституціи, немедленно по образованіи самостоятельнаго венгерскаго министерства, венгерскій національный банкъ произвелъ выпускъ огромнаго количества ассигнацій, фондомъ которыхъ была сама Венгрія. Ассигнаціи эти принимались не только въ Венгріи но и въ прочихъ австрійскихъ провинціяхъ, такъ какъ эти страны, постоянно и въ большемъ изобиліи обмѣнивались сырыми и мануфактурными произведеніями съ Венгріей и такъ какъ венгерскія войска, получавшія содержаніе этими ассигнаціями, были расквартированы по всей Австріи. Такимъ образомъ, когда закипѣла венгерская революція, австрійское правительство не нашло возможнымъ признать венгерскія ассигнаціи потерявшими цѣнность и не рѣшилось прекратить ихъ пріемъ въ свои казначейства, болѣе, въ это смутное время вооружить противъ себя всѣхъ тѣхъ своихъ подданныхъ, которые располагали болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ такихъ ассигнацій. Между тѣмъ Кошутъ, ставъ во главѣ управленія Венгріей, при совершившемся его же стараніемъ окончательномъ отложеніи ея отъ Имперіи, поступилъ болѣе рѣшительно и безцеремонно. Кошутъ воспретилъ обращеніе въ Венгріи вышеупомянутыхъ ассигнацій, какъ и вообще ассигнацій австрійской Имперіи, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы владѣльцы ассигнацій венгерскаго національнаго банка немедленно обмѣняли ихъ на вынужденныя имъ ассигнаціи независимой Венгріи. Такимъ образомъ Кошутъ обогатилъ венгерскую казну многими милліонами ассигнаціонныхъ гульденовъ, имѣвшихъ свободное обращеніе не только во всей Имперіи, но и за границей, приобрѣтя этимъ способомъ возможность покрывать расходы внѣ предѣловъ Венгріи. Въ то же время выпускомъ огромнаго количества ассигнацій независимой Венгріи, Кошутъ удовлетворилъ потребностямъ революціоннаго правительства, внутри страны. Ассигнаціи, выпущенныя революціоннымъ правительствомъ получили названіе „кошутокъ“, отъ подлиннаго самого Кошута на ассигнаціяхъ стоимостью въ гульденъ и выше. Такая мѣра и принудительный курсъ *кошутокъ*, вызвали исчезновеніе изъ Венгріи серебрянной и золотой монеты. Каждый владѣлецъ звонкой монеты постарался припрятать ее въ надежное мѣсто, такъ какъ, естественно не видѣлъ ничего надежнаго ни въ австрійскихъ ни въ венгерскихъ ассигнаціяхъ, потому что тамъ, гдѣ признавалась власть исключительно венгерскаго правительства, прекращалось обращеніе австрійскихъ ассигнацій, а въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ нашими или австрійскими войсками, *кошутки* признавались недействительными.

Что до насъ, мы получали содержаніе золотомъ, причемъ полумперіаль намъ выдавался за 5 р. 30 к., а серебрянный рубль за 1 р. 5 к., а мы, мѣняя эти монеты на австрійскіе банкноты, (*кошутокъ* мы не принимали), получали за полумперіаль 11 рейнскихъ милицъ, т. е. 6 р. 60 к. и за серебрянный рубль—2 рейнскихъ милицъ, т. е. 1 р. 20 коп. Этою разницею въ курсѣ, получаемой нами на содержаніе монеты, при огра-

ниченности нашихъ средствъ, мы были очень довольны, тѣмъ болѣе, что эта прибавка составляла порядочную цифру, такъ какъ мы получали двойное жалованье, кромѣ порціоновъ, раціоновъ и фуражныхъ на вьючныхъ лошадей (такъ же верховыхъ—кому таковыя полагались).

Кошутки были: въ 15 и въ 30 крейцеровъ, въ 1, 2, 5, 10 и 100 гульденовъ. Ассигнаціи эти очень красивы на видъ, хотя бумага ихъ довольно толста и груба. Такъ, на примѣръ, *кошутка* въ 2 гульдена—розовая, съ бѣлыми водными знаками, гербомъ Венгріи и съ надлежащими подписями съ лицевой стороны, гдѣ на пяти, употребляемыхъ населеніемъ Венгріи языкахъ (а именно: на венгерскомъ, нѣмецкомъ, сербскомъ, чешскомъ и молдованскомъ), мелкимъ шрифтомъ напечатано извлеченіе изъ законовъ, касающихся до обращенія этихъ ассигнацій, съ указаніемъ наказаній, какимъ подвергаются поддѣльватели этихъ денежныхъ знаковъ.

По мѣрѣ занятія края нашими войсками, какъ мы уже выше замѣтили, прекращалось обращеніе *кошутковъ*, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго, князя Варшавскаго. Но австрійское правительство не удовольствовалось этою мѣрою: оно исходатайствовало распоряженіе фельдмаршала, которымъ повелѣвалось жителямъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ находятся русскіе воинскіе начальники, сдать въ ихъ управленіе, въ продолженіи 48 часовъ со дня вывѣшенія объявленія въ городѣ, всѣ имѣющіяся у жителей *кошутки*, *подъ росписки* тѣхъ офицеровъ, которые для такового приѣма будутъ назначены мѣстнымъ русскимъ воинскимъ начальствомъ.

Здѣсь въ Кашау, мнѣ досталось исполненіе этого тяжелаго и непріятнаго порученія.

Это бы еще ничего, что въ продолженіи двухъ сутокъ сряду, пришлось не имѣть свободныхъ двухъ часовъ, что бы выспаться, такъ какъ все это время я, не вставая изъ за письменнаго стола, принималъ приносимыя жителями деньги въ *кошуткахъ*; что я тутъ же за работой, не прерывая ее, пилъ чай и обѣдалъ, но исполненіе этого порученія было тяжело тѣмъ, что сопровождалось раздражающими душу сценами. Не забудемъ, что тутъ многимъ бѣднякамъ приходилось отдавать подъ простую мою росписку, написанную на четвертушкѣ простой бумаги, порусски, съ приложеніемъ полковой печати, все свое достояніе. Получится-ли когда нибудь этимъ несчастнымъ, (да, и откого получится?) взамѣнъ моеї росписки, отдаваемый имъ теперь капиталецъ, скопленный можетъ быть тяжкимъ, многолѣтнимъ трудомъ, и бывший единственнымъ обезпеченіемъ будущности какъ его, такъ и его приеныхъ! И вотъ, неудержимыми рыданіями сопровождается старикъ передачу въ мои руки толстой пачки разноцвѣтныхъ бумажекъ. Такого рода сцены, съ безчисленными варіаціями, повторялись въ теченіи этихъ двухъ сутокъ, одна за другою и я отъ души перекрестился, когда эта мучительная пытка кончилась, при послѣднемъ ударѣ часовъ, возвѣстившемъ окончаніе, сорока восьми часоваго срока приѣма кошутковъ. Въ результатѣ были груды ассигнацій. Пересчитали—оказалось

далеко болѣе полумилліона рейнскихъ. Что же дѣлать съ такою массою ассигнацій? Въ казенный ящикъ онѣ помѣститься не могли. Связали кошутки въ тюки, запечатали и свалили въ уголь канцеляріи, впредь до распоряженія. Невольно пришло въ голову: что будутъ дѣлать многіе бѣдники съ моими росписками? Полагаю—передадутъ ихъ на память о посѣщеніи ихъ страны русскими, своимъ дѣтямъ и внукамъ! Да, пожалуй, еще завѣщаютъ ненависть и проклятіе намъ, какъ бы ограбившимъ ихъ, такъ какъ они, непосредственно австрійскимъ властямъ, ни за что, съ такою покорностью, какъ намъ, не выдали бы своего достоянія. (*)

Вскорѣ послѣ окончанія сказаннаго порученія по сбору кошутокъ, моя жизнь въ Кашау начала разнообразиться новыми случайностями.

Начать съ того, что по распоряженію главнаго штаба было прекращено всякое сообщеніе наше съ главной квартирой. Впредь, до особаго приказанія было воспрещено посылать не только команды выздоровѣвшихъ, провіантскіе и артиллерійскіе транспорты, но приказано останавливать почты, проѣзжающихъ въ главную квартиру и даже курьеровъ. Результатомъ было, что наше общество увеличилось интересными личностями, ѣхавшими изъ Петербурга и Варшавы, отъ которыхъ мы слышали много новостей. Затѣмъ, воспользовавшись воспрещеніемъ дальнѣйшаго слѣдованія, чиновники и почталіоны, сопровождавшіе изъ Россіи почты, нѣсколькими транспортами, сдали таковыя въ наше вѣдѣніе, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ подводъ. Для три мы возились надъ разборомъ этихъ почтъ, имѣя ввиду опредѣлить: что именно надлежитъ, при первой возможности отправить въ главную квартиру, что надо отослать обратно, по тракту на Дукло, расположеннымъ войскамъ на этомъ пространствѣ; наконецъ, что принадлежитъ собственно намъ,—войскамъ кашаускаго горнизона? По счастью, наши труды не были напрасны: мы имѣли наслажденіе отыскать и письма и газеты намъ адресованныя. Понятно, съ какою жадностью мы на нихъ набросились, не имѣя ни какихъ извѣстій о своихъ близкихъ современни нашего выступленія изъ Россіи.

Затѣмъ, стали носиться самыя настойчивыя слухи, что инсургенты вновь заняли многіе пункты не подалеку отъ Кашау, ими было покинутые при нашемъ вступленіи въ край и что особенно сильными партіями заняты: Токай, Керештуръ, Уйгелъ и др. Эти слухи, вначалѣ смутныя, стали подтверждаться самымъ положительнымъ образомъ сторонниками австрійскаго

(*) Когда мы выступали изъ Кашау, мы сдали отобранныя кошутки мѣстному австрійскому начальству, которое и сожгло ихъ на площади. Не знаемъ, всѣ ли полученныя отъ насъ кошутки сожжены австрійцами, но слышали, что послѣ нашего внезапнаго отступленія изъ Кашау къ Эперіесу, кошутки опять было начали ходить въ Кашау въ прежней цѣнѣ, а за тѣмъ, по окончательномъ нашемъ выступленіи изъ Венгріи, кошутки охотно скупались жидами, разумеется, за безцѣнь. Говорили, что жиды нашли какую-то возможность получить отъ австрійскаго правительства уплату за представленныя ими кошутки. Въ то же время утверждали, что венгерское населеніе ничего не успѣло получить отъ австрійскаго правительства въ вознагражденіе за суммы, сданныя подъ наши росписки. Такимъ образомъ оправдалось горе и отчаяніе тѣхъ, которые сдавали намъ свое достояніе.

правительства, бѣжавшаго изъ названныхъ мѣстъ въ Кашау, спасаясь отъ возвратившихся венгровъ. При томъ шпионъ, посылавшіеся австрійскимъ комиссаромъ въ болѣе или менѣе близкія окрестности, возвращаясь увѣряли насъ, что дѣйствительно шайки инсургентовъ, воспользовавшись продвиженіемъ нашихъ главныхъ силъ въ глубь страны, появились въ значительномъ числѣ въ тылу главной арміи, между ею и нами, на пространствѣ совершенно обнаженномъ отъ нашихъ войскъ. По означеннымъ свѣдѣніямъ, эти шайки, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе на мѣстныхъ жителей; укрѣпляютъ въ странѣ свое владычество; вербуютъ молодежь въ свои ряды; снабжаютъ жителей оружіемъ и боевыми зарядами; собираютъ продовольственные припасы; вновь водворяютъ *кошутки*; убѣждаютъ народъ, что Венгры всюду торжествуютъ въ боевыхъ встрѣчахъ съ нашими войсками; что большая часть нашихъ армій погибла отъ холеры и битвъ; и что, въ самомъ непродолжительномъ времени, венгерская армія перейдетъ въ наступленія и мы будемъ выброшены изъ страны, а Венгрія совершенно и окончательно сдѣлается свободною.

Было ясно: если оставить инсургентовъ спокойно дѣйствовать въ городахъ и мѣстечкахъ, ими вновь нынѣ занятыхъ, то это будетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ достовѣрности враждебныхъ намъ слуховъ, ими распускаемыхъ, что дастъ имъ смѣлость простираť свои замыслы дальше и дальше, а можетъ быть и поможетъ поднять противъ насъ страну, едва только отчасти умиротворенную, что при слабости и разбросанности нашихъ силъ въ этой мѣстности, можетъ имѣть пагубные для насъ результаты.

Въ виду этого обстоятельства, генераль Колзаковъ отпрѣавилъ меня къ начальнику нашей коммуникаціонной линіи, (въ чьей командѣ и мы состояли), генераль-маіору Сельвану, въ Эперіесъ, доложить о нашемъ затруднительномъ положеніи и просить дальнѣйшихъ вѣстукцій.

Передъ вечеромъ, съ козакомъ, на почтовомъ венгерскомъ форшпанѣ, мы помчались чрезъ Будомпрекія высоты въ Эперіесъ и на разсвѣтѣ я разбудилъ генерала.

Почтенный старикъ Сельванъ обласкалъ меня какъ родного, — онъ зналъ меня еще ребенкомъ, будучи знакомъ съ моимъ семействомъ лѣтъ пятнадцать назадъ. (*)

Обстоятельно распросивъ меня, во всей подробности о происходящемъ у насъ, Сельванъ, свѣдѣнія, нами полученныя, повѣрилъ своими и заявилъ,

(*) Какая случайность: послѣ пятнадцати лѣтъ это была моя первая и послѣдняя встрѣча съ генераломъ Сельваномъ, но за то мнѣ довелось быть на его похоронахъ въ Каларашѣ, подъ Силистріей, въ 1854 году. Сельванъ, какъ извѣстно убитъ на несчастномъ и внезапномъ ночномъ штурмѣ, войсками въ его командѣ состоявшими, турецкаго передоваго форта—Арабъ-Табін. Извѣстно, что вся вина этого неудачнаго штурма доселѣ возлагается, историками Восточной войны, на покойнаго Сельвана. Но, говоря по справедливости, истина въ этомъ дѣлѣ доселѣ остается не вполне открытою. Мнѣ удалось почтить память покойнаго только тѣмъ, что тотчасъ послѣ похоронъ его обезображеннаго турками тѣла, я поручилъ бывшему со мною художнику—Шать-Маріа, сдѣлать рисунокъ кладбища и могилы Сельвана. Рисунокъ этотъ помѣщенъ въ „Художественномъ листкѣ“ Тима.

что по собственнымъ соображеніямъ намѣревался освѣтить мѣстность впереди и на флангахъ нашего отряда, а потому очень радъ, что его взглядъ совпадаетъ съ таковымъ-же генерала Колзакова и сейчасъ же сдѣлаетъ соответствующее распоряженіе.

Черезъ нѣсколько часовъ я уже мчался, съ письменными приказаніями Сельвана, въ Кашау и явился генералу Ковзакову еще до разсвѣта, а въ 2 часа пополудни, 5 іюля, долженъ уже былъ выступить изъ Кашау отрядъ, составленный изъ 2-го батальона Камчатскаго егерскаго полка при двухъ орудіяхъ пѣшей артиллеріи, изъ полуэскадрона гусаръ, сформированнаго изъ выздоровѣвшихъ людей полковъ графа Радецкаго и принца Эмилія Гессенскаго, (Штабъ ротмистръ этого полка Скворцовъ) и изъ 20 казаковъ Донскаго № 41 полка.

Отряду приказано идти по направленію къ Токаю, начальникомъ отряда назначенъ командиръ 2 батал. Камчатскаго полка майоръ Радомскій. (*) Что до меня, то я былъ, по приказанію Сельвана, приданъ отряду въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего я и пристроился къ казакамъ, которыми командовалъ мой хорошій пріятель—эсауль Поповъ.

Въ данной намъ инструкціи приказывалось дойти до мѣстечка Шанто и очистить, какъ его, такъ и все лежащія до него и по сторонамъ села и деревни, отъ инсургентовъ; укрѣпить сторонниковъ австрійскаго правительства въ ихъ преданности къ оному; навести страхъ на явныхъ и тайныхъ поборниковъ мятежа; отобрать оружіе, гдѣ таковое окажется у жителей; забрать и, по возможности, доставить въ Кашау, а въ случаѣ невозможности такой доставки, истребить продовольственные и другіе запасы, сдѣланные инсургентами или для нихъ приготовленные жителями; наконецъ, объявить жителямъ, что если они будутъ принимать шайки инсургентовъ, какъ друзей или давать имъ средства, какими бы то ни было способами вредить намъ,—то съ этими жителями будетъ поступаемо со строгостью воинскихъ законовъ, грозно наказывающихъ мятежниковъ.

Можно вообразить съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ все мы, отъ начальника нашего отряда до послѣдняго солдата, пошли въ экспедицію. Съ какою завистью смотрѣли на насъ наши оставшіяся въ Кашау товарищи, обреченные на томительное бездѣйствіе и всемъ надоѣвшее однообразіе скучной жизни! Мы думали: наконецъ-то мы понюхаемъ пороху; испытаемъ прелесть опасности и тревоги боевой жизни; наконецъ-то мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ нашимъ противникомъ. Что-то ждетъ насъ? Словомъ—разыгрывались мечты, ласкали надежды! Особенно моему юному чувству казалось обольстительною доставшаяся мнѣ роль въ этой экспедиціи. Это не то, что идти во фронтъ пѣхотной колонны, представляя собою ничтожную единицу въ компактной массѣ безраздумныхъ исполнителей чужихъ приказаній,

(*) Впослѣдствіи полковникъ и командиръ Дибровскаго пѣхотнаго полка, умершій при защитѣ Севастополя отъ раны полученной на вылазкѣ.

какъ предстояло другимъ моимъ товарищамъ по чину. Нѣтъ, на лихомъ конѣ, съ нѣсколькими удалцами, гарцовать далеко впереди наступающаго отряда, съ нѣкоторою самостоятельностью въ дѣйствіяхъ, имѣя ввиду возможность *первой* встрѣчи съ непріятелемъ,—при томъ въ живописной мѣстности, въ прекрасное время года,—да эта сама поэзія!

Выступивъ изъ города въ 2 часа по полудни, мы съ казаками пошли крупной ходой и далеко оставили за собою двигавшійся за нами отрядъ, вытянувшійся по каменистой дорогѣ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ принятыхъ при движеніи вблизи непріятеля.

Начиная отъ хорошенькаго мѣстечка Гидасъ-Немети, въ которомъ мы дали только вздохнуть лошадямъ и гдѣ намъ отрядъ имѣлъ ночлегъ, начался подъемъ на облежавшія долину лѣсистыя горныя высоты. Отъ попадавшихся намъ на встрѣчу жителей, объяснявшихся съ нами по словацки, мы слышали одинъ отвѣтъ, что Угры значительными силами занимаютъ Токай и партіи ихъ находятся во всѣхъ попутныхъ намъ селахъ и городкахъ, производя вербовку молодежи въ свои ряды и сборъ всевозможныхъ припасовъ для арміи инсургентовъ. Извѣстивъ объ этихъ слухахъ начальника нашего отряда, запискою, мы выбрали возвышенную полянку, на которой и провели ночь, не разводя костровъ. Выступивъ съ бивака еще до разсвѣта, мы прибавили шагъ и около полудня увидѣли предъ собою, потонувшее въ садахъ и виноградникахъ, живописное мѣстечко Шанто, при чемъ на единственной его церквѣ ясно разсмотрѣли развѣвующійся большой революціонный флагъ. Очевидно, нашего прихода здѣсь не ждали и по всей вѣроятности мѣстечко занято инсургентами; но въ какомъ числѣ? Что же дѣлать? Какъ нарочно не видать ни кого, въ ближайшей окрестности, отъ кого можно было бы получить сколько нибудь точное разрѣшеніе нашему недоумѣнію. Однако нельзя было терять времени. Пославъ козака съ запискою начальнику отряда о нашемъ положеніи, мы прибавили просьбу о скорейшей присылкѣ гусаръ къ намъ на подкрѣпленіе, такъ какъ мы рѣшились занять мѣстечко. И мы дѣйствительно его заняли, просто—на удалую! Выславъ, за тѣмъ, нѣсколько козаковъ за селеніе, мы остановились на площади, у церкви, прискакавъ туда полнымъ карьеромъ, къ неопisanному изумленію, если не къ ужасу, выбѣгавшихъ изъ домовъ жителей. У самой церкви мы увидѣли пробирающагося ксендза, вѣроятно торопившагося скрыться, и тотчасъ его захватили. Блѣдный, трепещущій, онъ однако заговорилъ съ нами на языкѣ намъ нѣсколько понятномъ—по словацки. Очень кратко и повидимому достаточно ясно, мы втолковали нашему плѣннику, что ни кто иной какъ самъ онъ, своею персоною, отвѣтитъ намъ за всякое могущее произойти противъ насъ покушеніе жителей мѣстечка, или можетъ быть находящихся въ немъ инсургентовъ; что мы, не что иное какъ передовые отряда, который черезъ полчаса будетъ на этой площади, слѣдовательно, собственное его самосохраненіе требуетъ сказать намъ правду: гдѣ инсургенты?

— Часъ тому, какъ выступили отсюда, былъ отвѣтъ.

„Кто же, спросили мы ксендза, какъ не онъ долженъ отвѣчать за вывѣшеніе трехцвѣтнаго флага, на колокольнѣ“!

Ксендзъ отвѣчалъ, что онъ не властенъ направлять политическія мнѣнія своей паствы и что если бы онъ не позволилъ вывѣсить этотъ флагъ на колокольнѣ, то, вѣроятно, былъ бы повѣшенъ на его мѣстѣ.

„Положимъ, это правда, настаивали мы, но всеякомъ случаѣ, идите съ козаками и приведите сюда начальника мѣстечка, какой есть“.

— Онъ ушелъ съ инсургентами.—

Между тѣмъ, съ десятковъ жителей было окружено козаками. Мы потребовали, что бы понимающій насъ ксендзъ, тотчасъ распорядился: первое—революціонный флагъ замѣнить австрійскимъ,—приказаніе это исполнено моментально; второе—въ наказаніе городу за очевидную измѣну австрійскому правительству и за добровольное подчиненіе мятежникамъ, тотчасъ доставить на эту площадь: мяса, крупъ, вина, водки, хлѣба и соли на шесть сотъ человѣкъ праближающагося отряда, также овса и сѣна на 100 лошадей; за тѣмъ, третье—выдать имѣющееся у жителей оружіе.

Второе требованіе ксендзъ, переговоривъ съ жителями, обѣщалъ исполнить немедленно, что же касается до третьяго требованія, то онъ поклялся, что ни одного ружья нѣтъ въ селеніи;—у кого таковое и было, то тотъ или увѣденъ инсургентами или отдалъ на вооруженіе забранной отсюда молодежи. И дѣйствительно, мы еще только издали увидѣли праближающихся къ мѣстечку гусаръ, а уже на площадь было доставлено: три отличные вола, боченокъ сливовицы, боченокъ вина и груды разныхъ съѣстныхъ припасовъ и хлѣба. Сдавъ все принесенное жителями подошедшимъ вскорѣ гусарамъ и захвативъ себѣ, на дорогу, что получше, мы съ козаками, пустились въ дальнѣйшій путь и остановились выйдя на высоту, господствующую надъ Шанто, что бы покормить лошадей и сварить похлебку утомленнымъ козакамъ.

Тутъ мнѣ впервые пришлось видѣть козацкій способъ артельнаго продовольствія. Оказывается, что вся партія козаковъ, обыкновенно, дѣлится на маленькія артели или товарищества. Добыча съѣтнаго каждымъ отдѣльнымъ членомъ товарищества составляетъ общее достояніе всего товарищества или артели. Вотъ и теперь, едва успѣли стреножить козаки коней, какъ уже пылаютъ костры и на нихъ подвѣшено нѣсколько котелковъ. Въ данномъ случаѣ висѣло три котелка на всю партію. Но, что же это? Смотрю, у каждаго котѣлка сидитъ человѣкъ по три козаковъ и каждый держитъ что то на веревочкѣ! Оказалось, что каждый изъ этихъ козаковъ былъ представителемъ своей артели, или товарищества, и держалъ, варившуюся въ общемъ котлѣ, добычу своихъ товарищей, по артели: одинъ держалъ, на веревочкѣ, опущенную въ котелокъ курицу, другой—кусокъ мяса, третій—поросенка. Бульонъ, который изготовлялся такимъ образомъ изъ разнообразныхъ мясъ, былъ общимъ достояніемъ всей партіи, а мясо съѣдали тѣ члены товарищества, которымъ оно принадлежало. И безобидно, и вкусно!

Въ Шанто, къ маіору Радомскому, явился какой-то почтенный господинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, какъ онъ говорилъ сторонникъ австрійскій, и передалъ состоявшему при нашемъ отрядѣ австрійскому комиссару, что Токай занятъ значительнымъ отрядомъ Венгерцевъ, при 4-хъ орудіяхъ, что Керештуръ инсургенты укрѣпляютъ и что передовые ихъ отряды стоятъ въ Маадѣ, Талиі, Замборѣ и разсыпаны, мелкими постами, по всей окрестности.

Получивъ это извѣстіе Радомскій, нерѣшался нарушить данной ему инструкціи, предписывавшей не ходить далѣе Шанто, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ невозможнымъ оставить занятую нами мѣстность не освѣщенной, потребовалъ меня и приказалъ въ 2 часа ночи идти съ козаками въ Талию и Маадъ, открыть непріятеля, развѣдать о его численности и намѣреніяхъ, добыть языка, но ни подъ какимъ видомъ не завязывать дѣла съ непріятелемъ, стараясь только, если представится возможность, навѣсть его на главный отрядъ. Маіоръ Радомскій объявилъ мнѣ, что если непріятеля въ ближайшей мѣстности не окажется въ 4 часа утра, выступить изъ Шанто, для сохраненія съ нами сообщенія и въ случаѣ нужды для подкрѣпленія насъ, полускадронъ гусаръ, самъ же онъ, со всѣмъ отрядомъ, выступитъ по тракту на Маадъ, въ 5 часовъ утра.

Въ назначенный часъ мы, крупнымъ шагомъ пошли впередъ, соблюдая всѣ воинскія предосторожности, такъ какъ предстояло пробираться по гористой и лѣсистой мѣстности. Передовымъ развѣдомъ были посланы самые благонадежные козаки, изъ бывалыхъ. Тѣмъ большую необходимо было соблюдать осторожность, что нашъ путь пролегалъ по лѣсному ущелью, въ которое, справа и слѣва, впадало множество другихъ, покрытыхъ виноградниками и густыми садами, огороженными каменными заборами, со множествомъ каменныхъ погребовъ и такихъ же домиковъ, что, вмѣстѣ взятое, благопріятствовало возможной противъ насъ засадѣ непріятеля.

Разсвѣтало, когда мы вскакали въ хорошенькое село Талию, отъ хозіевъ крайней избы узнавъ, что за полчаса до нашего прихода, отсюда вышли, здѣсь ночевавшіе 15 венгерцевъ. Не медля ни минуты, мы пошли дальше, на рысяхъ, думая догнать инсургентовъ, но пройдя нѣсколько верстъ, мы очутились у подъема на высокую, поросшую крупнымъ лѣсомъ гору. Давъ лошадямъ вздохнуть съ четверть часа, осмотрѣвшись, оправившись, мы стали подыматься на гору и не доходя ея перевала, встрѣтили стараго Словака, въ косматой буркѣ. На вопросъ: гдѣ Угры? получили отвѣтъ, изъ котораго и спровождавшей его жестикюляціи поняли, что они здѣсь, подъ горой. — Наконецъ то! Слава тебѣ Господи! Соскочить съ лошадей, подтянуть подпруги, вскочить опять въ сѣдло, — попробовать свободно ли вынимается шашка, — перебѣнить пистоны на ружьяхъ и пистолетахъ, — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и мы усиленной ходой стали подыматься на гребень перевала. Поднялись и передъ нами раскинулась чудная картина долины Гернада, слѣва обрамленной отрогомъ Карпатъ,

такъ называемой *Токайской горой*, а прямо, и вправо, роскинувшейся на необозримое, совершенно ровное пространство, сливающееся съ синевою пѣба, испещренное живописными хуторами, городками, селами и деревнями, виноградниками и садами,—пространство прорѣзанное, въ различныхъ направленіяхъ, сверкающими ручьями и рѣчками, извивающимися въ пологихъ, зеленыхъ берегахъ. Не успѣли мы вѣмотрѣться въ частности развернувшейся предъ нами картины, какъ наше вниманіе было-привлечено вдругъ, подъ самою горою, за клубившимся облакомъ пыли, понесшимся по дорогѣ. Тутъ мы поняли, что спугнули венгерскій пикетъ отъ насъ теперь убѣгавшій и какое то ошьяненіе овладѣло нами: ногайки засвистали и мы, какъ свѣзанный комъ катится съ утесистой вершины, покатились въ долину за убѣгавшимъ отъ насъ, впервые нами усмотрѣннымъ врагомъ. Никогда еще не охватывало души моей такого чувства какое я испыталъ въ эту минуту. Забывъ все окружающее и въ головѣ не имѣя мысли о какой нибудь опасности, даже не оглядываясь: всѣли козаки скачутъ за нами? мы видѣли одно только передъ собою—убѣгающее облако пыли и мчались, въ бѣшеной скачкѣ, чтобы его настигнуть. Такъ, бурной лавой, съ гикомъ и крикомъ, ощутивъ пики, мы ворвались въ городокъ Маадъ, пронеслись на противоположную его сторону и вдругъ потеряли изъ виду, внезапно отъ насъ скрывшесся, за вѣтное облачко пыли, цѣль нашей неудержимой погони. Оказалось что дорога, по которой мы мчались, извивавшаяся по самому краю долины, у подошвы горныхъ скатовъ, покрытыхъ садами и виноградниками, отороченными и прорѣзанными каменными заборами, версты за полторы отъ города, круто повернула на лѣво, за горный кряжъ, вдавшійся мысомъ въ долину. За этотъ то мысъ скрылось убѣгавшее отъ насъ облако пыли, за нимъ же усакало три передовыхъ козака, самыхъ быстроногихъ. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ видимъ, наши передовые, съ такою же быстротою несутся назадъ, съ какою только что гнались за убѣгавшимъ отъ насъ облачкомъ; но теперь они скачутъ и машутъ намъ руками и что то кричать.

— Что такое?

„Венгерцы, Ваше б—іе, Венгерцы!“

— Многоли?

„Видимо—невидимо!“

Положимъ, возгласъ самый козачій,—самый у нихъ обыкновенный; но всегда ли надъ нимъ можно смѣяться? Мы осадили лошадей. Однако, безусловно вѣрить козакамъ тоже дѣло не подходящее! Перекинуться нѣсколькими словами съ есауломъ, взять двухъ лучшихъ наѣздниковъ и съ ними броситься впередъ, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла, было для меня дѣломъ нѣсколькихъ миновеній. Но, лишь только мы выскакали за мысъ, какъ увидѣли человѣкъ десять венгерцевъ, съ обнаженными саблями, крупною рысью, идущихъ намъ на встрѣчу, въ какихъ нибудь ста саженьяхъ отъ насъ и въ тоже время, у двухъ—трехъ большихъ строеній (какъ

оказалось вполѣдствіи корчмы „Замбора-Чадра“), лежавшихъ отъ насъ саженьхъ въ двухстахъ, садилось на лошадей нѣсколько всадниковъ. Думать было нечего. Мы повернули назадъ и понеслись къ своимъ, сдѣлавъ по наступающимъ инсургентамъ нѣсколько выстрѣловъ на скаку, оставленныхъ ими безъ отвѣта. Доскакавъ до своихъ козаковъ, стоявшихъ на мѣстѣ, гдѣ мы ихъ оставили, мы увидѣли выходящихъ, изъ за мыса, венгерцевъ, шедшихъ маленькой рысцой и въ тоже время усмотрѣли, вправо по долину, направляющихся намъ во флангъ, отъ деревни Замборъ, толпу всадниковъ, человекъ въ 20, повидиму намѣреющихся отрѣзать намъ отступленіе. Но движеніе непріятеля не имѣло рѣшительнаго характера. Они не рѣшались, повидимому, ударить на насъ, полагая вѣроятно, что Маадъ уже занятъ нашимъ отрядомъ и что мы ихъ только на него наводимъ. Пользуясь этою нерѣшительностью непріятеля, мы пошли шагомъ къ городу, держа ружья на готовѣ. Венгерцы шли за нами на ружейный выстрѣлъ, но огня не открывали. Подходимъ къ городу. Теперь что дѣлать? А если въ городѣ уже ждутъ насъ инсургенты и приставшіе къ нимъ вооруженные жители и пока у насъ съ ними произойдетъ драка, насядутъ на насъ сзади преслѣдующіе насъ Венгерцы?

— Что дѣлать? крикнулъ эсауль Поповъ.

„Мимо, ваше б—іе, мимо“, кричитъ передовой урядникъ, въ городѣ видна суматоха, бѣготня, слышны крики! Обскачемъ городъ!..... и онъ было повернулъ своего коня влѣво съ дороги, что бы оставить городъ въ право.

— Эхъ, братцы, закричалъ я, видите—рѣченка вьется. Вдругъ тамъ тряса, —увязнемъ, какъ утокъ перестрѣляютъ насъ! Валяй прямо въ городъ. На людяхъ и смерть красна! А самъ думаю: въ случаѣ чего въ какуюнибудь избу ворвемся, отсидимся въ ней, пока подойдутъ наши, на пальбу..... И мы съ мѣста маршь—маршемъ, понеслись по улицамъ города, держа ружья и пистолеты со взведенными курками, къ ужасу разбѣгавшагося и что то, дѣйствительно кричавшаго по венгерски, въ большихъ массахъ толпившагося народа. Десяти минутъ не прошло какъ мы уже были за городомъ и пославъ козака доложить начальнику отряда, что непріятель открытъ, пошли шагомъ на встрѣчу своимъ. Венгерцы не посмѣли войти въ городъ и выставили пикеты по ту его сторону, что вскорѣ сдѣлали и мы, лишь только достигли первой высоты, на которой и остановились. Добрый часъ прошелъ у насъ въ созерцаніи другъ друга. Мы не могли и не считали себя вправѣ, что нибудь предпринять не получивъ приказаній своего начальника;—венгерцы, вѣроятно, не смѣли двинуться на насъ. Видимъ изъ села Замбора къ ихъ пикетамъ подошло еще человекъ десять. Теперь, думаемъ, не двинуться ли впередъ и нетерпеливо поглядываемъ назадъ,—а нашихъ—нѣтъ какъ нѣтъ! Но вотъ, смотримъ, венгерцы начали сбѣзжаться въ одинъ пунктъ;—вотъ они повернули на лѣво кругомъ и шагомъ ушли за вышеупомянутый мысъ. А въ городѣ, меж-

ду тѣмъ видимъ, бѣготня и суматоха продолжаются. Вѣроятно жители боятся нашего вступленія, суетятся и прячуть,—что надѣются спасти отъ нашей хищности! Прощель еще часъ пока мы завидѣли нашихъ гусаръ, спускавшихся съ перевала. Мы было на коней, что бы идти въ городъ, какъ прискакалъ козакъ съ запискою начальника отряда, приказывавшаго не двигаться впередъ съ мѣста на которомъ записка насъ застанетъ, а мнѣ прибыть къ начальнику въ м. Талию, гдѣ остановился отрядъ. Оказалось: получено приказаніе—немедленно возвратиться въ Кашау.

Вотъ такъ разочарованіе! Быть въ нѣсколькихъ верстахъ отъ непріятеля, при томъ, превосходя его въ силахъ, по тому что въ Токаѣ, (какъ и оказалось впоследствии), было всего 500 человѣкъ инсургентовъ при 4-хъ орудіяхъ; кипя готовностью вступить въ бой, имѣя все шансы успѣха, вдругъ повернуть назадъ, и почему то, отступать,—по истинѣ, печальная случайность.

Однако, по соглашенію съ Эсауломъ Поповымъ и шт.-ротм. Скворцовымъ, прибывшимъ со своимъ полѣзескадромъ, мы рѣшились занять Маадъ, что бы въ виду нашего послѣдшаго возвращенія изъ за этого городка, послѣ встрѣчи съ венгерскими шкентами, не унижить значенія русскаго войска въ глазахъ мѣстныхъ жителей. По этому, оставивъ гусаръ, въ видѣ резерва не входя въ Маадъ, на позиціи, съ которой можно было наблюдать всю окрестность, мы съ козаками вошли въ мѣстечко, выславъ разъѣздъ передъ городъ, къ сторонѣ Токая.

Жители съ невольною покорностью вышли къ намъ на площадь; начальство города привѣтствовало наше вступленіе и выразило готовность исполнить все наши требованія, буде таковыя послѣдуютъ.

Разъѣзжавшіеся на колокольняхъ революціонные флаги были уже замѣнены австрійскими. Австрійскій комиссаръ, пріѣхавшій къ намъ изъ отряда, успѣлъ уже отъ кого то пронюхать, что въ ратушѣ имѣется складъ оружія. Дѣйствительно, посланный туда разъѣздъ нашелъ: революціонные флаги, барабанъ, 105 копій, болѣе сотни косъ насаженныхъ торчмя на длинныя палки, нѣсколько десятковъ дрянныхъ, болшею частію охотничьихъ двухствольныхъ ружей, нѣсколько паръ пистолетовъ и съ полусотню венгерскихъ сабель, разныхъ формъ и видовъ. Весь этотъ хламъ мы объявили конфискованнымъ, вытребовали подводу и, подъ конвоемъ, отправили въ свой резервъ. Между тѣмъ жители богатаго Маада устроили намъ на площади роскошный завтракъ, натащивъ всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ, превосходной сливовицы и отличнаго венгерскаго вина, повидимому, съ полнѣйшимъ радушіемъ, принявъ насъ угощать насъ, причемъ сами вызвались отвезти съѣстныхъ припасовъ и людямъ оставшимся внѣ города. Надо полагать, что таковая готовность напоить насъ была вызвана отчасти опасеніемъ нашей мести за видимое для насъ общеніе жителей съ инсургентами, частію благодарностью за тотъ, вѣроятно, неожиданный венгерцами порядокъ, который они, ожидавшіе съ нашей стороны грабежа и насилій,

видѣли соблюдающимъ въ нашемъ крошечномъ отрядѣ, изъ рядовъ котораго не позволено было отлучиться ни одному козаку, тѣмъ болѣе заходить въ дома.

Болѣе часу пролежавъ въ Маадѣ, мы пошли въ обратный путь, объяснивъ городскому начальству, что составляемъ рекогносцирующій отрядъ главныхъ силъ наступающихъ этимъ путемъ по направленію на Токай, а потому рекомендовали, въ интересахъ самого населенія, впредь стороны инсургентовъ не принимать, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, съ прибытіемъ нашихъ главныхъ силъ, городъ будетъ подвергнутъ строгому военному взысканію и большой контрибуціи.

Мы присоединились къ своему отряду въ Талин. Тутъ, по указанію австрійскаго комиссара, мы арестовали складъ принадлежавшій инсургентамъ и находившійся въ погребу. Въ немъ оказалось 200 бочекъ вина и большая бочка коровьяго масла. Мы запечатали погребъ и отдали его на храненіе, подъ росписку, мѣстному начальству съ тѣмъ, чтобы къ нашему возвращенію, (которое можетъ и не состоится) онъ былъ сохраненъ въ цѣлости, подъ опасеніемъ взысканія цѣнности оставляемаго, съ имущества жителей. Изъ этого склада мы взяли для отряда шесть большихъ боченковъ вина, роздавъ его поровну во все части отряда и масло. Надо сказать, что съ этими взятыми нами продуктами произошло презабавное приключеніе. Выкатили сорокаведерную бочку масла изъ погреба. Какъ и зачѣмъ везти съ собою такую тяжесть? Рѣшили предоставить солдатамъ разобрать это масло по рукамъ. Надо было видѣть какъ набросились солдаты на свою жертву! Сперва, стали было выковыривать изъ бочки куски масла штыками и тесаками; но черезъ минуту съ ней полетели обручи и масло разбито на куски, солдаты запихивали въ манерки, уносили съ собою горстями, — заворачивали въ какія то тряпки, вѣроятно, въ портянки, — нѣкоторые его просто ѣли тутъ же и даже пихали себѣ въ карманы.... Словомъ, въ нѣсколько мгновеній, отъ бочки масла не осталось и слѣда. даже кленки, съ приставшими къ нимъ кусками масла, унесли. Вино взяли съ собою на повозкахъ, рѣшивъ роздать его людямъ на первомъ привалѣ. Такъ и сдѣлали. Боченокъ ставили стоймя, на дно, выбивали верхнее и черпали вино ведрами, для роздачи по капральствамъ. Но, увы! оказалось вмѣсто вина, какая то грязная бурда. Въ первую минуту думали вылить все вонъ, но солдаты не допустили, проси позволенія разобрать эту бурду. „Верите, коли нравится“.

Въ бурду вино обратилось сболтавшись съ подонками при перевозкѣ, но все таки вино то было отличное и крѣпкое. Солдаты хлебали его ложками, изъ котелковъ, съ сухарями, и *наѣлись* до того, что весь отрядъ сталъ навеселѣ и весь затѣмъ переходъ горлапнилъ самыя залихватскія нѣсни.

Тутъ же, въ Талин, маіору Радомскому были сообщены австрійскимъ комиссаромъ самыя положительныя свѣдѣнія, что въ ближайшихъ окрестностяхъ, по горнымъ селеніямъ, венгерскіе эмиссары волнуютъ народныя

умы, проповѣдуя народную противъ насъ войну и поголовное возстаніе, а бродящія повсюду небольшія шайки инсургентовъ вербуютъ молодежь и собираютъ припасы.

Маіоръ Радомскій нашелъ необходимымъ, для водворенія спокойствія и порядка въ краѣ, послать эсаула Попова и меня, съ 20-ю козаками, въ указанныя доносчиками мѣстности, прогнать бродящія шайки, вездѣ отобрать оружіе и распространить слухъ, что тѣ селенія, которыя будутъ принимать сторону инсургентовъ, немедленно подвергнутся контрибуціи и занятію нашими войсками.

Изъ села Чечъ (Czécze) мы повернули въ горы и едва миновали весьма населенное мѣстечко Болдокъ Варалли (Boldogkő Vörallyu), изъ котораго, какъ оказалось, всѣ зажиточные люди стали подъ знамена инсургентовъ,—какъ намъ предстала карпатская природа во всей ея поразительной красотѣ. Такихъ видовъ и картинъ мы еще не видывали. Горы громадны до самыхъ, казалось небесъ, будучи покрыты, до нѣкоторой высоты, вѣковымъ лѣсомъ, надъ которымъ подымались скалистыя вершины самыхъ прихотливыхъ формъ прорѣзанныя каскадами и водопадами, прыгавшими съ камня на камень. Вершины нѣкоторыхъ горъ терялись въ облакахъ.

Пробираясь по узкому ущелью, мы, то спускались съ горъ, то подымались на нихъ въ одинъ конь, тропинкой извивавшейся часто по карнизу гребня отвѣсной скалы надъ пропастью. Одинъ невѣрный шагъ и насъ ждала бы гибель на камняхъ этой пропасти, ничѣмъ отъ нашей тропинки не огражденной. Наши восхожденія и спуски тѣмъ были опаснѣе, что наши кони не были приучены къ горнымъ дорогамъ. При томъ, самое движеніе наше въ эти горныя трущобы было совершенно—на авось. Начальникъ отряда, посылая насъ показать намъ на случайно имѣвшейся у насъ довольно подробной венгерской картѣ деревни, которыя намъ предстояло обойти, и только. Мы пошли не зная: можно ли намъ будетъ выбратъ на кашаусскій путь безъ слишкомъ большихъ обходовъ? Какія препятствія со стороны природы и людей мы можемъ встрѣтить на этомъ, невѣдомомъ для насъ, пути? Языка жителей никто изъ насъ не зналъ, какъ они не знали нашего языка; проводниковъ намъ предоставлялось доставать самимъ, откуда и какихъ угодно. Вотъ, по истинѣ, казачья экспедиція, въ миниатюрѣ напоминавшая походы Ермака по завоевываемой имъ Сибири!... Однако мы все таки двигались, обращая перваго намъ попадавшагося венгерца въ проводники и приказывая вести себя въ ту ближайшую деревню, которую находили на картѣ. Правду говорилъ во время нашего пути Эсауль Поповъ: „на Кавказѣ мы бы съ вами такъ не разгулялись. Нѣтъ, шалишь! Тамъ давно бы уже насъ такъ угостили, что мы и обратнаго то пути не нашли бы!“ Ну то Кавказъ, тамъ черкесы, воспитанные вѣчной войной, а здѣсь мирные жители, понятія неимѣющіе о народной войнѣ,—успокаивали мы себя, но подвигались впередъ всетаки не совсѣмъ равнодушно. Не разъ ёкало сердце; какъ то болѣзненно сжимаясь. А вдругъ

изъ за той поросшей лѣсомъ скалы, которую надо оплѣзать, насъ встрѣтитъ градъ пуль! а вдругъ обрушатъ на насъ камни, съ этихъ нависшихъ надъ нашей тропинкой, мрачныхъ, горныхъ вершинъ! И думать тогда о спасеніи нечего. Погибнешь даже не видя своего врага!

Подъ давленіемъ такихъ чувствъ, мы тинулись ущельями вереть пятнадцатъ и наконецъ, за однимъ поворотомъ, увидѣли на огромной скалѣ, въ высшей степени живописныя развалины древняго замка и деревушку, разсыпавшуюся въ садахъ у его подножія, въ котловинѣ, изъ которой разбѣгалось нѣсколько ущелій, по различнымъ направленіямъ, независимо того, которымъ мы въ него вступили. Это была деревня *Фони*.

Незная настроенія жителей, надо было дѣйствовать рѣшительно. Оставивъ наблюдательный постъ изъ нѣсколькихъ человекъ на высотѣ господствовавшей надъ котловиной, мы, крупнымъ галопомъ вошли въ деревню, при чемъ успѣли захватить трехъ жителей весьма почтенной наружности, изъ которыхъ одинъ оказался деревенскимъ старшиной. По счастью, они стали объясняться съ нами по словацки и мы ломая языкъ до невѣроятности, объяснили таки имъ, что за нами, въ Болдокъ Варалли стоитъ большой отрядъ сюда же идущій и что мы собственно посланы взять венгерскихъ гонимыхъ, оружіе и революціонныя знамена находящіеся въ ихъ селеніи. Пока мы давали такое объясненіе своимъ плѣнникамъ, сбѣжалось къ намъ на площадку, по видимому, сильно взволнованное и съ угрожающими жестами, все населеніе деревни, которое мы однако близко къ себѣ не подпустили, окруживъ себя выдвинутою впередъ казачьею цѣнью. Повторенное требованіе о немедленной выдачѣ оружія и скрывающихся въ деревнѣ гонимыхъ, мы дополнили объявленіемъ, что въ случаѣ какой либо здѣсь попытки противъ насъ со стороны жителей, мы прежде всего посадимъ пули въ лобъ тремъ задержаннымъ нами старикамъ. Вслѣдствіе этого наши плѣнники что-то стали кричать, по венгерски, сбѣгавшемуся народу, повидимому успокоивая его, а намъ дали понять, что мы находимся у друзей, клянясь что въ деревнѣ нѣтъ ни гонимыхъ, ни оружія. За тѣмъ очевидно исполняя приказаніе своихъ вожакъ нами захваченныхъ, жители тотчасъ потащили къ намъ, на площадъ, кувшины вина, хлѣбъ, сыръ, мясо, фрукты, предлагая намъ подкрѣпить свои силы. Но мы, не слезая съ лошадей, объявили, что тогда только примемъ ихъ радушное предложеніе, когда они исполнятъ наше требованіе въ продолженіи слѣдующей четверти часа, т. е. выдадутъ имѣющееся у нихъ оружіе, въ противномъ случаѣ мы сожжемъ ихъ деревню. Для большаго устрашенія жителей, козакъ тутже распорядились развести костеръ показывая жителямъ, что горящія головни перейдутъ тотчасъ на крыши ихъ домовъ, въ случаѣ дальнѣйшаго ихъ упорства. Угроза эта имѣла успѣхъ. И двадцати минутъ не прошло какъ къ намъ жители притащили нѣсколько десятковъ дрянныхъ охотничьихъ ружей, пистолетовъ, старыхъ сабель и около полусотни косъ, насаженныхъ торчмя на палки, а равно большой, національный флагъ. Принесенныя ко-

сы мы тутже бросили въ пылавшій костеръ, остальное оружіе казаки понавѣшали на себя и на лошадей, свернули флагъ вокругъ древка, — поблагодарили жителей за ихъ покорность законному правительству, — повторили тѣ же наставленія, что дѣлали въ Маадѣ, — выпили по стакану предложеннаго намъ вина, — забрали, кто сколько хотѣлъ, хлѣба и мяса и присоединивъ къ себѣ остававшихся за деревней людей, потянулись къ слѣдующей деревнѣ, взявъ проводника изъ жителей.

Едва скрылась изъ глазъ оставленная нами деревня, мы на первой встрѣченной лужайкѣ сдѣлали продолжительный привалъ; накормили, напоили лошадей, — отдохнули сами и затѣмъ углубились въ одно изъ рисовавшихся предъ нами ущелій, тянувшееся параллельно Кашауской дорогѣ.

Опять пошли горы, по истинѣ, такой красоты что мы и не рѣшаемся напрасно трудиться надъ ихъ описаніемъ, въ убѣжденіи, что не только наше, но перо и болѣе сильное не дастъ возможности читателю составить надлежащее представленіе объ этихъ несомнѣнныхъ чудесахъ природы. Другое бы дѣло ознакомить читателя съ орографіей страны, представить дѣльное геологическое описаніе этихъ горныхъ мѣстностей. Но, опять таки, это дѣло ученаго, а не солдата. Все что можемъ сказать о горахъ, въ которыхъ мы скитались, это что по красотѣ своей, онѣ не уступаютъ Альпамъ, а естественными богатствами въ ихъ нѣдрахъ заключающимися далеко оставляютъ за собою все европейскія горы, искони вѣковъ славясь доставленіемъ весьма значительнаго количества различныхъ, даже благородныхъ, металловъ и минераловъ. Дѣйствительно, до открытія Америки, венгерскія горы были единственнымъ мѣстомъ добычи, въ Европѣ, благородныхъ металловъ, особенно Шемницкіе рудники, извѣстные уже болѣе 900 лѣтъ. Чтоже касается до минераловъ, то венгерскіе Карпаты изобилуютъ ими и издавна снабжаютъ Европу превосходными гранатами, аметистами, лучшими видами агатовъ и въ особенности *опалами*, по величинѣ и чудной водѣ, едва ли имѣющими себѣ равныхъ. Главнѣйшія мѣсторожденія опала, говорятъ, имѣются именно тутъ, по близости нашихъ настоящихъ скитаній, близъ д. Фони. Говорятъ, опаль попадаетъ здѣсь не только въ штольняхъ, но и на поверхности земли, гнѣздами, въ конгломератахъ трахита. Опаль этотъ такъ знаменитъ красотою своихъ переливчатыхъ цвѣтовъ, что въ прежнія времена его здѣсь скупали турецкіе торговцы, посылали въ Индію для отдѣлки и оттоль привозили на продажу, черезъ Голландію, въ Европу — и даже въ Венгрію, какъ издѣліе Востока, но уже поднявшимся въ цѣнѣ, до невѣроятныхъ размѣровъ. Рассказываютъ, что въ регаліяхъ Австрійскаго Императора красуются два здѣшніе опала весьма значительной величины, оцѣненные чуть ли не въ миллионъ нашихъ серебряныхъ рублей каждый. (*)

(*) *Опаль благородный* по большей части бѣлаго или молочно-бѣлаго цвѣта съ сильнымъ блескомъ, яснымъ отливомъ и игрою всевозможныхъ радужныхъ цвѣтовъ. Высшій сортъ это *Arlequin Opale* или Восточный опаль *Opale orientale*. Лучшая коллекція благороднаго опала въ Императорскомъ кабинетѣ, въ Вѣнѣ.

Однако намъ было не до ученыхъ изслѣдованій: надо было торопиться пройти указанныя намъ деревни и присоединиться къ своему отряду.

Не стану повторять почти тождественныхъ разсказовъ о нашемъ появленіи въ нѣсколькихъ лежащихъ на нашемъ пути горныхъ деревенькахъ. Скажу только, что мы занимали эти деревни, ближе лежашія къ г. Кашау, уже гораздо смѣлѣе, не опасаясь ни возстанія противъ насъ жителей, ни внезапнаго нападенія инсургентовъ. Вездѣ мы отобрали имѣвшееся у жителей оружіе (которое подъ конецъ поиска везли на подводахъ), національные флаги; вездѣ мы были накормлены и напоены, а въ одной деревнѣ, намъ добровольно выдали, вслѣдствіе настоящаго мѣстнаго ксендза, двухъ венгерскихъ эмиссаровъ, присланныхъ инсургентами, какъ письменной заявкой намъ сказанный ксендзъ, — подымать населеніе противъ австрійскаго правительства, проповѣдая поголовное вооруженное возстаніе. Двухъ этихъ несчастныхъ мы взяли съ собой. Другихъ особыхъ приключеній, которыя бы стоило разсказать, съ нами не было и мы догнали свой отрядъ, довольно быстро двигавшійся въ Кашау.

Къ стоявшему на бивачномъ привалѣ, у ручья, въ долинѣ, отряду, мы подѣхали съ нарочитымъ эффектомъ. Отрядъ не зналъ о нашемъ приближеніи, не могъ насъ видѣть въ лѣсистыхъ горахъ, тогда какъ мы, съ горы, его видѣли, какъ на ладонѣ.

Мы построили казаковъ по три въ рядъ и раздавъ имъ четырнадцать нами взятыхъ флаговъ, частью трехцвѣтныхъ, частью красныхъ съ вышитымъ посрединѣ гербомъ Венгріи, давъ имъ свободно развѣваться по вѣтру, съ громкой, казацкой пѣсней, вдругъ выдвинулись изъ лѣсной чащи. Неожиданное наше появленіе привело въ восторгъ бивакирующій отрядъ, (правда въ немъ могло родиться другое чувство, если-бы подъ знаменами надъ нами развѣвавшимися, вдругъ, съ горъ ринулись венгерцы! — дѣло совершенно возможное при очевидной безпечности нашего отряда), — раздалось громкое „ура!“ и все бросились къ намъ на встрѣчу.

Разсказамъ не было конца. Мы угощали товарищей привезеннымъ нами виномъ и сливовицей; разсматривали забранные нами оружіе, флаги; осыпали вопросами плѣнныхъ. Было шумно и весело, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ письменнымъ приказаніемъ ускорить движеніе колонны къ Кашау, слѣдуя форсированнымъ маршемъ, вслѣдствіе особаго повелѣнія полученнаго изъ главной квартиры, а мнѣ приказано немедленно явиться къ генералу. Часу затѣмъ не прошло какъ я уже мчался, съ козакомъ, съ отобранными нами флагами, этими жалкими трофеями нашей экспедиціи, на добытомъ австрійскимъ комиссаромъ, находившемся при отрядѣ, форшпанѣ, запряженномъ четверкою добрыхъ лошадей, цугомъ, безъ фореитора, — à la Daumont! Перемѣнивъ лошадей въ Гидасъ Немети, я, ночью 9-го іюля, былъ уже въ Кашау, куда векорѣ послѣ моего пріѣзда, прискакалъ второй уже курьеръ изъ главной квартиры съ приказаніемъ — *отступать!* Изъ привезенныхъ двумя курьерами предписаній усматривалось что 2 іюля,

фельдмаршалъ Паскевичъ извѣстился отъ главнокомандующаго австрійскими войсками, что Гергей, выступивъ изъ крѣпости Коморна, направился лѣвымъ берегомъ Дуная—свѣдѣніе подтверждавшееся донесеніями нашихъ развѣдочъ. Въ слѣдствіе этого, главные силы нашей арміи были сосредоточены при с. Гартіанъ, 5 іюля. Затѣмъ Венгры атакованные на позиціи при городѣ Вайценѣ, отступили по направленію на Ватъ—Кердъ и такимъ образомъ могутъ предпринять движеніе къ сѣверо-востоку, чтобы проникнуть въ Дебречинъ или Токай, а можетъ быть и коснуться г. Кашау. По этому предписывалось Кашаускому гарнизону: больныхъ если возможно, помѣстить въ томъ (замѣтимъ—дурачкомъ, выше мною упомянутомъ) укрѣпленіи, что мы устроили при выѣздѣ изъ города; тѣхъ-же, которые не умѣстятся въ этой *крѣпости*—помѣстить въ городѣ, объявивъ жителямъ, что эти люди отдаются на ихъ личную отвѣтственность, затѣмъ присоединивъ къ себѣ все могущее двигаться, отступать на Еперіесь. (*)

Понятно—какая у насъ поднялась кутерьма, въ особенности по полученіи въ тотъ же день, тождественнаго съ первымъ, предписанія главнаго штаба. Слово „ретирада“—вообще деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ

(*) Вотъ подлинное предписаніе, полученное генераломъ Колзакимъ, 9 іюля.

„Командиру Камчатскаго егерскаго полка г. генераль-маіору и ковалеру Колзаку. 2 числа іюля мѣсяца, г. главнокомандующій арміею, получилъ свѣдѣніе отъ фельдмаршала австрійскихъ войскъ, что начальникъ мятежниковъ Гергей выступилъ изъ Коморна и слѣдуетъ лѣвымъ берегомъ Дуная; свѣдѣнія эти были подтверждены развѣдами, посланными отъ передоваго отряда генераль-маіора князя Бебутова. Въ слѣдствіе сего главные силы арміи были сосредоточены при с. Гартіанъ; 5 числа сего мѣсяца непріятель атакованный на позиціи близъ Вайцена отступилъ по направленію на Ватъ—Кердъ и можетъ предпринять движеніе къ сѣверо-востоку для того, чтобы проникнуть въ Дебречинъ или Токай, а можетъ быть коснуться города Кашау.

Сообщая объ этомъ Вашему Пр—у, предписываю всѣхъ имѣющихся у васъ больныхъ стараться помѣстить въ самомъ укрѣпленіи, тѣхъ-же которые не могутъ быть помѣщены въ укрѣпленіи, расположить въ самомъ городѣ, объявивъ жителямъ, что безопасность больныхъ лежитъ на личной отвѣтственности города, съ которымъ, въ противномъ случаѣ, будетъ поступлено по всей строгости закона.

Затѣмъ, оставивъ для защиты укрѣпленія, достаточно сильный, по усмотрѣнію вашему гарнизонъ, со всѣми оставшимися у васъ войсками, выздоровѣвшими, обозами и тяжестями, имѣете немедленно выступить изъ г. Кашау въ Еперіесь, куда по прибытіи, явится генераль-маіору Сельвану, въ распоряженіи котораго состоятъ и впредь. О времени вашего выступленія, съ объясненіемъ: съ какими именно частями выступите и какія затѣмъ останутся въ г. Кашау, мнѣ довести.

При семъ присовокупляю, что генераль-лейтенантъ Ренне доноситъ, что генераль-интендантъ арміи отправляетъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи 60,000 полумперіаловъ. Его свѣдѣніи угодно дабы Ваше Пр—о не только остановили слѣдованіе сего транспорта, но подъ надежнымъ прикрытіемъ направили бы оный въ г. Еперіесь, для храненія, генераль-маіору Сельвану.

Подписать начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ князь Горчаковъ.

На этой бумагѣ, собственной рукой князя Горчакова приписано: „Добавляется, обозамъ съ тяжестями не обременять войска при слѣдованіи изъ Кашау въ Еперіесь, а оставьте ихъ въ укрѣпленіи. Подп. ген. адъют. князь Горчаковъ № 415. 6 іюля 1849. г. Вайценъ.

Можемъ надѣяться, что настоящее обнародованіе этого подлиннаго документа, подписаннаго Начальникомъ главнаго штаба арміи, распоряженія котораго, какъ извѣстно, исполняюся какъ бы повелѣнія самого главнокомандующаго, снимаетъ всякую отвѣтственность на командира нашего полка, генерала Колзакова какъ Кашаускаго коменданта, въ этомъ странномъ отступленіи нашемъ изъ Кашау, передъ какимъ то призрачнымъ непріятелемъ. Между тѣмъ, повидимому, это отступленіе, въ главной квартирѣ хотѣли поставить въ вину генера-

на войска; тѣмъ болѣе оно непріятно звучало въ нашихъ ушахъ, что было совершенно и неожиданно и неожиданно.

Кромѣ того, мы были въ чрезвычайномъ затрудненіи. Что намъ было дѣлать съ тремя почти тысячами больныхъ, бывшихъ у насъ на рукахъ? Также—съ огромнымъ количествомъ всякихъ комиссаріатскихъ, артиллерійскихъ и провіантскихъ запасовъ. у насъ скопившихся?

Генераль послалъ меня къ австрійскому Плацъ Маіору, нашему общему пріятелю Маіори Вечени, условиться на счетъ тѣхъ перевозочныхъ средствъ, какія намъ могутъ немедленно доставить австрійскія власти. Вечени обѣщалъ переговоривъ съ главнымъ австрійскимъ комиссаромъ Печи, употребить всѣ усилія чтобы помочь намъ. Черезъ часъ я получилъ отъ Плацъ Маіора записку на французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: „Если вамъ нужны повозки, тотчасъ пошлите человекъ сто солдатъ въ распоряженіе г. Печи. Онъ ихъ отправитъ въ окрестныя деревни чтобы собрать подводы. Вашимъ солдатамъ нечего опасаться потому, что опасность еще не такъ велика; они воротятся съ повозками, которыми вы можете распоряжаться по усмотрѣнію. Такимъ образомъ ваше выступленіе не можетъ

ламъ Колзакову и Сельвану, или, по крайней мѣрѣ, признавая это отступленіе мѣрою ошибочною, указывали на этихъ генераловъ, какъ на совершившихъ его—произвольно. Иначе не могло бы имѣть мѣста замѣчаніе генерала адъютанта барона Николи, помѣщенное въ „Запискахъ“ его, подъ датой 15 іюля, (*Русская Старина октябрь 1877*), тѣмъ болѣе, что генераль этотъ состоялъ при Государѣ Императорѣ, и вѣроятно говоритъ въ данномъ случаѣ въ этомъ смыслѣ, какъ было денесено Его Величеству изъ главной квартиры. „Вѣсть, говоритъ баронъ Николи объ этомъ приближеніи, (*) по видимому, отозвалась было и на нашихъ военныхъ начальникахъ, не говоря о комиссаріатскихъ и разныхъ другихъ чиновникахъ, ибо комендантъ нашъ въ Кашау, (**) по приказанію будто бы (?) князя Горчакова, (***) отступилъ оттуда, оставивъ до 1500 нашихъ больныхъ подъ прикрытіемъ лишь одного батальона, а изъ Эперіеса генераль Сельванъ на укрѣпленную позицію въ Капи, (****) оставивъ лишь гарнизонъ въ фортѣ“.

Впрочемъ, И. Ореусъ, въ своемъ „Описаніи Венгерской войны 1849 года“ (Спбурѣ, 1880) иначе отзывается объ этомъ самомъ событіи. Онъ объясняетъ, что послѣ Вайценскаго дѣла, фельдмаршалъ Паскевичъ, въ числѣ предположеній о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Гергея, считалъ, между прочимъ, возможнымъ что онъ, достигнувъ Рима-Сѣчъ или Путнока, повернетъ на Кашау, истребитъ наши запасы и проникнувъ черезъ сѣверовосточную Венгрію въ Трансильванію, безпрепятственно соединится съ войсками дѣйствующими на югѣ.

Согласно этого предположенія, главнокомандующій, рѣшился принять мѣры къ охраненію запасовъ въ Кашау, при чемъ 4-му корпусу приказалъ, въ случаѣ движенія Гергея на Кашау, всѣми силами идти ему во флангъ, отъ Мишкольца. Въ тоже время генералу Сельвану, предписано принять мѣры для обороны укрѣпленій, устроенныхъ въ Кашау, (хороши укрѣпленія!!!), Эперіесъ и Бартфельдъ и разбивать мелкія непріятельскія партіи, къ нимъ приближающіяся. Если же вся армія Гергея пойдетъ на Кашау то, не колеблясь въ неравный бой, отступать на войска барона Остенъ-Сакена, идущія изъ Галиціи.

Очевидно, что двукратное предписаніе намъ данное отступить изъ Кашау и потомъ приказаніе полученное Сельваномъ, бывшее, какъ ниже увидимъ причиною нашего поспѣшнаго, ночнаго, скажемъ правду—безобразнаго, отступленія отъ Эперіеса, на соединеніе съ отрядомъ барона Остенъ-Сакена, было основано на убѣжденіи фельдмаршала въ намѣреніи Гергея всей арміей своей двинуться на Кашау.

(*) т. е. о приближеніи Гергея къ Кашау и Эперіесу.

(**) т. е. генераль Колзаковъ.

(***) Хорошо это „будто бы“, выраженное въ двухъ письменныхъ предписаніяхъ, посланныхъ съ двумя курьерами, разными дорогами.

(****) Мы этой позиціи не укрѣпляли.

совершиться такъ скоро, но если вы отступите и ночью, вы всетаки не опоздаете. Только ни въ какомъ случаѣ не свозите вашихъ больныхъ въ укрѣпленіе, („dans le crepsth“); одна граната, которая попадетъ въ эту часть города, уничтожитъ ее всю, такъ какъ тамъ много домиковъ крытыхъ соломой. Оставьте больныхъ тамъ, гдѣ они лежатъ, если ихъ не можете транспортировать и повѣрьте, если это Гергей займетъ наше мѣсто, онъ имъ не сдѣлаетъ никакого зла. Но подумайте о провіантѣ и аммуниціи—все это погибнетъ, хотя бы вы и возложили отвѣтственность за цѣлость этихъ предметовъ на городъ: что можетъ сдѣлать городъ противъ сорокатысячной арміи!“ Кашау. 21 іюля 1849. Вечери. Маіоръ.

Генераль рѣшился поступить по совѣту Вечери. Солдаты при унтеръ-офицерахъ отправлены къ Печи для сбора подводъ, а между тѣмъ началось выступленіе нашихъ обозовъ и наши личные сборы въ походъ.

Въ сумерки стали прибывать подводы изъ ближайшихъ селъ и везутъ въ самомъ городѣ; подводы эти нагружали аммуниціей, оружіемъ и провіантомъ и по мѣрѣ окончанія нагрузки, партіями, отправляли по Эперіесской дорогѣ. Больныхъ въ укрѣпленіе не переводили, а только поставили въ немъ гарнизонъ изъ два баталіона Азовскаго пѣхотнаго полка, подъ командою подполковника Мосальскаго. Замѣчательно, что этому гарнизону не было дано ни какихъ инструкцій. Оставленъ онъ въ этомъ несчастномъ укрѣпленіи совершенно на произволъ судьбы, можно сказать на видимую гибель если бы дѣйствительно появился подъ Кашау Гергей со всей своей арміей. Сдаться Гергею—гарнизону не приходилось,—драться въ такихъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, въ какихъ онъ находился, охраняя порученное ему укрѣпленіе, тоже было не сладко; но что же дѣлать—вышес начальство приказало оставить гарнизонъ для защиты укрѣпленія и таковою оставленъ, хотя самое существованіе укрѣпленія въ Кашау было не болѣе какъ фиктивное.

Когда совѣтъ смѣрился мы съ музыкой и пѣснями потянулись изъ города, къ явному восторгу венгерцевъ. Да, жители въ нашемъ отступленіи увидѣли зорю своего спасенія подъ вліяніемъ распространившихся между ними слуховъ, въ сущности невѣроятныхъ, о пораженіяхъ будто бы нанесенныхъ нашимъ главнымъ силамъ; о блистательныхъ побѣдахъ Гергея будто бы имъ одержанныхъ по выступленіи изъ Коморна; о томъ чрезвычайномъ разстройствѣ въ какое приведены наши войска, отчасти этими пораженіями, отчасти—холерою. Но, какая непріятная неожиданность поразила Кашаускихъ жителей утромъ, послѣ нашего отступленія! Горожане съ самаго разсвѣта толпились передъ нашими прокламаціями прибитыми, по нашему распоряженію, ночью, ко всѣмъ большимъ зданіямъ города, а такъ же къ домамъ на углахъ и перекресткахъ. Прокламація эта написанная мною по русски и переведенная на три употребительнѣйшіе въ Кашау, языка: венгерскій, нѣмецкій и словацкій, была напечатана весьма крупнымъ шрифтомъ на листахъ толстой, почти оберточной бумаги. Отъ слова до

слова она гласила слѣдующее: *по словацки*: „*Огласѣ обывателемъ Места Кошицкего*“ т. е. объявленіе жителямъ г. Кашау.

„Именемъ Его Свѣтлости, князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго, главнокомандующаго Россійскою арміею, (*) объявляется жителямъ города Кашау: повелѣно Его Свѣтлостію, вслѣдствіе военныхъ соображеній, оставивъ въ г. Кашау небольшой гарнизонъ, остальнымъ войскамъ изъ этого города выступить; всѣхъ больныхъ и продовольственные запасы, какъ свои, такъ и императорскія австрійскія отдать на сохраненіе жителямъ г. Кашау, обязавъ ихъ отвѣчать за цѣлость таковыхъ.

Присовокупляется: если кто либо изъ военныхъ будетъ оскорбленъ жителями или мятежниками; или оставляемые запасы будутъ тронуты, то Его Свѣтлость тотчасъ повелитъ весь городъ Кашау разграбить и обработать въ ничто. Въ Кашау 21 іюля 1849. Эмерикъ Печи—Императорско-Королевскій комисаръ“.

Съ ужасомъ читали бѣдные Кашауцы наше прощальное къ нимъ слово. Они поняли, что самое ожидаемое прибытіе къ нимъ арміи Гергея, если состоится, не много имъ судить красныхъ дней въ будущемъ, такъ какъ, рано или поздно, громадныя силы русскихъ, все прибывающія, одолѣютъ его и городъ опять будетъ ими занятъ, причемъ придется тяжело поплатиться въ случаѣ если пнсургенты не пощадили бы оставленныхъ въ Кашау русскихъ или сложенное тамъ ихъ имущество; впрочемъ были между Кашауцами и такіе, что съ насмѣшками и глумленіемъ читали нашу прокламацію, будучи убѣждены, что насталъ часъ торжества венгерской *справы*. Въ такое заблужденіе венгерцамъ было впадать не впервые. Когда по Венгріи пронесся только смутный слухъ, что русскіе готовятся помочь Австріи въ усмиреніи венгерскаго возстанія, почти никто не придавалъ значенія этому слуху, въ слѣдствіе увѣреній Кошута, усиѣвшаго убѣдить народныя массы, что вмѣшательство Россіи не возможно, потому, что въ случаѣ такового, ей немедленно объявятъ войну: Англія, Франція, Сардинія, Сѣверная Америка, Пруссія и Турція. (**) Ослѣпленіе венгерцевъ ихъ вожаками было таково, что они могли увѣрить ихъ будто наши полки тогда появившіеся у Градина, слѣдуя на помощь австрійцамъ, были

(*) Въ нѣмецкомъ текстѣ почему то сказано переводчикомъ: „фельдмаршала и главнокомандующаго Императорскими русскими окупационными войсками“.

(**) Вотъ что по этому поводу говоритъ Кошутъ въ своихъ „Souvenirs etc“ ст.

„Европейскія правительства убѣждались въ истинѣ, что событія въ Венгріи не могутъ быть уподоблены тѣмъ простымъ революціоннымъ движеніямъ народовъ, стремившихся къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ новыхъ правъ—что потрясли въ то время всю Европу. Европейскія правительства начинали понимать, что въ Венгріи не нація бунтовала противъ своего правительства, а на противъ, правительство дѣйствовало вооруженной рукой противъ порядка вещей, основаннаго на трактатахъ, составляющихъ неотъемлемную часть народныхъ правъ.“

Чась отъ часу все болѣе убѣждался, что это не народъ Венгерскій разорвалъ договоръ заключенный имъ съ царствующей династіей, а напротивъ, сама эта династія атаквала съ оружіемъ въ рукахъ, страну, которую она была обязана защищать, а между тѣмъ которую она лишила политической самостоятельности и унизила до степени простой области.

Вмѣшательство русскихъ произвело общее негодованіе. Одно изъ постановленій національнаго французскаго собранія объявило это вмѣшательство опаснымъ для будущности Европы;

отнодъ не русскіе, а австрійскіе новобранцы переодѣтые въ русскіе мундиры и только въ битвѣ подъ Передомъ и Ашодомъ грохотъ русскихъ барабановъ и наше грозное „ура!“ убѣдили венгерцевъ, что они имѣютъ дѣло не съ австрійскими рекрутами, а со страшной арміей Бѣлаго Царя! Впрочемъ, благо-разумнѣйшіе изъ Кашаусцевъ, на этотъ разъ не обманывали себя: однимъ только ухомъ слушали они стоунтную молву гласившую объ успѣхахъ Гергея и подававшую имъ всевозможныя надежды и очень призадумались надъ нашей прокламаціей, сулившей имъ печальное будущее, несравненно болѣе вѣроятное. Поэтому то, какъ надо полагать, ни мы, оставшіеся въ городѣ до разсвѣта слѣдующаго за выступленіемъ дня, выпроваживая прибывавшія всю ночь подводы, послѣ надлежащей ихъ нагрузки, ни наши большіе, оставшіеся въ городѣ, — ни гарнизонъ нашей несчастной *крѣпости*, — никто не видѣлъ со стороны венгерцевъ ни одной дерзкой выходки, ни одной непріятности. Вся манифестація жителей торжествовавшихъ въ душѣ наше внезапное отступленіе и приближеніе Гергея, выражалась оживленіемъ и радостью написанною на лицахъ жителей.

Утромъ, съ оставленнымъ при мнѣ казачьимъ конвоемъ, я пустился за своимъ отрядомъ и нагналъ его на ночлегѣ передъ Эперіесомъ. Съ разсвѣтомъ мы потянулись въ дальнѣйшій путь и пройдя Эперіесъ, стали бивакомъ за м. Самосъ. Весь путь, на значительномъ протяженіи былъ занятъ всевозможными обозами. По дорогѣ не было проѣзда. Понавъ въ рядъ повозокъ, поневолѣ приходилось тянуться съ ними шагомъ, обогнать ихъ не было возможности такъ какъ дорога пролегала по чрезвычайно пересѣченной и гористой мѣстности. Нашъ отрядный штабъ расположился въ нѣсколькихъ крайнихъ домикахъ мѣстечка, вокругъ купалень, устроенныхъ на минеральномъ ключѣ. Всѣ сосредоточившіеся здѣсь войска Кашаусскаго гарнизона: пѣхота, кавалерія, артиллерія, австрійскій баталіонъ, казаки, стали хотя и бивакомъ, но какъ бы у себя дома, въ Россіи, въ мирное время, не принявъ рѣшительно ни какихъ военныхъ предосторожностей, даже не выдвинувъ арьергарда и не выславъ разъѣздовъ въ окрѣстности. Забыли и думать, что отступаемъ отъ непріятеля, вѣроятно гораздо насъ сильнѣйшаго, если уже отступаемъ!..... Право, чудеса у насъ творятся, да и только!..... Дождемся мы таки когда нибудь хорошаго урока отъ непріятеля за безпрестанное игнорированіе военныхъ правилъ!.....

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, хотя нерасположенный въ нашу пользу, заявилъ при полномъ Собраніи Общинъ, слѣдующій officialный взглядъ его правительства на венгерскія дѣла: „Это событіе чрезвычайное въ европейскомъ порядкѣ“ („an important European transaction“) — признаніе это очевидно вынужденное требованіями международной политики.

Могущественная республика Соединенныхъ Штатовъ послала своего дипломатическаго агента въ Венгрію. Этотъ прямой шагъ къ признанію нашей независимости сопровождался обещаніемъ всякой политической и матеріальной поддержки, которая обыкновенно дѣлаются въ подобныхъ случаяхъ націямъ признаваемымъ воюющею стороною.

Вообще общественное мнѣніе цивилизованнаго міра начинаетъ высказываться въ пользу нашего праваго дѣла. Смѣю заявить открыто и прямо, что въ исторіи можетъ быть не было войны за независимость, которая бы пробуждала во всемъ мірѣ столько самыхъ искреннихъ симпатій“.

Утомленные большими переходами, солдаты расположились у костровъ и принялись варить кашу. Стемнѣло. Меня совершенно измучили послѣдніе дни пренеполненные тревогъ, заботъ, физическихъ трудовъ постоянной верховой ѣзды и недоспанныхъ ночей и я, только успѣлъ сдѣлать нѣсколько глотковъ чаю завалился спать, мечтая въ эту ночь (съ 10 на 11 іюля), отдохнуть на славу. Но не тутъ-то было! Только сталъ я забываться сномъ какъ явился ординарецъ звать меня, какъ можно скорѣе, къ генералу, съ которымъ мы стояли *vis à vis*, черезъ улицу. Едва успѣлъ я перебѣжать это пространство, на бѣгу подстегивая саблю, какъ слышу—барабаны гремятъ подъемъ и вижу моему генералу подводить коня ко крыльцу. Что за исторія? Вскочивъ на подведеннаго и мнѣ коня, я помчался за генераломъ, къ отряду. Ночь уже успѣла надвинуться, мрачная, темная, непроглядная...

На бивакѣ мы застали страшную суматоху: костры полупотухли, залитые опрокинутой на нихъ кашей, (изъ которой, кто успѣлъ при этомъ, выхватилъ недоваренное мясо); батальоны строятся, вытягиваясь на шоссе; со всѣхъ сторонъ слышны командные возгласы и брань на всевозможные лады; также на шоссе выѣзжаетъ артиллерія, — остановленная, однако, проходящимъ баталіономъ и въ свою очередь остановившая движеніе слѣдовавшихъ за нею войскъ; тутъ обозъ въѣхалъ въ ряды баталіона и смѣшалъ его; между тѣмъ обозныя лошади бьютъ, рвутъ упряжь, перепутываютъ повозки, нѣкоторыя опрокидываются въ шоссеиную канаву, — гвалтъ и крики усиливаются; — мелькаютъ бѣлые мундиры австрійскаго баталіона, потерявшаго свое мѣсто и куда то бегущаго; адъютанты и ординарцы скачутъ по разнымъ направленіямъ, съ какими-то, къ кому-то приказаніями и не находятъ тѣхъ къ кому посланы; тутъ очутились повозки еперіесскихъ жителей, самыхъ рьяныхъ сторонниковъ австрійскаго правительства, побоявшихся остаться въ Эперіесѣ послѣ нашего отступленія и бѣгущихъ за нами съ добромъ, какое успѣли захватить..... и вдругъ, посреди этой сумятицы, едва только, мѣстами освѣщенной потухавшими бивачными кострами, раздается дикое гиканье и чуждый европейскому слуху говоръ... Оказалось что это отрядъ кавказскихъ горцевъ, крупной рысью шедшій изъ Эперіеса, не обращая вниманія на скученность всевозможнаго народа и обозовъ на его дорогѣ, нагайками пролагалъ себѣ путь... словомъ, происходила неопишемая и невообразимая суматоха!.....

Но, чтоже, наконецъ, было причиной такой непозволительной, особенно въ военное время, неурядицы?

Ни болѣе, ни менѣе, какъ полученное генераломъ Сельваномъ новое повелѣніе главнокомандующаго, безъ малейшихъ остановокъ продолжать ретирату, на соединеніе съ приближающимся отрядомъ генералъ адъютанта, барона фонъ деръ-Остенъ-Сакена. Распоряженіе это сдѣлано вслѣдствіе подтверждавшагося извѣстія о движеніи Гергея, послѣ дѣла подъ Вайценомъ, въ горные комитаты, при чемъ разнесшаяся по всюду молва утверждала, что Гер-

гей, во главѣ сорока тысячной арміи, съ чрезвычайной быстротой, идетъ прямо на Эперіесь—въ тылъ нашимъ арміямъ.

Получивъ такое повелѣніе, генераль Сельванъ, тотчасъ приказалъ ударить подъемъ и разослалъ своихъ ординарцевъ съ приказаніемъ во всѣ части отряда: немедленно продолжать отступленіе.

Внезапно произведенная такимъ образомъ тревога, въ темную ночь, усиленная преувеличенными разказами о близости венгерцевъ, въ связи съ неприятиемъ какихъ либо мѣръ къ освѣщенію окрестностей по средствомъ своевременной разсылки кавалерійскихъ разъѣздовъ,—въ связи съ совершеннымъ незнакомствомъ нашимъ мѣстности,—произвели нѣчто въ родѣ паники въ войскахъ, которыя ждали, что вотъ--вотъ, сію минуту, съ которой либо стороны, Венгерцы откроютъ по насъ огонь и сдѣлаютъ внезапное на насъ нападеніе..... Солдаты шли ускореннымъ шагомъ, выбиваясь изъ силъ, —буквально—безъ всякаго порядка, нестройною толпою, перемѣшавшись съ обозами, жителями, артиллеріей и кавалеріей.....

Въ такомъ безобразномъ движеніи прошла вся ночь и я только постичь не могъ, какъ, подъ ея покровомъ, я не сломалъ себѣ шею, не переломалъ рукъ или ногъ? Но что касается голоса, то отъ крику, отъ передачи приказаній, отъ брани—я его потерялъ, рѣшительно!....

Слава Богу! наконецъ начало свѣтать и мы стали бивакомъ, въ долинѣ, у подножія Капушанскаго замка, вѣнчавшаго своими развалинами утесистую гору. Съ разсвѣтомъ сталъ водворятся нѣкоторый порядокъ въ войскахъ. Части начали устраниваться. Вывшіе съ нами гусары, уланы, казаки, даже горцы, наконецъ то были разосланы въ разныя стороны, собирать свѣдѣнія о приближающемся, (мы все еще были убѣждены въ этомъ!!) непріятелѣ. Для артиллеріи выбрали соотвѣтствующую позицію. Обозы установили въ Вагенбургъ. Сформировали арьергардъ, выдвинули его на позицію и такъ далѣе..... Измученнымъ до нельзя солдатамъ приказали варить кашу.

Къ вечеру стали возвращаться наши разъѣзды, конечно съ извѣстіемъ что о непріятелѣ нѣтъ ни слуху ни духу!...

Затѣмъ, послѣ нашего постыднаго бѣгства, мы, почти трое сутокъ простояли на бивакѣ у Капи, пока не получили предписанія генерала Остенъ-Сакена, вступившаго со своимъ отрядомъ въ Бартфельдъ, идти на занятіе Кашау. Собраться намъ было не долго. Ударилъ подъемъ и отрядъ длинной вереницей, но уже въ стройномъ порядкѣ, съ музыкой и пѣснями, потянулся по знакомой дорогѣ нашего недавняго отступленія, по необыкновенному счастью имѣвшаго характеръ болѣе комическій, чѣмъ трагическій.

Меня генераль послалъ съ козаками—открыть сообщеніе съ Кашау.

Утромъ другаго дня, безъ малѣйшихъ приключеній, разумѣется не встрѣтивъ ни одной изъ вооруженныхъ шакъ, будто-бы бродившихъ на нашемъ пути, мы дошли до Кашау и весело помчались по его улицамъ обрадовать своимъ возвращеніемъ оставленный нами въ укрѣпленіи гарнизонъ,

ежеминутно ожидавший появленія или отрядовъ Гергея, или нападенія вооруженныхъ жителей, шайки которыхъ дѣйствительно стали бродить, по ту сторону Кашау, немедленно послѣ нашего отступленія. Чтоже касается до Кашаусскихъ жителей, то какъ мы уже замѣтили выше, они вели себя очень сдержанно, хотя ихъ дамы при насъ большею частью скрывавшіяся, наполняли городской бульваръ каждый вечеръ, — а въ торговлѣ опять появились „кошутки“ въ прежней цѣнности. Въ то же время молва, на тысячи ладовъ передавала о приближеніи Гергея, о его торжествѣ надъ нашими арміями и о близкомъ освобожденіи всей Венгріи. Слухи подобного рода казались до того правдоподобными, что мы сами потомъ читали въ искренно преданномъ нашему дѣлу „Галичо-Русскомъ вѣстникѣ“. (ч. II, 849 г. 26 іюля и 7 авг.) извѣстіе о томъ будто-бы Гергей, 22 іюля (н. с.) занялъ Кашау, гарнизонъ котораго, уступивъ превосходному въ силахъ непріятелю, быстро ретировался.

17 Іюля кавалерійскій отрядъ генерала барона Остенъ-Сакена вступилъ въ Кашау и мы получили предписаніе этого генерала (№ 377) немедленно отправить состоявшіе въ нашемъ отрядѣ: полурэскадронъ гусаръ и 20 козаковъ въ Гидасъ-Немети, съ тѣмъ чтобы они посылали оттуда развѣзды въ Форро; для усиленія же нашего отряда къ намъ присланъ генераломъ Сакеномъ эскадронъ гусаръ и казаки изъ Эперіеса.

Вступивъ въ Кашау генераль Остенъ-Сакенъ сдѣлалъ дневку своему кавалерійскому отряду и захвативъ съ собою баталіоны Азовскаго и два баталіона нашего Камчатскаго полковъ, двинулся на Токай, опять оставивъ нашъ штабъ, съ двумя остальными баталіонами Камчатскаго полка, въ Кашау.

Намъ непонятна и даже кажется странною медленность съ какою генераль Остенъ-Сакенъ двигается со своей кавалеріей, дѣлая дневки и весьма небольшіе переходы. По нашимъ соображеніямъ отряду генерала Сакена не въ Кашау бы теперь уже надлежало быть, а далеко впереди! Намъ кажется, что Остенъ-Сакену предназначалось стать на пути отступленія Гергея за Тейсу, въ то время когда наша армія напирала на него у Вайцейна и Мишкольца. Такое заключеніе мы выводимъ изъ надписи на конвертѣ привезенномъ генералу Сакену курьеромъ отъ главнокомандующаго, адресованномъ, какъ мы сами видѣли «*Между Кашау и Мишкольцомъ*». (*) Значить Остенъ-Сакена главнокомандующій считаетъ находящимъ

(*) Изъ исторіи Венгерской кампаніи 1849 года, Ореуса, самой подробной изъ доселѣ у насъ появившихся, нельзя заключить чтобы генералу Сакену было приказано преградить дорогу Гергею, между Мишкольцемъ и Кашау; да едвали и могло быть дано такое категорическое приказаніе, какъ по малочисленности Сакенаго отряда, такъ и потому, что послѣ Вайценскаго дѣла, армія Гергея какъ бы ускользнула изъ виду нашего главнокомандующаго. Положительно, нѣкоторое время, у насъ не было въ точности извѣстно: куда именно она направилась? такъ дурно у насъ въ то время была организована развѣдочная часть. Между тѣмъ, изъ той же исторіи усматривается, (стр. 289) что по полученнымъ въ главной квартирѣ донесеніямъ, было извѣстно, что генераль Остенъ-Сакенъ, къ 11 іюля могъ сосредоточиться у Змигорода, на Галиційской границѣ. Слѣдовательно, если отрядъ Сакена могъ 11 іюля собраться у Змигорода, то въ какіе нибудь четыре форсированные перехода, (безъ дневокъ ра-

ся на этомъ пространствѣ если ему такъ адресуетъ депешу, а не въ Кашау—на дневкѣ!...

Еще скучнѣе, еще песносыѣ показалаеь намъ теперь жизнь въ Кашау, послѣ выступленія Сакена, унесшаго съ собою послѣднюю нашу надежду на присоединеніе къ арміи дѣйствовавшей на главномъ театрѣ войны.

По счастію, мнѣ опять дали порученіе, хотя на нѣсколько дней оторвавшее меня отъ песносныхъ занятій.

Движеніе Гергея по направленію на Токай повлекло за собою, въ странѣ прилегающей къ пути имъ проходимому нѣкотеое оживленіе, подавленной было, инсurreкціи. Ктому же, его армія вынужденная продовольствоваться на средства жителей, должна была посылать фуражировъ даже въ мѣстности нами занятыя, на которыхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, возлагалась вербовка необходимая для пополненія инсurreкціонныхъ войскъ. По этому нашей прямой обязанностью было, съ новымъ занятіемъ Кашау, водворить спокойствіе въ его окрестностяхъ, въ тылу прослѣдовавшихъ къ Токаю нашихъ войскъ;—подавить развитіе инсurreкціи и лишить войска мятежниковъ подвоза продовольственныхъ припасовъ, изъ этой мѣстности. Съ такими цѣлями генераль Сельванъ послалъ небольшой отрядъ по тракту на Ушваръ. Я опять былъ прикомандированъ къ этому отряду въ качествѣ офицера генеральнаго штаба.

Отрядъ состоялъ изъ 2-й и 3-й егерскихъ ротъ Камчатскаго полка, изъ полуэскадрона гусаръ Короля Ганноверскаго и 25 козаковъ Донскаго № 51 полка, подъ командою Ротмистра гусарскаго Короля Ганноверскаго полка—Буренштама. Отряду поручалось прогнать венгерскихъ фуражировъ изъ части Земилинскаго комитата, прилегавшей къ Даргосскимъ горамъ,—очистить самыя эти горы отъ инсургентскихъ шакъ и обезпечить трактъ отъ города Наги Михали на Токай.

зумѣется), онъ могъ подойти къ Токаю, т. е. около 15 іюля, а извѣстно что Гергей перешелъ за Тейсу подъ Токаемъ только 16—17 іюля и лишь 18 іюля сжегъ за собою мостъ. Очевидно, болѣе раніе прибытіе О. Сакена къ Токаю, присоединеніе къ нему отряда Граббе и удержаніе корпуса Чоодаева у Мишкольца, вмѣсто безполезнаго удаленія его къ Мезокеведзу и Конольно, наконецъ продолженіе дѣла Чоодаева на р. Гернадѣ, вмѣсто рѣшительнаго приказанія отступить къ С. Абраицъ, если бы даже началось у него дѣло съ Венгерцами, (*) совершенно измѣнило бы ходъ кампаніи и покончило бы оную, непременно на правомъ берегу Тейсы.

Изъ вышесказаннаго, казалось бы, можно заключить, что главнокомандующій не рассчитывалъ имѣть Сакена около 15 іюля между Кашау и Мишкольцемъ, т. е. на пути отступленія Гергея,—въ такомъ случаѣ, повторяемъ, зачѣмъ адресована была Сакену депеша въ эту мѣстность? Впрочемъ въ эту кампанію столь многое дѣлалось какъ бы ощупью, какъ бы на авось;—такъ мало было стройности и гармоніи въ движеніи частей, не смотря на кажущуюся систематичность, осторожность и расчетливость каждаго мѣропріятія, что и такое приближеніе О. Сакена къ непріятелю, не казалось невозможнымъ, вѣроятно даже и главной квартиръ.

(*) Усматривается: 13 іюля отъ р. Гернада, на которой началось у насъ дѣло съ Венгерцами, Гергей отступивъ въ одну сторону, въ то время какъ Чоодаевъ отступивъ—въ другую. „Такимъ образомъ, справедливо замѣчаетъ баронъ Николи, представился, вѣроятной единственныи въ военной исторіи случай, двухъ непріятельскихъ армій, до всякаго боя, отступающихъ другъ отъ друга въ противоположныя стороны“. (Война Россіи съ Венгеріей 1849. Русская стар. 1877. Октябръ, стр. 237).

Мы двинулись къ весьма живописному хребту названныхъ горъ. Заунывная пѣсня козаковъ настраивала душу на поэтическій ладъ; окрестная природа блистала величавой красотой, — мы наслаждались ею вполне! Мы шли спокойно, не имѣя и мысли объ опасности, о возможности наткнуться въ этихъ лѣсистыхъ горныхъ трущобахъ на засаду, или просто на бродячую шайку инсургентовъ, значительно, можетъ быть, превосходящую насъ въ силахъ..... Идемъ и вдругъ, при одномъ крутомъ поворотѣ дороги за гору, мы ясно услышали множество громкихъ голосовъ..... Разумѣется мы встрепнулись, мгновенно вышли изъ своего созерцательнаго, поэтическаго настроенія, — мгновенно приняли необходимыя мѣры осторожности и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ увидѣли предъ собою долину, по которой двигалась намъ на встрѣчу большая толпа народа..... Пики на перевѣсѣ! — и мы помчались къ этой толпѣ..... но тотчасъ должны были отбросить всякіе боевые приемы: предъ нами предстало человѣкъ болѣе ста жидовъ, разумѣется безоружныхъ, преимущественно молодыхъ. Оказалось, что эти господа бѣгутъ изъ сосѣдняго селенія Галь-Чечъ (Gal—Szecs), отъ венгерцевъ, будто бы туда вступившихъ въ числѣ 1000 человѣкъ, для производства реквизиціи и вербовки.

Давъ знать объ этой встрѣчѣ начальнику нашего отряда, мы, рысью пустились въ Галь-Чечъ, скоро достигнувъ котораго убѣдились, что дѣйствительно отъ страха глаза дѣлаются велики, особенно у жидовъ! Оказалось, что часа за три до нашего прихода изъ Галь-Чечъ уѣхало по тракту на Уйгель, на форшпанахъ запряженныхъ четверками, около 30 венгерцевъ, (преобразившихся въ 1000 — въ глазахъ жидовъ!) захватившихъ съ собою десять молодыхъ людей и нагрузившихъ форшпаны овсомъ. Не долго думая, мы было пустились въ погоню за уѣхавшими венгерцами, но пройдя верстѣ 5 полною рысью и не видя, на открывшейся предъ нами на большое пространство, дорогѣ, преслѣдуемыхъ нами бѣглецовъ, мы не нашли возможнымъ гнаться за ними далѣе д. Азоръ, тѣмъ болѣе, что по рассказамъ жителей, Уйгель занятъ тремястами инсургентовъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ и потому мы остановились на отдыхъ, что бы окончательно и безплодно не замучить лошадей. Дождавшись сближенія своего отряда, который остановился въ с. Дарго, гдѣ и долженъ былъ оставаться все время, пока мы будемъ скитаться по окрестнымъ деревнямъ, мы двинулись далѣе подъ с. Коханы, гдѣ отобрали у жителей оружіе и революціонный флагъ. Здѣсь мы ночевали въ прелестной долині, хотя и не совсѣмъ спокойно. Ночью наши пикеты сдѣлали тревогу, начавъ стрѣлять по табуну лошадей, какъ оказалось, принадлежавшихъ мѣстнымъ жителямъ, въ темнотѣ, принявъ его за приближавшагося непріятеля. Съ разсвѣтомъ мы углубились въ горы.

Въ теченіи дня, мы посѣтили нѣсколько мѣстечекъ и деревень, въ которыхъ, до насъ и не бывало ноги русскаго солдата. Въ с. Тѣкъ—Теребешъ (Töke Terebes), мы забрали и отправили въ Камау, на обыватель-

скихъ подводахъ, здѣсь же вытребованныхъ, значительное количество овса, приготовленнаго для инсургентовъ; затѣмъ, мы вездѣ гдѣ проходили отобрали оружіе и черезъ села: Вейлеты и Келичени, по удивительно красивымъ горамъ, добрались до раскинутой на значительной высотѣ, въ глуши громаднаго буковаго лѣса, деревни Банкъ (Bánk), гдѣ устроено заведеніе для пользованія весьма цѣлебными минеральными водами. Тамъ по словамъ жидовъ, мы должны были захватить, пріѣхавшихъ туда лечится, многихъ венгерскихъ офицеровъ. Однако, мы не захватили никого. Дѣйствительно тамъ лѣчились—Маіоръ и два офицера инсургентской арміи, но они еще ночью скрылись предупрежденные кѣмъ то о нашемъ появленіи въ сосѣдствѣ.

Отдохнувъ на живописной площадкѣ сада, у купальни; напившись минеральной, пріятной на вкусъ, кисловатой воды, мы пошли на соединеніе со своимъ отрядомъ, въ с. Дарго.

Признавая свою миссію оконченною, однимъ своимъ появленіемъ очистивъ Кашаускія окрестности отъ инсургентовъ волновавшихъ жителей, нашъ начальникъ воротился съ отрядомъ въ Кашау, къ видимому впрочемъ неудовольствію войскъ своего отряда. Большинству лицъ этотъ отрядъ составлявшихъ такъ легко и весело было въ этомъ походѣ, при обиліи сливовицы, вина и всего съѣстнаго, доставлявшагося жителями, что мѣнять такую привольную жизнь, на полуказарменную стоянку гарнизономъ въ Кашау, конечно не могло быть пріятно. Въ особенности скорымъ возвращеніемъ недовольны были козаки, всегда такъ успѣвавшіе въ эти походы, поживиться кое чѣмъ, болѣе цѣннымъ, чѣмъ съѣстное для себя и лошади, а главное пользовавшіеся случаемъ переѣздить многихъ захудалыхъ коней своихъ, на бодрыхъ, крѣпкихъ, огненныхъ венгерскихъ лошадокъ.

Мы выше упомянули, что горы, по которымъ мы теперь скитались, называются „Дарго“.

При этомъ имени въ нашей памяти воскресаетъ Кавказъ и кавказское „Дарго“, столь прославленное русскимъ оружіемъ и залитое русскою кровью. Въ этомъ тождествѣ названій ничего нѣтъ удивительнаго. Въ Венгріи множество урочищъ, селеній, деревняхъ фамилій, предметовъ домашняго обихода и т. д. носятъ тѣже названія, что и у кавказскихъ горцевъ. (*) При томъ, стоитъ только хорошенько всмотрѣться въ бытъ, въ домашнюю жизнь, въ самую наружность венгерца, что бы найти въ нихъ много общаго съ бытомъ, домашнею жизнью и наружностью нѣкоторыхъ племенъ кавказскихъ горцевъ. Тотъ же типъ венгерскихъ женщинъ, что и черкешенокъ; такъ же скоро старѣются и дурнѣютъ тѣ какъ и эти; таже стройность и гордый видъ мужчинъ; таже страсть къ оружію у тѣхъ и другихъ; тоже умѣнье носить неразлучную, какъ съ тѣми, такъ и съ другими—бурку. Наконецъ, венгерцы сказывали намъ, что они понимаютъ множество словъ изъ разго-

(*) Даже въ Россіи, между Астраханью и Терекомъ существуетъ древнее Венгерское городище извѣстное подъ именемъ „Маджаръ“.

вора бывшихъ при нашемъ отрядѣ черкесъ. Вообще венгерцы убѣждены, что нѣкоторые племена, доселѣ обитающія на Кавказѣ, имъ родственныя и что сами они—кавказскіе выходцы.

Венгерецъ Де-Бессъ, нарочно ѣздилъ по кавказу въ 1829 и 1830 годахъ, съ цѣлью отыскать тамъ слѣды родства венгерцевъ съ черкесскими племенами. (*) Онъ рассказываетъ много любопытнаго въ этомъ отношеніи изъ своего путешествія.

Такъ онъ утверждаетъ, что нашелъ на Кавказѣ племена выдающія себя за первообразъ Мадырь, съ восторгомъ узнавшія въ немъ—мадыра съ дунайскихъ береговъ. Де-Бессу неоднократно повторяли на Кавказѣ общее повѣрье черкесъ, что дунайскіе мадыры прежде жили на мѣстахъ нынѣ занятыхъ черноморскими козаками и что они, будучи тѣнены какимъ то могучимъ сосѣдомъ, послѣ побѣды надъ ними потребовавшимъ въ дань съ каждого изъ ихъ семействъ по бѣлой коровѣ, не имѣя возможности исполнить такового требованія, бѣжали за Кубань. Словомъ Де-Бессъ отыскалъ на Кавказѣ пять племенъ, въ которыхъ онъ, по всѣмъ этнографическимъ и антропологическимъ признакамъ, нашелъ совершенное сходство съ венгерцами.

Сколько видно изъ изысканій доселѣ намъ извѣстныхъ о происхожденіи венгровъ, народъ этотъ, волей или неволей, по въ первые появился въ Европѣ вмѣстѣ съ Гуннами, въ составѣ полчищъ Атиллы. Память о славномъ походѣ въ чудныя, западныя страны покоренныя полчищами „Вича—Вожія“, должна была жить въ племенахъ эти полчища составлявшихъ, и вотъ, отъ времени до времени, новыя орды кавказскихъ мадырь шли искать счастья и добычи въ тѣхъ странахъ запада, которыя, своими баснословными богатствами обольщали ихъ восточное воображеніе. Походъ одной изъ такихъ орды совершился по сказанію венгерскихъ лѣтописцевъ и нашего Нестора въ 898 году, съ восточнаго берега Днѣпра, на Кіевъ. Венгры при этомъ побили русскихъ, ограбили Кіевъ, взявъ съ него богатую дань и присоединивъ къ себѣ союзныхъ кіевлянамъ Кумановъ и русскихъ искателей приключеній, устремились на западъ, въ Карпатскія горы, гдѣ и осѣли, вѣроятно обольщенные богатствомъ роскошной природы, напоминавшей имъ ихъ родныя горы, возвратъ въ которыя имъ былъ уже или не пужень, или невозможенъ. Съ этого собственно времени начинается исторія венгерскаго народа.

(*) Поѣздка эта описана де-Бессомъ въ его сочиненіи: „Voyage en Crimée, au Caucase, en Géorgie, en Arménie, en Asie mineure et à Constantinople, en 1829 et 1830, pour servir à l'histoire de Hongrie, par Jean—Charles de Besse. Paris“. Сочиненіе это цитируетъ въ своихъ примѣчаніяхъ A. de Gérando, къ составленному имъ „Essai historique sur l'origine des Hongrois“ Paris. 1844 Въ сочиненіи этомъ Gérando доказываетъ мѣстными преданіями, свѣдѣтельствомъ византійскихъ писателей, филологическими изслѣдованіями языка венгерцевъ, антропологическими, этнографическими, и другими научными данными тождественность Венгерцевъ съ Гуннами.

19 іюля проїхавъ изъ Варшавы въ главную квартиру, флигель-адъютантъ полковникъ Глинка. Онъ рассказывалъ, что Государь съ Наслѣдникомъ В. К. Михаиломъ Павловичемъ нетерпеливо ждуть тамъ извѣстій отъ князя Паскевича о ходѣ дѣлъ въ Венгрію.

Полковникъ Глинка не рѣшился ѣхать прямо на Мишкольцъ, а поѣхалъ на Токай, что бы пробраться въ главную квартиру черезъ отрядъ Сакена.

Вчера, а именно 25 іюля по приказанію генерала Сельвана, была послана изъ Кашау новая экспедиція, подъ командою камчатскаго полка Майора Швахгейма (*), состоящая изъ двухъ ротъ этого полка при двухъ орудіяхъ и 20 гусарахъ короля Ганноверскаго съ 20 козаками Донскаго № 41 полка. Этотъ отрядъ посланъ къ землинскому комитату, съ цѣлью, во исполненіе требованія австрійскихъ властей, секвестровать нѣсколько имѣній мѣтежныхъ дворянъ, присоединившихся къ инсургентамъ и открытъ сообщеніе съ отрядомъ нашей пререгулярной кавалеріи, стоявшей въ г. Надъ—Михали.

Мнѣ не удалось присоединиться къ этому отряду—меня удержала въ Кашау большая работа по приготовленію нашего полка къ сдачѣ вновь назначенному и на дняхъ прибывающему новому полковому командиру, полковнику барону Фитингофу Шеелъ, какъ говорили, извѣстному своею храбростью.

Дѣйствительно 28 іюля прибылъ къ намъ баронъ Фитингофъ.

Оказалось, Фитингофъ, очень уже пожилой человѣкъ, совсѣмъ почти сѣдой, стриженный подъ гребенку,—съ первымъ подергиваньемъ въ лицѣ, прострѣленномъ подъ Остроленкой, (съ поврежденіемъ челюсти), и прихрамывающій на тамъ же прострѣленную ногу. Новый командиръ нашъ оказался буршемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, при томъ любящимъ сильно выпить. Не ровный въ обращеніи съ офицерами:—то совершенный товарищъ, то слишкомъ строгій, хотя, видимо, мало, понимающій служебное дѣло, начальникъ, Фитингофъ не проявлялъ необходимаго такта въ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными, хотя въ тоже время былъ человѣкомъ цивилизованнымъ, благородномыслящимъ и рѣшительнымъ. Последнее качество онъ намъ доказалъ на дѣлѣ, не задумавшись, поверхностно осмотрѣвъ только одинъ баталіонъ полка, бывший налицо, (***) выдать генералу Колзакъ чистую квитанцію въ приемъ полка до истеченія 24 часовъ со време-

(*) Это былъ офицеръ выдававшійся изъ ряда обыкновенныхъ армейскихъ офицеровъ. Къ намъ онъ былъ переведенъ изъ штабъ-капитановъ гвардіи. Его любили у насъ и онъ стоялъ того будучи отлично образованъ;—высокихъ качествъ души и сердца; благородный, храбрый, искренно любящій военное дѣло. Къ сожалѣнію, онъ кажется прожилъ не долго послѣ нашего кратковременнаго сослуженія въ одномъ полку. Здоровье его было разрушено—онъ постоянно страдалъ отъ черкесской пули пробившей его насквозь въ экспедиціи на Кавказѣ.

(**) Два нашихъ баталіона ушли съ генераломъ Сакеномъ впередъ, а 4-й баталіонъ доселѣ къ намъ неприсоединенъ, оставаясь въ Дукло.

ни своего къ нему прибытія. Подобный пріемъ полка былъ шикъ своего рода, которымъ щеголяли порядочные люди, достигая высокаго званія полковаго командира. Такой быстрый пріемъ полка унасъ высоко цѣнился, бывало, начальствомъ, особенно въ военное время, когда не до хозяйственныхъ расчетовъ и не до канцелярскихъ дрызгъ. Подобный фактъ считали доказывающимъ, съ одной стороны, полное безкорыстіе и рыцарское отношеніе къ дѣлу принимающаго полка, а съ другой стороны или блестящее состояніе сдаваемаго полка, особенно въ хозяйственномъ отношеніи или полное отсутствіе скупости въ хозяйствѣ сдаваемаго полка. Но времена и понятія стали мѣняться. На этотъ разъ столь быстрый пріемъ полка былъ поводомъ большихъ непріятностей впоследствии испытанныхъ барономъ Фитингофомъ. Дѣло въ томъ, что генералу Колзакову издавна жестоко враждовалъ бригадный нашъ командиръ генералъ-маіоръ П. Н. Житковъ, а также большія были нелады у Колзакова съ начальникомъ нашей дивизіи генералъ-лейтенантомъ Бѣлогужевымъ, а потому ни Житковъ ни Бѣлогужевъ не могли простить барону Фитингофу, что онъ столь быстрою выдачею Колзакову *чистой* квитанціи въ сдачѣ полка, лишилъ ихъ возможности вмѣшаться въ таковую и насолить сколько можно больше генералу Колзакову.

Кажется я уже выше замѣтилъ, что съ переходомъ своей границы мы поступили на новое довольствіе къ австрійскому правительству, которое намъ и доставляло таковое, въ опредѣленномъ размѣрѣ, чрезъ посредство нарочито къ намъ приставленнаго австрійскаго комиссара. Правда, намъ нерѣдко приходилось отряжать въ распоряженіе австрійскихъ чиновниковъ этого рода, особыя команды для сбора съ жителей, необходимыхъ намъ продовольственныхъ припасовъ; но, во всякомъ случаѣ, мы собственно, находившіеся въ тылу арміи, никогда не испытывали недостатка въ продовольствіи. Относительно же главныхъ силъ нашей арміи, Австрійцы далеко не отличались такою псправностію и еслибы не свои запасы, то на долю нашихъ главныхъ силъ достались бы не малые лишенія. Надо отдать справедливость фельдмаршалу князю Паскевичу: онъ постоянно заботился о продовольствіи своихъ войскъ и обезпечивалъ его собственными запасами, не рассчитывая ни на средства страны, ни на заботливость австрійскаго интендантства. Впрочемъ, трудно было бы и рассчитывать на эту заботливость, такъ какъ въ концѣ іюля, австрійцы заявили нашимъ властямъ, что они войскамъ нашимъ сосредоточеннымъ какъ въ Галиціи такъ и въ Венгріи, впредь не могутъ доставлять потребнаго количества провіанта, по невозможности своевременной заготовки таковаго.

Какъ образчикъ заботливости нашего главнокомандующаго о надлежащемъ довольствіи своей арміи, приводимъ полученное нами, въ послѣднихъ

числахъ іюля, изъ Дебречина, предписаніе главнокомандующаго, за собственноручною подписью, слѣдующаго содержанія:

„Господину Кашаускому коменданту. Управляющему продовольственной частью за границей, Сенатору, генералъ-лейтенанту, барону Ренне, предписано распорядить перевозку изъ Бартфельда и Кашау въ Дебречинъ, и далѣе къ арміи, свыше 5000 четвертей сухарей, съ пропорціею крупъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ командующій войсками на операціонной линіи, отъ Бартфельда до Кашау, ген.-маіор. Сельванъ, получилъ особое предписаніе, дабы, независимо отъ перевозки продовольственныхъ припасовъ, на повозкахъ подвижнаго магазина и другихъ казенныхъ и вольно наемныхъ тележкахъ, которыя къ нему высылаются изъ арміи, отправить изъ Кашау, черезъ Токай, въ Дебречинъ сколько можно успѣшнѣе наибольшее количество продовольствія, на обывательскихъ подводахъ.

Поставляя о семъ васъ въ извѣстность, я предписываю, употребить и съ вашей стороны всевозможную заботливость и настояніе, чтобы транспорты съ продовольствіемъ, по означенному пути, были отправляемы сколько можно успѣшнѣе и безъ малѣйшаго задержанія, — въ чемъ имѣете оказать все зависящее съ вашей стороны пособіе.

Особенно высылайте поскорѣе къ арміи: сухари, муку и крупу собственно изъ кашаускихъ магазиновъ, требуя отъ кого слѣдуетъ наряда обывательскихъ подводъ, и употребляя къ тому все провіантскіе способы, которые найдутся въ Кашау. Отправленіе дѣлайте партіями, хотя по 200 повозокъ, подъ надлежащимъ конвоемъ, не дожидая пока соберется большой обозъ. № 428, 28 іюля 1849. Г. Дебречинъ. Подписано: генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Конечно мы употребили все усилія чтобы это предписаніе было немедленно исполнено, а между тѣмъ, 3 августа, послѣдовало предложеніе сенатора, ген.-лейт. барона Ренне о прибытіи въ Кашау 4-го баталіона нашего полка, изъ Дукло, который и долженъ былъ отправиться въ Дебречинъ, составляя конвой транспорта казенныхъ денегъ, находящихся ввѣдѣніи: полковника князя Химичева, (15000 полумпер. и 25000 р. сереб.) и чиновника Германа, (60000 полумперіал.).

Такимъ образомъ оказывалось, что за движеніемъ впередъ и 4-го баталіона нашего полка, три наши баталіона будутъ на самомъ театрѣ войны и, можетъ быть, примутъ участіе въ дѣлахъ, съ непріятелемъ, а мы, т. е. полковой штабъ, съ однимъ баталіономъ, будемъ до конца кампаніи караулить г. Кашау!

Все мы были поражены этою вѣстью и баронъ Фитингофъ, тотчасъ, съ нарочнымъ, отправилъ слѣдующій рапортъ Князю Горчакову.

„Въ г. Кашау комендантомъ предметникъ мой по командованію полкомъ генералъ маіоръ Колзаковъ.

Гарнизонамъ въ этомъ городѣ стоятъ: 1-й баталіонъ вѣреннаго мнѣ полка съ четырьмя орудіями, отрядами кавалеріи и козаковъ и баталіонъ

австрийцевъ. Черезъ нѣсколько дней къ этому гарнизону присоединится еще баталіонъ Австрийцевъ съ шестью орудіями; къ тому же кашаусскій гарнизонъ всегда значительно подкрѣпленъ людьми выздоравливающими изъ госпиталей и формируемыми въ баталіоны.

Въ слѣдствіе вышеизложеннаго имѣю честь испрашивать разрѣшенія Вашего Сіятельства: Первому баталіону, со штабомъ вѣреннаго мнѣ полка присоединиться къ двумъ баталіонамъ того же полка, состоящимъ при главной арміи, — или, какъ 4-й баталіонъ вѣреннаго же мнѣ полка скоро рѣ слѣдуетъ изъ г. Дукло, черезъ Кашау, на Дебричинъ, то мнѣ, съ полковымъ штабомъ слѣдовать съ этимъ баталіономъ, чтобы находиться при трехъ частяхъ полка, которыя мнѣ необходимо видѣть, принимая оный въ свое управленіе“.

Ходатайство барона Фитингофа уважено и когда пришелъ 4 баталіонъ, то вмѣстѣ съ нимъ, 1-мъ баталіономъ и полковымъ штабомъ, 4 августа, мы наконецъ, окончательно выступили изъ г. Кашау и потянулись, по знакомой дорогѣ, на Токай.

Опять ночлегъ въ Гидасъ Немети, опять ночлегъ въ Шанто и 6 августа, въ полдень, мы вступили въ м. Маадъ.

Узнавъ что мы тѣже, что занимали уже однажды Маадъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, при другихъ обстоятельствахъ, слѣдовательно — старые знакомые, жители Маада выразили намъ свое доброе расположеніе пригласивъ всѣхъ офицеровъ на завтракъ, устроенный при чрезвычайно оригинальной обстановкѣ, въ одномъ изъ винныхъ *погребовъ* буквально отличающихся здѣсь своею громадностью.

Надо замѣтить, что Маадъ, одинъ изъ главныхъ пунктовъ добычи лучшаго венгерскаго вина и жители его отличаются своею зажиточностью, и многіе даже богатствомъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ венгерскихъ мѣстечкахъ, этой горной мѣстности, представляющихъ видъ чистенькихъ, хорошенькихъ городковъ — совсѣмъ не видно бѣдныхъ людей. Здѣсь, кажется, живутъ все люди зажиточные или богатые. Достатокъ жителей составляетъ винодѣліе. Домики все каменные, преимущественно одно-этажные, но есть и двухъ этажные, всѣ съ черепичными или желѣзными кровлями, по концамъ которыхъ красуются деревянныя звѣзды, на небольшихъ шестахъ. Домики хорошо выбѣлены снаружи, что еще рельефнее выставляетъ ярко зеленныя жалюзи на всѣхъ окнахъ. Домики увиты виноградомъ и обыкновенно какъ бы тонуть въ густой листвѣ фруктовыхъ деревьевъ, роскошныхъ грецкихъ ореховъ, каштановъ и бѣлой акации, щеголяя другъ передъ другомъ обиліемъ всевозможныхъ цвѣтовъ, въ палисадникахъ.

Внутри всѣхъ жилищъ удивительная чистота; горы перинъ и подушекъ на кровати, подъ красивымъ пологомъ, съ кружевными прошивками, покрытыхъ, нерѣдко шелковымъ или визанымъ, какъ бы кружевнымъ одѣяломъ, странно, — всегда *коротенькимъ*. Подушки въ наволочкахъ тоже съ кружевными прошивками. Вездѣ достаточно необходимой мебели; литографіи

по стѣнамъ, въ приличныхъ рамкахъ; стѣнные часы. У богатыхъ обстановка совсѣмъ европейская, даже роскошная—и ковры видны, и зеркала, и бронзу. У жителей обиліе домашнихъ животныхъ и птицы, все въ большемъ порядкѣ, начиная отъ сытыхъ, кругленькихъ лошадокъ, чрезвычайно выносливыхъ и крѣпкихъ,—отъ круторогихъ воловъ, до какихъ-то необыкновенныхъ свиней, отличающихся отъ нашихъ, какъ величиною, такъ и *курчавою* шерстью,—до оригинальныхъ гусей, весьма крупныхъ, пушистыхъ; будто растрепанныхъ.....

Обыкновенно домъ Венгерца раздѣленъ на двѣ половины, большую частью даже и у того, кто побѣдѣ. Между этими половинами большія стѣны, въ которыхъ устроенъ очагъ. Въ домашней утвари тоже особенность, напримѣръ, наши ведра замѣняются кувшинами прихотливой формы, съ горлушкомъ закрытымъ глиняною рѣшеткою, чтобы не сорплась вода. Колдцевъ обыкновенно очень много, все круглые, на подобіе турецкихъ, внутри выложенные кирпичемъ, вмѣсто обыкновеннаго у насъ деревяннаго сруба. У каждаго почти дома каменный погребъ съ выходомъ. Погреба эти, съ большимъ или меньшимъ числомъ подземныхъ галлерей, (смотря по достатку хозяина), съ каменными сводами, такими же полами и частыми нишами въ стѣнахъ. Есть погреба, имѣющіе протяженія болѣе версты, если считать всѣ галлерей! Въ нихъ хранятся вина разсортированныя по годамъ, не только многіе десятки лѣтъ, но даже столѣтія. Намъ увѣрили, что, кажется, въ Шанто, гдѣ добывается одинъ изъ лучшихъ сортовъ токайскаго вина, существуютъ бочки вина чуть-ли не цѣлыя столѣтія назадъ купленныя для различныхъ европейскихъ дворовъ и запечатанныя ихъ агентами. Ежегодно, будто-бы, къ таковымъ дворамъ увозятъ оттолъ одну старѣйшую бочку, а на ее мѣсто покупаютъ новую, оставляя ее стоять и стариться въ погребѣ. Можетъ быть это и легенда, но крайпей мѣрѣ, здѣсь насъ увѣрили въ этомъ, хотя на вопросъ: у кого именно можно видѣть такую рѣдкость? намъ сказать не хотѣли, отговариваясь, что это тайна и что галлерей, въ которыхъ находятся подобныя бочки, по случаю настоящаго, смутнаго времени, совершенно замурованы, такъ что кромѣ самого хозяина, мѣсто нахожденія ихъ ни кто указать не можетъ.

Въ одномъ изъ такихъ-то погребовъ, какъ мы замѣтили выше, и устроили намъ завтракъ богатѣйшій виноторговецъ Маада, еврей Тапфельбатли. До завтрака еще, нашъ радушный хозяинъ повелъ насъ осматривать свой погребъ, по всѣмъ его ходамъ и переходамъ, заставляя насъ въ каждомъ его отдѣленіи, пробовать хранившіеся тамъ вина. Должно сознаться, что подъ конецъ осмотра, мы такъ *напробовались*, что затруднились приступить къ завтраку. Однако и здѣсь не могли не сдѣлать чести такимъ, дѣйствительно превосходнымъ винамъ, какія намъ еще едали когда нибудь удастся пить. Самъ хозяинъ цѣнилъ нѣкоторые изъ нихъ по 5 червонцевъ за бутылку.

Хозяинъ нашъ говоритъ по польски. Онъ ведетъ большую торговлю

виномъ съ Царствомъ Польскимъ и часто бываетъ въ Варшавѣ. Живетъ онъ бариномъ, съ комфортомъ совершенно европейскимъ; ходитъ въ европейскомъ костюмѣ и національность его если и сказывается, то развѣ только въ акцентѣ.

По разсказамъ нашего хозяина, лучшія венгерскія вина добываются на такъ называемой *Токайской горѣ*, т. е. по краю горной цѣпи *Гедялла*, составляющей карпатскій отрогъ, ограждающій правый берегъ р. Тейсы, раздѣляя долину этой рѣки—отъ долины р. Гернани. По этому то краю раскинуто много городковъ занимающихся винодѣліемъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: Талія, Шанто, Маадъ, Керештуръ, Борогъ; знаменитѣйшее же вино добывается въ д. Тарчаль, что на горѣ Мезли-Талія. Склонъ, на которомъ производится добыча этого драгоценнѣйшаго вина, имѣетъ протяженія не болѣе 6 верстъ.

Вино, добываемое въ разныхъ пунктахъ названныхъ мѣстностей, извѣстно въ торговлѣ вообще подъ именемъ токайскаго, потому собственно, что городъ Токай издревле былъ складочнымъ мѣстомъ вина, приготовляемаго для отпускной торговли онымъ совсей Европой. Въ частности же эти вина носятъ названія *Эссенціи*, *Маслашъ*, (Маслячъ—по польски), весьма крѣпкое—*Ауербрухъ* и другія.

Лучшій виноградъ растетъ по горнымъ скатамъ, на каменистой почвѣ, базальтовой формаци.

Высшіе сорта сладкаго венгерскаго вина добываютъ изъ винограда, которому даютъ почти завянуть и обсахариться на лозѣ, до того, что въ каждой ягодѣ остается только нѣсколько капель густой, сладкой жидкости. Собранный такой виноградъ, почти превратившійся въ *изюмъ*, его мнутъ въ кадкахъ, (но отнюдь не давятъ, что бы не раздавить виноградныхъ косточекъ), образуя, что то въ родѣ жидкаго теста, складываютъ эту массу въ бочки, поставленныя на дно, отчего сокъ выдавливается изъ этой массы собственною ея тяжестью,—за тѣмъ таковой отцѣживаютъ и, разбавивъ его старымъ, венгерскимъ же виномъ, оставляютъ бродить, подвергая дальнѣйшей обработкѣ, какъ обыкновенное вино.

Лучшее *красное* вино въ краѣ, это въ Эрлау, а такъ же около Пресбурга и Арада,—послѣднее отличается необыкновенною ароматичностью. Эрлаусское вино въ огромномъ количествѣ идетъ въ Австрію, а Арадское очень рѣдко появляется въ вывозной торговлѣ въ своемъ естественномъ видѣ.

Вообще нашъ хозяинъ жаловался, что венгерское вино въ Европѣ, въ своемъ первобытномъ, въ сущности вполне неподобномъ видѣ, несравненно въ меньшемъ потребляется количествѣ, чѣмъ въ различныхъ перелѣкахъ. (*)

(*) Вина въ Венгріи добывается болѣе 110 милліоновъ ведръ.

Начало винодѣлія въ этомъ краѣ относятъ къ глубокой древности. Утверждаютъ, что первыя виноградныя лозы, привезенныя изъ Греціи, здѣсь насажены по повелѣнію Императора Проба, около 280 по Р. Х.; но общеевропейскую извѣстность и чрезвычайное распространѣніе токайское вино получило только въ XVII столѣтіи.

7-го Августа, г. Токай.

Мы пришли вчера и днюемъ здѣсь.

Токай хорошенькій городъ, вытянутый какъ бы въ одну линію подъ обрывомъ, поросшаго виноградниками, возвышеннаго горнаго кряжа, идущаго по берегу р. Тейсы, за которою растилается необозримая равнина. Городъ каменный. Много двухъ-этажныхъ зданій, перемежающихся съ приземистыми, но всетаки каменными домиками, крытыми черепицей. По множеству лавокъ, впрочемъ, теперь по преимуществу закрытыхъ, можно судить о развитіи въ немъ торговли, главную отрасль которой составляетъ оптовая торговля виномъ.

Достопримѣчательностей — никакихъ, кромѣ интереснаго собственно для насъ, русскихъ, квартала, подъ самой горой, называемаго русскимъ. Такое близкое нашему сердцу названіе сохранилось потому, что въ царствованіе Анны Іоанновны, эта мѣстность была приобретена покупкою для проживавшаго здѣсь русскаго комиссара, имѣвшаго обязанностью закупать, готовить и доставлять къ нашему Двору токайское вино и управлять, снятыми на 15 лѣтъ въ аренду, виноградниками и садами.

Токай отъ настоящей войны пострадалъ чуть ли не больше какого-либо другаго венгерскаго города. Одни дома носятъ слѣды ядеръ и гранатъ, брошенныхъ инсургентами, съ того берега Тейсы, при нашемъ первомъ занятіи этого города, другіе — стоятъ безъ оконъ и дверей, разбитые и разграбленные нашими, при вступленіи въ городъ.

Разсказываютъ, что когда, 16-го іюня, 4-й корпусъ, имѣя своимъ авангардомъ походнаго атамана генерала Кузнецова, съ донскими козаками, двумя колоннами подходилъ къ Токаю, то вышедшіе на встрѣчу жители заявили, что въ Токаѣ нѣтъ непріятеля; когда же козакъ втянулись въ улицы города и венгерцы изъ-за Тейсы начали дѣйствовать противъ нихъ артиллеріей, то изъ оконъ и дверей домовъ, будто бы, какъ оказалось въ послѣдствіи, частію баррикадированныхъ, мимо которыхъ проходили козакъ, посыпались на нихъ ружейные выстрѣлы. Когда же наша подоспѣвшая артиллерія сбила двѣ венгерскія пушечки, дѣйствовавшія по Токаю, и наши войска вступили въ городъ, то солдаты бросились въ дома, изъ которыхъ стрѣляли венгерцы, перебили многихъ изъ нихъ и разграбили самые дома, переломавъ и перебивъ все, чего не могли захватить съ собою. Большихъ успѣховъ стоило начальству прекратить этотъ грабежъ!

Богъ знаетъ, существовалъ ли въ дѣйствительности тотъ поводъ, на который указываютъ наши, какъ на справедливое оправданіе произведеннаго ими несправедливаго возмездія, или онъ только вымысленъ, какъ предлогъ для буйной потѣхи дорвавшихся до непріятельскаго города солдатъ? Что касается до насъ, то мы склонны думать, что объясненнаго повода въ дѣйствительности не было. Вотъ на чемъ основано наше убѣжденіе.

Съ одной стороны мирное настроеніе токайскихъ жителей очевидно: его доказываетъ встрѣча значительнымъ ихъ числомъ нашихъ наступающихъ войскъ, далеко не доходя города, съ увѣреніемъ, что непріятеля въ городѣ

нѣтъ. Видѣть въ этомъ дѣйствіи обманъ со стороны токайцевъ, надѣявшихся только завлечь нашихъ въ городъ безъ воинскихъ предосторожностей, чтобы учинить тамъ надъ нами кровавую расправу—абсурдъ. Жители видѣли какія массы нашихъ войскъ надвигаются на ихъ городъ. Что могли сдѣлать противъ этихъ массъ нѣсколько, хотя бы десятковъ, вооруженныхъ защитниковъ города, положимъ, желавшихъ нашей гибели и дошедшихъ въ этомъ желаніи до фанатизма, не щадя своего живота, такъ какъ этимъ абрекамъ, очевидно, спасенія не было: ихъ отъ венгерскихъ войскъ отдѣляла Тейса, за которую имъ переправиться ни въ какомъ случаѣ не удалось бы, по совершенному отсутствію перевозочныхъ средствъ. Съ другой стороны: почему такіе отчаянные абреки могли найтись въ Токаѣ, населенномъ купцами, слѣдовательно, людьми менѣе чѣмъ кто-либо ищущими боевыхъ столкновеній, тѣмъ болѣе съ непріятелемъ, по одной численности своей, очевидно, неодолимымъ, тогда какъ всюду, доселѣ, въ нашихъ скитаньяхъ по Венгріи, такого предательскаго покушенія не встрѣчалось?

Дѣйствительно: по Венгріи, доселѣ, не только шли наши различные транспорты по разнымъ горнымъ, лѣснатымъ трущобамъ, почти безъ всякаго конвоя, но всюду скитались отсталые люди, различные посыльные, козаки, деньщики и пидѣ не было кровавыхъ съ ними расправъ, если не считать двухъ, трехъ дракъ съ народами, происшедшихъ во все время кампаніи и вызванныхъ всегда нашими же молодцами, конечно въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ, на какіе результаты могли рассчитывать токайскіе жители, лишенные всякой возможности получить помощь отъ своихъ войскъ, отъ такого предательскаго дѣйствія своего, кромѣ полнѣйшаго неуспѣха и самыхъ несчастныхъ для себя послѣдствій? Остановить наше вступленіе въ городъ—токайцы и думать не могли; убить двухъ-трехъ человѣкъ своими выстрѣлами изъ оконъ? Но какая цѣль? Другое бы еще дѣло, еслибы все населеніе вздумало защищаться, всѣ бы вооружились: устроили бы баррикады на извѣстныхъ пунктахъ и рѣшились бы умереть подъ развалинами своего города, съ очевидной перспективой неуспѣха своего предпріятія, но съ единственной геройской мыслью дорого продать свою независимость, погубивъ возможно большее число своихъ враговъ. Между тѣмъ, ничего подобнаго не было. Не оказалось ни баррикадъ въ городѣ, ни оружія у жителей, кромѣ какого нибудь десятка, другаго охотничьихъ ружей, да кремневыхъ пистолетовъ и старыхъ сабель—оружія, издавна имѣвшагося у cadaго венгерскаго хозяина.

Будто въ оправданіе свое, наши распустили слухъ, что взятые къ допросу жители, доказывая свою невинность въ произведенной изъ домовъ пальбѣ по нашимъ козакамъ (впрочемъ, пальбѣ ни кому изъ козаковъ не причинившей вреда), утверждали, что стрѣляли по войскамъ не жители Токая, а пекатели приключеній, принадлежавшіе къ венгерской арміи. Куда

же дѣвались эти авантюристы? Ни одного изъ нихъ не поймали, а бѣжать къ своимъ, за Тейсу, они не могли, потому что наши тотчасъ заняли городъ и весь ея берегъ. Однимъ словомъ, надо думать, что пальба токайскихъ жителей по нашимъ войскамъ, при вступленіи ихъ въ городъ, не что иное какъ измышленіе жаждавшихъ его пограбить.

Что поползновеніе къ грабежу у нашихъ войскъ, въ особенности у безчисленныхъ одинокихъ командъ, т. е. ходившихъ безъ офицеровъ, у маленкихъ козачьихъ партій, фуражировъ, деньщиковъ, отправлявшихся на поиски въ каждое селеніе, представлявшееся ихъ взору, во время движеній по Венгріи, было—это несомнѣнно. Помню одинъ такой случай.

Съ двумя козаками я догонялъ свой отрядъ на одномъ изъ переходовъ. Верстахъ въ полтора, въ двухъ, отъ шоссе, по которому я ѣхалъ, вижу прехорошенькую господскую усадьбу, всю въ садахъ, съ высокою кровлею, выглядывавшею изъ густой листвы. Любуясь этою живописною картиною я, вематриваясь въ ея подробности, вижу, съ противоположной стороны, какъ бы мелькнули двѣ козачьи пики, скрывшіяся за деревьями сада окружавшаго усадьбу.

— Ребята, спрашиваю своихъ козаковъ, никакъ это наши пробираются въ усадьбу.

— Точно такъ, говорятъ.

— А зачѣмъ они туда? Вѣдь они тамъ грабежъ учинять!

— Кто ихъ знаетъ!

— Ну, этого нельзя. Гайда—туда.

Свернувъ съ дороги, мы цѣликомъ, по полю, пустились на мызу. Приѣзжаемъ: бѣготня, суматоха, видимый переполохъ, усилившійся съ нашимъ пріѣздомъ, и у крыльца дома, трещащій, совершенно блѣдный батракъ держитъ двѣ козачьи лошади. Бросивъ поводья одному изъ козаковъ, я, съ другимъ, быстро вошелъ въ комнаты. Слышу громкіе голоса, крикъ,—иду на нихъ и вижу: въ отлично меблированной гостиной, на диванѣ, обитомъ бархатомъ, возсѣдаетъ козакъ, передъ нимъ на столѣ бутылка вина, стаканы; двѣ изящныя молодыя дѣвицы, блѣдныя какъ смерть, почтенная дама, приличный господинъ что-то жестикулируетъ, объясняетъ, другой козакъ стоитъ съ пистолетомъ въ рукѣ, курокъ взведенъ, тоже что-то кричитъ, конечно, никто не понимаетъ словъ другаго. Мое появленіе, или правильнѣе, появленіе моихъ офицерскихъ эполетъ, произвело общую сенсацию: козакъ вскочилъ съ дивана,—другой поспѣшилъ спрятать пистолетъ,—пожилая дама бросилась ко мнѣ, протянувъ руки, умоляя, на чистомъ французскомъ языкѣ, пощадить ея семейство и клянясь, что всѣ наши требованія немедленно будутъ исполнены, лишь бы только мы не предавали пламени ихъ гнѣзда, какъ сейчасъ грозилъ этотъ козакъ и не увозили ея мужа, больнаго человѣка. Разумѣется, я тотчасъ успокоилъ испуганную даму, увѣривъ ее, что никакихъ у насъ требованій отъ нихъ нѣтъ и что угрозы козака, если таковыя и были—одно недоразумѣніе. Спросивъ мароде-

ровъ: зачѣмъ они тутъ, по чѣму приказанію? и получивъ отвѣтъ, что они захвали только коней покормить, я записалъ ихъ фамиліи и объявилъ имъ, что они арестованы и поѣдутъ со мною; затѣмъ началъ прощаться съ хозяевами, но меня не пустили. Оказались люди вполне гостепріимные: не только меня накормили и напоили до отвала, но угостили и всѣхъ казаковъ, грабителей и спасителей—безразлично; накормили нашихъ лошадей, да еще на дорогу дали казакамъ по доброй торбѣ ячменя и по бутылкѣ вина. Чрезъ часъ мы выѣхали изъ усадьбы уже въ пятеромъ. Кончилась эта исторія на этотъ разъ тѣмъ, что по присоединеніи къ отряду казаковъ-мародеровъ, я отправилъ къ ихъ начальству, которое, по приказанію начальника отряда, отчитало имъ приличное количество нагаекъ; но могла эта исторія кончиться и иначе: не заверни я въ усадьбу и—или козаки ограбили бы помѣщика, или, кто знаетъ? можетъ быть, пользуясь изолированнымъ положеніемъ своей усадьбы, достаточнымъ числомъ народа, въ ней находившагося, и склонностью казаковъ къ горячимъ напиткамъ, хозяинъ мызы не дался бы въ обиду: напоилъ бы казаковъ и покончилъ бы съ ними, схоронивъ концы. Вотъ такія случайности, конечно, могли быть, но и объ нихъ мало говорили, не смотря на обычное свойство молвы преувеличивать и уподобляться катящемуся съ горы снѣжному кому.

Однимъ словомъ, мы думаемъ, что стрѣльба изъ оконъ въ Токаѣ жителями по вступавшимъ въ городъ войскамъ еще болѣе грубая выдумка *), чѣмъ таковая же пальба, будто бы произведенная жителями города Вайцепа въ отступавшихъ по городу нашихъ казаковъ и уланъ, опрокинутыхъ венгерцами и умерщвленіе жителями тѣхъ изъ нашихъ, которые при этомъ отступленіи попались имъ въ руки. Но послѣдній случай, если и былъ въ дѣйствительности, то хотя чѣмъ-нибудь объясняется: самозабвеніемъ, оже-

(*) Замѣчательно, что „Описаніе военныхъ дѣйствій російскихъ войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ, въ 1849 году“ (Спб. 1851), почтеннаго П. К. Мелькова, которое есть ни что иное какъ обширный докладъ фельдмаршала Паскевича покойному Императору Николаю о венгерской кампаніи, ни слова не говоритъ объ этой пальбѣ будто бы произведенной жителями Токая и о грабѣжѣ, учиненномъ въ возмездіе за нее нашими войсками. Что же касается до П. П. Ореуса, то онъ въ „Описаніи венгерской войны“ (стр. 156—158) подробно говоритъ объ этомъ событіи, повторяя разсказъ о немъ очевидца его, М. Д. Лихутина, офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ. („Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 году“. Москва, 1875). По словамъ П. П. Ореуса, сотня казаковъ, посланная со стороны Керештура, при въѣздѣ въ Токай была встрѣчена выстрѣлами изъ домовъ, чѣмъ принуждена была воротиться. Потомъ, когда городъ занимали пѣхотой и артиллеріей, то во время слѣдованія войскъ, изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ опять начали по немъ стрѣлять. Тутъ разыгралась одна изъ тѣхъ ужасныхъ драмъ, которыя, къ несчастію, неразлучны съ каждой войной. „Эти выстрѣлы, произведенные нѣкоторыми фанатическими революціонерами, наканунѣ прибывшими въ городъ“, отзывались жестокии образомъ на мѣстныхъ жителяхъ Токая, которыхъ заподозрили въ покушеніи убивать русскихъ. Раздраженные солдаты, при первыхъ же выстрѣлахъ изъ оконъ, ворвались въ дома, откуда эти выстрѣлы происходили, и перекололи всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ. Мнѣніе, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ бываетъ, пало не на однихъ только людей, но и на имущество ихъ. Весь западный конецъ Токая, занятый нашими войсками: во время артиллерійской перестрѣлки съ венгерцами, былъ разоренъ и разграбленъ. Къ счастью, дѣйствія на берегу, отвлекавшія вниманіе высшихъ начальниковъ (гдѣ же были ближайшіе?—спросимъ мы), скоро были окончены. Войска, занимавшія Токай, были выведены оттуда“.

сточенныхъ жителей, опьяненныхъ успѣхомъ своихъ войскъ; желаніемъ помочь имъ доконать недруга.... а случай въ Токаѣ ни чѣмъ, ни какимъ, сколько нибудь понятнымъ, побужденіемъ жителей объясненъ быть не можетъ (*) и всего скорѣе является необходимымъ мотивомъ, приведеннымъ нашими второстепенными военачальниками для оправданія возмутительнаго грабежа, произведеннаго подчиненными имъ войсками

(*) Вообще, чтобы представить какое-нибудь дѣло или случай въ томъ свѣтѣ, какой считаетъ необходимымъ придать ему въ своихъ интересахъ наше начальство, а тѣмъ болѣе офицеры генеральнаго штаба, обыкновенно орудуящіе составленіемъ реляцій, за словомъ въ карманъ никогда не лезутъ!

Такъ, другой случай, происшедшій при занятіи Токаѣ нашими войсками, представленъ въ реляціяхъ далеко не такимъ, какими онъ былъ въ дѣйствительности.

Начальство донесло кому слѣдуетъ, что съ открытіемъ артиллерійскаго огня противъ непріятельской за-тейской батареи (я говорилъ уже: дѣйствительно пушечки), генералъ Кузнецовъ послалъ два казачьихъ полка, донскіе № 41 и № 51, черезъ городъ, чтобы ниже его перейти р. Тейсу и взять во флангъ венгерцевъ, на томъ берегу рѣки. Перевозочныхъ средствъ на нашемъ берегу Тейсы не оказалось; брода не найдено... тогда 6-я сотня № 51 полка, майора Губкина, раздѣлась до-нага и съ одними шашками на голо, имѣя впереди своего сотеннаго командира, бросилась вплавь черезъ быструю и глубокую Тейсу, имѣющую болѣе 100 сажень ширины въ этомъ мѣстѣ. (Описаніе воен. дѣйств. и пр. Менькова, стр. 98—99). Видя такой легкой паникѣ, венгерцы подхватили свою артиллерию и бѣжали. Побѣда была за нами. „И такъ, говорить „Описаніе“, переправой завладѣли съ боя молодечествомъ нашихъ лихихъ донцевъ, которое могло бы показаться сказкою (да оно, въ настоящемъ случаѣ, сказка и есть!), еслибы подвигъ сей не былъ совершенъ въ глазахъ цѣлаго отряда и въ виду мятежниковъ (которыхъ уже у того берега не было!), приведенныхъ въ смятеніе отважностью казаковъ“.

Кажется, Губкинъ получилъ крестъ за этотъ подвигъ; также утверждаютъ, что присланный въ главную квартиру профессоръ баталической живописи Вилевальдъ, спеціально для увѣковѣченія замѣчательныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, увѣковѣчилъ и это событіе, очень эффектно изобразивъ его на большой картинѣ, поднесенной Государю Императору.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности рассказанное дѣло было гораздо проще. Очевидно, наши офицеры, мнѣ сказывали, что когда противъ двухъ венгерскихъ орудій (должно быть очень небольшого калибра, если, по словамъ жителей, венгерцы, отступая, увезли ихъ вскачь, положивъ каждое орудіе на обыкновенную подводку!) начали дѣйствовать изъ Токаѣ: батареи конно-легкая № 7 и два орудія конной артиллеріи, всего 10 орудій, то венгерскія орудія оказались безсильными состязаться съ ними и посѣщали уйти, гораздо прежде, чѣмъ казаки приступили къ переправѣ на тотъ берегъ. Переправу эту намѣрена была произвести вплавь сотня майора Губкина, но за вязкостью береговъ, на такое путешествіе казаки цѣлой массой рѣшиться не могли, а трое или четверо изъ нихъ дѣйствительно успѣли добраться до рѣки, раздѣлись и съ шашками на-голо, переплыли рѣку, отнюдь не съ тѣмъ, чтобы брать во флангъ дѣйствовавшихъ по Токаю венгерцевъ, а чтобы захватить находившійся на томъ берегу, ни кѣмъ не защищаемый, плотъ отъ разведеннаго моста, и точно: плотъ этотъ казаки захватили, доставили на нашъ берегъ и потомъ, на немъ и на найденныхъ на томъ берегу лодкахъ, произвели переправу казаковъ на тотъ берегъ Тейсы, на который въ тотъ же день и устроили мостъ. Однимъ словомъ, когда эта переправа четырехъ казаковъ совершилась, на томъ берегу не было уже ни одного венгерца, слѣдовательно, переправа совершилась отнюдь не подъ огнемъ непріятельскимъ; къ тому же Тейса, въ мѣстѣ переправы, имѣетъ только 70 сажень, а не болѣе ста, какъ сказано въ „Описаніи“.

Къ сожалѣнію, въ исторіи любой войны нашей (да и не всякой ли?), найдутся рассказы о подвигахъ, столь же достоверныхъ, какъ и разсматриванный.

8-го августа, с. Нередьгазъ.

Сегодня мы пришли въ большее селеніе Нередьгазъ, имѣющее болѣе 2,000 домовъ.

Съ переходомъ Тейсы мы вступили совершенно въ новый міръ. Предъ нами точно наша херсонская степь съ ея необъятностью, маревами, повсюду разбросанными курганами, безчисленными тропинками и проселочными дорожками, вьющимися во всевозможныхъ направленіяхъ, пересѣкая другъ друга. Только производительныя силы природы этой тейской долины, очевидно, громаднѣе, чѣмъ херсонскихъ степей. Какія здѣсь травы! какіе хлѣба, вообще! виноградники у малѣйшей деревушки; какая здѣсь кукуруза! На росломъ концѣ въѣдешь въ кукурузу, привстанешь на стремянахъ и едва можешь достать ея верхушки! Глядя на эту тучную почву степи, на густыя, высокія травы, покрывающія не разработанныя пространства, понимаешь возможность тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, до какихъ достигаетъ скотоводство въ этой долинѣ. Но степь, лежащая предъ нами, мертвенна. Не только громадные стада, здѣсь обыкновенно скитающіяся, угнаны отсюда, съ тракта прохожденія войскъ враждующихъ сторонъ, но даже птицы, кажется, улетѣли отсюда, можетъ быть испуганныя нашими, чуждыми ихъ слуху, пѣніями?... Тишь по всюду и гладь...

12-го августа г. Дебречинъ.

9-го августа мы достигли с. Гадгаазъ.

Села въ долині Тейсы во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ такихъ же пройденныхъ нами въ горныхъ комитатахъ. По деревенскимъ постройкамъ въ Тейкой долині сейчасъ заключаешь о недостаткѣ въ лѣсѣ. Крестьянскіе дома и хозяйственные при нихъ постройки преимущественно изъ кирпича-сырца, конечно, необожженного, выдѣланнаго изъ глины или земли, смѣшанной съ рубленою соломой или съ половою. Маленькіе, но чистенькіе домики крестьянъ глядятъ двумя красными окошками своими, черезъ палисадникъ съ цвѣтами, на улицу. Домики, обыкновенно, чисто выбѣлены, покрыты прекрасно уложеннымъ камышемъ и, большею частію, оплетены, и по стѣнамъ, и по крышѣ—виноградомъ. Что же касается амбаровъ и погребовъ, имѣющихся при каждомъ домѣ, то всѣ они, кажется, безъ исключенія, совершенно оплетены тыквами, превосходные экземпляры которыхъ красно свѣшиваются съ карнизовъ этихъ миниатюрныхъ построекъ, спокойно разрастаясь до огромныхъ размѣровъ.

10-го августа мы, наконецъ, увидѣли въ степи, покрытой хлѣбными посѣвами, большую группу деревьевъ, изъ которыхъ, надъ пирамидальными тополями, высоко подымались шпиль и кресты нѣсколькихъ храмовъ. То былъ Дебречинъ,—ядро чисто мадьярскаго населенія края, городъ весьма чтимый во всей странѣ, въ кафедральномъ храмѣ котораго было провозглашено временнымъ венгерскимъ правительствомъ низложеніе габсбургско-лотарингской династіи на вѣчныя времена!

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ до городскихъ зданій мы шли тѣнистыми садами и огородами.

Проходя по городу на назначенное намъ мѣсто, мы успѣли убѣдиться, что онъ порядочно населенъ (до 40,000); что лавки и трактиры всѣ отворены и торгуютъ; что въ городѣ много хорошихъ, но почти исключительно одноэтажныхъ домовъ, перемѣшанныхъ съ лачужками, какъ на окраинахъ нашей Москвы;—что изъ каждаго дома торчитъ бѣлый флагъ, вывѣшенный при занятіи нашими войсками и что жители Дебречина народъ сумрачный, какой-то, неоживленный. Это впечатлѣніе еще усиливалось темными одеждами жителей.

На весьма большой площади—грандіозный храмъ, строгой архитектуры. Внутри, стѣны бѣлыя и никакихъ украшеній. Это кафедральный соборъ преобладающихъ въ здѣшнемъ населеніи кальвинистовъ, главнымъ центромъ которыхъ онъ слыветъ на востокъ Европы.

Въ Дебречинѣ насъ встрѣтила вѣсть, поразившая своею неожиданностью: 1-го августа Гергей, съ главными силами, положилъ оружіе на поляхъ Виллагоша! (*) Главная квартира наша ушла по направленію къ

(*) Извѣстно, что за таковое дѣяніе Гергея, многіе и соотечественники его и чужеземцы провозгласили измѣнникомъ отечеству, доказывая, что его подкупили русскіе.

Надо-ли опровергать эту клевету? Главнымъ творцемъ ея былъ всего вѣроятіе,

Гроссъ-Вардейну. По всей вѣроятности война съ Венгріей окончена, такъ какъ, за пораженіемъ Вема въ Трансильваніи и Дембинскаго подъ Чемениваромъ, съ нами драться больше не кому. Держитесь одинъ только Коморнъ, развѣ можетъ онъ состязаться съ нами..... (*)

Два мѣсяца и война кончена! Резвѣ такую будущность рисовало намъ воображеніе, когда мы, преисполненные самыхъ обольстительныхъ надеждъ, переступали границу Австріи!!

Война окончилась, а намъ ни въ одномъ не удалось побывать дѣлѣ! Нѣтъ, того не передать словомъ, что сказалось въ душѣ!

не кто иной, какъ самъ бывшій диктаторъ Венгрии Кошутъ, а распространителемъ ея по Венгрии и всему свѣту—наиболѣе оскорбленные прекращеніемъ войны съ Россіей—поляки.

Гергей не такой человекъ, чтобы здѣлаться измѣнникомъ отечеству.

„Гергей, говоритъ генералъ Кланка въ одномъ сочиненіи своемъ, „Souvenirs de la guerre de l'indépendance“, былъ настоящимъ солдатомъ. Спартаецъ по воспитанію, стойкъ, даже можно сказать, дикъ по характеру и привычкамъ, чуждый всякой идеализаціи, убѣжденный реалистъ, строгій, ненавистникъ формальностей,—Гергей гнушался всякою риторикой и напыщенностью въ революціонной литературѣ“.

„Человекъ съ желѣзной волей, (продолжаетъ характеристику Гергея Филаретъ Шаль (Charles) въ „Scenes des camps et des bivouacs Hongroise pendant la campagne de 1848—49 etc. Paris. 1855) всю душою ненавидѣвшій австрійцевъ, какъ утѣшителей и истинныхъ враговъ его народа, Гергей, если вѣрить современнымъ свидѣтельствамъ, разошелся съ Кошутомъ вслѣдствіе личнаго къ нему отвращенія и антипатіи.“

Этотъ организованный Кошутымъ „Комитетъ“, эти литераторы, которые контролировали дѣйствія Гергея—были ему омерзительны! Особенно его отталкивалъ отъ себя самъ Кошутъ—пророкъ, вдохновенный фанатикъ, поэт!

Эта свѣже одаренная голова,—этотъ полный энтузіазма взоръ, это потрясающее и магическое краснорѣчіе, эти рѣчи, воспламенявшія толпу и такъ могущественно надъ нею властвовавшія—были ненавистны Гергею... Чудесное могущество Кошута казалось Гергею—неисчислимымъ шарлатанствомъ“.... (Стр. XIX. XX).

(*) Въ самый разгаръ осады Коморна Австріяцами Кошутъ поручилъ генералу Гюйону, (Gujon de Gey, baron de Pampelune), Ирландцу, приглашенному на службу венгерцами, взять на себя защиту этой крѣпости. Гюйонъ, принявъ это предложеніе, подъ видомъ жида, молкаго торговца ваксой, иглоками, синичками, дѣтскими игрушками, въ лохмотьяхъ, нечесаный, растрепанный, пользуясь свободой, предоставленной въ Венгрии этимъ промышленникамъ, пустился странствовать отъ Дебрецина, по направленію къ Коморну, изъ деревни въ деревню, съ хутора на хуторъ. Чего только не перенесъ бѣдный труженникъ во время этого снѣгана!..... Мальчишки забрасывали его камнями,—взрослые трепали его за бороду, наконецъ пьяные Крокаты украли у него всю ваксу и вымазали ею ноги большой бѣлой статуи свят. Непомука, красовавшейся между двумя тополями. Приходскій ксендзъ укрылъ наконецъ несчастнаго въ своемъ жилищѣ, а на утро бѣдняга опять пошелъ бродить по лѣсамъ и доламъ, доколѣ не пробрался въ Коморнъ, гдѣ, сбросивъ свои лохмотья, явился давно жданнымъ командиромъ венгерскаго гарнизона. (P. Chasles. Idem. Ст. XIV).

14-го августа, с. Дорогъ, близъ Дебречина.

Трое сутокъ находясь въ Дебречинѣ, мы почти безвыходно провели въ обширномъ трактирѣ горда, биткомъ набитомъ все это время офицерами всѣхъ родовъ оружія, русскими, венгерскими и австрійскими, изъ которыхъ послѣдніе обыкновенно сидѣли гдѣ-нибудь въ углу, своей компаніей, особнякомъ.

Да и весело же въ этомъ трактирѣ! Съ утра гремитъ музыка венгерскихъ цыганъ, бурная, какал-то вызывающая; золото лежитъ горами на карточныхъ столахъ и толпы гнущихся, „Богъ ихъ прости, съ пятидесяти—на сто!“ Венгерское льется рѣкой и вдругъ закипаетъ бѣшеная, въ высшей степени оживленная, національная пляска „*чардаши*“, обыкновенно начинаемая венгерскими офицерами, иногда съ участіемъ весьма хорошихъ дамъ, — дамъ меньше чѣмъ полусвѣта, въ значительномъ числѣ сопровождавшихъ офицеровъ арміи Гергея и теперь не покидавшихъ ихъ въ несчастіи. Бывало разгулъ дойдетъ до того, что и наши подкутившіе офицеры принимаютъ участіе въ этой пляскѣ; потому что она дѣйствительно ошъняющая, увлекательная. Танецъ этотъ не во всей Венгріи исполняется одинаково, онъ имѣетъ множество видоизмѣненій въ фигурахъ его составляющихъ, только ритмъ его музыки вездѣ одинъ и тотъ же. Собственно *чардаши* состоитъ въ движеніи танцующихъ паръ впередъ и назадъ, съ быстротою постепенно усиливающейся и въ балансированіи на самомъ незначительномъ пространствѣ, причемъ кавалеръ все время лицомъ къ своей дамѣ, по временамъ только кружась вокругъ нее; — нерѣдко при этомъ, въ пылу танца, кавалеръ, съ поднятыми кверху руками, устремляется на свою даму, какъ бы порываясь схватить ее, но она, все продолжая танецъ, ловко отъ него увертывается, иногда убѣгаетъ отъ него, ее преслѣдующаго съ пристукиваніемъ шпорами, съ топотомъ, какъ въ мазуркѣ и съ энергическими возгласами. (*) Венгерцы до того иногда увлекаются чардашемъ, что танцуютъ его по нѣскольку часовъ безъ перерыва, до совершеннаго изнеможенія. (**)

(*) Нашъ забубенный дивизионный квартирмейстеръ, Рильцовъ, о которомъ мы упоминали уже выше, однажды, разумѣется воодушевленный венгерскимъ, до того увлекся этою пляскою, что вскочилъ на столъ и доканчивалъ танецъ между бутылокъ и пугаровъ!

(**) Вообще венгерцы любятъ повеселиться. Для доказательства мы расскажемъ, какъ празднуется у венгерцевъ *свадьба* по словамъ извѣстнаго писателя V. Tissot. (Voyage a pays des Tziganes. Paris. 1880).

Въ образованіи супружескихъ союзовъ въ Венгріи любовь не играетъ ни какой роли. Каждая дѣвушка, владѣющая хотя бы только гектаромъ земли, можетъ быть увѣрена, что выйдетъ замужъ.

Въ Венгріи, молодые люди, что называется у насъ въ малороссіи, *женятся* очень долго. Свобода, царствующая въ этомъ отношеніи такъ же здѣсь велика, какъ и въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ кантонахъ, гдѣ молодой человѣкъ, лишь настанетъ ночь, влѣзаетъ черезъ окно въ комнату своей возлюбленной и, не раздѣваясь, ложится съ нею спать!

Венгерскій молодой крестьянинъ, съ полночи начинаетъ стучать въ дверь дома дѣвушки, за которою ухаживаетъ. „Онъ такъ давно стучитъ, говоритъ наконецъ мать своей дочери, пооди, отопри ему“. Дочь бѣжитъ въ легкомъ ночномъ дезабильѣ и молодой человѣкъ, распах-

Что же касается до австрийцевъ, то они всегда, когда наши подкутываютъ, стараются убраться по добру по здорову, къ домамъ, пока еще кутежъ не принялъ слишкомъ широкихъ размѣровъ. Такая уклончивость австрийскихъ офицеровъ имѣетъ полное основаніе. На всякомъ шагу они убѣждались въ очевидной взаимной симпатіи нашей съ венгерцами и въ общей явной нашей антипатіи къ нимъ. Множество уже было случаевъ мелкихъ, неувимыхъ оскорбленій, наносимыхъ русскими австрийскимъ офицерамъ: къ нимъ придирались за всякую ничтожную случайность, за всякіе пустяки; наши старались предъ ними выказать превосходство своихъ войскъ; попрекнуть ихъ пораженіями, ими понесенными, и напомнить имъ, что они безъ нашей помощи давно бы уже погибли; наши, съ удовольствіемъ рассказывали все, что хоть сколько-нибудь могло ихъ унижить; отбивали у нихъ женщинъ и тому подобное. Гдѣ-то, въ одномъ трактирѣ, столкновеніе съ австрийскими офицерами дошло до того, что нѣсколькихъ изъ нихъ наши выбросили въ окно, за то, что одинъ изъ нихъ будто бы сказалъ, что русскіе нарочно затягиваютъ войну, что это имъ выгодно, какъ выгодно наемщикамъ тянуть порученную имъ работу! Въ другомъ мѣстѣ одного австрийца, за какое-то неосторожное слово, просто нагайками отвалили. Въ главной квартирѣ произошла дуэль между гусарскимъ офицеромъ — поручикомъ гусарскаго Эрцъ-Герцога Фердинанда австрийскаго полка — Карпъ (*)

нувъ свою широкую *бунду*, принимаетъ молодую дѣвушку въ свои объятія, и закутавъ, ее спитъ съ нею въ кухнѣ.

Свадебный пиръ обыкновенно бываетъ блистательнъ и продолжается не меньше трехъ дней. Въ эти дни пирующіе поглощаютъ горы мяса, куръ, гусей и всякой живности. На купнѣ свадьбы женихъ прѣзжаетъ со своими пріятелями за приданымъ невесты, обыкновенно уложеннымъ въ росписной сундукъ. Поклажу эту везутъ торжественно по деревнѣ къ жениху, съ крикомъ, гамомъ, пѣснями, при шелканьи бичами и при пальбѣ изъ ружей и пистолетовъ.

Въ день свадьбы, невеста, въ сопровожденіи двухъ своихъ друзей, непременно женатыхъ и шести молодыхъ дѣвушекъ въ бѣломъ, съ вѣнками на головахъ, отправляется въ церковь, въ блестящемъ вѣнкѣ, покрытомъ блестками, маленькими зеркальцами и лентами національных цвѣтовъ: красными, бѣлыми и зелеными.

По окончаніи церемоніи, друзья молодого, предшествуемые цыганскою музыкою, сопровождаютъ невесту въ ея новое жилище и на всемъ этомъ пути стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, кричатъ, поютъ, шумятъ и, придя въ домъ молодыхъ, садятся за столъ и пируютъ до полуночи. Въ обычай, когда начнутся танцы, что бы каждый изъ приглашенныхъ протанцевалъ съ молодою и поднесъ ей нѣсколько крейцеровъ, за что обыкновенно вознаграждается подѣлуемъ. Приглашенные приносятъ такъ же подарки натурою: куръ, голубей, фрукты. На свадьбѣ веселятся до упаду. Во время стола поютъ, забавляются всевозможными дурачествами, напимѣръ: приносятъ съ собою пироги, начиненные живыми птицами, у которыхъ крылья напудрены порошкомъ краснаго перцу. Когда птицы-затворницы вырвутся на Божій свѣтъ, они наполняютъ воздухъ этою перечневою пылью, ослѣпляющею присутствующихъ и заставляющею ихъ испугомъ и безконечно чихать!.....

У крестьянъ Кальвинистовъ танцуютъ только до полночи; затѣмъ молодыхъ отводятъ въ брачную комнату, надѣваютъ на нихъ ночные колпаки и укладываютъ спать. Часъ спустя молодая появляется передъ гостями, ее приветствуютъ, какъ молодую *женщину* „*menyeske*“...

(*) Секундантами у поручика Карпъ были поручики того же полка — М. Золотаревъ и Карпшевъ. (Замѣтка Х. Шлегеля „Русская Старина“ Июнь. 1883).

Эта же дуэль въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 (№ 5, стр. 235) рассказана ввидѣ анекдота, слѣдующимъ образомъ:

„Во время Венгерской кампаніи русскій офицеръ и австрийскій вошли въ лавку. Русскій заплатилъ золотомъ за свою покупу, а австриецъ предлагалъ ассигнаціи. Торговка отказалась принять бумажный денежный знакъ и замѣтила, указывая на русскаго офицера: Вотъ какъ господа платятъ! „Хорошо имъ платить золотомъ, отвѣчалъ австриецъ, когда ихъ

и австрійскимъ офицеромъ, графомъ Макези, кончившаяся смертью послѣдняго, хотя была вызвана причинами совершенно ничтожными. Рассказываютъ при этомъ, будто главнокомандующій приказалъ показать этого офицера умершимъ отъ холеры.

Въ австрійскихъ офицерахъ дѣйствительно много самохвальства, чванства, напыщенности какой-то, качества, которыя наши равнодушно выносить не могутъ, тѣмъ болѣе, что таковыя особенно идутъ въ разрѣзъ съ тѣми печальными случайностями, которыя постигли ихъ армію въ послѣднее время, хотя они не только не признають поражений, ими понесенныхъ, вопреки очевидности фактовъ, но напротивъ, всякую битву, ими выдержанную, превращаютъ въ побѣдный для себя ореолъ. Даже смѣшно бываетъ слышать ихъ рассказы про ихъ подвиги. У нихъ что ни офицеръ—то рыцарь безъ страха и упрека,—что ни солдатъ—то герой! Не было у нихъ ничтожной стычки, которой бы они не придали эпического характера; не было, кажется, ни одного столкновенія съ непріятелемъ, гдѣ бы они, если не всей массой, то въ лицѣ кого либо изъ своихъ товарищей, не проявили чудеса мужества и храбрости или не совершили бы какого геройскаго поступка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ (*).

Отъ офицеровъ антипатія къ австрійцамъ перешла къ нашимъ солдатамъ и въ то же время установилось доброе расположеніе къ венгерцамъ, съ которыми наши солдаты охотно братались, ходили обнявшись и вмѣстѣ тянули вино и водку въ кабакахъ. Разумѣется, таковыя побужденія на-

наняли за насъ сражаться". Оскорбленный такимъ замѣчаніемъ русскій офицеръ вызвалъ австрійца на дуэль и убилъ его. Когда Императору Николаю донесли объ этомъ, онъ сказалъ,

— Русскому офицеру сдѣлать строгій выговоръ, за то, что онъ въ военное время подвергалъ опасности жизнь свою. Онъ долженъ былъ тутъ же на мѣстѣ убить австрійца!—

У насъ этотъ случай рассказывался нѣсколько иначе. Дѣло происходило не въ лавкѣ, а въ кондитерской исполнявшей, должность ресторана и буфета. Когда конторщица пожелала: что бы графъ Макези заплатилъ ей золотомъ, а не банкнотами, что съ него слѣдовало, онъ отвѣчалъ, что у порядочныхъ людей теперь не водится золота! Бывшій при этомъ поручикъ Карпъ бросилъ на стойку свой кошелекъ со звонкой монетой и спросилъ: въ какомъ же смыслѣ этотъ долженъ этотъ отзывъ принимать относительно себя?—Въ какомъ вамъ угодно, отвѣчалъ Макези и былъ вызванъ.

Существуетъ еще такой вариантъ этого разсказа, бродившій по арміи.

Въ кондитерской въ Гроссъ-Вардейнѣ австрійскій офицеръ Макези при расплатѣ въ буфетѣ отдать „кошутку“. Буфетчица не брала и попросила дать ей звонкую монету. Макези отвѣчалъ, что теперь золото только у *наемщиковъ*. Стоявшій у того же буфета и слышавшій этотъ разговоръ поручикъ Карпъ громко удивился дерзости такихъ словъ, на что Макези предложилъ дать удовлетвореніе обидѣвшемуся, но Карпъ уклонился отъ вызова. Тогда тутъ же стоявшій нашъ конно-артиллеристъ выразилъ свое по этому случаю недоумѣніе. Тогда Карпъ, обращаясь къ нему, объявилъ, что онъ докажетъ ему, что не отъ трусости хотѣлъ уклониться отъ дуэли и будетъ драться съ Макези и съ нимъ, что бы онъ не мѣшался не въ свое дѣло. Макези предложилъ драться на сабляхъ, но ему объяснили, что у насъ такого рода дуэль не принята. Дрались на пистолетахъ—Макези былъ убитъ. При дуэли присутствовало кромѣ секундентовъ нѣсколько лицъ съ обѣихъ сторонъ.

(*) До чего можно договориться, при извѣстной степени увлеченія, показываетъ разсказъ, помѣщенный однимъ изъ прославителей австрійскихъ подвиговъ во время Венгерской войны, Al. Balledier въ сочиненіи его: „Histoire de la guerre de Hongrie en 1848—49“ (Paris. 1853, стр. 64—65). По словамъ этого писателя, въ ночь 25-го января (н. с.), генералъ Оттингеръ и Граммонъ атаковали инсургентовъ при отступленіи отъ Альбани. Австрійцы въ

шихъ солдатиковъ были, преимущественно, инстинктивные, но все таки они сказывались довольно оригинально.

Помню, на какомъ-то почлегѣ, мы сошлись съ очень симпатичнымъ австрійскимъ офицеромъ, хорошо понимавшимъ и кое-какъ объяснявшимся по русски. Пошли бродить по окрестности и забрели на бивакъ. Вниманіе австрійца остановило какъ бы грустное настроеніе солдатъ: на бивакѣ не слышно было ни пѣсень, ни громкаго, раскатистаго смѣха, ни обычнаго шумнаго говора. Солдаты, по всей вѣроятности, просто притомились походомъ, сильно устали.

— Что они у васъ такіе мрачные, скучные? — спрашиваетъ.

— Устали вѣрно, походомъ въ такую жару, — говорю.

— Нѣтъ, быть неможетъ.

— Такъ спросите ихъ сами.

— Пожалуй.

Подходитъ къ кучкѣ солдатъ, одинъ успѣлъ вскочить и вытянуться, — бравый такой, — другимъ не приказали вставать: лежите, молъ, отдохайте.

— Нравится тебѣ здѣсь, молодецъ? — спрашиваетъ солдата австріецъ.

— Ништо, ваше б—іе.

— Чтоже ты такой скучный?

— Ничего-съ.

— Нездоровъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— По родинѣ, можетъ, скучно?

— Никакъ нѣтъ-съ, все единственно. Со своимъ полкомъ нигдѣ не скучно.

— Походъ измучилъ

— Никакъ нѣтъ-съ: мы ?привычны.

— О чемъ же ты задумался, я видѣлъ, когда сидѣлъ?

— Такъ-съ.

— О войнѣ думалъ? О томъ, что будетъ!

— Никакъ нѣтъ-съ; что Богъ дастъ, то и будетъ?

— Не думаешь ли: зачѣмъ вы пришли сюда?

— Никакъ нѣтъ-съ. Про то начальству извѣстно.

— А ты знаешь?

этомъ дѣлѣ поддержали честь своихъ знаменъ. Конно-артиллеристъ Фердинандъ Шедеръ отличился подвигомъ, напоминающимъ дѣла средневѣковыхъ рыцарей. Въ началѣ битвы орудіе Шедера было послано на чрезвычайно опасную позицію. Когда Шедеръ подъ градомъ картечи выѣзжалъ на указанный ему пунктъ, ему ядромъ оторвало лѣвую ногу, выше колѣна, но онъ продолжалъ путь; осколкомъ разорвавшейся бомбы ему раздробляетъ бедро, — онъ остается непоколебимъ! другимъ ядромъ отрываетъ голову его товарищу: „вотъ этотъ несчастіе меня!“ восклицаетъ Шедеръ и, покрытый кровью, одинъ вывозитъ свое орудіе на позицію. Тутъ товарищи хотѣли взять его на перевязочный пунктъ, но онъ погрозилъ посадить пулю въ лобъ тому, кто его тронетъ и только тогда позволилъ снять себя съ лошади, когда кончилось дѣло, сказавъ: „ну, вѣроятно, больше стрѣлять не будемъ!“ Этотъ герой умеръ, когда ему дѣлали операцию.

— Знаю.

— Зачѣмъ же?

— Нѣмцевъ, за уши, изъ грязи вытаскивать!

— Ну ужъ извините, говорю, — договорились!?

Но мой австріецъ не обидѣлся, напротивъ, былъ очень доволенъ этою солдатскою откровенностью, или только показалъ, что очень доволенъ и подарилъ собесѣднику своему червонецъ на водку.

Навѣрно можно сказать, что если бы этого счастливца тутъ же спросили: знаетъ ли онъ за что ему дали золотой? Онъ такъ же отвѣтилъ-бы: „Никакъ нѣтъ-съ. Не могу знать“.

Напротивъ, съ венгерскими офицерами наши сблизились, несмотря на секретное предписаніе фельдмаршала, объявленное всѣмъ офицерамъ, воспре-щавшее таковое сближеніе (*). Но на это предписаніе смотрѣли какъ на вызванное опасеніемъ, что мы заразимся тѣми же революціонными идеями, которыя породили подавляемую нами смуту и продолжали брататься съ недавними врагами, подкупившими насъ и своимъ молодечествомъ, при живописныхъ мундирахъ, ими еще сохраненныхъ, и разгульною веселостью, и своимъ видимо дружескимъ къ намъ расположеніемъ, въ противоположность той ненависти, какую они явно показывали австріяцамъ. И вотъ, на всякой ирушкѣ, если участвуютъ венгерцы, только и слышишь, что тосты за здоровье нашего государя, — за венгерскій народъ, за союзъ Венгріи съ Россіей! А подвыпьютъ больше — и зазвучать возгласы: „на погибель Австріи!“ (**) Это нашей-то союзницы, за которую мы пришли — кровь проли-

(*) „Весьма замѣчательно то сочувствіе, которое повсюду возникаетъ между нашими военными людьми и венгерцами, и, напротивъ того, невольная антипатія, которая испытывается къ австріяцамъ“. Дневникъ барона Николая, веденный имъ во время венгерской кампаніи 1849 года, стр. 399. „Русская Старина“. Ноябрь. 1877 г.

(**) Товарищъ мой, Маевскій, рассказывалъ мнѣ одинъ такой случай столкновенія съ австрійскими офицерами поручика Азовскаго пѣхотнаго полка Дмитрія Федоровича Кроновича.

Послѣ нашего выступленія изъ Кашау, генералъ Колзаковъ, оставаясь комендантомъ города, назначилъ поручика Кроновича, только что выписавшагося изъ госпиталя, плацъ-адъютантомъ города; но Кроновичъ, у котораго разболѣлась рана, вскорѣ опять легъ въ госпиталь, гдѣ его увидѣлъ проѣзжавшій по окончаніи кампаніи чрезъ Кашау, фельдмаршалъ Паскевичъ, надѣланный деньгами лежавшихъ въ госпиталѣ офицеровъ, въ томъ числѣ давшій и Кроновичу 25 полумпериаловъ. На другой же день Кроновичъ опять выписался изъ госпиталя и пригласилъ товарищей всприснуть полученный подарокъ. Сомлись приглашеніе въ излюбленную нами гостиницу, на бульварѣ, и усѣлись за большимъ столомъ, въ одномъ углу большаго зала, тогда какъ въ другомъ его углу, также за столомъ, сидѣла толпа австрійскихъ офицеровъ, а на эстрадѣ находился небольшой оркестръ музыкантовъ, игравшій для австрійцевъ.

Наши, разумѣется, начали съ сливовиды и приличной закуски и затѣмъ перешли къ обѣду, съ венгерскими. Извѣстно, что безъ „громогласныхъ шампанскаго отгычекъ“, у русскаго офицера, если только у него шевелится какой нибудь золотой въ карманѣ, — ирръ не въ ширъ! Когда подали шампанское, Кроновичъ провозгласилъ тостъ во здравіе Государя Императора и, бросивъ музыкантамъ полумпериалъ, приказалъ играть. тушь. Музыканты послушались, оркестръ загремѣлъ тушь, наши выслушали его стоя и гаркнули. „ура!“ Австрійцы не обратили никакого вниманія ни на провозглашенный тостъ, ни на возгласы нашихъ. Тогда Кроновичъ поднялъ бокалъ въ честь фельдмаршала Паскевича — побѣдителя венгровъ. Опять проиграла тушь и закричали „ура!“, но австрійцы оставались по прежнему равнодушны. Это взорвало Кроновича и онъ провозгласилъ тостъ: „за благоденствіе Венгріи и на

вать! Конечно, это были пьяные крики разгулявшейся молодежи, не больше; но они были, и потому мы не можем не залестить ихъ въ свои „Записки“, какъ характеризующіе настроеніе офицерскаго общества того времени. Разумѣется, такое настроеніе не имѣло никакой подготовки съ нашей, по крайней мѣрѣ, стороны; не имѣло и политической подкладки. Главнѣйшую роль въ этомъ сближеніи нашемъ съ венгерцами играли: первое—новизна положенія, въ каковомъ мы очутились, сойдясь, въ пріятельскомъ кружку, лицомъ къ лицу, съ своими врагами, второе—сообщительность венгерцевъ, качество, въ насъ самихъ преобладающее, и наконецъ, какое-то безотчетное чувство, присущее сердцу русскаго человѣка—дружить тому, съ кѣмъ только что велъ открытую, честную борьбу.

Отсюда слышимъ сѣтованія, что не позволилъ нашъ Государь поднести корону св. Стефана Великому Князю Константину Николаевичу (*). „Какъ процвѣли бы тогда, въ братскомъ союзѣ, два великіе народа, говорятъ венгерцы, и какъ безвозвратно рухнулъ бы престолъ Габсбурговъ!“...

Изъ Дебрецина мы перенесли на соединеніе съ остальными частями своего полка, уже расквартированными въ с. Дорогъ, имѣющемъ 900 дворовъ. Здѣсь солдаты должны были довольствоваться отъ жителей; но если бы такого продовольствія не оказалось, то полкъ долженъ былъ довольствоваться своими средствами и, во всякомъ случаѣ, оставить въ Дебрецинѣ особыя команды для припрятія ржи и перемола ея, на имѣющихся въ городѣ мельницахъ. Не правда ли, какъ удобно войскамъ заниматься самымъ такою операціей?

погибель Австріи“. Раздался гулъ, опять гаркнуло „ура!“, но австрійцы и эту выходку оставили какъ бы безъ вниманія, только одинъ изъ нихъ всталъ и ушелъ. Въ это время вышелъ въ другую комнату и Кроновичъ для какихъ-то распоряженій, поставивъ свою каску на ближайшій стулъ. Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, Кроновичъ не нашелъ своего стула и увидѣлъ свою каску стоящую на полу. Оказалось, что взялъ стулъ и поставилъ каску на полъ только что вошедшій австрійскій штабъ-офицеръ, присоединившійся къ товарищамъ.

— По какому праву, крикнулъ по русски Кроновичъ, обращаясь къ австрійскому штабъ-офицеру, вы взяли мой стулъ, на которомъ стояла моя каска?

Австріецъ отвѣчалъ, что онъ по-русски не понимаетъ.

— А! не понимаешь! закричалъ Кроновичъ,—такъ спроси его, обратился онъ къ одному изъ своихъ товарищей, корнету Туманскому, говорившему по нѣмецки,—этого сына, да такъ и назови его, смотри: какъ онъ смѣлъ гербъ всероссійскій на полъ бросить?

Туманскій исполнилъ желаніе Кроновича буквально. Австрійцы вскочили и закричали: это нашъ майоръ!

— Майоръ, отвѣчалъ Кроновичъ,—я не знаю; я думалъ—фельдшеръ, у насъ фельдшера такъ одѣты. Если онъ майоръ, то я требую удовольствія и вызываю его на дуэль.

Майоръ сталъ что-то говорить въ свое извиненіе и заключилъ словомъ:—*pardon!*

— А если „*pardon!*“, крикнулъ Кроновичъ,—то пусть руку у меня поцѣлуетъ! я протянулъ для поцѣлуя руку, подступивъ къ недоумѣвавшему майору... но, въ эту минуту растворились двери и вошелъ въ сопровожденіи генерала Фролова и нѣсколькихъ офицеровъ—генералъ, графъ Ридигеръ, проживавшій въ этотъ день черезъ Кашау и извѣщенный о *тогдашней* Кроновича австрійскимъ офицеромъ, какъ сказано, вышедшимъ изъ зала.

— Кто здѣсь поручикъ Кроновичъ?—обратился графъ Ридигеръ къ нашимъ офицерамъ.

— Я, выступилъ Кроновичъ.

— Вы бунтовщикъ; я васъ велю судить въ 24 часа и разстрѣлять! Знаете вы: кто я?

(*) Извѣстно также, что когда Гайнау двинулся на Темешваръ и Паскевичъ перешелъ Тейсу и когда даже Кошутъ убѣдился, что дѣло венгерцевъ проиграно, то желая спасти свое отечество, онъ рѣшился предложить венгерскій престолъ герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому и поэтому отправилъ министровъ Шемере и Казимира Батиани въ Пешт-Адоны, къ Гергею, чтобы войти съ нимъ въ соглашеніе по этому предмету.

Полку предоставлялось, кромѣ с. Дорогъ, занять ближайшія къ нем-деревни; но при квартированіи строжайше предписывалось наблюдать, чтоу бы жители не терпѣли никакихъ притѣсеній, въ удостовѣреніе чего брать отъ нихъ кѣптанціи въ благополучномъ квартированіи и представлять таковыя по командѣ, какъ это дѣлается въ Россіи.

Пошли мирные порядки! Прощай военное время, счастливое отсутствіемъ столькохъ, такъ опостылѣвшихъ намъ, формальностей! Впрочемъ, нашъ корпусный командиръ генералъ Чеодаевъ и въ самый разгаръ войны удосуживался снабжать насъ приказами, часто только возмущавшими наши души и конечно не достигавшими цѣли. Таковъ, напримѣръ, приказъ генерала Чеодаева, отъ 9-го августа, въ Дебречинѣ.

„У многихъ жителей здѣшняго края все достояніе заключается въ однихъ только виноградныхъ садахъ, — писалъ онъ въ этомъ приказѣ.

Дошло до моего свѣдѣнія, что многіе нижніе чины, безъ позволеній владѣльцевъ, входя въ эти сады, не только самовольно рвутъ незрѣлый виноградъ, но ломаютъ деревья, заборы и вообще портятъ виноградники.

Посему предписываю всѣмъ начальникамъ частей, строго внушить нижнимъ чинамъ, дабы они отнюдь не смѣли не только портить виноградные сады, но не смѣли бы безъ позволенія хозяевъ входить въ сады; при чемъ объявить нижнимъ чинамъ, что и съ позволенія хозяевъ они не должны

— Знаю—графъ Ридигеръ.

— Да, но я, за отъѣздомъ фельдмаршала, команду арміею.

— Знаю, ваше сіятельство, но знаю и то, что я вѣрный подданный Его Императорскаго Величества.

— Вы вѣрный подданный Государя, говорите—а сейчасъ пили за венгерцевъ и на гибель союзниковъ вашего Государя?

— Пили, потому что венгерцы намъ покорились и теперь наши друзья.

— Ваше превосходительство, обратился Ридигеръ къ генералу Фролову, распорядитесь тотчасъ назначить надъ поручикомъ судную комиссію, отъ Камчатскаго полка.—Фроловъ поклонился.

— Ваше сіятельство, заговорилъ Кроновичъ. Не мало уже я пожилъ на свѣтѣ, будучи поручикомъ 23 года. Видываль—и какъ часто оправдываются судомъ виновные и обвиняются невинные. Не боюсь я за свое будущее; дѣлайте со мною что угодно, позвольте мнѣ только, здѣсь, на прощанье, выпить послѣдній бокалъ за здоровье моихъ товарищей.

— Вы сумасшедшій! закричалъ Ридигеръ,—убирайтесь сейчасъ вонъ, чтобы я васъ больше не видалъ.

— Сейчасъ, только расплачусь.

— Убирайтесь къ черту, я за васъ заплачу!

Этимъ исторія кончилась, но венгерцы, узнавъ ее, чуть было не заюлили и не закорючили Кроновича, все время угощая его, пока онъ не выѣхалъ изъ Кашау.

Умѣстнымъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ объ оригинальномъ героѣ приведеннаго нами случая.

Поручикъ Кроновичъ, личность со многими прекрасными качествами души и сердца, съ убѣжденіями безусловно честными, соединявшая въ себѣ полнѣйшую беззабашность и какую-то необузданность, исказившую всю его жизнь. Не лишенный природныхъ способностей и, казалось бы, здраваго смысла, Кроновичъ ухитрялся иногда дѣйствовать такимъ образомъ, и при томъ совершенно въ трезвомъ видѣ, что его дѣйствительно можно было заподозрить въ психическомъ разстройствѣ.

За отличія въ дѣлахъ съ Персіянами, въ 1826 году, Кроновичъ произведенъ въ поручики и получилъ, рѣдкую въ то время, особенно для армейскаго оберъ-офицера, награду: золотую полусаблю съ надписью „за храбрость“, и былъ назначенъ въ какую-то должность

вовсе употреблять незрѣлые плоды, какъ для здоровья ихъ вредные, и даже зрѣлые плоды употребляли бы умеренно.

Частнымъ начальникамъ имѣть за этимъ наблюденіе, подѣ личною ихъ отвѣтственностію, а за порчу виноградниковъ предписываю строго наказывать нижнихъ чиновъ“.

Не курьезъ ли? Солдату, въ непріятельской землѣ, безъ позволенія хозяина не смѣть войти въ виноградникъ! Вотъ нашли-то армію красныхъ дѣвушекъ! Да и какая порча можетъ произойти винограднику, если сорвутъ нѣсколько десятковъ гроздій винограда? и много ли его могутъ сорвать, когда онъ еще недозрѣлый?

Солдаты ломаютъ деревья, заборы. Но заборы у виноградниковъ, въ Венгріи, обыкновенно каменные; зачѣмъ солдаты ихъ станутъ портить? Что же касается до деревьевъ, надо полагать фруктовыхъ, то никакими приказами не остановишь ихъ рубку, если солдату, ставшему бивакомъ, не будетъ отпущено потребнаго количества топлива для варки пищи, а въ холодное время и для бивачныхъ костровъ, или если не укажутъ ему дѣсь, въ которомъ онъ могъ бы нарубить себѣ дровъ.

Вообще, мы чрезмерно любимъ щеголять своимъ великодушіемъ, своимъ кроткимъ обращеніемъ съ непріятелемъ, своею гуманностію. Часто у насъ до противной приторности доходятъ всѣ эти сладости!

по гражданскому управленію Эриванской провинціи, причемъ на него была возложена задача продовольствія мѣстнымъ жителямъ, Армянамъ, лишеннымъ войною средствъ существованія. Исполняя свои обязанности, Кроновичъ успѣлъ заслужить такую любовь Армянъ, что они, не зная какъ бы лучше отблагодарить его, придумали: поминать его на ектеніи, во время своей литургіи, вслѣдъ за поминаніемъ нашего Государя!

Такой оригинальный способъ выраженія народной благодарности русскому офицеру чуть было не навлекъ бѣдъ Кроновичу. Пріѣхалъ какой-то важный генералъ ревизовать дѣятельность нашихъ властей въ Эриванской провинціи,—посѣтилъ, изъ любопытства, армянскую церковь и вдругъ слышитъ, при окончаніи литургіи, усиленный звонъ колокольчиковъ и громкогласный возгласъ священника: „Теро юрліа Аевосъ Христосъ поручикъ Дмитрій Кроновичъ!“—„Что это значитъ?“ спрашиваетъ генералъ. Ему объяснили. Разумѣется—сцена Кроновичу, воспрещеніе поминать его на ектеніи, и т. д.

Въ концѣ 1820-хъ годовъ, Кроновичъ, уже причисленный ко второму разряду раненыхъ, по ходатайству комитета о раненыхъ, назначенъ городничимъ въ Николаевъ, Херсонской губерніи; но тутъ онъ пробылъ не долго, совершивъ дѣяніе невѣроятное и для того времени. Въ Николаевѣ происходили частые пожары, по всѣмъ признакамъ—отъ поджоговъ. На одномъ такомъ поджогѣ поймали какого-то еврея. Кроновичъ, не долго думалъ, самъ произвелъ слѣдствіе и судъ надъ поджигателемъ и—*повѣсилъ* его! Конечно, Кроновича предали суду, но по ходатайству Комитета о раненыхъ, признали, что Кроновичемъ произведено такое преступное превышеніе власти въ состояніи невмѣняемости, подѣ влияніемъ страданій, происходящихъ отъ понесенной имъ головной рапы, и ограничились увольненіемъ его въ отставку, съ полнымъ пенсіономъ.

Въ 1849 году Кроновичъ былъ вновь принятъ на службу въ Азовскій пѣхотный полкъ и кончилъ свою карьеру несчастнымъ образомъ въ 1851 году.

Когда готовились къ царскому смотру въ лагерѣ подѣ Луцкомъ, нашъ корпусный командиръ баронъ Остенъ-Сакенъ ежедневно производилъ войскамъ ученіе и всевозможные смотры, общіе и частные, доходившіе до изумительныхъ мелочей. Объ этихъ смотрахъ болѣе подробно будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же только замѣтимъ о томъ смотрѣ, который, совершенно неожиданно рѣшилъ судьбу Кроновича. Баронъ Остенъ-Сакенъ потребо-

Насъ удивило, что большая часть жителей с. Дорогъ—православные, хотя не знаютъ другаго языка кромѣ венгерскаго и носятъ чисто мадьярскій костюмъ. По всей вѣроятности, мѣстное населеніе состоитъ изъ омадярившихся славянъ аборигеновъ страны, подавленныхъ полчищами Угровъ при ихъ водвореніи въ краѣ;—доказательствомъ этому, что здѣшнія поселенія сохранили доселѣ свои славянскія названія, напримѣръ: Дорогъ, Берегъ-Сасъ, Токай (То-гай?), самый Дебречинъ и множество другихъ.

Жители города исповѣдуютъ православную вѣру почти въ первобытной ея чистотѣ. Богослуженіе отправляется по славянскимъ книгамъ, отпечатаннымъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ или во Львовѣ. Единственная церковь въ Дорогѣ имѣетъ форму креста; олтарею она обращена на востокъ; ее покрываютъ четыре купола, по одному на каждой оконечности креста, при чемъ, надъ восточною оконечностью куполъ обширный и широкій,—надъ западную—высокій, стройный, онъ же колокольный,—надъ остальными двумя оконечностями—по маленькому куполу. Въ цѣломъ—архитектура дорогскаго храма представляетъ нѣчто совершенно оригинальное, особенное. Внутри храма образовъ очень мало и тѣ итальянской манеры письма. Иконостасъ такой же какъ и въ нашихъ церквахъ, только передъ мѣстными иконами Спасителя и Божіей Матери устроены небольшіе олтари и на нихъ поставлено по кресту, остальные иконы иконостаса изображаютъ событія Ветхаго Завета; на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ изображеніе Архангеловъ; надъ царскими вратами образъ Тайной вечери, съ *возлежащими* апостолами. Евангеліе на престолѣ лежитъ на большой подушкѣ.

Валъ къ себѣ на смотръ всѣхъ баталіонныхъ командировъ, младшихъ штабъ-офицеровъ, ротныхъ и взводныхъ командировъ, желалъ видѣть, какъ кто маршируетъ и салютуетъ, на ходу. Чтобы смотръ корпуснаго командира удался, полковые командиры начали дѣлать ежедневныя репетиціи смотра, каждый въ своемъ полку. На такой-то репетиціи въ Азовскомъ полку, командиръ полка, баронъ Кридинеръ пропускать мимо себя, сначала—оберъ, потомъ штабъ-офицеровъ. Поручикъ Кроновичъ, никогда не отличавшійся особенно пекучею шагисткой, при томъ человѣкъ далеко уже не молодой и въ долговременной отставкѣ много утратившій военной выправки, подходя къ полковому командиру, сконфузился и, что называется—запуталъ шагъ. За полковымъ командиромъ стоялъ майоръ Гоцъ, старшій пріятель и товарищъ Кроновича по Кавказской службѣ. Видя неудачу Кроновича и думая дать ему возможность поправиться, Гоцъ ударилъ тактъ въ ладоши крикнувъ: „поручикъ Кроновичъ: разъ-два, разъ-два, разъ два!“, какъ это обыкновенно дѣлается на ученьяхъ. Конечно, этотъ пріемъ не только не помогъ дѣлу, такъ какъ Кроновичъ простыл все-таки скверно, но обидѣлъ Кроновича, который будучи въ этотъ день дежурнымъ по полку, сталъ за полковымъ командиромъ. Стали проходить и салютовать полковому командиру штабъ-офицеры. Надо же было случиться, что майоръ Гоцъ, подходя къ полковому командиру, совершенно сбился съ погн! Тогда поручикъ Кроновичъ, желая отомстить Гоцу насмѣшкой за насмѣшку, также какъ и онъ, ударилъ тактъ въ ладоши, крикнувъ: „майоръ Гоцъ: разъ-два, разъ-два, разъ-два!“

Такой выходкой Кроновича обидѣлись всѣ штабъ-офицеры полка и больше всѣхъ полковникъ Мосальскій. Баронъ Кридинеръ рассекъ Кроновича и посадилъ его на сутки подъ арестъ на гауптвахтѣ. Но полковникъ Мосальскій не удовольствовался такимъ взысканіемъ и написалъ объ этомъ случаѣ, какъ о вопиющемъ нарушеніи дисциплины, корпусному командиру и Кроновича передали суду.

Четыре года судился Кроновичъ за свой ребяческій порывъ,—не былъ взятъ съ полкомъ въ походъ за Дунай, въ 1853 году, и умеръ, подъ судомъ съ тоски и гори, въ 1855 году.

Товарищи очень любили Кроновича и искренно горевали о его кончинѣ, а Гоцъ илакалъ какъ ребенокъ, считая себя, хотя и невольною, но все-таки причиною гибели хорошаго товарища.

Священникъ обстриженъ и обрить. Въ церковной службѣ онъ въ одеждѣ католическаго ксендза; во время служенія на немъ риза, такая же какъ и у нашихъ священниковъ, только гораздо короче и бѣлый подрясникъ, съ широкимъ поясомъ, — поручей нѣтъ. Воздухи не той формы, что у насъ. Здѣсь они въ родѣ простыхъ, четырехъугольных досчечекъ, обшитыхъ парчей. Во время богослуженія всѣ почти прищѣвы и главнѣйшія молитвы, поютъ хоромъ всѣ присутствующіе. Разумѣется, большая часть поющихъ, также какъ и дѣячки (на клиросѣ сгруппированные, какъ и въ нашихъ церквахъ), не понимаютъ — что поютъ или читаютъ, не зная славянскаго языка, а потому немилосердно коверкаютъ слова; объ удареніяхъ уже и говорить нечего: ихъ, какъ бы нарочно, дѣлаютъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Читаютъ, какъ священникъ, такъ и дѣячки, слишкомъ уже на-распѣвъ, при чемъ послѣднія слова строфъ, варьируютъ и тянутъ голосомъ, довольно продолжительно. Во все время совершенія литургіи Царскія врата не затворяютъ. На ектеньяхъ поминаютъ: *Епископа* и „*нашихъ Государей*“, не поименовывая *ни кого*, но ни Папы, ни Императора Австрійскаго не поминаютъ особо. Священникъ, выходя со святыми дарами для причащенія вѣрныхъ, несетъ съ собою и дискосъ, который, въ случаѣ появленія причастниковъ, ставитъ на престолъ на то время, когда причащается. Священникъ, совершая богослуженіе, при чтеніи молитвъ, складываетъ руки на груди, по католически, и по временамъ ударяетъ себя въ грудь. Молитву передъ причащеніемъ читаетъ по-Венгерски. При произнесеніи словъ: „*Поюще, вопіюще*“ и пр. когда клиръ отвѣчаетъ: „*Святъ, святъ*“ и пр., въ олтарѣ, три раза звонятъ въ колокольчикъ, также какъ и при произнесеніи священникомъ „*Пріймите, ядите*“ и пр. При послѣднемъ выносѣ священникъ не появляется изъ алтаря въ Царскихъ вратахъ, а дѣлаетъ возгласъ стоя у престола; по окончаніи литургіи тоже не выходитъ читать молитву: „*Воскреси изъ мертвыхъ*“ и пр., а произноситъ ее стоя въ алтарѣ, лицомъ къ престолу. Причащаетъ хлѣбомъ кваснымъ и виномъ, лжицею, совмѣстно. Символь вѣры тотъ же что и у насъ — поется по Венгерски, во время литургіи; по окончаніи оной поминаются св.св. Кириллъ и Меодій, просвѣтившіе и эту страну, также святые Антоній и Теодосій Печерскіе.

Вотъ тѣ особенности, какія я успѣлъ подмѣтить при совершеніи литургіи въ церкви с. Дорога, къ этому развѣ прибавить, что въ церковіи женщины обыкновенно входятъ не тѣми дверьми, что мужчины и стоятъ, во время богослуженія, сзади ихъ; по стѣнамъ, для женщинъ собственно, устроены лавки; дѣвушкамъ дозволяется входить въ олтарь и сидѣть тамъ во время богослуженія въ особо-устроенныхъ по стѣнамъ креслахъ; тамъ же возсѣдаютъ и почетнѣйшіе изъ мужчинъ. Обыкновенно таковыя мѣста для сидѣнья бываютъ откуплены.

Церквей, подобныхъ Дорогской, въ Венгріи насчитываютъ до 1500 и 30 монастырей.

Церковный календарь у здѣшнихъ жителей тотъ же, что и у насъ, слѣдовательно ихъ праздники совпадаютъ съ нашими.

Весьма понравилось жителямъ Дорога благочестіе, съ какимъ наши стоятъ въ церквѣ,—набожность нашихъ, ихъ частые земные поклоны, тѣмъ болѣе что такое поведеніе нашихъ представляло контрастъ съ поведеніемъ австрійскихъ солдатъ въ церквѣ. Начать съ того, что въ торжественные дни бывая въ парадѣ, австрійскіе солдаты, во время литургіи, стоятъ въ церквѣ—фрунтомъ, съ ружьями, въ головныхъ уборахъ, снимая таковые только въ самые торжественные моменты богослуженія, при чемъ преклоняютъ одно колено. Особенно дорожцамъ понравились наши полковые пѣвчіе, съ которыми, конечно, не выдерживали ни какого сравненія ихъ гнусливые дѣлчки.

Выше упомянуто, что жители Дорога носятъ чисто мадьярскій, національный костюмъ, живописный у мужчинъ, когда они одѣты по праздничному.

Обыкновенный, ежедневный костюмъ мадьяръ: широкополая шляпа; (клебанъ) бѣлая рубаха съ широчайшими рукавами, какъ у рясы нашего попа,—рубаха, доходящая только до поясицы и часто обнаруживающая полоску, (будто поясъ) загорѣлаго бронзоваго цвѣта тѣла; широчайшія обыкновенныя штаны на учкурѣ, издали похожія на юбку,—внизу, у ступни, отороченныя бахромкой или грубыми кружевами; сапоги съ каблуками, окоченными желѣзомъ, часто со шпорами, а нерѣдко и кожаные постолы, плотно охватывающіе ногу. Венгерецъ обыкновенно стянуть широкимъ, кожанымъ поясомъ, со множествомъ мѣдныхъ украшеній. Венгерцы очень дорожатъ этими поясами, которые у нихъ нерѣдко переходятъ изъ рода въ родъ, къ внукамъ и правнукамъ; на плечахъ у Венгерца бурка или, правильнѣе, превосходно дубленая, нѣжная и мягкая овечья шуба, даже мѣстное названіе этой *бурки*, по венгерски—*бунды*, или *гуни* только двумя буквами отличается отъ кавказскаго названія этой верхней одежды. Парадная, хорошая гуня, обыкновенно нагольная, нѣжна какъ замша. Гуня почти всегда свѣтло-коричневаго цвѣта, по рукавамъ, по подолу, сзади, вышита шелками яркихъ цвѣтовъ, полосками разноцвѣтныхъ сафьяновъ, шнурками—что вмѣстѣ составляетъ самый живописный узоръ. У гуни обыкновенно большой отложной воротникъ, часто лучшаго сорта мерлушки; иногда у гуни два воротника; она доходитъ до пятъ; но чтобы она не пачкалась въ грязи, при носкѣ, ее обыкновенно подвертываютъ внизу четверти на полторы и такимъ образомъ эта подвернутая часть составляетъ, какъ-бы мѣховую оторочку нижней части гуни. Подвернутая часть пристегивается шерстью вверхъ, нарочито пришитыми къ гуни костыльками. Многіе изъ насъ запаслись такими гунями—превосходнѣйшими спутниками походной жизни. Сначала мы платили за гуню 15 руб. сер. а потомъ ихъ стали продавать по 25 руб. сер.

Женщины тоже носятъ бунды или гуни, но другаго покроя и иначе украшенныя; женская гуня всегда выше коленъ, безъ рукавовъ, вродѣ ман-

тильи. Расшита она бывает тоже шелками самых ярких колеровъ, узорами, изображающими букеты цвѣтовъ и гирлянды зелени. Къ бундѣ, вмѣсто воротника, придѣлывается сзади цѣлая шкурка ягненка, обыкновенно черного, съ лапками и головкой. Если смотрѣть сзади, издали, на женщину въ этой гунѣ, то кажется будто она несетъ на спинѣ барашка....

Въ сѣверной Венгріи, лѣтомъ, вмѣсто описанной нами *бунды*, употребляется плащъ, изъ грубаго, самодѣльнаго сукна, одного покроя съ *гуней*, а въ горныхъ мѣстностяхъ, описанная *бунда* замѣняется простой буркой изъ овечьихъ шкуръ—шерстью вверхъ.

Впрочемъ, вообще костюмы жителей Венгріи, одного и того-же племени, крайне разнообразны и варьируются смотря по тому, встрѣчаешь ли Венгерца въ парадѣ или въ будничномъ нарядѣ,—въ холодный ли утренникъ, или въ жаркій полдень и такъ далѣе.

Про обыкновенный лѣтній костюмъ за-тейскаго простолюдина мы сейчасъ говорили, что же касается до костюма венгерскаго магната, то о такомъ распространяться нечего. Кому неизвѣстны эти роскошные остатки средневѣковаго щегольства? Чакчиры шитыя золотомъ; доломанъ, спадающій съ одного плеча; расшитый шелками ментикъ на мѣху, со множествомъ пуговицъ, изукрашенныхъ драгоцѣнными камнями и даже брилліантами, съ такимъ же изукрашеннымъ кушакомъ; на головѣ беретъ съ орлинымъ или страусовымъ перомъ, либо высокая бобровая или соболья шапка также съ перомъ если не съ султаномъ; на боку широкая сабля, съ ножнами и эфесомъ, покрытыми гранатами, жемчугомъ, брилліантами; въ гусарскихъ сапожкахъ, съ блестящими отъ самоцвѣтныхъ камней пряжками, поддерживающими золотыя кисти; со шпорами внушительной величины...

Праздничный костюмъ простолюдина такъ же весьма разнообразенъ въ Венгріи. За Тейсой, онъ, болѣею частью, состоитъ изъ гусарскихъ сапожекъ, съ кистями яркихъ цвѣтовъ, съ каблуками, окованными желѣзомъ и шпорами; изъ синихъ, расшитыхъ чернымъ шнуркомъ, чакчиръ; изъ широкаго, кожанаго, изукрашеннаго пуговицами и разными металлическими привѣсками, пояса; мѣховой куртки безъ рукавовъ, расшитой шелками или такой же суконной куртки, съ рукавами.

Въ рукавъ у венгерца обыкновенно палка съ металлическимъ топорикомъ, вмѣсто рукоятки.

Что касается до женщинъ, то и въ ихъ костюмѣ, какъ и въ костюмѣ мужчинъ, преобладаетъ синій цвѣтъ. На ногахъ у нихъ цвѣтныя, гусарскія сапожки, то же со шпорами; короткая, пестрая юбка; бѣлый фартукъ, обшитый кружевами домашняго издѣлія; спензеръ, зашнурованный спереди; на головѣ какой-то, уморительной формы, бѣлый чепчикъ. Впрочемъ, здѣсь и женскіе костюмы чрезвычайно разнообразны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у всѣхъ женщинъ, въ праздникъ, видишь на ногахъ не сапожки, а красныя башмаки на синихъ, шерстяныхъ чулкахъ. У дѣвушекъ чаще всего видишь гладко причесанные, убранные цвѣтами, волосы; женщины же по-

визаны синимъ платкомъ, какъ и наши крестьянки, преимущественно раскольницы, и одѣты почти въ такіе же точно синіе сарафаны, какъ и онѣ; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины повязываютъ голову большимъ, тонкимъ, перѣдко кисейнымъ, какъ бы полотенцемъ, концы котораго, съ обѣихъ сторонъ головы, надаютъ почти до-полу.

Гражданскіе чиновники носятъ національный костюмъ, только оформленный и всѣ не при шпагахъ, какъ наши чиновники, а при широкихъ сабляхъ, на поясной портупеѣ, въ ножнахъ, оправленныхъ въ мѣдь, серебро или золото, смотря по значенію занимаемой должности если не по матеріальнымъ средствамъ носителя сабли.

Квартира нашему полковому командиру въ с. Дорогъ была отведена у весьма зажиточнаго мѣстнаго землевладѣльца, милое и ралужное семейство котораго, состоявшее изъ его жены-хозяйки и двухъ дочерей невѣстъ, окружало нашего барона Фитингофа всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью, между прочимъ, угощая его, чуть ли не цѣлый день, отличнымъ венгерскимъ. Добрый и, порою, веселый баронъ Фитингофъ сблизился съ семействомъ своихъ хозяевъ, часто развлекалъ ихъ полковою музыкою и пѣсенниками и до того заслужилъ ихъ довѣренность, что однажды они показали ему, подъ величайшимъ секретомъ, прибитое къ большому деревку, значительныхъ размѣровъ, шелковое знамя съ богато вышитыми на немъ шелками, золотомъ и серебромъ, самими хозяйками-хвастуными и ихъ подругами, гербомъ Венгріи и различными надписями. Разумѣется, это знамя было изготовлено на случай возстанія въ Дорогѣ. Каково же было изумленіе хозяекъ барона Фитингофа, когда онъ, безъ всякихъ церемоній, заявилъ имъ, что этого революціоннаго знамени онъ у нихъ оставить не можетъ и, тотчасъ взявъ его, отдалъ подъ караулъ часовому, стоявшему у полковыхъ знаменъ.

По какому это сдѣлано праву, теперь, когда война уже кончена? чѣмъ, кромѣ простаго хищенія, объяснить этотъ поступокъ? На чемъ, кромѣ произвола, онъ былъ основанъ? —осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности! Бѣдныя, обманутыя венгерки не плакали порядкомъ по этому случаю и конечно тотчасъ измѣнили свое обращеніе, какъ съ полковникомъ, такъ и съ нами, ежедневными своими посѣтителями *).

(*) Курьезіе всего вышло то, что баронъ Фитингофъ приказалъ это знамя нести вмѣстѣ со знаменемъ, не помню, котораго-то изъ нашихъ баталіоновъ. Такъ шли мы до самой русской границы, имѣя въ полку вмѣсто четырехъ знаменъ пять. Но какъ-то догнавъ нашъ полкъ начальникъ нашей дивизіи, Бѣлогужевъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не благоволившій къ Фитингофу. Генералъ тотчасъ замѣтилъ приращеніе знаменъ въ нашемъ полку и потребовалъ у полковаго командира объясненія этого явленія. Конечно, тѣмъ странными объясненіями, какія могъ по этому случаю дать баронъ Фитингофъ, не удовольствовался Бѣлогужевъ, —распекъ Фитингофа: какъ онъ позволилъ себѣ отдавать одинакую честь мятежническому знамени со знаменемъ своего Государа? и приказалъ тотчасъ убрать венгерское знамя. Разумѣется, его немедленно убрали въ обозъ. По приходѣ нашемъ въ Кременецъ, знамя это красовалось во всемъ блескѣ, въ кабинетѣ барона Фитингофа, и увезено имъ съ собою, по выходѣ въ отставку.

16-го августа полкъ собрался на площади с. Дорогъ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, по случаю окончанія войны съ Венгріей, при чемъ тутъ же прочитанъ слѣдующій приказъ фельдмаршала, отъ 13-го августа, въ Гроссъ-Вардейнѣ:

„Воины! Походъ въ Венгрію оконченъ; онъ продолжался два мѣсяца. Въ это короткое время ваше мужество въ сраженіяхъ и неутомимость въ трудахъ успѣли заслужить похвалы Государя Императора. Доблести ваши возобновили въ Европѣ воспоминаніе о тѣхъ достославныхъ подвигахъ, которыми всегда гремѣло русское имя; доблести эти внушили и самому неприятелю такое уваженіе, что войска его положили предъ вами оружіе, а крѣпости отворили ворота.

„Съ чувствомъ живѣйшей признательности благодарю васъ, сотрудники мои! Вы помогли мнѣ исполнить великодушное желаніе Государя Императора, возвратить Венгрію къ повиновенію своему законному Монарху.

„Генераль-фельдмаршалъ, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ — Эриванскій“.

Громкое „ура“, раздавшееся въ нашихъ рядахъ послѣ прочтенія этого, довольно сухого „приказа“, было послѣднимъ, вырвавшимся у насъ на равнинахъ Венгріи! Благодарственный молебенъ, нами отслуженный за окончаніе войны, правду надо сказать, такъ горько обманувшей наши надежды и ожиданія, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и напутственнымъ нашимъ молебномъ. По окончаніи церемоніи, мы тронулись въ походъ, — домой, въ Россію!..

21-го августа с. Берегъ Сась.

Сегодня было полное лунное затмѣніе и солдаты говорили при этомъ: „вотъ она венгерская то луна — потемнѣла! наша, русская, другая сторона — та свѣтлая!“

Идемъ очень медленно, съ дневками; дѣлаемъ маленькіе переходы; намъ какъ будто нехочется разстаться съ Венгріей! Изъ степной Венгріи мы вышли; перевалили опять въ гористую, перейдя на правый берегъ Тейсы, въ с. Намени и переправясь черезъ множество рѣчекъ, какъ бы сплошную стѣю покрывающихъ эту мѣстность.

Довольствіе получаемъ отъ жителей, вездѣ, повидимому располагающихъ достаточными средствами, такъ какъ военныя невзгоды, въ незначительной только степени, коснулись проходимую нами окраину.

Вообще говоря, собственно въ степной Венгріи, бѣдняковъ намъ не случалось встрѣчать, протягивающихъ руку нищихъ, и говорить нечего — ихъ во все невидать. Въ долину Тейсы, въ Пуштѣ живетъ народъ по преимуществу зажиточный, ни въ чемъ не нуждающійся. У всѣхъ здѣсь просторные, въ величайшей чистотѣ и опрятности содержимые домики, обыкновенно раздѣленные на двѣ половины переднюю, она же и кухня, съ большею изразцовой печью по срединѣ, съ большимъ столомъ, за которымъ совершаются всѣ трапезы, со всевозможной посудой развѣшанной и разставленной по стѣнамъ, на полкахъ и поставцахъ. Во многихъ крестьянскихъ домахъ видишь нѣкоторую мебель, въ числѣ которой красуется неизбѣжный диванъ, съ ящикомъ для постели; у каждого члена семьи своя особая, односпальная кровать, прилично убранная и покрытая одѣяломъ, стеганымъ на перьяхъ или на пуху; — шкапъ для платья, другой для посуды, иногда комодъ для бѣлья; на стѣнахъ немудренныя картинки въ рамкахъ, литографіи, непремѣнно зеркало, стѣнные часы. Почти у каждого крестьянина дворъ и службы также въ совершенномъ порядкѣ и въ чистотѣ. Лошадку свою, маленькую, но корепастую и бойкую, венгерецъ любитъ, бережетъ и холить, — онъ на ней не только работаетъ, но красуется и гарцуетъ: его дочрезвычайности круторогіе, всегда сѣрые, крупные волю, съ хвостами до земли, — его красновато-сѣрые, съ розовыми, какъ бы *прозрачными* ушами, большія, красивые коровы заставляютъ невольно любоваться собою. Все это, вмѣстѣ взятое, свидѣтельствуешь о благосостояніи и довольствѣ жителей степной Венгріи.

На продолжительныхъ ночлегахъ и дневкахъ, у насъ идутъ оживленные толки и споры о различныхъ перипетіяхъ минувшей уже кампаніи, при чемъ за основаніе принимаются рассказы и слухи бывшіе въ Дебrecинѣ. куда собралось множество свидѣтелей и участниковъ различныхъ событій, со всѣхъ уголковъ театра едва отгремѣвшей войны.

Утверждаютъ, что нашими дѣйствіями до такой степени были недовольны австрійцы, что ихъ юный Императоръ рѣшился обратиться къ на-

шему Государю, черезъ особеннаго уполномоченнаго, съ просьбою замѣнить фельдмаршала Паскевича и князя Горчакова, болѣе энергичными и способными военачальниками.

Достоверенъ ли этотъ слухъ, или этотъ рассказъ нечто иное, какъ одна изъ тѣхъ многочисленныхъ, если можно такъ выразиться, военныхъ утокъ, которыя обыкновенно въ военное время, витають надъ арміей стаями, подымаясь, болшею частію, изъ главной квартиры,—не знаемъ, но рассказъ этотъ, хотя можетъ быть только для приданія ему большато вѣроятія, сопровождался различными, характеристическими подробностями. Такъ говорили, будто, въ ту именно минуту, когда присланный Австрійскимъ Императоромъ генераль, излагалъ Императору Николаю подробности своего щекотливаго порученія относительно просьбы замѣнить фельдмаршала Паскевича другимъ лицомъ, явился къ Государю курьеръ отъ Паскевича съ донесеніемъ о сдачѣ Гергея, и что громко прочтя эту депешу, Императоръ Николай величавымъ мановеніемъ руки, указалъ дверь австрійскому генералу, не удостоивъ его ни однимъ словомъ *).

Говорятъ, что таковое ходатайство Австрійскаго Императора сдѣлалось извѣстнымъ Паскевичу и потому онъ теперь жестоко ругаетъ австрійцевъ, что еще болѣе дѣлаетъ натянутыми тѣ отношенія, въ какихъ наши офицеры, не исключая высшихъ чиновъ, стоятъ къ австрійцамъ.

Столкновенія нашихъ съ австрійцами происходятъ безпрестанно. Говорятъ: таковое при сдачѣ крѣпости Арада едва не имѣло слишкомъ при-
скорбнаго, фактическаго проявленія.

Передаютъ о множествѣ взаимныхъ упрековъ между союзниками.

Напримѣръ, слышно, что австрійцы упрекаютъ насъ, какъ нами уже было замѣчено выше, въ умышленной затяжкѣ кампаніи, имѣя полную возможность кончить ее гораздо скорѣе, при тѣхъ громадныхъ средствахъ, какими мы располагали, но находя выгоднымъ тянуть ее, чтобы подольше состоять на даровыхъ австрійскихъ хлѣбахъ. Наши, отвѣчая презрѣніемъ на такія инсинуаціи, указывали легковѣсность австрійскихъ обѣщаній, на которыя если бы мы только положились, не обезпечивъ себя громадными продовольственными запасами на свои собственные средства, неминуемо потерпѣли бы чрезвычайныя лишенія и бѣдствія.

Австрійцы упрекаютъ насъ за наши, по ихъ словамъ, безчисленные

(*) Если и небыло такой рѣзкой выходки противъ фельдмаршала Паскевича со стороны Австрійскаго Императора, то нелюбовь Паскевича къ австрійцамъ можетъ быть объяснена несогласіемъ Франца-Иосифа подчинить Паскевичу свои войска, признавъ его, такимъ образомъ, Главнокомандующимъ союзными арміями, какъ о томъ настаивало наше Правительство, указывая на примѣръ 1813 года. По словамъ „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856) par un ancien diplomate“ (St. P. sbourg 1878). Примѣчаніе къ стр. 31), такое требованіе категорически было отвергнуто Австрійскимъ Императоромъ, на томъ основаніи, что война предстояла не вишняя, а только подавленіе мятежа его собственныхъ поданныхъ, слѣдовательно, подчиненіе его войскъ иностранному полководцу, несогласно было бы съ чувствомъ его собственнаго, Императорскаго достоинства.

Въ этомъ обстоятельствѣ заключалась первоначальная причина несогласій, происшедшая между нами и австрійцами и между властями тѣхъ и другихъ, умалившая въ глазахъ Австрійскаго правительства нами ему оказанную услугу.

военные промахи, сдѣланные въ эту кратковременную кампанію. Такъ, говорить, что мы съ первыхъ моментовъ войны не умѣли пользоваться своими средствами. Напримѣръ, располагая громадными массами кавалеріи, мы не сумѣли сдѣлать изъ ней надлежащаго употребленія, не смотря на мѣстность благопріятствовавшую ей операціямъ. Благодаря этому неумѣно нашему употребить свою кавалерію, Дембинскій съ арміей благополучно ушелъ изъ горныхъ комитатовъ; Гергей исчезъ у насъ изъ виду послѣ Вайценской съ нимъ встрѣчи; Надь-Шандоръ, въ десертъ насъ слабѣйшій, не погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ подъ Дебречиною. Располагая огромною арміею, мы, во всю кампанію, собственно въ Венгріи, не могли поставить своего противника въ необходимость принять генеральное сраженіе, выигравъ которое, мы бы могли гораздо раньше и блѣстательнѣе окончить войну. Въ напрасныхъ маршахъ и контръ-маршахъ мы только тратили время и людей, отъ болѣзней и утомленія и въ концѣ концовъ, опустошили дѣйствительности, допуская войска до грабежа и насилія.

Надо правду сказать: многіе упреки австрійцевъ имѣютъ основаніе. Мы дѣйствительно, какъ бы отучились воевать. Не говорю про дѣйствія нашихъ войскъ въ Трансильваніи, вездѣ успѣшныя и блѣстательныя, но война наша собственно въ Венгріи не выказала военныхъ дарованій ни въ одномъ изъ нашихъ военачальниковъ *), — ни одного имени не просланилось въ эту войну, и если кто и получилъ нѣкоторую извѣстность, такъ это Паниотинъ, впрочемъ дѣйствовавшій отдѣльно отъ главной арміи, въ составѣ австрійскихъ войскъ **). Конечно, главная тому причина, такъ сказать, военный деспотизмъ фельдмаршала Паскевича. Опъ какъ-бы ревновалъ всѣхъ

(*) А между тѣмъ въ арміи были замѣчательные генералы, вполнѣ боевые, напримѣръ: Ридигеръ, Фрейтагъ, Зассъ-Кавказскій, Граббе, баронъ Остенъ-Сакентъ.

(**) Дѣйствія генерала Паниотина въ составѣ главныхъ Австрійскихъ силъ были блѣстательны. Нашему отряду, подъ его командой, мало того, что удалось принять серьезное участіе во многихъ дѣлахъ съ венгерцами, но ему посчастливилось *шесть разъ* явиться какъ бы спасителемъ австрійцевъ. Не можемъ воздержаться, чтобы не припомнить здѣсь этихъ случаевъ, доставившихъ новый блескъ нашему оружію и снискавшихъ признательность нашихъ союзниковъ, не разъ выражавшуюся восторженно и шумно.

Первый случай — когда генералъ Вольгемутъ, 8 іюня, атаковалъ Венгерцевъ на р. Ваагъ и былъ ими опрокинутъ, при чемъ они заняли превосходную позицію, взявъ д. Передъ. Въ этомъ дѣлѣ генералъ Вольгемутъ, принужденный къ отступленію, видя, что собственными средствами одолѣть непріятеля не можетъ, обратился за помощью къ генералу Паниотину. Этотъ генералъ немедленно вступилъ въ дѣло, тотчасъ занявъ С. Гидашъ-Куртъ, Брянскимъ полкомъ, съ артилеріей, а самъ пошелъ въ с. Таксанъ. «Здѣсь, говорятъ Ореусъ (Idem, стр. 181), Паниотинъ встрѣтилъ отступающую, въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, австрійскую бригаду Мотта. Появленіе нашихъ войскъ было съ восторгомъ привѣтствовало австрійцами. Крики „ура!“ „виватъ Императоръ Николай!“ пронеслись по рядамъ ихъ. Такая же радостная встрѣча была оказана и Брянкамъ въ Гидашъ-Куртъ.

Занятіе нашими войсками названныхъ пунктовъ дало возможность австрійцамъ на другой же день возобновить наступленіе.

Второй случай. Въ извѣстномъ дѣлѣ съ Гергеємъ, 9 іюня, у Переда, отрядъ Паниотина, составляя центръ войскъ, введенныхъ въ дѣло фельдмаршаломъ Гайнау, вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть боя, причемъ генералъ Паниотинъ лично взявъ, подъ градомъ непріятельской картечи, штурмомъ д. Передъ и Брянкамъ полкомъ, подъ командою Семякина, д. Киралиревъ, вырвалъ побѣду изъ рукъ Гергея, чѣмъ отнята была у него возможность осуществить задуманный имъ блестящій стратегическій планъ — разбить сосредоточенныя силы австрійцевъ у Пресбурга и ввести необходимыя подкрѣпленія въ кр. Раабъ.

въ славѣ. Ниному изъ своихъ генераловъ онъ не давалъ возможности, самостоятельными дѣйствіями, выказать свои боевыя способности.

Третій случай. Подъ Коморномъ, 20 іюня, Гергей, послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы, веденной съ переменнымъ счастьемъ, началъ на главнѣйшихъ пунктахъ боя рѣшительно одолевая австрійцевъ, что вынудило генерала Шлика обратиться къ Папютину съ просьбою прислать ему на помощь бригаду пѣхоты съ двумя батареями артиллеріи. Но Папютигъ, не желая подвергать части своей дивизіи случайностямъ, двинулся на помощь Шлику самъ со всею дивизіею и занялъ мѣлу Гаркати. Такимъ образомъ русскіе явились на лѣвомъ флангѣ венгерцевъ въ тотъ моментъ, когда они, упоенные успѣхомъ, шли въ рѣшительную атаку противъ 4-го корпуса австрійцевъ. Неожиданное появленіе русскихъ, дѣйствіе ихъ артиллеріи противъ венгерскихъ эскадроновъ и мужественный ударъ въ штыки, мгновенно охладилъ увлеченіе венгерцевъ и рѣшилъ судьбу сраженія въ пользу союзниковъ. Гергей отступилъ въ Коморнъ, будучи самъ раненъ въ этотъ день—саблей въ голову.

Четвертый случай. Гергей, 29 іюня, перешелъ въ наступленіе и на всѣхъ пунктахъ имѣлъ надъ Австрійцами успѣхъ, который привелъ бы къ совершенному ихъ пораженію, если бы Гайнау не послалъ дивизіи Нарвайна, на мѣлу чѣмъ огонь артиллеріи Папютина, по свидѣтельству самихъ Венгерцевъ, такъ смертоносно дѣйствовалъ противъ войскъ Лейнигена, что, не смотря на всю отвагу ихъ начальника, они были разстроены и стали отступать по всей линіи. Это событіе рѣшило дѣло въ пользу союзниковъ, что признано самими австрійцами, доказательствомъ, что императоръ Францъ Іосифъ, присутствовавшій при двухъ послѣднихъ битвахъ, сказалъ въ рескриптѣ на имя Генерала Папютина: „Въ битвахъ 2 и 11 числа сего мѣсяца (и. с.), у Ача и Коморна, движенія ваши, столь же искусно соображенныя, сколь энергически исполненныя, въ самыя рѣшительныя минуты боя, много способствовали успѣхамъ, одержаннымъ въ эти дни“.

Пятый случай. Въ дѣлѣ подъ Серединомъ, 24 іюля при атакѣ непріятельской позиціи у Сергеа, въ 8 часовъ вечера, когда побѣда совершенно уже склонялась на сторону австрійцевъ и генералъ Гайнау дѣлалъ распоряженіе о настоящемъ преслѣдованіи противника, генералъ Вехтольдъ перешелъ на восточную сторону сергеской платины и ударилъ на венгерскую кавалерію Дежери, но встрѣпилъ такой отпоръ, что былъ бы совершенно разбитъ, если бы не подоспѣлъ Орловскій полкъ, который и опрокинулъ Венгерскихъ гусаръ, доскакавшихъ уже до Австрійской артиллеріи и начавшихъ рубить прислугу.

Шестой случай. Извѣстно, что подъ Темешваромъ, въ самомъ началѣ дѣла 28 іюля, надъ Венгерцами принялъ начальство отъ Дебинскаго генералъ Вема, который, окинувъ своимъ боевымъ взглядомъ поле уже начавшейся битвы, тотчасъ увидѣлъ слабую сторону австрійцевъ и ставъ во главѣ гусаръ, произвелъ противъ этого пункта огненную атаку, двинувъ вслѣдъ за гусарами значительныя массы пѣхоты. Атака венгерской кавалеріи, говоритъ Ореусъ (Idem. стр. 479) и далѣе произведена была столь быстро и рѣшительно, что стоявшіе на лѣвомъ флангѣ австрійскія батареи, вслѣдъ съ конными отрядами ихъ прикрывавшими, въ безпорядкѣ бросились назадъ и едва было не смыли отрядъ Семьякина. Часть ихъ уходящая къ Кичъ-Бекереку, столкнулась съ выступавшими оттуда, какъ разъ въ это время, австрійскимъ обозомъ и произвела всеобщую панику. Орудія, зарядные ящики и всѣхъ родовъ повозки перемѣшались между собою въ полнѣйшемъ безпорядкѣ.

„Минута была критическая: явная опасность грозилъ лѣвому флангу и тылу австрійцевъ“ и если бы венгерцы дѣйствовали рѣшительнѣе, то исходъ сраженія, при громадномъ численномъ перевѣсѣ противника, могъ быть для союзныхъ войскъ крайне неблагоприятнымъ.

„Въ этотъ опасный моментъ боя, находчивость частныхъ русскихъ начальниковъ предотвратила грозившую бѣду“.

Наши двинулись на встрѣчу поспѣтелю и приостановили его наступленіе.

„Эта временная приостановка непріятельскаго наступленія имѣла послѣдствія весьма важныя. Она дала время лѣвому крылу Австрійцевъ оправиться, а легкой бригадѣ Зимбшена устроиться для встрѣчной атаки, которая, будучи поддержана огнемъ нашей артиллеріи, многиѣ удались. Но вслѣдъ за симъ Зимбшени все таки было опрокинуто. Однако, въ это время стали подходить къ сильно подавшемуся назадъ лѣвому флангу Австрійцевъ остальные русскіе полки съ артиллеріей. „Дѣло одну минуту висѣвшее на волосѣ было возстановлено“. Австрійцы остановились, устроились, перешли въ наступленіе, а вскорѣ къ нимъ подошла на помощь свѣжія силы корпуса князя Лихтенштейна, которая и помогла совершенно разбить Вема. Результатомъ этого дѣла было освобожденіе Темешвара, событіе имѣвшее рѣшительное вліяніе на исходъ Венгерской войны, какъ вынудившее Гергея положить оружіе.

Ореусъ полагаетъ, что не только чѣмъ какъ „современному занятію д. Визмара нашею пѣхотою, (представлявшее въ данный моментъ единственную сохранившую порядокъ часть на лѣвомъ крылѣ союзниковъ), Австрійскій главнокомандующій обязалъ тѣмъ, что не былъ разбитъ до прибытія князя Лихтенштейна“.

Онъ держалъ всѣхъ какъ-бы на поводѣ и руководилъ дѣйствіями каждаго *). Поэтому, главнѣйшія дѣла кампаніи: подъ Вайценомъ, подъ Мишколцемъ, подъ Дебречиномъ, велись какъ бы ощупью, съ величайшею перѣшительностью и ни одно изъ нихъ не имѣло блистательныхъ результатовъ.

За тѣмъ войска.

Нашей славной пѣхотѣ ни разу не было доставлено случая выказать, во всей полнотѣ ея несравненныя, боевыя качества: ни одного сраженія не удалось кончить нашимъ неотразимымъ ударомъ въ штыки.

Кавалеріи, не смотря на ея многочисленность, не только не было случая покрыться славой въ единоборствѣ съ противникомъ, считавшимся доселѣ лучшею кавалеріею въ Европѣ,—но даже не умѣли дать такого употребленія, что-бы она явилась дѣйствительно—глазами и ушами арміи. Но этого мало. Были случаи, какъ напримѣръ, подъ Дебречиномъ, гдѣ неумѣлость, малодушіе, если не трусость одного изъ начальниковъ значительной части кавалеріи, а именно, начальника 2 кавалерійской дивизіи генерала Глазенапа, дошла до того, что онъ, видя отступающій мимо себя отрядъ Надь Шандора, послѣ пораженія, ему нанесеннаго нашими главными силами, не рѣшился атаковать его во флангъ и не довершилъ его погрома, предпочтя, воспользовавшись громадностью кукурузы, совершенно скрывавшей его кавалерію отъ непріятеля, простоять на мѣстѣ, не подвергаясь случайностямъ битвы. Правда, что на другой же день, фельдмаршалъ отнялъ у генерала Глазенапа Дивизію, но все таки въ день битвы нами не были пожаты, легко намъ въ данномъ случаѣ достававшіеся лавры.

Артиллерія наша, которой, по обстоятельствамъ, приходилось играть главнѣйшую роль въ сраженіяхъ венгерской кампаніи, оказалась во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо хуже венгерской: и огонь ея не былъ такъ прицѣленъ, какъ венгерской артиллеріи,—и орудія не имѣли той дальнѣйности, что венгерскія,—и наконецъ, наша артиллерія не имѣла той подвижности, что венгерская, запряженная превосходными лошадьми, доставленными помѣщиками изъ подъ ихъ экипажей!

Далѣе. Это печальная правда, что наши грабили, гдѣ только могли.

(*) Въ доказательство приведемъ слѣдующую выписку изъ сочиненія М. Д. Лихутина, (офицера генеральнаго штаба, участника Венгерской кампаніи), „записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 году“, Москва. 1875.

„Передъ выступленіемъ въ Венгрію, главнокомандующій собралъ къ себѣ генераловъ собранихъ кругомъ Змиграда войскъ и сдѣлалъ имъ наставленіе для предстоящихъ дѣйствій..... Смыслъ наставленія выражался въ слѣдующихъ словахъ: „Дѣйствовать боевыми порядками. Боевыя порядки и боевыя порядки!“.

Извѣстно, что въ то время въ воинскомъ уставѣ для дѣйствія войскъ существовали 4 боевыхъ и одинъ резервный порядокъ.

Всѣ военные того времени помнятъ, что въ глубокой премудрости и великой пользѣ боевыхъ порядковъ были убѣждены всѣ; съ ними русская армія считалась непобѣдимой. Безъ сомнѣнія, знаніе уставовъ необходимо для военного человѣка, но оно могло прикрывать иногда совершенную неспособность, а придаваемая имъ излишняя важность, какъ всякая крайность, могла вводить начальство въ опасное заблужденіе. Слова фельдмаршала, князя Паскевича, несомнѣнно замѣчательнаго полководца, показываютъ только, что ложныя или одностороннія мнѣнія могутъ быть общи, свойственны всѣмъ арміямъ и длиться многіе годы“.

Конечно, этимъ дѣломъ трудно было заниматься регулярнымъ войскамъ, если не считать токайскаго инцидента, такъ какъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ дозволяли занимать войскамъ села и деревни, въ явный ущербъ здоровью солдатъ, обыкновенно располагая войска биваками, вмѣ поселеній; но за то козаки, мусульмане, конвойные при обозахъ, цѣлая орда деньщиковъ и фуражировъ, — охулки, что называется, не клали на руку! Эти мародеры скитались по деревнямъ оставшимся въ тылу или на флангахъ нашихъ войскъ и грабили все, что попадалось подъ руку.

Кстати, вспоминаю печальный случай по поводу одного такого грабежа, рассказанный нашими Камчатскими офицерами, бывшими въ отрядѣ барона Остенъ-Сакена, послѣ выстуленія его изъ Камшау—въ Токай.

Когда перешли Тейсу въ Токай, баронъ Дмитрій Ерофѣевичъ, чтобы остановить все болѣе развивавшійся грабежъ, отдалъ подъ судъ и приказалъ прогнать сквозь строй, десять человекъ пѣхотинцевъ и артиллеристовъ, за разграбленіе винныхъ погребовъ около Токая. По несчастію, наказаніе это понесли люди, относительно говоря, невинные. Дѣло въ томъ, что обвиненные клялись въ своей невинности, утверждая, что они, ни погребовъ, ни бочекъ съ виномъ не разбивали, а дѣйствительно виноваты только въ томъ, что не утерпѣли, что бы не напиться вина, проходя мимо растворенныхъ винныхъ погребовъ, въ которыхъ видѣли разбитыя бочки съ виномъ. По несчастію солдатики выпили крѣпкого, стараго вина, до того не въ мѣру, что тутже, у бочекъ и уснули—отъ этого и попались.

Въ дѣйствительности это дѣло было такъ, по разсказу главнаго въ немъ дѣйствующаго лица, сотника Донскихъ казаковъ Краснова, (получившаго въ эту войну Георгіевскій крестъ). Казаки того-же полка что и сотникъ Красновъ, слѣдуя въ авангардъ отряда барона Остенъ-Сакена, подъ Токаемъ разбили погреба въ виноградникахъ, понавѣсивъ имъ близъ самой дороги и порядкомъ напившись, пригласили на даровой пиръ, подходившіе во время ихъ бражничанья пѣхотные патрули и вообще проходившихъ солдатъ. Конечно добравшись до дароваго угощенія отличнымъ виномъ, солдаты неводержались какъ и казаки, вмѣстѣ съ которыми и уснули у бочекъ. Когда жители обратились къ генералу Остенъ-Сакену съ жалобой на солдатъ, грабящихъ вино, (а больше разливающихъ его, чѣмъ выпивающихъ), онъ послалъ состояшаго тогда при немъ сотника Краснова арестовать всѣхъ, кого застанетъ въ погребахъ. Красновъ, увидѣвъ между спящими своихъ, казаковъ, приказалъ своему конвою *пробудить ихъ нагайками*, что тѣ и исполнили, взявъ ихъ на своихъ лошадей и увезя въ скрытное мѣсто; причемъ пѣхотныхъ солдатъ и артиллеристовъ сотникъ Красновъ арестовалъ и представилъ начальству. Вотъ этихъ то и прогнали сквозь строй, тогда какъ казаки, виновники грабежа, отдѣлялись тѣмъ, что ихъ отдули нагайками свои же товарищи.

Что касается вообще до плана кампаніи, до веденія тѣхъ или дру-

гихъ большихъ или меньшихъ дѣлъ съ непріателемъ, то у насъ, рядовыхъ дѣйствователей арміи, при отсутствіи какихъ либо точныхъ свѣдѣній о ходѣ войны,—при совершенномъ познаніи тѣхъ пружинъ, которыя приводили въ дѣйствіе сложныя части механизма этихъ операцій,—могло ли составиться правильное понятіе о происходившемъ хотя бы и на нашихъ глазахъ,—и могли ли мы дѣлать, хотя приблизительно, вѣрную оцѣнку событій? Конечно нѣтъ. Тѣмъ не менѣе и въ нашей средѣ подтверждалась справедливость замѣчанія какого-то военнаго писателя, сказавшаго, что послѣ войны, нѣтъ прапорщика, который не обсуждалъ бы дѣйствій своего главнокомандующаго и не относился бы къ нимъ критически, утверждая, что если бы главнокомандующій, въ такомъ то дѣлѣ пошелъ не сюда, а туда,—или сдѣлалъ бы не то, что онъ сдѣлалъ, а вотъ это—то исходъ дѣла былъ-бы другой, болѣе благопріятный!! И по нашей арміи бродили критическіе взгляды на многія изъ главныхъ и второстепенныхъ событій и отзывы неблагопріятные объ искусствѣ нашихъ военачальниковъ. Впрочемъ, главнѣе всего у насъ порицалось то фальшивое освѣщеніе, которое придавали чуть ли не каждому изъ болѣе замѣчательныхъ событій войны, преувеличивая наши успѣхи, скрывая неудачи, или такъ ихъ обставляя, что онѣ являлись чуть не подвигами!

Упрекали фельдмаршала Паскевича за медленность подъ Вайценомъ, гдѣ не атаковавъ Венгерцевъ 4 іюля, когда наша армія стала лицомъ къ лицу съ Гергеємъ, отступившимъ отъ Коморна, и отложивъ атаку его, подъ предлогомъ утомленія войскъ, а въ сущности ввиду собственнаго своего утомленія, до слѣдующаго дня, (при чемъ и въ этотъ день приступили къ атакѣ слишкомъ поздно), тѣмъ далъ возможность Гергею благополучно уйти отъ нашихъ силъ, далеко превосходившихъ его въ числѣ.

Упрекали фельдмаршала за то, что послѣ Вайценскаго дѣла, онъ не позволилъ графу Ридигеру, рѣши его силами преслѣдовать Гергея, воспретивъ ходить далѣе Баласъ Дьярмать, тогда какъ это преслѣдованіе, вмѣстѣ съ движеніемъ главныхъ силъ на перерѣзъ Гергею, не допуская его къ Тейсѣ и вмѣстѣ со встрѣчей Венгерцевъ корпусомъ Чеодаева, у Мишкольца, могло поставить Гергея между двухъ огней и въ необходимость принять сраженіе, которое неминуемо кончилось бы въ нашу пользу, по значительному превосходству нашихъ силъ и потому, что и теперь, однимъ послѣднимъ отступленіемъ отъ Вайцена, Венгерская армія уже значительно была разстроена, каковое разстройство, постояннымъ преслѣдованіемъ Ридигера, могло быть доведено до значительныхъ размѣровъ.

Упрекають фельдмаршала за бесполезное движеніе корпуса Чеодаева къ Дебречину, имѣвшее послѣдствіемъ отступленіе этого отряда опять на правый берегъ Тейсы и бесполезное утомленіе войскъ.

Упрекають фельдмаршала за многократное движеніе корпуса Чеодаева, взадъ и впередъ, между Мишкольцемъ, Конольно и Мезо-Кеведзомъ, что

даже вызвало сочиненіе юмористической солдатской пѣсни, одинъ изъ куплетовъ которой гласилъ:

Чемоданчикъ (*)—молодецъ,

Бралъ шесть разъ Мезо-Кеведзъ.

Паскевичъ кричить: „довольно,

Не ходи больше въ Копольно!“ и т. д.

Упрекали фельдмаршала за отсутствіе въ арміи зоркаго наблюденія за движеніями противника, до того, что послѣ Вайценскаго дѣла и отступленія отъ Баласъ-Дьярмата, Гергей, со всею арміею, исчезъ у насъ изъ виду и главная квартира, располагавшая относительно огромными денежными средствами, не знала, одно время, гдѣ онъ находится, что предпринимаетъ и куда направился? Неизвѣстность эта вызвала прискорбныя послѣдствія, между которыми видную роль занимаетъ рассказанное выше, наше постыдное бѣгство изъ Кашау и даже изъ Эперіеса.

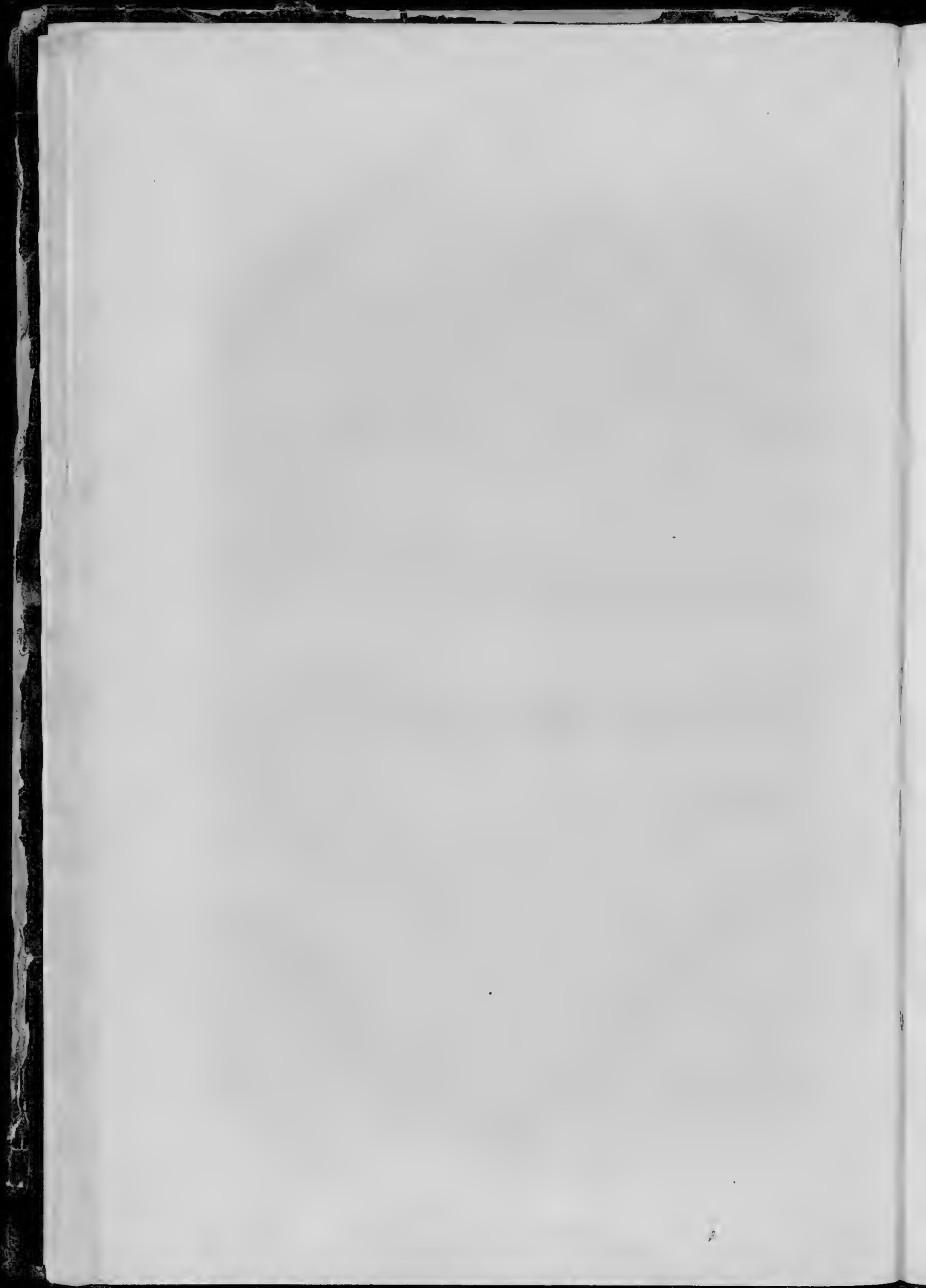
Упрекаютъ Фельдмаршала за Мишкольцское дѣло Чеодаева, безцвѣтное, не смотря на значительность нашихъ силъ и артилеріи въ особенности, и не имѣвшее другихъ результатовъ, кромѣ напрасной потери нашей въ людяхъ, хотя при другомъ образѣ дѣйствій, дѣло это могло имѣть гибельныя для Гергея послѣдствія.

Упрекаютъ князя Варшавскаго и за Дебечинское дѣло, въ которомъ мы также не воспользовались имѣвшимися у насъ силами и средствами, всецѣло отдавшись, можно сказать, забавѣ построенія войскъ въ одинъ изъ нашихъ излюбленныхъ тогда боевыхъ порядковъ, при томъ, точно на смѣхъ, начавъ таковое построеніе за 20 верстъ отъ непріятельской позиціи, вмѣсто того, чтобы припятіемъ соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ энергическихъ мѣръ, ничтожную горсть Венгерцевъ, по случайной дерзости ея вождя, рѣшившуюся противу стать нашимъ грознымъ силамъ,—или уничтожить, или—захватить всю (**) живьемъ.

(*) Командиръ 4 корпуса, генералъ Чеодаевъ.

(**) Венгерцами командовалъ Надъ-Шандоръ, за искусное командованіе кавалеріей и личную отвагу прозванный „Венгерскимъ Мюратомъ“,—онъ повѣшенъ австрійцами по окончаніи кампаніи.

Дебечинскаго сраженія Надъ-Шандоръ, по несообразности своихъ силъ, не долженъ былъ принять, тѣмъ болѣе, что слѣдуя убѣдительнымъ просьбамъ своихъ начальниковъ частей, имѣлъ полную возможность спастись своевременнымъ отступленіемъ. По несчастію для венгерцевъ русскіе начали наступленіе въ моментъ, когда Надъ-Шандоръ съ товарищами пировали на банкетѣ, данномъ въ честь ихъ городскимъ муниципалитетомъ. Пріѣхавъ въ дѣло прямо съ пира Надъ-Шандоръ увлекся, принявъ бой и былъ разбитъ на голову.

23 Августа, кр. Мункачъ.

Небольшой, но хорошенькій городъ у подошвы Карпатскаго хребта. Древняя крѣпость, господствующая надъ городомъ, замыкаетъ собою выходъ одного изъ карпатскихъ ущелій, ведущаго на удобный перевалъ, въ Галицію. Крѣпость эта, или лучше, средневѣковый укрѣпленный замокъ, построена верстахъ въ полтора отъ города, на большой, отвѣсной скалѣ (*). Съ городского моста видъ на крѣпость, съ утесистыми, лѣснатыми, дооблачными высми Карпатъ, составляющими какъ бы фонъ картины—восхитителенъ. Эту картину дополняетъ рѣка Латорица (Latoriza), бѣшено вырывающаяся изъ Карпатскихъ тѣсинъ, у подошвы горы, на которой красуется, въ густой растительности, древній униатскій монастырь.

Мункачскую крѣпость, всю войну занималъ венгерскій гарнизонъ, состоявшій изъ 400 человекъ, при 20 орудіяхъ, положившій оружіе, за нѣсколько только дней до нашего прихода, предъ генераломъ Карловичемъ, пославшимъ коменданту письменное приказаніе Гергея, сдаться русскимъ, безъ сопротивленія. Этотъ небольшой венгерскій гарнизонъ имѣлъ блистательный успѣхъ въ столкновеніи съ австрійскимъ отрядомъ, явившимся наблюдать за крѣпостью;—австрійцы въ этомъ столкновеніи были совершенно разбиты и разсѣяны.

Здѣсь дошелъ до насъ непріятный слухъ о томъ, что подъ Гросвардейномъ, по приговору военно-полевого суда, растрѣляны корнетъ гусарскаго Эрцъ-Герцога Фердинанда австрійскаго полка—Руликовскій.

Это былъ блестящій юноша, лѣтъ 21—22-хъ, его знали многіе изъ моихъ товарищей за славнаго малаго и лихаго кавалериста. Свидѣтелями его молодчества были нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ въ Кременецѣ, когда тамъ, передъ кампаніей, стоялъ штабъ 4 кавалерійской дивизіи генерала Засса, а въ караулѣ полкъ Фердинандскихъ гусаръ, въ которомъ служилъ и Руликовскій.

Надъ городомъ Кременцомъ, почти отвѣсно, подымается значительная конусообразная гора, съ замкомъ на вершинѣ, нѣкогда основанномъ, будто бы, королевою *Боною*, отчего и самая гора носитъ имя „*Бони*“. Поднятая на эту гору со стороны города, даже пѣшкомъ, не для каждаго возможно: ребра горы покрыты обнаженными скалами, мѣстами отвѣсными. На вершину горы ведутъ: тропинка и дорога со стороны противоположной городу. Вотъ, въ означенное то время, проходилъ черезъ Кременецъ, съ Кав-

(*) Есть преданіе, что послѣ татарскаго погрома прикарпатскихъ странъ, Русины пришли сюда изъ Подолья съ княземъ своимъ Федоромъ Кариатовичемъ и заняли сперва берега Уни и Латорицы, а потомъ Тейсы. При этомъ князь Федоръ видѣлъ въ одну ночь ангела, ходящаго по водамъ Латорицы и указывавшаго ему на гору Чарнецкую. На этой горѣ князь построилъ Мункачскій монастырь, а на другомъ берегу, на отдѣльной высокой и крутой горѣ, красивый мункачскій замокъ (называвшійся при королевскомъ дворѣ „золотымъ яблокомъ“). Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ Карпатской Руси. Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя Царей и славныхъ подвижниковъ: Ракочія, Текелія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная угорская героиня, Елена Зринька.... А. Дешка. „О Карпатской руси“, „Кіевская Старина“ 1884. Ноябрь. Стр. 538.

каза, отрядъ горцевъ—мусульманъ и линейныхъ казаковъ, слѣдовавшій въ конвой къ Фельдмаршалу. Начальникъ дивизіи Зассъ любитъ пожить и повеселиться. Онъ воспользовался проходомъ кавказскихъ удалцевъ, чтобы хотя сколько нибудь разцвѣтить скучную жизнь въ Кременцѣ и устроилъ гостямъ угощеніе, праздникъ и пиръ горой. На этомъ праздникѣ затѣялась джигитовка и горцы, на своихъ привычныхъ коняхъ, бросились на гору „Бону“, на примыкъ, со стороны города и путемъ которымъ не могъ вскорабкаться почти ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей, взобрались верхомъ на самую вершину горы!

Разумѣется, это молодечество пропзрело общій восторгъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сильно задѣло самолюбіе Фердинандскихъ гусаръ, въ которыхъ никто и не предполагалъ возможности подобной удали что тутже и было выражено многими. Но, явился и между гусарами молодець, который бросился на своемъ конѣ по тому же пути, по которому поднялись на вершину „Боны“ горцы и... взобрался на нее!..

Удалецъ этотъ былъ корнетъ Руликовскій. Теперь его разстрѣляли, какъ оказывается, за позорное дѣло. Полякъ въ душѣ, онъ въ началѣ еще войны, не только самъ, лично, передался Венгерцамъ, но предаль имъ постъ, которымъ командоваль.

Разсказываютъ, что гусары, стоявшіе съ Руликовскимъ на аванпостахъ, увидѣли предательство своего офицера и не дались добровольно Венгерцамъ, а дрались съ ними до послѣдней крайности, при этомъ нѣкоторые были убиты, другіе, тяжело раненые, взяты въ плѣнъ, а нѣкоторые, тоже раненые, но легко, усаkali.

Въ числѣ венгерцевъ, положившихъ оружіе подъ Гросвардейномъ, былъ—и Руликовскій.

Не понятно, какъ онъ рѣшился сдаться? и почему не бѣжалъ, какъ сдѣлали многіе другіе, болѣе или менѣе скомпрометированные?

Говорять Фельдмаршалъ всеми способами старался найти благовидный предлогъ смягчить приговоръ суда и будто бы шесть разъ отказывался подписать конфирмацію, всякій разъ находя какую нибудь причину приказать—еще разъ пересмотрѣть дѣло; но ясность факта и очевидность вопіющаго преступленія, наконецъ, заставили главнокомандующаго подписать приговоръ.

Желаніе князя Паскевича спасти Руликовскаго объясняютъ тѣмъ, что Фельдмаршалъ хорошо знаетъ родителей Руликовскаго, своихъ ближайшихъ сосѣдей по Гомелю.

Говорять, Руликовскій, когда ему объявили казнь на утро, посѣдѣлъ въ одну ночь!

25-го Августа, Альзо-Верецне.

Отъ Муккача, мы пошли чрезвычайно живописнымъ карпатскимъ ущельемъ, лѣсистыя ребра котораго возвышаются какъ бы до небесъ, будто сжимая бѣшено бьющуюся въ ихъ объятіяхъ горную рѣчку Латорицу. По ея извилистому берегу проложено довольно узкое шоссе. Ущельемъ этимъ долженъ былъ вступитъ въ Венгрію нашъ драгунскій корпусъ, но по измѣнившимся обстоятельствамъ ему дали другое направленіе. Впрочемъ, первоначальное назначеніе корпусу этому слѣдовать черезъ Мункачъ имѣло для насъ собственно благопріятное значеніе, такъ какъ облегчало наше настоящее движеніе, черезъ названный городъ, въ Галицію.

Дѣло въ томъ, что путь за Мункачемъ, мы нашли совершенно проходимымъ, не только для насъ, но для обозовъ и артиллеріи, тогда какъ нѣсколько времени назадъ, онъ былъ сдѣланъ Венгерцами совершенно недоступнымъ. Ожидая нашего наступленія изъ Галиціи, Венгерцы во множествѣ болѣе узкихъ мѣстъ ущелья, перехватили его широкими и глубокими рвами, образовавъ съ тѣмъ вмѣстѣ, по шоссе, отъ одной стѣны ущелья до другой, громадные завалы изъ вѣковыхъ деревьевъ, тутъ же срубленныхъ и сваленныхъ съ реберъ ущелья, приваливъ эти деревья большими каменными глыбами, оторванными и сброшенными съ ближайшихъ скалъ. При невозможности обойти баррикадированныя Термоилы, въ случаѣ защиты ихъ непріателемъ, нашимъ войскамъ пришлось бы брать ихъ прямо въ лобъ. Сколько при этихъ штурмахъ легло бы людей!! Независимо отъ заваловъ, въ нѣсколькихъ, болѣе удобныхъ для защиты противъ наступающаго непріателя, пунктахъ, были устроены Венгерцами замаскированныя батареи и мины, подведенныя не только подъ шоссе, но и въ стѣны ущелья, которыя, при наступленіи нашихъ войскъ, предстояло взорвать, чтобы однихъ изъ насъ поднять на воздухъ, а остальныхъ завалить обломками взорванныхъ скалъ. Слава Богу, что кончилась война и только потъ человѣческій потраченъ на уничтоженіе этихъ баррикадъ и другихъ искусственныхъ препятствій, устроенныхъ Венгерцами—а не кровь.

Изъ Муккача мы поѣхали нѣсколько верстъ восторону, въ горы, на превосходный, чугунный заводъ графа Шенброга, одного изъ первостатейныхъ венгерскихъ богачей, которому принадлежать, между прочимъ, земли, начиная отъ Берегъ-Саса, чуть ли не до самой Галиційской границы. Заводъ весьма внушительныхъ размѣровъ, хорошо содержанъ, отличается изяществомъ своихъ мелкихъ издѣлій. Мы закупили, на память, подсвѣчниковъ и различныхъ принадлежностей письменнаго стола, а я, кромѣ того, приобрѣлъ отлично исполненный, бюстъ Кошута, только, удастся ли мнѣ провезть его черезъ границу? Пожалуй, придержатся, скажутъ: революціонеръ!—и конфискуютъ!...

Ночлегъ намъ былъ назначенъ въ д. Полена, (вѣроятно, славянская *Полина*?) лежащее на шоссе, но мы какъ то свернули съ него вправо и дорожка, намъ показавшаяся, вывела насъ въ д. Шалива. (Szalyva).

Не стану повторять невольно вырывающихся возгласовъ о красотахъ мѣстной природы, чаровавшей насъ на каждомъ шагѣ, начиная отъ самого Муккача. Скажу только, что одна восхитительная картина смѣнялась предъ нами другою восхитительнѣйшею, какъ бы въ движущейся панорамѣ.

Опять пошли бѣдныя словацкія деревушки съ ихъ бревенчатыми постройками, крытыми соломой, или на половину соломой, на половину дранью, съ ихъ жалкою, нищенскою обстановкою домашней жизни горцевъ, особенно тяжелой къ концу зимы и вначалѣ весны, когда они едва не умираютъ съ голоду. Жители жалуются на крайній недостатокъ состоящей въ ихъ пользованіи годной къ обработкѣ земли, разбросанной клочьями по горамъ и ущельямъ. Единственную отраду жизни этихъ бѣдняковъ составляетъ водка—*поленка*—по туземному; скверная на вкусъ, но крѣпкая, ими самими выгоняемая, за которую они готовы пожертвовать всею, кажется даже жизнью!

Въ красномъ углу избы словака—столъ; кругомъ него—лавки; при вхождѣ, направо отъ двери жилого покоя—печь, вродѣ нашей русской; налѣво—поставецъ съ глиняной посудой; въ избѣ неопрятно, какъ въ нашей, крестьянской; тутъ же молодая скотина, насѣдки въ лукошкахъ; груды лохмотій составляютъ постель. Словомъ, чрезвычайное сходство обстановки съ таковою же нашего бѣдняка крестьянина, какойнибудь Тульской или Орловской губерніи.

Жиденокъ—нашъ возчикъ, привезъ насъ въ д. Шаливѣ. въ домъ къ своимъ соплеменникамъ. Оказалось, что нашъ хозяинъ—арендаторъ имперальнаго ключа, тутъ же на площадкѣ, въ деревнѣ, наполняющаго большой резервуаръ, превосходною на вкусъ водою, нѣсколько похожею на зелтерскую, кипящею и пѣнящеюся въ стаканѣ отъ небольшой примѣси вина, отчего она получаетъ пріятный, острый вкусъ. Въ Карпатахъ много такихъ источниковъ. Здѣшній—на откупѣ у нашего хозяина, который платитъ его владѣльцу, графу Шекброгу, 300 рейнскихъ—минцъ, въ годъ, за право эксплуатаціи источника, а самъ продаетъ его воду бочкамъ, по 30 крейцеровъ за каждую. По словамъ арендатора, операція эта не даетъ ему ни какого дохода, но незначительности сбыта воды источника. Очень можетъ быть, что арендаторъ говоритъ правду, но невозможно предположить, чтобы онъ занимался этою операціею изъ любви къ искусству, а вѣрнѣе, что это арендованіе служитъ ему предлогомъ имѣть оседлость въ этой деревушкѣ, какъ паукъ раскидывая въ ней свои сѣти, которыми, конечно, опутаны окрестные жители, доставляющіе обезпеченныя средства существованія этому гешефтъ-мастеру.

Вообще здѣшніе евреи своимъ проходимствомъ, подвижностью и плутоватостью, нисколько не уступаютъ нашимъ, находясь въ лучшемъ, сравнительно съ ними, положеніи. У насъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, евреямъ все-таки подрѣзаны крылья, а здѣсь, этимъ орламъ, свободенъ полетъ къ ихъ солнцу—наживѣ, во всѣхъ ея видахъ и формахъ.

Въ Галиціи и Венгріи евреи пользуются правами всѣхъ прочихъ гражданъ страны, а слѣдовательно, имѣютъ право всюду приобрѣтать недвижимую собственность, что передало въ ихъ руки множество лучшихъ имѣній Галиціи, особенно послѣ извѣстнаго избіенія пановъ. Промышленность и торговля этихъ странъ давно въ еврейскихъ рукахъ и надо думать, что не далеко то время, когда они сдѣлаются господствующимъ племенемъ если не въ Венгріи, то въ Галиціи—непремѣнно.

Мы пошли на площадку посмотреть ключъ. Онъ почти у подошвы горы, бьетъ вверхъ, въ деревянный резервуаръ. Кругомъ ключа грязь и нечистота; ни навѣса, ни скамѣекъ, ни стока, для переполняющей бассейнь воды. Ясно изъ этого видно, въ чьихъ рукахъ этотъ источникъ! За то отъ источника на всѣ стороны какая раскидывается картина! Надъ ключемъ утесистая гора, поросшая крупнымъ, густымъ лѣсомъ, подпираетъ облака; на право—то же прихотливые перевивы утесовъ, пестрыхъ скалъ и темнаго лѣса, изъ котораго выглядываютъ купола небольшой церкви;—на лѣво въ ущельи деревня и красивыя, каменные постройки помѣщичьей усадьбы;—прямо передъ нами—обставленная горами долина, прорѣзанная вьющеюся по ней дорогою, будто вливающейся въ утесистыя, лѣсистыя громады, уже подернутыя синевою вечерющаго дня; а тутъ, у самой площадки, надъ которой стоимъ теперь, бѣшено несетъ горный потокъ, прыгая съ камня на камень, весь въ брызгахъ и пѣнѣ. Горный потокъ этотъ, съ мостикомъ, перекинутымъ съ одного крутаго берега его на другой—отлогій, на которомъ какъ то необыкновенно свалены громадныя деревья, служа ему устоемъ; съ полуразрушенною водяною мельницею,—составляетъ, въ этой чудной горной обстановкѣ, нѣчто столь прекрасное и поэтическое, что такъ и просится подъ кисть пейзажиста.

Но стало смеркаться и внезапно сдѣлалось холодно; при томъ же мы сильно проголодались и потому очень были рады поглотить предложенный нашимъ хозяиномъ-евреемъ ужинъ и вино, за что онъ, при расчеѣ, взялъ съ насъ очень недорого. За тѣмъ мы поторопились въ дальнѣйшій путь, что бы во время догнать своихъ. Насъ повезъ все тотъ же жиденокъ, который насъ доставилъ сюды и который скоро опять потерялъ дорогу и завезъ насъ въ русло какой-то рѣчки. Положеніе наше начало терять свой комическій характеръ, благодаря ночной темнотѣ, пробиравшей насъ сырости, холоду и очевидной невозможности выбраться изъ русла рѣки, по крутизнамъ ея береговъ. Около часа мы ѣздили по рѣкѣ взадъ и впередъ, ежеминутно рискуя попасть въ какой нибудь омутъ и наконецъ рѣшились было остановиться посреди рѣки и терпеливо ждать разсвѣта, какъ вдругъ, какимъ-то чудомъ, увидѣли возможность взобраться на берегъ и за тѣмъ, скорехонько попали на дорогу, которая и привела насъ въ д. Поленку, гдѣ нашли своихъ товарищей, давно покоившихся спокойнымъ сномъ.

26-го Августа. Тамъ же.

Сегодня получено приказаніе послать офицера въ г. Рогатинъ, занять помѣщенія для полковаго штаба; осмотрѣть назначенныя намъ зимовыя квартиры вокругъ этого города и ѣхать въ Лембергъ доложить начальнику дивизіи о результатахъ этого осмотра и степени удобства предполагаемаго размѣщенія полка? Найдется ли на мѣстахъ достаточно для него продовольствія и тому под.

Добрый баронъ Фитингофъ, продолжающій показывать мнѣ свое расположеніе съ самого вступленія въ командованіе нашимъ полкомъ, возложилъ на меня это порученіе.

Ѣду сейчасъ.

29-го Августа. Г. Стры, въ Галиціи.

Порученіе на меня возложенное, привело меня въ восторгъ. Товарищи завидуютъ. „Экій счастливецъ!“—говорятъ—теперь вольнымъ казакомъ гуляй нѣкоторое время по Галиціи; располагай своимъ днемъ какъ вздумается; забудь на время труды походной жизни, ея однообразіе, служебныя заботы... Погода прелестная. Предстоитъ настоящая прогулка!

До станціи Козіова я доѣхалъ верхомъ, а далѣе покатишь на почтовыхъ. Правда, мнѣ дали какую то крошечную крестьянскую телѣжку, на которой мы съ унтеръ-офицеромъ, при мнѣ состоящимъ, едва успѣли; пара маленькихъ почтовыхъ клячъ едва бѣжала мелкою рысцой; на козлахъ подпрыгивалъ крестьянинъ въ коричневой свиткѣ, съ единственнымъ отличіемъ его важнаго сана, почтаря—рожкой, перекинутымъ черезъ плечо на шнуркѣ австрійскихъ цвѣтовъ, желто-черномъ; но за то отъ Альзо-Верецке до самой станціи Школе, я былъ въ величайшемъ восторгѣ. Предо мною, во весь этотъ путь, на всякомъ шагу, открывались такіе картинные виды грандіозной карпатской природы, что я не только не понукалъ своего возницу, но, напротивъ, иногда останавливалъ его и подолгу всматривался въ окружающее. На этомъ переѣздѣ я совершилъ перевалъ черезъ гребень Карпатъ. Гора на горѣ. День совершенно ясный и облака не заволакиваютъ ни одной вершины. Роскошныя лѣса вѣковаго бука, граба, ясени, окутали темными покровами мѣстами выдающіеся изъ нихъ ники, скалы и утесы, самыхъ прихотливыхъ, фантастическихъ формъ. Какъ бѣлая лента, вьется между этихъ громадъ узкая почтовая дорога, то пробираясь по берегу скачущаго по камнямъ потока, то удаляясь отъ него и всползая на высоты. Но можно ли *разсказать* картины, на всякомъ шагу здѣсь встрѣчающіяся? Если

и способна дать о нихъ нѣкоторое понятіе, то только кисть талантливаго художника, и то только—*нѣкоторое*. Надо видѣть эти картины собственными глазами, чтобы очароваться ими и не забыть ихъ никогда.

Но вотъ, лѣса рѣдѣютъ, мельчаютъ, голые утесы громоздятся одинъ на другой; мѣстами по нимъ разбѣгается кустарникъ. Мы совершили перевалъ. Начинаемъ спускаться, и опять лѣса и лѣса, но еще темнѣе, еще мрачнѣе только недавно нами покинутыхъ. Вотъ будто выбѣжали намъ на встрѣчу съ далекой родины, привѣтствовать наше возвращеніе, родныя, сѣверныя ели. Онѣ, темными тучами, облегли все пространство, своимъ присутствіемъ дали другой тонъ картинѣ, дохнули на насъ другимъ воздухомъ...

Мы спускались быстро. Въ Школе перемѣнили лошадей; отсюда до Стры холмистая карпатская подошва мало по малу перешла въ равнину. Дорога тянулась по берегу р. Стры. Населеніе густое, на всякомъ шагу попадаются деревни; но, какъ отличны онѣ своимъ наружнымъ видомъ отъ венгерскихъ. Тамъ каждая деревня—городокъ. Тамъ что ни деревня—ландшафтъ; здѣсь далеко уже не тотъ живописный характеръ поселеній. Чѣмъ дальше уѣзжаешь отъ Карпатъ, тѣмъ больше и мѣстность и ея обитатели, со множествомъ жидовъ между ними, напоминаютъ нашу Подольскую губернію. Стры—областной городъ, довольно хорошо обстроенный и людный.

30-го Августа, г. Рогатинъ.

Заявилъ мѣстнымъ властямъ требованіе: объ указаніи мнѣ и очищеніи квартиръ для полковаго штаба и о снабженіи меня необходимыми статистическими данными. Власти встрѣтили меня, по видимому, очень привѣтливо и обѣщали исполнить всѣ мои требованія въ самомъ непродолжительномъ времени. Думаю: чтоже мнѣ тутъ дѣлать пока пройдетъ это *непродолжительное* время? Смотрѣть здѣсь нечего, городъ дрянной; знакомиться? по какъ и съ кѣмъ? всѣ встрѣчаютъ, хотя и привѣтливо, но официально, и къ себѣ ни кто не зоветъ. Воспользуюсь свободнымъ днемъ-другимъ, — покачу въ сосѣдній Галичъ, древній столичный городъ Червоной Руси. Задумано — сдѣлано. Опять почтовая пара, опять ѣду по прекрасной, ровной дорогѣ, по богатой обработанными полями мѣстности, люблюсь безпрестанно попадающимися деревнями.

31-го Августа, г. Галичъ.

Хотя мой возница и оказался галицкимъ жителемъ, но на мои распросы, даже при видѣ живописныхъ развалинъ древняго галицкаго кремля на высотѣ холма, возвышающагося на крутомъ правомъ берегу Днѣстра, холма, названнаго имъ „Галицкой горой“, не могъ мнѣ сообщить ничего интереснаго, что сохранилось бы въ народныхъ преданіяхъ о прошломъ этого города, кромѣ того, что Галичъ старицу будто бы былъ такъ великъ, что съ высоты замковыхъ стѣнъ нельзя было окинуть взоромъ его предѣловъ. Впрочемъ мой возница оказалъ мнѣ ту услугу, что привезъ меня на квартиру къ почтенному старику, мѣстному сторожилу, знавшему, по словамъ моего извозчика, всю подноготную объ этомъ древне-русскомъ уголкѣ. Здѣсь я встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Мой почтенный хозяинъ—большой русскій патриотъ. Любовь къ Россіи, по его словамъ, передается въ его семействѣ издревле, изъ рода въ родъ. Мы объяснялись съ нимъ на какомъ-то смѣшанномъ, полупольскомъ, полурусскомъ языкѣ и хорошо понимали другъ друга. Старикъ до сыта накормилъ меня, угостилъ венгерскимъ виномъ и пошелъ со мной бродить по городу и его окрестностямъ.

Галичъ дрянной, жиновскаго городишко въ долині, образуемой впадениемъ въ Днѣстръ рѣченокъ Луковы и Ломницы.

Мой путеводитель указалъ мнѣ на церковь во имя Рождества Христова, имѣющую болѣе 800 лѣтъ, въ которой будто бы крестили и хоронили русскихъ князей; однако же надгробій ихъ мнѣ указать не могъ, говоря, что онѣ уничтожены во времена польскаго владычества.

Съ развалинъ древняго Галицкаго замка, построеннаго на мѣстѣ еще болѣе древняго русскаго дѣтища или кремля, предъ нами открылась великолѣпная картина излучистаго теченія Днѣстра, въ пологихъ берегахъ, пещерныхъ перелѣсками, озерами, рѣчками, пашнями, лугами, поселеніями и хуторами. Вотъ что разсказалъ мнѣ старикъ—хозяинъ. Днѣстръ не очень давно переимѣнилъ свое теченіе. Теперь онъ омываетъ холмъ, на которомъ рисуются развалины замка, а въ прежнія времена онъ пробѣгалъ верстахъ въ четырехъ отъ этой мѣстности.

По преданію, нѣкогда Галичъ былъ огромный городъ, заключалъ въ себѣ до 400,000 жителей и обнималъ собою пространство, занимаемое нынѣ деревнями и селами: Буриння, Богусевецъ, Блудники, Тустанъ, Крылая.

Народъ доселѣ сохранилъ память о Батыевомъ погромѣ Галича, (въ 1240 году) въ смутныхъ, эпизодическихъ разсказахъ и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ, а также въ пѣсняхъ.

Разсказываютъ: Татары разбили Галичанъ въ двухъ битвахъ: во первыхъ—подъ городомъ и во вторыхъ—на мѣстности нынѣ существующей деревни Тенятники, гдѣ будто бы *загнали* бѣгущихъ, искавшихъ спасенія, жителей въ *тенета*.

Въ селеніи Роздыны доселѣ существуетъ фамилія *Терливыцъ*. Говорятъ, фамилія эта сохранилась за потомками одного семейства, пострадав-

шого при нашествіи Бытая. Когда городъ взяли Татары, мужъ съ женою и двумя маленькими дѣтьми прибѣжали къ Днѣстру, чтобы спастись. Мужъ не умѣлъ плавать и съ однимъ ребенкомъ остался на берегу, тогда какъ съ другимъ жена переплыла черезъ рѣку, и *терпѣла* (страдала), видя, какъ ея молодого мужа и другаго ребенка Татары подняли на конья.

Во время батыева погрома бѣжалъ изъ города священникъ съ молодою женою и спрятался въ болотѣ. Несчастная женщина родила въ этомъ убожищѣ и, чтобы ребенокъ крикомъ своимъ не привлекъ татаръ—утопила его. Урочище это доселѣ называется, „*Тобола*“; т. е. „вотъ такъ боль! вотъ такъ страданіе! Мука!“

Одно урочище называется *Мочи хвостъ*. Разказываютъ, что на этомъ мѣстѣ была такая свалка съ татарами, что конскіе хвосты мочились въ кровавыхъ потокахъ.

Поле подъ Галичемъ носитъ имя *Ржезъ долина*, т. е. долина рѣзни. Какъ странно устроенъ человекъ: гдѣ въ преданіяхъ жива память великихъ *радостей* народныхъ? Бывали же, вѣдь, таковыя! А память о *бѣдствіяхъ*, хотя бы и въ смутныхъ образахъ, изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія переходитъ къ поколѣнію, и нѣтъ кажется живаго мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ мрачнаго памятника!... (*).

(*) Теперь, черезъ 35 лѣтъ, переписывая эти строки, какъ то невольно вспоминается а сколько въ эти годы, на нашихъ глазахъ, прибавилось таковыхъ же памятниковъ! Сколько новыхъ, страшныхъ именъ давалось въ послѣднее время и дается еще въ настоящія, быть можетъ, минуты разнымъ урочищамъ, напримѣръ въ Македоніи!!!!

Впрочемъ, прибавимъ себѣ въ утѣшеніе. Весною 1878 года и осенью того-же года. мы были ближайшими свидѣтелями, какъ при вѣздѣ въ каждую деревню Софійской губерніи, въ Болгаріи, жители, по нашему совѣту, сажали *по семи деревъ* въ память *счастливаго* дня своего освобожденія.

„Пусть, говорятъ Болгары,—наши внуки и правнуки приходятъ подъ тѣнь этихъ деревъ благословлять ими братьевъ-русскихъ!“.... Прим. 1883.

2 Сентября, г. Рогатинъ.

Завтра ѣду въ Лембергъ. Побоялся изъ Галича проѣхать дальше, чтобы продолжительнымъ отсутствіемъ не затруднить себѣ исполненія возложеннаго на меня порученія. А хотѣлось посмотрѣть сосѣдній городъ *Станиславовъ*.

Онъ интересовалъ меня тѣмъ, что его горожане, преимущественно поляки, чуть-ли не явно враждовали австрійцамъ, съ самого начала смутъ. Мнѣ рассказывали такой случай изъ той эпохи.

Командиру Венгерскаго эскадрона, ротмистру Ленкай было приказано заставить силою образовавшуюся изъ поляковъ, въ г. Станиславовѣ, народную гвардію сдать имѣвшееся у ней оружіе, чего она не хотѣла исполнить добровольно. Когда Ленкай, приступивъ къ выполненію этого распоряженія, выѣхалъ съ эскадрономъ на площадь и потребовалъ отъ выстроившейся народной гвардіи сдачи оружія, то учащаяся молодежь, обыкновенно здѣсь, по польскому обычаю называемая *студентами*, начала кричать: „*Źyvat* Ленкай!“ ротмистръ не обратилъ было вниманія на эти крики, но ихъ подхватилъ весь народъ, запрудившій площадь, махая шляпами, а женщины платками. Эта овація такъ подѣйствовала на Ленкая, что онъ сошелъ съ лошади и приказалъ сѣсть эскадрону. Студенты подхватили гусарскихъ лошадей. Жители принесли вина и началось угощеніе солдатъ и братскія объятія съ жителями. Оружіе у народной гвардіи Ленкаемъ отобрано не было.

Когда дошло объ этомъ событіи до властей, Ленкай былъ арестованъ, но тутъ разыгрался Венгерскій мятежъ и Ленкай, Венгръ родомъ, бѣжалъ къ своимъ и сдѣлался во время войны однимъ изъ венгерскихъ военачальниковъ.

Получено приказаніе отправить въ крѣпость-Брестъ Литовскъ, всѣ оставленные нами въ г. Дубно полковыя тяжести, офицерскія и солдатскія вещи.

Это распоряженіе объясняютъ тѣмъ, что первоначальное приказаніе о расположеніи нашемъ на зимовыхъ квартирахъ въ Галиціи отмѣняется и мы идемъ къ границамъ Пруссіи, вслѣдствіе какихъ-то возникшихъ у насъ недоразумѣній съ этимъ государствомъ.

16 Сентября, г. Кременецъ, на Волыни.

Венгерская кампанія пронеслась какъ сонъ.

Вотъ мы и дома и только смутное воспоминаніе осталось отъ недавняго прошлаго.

Обратный путь въ Россію, начиная отъ г. Рогатина, совершенно мною на почтовыхъ, слѣдовательно—такъ быстро, что мнѣ некогда было вести своихъ записокъ и я теперь возстановляю свои путевыя впечатлѣнія по памяти.

Мы пробыли въ Лембергѣ нѣсколько дней, чтобы, такъ сказать, надышаться чужеземнымъ воздухомъ, насмотрѣться на жизнь совершенно иначе сложившуюся, чѣмъ наша; повеселиться сколько можно больше,—все это ввиду возвращенія къ той захолустной жизни, какую намъ, черезъ нѣсколько дней, предстояло опять повести, въ какомъ нибудь глухомъ уголку Волыни!

И то сказать, мы въ Лембергѣ пожили бы на славу, да денегъ то у насъ было мало, такъ какъ сентябрьскую третью нашего жалованья, намъ не выдавали раньше нашего возвращенія въ Россію, вѣроятно въ тѣхъ видахъ, чтобы мы не оставили всѣхъ этихъ денегъ за границей. Еще счастье, что тѣмъ изъ насъ, кому полагались верховныя лошади, давалось столько фуража, что мы, разумеется не имѣя всѣхъ лошадей назначенныхъ намъ по положенію, получали отъ кого слѣдовало фуражъ не натурой, а деньгами, операція—доставлявшая намъ порядочныя средства, при высокой справочной цѣнѣ овса, по 12 р. сер. за четверть.

Однако, какъ ни весело, какъ ни разнообразно за границей, а все таки было что-то такое, что тянуло въ Россію—и вотъ мы въ г. Бродахъ.

Едва мы вступили въ это жидовское царство, какъ насъ осадили жидаы. Мало того, что они намъ предлагали всевозможные товары, совершенно за безцѣнокъ, по сравненію съ цѣнами такихъ-же товаровъ у насъ продающихся, это будетъ понятно, если вспомнимъ, что Броды—Порто-Франко;—но евреи стали притавать къ намъ съ просьбами взять у нихъ въ Бродахъ товаръ какой они доставятъ, безденежно, довести его до Кременца и тамъ возвратить имъ только одну половину взятаго товара, принявъ другую половину въ вознагражденіе за перевозку. Предложеніе такого жидовскаго гешефта было основано на томъ что жидки пронохали о сдѣланномъ по таможеннымъ распоряженію, чтобы возвращающимся изъ кампаніи офицерамъ было дозволено провезти *безплатно* черезъ таможню, все что они пожелаютъ (кромя книгъ и картинъ, которыя на таможнѣ отбирались и представлялись въ цензуру) съ тѣмъ только, чтобы офицеры представляли на таможнѣ провозимое для приложенія къ нему штемпеля или пломбъ. Провѣдавъ о такомъ распоряженіи, мы истратили въ Бродахъ на разныя покупки все свои деньги, до послѣдняго рубля. Вообще, смѣло можно сказать, что все наше офицерство воротилось изъ за-границы—безъ гроша. Кто самъ воздерживался отъ покупокъ и берегъ скопленныя во

время войны деньги, тотъ въ большинствѣ случаевъ, не могъ устоять передъ просьбами тѣхъ своихъ товарищей, которые рѣшились воспользоваться рѣдкою возможностью провезть черезъ границу, безъ пошлины, множество всякихъ вещей и отдали имъ, займы, все свои деньги.

Разумѣется, мы, молодежь, въ предлагаемыхъ, вынесказанныхъ сдѣлки съ жидами не вступали и только вышучивали ихъ или турили отъ себя крѣпкимъ русскимъ словомъ, а нашлись спекулянты, которые воспользовались своимъ положеніемъ и заработали порядочныя деньги, частію вступивъ въ соглашеніе съ жидами и перевези ихъ товаръ изъ полу,—частію сами накупивъ въ Бродахъ разнаго товара, легко у насъ на Руси сбываемаго, на примѣръ: чаю, сахару, голландскаго холста, носовыхъ платковъ, кружевъ и тому подоб., всего въ значительномъ количествѣ и перепродавъ потомъ эти товары въ Россіи, съ большимъ барышемъ.

Какъ на совершившаго особенно крупную операцію въ этомъ родѣ, указывали на нашего корпуснаго командира генерала Чеодаева!!

Разсказывали, что все полуфурки корпуснаго штаба, при переходѣ границы въ Радзивиловъ, были, кромѣ лежащихъ въ нихъ дѣлъ и проч. биткомъ набиты всякими товарами, преимущественно чаемъ и сахаромъ.

Одни утверждали, что это былъ товаръ жидовскій,—взятый только для перевозки черезъ границу, другіе настаивали, что это товаръ собственный, корпуснаго командира, купленный имъ въ Бродахъ, на барыши.

Въ производствѣ таковой же операціи укоряли и дежурнаго штабъ-офицера корпуснаго штаба, подполковника Корчеса.

Кстати прибавить,—этотъ штабъ-офицеръ никогда у насъ не пользовался хорошей репутаціей и слылъ взяточникомъ. Въ доказательство смѣялись надъ послѣдней его выходкой. Дѣло вотъ въ чемъ. По возвращеніи изъ кампаніи, Корчесь, какъ увѣряютъ, составившій себѣ за войну кругленькій капиталецъ, тотчасъ подалъ въ отставку, а между тѣмъ ухитрился написать ко всемъ полковымъ командирамъ корпуса, самыя лобезныя письма, въ которыхъ говорить, что послѣ ненормальныхъ трудовъ, имъ понесенныхъ, по преимуществу отъ чрезмѣрной заботливости о всехъ нуждахъ войскъ корпуса, оберегая интересы каждаго начальника отдѣльной части, въ особенности полковыхъ командировъ, онъ намѣренъ удалиться на покой и заняться сельскимъ хозяйствомъ на своемъ хуторѣ, въ Малороссіи. А такъ какъ главную отрасль сельскаго хозяйства составляетъ скотоводство, улучшение котораго должно быть главною заботою каждаго хозяина, не только для его личныхъ выгодъ, но въ видахъ развитія этой отрасли хозяйства въ интересахъ государственныхъ,—то, какъ ему извѣстно, что господа полковые командиры запасались въ Венгріи *волами* (Sic), неподобной, круторогой венгерской породы,—онъ просилъ, въ особое себѣ одолженіе и въ воспоминаніе тѣхъ добрыхъ отношеній, какія установились между нимъ и такимъ то (имя рекъ), полковымъ командиромъ, прислать ему, *на разводъ пару венгерскихъ воловъ!!!....*

Это *волово* то на приплодъ!

Всѣ, получившіе такія письма, посмѣялись вдоволь надъ изобрѣтательностью подполковника Корчеса, но все-таки, всѣ, кто еще не провѣдалъ о подачѣ Корчесомъ прошенія объ увольненіи его отъ службы, послали ему по парѣ круторогихъ венгерскихъ *волово*.

Таково человѣчество.

На русской пограничной чертѣ, близъ М. Радзивилова, у шлагбаума, насъ встрѣтилъ командиръ бригады пограничной стражи, вослѣдствіемъ еще Пушкинымъ, полковникъ Каверинъ, (*) съ бутылкою шампанскаго въ рукѣ.....

Пробка полетѣла вверхъ, произведя салютъ нашему возвращенію изъ Венгерскаго похода!..... Мы дружно грянули: „ура“!.....

КОНЕЦЪ 1-й ЧАСТИ.

(*) Петръ Павловичъ Каверинъ еще въ молодости, служивъ въ Лейбъ-Гусарахъ, извѣстенъ былъ своими замашками кутяки. Пушкинъ, почтившій его особымъ посланіемъ: „*Къ Каверину*“, упоминаетъ о немъ въ „Молитвѣ Лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“.

„*Избави Господи ума такого*“ и проч.

Далѣе: „*Любомірскаго чванства*“,

„*Каверина пьянства*“..... и проч.

Что это было за повѣса въ свое время, показывающій разсказъ, будто когда Лейбъ-гусары, въ Отечественную войну проходили Вѣну, Каверинъ подержалъ пари съ товарищами, что разогнать публику съ общественнаго гулянья въ Пратеръ, или въ какомъ то другомъ общественномъ гульбищѣ, въ которомъ стоятъ статуи, какъ у насъ въ лѣтнемъ саду. Поспорили. Въ самый разгаръ гулянья, Каверинъ сталъ въ гусарскомъ мундирѣ на пьедесталъ, на мѣсто одной изъ такихъ статуй, и..... извините читатель, снявъ нѣкоторую часть своего костюма, заставилъ дамъ разбѣжаться....

Князь П. А. Вяземскій о Каверинѣ въ VIII томѣ полнаго Собранія Сочиненій, говоритъ: „бывшій Геттингенскій студентъ и гусарскій офицеръ, въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и скифскою жадностью. Но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера и любезнымъ обхожденіемъ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ
къ
I ЧАСТИ
„ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ“.

THE HISTORY OF

THE CITY OF

NEW-YORK

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Очень можетъ быть, что между тѣми, кто сдѣлаетъ честь моимъ „Запискамъ“, пробѣжавъ ихъ, найдутся лица, которые поинтересуются нѣсколько ближе ознакомиться съ исторіей нашего, участія въ подавленіи венгерскаго мятежа; а между тѣмъ, мои „Записки“ такой любознательности удовлетворить не могутъ представляя собою рассказъ только о личномъ, при томъ незначительномъ, участіи въ событіи одного изъ дѣйствующихъ лицъ. а не общую картину событія, хотя бы только въ легкомъ абрисѣ.

Въ желаніи удовлетворить въ нѣкоторой степени, таковой, могущей пробудиться, любознательности нашего читателя, мы хотимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, рассказать здѣсь всю венгерскую кампанію 1849 года.

Въ разноплеменномъ Австрійскомъ государствѣ, въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, развилась внутренняя рознь, главнѣйше вслѣдствіе поднявшагося въ эту эпоху въ Европѣ вопроса о національностяхъ и проявленіи идеи панславизма въ славянскихъ племенахъ, при чемъ развитію этой идеи силились противодѣйствовать Венгерцы, болвшіеся, съ усиленіемъ славянскихъ племенъ, потерять свое преобладающее значеніе въ Австрійской Имперіи. Когда произошла Парижская революція 1848 года, то ея пламя немедленно охватило всю Германію, Италію, Австрію, словомъ всѣ страны, въ которыхъ внутреннее движеніе было уже подготовлено историческою жизнью народовъ и ждало только толчка, чтобы проявиться.

Въ мартѣ 1848 года произошла революція въ Вѣнѣ. Императоръ Фердинандъ съ семействомъ удалился изъ столицы въ Инспрукъ; въ Вѣнѣ организовалось демократическое правленіе и хотя Императоромъ былъ созванъ сеймъ и самъ Императоръ возвратился было въ столицу, но онъ вскорѣ долженъ былъ вновь бѣжать изъ нея, вслѣдствіе разгара революціи, которую успѣлъ подавить фельдмаршалъ Виндишгрецъ только не раньше октября и то силою оружія регулярныхъ войскъ.

Революціонное движеніе въ Вѣнѣ было искрою, брошенною въ порохъ. Немедленно взволновалась Италія, Богемія и Венгрія, въ которой къ тому же закипѣла борьба между Мадьярами съ одной стороны и славянскими племенами, (Кроатами, Сербами, Далматинцами) съ другой, собственно въ самой Венгріи, а въ Трансильваніи между Венграми съ одной стороны и Валахами и Нѣмцами—съ другой. Словомъ, въ Австрійской Имперіи воцарилась общая неурядица.

На помощь итальянскому движенію пришелъ сардинскій король Карлъ-Альбертъ. Венеція объявлена республикой, президентомъ которой былъ избранъ Манинъ и такимъ образомъ Австріи тогда же предстояло лишиться своихъ итальянскихъ провинцій, если бы фельдмаршалу Радецкому не удалось одержать побѣды надъ Карломъ-Альбертомъ у Кустоцы и затѣмъ овладѣть Миланомъ, что понудило Сардинскаго короля заключить миръ съ Австріей.

Въ то же время князю Виндишгрепу удалось вооруженной рукой подавить возстаніе въ Прагѣ; но съ Венгріей такъ легко Австрія покончить не могла. Тамъ во главѣ движенія стоялъ Людовикъ Кошутъ, извѣстный публицистъ и ораторъ;—онъ требовалъ полной самостоятельности венгерскому королевству; воссоединенія Венгріи съ Трансильваніей въ одно грандіозное цѣлое;—учрежденія отвѣтственнаго венгерскаго министерства и введенія либеральныхъ учрежденій вообще во всей Австріи.

По предложенію Кошута, Нижняя Палата послала прямо отъ себя, съ особой депутаціей, адресъ Императору въ изложенномъ смыслѣ и 4 марта Императоръ Фердинандъ торжественно принялъ эту депутацію, повелѣвъ исполнить желанія венгерской націи; но вскорѣ затѣмъ австрійское правительство, такъ сказать, опомнилось, усмотрѣвъ въ настоящее трудное время совершенную невозможность отказаться отъ права располагать финансовыми и военными силами страны и стало принимать рѣшительныя мѣры противъ венгерскихъ притязаній. Результатомъ была открытая борьба венгерцевъ съ славянскими своими племенами, воспротивившимися мадьяризації ихъ и объявившими себя борниками неприкосновенности императорской власти, при чемъ эта борьба дошла до кровавыхъ столкновеній, въ которыхъ успѣхъ былъ то на одной, то на другой сторонѣ, склоняясь впрочемъ преимущественно на сторону кроатскаго Бана Телачича, стоявшаго во главѣ славянскихъ ополченій, и за тѣмъ произошелъ окончательный разрывъ Венгерцевъ съ австрійскимъ правительствомъ.

Первые шаги Венгерцевъ въ вооруженной борьбѣ съ Авст-

рѣшительными были неудачны. Виндингрецъ разбилъ ихъ войска подъ Швехатомъ и покорилъ Вѣну, вновь возмущившуюся и поднявшую оружіе противъ императорскаго правительства. Но этотъ временный успѣхъ сторонниковъ императорскаго правительства не могъ уже имѣть успокоительнаго вліянія на Императора Фердинанда, сознаваемаго, что при настоящемъ положеніи вещей бремя правленія ему не по силамъ, что и побудило его, 20 ноября 1848, отречься отъ престола въ пользу племянника своего, по нынѣ царствующаго, — Франца-Иосифа.

Борьба разыгрывалась.

Въ Трансильваніи инсургентами предводительствовали весьма способный и рѣшительный польскій генералъ Вемъ, постоянно одерживавшій верхъ надъ безталаннымъ австрійскимъ генераломъ Пухнеромъ.

Австрійскія войска, подъ главнымъ начальствомъ Виндингреца, командуемыя Ваномъ Келачичемъ, Врбоною, Шликомъ и другими, въ числѣ до 60,000 человекъ, съ 255 орудіями, вступили въ Венгрію, имѣя противъ себя Гергея и нѣсколько другихъ, менѣе извѣстныхъ военачальниковъ, съ войскомъ, болѣе или менѣе, благоустроеннымъ, въ числѣ до 50,000 человекъ.

Такимъ образомъ, имѣя всѣ шансы успѣха на своей сторонѣ, австрійскій военачальникъ могъ надѣяться немедленно подавить еще нестройныя войска мятежнаго противника. И дѣйствительно, въ первое время. Австрійцы имѣли успѣхъ: они (въ генварѣ), взяли Пештъ, а единственный искусный австрійскій генералъ, храбрый Шликъ, перешелъ Карпаты, занялъ Эперіесъ и Кашау; но это торжество было весьма непродолжительно. Неудачи Австрійцевъ начались въ Трансильваніи, гдѣ Вемъ одолѣвалъ Пухнера, бывшаго вынужденнымъ, вмѣстѣ съ жителями г. Кронштата (*), обратиться съ просьбою о помощи къ генералу Лидерсу, командовавшему нашими войсками, расположенными въ Дунайскихъ княжествахъ, который, съ Высочайшаго разрѣшенія, послалъ на помощь Пухнеру полковника Скарятина, съ 4-мя батальонами пѣхоты и пятью сотнями казаковъ, при 8-ми орудіяхъ, и генерала-маіора Энгельгардта, съ тремя батальонами пѣхоты и двумя сотнями казаковъ, при 8 орудіяхъ. Хотя появленіе нашихъ войскъ въ дѣлахъ подъ Германштатомъ и Кронштатомъ дали перевѣсъ Австрійцамъ, но во всякомъ случаѣ, столь незначительныя наши силы не могли имъ обезпечить полного успѣха надъ мятежниками.

Въ Февралѣ 1849 года произошли болѣе рѣшительныя

(*) Очеркъ Венгерской войны 1848—49 годовъ. Пер. съ нѣм. Богдановичъ и Лебедевъ. Спб. 1850.

столкновѣніи главныхъ силъ Венгерцевъ, въ самой Венгріи, съ арміей Виндишгреца, случайныя успѣхи котораго были приняты австрійскимъ правительствомъ за окончательное подавленіе венгерскаго мятежа, что дало рѣшимость этому правительству, 20 февраля, обнародовать конституцію, которая лишила Венгрію ея самостоятельной политической жизни, уравнивая ее въ правахъ со всѣми прочими провинціями Имперіи. Между тѣмъ, венгерскія силы не только не были уничтожены, но вслѣдствіе неискущества австрійскихъ военачальниковъ, не съ умѣвшихъ довершить ихъ пораженіе своевременно, послѣ одержанной надъ ними поверхности, — онѣ возросли, окрѣпли и, перейдя за тѣмъ въ наступленіе, подавили австрійцевъ. Офенъ, послѣ упорнаго сопротивленія, причеиъ убитъ его комендантъ, Генераль Гейнцъ, былъ взятъ Венгерцами штурмомъ, въ тоже время, какъ на сербскомъ театрѣ войны и въ Трансильваніи успѣхъ рѣшительно склонился на сторону противниковъ Австріи. Такимъ образомъ дѣла австрійцевъ въ это время пришли въ плачевное положеніе и, по словамъ историка венгерской войны, полковника Ореуса: „вся Венгрія и Трансильванія находились во власти революціоннаго правительства: непріятель стоялъ въ немногихъ переходахъ отъ Вѣны, гдѣ взволнованные умы далеко еще не успокоились. О привлеченіи новыхъ подкрѣпленій изъ итальянской арміи Радецкаго, нечего было и помышлять, такъ какъ, не смотря на заключенное съ сардинскимъ королемъ перемиріе, вовсе нельзя было рассчитывать на спокойствіе итальянскихъ областей, сдерживаемыхъ только присутствіемъ грозной военной силы. Сосѣднія германскія страны находились еще въ столь сильномъ броженіи, что и ихъ границы должны были состоять подъ наблюденіемъ австрійскихъ отрядовъ. Помощи со стороны Пруссіи тоже нельзя было ожидать. Вѣковое соперничество Австрійцевъ съ этою державою въ послѣднее время приобрѣло еще болѣе острый характеръ, вслѣдствіе намѣренія нѣмецкихъ патріотовъ предложить императорскую германскую корону прусскому королю Фридриху Вильгельму IV“.

Между тѣмъ, Австріи была необходима чья либо помощь. Взоры австрійскаго правительства обратились на Россію.

Въ это время, какъ мы уже видѣли выше, наши небольшіе отряды, вслѣдствіе просьбы австрійскаго правительства и жителей Кронштата и Германштата, были введены въ придунайскія княжества, гдѣ производились значительные безпорядки революціонерами всѣхъ странъ, особенно Поляками и мы не имѣли возможности, въ интересахъ собственной безопасности, оставаться равнодушными зрителями происходившаго на нашихъ границахъ,

тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣчаетъ Ореусъ (Idem. ст. 95), „глава мадьярскаго движенія, Кошутъ, открыто заявлялъ стремленія самаго радикальнаго свойства, а въ числѣ предводителей венгерскихъ войскъ находились такіе заклятые враги Россіи, какъ Бемъ и Дембинскій“ и множество поляковъ, вслѣдствіе чего, всякая неудача австрійцевъ, при столкновеніи съ венгерскими мятежниками, способствовала возбужденію умовъ въ Галиціи и въ Царствѣ Польскомъ. Какъ ни силилось австрійское правительство обойтись собственными средствами для подавленія мятежей и неурядицъ, разгоравшихся въ Имперіи, но въ мартѣ 1849 года, оно пришло къ убѣжденію въ невозможности успѣшнаго выполненія задачи и нашлось вынужденнымъ обратиться къ Русскому Правительству, единственному своему благожелателю, за помощію. Сначала Австрійцы просили насъ только стянуть свои войска на границы Буковины и Галиціи съ тѣмъ, чтобы имѣть эти войска въ своемъ распоряженіи на случай крайности; но уже 1 апрѣля Австрійцы просили ввести 30 тысячный нашъ корпусъ въ Трансильванію. Императоръ Николай, усматривая, что выполненіе изложенной просьбы Австрійцевъ, какъ мѣры паліативной, ни къ какимъ окончательно серіознымъ результатамъ привести не можетъ, объявилъ Австрійцамъ, что находитъ необходимымъ, во первыхъ, ввести въ Австрію столько силъ, сколько потребно, чтобы онѣ вполне были самостоятельны; во вторыхъ, чтобы наши войска дѣйствовали совершенно отдѣльно отъ австрійскихъ. Разумѣется, австрійское правительство поспѣшило согласиться на эти требованія, при которыхъ нашему Государю угодно было объявить, что „по опредѣленію подробностей нашего содѣйствія, Его Величество будетъ подкрѣплять оное всѣми силами, Ему Провидѣніемъ данными“. Результатомъ такого соглашенія съ Австріей было повелѣніе, занявъ предварительно Галицію и Буковину, двинуть наши главныя силы въ Венгрію, черезъ Карпатскія горы, отъ города Дукло, направивъ, въ тоже время, наши отдѣльные отряды въ Трансильванію.

Вслѣдствіе такого повелѣнія наши войска начали вступать въ австрійскіе предѣлы; 23 апрѣля—у Кракова, 27 апрѣля—у Тарнограда; 26 апрѣля—у Радзивилова; 1 мая—у Волочиска и Гусятина; 6 мая—противъ г. Черновцы и особый отрядъ, состоявшій изъ 11 баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи и 3-хъ сотенъ казаковъ, при 36 орудіяхъ, подъ начальствомъ извѣстнаго Засса-Кавказскаго, двинулся къ Іорданову, демонстрируя по направленію къ р. Ваагъ и для освѣщенія долины р. Арвы. Въ тоже время былъ обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Манифестомъ отъ 14 марта 1848 года, возвѣстивъ вѣрно-поданнымъ Нашимъ, о бѣдствіяхъ, постигшихъ Западную Европу, Мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъявили, что готовы встрѣтить враговъ Нашихъ, гдѣ бы они не предстали, и, не щадя Себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ Нашихъ.

„Смуты и мятежи на Западѣ съ тѣхъ поръ не укротились. Преступныя обольщенія, увлекающія легкомысленную толпу обманчивымъ призракомъ такого благоденствія, которое ни когда не можетъ быть плодомъ своеволия и самоуправства, проложили себѣ путь и на Востокъ, въ сопредѣльные намъ, подвластные Турецкому Правительству княжества Молдавское и Валахское; одно присутствіе войскъ Нашихъ, совмѣстно съ Турецкими, возстановило и удерживаетъ тамъ порядокъ. Но въ Венгріи и Трансильваніи усилія Австрійскаго Правительства, разрозненныя другою еще войною съ врагами вѣшними и внутренними въ Италіи, не могли доселѣ восторжествовать надъ мятежомъ, напротивъ, укрѣплясь скопищами нашихъ польскихъ измѣнниковъ 1831 года и другихъ разноплеменныхъ пришельцевъ, изгнанниковъ, бѣглыхъ и бродягъ,—бунтъ развился тамъ въ самыхъ грозныхъ размѣрахъ.

Среди сихъ пагубныхъ событій, Императоръ Австрійскій обратился къ Намъ съ желаніемъ Нашего содѣйствія, противъ общихъ Нашихъ враговъ.

Мы въ немъ не откажемъ.

Призвавъ въ помощь правому дѣлу Всевышняго Вождя браней и Господа побѣдъ, Мы повелѣли разнымъ арміямъ Нашимъ двинуться на потушеніе мятежа и уничтоженіе дерзкихъ злоумышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе и Нашихъ областей.

Да будетъ съ Нами Богъ, и кто же на Ны!

Такъ,—Мы въ томъ увѣрены, чувствуетъ, такъ уповаешь, такъ отзовется въ Богомъ хранимой Державѣ Нашей, каждый Русскій, каждый Намъ вѣрноподанный и Россія исполнить Святое Свое призваніе“.

Но пока совершались окончательныя распоряженія о вступленіи нашихъ армій въ Венгрію, Австрійская Имперія очутилась на краю гибели и ея столица Вѣна готовилась подпасть подъ власть инсургентовъ. Дѣло заключалось въ томъ, что главная армія австрійцевъ, состоявшая изъ 42000 человекъ, при 180 орудіяхъ, находилась по обѣимъ сторонамъ Дуная. Вѣна охранялась полкомъ новобран-

цевъ. Отрядъ Фогеля, въ 2000 человекъ, былъ окруженъ въ Карпатскихъ горахъ мятежниками. Въ Галиціи и Буковинѣ было не болѣе 19000 человекъ и новый наборъ шелъ у австрійцевъ крайне медленно; Ванъ Кرواتскій былъ слишкомъ далеко со своимъ корпусомъ; Трансильванія находилась въ рукахъ мятежниковъ также, какъ и всѣ венгерскія крѣпости, кромѣ: Арада, Леопольштата, Темешвара и Карлсбурга. Силы мятежниковъ простирались до 190 тысячъ, не считая ополченій, при чемъ кавалерія и артиллерія были отличныхъ качествъ.

На свиданіи Императора Николая въ Варшавѣ, въ первыхъ числахъ мая, съ Австрійскимъ Императоромъ, былъ окончательно установленъ планъ войны и начальствованіе надъ русскими арміями въ Венгріи было предоставлено Фельдмаршалу, Князю Варшавскому, графу Паскевичу Эриванскому.

Наши войска направлены въ Венгрію, собственно черезъ Карпаты, четырьмя путями и Государь Императоръ, 6 іюня, простился съ ними въ м. Грабъ, на одномъ изъ переваловъ черезъ главный хребетъ. Но войска мятежниковъ, находившіяся противъ нашей главной арміи, переходившей Карпаты, уклонялись отъ боя, повсюду отступая, изрѣдка только имѣя съ ними стычки и то ничтожныя. Причиною такого образа дѣйствій инсургентовъ была очевидная для нихъ невозможность противустать намъ со своими, относительно слабыми, силами. Между тѣмъ, другимъ отрядамъ нашихъ войскъ, а именно генераламъ: Лидерсу и Гротенгелюму, въ Трансильваніи, и генералу Паниютину, сражавшемуся въ рядахъ Австрійскаго корпуса, барона Гайнау, скоро посчастливилось имѣть боевыя встрѣчи съ непріятелемъ. Особенно успѣшны были дѣйствія генерала Гротенгельма—въ Буковинѣ, противъ отряда Бема, а также дѣйствія генерала отъ инфантеріи Лидерса, взявшаго Кронштатъ. Что касается до дѣйствія отряда Паниютина, то таковыя были вполне блистательны, особенно подъ С. Передъ, гдѣ силы мятежниковъ далеко превышали наши соединенныя съ австрійцами силы, но гдѣ Венгерцы убѣдились въ невозможности противустать намъ и не рѣшились продолжать противъ насъ своихъ наступательныхъ дѣйствій, а повели войну, такъ сказать, оборонительную.

Главные силы наши, подъ начальствомъ фельдмаршала, двигавшіяся въ глубь Венгріи, сосредоточились у г. Мишкольца и пріостановились здѣсь въ видахъ обезпеченія войскъ продовольствіемъ, такъ какъ дѣйствія австрійскаго интендантства въ томъ отношеніи были крайне неудовлетворительны. При томъ 4-й корпусъ генерала Чеодаева былъ направленъ за Тейсу, черезъ Токай, въ Дебrecинъ, въ край, обильный продовольственными за-

пасами, въ которыхъ начала сильно нуждаться наша армія. Генералу Чеодаеву было, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано, вступивъ въ Дебречинъ, объявить жителямъ прощеніе, буде они всецѣло подчинятся законному Правительству, и потребовать поставки въ армію продовольственныхъ запасовъ, а затѣмъ присоединиться къ главнымъ силамъ.

21 Іюня Чеодаевъ подошелъ къ Дебречину, а за два дня до того, революціонеры, возбуждая жителей къ поголовному возстанію и къ рѣшительному сопротивленію нашему вступленію, произвели въ городѣ смуту, при чемъ бросились на плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, шестерыхъ изъ нихъ убили и 16 изувѣчили, послѣ чего бѣжали изъ города, покинувъ его на произволъ судьбы. Наканунѣ своего вступленія въ Дебречинъ, генералъ Чеодаевъ, не встрѣчая сопротивленія со стороны населенія, послалъ ему слѣдующую прокламацію:

„Изъ всѣхъ городовъ Венгріи наиболѣе виновенъ Дебречинъ противъ законнаго Короля Венгріи, Франца-Іосифа. Главнокомандующій Россійскою арміею послалъ меня, чтобы овладѣть вашимъ городомъ. На этотъ разъ онъ приказалъ оставить ваше заблужденіе безъ наказанія; но вы должны убѣдиться, сколь ничтожна власть Кошута и его приверженцевъ, которые не могли отвратить угрожающаго вамъ наказанія. Изгоните изъ вашего города всѣхъ возбудителей бунта; изберите изъ своей среды вѣрныхъ людей для управленія вами и будьте отнынѣ примѣромъ покорности вашему законному Государю, иначе ваша гибель неизбежна.

По волѣ Россійскаго Императора, вѣрнаго союзника вашего Короля, 150,000 человѣкъ Россійскаго воинства вошло въ Венгрію; эта мощная сила укротитъ вездѣ мятежъ. Я отъ васъ требую только необходимаго для моихъ войскъ, а именно: 20,000 метцовъ хлѣба и 1000 четвероконыхъ подводъ, для поднятія этихъ запасовъ. Все это должно быть доставлено непремѣнно въ 24 часа; городъ имѣетъ достаточные для сего способы. Если же въ продолженіи сказаннаго времени требованіе мое не будетъ исполнено, то я имѣю повелѣніе сжечь городъ, и сожгу его“.

Занявъ Дебречинъ, генералъ Чеодаевъ отобралъ у жителей и уничтожилъ оружіе, отправилъ въ главную армію нѣсколько транспортовъ съ продовольствіемъ и затѣмъ выступилъ на соединеніе съ нею, взявъ съ собою 218 подводъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, роздалъ по 30 телѣгъ въ полкъ съ мукою, и выдалъ на солдата хлѣба на три дня, при чемъ, новою прокламаціею, угрозилъ жестокимъ мщеніемъ городу, если онъ вновь приметъ сторону мятежниковъ, измѣнивъ своему законному Правительству.

Движеніе 4 корпуса на Дебречинъ имѣло, несомнѣнно, подавляющее вліяніе на инсургенцію вообще, въ особенности же на ея вождей. Но, по несчастію, въ это же время, а именно, 12 іюня—впервые, въ войскахъ обнаружилась холера, начавшая развиваться съ поразительной быстротой. Таковому развитію эпидеміи способствовали: а) наставшая дождливая погода, всегда убійственно дѣйствующая на людей, ведущихъ бивачную жизнь;— б) употребленіе солдатами въ пищу незрѣлыхъ плодовъ, запиваемыхъ холодною, часто недоброкачественною, водою. Громадность жертвъ, ежедневно пожираемыхъ заразою, распространило въ войскахъ ужасъ, близкое къ паникѣ. Никто не надѣялся выйти живымъ изъ этой страны. Въ продолженіе 5 дней, съ 17 по 23 іюня, у насъ умерло отъ холеры около 2000 человекъ, при чемъ болѣе всѣхъ пострадалъ 4 пѣхотный корпусъ генерала Чесдаева, а съ 13 іюня по 1 іюля въ войскахъ 2, 3 и 4-го корпусовъ, заболѣло холерой до 14,500 человекъ, изъ коихъ умерло болѣе 2100 человекъ.

Во время остановки нашихъ главныхъ силъ у Мишкольца, военныя дѣйствія на верхнемъ Дунаѣ принимали широкое развитіе. Гергей поставилъ себѣ задачею разбить Австрійцевъ до нашего прихода, чтобы быть свободнымъ въ своихъ противъ насъ дѣйствіяхъ, сосредоточивъ до 60,000 человекъ у крѣпости Коморна.

„Крѣпость Коморнъ, говоритъ Меньковъ, (Описаніе военныхъ дѣйствій противъ Венгерскихъ мятежниковъ. стр. 112—115), построена на лѣвомъ берегу Дуная, у самаго впаденія р. Вааги въ Дунай. На противоположныхъ берегахъ сѣхъ рѣкъ находятся сильныя, самостоятельныя предмостныя укрѣпленія. Передъ крѣпостью къ западу лежитъ городъ Коморнъ, а передъ городомъ (отъ лѣваго берега Дуная до праваго р. Вааги), возведена новая ограда, называемая palatinal—linie. Ограда эта весьма сильна. Она состоитъ изъ 4 бастіонныхъ фронтовъ, обнесенныхъ ровомъ и гласисомъ.

Всѣ бастіоны съ каменною одеждою и съ каземотированными редюитами.

Такимъ образомъ самая крѣпость составляетъ цитадель всей системы укрѣпленій, и между нею и оградою palatinal—linie, равно и позади верховъ предмостныхъ укрѣпленій, армія можетъ имѣть убѣжище, въ которомъ нѣтъ возможности атаковать ее открытою силою. Сверхъ того, мятежники укрѣпили гору Зандбергъ, надъ правымъ берегомъ Дуная, въ двухъ верстахъ выше предмостнаго укрѣпленія, и въ промежуткѣ возвели нѣсколько отдѣльныхъ люнетовъ, что доставляло имъ и на этомъ простран-

ствѣ довольно безопасное мѣсто для временнаго расположенія войскъ. Лѣвый флангъ сего укрѣпленнаго лагеря обезпечивался предмостнымъ укрѣпленіемъ, правый—укрѣпленіями Зандберга, фронтъ—отдѣльными лонетами.

Изъ всего этого видно, что, стоя подъ Коморномъ, армія Гергея пользовалась значительными выгодами. Владѣя переправами черезъ обѣ рѣки, она могла, по обстоятельствамъ, принимать наступательныя дѣйствія во все стороны и, въ случаѣ неудачъ, находить вѣрное убѣжище подъ огнемъ крѣпостныхъ верховъ“.

Что же касается до стоявшаго во главѣ временнаго венгерскаго правительства Кошута, то вообще, враждуя Гергею, не раздѣляя его взглядовъ на дѣло, онъ и въ данномъ случаѣ, не одобрялъ его плана дѣйствій, вслѣдствіе чего, на собранномъ Кошутомъ совѣтѣ министровъ, рѣшили: оставивъ въ Коморнѣ соотвѣтствующій гарнизонъ, Гергею отступить къ Офену, на соединеніе съ войсками, находившимися на южномъ театрѣ войны. Но пока было приведено въ исполненіе это распоряженіе, Гайнау, со своей арміей, двинулся къ Коморну, и предполагая заставить Гергея запереться въ немъ, рассчитывалъ, по сосредоточеніи достаточныхъ союзныхъ силъ на этомъ пунктѣ, вынудить его положить оружіе. Тутъ произошелъ рядъ, болѣе или менѣе, сильныхъ ошибокъ между Венгерцами и Австрійцами, въ которыхъ успѣхъ клонился неоднократно то въ ту, то въ другую сторону и если окончательно остался на сторонѣ арміи барона Гайнау, то собственно благодаря присутствію въ ея составѣ дивизіи генерала Паниютина, которому австрійцы два раза, въ томъ случаѣ, безусловно были обязаны своимъ спасеніемъ, что засвидѣтельствовано даже самимъ Императоромъ Францомъ-Іосифомъ въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя генерала Паниютина.

„Генералъ!

Въ битвахъ 2 и 11 чиселъ сего мѣсяца, у Ача и Коморна, движенія ваши, столь же искусно соображенныя, сколь энергически исполненныя, въ самыя рѣшительныя минуты боя, много способствовали успѣхамъ, одержаннымъ въ эти дни. Радуюсь, что я самъ былъ свидѣтелемъ того, сколь блистательно съ умѣли вы поддерживать древнюю репутацію русскаго оружія и чувствую потребность выразить тѣмъ доблестнымъ войскамъ, которыя, благодаря дружбѣ Его Величества Императора, моего августѣйшаго союзника, раздѣляютъ нынѣ труды и опасности съ моею храброю арміею, въ лицѣ ихъ достойнаго начальника,—все удивленіе и всю благодарность, которыя внушаетъ мнѣ ихъ прекрасное поведеніе“.

ХІІІ

Результатомъ боевыхъ столкновѣній подъ Коморномъ было, что Гергей не могъ прорваться черезъ австрійскую армію и устремился къ Пешту лѣвымъ берегомъ Дуная, надѣясь, не смотря на приближеніе въ направленіи къ Пешту главныхъ русскихъ силъ, усиленными переходами, — миновать Вайценъ и Геделло ранѣ занятія ихъ русскими. Принявъ такое рѣшеніе, Гергей, 30 іюня, началъ выступленіе изъ Коморна въ числѣ 27,000 человѣкъ, оставивъ въ Коморнѣ извѣстнаго Клапку, съ гарнизономъ до 18,000 человѣкъ.

Въ это время на южномъ театрѣ войны Венгерцы торжествовали надъ Австрійцами, успѣвъ соединить въ этой мѣстности довольно значительныя силы и предупредивъ готовившееся на нихъ нечаянное нападеніе Ваномъ Іслагичемъ, произведя таковое же на него самого, въ ночь на 2 іюля, причемъ венгерскій генералъ Гюйонъ, нанесъ сильную потерю австрійцамъ, принудивъ ихъ отступить на правый берегъ Дуная и снабдивъ крѣпость Петервардейнъ, осажденную австрійцами, продовольствіемъ и свѣжими войсками. Что же касается до Темешвара, крѣпости, какъ важнаго опорнаго пункта, крайне для венгерцевъ необходимаго, то, хотя послѣ взятія крѣпости Арада, они употребили энергичныя усилія къ овладѣнію ею, но штурмъ одной изъ частей крѣпости, предпринятый Венгерцами въ ночь на 7 іюня, былъ отбитъ и комендантъ крѣпости Рукавина, не смотря на холеру, уничтожавшую ея гарнизонъ и крайній недостатокъ въ продовольствіи, рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

Возвращаемся къ дѣйствию нашей главной арміи, направлявшейся, какъ мы видѣли выше, на Пештъ, отъ столкновѣнія съ которою Гергей намѣренъ былъ уклониться. По выступленіи изъ подъ Коморна, мы усматриваемъ, что князь Паскевичъ получилъ удостовѣреніе отъ австрійскаго главнокомандующаго, Гайнау, что, по его соображенію, Гергей долженъ оставить гарнизонъ въ Коморнѣ и направиться на Вайценъ, при чемъ овъ, Гайнау, отдѣливъ необходимый отрядъ для блокированія Коморна, съ остальными силами станетъ преслѣдовать Гергея по лѣвому берегу Дуная, а потому князь Паскевичъ рѣшилъ воспользоваться движеніемъ Гергея на Вайценъ, встрѣтивъ его соединенными силами 2 и 3-го корпусовъ, при выступленіи изъ этого города для дальнѣйшаго слѣдованія, при чемъ, если Гайнау сдержитъ свое слово неотвязчиво преслѣдовать Гергея отъ Коморна, то снѣ. Паскевичъ, получитъ возможность занять всѣ пути отступленія Гергея въ Сѣверныя комитаты и такимъ образомъ поймаетъ его въ ловушку.

Между тѣмъ, Гергей, въ три перехода изъ Коморна, достигъ

нулъ Вайцена и авангардъ его столкнулся, 3 Іюля, съ нашими аванпостами отряда князя Бебутова, отступившими на С. Уйфалу, преслѣдуя которыхъ, Гергей прошелъ Вайценъ. Графъ Ридигеръ, начальствовавшій нашими войсками въ томъ районѣ, узнавъ объ этой встрѣчѣ нашихъ войскъ съ непріятелемъ, приказалъ начальнику авангарда, генералу Зассу, съ одною кавалеріею и конною артиллеріею идти на соединеніе съ Бебутовымъ; но пылкій Зассъ не исполнилъ этого распоряженія, устремясь на Гергея не съ одною только кавалеріею, а и со всею своею пѣхотою,—былъ завлеченъ Гергеемъ на его сильную позицію и попалъ подъ огонь 60 орудій, тѣмъ вовлекъ наши войска въ рѣшительное дѣло съ Венгерцами, отъ котораго наши уклонялись въ стратегическихъ соображеніяхъ, желая предварительно стянуть свои войска, что бы нанести противнику рѣшительный ударъ. Послѣдствіемъ этого увлеченія генерала Засса была большая потеря, нами понесенная, и полнѣйшая неудача въ осуществленіи задуманнаго фельдмаршаломъ Паскевичемъ плана, хотя мы и вынуждены были ввести въ дѣло весьма значительныя силы. Въ слѣдующіе за симъ дни, а именно 4 іюля, когда у С. Хартіана сосредоточились войска 2 и 3 корпусовъ, подъ личнымъ предводительствомъ самого генераль-фельдмаршала Паскевича и на нашей сторонѣ оказалось значительное превосходство въ силахъ, Гергей, рѣшившійся остаться на позиціи у Вайцена, могъ бы быть подавленъ нами, если бы Паскевичъ атаковалъ его немедленно, какъ и предполагено было имъ по осмотрѣ непріятельской позиціи, но, ссылаясь на чрезвычайное утомленіе войска, а въ сущности самъ будучи очень утомленъ, фельдмаршалъ отложилъ атаку до слѣдующаго дня—и Гергей былъ спасенъ! Получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о сосредоточеніи главныхъ силъ арміи Паскевича у Хартіана, Гергей рѣшился немедленно отступить въ горныя комитаты на Вадкертъ, Мишкольцъ и Токай, что бы оттуда соединиться съ прочими силами Венгерцевъ за Тейсой, въ южной Венгріи. На этомъ основаніи Гергей ночью же сталъ приводить въ исполненіи свой блестящій планъ и несомнѣнно осуществилъ бы его съ величайшимъ успѣхомъ, если бы быстротѣ его движеній не помѣшали огромныя обзѣзы разныхъ политически скомпрометированныхъ передъ австрійскимъ правительствомъ лицъ, которыя боялись попасть ему въ руки и потому слѣдовали повсюду за арміей Гергея.

Надо замѣтить что Вайценъ съ западной стороны омывается Дунаемъ, съ восточной ограждается Пештъ-Пресбургскою желѣзною дорогою, проведенною по возвышеннымъ насыпямъ,—дорога же, ведущая изъ Вайцена къ сѣверу, пересѣкается въ вер-

стѣ отъ города ручьемъ, протекающимъ въ крутыхъ и высокихъ берегахъ, черезъ который артиллерія и обозы если и могли переходить, то только по единственному и при томъ узенькому мосту, черезъ него перекинутому. Поэтому, когда сдѣлалось извѣстно, что Венгерскія войска отступаютъ отъ Вайцена, всѣ сопровождавшіе армію Гергея бѣглецы, расположившіеся въ гостиницахъ и домахъ города, бросились спасаться и своими экипажами запрудили дорогу, ведущую изъ Вайцена къ сѣверу и единственный, сейчасъ упомянутый, мостъ, такъ что разсвѣтъ засталъ венгерскія войска неочистившими Вайцена, отъ чего и произошло боевое столкновение съ нашими войсками, хотя особенно бѣдственныхъ послѣдствій для арміи Гергея и неимѣвшего, но, во всякомъ случаѣ, вынудившее его идти на соединеніе со своими южными отрядами путемъ болѣе кружнымъ, чѣмъ онъ предполагалъ, рискуя наткнуться на наши большія силы и давать отпоръ насѣдавшимъ русскимъ войскамъ, понесъ довольно значительную потерю въ людяхъ: убитыми, ранеными и дезертировавшими. Но Паскевичъ не такихъ искалъ результатовъ. Онъ думалъ, рассчитывая на Гайнау, завлечь Гергея въ пространство между своею и австрійскою арміями, или разбить его на голову въ генеральномъ сраженіи, или заставить положить оружіе. Планъ неудался и въ этомъ фельдмаршалъ Паскевичъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ обвиняетъ генерала Засса за его неумѣстную заносчивость и барона Гайнау, не сдержавшаго даннаго имъ обѣщанія преслѣдовать Гергея по лѣвому берегу Дуная, а напротивъ, пошедшаго по правому берегу этой рѣки, къ Офену, рассчитывая, что съ Гергеемъ русскіе могутъ управиться и безъ его помощи, а между тѣмъ, по объясненію Гайнау, оправдывавшему свой образъ дѣйствій на югъ Венгрии, онъ дѣйствовалъ такъ потому, что ему надлежало недозволить Венгерскому Правительству создать себѣ новый операціонный базисъ и позволить формироваться тамъ новымъ, значительнымъ ополченіямъ, къ чему уже было приступлено.

Однако, какъ бы тамъ ни было, но, отложивъ атаку Гергея, съ 4-го на 5-е іюля, Паскевичъ самъ испортилъ себѣ все дѣло: настойчиво продолжая наступленіе своихъ силъ 4 іюля, онъ разсѣялъ бы армію Гергея, это несомнѣнно *)! Дѣйствія нашихъ глав-

*) Георги, говоритъ «Описаніе военныхъ дѣйствій и пр.» (Jdém. стр. 194 и д.) избравъ путь на Вайценъ, долженъ былъ погибнуть здѣсь. Русскій главнокомандующій, узнавъ о приближеніи его къ Вайцену, былъ увѣренъ, что за нимъ слѣдуетъ Гайнау. Поэтому Князь Варшавскій запретилъ начинать дѣло подъ Вайценомъ, а намѣренъ былъ одною только кавалеріею завлечь непріятеля по направленію къ Чегледу, съ тѣмъ, чтобы: 1-е, стаять свои войска и 2-е, — дать время австрійцамъ собраться на пути отступленія Георги.

ныхъ силъ послѣ Вайценскаго дѣла показываютъ развившуюся въ высшей степени перѣшителѣность въ фельдмаршалѣ Паскевичѣ, доведшую его до убѣжденія, по его собственнымъ словамъ, что „венгерская война не баталіями должна быть рѣшена, а маневрами!“ И дѣйствительно, дальнѣйшія дѣйствія Князя Варшавскаго, заключавшіяся въ маневрахъ, съ цѣлю преградить Гергею путь отступленія на Югъ, для соединенія съ находившимися тамъ войсками, не достигли цѣли, не смотря на форсированіе переправы у Тисса-Фюредъ, совершенной отрядомъ, порученнымъ имъ Начальнику главнаго штаба арміи Князю М. Д. Горчакову и наши, впрочемъ, неудачныя для насъ столкновенія съ непріателемъ на рр. Шали и Хернадѣ.

Къ несчастію, съ одной стороны неужѣстная заносчивость нашихъ передовыхъ войскъ 3 іюня, преждевременно открыла Георги опасность, которой онъ подвергся движеніемъ отъ Вайцена къ Чегледу, а съ другой стороны и главнѣйше—Австрійскій главнокомандовавшій невыполнялъ обѣщанія, сдѣланнаго въ отзывѣ Князю Паскевичу отъ 28 Іюня. 1 Іюля Гайнау имѣлъ отъ лазутчиковъ положительное извѣстіе, что мятежническая армія выступила изъ Коморна и спускается лѣвымъ берегомъ Дуная. Ничто не препятствовало за сѣмъ барону Гайнау идти за непріателемъ; онъ могъ, по крайней мѣрѣ, въ тотъ же день послать за нимъ кавалерію, а потомъ двинуть и пѣхоту. Въ настоящемъ случаѣ 10 эскадроновъ кавалеріи, появившись въ тылу отступающей арміи, произвели бы большее впечатлѣніе: они могли отбить непріательскія обозы и угрожать его артиллеріи.

Отъ Коморна до Вайцена менѣе 100 верстъ; слѣдовательно, вечеромъ 4 іюля, передовыя австрійскія войска были бы уже въ тылу мятежниковъ, находившихся еще подъ Вайценомъ. Георги, очутившемуся между двухъ огней, не осталось бы ничего болѣе, какъ положить оружіе—и война была бы кончена.

Но австрійскій главнокомандовавшій остался подъ Коморномъ еще 2 и 3 іюля, дѣлалъ два дни рекогнозцировки, когда могъ знать, что мятежники уже удалились; и только 4 іюля повелъ свою армію, но не вслѣдъ за арміей Гергея, а правымъ берегомъ Дуная, по направленію, гдѣ нельзя было ожидать непріателя—къ Офену, который, какъ ему было извѣстно, занятъ былъ войсками 3-го Австрійскаго корпуса, а Пештъ—русскими казаками.

Сѣмъ движеніемъ мы были лишены помощи цѣлой австрійской арміи и дивизіи Панютина; тылъ непріателя оставался не занятымъ, и Георги могъ уйти свободно.

По объясненію генерала Гайнау, причины, побудившія его перемѣнить намѣреніе и идти не лѣвымъ, а правымъ берегомъ Дуная, были слѣдующія:

1) «Георги выигралъ два перехода передъ Австрійцами; слѣдовательно, имъ нельзя было настигнуть его».

Но на войнѣ есть правило—никогда не терять непріателя изъ виду. Георги стоялъ передъ австрійцами и не могъ уйти на два перехода безъ ихъ вѣдома. Даже и по пестеченію двухъ дней, Гайнау долженъ былъ идти за непріателемъ; кавалерія могла бы пройти отъ 50 до 60 верстъ, и слѣдовательно, еще до отступленія Георги отъ Вайцена, Австрійцы могли бы уже находиться въ тылу его арміи.

2) «Русская армія была довольно сильна для того, чтобы управиться съ Герги и безъ посторонней помощи».

Это несомнѣнно; но дѣло шло о томъ, чтобы Георги не могъ уклониться отъ боя съ русскою арміею и чтобы преградить ему путь къ отступленію.

Послѣ Вайценскаго дѣла мы потеряли слѣдъ Гергея *), а такъ какъ развѣдочная часть у насъ вообще была развита до безобразія плохо, а лазутчиковъ доставать было почти невозможно, то наши военачальники, или скорѣе, самъ Фельдмаршалъ, (потому что при немъ ни какой инициативы военачальникамъ не полагалось имѣть и ни какакой самостоятельности имъ не давалось!) дѣйствовали ощупью и гонялись за Гергеемъ такъ, какъ слѣпой пробирается безъ поводыря, съ одной своей клюкой, по дорогѣ, нетвердо ему памятной! Во время этой погони произошли слѣдующія встрѣчи съ Венгерцами:

Отрядъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго столкнулся съ войсками Перчеля подъ Турой, при чемъ произошло энергическое состязаніе нашей кавалеріи съ венгерскими гусарами, едва неимѣвшее неблагоприятнаго для насъ исхода и рѣшенное въ нашу пользу только благодаря стремительной помощи, поданной нашей кавалеріи пѣхотною дивизіею извѣстнаго кавказскаго героя Лабынцева, почти пробѣжавшею къ полю сраженія болѣе чѣмъ десятиверстное разстояніе.

Вторая встрѣча съ Венгерцами, происшедшая у занятаго ими Мишкольца, на р. Шайо, между самимъ Гергеемъ и 4-мъ корпу-

3) «Предстояла крайняя необходимость безотлагательно направить австрійскую армію къ Сегедину, на помощь Іелачичу и на выручку крѣпости Темешвара».

Своевременно на помощь Іелачичу баронъ Гайнау ни въ какомъ случаѣ прійти не могъ, а Темешваръ имѣлъ еще въ два мѣсяца хлѣба. Странная мысль—покинуть въ самую рѣшительную минуту ту часть театра войны, гдѣ все могло рѣшиться въ нѣсколько дней для того, чтобы идти за 300 верстъ, на край Венгріи, противъ отрядовъ второстепенныхъ. Не лучше ли было бы сначала кончить дѣло съ главными силами мятежниковъ, т. е. съ Гергеемъ, а потомъ уже безпрепятственно обратиться въ южную Венгрію, противъ скопищъ, истребленіе коихъ не могло уже подвергаться сомнѣнію.

Ореусъ, въ своемъ «Описаніи Венгерской войны», (Jdem. стр. 286) догадывается, что кромѣ выставляемыхъ барономъ Гайнау предлоговъ неисполненія своего обѣщанія преслѣдовать Гергея по лѣвому берегу Дуная, въ случаѣ его движенія къ Вайцену, могли легко существовать у австрійскаго полководца и другія, тайныя побужденія. Вступая въ непосредственную связь съ нашею арміею, онъ отчасти переставалъ быть полнымъ хозяиномъ своихъ дѣйствій, а при несогласіи во взглядахъ съ нашимъ Фельдмаршаломъ, могъ быть поставленъ къ нему въ весьма щекотливыя отношенія. Кромѣ того (согласно предварительному условію), отъ него, при сближеніи съ русской арміею, *отходила вся дивизія Панюткина*; между тѣмъ, отказываться отъ десяти тысячъ отличнаго войска, не разъ уже служившаго важнымъ подспорьемъ австрійской арміи, для барона Гайнау не могло не быть весьма неприятнымъ».

*) Вопреки правила, существующаго на войнѣ, неисполненіемъ котораго, какъ мы видѣли выше, попрекалъ барона Гайнау, составлявшій отчетъ Государю о Венгерской войнѣ, конечно подъ руководствомъ Фельдмаршала Паскевича, полковникъ Меньковъ:—*Никогда не терять непріятеля изъ виду!*...

«Описаніе воен. дѣйств.» (Ст. 196).

XVIII

сомъ генерала Чеодаева, отличалась полнѣйшею безрезультатностью, имѣвъ послѣдствіемъ только значительную растрату артиллерійскихъ снарядовъ и, благодаря Бога, относительно меньшую потерю въ людяхъ.

Менѣе значительное, но болѣе неудачное столкновение нашихъ войскъ съ Венгерцами произошло 16 іюля, у с. Гестели, гдѣ генераль Граббе, слѣдуя по направленію къ Токаю, *наткнулся* на всю армію Гергея, подпустившаго нашъ отрядъ на пушечный выстрѣлъ и встрѣтившаго его такимъ жестокимъ огнемъ, что онъ долженъ былъ тотчасъ отступить, понеся довольно значительную потерю.

Посредствомъ переправы у Тисса-Фюредъ, князь Варшавскій рассчитывалъ взять Гергея между двухъ огней, атаковавъ его на правомъ берегу Тейсы, приближавшимся изъ Россіи отрядомъ барона Остенъ-Сакена, корпусомъ Чеодаева и отрядомъ Граббе; но Гергей, свѣдавъ о совершеніи нами названной переправы, ночью, 17 іюля, перешелъ на лѣвый берегъ Тейсы, у Токая, разрушилъ за собою мостъ и двинулся на юго-востокъ черезъ М. Нередъ-Газа. Фельдмаршалъ не зналъ объ этомъ движеніи и потому считая Гергея все еще на правомъ берегу Тейсы, рѣшился привести въ исполненіе своего плана — немедленнымъ движеніемъ къ Дебречину, отрѣзать Гергею путь, а напротивъ, боялся, что онъ съ р. Хернады, на которой Фельдмаршалъ все еще считалъ его находящимся, бросится въ сѣверные комитаты, на линію нашихъ сообщеній. Поэтому Фельдмаршалъ рѣшился такъ расположить свои войска за Тейсой, чтобы они могли дѣйствовать и на правомъ и на лѣвомъ ея берегу, смотря по надобности, и на этомъ основаніи перевелъ Тейскій мостъ изъ Тисса-Фюрета къ д. Чеге, что въ трехъ переходахъ отъ Токая и въ двухъ отъ Дебречина. Продолжая бояться за свой путь сообщенія и за сѣверные комитаты, князь Варшавскій рѣшился, наконецъ, прежде чѣмъ идти къ Дебречину, вытѣснить Венгерцевъ изъ ихъ позицій и заставить отступить на лѣвый берегъ Тейсы. Въ этихъ видахъ Фельдмаршалъ самъ двинулся со 2-мъ корпусомъ на соединеніе съ Чеодаевымъ для исполненія задуманнаго предпріятія, но тутъ получилъ наконецъ извѣстіе, что Гергея нѣтъ уже на лѣвомъ берегу Тейсы. Поэтому генералу Чеодаеву было приказано, вмѣстѣ съ отрядомъ барона Остенъ-Сакена и Граббе, идти на Токай и овладѣть имъ (хотя его уже ни кто не защищалъ!) а самъ Фельдмаршалъ направилъ 2-й и 3-й корпуса и часть 4-го корпуса на Дебречинъ, не покидая еще надежды преградить Гергею путь на югъ.

Между тѣмъ какъ наши войска были заняты Гергеемъ, ба-

ронъ Гайнау, выступивъ со своей арміей изъ подъ Коморна, имѣя ввиду освободить осажденную Венгерцами крѣпость Темешваръ и выручить войска Іелачича, разбитыя Феттеромъ у Хедъеша, 2 Іюля, избралъ цѣлью своего движенія г. Сегединъ, на нижней Тейсѣ, у котораго Венгерцы образовали укрѣпленный лагерь и гдѣ, послѣ бѣгства изъ Пешта, основало свое пребываніе венгерское правительство.

Съ приближеніемъ къ Сегедину австрійскихъ войскъ, засѣдавшій тамъ *Сеймъ*, вручивши Гергею главное начальство надъ всѣми венгерскими войсками, былъ, 16 іюля, распущенъ и начальствовавшій въ этомъ пунктѣ Дембинскій, видя невозможность держаться въ Сегединскомъ лагерѣ, еще неполнѣ оконченномъ и при томъ, выстроенномъ на несравненно большее число защитниковъ чѣмъ ихъ было дѣйствительно въ рядахъ Венгерцовъ, рѣшился покинуть этотъ лагерь и перешелъ на лѣвый берегъ Тейсы, занявъ позицію, прикрытую плотиною по р. Сегегъ. Вслѣдъ за этимъ, Гайнау занялъ Сегединскій лагерь, а члены революціоннаго правительства изъ Сегедина перенесли свою резиденцію въ кр. Арадъ и наконецъ Гайнау форсировалъ переправу 22 іюля и такимъ образомъ обѣ союзныя арміи оказались на лѣвомъ берегу Тейсы и могли, слѣдовательно, совокупными силами дѣйствовать противъ Венгерцовъ—что грозило имъ гибелью.

Пока изложенныя событія совершались въ самой Венгріи, военныя дѣйствія въ Трансильваніи приняли также крайне неблагоприятный оборотъ для Венгерцевъ. Генераль Лидерсъ, сосредоточивъ свои главныя силы въ Кронштатѣ, рѣшился прежде принятія какихъ либо сильныхъ мѣръ противъ революціонныхъ войскъ, нанести окончательный ударъ, начавшимъ формировать значительныя противъ насъ банды, Секлерамъ,—чтобы водворить порядокъ и спокойствіе въ ихъ Секлерландѣ. Сдѣлавъ соотвѣтствовавшія съ этимъ планомъ распоряженія и нанеся Секлерамъ посредствомъ кавалерійскаго отряда генерала Рененкампа, рѣшительное пораженіе, не доходя с. Сентъ-Георги, генераль Лидерсъ, притянулъ къ себѣ австрійскій отрядъ Кламъ-Галаса и, усиливъ его частію нашихъ войскъ, отдалъ ему въ охрану Кронштатскій округъ, а самъ, въ видахъ обезпеченія за собою прямого сообщенія съ Валахіею, рѣшился овладѣть Роттентурмскимъ ущельемъ и затѣмъ Германштатомъ, въ которомъ сосредоточивалось все главное управленіе краемъ. На этомъ основаніи генераль Лидерсъ, 6 Іюля, двинулся противъ главныхъ силъ Бема, перешелъ за р. Алушу и 8 Іюля атаковалъ Роттентурмское ущелье, защищенное венгерскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Майора

Ихаса и не смотря на чрезвычайную крѣпость занимаемой венгерцами позиціи, самимъ Бемомъ считавшейся неприступною и на отчаянную защиту венгерскихъ войскъ, овладѣлъ ущельемъ и заставилъ венгерцевъ положить оружіе передъ турецкимъ карауломъ, а на слѣдующій день занялъ Германштатъ что имѣло для насъ весьма важныя стратегическіе результаты.

Въ тоже время успѣхъ сопровождалъ наши дѣйствія и въ сѣверной Трансильваніи. Генераль Гротенгельмъ одержалъ значительную поверхность надъ Бемомъ, употребившимъ все усилія чтобы разбить русскихъ и быть совершенно свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ главныхъ силъ генерала Лидерса и одолѣвъ его, какъ онъ надѣялся, вступить въ Валахію, поднять ее противъ русскихъ и найти себѣ поддержку со стороны Омеръ-Паши, занимавшаго турецкими силами Малую Валахію. Но ни одна изъ этихъ надеждъ, благодаря искусству генерала Гротенгельма и мужеству его малочисленного отряда, не осуществилась. Напротивъ, нанесъ сильное пораженіе Бему у Быстрицы и у Серетфальва, Гротенгельмъ заставилъ его самого перенести свою дѣятельность въ совершенно другую мѣстность, а именно, на югъ Трансильваніи, въ Секлерландъ, въ надеждѣ сформированія новыхъ, значительныхъ отрядовъ Секлеровъ съ тѣмъ, чтобы съ ними вторгнуться въ Молдавію и поднять противъ насъ ея населеніе. Дѣйствительно, энергичный Бемъ успѣлъ сформировать въ Секлерландѣ новый, 12 тысячный отрядъ, при 50 орудіяхъ и, присоединивъ къ себѣ 8 тысячный отрядъ Галь-Шандора, бросился на занимавшаго южную Трансильванію Кламъ-Галаса вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ Рененкампа и имѣлъ надъ ними, въ особенности надъ Австрійцами, довольно значительный успѣхъ, у Санъ-Георги, 8 и 9 Іюля, послѣ чего Бемъ вторгнулся въ Молдавію, заставивъ отступить находившіяся у границы наши незначительныя силы, но, не встрѣтивъ ожидавшагося сочувствія въ Молдаванахъ, непринявшихъ его сторону, 14 Іюля, отступилъ въ Секлерландъ. Послѣ ряда происшедшихъ за тѣмъ стычекъ у Бема съ войсками союзниковъ, генералу Лидерсу наконецъ удалось съ нимъ встрѣтиться лицомъ къ лицу, подъ Шегешваромъ, гдѣ Бемъ напалъ на Лидерса со всеми своими силами, но былъ имъ разбитъ на голову, при чемъ наши взяли болѣе 500 плѣнныхъ, 8 орудій, большіе обозы и въ томъ числѣ коляску Бема, со всеми его вещами и имуществомъ, тогда какъ самому Бему, раненому въ этомъ дѣлѣ, пулею въ ногу, удалось ускакать верхомъ.

Такимъ образомъ Шегешварскій бой былъ послѣднимъ проявленіемъ дѣятельности Бема въ странѣ Секлеровъ, на энергиче-

скую помощь которых онъ твердо надѣялся. Но предприимчивый Бемъ не унывалъ и ловкимъ маневромъ проскользнувъ между нашими войсками на западъ, явился тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали. Однако генераль Лидерсъ своими рѣшительными и искусными дѣйствіями недопустилъ Бема осуществить его дальнѣйшихъ плановъ. Лидерсъ вошелъ въ связь съ отрядомъ Гротенигельма, у Марошъ-Вапургели и пошелъ усиленными переходами за Бемомъ, устремившимся на Германштатъ, въ надеждѣ, будучи двумя днями ближе насъ къ этому городу, овладѣть имъ, уничтоживъ занимавшій его слабый отрядъ генерала Гасфорта. Давъ знать Гасфорту о своемъ приближеніи къ нему на помощь, Лидерсъ приказалъ ему не уступать Германштата, во чтобы то ни стало, а между тѣмъ, направилъ на арьергардъ Бема своихъ казаковъ, чтобы, тревожа его тылъ, задержать сколько нибудь его движеніе.

24 Іюля Бемъ атаковалъ Гасфорта у Германштата и подавивъ его отрядъ превосходствомъ своихъ силъ, перенесъ бой въ самый городъ. Бой этотъ продолжался безъ перерыва 11 часовъ и нанесъ намъ значительныя потери, при чемъ мы вынуждены были уступить городъ. Впрочемъ, генераль Гасфортъ, рѣшившись, на дальнѣйшее отчаянное противодѣйствіе превосходнымъ силамъ Бема, сталъ 25 Іюля на позицію за Толмачемъ, съ тѣмъ, чтобы держаться до прихода Лидерса передъ Роттеншурмскимъ ущельемъ, но въ 8 часовъ утра того-же дня, услышалъ первый пушечный выстрѣлъ за оставленнымъ нами Германштатомъ, давшій ему понять, что генераль Лидерсъ вступилъ въ бой. Какъ ни невѣроятно было это событіе, но въ дѣйствительности оно совершилось. Главныя силы Лидерса въ трое сутокъ сдѣлали 148 верстъ и изъ того числа въ послѣднія сутки 74 версты! Дѣло Лидерса съ Бемомъ кончилось совершеннымъ его пораженіемъ при чемъ онъ, страдавшій отъ раны, полученной подъ Шегешваромъ, едва спасся, успѣвъ ускакать въ простой крестьянской телѣгѣ.

Венгерцы потеряли 3 знамени, 15 орудій, со всѣми зарядными ящиками, множество оружія, убитыми болѣе 1000 человекъ, плѣнными тоже болѣе 1000 человекъ, при 34 офицерахъ.

Нанесенное такимъ образомъ жестокое пораженіе Бему положило предѣлъ его военнымъ и политическимъ успѣхамъ въ Венгріи.

Въ это время князь Варшавскій продолжалъ свое движеніе на Дебrecинъ, въ надеждѣ отрѣзать Гергею путь отступленія на соединеніе съ войсками, дѣйствовавшими въ южной Венгріи; но Фельдмаршалу и на этотъ разъ не удалось осуществить своего

плана. Обстоятельства заставили его ограничиться столкновениемъ всѣхъ его главныхъ силъ съ боковымъ авангардомъ или, лучше сказать, заслономъ, выставленнымъ Гергеємъ, подъ начальствомъ Надъ-Шандора, которому было приказано Гергеємъ избѣгать всякихъ боевыхъ встрѣчъ съ нами и уклоняться отъ боя до послѣдней крайности, чего Надъ-Шандоръ не выполнилъ и былъ опрокинутъ нашими войсками, подъ Дебречиномъ, 21 Іюля.

Что же касается до самого Гергея съ его главными силами, то онъ, перейдя Тейсу у Токая, устремился на Гроссъ-Вардейнъ. Тутъ Гергей получилъ самыя печальныя извѣстія вообще о положеніи венгерскихъ дѣлъ и о состояніи своихъ армій: 1 корпусъ, подъ командою Надъ-Шандора, какъ мы видѣли, разбитый подъ Дебречиномъ, хотя и соединился съ Гергеємъ, но не представлялъ уже собою надежной боевой силы; южная армія Дембинскаго, на соединеніе съ которой Гергей возлагалъ такія надежды, перешла на лѣвый берегъ Тейсы и за тѣмъ отступила къ Темешвару; о дѣйствіяхъ Бема не было ни какихъ свѣдѣній; съ юга Гергея охватывали Австрійцы, съ сѣвера на него надвигалась вся русская армія.... Гергей понялъ свое критическое положеніе и пришелъ къ заключенію о невозможности продолжать войну. Убѣжденіе это раздѣляли и присланные къ Гергею, изъ Сегедина, Венгерскіе министры: Шемере и графъ Казиміръ Батіани, настаивавшіе на открытіи отдѣльныхъ переговоровъ съ Русскими. Гергей не противился этому намѣренію и предоставилъ имъ сдѣлать письменное предложеніе князю Паскевичу, отъ котораго, впрочемъ, не получилось отвѣта и потому рѣшились послать для веденія переговоровъ въ этомъ направленіи депутацію, во главѣ которой поставили генерала, барона Пельтенберга. Предложенія, сдѣланныя венгерскими уполномоченными были отвергнуты Фельдмаршаломъ, объявившимъ, что онъ присланъ сражаться, а не заниматься дипломатическими переговорами, съ которыми Венгерцы, если жалаютъ, могутъ обратиться къ австрійскому главнокомандующему, вѣроятно на таковыя уполномоченно.

Между тѣмъ дѣла, Венгерцевъ ухудшались съ каждымъ часомъ. Хотя Паскевичъ своею чрезмѣрною осторожностью и недостаткомъ въ продовольствіи и вынужденъ былъ остановиться съ главными силами въ Дебречинѣ, но Гергея преслѣдовалъ болѣе настойчивый и рѣшительный генералъ Ридигеръ, позволявшій себѣ даже отступать отъ данныхъ ему Фельдмаршаломъ инструкцій и диспозицій, ввиду возможности нанесенія пораженія преслѣдуемому имъ противнику; съ другой стороны Дембинскій, вопреки положительнаго требованія Гергея объ отступленіи къ

Араду, для защиты этой крѣпости, направился на Темешваръ. Вынужденный вступить въ дѣло съ союзными войсками у д. Серегъ, 24 Іюля, Дембинскій былъ разбитъ, преимущественно благодаря участію въ этомъ дѣлѣ дивизіи Панютина и вынужденъ былъ продолжать отступленіе, рѣшившись идти прямо на Темешваръ, чтобы соединиться съ отрядомъ Кмети и противуставъ Австрійцамъ на крѣпкой позиціи, дожидаться на ней прибытія Гергея. Такое дѣйствіе Дембинскаго вызвало крайнее неудовольствіе венгерскаго Правительства: у него отняли командованіе арміей и передали Бему, приказавъ до его прибытія, вести армію къ Араду для соединенія съ Гергеемъ, куда же было приказано идти и корпусу Вечелъ, осаждавшему Темешваръ и сдѣлавшему послѣдній безуспѣшный штурмъ этой крѣпости, въ ночь на 24 Іюля. А въ это самое время баронъ Гайнау, несмотря на значительное превосходство венгерскихъ силъ, считавшихъ въ своихъ рядахъ 45,000 человекъ, при 100 орудіяхъ и при 10,000 ландштурма, (впрочемъ, наполовину только вооруженнаго ружьями) рѣшился дѣйствовать противъ Дембинскаго наступательно, атаковавъ его на занятой имъ позиціи, подъ Темешваромъ. 28 Іюля союзники атаковали Венгерцевъ, надъ которыми въ этотъ день принялъ отъ Дембинскаго начальство, пріѣхавшій изъ Трансильваніи, Бемъ, встрѣченный венгерскою арміею съ величайшимъ восторгомъ. Но, не смотря на въ высшей степени искусныя распоряженія Бема и на чрезвычайное мужество Венгерцевъ, преимущественно ихъ кавалеріи и артиллеріи, армія Бема, особенно благодаря участію въ послѣдовавшихъ бояхъ сводной дивизіи генерала Панютина и своевременному прибытію на поле битвы отряда князя Лихтенштейна, была совершенно разбита и крѣпость Темешваръ освобождена, послѣ 107 дневной ее осады, истощившей всѣ ея продовольственные средства и сдѣлавшей невозможною продолженіе ея защиты.

Извѣстіе объ этомъ пораженіи переданное, Кошутомъ Гергею 30 Іюля, показало ему всю безвыходность его положенія. „Ему, говоритъ Ореусъ, (Idem. См. 486) оставался только одинъ свободный путь, на востокъ, въ Трансильванію, но и тамъ ожидали его войска Лидерса, между тѣмъ какъ армія князя Паскевича и барона Гайнау, конечно, не преминули бы быстро послѣдовать за нимъ. Совершенное пораженіе Бема отнимало всякую надежду на какой либо успѣхъ въ будущемъ; собственныя войска Гергея упали духомъ; матеріальныя его средства къ продолженію войны были почти въ конецъ истощены“. Гергей пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшая борьба была возможна только для удовлетворенія личныхъ, а не національныхъ интересовъ: армія его оста-

лась одна, безъ денегъ, безъ боевыхъ снарядовъ, безъ продовольствія, однимъ словомъ—безъ необходимыхъ средствъ,—безъ надежды на помощь,—безъ нравственной силы, окруженная союзниками! Наконецъ, такъ долго ожидавшаяся помощь Франціи не являлась и вообще, всѣ Державы, на участіе которыхъ такъ крѣпко надѣялись Кошутъ и его сотоварищи, оставались равнодушными къ настоящему положенію Венгріи, склонявшейся подъ грозными ударами Русскихъ; словомъ, предстояли Венгерцамъ на выборъ три крайности: добровольно положить оружіе,—быть къ тому принужденными силою или наконецъ, черезъ Радну и Линну, бѣжать въ Турцію! Сообразивъ все это, Гергей тотчасъ рѣшился возможно поспѣшнѣ прекратить бесполезную борьбу, по возможности съ меньшими для Венгріи потерями, чтобы отечество, которое онъ былъ уже не въ силахъ спасти, по крайности, скорѣе избавить отъ бѣдствій войны. Имѣя полную возможность прорваться въ Турцію, подобно Кошуту и Полякамъ, Гергей лучше рѣшился добровольно положить оружіе: честь и благородный образъ мыслей заставили Гергея, подобно множеству его благородныхъ и мужественныхъ товарищей, лучше остаться на видимую и при томъ же позорную смерть въ Отецествѣ, чѣмъ искать спасенія на чужбинѣ. Они признавали лучшимъ: добровольно преклониться предъ неотклонимой рукой Господней и твердо подчиниться своей участи, чѣмъ бѣжать отъ своихъ знаменъ, влачить въ изгнаніи горькіе дни и видѣть тысячи своихъ боевыхъ товарищей въ нищетѣ и бѣдствіи оплакивающими потерю своего Отечества. Въ то же время, зная что Кошутъ не можетъ оставаться въ Венгріи послѣ сложенія оружія главными силами, и не приметъ открытаго участія въ такомъ рѣшеніи, Гергей чтобы имѣть право поступать согласно обстоятельствамъ, рѣшительно и самостоятельно, предложилъ Кошуту передать ему высшую власть. Въ отвѣтъ Кошутъ назначилъ Гергея главнокомандующимъ всѣми Венгерскими войсками, уполномочивая его заключить миръ, но только непременно съ Русскими. Такое назначеніе Гергей могъ принять за насмѣшку: увеличивали воинскую власть Гергея не прибавляя къ командуемымъ имъ войскамъ ни одного человѣка, ни одного орудія,—давали Гергею полномочіе заключить миръ, тогда какъ не представлялось ни какой возможности говорить о мирѣ съ побѣдоносными войсками союзниковъ. Странность своего новаго назначенія Гергей высказалъ министру Ксени,—тотъ объяснился съ Кошутымъ и въ тотъ же день власть надъ Венгріей была формально передана Гергею,—министры и Кошутъ отказались отъ занимаемыхъ ими должностей. Получивъ такое постановленіе, Гергей тотчасъ послалъ офицера принять отъ Кошута Государственные Имущества, но Ко-

шутъ уже скрылся въ Турцію, объявивъ народу о передачѣ власти Гергею слѣдующею прокламаціею:

„Къ народу.

„Послѣ поражений, въ послѣднее время понесенныхъ венгерскою націею,—мы потеряли всякую надежду успешно продолжать борьбу съ сильными союзными государствами—Россіей и Австріей!...

Въ настоящихъ обстоятельствахъ спасти Венгрію и обезопасить ея будущность, можетъ только предводитель войска,—настоящее же Правленіе убѣдилось, что его дальнѣйшее существованіе не только не полезно, но даже вредно для націи. Вслѣдствіе этого объявляю, что движимый тѣмъ патріотическимъ чувствомъ, которое во всю мою жизнь, всякій мой шагъ направляло на пользу отечества,—въ силу права располагать предоставленною мнѣ властію, отрекаюсь отъ нее и предоставляю ее господину генералу Артуру Гергею.

Надѣюсь, впрочемъ, что Гергей употребитъ эту власть, по возможности, для спасенія государственнаго существованія нашего отечества, для его блага, безопасности и для обезпеченія его будущности, въ чемъ и возлагаю на него всю отвѣтственность предъ Богомъ, народомъ и исторіей.

Да любитъ онъ отчизну, какъ я ее любилъ, но да будетъ онъ счастливѣе меня въ дѣлѣ утвержденія благосостоянія націи.

Я не могу быть въ настоящее время полезнымъ отечеству; но если бъ я своею смертію могъ доставить отечеству какую либо пользу, съ радостью я пожертвовалъ бы жизнью.

Богъ милосердный и справедливый да пребудетъ съ народомъ. Крѣпость Арадъ 30 Іюля (11 Августа) 1849 г., *)

Вслѣдствіе этого Гергей, прокламаціей объявляя о совершившемся, приглашалъ Венгерцевъ быть спокойными, обѣщая сдѣлать для страны все возможное въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ **) и обратился съ согласія и вѣдома военнаго

*) Подписали: Людовикъ Кошутъ, губернаторъ; Саббазъ Вуковичъ, министр юстиціи; Ладиславъ Ксени, министръ публичныхъ работъ; Михаилъ Хорватъ,—министръ земледѣлія».

**) Граждане!

Венгерское временное правленіе болѣе не существуетъ.

Губернаторъ и министры сегодня, добровольно, отказались отъ должностей.

Этимъ событіемъ я былъ вынужденъ сегодня принять на время вмѣстѣ съ военною — и гражданскую власть.

Граждане! что только возможно въ настоящемъ затруднительномъ положеніи сдѣлать для блага отечества, силою оружія или мирнымъ способомъ — я сдѣлаю; но, во всякомъ случаѣ, дѣйствуя тѣмъ или другимъ образомъ, я отвѣчаю, что число

совѣта къ генералу Ридигеру со слѣдующимъ письмомъ, изъявляя готовность положить оружіе собственно передъ Русскими войсками:

„Генералы! Вамъ извѣстна, конечно, печальная исторія моей отчизны. Поэтому я избавляю Васъ отъ повторенія о всѣхъ тѣхъ, роковымъ образомъ, сложившихся событіяхъ, которыя все глубже и глубже вовлекали насъ въ отчаянную борьбу, сначала изъ за нашихъ свободныхъ учрежденій, а потомъ изъ за самого существованія нашего.

Лучшая и, смѣю думать, — большая часть націи не легкомысленно искала этой борьбы, но, при помощи многихъ почтенныхъ людей (хотя и не принадлежавшихъ къ нашей націи, но — по обстоятельствамъ вмѣстѣ съ нею вовлеченныхъ въ борьбу), выдерживали ее честно, твердо и побѣдоносно.

Тогда европейская политика потребовала, чтобы Его Величество Императоръ Всероссійскій соединился съ Австріею для того, чтобы побѣдить насъ и сдѣлать дальнѣйшую борьбу за венгерскую конституцію невозможною.

Это совершилось!

Многіе изъ истинныхъ венгерскихъ патріотовъ предвидѣли это и предостерегали отъ этого.

Исторія нашего времени когда нибудь разоблачитъ — какія, собственно, причины заставляли большинство временнаго правительства оставаться глухимъ къ этимъ предостереженіямъ.

Этого временнаго правительства болѣе не существуетъ.

При сильнѣйшей опасности — оно оказалось наиболѣе слабымъ.

Я — какъ человѣкъ дѣла, а не праздныхъ словъ — призналъ дальнѣйшее кровопролитіе бесполезнымъ и бѣдственнымъ для Венгріи. Это признано было мною еще при началѣ русскаго вмѣшательства. — Сегодня я потребовалъ отъ временнаго правительства безусловнаго отреченія отъ власти; такъ какъ при даль-

жествъ доселѣ бывшее столь огромнымъ, уменьшится, — гоненія, жестокости, убійства — прекратятся.

Граждане! Современныя событія необыкновенны; — тяжелы падающія на насъ удары судьбы; — въ такомъ положеніи невозможно проникнуть въ будущее. Мой совѣтъ, мое желаніе, чтобы вы мирно воротились въ свои жилища, къ своимъ обычнымъ занятіямъ и не сопротивлялись бы, если бы даже непріятель занялъ вашъ городъ, — чтобы вы вообще не участвовали въ борьбѣ и тѣмъ обезопасили бы свое существованіе и цѣлость своего имущества.

Граждане. Перенесемъ съ мужествомъ и твердостью, что суждено намъ несповѣдимымъ Промысломъ Господнимъ, пытаюсь надеждою: что не навсегда потеряно правое дѣло.

Граждане! съ нами Богъ!

Альтъ Арадъ, 31 Іюля (11 Августа) 849. Артуръ Гергей.

нѣйшемъ существованіи онаго, будущность отчизны могла-бы, день отъ дня, дѣлаться только мрачнѣе и печальнѣе.

Временное правительство создало это и добровольно отреклось отъ управленія, передавъ высшую власть въ мои руки.

Пользуюсь этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы, согласно лучшимъ моимъ убѣжденіямъ, сберечь кровь человѣческую и, по крайней мѣрѣ, избавить отъ бѣдствій войны моихъ мирныхъ согражданъ, для дальнѣйшей защиты коихъ я слишкомъ слабъ. Поэтому я кладу оружіе безусловно и симъ, можетъ быть, побужу сдѣлать, въ скоромъ времени, тоже самое тѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ отъ меня венгерскихъ военныхъ силъ, которые, подобно мнѣ, сознаютъ, что это, въ настоящее время, для Венгріи будетъ лучшимъ исходомъ.

Уповаю при этомъ, что Его Величество Царь, Котораго великодушіе столь извѣстно, непредставитъ на произволъ печальной и ненадежной судьбы тѣхъ многихъ изъ моихъ храбрыхъ товарищей, которые, будучи прежде австрійскими офицерами, силою обстоятельствъ, вовлеклись въ эту несчастную борьбу противъ Австріи, равно уповаю что Онъ не отдастъ на жертву слѣпой метительности враговъ глубоко подавленный народъ венгерскій, основывающій свои надежды на Его великодушіи. Можетъ быть будетъ достаточно и того, чтобы *я одинъ* палъ жертвою!

Письмо это я адресую къ Вамъ, такъ какъ вы первый дали мнѣ доказательство того уваженія, которымъ пріобрѣтено мое довѣріе.

Если вы желаете остановить дальнѣйшее бесполезное кровопролитіе, то поспѣшите, какъ можно скорѣе, сдѣлать возможнымъ осуществленіе печальнаго акта сдачи оружія—но только такъ, чтобы она совершилась передъ войсками Его Величества Русскаго Императора; ибо я торжественно заявляю, что лучше допущу уничтоженіе всего моего корпуса въ отчаянной битвѣ съ какими бы то ни было превосходными силами, нежели безусловное сложеніе оружія передъ австрійскими войсками.

Завтра, 12 августа, я иду въ Виллагошъ; послѣ завтра, 13—въ Борошъ-Іено; а 14-го въ Беэль,—о чемъ сообщаю Вамъ для того, чтобы Вы, съ ввѣренными Вамъ силами, заняли мѣсто между австрійскими и моими войсками, дабы окружить меня и отдѣлить отъ нихъ.

Если бы маневръ этотъ не удался и австрійцы пошли бы по пятамъ моимъ, то я, рѣшительно отражая ихъ атаки, буду отходить на Гросъ-Вардейнъ, чтобы на этой дорогѣ встрѣтить

императорско-русскую армию, передъ которою, одною, войска мои изъявили готовность добровольно сложить оружіе.

Ожидаю, въ наикратчайшемъ времени, Вашего отвѣта и заключаю увѣреніемъ въ моемъ безграничномъ уваженіи.

Старый Арадъ. 11 августа 9 часовъ вечера. Артуръ-Гергей, венгерскій генералъ“.

И такъ, настали послѣднія минуты бытія безусловной свободы Венгріи! Глава націи призналъ невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и рѣшился—положить оружіе; но чести принять его не хотѣлъ никто изъ венгерцевъ, начиная съ Гергея и до послѣдняго Гонведа, предоставитъ австрійцамъ, своимъ заклятымъ врагамъ. *)

Получивъ съ парламентаромъ письмо Гергея, генералъ Ридигеръ тотчасъ отправилъ для окончательныхъ условій съ Гергеемъ начальника своего штаба, генерала Фролова, а чтобы исполнить желаніе Гергея относительно установленія преграды между арміями его и австрійскою, послалъ казаковъ занять пространство между крѣпостью Арадомъ и Виллягошемъ, о чемъ и донесъ главнокомандующему.

Фельдмаршалъ, получивъ донесеніе Ридигера о предложеніи Гергея, тотчасъ представилъ Государю слѣдующее донесеніе:

„Венгрія у ногъ Вашего Императорскаго Величества.

Мятежническое правительство, отказавшись отъ власти, передало ее Гергею.

Гергей, съ главнымъ мятежническимъ войскомъ, кладетъ безусловно оружіе передъ русскою арміею, и примѣру его, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ и прочіе мятежническіе отряды. Офицеры,

*) Изъ записокъ Гергея (Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848. und 1849. Leipzig. 1852):

«Послѣ вѣншательства Россіи, честь принятія нашего оружія непосредственно изъ нашихъ же рукъ, мнѣ невозможно было предоставить Австрійцамъ.

По моему убѣжденію, они утратили право претендовать на подобную честь, съ того момента, когда оказалось, что ихъ мужество, надломленное военными дѣйствіями въ теченіи апрѣля, могло возстановиться уже не довѣріемъ къ самимъ себѣ, а только надеждою на близкую, спасительную помощь со стороны Россіи.

Кромѣ того, если бы я рѣшился (пока мнѣ оставалась свобода выбора), положить оружіе передъ Австрійцами, то это было бы отреченіемъ отъ того принципа, за который стояла армія, стоялъ и я самъ.....

Добровольное сложеніе оружія, на которое я рѣшился (и которое, конечно, принимаю на собственную отвѣтственность передъ Богомъ, націею и исторіею) могло пока я командовалъ арміею—только въ двухъ случаяхъ совершиться предъ Австрійцами: если бы они побѣдили насъ безъ помощи Русскихъ, или же—если-бы предводимая мною армія выразила положительное желаніе сдаться Австрійцамъ, а не Русскимъ».

имъ посланные, для предложенія о сдачѣ, объявили готовность отправиться, съ нашими, или австрійскими комиссарами къ симъ отрядамъ, чтобы склонить ихъ положить оружіе.

Изъ представленнаго здѣсь въ копіи рапорта генераль-адъютанта графа Ридигера и перевода письма Гергея, Ваше Императорское Величество, изволите усмотрѣть, что единое условіе, симъ послѣднимъ предлагаемое, есть то, чтобы ему дозволено было сдаться Вашей арміи, а не австрійской; я сдѣлалъ надлежащія распоряженія для охраненія его войскъ со всѣхъ сторонъ корпусомъ генерала Ридигера, которому также поручаю ихъ обезоружить. Относительно передачи плѣнныхъ и распоряженій касательно прочихъ мятежническихъ отрядовъ, я вхожу въ сношеніе съ главнокомандующимъ австрійскою арміею; что же касается до самого Гергея, то я велѣлъ его отправить въ мою главную квартиру, гдѣ и оставлю впредь до повѣленія Вашего Императорскаго Величества“.

Между тѣмъ, въ венгерскомъ станѣ распространился слухъ о рѣшеніи военачальника, принятомъ военнымъ совѣтомъ, что произвело на большинство радостное впечатлѣніе: одни желали скорѣйшаго окончанія войны, какимъ бы то ни было способомъ, желая возможно скорѣе воротиться домой и привести въ какой нибудь порядокъ свое хозяйство, перевернутое вверхъ дномъ военной непогодой и не дать погибнуть отъ голода и нужды своей несчастной семьѣ; другимъ, отчасти знакомымъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ отечествѣ, необходимость положить оружіе, была сама собою понятна; иные безусловно вѣрили Кошуту—онъ уполномочилъ Гергея распоряжаться судьбою отечества, Гергей нашелъ необходимымъ положить оружіе—слѣдовательно такъ и должно было быть; другіе, затѣмъ увлеченные подвигами Гергея, постоянно выражавшими стремленіе ко благу отечества, считали по этому всѣ его дѣйствія непогрѣшимыми, слѣдовательно и настоящее. Оставалась, затѣмъ, партія противниковъ принятого Гергеемъ рѣшенія и хотя она подавлялась большинствомъ, но, воспользовавшись стеченіемъ обстоятельствъ она чуть было не успѣла возмутить значительную часть арміи Гергея. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Гергей не объявлялъ формально войску о рѣшеніи своемъ безусловно положить оружіе передъ русскими, предполагая объявить объ этомъ ему въ моментъ появленія передовыхъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ, что то задержало Гергея дома и онъ, прискакалъ къ войску въ тотъ моментъ, когда уже русскіе наступали, а венгерцы приготавлились къ бою. Хотя начальники и не позволяли вступать въ битву, но противники сложенія оружія, воспользовались этимъ

моментом и стали увѣрять прочихъ, что они жертва измѣны, что русскіе ихъ вырѣжутъ поголовно, а тѣхъ, кого возьмутъ, живьемъ, отправятъ въ Сибирь и потому надлежитъ драться до послѣдней крайности. Еще нѣсколько мгновеній, вспыхнуть бы, мятежъ и началось бы страшное кровопролитіе!... Но, къ счастью передъ полками появился Гергей: проскакавъ по рядамъ войскъ, онъ самъ объявилъ солдатамъ, что для счастья и спокойствія отчизны необходимо тотчасъ положить оружіе и венгерская армія успокоилась!... Въ этотъ же моментъ случилось венгерскимъ главнокомандующимъ приглашеніе Ридигера представить русскому правительству просьбы арміи, обѣщая ходатайствовать за это храброе, но несчастное войско у русскаго Фельдмаршала. Въ венгерцахъ воскресла надежда; они вообразили, что всѣхъ желающихъ, примутъ въ русскую службу и многіе стали просить у Гергея повышения въ чинахъ, въ надеждѣ что таковыя имъ послужатъ въ пользу при переходѣ въ русскія войска. Но Гергей зналъ всю несбыточность этой мечты, имѣя въ виду отвѣтъ Фельдмаршала Паскевича на письмо Батіани и Шемере, посланное съ генераломъ Плеттенбергомъ, онъ рѣшительно запретилъ офицерамъ думать о переходѣ въ русскую службу, показавъ, какъ постыдно было бы для націи, если бы эти офицеры стали подъ знамена, пришедшія ратовать противу ихъ отечества, за Австрію.

Въ полночь на 1 Августа, наши войска снялись съ позиціи и пошли впередъ; около 5 часовъ утра, у деревни Зерандъ, наши стали въ боевой порядокъ и продолжали наступленіе до равнины при д. Шалонь. Каждый готовился къ бою, даже офицеры, неговоря — солдаты; никто не подозрѣвалъ о предстоящемъ. Около 10 часовъ наши увидѣли венгерскую армію, построенную къ нимъ параллельно, въ послѣдній, какъ оказалось, разъ стоявшую подъ ружьемъ, съ распушенными знаменами, еще на нѣсколько мгновеній самостоятельную и способную ринуться въ бой и, быть можетъ, пожать неувядаемые лавры!!!

Къ Венгерцамъ явился нашъ парламентаръ отъ имени генерала Ридигера, приглашавшій Гергея окончательно объявить: дѣйствительно ли онъ слагаетъ оружіе. Гергей отвѣчалъ утвердительно и въ доказательство истинны своихъ словъ, просилъ проводить его къ генералу Ридигеру. Парламентаръ согласился и Гергей, въ сопровожденіи своего многочисленнаго штаба и всѣхъ офицеровъ, свободныхъ отъ службы, понесся въ станъ Русскихъ. Очевидцы рассказываютъ, что этотъ пріѣздъ Гергея къ генералу Ридигеру, ожидавшему его передъ фронтомъ своего войска, былъ восхитителенъ. Самъ Гергей, высокій и стройный мужчина, лѣтъ тридцати, отличался миловиднымъ лицомъ,

отѣненнымъ небольшими усами и бородою. Въ большихъ, голубыхъ глазахъ его блистали умъ и энергія; голова его была красиво повязана краснымъ, шелковымъ платкомъ, закрывавшимъ перевязку еще незажившей раны. На Гергеѣ было темнокоричневое пальто съ красными шнурами и золотымъ позументомъ по воротнику; черезъ плечо у него была дорожная сумка; огромные, выше колѣнъ, сапоги, самой грубой кожи. Такова была наружность этого замѣчательнаго человѣка, въ рукахъ котораго заключалась въ настоящіе моменты, судьба отечества. Простота, достойная римскихъ военачальниковъ, выразившаяся въ наружности Гергея, возвышала его надъ всѣми лицами, его окружающими, въ такой степени, въ какой онъ стоялъ выше ихъ своими воинскими способностями, твердою волею, энергіею и быть можетъ даже—любовью къ отечеству!...

Ридигеръ встрѣтилъ своего бывшаго врага съ отличною привѣтливостью и тѣмъ пробудилъ живѣйшій восторгъ не только въ самомъ Гергеѣ, но и во всей его свитѣ. Тутъ Гергей передалъ Ридигеру просьбы чиновъ своей арміи, слѣдующаго содержанія и списокъ чиновъ временнаго правительства, находившихся при арміи, слагавшей оружіе, прося ихъ именемъ, какъ милости, позволить имъ остаться при венгерской арміи до рѣшенія ихъ судьбы.

Виллагошъ. 1 Августа 1849 г.

„Складывая добровольно оружіе съ состоящими подъ моимъ начальствомъ венгерскими войсками, передъ войсками Его Величества Императора російскаго, и покоряясь безусловно съ храбрыми моими товарищами, я долгомъ считаю поручить вамъ, г. генераль, скромныя ихъ желанія и почтительно просить васъ не отказать намъ въ вашемъ за нихъ ходатайствѣ у его Свѣтлости высокаго вашего начальника, и даже у Его Величества Російскаго Императора.

Просьбы моихъ товарищей заключаются въ слѣдующемъ:

1) Чтобы они не были переданы Австріи, какъ преступники, ибо тѣ именно, которые первоначально состояли въ австрійской службѣ, опасаются, чтобы ихъ не лишили жизни, а быть можетъ и чести.

2) Чтобы всѣ офицеры получили позволеніе носить шпаги или сабли и во время нахожденія ихъ въ плѣну; каждый изъ

нихъ готовъ дать честное слово, что такой милости во зло не употребить.

3) Чтобы тѣмъ изъ нихъ, которые изъявили бы желаніе вступить въ русскую военную службу, въ таковой милости не было отказано.

4) Чтобы движимое имущество каждаго изъ тѣхъ, которые добровольно покоряются, какъ-то: обозъ, лошади и прочее—милостиво было оставлено при владѣльцахъ.

5) Чтобы, если бы самопроизвольнымъ рѣшеніемъ австрійскаго правительства венгерскія бумажныя деньги потеряли свое достоинство, доставлена была намъ возможность размѣнять ихъ на деньги, находящіеся въ общемъ обращеніи, ибо иначе, не имѣя ни какого другаго рода денегъ, мы были бы мгновенно подвергнуты самымъ горькимъ заботамъ въ отношеніи къ нашему пропитанію.

6) Какъ предстоящая будущность Венгріи намъ еще не объявлена и какъ, быть можетъ, что всѣхъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ ожидаетъ эшафотъ или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, изгнаніе, если Его Величество Императоръ Россійскій, движимый извѣстнымъ Его великодушіемъ и справедливостію, откажетъ Венгріи въ могущественномъ Своемъ посредничествѣ, то мы, всѣ вмѣстѣ, осмѣливаемся, не столько для насъ самихъ, сколько для всѣхъ нашихъ согражданъ, просить о великодушномъ посредничествѣ Его Величества Россійскаго Императора, дабы бѣдный край, столько уже пострадавшій, не былъ еще подвергнутъ новымъ испытаніямъ. Вмѣстѣ съ нами, многія другія лица гражданскаго вѣдомства готовы, для умиротворенія своего отечества, добровольно подвергнуться рѣшенію ихъ участи по благоусмотрѣнію Его Величества Россійскаго Императора. Эти лица гражданскаго вѣдомства остаются въ Виллагошѣ и ожидаютъ императорско-россійской коммисіи, которая приняла бы въ свое вѣдѣніе какъ особъ, такъ и находящіеся тамъ государственныя имущества.

Въ отвѣтъ на эту просьбу венгерскаго вождя послѣдовало слѣдующее рѣшеніе князя Паскевича:

По 1 и 6-му пунктамъ—относительно невыдачи сдавшихся венгерскихъ офицеровъ австрійцамъ и помилованія ихъ, Свѣтлѣйшій, въ особой запискѣ, отъ 2 августа 1849 года, обратился къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ совѣтомъ—даровать инсургентамъ амнистію.

Князь Паскевичъ докладывалъ Государю: „Для пользы самаго Императора Австрійскаго, въ моемъ мнѣніи, надобно офицеровъ и генераловъ простить. Ваше Императорское Величество

въ подобномъ случаѣ простили Полякомъ и даже поддерживали ихъ существованіе. Отъ этого произошло спокойствіе всего края, такъ что въ послѣдующихъ польскихъ заговорахъ, которыхъ было весьма много, не было замѣшано даже и пяти офицеровъ. Вотъ слѣдствія Вашего великодушія! Когда послѣдніе Поляки уходили въ Пруссію, дабы тамъ положить оружіе, дѣдъ настоящаго австрійскаго Императора, Францъ I, прислалъ полковника Кабогу сказать мнѣ, что совѣтуетъ всѣхъ простить. Онъ былъ въ подобномъ положеніи нѣсколько разъ въ Италіи и всегда прощалъ, отчего спокойствіе въ его царствованіе не было нарушено.

Разсуждая о пользѣ амністіи, надобно имѣть ввиду послѣдствія. Настоящее европейское положеніе таково, что никто въ Европѣ не осмѣлится казнить всѣхъ участниковъ возмущенія. По всѣмъ теперешнимъ прокламаціямъ Венгерцы всѣ виновные, подлежатъ казни. Этого не исполнять, и если не будетъ амністіи, то всѣ останутся недовольными и сдѣлаются въ послѣдствіи явными врагами правительства и бунтовщиками.

Венгрія не только не любитъ Австрійцевъ, но имѣетъ предрезреніе къ нимъ, и это не въ высшемъ только сословіи, но во всемъ народѣ. Народъ этотъ надо успокоить; а пересматривая поведеніе каждаго офицера, придется наказывать многихъ очень поздно, иногда черезъ годъ или черезъ два, а все это время умы будутъ въ волненіи.

Венгерцы желаютъ прежней конституціи, а не той, которая исторгнута была у Императора Фердинанда.

Держать Венгрію въ военномъ положеніи, какъ докладывалъ Вамъ князь Шварценбергъ, полезно и даже необходимо; но, по моему мнѣнію, нужно бы вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что прежняя конституція будетъ возобновлена; однако не та, которая была исторгнута, разумѣется, выключая Трансильванію и Кроацію.

Таково мнѣніе и всѣхъ благомыслящихъ и преданныхъ австрійскому правленію Венгровъ. Графъ Зичи, который при мнѣ полномочнымъ комиссаромъ, на правахъ главнокомандующаго, съ властію жизни и смерти надъ каждымъ Венгромъ, самый приверженный изъ всѣхъ венгерцевъ къ австрійскому Дому, говоритъ, что *безъ добраго совѣта и настоянія вашего Императора мы не вытупаемся*.

По пункту 2-му, объ оставленіи оружія венгерскимъ офицерамъ и по пункту 3-му, относительно принятія желающихъ венгерскихъ офицеровъ въ русскую службу, Паскевичъ отказалъ Гергею.

По пункту 4-му, просьбу Гергея относительно оставленія генераламъ и офицерамъ ихъ собственнаго имущества, Паскевичъ приказалъ удовлетворить.

По 5-му пункту, относительно обмена „Кошутокъ“ на ходячую монету, Гергею отказано, потому что это финансовое дѣло все-цѣло относится до распоряженія австрійскаго правительства.

Находившихся въ Виллагонѣ гражданскихъ лицъ фельдмаршалъ приказалъ взять какъ военно-плѣнныхъ и описать имѣвшееся у нихъ казенное имущество, для передачи австрійскому правительству.

Въ заключеніе записки своей, представленной, по поводу просьбы Гергея Государю Императору, князь Паскевичъ присовокуплялъ: „что Гергей положилъ оружіе передъ войскомъ Его Императорскаго Величества въ упованіи на Его благость и великодушіе, подвергаясь за то злобѣ австрійцевъ“.

Благоразумная политика требуетъ, чтобы венгерцамъ была дана амністія, но можетъ быть, заканчивалъ Свѣтлѣйшій, безъ Вашего Величества австрійцы ее не дадутъ!!!... И дѣйствительно—не дали, какъ извѣстно! не смотря на *личное* ходатайство о помилованіи ихъ, употребленное по Высочайшій волѣ Государемъ Наслѣдникомъ нашего престола, впоследствии Императоромъ Александромъ II, нынѣ въ Бозѣ опочившимъ....

Но возвратимся къ моментамъ положенія оружія Гергеемъ.

Ридигеръ предоставилъ самому Гергею составить церемоніаль сдачи оружія, къ которой Венгерцы приготовились только къ вечеру, послѣ чего генералъ Ридигеръ осмотрѣлъ сдающуюся армію. Конница сошла съ лошадей, пристегнувъ свое оружіе къ седламъ, пѣхота стала сзади составленныхъ въ козла ружей, съ повѣшенною на нихъ аммуниціею; замолкшіе барабаны были составлены въ пирамиды; орудія безъ прислуги сдвинуты въ тѣсную кучу; знамена и штандарты лежали передъ фронтомъ войскъ—безъ стражи. Русскіе отступали покорившуюся арміею и отдавали ее отъ ся оружія... Печальна и торжественна была эта картина, позлащенная лучами заходящаго солнца!....

Такъ совершилось это знаменитое событіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ военной исторіи и озарившее совершенно новою славою русское оружіе.

Остальныя подробности сдачи рассказаны многими и не настолько замѣчательны, чтобы ихъ повторять здѣсь. Каждый пойметъ, какъ горько было венгерскимъ гусарамъ, стяжавшимъ такую европейскую извѣстность, да и вообще всѣмъ старымъ служакамъ, разставаться со своимъ боевымъ конемъ, со своимъ любимымъ оружіемъ, со своими ратными товарищами. Говорятъ многіе плакали какъ дѣти; рассказываютъ даже, что нѣкоторые въ фанатическомъ увлеченіи—застрѣлились....

Гергея отправили съ нашимъ штабъ-офицеромъ въ Гросс-

Вардейнъ. Тамъ Гергею представлялся князю Варшавскому и былъ встрѣченъ рѣзкими упреками за сопротивление и войну, погубившую жизнь столь многихъ..... Но чрезъ нѣсколько минутъ, Фельдмаршалъ изъявилъ Гергею участіе,—хвалилъ его за рѣшимость сложить оружіе и, не ожидая просьбы Гергея, обѣщалъ ходатайствовать предъ Государемъ о пощады его. Чрезъ восемь дней послѣ того Гергею было объявлено, что Государь Императоръ соизволилъ принять его подъ Свое высокое покровительство, приказавъ Государю Наслѣднику просить у Австрійскаго Императора пощады Гергею и, въ случаѣ отказа—повелѣлъ привезть его въ Россію. Тутъ же предложили Гергею снять одежду гонимаго, въ которой онъ постоянно ходилъ и надѣть статское платье; чрезъ нѣсколько дней австрійскій штабъ офицеръ привезъ Гергею секретное объявленіе Гайнау о дарованіи ему помилованія Австрійскимъ Императоромъ *по собственному Его Величеству милосердію*; но при этомъ объявлялось Гергею, что въ Венгріи долѣе ему оставаться уже невозможно, а потому ему назначается мѣстопробываніемъ Клагенфуртъ, въ Каринтіи,—куда онъ и отправленъ немедленно съ адъютантомъ барона Гайнау, получивъ дозволеніе взять съ собою свое имущество и семейство.

Пощада, дарованная Гергею въ то время какъ Гайнау немилосердно казнилъ большую часть его ратныхъ сопачальниковъ, равно разнесшаяся молва, что русскіе даютъ ему деньги, послужила орудіемъ, которымъ ратовали противу Гергея: Поляки, тайные друзья Кошута и все Венгерцы, ослѣвленные республиканскими идеями и не хотѣвшіе сознаться, что лучшаго исхода, какъ сложеніе оружія, для блага отечества, нельзя было придумать въ данное время и безусловно обвинявшіе Гергея въ измѣнѣ, вслѣдствіе подкупа. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такое обвиненіе было не что другое какъ клевета, такъ какъ нельзя назвать подкупомъ врученіе Гергею 1100 полуимперіаловъ, по приказанію князя Варшавскаго, узнавшаго, что Гергею не съ чѣмъ доѣхать до мѣста ему указаннаго жительства, потому что денегъ вырученныхъ имъ отъ продажи своихъ лошадей, единственныхъ денежныхъ средствъ, бывшія у него въ это время, ему на поѣздку не достало бы. Впрочемъ, въ такомъ отношеніи Венгерцевъ къ Гергею только вновь проявился общій законъ измѣнчивости любви народовъ, возносившихъ имена своихъ баловней на верхъ величія и славы въ минуты ихъ успѣховъ и топтавшихъ въ грязь эти же имена, когда счастье переставало имъ улыбаться и на ихъ долю выпадали неудачи и утраты. Эпитетъ — „жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха“, приданный

поэтомъ одному народу, не справедливѣ ли отнести ко всему человѣчеству? Когда паденіе Офена и рядъ побѣдъ надъ Австрійцами, одержанныхъ преимущественно искусствомъ Гергея прославилъ Венгерцевъ и вся Европа обратила на нихъ вниманіе— Венгерцы увидѣли въ Гергеѣ своего спасителя, ниспосланнаго имъ небомъ,—сплетали ему вѣнки, прославляли его имя! Во время всей его тяжелой борьбы съ нами, безусловно вѣровали въ него; каждую его битву съ нами, хотя бы и проигранную, называли успѣхомъ, побѣдою;—даже вынужденное отступленіе его, чуть не бѣгство, называли искуснымъ маневромъ, гениальной мѣрой, которая приведетъ къ гибели всю нашу армію, въ при-тейскихъ и при-дунайскихъ цунтахъ. Но вотъ ударилъ послѣдній часъ существованія венгерской арміи: ея благоразумный вождь, найдя невозможнымъ продолжать неравную борьбу, рѣшился положить оружіе.... и тысячи проклятій посыпались на его голову, обвиненіе въ продажности, въ измѣнѣ.... Ни кто не хотѣлъ безпристрастно разсмотрѣть дѣло... Но тогда, положимъ, при разгарѣ страстей, искать безпристрастнаго отношенія къ дѣлу было, можетъ быть, и напрасно, а вотъ и теперь, когда уже много лѣтъ прошло послѣ вилагошскаго событія, и пора бы кажется исчезнуть духу партій, увѣрьте, напримѣръ Поляковъ, что не вслѣдствіе измѣны Гергей положилъ оружіе! вы не измѣните ихъ убѣжденій: ни фактами ни самыми убѣдительными логическими объясненіями дѣла (*).

Впрочемъ, рано или поздно, а истина всегда восторжествуетъ, какъ бы она ни была подавлена силой обстоятельства и затѣмнена интригами. Доброе имя Гергея, венгерская интеллигенція, проникнутая Кошутовскими идеями, силилась опозорить и втоптать въ грязь. Но такъ ли отнеслись къ нему обитатели бѣдныхъ хижинъ, старцы, матери, жены, въ продолженіи венгерской сумятицы оставшіеся оди-

(*) Генераль Дембинскій, заклятый врагъ Гергея, во время мятежа то главнокомандующій венгерскою арміею, то только ея корпусный командиръ, явился однимъ изъ главныхъ обвинителей Гергея въ измѣнѣ дѣлу отечества, однимъ изъ самыхъ ярыхъ проповѣдниковъ, призывавшихъ на его голову всѣ громы небесныя. Такъ мстилъ Гергею Дембинскій за тѣ дурныя отношенія, въ какихъ съ нимъ былъ онъ во все время венгерскаго мятежа, за постоянныя обвиненія его Гергеемъ въ военномъ невѣжествѣ, въ безпрестанныхъ стратегическихъ и тактическихъ ошибкахъ и за настояніе, достигшее успѣха о смѣщеніи его съ должности главнокомандующаго. Выраженіемъ мести Дембинскаго Гергею можетъ служить слѣдующее письмо Дембинскаго къ редактору «Allgemeine Zeitung», 27 мая 1852 въ № 148 (прил. стр. 2363).

Парижъ, улица Гелу 18 мая 1852.

Господинъ Редакторъ.

Имѣю нѣкоторыя извлеченія изъ вашей газеты по дѣлу генерала Гергея, преимущественно трактующія о его бесѣдѣ tête-à-tête съ г. Кошутомъ 10 августа 1849,

нокими на невоздѣланныхъ поляхъ, безъ средствъ существованія? Такъ ли думали эти несчастные, которымъ событія при Виллагошѣ воротили уже оплаканныхъ мужей, сыновей и братій, а съ ними возможность домашняго счастья. Полагаемъ, что скорѣе благословеніями, чѣмъ проклятіями, скорѣе слезами благодарности, чѣмъ оплеваніями—эти люди заплатили Гергею за его рѣшимость положить предѣлъ кровавой борьбѣ. Мы думаемъ, что такимъ образомъ громадное большинство Венгерской націи оказалось на сторонѣ Гергея и признало его окончательное дѣйствіе *услугой Отечеству*, а не *измѣлой*.

Вскорѣ послѣ того, какъ Гергей положилъ оружіе, открыты были Австрійцами дѣйствія военныхъ судовъ. Они осудили на смертную казнь большую часть сотоварищей Гергея, участниковъ и двигателей венгерскаго возстанія. Поэтому отовсюду къ Гергею, какъ единственному лицу, получившему амнистію и слѣдовательно, нѣкоторое право голоса, посыпались просьбы ходатайствовать у престола о собратяхъ, уже осужденныхъ или готовыхъ быть осужденными на смерть. Одна только мысль остановила Гергея выступить съ ходатайствомъ за собратій, это опасеніе ухудшить ихъ положеніе, еще болѣе раздраживъ противъ нихъ Гайнау, уже до крайности раздраженного на Гергея и его товарищей за сложеніе оружія не предъ нимъ, а передъ Русскими. Это обстоятельство заставило Гергея молчать пока судьба его товарищей не перейдетъ въ другія руки. Вскорѣ ожиданія Гергея въ нѣкоторой степени исполнились: огромная власть Гайнау была наконецъ нѣсколько ограничена и Гергей рѣшился подать просьбу Императору. прослышавъ, что Импера-

въ Арадѣ. Въ этихъ выпискахъ Гергей какъ будто хочетъ выставить Кошута своимъ соучастникомъ постыднаго дѣла сложенія оружія при Виллагошѣ и рассказываетъ какъ-же о происшедшемъ между нимъ, генераломъ Гергеемъ и мною въ Тисса Фютедѣ, 3 мая 1849 года. Не знаю, сколько правды въ означенномъ разсказѣ относительно Кошута, но что касается до повѣствованія объ исторіи, какую онъ имѣлъ со мною, то имѣю множество доказательствъ, что все сказанное Гергеемъ—совершенная и умышленная ложь. Когда появятся мои записки, уже два года какъ приготовленные, то каждый, имѣющій даже только поверхностное понятіе о военномъ дѣлѣ и о способѣ продовольствія войскъ, пойметъ, что только измѣна Гергея избавила австрійскую армію отъ совершеннаго пораженія. Еще въ мартѣ австрійцы могли быть уничтожены, такъ что сдѣлалось бы невозможнымъ вмѣшательство русскихъ, которые были бы вынуждены позаботиться о своей собственной безопасности. Конечно, судя справедливо, меня могутъ упрекнуть почему я не обвинилъ генерала Гергея передъ военнымъ совѣтомъ? Здѣсь давать на это объясненія считаю излишнимъ, но только могу сказать, что къ этой ошибкѣ или, если хотите слабости, я былъ побужденъ благородными чувствами.

Пребываю и пр. генералъ Дембинскій.

торъ, предпринявъ путешествіе по Австріи, намѣренъ посѣтить Клагенфуртъ. Дѣйствительно, вскорѣ Францъ-Іосифъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, но Гергею было отказано въ аудіенціи и велѣно обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ. Фонъ-Бахъ благожелательно принялъ поданную Гергею просьбу и увѣрилъ, что надежда на Его Величество не обманетъ товарищей Гергея.

Вотъ содержаніе этой просьбы.

„Ваше Величество!

13 Августа, прошлаго года, слагая оружіе передъ войскомъ Его Величества Императора Всероссійскаго, я просилъ пощадить моимъ несчастнымъ товарищамъ и преклонившимся народамъ Венгріи, себя предавая на жертву, во искупленіе совершившагося.

Презрѣвъ бѣгствомъ до и послѣ сложенія оружія, я въ тоже время ни сколько не заботился о соблюденіи своихъ личныхъ интересовъ. Если моя просьба о пощадѣ товарищей не была услышана то я желалъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить ихъ судьбу, потому что они ни чѣмъ не заслужили жребія суровѣе того, какой долженъ былъ меня постигнуть. Сложить оружіе рѣшилъ военный совѣтъ въ которомъ я ни разу не присутствовалъ, я только взялъ на себя исполненіе этого рѣшенія, а не смотря на то—мнѣ дарована свобода, между тѣмъ, какъ часть членовъ этого самого совѣта лишена жизни; другая,—свободы и имущества. Мои самостоятельныя дѣйствія, благопріятствуемая военнымъ счастьемъ, были исключительной причиной, что такъ долго не могъ осуществиться великій планъ Вашего Величества—водворить миръ въ Венгріи и, не смотря на это, Вашему Величеству было угодно: мнѣ даровать прощеніе, а моихъ бывшихъ подчиненныхъ, явившихся лишь орудіями моей дерзновенной руки—предать всей грозной строгости военного суда.

Тщетно я думалъ, что меня ждетъ также участь, что и моихъ несчастныхъ товарищей. Я долженъ былъ наконецъ, съ горестію убѣдиться, что Виллагошское событіе, съ его благотворными послѣдствіями, быстро и безъ пролитія крови закончившее венгерскую революцію, поставлено въ заслугу единственно мнѣ и вознаграждено собственно моей свободой.

Эта мысль глубоко меня поразившая, заставила меня думать, что мои, еще существующіе товарищи не навсегда лишены надежды на милость Вашего Величества, если эти, свободно мною высказанныя мысли, найдутъ отзывъ въ Вашей душѣ.

Сложеніе оружія при Виллагошѣ, со всеми его послѣдствіями, не могло совершиться безъ добросовѣстнаго содѣйствія тѣхъ, которые послѣ того осуждены военными судами Вашего Вели-

чества, частию на смерть, частию на жесточайшія тюремныя заключенія.

Мертвые, покоясь въ мирѣ, равно недоступны страху и надеждамъ... но живые еще надѣются...

Прощеніе, дарованное мнѣ, ихъ вождю, болѣе и болѣе ихъ ободряетъ.

За нихъ то дерзаю принести свою мольбу.

Моя смѣлость оправдывается священнымъ долгомъ челоѣколюбія, извиняется удручающею тяжестью моей печали.

О помилованіи несчастныхъ молить тотъ, кто самъ, не имѣя права ожидать помилованія, никогда не осмѣлился бы вымаливать его для себя, хотя и не дерзнулъ отречься отъ помилованія, ему дарованного.

Молю помиловать тѣхъ, кого смерть еще не исторгла изъ предѣловъ милосердія Вашего Величества.

Молю помиловать тѣхъ, которые будучи преисполнены любовью къ отчизнѣ, брошенные въ круговоротъ событій, увлекающихъ умы, совратились съ пути долга и не имѣя силъ побороть представившихся препятствій, не могли воротиться на истинный путь, или возвратились на него слишкомъ поздно. Непреклонная любовь къ отечеству этихъ людей порукою, что они свое преступленіе противъ общаго отечества, трижды искупятъ, способствуя великому дѣлу врачеванія тѣхъ самыхъ ранъ, которыя ими же нѣкогда нанесены отчизнѣ.

По единому, милосердному мановенію Вашего Величества, отворятся печальныя темницы;—Пурификаціонныя коммиссіи избавятся отъ своей плачевной обязанности! Одно слово: „Простить и забыть“! тысячамъ людей возвратитъ свободу, родину, положеніе въ обществѣ;—возвратитъ общему нашему отечеству огромное число покорныхъ и вѣрныхъ гражданъ;—государству множество способныхъ и испытанныхъ слугъ!... нечего страшиться презрѣннаго злоупотребленія милостью Вашего Величества: за Мадьяровъ ручается каждая черта характера этого народа,—ручается воспоминаніе о ихъ добровольной сдачѣ.

Одна черта пера предала бы Вашему Величеству милліоны благодарныхъ сердецъ, крѣпкую опору во всякое время; милліоны страшныхъ, хотя и тайныхъ жалобъ, превратились бы въ громогласныя благословенія, Францу Іосифу—Великодушному“!...

Недѣль черезъ пять послѣ подачи этого прошенія освобождены изъ заключенія многіе изъ военныхъ сотоварищей Гергея, подобно ему принадлежавшихъ къ числу такъ называемыхъ „квитованныхъ офицеровъ“ *) т. е. тѣхъ венгерцевъ император-

*) Офицеровъ, давшихъ подписки.

ской австрійской арміи, которые предъ началомъ войны Венгріи съ Австріей, вышли въ отставку, обязавшись подписками не сражаться противъ императорской австрійской арміи и не сдержавшихъ обѣщанія. Вѣсть объ этомъ событіи заставила Гергея надѣяться, что, усиливъ мольбы за своихъ несчастныхъ товарищей и доказавъ однородность вины съ „квитованными офицерами“ вины офицеровъ не этой категоріи, вымолить прощенье и имъ. Съ этою цѣлью Гергей, въ новомъ особомъ письмѣ Министру Внутреннихъ дѣлъ Фонъ Баху, изложилъ исторію вины своихъ товарищей, доказывая, что большинство изъ нихъ въ то смутное время, когда въ Австріи воцарилось многоначаліе и возникло нѣсколько исполнительныхъ властей, не знало: какую сторону приметъ Монархъ? и противъ какой возстанетъ? прокламаціи императора объяснили его волю и направленіе—правда, но эти прокламаціи не достигали до большинства, а только дѣлались извѣстными нѣкоторымъ отдѣльнымъ отрядамъ, оставаясь для остальныхъ или во все неизвѣстными или извѣстными въ искаженномъ видѣ. Такимъ образомъ большинство было вовлечено въ преступленіе слабостію самого правительства,—необыкновеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ и злоумышленіемъ нѣсколькихъ лицъ, видѣвшихъ въ этомъ совращеніи съ пути долга множества ослѣпленныхъ—свои собственные интересы.

Вскорѣ послѣ этого, вторичнаго, прошенія Гергея, казни совершенно прекратились, потому ли, что всѣ жертвы, обреченныя казни, были уже казнены, или потому что подѣйствовало это письмо, или наконецъ, потому, что выразили свое вліяніе неблагоприятныя отзывы европейскихъ кабинетовъ и общественнаго мнѣнія Европы объ этихъ нескончаемыхъ казняхъ,—достоверно не знаемъ, но знаемъ, къ общей радости человѣчества, что палачъ, уставшій вѣшать въ Австріи, прекратилъ свое занятіе.... Да и довольно уже было этихъ жертвъ! Сколько благороднѣйшихъ семействъ осиротѣло, утративъ или свою подпору, или свое лучшее украшеніе!... Не было замка, барскаго дома, села или города, въ которомъ бы не оплакивали кого нибудь:—или павшаго въ бою, казненнаго или пропавшаго безъ вѣсти..... Печально было положеніе страны, интеллигенція коей была убита горемъ.....

Разсказавъ совершившееся на главномъ театрѣ венгерской войны, бросимъ бѣглый взглядъ на дѣйствія отрядовъ союзныхъ войскъ на другихъ пунктахъ, гдѣ Венгерцы уже не могли оказать союзникамъ серіознаго сопротивленія.

Хотя баронъ Гайнау и преслѣдовалъ разбитаго подъ Темешваромъ Бема, но этотъ энергическій военный человѣкъ, одинъ изъ всѣхъ венгерскихъ военачальниковъ настаивалъ на продолженіи войны послѣ сложенія оружія Гергеємъ, или по крайней мѣрѣ, показывалъ вѣру въ возможность успѣшнаго продолженія войны, въ чемъ не согласился съ нимъ даже Кошутъ, прибывшій къ его арміи, по пути своего бѣгства въ Турцію. Но, въ венгерскихъ войскахъ, утратилось всякое единство дѣйствій. Войска Бема раздѣлились на нѣсколько отрядовъ. Бемъ, съ небольшою частью войскъ, направился въ Трансильванію и тамъ, встрѣтясь съ войсками Лидерса, не могъ уговорить своихъ офицеровъ вступить въ бой съ русскими, а потому уѣхалъ въ Турцію и его отрядъ, 6 августа, у Шишека, положилъ оружіе передъ Лидерсомъ.

Другая часть войска Бема, подъ начальствомъ Дежефи и Лазаря, сдалась австрійцамъ, у Караншебеша, третья часть войскъ Бема, подъ командою Фруммера, въ числѣ 2000 человѣкъ, при 97 офицерахъ, перешла Турецкую границу и, обезоруженная, отправлена въ Виддинъ.

Отрядъ Вечей сдался безусловно войскамъ Ридигера, 8 августа, у Барошъ-Јено крѣпость Арадъ сдалась русскимъ, при чемъ чуть не дошло у насъ до серьезныхъ, непріятностей съ Австрійцами. Дѣло въ томъ, что когда Гергей положилъ оружіе, генералъ Шликъ подошелъ къ Араду и потребовалъ его сдачи, но комендантъ крѣпости Дамьяничъ отказалъ Шлику и послалъ парламентаря къ генералу Ридигеру объявить, что гарнизонъ Арада присягнулъ взорвать крѣпость, но не сдаваться австрійцамъ, русскимъ же онъ готовъ сдаться, на честныхъ условіяхъ. Дамьяничу объявлено, что самое большее, на что онъ можетъ рассчитывать, это на согласіе допустить такія же условія сдачи, на какихъ положилъ оружіе Гергей. Веденіе переговоровъ о сдачѣ было поручено генералу Бутурлину, въ распоряженіе котораго былъ отданъ партизанскій отрядъ полковника Хрулева, состоявшій изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи съ 50-ю казаками. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, Бутурлинъ убѣдилъ Дамьянича согласиться на безусловную сдачу и въ этомъ смыслѣ заключилъ съ нимъ условіе, въ тоже время сообщивъ объ этомъ генералу Шлику. Разумѣется, Шлику, командовавшему цѣлымъ корпусомъ, было крайне обидно такое дѣйствіе венгерцевъ, что же касается до главнокомандующаго Гайнау, то онъ наружно какъ бы съ удовольствіемъ принявъ извѣстіе объ этой предполагаемой сдачѣ, въ тоже время, секретно далъ письменное предложеніе Шлику *воспротивиться* исполненію русскими заключенной ими капитуляціи, если

бы понадобилось, *то даже силою оружія*, что „представляется тѣмъ болѣе легкимъ, писалъ Гайнау, что мы сильнѣе!“

Бутурлинъ, свѣдавъ о такомъ распоряженіи *союзнаго* главнокомандующаго, заявилъ Шлику, что онъ сейчасъ же возвратитъ Дамьяничу данное имъ слово и предоставитъ ему продолжать оборону крѣпости. Впрочемъ, вѣроятно Гайнау одумался и велѣдъ за этимъ получилось его предписаніе: оставить гарнизонъ Арада въ распоряженіи русскихъ, и только не позволить ему взять своего имущества! Понятно, что генералъ Бутурлинъ отвергъ и эту недостойную комбинацію, при чемъ благородный Шликъ рѣшился не выполнить повелѣнія своего двуличнаго начальника предоставивъ Бутурлину дѣйствовать сообразно съ заключенными имъ условіями прибавилъ: „Согласитесь генералъ, что я, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, *держалъ въ своихъ рукахъ*, быть можетъ, *судьбы Европы!*“ И дѣйствительно, поступай русскій военачальникъ съ должною настойчивостью, а Шликъ исполни приказаніе своего начальника и помѣшай вооруженной рукой приведеніе въ исполненіе условія Дамьянича съ Бутурлинымъ—Богъ вѣсть, какія произошли бы изъ сего осложненія и не повелѣли бы этотъ инцидентъ къ разрыву Россіи съ Австріей!!.. Но несчастія этого не случилось: Бутурлинъ съ двумя эскадронами взялъ крѣпость Арадъ, съ 143 орудіями, и.... въ тотъ же день передалъ ее австрійцамъ.

Западная Трансильванія была очищена отъ инсургентовъ отрядомъ генерала Засса и другими.

Крѣпость Мункачъ, удостовѣрившись въ сдачѣ Гергея, отворила ворота нашему генералу Карловичу, слѣдствіемъ чего было очищеніе отъ непріятельскихъ шаекъ всего сѣверо-восточнаго угла Венгріи.

Партизанскіе отряды и толпы инсургентовъ, продолжавшіе бродить въ сѣверныхъ, горныхъ Комитатахъ Венгріи, были разсѣяны нашими небольшими партіями и отрядомъ генерала Граббе.

Юго-восточная часть Трансильваніи и Буковина, вполне успокоены отрядами генераловъ Дика и Гротенгельма, а самъ Лидерсъ, слѣдуя на освобожденіе отъ осады крѣп. Карлсбурга, нагналъ венгерскіе отряды у Мюленбаха и нанесъ имъ сильное пораженіе, этимъ дѣйствіемъ освободивъ к. Карлсбургъ, 1 августа.

Во время этихъ движеній Лидерса по Трансильваніи, Гротенгельмъ, послѣ ряда мелкихъ ошибокъ съ Венгерцами, занялъ г. Клаузенбургъ и началъ преслѣдовать отрядъ Косинчи, но тотъ извѣстясь о сдачѣ Гергея, добровольно положилъ оружіе.

Что же касается до южной австрійской арміи, то главная

ея часть, подъ начальствомъ Іелачича, маневрировала на лѣвомъ берегу Дуная и угрожала крѣпости Петервардейну, гарнизонъ которой, получивъ извѣстіе о прекращеніи Гергеємъ военныхъ дѣйствій, сдался Австрійцамъ.

Оставалась только крѣпость Коморнъ, смѣло и твердо державшаяся подъ начальствомъ генерала Клапки, имѣвшаго неоднократно поверхность надъ осаждавшими его Австрійцами. Нѣсколько предложеній о безусловной сдачѣ Клапкой были отвергнуты и онъ настоялъ на предложеніе ему условій сколько нибудь почетныхъ, которыми онъ и принялъ, при чемъ гарнизонъ, сложивъ оружіе, ушелъ свободно изъ крѣпости; офицерамъ оставлены сабли; офицерамъ, прежде служившимъ въ арміи, предоставлялось или съ паспортомъ уѣхать за границу, или свободно жить на родинѣ; офицерамъ, прежде не служившимъ, предоставлялась свободная жизнь въ Венгріи; нижнимъ чинамъ дарована полная амнистія; офицерамъ выдано мѣсячное жалованье, а нижнимъ чинамъ десятидневное—австрійскими ассигнаціями.

„Такъ пала, говоритъ Ореусъ. (Idem. ст. 537) послѣдняя твердыня Венгріи“. Немедленно послѣ того началась кровавая расправа барона Гайнау съ тѣми руководителями и вождями венгерской революціи, относительно которыхъ онъ не былъ связанъ ни какими условіями.

25 Сентября разстрѣлянъ въ Петервардейнѣ венгерскій министръ президентъ графъ Лудвигъ Батіяни. (не повѣшенный только потому что нанесъ себѣ рану въ шею, покушался на самоубійство). Онъ какъ и другіе товарищи его несчастія, встрѣтилъ смерть съ достоинствомъ и твердостью; самъ, безъ посторонней помощи онъ подошелъ къ роковому столбу и въ моментъ выстрѣла успѣлъ воскликнуть: „да здравствуетъ отчизна!“ Въ тотъ же день, въ крѣпости Арадѣ, повѣшены генералы: Ауличъ, Демьяничъ, Надъ-Шандоръ, Терекъ, Ланеръ, Вечей, Кнезичъ, Цельтенбергъ, Лейнингенъ, Швейдель и разстрѣляны, а не повѣшены потому, что сдались австрійскому, а не русскому правительству, генералы: Эрнестъ Кисъ, Дежефи и Лазаръ. За этими казнями послѣдовало множество таковыхъ же, менѣе значительныхъ лицъ, также какъ изгнаніе изъ отечества, тюремное заключеніе и конфискація имуществъ. Конституціонныя права Венгріи уничтожены; комитатское самоуправленіе прекращено. Хорватія, Славонія, Сербская Войводина, Военная граница, Трансильванія отдѣлены отъ Венгріи и обращены въ обыкновенныя австрійскія провинціи, также какъ и самая Венгрія, раздѣленная на 5 австрійскихъ округовъ.

Венгерское возстаніе было окончательно подавлено въ началѣ августа и къ концу октября 1849 года, въ австрійскихъ предѣлахъ уже не было ни одного русскаго солдата.

Такимъ образомъ наши военныя дѣйствія въ Венгріи и Трансильваніи продолжались восемь недѣль.

Въ Венгрію нашихъ войскъ было введено 191,587 человекъ и 5992 лошади.

Мы потеряли: убитыми 708 человекъ, умершими отъ ранъ 278 человекъ, ранеными 2030 чел. и контуженными 127 человекъ.

Очевидно, такимъ образомъ, что въ эту кампанію мы бы понесли потерю незначительную, если-бы, по несчастію, у насъ не появилась *холера*, отъ которой у насъ заболѣло болѣе 23,000 человекъ, изъ коихъ умерло 7788 чел.

Венгрія выставила въ полѣ: регулярныхъ 179 баталіоновъ, 158 эскадроновъ съ 488 полевыми орудіями, всего болѣе 162,500 человекъ и 27,100 лошадей; кромѣ того иррегулярныхъ войскъ до 29,000 чел.

Австрійская армія имѣла въ Венгріи: Дунайская армія барона Гайнау, пѣхоты до 56,000 чел., кавалеріи болѣе 9700, артиллеристовъ 5000 и до 4000 упряжныхъ лошадей; южная армія кроатскаго бана Іелачича, съ корпусомъ, блокировавшимъ Петервардейнъ, кромѣ гарнизоновъ въ Землинѣ, Эсекѣ, и Аграмѣ, состояла изъ 41 бат. 35 эскадр. 168 полевыхъ и 20 осадныхъ орудій при 7165 лошадяхъ, всего около 44700 чел.

Въ Трансильванскомъ корпусѣ Кламъ-Галаса было 11 батал. 16 эскадр. 36 орудій всего до 10,000 чел. при 2200 лошадяхъ.

Кромѣ того во внутреннихъ провинціяхъ Имперіи формировалось два корпуса, предназначавшихся для войны въ Венгріи.

Съ Гергеемъ, подъ Виллагошемъ, сдѣлалось намъ всего 30,889 человекъ при 144 орудіяхъ и лошадяхъ верховыхъ 5082—упряжныхъ 2885.

Въ числѣ сдавшихся было штабъ и оберъ-офицеровъ 1426; люди и лошади переданы Австрійцамъ.

Намъ сдано 29 знаменъ и 31 штандартъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Высшія военныя отличія за Венгерскую войну, а именно: Георгіевскіе кресты различныхъ степеней; знаки отличія военнаго ордена св. Георгія; золотое оружіе; георгіевскія знамена и серебряныя трубы, пожалованы слѣдующимъ лицамъ и воинскимъ частямъ:

А) Одинъ георгіевскій крестъ 2-й степени, 8 георгіевскихъ крестовъ 3-й степени и 20 крестовъ 4-й степени.

Въ томъ числѣ пожалованы:

1. Его Императорскому Высочеству Государю, Великому Князю Константину Николаевичу, св. Георгія 4-й степени, 4 Сентября 1849 года за Вайценъ и Дебречинъ.

2. Его Величеству Императору Австрійскому, Францу Іосифу св. Георгія 4 степени, 20 Іюня 1849.

3. Генералу отъ Инфантеріи графу А. И. Лидерсу, 4 Августа 1849 св. Георгія 2-й степени, за Германштатъ.

4. Орденъ св. Георгія 3-й степени, генералу отъ Инфантеріи Гасфорту 12 Ноября 1849 за Мюлленбахъ; генераль лейтенанту Фрейтагу, за дѣло подъ Вайпеномъ; генералу Энгельгардту, за Германштатъ; генераламъ: Гротенгельму, князю Давыду Бебутову, графу Александру Толстому, Ивину и Кузнецову —вообще за отличіе въ дѣлахъ съ Венгерцами.

5. Изъ числа 20 крестовъ св. Георгія 4-й степени, пожалованныхъ въ венгерскую кампанію, назначены: Поручику 10 артиллерійской бригады (нынѣ генераль маіоръ), Василию Емельяновичу Савченко-Бѣльскому; — командиру Уланскаго герцога Нассаускаго полка, (нынѣ 20 Драгунскій-Одесскій) Михаилу Николаевичу Шевичъ, (впослѣдствіи генераль-лейтенантъ 1-й Царскосельскій комендантъ); подполковнику того же полка Оедору Ермолаевичу Влюмъ, (нынѣ полковникъ, въ запасныхъ войскахъ).

Сотнику Донскаго казачьяго № 1 полка Михаилу Ивановичу Сулину, (впослѣдствіи Полковникъ и командиръ казачьяго полка).

Штабсъ-капитану № 7 батареи 15 артиллерійской бригады Ивану Григорьевичу Салери, (нынѣ генераль-маюръ).

В) 3,222 знака отличія военнаго ордена св. Георгія.

В) 121 золотая сабля.

Г) *Георгіевскія знамена:*

а) 4 саперному баталіону: „за устройство переправы черезъ р. Тейсу, при усмирении Венгріи въ 1849 году“.

б) Трѣмъ баталіонамъ 39 пѣхотнаго Томскаго полка; 1-му баталіону 136 пѣхотнаго Таганрогскаго полка; 1-му баталіону 140 пѣхотнаго Зарайскаго полка; 1-му баталіону 145 Новогеоргіевскаго пѣхотнаго полка и 1-му баталіону Замостскаго пѣхотнаго полка, — всѣмъ: „за усмирение Трансильваніи въ 1849 году“.

в) 3-му баталіону 58-го пѣхотнаго Прагскаго генераль-адъютанта графа Лидерса полка и 1-му баталіону 134 пѣхотнаго Осодосіискаго полка, — всѣмъ „за взятіе приступомъ Темешскаго ущелья въ Трансильваніи, въ 1849 году“.

Д) *Георгіевскій штандартъ:*

10-му Уланскому Одесскому Его Высочества Герцога Нассаускаго полка (нынѣ 20-му Драгунскому Одесскому): „за отличные подвиги при усмирении мятежа въ Трансильваніи въ 1849 году“.

Е) *Георгіевскія трубы:*

13-му Стрѣлковому баталіону и батареѣ 14 артиллерійской бригады.

Ж) Серебряная медаль, для ношенія на груди, на соединенной Владимірской съ Андреевскою лентами, всѣмъ участвовавшимъ въ усмирении венгерскаго мятежа.

На лицевой сторонѣ этой медали изображенъ, подъ всевидящимъ окомъ, государственный гербъ съ надписью вокругъ: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь“; на оборотѣ надпись: „за усмирение Венгріи и Трансильваніи 1849“.

Главными начальниками дѣйствовавшей въ Венгріи арміи были:

Главнокомандующій дѣйствующею арміею, генераль-фельд-маршалъ свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій (скончался).

Начальникъ главнаго штаба, генераль отъ артиллеріи, генераль-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ, впоследствии главнокомандовавшій дѣйствующею арміею въ Крыму и затѣмъ намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ гдѣ и умеръ.

Генераль Квартирмейстеръ, генераль-лейтенантъ Фрейтагъ.

Начальникъ артиллеріи, генераль отъ артиллеріи Гилленшмидтъ.

Начальникъ инженеровъ, генераль-лейтенантъ Сорокинъ.

Дежурный генераль, генераль-маіоръ Заболоцкій (скончался).

Управляющій продовольственною частію Сенаторъ, генераль лейтенантъ Ренне, (скончался).

Генераль Провіантмейстеръ, полковникъ Затлеръ, столь извѣстный впоследствии своею печальною судьбою, въ высшей степени искусный и свѣдущій, генераль-интендантъ Южной и Крымской армій.

Начальникъ штаба, артиллеріи генераль-маіоръ Дейтрихъ.

Походный атаманъ Казачьихъ полковъ въ арміи, генераль-лейтенантъ Кузнецовъ, (скончался).

Генераль—полицмейстеръ арміи, генераль-лейтенантъ графъ Симоничъ.

Полевой генераль, штабъ-докторъ, Дѣйств. Статск. Совѣт. Четыркинъ (скончался).

Командиръ 1 бригады 1 легкой кавалерійской дивизіи, генераль-маіоръ Готовъ.

Командиръ 2 пѣхотнаго корпуса, генераль-лейтенантъ Куріановъ, подъ Дебречиномъ лишившійся ноги; (впоследствии скончавшійся).

Начальникъ 2 легкой кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенантъ Глазенапъ.

Начальникъ 4 пѣхотной дивизіи, генер.-лейтен. Карловичъ.

Начальникъ 5 пѣхотной дивизіи, генер.-лейтен. Лабынцевъ.

Начальникъ 6 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Граббе 2 (скончался).

Начальникъ 2 артиллерійской дивизіи генераль-лейтенантъ Сергучевскій, впоследствии начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи въ восточную войну (скончался).

Командиръ 3 пѣхотнаго корпуса, генераль отъ кавалеріи, генераль-адъютантъ, графъ Ридигеръ (скончался).

Начальникъ 3 легкой кавалерійской дивизіи генераль-лейтенантъ баронъ Оффенбергъ, впоследствии командиръ корпуса, (скончался).

Начальникъ 7 пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Фонт-Кауфманъ.

Начальникъ 8 пѣхотной дивизіи генер.-лейтен. Лисецкій.

Начальникъ 9 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Паниотинъ, впослѣдствіи корпусный командиръ (скончался).

Начальникъ 3-й артиллерійской дивизіи генераль-маіоръ Миллеръ.

Командиръ 4 пѣхотнаго корпуса, генераль отъ инфантеріи Чеодаевъ, (скончался).

Начальникъ 4 легкой кавалерійской дивизіи генераль-лейтенантъ Зассъ, (скончался)

Начальникъ 10 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Дебанъ-Скоротецкій, впослѣдствіи членъ военнаго совѣта, (скончался).

Начальникъ 11 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Вѣлогужевъ, впослѣдствіи членъ комитета Россійскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ, (скончался).

Начальникъ 12 пѣхотной дивизіи генераль лейтенантъ Бушень I, (скончался).

Начальникъ 4 артиллерійской дивизіи генераль-лейтенантъ Сикстель, (скончался).

Начальникъ 2-й Уланской дивизіи генераль-лейтенантъ Гротенгельмъ, (скончался).

Начальникъ 2-й конно-артиллерійской дивизіи генераль-лейтенантъ Пистолькорсъ.

Австрійскія войска при нашей арміи состоявшія:

Три ракетныя батареи.

Два отдѣленія 7-й піонерной роты австрійскихъ понтонновъ.

Фурштатская рота.

ОПЕЧАТКИ ВЪ 1-й ЧАСТИ.

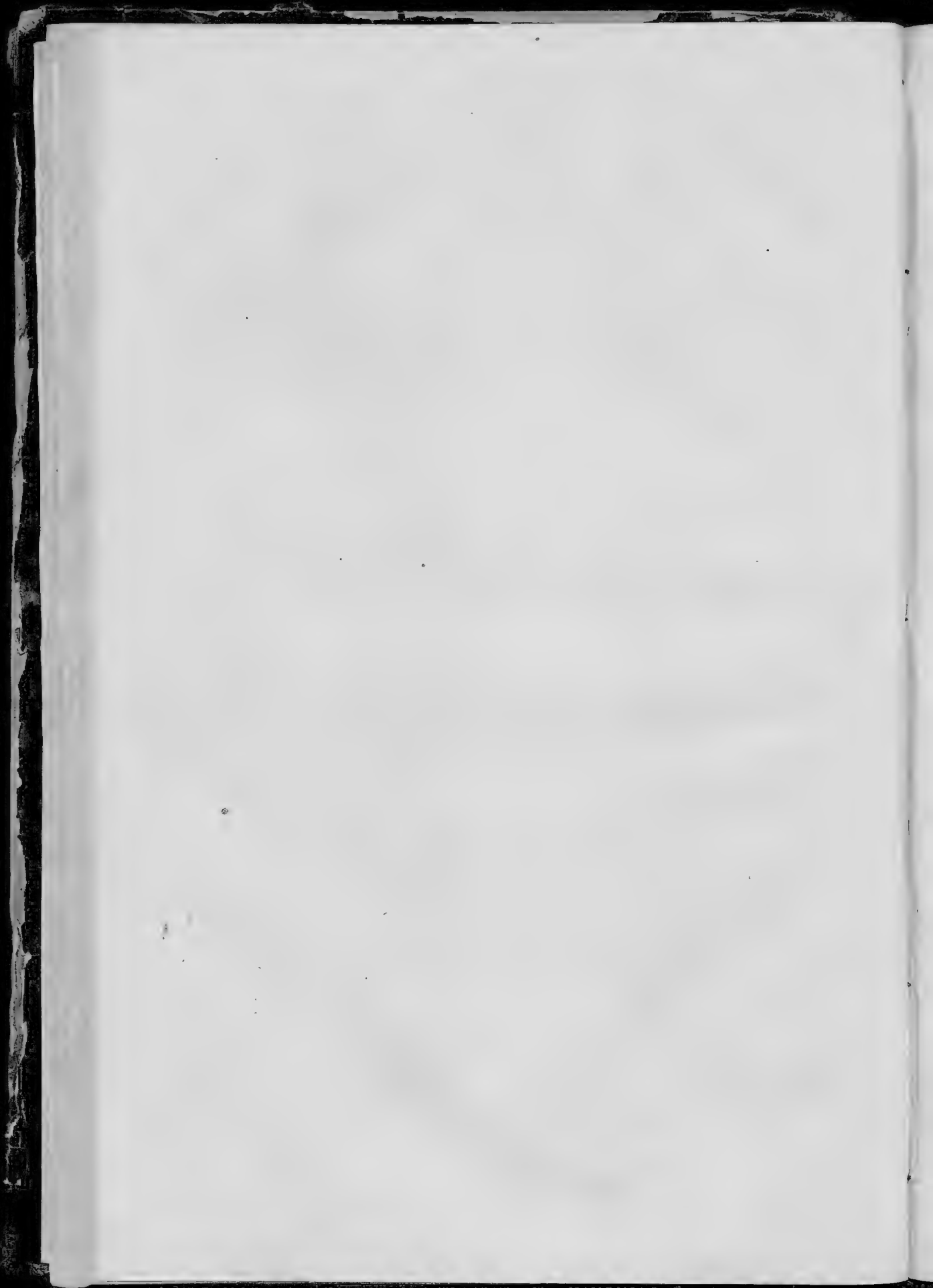
Страниц	Строка.		НА ПЕЧАТАНО.	ЧИТАЙ.
	Сверху.	Снизу.		
7	1	—	Общесвѣ	обществѣ
11	—	1	Hongrois	Hongroise
—	—	5	Венгерцовъ	Венгерцевъ
13	6	—	былъ	было
15	—	14	солдадскаго	солдатекаго
16	14	—	кастелляномъ	кастеляномъ
17	14	—	ксенза	ксендза
—	21	—	ксенза	ксендза
23	5	—	Галиціи, ...	Галиціи
24	5	—	разнообразной	разнообразной
—	10	—	впечатленіе	впечатлѣніе
—	—	14	вѣнцевъ	Вѣнцевъ
26	—	7	поколѣніе	поколѣніе
28	—	1	ксензами	ксендзами
—	—	5	ксензовъ	ксендзовъ
—	—	7	ксензовъ	ксендзовъ
30	—	3	разумѣти	разумѣтся
—	16	—	ксензами	ксендзами
31	1	—	солдаты	солдаты
—	—	13	сѣверѣ	сѣверѣ
32	—	1	почерпелыхъ	почерпѣлыхъ
33	7	—	впечатленіе	впечатлѣніе
—	12	—	его	такъ
—	18	—	впечатленіи	впечатлѣніи
—	20	—	аммуниціи	амуниціи
—	22	—	впечатленіе	впечатлѣніе
34	17	—	въ виду	въ виду
36	—	3	впечатленіе	впечатлѣніе
39	17	—	Божью	Божью
41	3	—	стоятъ	стоятъ
—	—	5	какъ	такъ
42	3	—	ныя	ные
—	14	—	одѣться	одѣтыя
42	—	22	пушечномъ выстрѣлѣ	пушечнаго выстрѣла
45	—	15	заставъ	засталъ

Страница	Страна		И П Е Ч А Т А Н О :	Ч И Т А И :
	Сверху	Снизу		
47	1	—	батальонами	баталіонами
—	—	10	батальонами	баталіонами
—	—	11	батальонами	баталіонами
—	—	14	кавказъ	Кавказъ
—	—	24	батальонъ	баталіонъ
48	—	6	поролъ	пошолъ
—	—	8	и явился въ Галицію	явился въ Галицію и
—	—	14	„медали	„Медали
49	—	8	возмутятся	возмутятся
—	—	12	возстаніями	возстаніями
50	7	—	чиновъ и штабъ	чиновъ штаба
52	—	7	смѣяться	смѣяться
55	22	—	скагиваніе	скагиванія
56	—	2	въ	въ
—	—	—	вести	ввести
—	—	18	практиковалась	практиковалась
—	—	18	приходить	проходить
—	—	19	манеры	манера
59	12	—	передвиженіяхъ	передвиженіяхъ
—	23	—	ремешковъ	ремешковъ
60	—	25	доминъ	доминъ
64	—	10	рыси	рыси, —
—	—	17	извѣсностью	извѣсностью
—	—	18	Венгерской	Венгерской
—	—	19	парламентовъ	парламентеровъ —
67	3	—	уцѣлевшій	уцѣлѣвшій
—	5	—	придя	прійдя
68	—	1	большей гучности	большей тучности
69	—	1	не	по
—	—	16	зачемъ	зачѣмъ
70	—	21	большее	большое
72	—	5	камитата	комитата
—	16	—	огородати	оградами
75	3	—	лѣкарства	лекарства
76	6	—	батальоны	баталіоны
—	14	—	способами отъ общенія	способами общенія
77	11	—	чужемъ	чужомъ
—	—	9	непретменно	непретѣнно

Страница.	Строка.		НА П Е Ч А Т А Н О.	Ч И Т А Й.
	Сверху.	Снизу.		
—	—	19	компроментировавшихъ	компрометировавшихъ
—	—	20	компроментировавшую	компрометировавшую
78	—	17	превратникъ	привратникъ
79	—	3	благодарность	благодарностью
—	10	—	смерь	смерть
—	16	—	что бы	чтобы
82	8	—	Венгрія	Венгріи
—	9	—	подняеми	подняеми
—	12	—	касающихся	касающихся
—	21	—	<i>кошутки</i>	<i>кошутки</i>
84	2	—	австрійскимъ	австрійскимъ
—	15	—	паступленія	паступленіе
—	—	4	дѣмъ	дѣлъ
85	6	—	Ковзакову	Колзакову
—	—	8	встрѣтились	встрѣтиса
—	—	11	оставшійся	оставшіеся
86	10	—	мѣстечка	мѣстечка
—	—	16	скорѣйшей	скорѣйшей
87	7	—	мѣстечка	мѣстечка
—	10	—	распорядился	распорядился
89	1	—	раскнинувшейся	раскнинувшейся
90	9	—	повидиму	повидимому
—	—	4	петерселиво	петерсѣливо
92	14	—	бочья	бочка
95	1	—	оружіе	оружіе
—	23	—	менералловъ	минералловъ
96	15	—	догнала	догнала
—	—	4	Daumant	Daumont
97	19	—	квалеру	кавалеру
—	—	4	на	съ
—	—	20	выздоровѣвшими	выздоровѣвшими
—	—	28	Токой	Токай
98	2	—	совершенно	совершенно
—	5	—	Также	также
99	13	—	личные	личные
—	—	15	смѣрклось	смерклось
100	8	—	Императорскія австрійскія	Императорскіе австрійскіе
—	18	—	поздно	поздно

Страница	Строка.		НА ПЕЧАТАНО.	ЧИТАЙ:
	Сверху.	Снизу.		
101	—	5	націамъ	націамъ
102	4	—	успѣлъ	успѣвъ,
—	—	5	малѣйшихъ	малѣйшихъ
—	—	20	бегущаго	бѣгущаго
103	—	17	Вагенбургъ	вагенбургъ,
104	—	15	Вайцейна	Вайцена
105	—	4	вѣроятной	вѣроятно
—	—	5	отступитъ	отступилъ
—	—	—	отступивъ	отступилъ
108	—	8	Vogage	Voyage
109	3	—	никомъ В. К.	никомъ и В. К.
110	—	16	необходимыхъ	необходимыхъ
—	—	20	новое	полное
111	—	20	Дебречинъ	Дебречинъ
112	—	7	ореховъ	орѣховъ
—	—	20	важно	важно)
—	—	21	бук —	(бук —
113	3	—	большемъ	большомъ
114	20	—	ростетъ	растетъ
120	—	5	совершилась	совершилось
—	—	6	совершивась	совершилась
—	—	—	который	которой
121	1	1	большее	большое
121	—	3	враждующихъ	враждующихъ
—	9	—	тѣмъ	чѣмъ
122	5	—	Тейкой	Тейской
—	10	—	ни	на
—	—	6	Дебричинъ	Дебречинъ
123	—	22	bivoices	bivoics
124	20	—	въ	изъ
—	—	12	Vogagetl a pass	Voyage au pays
125	8	—	ничтожившую	ничтожную
125	—	18	цавалъ	поваль
126	6	—	качества, которыя	качества, которыхъ
129	23	—	гаркнуло	гаркнули
—	2	—	чтоу	что —
—	1	—	нем —	нему —
—	—	17	сейчасъ	сейчасъ

Страница	Строка.		П А П Е Ч А Т А Н О:	Ч И Т А Й:
	Сверху.	Снизу.		
—	—	14	черту	чорту
131	—	13	Краповичъ	Кроновичъ
133	—	15	кожаные	олтарѣ
—	—	18	изобрасающими	изображающими
134	22	—	роешитой	расшитой
135	2	—	красовались	красовалась
—	—	13	Фитинговъ	Фитингофъ
136	—	3	во все	въ все
—	—	7	рассказы	разсказы
138	15	—	круторотіе	круторогіе
—	—	5	нечто	нѣчто
—	—	11	австрійцевъ	Австрійцевъ
139	4	—	вять	рять.
—	18	—	выигрывъ	выигравъ
140	2	—	р.	кр.
—	11	—	привѣтствовалъ	привѣтствовано
—	—	1	мызу чемъ	мызу, при чемъ
—	—	12	„записки	„Записки
141	16	—	флангъ	флангъ
142	—	15	Вайцевскаго	Вайценскаго
—	18	—	Федоромъ Каріатовичемъ	Федоромъ Коріатовичемъ,
145	8	—	вскорабкался	вскарабкался
147	—	9	нѣсколько	нѣсколько
148	8	—	Мункача	Мункача
149	13	—	Шекброгъ	Шенброгъ
150	3	—	скамѣекъ	скамеекъ
—	—	15	вечереющего	вечерѣющаго
151	10	—	терпеливо	терпѣливо
—	—	19	сюды	сюда
—	—	5	показываеъ	показываетъ
—	—	11	съ умѣвшимъ	сумѣвшимъ
160	—	11	присутствію	присутствію
VI	9	—	аванпостами	аванпостами
XII	—	18	переходамъ —	переходами
XIV	2	—	жалеетъ	желаютъ
XXI	7	—	ченно.	ченному
XXII	—	12		
—	—	10		

ЧЕТЫРЕ ВОЙНЫ.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ

1849, 1853, 1854—56 и 1877—78

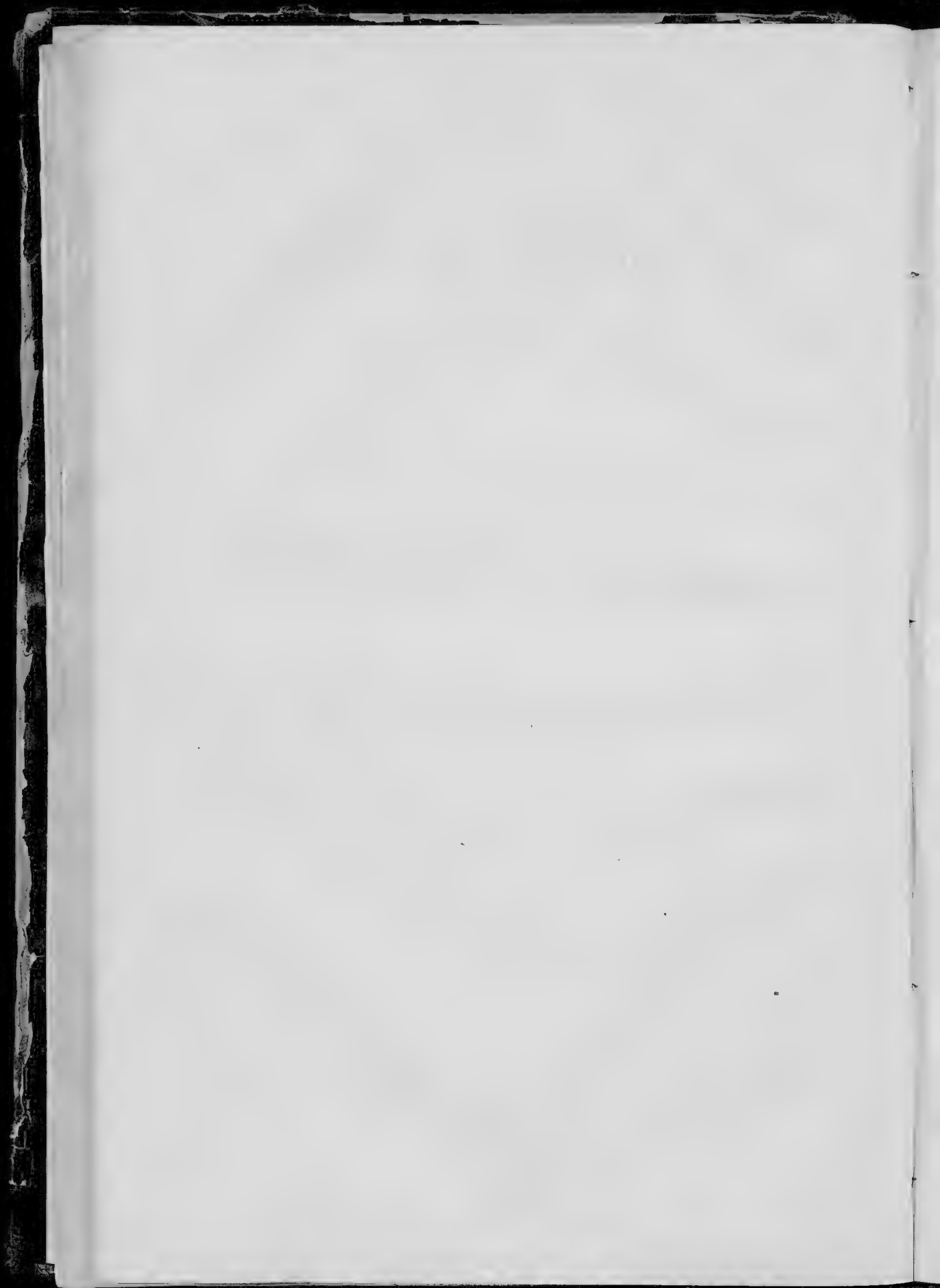
ГОДАХЪ.

Л. Алабинъ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пчеловская улица, собственный домъ.

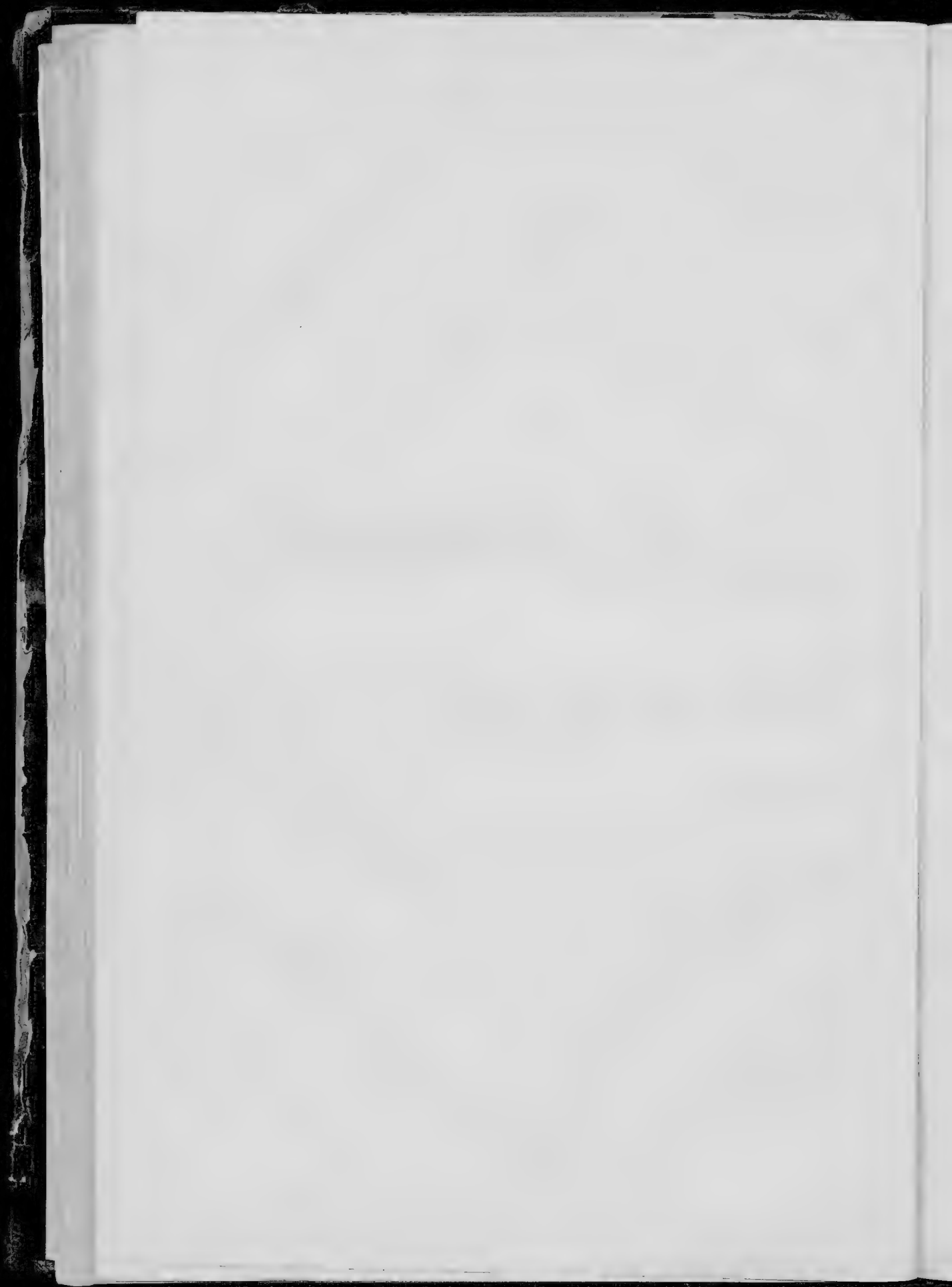
1890.

II.
ДУНАЙСКАЯ КАМПАНИЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ.

Предисловіе къ первому изданію „Походныхъ Записокъ“ въ 1861 году.

Представляя общественному суду тѣ страницы моего дневника, на которыхъ разсказываются событія, могущія имѣть интересъ для моихъ соотечественниковъ, считаю необходимымъ оговориться.

Не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда дописывались, на походѣ, послѣднія строки этихъ „Записокъ“, но, въ эти немногіе годы, какъ много пережила Россія и ея общество!... Теперь многое является намъ въ новомъ свѣтѣ и на многое мы смотримъ иными глазами...

Между тѣмъ, представляемая „Записки“ остались неизмѣненными.

Ни одной черты я не рѣшился убавить или прибавить къ строкамъ моего дневника; не рѣшился измѣнить ни одного взгляда, ни одной мысли мною очерченной *тогда*, когда этотъ взглядъ или мысль вырабатывались обстоятельствомъ, слагались въ ту форму, въ которой представлены на этихъ страницахъ, вслѣдствіе *тогдашней* обстановки, условій *той*, невозвратно протекшей, жизни!

Повторяю, въ этихъ „Запискахъ“, шесть лѣтъ какъ оконченныхъ, я не перемѣнилъ ничего, чтобы вновь введенная идея или мысль, изложенная сообразно даннымъ, нынѣ представляющимся, не показалась читателю анахронизмомъ, и чтобы онъ не заподозрилъ меня въ сочиненіи этихъ „Записокъ“.

Какъ бы ни казался несвоевременнымъ мой рассказъ, какъ ни ошибочны выраженные въ немъ мнѣнія, чувства и убѣжденія, я не рѣшился коснуться ихъ *вновь очиненнымъ перомъ*: они для меня святыня, ихъ раздѣляли мои друзья и братья, угасшіе подъ дыханіемъ Севастопольской бури... Мы всѣ *тогда* носили ихъ въ головѣ и сердцѣ; во имя ихъ, бывало, мы „стояли и умирали!“

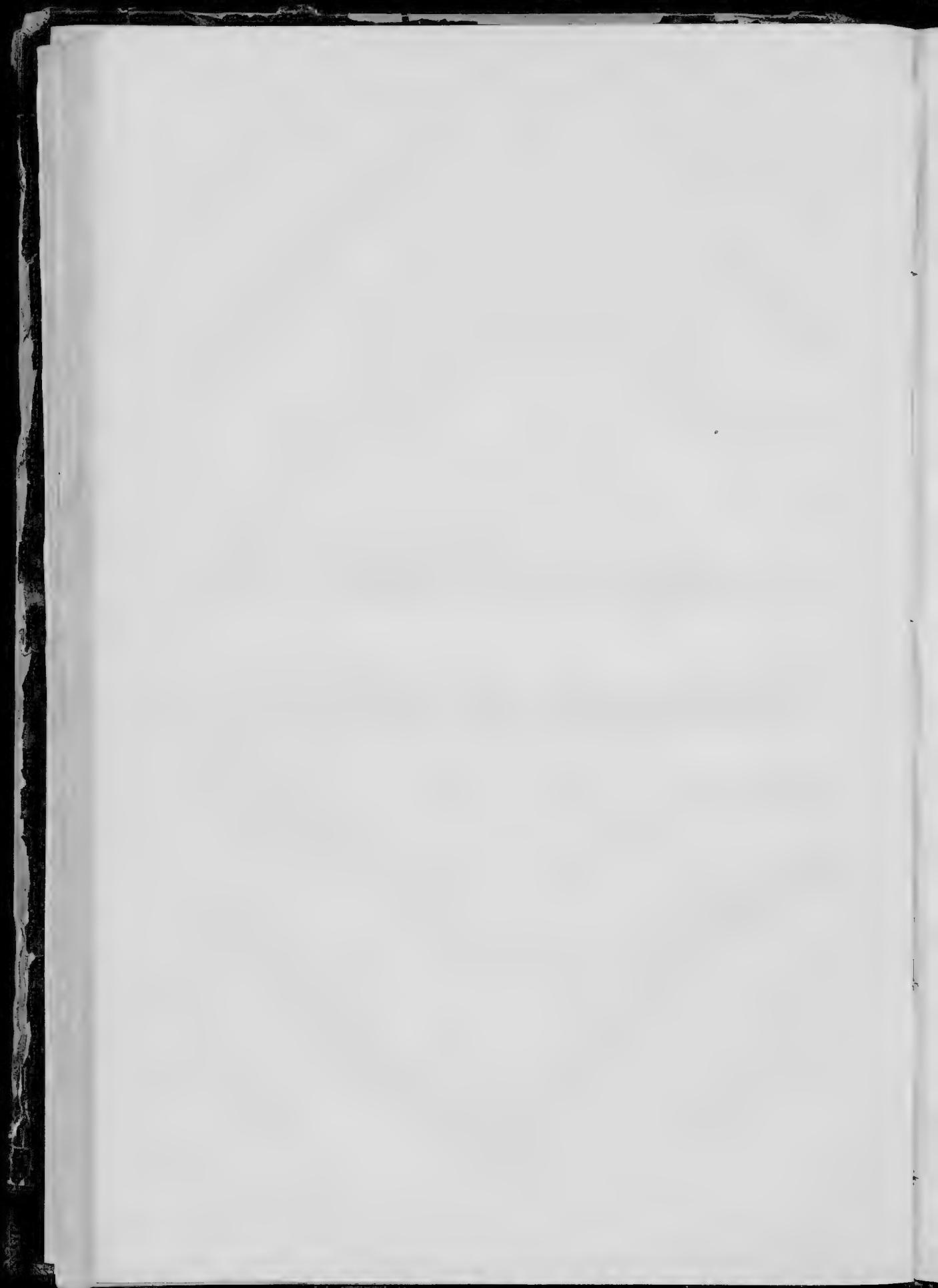
Пусть же благосклонный читатель смотритъ на эти листки не какъ на трудъ современный, а какъ на „Записки“ *прошлаго времени!*...

Часть II.

(Издание второе, дополненное.)

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853 — 1854.

Оглавленіе

главнѣйшихъ событій, рассказанныхъ во 2-й части.

	<i>Стран.</i>
Сборы на войну	1
Движеніе въ предѣлахъ Россіи	10
Переходъ Молдавской границы	20
Вступленіе въ Яссы, столицу Молдавіи, и очеркъ ея	22
Дальнѣйшій походъ	29
Вступленіе въ г. Букарестъ и очеркъ его	47
С. Будешти на Аржисѣ	72
Начало военныхъ дѣйствій	81
Переправа Турокъ противъ с. Ольтеницы	93
Ольтеницкая битва	94
Обратная переправа Турокъ	140
Синопская битва	155
Празднованіе 6 декабря въ Будешти	158
Осмотръ при-Дунайскихъ постовъ и поѣздка въ г. Журжу	161
Сраженіе подъ Четати	166
Возведеніе нами береговыхъ укрѣпленій	176
Дѣло Хрулева подъ Каларашемъ	185
Атака Туртукайскаго острова	190
Поѣздка по Дунаю, съ плотами, подъ Силистрію	219
Занятіе г. Туртука	225
Торжество въ г. Туртукаѣ	231
Освященіе Ольтеницкаго памятника	233
Походъ подъ Силистрію	241
Сельванское дѣло	242
Карамзинское дѣло подъ Каракалломъ	257
Въ траншеяхъ подъ Силистріей	263
Рекогносцировка генераль-фельдмаршала подъ Силистріей	264
Наше движеніе въ Калопетри	268

	<i>Стран.</i>
Смерть генерала Шильдера	273
Снятіе осады	282
Походъ. Калдерушанскій монастырь	293
Дѣло подъ Журжей	298
Отступленіе. Г. Бузо	315
С. Нерчешти. Извѣстія о дѣйствіяхъ противъ насъ союзныхъ войскъ	318
Г. Рымникъ	325
Г. Яссы	329
Возвращеніе въ Россію	332

Заграничный походъ.

1-го мая 1853.—Городъ Заславль.

Готовится война и, по всему видно, война не шуточная.

Говорятъ, пророчать и пишутъ, что Турція отжила свой вѣкъ въ Европѣ и что съ наступленіемъ настоящаго года часть ея пробилъ!

Четыреста лѣтъ тому Царьградъ былъ взятъ Магометомъ. Между тѣмъ давно существуетъ пророчество, что черезъ 400 лѣтъ послѣ паденія Восточной имперіи въ Софійскомъ соборѣ снова загремѣтъ православное богослуженіе.

Безпрестанно къ намъ и мимо насъ скачутъ курьеры и фельдъегеря. Насъ приводятъ въ военное положеніе. Приготовленія къ военному походу кипятъ; золото льется рѣкой; въ воздухѣ пахнетъ войной; но, въ дѣйствительности, *готовы ли мы къ ней?*

По совѣсти говоря: *нѣтъ*, далеко не готовы!....

Вопервыхъ, мы дурно вооружены. Наша пѣхота снабжена гладкоствольными ружьями, винты которыхъ, болышею частію, нарочно расшатаны для лучшей отбивки темповъ, при ружейныхъ пріемахъ, а внутренность стволовъ попорчена безтолковой чисткой; отъ этого наши ружья къ цѣльной стрѣльбѣ совершенно непригодны. Правда, нѣкоторая, относительно незначительная, часть пѣхоты (по 96 человекъ въ каждомъ баталіонѣ и по одному спеціальному баталіону стрѣлковъ въ корпусѣ) вооружена бельгійскими штуцерами, но они такъ тяжелы и такъ трудно заряжаются, особенно послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, покрываясь внутри пороховою копотью и затрудняя тѣмъ вхожденіе пули въ стволъ, по нарѣзамъ,—что едва ли на нихъ можно возлагать большія надежды. Затѣмъ у насъ очень мало людей умѣющихъ стрѣлять, такъ какъ этому искусству никогда не учили толкомъ, систематически, никогда не употребляя по назначенію пороха, отпуславшіеся въ ничтожномъ, впрочемъ, количествѣ для практической стрѣльбы, а раздѣливая большую его часть знакомымъ помѣщикамъ,—случалось даже—продавая жидамъ и почти всегда, при выступленіи на новыя квартиры, затапливая его остатокъ въ ближайшей рѣкѣ или болотѣ.

Затѣмъ, другимъ оружіемъ пѣхота не снабжена, такъ какъ нельзя же, безъ шутокъ, считать оружіемъ тесаки, болтающіеся сзади у унтеръ-офицеровъ и солдатъ гренадерскихъ и карабинерныхъ ротъ, только стѣсняя и затрудняя ихъ движенія. Тесакъ рѣшительно ни къ чѣму не пригоденъ: въ дѣлѣ елибы и вышелъ такой казусъ, что приходилось бы взяться за те-

сакъ, то его скоро не добудешь изъ ноженъ; если же бы и былъ добытъ во-время, то едва ли онъ будетъ опасенъ врагу, такъ какъ рубиться имъ солдаты не умѣютъ, да и крѣпко держать его въ рукѣ невозможно, — такъ малъ, скользокъ и неуклюжъ его эфесъ. Что же касается до офицеровъ, то ихъ вооруженіе по-истинѣ жалкое: наша полусабля — насмѣшка надъ оружіемъ, пригодна собственно для того, чтобы мѣшать ею въ пекчѣ; рубиться же ею нельзя, — она, въ большинствѣ случаевъ, гнется, какъ оловянная. Офицерамъ, сидящимъ на конѣ, полагается имѣть пару пистолетовъ въ кобурахъ сѣдла. Но, во-первыхъ, почти у всѣхъ въ кобурахъ вмѣсто пистолетовъ, деревяшки, потому что форменные пистолеты также ни къ чему непригодны, какъ и полусабли, пару же хорошихъ пистолетовъ офицеру купить негдѣ, а большею частію и не на что. Въ-вторыхъ, пистолеты такъ безобразно помѣщены въ кобурѣ, что и въ обыкновенное время ихъ оттуда трудно достать, а въ сумятицѣ боя объ этомъ надо забыть и думать. Наконецъ, наши офицеры такъ равнодушны къ изученію своего ремесла, что девять десятыхъ изъ нихъ и пистолета-то въ рукахъ не держали, слѣдовательно о стрѣльбѣ изъ пистолета, съ коня, и понятія не имѣютъ.

Вообще говоря, ни солдаты, ни офицеры не знаютъ своего дѣла и ничему не выучены толкомъ въ армейскихъ полкахъ, — про гвардію молчу, не зная ея. У насъ всѣ помѣшались, что называется, исключительно на маршировку и правильномъ вытягиваніи носка. Слышущіе знатоками военного дѣла, кромѣ того, *мѣшались* на боевыхъ порядкахъ, повторяя въ нихъ зады по указкѣ разъ на всѣ случаи изданнаго „военнаго устава“.

Никогда не забуду, какъ Государь Императоръ, пріѣхавъ на смотръ 4-го корпуса и безерочно-отпускныхъ подъ Винницу, въ 1846 году, уже недовольный дошедшими до Него слухами о неприглядныхъ дѣйствіяхъ по хозяйственной части нашего корпуснаго командира, генералъ отъ инфантеріи Чеодаева *), сердился за дурную маршировку; какъ Онъ, возвысивъ голосъ.

*) Полтора мѣсяца мы стояли подъ Винницей, ожидая Государя Императора, а Онъ все еще не жаловалъ къ намъ. Государь осмотрѣлъ уже войска въ Кіевѣ и потѣшилъ старика-фельдмаршала, пожаловавъ ему знамена Орловскаго пѣхотнаго полка, имѣющаго сформированнаго. — позволилъ осмотрѣть, подъ Елисаветградомъ, поселенную кавалерію и 5-й пѣхотный корпусъ, котораго Онъ еще не видалъ послѣ его боевыхъ подвиговъ на Кавказѣ, — а мы все ждали Его пріѣзда. Князь Горчаковъ сдѣлалъ намъ большіе маневры; солдаты сильно пострадали отъ повальнаго разстройства желудковъ. Пріѣзжалъ и сдѣлалъ нѣсколько смотровъ и объѣздъ лагеря фельдмаршалъ Паскевичъ — и наконецъ желанный день насталъ: Государь пріѣхалъ! Но, увы, ожиданія чаявшихъ великихъ и богатыхъ милостей отъ Царскаго смотра не сбылись: Государь пріѣхалъ недовольный корпуснымъ командиромъ Чеодаевымъ и все свое неудовольствіе излилъ на насъ. Неудовольствіе Государя на генерала Чеодаева было вызвано его корыстными дѣйствіями: онъ, говорить, вошелъ въ какую-то сдѣлку съ жидами, отдавъ имъ поставку мяса на все лагерное время пѣхотѣ 4-го корпуса за цѣну гораздо высшую противъ той, какую предлагали русскіе торговцы, кажется изъ Кіева, и притомъ за генераломъ Чеодаевымъ оказались еще какіе-то грѣшки въ этомъ же родѣ. Государь произвелъ смотръ тремъ первымъ полкамъ пѣхотныхъ дивизій. остался имъ крайне недоволенъ, даже спросилъ: «какіе дураки учили ихъ такъ ходить?» — и въ заключеніе прогнать ихъ съ смотроваго поля.

Послѣ смотра, на объѣздъ къ Государю приглашены были, особыми повѣстками, всѣ генералы и другія лица, въ томъ числѣ и Чеодаевъ, пріѣхавшій въ указанный часъ во дворянскій, въ полной парадной формѣ, но его встрѣтилъ дежурный флигель-адъютантъ и объ-

бранили не надлежащимъ шагомъ подходившихъ къ Нему ординарцевъ; какъ Онъ Самъ изволилъ показывать: что называется ходить „*гусемъ*“, что называется ходить „*попомъ*“, и какъ слѣдуетъ маршировать вполнѣ правильно. А чему наученъ нашъ солдатъ еще, кромѣ маршировки?—кажется, ничему. Чувствуетъ онъ себя въ строю на своемъ мѣстѣ только тогда, когда *чувствуетъ* локтемъ товарища; но едва солдатъ предоставляется самому себѣ, какъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣлается дуракъ-дуракомъ. Это наиболѣе бываетъ замѣтно при застрѣльничьихъ ученьяхъ, которыя, несмотря на свою цѣлесообразность, какъ нарочно дѣлаются у насъ, относительно рѣже всякихъ другихъ.

Аванпостной, форпостной службы нашъ солдатъ рѣшительно не знаетъ. равно какъ и никакихъ другихъ обязанностей своихъ относительно Государя, отечества, общества, такъ какъ выдолбленные многими изъ нихъ такъ-называемые „*пунктики*“, обнимающіе всю эту премудрость, не претворяются въ его плоть и кровь и остаются для него навсегда какими-то непонятными звуками, которыми онъ обязанъ откликаться на соотвѣтствующіе имъ вопросы начальства, въ тѣхъ же *пунктикахъ* изображенные. Нашъ бывшій корпусный командиръ баронъ Дмитрій Ерошеевичъ Остенъ-Сакенъ, казалось, болѣе другихъ заботился объ умственномъ и нравственномъ развитіи солдата и какъ бы о приспособленіи его къ военному ремеслу; но въ чемъ же заключались и его заботы?—На первомъ планѣ была та же маршировка, стойка, наученіе кричать привѣтствіе высшимъ властямъ и главное—настояніе, чтобы солдатъ во фронтѣ смотрѣлъ молодцомъ (т. е., въ большей части случаевъ, *выпуча глаза!*),—весело провожалъ глазами начальника, радостно отвѣчалъ на его привѣтъ, если таковой послѣдуетъ, наконецъ—въ ранжировкѣ солдатъ. Забота объ этомъ послѣднемъ предметѣ доходила до невѣроятнаго, заключааясь въ подборѣ: рыбныхъ къ рыбнымъ, курносыхъ къ курносымъ, красавчиковъ къ красавчикамъ, въ подборѣ людей по цвѣту волосъ, по длинѣ усовъ и бакенбардъ и т. д.,—про ростъ и говорить уже нечего....

Надо отдать справедливость барону Остенъ-Сакену: онъ заботился о солдатѣ, о его довольствіи и продовольствіи; онъ хорошо понималъ, что солдатъ долженъ быть бодръ и веселъ, а для этого, прежде всего, сытъ, обутъ и одѣтъ, и затѣмъ долженъ имѣть возможность положить въ карманъ *свой*, а не ротнаго командира, тѣ скудные гроши, которые ему отпускаетъ правительство: но при настоящей организаціи военной администраціи Баронъ не могъ или не умѣлъ услѣдить за правильнымъ ходомъ всѣхъ частей этой сложной

явилъ ему, что онъ приглашенъ къ Царскому столу—*по ошибкѣ*. Съ Чеодаевымъ чуть не сдѣлался ударъ, онъ не устоялъ на ногахъ, упалъ на близъ стоявшій стулъ и зарыдалъ какъ ребенокъ....

Одна 4-я кавалерійская дивизія Засса, пользовавшаяся особымъ расположеніемъ Государя съ роковаго дня 14 декабря 1825 года, удостоилась похвалы Государя и награды, — а изъ пѣхоты никто не награжденъ,—за Финляндскій смотръ.

машинны и удовлетворялся требованіемъ, чтобы ея произведенія имѣли достаточный лоскъ, блескъ и, по наружности, красивый видъ.

Повидимому, такое именно направленіе имѣли практическія занятія, на которыя Димитрій Ерооевичъ заставлялъ войска, ему подчиненныя, тратить много драгоценнаго времени, на примѣръ въ лагерѣ подъ Дуцкомъ, гдѣ собраны были войска къ Царскому смотру въ 1851 году. Ежедневно, когда не было большихъ ученій и смотровъ и была хорошая погода, производилъ баронъ Остенъ-Сакенъ частные смотры на правомъ флангѣ лагеря Селентинскаго полка, у самой садовой ограды дома, занимавшагося корпуснымъ командиромъ, изъ-за которой онъ обыкновенно появлялся въ калитку.

Въ чемъ же состояли эти смотры, объ одномъ изъ которыхъ, а именно о смотрѣ маршировки и умѣнья салютовать саблей, на маршѣ, всѣхъ начальниковъ пѣхотныхъ частей, начиная съ баталіоннаго командира, мною разсказано въ „Запискахъ“ о походѣ въ Венгрію *).

Сегодня, на примѣръ, баронъ Остенъ-Сакенъ смотрѣлъ пригонку касокъ на три головы: на одну обыкновенную, круглую голову, на другую—продолговатую и на третью—остроконечную, что Гоголь называлъ головой—*рыдь-кой хвостомъ кверху*.

И это-то въ каждой ротѣ полковъ всего корпуса приходилось подбирать такія три разнообразныя констукціи головы, для представленія ихъ на смотрѣ корпусному командиру! Какіхъ это стоило трудовъ, хлопотъ, траты времени для всѣхъ, начиная отъ капральнаго унтеръ-офицера до начальника дивизіи включительно! И какіе курьезы происходили при подобныхъ смотрахъ! Намъ памятенъ одинъ такой случай. На упомянутомъ смотрѣ касокъ, баронъ Остенъ-Сакенъ подошелъ къ солдату Охотскаго егерскаго полка, у котораго каска была надвинута чуть не до кончика носа.

— Что, мой другъ,—спросилъ этого солдата корпусный командиръ,—у тебя большая каска?

— Большая, ваше высокопревосходительство!—отвѣчалъ спрошенный.

— Ахъ, Богъ мой!—продолжалъ баронъ Сакенъ,—зачѣмъ ты говоришь *большая*? скажи: *большая*.

— Большая, ваше в—во!-- вновѣ отвѣчалъ солдатъ.

— Повторяю тебѣ, скажи: *большая*.

— Большая, ваше в—о!—твердилъ свое пытаемый.... И такъ баронъ Остенъ-Сакенъ бился съ этимъ солдатомъ, переговаривая одно и то же слово, оба по-своему, но крайней мѣрѣ минутъ 10, и все таки не могъ добиться, чтобы тотъ правильно произнесъ слово—*большая*, и наконецъ обратился къ командиру полка:

— Полковникъ Бибииковъ, выучите его говорить!

— Слушаю-сь. ваше в—о!—отвѣчалъ Бибииковъ, отвѣшивая полевой по-

*) „Четыре войны“. Ч. I, стр. 132. Примѣчаніе—подъ графою.

елонъ Сакену, а въ душѣ помирая, что называется, со смѣху, подобно всѣмъ прочимъ командирамъ, присутствовавшимъ при этой сценѣ.

На-завтра корпусный командиръ смотрѣлъ пригонну мундировъ, тоже на разныя необыкновенныя сложенія и тоже на нѣсколькихъ людяхъ, — если не каждой роты всего корпуса, то всѣхъ ротъ одного какого-либо избраннаго полка, при чемъ, однако, должны были присутствовать и поучаться начальники частей *всего* корпуса.

На слѣдующій день Баронъ смотрѣлъ верховую ѣзду, по-одиночкѣ, всѣхъ квартирмейстровъ, казначеевъ, адъютантовъ, гевальдигеровъ, вагенмейстеровъ, — словомъ, всѣхъ пѣхотныхъ офицеровъ, обязанныхъ во фронтъ быть верхомъ. Можно себѣ вообразить, сколько было комическаго на этомъ смотрѣ офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые выѣхали верхомъ на лошади замундштученной, можетъ быть, первый разъ въ жизни, не умѣя ни держаться на конѣ, ни управлять имъ вообще, тѣмъ болѣе посредствомъ мундштука.

На этомъ смотрѣ Баронъ началъ дѣлить представившихся ему офицеровъ на три разряда, по ихъ ѣздѣ. Проѣзжаетъ мимо его офицеръ молодцомъ, онъ даетъ ему проѣхать шаговъ пять, десять, сто и скомандуетъ: „Стой, — во фронтъ!“ Это первый разрядъ, — къ этому офицеру онъ тѣмъ же порядкомъ пристроить и другихъ, ѣдущихъ хорошо. Но вотъ ѣдетъ офицеръ гораздо хуже, онъ даетъ ему миновать шеренгу хорошихъ ѣздоковъ и скомандуетъ: „направо“; когда же тотъ проѣдетъ нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, скомандуетъ: „Стой, — во фронтъ!“ Это второй разрядъ. Такимъ же способомъ Баронъ сформируетъ третій разрядъ, выстроивъ хуже ѣдущихъ въ третью шеренгу. Но ѣдетъ офицеръ очевидно понятія не имѣющій о верховой ѣздѣ, — ѣдетъ, разумѣется, непозволительно дурно. Баронъ Сакенъ, давъ ему проѣхать за первую шеренгу, скомандовалъ ему „направо!“ и.... занялся слѣдующимъ офицеромъ. Между тѣмъ тотъ минуетъ вторую шеренгу, минуетъ третью и въ недоумѣніи, не слыша команды, оглядывается на корпуснаго командира, приостанавливая лошадь. „Не останавливайтесь, не останавливайтесь! — кричитъ ему корпусный командиръ, — поѣзжайте дальше, дальше, прямо... на гаунтвахту!“

Затѣмъ баронъ Сакенъ смотрѣлъ всѣхъ музыкантовъ корпуса, всѣхъ горнистовъ и барабанщиковъ, экзаменовалъ ихъ въ знаніи маршей и боевъ, — смотрѣлъ всѣхъ тамбуръ-мажоровъ относительно ихъ обмундирования и знанія пріемовъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, — смотрѣлъ не только пѣсельниковъ и запѣвалъ, лучшихъ въ каждомъ полку, но даже такъ-называемыхъ *баллауль*, то-есть солдатъ, подчасъ потѣшающихъ своихъ товарищей — нарядившись въ какой-нибудь маскарадный, обыкновенно шутовской, костюмъ. Цѣлые часы проходили въ томъ, какъ ломались, передъ корпуснымъ командиромъ и множествомъ собранныхъ начальниковъ частей, нѣсколько десятковъ этихъ *баллауль* въ костюмахъ генераловъ съ соломенными эполетами и бумажнымъ плюмажемъ на трехъугольных шляпахъ, или въ вывороченныхъ наизнанку тулупахъ, превращавшихъ одного солдата въ медвѣдя, другаго — въ неизбѣжную

козу, или, наконецъ, въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ чертей съ рогами и обыкновенно съ красивымъ суковатымъ хвостомъ и такимъ же длиннымъ языкомъ.

Одни изъ костюмовъ корнуэный командиръ находилъ неприличными, другимъ давалъ право гражданства, также какъ и нѣкоторымъ остротамъ балаузовъ, выслушивая терпѣливо ихъ неудержимый, хотя нерѣдко безсмысленный, потокъ.

Не можемъ умолчать, что смотры эти были постоянно предметомъ осмѣянія со стороны многихъ высшихъ и низшихъ офицеровъ войскъ Дуцкого лагеря. Когда кончился этотъ лагерь и полкъ за полкомъ стали расходиться по зимнимъ квартирамъ, командиръ Охотскаго полка, полковникъ Бибииковъ, задумалъ чѣмъ-нибудь потѣшить своихъ солдатъ и тѣмъ какъ бы поблагодарить ихъ за труды, ими перенесенные во время лагеря, и за усердіе, съ какимъ они приготовились къ Царскому смотру, весьма успѣшно отбытому. Бибииковъ задумалъ устроить праздникъ полку и для этого, кромѣ разныхъ угощеній солдатамъ, нанялъ, подвернувшихся кетати, проѣзжихъ акробатовъ показать все свои штуки, и на этотъ праздникъ пригласилъ своихъ знакомыхъ. Случайно въ этотъ вечеръ пріѣхалъ къ Бибиикову генералъ Соймоновъ (впоследствии смертельно раненый въ Инкерманскомъ сраженіи) и видитъ — комедь ломаютъ.

— Съ какой это стати, — говоритъ Соймоновъ Бибиикову, — вы дѣлаете представленіе здѣсь... не у мѣста?

— Гдѣ же дѣлать? — здѣсь полкъ стоитъ.

— Какъ гдѣ? — отвѣчалъ Соймоновъ: — тамъ надо было дѣлать, гдѣ мѣсто для комедій отведено, на правомъ флангѣ Селенгинскаго полка, у калитки!...

Для скорѣйшаго усвоенія памяти солдата мотивовъ застрѣльщичьихъ сигналовъ, принято у насъ учить солдатъ наизусть переложенные на эти мотивы весьма остроумные, прекрасно написанные куплеты генерала Чернышева, извѣстнаго автора сказки *„Про Русскаго царя и про Нѣмецкаго царя и о томъ, какъ Русскій царь перещеголялъ царя Нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно“*. Барону Остенъ-Сакену почему-то захотѣлось замѣнить эти куплеты другими, своего собственнаго издѣлія. Сказано — сдѣлано; но когда Господь Богъ, несмотря на многія высокія качества барона Дмитрія Ерофеевича, не наградило его поэтическимъ талантомъ, то, само собою разумѣется, издѣліе его вышло крайне неудачно. Между тѣмъ такая масса времени была потрачена на заучиваніе солдатами этихъ куплетовъ, въ сущности не только не облегчавшихъ, но затруднявшихъ изученіе сигналовъ.

Нельзя также умолчать при этомъ о незабвенной *„Дуриндѣ“*, пѣснѣ такъ озаглавленной ея авторомъ, барономъ Дмитріемъ Ерофеевичемъ, въ которой онъ старался осмѣять неуклюжаго, неумѣлаго, нерасторопнаго и лѣниваго солдата. Пѣсня эта лишена всякаго остроумія и потому самому уже не достигала своей цѣли, а между тѣмъ ее должны были умѣть пѣть — и по-одиночкѣ, и хоромъ — солдаты всего 4-го корпуса.

Далѣе.

Бывало во время Луцкаго лагеря нѣсколько дней сряду идетъ проливной дождь. Нельзя показаться изъ палатки, смотръ и ученья невозможны. Чѣмъ же въ такое время признавалось начальствомъ за лучшее занять солдатскій досугъ?—солдаты учили, въ такіе дни, кричать: „здравія желаемъ ваше в—ство! ура!“ Но еслибъ это былъ только простой крикъ восторга, вырвавшійся отъ души, то и учить такому крику было бы нечего. Нѣтъ, по системѣ барона Сакена, „ура“ должно было *умѣть* кричать. Его надо было кричать такъ, чтобы этотъ крикъ, съ момента прибытія Государя къ фронту, разъ по немъ покотившись, катился, переливался бы по рядамъ войскъ во все время объѣзда ихъ Государемъ, не смолкая ни на минуту *). И вотъ, бывало, подѣзжаешь въ такой ненастный день къ лагерю, и уже версты за двѣ слышишь завыванія этого крика, въ сгущенномъ воздухѣ кажушагося воемъ безчисленныхъ волчьихъ стай!...

Таковы образовательные приемы одного изъ цивилизованныхъ нашихъ генераловъ. Что же дѣлалось въ другихъ корпусахъ?! У Сакена, по крайней мѣрѣ, розги и палка начали отодвигаться на второй планъ, а у другихъ палкой, этимъ только магическимъ жезломъ, и совершалась цивилизація войска.

Нашъ солдатъ не только дурно вооруженъ и дурно обученъ военному ремеслу, но онъ дурно одѣтъ; его головной уборъ (каска) крайне неудобенъ; его обувь не выдержитъ большихъ походовъ, развѣ дадутъ третью пару сапоговъ; онъ дурно накормленъ; его только лѣнивый не обкрадываетъ; онъ навьюченъ такъ, что надо имѣть нечеловѣческія силы и здоровье, чтобы таскать обязательную для него пошу.

Возьмемъ одежду. Ни къ чему непригодный мундиръ, особенно надѣтый (для тепла) подъ шинель, вовсе не грѣющій, а между тѣмъ рѣшительно отнимающій у солдата всякую свободу движенія и исключаящій всякую возможность фехтованія, быстрой и цѣльной стрѣльбы и вообще всякаго проявленія ловкости, столь необходимой солдату, особенно въ бою,—шинель своимъ воротникомъ не закрывающая ни ушей, ни лица солдата, длиннымъ полами мѣшающая ходить, не говоря уже бѣгать, а отъ недоброкачественности сукна весьма у многихъ, въ продолженіе похода, дѣлающаяся ажурною, не защищая ни отъ сырости, ни отъ холода. Потомъ каска. Что это такое? Украшеніе? Правда, на молодцѣ она красива, но за то невзрачна она безобразна. Оборонительное оружіе? Но отъ сабельнаго удара она не спасетъ. отъ пули и подавно. Какое же это оборонительное оружіе?! Если она защита головы отъ зноя и дождя, то и этой цѣли она не достигаетъ: въ зной она

*) Скажемъ кстати: усвоенный въ настоящее время нашими войсками приемъ приветствовать подлежащія власти и кричать «ура» не выдерживаетъ никакого сравненія съ теми приемами, что практиковались въ наше время. Въ нашихъ приветственныхъ крикахъ действительно слышался восторгъ, бывало увлеченье, въ нашемъ торжественномъ военномъ кличѣ слышались ноты потрясавшія душу, подымавшія нравственную силу, духъ воинскій... Никакого подобнаго впечатлѣнія не производятъ тѣ же приветственные и торжественные клики въ настоящее время—какіе-то отрывочные, далеко не гармоничные...

жжетъ голову, а въ дождь она своимъ задникомъ проводитъ ручьи воды за шиворотъ солдата. Если же къ этому прибавить свойство нашихъ солдатскихъ касокъ, побывавъ на дождѣ и понавши за тѣмъ подъ солнце, до того сохнутъ и сжаты, что теряютъ способность влѣзать на голову, а помѣщаются только на ея маковкѣ, сдавливая ее будто тисками, то каждому станетъ очевидно вся непригодность этого головного убора, который давно бы пора замѣнить для солдатъ какимъ-нибудь благообразнымъ подобіемъ нашихъ простыхъ крестьянскихъ шапокъ. Затѣмъ солдатская ноша, его аммуниція, ея пригонка! Въдѣ это верхъ безобразія и какъ бы нарочито сдѣланное изобрѣтеніе, чтобы стѣснить и затруднить всѣ движенія человѣка. Грудь солдата сжата; его тянетъ назадъ: сухарный запасъ, ранецъ, скатанная шинель, патроны, въ безобразнѣйшей сумѣ; по икрамъ его бьетъ ненужный тесакъ; ему обломилъ затекшую руку держаніе „подъ прикладъ“ ружья!...

Наконецъ, всегда ли, по крайней мѣрѣ, сыто это несчастное существо—русскій солдатъ? Есть ли ему на чемъ уснуть хотя тогда, когда онъ не вынужденъ терпѣть неизбѣжныхъ лишеній военнаго времени?—Ни того, ни другаго! Изъ его, и безъ того скудной, сѣбѣтной дачи наровятъ украсть: и каптенармусъ, и фельдфебель, и почти каждый изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, черезъ чьи только руки предварительно проходить эта дача! Солдату полагается чуть ли не 5 фунтовъ соломы въ мѣсяцъ, въ лагерное время, да и той едва ли только половина достигнетъ назначенія, и вотъ онъ цѣлые мѣсяцы спитъ на голой землѣ, по горькому выраженію солдатъ—*на брюхѣ, покрывшись стилой!*...

Изъ вышесказаннаго можно заключить, какъ наша пѣхота далеко еще отъ желаннаго совершенства; что же касается до кавалеріи, то и она не болѣе пѣхоты пригодна къ дѣлу. Кавалеристы дурно вооружены; неудобно одѣты; сидятъ на тяжелыхъ лошадяхъ, рѣшительно неспособныхъ переносить быстрыхъ и продолжительныхъ движенія, и притомъ дѣйствительно дурно выѣзженныхъ, особенно по милости фальшивыхъ атакъ, производя которыя на пѣхоту, кавалерія на большихъ ученьяхъ обыкновенно подскакиваетъ къ фронту и поворачиваетъ отъ него налѣво-кругомъ или останавливается передъ нимъ, что неминуемо осуществится на практикѣ дѣйствительной, не примѣрной атаки, когда разъ привыкшія лошади исполнять этотъ маневръ, не измѣняютъ своей привычки и въ бою.

Наша артиллерія хотя и составляетъ лучшую часть полевыхъ войскъ, но страдаетъ многими изъ тѣхъ же недостатковъ, что кавалерія и пѣхота вмѣстѣ.

Относительно нашего интендантства и комиссаріата должно замѣтить, что въ нихъ всецѣло отразились исконные недостатки нашего чиновничьяго міра съ его страстью стяжанія, и что эта губительная страсть мгновенно охватываетъ почти каждого свѣжаго человѣка, попадающаго въ эту мрачную среду. Такъ, напримѣръ, генераль Затлеръ, человѣкъ бесспорно—умный и весьма талантливый, едва только былъ назначенъ генераль-провіантмейстеромъ арміи,

какъ тотчасъ приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ чуть ли не однимъ изъ главныхъ дѣйствователей своего управленія тестя своего Шарова, пользующагося весьма сомнительною репутаціей и, кажется, уволеннаго изъ провіантскаго вѣдомства за какія-то слишкомъ уже темныя дѣла, и своего зятя Воронича, одного изъ замѣчательнѣйшихъ плутовъ и пройдохъ нашей арміи. Разумѣется, Шаровъ тотчасъ началъ производить большія операціи съ Фиттерманомъ, каменецъ-подольскимъ богатымъ поставщикомъ провіанта, Евреемъ и прежде еще устраивавшимъ съ Шаровымъ различные гешефты. Не можетъ же быть, чтобы Затлеръ, окружая себя такими лицами, не зналъ ихъ мрачныхъ свойствъ и не думалъ пользоваться ими; а также трудно предположить, чтобы, прослужа всю жизнь въ артиллеріи, въ средѣ благородномыслящихъ людей, Затлеръ вышелъ изъ ней съ нечистыми побужденіями. Нѣтъ, просто въ моментъ соприкосновенія Затлера съ провіантскимъ вѣдомствомъ его тотчасъ обдѣлила и засосала тина этого вѣдства, какъ она засасывала каждаго, кто въ нее попадалъ.

Обратившись вообще къ разсмотрѣнію нравственной стороны корпуса нашихъ офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія, мы съ прискорбіемъ должны сознаться что уровень ея весьма невысокъ. Не говоря уже о крайнемъ невѣжествѣ и маломъ развитіи большинства нашихъ офицеровъ, достаточно замѣтить, что у значительнаго большинства рѣшительно не развито чувство долга, нѣтъ той благородной гордости, того чувства собственнаго достоинства, которыя могли бы побуждать ихъ на высокія дѣянія и подвиги. Можетъ-быть эти необходимыя качества разовьются въ офицерахъ война, — даже несомнѣнно, что разовьются; но, пока совершится это желанное перерожденіе нашихъ офицеровъ, сколько будетъ принесено напрасныхъ и излишнихъ жертвъ! А пока качества эти еще не развились, порою становится страшно идти на войну съ такимъ составомъ руководителей войскъ.

Всмотримся въ дѣло ближе.

Правда, можетъ-быть нѣкоторую причину настоящей апатіи многихъ изъ нашихъ офицеровъ, ихъ безучастія къ готовящейся войнѣ, надлежитъ искать въ совершенномъ незнаніи поводовъ къ ней, — такъ-сказать въ непопулярности ея, повидимому ничѣмъ другимъ не вызванной, кромѣ какихъ-то отвлеченныхъ политическихъ и дипломатическихъ соображеній, намъ совершенно чуждыхъ и непонятныхъ. Быть-можетъ, еслибы какая видная опасность грозила нашему отечеству и мы были бы призваны къ оружію для его защиты, другія чувства охватили бы сердца нашихъ офицеровъ. Кто знаетъ! Но какъ бы то ни было, а теперь изъ десяти нашихъ офицеровъ развѣ только одинъ, много двое идутъ на предстоящую войну съ радостью, съ поэтическимъ увлеченіемъ. Значительная же часть офицеровъ не стѣняется вслухъ выражать свое неудовольствіе. „Зачѣмъ, говорятъ, куда? Что намъ за другихъ-то лбы подставлять!“

Многіе думаютъ, какъ бы увернуться отъ этой войны, какъ бы остаться воинскимъ начальникомъ какого-нибудь городка, госпиталя, отправиться куда-нибудь за пріемкой какой, или въ складъ.

Часто, очень часто слышишь: „Что я этимъ выиграю, что пойду на войну? что я тамъ могу получить?...“

Что до меня, я увѣренъ: разрѣши теперь отставки,—много офицеровъ воспользовались бы этимъ разрѣшеніемъ!... Въ виду всего приведеннаго по-неволѣ скажешь, что мы не готовы къ войнѣ, и самая война эта, какъ не являющаяся результатомъ развитія жизни нашего народа, какъ явленіе чисто искусственное, не возбуждаетъ въ войнѣ не только энтузіазма, но даже простаго сочувствія.

Войска собираются на готовящуюся войну равнодушно, по привычкѣ безусловно повиноваться волѣ начальства—и только.

7-го мая.—Г. Староконстантиновъ.

Мы на походѣ. Нѣтъ больше сомнѣній, насъ ждетъ война. Колыхается таинственная завѣса, отдѣляющая отъ насъ загадочное будущее,—она готова подняться! Надуваются попутнымъ вѣтромъ наши паруса и мы собираемся выступить въ открытое море! Набѣжимъ ли по пензвѣданнымъ волнамъ этого моря на подводные камни, или благополучно, во славу отчизны, совершимъ свой бѣгъ?—про то не знаетъ человѣкъ, знаетъ Богъ единый!...

По маршруту предѣломъ нашего похода значутся Бессарабскіе Бѣльцы; но куда пойдемъ оттуда?.....

Какое разнообразіе чувствъ, идей и мыслей волнуетъ наше военное общество! Кто рѣшится сказать, что въ этотъ походъ къ неясно-понимаемой цѣли, съ туманною перспективою, всѣ мы идемъ одушевленные одинакимъ чувствомъ? Конечно, наше общество, какъ и всякое человѣческое общество, состоитъ изъ кружковъ. Прислушайтесь. Одинъ изъ этихъ кружковъ съ какою-то горечью отзывается о нашемъ походѣ. Другой съ видимымъ трепетомъ смотритъ впередъ. Тотъ кружокъ составляютъ скептики, въ немъ только и слышишь: „на чемъ мы основали свои надежды?“ Европа только и ждетъ, чтобъ мы затѣяли съ нею какой-либо процессъ,—она обрушится на насъ сообща, дружно, всѣми силами!

Начавъ войну съ Турціею, мы начнемъ европейскую войну. Если Европа не обрушилась на насъ въ 849 году, то единственно потому, что тогда каждое изъ европейскихъ государствъ казалось стоящимъ на колеблющейся почвѣ, подвергнутой внутреннему вулканическому перевороту, ежеминутно готовая къ гибели. Нынѣ же дѣло иное. Броженіе улеглось. Европа стала приходить въ себя и съ обновленною силою въ ней развилось недоброжелательство къ Россіи.

Кружокъ матеріалистовъ пошлѣе всѣхъ, и хотя съ болью душевною, а должно признаться, не бѣдиѣ другихъ кружковъ числомъ adeptовъ. Глядя на этихъ господъ, невольно думаешь: прошелъ видно вѣкъ поэтического увлеченія, когда большинство благороднаго сословія государства съ восторгомъ

принимало вѣсть о войнѣ; когда вся молодежь съ упоеніемъ стремилась на нее изъ страсти къ опасностямъ, для удовлетворенія той странной душевной жажды, которая рождается въ человѣкѣ отъ воинскаго клича и утоляется только кровью! Прошелъ видно этотъ чудесный вѣкъ, если впрочемъ онъ былъ дѣйствительно не въ воображеніи только поэтовъ и мечтахъ его повѣствователей! Насталъ видно вѣкъ реализма, холодной прозы!

Но при этомъ упокоительно останавливается мысль еще на одномъ кружкѣ: чего не сдѣлаетъ онъ! На какой подвигъ не достанетъ у него рѣшимости! Его члены съ восторгомъ дѣлаютъ всякій шагъ впередъ, по дорогѣ, указанной маршрутомъ, думая, что всякій такой шагъ сближаетъ ихъ съ врагами отчизны, съ ихъ врагами!

Настоящая война закипаетъ для утвержденія ли нашего вѣковаго вліянія на Востокъ, — вліянія, нынѣ потрясеннаго усиліями Франціи, стремящейся дать торжество католицизму надъ православіемъ, — для освобожденія ли единовѣрныхъ нашихъ братій, стесняемыхъ вокругъ Господня Гроба, подъ бременемъ ненавистнаго ига, — какое дѣло намъ?! Пусть объ этомъ разсуждаютъ политики, дипломаты, народные витіи!... Какая бы ни была цѣль предстоящей борьбы, она ведетъ къ славѣ нашего оружія, къ славѣ отечества и нашей; она даетъ намъ возможность догнать нашихъ отцовъ и дѣдовъ на пути величія и побѣды; она ведетъ насъ на высоту, съ которой любо намъ будетъ смотрѣть на міръ, лежащій у нашихъ ногъ.

Впередъ же, впередъ съ надеждою въ сердцахъ! Перстъ вѣнчанный Военачальника указываетъ намъ путь, устланный быть-можетъ терніями, но имъ не остановитъ нашего стремленія: мы пройдемъ по нимъ, прикрывъ ихъ лавромъ!

Таковы мысли многихъ моихъ товарищей. А солдаты?... что же солдаты? Энтузіазма въ пользу вопроса, за который идемъ ратовать, въ нихъ конечно незамѣтно; но они идутъ весело, потому что русскій солдатъ всегда идетъ весело въ походъ, потому что походомъ нѣтъ скучныхъ ученій, перепадетъ лишняя чарка водки; переменна мѣсть и хозяекъ веселитъ взоръ и заставляетъ подчасъ сердце прыгать какъ-то иначе, чѣмъ обыкновенно, потому наконецъ, что тамъ, куда идешь, все кажется будетъ лучше, чѣмъ было тамъ. *откуда идешь.*

Солдаты идутъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ шли бы куда-нибудь въ хорошій городъ въ караулъ, только не въ лагерь, который солдаты не любятъ, по трудностямъ лагерной службы.

По словамъ солдатъ: подымается *бѣлый Аранъ*; мы идемъ *подъ бѣлаго Арана*; иногда говорятъ: *идемъ подъ Турку!* — и на эту-то тему развиваютъ во время продолжительныхъ переходовъ цѣлыя диссертаціи, одна другой безпечусственнѣе и нелѣпѣе.

Изъ Заславля мы съ Селенгинскимъ полкомъ выступали весьма парадно. На площади пѣли обычный молебенъ, посреди толпы народа, пришедшаго преимущественно посмотреть на церемоніаль выступленія, а не то чтобы проститься съ идущими на брань, проводить друзей и братій хлѣбомъ - солью.

молитвою и напутственнымъ пожеланіемъ, какъ бы это сдѣлали въ любомъ городкѣ внутренней Россіи. Молебень кончился, раздались всхлипыванія семейства командира полка, двухъ-трехъ офицерскихъ семействъ, двухъ-трехъ солдатскихъ женъ, еще двухъ-трехъ постороннихъ, повидимому, женщинъ, хорошо одѣтыхъ,—и полкъ съ его отличнымъ обозомъ, запряженнымъ сытыми, круглыми лошадками, пошелъ за заставу.

Идемъ, какъ на Царскомъ смотру: все чисто, ново, начиная отъ солдатскаго сапога до не отточенного еще, но блестящаго штыка, до послѣдняго ремешка конской сбруи.

Въ такомъ ли видѣ возвратимся мы? да и возвратимся ли, и когда?!

Предъ нашимъ выступленіемъ, въ Заславль и окрестностяхъ появилась холера и стала принимать серьезныя размѣры, несмотря на всѣ усилія медиковъ остановить ея развитіе и несмотря на множество медико-полицейскихъ мѣръ, принятыхъ по приказанію генерала Павлова не только въ нашей дивизіи, но и между жителями. Смертность стала дѣлаться весьма значительною.

Признаться, мы думали уйти отъ холеры, предполагая, что съ перемѣною мѣстъ частая перемѣна воздуха будетъ благотворно дѣйствовать на наше здоровье. Эта мысль также придавала много прелести предстоящему походу. И дѣйствительно, въ первый переходъ больныхъ почти не было и лазаретныя фуры ѣхали порожними. Но второй переходъ далъ себя знать: пошелъ дождь, стало холодно, сыро; солдаты повалились; лазаретныя фуры быстро наполнились, некуда было сажать заболѣвающихъ. Нашъ штабъ ѣхалъ сзади. Мы наѣхали на двухъ-трехъ солдатъ, оставленныхъ у дороги подъ присмотромъ въ ожиданіи пріѣзда подводъ. Одинъ страдалецъ былъ въ конвульсіяхъ. Ужасно вытягивались его поспѣлые члены; мускулы ногъ сбѣгались въ клубки, и кости, казалось, готовы были обнажиться; у рта пѣна; судороги свивали его въ дугу; этотъ солдатъ былъ ужасенъ. Чѣмъ ему помочь? По близости никакого жилья,—хоть бы чѣмъ теплымъ напоить его, обогрѣть. Мы развели близъ него костеръ и влили ему въ горло двойную порцію антихолерныхъ капель. Первый пріемъ вырвало; мы повторили лѣкарство, а между тѣмъ растирали его, сколько было силъ, солдатскими шинелями. Облегченія, повидимому, не было. Подъѣхало нѣсколько юнкеровъ, догонявшихъ полкъ, на нанятыхъ лошадяхъ. „Господа, возьмите солдата до ближайшей деревни“.—Съ большимъ удовольствіемъ, но онъ, кажется, не доѣдетъ?—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на страдальца. Дѣйствительно, на почерѣломъ лицѣ солдата уже были признаки угасанія жизни, но въ очахъ его еще была мольба—быть-можетъ о помощи, быть-можетъ о чемъ другомъ!...

— Знаете, я слышалъ дѣйствительное средство отъ холеры!—почти закричалъ одинъ изъ пріѣхавшихъ юнкеровъ.

— Какое?—давайте скорѣе, Бога ради.

— Растирайте его *кранивою*.

— А что вы думаете, господа, вѣдь хуже не будетъ?

— Да отчего бы сдѣлаться хуже?

— Примемся съ Богомъ.

Молодежь бросилась. Тотчасъ нарвали въ канавѣ крапивы и начали растирать страдальца. Мгновенно его тѣло стало краснѣть, свѣжая крапива на многихъ мѣстахъ произвела ожоги; конвульсіи уменьшились; мы попеременно продолжали треніе до того, что нашъ паціентъ совершенно ожилъ; члены его выпрямились. Давъ ему еще порцію капель, мы уложили его на телѣгу и отправили дальше съ юнкерами. Сказываютъ, что, когда его привезли въ деревню, напоили теплымъ и уложили въ теплой комнатѣ, онъ очень поправился. Но въ деревнѣ не было лазарета; полковой лазаретъ находился впереди съ полковымъ штабомъ, до него не могли довести въ этотъ день больного и послали на другой день вмѣстѣ съ остальными больными, подобранными на дорогѣ, догонять полкъ. Дрянныя лошаденки подводчиковъ до вечера не догнали полка, вечеромъ опять пошелъ дождь, стало холодно, вѣтрено. Нашего паціента, прозябшаго и промокшаго до костей, сняли съ повозки еле живаго; у него сдѣлался рецидивъ болѣзни; холера превратилась въ тифъ, и онъ не то на другой, не то на третій день отдалъ Богу душу.

Холера на походѣ, умирающіе на привалахъ и переходахъ были первыми невзгодами, давшими намъ почувствовать начало боевой жизни. *Цѣлочки* были уже передъ нами, на первомъ нашемъ шагѣ по боевому поприщу, — *ягодки* насъ ждутъ впереди! Сохрани насъ, Господи, и помилуй! Холера-то еще ничего, старая знакомка, съ нею мы уже сдружились и обжились. Свѣжо еще въ памяти, какъ она косила нашу братью въ Польшѣ въ 848, въ Венгріи въ 849 годахъ; не говорю уже о давно забытыхъ подвигахъ индійской гостыи, сопровождавшихъ ея появленіе у насъ въ 830-хъ годахъ. Но вотъ отъ чего иногда болѣзненно сжимается наше сердце: это—отъ возможности встрѣтиться съ *чумою*, если пойдемъ въ Турцію.

Страшенъ этотъ неотразимый врагъ и потому, что нѣтъ исцѣленія заболѣвшему, и еще болѣе потому, что не успѣютъ вполне проявиться въ тебѣ роковыя признаки болѣзни, какъ уже покидаетъ и съ ужасомъ бѣжитъ тебя и другъ, и братъ, и товарищъ! Страшенъ потому, что убѣжить отъ тебя и бросить на произволъ судьбы жена, любовница, сестра, развѣ не убѣжить отъ тебя одно только существо—мать! Мгновенно на твое чело будто положить печать отверженія; всѣ тебя покинуть и только толпа мортусовъ въ ихъ ужасныхъ костюмахъ, кожаныхъ маскахъ, рукавицахъ, вымазанныхъ дегтемъ, будто демоны схватятъ тебя крючьями и молча потащатъ въ преддверіе ада—въ чумный госпиталь!...

Но *буде що буде*, говорятъ хохлы, а *буде то, що Богъ дастъ!* Теперь же куда со всякимъ днемъ, со всякимъ нашимъ переходомъ число заболѣвающихъ у насъ уменьшается, смертность болѣе и болѣе прекращается; мы спускаемся прамехонько на югъ, какъ паукъ съ потолка; климатъ на нашихъ глазахъ ежедневно долженъ измѣняться къ лучшему.

Июнь. Г. Барь.

Знаменитое въ исторіи Польши мѣсто Барской конфедераціи. Слѣды пребыванія буйныхъ конфедератовъ надо искать въ огромномъ каменномъ замкѣ Бара, доселѣ отлично сохранившемся въ нѣкоторыхъ частяхъ. Разумѣется, по огромности собственно самаго замка и стѣнъ, къ нему прилежащихъ, вооруженныхъ большими башнями, а равно по равнодушію къ нему окрестнаго населенія, замокъ не только оставленъ безъ вниманія и поддержки, но еще разрушается мало-помалу жидами, которые тащатъ его кирпичи и камни на стройку грязныхъ своихъ жилищъ.

Для насъ собственно Барь очень памятенъ тѣмъ, что мы нашли здѣсь прекрасное старое венгерское и что намъ привезли сюда подъемное, не въ зачетъ, жалованье, котораго мы весьма нетерпѣливо ожидали, чтобъ имѣть возможность поскорѣе купить верховыхъ и вьючныхъ лошадей въ потребномъ по военному времени числѣ и завести вьюки, да кромѣ того еще кое-что необходимое въ походѣ, какъ напримѣръ: сапоги выше колѣнъ, вродѣ охотничьихъ, пару добрыхъ пистолетовъ, хорошую дубленку, вѣстительную водочную флягу, да кожаный плащъ съ такимъ же башлыкомъ, подбитый сукномъ или фланелью, въ которомъ и зимою (если онъ надѣтъ поверхъ дубленки), и въ осенній вѣтеръ, и въ проливной дождь сидишь и на перекладной тележкѣ, и на походномъ конѣ—все равно, какъ будто въ теплой и сухой комнатѣ.

Въ нашъ дивизионный штабъ комиссіонеръ отсчиталъ одиннадцать кожаныхъ мѣшечковъ, вынутыхъ имъ изъ большого бочонка. Въ каждомъ изъ этихъ черненькихъ мѣшечковъ лежало по тысячѣ полумперіаловъ новенькихъ, съ *пюлочки*! Итого собственно офицерамъ нашей дивизіи однихъ подъемныхъ денегъ прислали около пятидесяти тысячъ рублей серебромъ!

Потекла золотая рѣка, каждую войну мѣшающая свои всемогущія волны съ потоками человѣческой крови!

Присылка намъ вспомошествованія золотомъ служить яснымъ доказательствомъ, что мы пойдемъ за границу. Дай Богъ сбыться этому *золотому* пророчеству!

14-го іюня.—Г. Могилевъ на Днѣстрѣ.

Кто не знаетъ, что Подольская губернія на пространствѣ отъ заштатнаго города Бара до Могилева на Днѣстрѣ, представляя чрезвычайно роскошную растительность, въ особенности красуясь неебъятными полями пшеницы, также изобилуетъ прекраснымъ лѣсомъ. Но вообразите, какое несчастье: весь этотъ лѣсъ погибъ. Временно ли, совершенно ли погибъ—не могу опредѣлить, только къ нему страшно и больно подѣхать. Посреди лѣта онъ черенъ, какъ зимою; не одѣтъ зеленью; его вѣтви опустились; не слышать въ немъ ни одной птички: *лѣсъ обгъла гусеница*, міриадами его покрыв-

шая, пожравшая всю зелень не только въ лѣсу, но и на значительномъ пространствѣ вокругъ лѣсовъ. Подойдешь къ дереву, еще не совершенно объѣденному, и, повторяю, какъ-то страшно становится смотрѣть на него: оно будто все живое, будто не дерево уже, а громадная древообразная куча гусеницы.

У древесныхъ корней лежатъ груды издохлой гусеницы, совершенно почти высохшей. Казалось бы, тутъ-то птицамъ и быть, чтобъ пожирать враговъ ихъ покоя, ихъ затишья, а между тѣмъ нигдѣ не видать ни одной птички. Когда идетъ саранча, ее часто сопровождаютъ и пожираютъ стада особыхъ породъ птицъ, а на этихъ насѣкомыхъ нѣтъ гонителей.

Могилевъ—очень хорошій и чистый городокъ. Между уѣздными онъ одинъ изъ лучшихъ. Здѣшніе жидаы славятся своею образованностію, а женщины—красотою. Мы были у нѣкоторыхъ почтенныхъ хозяевъ. У нихъ прекрасные дома, у многихъ балконы, уставленные цвѣтами, террасы, ведущія въ садъ; комнаты, особенно гостиная, набиты множествомъ всякой мебели, картинъ и дорогихъ вещей; впрочемъ всѣ эти вещи такъ безвкусно, такъ безтолково разставлены, такъ эти комнаты похожи на лавку, въ которой продаютъ всякія подержанныя вещи, что не будетъ стоить большого труда догадаться о національности хозяина квартиры, особенно если войдете въ нее съ свѣжаго воздуха, причемъ васъ тотчасъ ошибетъ специфическимъ запахомъ, который слышится въ большей степени въ квартирѣ бѣднаго Еврея, въ меньшей степени въ квартирѣ Еврея богача, но все же слышится. Мы обыкновенно заключаемъ, что этотъ особенный запахъ, свойственный каждому Еврею, какъ запахъ чичиковскаго Петрушки, происходитъ отъ употребленія ими съ малолѣтства въ значительномъ количествѣ чеснока, луку, перцу и другихъ приностей. Отнести этотъ запахъ къ извѣстной неопрятности этого народа нельзя, потому что онъ слышится и отъ богачей, чисто и опрятно живущихъ; да и вообще Евреи чистоплотнѣе многихъ народовъ, напримѣръ сѣверныхъ племенъ сибирскихъ туземцевъ, кавказскихъ байгушей, Цыганъ. Евреи часто мѣняють бѣлье и непременно каждую пятницу ходятъ въ баню.

Огневая очи здѣшнихъ женщинъ, ихъ полувосточная, полоевропейская красота—получили нѣкоторымъ образомъ популяриность въ русской арміи, заковавъ въ свои цвѣточныя цѣпи не очень давно нѣсколько лицъ, бывшихъ не послѣдними въ военной іерархіи того времени. Доселѣ заговорите съ любымъ старымъ служакою, который неминуемо на своемъ вѣку походилъ—такъ по западному краю Россіи, о красотѣ могилевскихъ жидовочекъ: посмотрите, какъ у него загорятся глаза, какой румянецъ заиграетъ на его щекахъ, обожженныхъ временемъ и порохомъ! Особенную въ здѣшнемъ краѣ, историческую извѣстность богатствомъ и красотою приобрѣли женщины двухъ еврейскихъ семействъ Могилева: Левенсона и Рафаловича. Вообще здѣшнія жидовочки очень мило играютъ на фортепіано, поютъ, говорятъ по-французски, танцуютъ и готовы болтать съ вами о какомъ хотите отвлеченномъ предметѣ.

По вечерам гуляют на улицах и в казенном саду, где правительство разводит тутовые деревья, думая развить в этом крае шелководство. Здешние жидовочки очень любезны, позволяют за собой ухаживать, и поэтому очень много было примѣровъ, что, увлеченны сердцемъ, онѣ оставляли праотцовскую вѣру и выходили замужъ за русскихъ офицеровъ.

20-го іюня.—Г. Бѣльцы.

Курьеръ къ намъ скачетъ за курьеромъ. Всѣ распоряженія, касающіяся нашего приготовленія къ военному походу, передаются намъ съ нарочными, чтобъ мы имѣли возможность выполнять ихъ своевременно. Курьеры намъ надѣли, приѣзжая то ночью, то на разсвѣтѣ, и всегда привозятъ какое-нибудь распоряженіе, по милости котораго у насъ сильно прибавляется работы.

Нашъ оберъ-аудиторъ говоритъ, что „эти *синенькіе* (жандармы), да *зелененькіе* (пѣхотные и кавалерійскіе офицеры, прикомандированные къ главной квартирѣ и корпусному штабу для развозки важныхъ депешъ) какъ начнутъ сновать, то точно ласточки, вьющіяся у самой земли, непременно напорочатъ бурю“.

Однако мы доселѣ ни отъ кого не получали рѣшительнаго приказанія перейти границу, и стали носиться слухи, будто мы расположимся здѣсь лагеремъ. Признаться, пріятная вѣсть! Неужели опять разойдутся тучи, прояснится горизонтъ и мы воротимся, не испытавъ военной бури!?

Какое преступное сѣтованіе! Прости меня, Господи; но носить военный мундиръ не омытый, или не вспырынутый кровью какъ-то неловко!

Вешнія бури нужны растительности; военные бури нужны человѣчеству вообще, а военному человѣку въ особенности необходимы: ими воспитывается духъ человѣка; въ этихъ буряхъ познаешь себя, обучаешься или уважать себя, или презирать. Эти бури будто срываютъ покровъ съ окружающихъ тебя, ты читаешь ихъ душу, твой кругозоръ расширяется, зрѣніе твоего духа проясняется.

О, война нужна, нужна для многого. Въ ея кровавой купели очищается человѣчество, изъ купели этой выходитъ оно лучше и свѣжѣе.

Повторять ли здѣсь причины нашего приближенія къ границамъ, причины постановки насъ на военную ногу? Солдатское ли дѣло разсуждать о политикѣ и стараться разбирать перепутанныя многими годами нити восточнаго вопроса? На это есть историки. Мое дѣло, въ качествѣ лѣтописца событій, предъ моими глазами совершающихся, сказать только, что у насъ часъ отъ часу увеличивался кружокъ съ восторгомъ принимавшихъ всякое новое извѣстіе, убѣждавшее насъ, что мы пойдемъ *впередъ*....

Самые хладнокровные изъ насъ не могли равнодушно слышать о дерзости, съ какою поступала съ нами Порта, подвигнутая сперва тайнымъ, а потомъ явнымъ подстрекательствомъ Англіи и Франціи.

Флоты новыхъ союзниковъ Турціи—французскій и англійскій, прибли-
зясь къ Стамбулу, будто говорили: „не соглашайся, стой на своемъ; мы тебѣ
поможемъ, положишь на насъ; дай намъ расправиться съ Россіею; посмотри:
вѣдь она посягаетъ на верховную власть надъ твоими подданными; посмотри:
ясно, она хочетъ твоей гибели и расширенія своихъ предѣловъ на счетъ
твоихъ!“ Порта еще колеблется, еще думаетъ: „проведете, господа! вы да-
леко, а Россія подъ бокомъ; мы съ нею не впервой тягаться,—досель
еще болятъ отъ ней бока; знаю какъ съ ней связываться!“ Но Франція и
Англія не отстаютъ и всякую минуту готовы двинуть свои флоты далѣе.

Неужели же мы равнодушно перенесемъ эту угрозу и потерпимъ, чтобъ
Западъ однимъ мановеніемъ бровей заставлялъ насъ соглашаться не только
на все то, что ему угодно, но и на все, что угодно будетъ приказать тѣмъ,
кого онъ возьметъ подъ свое покровительство? Нѣтъ, Россія давно уже го-
товится къ рѣшительному состязанію съ Европою; готовится показать ея
первенствующимъ державамъ, что намъ также не опасно ихъ оружіе, какъ
не опасенъ ихъ постоянный газетный крикъ. Одѣта стальною броней Рус-
ская земля. Она неуязвима. Многія сотни тысячъ закаленного въ боевыхъ
трудахъ войска сторожатъ ея спокойствіе и имѣютъ силы и средства заста-
вить уважать ея законныя требованія!

Посольство князя Меншикова не имѣло успѣха: Порта отвѣчала ему
отказомъ, несмотря на всѣ уступки въ требованіяхъ, какія нашъ чрезвы-
чайный посолъ имѣлъ возможность сдѣлать, не нарушая достоинства Россіи,—
Турція стояла на своемъ, поддержанная Франціею и Англіею. Князь Мен-
шиковъ уѣхалъ изъ Константинополя съ нашей миссіей; флоты союзниковъ
вступили въ Саламинъ, а наши войска пошли въ Молдавію *).

21-го іюня—тамъ-же.

Итакъ, жребій брошенъ. Наши товарищи переступили Рубиконъ. На-
чинается война. Какъ ни пиши дипломаты, какъ ни надѣйся на мирный
исходъ настоящихъ событій, все это—самообольщеніе, тщетныя мечты. Ин-
тересы не одного какого-либо государства, а многихъ затронуты самымъ

*) Первоначальнымъ планомъ Императора Николая было произвести высадку въ
Константинополѣ и такимъ образомъ окончить войну однимъ ударомъ до прибытія со-
юзниковъ Турціи; но князь Меншиковъ, на котораго возлагалось приведеніе въ испол-
неніе этого плана, призналъ таковой невозможнымъ. Тогда Государь рѣшилъ произвести
высадку въ Бургасскомъ заливѣ, овладѣть крѣпостью Варной съ моря, одновременно
занявъ княжества. Однако фельдмаршалъ Паскевичъ, которому на обсужденіе былъ
переданъ этотъ планъ Государемъ, не согласился съ нимъ, послѣ чего былъ принятъ
планъ предложенный Паскевичемъ: занять Придунайскія княжества, какъ залогъ вы-
полненія Турціею ея обязательствъ, причемъ наши войска въ княжествахъ послужили
бы основаніемъ для образованія христіанскихъ ополченій противъ Турціи, которыя и
повели бы ее къ распаденію. Какъ извѣстно, первая часть плана Паскевича была вы-
полнена,—мы заняли княжества; а вторую часть плана выполнить мы не рѣшились, но
настоящую того же Паскевича, чтобы не раздражить и не возстановить противъ себя
Австріи (Дубровинъ: „Восточная война“, стр. 4. Богдановичъ: „Восточная война“, т. I).

чувствительнымъ образомъ. Турція, если и хотѣла бы, что называется, на понятный, не можетъ; ее подталкиваютъ морскія державы, стараясь доказать ей, что Россія, отъ временъ Петра стремившаяся къ ея гибели, къ возстановленію православной имперіи на ея развалинахъ, избрала именно настоящій моментъ для нанесенія ей рѣшительнаго удара! Какъ будто Россія не могла раздавить Турцію въ 829 году, какъ будто она не могла стереть ея имя съ европейской карты, еслибы хотѣла, въ 1833 году, какъ будто бы Россія не могла подлечь на нее оружія въ 848 и 849 годахъ, когда вся почти Европа терзалась въ революціонныхъ конвульсіяхъ!

Англія давно уже ищетъ предлога съ помощію другихъ устремиться на Россію, чтобы, по возможности, унижить этого колосса, вліянія котораго она боится на многіе свои рынки.

Новому владыкѣ Франціи нужна слава, нуженъ блескъ, нуженъ пороховой дымъ для безпрестаннаго курева народу; нужны громкія дѣла. При томъ же Франціи невозможно было оставаться равнодушною при рѣшеніи восточнаго вопроса, на которомъ столкнулись ея интересы съ интересами Россіи. Какъ намъ Государь—природный протекторъ православныхъ подданныхъ Султана, такъ Франція, а слѣдовательно глава ея—природный покровитель католиковъ. Мы требовали упроченія и признанія правъ нами покровительствуемыхъ подданныхъ Султана, а католики въ этомъ покровительствѣ видѣли опасность для своихъ правъ на Востокъ.

Связанныя съ нами узами священнаго союза, Австрія съ Пруссіей, быть можетъ, помогутъ намъ, а за ними и вся Германія, если не мечомъ, то перомъ. Но искренна ли будетъ помощь Австріи и окольными путями не пойдетъ ли она противъ насъ? Развѣ не больно ей смотрѣть на древній щитъ Габсбургскаго дома, прикрытый мощнымъ крыломъ двуглаваго орла Россіи отъ порывовъ трехглавой гидры, по счастливому изображенію пехода Венгерской кампаніи, на медальонѣ графа Толстаго? Развѣ можетъ простить намъ спасенная нами Австрія сочувствіе наше къ Венгріи въ 849 году? Исно, что если она не осмѣлится явно поднять противъ насъ головы, чтобы удивить міръ величіемъ своей неблагодарности, по выраженію ея же государственнаго мужа, въ опасеніи погибнуть подъ нашими ударами, то она будетъ тайно дѣйствовать противъ насъ, и кто знаетъ, не больше ли, изподтишка, надѣлаетъ намъ зла, чѣмъ бы сдѣлалъ врагъ, поднявшій забрало?

Утверждаютъ, что князь Варшавскій, ненавидящій Австрію, доказывалъ Государю Императору, что успѣшная война съ Турціей возможна только предварительно разгромивъ Австрію и занявъ Вѣну.

Этотъ плакъ приводитъ насъ въ восторгъ. Всѣмъ намъ кажется, что при его выполненіи успѣхъ несомнѣненъ. Сколько данныхъ для вѣроятности побѣды надъ Австріей!... Не говорю уже о той къ ней ненависти, какая таится въ нашихъ сердцахъ, но, вообще, въ настоящее время Австрія намъ не опасная соперница: она еще безсильна, не оправаясь отъ послѣднихъ революцій; ея арміи еще не окрѣпли, еще деморализованы, еще въ нѣкото-

рыхъ составныхъ частяхъ ихъ таится вражда къ правительству, даже готовность промѣнять свои знамена на другія. За тѣмъ, одновременно съ сокрушеніемъ Австріи воскресли бы славянскія царства Балканскаго полуострова: изможденную голову подняла бы Болгарія,—Сербія обнажила бы давно отточенный мечъ.—забила бы кровавымъ ключомъ Черногорія,—поднялись бы Греки и обновилось бы царство Великаго Константина!... Съ Турками дѣло было бы покончено въ Европѣ: древнее пророчество осуществилось бы и въ назначенный таинственнымъ предсказаніемъ срокъ они возвратились бы въ Малую Азію...

Пусть тогда тягается съ нами Европа,—вездѣ, куда она ни броситъ свои легіоны, устремляя ихъ на насъ, вездѣ ихъ встрѣтитъ народная война. Но этого ли хочетъ Русскій Царь? Измѣнѣ ли порядокъ вещей стремится Онъ, доселѣ всегда стремившійся къ сохраненію этого порядка у Себя и у другихъ? Хочетъ ли Онъ залить міръ кровью и слезами?—Нѣтъ, Онъ хочетъ только неприкосновенности Своихъ правъ, уваженія Своей воинской чести, благосостоянія тѣхъ, кто въ Немъ одною видитъ свою путеводную звезду—звезду надежды!

Отказаться отъ своихъ требованій добровольно—возможно, положимъ, но это дѣйствіе будетъ ли понято какъ фактъ великодушія? не будетъ ли оно, напротивъ, признано малодушіемъ, безпліемъ, и не повлечетъ ли оно за собою желанія новыхъ уступокъ, не дастъ ли нашимъ врагамъ надежду на возможность добиться болѣекихъ?

Уступить нынѣ, уступить безъ боя—не будетъ ли значить показать свое безпліе всѣмъ православнымъ Востока? Поступить такимъ образомъ не все ли равно, что сказать имъ: „не надѣйтесь на меня, я отъ васъ отказываюсь, я не могу ничего сдѣлать для васъ!“

Отказаться отъ своихъ требованій нынѣ—не значить ли отдать Франціи право первенства на Востокѣ въ дѣлахъ религіозныхъ, Англіи—въ дѣлахъ торговыхъ, Турціи предоставить продолжать поступать съ своими православными подданными какъ съ вѣчными животными, а не какъ съ людьми?

Нѣтъ, нашъ Государь не сдѣлаетъ шага назадъ. Твердая рука Его развяжетъ узелъ, запутанный ревнивою Европою, или разсѣчетъ его. Онъ истощитъ всѣ средства мирнымъ путемъ привести къ концу настоящія событія: но есть предѣлъ всякому великодушію. и если заставятъ Его обнажить мечъ, Онъ обнажитъ его и вложитъ только послѣ совершеннаго торжества Своего дѣла.

Мы идемъ впередъ, но войны еще не объявлено. Занятіе княжествъ будетъ только понудительною мѣрою заставить Турцію согласиться на наши законныя требованія. Въ княжества вступаютъ одинъ нашъ корпусъ и незначительная часть пятаго *). Переговоры будутъ продолжаться. Но, какъ

*) Для занятія Дунайскихъ княжествъ вступили: 4-й пѣхотный корпусъ, 15 пѣхотная дивизія, 5 легкая кавалерійская дивизія съ пѣх. артиллеріей и три казачьи полка, всего около 80.000 человекъ съ 196 орудіями. Богдановичъ: *Idem.* Т. I, стр. 94.

бы то ни было, а намъ, простымъ смертнымъ, не дипломатамъ, кажется, что завязавшемуся дѣлу безъ крови не обойтись.

Разсвѣтъ 24-го іюня.—М. Скуляны.

Слышны заунывные звуки генераль-марша, будто прощальные стоны уходящей арміи; имъ вторить сердце. Прощай Россія, прощай все, въ ней любезное, надолго, надолго, чтобъ не сказать навсегда. Чѣмъ пристальнѣ смотришь въ эту даль, тѣмъ она кажется синѣе, темнѣе. Не оттого ли, что за нею зияетъ раскрытая для меня могила? Святая воля Твоя да будетъ, о Боже! Ты видишь душу мою: съ восторгомъ иду на брань за дѣло отчизны, но могу ли въ эту минуту заставить молчать свое сердце? Могу ли не видѣть тамъ, въ другой, противоположной дали, предъ чудотворною иконою простертую мать мою? Могу ли не видѣть на порогѣ моего дома ту, въ объятіяхъ которой я такъ не давно еще позналъ цѣну жизни, сладость счастья? Могу ли забыть ея молящій взоръ, отуманенный страдальческими слезами, дѣтей, трепетными ручонками обвившихъ мою шею, мои колѣни?... Но вотъ грохотъ сбора заглушаетъ говоръ сердца; блескъ штыковъ стекающихся на площадь отрядовъ разгоняетъ мучительныя видѣнія: торжественная пѣснь напутственного молебна, который слушаютъ полки главныхъ силъ 4-го пѣхотнаго корпуса, готовясь перешагнуть рѣку Прутъ, молитвы, одна другой знаменательнѣе, врачуютъ душу. Духъ возносится надъ частными интересами; молитва унимаетъ сердечную боль, какъ утреннее солнце разгоняетъ туманы, одѣвшіе землю; блѣднѣютъ живыя краски тѣхъ сладостныхъ образовъ, которые наполняютъ слезами очи. На смѣну нѣжнымъ чувствамъ явились другія: насъ зоветъ Россія; намъ она вручаетъ свою воинскую честь; намъ указываетъ путь та мощная рука, въ которой давно уже заключены судьбы Европы; нынѣ Европа смотритъ на каждый нашъ шагъ; тамъ, впереди, ждутъ насъ поэтическіе восторги битвъ; тамъ, на широкомъ Дунаѣ, столько разъ уже окрашенномъ русскою кровью, насъ ждетъ, быть можетъ, славный пиръ; дадимъ недругу концертъ смерти: „ура“, ревъ пушекъ, зовъ оружія, кличъ побѣды будетъ его гармоніей; унимаемъ его желѣзомъ и свинцомъ, упоимъ кровью, убаюкаемъ штыками, уложимъ спать въ землю, обогренную кровавымъ потомъ христіанъ и ига Ислама оставимъ лишь въ преданіи нашихъ братій, въ память грядущимъ вѣкамъ!...

Впередъ: „слово Божіе да услышится опять вмѣсто суетнаго слова человѣческаго во храмѣ Премудрости Божіей и да утѣшится имъ сердца вѣрующихъ“ *).

Казалось, въ эти торжественныя мгновенія, исчезли всѣ *кружки*, остался одинъ—жаждущихъ войны; замолкли всѣ желанія—осталось одно:

*) „Письма съ Востока“ (Андрей Муравьевъ).

идти впередъ суворовскими шагами по дорогѣ, проложенной этимъ героемъ въ странѣ, гдѣ доселѣ не умолило эхо его славы, вновь 25 лѣтъ назадъ пробужденное нашими братьями, изъ которыхъ многіе нынѣ идутъ съ нами, твердо зная путь къ Стамбулу.

Солдаты усердно молятся; часто кладутъ земные поклоны; въ послѣдній разъ многіе цѣлуютъ родную землю, завязывая комочекъ оной въ тряпицу, чтобы носить на крестѣ: было-бъ съ чѣмъ утѣшиться на чужбинѣ, если придется; стараются принять на чело каплю освященной воды своей отчизны съ кронила проходящаго по рядамъ священника, будто прощальную слезу родимой матушки.

Солнце взошло. Его лучи разогнали туманъ, пробилась сквозь густыя облака дыма табора военныхъ погонцевъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ готовыхъ перейти съ нами за Прутъ, и освѣтили стройные ряды нашей походной колонны, съ музыкою и пѣснями тянувшейся по грязнымъ улицамъ жилицоваго мѣстечка Скуляны.

Наша дивизія идетъ двумя эшелонами. Первый эшелонъ составляютъ Охотскій и Камчатскій егерскіе полки; второй—переходомъ сзади—Селегинскій и Якутскій пѣхотные. Ведетъ насъ начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи генераль-майоръ Павловъ 1-й, съ молодыхъ лѣтъ уже знакомый Туркамъ, ихъ кровью вписавшій свое имя въ исторію паденія Варны *).

Миновалъ Скулянскій карантинъ, однимъ видомъ уже наводящій тоску, мы подошли къ Пруту. Сколько воспомнаній связано съ этимъ именемъ, почти съ этимъ мѣстомъ! Нужно ли ихъ исчислять! Нужно ли говорить, сколько разъ войско Вѣлаго Царя шло черезъ эту рѣку то на погибель Османлисовъ, то на спасеніе ихъ державы?

Прутъ темень, мутенъ, въ узкомъ руслѣ, но за то быстръ и очень пѣлебенъ. На Прутъ многіе пріѣзжаютъ лечиться купаньемъ.

*) Прокофій Яковлевичъ Павловъ, командующій 11 пѣхотною дивизіей, въ штабѣ которой состоялъ и пишущій эти строки. Павловъ, одинъ изъ героевъ войны 1829 года, такъ какъ ему посчастливилось совершить слѣдующій подвигъ. Послѣ полученія княземъ Меншиковымъ раны подъ кр. Варною, мѣсто его, какъ командовавшаго осаднымъ корпусомъ, было поручено новороссійскому генераль-губернатору князю Воронцову, прибывшему подъ Варну 17 августа. Между тѣмъ въ ночь на 18 августа турки сдѣлали сильное нападеніе на наши войска, и хотя были отбиты, но, отступивъ въ недалекомъ отъ насъ разстояніи, оставились за холмами въ ложементахъ, едва только еще начатыхъ постройкой, и водрузили на нихъ всѣ свои знамена. Такое дѣйствіе турокъ пзобличало ихъ самонадѣянность и показало, что они располагаютъ значительными силами. Желая предупредить новое покушеніе со стороны непріятеля, князь Воронцовъ приказалъ сдѣлать на турокъ ночное нападеніе, для чего и вызвать охотниковъ. Прокофій Яковлевичъ, тогда въ чинѣ капитана командунъ ротой Могилевскаго пѣхотнаго полка, первый вызвался съ своей ротой овладѣть турецкими знаменами. Получивъ на это разрѣшеніе, Павловъ, при лунномъ свѣтѣ, искусно и тихо, подошелъ шаговъ на шестьдесятъ къ непріятельскимъ ложементамъ, имѣя въ резервѣ 2-ю мушкетерскую роту того же полка, безъ выстрѣла бросился въ турецкіе окопы, перекотолъ человѣкъ до 50 и успѣлъ овладѣть пятью знаменами. Остальныя толпы турокъ, бывшихъ въ ложементахъ, спаслись бѣгствомъ. Къ разсвѣту мѣсто боя, по невыгодному положенію его, по приказанію начальства, было оставлено. Государь Императоръ пожаловалъ капитану Павлову орденъ св. Георгія 4 степени (Дукьяновичъ: „Описаніе Турецкой войны 1828—1829 года“, Спб. 1844, стр. 323), а молва народная къ фамиліи Павлова прибавила титулъ „храбраго“, оставшееся за нимъ на всю жизнь; народныя же литература и искусство увековѣчили его подвигъ въ особой *любимой картинкѣ*!

Нарочито для нашего перехода через Прутъ очень удачно устроены мосты на небольшихъ лодкахъ.

Еще разъ перекрестясь, еще разъ бросивъ прощальный взоръ на Россію, мы вступили въ Молдавію.

Особенное чувство наполняетъ душу, когда твой боевой конь дѣлаетъ шагъ на чужую землю. Повѣрьте, это чувство не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, какое испытываешь переѣзжая границу въ почтовомъ экипажѣ въ качествѣ мирнаго путешественника. Въ этотъ моментъ ты будто вырастаешь на конѣ. Не только люди, — кажется, камни смотрятъ на тебя. И чувствуешь, какъ все твое бытіе проникается не то чтобы гордостью, а какимъ-то величіемъ; въ этотъ моментъ ты сознаешь, что ты одинъ изъ представителей великой арміи, выраженіе воли, которая властна измѣнить судьбы міра, что ты одна изъ цифръ, посредствомъ которыхъ разрѣшается великая задача!

М. Молдавскія Скуляны.

Насъ встрѣтило земское начальство края: адъютанты Молдавскаго Господаря, офицеры и комиссаръ, нарочито командированные правительствомъ. Толпы народа собѣжались смотрѣть на насъ. Здѣшніе Молдаване, какъ и наши бессарабскіе, вообще какъ-то неповоротливы. Пушкинъ мѣтко называлъ ихъ „тяжелыми“. Толпа народа безсмысленно на насъ уставилась, не выражая ни радости, ни печали, ни восторга, ни неудовольствія, ни надежды, ни опасеній. Наше вступленіе въ ихъ землю, повидимому, не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія; казалось, имъ было все равно: маневрируемъ ли мы на своемъ берегу Прута, или переходимъ къ нимъ.

На видъ молдавскія Скуляны еще хуже нашихъ, однако мы нашли здѣсь въ лавкѣ, пока сдѣлали людямъ привалъ, чтобъ дать собраться войску, растянутому переправой, и придти въ порядокъ, — очень порядочный завтракъ; шампанское, портеръ, сыръ — все вдвое дешевле нашего, если еще не втрое.

Г. Яссы.

Вскорѣ мы двинулись дальше. Мѣстность Молдавіи закрыта отъ насъ лѣсными высотами, сопровождающимъ Прутъ съ правой его стороны. На самой значительной изъ этихъ высотъ красуется огромный домъ бояра Разнована. Пройдя нѣсколько верстъ долиною Прута, мы пошли на высоты и, то спускаясь съ одной, то поднимаясь на другую весьма живописною мѣстностію, порою еще усматривая на горизонтѣ синюю полосу покинутой нами Россіи, добрались наконецъ до послѣдней высоты, съ которой увидѣли Яссы. главный городъ Молдавіи *) и резиденцію ея господаря — Григорія Гики **).

*) По-молдавски *Ишъ*. На р. Бахлужъ.

**) Здѣсь Господаря называютъ „владычицымъ княземъ“ (Prince regnant), а вали-

Не доходя до города, мы построились. Насъ окружили толпы народа. Длинными веренищами катились изъ города блестящіе экипажи. Роскошныя куконь и куконицы, столь славныя своею красотою и *благоклонностію*, полумлежа въ великолѣпныхъ купо и фэтонахъ, лорнировали насъ, покрывшихъ пылью и потомъ. Пестрота костюмовъ толпы, насъ окружавшей, ея разноплеменность, разнохарактерность, поразительная роскошь объ руку съ поразительною бѣдностію, изысканныя парижскія манеры однихъ и совершенно дикія ухватки другихъ, всюду полуцивилизованный Востокъ, французская болтовня многихъ изъ толпы и варварскій, искаженный языкъ болшинства, — все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе новизны, еще болѣе полной интереса потому, что она явилась намъ, едва мы успѣли переступить порогъ своихъ владѣній.

Но наши наблюденія, начатыя въ ожиданіи пріѣзда изъ Яссы главнокомандующаго, кончились комическимъ образомъ: хлынулъ дождь, будто нарочно посланный, чтобы смыть съ насъ дорожную пыль. Болѣе четверти часа мы должны были безъ плащей, которые были отправлены съ выюками, простоять подъ проливнымъ дождемъ, къ видимому удовольствію хорошенкихъ Молдаваночекъ, смѣявшихся надъ нами изъ закрытыхъ экипажей. Но тучи скоро пронеслись, солнце дѣйтельно принялось сушить насъ и немедленно громкое „смирно“ пронеслось по рядамъ; изъ города приближался князь М. Д. Горчаковъ со свитою.

Стройное солдатское привѣтствіе, грохотъ барабановъ, звуки музыки — слились въ одинъ торжественный гулъ, бывший, такъ сказать, официальнымъ съ нашей стороны объявленіемъ молдавской столицѣ о прибытіи къ ней новыхъ гостей.

Князь остался очень доволенъ нашимъ церемоніальнымъ маршемъ; онъ остановилъ одинъ дивизионъ, вызвалъ изъ средней *) шеренги передъ фронтъ одного солдата, приказалъ ему разстегнуть ранецъ и показать все, что въ немъ лежитъ. Солдатъ исполнилъ приказаніе, въ ранцѣ оказалось все, чему слѣдовало тамъ быть по положенію, въ порядкѣ; четырехдневный сухарный запасъ былъ также на-лицо и въ исправности. Дивизионы проходили твердо, ровно, бодро, забывъ усталость похода и томленіе зноя, щеголяя передъ туземцами своимъ молодечествомъ, видимымъ презрѣніемъ трудовъ и лишений. Князь ввелъ насъ въ городъ, у заставы котораго насъ ждали жандармы, полицейскія власти и нарочно командированные для нашей встрѣчи въ городѣ чиновники. Улицы были обставлены народомъ, будто шпалерами. Казалось, эти толпы смотрять на насъ даже и не изъ любопытства, а просто отъ нечего дѣлать: такъ онѣ были равнодушны. Ни восторженнаго, хотя бы притворнаго крика, ни одного знака удовольствія или непріязни. Бы-

чаютъ его „свѣтлостію“ (Altesse); но многіе иногда преднамѣренно *ошибаются*, давая ему титулъ *Altesse Sérénissime* — титулъ, принадлежащій въ западной Европѣ только принцамъ крови и потомкамъ владѣтельныхъ родовъ (mediatisés).

*) Среднюю шеренгу солдаты въ насмѣшку называютъ „*табачная шеренга*“. Въ третью шеренгу обыкновенно ставятъ солдатъ похуже.

вало во время кампаніи 849 года вступаешь въ венгерскій городъ, во вражій слѣдовательно городъ, да и то одни кричатъ намъ различныя привѣтствія и женщины бросаютъ на насъ изъ оконъ цвѣты и конфеты, а другіе смотрятъ на насъ звѣремъ; здѣсь же ни того, ни другаго: въ народѣ видна какая-то апатія.

25-го іюня.— Яссы.

Совершенно европейскій городъ. Длинная, пролегающая черезъ весь городъ такъ называемая „улица Маре“, т. е. большая, наполнена магазинами и торговцами, обставлена прекрасной архитектуры двухъ - и трехъэтажными домами. На этой улицѣ очень порядочные тротуары и мостовая; остальные улицы тѣсны, дурно мощены, грязны. Населеніе Яссы простирается до 50.000, изъ которыхъ до 15 тысячъ жидовъ, преимущественно сохранившихъ свой старый костюмъ, туфли, чулки, пейсы, кафтаны съ черными поясами, ушастыя шапки, нечистоту своихъ жилищъ вообще и своего квартала въ особенности. Нѣтъ большихъ площадей. Одна порядочной величины площадь передъ прекраснымъ дворцомъ Господаря. Этотъ домъ называется „горѣлымъ“ *). Сторона площади, противоположная этому дворцу, обставлена казармами, которыя содержатся чисто, даже комфортабельно; солдаты помѣщены въ нихъ прекрасно. По городу пробѣгаетъ грязная рѣчка Бахлуй. На площади артиллерія: орудіе, пожалованное Молдавіи Государемъ Императоромъ, и батарея, подаренная княжеству Турецкимъ Султаномъ въ 849 году, какъ гласятъ: молдавская надпись на орудіи, пожалованномъ нашимъ Государемъ, и турецкая—на орудіи, подаренномъ Турками.

Кромѣ дворца достойны сзобеннаго вниманія: зданіе госпиталя Св. Спиридона, гдѣ мы оставили своихъ больныхъ **), нѣсколько оригинальныхъ, весьма красивыхъ снаружи и бѣдныхъ внутри церквей, также много приземистыхъ, неизящныхъ церквей, подобіе которыхъ мы уже видѣли въ Бессарабіи. Замѣчательнѣйшая изъ церквей, конечно, Трехъ Святителей, окруженная зданіями монастыря, построенная въ 1622 году воеводою ***) Василиемъ; нѣкогда она вся была покрыта внутри золотыми арабесками и живописью на золотомъ полѣ. Эта церковь, между прочимъ, знаменита тѣмъ, что въ ея стѣнахъ извѣстный Александръ Иисиланти, 12 марта 1821 года, провозгласилъ священную войну противъ Турціи для возстановленія Греческой имперіи и принялъ изъ рукъ митрополита знамя *гетеріи*, съ изобра-

*) Онъ названъ такъ потому, что горѣлъ два раза, послѣдній разъ въ 827 году. Его возобновилъ господарь Михаилъ Стурдза, который, имѣя резиденцію въ собственномъ домѣ, помѣстилъ было въ немъ всѣ яссскія присутственныя мѣста и казармы; по его преемникъ Григорій Гика занялъ подъ свое помѣщеніе половину зданія.

**) Этотъ госпиталь содержится доходами съ собственныхъ имѣній и добродѣтельными приношеніями, не получая вспомошествованія отъ правительства.

***) Т. е. *Государемъ*. Званіемъ „Воеводы“ Порты до сихъ поръ именуютъ молдавскихъ господарей. Пр. 1853 года.

женіями: на одной сторонѣ—Свв. Константина и Елены съ надписью: „*симъ побѣдими*“ и на другой—Феникса, съ надписью: „*воскресю изъ своего непа*!“ Замѣчательно, что при этомъ принятіи знамени всѣ присутствующіе поклялись умереть за дѣло освобожденія Греціи.

Эта преждевременная попытка навлекла много бѣдствій на несчастную Молдавію, въ сущности не принимавшую живаго участія въ отважномъ предпріятіи Иисиланти.

Въ церкви Трехъ Святителей показываютъ мощи Св. Параскевы и Св. Венеранда, перенесенныя, какъ говоритъ преданіе, воеводою Василиемъ изъ Константинополя, гдѣ онѣ чтились даже магометанами; доказательство этому, что Султанъ, отпуская святыню изъ Царьграда, провожалъ ее до Молдавской границы!?

Въ церкви Трехъ Святителей одна изъ фресокъ представляетъ портретъ основателя церкви воеводы Василия: также замѣчательны въ ней картины, шитыя сунуругою Василия, Θεοδοсією, шелками, и превосходной работы двери.

Новѣйшей архитектуры истинно великолѣпная церковь Срѣтенія Господня доселѣ не окончена, будучи пачата лѣтъ 10 назадъ и предназначенная для митрополіи, которая въ настоящее время помѣщается въ небольшомъ храмѣ Св. Георгія, тутъ же на одномъ дворѣ съ новою церковью, на которомъ хоронятъ митрополитовъ и ктиторовъ церковныхъ. Церковь Срѣтенія Господня строилась отличнымъ архитекторомъ, Фривальдомъ; но, по несчастію, грунтъ ли не могъ выдержать огромнаго зданія значительной высоты, другія ли были причины, только зданіе осѣло неправильно и сводъ его треснулъ. Послѣ нѣкотораго времени начали было передѣлывать зданіе, но митрополитъ, съ любовью занявшійся этимъ дѣломъ, скончался; его преемники безпрестанно перемѣнялись, —некому было poradѣть объ этомъ храмѣ и онъ доселѣ оставленъ неоконченнымъ.

Кромѣ этихъ достопримѣчательностей въ Яссахъ показываютъ остатки башенъ замка господаря Василія Волка, одного изъ замѣчательнѣйшихъ влестителей Молдавіи — какъ полководца, поэта, литератора и въ особенности законодателя своей страны.

Совѣтуютъ посѣтить женскій монастырь близъ города. Въ немъ, говорятъ, очень много монахинь, изъ которыхъ большинство отнюдь не призваны въ его стѣны духовною потребностью уединенія, молитвы, подвиговъ и жизни о Христѣ. Нѣтъ, этотъ монастырь наполняется преимущественно жертвами, исчезающаго уже впрочемъ, обычая высшаго молдавскаго сословія: во избѣжаніе раздробленія своихъ имѣній или капиталовъ, изъ дочерей, если таковыхъ много, выдавать замужъ одну только, много—двѣ, а остальныхъ постригать въ монастырь.

Конечно, такія монахини по неволѣ ведутъ далеко не строгую жизнь, и потому женскій монастырь близъ Яссъ пользуется не очень лестною репутаціей у мѣстныхъ жителей, утверждающихъ, что онѣ имѣютъ спеціальность поставлать любовницъ господарямъ и богатымъ боярамъ!!

Въ одинъ день пребыванія въ Яссахъ мы не имѣли никакой возможности изучить этой, ближайшей къ намъ, чужеземной столицы. Всѣ, къ кому мы только обращались съ просьбою показать намъ Яссы, отвѣчали, что въ нихъ нѣтъ ничего достопримѣчательнаго. Мы въ книжный магазинъ,—набить французскими романами. „Нѣтъ ли сочиненій объ этомъ краѣ: путешествій по Молдавіи, ея описаній?“ Предлагають „Демидова“, — знакомо; достали съ полки болтовню какого-то англійскаго туриста, проѣхавшаго по придунайскимъ областямъ въ закрытомъ экипажѣ; предлагають статистикъ Молдавіи князя Суццо—сочиненіе дѣльное, но немного устарѣлое (издано въ 849 году), притомъ уже очень специальное, сухое. „Еще что-нибудь?“ — „Извините, въ эту минуту не имѣется больше ничего“. Ну, что-жъ дѣлать, надо довольствоваться наглядными свѣдѣніями относительно изученія собственно города. Что касается до городского населенія, то на гуляньяхъ, улицахъ, въ магазинахъ и церквахъ мы успѣли замѣтить, что въ Яссахъ очень великъ кругъ такъ-называемаго избраннаго общества, что оно живетъ весьма роскошно, щеголяетъ одеждами, экипажами, сыплеть золотомъ, странно играетъ въ карты, не щадитъ ничего для женщинъ, которыя, между нами будь сказано, стоятъ этого; хорошенькихъ множество, слѣдовательно соблазну тѣма, тѣмъ болѣе, что здѣсь золотомъ измѣряется возможность успѣха у женщинъ.

Господарь князь Ыка, повидимому, любимъ здѣсь: по крайней мѣрѣ многіе отзываются о немъ съ отличной стороны. Я его встрѣтилъ на улицѣ. Онъ ѣхалъ съ пышностію, въ каретѣ шестернею цугомъ, окруженной уланскимъ конвоемъ, подъ командою офицера; съ Господаремъ сидѣлъ его адъютантъ безъ каски; на запяткахъ стояли два арнаута въ золотой одеждѣ и драгоценномъ оружій, держа чубукъ и трубку князя: это въ обычаѣ края. Каждый порядочный человѣкъ, куда бы ни ѣхалъ, везетъ съ собою и арнаута, исполняющаго должность тѣлохранителя и лакея. Арнаутъ смотритъ въ глаза своему господину; даже будучи въ гостяхъ, стоитъ въ дверяхъ той комнаты, гдѣ сидитъ господинъ, подаетъ ему трубку и тому подобное.

Вообще здѣсь много особенностей; на всякомъ шагѣ видишь какую-то уродливую смѣсь разнузданной свободы съ рабствомъ, гордости съ рабствомъ; сквозь златотканную одежду проглядываетъ рублище; видно стремленіе подражать западноевропейцамъ, стремленіе выказать прогрессъ своей страны, а между тѣмъ во всемъ видна отсталость, всемогущее вліяніе золота, вліяніе происхожденія, связей, интригъ, крайняго эгоизма и неудержимая погоня за наживой!

Въ столицѣ замѣтное отсутствіе народныхъ училищъ, вообще средствъ образованія, просвѣщенія, совершенный застой литературнаго движенія: книгъ на мѣстномъ языкѣ не печатается почти никакихъ, не говоря уже, что большихъ періодическихъ изданій вовсе не существуетъ, но здѣсь издается одна или двѣ газеты на отечественномъ языкѣ, да и тѣ что-то вродѣ нашихъ губернскихъ вѣдомостей. Богатый, знатный—здѣсь можетъ все! Золотомъ здѣсь всего можно достигнуть, даже мѣста Господаря, не говоря уже—оберъ-

и штабъ-офицерскихъ чиновъ въ здѣшней маленькой арміи, въ которой, относительно говори, офицеровъ гораздо больше, чѣмъ солдатъ!

Вслѣдствіе этого вліянія золота и связей, въ администраціи здѣшняго края ужасные безпорядки. Взятничество здѣсь, кажется, развито сильнѣе даже, чѣмъ въ Китаѣ!....

Подкупъ здѣсь дѣло обыкновенное: на всякомъ шагѣ нужны деньги; безъ денегъ никто, ничего не сдѣлаетъ *); бѣднѣйшія сословія, то-есть та часть народа, которой не съ кого и не за что брать взятку, со всякимъ годомъ приходитъ въ болѣе жалкое положеніе. Измѣнить же порядокъ вещей какою-нибудь насильственной мѣрою невозможно. Необходимо сперва развитіе просвѣщеніе въ массѣ средняго сословія, которое здѣсь весьма многочисленно и проникнуто исключительно жаждой стяжанія; а этого въ годъ-другой не достигнешь, тѣмъ болѣе, что среднее сословіе здѣшняго края составлено не изъ природныхъ Молдаванъ, а изъ весьма различныхъ народностей: тутъ и Армяне, и различные выходцы изъ Турціи—Сербы, Болгары, и жида, и караны, и разбогатѣвшіе Цыгане, еще болѣе разбогатѣвшіе наши раскольники, скопцы и преимущественно Греки. Все это люди безъ отечества, въ строгомъ смыслѣ слова; живетъ имъ здѣсь хорошо,—живутъ; не будетъ предостоять выгодъ, меньше будетъ представляться возможности жить на счетъ другаго, какъ живетъ чужеродное растеніе на счетъ того дерева, на которомъ оно поселилось,—они найдутъ себѣ другой уголокъ: въ Турціи, Австріи, даже у насъ въ Россіи, или въ Валахіи.

Станутъ ли эти люди заботиться объ истинномъ благѣ страны, ея просвѣщеніи, о поднятіи ея въ нравственномъ отношеніи на высоту, равную съ другими государствами?

Еслибъ Молдавія имѣла владѣтелей, которые управленіе ею не считали бы временною повинностію, или посланнымъ имъ судьбою средствомъ устроить свои дѣла, еслибъ эти владѣтели были призваны посвятить своему государству всю жизнь, еслибъ они знали, что все благое, ими посѣянное на отечественной почвѣ, пожнутъ ихъ дѣти ко благу народа, во главѣ котораго они также нѣкогда станутъ, какъ они сами стоятъ нынѣ,—тогда конечно возможно было бы ждать измѣненія, уврачеванія, обновленія Молдавіи: тогда, конечно, она могла бы сдѣлаться достойною носить имя европейскаго государства; имѣла бы не относительное только, а дѣйствительное значеніе въ семьѣ этихъ государствъ; имѣла бы право на полную независимость; имѣла бы право когда-нибудь дожидаться гениальнаго вождя, который путемъ разумнаго, прогрессивнаго развитія водворилъ бы въ странѣ истинное просвѣщеніе и общее довольство.

*) Что тутъ удивительнаго? Доселѣ мы были главными цивилизаторами Молдавіи. а у насъ въ былыя времена за что только не брали взятку! Напримѣръ, по вступленіи на престолъ Екатерины II, какіе-то двое служащихъ господъ, чуть ли не гвардейскіе офицеры, кажется, въ Тверской губерніи брали взятки съ крестьянъ *за приведеніе ихъ къ присягѣ на вѣрнопопданство изъ новой Императрицы!* Этотъ поразительный фактъ взятничества найдете описаннымъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Но теперь, при настоящемъ положеніи вещей, выбьется ли когда-нибудь эта бѣдная страна на торную дорогу къ прогрессу и къ счастію?!.....

Скитаясь по городу, мы пошли за вереницами экипажей, катившихся вверхъ по улицѣ Маре и за толпами народа, стремившагося за городъ прогулять, по случаю воскресенья. Всѣ фіакры заняты, едва мы нашли одинъ. Впрочемъ здѣсь есть и пролетки въ одну лошадь, но онѣ такъ отвратительно устроены, что мы не рѣшались на нихъ ѣхать. Представьте, что козла этого маленькаго экипажа въ уровень съ вашимъ лицомъ, такъ что вы сидите нѣсколько ниже кучера и... очень къ нему близко!

Впрочемъ въ 810 году даже и такихъ извозчиковъ не было въ Иссахъ: Бантышъ-Каменскій, посѣтивъ тогда Иесу, рассказывалъ, что въ этомъ городѣ ни за какія деньги нельзя было достать извозника.

Beau monde катался по улицѣ, останавливаясь у сада за заставою, чтобы, по большей части, не выходя изъ экипажа, послушать музыку. Тутъ-то можно налюбоваться креольскими личиками куконокъ и куконицъ, ихъ бездонными очами, блестящими нарядами, граціозными позами. Здѣшнія дамы щеголяютъ кровавыми жеребцами, — бровями, разрисованными въ видѣ дуги, — изящными экипажами. — странностію сближенія на однихъ и тѣхъ же козлахъ ихъ вѣнской коляски: кучера одѣтаго по-англійски п лакея, арнаута, въ бѣлой фустанѣ, фескѣ, бархатной курткѣ и штиблетахъ, затканыхъ золотомъ, съ нѣсколькими пистолетами, заткнутыми за широчайшій поясъ.... Впрочемъ, способъ употребленія прислуги и экипажей значительно измѣнился въ послѣднія 30 лѣтъ. Въ послѣднюю Турецкую войну, какъ рассказываютъ наши старики, бояръ не иначе выѣзжалъ въ экипажѣ, какъ имѣя двухъ арнаутовъ на запяткахъ въ золотѣ и оружіи и одного на козлахъ въ такомъ же костюмѣ, съ трубкою и чубукомъ. Когда же бояръ изволилъ кататься верхомъ, Цыганъ бѣжалъ впереди отгонять прохожихъ съ дороги и поддерживать лошадь, еслибы господину вздумалось пройтись пѣшкомъ. Лѣтъ сорокъ тому, бояре не иначе ѣздили по городу какъ верхомъ, на богато убранныхъ лошадяхъ, и только ихъ дамы употребляли экипажи, обыкновенно доставлявшіеся изъ Вѣны. Но со временемъ этотъ обычай измѣнился: бояре не только обзавелись экипажами, но всевозможными способами стали украшать ихъ, независимо отъ внутренней обивки богатыми матеріями и бархатомъ, снаружи расписывая коляски и кареты яркими красками, цвѣтами, ландшафтами, золотыми арабесками. Вскорѣ ѣздить верхомъ или ходить пѣшкомъ стало считаться признакомъ дурнаго тона, и бояре не иначе начали передвигаться на ближайшихъ разстояніяхъ, даже къ своему сосѣду, въ наилучшую погоду, какъ въ богато убранномъ экипажѣ, хотя, очень часто случалось, запряженномъ шестеркою такихъ одровъ, которые едва влекли экипажъ, будучи управляемы, вмѣсто кучера, цыганомъ въ лохмотьяхъ и босикомъ.

Здѣшнія дамы хвастаются числомъ любовниковъ, изъ которыхъ два-три, по никакъ не меньше одного, въ качествѣ друга дома, находятся неотлучно при куконѣ, сидя съ нею во время катаній въ экипажѣ, тогда какъ мужъ этой куконѣ такую же разыгрываетъ роль въ коляскѣ другой куконѣ или, просто на просто, развѣзжаетъ съ своею любовницею... Вообще здѣсь удивительное растлѣніе нравовъ, доходящее до забвенія приличій, до цинизма.

Городской садъ, заведенный графомъ Киселевымъ, со временемъ будетъ великолѣпенъ. Онъ и нынѣ любимое гульбище общества. Длинная аллея сада полна народа; цвѣтовъ въ саду, правда, не много, но судя по климату, въ которомъ великолѣпно могутъ разцвѣсти всѣ южныя растенія, можно надѣяться, что этотъ садъ будетъ обильно украшенъ цвѣтами и цвѣтущими кустами.

Нашъ день въ Яссахъ заключился ужиномъ въ единственномъ порядочномъ отелѣ города „Hôtel de France“. За этимъ отелемъ по достоинству стѣдуетъ „Hotel de St. Pétersbourg“, остальные недостойны сравненія съ нашими столичными отелями.

Намъ подали микроскопическія порціи довольно обыкновенно приготовленныхъ блюдъ съ вычурными названіями, вино тоже не отличнаго качества, но за то плату спросили значительную.

Вообще, заглянувъ сего дня въ два-три магазина, въ двѣ-три лавки, чтобы запастись нѣкоторыми англійскими дорожными принадлежностями, столь удобными въ походѣ, мы убѣдились, что съ нашимъ приходомъ въ Яссы почтенное купечество на все если не утроило, то навѣрно удвоило цѣны, разсчитывая, что мы у себя на Руси привыкли къ дорогимъ цѣнамъ произведеній иностранныхъ мануфактуръ и заплатимъ за все намъ необходимое, что бы съ насъ ни потребовали. Впрочемъ, на этотъ разъ, едва ли эта купеческая уловка имѣла успѣхъ: мы только шли за границу; каждый надѣялся въ Бухарестѣ все приобрести дешевле; да, и притомъ, трудность перевозки купленныхъ вещей въ походѣ останавливала покупателей. Дѣло другое, будь это на обратномъ пути: возвышеніе цѣнъ принесло бы огромную выгоду корыстнымъ продавцамъ.

Помню, какъ мы возвращались изъ Венгерской кампаніи. Проходя Лембергъ и Броды, наше офицерство скупило чуть ли не всѣ товары, бывшіе въ этихъ городахъ; за то мы воротились въ свои предѣлы рѣшительно безъ денегъ.

27-го іюня.—На почтовой станціи.

Вчера наши ушли дальше, и мы съ товарищемъ догоняемъ ихъ на почтовыхъ. Признаться, мы остались въ Яссахъ еще на денекъ, чтобы посмотреть его окрестные монастыри; но намъ это не удалось, хотя мнѣ въ особенности хотѣлось посѣтить женскіе монастыри и Зекауйскій, болѣе другихъ меня интересовавшій по странной личности знаменитаго молдавскаго

разбойника Бурла, который кончилъ свое страшное поприще подъ стѣнами Земазю.

Вотъ что мы знаемъ про этого человѣка. Въ началѣ правленія князи Кантемира въ Молдавіи, какъ извѣстно, господствовали большіе безпорядки. Кромѣ несогласія съ сосѣдями ее терзали внутреннія войны и грабившія ее разбойничьи шайки, составившіяся изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, не однихъ Молдаванъ, но и изъ сосѣднихъ племенъ, которые, пользуясь слабостью правительства, часто переходившаго изъ рукъ въ руки, стекались въ Молдавію со всѣхъ сторонъ, скитались по ней, жгли, грабили, опустошали ее, распространяя ужасъ между мирными жителями.

Знаменитѣйшимъ предводителемъ одной изъ такихъ шайкъ былъ Бурла, человѣкъ съ желѣзною волею соединившій необыкновенную предприимчивость.

Однажды ночью Бурла съ 80-ю разбойниками напалъ на Земазюскій монастырь. Но въ то время каждый монастырь былъ небольшою крѣпостцою, приведенною въ оборонительное положеніе и, что называется, держалъ ухо востро. Бурлѣ не удалось взять Земазю врасплохъ. Залпнула битва. Монахи дрались отчаянно, зная, что, въ случаѣ неустойки, ихъ ждетъ смерть неминуемая; разбойники топорами и молотами разбивали монастырскія ворота, а монахи звонили въ набатъ и стрѣляли непрестанно. Эту тревогу услышали въ Иссахъ: тѣлохранители Кантемира бросились на помощь монастырю, отважно ударили въ тылъ разбойникамъ, разбили и опрокинули ихъ. Между тѣмъ подошло войско, окружило дѣсъ, въ которомъ скрылся Бурла съ остатками своей шайки, и, перехватывая разбойниковъ, взяло и самого Бурлу.

На вопросъ Господаря: что заставило Бурлу разбойничать, онъ отвѣчалъ: „жажда воли!“ — и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ подвергнуть его за его дѣйствія всевозможнымъ казнямъ, думая, въ фанатическомъ заблужденіи, муками телѣсными искупить себѣ спасеніе и блаженство жизни загробной.

Разсказывая свои подвиги Господарю, Бурла говорилъ: „я сдѣлалъ много безчеловѣчнаго, совершилъ много убійствъ, разграбилъ до 40 монастырей; эти злодѣянія не могутъ быть искуплены страданіями, подобными тѣмъ, какія понесли мои товарищи, бывшіе только исполнителями моей воли, не могутъ, хотя бы меня сожгли живаго, или посадили на колъ; не говорю уже, еслибы меня повѣсили или обезглавили. Молю себѣ такой казни, которая соотояла бы изъ ужасныхъ мученій; тогда только я бы могъ надѣяться на спасеніе душевное!“

Кантемиръ позволилъ Бурлѣ самому избрать родъ казни.

Бурла приказалъ отбивать себѣ тупымъ топоромъ, въ теченіе семи дней, руки и ноги. Онъ вытерпѣлъ это ужасное мученіе; нецѣплялся не употребляя медицинскихъ средствъ, *проползъ* отъ Иссъ до Іерусалима и оттуда *приползъ* въ Константинополь!....

Какая невѣроятная повѣсть желѣзной твердости души и нечеловѣческихъ силъ организма!

День пробѣжалъ незамѣтно: туда пойти, на то взглянуть... Надо было ѣхать, — служба звала.

Подорожную мы получили очень скоро, безъ соблюденія какихъ-либо формальностей: предъявили управляющему почтою предписаніе своего начальства объ отправленіи нашемъ въ Букарестъ, хотя конечно изъ этого предписанія онъ ничего не понялъ, не зная по-русски; потребовалъ съ насъ деньги до Васлуя — цѣли нашей настоящей поѣздки, выдалъ намъ печатный билетикъ, прописавъ на немъ, сколько и до какого мѣста получилъ съ насъ денегъ, приказалъ заложить намъ лошадей, и черезъ четверть часа мы съ говарищемъ покинули Яссы, и понеслись до первой станціи на молдаванской перекладной. Нашимъ экипажемъ была самая миниатюрная повозочка, какую только можно себя вообразить, на четырехъ неокovanýchъ и неподмазанныхъ колесахъ, запряженная цугомъ четверкою лошадокъ, управляемыхъ возницею, сидѣвшимъ на лѣвой коренной. О молдаванской ѣздѣ столько писали, столько рассказывали, надъ нею столько смѣялись, ее столько рисовали, что, казалось бы, нечего о ней возобновлять рѣчь. Но, нѣтъ, она до такой степени оригинальна, до того дѣлается памятною испытавшему ее, что по-неволѣ скажешь объ ней нѣсколько словъ.

Молдаванская почтовая ѣзда чуть ли не первообразъ всевозможной почтовой ѣзды въ колесныхъ экипажахъ. Представьте себѣ телѣжку длиною въ аршинъ и три четверти, шириною безъ малаго въ аршинъ; къ ней веревочками прицѣпляютъ лошадей попарно, цугомъ, въ такомъ числѣ, *какое случится вамъ по чину!* Да, безъ шутокъ: вы — оберъ-офицеръ, — въ вашу телѣжку прицѣпляютъ четыре лошади; вы — штабъ-офицеръ, — въ ту же самую телѣжку, что и оберъ-офицеру, привяжутъ вамъ восемь лошадей, хотя бы вы этого вовсе не хотѣли, хотя бы вы не имѣли съ собою другой поклажи кромѣ вашей нагайки! Прогонъ платится за все число лошадей, запряженныхъ въ экипажъ. Мнѣ случалось встрѣчать фельдъегерей, скакавшихъ на четверкѣ въ рядъ; но при этомъ пара коренныхъ лошадей была запряжена, а пара пристяжныхъ только привязана недоуздомъ къ дышлу: другой сбруи, даже постромокъ, на этой парѣ не было! Ямщикъ же несся что ни есть духу, погоняя всю четверку. Спрашивается: какую должность исполняли пристяжные: должность компаніоновъ, что ли, кореннымъ? Но какъ бы ни была запряжена ваша повозочка, а она подана. Вы сѣли, скорчивъ ноги, бичъ свиснулъ, дикій визгъ кучера раздался, ваша повозочка запрыгала съ кочки на кочку; вы несетесь, ежеминутно рискуя сломить себѣ шею; вы оставлены безъ вниманія вашимъ кучеромъ или, правильнѣе, фореиторомъ; онъ нисколько не заботится о томъ, опрокинулась ли телѣжка, или нѣтъ, все ли въ ней колеса держатся и, вообще, не случилось ли чего съ сѣдокомъ. Онъ на васъ не оглянется и смотритъ впередъ, на дорогу; быстрота ѣзды какъ будто ошаняла его: онъ безпрестанно хлопаетъ бичомъ *), кричитъ,

*) Ямщикъ особенно часто хлопаетъ бичомъ, приближаясь къ станціи, тѣмъ извѣщая о прибытіи проезжающаго.

визжитъ, бѣснуется, плышетъ на своемъ высокомъ деревянномъ сѣдлѣ (покрытомъ его плащомъ), какъ жрица на дельфійскомъ треножникѣ.

Одинъ мой товарищъ торопился пріѣхать въ Букарестъ; платилъ хорошо ямщикамъ на водку, бралъ шестерку лошадей и летѣлъ какъ вихрь. Верстъ за восемь до одной станціи съ его телѣжки соскочило колесо; герой моего разказа (шутникъ не послѣдній), къ счастью, ѣхалъ безъ вещей, и вздумалъ испытать, долго ли ему прійдется ѣхать, уцѣпившись и руками и ногами за передокъ телѣжки, въ положеніи такомъ смѣшномъ, какое только можно вообразить. И что же! — почтенный сурруджи (ямщикъ) остановился не прежде, какъ у самой станціи, и тогда только замѣтилъ отсутствіе одного колеса у своей телѣжки, когда выпрягъ лошадей и понесъ сбрую въ шалаши. — Но вотъ мы примчались къ какому-то камышовому шалашу, посреди необозримой степи, прислонившемуся къ вышкѣ, возносящейся надъ пространствомъ, будто сторожевая будка нашихъ казаковъ въ Киргизской степи. Остановилась наша каруца; лошади выдернули головы изъ шлеекъ; возница потянулъ ихъ за уши, за холку, протеръ имъ глаза руками, воображая, что выполнѣ предохранилъ ихъ отъ послѣдствій слишкомъ быстрой ѣзды, и лошади, выдержавъ докучную операцію, побрели въ степь возобновлять утраченные силы сочною травой. Между тѣмъ изъ шалаша, изъ-за скирдовъ сѣна, выползли оборванные ямщики, вышелъ *капитанъ дель почта* *), одинъ изъ ямщиковъ принялся кого-то звать во все горло, обращаясь въ степь, и вмѣсто рупора употребляя кулакъ. Повидимому, минутъ десять его дикій крикъ безплодно умиралъ въ пространствѣ, но наконецъ онъ достигъ своей цѣли: вдали стали расти какія-то черныя точки, сближаться, группироваться и наконецъ сдѣлались ясно видимы: то былъ табунъ лошадей, приближавшійся къ намъ рысью. Еще нѣсколько минутъ — и табунъ прибѣжалъ; къ нему бросились ямщики, митомъ поймали необходимое число лошадей, которую арканомъ, которую просто за уши; въ двѣ минуты сбруя была накинута, и поѣздъ снаряженъ, стояло сѣсть и скакать до слѣдующей станціи, гдѣ повторялась та же продѣлка. Подобный способъ переправки лошадей (производимый, впрочемъ, только во время подножнаго корма) замедляетъ ѣзду. Фельдъегеря говорятъ, что по Россіи можно ѣхать вдвое скорѣе. Хотя молдаванскія почтовые лошади почти съ мѣста до мѣста бѣгутъ вскачь (по хорошей дорогѣ), но такъ какъ онѣ очень малорослы, то быстрота ихъ бѣга не можетъ сравниться съ быстротою нашего рысака и двухъ добрыхъ скакуновъ на пристяжкѣ, не успѣвающихъ за нимъ уносить постромки. Вообще какъ бы скоро ни ѣхать по Молдавіи, — безъ нарочитаго запаса лошадей больше, въ общей сложности, десяти верстъ въ часъ не уѣдешь, и то по хорошей дорогѣ, тогда какъ у насъ уѣзжаешь, по хорошей дорогѣ, до пятнадцати верстъ.

*) Станціонный смотритель. Въ Молдавіи и въ Валахіи, какъ я узналъ впоследствии, титулъ *капитана* дается многимъ незначительнымъ начальникамъ отдѣльных частей: такъ, напримѣръ, пасущій стадо свиней, если у него есть помощники, титулуется *капитанъ дель поркъ*, и тому подобное.

Страна, по которой мы проносились, радовала нашъ взоръ своею картинностью: холмы покрывали все пространство, иногда достигая весьма значительной величины. Съ одного изъ такихъ холмовъ, лежащаго отъ г. Яестъ верстахъ въ двадцати, этотъ городъ виденъ во всемъ его объемѣ.

Природа здѣсь богатая и роскошная, земля тучная, воды много; кустарники и перелѣски безпрестанно разнообразять картину своими живописными группами, а безчисленные стада овецъ, воловъ и коровъ, разбросанные по скатамъ холмовъ, оживляютъ ее вмѣстѣ съ тучами скворцовъ, переносящихся отъ стада къ стаду, семьями куропатокъ, выпархивающихъ изъ кущи кустарниковъ или выбѣгающихъ на широкую дорогу, будто поддразнивая своихъ заклятыхъ враговъ, коршуновъ и ястребовъ, которые торчатъ въ воздухѣ почти на каждомъ шагу, сторожа лакомую добычу.

И то сказать—естественныя богатства страны замѣчательны, только нѣтъ рукъ дѣятельныхъ и искусныхъ, которыя извлекли бы ея естественныя богатства изъ тучной почвы.

Горы, отграничивающія Молдавію отъ Австріи, прензобилюютъ металлами и минералами. Въ нихъ находятся богатые залежи золота, серебра, желѣза, мѣди, ртути, сѣры, нефти, каменнаго угля. Но эти богатства доселѣ не разрабатываются надлежащимъ образомъ. Изъ песковъ рѣкъ Дымбовицы и Аржиса, вытекающихъ изъ этихъ горъ въ Молдавію и впадающихъ въ Дунай, въ Валахіи, по спадѣ водъ, многочисленные Цыганы промываютъ золото самымъ примитивнымъ способомъ, уплачивая однако этимъ золотомъ большую часть лежащихъ на нихъ податей.

Изъ продуктовъ царства животнаго, не говоря про весьма значительное количество рогатаго скота, лошадей и овецъ, находящихся себѣ тучныя пастбища на обширныхъ молдаванскихъ степяхъ, страна изобилуетъ медомъ, воскомъ, доставляетъ много коровьяго масла, соленатаго творогу (брынза), сыру; шерсти, кожъ и до 500.000 ежегодно заячьихъ шкуркъ...

Между произведеніями растительнаго царства кромѣ винограда, дающаго отличное вино *), видное мѣсто занимаетъ въ Молдавіи мацтовъ лѣсъ, превосходящихъ качествомъ дубовые брусъя и доски (издавна представляющіе матеріалъ для постройки всего турецкаго флота), кукуруза и пшеница, урожан которой, вслѣдствіе тучности здѣшней почвы, въ особенно благопріятные годы достигаютъ самъ 25, а въ обыкновенные—самъ 15 **).

Какихъ же изумительныхъ результатовъ можно ожидать въ этой странѣ,

*) Превосходнѣйшее *бѣлое* подъ именемъ Драгашанъ и Одобештскаго.

**) Славнѣйшимъ лѣсомъ Молдавіи слылъ *котнорскій* лѣсъ, близъ города того же имени. Преданіе говоритъ, что при Стефанѣ Великомъ, на мѣстности, гдѣ этотъ лѣсъ, была у него большая битва съ Поляками, которыхъ онъ разбилъ на голову, взявъ ихъ въ плѣнъ 20 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ множество шляхты, и весь ихъ лагерь. Король предложилъ Стефану большой выкупъ, но онъ отвергъ это предложеніе и, пожелавъ особеннымъ способомъ увѣковѣчить свой подвигъ, приказалъ плѣннымъ Поляковъ запретъ въ плуги, какъ воловъ, взорать пни на полѣ сраженія полосу въ двѣ мили длины и въ одну милю ширины (мили—7 верстъ) и засѣять ее дубовыми желудями. Посѣвъ этотъ на почвѣ утучненной кровью Поляковъ далъ превосходный лѣсъ, названный «*краснымъ*» (Думбровиле роща).

когда настанетъ время эксплуатаціи всѣхъ ея естественныхъ богатствъ рациональнымъ способомъ и когда явятся сюда люди, которые примутся за всякое здѣсь дѣло умѣлыми руками!...

Легкость, съ какою здѣсь достается человѣку его насущный хлѣбъ, произвела въ туземцѣ недѣятельность, лѣность, апатію; онъ олицетворяетъ собою идею притчи о получившемъ талантъ и не увеличившемъ его, а зарывшимъ въ землю; и часто здѣшній человѣкъ бываетъ наказанъ за такой образъ дѣйствій: часто онъ, одаренный въ одно время съ избыткомъ всѣмъ, что только хотѣлъ получить отъ родной земли, въ другое время не получаетъ отъ нея почти ничего и, не будучи къ тому приготовленъ, терпитъ большія лишения.

Смѣло можно сказать: пробудь Молдавія десять лѣтъ въ рукахъ дѣятельнаго населенія, она явится страной, которая въ силахъ будетъ поспорить своими естественными богатствами съ лучшими въ этомъ отношеніи странами Европы. До адрианопольскаго мира Молдавія и Валахія были обязаны доставлять въ Константинополь свои произведенія въ количествѣ, какое окажется потребнымъ, по цѣнамъ, назначаемымъ турецкимъ правительствомъ. Эта мѣра до чрезвычайности стѣсняла сельскую промышленность края, отнимала у нея всякую возможность развиваться, и была одною изъ главнѣйшихъ причинъ младенчества сельского хозяйства въ Придунайскихъ княжествахъ, замѣчаемаго и въ наше время. Но, благодаря Россіи, прошло уже двадцать пять лѣтъ, какъ эта мѣра отмѣнена, и уже становятся замѣтны благотворительные для страны результаты этой отмѣны: народъ сталъ болѣе прежняго заниматься своимъ хозяйствомъ; начали сѣять рожь, овесъ, разводить картофель, здѣсь стали въ огромнѣйшихъ размѣрахъ сѣять пшеницу, кукурузу, имѣя отличный сбытъ этихъ продуктовъ черезъ дунайскіе порты за границу, также стали заниматься разведеніемъ шелковичнаго червя *), съ большимъ тщаніемъ начали ходить за виноградомъ, и даже явились попытки учреждать нѣкоторыя мануфактурныя заведенія, — словомъ, послѣ адрианопольскаго трактата торговля и всѣ отрасли промышленности Молдо-Валахія получили гораздо большее развитіе сравнительно съ тѣмъ, какое онѣ имѣли до той эпохи.

29-го іюня.—Г. Васлуй.

Идемъ весело, бодро, съ громкими пѣнями и музыкою. Въ головѣ каждой роты, обыкновенно поближе къ пѣсельникамъ, собирается толпа балагуровъ и записныхъ охотниковъ послушать веселую болтовню и посмѣяться отъ души. Чего въ этой толпѣ не перескажется въ длинный переходъ? О чемъ не переговорится? Какихъ дѣлъ не обсудится? Какой начальникъ не разберется по косточкамъ?

Вся эта шумная болтовня, обыкновенно, бываетъ пересыпана острыми

*) Преимущественно въ болгарскихъ колоніяхъ Молдавіи, но также въ Фокшанахъ, Обилешти и ихъ окрестностяхъ.

словами, грубоватыми, правда, но за то мѣткими и часто злыми, каламбурами, поговорками, сказками, присказками, и безпрестанно заглушается то взрывомъ громкаго смѣха, то внезапно начатою пѣсней, которую тотчасъ подхватитъ весь хоръ, то порывистымъ, торопливымъ боемъ генераль-марша и возгласомъ: „въ порядкѣ, — дивизіонный ѣдетъ“; либо, наконецъ, вдали появившимся значкомъ квартиргера, на который разомъ вперить глаза и балагуръ, и слушатель, и послышится въ рядахъ: „глянько-сь, никакъ квартирьеры вышли?“

Повторяю: идемъ весело, бодро, хотя жары доходятъ до 30° и болѣе по Реомюру, хотя больно ступать ногою по раскаленной, засохшей землѣ, хотя на плечахъ солдата лежитъ въ тяжеломъ ранцѣ весь его багажъ и на ранцѣ четырехдневный сухарный запасъ, а въ шинельномъ чехлѣ зимніе штаны да мундиръ. Въ одной рукѣ у солдата ружье, въ другой — манерка съ водою. Хотя наша солдатская шинель по толщинѣ сукна и тяжести не свойственна южному краю въ лѣтнее время, хотя каска жметъ голову солдату, съежаясь отъ перемены сырости на жары, хотя у насъ бываютъ переходы иногда по 28 верстъ, но мы идемъ бодро, весело, потому что русскій солдатъ послушенъ, терпѣливъ и способенъ на перенесеніе большихъ лишеній, только корми его хорошенько, да будь съ нимъ отцомъ-начальникомъ, не чуждайся его и, наконецъ, умѣй заставить полюбить себя. Впрочемъ, это умѣнье едва ли можетъ быть приобрѣтено наукою; оно бываетъ врожденное, Богомъ дарованное. Всмотритесь, какъ нашъ солдатъ мгновенно *выростаетъ* при появленіи любимаго начальника? Оживаютъ люди, оживаетъ строй, все встрепенется, все подтянется. Посмотрите, напротивъ, какъ явится нелюбимый начальникъ, — солдату все равно, на какой бы важной ступени военной іерархіи онъ ни стоялъ: фронтъ приходитъ въ какое-то апатическое состояніе; всѣ глядятъ какими-то дураками, начиная отъ фельдфебеля, кажется, до артельной лошади! О, въ военной службѣ великое дѣло заставить солдатъ любить себя, заставить ихъ оживать при твоёмъ появленіи! Только тотъ офицеръ имѣетъ право надѣяться быть хорошимъ полководцемъ, который сознаетъ въ себѣ эти способности; тому, кого они не любятъ, плохая карьера, плохая военная будущность, — кажется, не ошибемся, если скажемъ, плохая рекомендація. Сколько на своемъ военномъ вѣку я видалъ примѣровъ, что начальство не благоволило къ офицеру, а солдаты его любятъ, боготворятъ, — посмотришь, бывало, а рано или поздно выдается случай, который докажетъ, что солдаты правы, любя этого господина. Сколько видѣлъ я такихъ примѣровъ, что начальство души не чаётъ въ офицерѣ, готово, при случаѣ, осыпать его наградами, а солдатъ его не любитъ и подчиненные его постоянно смотрятъ звѣремъ, изъ подлобыя. Дайте срокъ — ясныя дни явится доказательство, что зоркій глазъ солдата не ошибся, сердце его не даромъ къ нему не лежало.

Обязанность благоразумнаго начальника пристально всматриваться въ отношенія солдата къ офицеру и, такимъ образомъ, не пренебрегать единственнымъ вѣрнымъ средствомъ дѣлать безошибочную оцѣнку правдивой стороны своихъ подчиненныхъ.

Командующій нашею дивизіей генераль-маіоръ Павловъ очень внимателенъ къ положенію солдата. Онъ строго наблюдаетъ, чтобы солдатъ всегда былъ отлично накормленъ, обутъ, одѣтъ, при всякой возможности облегченъ отъ тяжелой ноши. Генераль Павловъ не только всею силою своей власти заставляетъ офицеровъ смотрѣть за солдатомъ истинно какъ за ребенкомъ, но и побуждаетъ къ тому старшихъ изъ ихъ же среды. На привалѣ, почти всякій день, унтеръ-офицеры, иногда ротные командиры и другіе начальники смотрятъ, какъ солдатъ обувается, чиста ли его нога, хороша и суха ли его обувь, вымазаны ли его сапоги и не можетъ ли онъ натереть ногу;— куда ходитъ пѣхотинецъ съ больною ногой? Начальники смотрятъ за чистотою тѣла солдата, за его бѣльею, чтобы неопрятность не была причиною накожныхъ болѣзней, и для того каждыя двѣ, много каждыя три дневки—заставляютъ солдата мыться въ банѣ, а купаться—при всякомъ удобномъ случаѣ.

Приходимъ на позицію: она выбрана на сухомъ, чистомъ мѣстѣ, обыкновенно у проточной воды; посылаемыя съ разсвѣтомъ палатки разбиты. Свѣжая солома на подстилку всегда готова въ изобиліи, будучи поставлена намъ мѣстными комиссарами, по особому условію молдавскаго правительства съ нашимъ. Къ нашему приходу почти всегда готовъ обѣдъ для солдатъ, можно сказать, роскошный; нынѣ солдаты получаютъ по $\frac{3}{4}$ фунта мяса, частію изъ покупаемаго квартирмейстерами, въ живомъ скотѣ, у жителей на наличныя деньги, частію изъ заранѣе закупленнаго полками въ Бессарабіи и препровождаемаго за нами большими гуртами, слѣдовательно на порціи ежедневно идетъ хорошее, свѣжее мясо. Въ день не успѣваютъ дѣлать двѣ варки, поэтому все мясо кладутъ за одинъ разъ въ котелъ и щи выходятъ превосходныя, ароматическія, густыя. Щи готовятъ изъ свѣжихъ бураковъ, или капусты съ уксусомъ, гдѣ нельзя достать квасу-сырцову; заправляютъ гороховою или пшеничною мукою, либо толченою фасолью; въ щи кладутъ лукъ, перецъ, чеснокъ; случается иногда, въ эти же щи опускается на веревочкѣ благопріобрѣтенная курочка, гусь или поросенокъ. Но вотъ мясо вынуто изъ щей. Артельщики, разостлавъ на землю мучные мѣшки или брезенты съ ротной телѣги, рѣжутъ или, какъ выражаются солдаты, *вырѣзаютъ* порціи, тщательно, по десяткамъ, нанизывая ихъ на лучинки. Все готово. Между тѣмъ солдаты уже пришли; стали бивакомъ, по указанію жолнеровъ, заранѣе занявшихъ позицію; составили ружья, навѣсивъ на нихъ амуницію и надѣвъ на штывы каски; умылись, причесались, иной перемѣнилъ обувь; построились и потянулись поротно къ кухнямъ, каждый съ торбочкою своего хлѣба или сухарей. Пропѣта предобѣденная молитва. Солдаты получаютъ сегодня, по случаю большаго перехода, чарку водки,—это имъ истинный праздникъ. Господи, чего не сдѣлаетъ солдатъ за рюмку водки! Чего онъ не забудетъ, чего онъ не проститъ за рюмку водки!... Знаетъ это хорошо тотъ, кто потерялъ ляжку въ военной службѣ... Тѣснятся ребята къ завѣтному котлу, каждый подходитъ къ нему въ очередь; у котла съ водкою стоитъ кантенармусъ; солдатъ бе-

реть манерочную крышку, черпаетъ ею водку и пьетъ до дна; но и черпаетъ-то солдатъ не просто: онъ держитъ крышку такъ, что одинъ палецъ его приходится *въ крышкѣ*. Водка, вытѣсненная пальцемъ изъ крышки, а также та, что расплескивается, когда солдатъ пьетъ (онъ пьетъ надъ котелкомъ)—добровольное приношеніе солдатъ артельщику, капитанармусу и фельдфебелю, у которыхъ есть свои непредвидимые расходы на угощеніе и на собственное употребленіе.

Кто выпилъ, торопится получить свою порцію мяса и налить себѣ щей. Какъ разнообразны сосуды, служащіе вмѣсто суповыхъ мисокъ! Смѣшно право смотрѣть, какихъ тутъ не бываетъ сосудовъ, отъ шайки чуть ли не до помадной банки включительно! Вотъ образовались тѣсныя кружки солдатъ вокругъ артельныхъ сосудовъ, у каждой артели свой; но есть и въ этомъ обществѣ такіе солдаты, которые *идятъ одни*.

Всегда надо обращать особое вниманіе на *того* изъ солдатъ, *кто пьетъ одинъ*. Это обыкновенно или мошенникъ какой-нибудь, или скряга, или злощій какой человѣкъ, съ которымъ никто не можетъ ужиться, или ябедникъ какой, съ кѣмъ никто не хочетъ знаться; рѣдко, рѣдко обжора, потому что обжору, лишь бы только хорошій былъ человѣкъ, солдаты охотно принимаютъ въ свою артель: съ нимъ какъ-то ѣтся больше, — „весело, вишь, смотрѣть на него, какъ онъ за обѣ щеки утираетъ“.

Около получаса продолжается обѣдъ, между тѣмъ какъ кашевары да артельщики, если завтра нѣтъ дневки, уже укладываютъ на повозки свое хозяйство, собираясь поскорѣе на слѣдующую станцію, чтобы завтра не опоздать съ обѣдомъ.

Ежeminутно говоръ усиливается и вотъ толпы обѣдающихъ стали рѣдѣть: сюда пришли въ порядкѣ, отсюда потянулись кто куда знаетъ; кто пошелъ за водою, кто хорошенько помыться, тотъ уже забрался въ палатку, и не болѣе какъ въ полчаса все стпхло—солдаты отдыхаютъ.

Чего же желать нетребовательной натурѣ русскаго солдата? онъ сытъ, обутъ, одѣтъ, напоенъ, накормленъ; ему мягко спать, ему весело, его не заставляютъ ходить учебнымъ шагомъ; *пунктики* долбить тоже не приказываютъ; безпрестанно ему являются новые города, деревни, лица; все—предметъ его любопытства; все не русское въ немъ пробуждаетъ самый неподдѣльный смѣхъ: счастливое дитя природы, онъ думаетъ, что лишь то хорошо, то правильно, то прекрасно, что онъ привыкъ видѣть въ своемъ отечествѣ. Да и мудро ли, что русскій солдатъ смѣется надъ всѣмъ чужеземнымъ, когда ему смѣшнымъ и глупымъ кажется все видѣнное даже въ сосѣдней губерніи, если оно отличается отъ того, на что онъ посмотрѣлся въ своемъ гнѣздѣ. Замѣчательно, что нестоющимъ источникомъ солдатской болтовни на походѣ, на работѣ, вообще въ часы досуга или, правильнѣе, всюду, гдѣ солдату позволено поболтать, служатъ попреки другъ-другу *губернію*! Одинъ смѣется надъ другимъ, что у нихъ плетень не такъ горючатъ; тотъ надъ этимъ, что бабы въ кичкахъ ходятъ, что горохъ не ро-

дятся на ихъ поляхъ, что у нихъ дѣсу нѣтъ въ губерніи, — словомъ, вообразить себѣ невозможно. какіе попреки въ этомъ родѣ они дѣлають другъ другу.

Нынѣ солдатъ вполне доволенъ своимъ настоящимъ: этотъ походъ хоть чѣмъ не кончѣйся, солдату онъ не надобѣтъ; онъ ему гораздо пріятнѣе тѣхъ зимовыхъ квартиръ, которыя у насъ были, напримѣръ, въ Полѣсѣ, въ Овручскомъ, да въ Луцкомъ уѣздахъ, гдѣ солдаты стали было хворать, а несчастные *полтщуки*, конечно не получающіе пайка, которымъ единственно питались наши солдаты, пухли отъ голода. Солдатъ радъ-радехопекъ, что ушелъ отъ волынской холеры, доволенъ, что стоитъ отличная, хотя жаркая погода, и, можетъ быть, ждетъ въ будущемъ незнакомаго ему еще упоенія битвы! Вотъ почему такъ громка и звучна его удалая пѣсня.

Васлуй—маленькій, чистый городокъ, не имѣющій ничего особо замѣтельнаго; впрочемъ насъ все въ немъ интересовало, все было въ немъ ново: его узкія улицы, лавки и трактиры, которые хуже, грязнѣе нашихъ *бѣлыхъ* харчевенъ, и почтовая станція—она же и почта.

Лавокъ немного, всѣ выглядываютъ на площадь изъ нижнихъ этажей небольшихъ домиковъ. Темныя лавки набиты всякою всячиною: товарами—русскими преимущественно, англійскими, турецкими и австрійскими,—мѣстныхъ произведеній очень мало. Во всякой почти лавкѣ найдете все, чѣмъ только торгуютъ васлуйскіе купцы. Чай, разумеется, англійскаго привоца, хотя преимущественно завернутый въ бумажку съ русскою печатною надписью и пломбою будто бы петербургскаго магазина какого-нибудь Воронова или Сорокина; другой сортъ повыше въ жестяныхъ банкахъ съ лаконическою надписью на крышкѣ: *чай*. Въ той же лавкѣ горный деготь (нефть), добываемый здѣсь въ значительномъ количествѣ изъ земли, посредствомъ колодезь, въ которыхъ онъ очень быстро накапливается; нестерпимо сильный запахъ этого дегтя распространяется по всей площади; русскій сургучъ, всевозможныя пряности, греческія соленья, маслины въ бочкахъ; на веревкахъ виситъ каракатица, по нѣскольку десятковъ въ одной связкѣ; бочки съ какой-то маленькой рыбкой, называемой здѣсь *сардели*, очень непріятной на видъ, залитой какъ будто красною краскою, —такъ проржавѣла соль, употребленная на приготовленіе этой рыбы; рисъ, изюмъ, ячмень, кукуруза стоятъ боченками рядкомъ; ящики наполнены различными макаронами, крупой, кофеемъ, сальными свѣчами, пряниками, перцемъ, миндалемъ, турецкимъ и туземнымъ табакомъ, мукою и всякою всячиною, которой и не перечесть. На окнахъ лавки стоятъ графины, повидимому разнообразныхъ водокъ, а между тѣмъ все одной и той же непобѣдной *ракіу* (водки, добытой изъ кукурузы), окрашенной въ различныя цвѣта. Эту водку можно пить только по необходимости—изъ крайности: она не крѣпка, но жжетъ; довольно чиста, но издаетъ весьма непріятный запахъ. Эти ли качества отталкиваютъ отъ водки простонародье, изобиліе ли винограднаго вина заставило къ нему обратиться большинство молдавскаго населенія, не знаю, но употребленіе водки незначительно въ Молдавіи.

Здѣсь еще существуетъ въ продажѣ такъ-называемая *зуйка*, что-то въ родѣ водочныхъ помой, и, кажется, добываемая отъ перегонки продукта, изъ котораго уже выгнана водка. Это питье имѣетъ запахъ плохой водки и вкусъ воды. Даже наши солдаты доселѣ не могутъ ее пить, хотя она очень дешева и при значительномъ употребленіи опьяняетъ, и хотя наши солдаты не избалованы, кажется, хорошимъ виномъ въ Россіи.

У стѣнъ лавки стоятъ бочки водки и молдавскаго вина; на нихъ огромные круги *коикова*ла—сыра здѣшняго приготовленія изъ овечьяго молока; въ погребѣ различныя вина, туземныя и иностранныя, послѣднія преимущественно низкаго сорта, грубой жидовской фабрикаціи, хотя съ великолѣпными этикетками; но о туземномъ винѣ подробнѣе поговоримъ, когда сами съ нимъ ближе познакомимся, а быть-можетъ и побываемъ въ мѣстахъ, гдѣ добываются его лучшіе сорта; нынѣ же замѣтимъ только, что въ иной годъ Молдавія производитъ до 3-хъ милліоновъ ведеръ вина, которое почти все выпивается въ княжествѣ, за границу же идетъ въ самомъ незначительномъ количествѣ сравнительно съ ежегоднымъ производствомъ.

Съ потолка лавки висятъ ряды головъ сахара англійскаго привоза, въ свѣтлоглубой тонкой бумагѣ съ англійскимъ гербомъ; множество веревокъ и бичевъ; кожаная торбы для табаку; башмаки, пояса, сапоги, котлы и пр. и пр.

Въ такой лавкѣ часто можно найти и красные товары, и порохъ, и хлопчатую бумагу, и, словомъ, все, что только бываетъ нужно для жизни. Здѣсь совершенно свободная торговля. Каждый, купившій право торговли, торгуй чѣмъ знаешь, что выгоднѣе, хотя бы всевозможными, существующими въ торговлѣ товарами.

Иностранные товары идутъ сюда черезъ Галацъ, торговля котораго, какъ привозная, такъ и отпуская, возрастаетъ ежегодно весьма замѣтно. хотя лордъ Пальмерстонъ въ своей рѣчи нижнему парламенту (7-го іюля н. с.) увѣрялъ, что русское правительство со времени Адрианопольскаго мира умышленно портитъ сулинское гирло Дуная, чтобы сдѣлать его менѣе доступнымъ иностраннымъ кораблямъ, косвенно дѣйствуя такимъ образомъ въ пользу одесской торговли. Факты противорѣчатъ этой клеветѣ: въ 837 году пришло въ Браиловскій портъ 449 кораблей; на нихъ привезли товару на 70 т. руб. сереб., вывезли на 695 т.; въ 852 году пришло кораблей 1.049 и, по словамъ самихъ же Англичанъ, привезли товару на 2.475.000, вывезли на 4.863.000 руб. сереб. То же происходило и въ Галацкомъ портѣ: въ этотъ портъ въ 837 году пришло 528 кораблей, привезено и вывезено товару на 1.625.000 руб. сереб., а въ 852 году пришло въ Галацъ 619 кораблей, и сумма привоза и вывоза возросла до 6.231.000 руб. сереб.

Въ 853 году въ Галацъ нагрузилось собственно хлѣбомъ 859 кораблей, изъ которыхъ конечно половина принадлежала Англіи.

Вообще въ періодъ времени съ 846 года по 851 цифра собственно англійскихъ кораблей, приходящихъ въ Галацкій портъ, удвоилась.

Смотря на сумму ввоза товаровъ въ княжество и на цифру вывоза

продуктовъ, думаемъ, что огромная разность, остающаяся ежегодно въ пользу княжестъ, должна бы обогащать край и развивать общее довольство и благоденствіе, а на повѣрку выходитъ иначе: низшій классъ народа находится въ весьма бѣдномъ состояніи. Владѣльцы обширныхъ земель—помѣщики, получающіе огромные доходы отъ имѣній, все проживаютъ за границею—въ Парижѣ или Вѣнѣ. Такимъ образомъ капиталы утекаютъ изъ княжествъ, даже не оставляя по себѣ золотыхъ слѣдовъ. Имѣнія со всякимъ годомъ приходятъ все въ болѣе плачевное состояніе; природа избаловала людей, не побуждая ихъ къ усиленному труду; здѣшнее хозяйство вообще идетъ весьма дурно.

Изъ лавокъ мы пошли въ трактиръ, разумѣется, отыскавъ лучший. Входимъ. Въ комнату, гдѣ ѣдятъ, надо пройти чрезъ ту, гдѣ готовятъ и продаютъ приготовленное.

Запахъ баранины, жареной не тѣмъ способомъ, какъ, напримѣръ, въ Малороссіи, съ чеснокомъ и подливкою,—цѣтъ, а, такъ сказать, жженой на горячихъ угляхъ, надъ которыми, едва до нихъ не касаясь, устроена желѣзная рѣшетка, заминая сковороду,—запахъ, говорю, этой баранины нестерпимъ. Съ этимъ тяжелымъ запахомъ мѣшается запахъ масла, прѣлитаго на горячіе угли, тутъ же жарятъ *плацынды*—чрезвычайно жирныя, изумительно тонкія, слоенныя ватрушки, тѣсто которыхъ лучшіе мастера какъ-то *выбиваютъ* (вмѣсто раскатыванія) на голыхъ спинахъ Цыганъ! *Плацынды*, будучи положены одна на другую въ особомъ сосудѣ, обливаются растопленнымъ масломъ. Но, несмотря на сальность ихъ приготовленія и наружнаго вида, надо сознаться, онѣ очень вкусны.

Различнымъ запахамъ, наполняющимъ залу трактира, соотвѣтствуетъ неаппетитный видъ приготовленныхъ кушаній: въ грязномъ соусѣ плаваютъ, покрытые черными пузырями, печеные раки; въ мискахъ лежатъ батлажаны, любимый туземный овощъ, начиненные грязнымъ фаршемъ; пловъ изъ рису, окрашеннаго шафраномъ, съ кусками самой жирной баранины; маленькія колбаски, начиненныя преимущественно бараниною. Вотъ карта кушаньевъ, которая обыкновенно предлагаетъ молдавскій трактиръ своимъ посѣтителемъ. Если къ этому присоединить *зару*, какой-то кислый супъ, ожидающій на кухнѣ потребителя, турецкій кофе съ гущею, или обыкновенный нѣмецкій, постоянно кипящій въ комнатѣ, гдѣ буфетъ, кусокъ пшеничной булки (отнюдь не изъ крупчатой муки), то получится полный обѣдъ, коренными Молдаванами обыкновенно дополняемый тарелкою стручковаго перца, соленою или маринованною рыбою, и запиваемый миниатюрною бутылкою туземнаго вина.

Мы люди неразборчивые. Голодъ не тетка, онъ научитъ не разбирать, что хорошо, что дурно приготовлено, а ѣсть поданное, да благодарить Бога за то, что есть чѣмъ заморить червяка. Пообѣдавъ вплотную и, къ удивленію присутствующихъ Молдаванъ, раскивъ бутылку шампанскаго, мы отправились отыскивать почту. Насъ послали за городъ. Пройдя съ версту по дурному васлуйскому шоссе, которое если и оказываетъ услугу проез-

жающимъ, то вѣроятно собственно въ распутицу, когда молдавскія грязныя дороги дѣлаются чуть ли не хуже русскихъ, наконецъ мы добрались до камышеватаго шалаша; въ немъ помѣщается дѣломъ почтовая контора и станція съ тѣмъ расчетомъ, чтобы ближе имѣть пастбище для лошадей; зимою это управленіе переходитъ въ городъ.

У шалаша, въ ожиданіи проѣзжающаго, стоятъ маленькія почтовые тележки, разбросана сбруя, лежатъ двѣ-три подбитыя, или больныя лошади; въ шалашѣ спятъ ямщики; у конны сѣна стоитъ кляча съ опаренною спиною, отъ жара спрятавъ голову въ тѣнь. На нашъ зовъ явился заспанный, засаленный, оборванный Молдаванъ—*капитанъ демъ почтъ*. Мы растолковали этому господину наше намѣреніе отправить въ Россію письма; онъ принялъ, получивъ за всякое по 22½ к. серебромъ. Мы чуть не цѣловали его, прося отправить эти письма повѣрше съ первою почтою. Пробормотавъ что-то намъ въ отвѣтъ, этотъ господинъ положилъ наши денежки въ свой кожаный кошелекъ, привязанный ремешкомъ къ его необъятной ширины поясу, сунулъ письма въ засаленную баранью шапку и поѣхалъ обратно въ свой камышевый шалашъ, гдѣ, раскинувшись, лежало нѣсколько сиящихъ ямщиковъ, стояла коновка согрѣвшейся воды; на деревянномъ блюдѣ кусокъ застылой мамалыги; кругомъ валялись деревянные сѣдла, веревочная сбруя и тутъ же немного сѣна, покрытаго ваточнымъ одеяломъ, означавшимъ мѣсто отдохновенія *капитана почтъ*.

Вотъ молдаванская почтовая контора! Вотъ способъ приѣма корреспонденціи въ почтовомъ молдавскомъ управленіи!—Не знаю, дойдутъ ли наши письма по назначенію?

1-го іюня.—На походѣ.

Разсказали мнѣ характерный обычай общій Молдаванамъ и Валахамъ. Двое хотятъ закрѣпить свои дружескія отношенія, что называется у насъ побрататься, обмѣняться крестами. Для этого кладутъ въ сосудъ: хлѣбъ, соль и крестъ. Выпиваютъ и хлѣбъ и соль изъ сосуда и, раздѣливъ ихъ между собою поровну, сѣдаютъ. Затѣмъ, въ тотъ же сосудъ, на лежащій въ немъ крестъ наливаютъ вино и выпиваютъ его по очереди, прямо изъ сосуда. Послѣ этого клянутся хлѣбомъ, солью и крестомъ Господнимъ въ вѣчной дружбѣ и въ братской другъ къ другу любви до гроба.

Іюль.—Г. Бырладъ *).

Вотъ и городъ Бырладъ, нѣкогда притонъ знаменитыхъ разбойниковъ, запорожской сѣни своего вѣка—*бырландиковъ*, ими основанный, ими про-

*) Г. Бырладъ на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Сереть. Во время войны 1789—1790 годовъ Россіи и Австріи противъ Турціи былъ занятъ отдѣльнымъ корпусомъ войска подъ начальствомъ Суворова, который отсюда, какъ изъ центральной позиціи, занятой для связи между арміями Рѣнина въ Бессарабіи и принца Кобургскаго, составлявшей лѣвый флангъ австрійцевъ, устремлялся противъ Турокъ, переходившихъ Дунай, встрѣтятся съ ними сперва у Фокшанъ, потомъ у Рымниа и наконецъ у Бугареста.

славленный; покое отечество доблестнаго нашего князя Іоанна Бырладника, столь печальнымъ образомъ кончившаго свою бурно-поэтическую жизнь.

Горько теперь смотрѣть на отжившій Бырладъ, нѣкогда шумный и грозный. Нынѣ онъ плохой городокъ, не представляющій, также какъ и его окрестности, ничего замѣчательнаго.

Нашъ настоящій маршрутъ заключается г. Текучемъ. Что будемъ дѣлать дальше, про то вѣдаетъ Богъ единый, да Государь великій. Стапемъ ли лагеремъ, пойдемъ ли впередъ—неизвѣстно. Эта неизвѣстность, одно изъ мучительнѣйшихъ чувствъ, дѣлается еще несноснѣе, когда проводишь дни наединѣ съ своими думами, покачиваясь на походномъ конѣ, проходя безлюдную, выжженную солнцемъ степь. Не доходя Бырлада, мѣстность стала разнообразнѣе. Станціи за двѣ до города, вправо отъ дороги, рѣзко обрисовались на свѣтломъ небѣ темныя формы горъ, послѣднихъ отроговъ Карпатъ, будто забѣжавшихъ изъ Трансильваніи полюбоваться привольемъ молдавскихъ степей. Замѣчательнѣйшія изъ горъ: Чаклуй, Рареу и Вранча достигаютъ значительной высоты; но молдавскія горы вообще, какъ и вся Молдавія, отлично описаны, особенно въ военно-топографическомъ отношеніи, въ „Военно-Статистическомъ обзорѣніи княжества Молдавіи“, составленномъ по Высочайшему повелѣнію офицерами генеральнаго штаба и изданномъ въ настоящемъ году. Это сочиненіе о Молдавіи полнѣе всякаго другаго, доселѣ изданнаго, на какомъ бы то ни было языкѣ по этому предмету; къ сожалѣнію, оно не вполне доступно читающей публикѣ. Такимъ образомъ мы, Русскіе (правду сказать о большинствѣ читающихъ), не имѣемъ точнаго понятія о ближайшей нашей сосѣдкѣ, обязанной намъ своимъ политическимъ существованіемъ и тѣмъ положеніемъ, въ какомъ она нынѣ находится. Вступая въ Молдавію, мы будто обрѣтаемъ *terram incognitam*, предъ нами новый для насъ міръ, страна, со стыдомъ сознаемся, намъ знакомая меньше другихъ отдаленныхъ странъ.

Дѣйствительно, мы, Русскіе, не изучали Придунайскихъ княжествъ; знаемъ ихъ настолько, что пересчитаемъ ихъ рѣки, горы, главные города пожалуй, назовемъ ихъ замѣчательнѣйшихъ людей; но достаточно ли намъ этихъ свѣдѣній нынѣ, когда мы переступили рубежъ этого края, когда нашъ каждый шагъ будетъ знаменателенъ въ судьбахъ этихъ странъ, когда изъ внимательнаго разсмотрѣнія прошлаго этихъ княжествъ мы должны бы извлекать уроки для каждаго нашего дѣйствія и предпріятія? Конечно недостаточно. Мы не готовились для путешествія по этому краю и потому не изучали его, хотя бы по иностраннымъ источникамъ; нынѣ же, когда судьба было угодно закинуть насъ сюда, мы своимъ незнакомствомъ со страной будемъ поставлены въ весьма затруднительное положеніе.

Молдо-валахское общество находится въ фальшивыхъ съ нами отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ большинство мыслящихъ его членовъ. Положимъ, кромѣ расположенія, преданности и любви они въ настоящее время *не смѣютъ* намъ выказывать ничего другаго, потому что боятся насъ; но не эти

чувства они къ намъ питають въ душѣ, и случись намъ понести погромъ въ эту войну, они ничѣмъ не будутъ стѣсняться и несомнѣнно постараются отплатить намъ за 1848 годъ, когда мы не допустили ихъ измѣнить своею правленію и заставили, на примѣръ Валахію, шесть лѣтъ оставаться подъ властью Господаря, котораго она ненавидѣла...

Дѣйствительно большинство молдо-валахской интеллигенціи, въ душѣ враждебное намъ, принадлежитъ къ новому поколѣнію, либеральнымъ идеямъ котораго мы помѣшали осуществиться въ 1848 году, тогда какъ тѣ маститые бояре, свидѣтели нашихъ благодѣяній ихъ отечеству, живо помнящіе, какъ мы своими руками разбили ярмо, на нихъ столько вѣковъ лежавшее, какъ мы извлекли ихъ изъ омута невѣжества и полудикости, въ который они со великимъ голодомъ все болѣе и болѣе погружались, — тѣ маститые старцы сошли уже — нѣкоторые съ политической сцены, а большинство со сцены міра. Слѣдовательно, за насъ некому поднять голоса; все, что мы сдѣлали благого Молдо-Валахіи, забыто, хотя сдѣланное стояло намъ много, много крови, а нынѣ у всѣхъ передъ глазами только то, что мы не допустили княжества сложиться въ тѣ формы, въ которыхъ, по ихъ понятіямъ, только и возможно счастье государства. Молдо-Валахи кланяются намъ и нынѣ, но кланяются потому, что наши грозныя арміи придвигаются къ ихъ границамъ, и не знаютъ еще они, чѣмъ разыграется предстоящая драма, въ видахъ представленія которой едва стали подымать занавѣсъ.

Другое было при встрѣчѣ нашихъ войскъ въ 828 году! Тогда Молдо-Валахи видѣли въ Русскихъ только своихъ избавителей и цѣловали прахъ ихъ ногъ. Нынѣ обстоятельства измѣнились. Революціонная партія Молдо-Валаховъ (а она весьма многочисленна) видитъ въ насъ враговъ цивилизаціи, стремящихся не только подавить демократическія начала, на которыхъ она готова построить новое, по ея понятіямъ, великое зданіе, но лишить ея отечества, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Придунайскія княжества. Впрочемъ, въ ослѣпленіи своемъ, эти увлекающіеся забываютъ, что еслибы мы дѣйствительно преслѣдовали указываемыя ими цѣли, стремясь къ расширенію своихъ владѣній на счетъ ихъ земли, то нашъ Государь давно бы ужъ могъ однимъ почеркомъ пера достигнуть этого. Такъ въ 1829 году, чтобы обратитъ Молдавію и Валахію въ русскія губерніи, нашему Государю стоило только принять предложеніе Турціи, отдававшей намъ княжества въ вѣчное и потомственное владѣніе, вмѣсто возложенной на нее Адрианопольскимъ миромъ уплаты военныхъ издержекъ.

Г. Текучь.—5-го іюля.

Въ Молдавіи 44 города и 1.933 деревни. Текучь, одинъ изъ обширнѣйшихъ городовъ княжества, не представляетъ ничего интереснаго или замѣчательнаго: городъ — разбросанный, грязный, съ неправильными улицами, безъ значительныхъ зданій, исключая множества церквей, изъ которыхъ ни одна не останавливаетъ вниманія наружною особенностію.

Наша дивизія стала на равнинѣ, не доходя города съ лѣвой его стороны, близъ рѣчки. На горизонтѣ, задвигая передъ нами Австрію, рисовались темно-синія горы, сопровождавшія насъ уже нѣсколько станцій; онѣ теперь будто отстали отъ насъ, издали наблюдая за нашимъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Но мы и сами еще не знаемъ: пойдёмъ ли дальше или, какъ говоритъ множество вѣстовщиковъ, остановимся здѣсь лагеремъ и будемъ ждать, чтобы Турція исполнила требованія нашего правительства. Признаться, хороша перспектива. Если осуществится этотъ слухъ, вотъ тебѣ и заграничный походъ... *до Текуча и обратно!* Но будемъ пользоваться нашимъ настоящимъ. Мы устроились отлично, разбивъ свои палатки въ прекрасномъ саду богатой владѣтельницы дома, отведеннаго нашему генералу. Наши шатры осѣнены персиковыми, грушевыми и яблонными деревьями; множество плодовъ уже совершенно созрѣло, ими обремененныя вѣтви лежатъ на нашихъ палаткахъ, сами просятся въ двери: какъ устоять отъ соблазна, какъ не сорвать! А между тѣмъ злая Молдаванка, наша хозяйка, кричитъ на весь дворъ, если замѣтитъ руку, протянутую къ фрукту; за деньги не позволяетъ дотронуться до фрукта, хотя они здѣсь не рѣдкость; климатъ вполне благопріятствуетъ ихъ дозрѣванію на открытомъ воздухѣ, несмотря на зиму, иногда весьма суровую въ этомъ краю. Зима часто становится въ ноябрѣ и длится до половины апрѣля; за то лѣто съ сентябремъ включительно бываетъ очень даже нестерпимо, жаркое, какъ настоящее наprimѣръ, и все успѣваетъ дозрѣть. Фруктовые деревья въ Молдавіи растутъ въ изобиліи не только въ садахъ, но и въ лѣсахъ, особенно въ угоряхъ: тамъ встрѣчаются рощи сливъ, яблонь, черешень, грушъ, даже абрикосовъ.

6 іюля. Дневка.

Мы въ восторгѣ: курьеръ привезъ маршрутъ на дальнѣйшее слѣдованіе—до Букареста. Путешествіе наше продолжится. Затѣянное нами дѣло, повидимому, принимаетъ все болѣе серьезный оборотъ и не кончится пустяками: Богъ дастъ, будемъ свидѣтелями великихъ событій; будетъ что пересказать, когда воротимся домой.

Завтра походъ; сходилъ на почту узнать, нѣтъ ли вѣсточекъ изъ дому. На здѣшней почтѣ и не слышали про нашу корреспонденцію и посоветовали обратиться въ управленіе мѣстнаго исправника: у него, говорятъ, можетъ быть корреспонденція изъ Россіи. Прихожу. Дѣйствительно, въ одномъ углу грязной залы, наполненной чиновниками, валялись на полу тучи конвертовъ и журналовъ, газетъ и писемъ въ постъ-пакетахъ. „Ищите, мнѣ сказали тутъ, и что есть на ваше имя—получайте“. Конечно я отказался отъ такого поиска. Чтобы пересмотрѣть эту массу бумагъ, надо бы навѣрно употребить весь день. Спросилъ: „куда поступаютъ эти тучи?“—Въ вашу главную квартиру, отвѣчаютъ. Пришлось уйти съ пустыми руками, хотя бытъ можетъ въ этихъ пыльных, заброшенныхъ грязью, кинахъ есть нѣсколько

листовъ, исписанныхъ слезами, мнѣ посвященными, способныхъ живѣе заставить биться мое сердце, могущихъ пролить отраду въ большую душу. Но на то и война, чтобъ обреченные ей испытали всю горечь нравственныхъ лишеній, съ которыми въ параллель, даже на войнѣ, не могутъ идти матеріальныя лишенія, доставляющія имъ переносящему больше своего рода наслажденій, чѣмъ горя и печали.

Въ іюлѣ.—Г. Фокшаны.

Половина города принадлежитъ Молдавіи, половина Валахіи, какъ-то странно. Наружной разницы въ этихъ половинахъ почти никакой, кромѣ гербовъ на общественныхъ зданіяхъ и мундировъ служащихъ; но каждая изъ этихъ половинокъ города управляется особыми законами, хотя населеніе обѣихъ половинокъ говоритъ однимъ языкомъ, исповѣдуетъ одну вѣру, имѣетъ одинакіе нравы и обычаи, а между тѣмъ даже денежный курсъ въ каждой изъ этихъ половинокъ города—свой особый. Все это, разумѣется, очень неудобно во многихъ отношеніяхъ.

Въ молдавской части Фокшанъ, какъ-то несравненно больше жизни; можетъ-быть потому, что тамъ сосредоточены лавки, магазины, склады товаровъ, трактиры и тому подобное; за то въ валахской части города больше хорошихъ и красивыхъ домовъ, улицы шире, чище, хотя вообще онѣ очень грязны во всемъ городѣ.

Мы переступили границу Валахіи, означенную платбаумомъ на главной улицѣ Фокшанъ и стражею съ той и другой стороны (по рѣкѣ Мильковѣ), рѣзко отличающеюся другъ отъ друга наружнымъ видомъ.

Молдавское войско очень немногочисленно. Оно состоитъ всего изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты (съ небольшимъ 1.800 челов.), эскадрона кавалеріи (около 200 челов.), батареи артиллеріи въ 6 трехфунтовыхъ орудій (около 200 челов.) и одной брандвахты на трехъ канопирскихъ лодкахъ съ 6-ю баркасами (около 70 челов.),—значить всего регулярнаго войска въ Молдавіи около 2.270 человѣкъ. Войско это организовано въ 1831 году, обучено нашими офицерами, по нашему уставу, обмундировано и вооружено примѣняясь къ нашей формѣ, только каски у него не нашего, а прусскаго образца, съ гербомъ княжества (голова бизона со звѣздою во лбу—предметъ постоянныхъ насмѣшекъ нашихъ солдатъ, дразнящихъ Молдаванъ „телячьими головами“ *).

Но у Молдаванъ, кромѣ регулярнаго, существуетъ иррегулярное войско.

*) Оригинальный гербъ этотъ усвоенъ Молдавіей, какъ рассказываютъ, потому, что въ дремучихъ лѣсахъ Молдавіи нѣкогда водился знаменитый *зубръ* (доселѣ сохранившійся во всей Европѣ только въ нашей „Бѣлосетской пущи“), одного изъ которыхъ, на берегахъ Молды, посчастливилось убить воеводѣ Драгошу, принявшему голову рѣдкаго звѣря для герба созданнаго названнымъ воеводою новаго государства.

но состоитъ изъ такъ-называемыхъ *плоешей*, нѣчто въ родѣ нашихъ пограничныхъ казаковъ или вооруженныхъ поселенъ, обязанныхъ охранять границы княжества вмѣстѣ съ специально для этого назначенными жандармами, несущими, кромѣ того, общія полицейскія обязанности какъ въ столицѣ, такъ и внутри страны.

Жандармы эти, надо имъ отдать справедливость, народъ расторопный, исполнительный, молодецъ къ молодцу, какъ на подборъ, настоящіе гвардейцы, съ лихой выправкой, огромными усами и воинственнымъ видомъ.

Вообще говоря, молдавскіе солдаты хорошо дисциплинированы, состоятъ въ полномъ повиновеніи у своихъ начальниковъ и свято исполняютъ свои обязанности, надо сознаться, далеко не легкія. Правда, у нихъ нѣтъ большихъ, утомительныхъ походовъ, частыхъ смотровъ, нѣрѣдко еще болѣе утомительныхъ съ ихъ лагерными приготовленіями, но за то они постоянно несутъ тяжелую гарнизонную службу, будучи обязаны занимать множество карауловъ. Къ тому же ихъ тяготитъ казарменная жизнь, столь несвойственная здѣшнему селянину, привывшему къ чистому воздуху, простору и безбрежности своихъ степей и къ полной свободѣ дѣйствій. Вотъ, надо полагать, причины ненависти Молдаванъ къ военной службѣ, несмотря на ея относительную кратковременность (6 лѣтъ обязательной службы) и очень порядочное содержаніе.

Сколько мы замѣтили, пограничная стража, осматривая проѣзжающихъ черезъ границу (разумеется, насъ, русскихъ военныхъ, она не осматриваетъ), не позволяетъ перевозить *соль*, пѣшкомъ же все ходятъ черезъ границу, изъ Молдавіи въ Валахію и обратно, по двадцати разъ въ день, не только безъ всякаго досмотра, но даже и безъ спроса у стражи.

На главной улицѣ, у границы, воздвигнуты триумфальныя ворота для встрѣчи нашего авангарда, украшенныя, нынѣ уже поблекшими, вѣнками, цвѣточными гирляндами и вѣтвями, въ видѣ маслянныхъ и лавровыхъ.

Квартира намъ была назначена на валахской сторонѣ; тутъ мы простились съ комиссаромъ молдавскаго правительства и были встрѣчены комиссаромъ валахскаго правительства. Такой комиссаръ состоялъ при каждомъ генералѣ—начальникѣ отдѣльной части войскъ—для облегченія нашихъ сношеній съ мѣстными властями и устраненія могущихъ встрѣтиться какихъ бы то ни было недоразумѣній. Къ намъ въ Фокшанахъ присланъ комиссаромъ Григорій Кантакузенъ, второй сынъ извѣстнаго валахскаго вельможи Константина Кантакузена, составившаго себѣ отличную извѣстность не только въ Валахіи, но и въ Европѣ, занимая долгое время весьма важныя государственныя должности въ своемъ отечествѣ, особенно же послѣ революціи 848 года, правя Валахіею въ качествѣ каймакана, до назначенія отъ Турокъ господаремъ этой провинціи князя Стирбея. Семейство этого бояра любимо націей, и старшій сынъ Константина Кантакузена—Иванъ, находящійся нынѣ въ Парижѣ, признается болѣею частію партіи враждебныхъ другъ другу, на которая раздѣлено высшее бухарестское общество, едва ли не до-

стойнѣйшимъ изъ Валаховъ, способнымъ съ честію занять высшія ступени въ государственной іерархіи *).

Подъ Букарестомъ.

Нашъ комиссаръ *Грегораки*, отлично образованный молодой человекъ, недавно окончившій воспитаніе въ Парижѣ, въ нѣсколько дней сошелся съ нами на дружескую ногу. Грегораки Кантакузенъ нигдѣ еще не служилъ, хотя имѣетъ какой-то чинъ, и, разумѣется, не успѣлъ еще ознаменовать себя никакими заслугами отечеству, а посмотрите, какимъ уваженіемъ и почетомъ онъ пользуется отъ мѣстныхъ властей. Всякое его слово, всякое приказаніе стремглавъ бросаются исполнять съ величайшимъ усердіемъ и готовностію; нѣтъ жалобы, нѣтъ распри между нашими и Валахами, которую бы онъ не рѣшилъ однимъ словомъ, приказавъ Валаху удовлетворить нашего претендента, что и исполняется тотчасъ же безпрекословно. Грегораки не имѣетъ никакихъ видимыхъ отличій, ни шитаго мундира, ни шаги, ни крестовъ, ходитъ онъ просто въ черномъ фракѣ и такъ принимаетъ всѣ городскія и сельскія власти, тотчасъ къ нему являющіяся, едва онъ появляется; Грегораки ѣдетъ всегда впереди отряда, восьмеркою, заложенною по парѣ. При Грегораки только и существуетъ видимымъ признакомъ его официальной обязанности, что драбантъ съ форменнымъ патронташемъ черезъ плечо, саблею у бока и огромнымъ чубукомъ своего начальника въ рукахъ.

Г. Букарестъ.

Наконецъ мы въ столицѣ Валахіи. Нашей дивизіи городъ не дѣлалъ особыхъ встрѣчъ, потому, что таковая сдѣлана всѣмъ войскамъ въ лицѣ нашего авангарда, которымъ командуетъ графъ Анрепъ-Эльмитъ. При его вступленіи на городскомъ предмѣстьи ждали войскъ митрополитъ съ крестомъ и св. водою, въ сопровожденіи высшаго духовенства, російскій генеральный консулъ, чиновники княжества, валахскіе министры, бояре, греческій консулъ и проч.,—словомъ, всѣ городскія власти, окруженные множествомъ народа. Возвышеніе, на которомъ собрались они, было украшено зеленью, лавровымъ вѣнкомъ и разноцвѣтными флагами. Проходя, мы видѣли поблеклые остатки этихъ украшеній. Не такъ ли суждено поблекнуть и цвѣтамъ того краспорѣчія, которое гремѣло здѣсь восторженные привѣты нашимъ представителямъ, если цвѣты эти прикрывали только тайные помыслы ораторовъ, далекихъ отъ исповѣданія чувствъ, ими высказанныхъ.

*) Валахъ Ганеско (G. Ganesco), въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „La Valachie depuis 1830 jusqu'à sejour“ (Bruxelles. Paris. 1855), воспѣвая семейство Константина Кантакузена, доказываетъ, что напрасно европейскія державы затрудняются въ отысканіи кого-либо изъ бояръ обонихъ княжествъ, кто былъ бы достоинъ не только сдѣлаться лично властителемъ двухъ соединенныхъ княжествъ, но и быть родоначальникомъ новой царственной династіи, Ганеско указываетъ на Константина Кантакузена и на его сына Ивана.

Предмѣстія букарестскія напоминають московскія предмѣстія 820-хъ годовъ: та же безконечность, тѣ же вереницы грязныхъ, почти пустынныхъ улицъ, нескончаемыхъ заборовъ и садовъ. Только перспектива не та: горизонтъ не закрытъ золотымъ лѣсомъ церковныхъ главъ. Не вѣрится, что въѣзжаешь въ столичный городъ, все думаешь: да скоро ли кончится эта деревня!... Но вотъ и Букарестъ. Всѣ окна узкихъ улицъ наполнены любопытными зрителями; вездѣ множество народа; суета, шумъ; большія зданія и драныя лачужки громоздятся и лѣнятся другъ къ другу; большія площади являются въ видѣ озеръ, — такъ огромны покрывшія ихъ лужи; множество домовъ полувосточной, полувосточной архитектуры, обвѣдено крытыми террасами, большими мощеными дворами; около избъ безъ всякаго порядка нагромождены большія каменные палаты; плохая деревянная крыша мазанки, будто для противоположности, касается щегольской — желѣзной, изящно наброшенной на уютный домикъ. На всякомъ шагу сады и между ними множество публичныхъ, въ которыхъ, несмотря на будни, гремятъ оркестры странствующихъ чеховъ, или шарманщикъ наигрываетъ свою монотонную пѣсню. кипитъ общественная жизнь. Много народа на улицахъ; много экипажей, преимущественно порядочныхъ фіакровъ, заложенныхъ парами рослыхъ лошадей, ловко управляемыхъ статнымъ, прилично одѣтымъ кучеромъ, по большей части русскимъ мужикомъ, издавна осѣдлымъ здѣсь раскольниковъ, изъ числа во множествѣ сюда переселившихся въ прежнія времена. Снаровка здѣшнихъ кучеровъ по-истинѣ изумительна и лошади отлично приѣзжаны: кажется, пѣтъ возможности развѣхаться въ толпѣ экипажей, а между тѣмъ ни разу не случилось видѣть столкновеній. Здѣсь большая ѣзда, потому что считается неприличнымъ ходить пѣшкомъ, и всякій порядочный человѣкъ всегда ѣдетъ въ экипажѣ, хотя бы ему отъ своей квартиры нужно было отправиться въ сосѣдній домъ. Причинъ этой ѣздоманіи слѣдуетъ искать въ восточномъ костюмѣ здѣшнихъ бояръ, только недавно ими покинутомъ, при которомъ они носили мешты (туфли), разумѣется, затруднявшія ходьбу по улицамъ.

Улицы по большей части мощены; нѣкоторыя на выѣздѣ шоссированныя. Наши старики, дѣлавшіе кампанію 829 года, еще помнятъ, какъ лучшія улицы Букареста были покрыты досками по бревенчатой настилкѣ, въ родѣ мостовъ, отъ чего улицы и получили доселѣ сохранившееся названіе мостовъ — *поду* (Поду-Могушой, Поду-Каличе, Поду-Беликуле и др.). И то, говорятъ, одна только Поду-Могушой была такъ вымощена, что по ней можно было ѣздить, а стоило только своротить на одну изъ выдающихся въ нее улицъ, хотя бы на пресловутую Липеканіе, какъ бревна и доски плясали подъ вами и обдавали васъ грязью съ ногъ до головы. Въ 829 году Букарестъ въ наружномъ отношеніи былъ гораздо грязнѣе настоящаго, какъ въ нравственномъ отношеніи было гораздо грубѣе и нецивилизованнѣе его населеніе. Да и что удивительнаго, когда и нынѣ еще далеко ли отъ княжескаго дворца площадь, въ концѣ которой почтовая станція, а какой эта

площадь представлять видъ?—огромный пустырь, покрытый никогда не просыхающими лужами, непроходимую грязью, навозными кучами и обставленный домами, болѣе приличными уѣздному городку, чѣмъ столицѣ.

По городу пробѣгаетъ рѣчка Дымбовица.

Въ Букарестѣ говорятъ: кто напьется сладкихъ водъ Дымбовицы, не захочетъ пить другой воды *). Конечно эта поговорка не относится собственно къ водѣ, а вѣроятно къ обаятельной бухарестской жизни, полной матеріальныхъ наслажденій. Что же касается до воды собственно, то одинъ видъ рѣчки поселить къ ней отвращеніе. Пробѣгая по дну оврага, мѣстами Дымбовица идетъ въ уровень съ берегами, но нигдѣ не имѣетъ набережной; въ нее стекаютъ и выбрасываются изъ окрестныхъ дворовъ всевозможныя нечистоты; въ самомъ городѣ по берегу рѣчки множество банъ; лѣтомъ она бываетъ наполнена купающимися; круглый годъ ея берега покрыты моющими бѣлье; у ней множество боевъ; никто не трудится вывозить за городъ дохлыхъ собакъ, даже лошадей,—все бросаютъ въ Дымбовицу! Какже не быть ей водѣ сладкою? нечего сказать: *ана дульче!*

Кстати: одинъ изъ очевидцевъ рассказываетъ, что съ 829 года Букарестъ значительно *просвѣтился*; на каждомъ шагѣ встрѣчаешь доказательства, между прочимъ, и въ развитіи гигиеническихъ мѣропріятій. Напримѣръ, тогда бойни не только не были отнесены за городъ, или хотя на берегъ рѣки, какъ нынѣ, а можно было на самыхъ лучшихъ улицахъ города, даже на Поду-Могущой, встрѣтить мясную лавку, которая съ тѣмъ вмѣстѣ была и бойнею: ея хозяинъ, по мѣрѣ израсходованія запаса ободранныхъ уже барановъ, вносящихъ у него надъ прилавкомъ, рѣзалъ тутъ же на улицѣ еще одного изъ нѣсколькихъ, всегда готовыхъ къ *закланію* у дверей его заведенія, бросая внутренности стаѣ собакъ, съ жадностію ожидающихъ подачки, и вѣшалъ тушку на вакантный крюкъ.

Пустыри въ лучшей части города напоминаютъ объ ужасномъ пожарѣ, опустошившемъ Букарестъ во время правленія господара Вибеско, ознаменованнаго многими народными бѣдствіями, доказываютъ малое еще торгово-промышленное развитіе города и далеко не высокій уровень экономическаго благосостоянія его населенія. Правда, Букарестъ терпѣлъ большія несчастія: въ 1829 и потомъ въ 1838 онъ пострадалъ отъ землетрясеній, потомъ его опустошилъ пожаръ, когда о страхованіи домовъ еще и понятія не имѣли въ Валахіи. Хотя послѣ этого послѣдняго несчастія въ Россіи были собраны и доставлены сюда значительныя суммы для раздачи погорѣльцамъ, но, какъ видно, эта великодушная и щедрая помощь не могла залѣчить ранъ Букареста: десятки лѣтъ прошли со времени ужаснаго событія, а между тѣмъ остатки пожара и до сихъ еще поръ пугаютъ взоръ своими чудовищными образами въ лучшей части города.

Конечно первоначальные строители Букареста не руководствовались

*) Дымбовица, ана дульче, чине бя съ ну май дуче.

никакими планами или чертежами, оттого онъ и похожъ на цыганскій таборъ, остановившійся въ живописномъ безпорядкѣ на обширной долинѣ. Нѣкоторые пункты города вышли очень удачны, нѣкоторые явились безобразною массою домовъ, нѣкоторыя улицы вытянулись до бесконечности, какъ напримѣръ поду-Могушой, которая, конечно, длиннѣе Невскаго проспекта, но за то мѣстами весьма узка, вообще извилистая и кривая, мѣстами совершенно безъ тротуаровъ. Всѣ почти нижніе этажи домовъ Поду-Могушой заняты магазинами.

На Поду-Могушой прекрасная театральная площадь; зданіе театра изящно, но о немъ послѣ; дворецъ Владѣтельнаго Князя не похожъ впрочемъ на дворецъ, а на обыкновенный домъ богатаго частнаго человѣка; на одномъ большомъ домѣ развѣвается національный французскій флагъ: это—домъ консула. Стоить свернуть съ Поду-Могушой въ любой переулокъ—и встрѣтится тотчасъ другаго рода улицы, нѣкоторыя съ однимъ въѣздомъ безъ выѣзда, нѣкоторыя до того узки, что два экипажа не могутъ развѣхаться.

Между прочимъ любимое нынѣ общественное гулябище—садъ Чичмендю—вотъ уже три года какъ ежедневно посѣщается чуть ли не всѣмъ городомъ; по воскресеньямъ оглашается нѣсколькими оркестрами; украшенъ большими прудами, тѣнистыми аллеями, широкими дорожками, мостами, кіосками, павильонами—ежедневными свидѣтелями самыхъ соблазнительныхъ сценъ; изящнымъ зданіемъ отеля, всегда наполненнаго посѣтителеми; множествомъ живописныхъ палатокъ, разбитыхъ для продажи напитковъ, сластей и фруктовъ; а не далѣе какъ шесть лѣтъ назадъ на мѣстѣ Чичмендю было болото, куда свозили нечистоты, наполнявшія городъ зловоніемъ!...

Намъ были отведены квартиры у монастыря „Радоводы“, т.-е. сооруженнаго воеводою Радоломъ (Рудольфомъ). По имени монастыря называютъ и часть города, къ нему прилегающую: въ Букарестѣ берешь извозчика, говоришь: „На Радоводы“ или „на Михайводы“, онъ везетъ или въ окрестность помпупутаго монастыря, или въ окрестность построеннаго Михайломъ Храбрымъ.

Въ сосѣдствѣ съ моею квартирою, напротивъ монастыря Радоводы, стоитъ древняя церковь *Букуръ*, говорятъ, первая построенная на мѣстѣ этого города и названная по имени ея соорудителя, отъ котораго и *Букурешти* получилъ свое названіе *). По преданію, Букуръ былъ пастухомъ, обыкновенно здѣсь пасшимъ свое стадо.

*) *Букури* по-валахски значитъ *радость, удовольствіе*. Нѣкоторые писатели говорятъ, что городъ Букарестъ получилъ свое названіе отъ этого слова. По-моему гораздо естественнѣе производить *самое это слово* отъ имени столицы Валахія, всегда оживленной, полной житейскихъ радостей, противоположныхъ съ мрачнымъ однообразіемъ степи, столицы, представляющей полудикому Валаху-селянину новый живой міръ, совершенно отличный отъ его неподвижной жизни, исполненный шума, блеска, веселья. Основаніе Букареста относятъ къ XIII вѣку, столицей же онъ сдѣланъ, въ 1698 году, Константиномъ Бессарабомъ. Русскіе его впервые заняли въ 1769 году подъ начальствомъ Румянцева; въ войну 1807 года онъ былъ занятъ Милорадовичемъ, а 30 апрѣля 1828 г. его опять заняли Русскіе, и Киселевъ выработалъ въ немъ свой «Органическій регламентъ», причемъ городъ былъ нами занятъ тогда до исполненія условій Адрианопольскаго мира со стороны Турціи. Въ Букарестѣ было

Церковь не имѣетъ ничего замѣчательнаго ни внутри, ни снаружи; построена на холмѣ; ея архитектура общая вѣсьмъ древнимъ валахскимъ храмамъ.

Нынѣ здѣсь строятъ церкви въ нашемъ вкусѣ или въ смѣшанномъ византійско-готическомъ.

Въ Букарестѣ много церквей: 130 православныхъ и 26 монастырей, 1 католическая, 1 протестантская, кромѣ того 2 синагоги. Церкви преимущественно бѣдны, невелики, внутри мрачны и плохо расписаны; снаружи некрасивы.

Древнѣйшая и, конечно, самая замѣчательная церковь Букареста—это Серендаръ, т.-е. сороковая. Преданіе говоритъ, что какой-то богачъ, нажившій всякими неправдами огромные капиталы, ограбившій бѣдныхъ и нищихъ, вдовъ и сиротъ, ознаменовавшій свою жизнь рядомъ черныхъ дѣлъ, однажды, когда его постигла неизлѣчная болѣзнь, далъ обѣтъ, въ случаѣ исцѣленія, употребить все свое имущество на сооруженіе сорока церквей. Господь услышалъ молитву великаго грѣшника, послалъ ему исцѣленіе, и онъ дѣйствительно построилъ 40 церквей. Серендаръ была сороковою, на которую онъ отдалъ все оставшееся отъ постройки 39-ти церквей богатство, поэтому эта церковь вышла богаче прочихъ. Дѣйствительно Серендаръ, прекрасно отдѣланная внутри, въ древнемъ греческомъ вкусѣ, покрыта снаружи живописью *al fresco* и необыкновенно оригинальною лѣпною работою.

Другой, не менѣе замѣчательный, памятникъ древности представляетъ собою такъ-называемая здѣсь *митрополія*—собраніе храмовъ и зданій, занимаемыхъ митрополитомъ, его управленіемъ, причтомъ, семинаріею, духовнымъ училищемъ и прочее.

Внутренность митрополичьей церкви сумрачна, невеликолѣпна, даже, можно сказать, бѣдна, хотя и покрываетъ ее плохая живопись и кое-гдѣ позолота. Въ митрополичьей церкви Букареста, кажется, можно бы было надѣяться встрѣтить богатство и великолѣпіе, потому что здѣшніе монастыри владѣютъ большими имѣніями, пользуются богатыми милостынями, особенно отъ нашего правительства.

Здѣсь почиваютъ мощи Св. Дмитрія, но большаго къ нимъ усердія со стороны прихожанъ не видно,—не тѣсняются къ нимъ поклонники, какъ къ св. мощамъ, почивающимъ въ храмахъ нашего отечества. Большаго усердія къ вѣрѣ здѣсь вообще не замѣтно, если же оно и проявляется въ нѣкоторой степени, то только въ среднемъ сословіи; что же касается до низшаго и высшаго, то первое по совершенному невѣжеству, второе будучи чуждо высокому просвѣщенію души и сердца,—равно холодно къ вѣрѣ. Причинъ бѣдности здѣшнихъ церквей и монастырей подлежитъ искать въ злоупотребленіи власти духовными лицами. Митрополиты, настоятели здѣшнихъ мона-

два конгресса: въ 1772 году, который имѣлъ результатомъ возобновленіе военныхъ дѣйствій между Румянцевымъ и Турками, окончившихся Куйчукъ-Кайнарджискимъ миромъ, и въ 1812 году, по которому отошла къ Россіи треть Молдавіи, а именно Бессарабія съ Хотинномъ, Бендерами, Измаиломъ и Килией....

стырей и церквей привыкли считать имъ вручаемые—епархію, монастырь или церковь какъ бы арендной статьей, изъ доходовъ съ которой извѣстную часть они обязаны подносить ежегодно тѣмъ, кто надъ ними начальствуетъ, а затѣмъ остальное употребляютъ на жизнь въ свое удовольствіе и на составленіе запасца про черный день. Нѣкогда населеніе здѣшнихъ монастырей отличалось значительностью и богатствомъ: они владѣли всевозможными угодьями—лѣсами, рѣками, рыболовными озерами. Каждый воевода считалъ долгомъ ознаменовать свое правленіе постройкою церквей, монастырей, обогащая свое созданіе во все время своего правленія, въ намѣреніи видѣть на своей сторонѣ духовенство, всегда имѣвшее сильный голосъ въ народѣ. Богатые владѣльцы, умирая, также никогда не забывали монастырей въ своихъ духовныхъ.

Однако, несмотря на все эти средства обогащенія монастырей и церквей, они не отличаются богатствомъ.

Въ Букарестѣ митрополія составляетъ особый кварталъ на холмѣ, господствующемъ надъ городомъ и обнесенномъ большою каменною стѣной, представляя такимъ образомъ нѣчто вродѣ оборонительнаго замка, что дало возможность Саввѣ Коминару, одному изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ Гэтеріи, имѣвшему порученіе охранять спокойствіе столицы, съ Албанцами, когда гэтеристы раздѣлились на два стана, одинъ—подъ знаменемъ народного возстанія Владиміреско, другой—Ипсиланти, образовать третій станъ, въ стѣнахъ митрополіи, объявивъ себя на сторонѣ законнаго Господаря, и выступить съ своими Албанцами только при приближеніи Турокъ, въ силахъ несравненно превосходившихъ.

На холмѣ, который служитъ основаніемъ митрополіи, ведетъ къ воротамъ монастыря широкая дорога, посреди двухъ тѣнистыхъ бульваровъ, прекрасно содержанныхъ. На лѣвомъ бульварѣ видимъ простой каменный крестъ, на небольшомъ пьедесталѣ, обнесенный четырьмя небольшими тумбами, соединенными цѣпями. На крестѣ надпись до того съѣденная временемъ, благодаря мягкости камня, что ее почти невозможно разобрать. Памятникъ вдвойнѣ намъ любезный: онъ поставленъ графомъ Милорадовичемъ въ память офицеровъ его отряда, убитыхъ при разбитіи турокъ, шедшихъ изъ Журжи для внезапнаго овладѣнія Букарестомъ, въ 1807 году*). Днемъ бульвары митрополіи обыкновенно пустыни, хотя съ нихъ открывается столь же прекрасный видъ на весь Букарестъ, какъ съ Кремля на Замоскворѣчье. Но едва стемнѣетъ, подъ его линіи стекается множество мужчинъ и женщинъ, гуляющихъ при слабомъ мерцаніи нѣсколькихъ фонарей, освѣщающихъ подвижныя лавочки торговцевъ фруктами, сластями и горячими напитками. Нечего и говорить, что гуляющіе собираются сюда каждый вечеръ подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ душнаго дня, здѣсь же происходитъ множество завязокъ, часто даже и развязокъ, любовныхъ интригъ. Впрочемъ бульвары митрополіи—мѣсто интригъ своего только околотка, а отнюдь не всего Бу-

*) Въ самомъ монастырѣ похороненъ гвардейскій офицеръ графъ Самойловъ.

пареста. Здѣсь каждая часть города имѣетъ свой уголокъ этого назначенія, свои частныя *биржи* любви, должность которыхъ съ успѣхомъ исполняется *градинами*, т.-е. садами, существующими едва ли не на каждой улицѣ и снабженными всѣми удобствами, болѣе или менѣе комфортабельными, смотря по тому, для какого класса народа онѣ предназначены. Самыя ординарныя снабжены качелями, шарманками, харчевнею вроде кабака, съ продажей крѣпкихъ напитковъ и непременно сластей, маленькими столиками и скамейками, частію вблизи отъ самаго зданія, частію въ тѣнистой рошѣ, или аллеѣ подъ сѣнію акацій, развѣсистой бузины, сирени и жасминовъ. Градины становятся лучше по мѣрѣ приближенія къ центру города, а начинаются онѣ едва ли не отъ самой заставы. Внутри города есть градины, куда собирается даже высшее общество. Тамъ много комфорта и *удобствъ*; гремитъ нѣсколько оркестровъ; каждое воскресенье иллюминація, часто фейерверкъ, какое-нибудь необыкновенное представленіе подъ открытымъ небомъ; за входъ въ садъ по два цванцигера; народу бываетъ биткомъ набито; во всемъ саду нѣтъ ни одной пустой аллеи; тутъ интрижки завязываются повсюду, а кончаются всего чаще внѣ сада..... Таковы градины *Кукай*, градина *Варенбергъ* (лучшая и самая модная въ городѣ) и другія. Въ градинѣ Варенбергъ мы болѣе всего правились ужинъ въ одной изъ липовыхъ аллей, подъ деревьями, освѣщенными китайскими фонарями, въ альковѣ, оббитомъ виномъ, кисти котораго висятъ у васъ надъ головой; ужинъ за большими длинными столами, освѣщенными и со вкусомъ убранными цвѣтами, корзинами плодовъ и серебряными чашами, съ замороженнымъ шампанскимъ. Около полуночи садимся обыкновенно за этотъ ужинъ съ толпою друзей; кипитъ живая бесѣда, разогрѣтая ледяными пѣсками Ан. Хотя мы никогда не сажали съ собою ужинать женщинъ, за то вволю любовались смуглыми личиками нашихъ *vis-à-vis* и сосѣдокъ, которыя дружно чокались бокалами съ нашими офицерами и статскими франтами. Рѣчь лилась потокомъ, на различныхъ языкахъ, громъ музыки заглушалъ страстные фразы. Здѣсь бываетъ общее одушевленіе; даже наши старики-генералы какъ будто наливаются въ этомъ саду свѣжею, молодою кровью; пройдя завѣтныя *семь рѣкъ*, послѣ границъ отечества, находятъ здѣсь новую сильную жизнь, вдвойнѣ имъ любезную по воспоминаніямъ ихъ юности, и вмѣстѣ съ нами кружатся въ этомъ чарующемъ вихрѣ, способномъ закружить до самозабвенія и не слабую голову.

Но всѣ вообще градины въ дѣлѣ любви и волокитства стоятъ на второмъ планѣ; *биржа любви* высшего букарестскаго круга не въ градинахъ, а въ Херестреу—на шоссе, у сада, устроеннаго по распоряженію графа Киселева, за городомъ, при окончаніи Поду-Могушой. Сюда-то каждый вечеръ, едва начнетъ садиться солнце и станетъ быстро наступать животворная прохлада, послѣ знойнаго дня, большинство букарестскаго населенія ѣдетъ кататься.

Окончаніе длинной улицы, площадка у сада съ фонтаномъ по срединѣ,

широкое шоссе на значительное протяженіе—все бываетъ запряжено экипажами, всевозможныхъ фасоновъ и рисунковъ, начиная отъ обыкновеннаго извозничьяго фіакра до великолѣнныхъ англійскихъ ландо.

Полулежа, катая роскошныя куконы, одѣтыя по послѣдней парижской картинкѣ, нѣжныя, изящныя, каждая съ другомъ дома, вѣришь—съ любовникомъ, выставивъ на-показъ щегольски обутую ножку, привѣтливо кивая своимъ мужьямъ, которые проносятся мимо ихъ въ свою очередь съ подругами сердца. Большинство экипажей останавливаются у сада и такимъ образомъ образуютъ сплошную массу экипажей; дамы, мужчины, болтая, передаютъ другъ другу новости, замѣчанія; острять, хохочутъ, любезничаютъ; къ нимъ подходятъ гуляющіе по саду; подносятъ знакомымъ мороженое и воду; одни выходятъ изъ экипажей, другіе садятся и мчатся дальше по шоссе; пныя пары доѣзжаютъ до небольшихъ домиковъ (но это обыкновенно въ сумерки), нарочито устроенныхъ уютно и комфортабельно.....

Пронесаясь разъ, другой по всему протяженію катанья, пощеголявъ кровными англійскими лошадьми, выписными экипажами, богатою ливреей, то англійскою, то русскою упряжью, и въ послѣднемъ случаѣ кучеромъ съ *бородою лопатой*, то крошечнымъ грумомъ на козлахъ, то двумя арнаутами на запяткахъ экипажа, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, фесонеллахъ и курткахъ, зашитыхъ золотомъ, съ нестрашными уже ни для кого длинными пистолетами за поясомъ и чаще всего неизмѣримымъ чубукомъ своего господина въ рукахъ, букарестскіе львы и львицы ѣдутъ отсюда или въ градины, на гулянье, или въ театръ, а рѣдкіе домой; многіе отправляются прямо за карточные столы. Дорогою дамы останавливаются у лучшихъ кондитерскихъ Поду-Могушой, ихъ—кавалеры-серванты выносятъ имъ мороженое и конфеты и тутъ продолжаютъ болтовню и любезничанье. При разѣздѣ съ гулянья мимо кондитерскихъ трудно проѣхать; вся улица бываетъ запряжена экипажами; полиція не смѣетъ вмѣшаться въ дѣло....

Щегольствомъ, роскошью, легкостью нравовъ едва ли Букарестъ не перещеголялъ другіе европейскіе города. И наши старики-кампанейцы 829 года, и наши товарищи, здѣсь стоявшіе послѣ Іюньской революціи 1848 года—все въ одинъ голосъ говорятъ, что благосклоннѣе здѣшнихъ женщинъ и желать не надо, что равнодушнѣе здѣшнихъ мужей трудно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ, наконецъ что стрѣлы амора здѣсь самыя дѣйствительныя—съ золотымъ коньцомъ! За то какихъ здѣсь не бывало исторій, какихъ не рассказывается анекдотовъ о любовныхъ похищеніяхъ нашихъ офицеровъ, изъ которыхъ чуть ли не каждый, отъ старшаго до младшаго, успѣлъ себѣ составить интимную связь. Одинъ изъ такихъ разсказовъ особенное обращалъ вниманіе нѣсколько дней назадъ. Называли имена дѣйствующихъ лицъ, но я не повторяю ихъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ блестящихъ молодыхъ людей (не смѣйте, господа, бываютъ и въ арміи блестящіе молодые люди!) получилъ квартиру въ домѣ бояра Н. Обаятельная красота молодой хозяйки нашего офицера вскорѣ вскружила ему голову. Поведя правильную атаку

противъ прекрасной *крѣпости*, юноша скоро увидѣлъ, что нѣжная *крѣпость* готова сдаться на капитуляцію не иначе, какъ за пятьсотъ червонцевъ! Оскорбленная гордость влюбленнаго юноши требовала мести. Имѣя денегъ довольно, онъ все-таки отправился къ своему хозяину и занялъ у него 500 червонцевъ. Дѣло было слажено въ тотъ же вечеръ и на утро нашъ герой торжествовалъ побѣду: любви и мести. Послѣ двухъ-трехъ недѣль упоенія любви офицеръ замѣтилъ, что прекрасною его *крѣпостью* готовъ тѣмъ же путемъ овладѣть другой непріятель. Нашъ ловеласъ поспѣшилъ выѣхать на время изъ Бухареста и, разумѣется, пришелъ проститься съ любезными хозяевами; откланиваясь мужу въ присутствіи жены, онъ долгомъ счелъ поблагодарить хозяина за одолженіе его деньгами въ минуту необходимости.

— Такая бездѣлица, стоитъ ли объ ней вспоминать!—говорилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, для меня эти деньги были въ свое время не бездѣлица; очень радъ, что я могъ возвратить ихъ вамъ до моего отъѣзда.

Хозяинъ молчалъ, сдѣлавъ большіе глаза.

Нашъ офицеръ будто понялъ его вопросительный взглядъ и поторопился докончить свою рѣчь:

— Я передалъ деньги вашей супругѣ для передачи вамъ,—я принесъ ихъ, васъ не было дома.

Хозяинъ свой вопросительный взоръ перевелъ на жену.

— Да, другъ мой, я получила деньги, забыла тебѣ сказать.

Хозяинъ еще промывчалъ что-то вродѣ благодарности; но юноша крѣпко пожалъ ему руку и, въ душѣ умирая со смѣха, смѣло встрѣтилъ пламенный взглядъ милой хозяйки, выражавшей: „вотъ надуль-то!....“

Это одинъ изъ тысячи одного несказочнаго повѣствованія валахской Шехеразады. Не было дня, чтобы здѣсь не произошло чего скандально-интереснаго, чему трудно было бы повѣрить, рассказывайся это въ другомъ краю; но здѣсь всему можно повѣрить, хотя нынѣ Молдаванки съ нашими офицерами стали обходиться гораздо осторожнѣе, даже нѣсколько холоднѣе прежняго.

Виною ли этому общее направленіе умовъ, весьма, кажется, къ намъ нерасположенныхъ, или разочарованіе прекраснаго пола въ нашей братіи, не знаю, но только къ нашимъ товарищамъ, здѣсь квартировавшимъ въ 848 году, валахскія женщины были благосклоннѣе. Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы съ того времени правы туземцевъ сдѣлались строже,—ничуть не было. Посмотрите, хоть для примѣра, на здѣшнихъ дамъ въ церкви, посмотрите, какъ онѣ одѣты: большинство *décolté*, расфранчены въ *пукъ*, съ бархатными молитвенниками въ рукахъ, перебирая драгоценныя четки, по преимуществу сидя на своемъ собственномъ креслѣ, поставленномъ на покрывомъ ковровъ мѣстѣ, разъ навсегда ими откупленнымъ у церкви. Повидимому, онѣ молятся очень усердно, но въ этой молитвѣ больше проглядываетъ кокетства, чѣмъ душевной въ ней потребности.

Всѣмъ извѣстно, впрочемъ, что въ послѣднее время правы Валаховъ сдѣлались слишкомъ свободными. Конечно, этому виною общее сближеніе выс-

шаго сословія съ Парижемъ, куда большинство бояръ съ цѣлыми семействами ѣздятъ проживать доходы своихъ многочисленныхъ деревень. Забавнѣ всего, что нѣкоторые валахскіе писатели не стыдятся во всеуслышаніе проповѣдывать, будто бы причиною растлѣнію нравовъ въ Валахіи не кто иной, какъ мы—Русскіе!...

А почему мы?—или не умѣютъ доказать, или доказываютъ софизмами; смѣшно, право слушать: мы воображали, что имѣемъ право называться благодѣтелями спасеннаго и возстановленнаго нами края, а между тѣмъ вдругъ мы же стали виною внутренней вражды этого народа другъ къ другу, борьбы партій въ этомъ краю, ихъ злобы другъ противъ друга, мы же виною корыстолюбія Валаховъ, ихъ страсти къ взяткамъ, ихъ двуличности, расточительности въ общественной жизни и сальности жизни домашней! Нынѣ такое время—насъ во всемъ хотятъ обвинить.

Еслибъ наши обвинители пристальнѣ всмотрѣлись въ дѣло, они не обвинили бы насъ въ порокахъ Валаховъ, а обвинили бы историческую жизнь этой страны, обвинили бы ея правительство, которое доселѣ не потрудилося устроить достаточнаго числа школъ для просвѣщенія массы народа, —школъ, которыя стремились бы создать изъ своихъ питомцевъ людей годныхъ для общественной жизни; правительство, которое доселѣ не потрудилося образовывать порядочнаго духовенства, которое здѣсь невѣжественно и не подумало чрезъ это духовенство провести религію въ сердца здѣшняго народа, высшій классъ котораго проникнутъ скептицизмомъ, средній склоняется къ исповѣданію тѣхъ же идей, а низшій въ полудикомъ состояніи; обвинили бы правительство, которое никакого доселѣ не обратило вниманія на здѣшнихъ женщинъ и не дало никакихъ средствъ къ ихъ образованію, и потому онѣ нисколько не соответствуютъ своему высокому призванію относительно первоначальнаго воспитанія молодыхъ поколѣній въ духѣ вѣры, чести, правды и любви къ отечеству. Большинство здѣшнихъ женщинъ,—говорю про высшій и средній кругъ,—и думать забыло о дѣтяхъ: они вырастаютъ и развиваются безъ надзора, безъ присмотра за ними сочувственнаго имъ сердца, ничѣмъ не закрыты отъ бурь житейскаго моря, и потому половина ихъ вырастаетъ нравственными уродами. Здѣсь стараются только придать наружный блескъ ребенку, а что сердце его остается черство, что душа его холодѣетъ со всякимъ годомъ и грудь со всякимъ днемъ покрывается грубою корою, сквозь которую впослѣдствіи уже не пробиться человѣческимъ чувствамъ, родители и вниманія не обращаютъ на это. Былъ бы ребенокъ въ отечествѣ такъ приготовленъ, чтобъ быть способнымъ продолжать образованіе за границею вообще, въ Парижѣ въ особенности—вотъ конечная цѣль стремленія и усилій отцовъ семействъ!.... Но, Богъ съ ними, пусть обвиняютъ насъ во всемъ: это—благодарность своего рода.

Если не ѣдемъ куда-нибудь въ *градину*, то отправляемся ужинать въ *Отель де Франсъ*. Тамъ всегда встрѣчаемъ свое лучшее общество, отборную

молодежь нашей главной квартиры, коротающую время за широкими рюмкообразными бокалами замороженного Кликко.

Когда хотимъ вслушаться въ толки Молдаванъ о современныхъ вопросахъ, ѣдемъ въ *Hôtel l'Europe*, къ Бреннеру; тамъ послѣ театра и градинъ всегда собирается большое общество: одни въ особой комнатѣ играютъ въ банкъ, причемъ больше всѣхъ спускаютъ денегъ наши офицеры; *dru-gie à la guerre* толпою играютъ на биллиардѣ, по полумнериалу въ лузу; здѣсь ѣдятъ, пьютъ, читаютъ. А мы обыкновенно, прочтя заранѣе все новенькое въ газетахъ, тутъ только слушаемъ толки, понюхавъ отличный *drachant*, бѣлое молдавское вино, только здѣсь у Бреннера продаваемое въ дѣвственной его чистотѣ и неприкосновенности. Чего тутъ не наслушаешься: и лжи обидной и смѣшной, и правды всегда пріятной, хотя подчасъ и очень горькой. Въ настоящее время только и толковъ словесныхъ и письменныхъ, что о причинахъ нашего вступленія въ княжества и могущихъ произойти отъ того послѣдствіяхъ. Европа не вѣритъ нашимъ официальнымъ объявленіямъ и всѣмъ нашимъ увѣреніямъ: занятіе княжествъ ее испугало. Она боится честолюбія Россіи. Она боится паденія Турціи и созданія на ея развалинахъ если не русской провинціи, то новыхъ государствъ, всѣмъ обязанныхъ Россіи и потому всегда готовыхъ быть дѣйствительными ей помощниками при осуществленіи ея замысловъ.

Сентябрь (новаго стиля) уже на дворѣ, а мы бездѣйствуемъ, наслаждаемся въ нашей новой Капуѣ; пьемъ замороженное кликко; ухаживаемъ за куконами... а между тѣмъ въ Вѣнѣ идутъ переговоры и всѣ умы заняты вопросомъ: какой пеходъ будетъ этой конференціи? Вначалѣ переговоры быстро пошли было на ладъ: въ Вѣнѣ стѣхались дипломаты и составили проектъ мирнаго окончанія дѣла; сообщивъ написали ноту и предложили нашему правительству принять ее. Оно согласилось, и тогда ноту послали на утвержденіе Турціи; но Порты не приняла ноты, какъ говорятъ, по настоянію лорда Страфорда-Редклифа, ненавидящаго Россію, и предложила значительныя въ ней измѣненія. Мысль, что таковое несогласіе Турціи на принятіе вѣнской ноты не что иное, какъ пропускъ Англіи, заслуживаетъ особаго вниманія. Возможно ли допустить въ турецкомъ кабинетѣ такую рѣшимость, чтобъ онъ самъ по себѣ не принялъ предложенія, сдѣланнаго ему какъ первенствующимъ европейскими державами, такъ и тѣмъ, чей мечъ занесенъ уже надъ его головою?

Насъ рѣшительно возмущаетъ это событіе! Неужели мы равнодушно перенесемъ такой ударъ и все еще будемъ стараться рѣшить восточный вопросъ дипломатическимъ путемъ?! Неужели и на этотъ разъ политика, требуя умѣренности, не допуститъ насъ съ опущенными штыками устремиться на нашихъ оскорбителей и разметать ихъ?

Правда, даже досадно читать крики европейскихъ газетъ, вообразившихъ, что Россія тотчасъ униженно приняла всѣ измѣненія, сдѣланныя Турціею въ вѣнской нотѣ, и считающихъ затѣмъ восточный вопросъ рѣшеннымъ.

а Россію съ ея требованіями отодвинутою на задній планъ. Да и какъ же можно оставаться равнодушнымъ, когда встрѣчаемъ, напримѣръ, такіе отзывы объ этомъ дѣлѣ въ органахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, правда изъ самыхъ сумасбродныхъ: „Дѣйствительно,—говоритъ Journal de Constantinople *), по поводу дошедшаго до ней слуха о принятіи Россіей вѣнской ноты съ турецкими въ ней измѣненіями,—война ужасное дѣло; но какъ бы оно ужасно ни было, народъ, понимающій свои интересы, скорѣе долженъ взяться за мечъ, чѣмъ безчестно склонить голову передъ противникомъ. Турція съ честью кончила свое дѣло, защищая свои права такъ энергично, что заслужила одобреніе и участіе Европы. Трудно найти въ турецкой исторіи дипломатическую побѣду подобную настоящей. Россія уступила и, надо ли прибавлять въ данномъ случаѣ, Турція дала только то, что ей было угодно дать! Россія уступила! Не заключается ли въ этихъ словахъ самой высокой хвалы для турецкой націи? Въ разсматриваемомъ вопросѣ Турція принадлежитъ послѣднее слово, съ которымъ согласились четыре державы и сама Россія! Мы не знаемъ, что могло бы для Турціи быть славнѣе этого факта!“

О, Господи! неужели же это правда? Неужели и впрямь Турція будетъ принадлежать *послѣднее слово* въ рѣшеніи этого такъ-называемаго „восточнаго вопроса?“ О, тѣнь Суворова! Неужели мы, такимъ, казалось, рѣшительнымъ тономъ потребовавъ исполненія нашихъ предложеній, вдругъ отъ нихъ отступимся и тѣмъ докажемъ и свою слабость, и свою опрометчивость!... **)

На дняхъ вопросъ этотъ долженъ рѣшиться.

Газеты съ каждою почтой получаютъ для насъ все большій интересъ и мы пробѣгаемъ ихъ столбцы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ...

Съ нѣкотораго времени я сталъ наблюдать уличную букарестскую жизнь, сдѣлавшись вполне фланеромъ. Каждый день раннимъ утромъ отправляюсь на базаръ любоваться коллекціею живыхъ картинъ фламандской школы. Базарная площадь, при началѣ улицы Поду-Великъ, чрезвычайно бываетъ оживлена часовъ до 9-ти утра, сюда жители окрестныхъ деревень и предмѣстій ежедневно стекаются продавать свои сельскія произведенія. И у насъ бываютъ базары, но эти несравненно живописнѣе и занимательнѣе, удивляя непривычный взоръ пестротою костюмовъ мужчинъ и женщинъ, ихъ типическими лицами, необыкновенностію продаваемыхъ ими продуктовъ. Какъ хорошъ, напримѣръ, этотъ мускулистый Валахъ, съ коромысломъ на плечѣ, въ стеганой полосатой курткѣ, съ открытою, смуглою и мохнатою грудью, большими усами, въ бараньей шапкѣ, изъ-подъ которой падаютъ до плечъ густые,

*) Echo de l'Orient. 1853, № 469.

**) Между тѣмъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ генералъ Клапка въ своемъ сочиненіи „La guerre d'Orient“ 1855,—силы, съ которыми русскіе перешли Прутъ, простираясь до 70.000 человекъ, были слишкомъ недостаточны для атаки Турціи, а также слишкомъ слабы, чтобы защищать съ успѣхомъ занятія области. Притомъ князь Горчаковъ, полагавшій повидному невозможнымъ для Турокъ атаковать русскія войска, съ величайшею безпечною растянулъ свои войска по всей Валахіи отъ Калафата до Галаца, не сосредоточивъ ни на одномъ пунктѣ значительныхъ силъ и съ полной самоувѣренностію избравъ Букарестъ своей главной квартирой.

черные локоны! У Валаха на коромыслѣ виноградъ нѣсколькихъ сортовъ, онъ обвѣшанъ роскошными гроздями, онъ гнется подъ ихъ тяжестью, а все-таки бѣжитъ съ произвольнымъ крикомъ: *стругури, стругури-и-и!*... Тамъ груды золотыхъ баклажановъ и помидоровъ; тутъ горы арбузовъ; груши, которыя, кажется, прежде растаютъ, чѣмъ вы ихъ коснетесь; кучи превосходныхъ сливъ-венгерокъ. Тутъ черноглазая Валашка заглушаетъ всѣхъ звонкимъ крикомъ: „*латте дульчи*“—въ огромныхъ, жестяныхъ кувшинахъ она катитъ предъ собой на маленькой тележкѣ свѣжее молоко. И кого тутъ нѣтъ, и чего тутъ нѣтъ? Все продается—кромѣ хлѣба. Не говорю про черный,—во всей Валахіи его не бываетъ въ продажѣ,—но здѣсь не продаютъ даже и бѣлаго хлѣба. Онъ прибрѣтается обыкновенно, на развѣтѣ, у самыхъ пекарень, гдѣ каждый разъ можно видѣть, при продажѣ хлѣба, самую оживленную сцену, гдѣ частехонько между рьяными покупателями булокъ дѣло доходитъ до генеральныхъ сраженій, въ которыя изрѣдка вмѣшиваются равнодушные служители полиціи, въ такомъ случаѣ начинающіе, обыкновенно, своимъ властительнымъ жезломъ хлестать направо и налѣво—и правого и виноватаго—для восстановленія тишины и порядка. Но возвратимся на базаръ. Въ одномъ углу женщины въ городскихъ и деревенскихъ костюмахъ стоятъ группою, держа въ рукахъ большія кисти, насаженные на длинныя палки: это—бѣлильщицы ждуть работы; въ другомъ углу стоитъ такая же группа косарей, сверкая косами, надѣтыми торчмя на косовище; тутъ сидятъ женщины и дѣвушки съ корзинами, полными букетами цвѣтовъ.—Ни одной покупательницы не увидите возвращающейся съ базара, которая не запаслась бы хорошенькимъ букетомъ,—значитъ, въ здѣшнихъ женщинахъ развито эстетическое чувство!

Рядомъ съ цвѣточницами сидитъ семья Цыганъ—кузнецовъ, съ торбами инструментовъ на плечахъ, ожидая работы, помѣстившись вокругъ маленькой наковальни, которую потащутъ съ собою туда, куда ихъ позовутъ на работу. Тутъ же продается неизбѣжный *дульчець*, за походнымъ прилавкомъ, уставленнымъ банками со сладостями, большими ставанами, графинами и стеклянными кувшинами съ водою. Вотъ подходитъ къ прилавку мужикъ съ возгласомъ: *дульчець!*—и протягиваетъ руку къ стакану съ водою, въ то же время бросая на прилавокъ крейцеръ (коп. сереб.). Ничего не отвѣчая, съ изумительной быстротою, продавецъ захватываетъ чайною ложечкою шербета или варенья изъ банки и бросаетъ эту порцію съ ложкою въ стаканъ воды, въ тотъ же моментъ обращаясь къ другому потребителю. Мужикъ нѣсколько минутъ наслаждается своимъ дульчецомъ, выпиваетъ до дна стаканъ кристальной воды и идетъ дальше, и толпа лакомящихся не рѣдѣетъ ни на минуту.

Въ княжествахъ чрезвычайно развито употребленіе дульчеца. Приготовленіе сладостей здѣсь доведено до совершенства. Шербеты изъ цвѣтовъ душистой бѣлой акаціи, розы, фіалки и другихъ нѣжныхъ душистыхъ цвѣтовъ и фруктовъ, желе изъ айвы и другихъ плодовъ—необыкновенно хороши.

Къ кому бы вы ни пришли, къ богачу или бѣдному, въ какое бы то ни было время дня, вамъ тотчасъ подадутъ дутьчець и *ана речи*, т.-е. свѣжую воду. Разница будетъ только въ количествѣ и качествѣ подавшаго: у бѣдника угощение ограничится ложечкой незатѣйливаго варенья на блюдечкѣ и стаканомъ чистой воды; у зажиточнаго человѣка принесутъ большой подносъ различныхъ сластей, а вельфдъ за этимъ съ длиннымъ чубукомъ трубку крѣпкаго турецкаго табаку, уже раскуренную, причемъ огонь прикроетъ большую щепотью табаку, такъ что пряди его висятъ со всѣхъ сторонъ черезъ край трубки. Подъ трубку, которая по длиннотѣ черешневаго или жасминаго чубука, всегда съ огромнымъ янтаремъ, касается пола, подставляютъ мѣдный тазикъ, вродѣ блюдечка. Дутьчецы подаютъ и утромъ, едва успѣешь открыть глаза. Нахожу прекрасныя стороны въ этомъ обычаѣ: ложка хорошаго шербета и стаканъ чистой воды освѣжаетъ послѣ сна или похода, подъ налипшимъ южнымъ солнцемъ, но онъ имѣетъ и свою дурную сторону,—у всѣхъ Молдаванокъ черныя зубы; впрочемъ это скорѣе отъ бѣлилъ, которыя онѣ употребляютъ въ значительномъ количествѣ.

Букарестъ ведетъ большую заграничную торговлю преимущественно сырыми произведеніями страны, обмѣнивая ихъ на мануфактурныя издѣлія Европы. Улица *Поду-Могушой*, въ особенности около театра, занята лучшими иностранными магазинами. На *Липсканіи*, впадающей въ Поду-Могушой, лавки и магазины всевозможныхъ товаровъ, но уже второй руки; тутъ же есть нѣсколько лавокъ и магазиновъ, торгующихъ собственно русскими издѣліями. На *Липсканіи* лавка Тюрингера съ разными съѣстными, бакалейными припасами, винами, сахаромъ и чаемъ, въ которой большинство пріѣзжавшихъ въ Букарестъ офицеровъ запасалось необходимыми продуктами для домашней жизни. Тюрингеръ нажилъ отъ насъ большія деньги; сначала онъ бралъ за все дешевле другихъ, потомъ же, когда пріучилъ къ себѣ, особенно квартирмистровъ и казначеевъ, сталъ брать дороже всѣхъ. Надо замѣтить, что каждый должностной офицеръ, по службѣ (особенно квартирмистръ) обязанный часто ѣздить въ городъ, дѣлалъ обыкновенно покупки не только для себя, но и для товарищей: въ деревнѣ достать нечего,—всѣ и просить ѣдущаго въ городъ купить того-сего, да и наипшутъ ему длинный реестръ покупокъ. Денегъ у каждого много, все колоніальное здѣсь дешевле нашего, вотъ каждый и позволяетъ себѣ нѣсколько пороскошничать; такимъ образомъ сюда офицеръ пріѣдетъ на перекладной маленькой каруцѣ, а отсюда уже ѣдетъ съ цѣлымъ грузомъ покупокъ, четверкою, въ крытомъ фургонѣ.

Съ нашимъ приходомъ мѣстные торговцы на все возвысили цѣны. Это даже обидно: мы прибавили собою число потребителей; товары получили быстрый сбытъ, на наличныя деньги, капиталъ—быстрѣйшее обращеніе; такимъ образомъ самъ собою значительно увеличился доходъ торговцевъ, казалось бы достаточно! Такъ нѣтъ, все еще имъ мало: дай, думаетъ каждый изъ нихъ, подниму цѣну своего товара—и русское золото польется рѣкою въ

мой карманъ! И они не ошиблись въ расчетѣ: русское золото дѣйствительно рѣкою лилось въ ихъ карманы...

Особеннаго зданія для лавокъ, вродѣ гостинаго двора, здѣсь нѣтъ, лавки разбросаны по улицамъ, раздѣляясь однако же, по примѣру ремесленниковъ, тутъ же продающихъ свое издѣліе, гдѣ имѣютъ мастерскую, по предметамъ торговли или по ремесламъ. Такъ на одной улицѣ живутъ скорняки, на другой—мѣдники, на третьей—продавцы желѣза и т. д.

На всякой почти улицѣ есть кондитерская, кофейня, трактиръ, харчевня, или что-либо въ этомъ родѣ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, между прочимъ, продаютъ *ракю* и другіе крѣпкіе напитки. Таковыхъ заведеній здѣсь, конечно, должно быть много, потому что трактирная жизнь сильно развита въ массѣ средняго сословія, къ которому надо причислить мѣщанъ и ремесленниковъ. Они проводятъ въ заведеніяхъ все свободное время, затѣиваютъ и обдумываютъ тамъ различныя промышленныя предпріятія и совершаютъ торговые сдѣлки. Населеніе въ Букарестѣ въ 100 т., слѣдовательно не мало должно быть подобныхъ заведеній. Трактиры, куда собирается низшее и среднее торговое сословіе города, а равно мѣщане, ремесленники, называются здѣсь *ханами*; тамъ курятъ, ѣдятъ, пьютъ по преимуществу кофей; играютъ въ штофсъ, бантъ, *vingt et un*, въ кости, билліардъ, часто въ рулетку; читаютъ газеты; обдумываютъ различныя дѣла; судятъ и рядятъ. Обыкновенно въ этихъ *ханахъ* ужасный шумъ, толкотня; въ шапкахъ; половина посѣтителей, не помѣщаясь на узкихъ лавкахъ, идущихъ кругомъ стѣнъ, или на стульяхъ у миниатюрныхъ столиковъ, стоятъ посреди *хана* толпою. И днемъ и вечеромъ *ханы* дурно освѣщены; въ нихъ убійственный запахъ, все гадко, сильно, нечистоплотно, начиная отъ прилавка, отъ конторщика—до предметовъ, подаваемыхъ прислугою. Замѣчательно, что каждый *ханъ* имѣетъ своихъ обычныхъ посѣтителей: тѣхъ или другихъ ремесленниковъ, или торговцевъ тѣмъ или другимъ товаромъ.

Такъ есть ханы, посѣщаемые собственно Греками, Армянами, Жидами, сапожниками, торговцами скотомъ и проч. Конечно заходятъ лица и постороннія обществу этихъ *клубовъ*, но по большей части, по какому-либо дѣлу, къ одному изъ обычныхъ посѣтителей хана.

Почти каждый день провожу по нѣсколькимъ часамъ въ публичной библіотекѣ. Она помѣщается въ небольшихъ комнатахъ плохаго флигеля возобновленнаго зданія князя Ипсиланти. Въ этомъ же зданіи и національный коллегіумъ Св. Саввы, единственное, кажется, учебное заведеніе Валахіи, дающее полное образованіе,—заведеніе, изъ котораго предполагали для усовершенствованія въ наукахъ посылать молодыхъ людей въ лучшіе европейскіе университеты. Нынѣ коллегіумъ распущенъ,—не знаю, по поводу ли каникулъ, или нашего сюда вступленія. Въ обширныхъ залахъ коллегіума нынѣ устроенъ военный госпиталь на значительное число больныхъ.

Изъ темнаго корридорчика, до половины занятаго каменнымъ саркофагомъ, недавно вырытымъ въ Малой Валахіи, близъ Каракалла, и доселѣ

не изслѣдованнымъ археологами, налѣво двери ведутъ въ нѣсколько комнатъ музеума *de tota Цара руминеска*, т.-е. всей Валахской земли, направо—въ публичную библіотеку. Оба эти заведенія въ самомъ жалкомъ положеніи.

Въ музеумѣ, основанномъ въ 835 году, по распоряженію великаго Бана Мих. Гики, есть небольшая коллекція птицъ и звѣрей, почти голыхъ, по милости моли и сырости; минералогическій кабинетъ до того запыленный, что невозможно разсмотрѣть цвѣта минераловъ и металловъ, между которыми я не могъ отыскать того куска самородной платины, который подаренъ музеуму при посѣщеніи его извѣстнымъ Анатоліемъ Демидовымъ; нѣсколько римскихъ и древне-греческихъ монетъ, найденныхъ въ Малой Валахїи; нѣсколько десятковъ гальванопластическихъ слѣпковъ съ разныхъ монетъ и медалей; — вотъ и все, кажется! Да, чиновникъ, водившій насъ по музеуму, старался обратить особенное наше вниманіе на хорошо сохранныхъ въ спирту близнецовъ, родившихся близъ Бузео, сросшихся спинками, и на цыпленка, не знаю, право, гдѣ родившагося, о четырехъ ногахъ...

Какъ бы, казалось, не обратить кому-либо изъ Господарей особеннаго вниманія на устройство музеума! Чего бы имъ стоило жертвовать ежегодно какую-нибудь тысячу червонныхъ, хоть бы и изъ собственныхъ средствъ, если не изъ тѣхъ сотенъ тысячъ червонныхъ, которые они ежегодно наживаютъ, управляя краемъ! Въ какіе-нибудь три-четыре года созданъ бы музеумъ, въ которомъ каждый любознательный человѣкъ могъ бы найти матеріалы для изученія края.

Библіотека тоже въ плохомъ положеніи; она имѣетъ всего около 8.000 томовъ, преимущественно французскихъ сочиненій, частію нѣмецкихъ, латинскихъ, итальянскихъ; въ библіотекѣ нѣсколько русскихъ книгъ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія и первыхъ настоящаго, не стоящихъ никакого вниманія, исключая „И. Г. Р.“ Карамзина, и незначительная часть валахскихъ книгъ. Говорю: „незначительная часть“, — безъ шутокъ, потому что въ составъ этой библіотеки вошли далеко не все сочиненія, написанныя на валахскомъ языкѣ, я и не говорю уже, что во всей библіотекѣ, кромѣ великолѣпнаго изданія Демидова „*Voyage dans la Russie*“ и проч. и одного нѣмецкаго сочиненія, нѣтъ ничего, что относилось бы собственно къ исторіи или къ описанію края, хотя въ европейской литературѣ существуетъ множество сочиненій, имѣющихъ предметомъ Придунайскія княжества. Трудно повѣрить, чтобы въ букарестской библіотекѣ, въ которую на покупку книгъ ежегодно отпускается 200 червонцевъ, не было сочиненія Котальничана: „*Histoire de la Valachie et de la Moldavie*“! Вообще очень мало новыхъ книгъ. Впрочемъ, составленъ писанный каталогъ библіотеки съ алфавитнымъ указателемъ книгъ. Пропускъ въ библіотеку совершается безъ церемоній. Общая зала для чтенія—небольшая комната, съ большимъ столомъ посреди, у котораго стоятъ нѣсколько креселъ. Стѣны обставлены шкапами съ книгами; единственнымъ украшеніемъ комнаты — висѣщая надъ дверью литографія,

изображающая Михаила Храброго въ Калугеренской битвѣ. Библіотекѣ подарили эту литографію ея издатель, творецъ самого оригинала картины, отставной австрійскій капитанъ Валенштейнъ, много лѣтъ тому назадъ здѣсь поселившійся и посвятившій наукамъ и искусствамъ остатокъ своихъ дней, проведя молодость на ратиномъ полѣ.

Выдача книгъ производится безъ затрудненій: я объявилъ желаніе посѣщать бібліотеку, меня записали въ книгу, дали мнѣ каталогъ, я выбралъ — и мнѣ сейчасъ подаль желаемую книгу молодой человѣкъ, единственное существо, состоящее всегда на-лицо въ бібліотекѣ. Во всѣ мои посѣщенія здѣшней бібліотеки, просиживая въ ней иногда съ 9-ти часовъ утра, т.-е. съ часа ея открытія, до 3-хъ вечера, я не видывалъ въ ней посѣтителей. Чему приписать такое равнодушіе общества къ этому полезному учрежденію: скудости ли матеріала, какого можно найти въ ея стѣнахъ, или незначительности числа искателей умственной пищи? Вообще здѣсь отечественная литература и науки не въ большемъ ходу и почетѣ. На валахскомъ языкѣ печатается очень мало книгъ. Въ Букарестѣ всего одна типографія; издаются двѣ - три газеты, занимающіяся почти исключительно перепечатываніемъ извѣстій изъ европейскихъ газетъ; нѣтъ ни одного журнала; очевидно, литературнаго движенія здѣсь нѣтъ никакого.

До революціи 848 года стали было проявляться самостоятельныя дарованія, которыя могли бы составить своему отечеству почетную извѣстность, таковы были: Элліадъ, первый вполне замѣчательный валахскій поэтъ, вмѣшавшійся въ политическіе вопросы, бывшій одною изъ главныхъ причинъ революціи и принужденный бѣжать въ Турцію, гдѣ, кажется, живетъ и доселѣ, на пенсію у турецкаго правительства, — Карлова, баснописецъ Александреско, Боллякъ, Розетти; но всѣ эти дарованія погибли для Валахіи въ революціонную бурю и въ настоящее время возвышаютъ свой голосъ гдѣ-то за границей, въ изгнаніи; наконецъ, Болинтиняно и Арическо. Вотъ единственные имена валахскихъ поэтовъ, которые громко говорили здѣсь языкомъ боговъ. Деспотическая власть Турціи и всеподавлявшая въ Валахіи эпоха влательства надъ нею фанаріотовъ гасили всѣ благородные порывы, всѣ высокія стремленія. Поэзія — свойственный каждому народу элементъ — не могла быть совершенно чуждою и этой странѣ, подъ какимъ тяжкимъ гнетомъ она ни находилась, но она разбрасывала свои живые цвѣты по степямъ и горамъ Придунайскаго края, сроднилась съ его полудикими обитателями и проявилась роскошная и блистательная во множествѣ его разнообразныхъ пѣсенъ. Не зная языка, трудно насладиться ароматомъ этихъ дикихъ цвѣтковъ; но, быть-можетъ, мы найдемъ случай короче познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ въ прекрасномъ и, говорятъ, вѣрномъ переводѣ на французскій языкъ, приготовляемомъ г. Б. Александри въ Парижѣ. Что касается до другихъ отраслей наукъ и литературы, то онѣ разрабатываются валахскими писателями на отечественномъ языкѣ еще менѣе, чѣмъ поэзія. Самый валахскій языкъ, искони пренебрегаемый высшимъ сословіемъ Вала-

хін (а за нимъ отчасти и среднимъ), во времена фанаріотовъ, говорившихъ по-гречески, а впоследствии и до настоящаго времени по-французски,—самый, говорю, валахскій языкъ оставленъ только низшему слою общества, а потому не имѣлъ средствъ совершенствоваться и очищаться. Профессоръ Лауриани взялся было научить *валахское* общество говорить по-*валахски*; ему помогъ другой профессоръ бухарестскаго коллегіума, Максимъ, изданіемъ валахской грамматики. Благодаря ихъ усиліямъ, валахскій языкъ въ настоящее время сталъ, по крайней мѣрѣ, систематически изучаться Валахами, что неминуемо должно имѣть благіе результаты для литературы этого края.

Историческіе труды Флоріани, Аарона и Маioresco по чистотѣ слога, красотѣ изложенія, глубинѣ сужденій и новости въ нихъ выраженныхъ идей, раскрывающихъ предъ Валахами невѣдомый имъ доселѣ міръ изъ собственнаго прошлаго, заслуживаютъ особеннаго вниманія, кромѣ ихъ ученаго значенія, какъ образцы валахской прозы. Эти историки должны имѣть послѣдователей, которые, быть-можетъ, дадутъ валахской литературѣ движеніе, самостоятельность и значеніе въ средѣ европейскихъ литературъ. Приготовительныя, такъ сказать, работы, уже пачаты ею: Аристосъ—переводчикъ Гомера, Пойпаръ, Гики, Маринъ, М. Войнеско, Балачано, наконецъ архимандритъ Діонисій—своими переводами, а Н. Бальзеско беллетристическими трудами старался развить изящный вкусъ публики и пробудить въ ней любовь къ чтенію, къ изученію роднаго слова, облегчить возможность просвѣщенія тѣмъ, кто незнакомъ съ иностранными языками.

Народонаселеніе Валахіи простирается до 2.200.000 душъ, а между тѣмъ для образованія этой массы народа существуютъ только: коллегіумъ Св. Саввы (на 250 воспит.), кадетскій корпусъ, гимназія въ Краіовѣ или нормальное училище на 260 воспит., нормальное училище на 385 воспит., тамъ же центральное училище (88 воспит.), два церковныя училища (203 воспит.) и незначительныя училища по уѣзднымъ городамъ и селамъ. Всѣхъ учащихся въ Валахіи отъ 45 до 50 тысячъ человекъ. Вообще въ Валахіи недостаточно средствъ для просвѣщенія массы общества *) и самыя средства не вполне соотвѣтствуютъ его потребностямъ, а потому большинство валахской молодежи кончаетъ образованіе за границей, незначительная часть—у насъ въ Россіи, преимущественно въ Одессѣ, нѣкоторая—въ Греціи, Германіи, въ Англіи, большинство—во Франціи вообще, въ Парижѣ въ особенности.

8-е августа.—Въ Бухарестѣ.

Одинъ за другимъ исчезли съ домовъ флагъ французскаго и вывѣска англійскаго генеральныхъ консуловъ,—эти чиновники выѣхали изъ княжествъ.

*) Что касается Молдавіи, то въ ней учащихся въ школахъ отъ 3.000 до 3.200 человекъ.

Остались только: гербъ австрійскій, надъ большимъ зданіемъ консульства близъ Поду-Белика, бельгійскій и греческій. Спускъ консульскихъ флаговъ былъ, повидимому, послѣдствіемъ отказа Господаря Стирбея исполнить требованіе Султана относительно немедленнаго выѣзда его изъ княжества и прибытія въ Константинополь.

10 августа.

Рѣшительно во всѣхъ обществахъ, трактирахъ, на всѣхъ почти перекресткахъ только и толку, что о мирѣ. Всѣ говорятъ, что миръ неизбеженъ, что опъ на-дняхъ будетъ подписанъ. Увидимъ.

26 августа.

Нашъ генераль квартируетъ въ роскошномъ домѣ Балачано на Поду-Беликѣ. Комнаты отлично меблированы и богато отдѣланы. Семейство Балачано, повидимому, очень къ намъ расположенное, состоитъ изъ самого г. Балачано, хорошо образованнаго и преданнаго Россіи бояра, старушки-жены его, глубоко огорченной разлукою съ сыномъ, извѣстнымъ валахскимъ писателемъ и публицистомъ, кажется, бѣжавшимъ за границу послѣ революціи, и наконецъ прелестной дочери, дѣвицы, бывшей нѣсколько лѣтъ назадъ звѣздою первой величины на горизонтѣ здѣшняго высшаго общества. Другая дочь г. Балачано, женщина, судя по портрету, поразительной красоты, была замужемъ за г. Рикманомъ, бывшимъ нанимъ генеральнымъ консуломъ въ Валахіи.

Всѣ мы живемъ въ сосѣдствѣ съ генераломъ, у всѣхъ хорошенькія квартиры, разумѣется, кромѣ меня, потому что по своей дикой натурѣ я всегда выбираю себѣ уголь подалѣе гдѣ-нибудь отъ блестящихъ комнатъ, въ которыхъ пришлось бы иногда ходить на цыпочкахъ и оглядываться: куда бросить свой плащъ, шапку, саблю, чтобы не разбить чего, не запачкать. Добрый другъ мой, Дмитрій Александровичъ Торнау, какъ старый солдатъ, раздѣляетъ мой взглядъ, терпѣть не можетъ стѣсняться на своей собственной квартирѣ и потому поселился со мною въ двухъ большихъ комнатахъ нижняго этажа дома никѣмъ не обитаемаго и выходящаго окнами въ садъ. Мы зажили припѣваячи своимъ домкомъ. Вскорѣ къ намъ стали пристраиваться остальные наши товарищи: Мишетичъ, А. Собашинскій и еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ стали насъ уговаривать затѣять общій столъ. Долго думать было нечего: мы сейчасъ же сладили дѣло, стащили въ одну кучу всю походную посуду — у кого что было; кто далъ своего денщика въ повара, кто въ лакея, — общій столъ устроился и наша квартира ожи-вилась. Никогда не забуду этого прекраснаго времени, этихъ гомерическихъ обѣдовъ. Насъ собирается ежедневно человѣкъ 12, потому что не тотъ, такъ другой приведетъ съ собою гостя. При открытыхъ въ садъ окнахъ,

скинувъ сюртуки, мы садимся за большой столъ, уставленный разнокалиберными приборами, большими стеклянными кувшинами бѣлаго и краснаго валахскаго вина, нѣсколькими банками разныхъ дульчецовъ и пирамидами фруктовъ, перемѣшанныхъ съ живыми цвѣтами. Послѣ рюмки джина мы весело принимаемся за обѣдъ, весело проводимъ за нимъ нѣсколько часовъ, еще веселѣе встаемъ изъ-за него и ѣдемъ всѣмъ соборомъ куда-нибудь въ градины или на шоссе, если нѣтъ особенныхъ служебныхъ занятій.

30 августа.

Сегодня большой парадъ на площади у Серендаря, по случаю тезоименитства Августѣйшаго Наслѣдника нашего Престола. Конечно, на парадѣ были всѣ, кто только носить русскій мундиръ въ Букарестѣ, исключая задержанныхъ службою. Всѣ мы, имѣя впереди главнокомандующаго, стояли противъ царскихъ вратъ; валахскіе бояре и главнѣйшіе чиновники стояли шпалерами отъ нашей группы до царскихъ вратъ, по обѣимъ сторонамъ мѣста, на которомъ облачается архіерей. Мѣсто Господаря, покрытое малиновымъ бархатомъ съ такимъ же балдахинномъ и золотымъ одноглавымъ орломъ, устроено на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ нашихъ кафедральныхъ столичныхъ соборахъ устроивается царское мѣсто.—Господаря еще не было. На ступеняхъ мѣста и у самыхъ ступеней на полу лежали круглые коврики съ валахскимъ гербомъ, вродѣ тѣхъ, какіе кладутся подъ ноги архіерею во время шествій при богослуженіи. Валахскій митрополитъ служилъ соборнѣ. Въ служеніи участвовали всѣ наши полковые священники, квартирующие въ Букарестѣ. Нашихъ священниковъ тотчасъ отличашь, даже не обращая вниманія на ихъ форменное облаченіе: во первыхъ, по ихъ, большею частью, русымъ волосамъ; во вторыхъ, потому, что валахское духовенство какъ-то неряшливо одѣто, даже несмотря на присутствіе митрополита. Пріемы валахскихъ священниковъ неловки, движенія угловаты. Храмъ горѣлъ огнями всѣхъ своихъ паникадилъ, лампадъ и свѣчъ. Особенный эффектъ производило множество большихъ серебряныхъ лампъ въ нѣсколько огней каждая, древней филограновой работы, развѣшанныхъ по всему храму, въ два ряда, начиная отъ царскихъ вратъ до входа въ храмъ, съ большимъ паникадиломъ посрединѣ. Но вотъ толпа заколыхалась и раздвинулась: предшествующій городскимъ агою (полицеймейстеромъ) вошелъ Владѣтельный Князь Стирбей.

Движенія его какъ-то торопливы, неловки, какъ будто онъ чувствуетъ, что множество глазъ обращено на него, и какъ будто не знаетъ куда дѣваться. Торопливо онъ идетъ между толпою нашихъ и валахскихъ офицеровъ, давшихъ ему широкую дорогу, между толпою генераловъ, составляющихъ свиту князя Горчакова; не замѣчая никого, какъ видно, конфузясь, пробѣгаетъ къ самымъ царскимъ вратамъ, молится передъ мѣстнымъ образомъ Спасителя, прикладывается къ иконѣ, положенной на аналой передъ мѣстнымъ образомъ, и, не оборачиваясь, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ. Умышленно

ли, растерявшись ли, только Господарь такимъ образомъ очутился впереди всѣхъ, впереди даже князя Горчакова. Въ этотъ моментъ всѣ присутствующіе почувствовали неловкость положенія. Князь Михаилъ Дмитріевичъ сдѣлалъ видъ, будто и не замѣчаетъ происшедшаго, будто и не видитъ ни Стирбея, ни его выходки, обернувшись къ кому-то изъ генераловъ своего штаба и завелъ съ нимъ самый живой разговоръ, между тѣмъ какъ большинство бывшихъ въ церкви, тѣ, кто замѣтилъ настоящій случай, вытянули шеи, уставили глаза, чтобы не просмотрѣть ни одного движенія той или другой стороны, — всѣ Валахи и Русскіе смотрѣли, что называется, въ оба. Минуты двѣ-три прошло въ такомъ положеніи, и вотъ стоявшій на первомъ мѣстѣ между боярами, у самого княжескаго мѣста, почтенный старецъ Филиппеско, великій банъ Валахін, бѣлый какъ дубъ, въ большомъ *комнатъ*, бѣломъ глазетовомъ *халатъ*, съ нашею лентою черезъ плечо и нѣсколькими высшими орденами, медленно подошелъ къ князю Стирбею, дернулъ его за фалду шитаго золотомъ военного полукафтана и указалъ рукою на князя Михаила Дмитріевича. Стирбей или опомнился, или только увидалъ князя Горчакова, бросился къ нему, почти бѣгомъ, протянулъ ему руки, рассыпался въ любезностяхъ и провелъ за руку къ своему господарскому мѣсту. Князь отвѣчалъ Господарю очень привѣтливо, съ обычнымъ своимъ достоинствомъ, и, не смотря на приглашеніе его, не всталъ на одинъ изъ круглыхъ ковриковъ, помннутыхъ мною выше; этотъ коврикъ долго оставался нейтральнымъ между главнокомандующимъ и Господаремъ, но подъ конецъ литургіи Стирбей снова сталъ на него.

При провозглашеніи многолѣтія, также какъ и во всѣхъ случаяхъ литургіи, гдѣ духовенство снимало митры и камилавки, бояре, бывшіе въ старинной одеждѣ, снимали свои *комтаки*. Это головное украшеніе, употребляемое собственно только молдо-валахскимъ дворянствомъ, нынѣ стало выходить изъ употребленія вмѣстѣ съ прежними костюмами; ихъ сохранили доселѣ только нѣсколько десятковъ бояръ, извѣстныхъ наперечетъ во всемъ краѣ. Эти *комтаки* или шапки, удивляющіе насъ теперь своей величиной, вошли въ употребленіе не раньше конца прошедшаго столѣтія и замѣнили прежде употреблявшіеся обыкновенныя шапки. Какой-то путешѣлецъ Валахъ на вопросъ одного изъ насъ: что за смыслъ этихъ гигантскихъ коробковъ, громоздимыхъ на голову боярами, отвѣчалъ, что ихъ носятъ сіяясь прикрыть рога — подарокъ своихъ дражайшихъ половинъ.

На площадкѣ у Серендаря стоялъ парадъ отъ нашихъ и валахскихъ войскъ. Онъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Владѣтельнаго Князя и главнокомандующаго и при громѣ музыки отправился къ приготовленному завтраку. Вечеромъ городъ иллюминировался и гремѣло нѣсколько оркестровъ, а въ Херестреу, на шоссе, была по этому случаю страшная давка.

31 августа.—Букарестъ.

Какъ-то, на-дняхъ, Владѣтельный Князь прислалъ къ намъ своего адъютанта, звать къ себѣ обѣдать. Главный штабъ удостоился уже такой же чести прежде. На этотъ разъ были приглашены: корпусный и нашъ штабы. Мы съ своими генералами поѣхали въ загородный дворецъ—Котро-чени. Господарь принялъ насъ въ большой залѣ; съ каждымъ былъ любезенъ и внимателенъ, какъ радушный хозяинъ, съ каждымъ изъ насъ сказалъ нѣсколько словъ, спрашивалъ: привыкли ли мы къ Букаресту и вознаградили ли насъ Букарестъ хоть сколько-нибудь за то, что мы оставили за Прутомъ? Конечно, на эти фразы мы въ свою очередь старались отвѣчать Князю любезностями, восхваляя природу и людей его маленькаго государства. Но, признаться сказать, положеніе наше, людей не привыкшихъ къ утонченностямъ придворнаго этикета, было довольно-таки странно и натянуто: что и какъ говорить съ этимъ полувладѣтельнымъ, участвующимъ лицомъ въ генеральскихъ эполетахъ, съ бородою и длинными волосами? Неловко тутъ было намъ, простымъ фронтовымъ офицерамъ, когда десятки постороннихъ ушей вслушивались въ каждое наше слово, во всякую фразу, ловили глазами каждое наше движеніе, каждый шагъ. Къ счастью, насъ скоро вывело изъ этого положенія появленіе придворнаго въ блестящемъ костюмѣ,—мы пошли къ столу. Обѣдъ былъ накрытъ на террасѣ, открытой съ двухъ сторонъ; маркизы подняты — весь Букарестъ, какъ на ладони. Нечего и говорить, что изысканность стола, достоинство винъ, богатство сервировки—все было по-царски, каждого изъ насъ взялъ подъ свое покровительство одинъ изъ адъютантовъ Господаря; на приборахъ были положены ярлычки съ фамиліею того изъ насъ, кому надлежало занимать мѣсто. Послѣ обѣда, оконченнаго тостами, мы пошли гулять по саду, гдѣ гремѣлъ княжескій оркестръ, и тотчасъ послѣ кофе разѣхались.

Господарь былъ любезенъ во все время стола. Его бесѣда жива, занимательна, полна высокаго интереса и показываетъ замѣчательную силу мысли. Вообще онъ очень умный и образованный человѣкъ, но, какъ всѣ говорятъ, интриганъ и не забывающій своихъ выгодъ. Словомъ, здѣсь его не любить *).

*) Барбо Стирбей, родной братъ Бибеско, бывшаго предъ нимъ Господаремъ Валахій, былъ назначенъ валахскимъ Господаремъ по взаимному соглашенію державъ-покровительницъ Валахій, т.-е. Россіи и Турціи, на основаніи конвенціи, заключенной ими въ Балта-Иманъ, въ маѣ 1849 года, послѣ 8-мѣсячнаго занятія княжества русскими и турецкими войсками.

Конвенція эта отмишала права княжествъ избирать себѣ господарей.

Назначеніе Стирбея Господаремъ Валахій было противно не одной собственно конституціонной партіи въ Валахіи, но всему ея населенію, вслѣдствіе его дурной репутаціи. „Онъ,—говоритъ С. Палаузовъ („*Румынскія государства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи*. С.-Пбуръ, 1859),—не могъ внести во вѣренное ему княжество никакихъ улучшеній, кромѣ грабежа внутри и лукаваго раболовства предъ покровительствующими державами. Стѣснять Мосненн и продавать Цыганъ было, кажется, его един-

Сегодня мы услышали и прочли, что не сбылись восторженные ожидания турецких журналистов, — Россия отвергла изменения, сдѣланныя Турціею въ вѣнской нотѣ и немедленно признанныя другими договаривающимися державами. Этотъ отказъ сопровождался извѣстнымъ энергическимъ объясненіемъ графа Нессельроде, которое очень не понравилось Европѣ. Послѣ этого, кажется, война неизбежна. Россия и Турція стали къ ней готовиться пуще прежняго, но все-таки намъ кажется страннымъ, что, видя явную невозможность кончить дѣло дипломатическимъ путемъ, почему бы намъ не объявить Турціи войны, вѣдь она все-таки будетъ объявлена не нами, такъ Турціею?

1-го сентября.

Скоро суждено было измѣниться нашей раздольной жизни. „*Не домо братья пировали!*“ Сегодня ночью потребовали къ генералу. Получено предписаніе главнокомандующаго генералу немедленно принять команду надъ отрядомъ, которому приказано собраться завтра утромъ въ село Пересечени: значительная партія Турокъ собирается переправиться на Валахскій берегъ, а можетъ и переправилась уже, — велѣно ее уничтожить. „Сегодня ночью, —

своимъ призваніемъ. Поддержанный Русскимъ Дворомъ во время его избранія, онъ обманулъ Россію, которая думала дать княжеству правителя съ человѣческими стремленіями“.

Въ правленіе Стирбея Валахское правительство отличалось безстыдствомъ и взяточничествомъ. Господарь пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ, назначая на высшія государственныя должности, завѣдомо, вполне недостойныхъ людей.

Всѣ приверженцы старыхъ злоупотребленій: фанариоты, высшіе бояре, исправники — взяточники; высшіе и низшіе чиновники — всѣ совершали самыя незаконныя дѣла. Стирбей болѣе всего заботился объ обогащеніи себя.

„Братъ его, Янко Вибеско, завѣдуя дѣлами духовнаго вѣдомства, сталъ продавать мѣста игуменовъ чуть не съ молотка и обратилъ въ свою пользу большую часть доходовъ съ монастырскихъ земель. Зять его, Плагинскій, пачальникъ полиціи, затѣялъ скандальный процессъ съ своими сосѣдями по имѣнію, проигралъ его во всѣхъ инстанціяхъ, но окончательное рѣшеніе зависѣло отъ Верховнаго Дивана. — Стирбей продиктовалъ и подписалъ рѣшеніе въ пользу своего зятя, обездоливъ тѣмъ семьдесятъ семействъ.“

„Всѣ событія правленія Стирбея имѣютъ тотъ же характеръ“ (Idem).

Во время самаго нахожденія нашего въ княжествахъ, Стирбей, разыскавъ предъ нами въ любезностяхъ, тайно измѣнять намъ.

„Въ сентябрѣ 1853 года, когда западныя державы, готовившіяся къ войнѣ съ Россіей, стремились привлечь Австрію къ своему союзу, Вѣнскій кабинетъ получилъ секретную записку, подписанную четырьмя бывшими Господарями княжествъ: Стирбеемъ, Вибеско, Стурдзой и Григоріемъ Гикой, выдававшими себя за представителей княжествъ, обѣщавъ, при содѣйствіи знатнѣйшихъ бояръ княжествъ, отдать Молдо-Валахію подъ верховную власть Австріи, въ случаѣ если Россія въ предстоявшей борьбѣ будетъ побѣждена“ (Idem). Это предательство было одною изъ причинъ, почему Австрія, послѣ подписанія въ мартѣ 1854 г. договора о союзѣ Турціи съ Англіей и Франціей, выразила готовность вступить въ союзъ съ этими державами, если въ вознагражденіе ей будутъ уступлены оба княжества.

За такое предательство, Австрія, когда заняла Валахію своими войсками, отплатила Стирбею водвореніемъ его на Валахскій престолъ, несмотря на единодушный крикъ негодованія и отчаянія, раздавшійся по всей странѣ при первомъ слухѣ объ этомъ намѣреніи, даже несмотря на протестъ противъ этого назначенія турецкаго главнокомандующаго — Омеръ-паша.

Къ счастью для страны, вскорѣ, а именно 24 іюня 1854 г., кончился семилѣтній срокъ правленія Стирбея, назначенный Лиманскимъ Сенедомъ 1849 г., и Порта не продлила этого срока, а назначила для управленія княжествомъ своего каймакама, впредь до избранія новаго Господаря.

сказалъ мнѣ генераль, — я долженъ быть тамъ, распорядитесь отъѣздомъ: вы и Сабашинскій поѣдете со мною; дежурству оставаться здѣсь. Надо взять почтовыхъ“. Чуть не прыгая отъ радости, я побѣжалъ будить Сабашинскаго. — „Какъ достать почтовыхъ?“ спрашиваемъ разбуженнаго нами хозяина. — Очень просто: ѣхать на почту, заплатить деньги, и вся исторія. — Ёду. — Какъ бы не такъ! „А подорожная у васъ есть?“ встрѣтили меня вопросомъ. — Никакой. Вотъ предписаніе главнокомандующаго. — „Такъ обратитесь къ министру внутреннихъ дѣлъ“. — Помилуйте, ночью! Нельзя ли уладить это дѣло чрезъ посредство менѣе значительнаго лица? — „Невозможно“. — Нечего дѣлать, ёду къ директору департамента внутреннихъ дѣлъ Іоаннидесу; бужу его; объясняю ему дѣло; получаю записку; опять на почту; беру четыре четверки лошадей, запряженныхъ въ маленькія каруцы, и часа за два до свѣта съ такимъ кортежемъ являюсь къ генералу. Еще прошло съ полчаса, пока люди укладывали нашъ походный багажъ, а мы заряжали пистолеты и смазывали сабли, громко мечтая и фантазируя на тему предстоящаго дѣла; наконецъ генераль вышелъ; услылись. „Гайда, пошелъ!“... Ямщики закричали, запрыгали на сѣдлахъ, захлопали бичами, лошади понеслись, какъ вдругъ слышимъ крикъ офицера, скачущаго въ фіакрѣ: „стой, стой! Гдѣ генераль?“ — Въ передовой каруцѣ. — Что угодно, не откажь ли? — „Точно такъ, — отвѣчалъ пріѣхавшій офицеръ, — отказъ, вотъ предписаніе — фальшивая тревога“.

Фу, какая досадная исторія!

12 сентября. — На походѣ.

Эта фальшивая тревога породила между солдатами толки и предсказанія: „не даромъ, говорили, этотъ сборъ, — быть походу“. И дѣйствительно, не прошло трехъ дней, какъ мы уже и выступили. На этотъ разъ генераль Павловъ назначенъ командовать лѣвымъ отрядомъ. состоящимъ нынѣ въ командѣ генераль-лейтенанта графа Нирода.

Итакъ, мы разстались съ Букарестомъ. Вся наша дивизія на походѣ къ Дунаю чрезъ с. Ломутешти, гдѣ доселѣ штабъ-квартира лѣваго отряда. Идемъ. Передъ нами опять разстилается степь, какъ огромная скатерть.

Народонаселеніе подъ Букарестомъ собственно несравненно многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ уголкахъ княжества, — не пройдешь нѣсколькихъ верстъ, не встрѣтя села или деревни. Правда, деревни и села какъ-то мрачны, однообразны и производятъ непріятное впечатлѣніе на путника. Подходишь къ селу — и не встрѣчаютъ тебя за нѣсколько верстъ отъ деревни тщательно обработанныя пашни, посѣвы, огороды, обнесенные живою изгородью, аллеи тутовыхъ деревьевъ, какъ, на примѣръ, у нашихъ колонистовъ, искусственныя насажденія древесныхъ породъ, которыя служили бы доказательствомъ трудолюбія жителей, нѣкоторой степени ихъ развитія и цивилизаціи. Въмѣсто всего этого, далеко еще не доходя деревни, насъ встрѣчаютъ

заброшенные поля, покрыты бурьяномъ и другими сорными травами, достигающими значительной высоты, или приземистымъ кустарникомъ... Все пусто, печально, даже не видно стада, — отсюда ихъ обыкновенно угоняютъ поближе къ рѣчкамъ, гдѣ не вся еще трава бываетъ выжжена солнцемъ. Только и оживляется окрестность, что небольшимъ стадомъ грубошерстныхъ барановъ, куда-то перегоняемыхъ чабаномъ, бредущимъ въ громадной бараньей шапкѣ, въ овчинной одеждѣ, съ клюкою въ рукѣ; нѣсколько большихъ собакъ плетутся за стадомъ, повѣся головы и хвосты, а въ самой срединѣ стада едва вышается надъ овцами осель, навьюченный всѣмъ походнымъ добромъ и съѣстными припасами чабана. Но вотъ и село. Картина села печальнѣе картины самой степи. Небольшіе мазанки, покрыты камышомъ и соломой, тѣнятся къ извилистой дорогѣ беспорядочными группами. Пространство, ихъ раздѣляющее другъ отъ друга, вмѣсто цвѣтовъ и потребныхъ въ крестьянскомъ быту лѣкарственныхъ растений или свойственныхъ краю овощей, густо покрыто будяками и чертополохомъ, пожелтѣлымъ отъ солнца; за мазанкою кое-гдѣ торчатъ небольшіе скирды сѣна, еще меньшіе хлѣба или соломы, изрѣдка камышевый хлѣвъ для скота; изрѣдка деревцо бѣлой акаціи освѣняетъ колодезь, и единственнымъ признакомъ нѣкотораго довольства хозяевъ стоятъ громадные, покрытые соломой и камышомъ, плетневые кошени, наполненные невымоленной кукурузою; даже аистовъ нѣтъ на крышахъ, — аистовъ, приносящихъ въ хату, на которой поселяются, благословеніе Божіе, — аистовъ, своими уродливыми гнѣздами и крикливыми дѣтенышами, такъ оживляющихъ сельскую картину нашей южной Россіи. Утро. Передъ хатами кипитъ скудный обѣдъ въ двухъ-трехъ горшкахъ: клокочетъ вода въ котелкѣ для непобѣдной мамалыги; огромная каруца на гигантскихъ колесахъ стоитъ на обнесенномъ насыпью дворѣ; подлѣ лежатъ безмятежные буйволы, нарочито обфиленные грязью, въ предохраненіе отъ мухъ и оводовъ, приводящихъ ихъ въ опьяненіе, въ бѣшенство; бродятъ свиньи мелкой породы; во множествѣ лежатъ и скитаются грозныя степныя собаки. Такова картина валахской деревни, но не забудемъ—*валахской*: здѣсь еще видны кошени кукурузы, скирдъ-другой пшеницы, сѣно, овцы, свиньи, лошади, буйволы, скоть — видимые признаки нѣкотораго благосостоянія крестьянина; въ деревняхъ же, гдѣ большинство жителей *Цыгане*, вамъ явится другая картина, болѣе жалкая.

13 сентября. — Д. Ломутешти.

Здѣсь два барскіе дома: одинъ—Грека арендатора, другой—начальника валахской милиціи Хереско *). Второй изъ этихъ домовъ, какъ и большая часть домовъ здѣшнихъ помѣщиковъ и арендаторовъ, весьма опрятенъ и при-

*) По органическому регламенту существовали въ Валахіи и Молдавіи милиціи: первая—подъ командою *Спатаря*, вторая—подъ начальствомъ *Гетмана*. Чинъ генерала тамъ вовсе не существуетъ. Нѣтъ ни министровъ, ни министерствъ, а департаменты и статъ-секретаріатъ.

лично отдѣланъ внутри, хотя съ молдавскимъ безвкусіемъ, здѣсь столь часто проявляющимся.

Домъ Грека арендатора въ другомъ родѣ: нѣсколько главныхъ комнатъ отдѣлено будто на-показъ, а самъ хозяинъ съ семьею помѣщается въ грязныхъ конуркахъ, посѣщая парадныя комнаты только по случаю пріѣзда гостей или въ высокаторжественные праздники. Большую часть дня арендаторъ проводитъ въ верхней части высокой вышки, вродѣ голубятни; таковыя вышки устроены въ каждой резиденціи помѣщика для наблюденія за рабочими въ поляхъ и для наслажденія свѣжимъ воздухомъ.

15 сентября.—На походѣ.

Какую оригинальную картину представляютъ собою валахскія кладбища! Не говорю уже, что ихъ обстановка такая же, какъ и большинства нашихъ деревенскихъ кладбищъ,—мерзость запустѣнія! Отсутствіе ограды вокругъ кладбища; безпорядочно разбросанныя могильныя насыпи: ни деревьевъ, ни кустарниковъ! Торчатъ только на могилахъ воткнутые въ нихъ шесты или кресты, большею частію каменные, особой уродливой формы, съ маленькими выдолбленными въ нихъ нишами и съ какими-то каменными же нахлобучками на каждомъ крестѣ,—или просто камень положенъ на могилу. Каменный крестъ ставится Валахомъ на могилу для того, чтобы вампиръ не сосалъ умершаго! Съ тою же цѣлью втыкается въ могилу вѣха или шестъ.

Погребеніе Валаха сопровождается различными обрядами, остатокъ языческихъ обычаевъ. За покойникомъ идутъ плакальщицы, голосація и причитающія: сколько у покойника было дѣтей, сколько какого скота, другого добра, печалуясь: на кого онъ все это оставилъ! Нѣсколько дней сряду послѣ похоронъ ходятъ на могилу покойнаго съ тѣми же причитаціями, поливаютъ могилу виномъ и жгутъ куренія или въ вышеупомянутой нишѣ, сдѣланной въ крестѣ, или въ горшечкѣ, вкапывая его въ могильную насыпь. Потомъ въ той же нишѣ жгутъ восковыя свѣчи или теплютъ лампадку, смотря по средствамъ, иногда весьма продолжительное время, и для этого нишъ въ камнѣ обращается въ фонарь.

16 сентября.—С. Будешти на Аржисѣ.

Что-то будетъ? Приближаемся къ Дунаю. По самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, Турокъ на всемъ протяженіи Дуная и въ Балканахъ 75 т. человекъ. Они все лѣто маневрировали на своемъ берегу Дуная, желая, кромѣ обученія своихъ новобранцевъ, всюду намъ показать присутствіе военной силы. Все лѣто и теперь Турки трудятся надъ укрѣпленіемъ всѣхъ пунктовъ праваго берега, на которыхъ только возможна переправа. Право, мы упустили золотое время!

Мы сейчасъ только сюда пришли съ Камчатскимъ полкомъ и 4-ю лег-

кою батареей. Здѣшніе жители говорятъ, что Турки собираются перейти сюда; они ихъ непритворно боятся и очень рады нашему прибытію.

Село Будешти съ большимъ домомъ, окруженнымъ садомъ, принадлежитъ бояру Янко Мано, занимающему государственную должность Постельника или Статсъ-Секретаря, т.-е. начальника Постельничіи, ведущей сношенія съ иностранными консулами, почему его Валахи, для пущей важности, величаютъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ *). Съ террасы дома превосходный видъ на равнину, законченную на горизонтѣ блѣдно-синей лентой праваго берега Дуная—Турціею; прямо предъ нами по равнинѣ вьется Аржешъ, съ впадающею въ него Дымбовицею; прекрасная панорама справа заканчивается нагорнымъ берегомъ рѣки Аржеса, уступами бѣгущимъ въ даль. Къ одному изъ отроговъ этого берега картинно прилепилось богатое село Радованъ, окружая полуразрушенную, но не упраздненную, церковь и величавые остатки замка одного изъ князей Гика, — замка, сожженного Турками.

Большая часть села Будешти наполнена Цыганами-урсаріями, т.-е. добывающими себѣ пропитаніе водъ медвѣдей. Съ этимъ ремесломъ у Цыганъ соединяется занятіе музыкою. Стоить только пойти по селу мимо жалкихъ цыганскихъ жилищъ, чтобы услышать почти во всѣхъ избахъ пиликанье смычковъ и увидѣть голыхъ ребятишекъ, сидя на заваленкахъ наламывающихъ руку, разыгрывая въ воображеніи музыкальныя пьесы, водъ смычкомъ по нитянымъ струнамъ бревенка, обдѣланнаго въ видѣ скрипки.

Сквозь густую листву садовыхъ аллей виднѣется церковь. Но описывать ли ее? описывать ли ея священнослужителя, ея наружный и внутренній видъ, чинъ въ ней совершающагося Богослуженія?... Между цыганскими избами, нѣсколько возвышавшею надъ ними соломенною кровлею, стоитъ блѣдная церковь, окруженная могильными насыпями, съ крестами, обличающими глубокую древность кладбища. Ни погостъ, ни церковь не имѣютъ ограды.

Церковное зданіе отъ обыкновенныхъ домовъ отличается едва замѣтнымъ, на одномъ углу крыши, небольшимъ крестомъ. Вступимъ въ храмъ. Насъ поражаетъ безпорядокъ, отсутствіе благолѣпія; нѣкоторые образа зачѣмъ-то стоятъ на полу; царскія врата сломаны и нерастворяются священникомъ въ извѣстные моменты богослуженія, а просто—разнимаются: вмѣсто паникадила висятъ остатки разбитой люстры, какъ видно, нѣкогда украшавшей помѣщицки покои... Но это все ничего, пусть бы въ этомъ храмѣ господствовала нищета, — она приличествуетъ дому Божію, духовная красота и величіе котораго не можетъ быть возвышено тлѣннымъ убранствомъ. — а то здѣсь, какъ во внутренней обстановкѣ храма, такъ и въ самой особѣ священника, замѣтно какъ бы отсутствіе должнаго уваженія къ святымъ. Каждый согласится въ этомъ со мною. Когда я скажу, что священникъ со-

*) Палаузовъ, въ выше цитированномъ сочиненіи своемъ (стр. 253), говоритъ: „Ни одинъ изъ чиновниковъ Вибеско не навлекъ на себя столько ненависти и презрѣнія, какъ Янко Мано, а Стербей ввѣрилъ ему Министерство Иностранныхъ Дѣлъ“.

вершалъ богослуженіе босикомъ, не снимая съ головы своей бараньей шапки, въ рубахѣ спущенной поверхъ нижняго платья, — въ ситцевой эпитрахили, — въ какой-то необыкновенно коротенькой полинялой ризѣ, утратившей отъ времени и свой видъ, и свою форму... Продолжать ли разсказъ о самомъ богослуженіи въ этой церкви? Не покажется ли онъ кощунствомъ? Картина подобной церкви и неумѣлаго священнодѣйствія въ ней не удивила бы насъ можетъ-быть въ Турціи, но здѣсь, въ 40 верстахъ отъ постоянного мѣстопробыванія главы мѣстнаго духовенства — бухарестскаго Митрополита, въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ загороднаго дома валахскаго сановника, еженедѣльно сюда пріѣзжающаго, — просто невѣроятно даже...

25 сентября. — С. Колибашъ близъ Журжи.

Не долго мы стояли въ Будешти. Графъ Нпродъ возвратился изъ поѣздки и начальникъ нашей дивизіи отправился къ 1-й бригадѣ, которая собралась у Колибаша. Выбираютъ мѣста становиться на зимовье: будемъ строить землянки на нѣсколькихъ пунктахъ особой важности въ стратегическомъ отношеніи. Пока стоимъ лагеремъ. Погода благоприятствуетъ; здѣсь осень — прекраснѣйшее время года. Въ степяхъ и садахъ цвѣты сверкаютъ необыкновенно яркими красками, потерявъ большую часть листьевъ; другіе, осенніе, только развертываются пышно и красиво. Тепло и не душно. Нѣтъ той жары, которая, бывало, особенно во время похода въ каскѣ, накаляла голову, уничтожала всю энергію, будто сваривала тебя. Небо темно-голубымъ куполомъ, не отбѣненнымъ ни однимъ облачкомъ, опрокинулось надъ нами будто съ тѣмъ, чтобы въ своей полусферѣ спасти насъ отъ бурь и непогодъ и употѣ въми чарами роскошной, южной природы. Кажется, каждая былинка собираетъ силы, чтобы успѣть надышаться свѣжимъ воздухомъ, успѣть нажить свою прекрасную жизнь, которую скоро сокрушитъ Борей. Тучная птица едва отрывается отъ земли, какъ будто ей жаль покинуть свою кормилицу для суровыхъ, воздушныхъ странъ. Какая тишина въ воздухѣ! Деревья сохраняютъ величавое спокойствіе, словно любуются прелестями своей матери-природы. Воздухъ напоенъ какимъ-то особымъ ароматомъ; говорятъ, это — тонкое благовоніе зрѣющаго винограда... Чудное время! Имъ бы пользоваться для битвъ. Въ такіе дни веселѣе драться: больше энергіи, живѣе воображеніе, бодрѣе духъ! Когда морозъ не костенитъ членовъ, зной не накаляетъ головы, грязь не мѣшаетъ движеніямъ, туманъ ихъ не закрываетъ, дождь, проникая до костей, не охлаждаетъ чувствъ, — полнѣе можетъ человѣкъ предаться поэтическому увлеченію битвы. И самая битва, и музыка битвы прекраснѣе въ такую погоду: пуля, барабанъ, ядро, гранатный осколокъ и сигнальная труба издають отчетистый звукъ, не фальшивитъ ни одинъ изъ этихъ инструментовъ; гармоничнѣе ихъ ансамбль; грознѣе воинскій кличъ; торжественнѣе пѣсня, съ которою солдатъ идетъ въ бой, какъ древніе поборники христіанства шли на мучительскіе костры; рѣзче раздаетъ

ся командный голосъ начальника, сердечнымъ словомъ вливающего въ полки новую мощь, новую нравственную крѣпость; отчетливымъ рисуются отряды бьющихся, не скрывается отъ взора наблюдателя ни одного прекраснаго момента боя, является во всей картинности и мужественная стойкость каре выдерживающихъ и отражающихъ ярый натискъ кавалеріи, видна стройная атака конницы и кровавая суматоха рукопашнаго боя; видна математическая точность артиллерійскаго огня, картина разрушенія, имъ производимаго; видна твердость духа упряющихъ и пылъ отваги атакующихъ... И неужели этимъ краснымъ днямъ суждено улетѣть, ознаменовавшись не битвами, а только томленіемъ ожиданія, грустью по милымъ сердцу?...

26 сентября. — С. Добрени.

Принимаемся за постройку землянокъ. Богъ знаетъ, будемъ ли жить въ нихъ зиму, а строимъ ихъ на славу: здѣсь для одного полка; въ Буденшти будутъ строить для другаго.

Землянки располагаются по плану. По двѣ землянки строятъ на каждую роту; особыя для офицеровъ, особую для командира полка, особыя для его штаба, для церкви, для мастерскихъ, для конюшенъ, навѣсы для полфурковъ и зарядныхъ ящиковъ. Въ степи возникаетъ новый городокъ, удобный, изящный. Валахское правительство поставляетъ крупный и прочный лѣсъ, по условію съ нашимъ правительствомъ. Въ каждой землянкѣ двѣ большія русскія печи для хлѣбопеченія; кромѣ этого назначенія онѣ имѣютъ другое—очищать и улучшать воздухъ пріятнымъ запахомъ кислаго хлѣба. Посреди землянки досчатая нары; надъ ними до потолка ружейныя пирамиды; по стѣнамъ—полки для ранцевъ и имущества; чистота, порядокъ, опрятность, какъ въ отлично содержимыхъ казармахъ. Есть кромѣ того землянки для кухни, для цейхгаузовъ; общественныя землянки, безъ наръ посрединѣ, гдѣ можетъ учиться цѣлый баталіонъ; баталіоны будутъ чередоваться и ежедневно могутъ часа полтора, каждый, заниматься ученіемъ свободно и удобно.

Конечно правительству не дешево будутъ стоить такія постройки, но во время войны развѣ жалѣютъ денегъ?—или бы онѣ только на дѣйствительную потребу войны, а не поступали въ карманы любостяжателей. Работа кипитъ, солдаты копошатся, какъ муравьи; городокъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ полуверстѣ отъ деревни ходили смотрѣть полуосѣдлый таборъ такъ-называемыхъ *турецкихъ Цыганъ*. По обѣимъ сторонамъ дороги лѣнятся уродливыя землянки и закоптѣлые отъ дыма, изорванные шатры. Какъ будто таборъ сейчасъ остановился,—такой необыкновенный всюду безпорядокъ. Всѣ въ лохмотьяхъ турецкихъ костюмовъ: женщины въ изорванныхъ шальварахъ, мужчины въ чалмахъ и цвѣтныхъ курткахъ на голомъ тѣлѣ. Крикъ, гвалтъ, дикіе вопли совершенно голыхъ дѣтей, толпами лежащихъ и сидящихъ на

крышахъ и у дверей землянокъ. Тутъ же разбиты палатки. У нѣкоторыхъ палатокъ стоятъ необыкновенно высокія повозки, приспособленныя къ переезду черезъ рѣки со всемъ домоу Цыгана, съ дѣтьми и палаткою.

Съ открытою грудью, едва прикрытыя лохмотьями одежды, съ большими черными глазами, полными вакхическаго огня и страсти, смотрятъ на насъ шестнадцати-лѣтнія смуглянки и медленно протягиваютъ къ намъ до плеча обнаженную руку—за милостынею....

У одной землянки большая толпа вокругъ огня; едва можно протолкаться: крикъ, гамъ, рѣзко звучатъ непонятныя фразы дикаго языка; у огня на корточкахъ сидитъ Цыганъ, противъ него два Молдавана: онъ имъ отливаетъ изъ серебра два обручальныхъ кольца. Остальная толпа, видно, зрители,—имъ на что бы ни поглазѣть, лишь бы убить бесполезное время.

Въ таборѣ всюду слышны брань, ругательства, проклятія, лай собакъ; видна нечистота, беспорядокъ, пестрота восточныхъ костюмовъ, совершенно голыя молоденькія дѣвушки, полуобнаженные мужчины и старухи до того безобразныя, что на нихъ гадко взглянуть.

Турецкіе Цыгане нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ перешли сюда изъ Турціи, считаютъ себя магометанами, наблюдаютъ обрѣзаніе, не ѣдятъ свинины, не соблюдаютъ постовъ, не имѣютъ мұллѣ, не признаютъ брака и живутъ кому съ кѣмъ полюбится.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ самое значительное число Цыганъ въ Турціи, да въ Молдо-Валахіи. Въ Турціи ихъ считается до 200.000, такое же количество полагаютъ ихъ и въ княжествахъ. Откуда и когда именно эти наріи человечества появились въ Европѣ, между учеными существуетъ множество мнѣній. Одни утверждаютъ, что впервые они зашли въ Молдавію изъ Турціи въ 1477 году и уже изъ Молдавіи распространились по Европѣ. Другіе ученые фактически доказываютъ, что въ 1250 году въ Венгріи при Белѣ II уже существовали Цыгане. Нѣкоторые утверждаютъ, что Цыгане—раса индійская, явившаяся на берегахъ Чернаго моря векорѣ послѣ взятія Тамерланомъ, въ 1399 году, города Дели; иные выводятъ Цыганъ изъ Египта, иные изъ Месопотаміи; но изслѣдователи послѣдняго времени пришли къ рѣшительному заключенію, что Цыгане вышли изъ Индіи. Дѣйствительно, обликъ, многіе обычаи, привычки, многія слова ихъ нарѣчія обличаютъ въ нихъ индійское происхожденіе *). Религіозныхъ понятій Цыгане не имѣютъ, усвоивъ въ нѣкоторой степени обряды той религіи, какую исповѣдуетъ народъ, между которымъ они поселились. Такъ

*) По словамъ Палаузова (Idem, стр. 222), венгерскій историкъ Фесслеръ, въ доказательство сродства языка Цыганъ съ языкомъ индійскихъ племенъ, составилъ словарь главнѣйшихъ индійскихъ нарѣчій, сравнительный съ языкомъ Цыганъ, изъ котораго ясно видно, что языкъ цыганскій не только принадлежитъ къ одному корню съ индійскимъ, но имѣетъ самое близкое съ нимъ сходство, также какъ и съ санскритскимъ. Доказательствомъ—множество санскритскихъ словъ, встрѣчающихся въ цыганскомъ языкѣ (напримѣръ потъ по-санскритски—*му*, по-цыгански—*муръ*; голова по-санскритски *сэръ*, по-цыгански *шери* и т. д. Самое названіе Цыгане, которое они носятъ въ Россіи, Турціи, Венгріи, Богеміи, Германіи, происходитъ отъ санскритскаго слова—*Цигари*.

турецкіе Цыгане—магометане; испанскіе по наружности исполняютъ обряды католической вѣры; здѣшніе Цыгане исполняютъ нѣкоторые православные обряды, преимущественно—крещеніе. Цыгане иногда крестятъ дѣтей по десяти и болѣе разъ въ различныхъ мѣстахъ страны, съ цѣлію выманить нѣсколько денегъ у воспріемниковъ; нерѣдко взрослый Цыганъ придетъ съ просьбою обратить его въ христіанство, чтобы чѣмъ-нибудь привлечь на себя вниманіе и заставить васъ тряхнуть кошелькомъ.

Большинство молдо-валахскихъ Цыганъ находится въ рабствѣ у помѣщиковъ, часть ихъ принадлежала правительству и монастырямъ, но освобождена декретами князей Бибеско и Стурдзы въ 844 году, хотя они продолжаютъ платить правительству нѣкоторую дань. Освобожденныхъ Цыганъ $\frac{2}{5}$ всего числа живущихъ въ княжествахъ.

Молдо-валахскіе Цыгане раздѣляются на нѣсколько общинъ или правильнѣе — цеховъ. Довольно правильное раздѣленіе этого народа дѣлаетъ Когальничанъ въ своемъ „Esquisse sur l'histoire, les mœurs et la langue des Cigains“ и проч. (Berlin 1837).

Вотъ раздѣленіе, сдѣланное Когальничаномъ.

Рудары или *Аурары*, имѣющіе исключительное право добыванія золота въ рѣкахъ *) или пескахъ страны; за что, въ видѣ дани, обязаны ежегодно вносить на булавки супругъ Владѣтельнаго Князя $\frac{1}{10}$ часть всякаго ока золота, добытаго ими въ княжествѣ. Въ прежнія времена добыча Цыганъ была такъ велика, что они вносили такимъ образомъ значительное количество золота: такъ, напримѣръ, во времена Кантемира молдавскіе Цыгане вносили въ казну фунтовъ по 12 чистаго золота.

Урсари — вожаки медвѣдей, добываемыхъ ими въ Карпатскихъ горахъ; они платятъ правительству рубля по два серебромъ съ мужской души. Урсари занимаются также коновальскимъ ремесломъ.

Литурари, т.е. дѣлатели ложекъ, занимаются токарною и всякою другою работою деревянныхъ издѣлій, а также выдѣлкою угля; платятъ правительству то же, что и Урсари; племя болѣе другихъ осѣдлое.

Лаеши, преимущественно кузнецы, но часто гребенщики и вообще всѣ, ничѣмъ исключительно не занимающіеся,—самая скитальческая каста; платитъ правительству до 3-хъ руб. серебромъ каждый мужчина.

Въ Будешти до трехсотъ цыганскихъ дворовъ, и каждая изъ помѣстныхъ кастъ группируется отдѣльно, имѣя свою особую улицу. Тамъ много Лаешей, которые промышляютъ, занимаясь рабочими у Молдаванъ копать землю, пасти стада.

Вообще Цыгане лѣнны, а между тѣмъ способны не только къ ремесламъ, но и къ изящнымъ искусствамъ, особенно къ музыкѣ. Большинство Лаешей занимается всякаго рода мошенничествомъ, покражею лошадей и всего, что подъ руку попадется; коновальствомъ, гаданьемъ, сборомъ ми-

*) Золотоносный песокъ встрѣчается въ рѣкахъ Аржисѣ, Олтѣ, Дымбовицѣ.

лостыни, причемъ нерѣдко умышленно уродуютъ себя и дѣтей, для возбужденія жалости въ сострадательныхъ лицахъ. Лаеши—каста преимущественно кочевая. У нихъ избирается *судья* (юде), онъ же начальникъ табора; Цыгане его слушаютъ и боятся; по его приказанію они идутъ таборомъ или останавливаются и изъ его повиновенія никогда не выходятъ. Валахское правительство доселѣ не потрудилося рѣшительною мѣрой прикрѣпить ихъ къ землѣ, а напротивъ они имѣютъ закономъ данное право близъ всѣхъ дорогъ и деревень пасты свои стада, что даетъ имъ возможность кочевать когда и куда имъ вздумается.

Ватраши—осѣдлые Цыгане; изъ нихъ много ремесленниковъ, торговцевъ, даже купцовъ; многіе Ватраши принадлежатъ помѣщикамъ; у валахо-молдавскихъ бояръ они то же, что наши дворовые люди, и въ такомъ же значительномъ числѣ существуютъ у cadaго бояра, какъ у нашихъ старинныхъ баръ, исполняя всѣ домашнія работы: они—кучера, повара, лакеи, домашніе саножники, портные и прочее. Маленькіе и взрослые, мужчины, женщины, дѣвушки—всѣ прислуживаютъ въ домѣ, получая отъ господина пищу и одежду.

Изъ этой преимущественно касты Цыганъ выходятъ отличные музыканты: есть изъ нихъ и такіе, которые составили себѣ европейскую извѣстность, какъ виртуозы и композиторы. У Цыганъ изумительная музыкальная способность: иному Цыгану стобитъ только прослушать самую трудную музыкальную пѣсню и онъ тотчасъ разыграетъ ее. Наиболѣе прославились композиторы изъ молдо-валахскихъ Цыганъ: Сучова, Анжелуца, Варба, изъ венгерскихъ Цыганъ сдѣлался извѣстнымъ Чигари.

Инструментъ самый употребительный у Цыганъ—скрипка, но они очень сильны и въ духовой музыкѣ. Цыганскій оркестръ производитъ восторгъ въ Варенбергѣ,—онъ потрясаетъ душу народными валахскими мотивами.

О типической красотѣ Цыганъ, мужчинъ и женщинъ, нечего и говорить,—она, какъ ихъ нравы и обычаи, извѣстна у насъ, тѣмъ болѣе, что валахскіе Цыгане совершенное подобіе нашихъ. Молоденькія Цыганки, большею частію, хороши собой, и притомъ не въ одной какой мѣстности, а всюду, гдѣ только существуютъ Цыгане. Ихъ нѣжная, какъ бы прозрачная кожа—точно шлифованный ататъ; ихъ большіе, черные глаза, дышащіе огнемъ и нѣгой, вообще составляютъ типъ красоты этого племени.

Ватраши, а также *Споитори*, т.-е. турецкіе Цыгане, принадлежащіе къ классу Лаешей, отличаются отъ нашихъ Цыганъ костюмомъ: первые одѣваются прилично, сообразно своей профессіи, а вторые носятъ турецкіе костюмы.

Цыгане очень терпѣливы и атмосферическія перемѣны переносятъ съ стоическою твердостію, также какъ и другія житейскія невзгоды, бѣдность, нужду, голодъ. Здѣсь они питаются исключительно мамалыгой, впрочемъ пользуются всякимъ случаемъ украсть что-нибудь изъ живности, особенно много крадутъ куръ у Молдаванъ, толпами скитаясь по деревнямъ. Цы-

гане ѣдятъ всякую пададь съ удовольствіемъ, увѣряя, что мясо скотины, убитой Господомъ Богомъ, должно быть гораздо лучше и здоровѣе убитой рукою человѣческою; затѣмъ цыгане употребляютъ въ пищу, безъ разбора, всѣхъ животныхъ, даже кошекъ, лисицъ, крысъ, причемъ *ежи*, обыкновенно сочные и жирные, составляютъ ихъ лакомое блюдо.

Котальничанъ, въ своемъ „Esquisse“, говоритъ, что многія касты Цыганъ сильно подозрѣваются въ антропофагіи, и что бывали случаи, гдѣ это подозрѣніе подтверждалось фактами, такъ что въ концѣ прошедшаго столѣтія во Франціи, Испаніи, Германіи и Венгріи много Цыганъ казнено смертію за антропофагію. Вообще здѣшніе цыгане еще больше Русскихъ способны переносить голодь и довольствоваться самымъ незначительнымъ количествомъ пищи. Но за то у здѣшнихъ Цыганъ, особенно у турецкихъ, до высочайшей степени развита страсть къ табаку, чего мнѣ никогда не случилось замѣчать у нашихъ Цыганъ. Невѣроятно, но я видѣлъ своими глазами, какъ дѣти лѣтъ пяти-шести уже не выпускаютъ изо рта трубки; про женщинъ и всѣхъ взрослыхъ и говорить нечего. Нѣтъ табаку,—Цыгане курятъ какую-то траву, а крошечная ихъ трубка все-таки безпрестанно дымится.

Валахскіе Цыгане—величайшіе трусы, но про турецкихъ этого нельзя сказать; напротивъ, они отличаются звѣрскими наклонностями.

Ѣдятъ Цыгане не употребляя ни вилокъ, ни ножей, разрывая пищу руками. У нихъ нѣтъ опредѣленныхъ часовъ обѣда, завтрака, ужина,—они, какъ всѣ дикіе, ѣдятъ когда имъ вздумается, когда хочется ѣсть.

Лѣтъ до 15 Цыганки ходятъ почти голыя; потомъ онѣ одѣваются въ разныя лохмотья, предпочитаютъ однако яркіе цвѣта всякимъ другимъ.

Валахи ненавидятъ и презируютъ Цыганъ вообще, а *Споитори* въ особенности, думая, что при кончинѣ вѣка сего Цыгане явятся *въ свѣтъ антихриста* мучить христіанъ и пожирать ихъ дѣтей...

28 сентября.—Будешти.

Мы опять въ Будешти. Генералу Павлову приказано принять командование надъ лѣвымъ авангардомъ отъ генерала графа Нирода, который назначенъ командовать всею кавалеріей арміи, находясь при главной квартирѣ.

Правымъ авангардомъ командуетъ генераль-маіоръ Соймоновъ въ Йѹрѣѣ; на нашемъ лѣвомъ флангѣ, противъ Силистріи, генераль-маіоръ Богусевскій командуетъ войсками въ Каларашѣ. Нашъ отрядъ состоитъ изъ Селенгинскаго полка, расположеннаго въ Добреніи, Якутскаго полка—въ Херешти, Охотскаго и Камчатскаго—въ землянкахъ и въ самомъ селѣ Будешти, артиллеріи при этихъ полкахъ, Ольвіпольскаго уланскаго—въ Будешти съ дивизиономъ въ Негоэнти, подъ командою полковника Козлянова 2-го, и изъ шести сотенъ казаковъ подполковника Власова въ Ольтешицѣ и окрестныхъ деревняхъ. Обязанность нашего отряда—наблюдать Дунай; еслибы Турки вздумали

переправиться на нашъ берегъ,—не завязывать съ ними дѣла, а только не пускать ихъ дальше *). Война вѣдь еще не объявлена, даже оружіе еще не отточено. Впрочемъ дѣло должно рѣшительно подвинуться впередъ. Вчера, т.-е. 27 сентября, явился къ главнокомандующему турецкій полковникъ съ письменнымъ приглашеніемъ Омеръ-паша очистить княжества, причемъ онъ предупреждалъ, что если Русскіе не примутъ этого приглашенія

*) Такое категорическое приказаніе возмущало генерала Павлова и было неодобрительно встрѣчено командирами полковъ Камчатскаго Голевымъ и Охотскаго Бибиковымъ, мнѣніямъ которыхъ въ военныхъ вопросахъ особенно дорожилъ Павловъ: перваго—какъ опытнаго, стараго боеваго офицера и человека серіознаго ума, и втораго—какъ весьма образованнаго офицера генеральнаго штаба, обстрѣленнаго на Кавказѣ. „Какъ исполнить такое приказаніе,—говорилъ Павловъ,—не завязывать дѣла, но и не пускать дальше? Но развѣ возможно удержать непріятеля при такихъ условіяхъ? Да, къ тому же, дальше какого мѣста не пускать его: дальше Дуная, по берегу котораго стоятъ наши казаки, или дальше Будешти, гдѣ наши главныя силы? Но развѣ въ Будешти возможно удержать наступающаго непріятеля?...“ И Павловъ не выдержавъ, отправивъ къ корпусному командиру, генералу Даниенбергу, слѣдующее, собственноручно имъ написанное (начерно), донесеніе, доселѣ у меня хранящееся:

„Вашему Высокопревосходительству почтительнѣйше довести честь имѣю, что на предписаніе Ваше отъ 30 сентября за № 839 относительно дѣйствія со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ въ случаѣ переправы Турокъ черезъ Дунай у Туртукая, какъ для отраженія ничтожныхъ партій, такъ и для сосредоточенія отряда при появленіи непріятеля въ большихъ силахъ, мною сдѣлано распоряженіе.

„Съ этимъ вмѣстѣ долгомъ считаю почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе и рѣшеніе В. В.—а слѣдующее.

„Обязавъ ли я непременно выжидать непріятеля у селенія Будешти, или же могу занять по своему усмотрѣнію позицію впереди этого селенія, по дорогѣ къ Туртукаю, принимая въ соображеніе, что мѣстность при Будешти выгодъ для обороны не представляетъ,—тогда какъ ближе къ Дунаю, по личному моему обозрѣнію, есть, кромѣ извѣстной Вашему В.—у позиціи при с. Негозшти, двѣ другія, несравненно еще выгоднѣйшія для встрѣчи непріятеля? Одна не доходя на два пушечные выстрѣла до селенія Митрени, другая же между этой деревней и с. Ольтеницей. Въ томъ и другомъ мѣстѣ проходитъ поперекъ дороги, перпендикулярно къ р. Аржису, уступъ, который даетъ возможность: а) открывать всѣ движенія непріятеля; б) весьма выгодно поставить артиллерію, которая, стоя на этомъ уступѣ, можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать противу даже превосходнѣйшей артиллеріи дѣйствующей со стороны Дуная; в) позволяетъ скрыть движеніе нашихъ колоннъ и прикрыть ихъ отъ огня непріятельскаго, и наконецъ, д) имѣя правый флангъ совершенно прикрытымъ рѣкою Аржисомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ позиція эта не можетъ быть обойдена съ лѣваго фланга, потому что тамъ, не въ далекомъ разстояніи, идутъ рѣчки и болотистыя мѣста, которыя, вѣроятно, непріятель не захочетъ имѣть у себя въ тылу, тѣмъ болѣе, что всѣмъ движеніемъ его на нашъ лѣвый флангъ удаляется отъ дороги, ведущей къ его переправѣ. Всѣ эти выгоды особенно имѣются при позиціи между с. Митрени и с. Ольтеницей, гдѣ еще имѣется и та выгода, что съ этой позиціи открывается вся правая сторона р. Аржиса, потому что нагорный ея берегъ противъ этого мѣста понижается и видна вся мѣстность между нимъ берегомъ и Дунаемъ“.

На это донесеніе послѣдовало приказаніе ждать личныхъ распоряженій корпуснаго командира, который немедленно прибѣдетъ къ отряду генерала Павлова въ случаѣ наступленія на него Турокъ. А между тѣмъ, еслибы изложенному представленію генерала Павлова было придано большое значеніе, можетъ-быть и не совершилось бы роковой для насъ атакѣ Ольтеницкаго карантина 23 октября и дальнѣйшее наступленіе Турокъ, къ Букаресту, было бы остановлено на указанной ген. Павловымъ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодной для насъ, позиціи. Надлежитъ при этомъ имѣть въ виду, что намъ тѣмъ уже выгоднѣе было принять бой на этой позиціи, что онъ происходилъ бы въ артиллерійскаго огня Турокъ изъ-за Дуная, съ туртукайскихъ верховъ и съ батарей острова, который произвелъ у насъ такое опустошеніе при атакѣ карантина. Понятно, что иной исходъ битвы подъ Ольтеницей могъ дать совершенно другое направленіе всей нашей кампаніи на Дунаѣ. Но, по несчастію, быть или не быть Ольтеницкой битвѣ зависѣло отъ генерала Даниенберга, „который,—по справедливой оцѣнкѣ генерала Богдановича,—при всей своей учености и совершенномъ знаніи теоріи военнаго искусства, не имѣлъ большой боевой опытности“ (Восточная война 1853—56, ч. I, стр. 138).

въ теченіе 15 дней, считая со дня передачи депеши главнокомандующему, то Турція начнетъ военныя дѣйствія *).

Князь Горчаковъ отвѣчалъ:

„Господинъ Муширъ“.

„Имѣю честь объявить Вашему Превосходительству, что Ваше письмо отъ 26-го сентября мною получено въ часъ утра 27 сентября. Не входя въ разбирательство этого увѣдомленія, считаю долгомъ предупредить Ваше Превосходительство, что Его Величествомъ Государемъ Императоромъ мнѣ не дано власти трактовать о мирѣ и войнѣ, или о выступленіи изъ Княжествъ войскъ, ввѣренныхъ моей командѣ.

„Пріймите, господинъ Муширъ“ и прочее.

30 сентября.

Послѣ этого отвѣта опять все затихло. Турки стягиваютъ къ Дунаю всѣ войска, которыми только могутъ располагать. Лазутчики, которыхъ у насъ, правду надо сказать, очень мало, да и тѣ очень плохіе, говорятъ, что къ Дунаю придвинулось до 90.000 регулярнаго турецкаго войска и до 30.000 пререгулярнаго; что придунайскія крѣпости приводятся въ блистательное состояніе и на различныхъ пунктахъ возводятся новыя укрѣпленія; что Омеръ-паша лѣвымъ крыломъ своей арміи оперся на Виддинъ, сосредоточивъ главныя силы между Русукомъ, Силистріей и Шумлой, и двинулъ свое правое крыло въ Добруджу. Полагая, что Турки скорѣе всего могутъ начать переправу въ Малую Валахію, князь Горчаковъ послалъ туда нѣсколько войска въ подкрѣпленіе мало-валахескому отряду и болѣе ни однимъ движеніемъ съ нашей стороны мы не дали понять Туркамъ, что опасаемся ихъ приготовленій.

7 октября.—Будешти.

Итакъ, Турція дерзаетъ начинать! Четвертаго октября она манифестомъ объявила намъ войну.

Не покается ли она въ своей опрометчивости? Ясно, что сама по себѣ она никогда не рѣшилась бы на такую отважную мѣру; ей ли бороться съ сѣвернымъ колоссомъ? Ясно, что устами Турціи говорятъ Франція, Англія; добрая Австрія, быть можетъ!

*) Какъ выше сказано, Порта не согласилась принять ноту, выработанную Вѣнской конференціей и уже принятую Россіей, а сдѣлала въ ней свои измѣненія. Когда Россія, движимая чувствомъ собственнаго достоинства, категорически отвергла сдѣланныя Турціей измѣненія въ нотѣ, Франція и Англія, въ сущности державшія сторону Турціи и продолженіемъ переговоровъ только желавшія выиграть время, лишивъ Россію возможности быстрыхъ успѣховъ, несомнѣнныхъ, еслибы она дѣйствовала болѣе рѣшительно.—длинны свои флоты въ Дарданеллы, сдѣлавъ, такимъ образомъ, войну неизбежною. Подкрѣпленная этимъ маневромъ, Турція почувствовала свою силу, и Даванъ, обсуждавшій окончательно вопросъ: что предпринять?—въ засѣданіяхъ отъ 15 до 18 сентября рѣшилъ дать Омеръ-пашѣ вышеизложенное приказаніе.

Увѣряютъ же, будто князь Шварценбергъ торжественно обѣщать, что Австрія удивитъ міръ величіемъ своей неблагодарности.

Что-жь! въ добрый часъ, пусть удивляетъ, а покамѣстъ все еще тихо на берегу Дуная. Правый его берегъ своею возвышенностію закрываетъ пронесшащее за нимъ. Турки осторожны: они прекратили всякое сношеніе съ нашимъ берегомъ; по Дунаю не позволяютъ ѣздить рыбакамъ христіанамъ; въ карантинъ къ намъ и подавно не пускаютъ никого съ своей стороны, не такъ, какъ было недѣли двѣ назадъ. Турки поставили на берегу новую цѣпь подъ названіемъ карантинной, подъ предлогомъ предохраненія себя отъ холеры, будто бы приближающейся изъ Россіи. Ясно, что это только предлогъ, а выставленная Турками цѣпь имѣетъ военный смыслъ. Нѣсколько дней какъ мы ѣздили въ Ольтеницу къ подполковнику Власову съ генераломъ Павловымъ и полковникомъ Бибиковымъ осмотрѣть Туртукай—знаменитое мѣсто подвиговъ Суворова, а равно Негоэшти—монастырь по дорогѣ въ Ольтеницу, въ 4-хъ верстахъ отъ Будешти, гдѣ жила нашъ герой и откуда онъ дѣлалъ свои удалые набѣги. Въ Негоэшти не сохранилось о Суворовѣ никакого воспоминанія ни въ церкви, ни въ церковныхъ зданіяхъ. Въ Негоэшти нѣтъ никакого архива, гдѣ могли бы быть письменные памятники. Негоэшти называется монастыремъ, а въ немъ всего только одинъ монахъ числится, да и тотъ гдѣ-то въ отлучкѣ.

Начальникъ Ольтеницкаго карантина угостилъ насъ дульчецами; мы посмотрѣли въ трубу на Туртукай, на вновь возводимыя турецкія работы; проишлись по берегу р. Аржиса, по берегу Дуная; пофантазировали, поспорили, опредѣляя мѣсто, съ котораго Суворовъ дѣлалъ свои набѣды на Туртукай, и поѣхали назадъ, двигаясь до Новой Ольтеницы очень медленно, по милости недавно шедшихъ дождей, растворившихъ тонкій грунтъ этого пространства, мѣстами образовавъ промоины, ручейки, лужи, по которымъ трудно проѣзжать нашему экипажу.

По словамъ начальника карантина, у Турокъ замѣтна большая дѣятельность: войска и транспорты двигаются, проходятъ и уходятъ, да и вообще во всей Турціи кипитъ лихорадочная дѣятельность; турецкіе журналисты, конечно европейцы, публично взводятъ на Россію, посредствомъ своихъ газетъ, тысячи самыхъ низкихъ клеветъ; правительство собираетъ подъ свои знамена искателей приключеній съ цѣлаго міра, людей безъ вѣры, безъ отчизны, отверженцевъ всѣхъ благоустроенныхъ обществъ,—людей, которые за честь стать подъ красное знамя революціи готовы жертвовать благомъ своей родной страны, людей уже столько разъ проигравшихъ свое дѣло.

Россія еще молчитъ. Громовое слово Царево еще не произнесено; доселѣ длится его долготерпѣніе. Доселѣ Россія трепещетъ отъ нетерпѣнія въ ожиданіи будущаго; но если однажды прогремитъ это слово, призывающее Россію на брань, тогда все подымется, понесется съ сѣвера страшный ураганъ и едва ли что противъ него устоитъ.

Понимаетъ наша отчизна, что не съ одною только слабою Турціею ей

приходится бороться; знает она своихъ враговъ; но не въ первый разъ ей сынамъ встрѣчаться съ ними въ полѣ!

А между тѣмъ русскія войска спокойно стоятъ на Дунаѣ, въ весьма незначительномъ числѣ занимая Княжества и растянувъ свои силы на огромномъ пространствѣ: право, мы будто и не ждемъ войны. Въ лагерѣ подъ Буденшти солдаты живутъ весело, раздольно. Ученья если и бываютъ, то легкія, а такъ-называемая *одиночка*, да *журавлиный шагъ*, которыхъ солдаты терпѣть не можетъ, давно забыты; вмѣсто нихъ у насъ ежедневно занимательное практическое ученье, приучающее къ ломкѣ фронта, къ исполненію различныхъ эволюцій на бѣгломъ шагѣ, обучающее правильно и стройно наступать, отступать и дѣйствовать съ артиллеріею. У насъ ежедневно застрѣльщицье ученье, аванпостная служба, пальба въ цѣль и тому подобное. Словомъ, здѣсь занимаютъ солдатъ ученьемъ, которое своимъ разнообразіемъ болѣе развлекаетъ, чѣмъ утомляетъ человѣка. Кормятъ солдатъ чудесно; но о пищѣ я говорилъ уже выше, — избѣгаю повтореній, хотя и слѣдовало бы сказать объ этомъ предметѣ кое-что въ отвѣтъ на возгласы константинопольской газеты (*Echo de l'Orient*), гдѣ говорятъ, будто нашего солдата кормятъ отвратительно дурно, — пища ему даютъ до того мало, что онъ съ голоду принужденъ продавать и тѣ немногія вещи, какія имѣетъ, чтобы на эти деньги покупать себѣ продовольствіе. Впрочемъ, еслибы на всякую полную выходку турецкой газеты, да и большинства европейскихъ, отвѣчать, слишкомъ много пришлось бы потратить на эти пустыни чернилъ, которыя, однако, по убѣжденію Англичанъ, все-таки *дешевле* крови!!

Презрѣніе — отвѣтъ Россіи на всѣ клеветы, хулы и порицанія, которыми осыпаютъ ее константинопольская и многія европейскія газеты, но долгъ всякаго изъ насъ, какъ честнаго человѣка, въ отвѣтъ на всѣ выходки о несчастномъ, будто бы, нашемъ здѣсь положеніи, во всѣхъ отношеніяхъ, — утвердительно сказать, что русскія войска, когда-либо боровшіяся съ Турками, въ началѣ войны съ ними, никогда не наслаждались такимъ здоровьемъ, такимъ благосостояніемъ, каковымъ пользуются теперь.

До 811 года, обыкновенно, при началѣ каждой турецкой войны, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, „прежде нежели русскія арміи сближались съ турками, онѣ должны были при блокадѣ и осадѣ крѣпостей терять половину людей отъ болѣзней. Первая борьба наша бывала борьбою не съ врагами, но съ смертоноснымъ вліяніемъ климата и заразительными испареніями многихъ долинъ и прибрежныхъ мѣстъ, гдѣ, по необходимости, а иногда по невѣдѣнію края, войска располагались на привалы и ночлеги, становились лагеремъ, гдѣ даже учреждали госпитали, скоро обрашавшіеся въ кладбища“. А теперь безъ лишеній и какихъ бы то ни было усилій русскіе солдаты, благодаря крови, пролитой на этихъ поляхъ нашими отцами и дѣдами, припѣваячи прошли немалое пространство до Дуная и стали, по его протяженію, въ грозной готовности къ борьбѣ, будучи совершенно обезпечены какъ относительно продовольствія, такъ и призранія своихъ

нѣмощныхъ братій. Сама природа, кажется, благопріятствуетъ нашему дѣлу, — все время стоитъ прекрасная погода. Осень, а дождей почти нѣтъ, что даетъ намъ полную возможность, занявшись устройствомъ превосходныхъ землянокъ, приготовиться къ встрѣчѣ болѣе суроваго времени года.... Говорятъ, холера въ Россіи, а здѣсь, благодаря Бога, о ней и не слышно. — Обыкновенно здѣсь царство страшныхъ лихорадокъ, а теперь, по неизреченному милосердію Господню, лихорадки несильны и больныхъ имъ нѣсколько не больше, чѣмъ ихъ бываетъ у насъ въ полкахъ во время стоянки въ Подолѣ, а особенно на Волынѣ, близъ Полѣся и въ Польшѣ. Этимъ увѣреніямъ быть-можетъ не всякій повѣритъ? Но я спокоенъ, — за меня факты. Чтобъ объяснить причины этого явленія, необходимо всмотрѣться въ порядокъ управленія войскомъ въ настоящее время и припомнить, какъ оно управлялось въ былыя времена. Берегли ли *въ оны дни* солдата и такъ ли о немъ заботились, какъ теперь? Прекрасно было общее понятіе, что солдатъ — *железный*; но сообразно ли это понятіе съ природою человека? Если есть возможность беречь солдата, позволять ему быть человекомъ до послѣдней крайности, то почему же дѣйствовать противнымъ образомъ? Не сохранился ли этимъ многіе, которые бы погибли при другомъ образѣ дѣйствій? Всегда есть время солдату забыть о своей человѣческой природѣ! Результатъ настоящаго обращенія съ солдатомъ виденъ. Больныхъ мало сравнительно съ численностію людей: всего отъ 180 до 200 человекъ на 4.000-ный полкъ. Это число весьма незначительно, а мало больныхъ потому, что пекутся о здоровыхъ всѣ, начиная отъ главнаго до самаго младшаго начальника, и потому еще, что даютъ отличный пріютъ и возможное пособіе всякому больному. Съ самаго вступленія нашего въ Придунайскія княжества, гдѣ, какъ извѣстно, чрезвычайное обиліе всякихъ овощей и фруктовъ, употребленіе которыхъ въ значительномъ количествѣ людьми, къ нимъ непривычными, можетъ быть губительно, наше высшее начальство обратило на этотъ предметъ строжайшее вниманіе. Князь Горчаковъ подъ большою отвѣтственностію запретилъ употребленіе въ пищу какъ овощей въ сыромъ видѣ, такъ и плодовъ, сказавъ солдатамъ въ приказѣ, что *лучше и стыдно жертвовать своею жизнію, нужною отечеству, изъ-за какой-нибудь дыни или арбуза!* Точное исполненіе этого приказанія, подъ строжайшимъ присмотромъ ближайшихъ начальниковъ, было главнѣйшею причиною незначительнаго развитія лихорадокъ въ нашей арміи; затѣмъ слѣдовало, какъ самая спасительная гигиеническая мѣра, бдительный присмотръ, чтобы во время послѣобѣденныхъ отдыховъ, а также отдыховъ на привалѣ, солдатъ не ложился на голую землю животомъ и такимъ образомъ не подвергался бы, добровольно, простудѣ; послѣ марша не бросался бы тотчасъ пить воду; и наконецъ присмотръ, чтобы ночью солдатъ непремѣнно спалъ въ суконномъ набрюшникѣ и суконномъ нижнемъ платьѣ, — эта мѣра въ особенности необходима здѣсь, гдѣ холодныя ночи слѣдуютъ за жаркими днями, — и эта мѣра, по преимуществу, спасла многихъ отъ лихорадокъ, которыя здѣсь

не вылѣчиваются радикально, а влѣдствіе лѣченія, такъ сказать, затаиваются только въ организмѣ, чтобы при первомъ самомъ незначительномъ, по-видимому, но благопріятномъ ихъ развитію, обстоятельствѣ вновь проявиться и, такимъ образомъ, своими безпрестанными рецидивами довести человека до водяной, а влѣдъ за тѣмъ и до могилы. Чтобы имѣть возможность бороться съ болѣзнію и не поддаться ей первому приступу, надо быть физически и нравственно крѣпкимъ. Для укрѣпленія физической природы нашего солдата ему постоянно нужно давать сытную, здоровую пищу, по извѣстному солдатскому выраженію: „кислую, густую, да побольше!“ и чарку зелена вина, безъ которой и пища ему не въ пищу. И вотъ Государь Императоръ повелѣлъ производить всѣмъ вообще солдатамъ въ Придунайскихъ княжествахъ ежедневно по полуфунту мяса и по три чарки водки въ недѣлю, раздѣляя эту пропорцію на ежедневную дачу, тѣмъ же, которые несутъ большую противъ другихъ службу, стоя на аванпостѣхъ, ежедневно по крышкѣ водки, дѣля ее на двѣ порціи въ день. Въ водкѣ, отпускаемой солдатамъ, влѣдно растворять хининъ, въ предупрежденіе рас-положенія къ лихорадкамъ.

Дѣло ближайшихъ начальниковъ: на суммы, отпускаемыя правительствомъ, не касаясь экономическихъ солдатскихъ суммъ, варить имъ пищу непременно кислую, питательную, изъ самыхъ свѣжихъ припасовъ. — Дѣло это исполняется у насъ въ дивизіи съ величайшею добросовѣстностію: солдаты содержатъ отлично, а потому, несмотря на столь поздній лагерь, какой мы имѣемъ теперь, солдаты пользуются вождедѣльнымъ здоровьемъ въ этомъ губительномъ для русскаго человека климатѣ.

Для поддержки нравственной крѣпости солдата, начальство заботится, чтобы въ лагерьѣ царствовало, во все свободное отъ служебныхъ занятій время, самое непритворное веселье. Подъѣзжаемъ къ лагерю; оттуда, гдѣ кипитъ работа землянокъ, несется заунывная русская пѣсня, — шумъ работы, — стукъ топоровъ, — гулъ отъ упавшаго бревна.... а здѣсь чѣмъ занимаются люди свободные отъ работы? — веселятся, бѣгаютъ другъ за другомъ; играютъ въ *свайку*, въ *городки*, водятъ неизбѣжную козу, — *медведя*, въ вывороченномъ тулупѣ, — *жидка* съ пеньковою бородою и пейсами, который смѣшнить честную компанію ломанымъ языкомъ и плутовскими выходками, пока не попадется въ лапы къ чорту, который съ когтями и краснымъ языкомъ, въ мундирѣ на изнанку, выскочить изъ-за ближней палатки, гоняется за нимъ и поймаетъ таки его, къ общему восторгу, сядетъ на него верхомъ и уѣдетъ въ первый интервалъ, чтобы скрыться отъ публики до завтрашней комедіи. Поужинали. Вечерѣтъ. По флангамъ роть загремѣли хоры пѣсельниковъ, звучатъ бубны, ложки, тарелки, заливается пастушеская свирѣль какого-нибудь великорусскаго виртуоза.... Тамъ тоскливая мелодическая пѣсня нашей родины вызываетъ слезы, стѣсняетъ сердце!... Тамъ, шевелить душу удалая пѣсня цыганская... восторгомъ разгораются очи, занимается духъ... Но, чу!... гремятъ *заря*. Прочитана краткая молитва Гос-

нодня,—молитва солдатская. Разведены пикеты, стали часовые, пошли ходить патрули! Замерли окрестности лагеря; только въ его завѣтной чертѣ пылають костры и кругомъ ихъ копошится все лагерное населеніе. Солдаты грѣются, и тутъ-то для нихъ настаетъ лучший моментъ дня, поэзія ежедневной жизни солдата; за нимъ уже не слѣдитъ такъ пристально—докучный солдату, хотя и заботливый—глазъ начальника; солдатикъ тутъ на распашку,—на своей волѣ; тутъ-то изучать солдатское міровоззрѣніе, его духъ, его понятія, его взгляды на предметы, на событія, на своихъ командировъ, — тутъ-то послушать словоохотнаго разскащика о прошлыхъ войнахъ, о странахъ, имъ пройденныхъ съ ружьемъ въ рукѣ,—о битвахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ.... И цѣлую ночь толпы грѣющихся какъ будто не рѣдѣють: одни, погрѣвшисьъ, уходятъ спать; другіе приходятъ. Мѣняются разскащики,—не мѣняются обычные темы разсказовъ.

Смотришь — и бѣлый день. Цѣлыя сутки солдаты не скучають, солдаты веселы; а такое состояніе ихъ духа самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на ихъ здоровье, на ихъ нравственную силу, которая возвышается разсказами стариковъ о славныхъ дняхъ бывалыхъ, о страшныхъ битвахъ и геройскихъ подвигахъ ихъ товарищей и ихъ самихъ.... Солдатамъ-то весело, о чемъ имъ думать, о чемъ тужить?... А чѣмъ красится *наша* бѣдная, томительная жизнь?—мечтами о прошломъ, надеждами на будущее!... Хорошо выносить подобное положеніе тому, кто одинокъ, съ чьимъ сердцемъ не связано другихъ, болѣе нѣжныхъ сердецъ! Но семьянину, наприимѣръ, томится смутнымъ ожиданіемъ посреди обыкновеннаго порядка вещей, — посреди пошлостей будничной жизни, въ дали отъ родины, отъ всего, чѣмъ такъ сильно бьется сердце, — тяжело, право тяжело! Это бездѣйствіе разрушаетъ всякую энергію, томительное настоящее подавляетъ воображеніе, погружаетъ душу въ какое-то апатическое состояніе; тоска по родинѣ, по милымъ — гнететъ, сокрушаетъ; самыя горькія мысли наполняютъ грудь. Что дѣлають они, наши милые, тамъ, въ далекой Россіи? Является ли имъ, порою, мысль о насъ, — или время, предательское время, сгладило въ ихъ сердцахъ наши суровые образы?... О, пусть бы скорѣе военный громъ заглушилъ лепетъ сердца!... пусть бы скорѣе потоки вражьей крови опьянили насъ и увлекли въ самый пылъ сѣчи, гдѣ нѣтъ мѣста чувствамъ, сосущимъ сердце!

8 октября.

Говорятъ, Турки, въ ночь съ 3 на 4-е октября, заняли валахскій островъ, между Виддиномъ и Калафатомъ, и построили на немъ укрѣпленія *). Наши имъ не препятствовали. Между тѣмъ велѣдъ за объявленіемъ

*) Нашимъ отрядомъ въ Малой Валахіи командовалъ генералъ-лейтенантъ Фишбахъ. Отчасти будучи стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ распоряженіями главнокомандующаго, от-

войны Турцією флоты Франціи и Англіи, доселѣ крейсировавшіе въ Средиземномъ морѣ, вошли въ Дарданеллы. Слѣдовательно морскія державы принимаютъ рѣшительное участіе въ предстоящей войнѣ Россіи съ Турцією. Что-жь, въ добрый часъ!

11 октября.

Въ нашемъ отрядѣ, противъ Туртукая, въ ночь съ 10 на 11 октября, произошло печальное, хотя не значительное событіе.

У насъ въ отрядѣ по дунайскому берегу стоятъ постоянные казачьи посты для охраненія края, съ помощію Граничаръ, несущихъ пѣхотную карантинную службу. Одинъ пикетъ стоитъ казачій, другой граничарскій. Одинъ изъ такихъ казачьихъ пикетовъ стоялъ на косѣ, образовавшейся отъ впаденія р. Аржиса въ рукавъ Дуная, причемъ Аржисъ протекаетъ нѣсколько десятковъ сажень параллельно рукаву Дуная, не впадая въ него подъ прямымъ угломъ, а такъ-сказать сливался съ нимъ. Резервъ этого поста, какъ и другихъ ближайшихъ, стоялъ въ Ольтеницкомъ карантинѣ, слѣдовательно былъ отдѣленъ отъ сказаннаго поста на косѣ рѣкою. Какъ до дня начала военныхъ дѣйствій, назначеннаго самими Турками, еще оставалось нѣсколько дней, то казаки стояли очень безопасно, проводя ночь въ удобномъ балаганѣ, тутъ же на пикетѣ ими выстроенномъ, привязавъ часть лошадей къ коновязи, а часть пустивъ пастись, имѣя одного часового съ ружьемъ у сошекъ, въ которыя, какъ ружья на гауптвахтѣ, были поставлены пики.

Видя опасность, угрожающую этому сторожевому пункту, особенно въ случаѣ часто повторяющейся большой прибыли воды въ р. Аржисѣ, причемъ она даже, случается, выступаетъ изъ береговъ, чѣмъ могутъ воспользоваться Турки и уничтожить нашъ постъ, отрѣзанный разливомъ отъ своего резерва, Ольвіонольскаго уланскаго полка полковникъ Козляиновъ 2*), командующій передовыми постами нашего отряда, поставилъ на этотъ пикетъ охотниковъ, подъ командою самаго лихаго казачьяго урядника. Обѣзжая посты, Козляиновъ совѣтовалъ казакамъ быть какъ можно осторожнѣе и не пускать пастись своихъ лошадей, которыхъ Турки легко могутъ отхватить, а держать ихъ на коновязи.

— Не пзвольте беспокоиться, ваше в-іе!—отвѣчалъ ему урядникъ:—мы казаки, наше дѣло крѣпкое.

части по неимѣнію достаточныхъ силъ въ своемъ распоряженіи, отчасти по своей бездарности, генераль Финбахъ не занялъ во-время гор. Калафата, допустилъ Турокъ безнаказанно перейти на лѣвый берегъ Дуная и сильно укрѣпиться въ Калафатѣ, что было источникомъ большихъ для насъ бѣдствій впоследствии.

*) Николай Ѳеодоровичъ Козляиновъ былъ тогда дивизионеромъ въ названномъ полку, которымъ командовалъ братъ его Петръ Ѳеодоровичъ, впоследствии бывший губернаторомъ въ Казани. Ник. Ѳед. очень умный, дѣльный и боевой офицеръ Генеральнаго Штаба, составилъ себѣ извѣстность въ Севастополѣ, состоя помощникомъ начальника Штаба Севастопольскаго гарнизона, нынѣ генераль-адъютантъ, генераль отъ пѣхоты, членъ Военнаго Совѣта (Примѣч. 1889).

— Не смѣнить ли васъ другими?—спрашиваетъ Козляиновъ.—Устали можетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Позвольте здѣсь оставаться.

— Что же вамъ такъ понравилось здѣсь?

— Да веселѣ тутъ: слышно, какъ у Турокъ музыка играетъ, да и сподручиѣ сѣна доставать...

Вотъ въ поминутую ночь, на 11-е октября, шайка Турокъ, закрытая большимъ островомъ, такъ-называемымъ „Туртукайскимъ“, лежащимъ правѣ устья Аржиса, переправилась на лодкѣ изъ Туртукаля, высадила въ выше того мѣста, гдѣ стоялъ пикетъ, подкралась, прикрываясь нѣскольکو возвышеннымъ берегомъ, и бросилась на казаковъ, поваливъ часового выстрѣломъ изъ ружья. Нѣскольکو казаковъ, оставшихся въ балаганѣ, выскочили какъ сумасшедшіе, схватили ружья и шашки и бросились бѣжать съ просонья, успѣвъ однако, какъ они утверждаютъ, перерубить поводья лошадей, привязанныхъ къ коновязи *).

Бурьянъ и камыши дали возможность казакамъ скрыться. Турки, между тѣмъ, успѣли скальпировать убитаго казака Павла Войкова (т.-е. содрать кожу съ волосами съ его черепа,—вѣроятно, на-показъ своему начальству), схватить въ плѣнъ другаго казака, Григорія Переходнева, спавшаго у коновязи, забрать казачьи пики и кое-что изъ *имѣнія* казаковъ и наконецъ успѣли благополучно отплыть во-свояси, оставивъ намъ обнаженный трупъ убитаго и его даже невыстрѣленное ружье.

Свидѣтелемъ послѣднихъ дѣйствій Турокъ и ихъ отплыва былъ одинъ изъ казаковъ, который въ моментъ тревоги не бросился бѣжать, а вскочилъ подъ крышу балагана на переметъ и протянулся по немъ, такъ плотно къ нему прижавшись, что Турокъ, вбѣжавъ въ избушку въ потьмахъ, не замѣтилъ его и, шаря по ней ружьемъ, только задѣлъ его по ногамъ штыкомъ, но, вѣроятно, вообразивъ, что это перекладина, не тронулъ его и ушелъ съ другими. Все это дѣло основательно знаю потому, что еще вчера, какъ только о немъ послѣдовало донесеніе, генералъ Павловъ послалъ меня разслѣдовать его причины на мѣстѣ.

Конечно, это событіе совершилось именно потому, что нельзя было ожидать попытки со стороны непріятеля *до срока*, имъ назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій, почему казаки и не смотрѣли за непріятелемъ *въ оба*. Впрочемъ, Донцамъ это не извиненіе.

Такимъ образомъ кровь Павла Войкова была первою русскою кровью, пролитою въ Европѣ, на сухомъ пути, въ начинающейся борьбѣ. Предательскою смертію Войкова начинается, быть-можетъ, слишкомъ кровавая лѣтопись предстоящихъ событій, которую съ благоговѣніемъ прочтетъ каждый православный, какого бы племени онъ ни былъ.

*) Болѣе правдивые люди говорятъ, что казаки не послушались приказанія Козляинова и лошадей своихъ держали не на коновязи, а просто пасли ихъ стреноженными на ближайшемъ дугу и слѣдовательно перерубать привязи никто и не трудился.

13 октября.

11-го октября, въ 8^{1/2} часовъ утра, совершилось другое событіе болѣе важности. Наша флотилія канонирскихъ лодокъ, съ пароходами „Прутъ“ и „Ординарецъ“, прошла вверхъ по Дунаю мимо Тульчи и Исакии силою, послѣ упорной и неравной борьбы съ крѣпостію, прошла днемъ, на славу. Богатырскій подвигъ! Бюллетень говорить, что флотиліи назначено было пройти ночью, но что офицеры неспросили позволеніе пройти днемъ, въ виду всѣхъ!

Какое удалое, но исполнѣ ли благоразумное дѣло?

Мнѣ кажется, что согласіе на просьбу офицеровъ пройти днемъ мимо непріятельской крѣпости, когда командующій войсками приказалъ пройти ночью, не совсѣмъ правильно. Какъ бы ни былъ прекрасенъ порывъ одного или нѣсколькихъ лицъ въ моментъ боя, но если онъ противорѣчитъ плану главноначальствующаго, то осуществленіе этого порыва не должно имѣть мѣста. Если было приказано флотиліи пройти ночью, то можно ли было выслушивать просьбы о позволеніи пройти днемъ, причемъ потеря въ людяхъ неминуемо и напрасно должна была учетвериться? Во всякомъ случаѣ, жаркому увлеченію офицеровъ, если они просили позволеніе пройти днемъ, не должно было жертвовать ни однимъ лишнимъ человѣкомъ. Можетъ-быть и храбрый Вернаховскій *) остался бы живъ!

Впрочемъ блистательный погромъ Исакии и удалое движеніе нашихъ судовъ — *визитная карточка* Турціи, за которою, нѣтъ сомнѣнія, послѣдуетъ наше болѣе короткое съ нею знакомство. Но будетъ ли ему Турція рада?—вотъ вопросъ.

14 октября.

Ходить по рукамъ прокламація Омеръ-паши къ войскамъ. Она имѣетъ свой интересъ; кто знаетъ, будетъ ли она у насъ когда-нибудь напечатана; на всякій случай записать ее въ дневникъ:

„Солдаты Императорскіе!

„Когда будемъ драться съ твердымъ и смѣлымъ врагомъ, мы не побѣжимъ и не пожалѣемъ головъ и душъ нашихъ, чтобы только отомстить ему. Мы присягнули на Коранѣ. Вы—мусульмане, и я убѣжденъ, что вы отдадите за вѣру и правительство головы и души.

„Но если между вами есть такіе, что боятся войны, признайтесь заранѣе, потому что съ такими людьми опасно идти на встрѣчу врагу. Боязнь—болѣзнь сердца. Того, кто боится, назначу прислуживать въ госпиталѣхъ и

*) Командовавшій флотиліею капитанъ 2-го ранга. На пароходахъ было по четыре 36-ти фунтовые пушки на каждомъ, на восьми канонирскихъ лодкахъ, составлявшихъ флотилію, было на каждой по три 24-хъ фунтовыхъ орудія и по четыре 3-хъ фунт. фальконета.

дамъ другія занятія; но если кто послѣ этого вызова побѣжитъ отъ не-
пріятеля—разстрѣляю.

„Храбрые, желающіе послужить вѣрѣ и престолу, останутся. Сердца
ихъ преданы Богу; преданнымъ вѣрѣ, если они еще покажутъ себя храб-
рыми, Богъ безъ сомнѣнія даруетъ побѣду.

„Солдаты, очистивъ наши сердца, предадимся Богу.

„Будемъ драться и принесемъ себя въ жертву подобно нашимъ пред-
камъ; не забудемъ, что отечество и религію, ими намъ завѣщанную, мы
должны завѣщать нашимъ дѣтямъ.

„Вы все знаете, что цѣль этой жизни—достойно послужить Богу и Сул-
тану и тѣмъ заслужить Небо.

„Солдаты! въ комъ есть честь, тотъ долженъ помнить мои слова и
дѣйствовать въ ихъ духѣ. Богъ намъ помогаетъ!“

Если эта прокламація турецкаго главнокомандующаго—не наборъ только
словъ и будетъ имѣть дѣйствительное приложеніе къ дѣлу, то можно на-
дѣяться, что эта армія, состоя исключительно изъ однихъ героевъ, надѣ-
лаетъ такихъ чудесъ, какія не снхлись ни одной арміи въ мірѣ.

Впрочемъ надобно помнить, что въ рядахъ всехъ армій съ поконъ-
вѣка не бывало недостатка въ людяхъ, одержимыхъ *большію сердца*, что
не мѣшало, однако, этимъ арміямъ дѣлать свое дѣло и пожинать лавры.

Скоро, я думаю, будемъ имѣть случай увидѣть подвиги арміи Омера,
потому что Турки начали уже переправу передъ Виддиномъ и, говорятъ,
заняли Калафатъ, гдѣ укрѣпляются съ помощію окрестныхъ жителей, чему
отрядъ нашихъ войскъ, тамъ стоящій, доселѣ не воспрепятствовалъ.

Главнокомандующій принимаетъ мѣры къ усиленію Мало-Валахскаго
отряда и, изыскивая къ тому все способы, приказалъ употребить въ дѣло
туземное конное войско, такъ-называемыхъ „доробанцевъ“, дурно организо-
ванное, дурно выученное, вродѣ нашихъ казаковъ, несущее пограничную
службу вмѣсто податей и едва ли способное къ военнымъ походамъ и бит-
вамъ. Собранные доробанцы, подстрекаемые нашими недоброжелателями, ко-
торыми Малая Валахія наполнена, больше чѣмъ самая Валахія, разбѣжа-
лись. Генерала Семякина послали произвести по этому дѣлу слѣдствіе, а
между тѣмъ угрожающее положеніе Турокъ со стороны Малой Валахіи ста-
новится для насъ опасно; войска у насъ мало, да и то чрезвычайно растянуто,
а Турки имѣютъ полную возможность сосредоточить большіе отряды въ нѣ-
сколькихъ крѣпостяхъ и могутъ нанести намъ пораженіе по частямъ.

Турецкія войска бродятъ, какъ облака по небу, то въ одну сторону,
то въ другую, куда вѣтеръ потянетъ; какъ бы они не собрались гдѣ въ
грозную тучу!

Съ тѣхъ поръ, какъ перестали говорить о мирѣ послѣ отказа Россіи
принять турецкія измѣненія вѣнской ноты, и послѣ возвращенія нашего
Государа изъ Ольмюца, стали поговаривать, что другія наши арміи двину-
ты въ Княжества и будто бы 3-й корпусъ перешелъ границу. Дай-то Гос-

поди, чтобъ это была правда; на всякій случай намъ въ Княжествахъ не мѣшаетъ быть нѣсколько сильнѣе.

15 октября.

Турки сосредоточиваются у Силистріи. Тамъ у насъ очень мало войска, а потому приказано командировать туда изъ нашего отряда Охотскій и Камчатскій полки съ ихъ артиллеріею, а генералу Павлову предписано отъѣхать со штабомъ въ с. Добрени. Такимъ образомъ здѣсь въ Будешти остается только полковникъ Козляиновъ 1-й съ своими Ольвиопольскими уланами. Правда, наступленія съ этой стороны не предвидится; но еслибъ случилось, что сосредоточеніе турецкихъ войскъ у Силистріи, переходъ въ Калафать, попытка выдвинуться изъ онаго дальше *) и сильныя приготовленія противъ Журжи у Рущука оказались только демонстраціями, а между тѣмъ Турки двинулись бы кратчайшимъ путемъ чрезъ Туртукай на Букарестъ, по мѣстности, которая на всемъ протяженіи не представляетъ намъ ни одной хорошей позиціи, на которой мы могли бы ихъ встрѣтить, — наше дѣло можетъ принять дурной оборотъ. Успѣемъ ли мы сосредоточить свои войска для отпора Туркамъ? Вѣроятно главнокомандующій не оставилъ этого обстоятельства безъ вниманія. Однако, ближайшая къ мѣсту переправы у Туртукай пѣхота — Селенгинскій полкъ — стоитъ въ с. Добрени, почти въ 50 верстахъ отъ Дуная, и на этомъ пространствѣ, въ случаѣ наступленія, Турки встрѣтятъ только казачьи сотни въ Ольтеницѣ, дивизіонъ Ольвиопольцевъ въ Негоэшти, да остальную ихъ часть съ батареею батареи полковника Шейдемана въ Будешти.

18. октября.—Будешти.

Война едва только объявлена Турціею. Кажется, еще гремятъ по Россіи и вселенной, преисполненныя мудраго смиренія и твердаго упованія на помощь Господню, слова Императорскаго Манифеста, отвѣтнаго на дерзкій вызовъ Турціи, — еще не истекъ срокъ, предложенный самою Портою, чрезъ посредство Омеръ-паши, какъ уже Турки совершили вышеразказанный почной набѣздъ на нашъ берегъ.

Послѣ этого подвига, заставившаго насъ припомнить рассказы отцовъ и братій о турецкомъ образѣ веденія войны и понять, какого рода борьба начата этимъ первымъ кровавымъ событіемъ на сушѣ, все затихло на Дунаѣ; но такъ затихаетъ буря, чтобы чрезъ мгновеніе заревѣть съ двойною яростью, — такъ видимо стихаютъ морскія волны, чтобы тутъ же набѣжать девятымъ валомъ на смѣлую ладью и поглотить ее, если ловкій кормчій не успѣетъ прорѣзать ее грудью своего судна.

*) Это движеніе было поводомъ незначительной стычки между турецкими баши-буками (17 октября) и разѣздомъ хорунжаго Крохина у с. Голени-Команы.

Отвѣчая презрѣніемъ на угрозу Турціи, стоимъ *послѣ* объявленія Омеръ-пашы, какъ и до объявленія, ни однимъ лишнимъ движеніемъ, ни однимъ лишнимъ приготовленіемъ не показывая своему противнику, что онъ можетъ быть намъ страшенъ. Мирно и покойно течетъ наша жизнь. Штабъ нашего отряда, *льваго*, подѣ начальствомъ генералъ-маіора Павлова, опять стоитъ здѣсь. Сюда возвращенъ Селентинскій пѣхотный полкъ, съ нѣсколькими орудіями, изъ с. Добрени. Безпечно занимаемся обыкновенными, по большей части практическими, ученьями и постройкою землянокъ. Здѣсь же стоитъ Ольвиопольскій уланскій полкъ съ двумя орудіями Донской казачьей № 9 батареи, имѣя одинъ дивизіонъ въ Негоэшти. Въ двадцати верстахъ отъ Будешти, по проселочной дорогѣ на Букарестъ, въ с. Добрени, стоитъ при корпусномъ штабѣ Якутскій пѣхотный полкъ съ остальною артиллеріей полубригады. Лицомъ къ лицу съ Турками поставленъ въ с. Ольтеницѣ командиръ Донскаго казачьяго № 34 полка, подполковникъ Власовъ, съ тремя сотнями своего полка, занимая пространство болѣе чѣмъ на шестьдесятъ верстъ, по Дунаю, отъ озера Гряки до монастыря Корницелли, поставивъ на самыхъ важныхъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ с. Кирноджи, *заставу* въ пятьдесятъ чело-вѣкъ казаковъ, и за всѣмъ расходомъ имѣя при своемъ полковомъ штабѣ, въ резервѣ при Ольтеницѣ, не болѣе сотни казаковъ.

Словомъ, сохраненіемъ такого положенія, проявляющаго спокойствіе мужества, мы ясно доказываемъ совершеннѣйшее презрѣніе ко всѣмъ враждебнымъ намѣреніямъ Турціи и вполнѣ сохраняемъ свое признанное достоинство, желая лишь одного, чтобы Турки дерзнули перейти Дунай на пунктѣ, нами оберегаемомъ.

19 октября.—Будешти.

Сейчасъ подполковникъ Власовъ прислалъ изъ Ольтеницъ донесеніе, дошедшее до него по казачьимъ пикетамъ изъ-подъ Силистріи, что Турки начинаютъ переправляться у Калараша, что подѣ Силистріей, и тремъ сотнямъ его полка, растянутымъ отъ Калараша до монастыря Корницелли, генералъ Богусевскій (начальникъ Каларашскаго отряда) приказалъ собраться къ Каларашу. Вотъ счастливы-то! Очевидно, двинувшаяся къ Силистріи наша 2-я бригада поспѣетъ къ самому дѣлу, а мы будемъ слушать ихъ канонаду, да ушами хлопать. Пріятное положеніе, нечего сказать! Достанется же на долю такая участь—торчать на пунктѣ, гдѣ и пороха не придется понюхать и гдѣ будешь только посылать по командѣ ежедневныя казачьи донесенія, что въ Туртукаѣ все спокойно, пришло столько-то десятковъ воловыхъ возовъ подѣ конвоемъ трехъ конныхъ Турокъ, и тому подобныя пустяки, которые мы доселѣ должны продѣлывать ежедневно.

20 октября. — Будешти.

Мы сидѣли преспокойно за обѣдомъ у генерала Павлова въ нашей любимой залѣ Мановскаго дома, украшенной фонтаномъ, отдѣланнымъ раковинами, какъ на лошади, едва уже скакавшей отъ усталости, *прибѣжалъ*, какъ говорятъ казаки, урядникъ отъ Власова, съ словеснымъ донесеніемъ, что Турки переправились изъ Туртукая на Туртукайскій островъ.

Никто изъ насъ этому извѣстію не повѣрилъ. Мы не могли думать, чтобы Турки вправду осмѣлились перейти Дунай, чтобы они такъ неожиданно, такимъ любезнымъ образомъ исполнили наше величайшее желаніе, нашу, казалось, несбыточную мечту.

Дѣйствительно, время года благопріятствовало приготовленіямъ къ внезапнымъ набѣгамъ. Надъ Дунаемъ и его ближайшими окрестностями лежали непроницаемые туманы; порою движеніе атмосферы разгоняло ихъ къ вечеру, но за то они еще дѣлались гуще ночью. По словамъ урядника вѣстника переправы, подъ покровомъ такого-то тумана Турки вчера заняли валахскій островъ (Туртукайскій), что лежитъ нѣсколько правѣ устья Аржиса, и о присутствіи своемъ на этомъ острову дали знать нашимъ пикетамъ стукомъ топоровъ, что, впрочемъ, казаками и мѣстными карантинными властями принято было за весьма обыкновенное дѣло: пикеты наши и граничары полагали, что работы, производимыя Турками на острову, не болѣе какъ рубка лѣса на топливо и для варенія пищи.

Ночью стукъ топоровъ казался сильнѣе, но за непроницаемымъ туманомъ невозможно было видѣть, что происходить въ десяти шагахъ, не только на острову. Пользуясь этимъ туманомъ, Турки, на нѣсколькихъ десяткахъ лодокъ, поднимающихъ отъ двадцати пяти до пятидесяти человѣкъ каждая, вошли въ рукавъ Дуная и ружейнымъ огнемъ стали очищать его лѣвый берегъ отъ нашихъ пикетовъ; но турецкія пули, направляемыя наудачу, не причинили нашимъ караульнымъ ни малѣйшаго вреда: а казаки, сойдя съ своихъ обычныхъ дневныхъ постовъ, засѣли въ другія болѣе безопасныя мѣста по берегу рукава Дуная и донесли полковнику Власову о происходящемъ, видя въ настоящемъ набѣздѣ Турокъ начало ихъ формальной переправы на нашъ берегъ. Но выстрѣлы скорѣ затихли; когда же къ полудню, туманъ поднялся, удивленнымъ взорамъ казаковъ представилось земляное укрѣпленіе, одѣтое турами и фашинами, устроенное для шести орудій, на мысу острова, обнаженномъ отъ лѣса на значительное пространство, а по всей сторонѣ острова, къ намъ обращенной, оказались засѣки, завалы и ложементы для ружейной обороны.

Начальникъ отряда генералъ Павловъ, сдѣлавъ обо всемъ вышесказанномъ донесеніе корпусному командіру, генералу Даненбергу, и приказавъ своему отряду двинуться къ Негозшти, послалъ меня осмотрѣть происходящее насупротивъ Ольтеницкаго карантина и немедленно обо всемъ донести ему подробно.

24 октября.—Бивакъ на позиціи между с. Митрени-Фуньдени и с. Ольтеницею.

Вчера былъ страшный день—первая кровавая битва, которой я былъ свидѣтелемъ и дѣятельнымъ участникомъ.

Я долженъ собрать весь остатокъ своихъ силъ и записать на эти листы все, что со мною было и чего я былъ свидѣтелемъ, съ момента моего отъѣзда въ Ольтеницу, 20 октября.

Четверка курьерскихъ вихремъ понесла меня въ Ольтеницу... Проѣхавъ верстѣ шесть, вижу, идетъ мнѣ на встрѣчу обозъ казацкихъ офицеровъ. „Ладно“, думаю: „видно переправа и вправду совершается!“ Еще верстѣ пять: скачутъ два казака. Кстати, моимъ лошаденкамъ надо вздохнуть, а то зарѣжешь четверку!

— Стой, суруджи! Что тамъ у васъ дѣлается, ребята?

— Турокъ переправляется, ваше благородіе.

— Много его?“

— Видимо-невидимо. Лодки такъ и шныряютъ взадъ и впередъ по Дунаю.

— Ну, а казаки что?

— Да что, ваше б—іе, онъ палитъ и нашъ палитъ...

— А карантинъ-то уступили наши?

— Кажись бы еще пѣтъ!...

— Гайда, пошелъ!... Вичъ хлопнулъ, телѣжка моя запрыгала... Вотъ и Ольтеница. Перестрѣлки не слышать: что бы это значило? Скорѣе къ казачьему полковнику.

На порогѣ своей хаты встрѣтилъ меня привѣтливый полковникъ Власовъ.

— Что, батюшка, къ намъ замотнулись?

— Да, прислали посмотреть, что у васъ такое дѣлается.

— Да чему тутъ дѣлаться? Подъѣзжали было Турки къ пикетамъ на лодкахъ и ушли опять за островъ.

— Вѣрно боялся, чтобъ мы къ нимъ не пожаловали по суворовски?

— Кто ихъ знаетъ!

— Поѣдемъ посмотреть.

— Пожалуй, поѣдемъ.

Окрестность была покрыта мглою. Предметы не въ дальнемъ разстояніи казались подъ дымкою. Взобравшись на погребъ у карантина, мы едва могли разсмотрѣть, что происходитъ на острову. Наши наблюденія совершенно согласовались съ донесеніями казаковъ о работахъ, произведенныхъ Турками. На батарее не было орудій. Воротясь въ Ольтеницу и сдѣлавъ обо всемъ письменное донесеніе генералу Павлову *), мы принялись съ по-

*) Оказалось, что вслѣдствіе этого донесенія генералъ Павловъ приказалъ двинувшемуся уже отряду своему въ Негоэшти воротиться на прежнюю стоянку въ Будешти, о чемъ опять-таки донесъ корпусному командиру. На донесеніе это генер. Павловъ полу-

чтеннымъ Иваномъ Васильевичемъ за часекъ и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ предпріятій со стороны Турокъ, провели цѣлую ночь, не смыкая глазъ, то выслушивая донесенія съ передовыхъ постовъ, то посылая разъѣзды по всевозможнымъ направленіямъ для строжайшаго наблюденія за Дунаемъ и окрестнымъ пространствомъ. Наконецъ прошла эта томительная ночь и за нею послѣдовало утро 21-го октября—хуже самой ночи.

Туманъ опять покрывалъ всю окрестность. На Дунаѣ было тихо; только иттуцернымъ огнемъ съ острова не позволяли нашимъ пикетамъ приближаться къ берегу рукава Дунай для наблюденій за нимъ.

Что было дѣлать, съ чѣмъ было воротиться въ Будешти? Надо съѣздить въ карантинъ: не разсмотрю ли хорошенько, немного погода, если поднимется туманъ, новой турецкой батареи, что на острову, не вооружаютъ ли они ее, или не построили ли чего новаго въ теченіе ночи?

Моросилъ мелкій осенній дождь. Болотистая почва мѣстности отъ Ольтеницы до карантина растворялась болѣе и болѣе; шагкомъ добрался я до Дуная; былъ часъ одиннадцатый утра.

— Что новаго, ребята?

— Все благополучно, ваше б—іе!

— Поѣдемъ-ка со мною человекъ пять на тотъ берегъ Аржиса, поближе посмотримъ островъ; да возьмите доброе ружье на мою долю, ребята!

Пока сформировали лодку, да собрались казачки въ недалеій походъ, туманъ сталъ подниматься, и едва мы дошли до берега рукава Дуная, какъ

члѣкъ слѣдующій, хотя и деликатный, но язвительный отвѣтъ, изложенный въ рапортѣ начальника корпуснаго штаба генерала Мартинау, отъ 20 октября, за № 975:

„Вслѣдствіе надписи, отъ 20 октября, за № 205, по приказанію госп. корпуснаго командира имѣю честь донести Вашему П—ству, что его Высочайшее Превосходительство находить, что не слѣдовало бы тревожить отрядъ и поставить его въ ружье за переправу 20-ти Турокъ на одной лодкѣ“.

Между тѣмъ, еслибы у нашего высшаго начальства были сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ и приготовленіяхъ Турокъ, то переправа ихъ, хотя бы и въ незначительномъ еще числѣ, на островъ показала бы ему, что Омеръ-паша начинастъ приводить въ исполненіе планъ своего наступательнаго движенія на Бухарестъ и что попытки Турокъ какъ будто переправиться на другихъ пунктахъ черезъ Дунай суть не что иное какъ демонстраціи для отвлеченія нашего вниманія отъ намѣченнаго ими пункта переправы у Ольтеницы. Въ данномъ случаѣ не тонкіе выговоры слѣдовало дѣлать генералу Павлову за поставку въ ружье отряда, двинутаго влѣкъ Негоэшти, а приказать ему продолжать движеніе до Ольтеницы, подтвердивъ его сближеніемъ къ угрожаемому пункту другихъ полковъ отряда генерала Даненберга, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ. Однако движеніе Турокъ, хотя и въ незначительномъ числѣ, не было оставлено безъ вниманія корпуснымъ командиромъ, потребовавшимъ къ себѣ, въ Добреня, генерала Павлова для личныхъ объясненій, по принятію необходимыхъ мѣръ противъ могущихъ произойти случайностей при дальнѣйшемъ развитіи турецкихъ покушеній.

Надо замѣтить, что въ отношеніи Турокъ генералъ Павловъ былъ большой скептикъ. Онъ отзывался о нихъ съ большимъ презрѣніемъ и не допускалъ мысли, чтобы они могли одержать надъ нами какую-нибудь поверхность. Поэтому донесеніе казаковъ о начавшейся переправѣ Турокъ онъ принялъ съ совершеннымъ недоверіемъ, утверждая, что казаки, отъ трусости, обыкновенно изъ мухи дѣлаютъ слона. Генералъ Павловъ если и двинулъ было отрядъ къ Негоэшти (за что и получилъ вышеприведенное замѣчаніе), то такъ-сказать для очищенія совѣсти, чтобы показать готовность своего отряда къ дѣйствію, а не по убѣжденію въ его необходимости. Генерала еще болѣе успокоило мое донесеніе, а потому, по прибытіи въ Добреня на совѣщаніе съ генераломъ Даненбергомъ, онъ не давалъ никакого значенія попыткѣ Турокъ.

туманъ разрѣдился до того, что островъ сталъ виднѣхонекъ со всѣмъ на немъ происходившимъ. Батарея, тщательно отдѣланная, казалось, не была еще вооружена; но казаки утверждали, что орудія для ея вооруженія уже доставлены на островъ, дѣлая это заключеніе изъ того, что на батареѣ, выстроенной напротивъ карантина, въ Туртукаѣ, гдѣ доселѣ находилось 6 орудій, остались только одно мѣдное и одно чугунное. Дѣсь на сторонѣ острова, обращенной къ намъ, вырубленъ только мѣстами и по берегу сдѣланы засѣки: близъ батареи раскинуты четыре шатра; по ту сторону острова, у берега, стоитъ нѣсколько лодокъ, мачты которыхъ намъ виднѣются. У Туртукайскаго берега, подъ батареей, много лодокъ. Въ туртукайскомъ лагерѣ незамѣтно особеннаго движенія и не знаю, вѣрить или не вѣрить рассказу казаковъ, будто въ ночной тишинѣ до нихъ доносился, какъ бы изъ загребня Туртукайскаго берега Дуная, гулъ множества голосовъ, чего въ прежнія ночи имъ не замѣчалось. На островѣ же царствовала совершенная тишина; видимымъ доказательствомъ присутствія живыхъ людей на островѣ былъ одинъ только часовой, держа ружье подъ курокъ, мѣрно расхаживавшій по батарее въ бѣломъ косматомъ пальто съ такимъ же башлыкомъ, нахлобученнымъ на глаза. Полчаса продолжался мой наблюденія; никто, казалось, съ острова не обращалъ на меня вниманія. Только въ нѣсколькихъ мѣстахъ острова вился дымокъ костровъ; правѣе батареи была сложена нѣбольшая гора фашицъ и туровъ. Зачѣмъ они заготовлены: для постройки на острову укрѣпленій, или для перевоза сюда?
Что же это затѣлили, подумалъ я, казацкіе пикеты отодвинутся отъ Дуная и стать гдѣ-то въ кустахъ внѣ ружейнаго непріятельскаго огня, въ пунктахъ, съ которыхъ не было возможности наблюдать за дунайскимъ рукавомъ?

— Поди-ка, братъ, скажи товарищамъ, чтобъ они показались изъ кустовъ, и одинъ пикетъ сталъ вонъ на томъ курганчикѣ, съ котораго имъ будетъ виднѣе, что дѣлаютъ турки!—послалъ я бывшаго со мною урядника. Но лишь только мой посланецъ передалъ казакамъ мое приказаніе и они стали выбираться по-одиночкѣ изъ кустовъ, покрывающихъ берегъ. Ахъ, какъ Турки перестали хитрить, и мимо ушей моихъ

.. Прокуужала
Шальная пуля славный звукъ!..“

Не успѣлъ я припомнить всей строфы „Валерика“, какъ Турки осыпали насъ градомъ пуль. Что было дѣлать? „Ложись, ребята!—и, слѣдуя моему примѣру, казаки проползли въ кусты, одѣваящіе берегъ рукава Дуная, засѣли подъ этимъ ничтожнымъ прикрытіемъ и открыли частый огонь по острову. въ намѣреніи вызвать Турокъ на что-нибудь порѣшительнѣе. Минутъ около пятнадцати длилась наша перестрѣлка. Мы остались цѣлы; насъ хранилъ Господь, несмотря на то, что Турки имѣли всѣ выгоды на своей сторонѣ: ихъ было много; число стрѣлявшихъ по насъ возрастало ежеминутно. они дѣйствовали изъ-за заваловъ, ложементовъ, изъ-за деревьевъ,—дѣйствовали штунерами по насъ, представлявшихъ имъ отличную цѣль, не-

смотря на рѣдкій кустарникъ, которымъ мы думали хоть нѣсколько при-крыть себя. Однако нечего было терять времени напрасно, подвергая и себя и бывшихъ со мною людей опасности,—мы отодвинулись къ Аржису. Турки за-молчали.

Воротаясь въ карантинъ и приказавъ пикетамъ держать *ухо остро*, я рѣшился отправиться въ Будешти. Въ ожиданіи почтовыхъ лошадей, вхожу къ полковнику Власову, сидѣвшему за бумагами.

— Ну, что тамъ такое?

— Чуть Турки не подстрѣлили!

— Развѣ?...

Я рассказалъ ему о происшедшемъ со мною и тутъ же, по его просьбѣ, написалъ объ этомъ донесеніе отъ его имени генералу Павлову, взявши въ доставить таковое по назначенію. Но вотъ и лошади готовы. Выѣхалъ за деревню и вдругъ слышу—какъ будто канонада... Оглаживаясь: облако дыма лежитъ надъ Туртукаемъ, а изъ Ольтеницы, что есть мочи, скачетъ казакъ. „Что тебѣ?“ — Полковникъ проситъ воротиться.

Казачью сотню я засталъ на конѣ. Полковникъ строилъ и распредѣлялъ ее; съ пятью человѣками на борзомъ донскомъ скакунѣ я понесся къ карантину. При выѣздѣ изъ деревни мы встрѣтились валахскіе граничары, подобру-поздорову убрившіеся, съ своими пожитками на плечахъ, куда-то на сборный пунктъ *). Казачій пикетъ, уже оставившій карантинъ, стоялъ, держа рѣдкую цѣпь, между Новой Ольтеницей и карантиномъ, въ который Турки продолжали метать ядра и гранаты съ острова. Собравъ казаковъ пикета, усиленныхъ моимъ конвоемъ, я бросился къ карантину со стороны Аржиса, а есаулъ Воиновъ съ нѣсколькими казаками поскакалъ къ нему со стороны Дуная, чтобы выбить Турокъ, уже перебѣгавшихъ между его зданіями, тогда какъ ихъ батареи уже прекратили огонь, и мы увидѣли фронтъ регулярной турецкой кавалеріи, стройно двигавшейся на полныхъ рысяхъ по правому берегу Аржиса, и лодку человѣками съ пятидесятью пѣхоты, подъ косымъ парусомъ идущую къ карантину.

Думать было нечего: смѣшно было бы затѣвать борьбу въ такихъ не-равныхъ силахъ и при столь неблагоприятныхъ условіяхъ. Пославъ дати

*) Нельзя умолчать, что переправа Турокъ въ Ольтеничскій карантинъ не стоила имъ ни одной жертвы, ихъ не встрѣтилъ ни одинъ выстрѣлъ: лишь только переправа началась, казачьи пикеты, занимавшіе берегъ Дуная и карантинъ, а также караулъ валахскихъ граничаръ, стоявшій въ зданіи карантина, тотчасъ бросились бѣжать, захвативъ что могли изъ своихъ пожитковъ. Серьезнаго сопротивленія переправѣ ни казаки, ни граничары оказать не могли, по своей малочисленности и по отдаленности отъ главныхъ силъ, а также изъ опасенія быть отрѣзанными отъ своего главнаго резерва, т. е. полка Власова (имѣннаго въ наличности всего около двухъ сотенъ), который не могъ бы подоспѣть имъ на помощь, а еслибъ и подоспѣлъ, то былъ бы остановленъ огнемъ орудій Туртукаля и островной батареи, отъ которой до карантина было всего 380 сажень.

Конечно не такъ легка была бы для Турокъ переправа у Ольтеницкаго карантина, еслибы пѣхота отряда генер. Павлова не была возвращена съ пути въ Негоэшти, а напротивъ, еслибы, продолжая свой путь, она въ день переправы была уже въ Ольтеницѣ и, вѣроятно, передовыми постами своими занимала бы карантинъ въ моментъ переправы Турокъ.

знать о происходящем полковнику Власову, я отошелъ съ казаками на ружейный выстрѣлъ отъ карантинъ и сталъ цѣпью, примыкая правымъ ея флангомъ къ рѣкѣ Аржису. Есаулъ Воиновъ сдѣлалъ то же, примкнувъ своимъ лѣвымъ флангомъ къ Дунаю. Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ турецкая кавалерія была уже въ карантинѣ, переправясь вплавь черезъ рѣку Аржисъ и выѣхавъ на насъ въ тотъ самый моментъ, когда выходилъ на рыхахъ изъ Новой Ольтеницы полковникъ Власовъ съ сотнею казаковъ. Выскакавъ толпою, Турки разсыпались цѣпью; въ резервъ ей явилась изъ карантинъ другая толпа. Наши казацкіе застрѣльщики понеслись имъ навстрѣчу и завязалась перестрѣлка. Турецкая цѣпь возрастала и сгущалась. Турецкіе резервы замѣнялись новыми. Власовъ послалъ за своимъ резервомъ. Перестрѣлка дѣлалась живѣе и чаще. Турки гарцовали. Картина была прекрасная и новал, особенно для меня: я не могъ отъ нея оторваться. Длинный, волнующійся фронтъ непріятельской конницы съ выправленнымъ оружіемъ, дымящимися ружьями, то развертывающійся шире и шире, то собирающійся толпами; пестрота костюмовъ одной половины цѣпи (состоявшей изъ редифа) и однообразіе другой (состоявшей изъ регулярной кавалеріи), красные чапراки, шитые золотомъ, красные шальвары, красныя, огромныя чалмы, плащи съ башлыками, у многихъ нахлобученными на голову; оригинальная посадка; кляпящія отъ нетерпѣнія маленькія лошадки; большой бѣлый значокъ редифа, возимый по фронту (самимъ начальникомъ, одѣтымъ во все красное, или за *начальникомъ*—Богъ его знаетъ) и, казалось, руководящій общимъ дѣйствіемъ и направленіемъ цѣпи: все это, взятое вмѣстѣ, производило на душу неиспытанное дотолѣ чувство; хотѣлось, спустивъ коня на перевѣсъ, броситься на этихъ удалыхъ джигитовъ, стоптать ихъ своими конями; хотѣлось скорѣе помѣрять оружіе съ этою хвастливою, разряженою толпою и величаво проѣхаться по этому полю, сдѣлавшись его исключительнымъ господиномъ, хоть на часъ, хоть на мгновеніе... Но между тѣмъ на Дунаѣ дѣятельность кипѣла: косые паруса множества лодокъ, словно чайки, шныряли отъ берега къ берегу, перевоза войска. Въ карантинѣ появилась значительная часть пѣхоты: дремать было нечего. Толпа удалцовъ стоваривалась гикнуть на Турокъ и отхватить ихъ флангъ, но въ то самое время Турки, подкрѣпленные новымъ резервомъ, стали тѣснить насъ, и полковникъ Власовъ, подѣхавъ ко мнѣ, рѣшительно предложилъ мнѣ немедленно отправиться къ начальнику отряда и доложить, что если переправа будетъ продолжаться въ той же степени, въ какой происходитъ теперь, то онъ будетъ не въ силахъ удержаться съ казаками въ Ольтеницѣ, не получивъ подкрѣпленія. Какъ ни заманчивъ былъ предстоящій моментъ, какъ ни хотѣлось испытать поэзію атаки и рукопашной сѣчи, но долгъ повелѣвалъ ѣхать, не тратя ни минуты, и я, на почтовыхъ, поскакалъ въ Будешти...

Что же произошло послѣ моего отъѣзда?

Нѣсколько разъ то непріятельская цѣпь наступала на нашу, которая при

этомъ отодвигалась къ Ольтеницѣ, то наша наступала на Турокъ и заставляла ихъ отходить къ карантину; причемъ въ одну изъ такихъ эволюцій Турки совершенно скрылись за карантинныя зданія, хотя ясно было видно, что переправа ихъ продолжается и что съ лодокъ, начавшихъ приставать къ берегу Дуная, ниже устья Аржиса, постоянно сходятъ сильныя пѣхотныя колонны, двигающіяся въ карантинъ. Прошло болѣе трехъ часовъ: вдругъ толпы Турокъ рысью выѣхали изъ-за карантина и, пустившись внизъ по берегу Дуная, внезапно открыли свое намѣреніе, стремительно понесясь на лѣвый флангъ нашихъ казаковъ, которые, отстрѣливаясь, бросились во всю прыть къ Новой Ольтеницѣ. Турки, въ порывѣ увлеченія, на свою бѣду, забыли всякую осторожность и, преслѣдуя казаковъ, ворвались въ деревню... Казачій полковникъ, старый служивый, не дремалъ: съ толпою казаковъ, которыхъ успѣлъ скликать, онъ притаился за крайними домами Н. Ольтеницы и, пропустивъ Турокъ мимо себя, бросился на нихъ съ тылу, въ пики, съ крикомъ „ура!“. Отступившіе казаки въ тотъ же моментъ повернулись къ непріятелю, и Турки, поставленные между двухъ огней, пришли въ совершенное разстройство: произошла кровавая стычка. Турки думали только о спасеніи. Въ одно мгновеніе четверо изъ нихъ были изрублены. Полковникъ Власовъ, до этой минуты рисовавшійся на ворономъ конѣ въ мѣховой бекешѣ съ чубукомъ въ рукѣ, являя примѣръ самаго безмятежнаго хладнокровія, трихнулъ стариной: чубукъ былъ переданъ въ лѣвую руку и шашка засверкала! Онъ ею такъ угодилъ по лицу какого-то молодца въ бѣлой чалмѣ, что тотъ не успѣлъ, я думаю, и опомниться, какъ очутился въ объятіяхъ черноглазой гуріи! Кромѣ четырехъ Турокъ убито у нихъ три лошади. До пятнадцати чело-вѣкъ Турокъ ранено пулями, шашками и пиками; одинъ изъ нихъ болѣе ста сажень тащилъ за собою пика, всаженную ему въ бокъ *). Турки бѣжали, преслѣдуемые нашими до послѣдней возможности. Въ этомъ бою не продолжительномъ, но явившемъ съ обѣихъ сторонъ доказательство блистательнѣйшей отваги, ранено двое нашихъ казаковъ, одинъ пулею въ бокъ, отъ чего впоследствии и умеръ, другой пулею въ руку, — рана вскорѣ излѣчена.

Незначительныя, повидимому, событія, сопровождавшія переправу Турокъ на нашъ берегъ, разсказаны мною съ такою подробностью въ намѣреніи показать въ возможной рельефности заслугу казаковъ, которые удержали своею грудью натискъ превосходнѣйшихъ турецкихъ силъ въ виду цѣлой непріятельской арміи, подъ огнемъ крѣпостныхъ батарей, будучи удалены отъ своихъ ближайшихъ войскъ на восемнадцать верстъ и оставлены на мѣстности, представлявшей непріятелю все средства, затѣявъ съ ними драку, отрѣзавъ имъ отступление и подавить ихъ своею многочисленностью. Я разсказываю

*) Во время этой стычки, въ самой деревнѣ, казаки чуть было не взяли значка, о которомъ мы упомянули въ текстѣ. Турокъ, его возившій, спасся самъ и спасъ свой значокъ тѣмъ, что отмахивался имъ отъ казаковъ. Казаки нѣсколько разъ наскakивали на этого молодца, желая взять его живымъ, но казачьи лошади, вообще очень пугливыя, всякій разъ бросались въ стороны, испуганныя взмахомъ значка, и Турокъ ускользалъ изъ рукъ, а выстрѣлить въ него, въ суматохѣ боя, никто не догадался.

мелкія подробности этого событія потому еще, что отважная стойкость казаковъ и ихъ полковаго командира, сверхъ той заслуги, какую заключаетъ въ себѣ одно проявленіе мужества и твердое исполненіе обязанности, имѣла и другое немаловажное значеніе. Дѣло въ томъ, что еслибъ казаки, несмотря на безпрестанные натиски Турокъ и наконецъ на живой огонь ихъ пѣшей цѣпи (въ ночь съ 21 на 22-е октября замѣнившей кавалерійскую цѣпь), не держались передъ Новою Ольтеницею, а рѣшились отойти за Старую Ольтеницу, чтобъ обезопасить свой путь отступленія въ случаѣ физической невозможности удержать непріятельскій натискъ, который могъ сопровождаться обходомъ одного изъ ихъ фланговъ, — обѣ эти деревни неминуемо были бы заняты Турками; обыватели, не ожидавшіе Турокъ на этомъ пунктѣ и, потому, спокойно жившіе въ своихъ домахъ, были бы захвачены непріателемъ со всѣмъ имуществомъ; были бы забраны огромные запасы соли, ячменя, кукурузы, пшеницы, вина, спирта, фасоли, — продукты, наполнявшіе въ огромномъ количествѣ многочисленныя магазины и погреба обѣихъ Ольтеницъ, занимающихся значительною торговлею на Дунаѣ и населенныхъ купцами, по преимуществу Греками и Болгарами, равно какъ и повѣренными различныхъ иностранныхъ торговыхъ домовъ. Но полковникъ Власовъ, какъ мы видѣли выше, не разсчитывая ни числа непріятеля, ни его матеріальныхъ военныхъ средствъ, бросился на него и далъ ему понять, что если онъ и рѣшится идти дальше, то каждый вершокъ земли, на который разъ ступила наша нога, не легко будетъ ему у насъ вырвать, и, такимъ образомъ, спасъ деревни, которыя прикрывалъ своими казаками.

Присакавъ въ Будешти, я нашелъ свое общество за послѣобѣденнымъ шампанскимъ у командира Ольвинопольскаго уланскаго полка полковника Козлянинова.

— Гдѣ генералъ?

— Въ Добреняхъ, у корпуснаго.

— Вотъ исторія! Что же дѣлать теперь?

— Да что съ вами такое, чего вы суетитесь, промочите сперва горло, — продолжалъ, подвигая мнѣ стаканъ замороженнаго Клико, полковникъ Козляниновъ, командовавшій лѣвымъ отрядомъ за отсутствіемъ генерала Павлова, — и рассказывайте все, подробно: что новаго въ Ольтеницѣ? Что дѣлаютъ сумасшедшіе Турки?

— Какъ что дѣлаютъ? помилуйте, господа, дерутся — да и только, безъ шутокъ, до смерти дерутся, чуть меня не убили. Я вѣдь прямо изъ дѣла.

— Какъ, что?...

Всѣ вскочили, обступили меня, заставили рассказывать всѣ подробности...

— Такъ вы думаете — Турки могутъ уничтожить казаковъ?

— Какъ же не уничтожить, сами посудите!... глупы будутъ, если не уничтожатъ. Если они уже затѣяли серьезную переправу, такъ что же имъ значить порядочный кавалерійскій отрядецъ пустить по правому берегу Ар-

жиса въ тылъ казакамъ, а самимъ ударить на нихъ съ фронта? Вѣдь спасется только тотъ, у кого добройзжій конь!

— Правда, выходитъ не шуточное дѣло. На встрѣчу казакамъ надо выдвинуть по крайней мѣрѣ дивизіонъ уланъ. Если казаки опрокинуты и преслѣдуемы Турками, то появленіе нашихъ уланъ заставитъ ихъ остановить преслѣдованіе; не ждать же намъ сложа руки здѣсь, пока увидимъ бѣгущихъ казаковъ. Я распоряжусь, а вы, батюшка, — заключилъ полковникъ, — поѣзжайте-ка въ Добрени, къ генералу, да поскорѣе.

Черезъ полчаса я уже мчался на новой четверкѣ въ Добрени. Но какъ на грѣхъ попалась мнѣ плохая телѣжка: трехъ верстъ я не могъ проскакать, чтобъ не соскочило то одно колесо, то другое, — все чеки терлись!... Вотъ такіе пустыки, а иногда могутъ съ ума свести человѣка. Я готовъ былъ не знаю что сдѣлать, чтобы только ѣхать скорѣе, чтобы колеса держались, а они, какъ нарочно, то одно скокъ, то другое скокъ! А не надо забывать — голая степь и нигдѣ ни одного кустика. Изъ чего бы сдѣлать чеку? Саблею по повозкѣ, — къ счастью, ея бока сдѣланы въ видѣ лѣстницъ, — то одну перекладину долой, то другую, и эти-то перекладки, замѣнивъ чеки, давали возможность ѣхать дальше.

Кто знаетъ, быть-можетъ отъ моей ѣзды зависить судьба дѣла, жизни моихъ товарищей.

— Пошелъ, суруджи, пошелъ скорѣе. Гайда! — Двухъ верстъ мы не проѣхали послѣ первой остановки, какъ вдругъ зашаталась коренная лошадь — и на бокъ. Отрубивъ саблею постромки, мы скакали далѣе на трехъ лошадахъ, — двѣ впереди, одна въ дышлѣ.

Вижу, ѣдетъ навстрѣчу генералъ Павловъ съ полковникомъ Козляновымъ 2-мъ.

— Что такое, что такое?

Я рассказалъ все, что зналъ и чему былъ личнымъ свидѣтелемъ. Генералъ, услышавъ отъ меня, что полковникъ Козляновъ пошелъ со своими уланами къ Негоэшти для подкрѣпленія подполковника Власова, очень разсердился, доказывая, что этимъ движеніемъ только *иступаютъ* Турокъ и не дадутъ имъ переправиться, на свою погибель, на нашъ берегъ. Генералъ приказалъ мнѣ продолжать путь, немедленно доложить о всемъ происходящемъ въ Ольтеницѣ и на Дунаѣ корпусному командиру, но о движеніи Козлянова къ Негоэшти и не заикаться никому въ главной квартирѣ. Принявъ эти приказанія, я поѣхалъ дальше.

Начальника штаба, генералъ-маіора Мартинау, я встрѣтилъ на улицѣ, — онъ шелъ къ корпусному командиру съ генераломъ Семякинымъ, который былъ присланъ съ приказаніемъ главнокомандующаго (основаннымъ на представленіяхъ генерала Данненберга) — дать Туркамъ урокъ, чтобъ отучить ихъ безнаказанно лазить на берегъ, нами занимаемый. Мое донесеніе о рѣшительной переправѣ Турокъ было очень кстати. Генералъ Данненбергъ и всѣ, кому я докладывалъ о переправѣ Турокъ, а равно всѣ товарищи, которымъ

я рассказывалъ объ этомъ событіи, все, съ разными только варіаціями, повторяли слова Кутузова: „Пусть переправляются: только перешло бы ихъ на нашъ берегъ побольше“ *). Все мы, признаться, отъ старшаго до младшаго видѣли въ этомъ событіи проявленіе особаго милосердія Господня, которому угодно даровать нашему оружію новое торжество и побѣдными вѣнцами вознаградить насъ за перенесеніе многихъ трудовъ, лишеній, за разлуку съ отечествомъ, за томленіе долгаго ожиданія, — все, кому бы ни говорили: „Турки переправились!“ — отвѣчали: „Слава Богу! Слава Богу!“

Мнѣ приказали подождать. Въ 11 часовъ ночи я получилъ, наконецъ, отъ начальника штаба словесное (на всякій случай) и письменное приказаніе корпуснаго командира генералу Павлову слѣдующаго содержанія:

„Командующему лѣвымъ отрядомъ передоваго отдѣла господину генералъ-маіору и кавалеру Павлову (о самонужѣйшемъ).

„Согласно предположеніямъ господина командующаго войсками, предлагаю вашему превосходительству завтрашняго числа, въ 9 часовъ утра, выступить въ Митрени-Фундени, въ томъ порядкѣ, который мною вамъ сего числа лично былъ объясненъ. По прибытіи въ Фундени и давъ отдыху часа три, направить, подъ командою полковника Козлянинова 2-го, дивизіонъ уланъ съ 2-мя орудіями конно-казачей артиллеріи и со всеми казаками, которые будутъ подъ рукою у вашего превосходительства, къ Ольтеницѣ, съ предписаніемъ открыть силы и расположеніе Турокъ, перешедшихъ на лѣвый берегъ Дуная у Ольтеницкаго карантина. Полковнику Козлянову ввѣнčiti въ обязанность не подвергать ввѣряемаго ему отряда напрасному урону, а напротивъ стараться, отступая, навести непріятеля на пѣхоту, которая будетъ расположена въ выгодной, вами уже избранной, позиціи. При выступленіи изъ Будешти оставить при Негоэштскомъ мосту, для охраненія онаго, одинъ баталіонъ съ двумя легкими орудіями. 4-мъ эскадронамъ Ольвіопольскаго уланскаго полка, собравшимся въ Будешти, слѣдовать за пѣхотою въ разстояніи одной версты.

„Увѣдомляю ваше превосходительство, для свѣдѣнія вашего, что завтрашняго же числа, въ 7 часовъ утра, выступитъ Якутскій пѣхотный полкъ изъ лагеря при Добрени и прибудетъ къ Негоэштскому мосту около 2-хъ часовъ пополудни. По прибытіи сего полка къ Негоэштскому мосту, баталіонъ, вами тамъ оставленный съ 2-мя орудіями, отправится немедленно для соединенія къ вашему отряду.

„Дальнѣйшее распоряженіе ожидать отъ меня по прибытіи моемъ въ Будешти или къ отряду вашему.

„Если же до моего прибытія непріятель сталъ бы напирать на вашъ отрядъ, то дѣйствовать по обстоятельствамъ, согласно съ даннымъ мною вашему превосходительству сего числа наставленіемъ, донося во всякомъ случаѣ

*) Михайловскій-Данилевскій: „Описаніе Турецкой войны“, стр. 310.

обо всемъ, что вами будетъ замѣчено со стороны непріятеля“ (21 октября, № 990. С. Добрени).

Темною, глухою ночью, съ извозникомъ, не знавшимъ дороги, я принужденъ былъ пробираться по степи обратно въ Будешти, везя распоряженія на завтрашній день и получивъ приказаніе доставить ихъ скорѣе, чтобы возможно было успѣть сдѣлать по нимъ нужныя распоряженія. Измученный нетерпѣніемъ, быстрою ѣздой на неудобной телѣжкѣ и сильными ощущеніями, испытанными въ эти послѣдніе два дня, я добрался, наконецъ, часу въ четвертомъ утра до Будешти, гдѣ генераль дожидаль меня цѣлую ночь съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Вмѣсто „спасибо“ за труды и хлопоты, мною въ послѣдніе дни понесенные, за энергію, съ какою я, можно сказать, одинъ во всемъ отрядѣ дѣйствовалъ къ уясненію происходившаго, я былъ встрѣченъ генераломъ Павловымъ, послѣ прочтенія привезеннаго мною предписанія, градомъ упрековъ. Генераль говорилъ, что это „я виновать во всей происшедшей кутерьмѣ; что онъ, генераль Павловъ, именно этого-то и не хотѣлъ, чтобы пріѣзжалъ сюда генераль Даненбергъ и приходилъ Якутскій полкъ.

— Какихъ-нибудь, — кричалъ генераль Павловъ, — 200 паршивыхъ Турокъ перешло на нашъ берегъ — и подняли цѣлый содомъ!

Насилу я нѣсколько охолодиль генерала, доложивъ ему, что сюда войска двинуты не по моему собственно донесенію, а вслѣдствіе распоряженій, присланныхъ еще до моего прибытія въ Добрени, княземъ Горчаковымъ: идти и побить Турокъ!

Нечего было дѣлать, какъ ни злился въ душѣ генераль Павловъ, оттого что честь уничтоженія переправившихся на нашъ берегъ Турокъ будетъ принадлежать не ему собственно, а нечего дѣлать — надо было смириться и отказаться отъ самостоятельныхъ дѣйствій.

Лишь начало свѣтать 22 октября, я отправился къ генералу, чтобы, согласно его приказанія, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на позицію, не успѣвъ уснуть и двухъ часовъ, — истомленный, измученный.

Войдя въ первую комнату, слышу у генерала въ кабинетѣ чей-то знакомый голосъ. Пріостановясь, я старался его узнать и узналъ, хотя съ говорившимъ мы разстались лѣтъ около 15-ти тому назадъ. То былъ казачій есаулъ Епифановъ, товарищъ мой по коммерческому училищу. Это неожиданное свиданіе особенно сладостно было мнѣ сегодня. Въ эти моменты, близкіе, быть-можетъ, къ концу моей жизни, такъ отрадны были дѣтскія воспоминанія, такими радужными красками, съ такою рельефностію возстали нынѣ предъ моими глазами, такъ еще, казалось бы, недавно бывшія дѣйствительностію картины первыхъ дней моей юности, что я не зналъ какъ благодарить судьбу за эту встрѣчу....

Въ 9 часовъ войска, окропленные святою водою, послѣ напутственнаго молебна, весело и стройно, съ громкими пѣснями, потянулись къ Дунаю. Молодежь была въ восторгѣ; боя ждали какъ желаннаго пира, какъ ра-

достного праздника; старики своими рассказами о минувших подвигах еще сильнѣе распаляли военный жаръ. Даже между солдатами не было, казалось, человѣка, который бы думалъ объ усталости, который не былъ бы готовъ отказаться отъ привала, столь желаннаго во время обыкновенныхъ переходовъ и столь досаднаго теперь; не было человѣка, который не хотѣлъ бы, не останавливаясь ни на минуту, идти на недруга!... Но служебныя желанія солдата ограничены волею начальника.... Ударили отбой: ружья въ козла, ранцы сброшены; никто, впрочемъ, и не думалъ ложиться отдыхать, какъ это дѣлается обыкновенно послѣ перехода, — всѣ спѣшили въ тѣсныя кружки; закипѣли рассказы, предположенія, оригинальныя заключенія, солдатскія догадки. Бесѣда офицеровъ, собравшихся шумною толпою, была оживленнѣе обыкновеннаго. Завтрашній день съ послѣдующими за нимъ рисовался предъ каждымъ радужными красками надежды; заманчивость загадочнаго будущаго была такъ велика, что никому и въ голову не приходила возможность завтра, послѣ-завтра покончить всѣ расчеты съ жизнью. Казалось, самый проницательный фیزیомистъ не нашелъ бы на этихъ одушевленныхъ лицахъ ни печальной думы, ни грустной мысли. Души всѣхъ настроились близостью великихъ событій на такой возвышенный ладъ, что всякій искалъ, какимъ бы хорошимъ дѣломъ ознаменовать это поэтическое ожиданіе кроваваго пира! Благотворительность всего приличнѣе для подобныхъ мгновений. Но какой подвигъ благотворительности могли сдѣлать мы, армейскіе бѣдняки, у которыхъ всѣ капиталы заключаются въ одномъ жалованьѣ? Что достойнаго особаго вниманія, особо замѣчательнаго могли сдѣлать мы въ валахскихъ степяхъ, вдали отъ всего образованнаго міра, посреди воинскаго стана, въ виду непріятеля?

Явились два предложенія, и мы съ восторгомъ взялись за осуществленіе обоихъ. Вонервыхъ, въ каску одного изъ насъ посыналось сильное денежное приношеніе тѣмъ казакамъ, которые, будучи ранены 21-го октября, своею кровью принесли первую жертву въ рѣшительномъ бою съ Турками на сушѣ, въ войнѣ, начатой на берегахъ Дуная *). Нѣсколько десятковъ рублей серебромъ собралось тотчасъ для обезпеченія первыхъ нуждъ этихъ храбрыхъ страдальцевъ, и отданные въ ихъ распоряженіе, при ихъ товарищахъ, произвели не только на нихъ, но и на всѣхъ нераненыхъ, самое прекрасное впечатлѣніе.

Вовторыхъ, тѣхъ четырехъ Турокъ, которыхъ казаки изрубили въ рассказанной мною стычкѣ, опредѣлили похоронить на видномъ мѣстѣ съ почестями, подобающими павшимъ въ честномъ бою. Не зная подробностей обряда мусульманскихъ похоронъ, мы положили въ простые, наскоро сдѣланные, гробы бранные останки павшихъ противниковъ и, проводивъ ихъ до могилы, опустили въ землю съ тѣмъ же сердечнымъ чувствомъ, въ томъ же

*) Эта жертва не была обнародована, но все-таки, сколько мнѣ извѣстно, она первая въ ряду тѣхъ жертвъ, которая въ настоящее время съ такимъ обиліемъ изливаются гражданами Россіи на равныя, наносимыя супостатомъ храбрымъ ея сынамъ.

печальномъ настроеніи духа, въ какомъ Господь приводилъ намъ предавать землѣ тѣла нашихъ собратій; тѣмъ сердечнымъ вздохомъ мы вторили стукъ земли, ударявшей о гробовую крышку потребаемыхъ, какимъ не великій изъ насъ, быть-можетъ, будетъ сопровождаться по пути въ вѣчность... Но тѣмъ ли заплатили намъ Турки чрезъ два дня послѣ этого событія? Такимъ ли поведеніемъ, относительно къ нашимъ погибшимъ братіямъ, отблагодарили они насъ за наши человѣколюбивые поступки съ ихъ братьями, нами убитыми? Не изъ хвастовства рассказываю эти подробности. Долгъ чести повелѣвалъ намъ поступить такъ, а не иначе. Несмотря на извѣстное намъ изувѣрство Турокъ, на дикое направленіе ихъ идей, на ихъ обыкновенно варварскій образъ дѣйствій, не скальпировать же было убитыхъ, какъ сдѣлали Турки съ убитымъ ими казакомъ Войковымъ!... Наконецъ, возможно ли сравнивать просвѣщенное, проникнутое возвышеннымъ пониманіемъ воинской чести воинство русское съ упоенными фанатизмомъ ордами Турокъ, которые не могутъ измѣнить ни своимъ кровавымъ преданіямъ, ни своей заклятой ненависти къ христіанству, ни отказаться отъ варварскаго изувѣрства, при всѣхъ успѣхахъ европейцевъ, желающихъ приккрыть эти несовременные пороки той цивилизаціи?

Послѣ непродолжительнаго привала слѣдовалъ краткій переходъ до избранной нами, превосходной въ военномъ отношеніи, позиціи, не доходя с. Старой Ольтеницы, — позиціи, упиравшейся правымъ флангомъ въ р. Аржисъ, а лѣвымъ примыкавшей къ степи, огражденной болотами. Позиція наша состояла изъ возвышенности, охранявшей долину, простиравшуюся до самаго Дуная, которому она, во времена оны, вѣроятно, служила ложбиною или мѣстомъ разлива. Тутъ еще сохранились рѣзкіе остатки суворовскихъ окоповъ, редутовъ, ложементовъ; тутъ курганы, насыпанные надъ могилами, вѣроятно, его же солдатъ, съ полусгнившими крестами, надписей на которыхъ и разобрать невозможно. Это, должно полагать, то самое Ольтеницкое урочище, на которомъ Суворовъ стоялъ лагеремъ, дожидаясь подкрѣпленія, готовясь во второй свой поискъ за Дунай, увѣнчавшій его такою блистательною славою. На этомъ-то достопамятномъ мѣстѣ мы стали бивакомъ въ ожиданіи прихода Якутскаго пѣхотнаго полка съ его артиллеріею, назначенною дѣйствовать съ нами, и окончательныхъ распоряженій о наступленіи на непріятеля, который долженствовали быть слѣдствіемъ усиленной рекогносцировки позиціи Турокъ, произведенной послѣ обѣда 22 октября уже не полковникомъ Козляниновымъ 2-мъ, собственно, какъ было сказано въ предписаніи корпуснаго командира, мною привезенномъ, а присланнымъ главнокомандующимъ, генеральнаго штаба подполковникомъ Эрнротомъ, съ двумя казачьими орудіями, сотнею казаковъ и дивизіономъ Ольвиопольскаго уланскаго полка, подъ командою полковника Козлянинова 2-го *). Мнѣ въ этой рекогносцировкѣ не удалось участвовать.

*) Въ запискѣ, приписываемой покойному П. К. Менькову, напечатанной за границей, а у насъ ходившей по рукамъ въ рукописи, подъ заглавіемъ: „Дунай и Нѣмцы“, — объ

Последній въ жизни многихъ изъ насъ бивакъ, съ 22-го на 23-е октября, былъ одушевленнѣе и живописнѣе обыкновеннаго. Казалось, тотъ, кому внутренній голосъ шепталъ, что скоро настанетъ конецъ его прекрасной жизни, старался заглушить въ себѣ разгуломъ этотъ докучный лепетъ. а тотъ, кто спокойно смотрѣлъ въ будущее, не имѣлъ причинъ отвѣчать отъ товарищей въ весельѣ. Громкій говоръ, смѣхъ, одушевленные крики, родныя удалыя пѣсни — все слилось въ общій гулъ, стоявшій надъ нашимъ бивакомъ и, вѣроятно, слышный и за Дунаемъ. Разнообразныя, живописныя сцены были озарены огромными кострами, которые приказывали было тушить, чтобъ Турки, увидѣвъ ихъ съ нагорнаго берега Дуная, не побоялись дожидаться насъ въ карантинѣ до завтра и не лишили насъ всякой возможности помѣрять съ ними оружіе. Таково было въ насъ желаніе боя! Чувству этому не въ первый разъ проявляться у русскаго солдата: если какое опасеніе и является у нашего солдата при встрѣчѣ съ недругомъ, то единственное, что басурманъ его не дождется, не захочетъ, не посмѣетъ грудью встрѣтить его натиска, стать съ нимъ лицомъ къ лицу.

Ночь была холодная. Перепадалъ дождикъ; поэтому опять позволили развести огни; къ нимъ тѣснились веселые кружки офицеровъ; никто, казалось, и не думалъ, что завтра ему быть-можетъ уже не грѣться у жаркаго костра, что завтра, въ эту пору, его быть-можетъ пригрѣетъ мать сыра земля. Офицеры перемѣшались съ солдатами; опасность сдружаетъ со всѣми, съ кѣмъ приходится раздѣлять ее. Насъ пригласилъ къ себѣ ужинать майоръ Турбинъ. Съ одной стороны костра сидѣли и стояли солдаты; мы окружали его съ другой, въ ожиданіи приготовленія походнаго битка, бесѣдуя съ солдатами, общими силами стараясь, разсказами о славныхъ воинскихъ подвигахъ, дѣлахъ несокрушимаго мужества, блистательной отваги, молодечества и удалой солдатской находчивости, въ моментъ самаго страшнаго боя, пробудить соревнованіе къ героямъ этихъ разсказовъ. Шумно, весело протекалъ для насъ этотъ вечеръ у привѣтливаго костра Турбина. Думалъ ли онъ, что завтра въ это время онъ самъ, теперь одушевляющій другихъ, будетъ лежать на страдальческомъ одрѣ съ переломленною ключицею, съ лопнувшою плечевою лопаткою?... Думалъ ли онъ, что завтра ядро, пронесясь близъ его, не растерзавъ его, какъ будто только напомнить ему,

этой рекогносцировкой говорится, что, „получивъ извѣстіе объ увеличеніи турецкихъ силъ въ карантинѣ, князь Горчаковъ двинулъ изъ Букареста къ Ольтеницѣ 12 дивизію и послалъ генеральнаго штаба подполковника Эрнота произвести рекогносцировку занимаемой непріателемъ позиціи, и 22-го октября произведена была эта безвредная для обѣихъ сторонъ рекогносцировка. Непріатель, открывъ огонь своихъ батарей съ дальняго разстоянія, остановилъ рекогносцирующихъ въ самомъ почтительномъ разстояніи. На мѣсто рекогносцировки прибыли: Даненбергъ, Павловъ, Мартинау и другіе. Всѣ видѣли столько же, сколько видѣлъ Эрнотъ, т. е. ничего. Между тѣмъ Эрнотъ утверждалъ, что карантинъ занятъ слабо, что войска, оный занимающія — жалкій сбродъ и что онъ, съ двумя баталіонами пѣхоты, выбьетъ непріателя изъ карантина и съ острова. Незвѣстно, въ какой степени повѣрили Эрноту зрители непріательской позиціи, извѣстно только то, что самонадѣянный разсказъ этого господина водворилъ спокойствіе въ домѣ командующаго войсками, и ночь съ 22-го на 23-е прошла покойно“.

что не знаемъ мы ни дня, ни часа, въ онѣже можемъ предстать на судъ Бога живаго? Несмотря на позднее время, шумная бивачная бесѣда у костровъ не умолкала; мнѣ же, утомленному нравственнымъ и физическимъ напряженіемъ въ продолженіе нѣсколькихъ сряду дней и ночей, нуженъ былъ отдыхъ, и я пробрался къ приготовленной мнѣ постели. Не могу сказать, чтобы сонъ мой былъ тревоженъ: завтрашній день меня не беспокоилъ, но долженъ признаться, что на сонъ грядущій я помолился усерднѣе обыкновеннаго, что подобно тому, какъ за нѣсколько часовъ предъ симъ я съ большимъ, чѣмъ когда-либо, чувствомъ провожалъ глазами закатывающееся солнце, подумавъ, что быть-можетъ въ послѣдній разъ вижу это прекрасное явленіе; такъ и въ настоящія минуты съ большимъ, чѣмъ когда-либо, чувствомъ я думалъ о моей женѣ, о моихъ маленькихъ дѣтяхъ, о старухѣ-матери моей!... Этотъ моментъ могъ быть послѣднимъ, въ который я имѣлъ возможность помыслить безъ помѣхи о своихъ милыхъ, помечтать о нихъ въ свободѣ, обнять мыслию прошедшую жизнь свою, полную сладостныхъ мгновений, часовъ, дней!... Завтра будетъ не мѣсто нѣжнымъ чувствамъ: мой завтрашній день будетъ принадлежать не мнѣ, — отчизнѣ! Завтра предъ очами моихъ, о Боже! да не являются эти трепетные образы! Да не смутятъ они души моей, да не растерзаютъ они этого сердца, одушевленнаго чувствомъ долга, священной обязанностью солдата!... Но если, по несповѣдимымъ судьбамъ Его, завтра мнѣ суждено отойти къ вѣчности, въ этотъ рѣшительный моментъ да предстанутъ мнѣ образы моихъ милыхъ, чтобы усладить мои послѣднія мгновенія, да напутствуютъ они меня въ область замогильную при разлукѣ съ жизнью, которую озарили они радужными лучами счастья!... А если завтра суждено мнѣ выйти живымъ изъ боя, да предстанутъ мнѣ эти образы въ моментъ моей благодарственной молитвы Творцу всего, — теплѣе, сердечнѣе будетъ моя молитва, прекраснѣе покажется мнѣ оставленная мнѣ жизнь!...

Настало наконецъ это загадочное *завтра*, роковое для однихъ, славное для другихъ, 23-е октября.

Согласно предписанію корпуснаго командира, полученному вечеромъ 22 октября (изложенному въ отзывѣ начальника штаба за № 1004), генераль Павловъ приказалъ нашему дивизионному квартирмейстеру, капитану генеральнаго штаба Оеоктистову, на развѣстѣ отправиться съ нѣсколькими казаками въ с. Кирноджи, что на правомъ берегу Аржиса, и осмотрѣть этотъ берегъ „доколь будетъ возможно“ *).

*) Вотъ предписаніе генерала Даненберга за № 1004: „Завтрашняго, 23 числа октября, къ 12 часамъ полудни, прибудетъ къ отряду Вашего П—ства Якутскій пѣхотный полкъ съ 16-ю орудіями и одною саперною ротой.

„До прибытія Якутскаго пѣхотнаго полка Ваше Пр—ство останетесь въ настоящемъ расположеніи. Людямъ варить обѣдъ заблаговременно, такъ чтобы къ 12-ти часамъ быть въ совершенной готовности къ движенію.

„Съ развѣтомъ Вашему Пр—ству отправить генеральнаго штаба капитана Оеоктистова съ нѣсколькими казаками въ с. Кирноджи. Капитану Оеоктистову предписать съ

Θеоктистовъ не исполнилъ возложеннаго на него порученія въ должномъ видѣ, а еслибы онъ таковое исполнилъ добросовѣстно, кто знаетъ? быть-можетъ 23 октября 1853 года не имѣло бы такого кроваваго результата! Θеоктистовъ, смѣло подвинувшись къ устью р. Аржиса, по правому его берегу, что ему непремѣнно слѣдовало сдѣлать,—конечно, подвергаясь нѣкоторой опасности,—не могъ бы не замѣтить сильныхъ приготовленій, сдѣланныхъ Турками со дня переправы, для нашей встрѣчи и тѣхъ значительныхъ силъ, которыми они располагали, какъ въ карантинѣ, такъ и на островѣ. Докладъ объ этихъ приготовленияхъ, по значительности непріятельскихъ силъ, могъ остановить наше наступленіе на карантинъ; наше начальство, можно полагать, образумилось бы и вѣроятно рѣшило бы ждать: съ одной стороны—дальнѣйшихъ движеній Турокъ, съ другой—прибытія подкрѣпленій къ намъ, уже двигавшихся съ нѣсколькихъ сторонъ. Но въ томъ-то и бѣда, что Θеоктистовъ, всегда любившій сильно кутнуть, и на этотъ разъ не воздержался. Въ такомъ состояніи онъ не могъ надлежащимъ порядкомъ и въ свое время исполнить возложенное на него порученіе и съ самымъ отчетомъ о таковомъ, и то только въ 9-мъ часу, когда мы уже шли въ дѣло, обратился — не къ генералу Павлову, какъ бы слѣдовало по порядку подчиненности, такъ какъ Павловъ былъ его ближайшимъ начальствомъ, а прямо къ начальнику корпуснаго штаба. Хотя еслибы даже Θеоктистовъ и представилъ въ своемъ докладѣ дѣйствительное положеніе дѣла, но докладъ имъ былъ сдѣланъ начальнику штаба уже слишкомъ поздно, чтобы измѣнять преподанный войскамъ планъ дѣйствій. Несмотря однако на то обстоятельство, дѣйствіе Θеоктистова оскорбило, даже, можно сказать, взбѣсило генерала Павлова, человѣка крайне самолюбиваго и пылкаго,—онъ распекъ Θеоктистова при всѣхъ и пошелъ на него жаловаться корпусному командиру, которому прямо указалъ на положеніе Θеоктистова не соответствующее важности имъ занимаемаго въ данную минуту поста, рѣшительно потребовавъ, чтобы офицера этого убрали изъ штаба ввѣренной ему дивизіи.

Въ крайнемъ домѣ Старой Ольтѣницы, откуда въ подзорную трубу можно было рассмотреть происходившее у карантина, собрались наши начальники и корпусный командиръ генералъ Даниенбергъ со свитою. Изъ этого дома намъ вынесли письменную диспозицію предстоявшаго боя и приказаніе въ качествѣ дивизіоннаго квартирмейстера нашего отряда, при генералѣ Павловѣ, состоять генеральнаго штаба капитану Батезатулу, а капитану Θеоктистову находится при начальникѣ корпуснаго штаба.

Назначеніе къ намъ капитана Батезатула было также крайне неудачно: онъ оказался недовольнымъ генераломъ Павловымъ, за жалобу его на Θеоктистова, и съ перваго же момента своего прибытія къ намъ сталъ держать себя какъ-то въ сторонѣ, безучастно къ дѣлу, не принявъ ни малѣйшаго

частью расположенныхъ тамъ казаковъ обозрѣть правый берегъ Аржиса, доколѣ будетъ возможно“.

участія въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ на полѣ вслѣдъ за симъ прошедшей битвы, что не могло не отразиться дурно на ея исходѣ.

Что до меня, я не видалъ Батезатула во все время дѣла, — онъ кажется былъ при Якутскомъ баталіонѣ полковника Слюдери, своего пріятеля. Подъ конецъ сраженія я случайно встрѣтилъ Батезатула, идущаго по направленію къ перевязочному пункту, безъ каски. Онъ объявилъ, что контуженъ въ голову ядромъ, сорвавшимъ его каску (вслѣдствіе чего въ свое время получилъ разрѣшеніе носить во фронтѣ фуражку вмѣсто каски).

Вообще должно сознаться, что генераль Павловъ въ Ольтеницкомъ сраженіи не имѣлъ никакого содѣйствія со стороны генеральнаго штаба.

Но я забѣжалъ слишкомъ впередъ. Вернемся къ началу Ольтеницкой битвы *).

Мы всѣ, составлявшіе свиту генерала Павлова, находившагося въ домикѣ у корпуснаго командира, ожидали его не сходя съ лошадей. Ожиданіе произвело въ насъ какое-то лихорадочное состояніе: первая битва, какъ первое тайное свиданіе съ любимымъ существомъ! Тотъ же трепетъ овладѣваетъ всѣмъ организмомъ, хотя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ этотъ лихорадочный трепетъ не бываетъ слѣдствіемъ боязни, — нѣтъ, его рождаетъ предвзвѣшеніе чувства доселѣ не испытаннаго, новостъ положенія, заманчивость неизвѣстности.

Но всему бываетъ конецъ; наступилъ конецъ и нашему ожиданію: на мою долю досталось передать полкамъ приказаніе двинуться и стать на мѣста,

*) Что касается до рекогносцировки Оеоктисова, то она, сдѣлавшись извѣстною и корпусному командиру, не имѣла никакого вліянія на разъ уже принятый планъ дѣйствій, хотя въ сущности должна бы имѣть таковое. Приказаніе атаковать карантинъ и выбить оттуда Турокъ было дано на основаніи рекогносцировки, произведенной утромъ 22 октября полковникомъ Эрнротомъ, на другой день послѣ переправы Турокъ на нашъ берегъ, когда они еще не успѣли настроить тѣхъ земляныхъ укрѣпленій, которыя, вслѣдствіе усиленныхъ работъ въ послѣдующія затѣмъ сутки и заблаговременнаго приготовленія громаднаго количества турокъ и фашиновъ, также какъ и перевозочныхъ средствъ для ихъ доставленія въ карантинъ, — уже были готовы ко дню нашей атаки 23-го октября и ей предшествовавшей рекогносцировкѣ Оеоктисова.

Быть-можетъ Эрнротъ былъ совершенно правъ, когда, вернувшись изъ рекогносцировки, докладывалъ генералу Даненбергу, что онъ беретъ съ двумя баталіонами взять карантинъ и прогнать Турокъ; быть-можетъ генералъ Даненбергъ также былъ правъ, отдавая приказаніе штурмовать карантинъ, имѣя въ виду докладъ Эрнрота. Обязанностью капитана Оеоктисова было своею развѣдкою выяснить корпусному командиру, что данные, представленныя Эрнротомъ, послужившія основаніемъ плану атаки, какъ собранія 22-го октября, нынѣ, т.-е. 23-го октября, уже не могутъ имѣть первоначальнаго значенія, вслѣдствіе совершенно измѣнившагося положенія дѣла.

Не хотимъ вѣрить, чтобы подобный докладъ, — разумѣется, сдѣланный человѣкомъ *презвѣрымъ* и притомъ специально ознакомившимся съ дѣломъ, — былъ оставленъ безъ вниманія. Быть-можетъ генералъ Даненбергъ, имѣя въ виду новыя столь важныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи непріятеля, не рѣшился бы атаковать карантинъ, понявъ, что взятіе его ни къ чему хорошему не приведетъ и только напрасно погубитъ много людей; а быть-можетъ, вслѣдствіе новаго обстоятельнаго представленія генерала Даненберга, князь Горчаковъ успѣлъ бы отрядъ атакующихъ и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, не было бы мѣста упрека главнокомандовавшему со стороны исторіографа войны за то, что для атаки карантина онъ послалъ не дивизию, а только бригаду (Богдановичъ. *Idem*, стр. 138); хотя мы, съ своей стороны, не можемъ присоединиться къ этому обвиненію, находя, что увеличеніе отряда атакующихъ имѣло бы слѣдствіемъ только увеличеніе числа жертвъ, а отнюдь не прочное занятіе карантина.

указанныя диспозиціею *). Привезенное мною распоряженіе идти впередъ было принято войскомъ съ величайшимъ восторгомъ. Въ одно мгновеніе ранцы были накинуты; ружья разобраны; войска пошли съ такимъ желаніемъ скорѣе встрѣтить непріятеля, что начальники нѣсколько разъ вынуждены были приказывать уменьшить шагъ, чтобы бесполезною быстротой похода преждевременно не утомить людей. Проходили с. Старую Ольтеницу, которую, не смотря на наши увѣщанія, покидали устрешенные жители, нагружая огромныя арбы своими пожитками. Все бѣжало, боясь предаться невѣрнымъ случайностямъ битвы: женщины кричали, дѣти плакали, видя что-то необычайное, хотя и не понимали причины суматохи; собаки выли, инстинктомъ

*) Я возилъ ее въ фуражкѣ все время сраженія и два раза прочелъ ее, при генералѣ Павловѣ, всѣмъ частнымъ начальникамъ на походѣ изъ Старой Ольтеницы. Вотъ эта диспозиція.

Распоряженіе на 23-е октября по отряду генералъ-майора Павлова.

„По прибытіи Якутскаго пѣхотнаго полка съ находящеюся при немъ артиллеріею на позицію за Старую Ольтеницу, Селенгинскому пѣхотному полку выступить въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Въ головѣ колонны всѣ штуцерные полка; потомъ первый баталіонъ въ походной колоннѣ изъ середины; за нимъ 4 легкія орудія; второй баталіонъ въ томъ же порядкѣ, какъ и первый; за вторымъ баталіономъ 12 батарейныхъ орудій; за артиллеріею 3-й и 4-й баталіоны того же полка.

„Пройдя Старую Ольтеницу, штуцерные, первый баталіонъ, 4 легкіхъ орудія и 2-й баталіонъ поворачиваютъ направо и, подойдя къ Аржису, слѣдуютъ лѣвымъ его берегомъ для составленія праваго фланга наступательнаго боеваго порядка, оставаясь сначала правѣе батарейной батареи на одной съ нею высотѣ. Двѣнадцать орудій выстраиваются на большихъ интервалахъ вправо отъ дороги, ведущей изъ Старой въ Новую Ольтеницу, и ожидаютъ дальнѣйшаго распоряженія. Лѣвѣе артиллеріи располагаются уступомъ 3-й и 4-й баталіоны Селенгинскаго пѣхотнаго полка. Всѣ баталіоны какъ праваго, такъ и лѣваго прикрѣпленія артиллеріи, по мѣрѣ прибытія въ назначенныя мѣста, выстраиваются въ колонны къ атакѣ. Якутскому пѣхотному полку, по выступленіи Селенгинскаго, слѣдовать съ 8-ю легкими орудіями также чрезъ Старую Ольтеницу и остановиться въ резервномъ порядкѣ за Новою Ольтеницею. Саперной ротѣ находится за Якутскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

„Ольвиопольскій уланскій полкъ съ двумя орудіями конной казачьей артиллеріи слѣдуетъ за пѣхотою и, пройдя Старую Ольтеницу, выстраивается въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ лѣвѣе Новой Ольтеницы такъ, чтобы стоять сначала внѣ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи. Коннымъ орудіямъ расположиться за полкомъ, для дѣйствія по обстоятельствамъ.

„Всею пѣхотою командовать генералъ-майору Павлову; артиллеріи дѣйствовать подъ личнымъ начальствомъ генералъ-майора Сикстеля. Генералъ-майору Охтердоне командовать правымъ прикрѣпленіемъ боеваго порядка; ему вмѣняется въ обязанность имѣть особенное наблюденіе за правымъ берегомъ Аржиса, и еслибы непріятель показался съ сей стороны, то дѣйствовать по немъ находящимся на правомъ флангѣ орудіями. Кромѣ того выдвинуть, пользуясь кустарникомъ, штуцерныхъ сколько можно ближе къ непріятелю, дабы безпокоить прислугу его артиллеріи; штуцерные должны имѣть въ поддержкѣ одинъ баталіонъ.

„Кавалеріи, подъ командою своего полковаго командира, дѣйствовать по собственному моему распоряженію.

„Я самъ буду находиться при Новой Ольтеницѣ, куда и присылають за донесеніями и приказаніями.

„Коль скоро батарейная батарея выстроится, то генералъ-майоръ Сикстель двинетъ ее впередъ на 400 сажень и открываетъ огонь по непріятелю, расположенному около Ольтеницкаго карантина.

„Полковникъ Власовъ, выдвинувъ казачью цѣпь передъ Новою Ольтеницу, собираетъ ее быстро направо и нѣтъ, дабы открыть батарею, когда она подвинется впередъ. Главныя силы казачьяго полка переходятъ на лѣвый флангъ Ольвиопольскаго уланскаго полка и поступаютъ въ вѣдѣніе командира его, полковника Козлянинова.

„Подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи Даненбергъ. Скрѣпилъ начальникъ штаба, генералъ-майоръ Мартину“.

чуя кровь... Мимо Ольтеницкой церкви Николая Чудотворца ни одинъ солдатъ не прошелъ не перекрестившись, въ руцѣ Господни предавая судьбу свою, моля заступничества великаго Святителя, древняго поборника воинства русскаго. Чудесный случай: храмъ столь чтимаго русскимъ солдатамъ Чудотворца будто нарочно поставленъ здѣсь, на этомъ перепутьѣ по дорогѣ въ небеса для многихъ изъ насъ, чтобы послужить имъ послѣднимъ въ жизни видимымъ утѣшеніемъ церкви, чтобы подкрѣпить всѣхъ насъ вообще въ этотъ моментъ, предшествовавшій кровавой битвѣ, за торжество Креста Господня. напоминаніемъ великой обязанности нашей, которую намъ предстояло исполнить славно и честно.

Голова колонны пріостановилась: стали равняться, чтобы молодыми пройти мимо корпуснаго командира, стоявшаго со свитою у выхода изъ деревни; затѣмъ остановились, по необходимости, середина и хвостъ колонны. Толпа офицеровъ сошлась у церкви; насъ догналъ верхомъ корпусный докторъ, статскій совѣтникъ Шрейберъ: онъ подъѣхалъ къ офицерамъ, его привѣтствовавшимъ, и, вынимая изъ бывшей у него на груди походной сумки большой пукъ нѣжной, какъ шелкъ, корпии, показалъ ее офицерамъ и сказалъ: „Господа! корпию эту изволила прислать для раненыхъ офицеровъ Государыни Императрица. Она сама изволила ее дѣлать! Кто-то изъ васъ сегодня заслужитъ право пользоваться этою корпией?“

Во время этихъ словъ толпа офицеровъ увеличилась, всѣ слышали рѣчь благороднаго старца. Надо ли говорить, какой она имѣла успѣхъ, и что послѣдствія битвы лучшая оцѣнка этого слова? Кто былъ въ Ольтеницкомъ сраженіи, тотъ видѣлъ, какъ шли офицеры на смерть! Кто не былъ въ Ольтеницкой битвѣ, тотъ изъ реляцій этого дѣла знаетъ, сколько насъ заслужило въ незабвенный день 23 октября честь воспользоваться корпией трудовъ Государыни Императрицы.

Мы миновали Новую Ольтеницу. Такъ вотъ оно наконецъ поле нашего будущаго дѣла!—думали не издавшіе его доселѣ... Отъ Новой Ольтеницы, изъ-за фланга которой мы выдвигались, это поле тянется ровное, какъ столъ, до самаго Дуная, примыкая *) направо къ рѣкѣ Аржису, впадающему въ Дунай, насупротивъ Туртукая, ниже карантина, огибая его справа и съ тылу **).

Лѣвый берегъ Аржиса поросъ, на пространствѣ отъ Новой Ольтеницы до карантина, сперва не большимъ, но довольно густымъ кустарникомъ, потомъ на срединѣ пространства крупнымъ лѣсомъ и наконецъ опять кустарникомъ средней величины почти до самаго карантина.

Налѣво Ольтеницкое поле скрывалось изъ глазъ, сливаясь въ простран-

*) Если стать лицомъ къ Турціи.

**) При впаденіи Аржиса въ Дунай образовалась длинная, узкая коса, параллельная Дунаю, о которой было говорено выше, оканчивающаяся саженьхъ во ста ниже карантина и являющаяся продолженіемъ праваго берега Аржиса; на эту косу, черезъ Аржисъ, Турки построили изъ карантина прочный мостъ на судахъ, довольно значительной величины, у самаго почти устья Аржиса.

ствѣ съ прибрежьями Дуная, поросшими камышомъ, прорѣзаннымъ переплетающимися между собою маленькими болотцами и ручейками.

Весною, при разливѣ Дуная, все это пространство понимается водою, и потому почва онаго болотистая, покрытая слоемъ черноземна, растворяется даже при небольшихъ дождяхъ, отъ чего мѣстность дѣлается трудно-проходимой.

Каменные зданія карантинна по дугѣ отъ рѣки Аржиса до Дуная, опутанныя вереницею турецкихъ земляныхъ укрѣпленій, занимали уголъ, образуемый устьемъ рѣки Аржиса, который, вливаясь въ Дунай, при самомъ впаденіи своемъ, послѣ перпендикулярнаго къ нему теченія, пробѣгаетъ нѣкоторое пространство параллельно съ нимъ. Въ веретѣ съ небольшимъ ниже карантинна на Дунаѣ видѣлись деревянныя зданія граничарскаго поста: возвышенная караулка онаго и деревянные магазины купцовъ, ведущихъ хлѣбную торговлю. Отъ Новой Ольтеницы до граничарской башни и карантинна извивались узкія дорожки. Поле было перерѣзано во многихъ мѣстахъ высохшими руслами ручьевъ и ложбинами, въ которыхъ вода остается послѣ того, какъ Дунай вступитъ въ свои берега. Дождикъ, выпавшій за день передъ дѣломъ, растворилъ и сдѣлалъ трудно-проходимую почву этихъ ручьевъ и ложбинъ, отъ лѣтнихъ жаровъ до того было высохшую, что она образовала значительныя трещины, затруднявшія нынѣ движеніе войскъ, особенно артиллеріи. Разстояніе до карантинна отъ крайнихъ зданій Новой Ольтеницы 910 сажень. Ширина Дуная съ устьемъ Аржиса и косою, — словомъ, разстояніе отъ карантинна до праваго берега Дуная, по прямой линіи, — 525 сажень. Отъ карантинна до батареи, дѣйствовавшей съ острова. 380 сажень. Ширина Дуная ниже устья Аржиса 240 сажень.

Правый берегъ Аржиса, нѣсколько не возвышаясь надъ лѣвымъ, представлялъ поросшее камышомъ и отчасти мелкою лозою пространство, примыкавшее одною стороною къ рукаву Дуная, другою — къ рѣкѣ Аржишелю, впадающему въ рукавъ Дуная, — пространство, прорѣзанное болотами, руслами отчасти высохшихъ ручьевъ и небольшихъ озеръ. По этой мѣстности извивалась дорожка отъ бродовъ и паромъ (ходящаго во время полноводія) на Аржисѣ до граничарской башни при устьѣ Аржишеля, покинутой казаками и валахскими граничарами, съ перехода Турокъ въ карантинъ.

Въ противоположность занятому нами низменному лѣвому берегу Дуная, громадною стѣной возвышался правый берегъ знаменитой рѣки, прорѣзанный влѣво отъ насъ, почти насупротивъ граничарской башни, оврагомъ, а еще лѣвѣе дорогою, поднимающеюся отъ Дуная на крутизну берега, дорогою, называемою *рускою*, по которой Суворовъ, какъ говоритъ преданіе, поднимался на гребень берега. При самомъ началѣ этой дороги, у рѣки, Турки еще въ сентябрѣ построили земляное укрѣпленіе изъ шести орудій *).

*) Батарея эта слыла у насъ въ это и послѣдующее время подъ именемъ «Бутурлинской»: такъ она названа потому, что однажды, при осмотрѣ турецкаго берега, генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ, въ одинъ изъ частыхъ наѣздовъ чинавъ главной квартиры въ Ольтеницу для наблюденій надъ туртукайскими Турками, долго стоялъ и смотрѣлъ въ трубу

Насупротивъ карантина, подъ берегомъ, въ небольшомъ разстояніи отъ рѣки, ясно была видна батарея для дѣйствія черезъ банкъ; на ней, на высокому шестѣ, развѣвался красный турецкій флагъ, а почти на самой возвышенности берега было видно довольно сложное земляное укрѣпленіе, тоже съ выкинутымъ флагомъ; налѣво, на полугорѣ, наскоро сдѣланныя земляныя укрѣпленія. Направо отъ этихъ укрѣпленій городъ Туртукай довольно густо покрываетъ своими зданіями всю покатость крутаго берега. Совершенно азіатскій характеръ города проявляется въ извилистыхъ, узенькихъ улицахъ, въ фонтанахъ, домахъ съ террасами, въ его стройномъ, бѣломъ минаретѣ, который является при взглядѣ на городъ на первомъ планѣ, будто суровый стражъ исламизма на порогѣ пограничной имъ державы, между тѣмъ какъ храмъ христіанскаго населенія города, — населенія, конечно гораздо многочисленнѣйшаго, сравнительно съ его турецкимъ населеніемъ, — незамѣтенъ совершенно, да и можетъ ли быть замѣтенъ, когда состоитъ изъ бѣднаго полуразрушеннаго зданія, ничѣмъ почти не отличающагося отъ обыкновенныхъ болгарскихъ жилищъ, кромѣ множества могилъ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ, да деревяннаго била, привѣшеннаго къ церковнымъ дверямъ и замѣняющаго въ Турціи церковные колокола.

Надъ самымъ городомъ, въ земляномъ укрѣпленіи и еще правѣе его, въ двухъ мѣстахъ виднѣлись группы балагановъ и палатокъ; сверхъ того виднѣлись палатки, разбросанныя въ различныхъ пунктахъ. У большаго землянаго укрѣпленія, вѣнчавшаго берегъ насупротивъ карантина, стоялъ, повидимому, главный лагерь и раскинуто было пять большихъ палатокъ, вродѣ нашихъ церковныхъ наметовъ: это — палатки главной квартиры отряда.

Туртукай до самыхъ его ближнихъ къ Дунаю зданій, построенныхъ на высокихъ сваяхъ, сталъ совершенно виденъ изъ карантина съ того только времени, какъ Турки заняли островъ, лежащій насупротивъ его (отдѣленный рукавомъ Дуная отъ праваго берега р. Аржиса), и обнажили мысъ острова отъ лѣва, его покрывающаго. Турки произвели эти работы съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность построить на островѣ укрѣпленія, о которыхъ я говорилъ выше, способствовавшія ихъ переправѣ на нашъ берегъ. Слегка же обрисованный весь Туртукай видѣется, лишь только выйдешь на позицію, которую мы занимали наканунѣ и послѣ дѣла, не доходя Старой Ольтеницы.

Возвышенность праваго берега Дуная причиной, что, выйдя изъ Новой Ольтеницы, мы были передъ Турками какъ на ладони. Каждое движеніе нашего баталіона, нашего орудія было видно; спокойно, безопасно, отчетливо они могли направлять на наши части, по усмотрѣнію, выстрѣлы своихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ, которыми вооружены были земляныя

на этотъ пунктъ; Турки наблюдавшіе за дѣйствіями нашихъ офицеровъ, вообразили, что на этотъ пунктъ обращается нами особое вниманіе по какой-нибудь важной причинѣ, и на другой же день стали строить на этомъ пунктѣ батарею, надѣлавшую намъ въ Ольтеницкомъ сраженіи не мало бѣды.

туртукайскія укрѣпленія. Туркамъ предстояло дѣйствовать какъ на практическомъ ученіи: мы были ихъ подвижною мишенью. Вполнѣ это зная, мы все-таки, тоже будто на ученіи, стройно выдвигались изъ-за Новой Ольтеницы и выстраивались на равнинѣ, имѣя головы колоннъ первой линіи на одной высотѣ въ тотъ моментъ, когда артиллерія шибкою рысью картинно понеслась на свою первую позицію и стала въ двухстахъ пятидесяти саженьяхъ передъ Новою Ольтеницею, слѣдовательно въ шести стахъ пятидесяти саженьяхъ отъ карантина и не болѣе какъ въ двухъ стахъ пятидесяти саженьяхъ отъ турецкой передовой цѣпи; а генераль Охтерлоне съ двумя баталіонами Селенгинскаго полка и четырьмя орудіями легкой № 5 батареи повернулъ направо, чтобы двигаться по берегу Аржиса, охраняя отъ обхода нашъ правый флангъ.

Съ такимъ спокойствіемъ идти въ бой, въ атаку такой страшной позиціи, какую представлялъ собою карантинъ, покровительствуемый батареями того берега, обезпеченными отъ нашего огня, и батареею острова, дѣйствовавшей намъ во флангъ, способно только закаленное въ битвахъ войско, или совершенные новички въ ратномъ дѣлѣ, какими было большинство изъ насъ, никогда не бывавшихъ въ бою и не видавшихъ смерти лицомъ къ лицу. Впослѣдствіи, послѣ участія во многихъ дѣлахъ, я убѣдился, что солдаты, разъ побывавшіе въ сильномъ огнѣ и видѣвшіе его роковыя послѣдствія, вступаютъ въ новый бой не съ тѣмъ увлеченіемъ, какъ въ первый разъ, пока не свыкнутся съ смертною опасностью, какъ мы съ нею свыклись въ Севастополѣ, гдѣ смерть, казалось, потеряла въ глазахъ солдата весь свой ужасъ. Но, какъ бы тамъ ни было, хотя бы мы и уподоблялись въ данномъ случаѣ дѣтямъ, играющимъ съ огнемъ, но все-таки мы весело шли въ дѣло. Съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ, опасность, намъ предстоявшая, становилась очевиднѣе, грознѣе, и, за всѣмъ тѣмъ, не было, казалось, человѣка, который не желалъ бы скорѣе дойти до врага, скорѣе на него ринуться, чтобы въ кровавомъ упоеніи боя познать поэтическое увлеченіе, какое недоступно большинству смертныхъ, блаженствующихъ въ сферѣ жизни обыкновенной.

Еще, еще нѣсколько мгновеній... Эта грозная тишина, предшествующая моменту пачала канонады, страшная тишина. Какъ-то невольно сжимаются въ тебѣ нервы, полузакрываются глаза, когда проскакиваешь мимо своихъ пушекъ и видишь, что артиллеристы прикладываютъ уже къ затравкамъ дымящіеся фитили... Тишина... Видно, насъ ждутъ! Ни на Дунаѣ, ни впереди насъ, ни въ укрѣпленіи Турокъ не замѣтно особой дѣятельности: видно, все по мѣстамъ и ждетъ сигнала боя.

Только направо, въ кустахъ, развѣзжаетъ турецкая цѣпь впереди нашей; за нею вдаль мелькаютъ красныя фески пѣшей цѣпи. Въ ту сторону поскакали мы за своимъ генераломъ. „Казаки впередъ, открыть неприятель!“ — едва успѣлъ крикнуть генераль, какъ передовая казачья цѣпь, кто съ ружьемъ наготовѣ, кто съ пикой на перевѣсѣ, быстро двинулись

по частому кустарнику и вдругъ увидѣли впереди, въ купѣ деревьевъ, знакомый уже имъ, по дню 21 октября, бѣлый значокъ редифа. „На знамя!“ — гаркнули удалцы и, несмотря на мѣстность, покрытую кустами, вихремъ бросились на желанный трофей... Еще двѣ минуты, и онъ или сдѣлался бы нашимъ, или мы окрасили бы его своею кровью. Но вышло иначе. Въ этотъ рѣшительный моментъ предъ казаками унала первая наша граната, брошенная въ тотъ же значокъ, на который устремились казаки. Это ихъ остановило. Турецкая кавалерія исчезла въ укрѣпленіи. Казаки были отведены назадъ. Мы посмотрѣли на часы: было половина двѣнадцатаго утра. Граната, остановившая казаковъ, сдѣлалась сигналомъ боя; загремѣла наша артиллерія; ей бѣгло стала отвѣчать турецкая изъ шести орудій, стоявшихъ въ карантинномъ укрѣпленіи, орудій на острову, тридцати пяти орудій того берега Дуная, по большей части крѣпостныхъ, и изъ нѣсколькихъ мортиръ, поставленныхъ у самой воды на правомъ берегу. Разстояніе отъ туртукайскихъ батарей до нашей первой позиціи было значительно даже и для крѣпостныхъ орудій, такъ что однѣ бомбы летали у насъ надъ головами, да снаряды изъ карантина; но первыя, повидимому, бросаемы были на-удачу, людьми не искусившимися въ своемъ дѣлѣ, и производили, благодаря Бога, больше шума, чѣмъ вреда, а вторые... вторыхъ было не очень много!... Канонада, гремѣвшая съ четверть часа, уже вырвала изъ нашихъ рядовъ двѣ-три жертвы. Русскій человѣкъ любитъ встрѣчать смерть грудью, не любитъ драться издали.... „Впередъ!“ — и молча двинулись колонны, снова понеслись обѣ введенныя въ дѣло батареи, и чрезъ нѣсколько мгновеній живѣе загорѣлась канонада, дѣйствительнѣе стали ея слѣдствія; гранаты, лопаясь въ нашихъ колоннахъ, шедшихъ впередъ, оставляли по себѣ кровавыя слѣды; наконецъ взлетѣлъ на воздухъ непріятельскій зарядный ящикъ, за нимъ другой; замолчало орудіе, жерло котораго заткнулось нашимъ ядромъ, замолчало орудіе на острову, подбитое нашей гранатой... Еще впередъ... еще впередъ... мгновение — и артиллерія несется маршъ-маршъ, а офицеры *какъ свѣчки горятъ впереди* *). На сто двадцать саженъ поднесся этотъ смертоносный фронтъ къ непріятельскому укрѣпленію и сталъ засыпать его картечью!... Доселѣ мы были съ генераломъ то на лѣвомъ флангѣ боевой линіи, то въ застрѣльщицѣй цѣпи, въ

*) Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, а и теперь часто оно мерещится мнѣ и во снѣ и на яву. И нынѣ еще часто, какъ сейчасъ, вижу капитана Шетилова, командира 5-й легкой батареи, безъ каски (ее снесло близъ пролетѣвшимъ ядромъ), съ разметанными вѣтромъ волосами, съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ, съ саблею наголомъ, полноу рысю идущаго съ батареей впередъ; какъ теперь слышу крикливый голосъ подполковника Шейдемана: „батарея, впередъ!“ Свѣжи въ моей памяти доселѣ эти геройскіе образы и надѣюсь, они никогда изъ ней не изгладятся.

Съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этого достопамятнаго дня мы еще неоднократно встрѣтимся на послѣдующихъ страницахъ нашихъ «Записокъ». Такъ подполковникъ Шейдеманъ составилъ себѣ пзвѣстность въ Севастополѣ, гдѣ командовалъ артиллеріей; подпоручикъ Михаилъ Антоновичъ Вронченскій получилъ Георгія 4-й степени въ Севастополѣ и въ семидесятыхъ годахъ командовалъ арсеналомъ Виленскаго округа, въ чинѣ полковника.

этотъ же моментъ онъ послалъ меня съ приказаніемъ на правый флангъ линіи къ генералу Охтерлоне: идти на штурмъ укрѣпленія со стороны Аржиса. Не коротка и не безопасна была моя дорога изъ центра боевой линіи на правый флангъ оной, по линіи огня непріятельскаго; но мой ангель-хранитель прикрылъ меня своимъ спасительнымъ щитомъ: свинець, желѣзо мелькнуло мимо; кусты, болотистыя лощины не помѣшали: я довезъ приказаніе по назначенію, къ общему восторгу стоявшихъ въ лѣсу Селентинцевъ. Всѣ крестились. Какъ на учени, грозное: „смирно!“ — пронеслось по рядамъ, и баталіоны, загремѣвъ знакомую нашимъ врагамъ:

„Эхъ зачѣмъ было городъ городить!!“ —

шибко, весело пошли впередъ. Выдвинулись изъ лѣса — видимъ, вся линія въ общемъ наступленіи! Два орудія подпоручика Вронченскаго снялись съ передковъ и начали катать Турокъ картечью; какъ сейчасъ помню, первый зарядъ, направленный въ-торопяхъ, легъ въ р. Аржисъ, но второй, третій, еще больше четвертый произвелъ ужасную суматоху на гребнѣ турецкой траншеи, покрытой людьми, поражавшими насъ батальнымъ огнемъ. „Ура!“ — крикнули баталіоны Охтерлоне, несмотря на смертоносность картечнаго и штурмового огня, обращеннаго на нихъ въ эту минуту Турками, и бросились впередъ на непріятельскую траншею, закрывъ собою нашу артиллерию и принудивъ ее замолчать. „Ура!“ — заревѣли вновь солдаты всей боевой линіи, когда уже замолчали турецкія орудія карантиннаго укрѣпленія, отвезенныя видѣвшими наше неукротимое стремленіе Турками къ мосту чрезъ Аржисъ. „Ура“ гремѣло, наши бѣжали дальше, безпрестанно задерживаемые вязкими лощинами!... А между тѣмъ губительный батальный огонь кипѣлъ ужасно, прикрывая отступленіе главныхъ силъ, бывшихъ въ карантинѣ, на тотъ берегъ Аржиса; островная батарея осыпала насъ картечными гранатами; турецкій берегъ казался вулканомъ, пзыгавшимъ желѣзо!... Еще „ура!...“ Казалось, поле стонало, поглощая потоки человѣческой крови! Ангель смерти носился надъ этимъ, давно знакомымъ ему, пространствомъ! То былъ страшный моментъ!... Но картина, хотя и озаренная лучами славы, слишкомъ кровава: опускаю завѣсу... *).

*) Полагая, что все записанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происходившаго боя, перваго въ столь достопамятной войнѣ, какъ Восточная, очевидцемъ его, можетъ имѣть свой интересъ, привожу еще нѣсколько страницъ своего дневника, на которыхъ говорится частію о разсказанныхъ уже мною моментахъ Ольтеницкаго сраженія.

Подполковникъ генеральнаго штаба Эрнотъ, присланный главнокомандующимъ, произвелъ рекогносцировку позицій, занятой Турками, подойдя къ ней на пушечный выстрѣлъ. Я не былъ свидѣтелемъ этой рекогносцировки; не зналъ навѣрно, что она будетъ производиться въ день нашего передвиженія изъ Ольтеницы, ни я, ни мои товарищи не приготовились къ ней. Начальникъ дивизіи, узнавъ, что будетъ рекогносцировка, поскакалъ къ мѣсту ея съ капитаномъ генеральнаго штаба, Теокистовымъ, на тележкѣ; мы же, пока намъ осѣдлали лошадей, пока ихъ привели, приѣхали въ Ольтеницу, когда уже возвращались уланы, — рекогносцировка была кончена.

Обмѣнявшись съ непріятелемъ нѣсколькими выстрѣлами, безвредными, кажется, для обѣихъ сторонъ, подполковникъ Эрнотъ замѣтилъ производившіяся въ карантинѣ дѣятельныя работы посредствомъ жителей, согнанныхъ Турками съ туртукайскихъ окрестностей и

Достанься на долю старика Гомера рассказать эту битву,—конечно, онъ рассказаль бы ее еще съ большими поэтическими подробностями, чѣмъ разсказывалъ кулачныя побоища троянскія. Мое же перо слишкомъ слабо, чтобы достойно изобразить все моменты этой битвы, геройство дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, ихъ отвагу, ихъ богатырскіе подвиги; но мое сердце не можетъ забыть множества случаевъ этой битвы. Такъ изъ моей памяти никогда не изгладится картина мужественной смерти многихъ: напримѣръ, подпоручика Селентинскаго полка Орѣхова (бывшаго воспитанника Дворянскаго полка), который, предчувствуя свою кончину, снялъ съ груди своей благословенный образъ и попросилъ кого-то изъ товарищей отослать его матери, а между тѣмъ, ни на мгновенье не колеблясь, шелъ впередъ, пока вражье ядро или

изъ самаго города. Что именно строить Турки въ карантинѣ, слабо или сильно онъ занять и сколько въ немъ артиллеріи, рекогносцировка, конечно, видѣть и исполнѣ точно опредѣлить не могла: первое потому, что карантинныя укрѣпленія были только начаты, на нихъ копошилось множество рабочаго народа, заслоняя собою самыя работы; второе потому, что войско и артиллерія закрывались зданіями карантина и самою мѣстностію этого пространства, которое шло отъ карантина къ Аржису и Дунаю, значительно понижаясь.

Говорятъ, что подполковникъ Эрнротъ доложилъ главнокомандующему, будто карантинъ слабо занятъ войскомъ, состоящимъ изъ какого-то сброда, и брался взять карантинъ и выгнать Турокъ съ двумя баталіонами.

Докладъ подполковника Эрнрота могъ имѣть нѣкоторое основаніе: онъ докладывалъ только о томъ, что видѣлъ; турецкаго войска онъ не видалъ, кромѣ нѣсколькихъ артиллеристовъ, дѣйствовавшихъ по немъ изъ-за карантинныхъ зданій двумя орудіями, а видѣлъ дѣйствительно сбродъ поселанъ, работавшихъ укрѣпленіе, и нѣсколько солдатъ, находившихся между ними для присмотра за работами.

Кто знаетъ, быть-можетъ, рѣшимость подполковника Эрнрота выбить Турокъ изъ карантина двумя баталіонами и увѣнчалась бы успѣхомъ, еслибъ онъ устремился на карантинъ въ день своей рекогносцировки, когда турецкія укрѣпленія не были еще готовы, не были вооружены; когда не было еще, быть-можетъ, введено въ карантинъ того войска, которое насъ встрѣтило 23 октября, и когда въ карантинѣ было множество невооруженнаго рабочаго народа, который только увеличилъ бы суматоху въ турецкомъ отрядѣ, при нашемъ наступленіи.

Но атака произведена не въ день рекогносцировки, давшей Туркамъ понять, что мы идемъ на нихъ, и заставившей ихъ принять все мѣры къ нашей встрѣчѣ; атака была произведена послѣ рекогносцировки черезъ сутки, въ которые Турки не оставались праздными и окончили юнеть впереди карантина, которымъ его и прикрыли совершенно, проведя отъ этого центра до Дуная и до Аржиса ретраншаменты съ палисاديрованными рвами. Брустверъ ретраншамента, значительно утолщенный и возвышенный посредствомъ туровъ, представлялъ Туркамъ отличную защиту не только отъ ружейнаго, но и артиллерійскаго огня. Кромѣ того непріятель насыпалъ множество траверзовъ, ряды которыхъ защищали ихъ резервы, а въ случаѣ взятія нами укрѣпленія съ фронта представляли бы намъ новое препятствіе, уничтожить которое было возможно только послѣ упорнаго боя, выгоняя Турокъ изъ-за всякаго траверза, которые своимъ расположеніемъ представляли нѣчто систематическѣе. Къ тому же въ теченіе сутокъ со времени рекогносцировки переправа Турокъ прямо къ граничарской башнѣ, гдѣ у нихъ было главное мѣсто высадки войскъ и артиллеріи, и на островъ не прекращалась ни на часъ, слѣдовательно непріятель могъ намъ противопоставить 23 октября уже не сбродъ, который было возможно выгнать изъ укрѣпленія двумя баталіонами, какъ хотѣлъ подполковникъ Эрнротъ, а сильный отрядъ регулярныхъ войскъ, значительно превосходившій своею численностію нашъ отрядъ и снабженный сильною артиллеріею.

Затѣмъ Турки успѣли устроить прекрасный мостъ отъ карантина на правый берегъ Аржиса и тѣмъ пріобрѣсти полную возможность, въ случаѣ нужды, или подкрѣпить карантинный отрядъ съ аржисской косы, на которую съ острова черезъ рукавъ Дуная у нихъ была устроена отличная переправа на лодкахъ, или могли подкрѣпить изъ войскъ, бывшихъ на островѣ, гдѣ Турки могли имѣть,—и дѣйствительно, какъ извѣстно, имѣли,—сильный резервъ, своимъ собственнымъ числомъ превосходившій нашъ слабый отрядъ; или, наконецъ, смотря по ходу дѣла, имѣли полную возможность, оставя незначительный отрядъ для при-

граната, пронесаясь надъ самою его головой, не приподняла ему черепа;— штабсъ-капитана Якутскаго пѣхотнаго полка Лютера, который, будучи прострѣленъ пулею въ ногу, шель впередъ и, показывая солдатамъ кровь, лившуюся изъ его сапога, повторялъ: *за мной, ребята; видите, кровь моя течетъ; за мной! Иду впередъ, пока не вытечетъ вся!...* Слава, казалось, готова была увѣнчать благородную рѣшимость этого офицера, но близъ самихъ стѣнъ карантина, стрѣляя почти въ упоръ изъ-за ретраншаментовъ, Турки поразили Лютера двумя штуцерными пулями въ плечи: онъ скрестилъ руки, но въ то же мгновеніе картечь, или осколокъ гранаты, ударивъ его въ грудь, прекратили его страданія... Четверо солдатъ его роты бросились поднимать любимаго капитана; между ними лопнула граната—и всѣ

крытія своего отступленія, перейти черезъ аржисскій мостъ на косу и, уничтоживъ его, быть совершенно безопасными отъ всякаго дальнѣйшаго покушенія нашихъ войскъ.

Мнѣніе свое, конечно, не смѣю считать непогрѣшимымъ, но такъ думалъ не я одинъ, а мы всѣ, *рядовые* участники Ольтенинскаго дѣла: его или слѣдовало дать Туркамъ тотчасъ послѣ рекогносцировки, или не давать вовсе, тѣмъ болѣе принимая оную за основаніе самому дѣлу. Слѣдовало произвести *другую* рекогносцировку—усиленную, 23 октября, и, смотря потому, что по ней оказалось бы, или идти на штурмъ карантина, или оставить это покушеніе вовсе, выжидая выдвигенія Турокъ впередъ и сближенія нашихъ резервовъ, которые тотчасъ были направлены главнокомандующимъ изъ Бухареста (вся 12-я дивизія) и отъ Калараша (Камчатскій полкъ съ артиллеріею).

Рекогносцировка, которую, какъ выше значится, приказано было произвести капитану генеральнаго штаба Теокистову для обозрѣнія праваго берега Аржиса, вѣроятно, не могла быть удовлетворительною: Турки съ острова не подпустили бы этого офицера заѣхать во флангъ карантиннымъ укрѣпленіямъ, чтобъ осмотрѣть ихъ. Говорю: *вѣроятно*, потому что результаты этой рекогносцировки остались намъ *неизвѣстными*; о томъ, что по ней оказалось, капитанъ Теокистовъ доложилъ начальнику корпуснаго штаба, а не генералу Павлову, которымъ былъ командированъ. Но какъ бы то ни было, а дѣло было затѣано, войска двинулись въ томъ порядкѣ, какъ значится по диспозиціи.

Генераль Павловъ ѣхалъ впереди колонны генерала Охтерлоне со штуцерниками Селенгинскаго полка, командовать которыми онъ приказалъ майору Торнау. Но, пройдя нѣкоторое пространство, мы оставили колонны и поскакали съ генераломъ къ передовой казачьей цѣпи въ то время, какъ артиллерія становилась на первую свою позицію, имѣя колонну Охтерлоне на правомъ своемъ флангѣ, а остальные два баталіона Селенгинцевъ, подъ начальствомъ командира полка, полковника Собашинскаго, на лѣвомъ. Прогнавъ казаками турецкую цѣпь и устремивъ за ними штуцерниковъ съ прапорщикомъ Федотовымъ (убить при защитѣ Севастополя,—воспитанникъ Дворянскаго полка), генераль Павловъ поскакалъ къ колоннѣ Собашинскаго и послалъ меня къ начальнику 4 артиллерійской дивизіи, генералъ-майору Сикстелю, лично находившемуся при пятой легкой, уже дѣйствовавшей, также какъ и батарейная, и уже сильно страдавшей отъ непріятельскаго огня,—предложить двинуться впередъ. Генераль Сикстель тотчасъ командовалъ «на передки», и я не успѣлъ воротиться къ генералу Павлову, какъ артиллерія неслась уже впередъ. Селенгинцы стали на одну линію съ артиллеріею. Артиллерійскій огонь съ этой позиціи продолжался около часу. Генераль Павловъ опять послалъ предложеніе артиллеріи сблизиться съ непріятелемъ. Тогда безстрашный генераль Сикстель устремился опять впередъ и занялъ позицію сажень въ 120-ти отъ карантина, подъ дѣйствительнымъ ружейнымъ огнемъ непріятельскимъ, и началъ сыпать Турокъ картечью и гранатами, причемъ у нихъ произошло два взрыва зарядныхъ артиллерійскихъ ящиковъ.—Въ этотъ моментъ прискакалъ ординарецъ корпуснаго командира, генерала Давенберга, наблюдавшаго за ходомъ дѣла, находясь со штабомъ впереди Новой Ольтеницы, имѣя у себя въ прикрытіи взводъ жандармовъ и роту саперъ не подальше, съ приказаніемъ ввести въ дѣло Якутскій полкъ, стоявшій до того времени въ колоннѣ, въ резервѣ у насъ.

Селенгинцы не успѣли перемѣнить позиціи, чтобы сблизиться съ нашею артиллеріею, какъ Якутцы шли уже широкимъ шагомъ, чтобы пристроиться къ лѣвому флангу колонны Собашинскаго, который, видя, что, стоя въ колоннѣ къ атакѣ, терять много людей, еще находясь на второй позиціи, перестроилъ баталіоны въ ротныя колонны.

Замѣтивъ эту эволюцію, Якутскій полкъ исполнилъ то же, остановясь на одной вы-

четверо прикрыли его своими трупами!... Но еще раз повторю: картина слишком кровавая, чтобы ее описывать...

Хотя наши ворвались въ первый турецкій окопъ, но невозможно было удержаться въ ничтожныхъ стѣнахъ карантина, избитыхъ нами, сдѣлавшихся похожими на рѣшето подъ огнемъ тридцати пяти орудій того берега и батареи острова, еслибъ и овладѣли ими...

Привезли приказаніе отступить. Мы отходили медленно, подбирая раненыхъ, оставивъ на ближайшей къ непріятелю позиціи батарею и баталіона пѣхоты.

Туркамъ не вѣрилось, что мы отступаемъ они: думали, что мы маневрируемъ, и прекратили огонь, чтобы разяснить наше движеніе и вновь

сотѣ съ колонною Собашинскаго. Въ этотъ-то моментъ меня послалъ генералъ Павловъ на правый флангъ къ генералу Охтерлоне съ приказаніемъ: если нашему правому флангу Турки особо не угрожаютъ, атаковать ихъ позицію отъ Аржиса. Я рассказалъ въ текстѣ, какъ колонна Охтерлоне пошла впередъ, и мнѣ показалось совѣстно оставить моихъ товарищей въ такую поэтическую минуту, хотя мое мѣсто, какъ личнаго адъютанта, было не здѣсь, а при своемъ начальникѣ. Съ колонною Охтерлоне я поѣхалъ почти рысью: такъ быстро она двигалась, обогнавъ два орудія подпоручика Вронченскаго, тащившіяся по непроѣздной дорогѣ въ одно орудіе, заслонивъ собою эти орудія и тѣмъ отнявъ у нихъ возможность дѣйствовать по непріятелю. Перебравшись черезъ высохшее было, но размокшее отъ дождей, не большое, но чрезвычайно вязкое русло бывшаго потока, мы бѣжали дальше; но втораго подобнаго русла перейти не могли: люди взили выше колѣна, огонь непріятельскій былъ ужасенъ (чтобъ скорѣе стрѣлять, у турецкихъ стрѣлковъ патроны были разсыпаны большими кучами на землѣ); солдаты падали десятками, убитые и раненые; произошла суматоха; Турки обратили на нашу колонну весь огонь потому, что нѣсколько десятковъ минутъ она была впередъ всѣхъ. Въ это время, взглянувъ назадъ, сколько можно было разсмотрѣть за пороховымъ дымомъ, видимъ—вся линія наступаетъ, а мы не имѣли возможности идти далѣе. Солдаты, чтобы не погибнуть напрасно, изъ чувства самосохраненія, открыли въ свою очередь изъ колонны батальонный огонь по Туркамъ.... Мы бросились съ лошадей съ саблями наголо, стараясь остановить бесполезный огонь и своимъ примѣромъ увлечь солдатъ, заставивъ перелестись-таки черезъ лощины *). Но усилія наши были тщетны. Въ это время часть Якут-

*) Дѣйствительно, еслибы колонна генерала Охтерлоне, несмотря на болотистую лощину, на которую она наткнулась, во время движенія, сдѣланнаго колонною изъ лѣска на карантинъ, пошла впередъ и не остановилась на мѣстѣ, стрѣляя къверху и крича „ура“, причѣмъ никакія усилія наши не могли заставить солдатъ сдѣлать впередъ хоть бы шагъ; съ другой стороны, еслибы атакующіе шли на штурмъ не колоннами, изъ которыхъ имъ пришлось перестраиваться въ ротныя колонны къ атакѣ, подъ непріятельскимъ огнемъ, а преимущественно разсыпнымъ строемъ, то смѣло можно утверждать, что карантинъ былъ бы взятъ нами. Въ то же время твердо можно быть убѣждену, что, взявъ карантинъ, мы все-таки не могли бы въ немъ удержаться, такъ какъ его засыпали бы снарядами изъ Туртукая и съ острова.

Съ этимъ вмѣстѣ должно сознаться, что укрѣпленія карантина, которыя мы атаковали 23 октября, далеко не были такъ сильны, какъ ихъ сдѣлали Турки въ продолженіе болѣе недѣльнаго пребыванія своего въ карантинѣ, работая надъ ними и день и ночь посредствомъ нѣсколькихъ тысячъ нарочно для этого пригнанныхъ болгаръ, извѣстныхъ землекоповъ. На этомъ основаніи, всѣ планы, представленныя нашимъ высшимъ властямъ, сдѣланныя послѣ того, какъ Турки оставили карантинъ, не представляютъ собою тѣхъ укрѣпленій, которыя мы атаковали 23 октября, а пѣчто болѣе законченное и, слѣдовательно, болѣе грозное. Что же касается до упомянутой нами перестройки атакующихъ изъ колонны къ атакѣ въ ротныя колонны, подъ огнемъ непріятельскимъ, что само собою замедлило и ослабило нашу атаку, въ то же время увеличивъ наши потери, то о такомъ маневрѣ было умолчано въ реляціи, иначе Императоръ Николай не оставилъ бы его безъ вниманія, дѣлая свои замѣчанія при разсмотрѣніи подробнаго описанія Ольгеницкаго дѣла. Въ замѣчаніяхъ этихъ Государь (по словамъ Богдановича, т. I, „Восточная война“, стр. 139) указываетъ, что переднюю линію атаки слѣдовало вести ротными колоннами и пр. Государь не такое бы сдѣлалъ замѣчаніе, еслибы зналъ, что атака и велась подъ конецъ дѣла такими колоннами, въ которыя перестроились подъ огнемъ непріятельскимъ!

направить свои выстрѣлы въ отраженіе нашего новаго удара, а между тѣмъ имъ надобно же было открыть наши намѣренія, отрѣзать головы убитымъ и раненымъ, которыхъ мы, не нашедъ во рвахъ и окнахъ, не подняли, помучить ихъ хотя двумя-тремя лишними ударами кинжала... и вотъ, видимъ, вновь волнуется бѣлый значокъ редица, — выскочила изъ карантина толпа пестрой кавалеріи; вереницей выются всадники; смотримъ — опять собрались густою толпою, вѣроятно для совѣта... но не мы одни слѣдили за наѣздниками: артиллеристы не дремали: выстрѣлъ — и картечь какъ варомъ обварила джигитовъ; всѣ бросились стремглавъ въ карантинъ, оставивъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ подняли пѣшіе Турки, прибѣжавшіе изъ карантина. Этотъ выстрѣлъ раздался въ половинѣ пятого часа пополудни и былъ послѣднимъ, заключившимъ собою Ольтеницкую битву. У Турокъ уже не было орудій въ карантинѣ; они не отвѣчали даже на нашъ выстрѣлъ, и батальоны отодвигались къ Ольтеницѣ, между тѣмъ какъ за

цевъ и Селенгичевъ ворвалась въ турецкій ровъ и полѣзла на брустверь. Турки бѣжали за траверзы и начали поражать нашихъ оттуда ружейнымъ огнемъ. Артиллерія турецкая уже молчала; зарядовъ у ней не было и ее отвезли къ мосту. Но у нашего отряда не было резерва; вся пѣхота введена въ дѣло; *его не кѣмъ было кончить!* Будь у насъ еще полкъ-другой, мы могли бы въ эту страшную минуту переправить полкъ на ту сторону Аракса и двинуть его ротными колоннами къ переправѣ Турокъ. Гибель превосходныхъ числомъ Турокъ была неизбежна; но намъ не кѣмъ было распорядиться. Теряя голосъ и силы въ этой страшной суматохѣ, вижу, несется къ намъ генералъ Павловъ со свитою. «Впередь!» — Невозможно: люди не могутъ перебраться черезъ ручей; два батальона смѣшались въ одну беспорядочную кучу, начальники перебиты или ранены...

— Отвести назадъ людей, построить и ударить снова! — закричалъ онъ, проносясь мимо, подъ дождемъ пуль и картечи, къ колоннѣ Собашинскаго, тоже разстроенной сильнѣйшимъ огнемъ. Это приказаніе легко было отдать, но едва ли возможно исполнить.

Едва отыскавъ казака съ моею лошадыю, я поскакалъ догонять своего генерала и встрѣтилъ генерала Семякина, развѣжавшаго подъ огнемъ.

— Гдѣ вашъ генералъ?

— Проѣхалъ на лѣвый флангъ.

— Какъ дѣла?

— Плохи, ваше пр—ство: батальоны очень разстроены, офицеровъ много выбыло.

Я пустился дальше и догналъ генерала Павлова, въ моментъ, когда прискакалъ ординарецъ корпуснаго командира, — сколько припоминаю, князь Горчаковъ, — съ вопросомъ: можетъ ли теперь генералъ взять карантинъ?

— Вы видите, — закричалъ генералъ Павловъ: — резервовъ нѣтъ, убыль ужасная, огонь непріятельскій тоже; доложите корпусному командиру, что карантинъ *я теперь взять не могу!* Между тѣмъ страшный бой кипитъ, смерть рыщетъ; мы скачемъ съ генераломъ Павловымъ отъ колонны къ колоннѣ, устранивая ихъ и ободряя.

Опять явился ординарецъ: — Корпусный командиръ изволилъ приказать отступить.

— Ваше пр—ство, прикажете отбой? — закричалъ кто-то.

— Не нужно! — отвѣчалъ генералъ Павловъ. — Зачѣмъ радовать Турокъ?... Поѣзжайте, господа, передайте приказаніе.

Мнѣ на этотъ разъ досталось сказать съ приказаніемъ: *отступить*, — на лѣвый флангъ, къ Якутскому полку, подъ ужаснымъ огнемъ; но и тутъ Богъ помиловалъ.

Сейчасъ я упомянулъ про встрѣчу съ генераломъ Семякинымъ; вспомнился мнѣ при этомъ рассказъ уже цитированной мною брошюры «Нѣмцы и Дунай», также про генерала Семякина. «Съ донесеніемъ объ Ольтеницкомъ дѣлѣ пріѣхалъ въ Букарестъ къ князю Горчакову генералъ Семякинъ, который, чтобы остановить невыгодные рассказы объ этомъ событіи, придалъ всему видъ полубѣды.

— Ну, скажите, что же, Турокъ прогнали? — спросилъ кто-то генерала.

— Прогнали.

— Всѣхъ?

— Ну, не всѣхъ, — нѣкоторые остались!...»

карантиномъ пылало большое турецкое судно, зажженное нашей артиллеріей, и дымъ отъ него, гигантскимъ столбомъ поднимаясь къ небесамъ, дополнялъ эту страшную картину едва замолкшей битвы, являя собой, какъ будто, жертвенный олимпіамъ, возносящійся къ престолу Божию съ молитвою за упокой душъ мучениковъ Христовыхъ, въ сей битвѣ животъ свой положившихъ, съ благодарственной мольбою отъ тѣхъ, кто сохранилъ жизнь для будущихъ битвъ сей, едва начатой, брани.

Нашъ арріергардъ, состоявшій изъ дивизіона ольвіопольскихъ уланъ, съ двумя казачьими орудіями хоружаго Антропова (который все время сраженія, согласно диспозиціи, бросалъ свои маленькіе снаряды въ граничарскую башню, гдѣ однако никого не было), — наконецъ отошелъ и сталъ вѣтъ выстрѣловъ, а казачья цѣпь заняла свое прежнее мѣсто передъ Новою Ольтеницею.

Почти все приняло свой вчерашній видъ; только на полѣ валялись убитыя лошади, избитое оружіе, амуниція; неподалеку слышалась печальная пѣснь святыхъ молитвъ Дамаскина: тамъ предавали землѣ тѣла стѣжавшихъ въ семь дѣлѣ вѣнцы мученическіе; да еще необыкновенна была картина одного большого дома Новой Ольтеницы: тамъ кровь текла

„Струей багряной по камнямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ...“

То былъ перевязочный пунктъ... Мнѣ, измученному въ послѣдніе дни трудами физическими, достался новый трудъ, трудъ нравственный: мнѣ приказано было отправиться на перевязочный пунктъ и, по возможности, успокоить страдальцевъ. Какія картины, раздрающія душу! Что бой со всеѣмъ его ужасами сравнительно съ этими нѣсколькими комнатами, облитыми кровью, съ мрачными лицами умирающихъ, озабоченными лицами врачей, едва успѣвающихъ дѣлать операціи, страдальческими лицами тѣхъ, кому ихъ сдѣлали, или ожидающихъ своей очереди съ перебитою ногой или оторванною челюстью!... Направо и налево кругомъ дома лежатъ страдальцы, будто пришедшіе къ завѣтной купели Винозды!... Куда ни взглянешь, вездѣ встрѣчаешь умоляющій взоръ... „помоги, дескать... истекаю кровью... возьми меня скорѣе на перевязку... возьми, члены мои холодѣютъ, чувствую, чувствую, какъ трепетъ смерти проникаетъ все существо мое... вижу конецъ свой, отврати его, если можно!...“ Сердце обливается кровью, а между тѣмъ не слышишь ни звука, ни стога! Мучи страданія, прощаніе съ жизнью читаешь въ глазахъ солдата, но до слуха твоего не долетаетъ его жалобъ: онъ умираетъ молча. Если, порою, и слышишь вопль, то онъ несется изъ дома; онъ вырванъ ножомъ оператора, онъ едва раздался и замолкъ. Эта мрачная тишина ужаснѣе воплей и стоновъ; ее прерываетъ только приказаніе медика, гулъ отходящей артиллеріи, или стукъ колесъ повозки, привозящей раненыхъ съ поля, или увозящей перевязанныхъ въ госпиталь.

Кончишь печальную обязанность: того предашь землѣ, того отдашь на руки наукѣ,—но долго еще потомъ слышатся твоему непривычному уху жалобные стоны этихъ жертвъ великаго дѣла, выносящихъ операціи, бредъ впавшихъ въ агонію, ихъ предсмертныя мольбы и ихъ благословія за малѣйшее облегченіе ихъ послѣднихъ минутъ, если тебѣ посчастливится что-либо подобное!...

Какая странная случайность: подъ перевязочный пунктъ былъ назначенъ едва оканчивавшійся постройкою, еще не жилой домъ Новой Ольте-ницы; надъ его главнымъ входомъ изваяны были два какія-то звѣря, съ разинутой пастью и языками, выкрашенными красною краскою! Какъ будто зналъ строитель, что мы впоследствии назовемъ этотъ домъ *краснымъ* по кровавымъ слѣдамъ, оставленнымъ въ немъ днемъ 23 октября.

Въ этотъ памятный вечеръ въ стѣнахъ *краснаго дома*, по дорогѣ къ нему и на небольшой площадкѣ вокругъ его—сколько можно было видѣть примѣровъ истиннаго геройскаго мужества, сколько представлялось случаевъ, исторгавшихъ слезы! Солдаты передъ офицерами, офицеры передъ солдатами какъ будто щеголяли равнодушіемъ къ мукамъ физическимъ, стоическою твердостью, достойною временъ спартанскихъ.

Во время самаго разгара дѣла я встрѣтилъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Зиненко. Его несли на шпнели четыре гренадера; онъ былъ прострѣленъ пулею въ спину навывлетъ въ тотъ моментъ, когда, взбѣжавъ первымъ на турецкое укрѣпленіе, повернулся къ своимъ, призывая солдатъ слѣдовать за собою. Я встрѣтилъ этого храбраго офицера еще съ огнемъ отваги въ очахъ, но уже съ печатью смерти на челѣ: „Оставьте меня; положите меня здѣсь,—говорилъ Зиненко несшимъ его солдатамъ. Развѣ я уже не начальникъ вашъ? Я вамъ приказываю: оставьте меня, я здѣсь, на этомъ полѣ, хочу умереть! Не съ тѣмъ прошелъ я его, чтобъ идти назадъ!...“

Сердце сжалось; горько было слушать, некогда его успокоивать: служба призывала,—я понесся дальше и видѣлъ, какъ шелъ изъ битвы, опираясь одною рукою на солдата, Якутскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Скудери съ прострѣленною ногою (пулею); кромѣ того, его бокъ и рука пробиты были картечью. Какова должна быть въ этомъ офицерѣ сила воли, каково мужество—съ разбитыми костями въ рукѣ и въ боку пройти почти двѣ версты, только опираясь на солдата; потомъ стоя, смѣясь и шутя, выдержавъ операцію при вынутіи уродливой, огромной турецкой картечи изъ спины; предлагать отрѣзать руку немедленно, если это необходимо, чтобъ не терпѣть муки въ другой разъ; потомъ опять-таки дойти до коляски при помощи одного доктора!... Но тутъ физическія силы подполковника Скудери измѣнили нравственнымъ: онъ упалъ безъ чувствъ на руки его окружавшихъ. Его привели въ чувство, положили въ экипажъ и отвезли въ Букарестъ *).

*) Отъ этой раны Скудери вылѣчился; но въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, 4 августа 1855 г., онъ смертельно раненъ, командуя Украинскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Естественно ли, впрочем, сохранить въ памяти всѣ эпизоды этой кровавой драмы, первый актъ которой совершился въ огнѣ и дымѣ, а послѣдній, кровавейшій, на перевязочномъ пунктѣ! Говоримъ о томъ, что вспоминаемъ, а сколько совершилось подобнаго, ускользнувъ отъ нашего вниманія! Напримѣръ, когда унтеръ-офицеру Селентинскаго пѣхотнаго полка Магдику хотѣли медики дѣлать перевязку, онъ остановилъ ихъ словами: „подожду, ваше благородіе; извольте прежде перевязать господъ“ (то-есть офицеровъ). Одинъ изъ врачей едва успѣлъ вырѣзать пулю изъ ноги солдата, какъ обратился къ другому раненому, которому пуля прошла подъ языкомъ, и засѣла въ лѣвой сторонѣ. „Какъ это она къ тебѣ въ ротъ-то залетѣла?“ спросилъ шути докторъ. За раненаго отвѣчалъ съ улыбкою тотъ, которому только-что вырѣзали пулю изъ ноги: „Да онъ, ваше благородіе, пѣсельникъ“.

Какой-то солдатъ съ окровавленнымъ лицомъ и разинутымъ ртомъ нѣсколько разъ заглядывалъ въ двери *краснаго дома* и опять отходилъ и бродилъ по площадкѣ. Когда же перевязали всѣхъ раненыхъ до одного, врачи, до того времени не обращавшіе на него вниманія, подозвали его. „Что у тебя?“—солдатъ показалъ пальцемъ въ ротъ: оказалось, что пули, пробивъ ему щеку, засѣла въ языкъ: ее вырѣзали. Солдатъ перекрестился. „Что же ты, братъ, раньше не подходилъ?“—„Да были, ваше благородіе, раненые почище моего, имъ прежде надобно было помочь, я же боялся только, какъ бы не проглотить турецкой пули“ *).

Но вмѣстѣ съ подобными явленіями, возвышающими душу, сколько было невыносимо-грустныхъ, печальныхъ, тяжелыхъ!

Въ одномъ Селентинскомъ полку были три родные брата Прохоровичи: одинъ убитъ наповалъ подъ самымъ карантинномъ, другой лежалъ безъ чувствъ, оконтуженный ядромъ въ голову,—каково было третьему брату! Изъ двоихъ юношей Якутскаго пѣхотнаго полка, братьевъ Попандополо, младшій только за два, за три мѣсяца произведенъ былъ въ офицеры:—ему разбило ногу, ее отрѣзали; за нимъ ухаживалъ старшій братъ, вполне постигая, что славная смерть прикрываетъ уже его брата своимъ успокоительнымъ крыломъ!...

Наконецъ и на перевязочномъ пунктѣ, въ этой юдоли страданія, кончилисъ наши обязанности: того отравили въ госпиталь, того—въ сыру землю.

*) Не здѣсь ли мѣсто разсказать слѣдующій случай. Черезъ два-три дня послѣ того, какъ раненыхъ подъ Ольтеницею привезли въ Букарестъ и съ величайшими удобствами помѣстили въ прекрасно-устроенномъ госпиталѣ, командующій войсками въ Княжествахъ, генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ, въ полной парадной формѣ, съ своею многочисленною свитой, посѣтивъ раненыхъ, благодарилъ ихъ именемъ Государя Императора за службу, за вѣрность и преданность Ему и Отечеству, запечатлѣнную ихъ кровью. Въ одной палатѣ князь засталъ медиковъ за работою: дѣлали ампутацію руки немолодому уже гренадеру безъ пособія хлороформа. Ни воплемъ, ни стономъ лихой солдатъ не обнаружилъ страданія, причиняемаго ему пожомъ оператора.

— Молодецъ!—произнесъ князь, присутствовавшій до конца операціи.

— Нашли, ваше сіятельство, молодца съ одною рукою! Чемъ же Турокъ-то бить?!

— Ты—богатырь, богатырь!—воскликнулъ князь и со слезами на глазахъ обнялъ и поцѣловалъ мужественнаго солдата.

Я воротился на бивакъ вчерашняго ночлега погрѣться, поѣсть, совершить возліаніе за упокой павшихъ, во славу оставшихся живыми, а главное—выспаться. Походная постель была готова; кучу сухаго камыша прикрывалъ вальтрапъ, седѣльная подушка была изголовьемъ; добрый другъ мой, майоръ Торнау, ждалъ меня у kloкочущаго чайника при громадномъ кострѣ. Благотворительнѣйшій изъ напитковъ чай! Привычка ли, дѣйствительная ли цѣлебность свойствъ его такъ къ нему привязываютъ, не знаю, но ничѣмъ такъ, что называется, не отведешь душу, ничѣмъ такъ скоро не сообщишь своимъ членамъ гибкости и теплоты, какъ этимъ нектаромъ... Поздно однако, пора на боковую. Кто знаетъ, какъ пройдетъ нынѣшняя ночь? Ольвіопольскаго уланскаго полка полковникъ Козляниновъ 2-й, смѣнивъ кавалерійскій арріергардъ, съ четырьмя орудіями, двумя баталіонами Якутскаго пѣхотнаго полка, дивизіономъ ольвіопольскихъ уланъ и двумя сотнями казаковъ (занимавшихъ передовую цѣпь), оставленъ между карантиномъ и Новою Ольтеницей: кто знаетъ, не попроситъ ли онъ насъ покинуть ложе нѣги и подвязать боевую саблю? Итакъ, въ объятія Морфея! Но не спится что-то. Не знаю, какъ вамъ, господа, концомъ копыя вскормленные, вражьиимъ пороховъ прокопченные, бранными тревогами взлелѣянные,—не знаю, какъ вамъ, господа, привыкшіе всю жизнь свою безпрестанно, лицомъ къ лицу, встрѣчаться съ недругомъ и безмятежно проводить ночи послѣ кроваваго шрама, въ ожиданіи кровавѣйшаго похмѣлья, а что до меня касается, новичка въ дѣлѣ бранномъ, мнѣ не спалось эту ночь... Мнѣ очень новы были всѣ впечатлѣнія этого памятнаго дня, которымъ началась, быть можетъ, слишкомъ кровавая лѣтопись борьбы православія съ исламизмомъ,—дня, въ который я впервые постигъ всю грозную поэзію битвы, увидѣлъ смерть, повсюду надо мною вѣтовавшую, братьевъ моихъ, предъ нею склонявшихся, будто колосья подъ рукою жателя,—дня, въ который я впервые видѣлъ проявленіе въ своихъ товарищахъ и солдатахъ той жажды воинской славы, что влечетъ людей на подвиги истинно-великіе. Не спится, несмотря на усталость. Какъ же провести ночь, это переходное время отъ грозной борьбы нынѣшней къ борьбѣ завтрашней, быть-можетъ еще ужаснѣйшей? Не предаться ли мечтамъ о родинѣ, о семействѣ? Но этимъ столь милымъ образомъ зачѣмъ проноситься теперь предъ моими очами? зачѣмъ имъ смущать душу, ослаблять эту, пробужденную боемъ *кровавой славы страсть, жажду нибели, свирѣпый жаръ героевъ*? Время ли теперь давать въ сердцѣ мѣсто нѣжнымъ чувствамъ, на мгновеніе забытымъ? Зачѣмъ вновь возставать имъ предъ очами души моей? Въ часъ битвы перестаешь быть человекомъ, мужемъ, отцомъ, видишь себя должникомъ отечества; честь и совѣсть побуждаютъ платить свой долгъ, не помышляя ни о чемъ другомъ. Теперь же, когда миновали эти кровавыя мгновенія, когда еще не настали новыя, если совершенно предаться думамъ о далекой семьѣ, о любезной родинѣ, съ любовью будешь носиться мысленно надъ своими милыми,—твое сердце проникнется такою теплотою, что, пожалуй, не въ страхъ будешь и ото-

рваться отъ этихъ картинъ, пожалуй не пожелаешь новой игры на жизнь и смерть, пожалуй страшенъ покажется проигрышъ!...

Но нѣтъ, подобныя измѣненія невозможны въ сердцѣ русскаго солдата. Чѣмъ тяжелѣе жертвы, приносимыя общему дѣлу, тѣмъ онѣ приносятся съ большею готовностью, съ бѣльшимъ восторгомъ!... Пусть же не пчезаютъ милыя тѣни, носящіяся предъ очами: имъ суждено возвышаться, а не ослаблять души воиновъ, вливать отвагу въ наши сердца, побуждать насъ съ яростью устремляться въ сѣчу и не иначе выходить изъ нея, какъ съ вѣнцомъ побѣднымъ!...

Взволнованная тревожнымъ днемъ, кровь успокоилась, сладостныя мечты о далекой отчизнѣ навѣяли успокоительный сонъ...

Заря... Кипитъ военный станъ. Прекрасенъ онъ бываетъ въ день, послѣдующій за днемъ большой битвы: окровавленные лица многихъ; обожженные порохомъ лица артиллеристовъ, прострѣленные, изуродованные каски; шинели порванные пулями, обвязанные головы, руки на перевязяхъ, закованные пушки, почернѣлыя ружья—все являетъ собою, въ цѣломъ, картину новую, дотошъ многимъ невиданную

По подробнѣйшимъ свѣдѣнiямъ оказалось, что у насъ вчера убито: нижнихъ чиновъ 226 человекъ; пять оберъ-офицеровъ, а именно: Селенгинскаго полка штабъ-капит. Иванъ *Жайворонковъ*, поручикъ Петръ *Прохоровичъ*, подпоручикъ Петръ *Ореховъ*, прапорщикъ Василій *Михайловъ* и Якутскаго полка штабъ-капитанъ Филиппъ *Лютеръ*. Смертельно ранены, отчего впоследствии и умерли: Селенгинскаго полка три штабъ-офицера, майоры: Александръ *Галье*, Василій *Синявскiй* и подполковникъ *Ромъ*; оберъ-офицеровъ 5, а именно: Селенгинскаго полка штабъ-капитанъ Ѳеодоръ *Зиминъ*, поручикъ Николай *Зиненко* (умеръ 26 октября въ Буденштѣ), прапорщикъ Егоръ *Зазулевскiй* (умеръ отъ раны), Якутскаго полка прапорщикъ Алексѣй *Попандополо* и Кишиневскаго внутренняго гарнизоннаго баталiона прапорщикъ *Раздеришинъ*. Ранены и остались въ живыхъ штабъ-офицеровъ 4, а именно: Селенгинскаго полка подполковникъ Степанъ Степановичъ *Порогскiй*, майоръ Андрей *Турбинъ*, Якутскаго полка подполковникъ Александръ *Скюдери* и майоръ Ѳеодоръ *Соллогубъ* 2-й *); оберъ-офицеровъ 9, а именно: Селенгинскаго полка штабъ-капитанъ Терентiй Филипповичъ *Конюка* и Никандръ Ивановичъ *Скородумовъ*; подпоручики: Анатолiй *Путята* и Александръ *Дорецкiй*; прапорщики: Иванъ *Чалтеевъ*, Викторъ *Волощенко* 2-й, Дмитрiй *Конкинъ*, Владиславъ *Пашковскiй*, Якутскаго полка поручикъ Василій *Ивановъ*. Нижнихъ чиновъ ранено 700 человекъ. Контужено: Селенгинскаго полка: 1 штабъ-офицеръ и 11 оберъ-офицеровъ; Якутскаго полка два штабъ-офицера и 5 оберъ-офицеровъ; легкой № 5 батарее 11-й артиллерiйской бригады одинъ оберъ-офицеръ.

Всего убитыхъ въ этомъ дѣлѣ оберъ-офицеровъ: 5, ранено штабъ-

*) Убитъ въ сраженiи на Иккерманскихъ высотахъ 24 октября 1854 г.

офицеровъ 7, въ томъ числѣ смертельно трое, оберъ-офицеровъ 14 (въ томъ числѣ смертельно пятеро),—итого вышло изъ строя вмѣстѣ съ контуженными: штабъ-офицеровъ 10 человекъ, оберъ-офицеровъ 36, нижнихъ чиновъ 920 человекъ *).

Убитые въ этомъ сраженіи вечеромъ другого дня съ воинской почестью преданы землѣ у перевязочнаго пункта въ Новой Ольтепцѣ. Окрестные жители не забудутъ солдатской могилы и въ отдаленныя времена будутъ указывать мѣсто, гдѣ почіютъ кости храбрыхъ. Мы насыпали на этомъ священномъ для всякаго Русскаго, для всякаго православнаго, мѣстѣ большой курганъ, обсадили его деревьями и, по состоявшейся подпискѣ между офицерами и нижними чинами отряда, на собранныя деньги ставимъ на этомъ курганѣ надгробный памятникъ. Съ тѣмъ же, чтобъ товарищи наши, убитые въ этомъ сраженіи, независимо отъ тѣхъ молитвъ, какими Церковь наша, въ извѣстные дни, поминаетъ всѣхъ воиновъ, во брани животь свой положившихъ, пользовались особымъ вѣчнымъ предстательствомъ у Престола Божія мѣстной церкви, мы дѣлаемъ, по этой же подпискѣ, въ Ольтеницкую православную церковь значительный вкладъ, прося священноцерковнослужителей оной, на вѣчныя времена, ежегодно, въ день 23 октября, совершать на могилѣ нашихъ товарищей панихиду.

Подробности сооруженія этого памятника и вклада, дѣлаемаго нами въ Ольтеницкую церковь, мы расскажемъ по осуществленіи этихъ предположеній **).

*) Цифры убитыхъ и раненыхъ, показанныя въ сочиненіи Ковалевскаго: „Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 годахъ (Спб. 1868)“, а также очевидно заимствованныя изъ этого сочиненія таковыя же цифры, показанныя въ трудѣ Богдановича: „Восточная война 1853—1856 годовъ (Спб. 1877, т. I)“—не схожи съ нами приведенными. У нихъ показано убитыми 5 офицеровъ и 231 ниж. чин. (больше моего показанія); ранеными: 9 штабъ-офицеровъ (у меня 7 раненыхъ и 17 контуженныхъ), нижнихъ чиновъ 695 (у меня показано 700 человекъ). Незнаю, откуда заимствованы цифры Ковалевскаго и Богдановича, а я называю поименно раненыхъ офицеровъ и незнаю чтобы кто-нибудь еще былъ раненъ въ Ольтеницкомъ дѣлѣ, хотя всѣхъ офицеровъ, по самой должности своей, знаю наперечетъ; не привожу только въ числѣ раненыхъ или контуженныхъ капитана генеральнаго штаба Батазатуга, какъ временно состоявшаго при нашемъ отрядѣ.

**) Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ Ольтеницкой битвѣ утромъ 5 ноября, изволилъ сказать: „La bravoure des troupes admirable, la perte considerable, un succès minime et la situation du prince Gortschakoff devient très precare“ (изъ записной книжки графа П. Х. Граббе. Рус. Архивъ 1889 № 4, стр. 538). Затѣмъ Государь удостоилъ насъ милостивымъ вниманіемъ, пожаловавъ всѣмъ нижнимъ чинамъ отряда генерала Даненберга, въ битвѣ участвовавшимъ, по рублю серебромъ; раненымъ нижнимъ чинамъ, по силѣ ранъ, ими полученныхъ, отъ 5-ти до 100 руб. сер.; раненымъ офицерамъ, также по силѣ полученныхъ ранъ, отъ 100 до 300 руб. сер. каждому. Государь удостоилъ объявить свое Высочайшее благоволеніе: командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Даненбергу, начальнику 11-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіору (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Павлову, начальнику штаба корпуса, генераль-маіору Мартину, командиру 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіору Охтердону, генераль-маіору Семякину, генеральнаго штаба капитану Θεоктистову; пожаловалъ шпагу съ надписью „за храбрость“, брилліантами украшенную, начальнику 4-й артиллерійской дивизіи, генераль-маіору Сикстелю; слѣдующіе чины тридцати четыремъ офицерамъ; золотыя полусабли съ надписью „за храбрость“ пяти офицерамъ; различныя ордена 49 офицерамъ; изволилъ произвесть въ дѣйствительные статскіе совѣтники корпуснаго доктора Шрейбера и пожаловать ордена шести класснымъ чиновникамъ и двумъ священно-служителямъ, а равно двумъ лицамъ, состоявшимъ при нашихъ войскахъ со стороны валахскаго правительства.

Что же сказать о нашихъ врагахъ? Съ кѣмъ именно мы дрались? Чѣмъ для Турокъ кончилась эта битва? Расскажу, что намъ въ этомъ отношеніи извѣстно изъ показаній лазутчиковъ, изъ показаній одиннадцати человѣкъ,

Кромѣ того произведены въ офицеры двадцать четыре человѣка, двумъ пожаловано старшинство въ чинѣ прапорщика съ 23 октября 1853 года. Государь изволилъ произвестъ въ унтеръ-офицеры одного и пожаловалъ одному топографу одновременно 33 руб. 60 к. сер. Большая часть раненыхъ офицеровъ принята подъ покровительство комитета, Высочайше учрежденнаго, 18 августа 1814 года; многіе штабъ и оберъ-офицеры уволены домой, съ полнымъ содержаніемъ, для излѣченія ранъ, получивъ отъ правительства прогоны на проѣздъ; многіе офицеры, согласно ихъ желанію, отправлены на казенный счетъ для излѣченія въ различные госпитали Имперіи.

Отеческая заботливость Монарха простерлась далѣе: о каждомъ семействѣ убитаго или раненаго сдѣланъ подробнѣйшій докладъ Государю Императору; каждому семейству оказана возможная помощь, выражено высокое вниманіе!... Еще не все: примѣру Государя Императора слѣдуютъ Августѣйшія дѣти Его. Что можетъ быть отраднѣе сердцу русскаго человѣка вниманія къ нему тѣхъ, кого онъ съ младенчества привыкъ чуть ли не боготворить? Какимъ же чувствомъ должны были проникнуться сердца всѣхъ насъ, когда мы услышали, что полученъ запросъ о здоровьѣ нашего раненаго товарища штабъ-кап. Скородумова, въ бѣдной матерѣ котораго одна изъ царственныхъ особъ нашего Августѣйшаго Дома изволилъ принимать участіе! Не смѣемъ произнести высокаго имени Благотворительницы, но оно напечатлѣно въ сердцахъ нашихъ.

Послѣ Ольтеницкаго сраженія потребовали отъ насъ описанія частныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ этомъ дѣлѣ разными лицами, для доклада этого описанія Государю Императору.

Описаніе это было составлено исправлявшимъ должность нашего дивизионнаго квартирмейстера, генеральнаго штаба капитаномъ Батезатуломъ.

Впрочемъ, на это описаніе надлежитъ смотрѣть какъ на плодъ литературнаго досуга г. Батезатула.

Свѣдѣнія, доставленныя г. Батезатулу по этому предмету изъ всѣхъ частей действовавшихъ подъ Ольтеницею войскъ, были имъ раскрашены и, если можно такъ выразиться, реставрированы,—весьма, впрочемъ, неискусно,—а потому эта подмалевка сдѣлала картины, имъ представленныя, похожими на дѣйствительность—какъ небо на землю. Нѣкоторые же подвиги, описанные г. Батезатуломъ, всецѣло—плодъ его воображенія. Таковъ, напримѣръ, подвигъ исправлявшаго должность нашего дивизионнаго гевальдтигера поручика фонъ-Витте, будто бы схватившаго знамя послѣ убитаго знаменщика и несшаго его передъ Якутскимъ баталіономъ при атакѣ карантинна.

Вопервыхъ, фонъ-Витте не могъ совершить этого подвига потому, что ему никто не позволилъ бы хватать знамя послѣ убитаго знаменщика, когда еще не всѣ офицеры и унтеръ-офицеры этого баталіона были перебиты (тѣмъ болѣе, что онъ даже былъ въ егерскомъ мундирѣ Камчатскаго полка съ чернымъ воротникомъ, а Якутскій полкъ съ красными воротниками, и солдаты даже по ошибкѣ не могли признать его за офицера *своего* полка). Вовторыхъ, незачѣмъ было поручику фонъ-Витте хватать Якутскаго знамени, такъ какъ знаменщикъ, его несшій, подпрапорщикъ Трояновъ, не былъ убитъ и носилъ свое знамя во все время сраженія.

Дѣло съ фонъ-Витте было гораздо проще. Во время сраженія генералъ Павловъ, въ свитѣ котораго состоялъ и фонъ-Витте, по должности имъ исправляемой, послалъ его съ какимъ-то приказаніемъ къ одному изъ Якутскихъ баталіоновъ, при которомъ онъ, встрѣтившись съ Батезатуломъ, состоявшимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ братомъ фонъ-Витте, и остался до конца дѣла.

Далѣе. Въ число подвиговъ г. Батезатула включилъ то, что онъ самъ, будучи контуженъ, опрокинутъ былъ съ лошади ядромъ и что затѣмъ подъ нимъ ранена другая лошадь; причемъ онъ находился во все время передъ баталіономъ Якутскаго полка, болѣе другихъ выдвинувшагося впередъ. Непонятно, какъ перо развитаго человѣка могло возводить въ подвигъ такого рода съ нимъ происшедшій случай и включать его въ число выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, представляемыхъ Государю Императору! Но таковая рѣшимость тѣмъ болѣе становится непонятною, если дать вѣру очевиднымъ, утверждающимъ, что и самый случай этотъ представленъ въ преувеличенномъ видѣ. Наконецъ описаніе подвига такъ дурно скроено, что само выдаетъ свои недостатки. Описаніе говоритъ, что г. Батезатула до конца дѣла оставался передъ 1 баталіономъ Якутскаго полка. Спрашивается: зачѣмъ? развѣ тамъ было мѣсто г. Батезатула? Онъ былъ, хотя и временно, но все-таки дивизионнымъ квартирмейстеромъ нашей дивизіи, слѣдовательно долженъ былъ находиться при генералѣ Павловѣ,

взятых казаками въ плѣнъ во время самаго боя *), турецкихъ мастеровыхъ, работавшихъ Туркамъ мостъ чрезъ р. Аржисъ, и показаній Серба Ильича, бѣжавшаго къ намъ въ послѣдствіи отъ Турокъ изъ Туртукая **).

Въ карантинѣ, на острову и въ Туртукаѣ было болѣе 18.000 Турокъ; резервъ ихъ, состоявшій изъ 50.000 человекъ, былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Туртукая.

Омеръ-паша, лично предводительствуя всѣми этими войсками, находился въ Туртукаѣ и, какъ говоритъ Ильичъ, во время сраженія три раза собирался переправиться въ карантинъ, три раза входилъ со свитой на лодку, на которой былъ Ильичъ, и три раза возвращался въ городъ ***).

Въ свитѣ мушира было множество европейцевъ, жаждавшихъ борьбы съ нами. Особенно замѣчательны были въ числѣ этихъ господъ, какъ го-

который могъ нуждаться во время дѣла въ его совѣтахъ и указаніяхъ, какъ офицера генеральнаго штаба. Но въ томъ-то и дѣло, что Батезатула генераль Павловъ не видалъ при себѣ, во все время сраженія, потому что Батезатулъ, какъ мы уже замѣтили выше, сердился на генерала за Феоктистова и ухалъ нарочно къ Якутскому полку, гдѣ у него былъ старый пріятель полковникъ Скудерн.

Вообще говоря, описаніе доблестныхъ воинскихъ подвиговъ, дѣйствительно совершенныхъ, несомнѣнно возвышаетъ духъ арміи; но описаніе подвиговъ вымышленныхъ или преувеличенныхъ о нихъ рассказы, не могущіе обмануть очевидцевъ дѣла, ведутъ къ водворенію въ войскахъ системы обмана и лжи и, деморализируя армію, могутъ направить ее къ несчастнымъ и гибельнымъ результатамъ.

*) Есауломъ Донскаго казачьяго № 34 полка—Епифановымъ.

**) Въ первыхъ числахъ ноября, на разсвѣтѣ, наши пикеты, стоявшіе отъ карантина внизъ по Дунаю, замѣтили челнокъ, отбивавшійся отъ турецкаго берега и направленный къ нашему берегу, повидимому, твердо и искусною рукою. Пикеты скрылись въ ложнну, чтобы не испугать пуглика, полагая, что это лазутчикъ. Выйдя на берегъ, пріѣхавшій очень спокойно отвѣчалъ, бросившись къ нему пикетамъ, что онъ Сербъ Тимошей Ильичъ и благодаритъ Бога, вспомоществовавшего его спасенію.—Любо было смотрѣть на этого удалца, стройнаго, крѣпкаго, съ русыми волосами, огромными усами, въ оригинальной сербской одеждѣ. Онъ разсказалъ намъ, что дѣлалось у Турокъ во время Ольтеницкой битвы, и описалъ послѣдствія ея для Турокъ, объяснивъ, что онъ въ ночь, послѣдовавшую за битвою, съ товарищами его невольн занимался погребеніемъ турецкихъ труповъ, которыхъ было очень много. Самъ же Ильичъ былъ взятъ Турками въ плѣнъ еще въ сентябрѣ, на сербской лодкѣ отставнаго полковника Мишо, шедшей по Дунаю съ солью. Другіе его товарищи бѣжали, а ему не удалось, и онъ содержался Турками подъ стражею, съ цѣпью на ногахъ въ пудъ четырнадцать фунтовъ вѣсу, подобно другимъ плѣннымъ Сербамъ, Валахамъ, взятымъ на кардонахъ, и прочимъ арестантамъ-христіанамъ. Во время Ольтеницкаго дѣла большую часть арестантовъ посадили на лодки, на которыхъ переправлялись Турки, заставивъ управлять лодками, а послѣ дѣла отдали Ильича въ распоряженіе начальника судна, уходившаго изъ Туртукая въ Рущукъ съ матеріалами для моста. На утро судно должно было пуститься въ путь. Съ вечера еще Ильичъ подмѣтилъ лодочку-душегубку, колышавшуюся у берега, близъ самаго судна. Цѣлую ночь Ильичъ молился угодникамъ Божиимъ, испрашивая помощи къ спасенію. На счастье, еще до свѣту, капитану судна что-то не поздоровилось; онъ послалъ Ильича принести ему изъ ближней кофейни чашку кофе. Сербъ рѣшился спастись или умереть. Было еще темно, все спало; прохода мимо точки со своими вещами, ночью еще подготовленными, онъ захватилъ ихъ подъ полу кафтана и бросился въ лодочку, какимъ-то обломкомъ восла ударилъ въ берегъ и полетѣлъ къ намъ, какъ птица, вырвавшаяся изъ клѣтки. Часовые турецкіе замѣтили побѣгъ, стали кричать, нѣкоторые побѣжали къ лодкамъ, но было поздно; утрення мгла, лежавшая на Дунаѣ, прикрывала Ильича отъ выстрѣловъ и помогла ему спастись...

***) Описывая Ольтеницкое дѣло, турецкія газеты говорятъ, что Турокъ подъ Ольтеницею было 12.000 человекъ (очень можетъ быть: собственно въ карантинѣ), а что нашихъ войскъ, атаковавшихъ ихъ, было 24 баталіона пѣхоты, три полка кавалеріи, одинъ полкъ казачій, 32 орудія, всего же—болѣе 32.000 человекъ. Наши читатели знаютъ, въ какой степени вѣрны эти цифры.

ворять сами турецкія газеты, испанскій генераль Примъ *), съ состоявшимъ при немъ полковникомъ Донъ-Карлосомъ Детенре, находившимся въ карантинѣ во все время битвы съ адъютантомъ Омеръ-паши, Мустафой-эфенди; нѣсколько французскихъ инженеровъ, артиллеристовъ, кавалеристовъ; лордъ Уорслей и нѣсколько офицеровъ гвардіи королевы Викторіи—капитаны Батуръ и Гебертъ Вильсонъ и лейтенанты—два брата Беклей.

Цѣлью переправы Омеръ-паши было: пользуясь отвлеченіемъ нашей второй бригады къ Каларашу, вслѣдствіе сдѣланной имъ демонстраціи противъ Силистріи **), разбить насъ у Ольтеницы, опрокинуть, прогнать къ Букаресту, идти за нами, укрѣниться въ Будешти и оттуда дѣйствовать на Букарестъ; а захвативъ его, между тѣмъ поднять на насъ Малую Валахію посредствомъ революціонной пропаганды и отбросить наши незначительныя силы изъ княжествъ, пока поспѣетъ помощь изъ Россіи. Самонадѣянность Омеръ-паши была такъ велика, что онъ давалъ уже знать своимъ букарестскимъ знакомымъ, чтобъ его ждали тогда-то, на кофе, а энергію своихъ полудикихъ солдатъ возбуждалъ описаніемъ Букареста, гдѣ ѣздятъ въ экипажахъ, пьютъ кофе въ волю, и гдѣ въ особенности они найдутъ множество хорошенькихъ женщинъ!...

Но Богъ не попустилъ восторжествовать надъ нами ренегату ***). За-

*) Извѣстный агитаторъ Хуанъ графъ Рейсъ, маркизъ де Кастильехосъ, генераль Примъ, бывшій губернаторъ Мадрида, былъ отправленъ Испанскимъ правительствомъ въ качествѣ военного агента при Турецкомъ Дворѣ на театръ военныхъ дѣйствій. Послѣ Ольтеническаго сраженія онъ перѣхалъ въ Рущукъ и тамъ получилъ извѣстіе о военной революціи, произведенной генералами О. Доннелъ и Серрано. Успѣхъ этой революціи противъ тогдашняго испанскаго министерства, во главѣ котораго стоялъ Санъ-Луисъ, увлекъ Прима, — онъ безъ всякаго разрѣшенія покинулъ свой постъ и уѣхалъ въ Испанію, находя необходимымъ свое тамъ присутствіе. Какъ вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка была рядомъ авантюръ, такъ и конецъ его жизни былъ исполненъ драматизма. Неоднократно онъ стоялъ во главѣ заговоровъ противъ правительства, бывалъ осуждаемъ на смерть и прощадъ, совершалъ государственныя перевороты, прославлялся въ войнахъ за дѣло отечества, какъ наприм. въ Марокко 1859—60 гг., занималъ первенствующее положеніе въ отечествѣ и наконецъ въ должности военнаго министра и главы государственныхъ дѣятелей, въ убѣжденіи, что только въ монархическомъ правленіи Испанія можетъ найти свое благоденствіе, способствовалъ всѣми силами призыву на испанскій престолъ въ 1870 году итальянскаго принца, герцога Амедея Австрійскаго. Но наканунѣ вѣзда въ Мадридъ призваннаго Испанцами государя Примъ, ѣхавъ въ каретѣ изъ военнаго министерства, смертельно раненъ восемью пистолетными пулями сторонниковъ Донъ-Карлоса, котораго устраненію отъ престола онъ способствовалъ, и умеръ въ тотъ же день.

**) Въ одно время, по распоряженію Омеръ-паши, была произведена Турками демонстрація противъ Юржи и дѣйствительное занятіе Кафата подъ пушками Виддина, гдѣ Турки и стали твердою ногой, сильно окаявшись.

***) Омеръ-паша—Кроатъ родомъ, по фамиліи Михайлъ Лазосъ, находился въ австрійской службѣ и вслѣдствіе какой-то исторіи (говорятъ, растраты казенныхъ денегъ) бѣжалъ въ Турцію, сдѣлался тамъ учителемъ, потомъ вступилъ въ военную службу, принявъ исламизмъ въ 1828 году. Вскорѣ онъ былъ замѣченъ, какъ искусный топографъ, храбрый и энергичный человѣкъ, и сталъ быстро повышаться въ военной іерархіи, въ войну 1839 г. противъ Египетскаго паши уже будучи произведенъ въ генералы, дѣйствительно имѣя всѣ права какъ по храбрости, такъ и по развитію занять высшее положеніе между турецкими военными властями. Знакомый съ теоріей военнаго искусства, Омеръ-паша обладаетъ большою находчивостью, большимъ запасомъ энергіи и военнымъ взглядомъ; войска къ нему привязаны, потому что онъ добросовѣстно заботится о ихъ положеніи, знаетъ ихъ нужды и умѣетъ говорить съ солдатами, которые его любятъ, хотя онъ требуетъ строгой дисциплины, иногда доходящей до жестокости, безъ милосердія подвергая казни за ея нарушеніе.

мысли его распались. Отвага, съ какою мы 23 октября устремились на превосходныя силы непріятеля, окопавшагося на позиціи, неприступной съ двухъ сторонъ, покровительствуемой недосигаемыми для насъ батареями острова и того берега Дуная, вразумила Омеръ-пашу: онъ понялъ, что если мы *одни* не пустили его впередъ, если по *нашей* только милости онъ вывезъ изъ одного лишь карантинна *два* мачтовыхъ судна, нагруженные убитыми, не считая перевезенныхъ на маленькихъ лодкахъ и утонувшихъ въ Дунаѣ, да *пять*, нагруженныхъ ранеными, тоже кромѣ тѣхъ, которые были перевезены на лодкахъ, то гдѣ же ему разбить насъ на другой, на третій день, когда должны были соединиться съ нами войска, форсированнымъ маршемъ шедшія къ намъ на помощь изъ Калараша и Букареста? Притомъ, на другой и на третій день онъ, если хотѣлъ извлечь значительные результаты изъ своей переправы, долженъ былъ не выдерживать только нашу атаку, подъ покровительствомъ своихъ крепостныхъ пушекъ, а выйти противъ насъ въ чистое поле, сбить насъ съ позиціи, какую намъ будетъ угодно занять. Понялъ опытный мушпръ, что ему не сломить насъ, и ограничился владѣніемъ карантинна, продолжая день и ночь возводить предъ нимъ укрѣпленія, заставляя работать несчастныхъ Болгаръ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ пригнанныхъ на работу изъ Турціи, и когда наши войска стали сосредоточиваться у Ольтеницы, отступилъ на правый берегъ Дуная.

Ольтеницкая битва, прогремѣвъ на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ, за семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ (1773 г.), безсмертный Суворовъ совершилъ свое знаменитое взятіе Туртукай *), начала на сущѣ нашихъ европейскихъ

Независимо указанныхъ причинъ, Омеръ-паша расположилъ къ себѣ и своею воинственною, все еще привлекательною наружностью, хотя время и наложило на нее свою руку, посеребривъ его бороду, несмотря на его съ небольшимъ 50 лѣтъ. Онъ человѣкъ скромной жизни, имѣющій только одну жену (Трансильванку), не допускающій роскоши и блеска въ домашнемъ быту, въ публичъ и передъ войскомъ не иначе показывается, какъ съ блестящей свитой, въ полномъ блескѣ залитого золотомъ мундира, украшеннаго множествомъ орденовъ. Словомъ, гдѣ нужно, Омеръ-паша умѣетъ порисоваться! Генераль Боске, посланный осматрѣть турецкія войска, главныя силы которыхъ были сосредоточены у Шумлы, подъ командою Омеръ-паши, далъ о немъ очень лестный отзывъ, какъ о способномъ военачальникѣ. Маршалъ Сентъ-Арно, въ своемъ сообщеніи военному министру для доклада импер. Наполеону о положеніи турецкихъ войскъ и о качествахъ ихъ генераловъ, говоритъ про Омеръ-пашу: „Онъ не заслуживаетъ ни той браня, ни тѣхъ похвалъ, которыя ему расточаютъ. У насъ онъ не былъ бы замѣтенъ, но въ Турціи не найдется другаго болѣе полезнаго и замѣтельнаго человѣка, который могъ бы замѣнить его собою. Омеръ-паша—большое военное дарованіе; это настоящій солдатъ; какъ у генерала, у него есть нѣсколько хорошихъ и здравыхъ идей, впрочемъ, вмѣстѣ съ невозможными проектами и невѣроятными взглядами на политическія дѣла. Эта голова, во многихъ случаяхъ правильно и глубоко мыслящая, нуждается въ руководителѣ; его обширный здравый смыслъ сдѣлалъ ему это понятнымъ и онъ самъ просилъ и проситъ меня руководить его дѣйствіями“.

*) Первымъ порученіемъ, даннымъ Суворову по прибытіи его изъ Россіи въ армию Румянцева, дѣйствовавшую противъ Турокъ, было въ 1773 году командованіе отрядомъ, подъ Пегошескимъ монастыремъ, тѣмъ самымъ, о которомъ мы упоминали выше.

Извѣстно, что Суворовъ съ этимъ отрядомъ два раза разгромилъ Турокъ, въ эту кампанію, въ Туртукаѣ. Первый разъ этотъ погромъ произведенъ слѣдующимъ образомъ:

8 мая 1773 года Турки, переправясь на лѣвый берегъ Дуная, у Ольтеницы, ударили на наши аванпосты, стоявшіе по Дунаю, на передовыхъ постахъ которыхъ находился самъ Суворовъ, едва при этомъ спасшійся отъ непріятеля. Однако набѣздъ Турокъ дорого имъ

границъ рѣшительнымъ образомъ борьбу съ Турками. Какое счастливое предзнаменованіе! Въ годовщину Суворовскаго подвига, бывшаго началомъ войны, изъ которой вышли мы нѣкогда съ честію и славою, на поляхъ столь тѣсно связанныхъ съ именемъ любимаго русскаго героя, начата и брань настоящая, которой суждено быть-можетъ явиться одною изъ знаменательнѣйшихъ въ исторіи.

Исходъ этой борьбы въ десницѣ Божіей... Но, если мысли человѣческой дозволено стремиться къ пониманію судебъ Господнихъ, кто не скажетъ, что Онъ, подвигнувшій сердце Царево на брань, во имя Его, за торжество Его правой Церкви, на поправленіе изувѣрства, на облегченіе судьбы нашихъ братьевъ по вѣрѣ, одушевившій великій народъ нашъ одною мыслію, однимъ стремленіемъ—поборать за Крестъ и за Распятаго на немъ до послѣдней капли крови нашей,—кто не скажетъ: Богъ правды и силы не покинетъ насъ въ настоящей брани и вознесетъ руки наши на плечи нашихъ враговъ!

Ольтеницкое дѣло такъ замѣчательно само по себѣ и представляетъ столько интереса не только для его участниковъ, но и для каждого, кто внимательно относится къ великой борьбѣ, начавшейся нашимъ кровавымъ столкновеніемъ на Дунайскомъ берегу, что мы позволяемъ себѣ здѣсь привести собранные нами рассказы объ этой битвѣ различныхъ ея очевидцевъ, участниковъ или только историковъ, при чемъ постараемся указать ихъ ошибки, умышленныя искаженія истины, искаженія фактовъ и вообще извращенія, еслибы таковыя были ими допущены.

Въ 280-мъ номерѣ „Journal de Francfort“ (1853 г. ноября 23) была помѣщена выписка изъ константинопольскаго журнала отъ 9 ноября, которую сообщается извѣстіе объ атакѣ Ольтеницкаго карантина 23 октября.

обошелся; подоспѣвшія подкрѣпленія опровергнули ихъ съ большою для нихъ потерей, преимущественно утонувшими въ Дунаѣ, когда они стали садиться на лодки для обратной переправы.

Умѣнемъ воспользоваться благоприятнымъ моментомъ для удара на врага Суворовъ всегда отличался. Онъ проявилъ эту способность и въ данномъ случаѣ, рѣшившись именно въ этотъ же день осуществить прежде уже задуманную и вполне подготовленную экспедицію на Туртукай. Такимъ образомъ, въ слѣдующую же послѣ турецкаго набѣга ночь Суворовъ переправился черезъ Дунай съ отрядомъ челоѣкъ въ 600 и наголову разбилъ несравненно многочисленнѣйшій турецкій отрядъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 4.000 челоѣкъ. Трофеями этого дня было 6 знаменъ и 16 пушекъ, всѣ суда стоявшія у города числомъ 19 большихъ и 11 среднихъ, самый городъ, отданный солдатамъ на разграбленіе, причемъ жители Туртукай Болгаре, въ числѣ 299 мужчинъ и 364 женщинъ, были переправлены на нашъ берегъ, но самъ Суворовъ былъ сильно раненъ въ ногу осколкомъ разорвавшейся пушки и за тѣмъ едва не былъ изрубленъ янычаромъ, ударъ котораго успѣлъ отбить саблей, но окончательно былъ спасенъ подоспѣвшими солдатами.

Второй поискъ Суворова на Туртукай былъ произведенъ ночью съ 16 на 17-е іюня. На этотъ разъ нашихъ переправилось за Дунай около 4.000 челоѣкъ; турецкій отрядъ численностію болѣе 4.000 челоѣкъ былъ разбитъ совершенно. Нашимъ досталось нѣсколько турецкихъ лагерей со всевозможной добычей, 14 мѣдныхъ пушекъ, 36 разнаго рода судовъ и большіе продовольственные запасы; Турокъ убито до 800 челоѣкъ, въ томъ числѣ ихъ начальникъ двухбунчужный паша Фазул-Сары (у насъ убито и ранено до 200 челоѣкъ).

За это дѣло Суворову пожалованъ орденъ Св. Георгія 2-го класса.

Вотъ слова константинопольской газеты:

„Огромная побѣда.

„Извѣстно, что 12 т. оттоманской арміи вступили 2 ноября въ Ольтеницу и выгнали оттуда Русскихъ.

„Вотъ подробности этого дѣла:

„Новые турецкіе полки заняли Ольтеницу. 4 ноября русскій корпусъ въ 24 баталіона пѣхоты (?), три полка кавалеріи (?), одного казачьяго полка (?) и 32-хъ орудій (?), всего болѣе 30 т. человекъ (?), двинулся на Ольтеницу. (Что ни слово—то ложь!)

„Тогда императорскія войска приготовились ихъ встрѣтить. Правымъ крыломъ командовалъ Мустафа-паша, лѣвымъ—Измаиль-паша, центромъ—Ахмедъ-паша, артиллеріей въ Ольтеницѣ—Нея-паша, войсками на острову—Хамидъ-паша *).

„Дѣло началось въ 12^{1/2} часовъ дня, а въ 7-мъ часу вся русская армія находилась въ полномъ бѣгствѣ. Она оставила на полѣ множество ружей, амуниціи, одежды; все это было перенесено на нашу сторону рѣки и представлено Омеръ-пашѣ. На полѣ оставлено Русскими 800 убитыхъ (?). Но во время сраженія двадцать повозокъ постоянно занимались отвозомъ мертвыхъ (NB. Во время сраженія ни одной повозки не подбирали тѣл: повозки были посланы послѣ сраженія)—павшихъ жертвами храбрости императорскихъ войскъ, которыя перестали стрѣлять изъ пушекъ (NB. Замѣьте, пушки были увезены изъ карантина къ мосту), когда Русскіе подымали убитыхъ. Это благородное чувство не нуждается въ разьясненіяхъ.

„Но начальники и солдаты императорскихъ войскъ были неукротимы, достойны славныхъ предковъ и того великаго дѣла, за которое сражались. Однако считаемъ долгомъ сказать, что кромѣ помянутыхъ генераловъ наиболѣе отличились храбростію: Гуссейнъ-бей—подполковникъ императорской гвардіи, Гуссейнъ-ага—маіоръ стрѣлковаго полка, Мустафа-ага—адъютантъ Омера-паши и артиллерійскій капитанъ Арабъ-ага.

„Убитыхъ 13, ранено 72, безъ вѣсти пропалъ 1 человекъ. Плѣнныхъ Турки не взяли потому, что не имѣли кавалеріи, которою можно было бы преслѣдовать бѣгущихъ подъ прикрытіемъ русской кавалеріи“.

Приводя въ порядокъ свои походныя записки, рѣшившись издать ихъ въ свѣтъ въ томъ предположеніи, что этотъ правдивый рассказъ очевидца и участника великихъ событій можетъ имѣть нѣкоторый интересъ для однихъ, а другимъ даже, смѣю думать, можетъ принести нѣкоторую пользу, я просмотрѣлъ нѣсколько иностранныхъ сочиненій о послѣдней кампаніи.

Какъ было досадно и больно въ свое время читать возгласы и реляціи, подобныя сейчасъ мною приведенной, такъ теперь ихъ смѣшно читать.

Реляціи, особенно турецкой, простительно нѣкоторое самохвальство, нѣкоторое увлеченье, натяжка событій; но кто берется разсказывать воен-

*) Одинъ изъ этихъ пашей и одинъ полковой командиръ убиты въ Ольтеницкомъ дѣлѣ.

няя дѣла въ качествѣ историка, тому, будь онъ самъ Тьеръ, непростительно городить такую чепуху (да простятъ намъ это выраженіе, весьма впрочемъ идущее ко многимъ военнымъ разсказамъ даже историка похода Наполеона въ Россію), какою городятъ французскіе писатели, искажая, перепутывая событія, имена дѣйствующихъ лицъ, численность войска, результаты дѣла, потери. Заглянемъ въ разсказы нѣсколькихъ французскихъ историковъ прошедшей кампаніи и приведемъ для образца нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, чтобъ наши читатели могли судить, до какой степени простирается и живость воображенія этихъ писателей, и ихъ забвеніе истины, единственно изъ слѣпой ненависти къ Россіи и тщеславія, превращающаго всякую съ нами боевую встрѣчу въ погромъ, будто бы намъ нанесенный.

Евгеній Пикъ (Eugène Pick de L'Isère), издавшій вторымъ изданіемъ (стало-быть сочиненіе въ ходу, читается; а если читается, то достойно вниманія и вѣроятія) свой трудъ: „*Les fastes de la guerre d'orient. Histoire politique, militaire et maritime des campagnes de Crimée*“, съ помощію, какъ онъ говоритъ, общества литераторовъ и военныхъ писателей (Paris. Librairie Napoléonienne 1856, страницы 30, 31, 32), вотъ какъ разсказываетъ про переправу Турокъ у Ольтеницкаго карантинна:

„Ольтеницкое дѣло 9 ноября (23 октября).“

„Воодушевленный энергическимъ воззваніемъ Омеръ-паша, десяти тысячный турецкій отрядъ, занимавшій Туртукайскій лагерь, получилъ приказаніе 2 ноября (21 октября) 1853 года приготовиться къ походу. На другой день, до разсвѣта, въ лагерьъ была прочитана молитва и, при первыхъ лучахъ солнца, десять тысячъ Турокъ безъ шума выступили изъ своихъ укрѣпленій, въ густыхъ колоннахъ приблизились къ Дунаю, бросились на ожидавшія ихъ лодки и прямо отправились къ деревнѣ Ольтеницѣ, лежащей на другомъ берегу и занятой Русскими, которые тотчасъ открыли ужасный огонь противъ нападающихъ (?) (ни одного выстрѣла!), но Турки не смутясь продолжали наступать (???) въ совершенномъ порядкѣ; и, рѣшась до послѣдней капли крови повиноваться своему храброму генералу, раненные пулею, картечью или ядромъ, падали не издавая крика, такъ что малѣйшей жалобы не слышно было въ ихъ рядахъ“ (Разумѣется, французскій историкъ можетъ говорить все что угодно; но чего же смотрѣли военные писатели, на участіе которыхъ въ своемъ трудѣ рѣшается ссылаться г. Пикъ? Кто изъ людей, бывавшихъ въ сраженіяхъ, можетъ повѣрить этому набору словъ, не говоря уже, что въ вышеприведенномъ разсказѣ Пика нѣтъ ни одного вѣрнаго факта?)

„Вскорѣ суда приблизились къ берегу, защищаемому Русскими“. (Это вѣроятно рѣчь идетъ объ эсаулѣ Воиновѣ, съ пятью или десятью казаками разбѣзда.)

„Нѣкоторые уже его коснулись; тогда въ величайшемъ увлеченіи Турки, еще бывшіе не у самаго берега, бросились въ волны, одни по полю, другія по самымъ плечамъ въ водѣ, открыли огонь по берегу“ (Интересно бы-

ло бы посмотреть, какъ производятъ ружейную пальбу солдаты, находящіеся по плечи въ водѣ!) „и овладѣли имъ, несмотря на огонь Русскихъ, усилившіеся съ приближеніемъ Турокъ, которые однако взяли зданія карантинна, утвердились въ немъ и защищались съ такимъ упорствомъ, что всѣ усилія Русскихъ выбить ихъ оттуда остались безуспѣшны“. (Историкъ, вѣроятно, подъ именемъ *всѣхъ усилій Русскихъ* подразумѣваетъ мою попытку съ десятию казаками выгнать появившихся Турокъ изъ карантина, какъ мною было рассказано выше. Много чести!)

„Въ то же время часть турецкихъ войскъ, пріѣхавъ на остальныхъ судахъ, овладѣла маленькимъ островомъ, лежавшимъ противъ Ольтеницы, и устроила на немъ батарею *), огонь которой вскорѣ заставилъ замолчать непріятельскую артиллерію“.

(Съ Туртукайскаго острова очень легко было заставить молчать нашу артиллерію, стоявшую въ это время въ Будешти и Добрени!)

„Послѣ трехчасовой битвы Русскіе по всей линіи ударили отбой и стали отступать; это отступленіе отъ его послѣдственности скоро должно было превратиться въ совершенное бѣгство; но 12 тысячъ подрѣзленія подошло къ Русскимъ подъ командою генерала Даниенберга. Благодаря этой помощи, Русскіе остановились, заняли позицію и 4-го утромъ генералъ Павловъ, командуя соединенными силами, рѣшился предпринять наступательное дѣйствіе.

„Но съ своей стороны Омеръ-паша принялъ всѣ мѣры на случай наступленія Русскихъ, и таковъ былъ энтузіазмъ его солдатъ, воспламененныхъ успѣхомъ, что всѣ они, несмотря на ихъ численное меньшинство сравнительно съ непріателемъ, пылали желаніемъ сойтись съ нимъ вторично.

„Съ восходомъ солнца загремѣла русская артиллерія“ (Не забудемъ, сами турецкія реляціи согласны съ нами, что дѣло началось въ 12^{1/2} часовъ дня!); „Турки отвѣчали слабо. Завлеченные столь, повидимому, слабымъ отпоромъ, солдаты Павлова шли впередъ съ увѣренностію въ побѣдѣ; но вдругъ яростно заревѣлъ ружейный огонь всей турецкой линіи и огонь артиллеріи Омеръ-паши. Турки маневрировали (?) съ такимъ единствомъ, по указанію своего генерала, что, казалось, ихъ число само собою возрастало и усиливалось на всѣхъ особо-угрожаемыхъ пунктахъ. Такимъ образомъ Русскіе, поставленные между двухъ (?) огней, искали спасенія въ бѣгствѣ; ихъ колонны, разметанныя картечью, бросились въ болото (?), единственный, имъ оставшійся, путь отступленія (?). На этотъ разъ ихъ бѣгство было совершенное; они усеяли все, покинутое, ими пространство трупами и буквально покрыли его оружіемъ, брошеннымъ бѣглецами, какъ лишняя тяжесть, мѣшавшая имъ бѣжать“.

Вотъ вамъ, почтенный читатель, сраженіе французскаго военнаго писателя—съ мельницами.

*) Нашъ читатель знаетъ, что Туртукайскій островъ, лежащій правѣ карантина, былъ занятъ Турками за нѣсколько дней до переправы ихъ въ карантинъ и вооруженъ различными земляными укрѣпленіями съ артиллеріею.

Другой военный писатель, офицеръ генеральнаго французскаго штаба (Chef d'escadron d'état—Major) А. Дю Кассе (A. Du Casse), въ сочиненіи своемъ „Précis Historique des opérations militaires en orient de Mars 1854 a Octobre 1855 (Paris, 1857),—писатель болѣе основательный и мыслящій, сравнительно съ цитированнымъ нами г. Пикомъ, также наполнилъ свое сочиненіе умышленными или неумышленными промахами, Богъ его знаетъ. Ольтеницкаго дѣла онъ и не удостоиваетъ описанія, называя его стычкою (escarmouche *).

Третій писатель, Леонъ Геренъ (Léon Guérin) въ своей „Histoire de la dernière guerre de Russie“ (1853—1856) (Paris, 1858, t. I) рассказываетъ, что Турки подъ личнымъ начальствомъ Омеръ-паши совершили переправу черезъ Дунай въ глазахъ непріятеля, занимавшаго Ольтеницу и ея окрестности. (Мы видѣли, сколько было этихъ защитниковъ переправы и могли ли мы съ этими средствами помѣшать ей.) Турецкій авангардъ отбросилъ Русскихъ и занялъ карантинъ и островъ, гдѣ и укрѣпился. Генералъ Даненбергъ, видя смѣлость Турокъ, которыхъ презирали, рѣшилъ, что настало время перевѣдаться съ ними серьезно.

На разсвѣтъ 4 ноября/23 октября генералъ Даненбергъ послалъ генерала Павлова, известнаго храбростію, съ одиннадцатію тысячами отборнаго войска, обѣщая поддержать его своими главными силами, выбить Турокъ изъ занятой ими позиціи. Вѣшенная атака Русскихъ отбита Турками, дѣйствовавшими подъ предводительствомъ Омеръ-паши въ числѣ отъ 8 до 10 тысячъ. Турки вышли небольшими частями изъ окоповъ, разсыпались въ стрѣлки, отбили атаки русской кавалеріи и пѣхоты и скрылись въ укрѣпленіе, разстроивъ осаждающихъ, которые, вслѣдствіе ошибочнаго маневра, попали подъ перекрестный огонь туртукайскихъ и карантинныхъ батарей, чѣмъ воспользовались Турки, ударили стремительно на Русскихъ и принудили ихъ покинуть поле битвы. Русскіе оставили на мѣстѣ около 400 убитыхъ и имѣли раненыхъ болѣе 850 человекъ, между которыми былъ генералъ Павловъ.

Вслѣдствіе этого погрома, отрядъ генерала Даненберга вынужденъ былъ совершенно покинуть переправу черезъ Дунай, очистить Ольтеницу и отойти къ Букаресту (стр. 44—49).

Этотъ разсказъ объ Ольтеницкой битвѣ, обстоятельствахъ ей предшествовавшихъ и о ея послѣдствіяхъ совершенно противорѣчитъ нашему разсказу о тѣхъ же событіяхъ; но смѣемъ увѣрить читателя, что своимъ разсказомъ мы не погрѣшили противъ исторической истины.

Rousset въ „Histoire de la guerre de Crimée“ (Paris 1877) говоритъ, что Омеръ-паша, рѣшившись на оборонительный способъ веденія войны противъ Русскихъ, въ то же время, чтобы поднять духъ своей арміи и возвысить ея значеніе въ глазахъ Европы и чтобы воспрепятствовать противнику сосредото-

*) Когда мы заняли Туртукай, Болгаре, его жители, говорили намъ утвердительно, что во время Ольтеницкаго дѣла Турокъ было въ карантинѣ при шести орудіяхъ отъ 6 до 8 тысячъ, въ Туртукаѣ отъ 20 до 30.000 и на острову тысяча человекъ.

точить свои силы на какомъ-нибудь пунктѣ, нашелъ необходимымъ отчасти перейти въ наступленіе. Въ этихъ видахъ, начиная съ 28 октября (н. с.) до 2 ноября (н. с.) приказалъ своимъ войскамъ дебушировать почти одновременно на четырехъ пунктахъ, а именно: на Калафатъ, Журжу, Ольтеницу и на Коларашъ изъ Силистріи. Атака на Журжу и Коларашъ была только демонстраціей, — наступленіе Турокъ на двухъ прочихъ пунктахъ было болѣе серьезно.

Сильно занявъ Ольтеницу, Измаиль-паша, помощникъ Омеръ-паши, явился такимъ образомъ въ двухъ-трехъ переходахъ отъ Букареста. Атакующие Русскіи, Турки сумѣли прикрыться огнемъ полевыхъ орудій, устройствомъ редюта въ зданіяхъ карантана и огнемъ крѣпостной артиллеріи правата берега Дуная.

Противуположный берегъ низменный, болотистый, неудобный для правильного и быстрого маневрированія, затруднялъ атакующихъ; ихъ артиллерія и кавалерія пришли въ замѣшательство, — однимъ словомъ, Русскіе отступили, потерявъ болѣе 1.200 человекъ.

Въ этотъ день Турки имѣли чрезвычайный успѣхъ, и Омеръ-паша, какъ очень благоразумный человекъ, не захотѣлъ ослабить его значенія, но сумѣлъ выдержать характеръ, начавъ дѣйствовать совершенно во-время, ни рано, ни поздно: десять дней спустя послѣ этого блистательнаго дѣла, не дожидаясь, чтобы Русскіе, уже сосредоточивающіе свои силы, стали тѣснить его, — добровольно и спокойно отступилъ за Дунай.

М. X. Tanc, въ „*Histoire diplomatique de la guerre d'orient en 1854, son origine et ses causes*“ (Paris, 1864), упоминаетъ, что Турки перешли 2 и 3 ноября (н. с.) Дунай у Ольтеницы. Этотъ отрядъ силою въ 12.000 человекъ былъ атакованъ Русскою арміею, стремившейся опрокинуть Турокъ въ рѣку. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся болѣе 3-хъ часовъ и въ теченіе которой нѣсколько разъ доходило до рукопашнаго боя, Турки опрокинули Русскихъ и удержали позицію.

Обѣ стороны понесли значительныя потери; но потери Русскихъ были несравненно чувствительнѣе. Они оставили на полѣ битвы множество мертвыхъ, между которыми было много высшихъ офицеровъ. Эта битва названа *Ольтеницкою*, по имени деревни, близъ которой она происходила.

Георгій Клапка въ своемъ сочиненіи „*La guerre d'orient en 1853 et 1854 jusqu'à la fin de Juillet 1855*“ (Jénève, 1855) вотъ какъ отзывается объ Ольтеницкомъ дѣлѣ:

„Событіемъ особой важности былъ переходъ Дуная, совершенный, подъ начальствомъ самого Омеръ-паши, Турками, между Рущукомъ и Силистріею, близъ Туртукая. Омеръ-паша, имѣя здѣсь въ своемъ распоряженіи отъ 50 до 60.000 человекъ, успѣлъ утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная, близъ с. Ольтеницы. Сильная атака русскихъ на эту позицію, ^{4 ноября} _{23 октября} была блистательно отражена, и поэтому всѣ, полные тревоги, ожидали продолженія наступленія главныхъ турецкихъ силъ на Букарестъ, но вдругъ восемь

дней спустя послѣ переправы получилось извѣстіе, что Турки покинули Валахскій берегъ и что ихъ главные силы отступили къ Шумлѣ, для занятія въ ея окрестностяхъ зимовыхъ квартиръ.

Всего только 12 миль раздѣляетъ Ольтеницу отъ Букареста. Послѣ побѣды 23 октября дорога была открыта Омеръ-пашѣ. Численное и нравственное превосходство было на сторонѣ Турокъ. Благодаря чрезвычайной разбросанности своихъ силъ, Русскіе не могли ему противопоставить на этомъ пунктѣ болѣе 25.000 человекъ. Почему же Омеръ-паша не воспользовался первымъ своимъ успѣхомъ? Почему не рѣшился онъ броситься на измученныхъ Русскихъ, чтобы совершенно разбить ихъ?

Загадка разрѣшена въ настоящее время: *не позволила дипломатія!*

Непосредственно послѣ первыхъ извѣстій объ открытіи военныхъ дѣйствій и о переходѣ Турками Дуная, австрійскій интернунцій представилъ французскому и англійскому посланникамъ въ Константинополь опасность, могущую угрожать европейскому миру при дальнѣйшихъ, болѣе сильныхъ и серьезныхъ столкновеніяхъ Россіи съ Турціею. Вслѣдствіе этого два представителя западныхъ державъ согласились ходатайствовать предъ Портой, чтобы Омеръ-пашѣ было повелѣно удовольствоваться сдѣланными имъ успѣхами и перейти Дунай обратно.

По словамъ Guérin (*Idem*, с. 49—50), причиною возвращенія Омеръ-паша обратно за Дунай были Австрійцы, настаивавшіе на прекращеніи наступательныхъ дѣйствій со стороны Турціи, въ надеждѣ окончить начавшуюся распрю дипломатическимъ путемъ на вѣнскихъ конференціяхъ.

25 октября. — Позиція подъ Митрени-Фундени.

Вчера пріѣзжалъ князь Горчаковъ со свитою и обходилъ войска.

Къ намъ придвинули 12-ю дивизію. Главная квартира переехала на наше мѣсто, къ Будешти.

Турки неутомимо работаютъ съ восхода до заката солнца, опять согнавъ къ карантину множество народа. Что они затѣваютъ? Мы предполагаемъ: не хотятъ ли они укрѣпить карантинъ и окрестности, обезпечить себѣ переправу какъ на нашъ берегъ, такъ и обратную, въ случаѣ неудачи. Они укрѣпляютъ не одинъ карантинъ, а строятъ тетъ-де-понъ на правомъ берегу Аржиса, у своей переправы на островъ, на которомъ тоже кипитъ постройка траншей и батарей по всей его сторонѣ, обращенной къ намъ. Нѣкоторые изъ насъ упорствуютъ въ мнѣніи, что переправа у Ольтеницы и другія подобныя попытки Турокъ на различныхъ пунктахъ по линіи Дуная, противъ лѣваго фланга нашей арміи, не что иное какъ демонстрація, чтобы заставить насъ стянуть на этомъ флангѣ свои силы, а между тѣмъ начать наступленіе изъ Калафата, гдѣ они воздвигли большія укрѣпленія и еще дѣятельно продолжаютъ ихъ постройку *).

*) Вслѣдствіе это мнѣніе нашло подтвержденіе въ разсказахъ французскихъ писателей. Дю-Кассъ говоритъ, что величайшимъ желаніемъ Омеръ-паша было завлечь Рус-

Ночи стали такі темныя, что рѣшительно въ пяти шагахъ ничего не различить, а тутъ, какъ нарочно, генераль посылаетъ повѣрять цѣпь казачьихъ пикетовъ передъ Ольтеницею. Ёдешь съ проводникомъ по кустамъ и бугоркамъ—полею недавней битвы (на которое теперь цѣлыми стаями стали слетаться орлы и большіе горные коршуны, чуя кровь)—и, того и гляди, наткнешься не на свой, а на одинъ изъ непріятельскихъ пикетовъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ расположенныхъ отъ нашихъ.

Турки сняли свою дневную конную цѣпь, которую держали все время, какъ было у нихъ и передъ дѣломъ. Нынѣ неизвѣстно, какія предосторожности они принимаютъ ночью; кажется, только кладутъ секреты.

Казани стоятъ попарно. По большей части я находилъ ихъ, истомленныхъ тяжкою службой, въ такомъ положеніи: одинъ казакъ стоитъ пѣшкомъ, прыгая съ ноги на ногу, по причинѣ начавшихся сильныхъ холодовъ, и держа подъ уздцы пару лошадей—свою лошадь и товарища, который, завернувшись въ бурку, тутъ же спитъ, обыкновенно, сномъ праведника, свою очередь отдыха, до смѣны тѣмъ, кто держитъ лошадей. Конечно, подобный способъ содержанія постовъ очень рискованъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ непріятеля, ничѣмъ отъ казаковъ не отдѣленного. Но казаки очень зорки и чутки, а потому чрезвычайно рѣдко случается, чтобы они были захвачены врасплохъ, или чтобы у нихъ сорвали пикетъ. Мнѣ кажется, что подобный способъ содержанія передовой цѣпи—лучшій. Цѣлую ночь очень трудно просматрѣть въ оба глаза и глядѣть такъ же зорко, какъ глядитъ тотъ, кто соснулъ хорошенько. А если это къ тому же будетъ не первая ночь бодрствованія на-пролетъ, по-неволѣ физическія силы измѣняются, какъ бы ни были крѣпки нравственныя. При разсказанномъ мною способѣ содержанія передовыхъ постовъ: одинъ часовой выспался,—можетъ смотрѣть въ оба; другой ложится и спитъ, чтобы пріобрѣсть ту же способность.

26 октября.

Опять начались туманы; не видать за ними, что дѣлаютъ Турки въ карантинѣ. Наша цѣпь усилена сего дня. Полковникъ Козляниновъ 2-й, начальникъ авангарда, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы не допустить Турокъ сдѣлать успѣшное внезапное нападеніе. Этотъ штабъ-офицеръ отличается энергическою дѣятельностію, знаніемъ военного дѣла и храбростію, составившею ему прекрасную репутацію еще на Кавказѣ, по службѣ его въ генеральномъ штабѣ.

скихъ въ болотистую и вредную для здоровья Добруджу, и съ этою цѣлью онъ такъ сильно противоборствовалъ намъ въ Калафатѣ, т.-е. на правомъ нашемъ флангѣ, умышленно ослабляя оборону пространства противъ лѣваго крыла нашей арміи. Было время, говорить Дю-Кассъ, что князь Горчаковъ могъ обрушить свои силы на калафатскихъ Турокъ и потопить въ Дунаѣ; но это время было упущено, за стычками въ центрѣ позиціи противъ Рущука и подъ Ольтеницею; Турки построили въ Калафатѣ съ помощію иностранныхъ офицеровъ неприступныя укрѣпленія и были въ нихъ безопасны. Омеръ-паша достигъ своей цѣли: владѣя Калафатомъ, онъ всегда угрожалъ нашей арміи и, въ случаѣ ея переправы за Дунай, могъ прямо ударить ей во флангъ и въ тылъ.

Въ авангардѣ полковнику Козляннову, кромѣ казаковъ, ежедневно дается на ночь баталіонъ пѣхоты, дивизіонъ уланъ, который у него находится цѣлые сутки, и два орудія.

Цѣлый день сегодня моросилъ дождикъ, проникавшій до костей тѣхъ, кто не запасся кожанымъ плащомъ съ таковымъ же башлыкомъ. Въ этомъ *кожанъ*, подбитомъ сукномъ, да въ плотныхъ охотничьихъ сапогахъ, выше колѣна, сидишь рѣшительно какъ дома и на бивакѣ у костра, и въ походѣ, и въ скачкѣ верхомъ, какой бы ни былъ дождикъ. Ночью, однако, пришлось подъ кожанъ надѣвать дубленку: послѣ мелкаго дождика, сѣвшаго день-деньской, ударилъ морозецъ, да порядочный; на всѣхъ одежда стала дыбомъ, — бѣда да и только. Невесело, должно полагать, и Туркамъ, менѣе насъ привыкшимъ къ холоду и къ невзгодамъ военной жизни. Передъ вечеромъ появились у турецкихъ артиллеристовъ въ карантинномъ укрѣпленіи круглыя палатки.

27 октября.

Турки, какъ пришибенные, не позволяютъ себѣ не только движенія впередъ, но даже ни одной попытки, ни одной удавой выходки. Дальше карантина они и не думаютъ пробираться, въ его же стѣнахъ ихъ дѣятельность неумоима; укрѣпленія видимо растутъ, работающаго народа — Болгаръ — множество. Въ трубу виднехонько, что между этимъ народомъ расхаживаютъ солдаты, каждый съ палкою въ рукѣ, вѣроятно, наблюдающіе за работою; и появляется какой-то господинъ въ европейскомъ гражданскомъ костюмѣ, надо полагать — производитель работъ.

На правомъ берегу Аржиса продолжаютъ работать люнетъ.

Сегодня опять пріѣзжалъ главнокомандующій съ генераль-адъютантомъ графомъ Анрепомъ-Эльмитомъ обдумывать на мѣстѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Турокъ. Мы думаемъ, что намъ еще придется постучать лбомъ въ карантинныя стѣны, потому что главнокомандующій, ходя по рядамъ солдатъ, нѣсколько разъ повторялъ: „Ну, ребята, не ударить, смотрите, въ грязь лицомъ, если опять придется пойти на Турокъ“.

— Рады стараться! — вырывалось у солдатъ изъ сердца. И дѣйствительно, солдаты такъ любятъ князя, такъ въ немъ увѣрены, что скажи имъ князь: „Ступайте, ребята, надо взять карантинъ; посмотрю, какъ-то вы потѣшите Царя-Ватюшку и любите ли вы меня, старика, я буду съ вами“, — и повѣрьте: пойдутъ и возьмутъ, или всѣ погибнутъ!

28 октября.

Хоть бы что-нибудь рѣшительное затѣялъ Омеръ-паша, а то плясать на морозѣ да на дождѣ, или, наоборотъ, на дождѣ да на морозѣ — невыносимо скучно.

29 октября.

Ровно никакого нѣтъ измѣненія въ нашемъ положеніи. Мы стоимъ на позиціи, а Турки стоятъ въ карантинѣ и окапываются. Мы разбили нѣкоторое количество палатокъ; мелкіе, но частые дожди продолжаются; заморозки по ночамъ тоже; почва размякла; къ намъ подошли подкрѣпленія и невозможно думать, чтобы Турки рѣшились теперь атаковать насъ,—они упустили благоприятное время; имъ бы броситься на насъ. 24 или 25 октября, если они не могли перейти въ наступленіе въ ночь съ 23 на 24 октября: тогда они могли имѣть большой успѣхъ, теперь же дѣло кончено,—имъ съ нами не совладать.

У Турокъ въ карантинѣ сегодня горятъ огромные костры: видно не правится осенняя непогода. Вчера и сегодня цѣлые дни рубятъ кустарники передъ карантиномъ, чтобы въ случаѣ нашего наступленія лишить нашихъ стрѣлковъ прикрытія. Напрасный трудъ: кустарники этотъ такъ рѣдокъ, что не можетъ служить прикрытіемъ стрѣлкамъ.

30 октября.

Сегодня ночью выпалъ порядочный снѣгъ. Съ разсвѣтомъ уналь густой туманъ и пошелъ дождь. Вдругъ часовъ въ 9 утра генераль Павловъ получаетъ записку полковника Козлянинова 2-го съ извѣстіемъ, что Турки, произведя взрывъ въ карантинѣ и пользуясь туманомъ, переправились, не замѣченные нашими передовыми постами, изъ карантина на правый берегъ Аржиса, зажгли устроенный ими черезъ эту рѣку мостъ и, повидимому, продолжаютъ переправу на Туртукайскаго островъ. Полковникъ Козляниновъ повелъ къ карантину дивизионъ уланъ и всѣхъ казаковъ, бывшихъ подъ рукою, думая хоть сколько-нибудь затруднить переправу.

Вѣсть объ уходѣ Турокъ какъ громомъ насъ поразила: мы такъ въ эти дни свыклись съ своимъ положеніемъ, намъ такъ естественно казалось видѣть непріятеля въ нѣсколькихъ отъ себя шагахъ и надѣяться не сегодня, такъ завтра опять съ нимъ потягаться! Счеты съ ольгеницкими Турками намъ еще казались неоконченными и вдругъ они исчезаютъ отъ насъ, какъ фантомъ, оставляя насъ однихъ съ невозможностью нанести имъ какой-нибудь вредъ, столкнуться съ ними...

Извѣстіе о переходѣ Турокъ не распространило радости по нашему лагерю, но и не скажу, чтобы опечалило его населеніе,—нѣтъ, всѣми овладѣло какое-то недоумѣніе; всякому приходило на мысль сказочное заключеніе: *по усамъ текло да въ ротъ не попало*; великій изъ насъ почувствовалъ себя въ какомъ-то глупомъ, неловкомъ положеніи: непріятель пришелъ къ намъ, не потерявъ ни одного человѣка, ушелъ безъ выстрѣла... обидно.

Первымъ дѣйствіемъ генерала Павлова было послать приказаніе командиру Нассаускаго уланскаго полка, полковнику барону Радену, стоявшему

лагеремъ близъ Кирноджи, немедленно двинуться съ казачьею артиллеріей по направленію къ переправѣ Турокъ и, сколько возможно, вредить имъ. Донеся о происходящемъ главнокомандующему, мы съ генераломъ поскакали къ карантину.

Ольвінопольскихъ уланъ мы застали въ эскадронныхъ колоннахъ и казаковъ, державшихъ цѣпь на половину пушечнаго выстрѣла отъ карантина, который былъ уже осмотрѣнъ казаками. Генераль приказалъ тотчасъ уланъ и казаковъ отправить на ихъ биваки, оставивъ въ карантинѣ нѣсколько казаковъ для наблюденія, тоже нѣсколько человекъ и въ граничарской башнѣ. Едва эскадроны повернули назадъ, какъ Турки открыли артиллерійскій огонь съ батарей острова и изъ Туртукая; но, по счастію, огонь былъ безвреденъ; одно ядро ударило передъ самою казачьею сотнею въ землю, сдѣлало рикошетъ и пронеслось черезъ казаковъ. Чтобы безполезно не потерять и одного человека, генераль Павловъ приказалъ вывести эскадроны на рыхляхъ изъ-подъ огня. Видно было, что Турки умышленно молчали, желая подпустить нашу кавалерію какъ можно ближе къ Дунаю, чтобы дѣйствовать по ней успѣшнѣе и продолжительнѣе.

У самого карантина валялось нѣсколько десятковъ обезображенныхъ Турками тѣлъ нашихъ солдатъ, совершенно обнаженныхъ. Генераль приказалъ тотчасъ ихъ подобрать и отвезти къ бывшему перевязочному пункту, гдѣ похоронены убитые 23 октября, а сами мы посѣдѣли на позицію.

Занятый письменными дѣлами, не терпѣвшими отлагательства, генераль приказалъ мнѣ слѣдить съ гребня высоты, на которой былъ нашъ бивакъ, за движеніями барона Радена. Сейчасъ же составилъ цѣлый кружокъ любопытствовавшихъ. Смотримъ въ трубы. Видимъ эскадроны Радена, съ казачьею цѣпью впереди, идутъ въ шахматномъ порядкѣ на рыхляхъ. Вотъ артиллерія отдѣлилась на лѣвый флангъ. Что-то будетъ? Ни выстрѣла съ обѣихъ сторонъ. Волѣе часа продолжалось маневрированіе уланъ: они то приближались къ Аржису, то двигались ближе къ дунайскому рукаву, то останавливались. Вдругъ видимъ нѣсколько выстрѣловъ въ казачьей цѣпи; на нихъ отвѣчаютъ изъ люнета и съ острова также нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Но, вотъ, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ: казачья артиллерія снимается съ передковъ, открываетъ огонь, — куда направлены ея выстрѣлы? За отдаленностію различить невозможно, но только видно, что Турки не отвѣчаютъ. Я доложилъ генералу, онъ вышелъ и видя, что продолжается нашъ артиллерійскій огонь (впрочемъ очень рѣдкій), оставаясь безотвѣтнымъ, послалъ меня сказать полковнику барону Радену, что если онъ не можетъ препятствовать продолженію переправы Турокъ и нанести имъ существенный вредъ, то чтобы онъ тотчасъ возвратился на свою позицію, оставивъ небольшую часть казаковъ для наблюденія за правымъ берегомъ Аржиса.

— Казакъ, лошадь!

На борзыхъ скакунахъ мы пустились съ казакомъ черезъ аржисскій

мостъ, устроенный нашими саперами, на мѣстѣ бывшей дотолѣ паромной переправы у Митрени-Фундени, и не больше какъ въ двадцать минутъ поровнялись съ резервными эскадронами Нассаусцевъ.

— Гдѣ полковникъ?

— Въ казачьей цѣпи.

Мы съ казакомъ туда. Уланы стояли въ боевомъ порядкѣ. Наша артиллерія молчала. Изрѣдка раздавался ружейный выстрѣлъ въ той части нашей цѣпи, которая была ближе къ Дунаю; съ непріятельской стороны не было отвѣта. Едва я выѣхалъ на высоту правогофлангового эскадрона уланъ первой линіи, какъ, вижу, вырвался клубъ дыма съ мысовой батареи Туртукайскаго острова и въ то же почти мгновеніе передъ самою головою моею, шибко бѣжавшей, лошади пронеслось ядро: она *съехала* на заднія ноги; казакъ, не ожидавшій этого, наскочилъ на меня, но я какъ-то успѣлъ въ сѣдлѣ; нагайка подняла лошадь, и я видѣлъ, какъ ядро, пронесаясь надъ эскадрономъ уланъ, заставило непривычныхъ еще къ звуку его полета лошадей шарахнуть. За этимъ ядромъ слѣдовали гранаты, сперва одна за другою, потомъ по нѣскольку разомъ, наконецъ загорѣлся ружейный огонь съ острова и изъ люнета.

Тутъ я увидѣлъ полковника Радена, который, завидя мою адъютантскую фуражку, скакалъ мнѣ на встрѣчу. Выслушавъ переданное мною приказаніе, онъ подаль сигналъ отступленія, который вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ Туркамъ сигналомъ открыть огонь со всѣхъ батарей, устроенныхъ на острову. Этотъ огонь, благодаря Бога, не имѣлъ для насъ гибельныхъ результатовъ: колонны уланъ шли рысью, безпрестанно мѣняя направленіе, по командѣ полковаго командира; ядра ложились то направо, то налѣво, картечь шрапнелевыхъ гранатъ прыгала всюду, но нашихъ не задѣвала; городскія батареи тоже не остались праздными: онѣ бросили нѣсколько ядеръ большаго размѣра, а мортирная батарея стала метать бомбы; но онѣ, падая на болотистую почву, засасывались ею, а разрывъ подымалъ только, fugасомъ, грязную землю, осколки же оставались въ землѣ. Ясное было дѣло, что Турки молчали, ожидая приближенія уланъ на картечный выстрѣлъ. Ясное было дѣло, что подвинулся полковникъ Раденъ еще саженъ сто впередъ съ полкомъ, да не поспѣй приказаніе генерала Павлова отступать, Нассаусцы не досчитались бы многихъ товарищей, а на этотъ разъ, по милости Божіей, множество выпущенныхъ Турками снарядовъ не имѣло ни малѣйшаго результата.

Баронъ Раденъ, шутя, называлъ меня своимъ спасителемъ, такъ въ время доставившаго спасительное приказаніе, и мы съ нимъ пустились на нашу позицію докладывать о происходившемъ. Начальства мы не застали. Всѣ опять уѣхали къ карантину за княземъ Горчаковымъ, который прискакалъ немедленно по полученіи донесенія объ обратной переправѣ Турокъ. Князя со свитою мы застали въ лѣску, изъ котораго во время дѣла 23 октября Охтерлоне атаковалъ турецкую позицію. Выслушавъ докладъ Власова, что

Турки имѣютъ цѣпь въ кустахъ, на правомъ берегу Аржиса, противъ ихъ люнета (тетъ-де-пона) и что по одному, по двумъ казакамъ обычнаго разѣзда не стрѣляютъ, но при появленіи большаго числа нашихъ открываютъ штуцерный огонь, князь надѣлъ казачью фуражку и съ казаками поѣхалъ по берегу, чтобы, если возможно, видѣть люнетъ вблизи и опредѣлить самому, нельзя ли предпринять какого противъ нихъ дѣйствія.

Адъютантъ князя, графъ Сухтеленъ, хотѣлъ было слѣдовать за нимъ, не желая покидать любимаго начальника на такомъ опасномъ пунктѣ, въ десяткѣ-другомъ сажень отъ непріятельскихъ штуцерниковъ, на мѣстности покрытой кустами и еще дурно осматрѣнной, на которой можно было встрѣтить засаду; но князь, замѣтивъ его намѣреніе, рѣшительно запретилъ слѣдовать за собою и поѣхалъ вдвоемъ съ казакомъ. Мы остались.

Воротясь въ Ольтеницу, князь еще долго бесѣдовалъ со своимъ штабомъ и начальниками частей о положеніи дѣла и приказалъ барону Радену на другой день съ полкомъ уланъ и баталіономъ пѣхоты сдѣлать рекогносцировку праваго берега Аржиса и турецкаго укрѣпленія. Полковникъ Раденъ просилъ нѣсколько батарейныхъ орудій, — князь не далъ, а вмѣсто ихъ приказалъ взять всѣхъ штуцерниковъ Якутскаго полка, приказавъ, не подвергать напрасной опасности людей и отнюдь не затѣвать видимо безполезнаго дѣла.

Сегодня, а именно во время поѣздки моей къ Радену, я познакомился съ штабсъ-капитаномъ конной артиллеріи, кончившимъ недавно курсъ въ Военной академіи, Лавровымъ. Юноша, еще полный энергіи и жажды боя, онъ рвался въ дѣло съ поэтическимъ увлеченіемъ; князь прислалъ его въ нашъ отрядъ на время, онъ пріѣхалъ только сегодня и прямо къ барону Радену. Въ моментъ, когда я съѣхался съ Раденомъ у казачьей цѣпи, Лавровъ былъ тутъ же; мы едва успѣли перекинуться нѣсколькими словами, вдругъ пахнуло на насъ вѣтеркомъ, будто кто махнулъ платкомъ, и послышался въ слѣдъ за этимъ звукъ, похожій на отдаленный жалобный стонъ.

— Что это? — спросилъ Лавровъ.

— Это штуцерная мимо пролетѣла.

— А, такъ вотъ какъ пули летаютъ, — продолжалъ онъ съ восторгомъ, — ну, благослови Богъ! благослови Богъ! Слышу первую пулю въ жизни! — и онъ крестился, снявъ фуражку *).

*) Впослѣдствіи Лавровъ оказался однимъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ нашей арміи. Не было труднаго дѣла, исполненіе котораго требовало охотника, на которое не вызывался бы Лавровъ; не было опасности, на которую бы онъ не напрашивался. Потомъ я часто встрѣчался съ нимъ въ Бухарестѣ, гдѣ его оживленная бесѣда, полная юношескаго жара, доставляла намъ много пріятныхъ минутъ. По выходѣ нашемъ изъ Валахій я встрѣтился съ нимъ въ самомъ разгарѣ Инкерманскаго дѣла, въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера, будучи присланъ съ какою-то депешою отъ князя Горчакова. Лавровъ, которому готовилась завидная доля, убитъ въ Севастополѣ, въ должности траншей-маіора передъ 5-мъ бастіономъ, — должности, которую онъ на себя принялъ и несъ съ честію, въ самое трудное время для этого пункта оборонительной линіи.

Не говоря уже о высокыхъ нравственныхъ достоинствахъ этого молодого человѣка, онъ былъ прекрасенъ собою, строенъ, ловокъ, полонъ жизни и удалства. Его портретъ,

31-го октября.

Сегодня полковникъ баронъ Раденъ произвелъ рекогносцировку турецкаго укрѣпленія съ баталіономъ Якутскаго полка и всѣми его штуцерниками, подъ командою майора Малевского *), своимъ полкомъ и казаками № 25 Донскаго полка. Рекогносцировка не имѣла никакого результата. Разсыпавъ фланкерскую дѣль, и за каждою парою фланкероу пославъ пару штуцерниковъ въ надеждѣ, что они, будучи прикрыты кавалеристами, допустятся Турками на самое близкое разстояніе, баронъ Раденъ приблизился къ непріятельскому укрѣпленію, но Турокъ изъ него не вызвалъ. Они пострѣливали съ острова и изрѣдка съ тетъ-де-пона, совершенно скрываясь за насыпями, такъ что нашимъ стрѣлкамъ не представляли никакой дѣли, а потому мы и не открывали огня. Турецкая артиллерія молчала, вѣроятно, полагая вынудить тѣмъ наши колонны, державшіяся на благородной ди-

набросанный съ натуры Филиповымъ въ Фокшанахъ и помѣщенный въ „Художественномъ листкѣ Тимма“, не польстилъ ему, — Лавровъ въ натурѣ былъ гораздо лучше, чѣмъ изображенъ Филиповымъ.

*) Майоръ Андрей Константиновичъ Малевскій при этомъ случаѣ впервые выдается сколько-нибудь самостоятельнымъ дѣятелемъ; но вообще Восточная война ему очень благопріятствовала, особенно Севастопольская оборона. Начавъ войну майоромъ, онъ кончилъ ее полковникомъ, командиромъ Охотскаго Егерскаго полка, получивъ при защитѣ Севастополя, въ награду, Анну 2-й степени, Владимира 3-й степени, золотую полусаблю съ надписью за храбрость. Впослѣдствіи онъ командовалъ Лейбъ-Екатеринославскимъ Гренадерскимъ полкомъ и умеръ генералъ-майоромъ.

Малевскій былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, почти безграмотный (хотя имѣлъ очень красивый почеркъ, въ которомъ наводрился, что-то очень долго прослужа въ нижнихъ чинахъ, происходя изъ шляхты, затруднявшейся доказать свое дворянство, и въ это время занимаясь по писарской части), но былъ храбрымъ и хорошимъ офицеромъ, добрымъ товарищемъ и очень снисходительнымъ командиромъ, хотя пылкимъ и горячимъ. Въ Охотскомъ полку его любили, не знаю какъ въ Екатеринославскомъ. Онъ отличался хлѣбосольствомъ и тароватостью и самъ любилъ-таки выпить, особенно подъ конецъ своей карьеры и жизни. Въ командованіе полкомъ онъ имѣлъ большія денежные средства и бывало на „Пересыпи“, гдѣ онъ очень долго стоялъ съ полкомъ при защитѣ Севастополя, шампанское и портеръ у него лились рѣкой, а же былъ съ нимъ въ товарищескихъ отношеніяхъ, когда онъ еще до крайности стѣснялся въ средствахъ, а именно когда онъ былъ младшимъ штабъ-офицеромъ у насъ въ Камчатскомъ полку, гдѣ я былъ полковымъ адъютантомъ. Помню такой случай. Стояли мы въ м. Яновѣ, въ Царствѣ Польскомъ, на одной квартирѣ съ Малевскимъ. Вообще въ нѣхотѣ младшій штабъ-офицеръ представлялъ собою въ то время весьма жалкое существо: кромѣ майорскаго жалованья, рублей 115 въ треть да фуражныхъ на одну лошадь, младшій штабъ-офицеръ ничего не получалъ, — живи какъ хочешь на эти средства, — а между тѣмъ въ названной должности необходимо имѣть порядочную верховую лошадь, съ приличной сѣдловкой, и хотя какую-нибудь повозочку съ лошадкой для передвиженій, потому что въ походѣ вещи ротнаго командира возмуть на артельную повозку, а кто возметъ вещи несчастнаго младшаго штабъ-офицера! Малевскій былъ человѣкъ очень самолюбивый, хуже другихъ онъ не любилъ быть, и потому когда его произвели въ майоры, онъ собралъ все что могъ только собрать, и купилъ прехорошенькую верховую лошадку, которую и берегъ какъ единственное свое достояніе, какъ зеницу ока.

Однажды мы только-что усѣлись съ Малевскимъ за утренній чай, какъ вошелъ его денщикъ съ весьма встревоженнымъ видомъ: „Ваше в—іе, у насъ несчастіе“. — „Что такое? — „Коня задавили.“ — „Какъ задавили?“ — „Повели ковать, положили, да чтобы не бился, сѣли на него — задавили!“... У Малевского ручьями хлынули слезы изъ глазъ... онъ былъ, можно сказать, разоренъ.

Съ женою онъ не жилъ, сколько я его запомню, хотя отъ ней у него былъ сынъ, тотъ самый несчастный, котораго въ Петербургѣ зарѣзала любовница, тамъ какая-то была сложная исторія, ее еще оправдали присяжные. Дѣло это въ свое время надѣлало много шума.

станціи, подойти подъ ея огонь, и потому разсчитывала, что не стоитъ, слѣдовательно, дѣйствовать противъ разсыпнаго строя. Но Радень ограничился движеніемъ фланкеровъ и видя, что дѣйствіе его остается безъ послѣдствій, прекратилъ рекогносцировку и отошелъ на позицію.

1-го ноября.—С. Ольтеница.

Турки совершенно перебрались на островъ, покинувъ свое предмостное укрѣпленіе; мы снялись съ позиціи и заняли Ольтеницу. Это торговое и людное мѣстечко въ настоящее время представляетъ печальную картину: его покинули жители, едва Турки появились на нашемъ берегу, и покинули внезапно, не успѣвъ спрятать своего имущества, сколько-нибудь громоздкаго, а нечего и говорить, не успѣвъ перевезть значительныхъ запасовъ различныхъ предметовъ торговли: соли, кукурузы, пшеницы и овса. Нечего также говорить, что прежде, чѣмъ нашему начальству стало извѣстно это обстоятельство, ольтеницкіе магазины значительно потерпѣли отъ посѣщенія нашихъ фуражировъ, не имѣвшихъ возможности отлучаться вдаль для закупокъ фуража, и отъ самихъ жителей окрестныхъ и даже ольтеницкихъ, которые, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ магазиновъ, пріѣзжали съ арбами, нагружали ихъ чѣмъ было угодно и увозили во-свои. На вопросы: по какому праву они такъ поступаютъ?—они отвѣчали: или что увозимое—ихъ собственность, или что они присланы владѣльцами для забранія продуктовъ.

Вступивъ въ Ольтеницу и увидавъ положеніе дѣла, мы тотчасъ поставили вездѣ караулъ и не позволяли вывозить ничего и никому безъ фактическаго доказательства, что магазинъ принадлежитъ дѣйствительно лицу, совершающему перевозку. Такимъ образомъ порядокъ сталъ восстанавливаться, и хотя жители все еще не рѣшались сюда переселиться, какъ изъ опасенія новой переправы Турокъ, такъ и потому, что всѣ дома, безъ исключенія, заняты были постоемъ, но, по крайней мѣрѣ, жители стали вывозить свои пожитки, а въ нѣкоторыхъ хлѣбныхъ магазинахъ открыли продажу зерна по сходнымъ цѣнамъ.

2-го ноября.

Турки убираются съ острова, хотя пушки на мысовой батарее еще не тронуты. Князь со штабомъ и корпусный командиръ уѣхали въ Букарестъ. Генералъ Бухмейеръ осмотрѣлъ карантинныя укрѣпленія и передалъ приказаніе разрушать ихъ, указавъ, съ какихъ именно частей начинать разрушеніе. Турки не стрѣляютъ въ нашихъ, но кучками собираются на острову и смотрять на нашихъ солдатъ.

3-го ноября.

Прошедшею ночью мнѣ досталось идти съ двумя ротами Селенгинцевъ въ карантинъ для указанія, какія части турецкаго укрѣпленія начать раз-

рушать. Признаться, какъ-то жутко было идти ночью по этому полю смерти. Сперва солдаты были веселы, шумно было въ ихъ рядахъ; они, по обыкновению, болтали, смѣялись. Но, по мѣрѣ приближенія къ карантину, ихъ говоръ смолкъ. Луна свѣтила; обгорѣлыя стѣны каменныхъ карантинныхъ зданій казались тѣнями нашихъ товарищей, въ могильныхъ саванахъ возставшихъ изъ насыпей и рововъ, которыми была покрыта мѣстность, для послѣдняго съ нами свиданія.

— Ребята, трубокъ не закуривать, не шумѣть, — съ острова услышать, откроютъ въ насъ огонь.

Нечего было повторять приказанія: слова не было слышно, только зазвенѣли кирки, лопаты, да застучала земля, падая въ ровъ вмѣстѣ съ турами и фашинами.

Ровъ, окружавшій укрѣпленіе, былъ глубиною въ человѣческой ростъ. Врустерь не имѣлъ достаточнаго заложения; въ немъ было слишкомъ много амбразуръ, такъ что мерлоны оставались самой незначительной величины, и въ случаѣ сильнаго противъ нихъ огня, немедленно бы обрушились. Пространство передъ карантинномъ было покрыто фугасами; два изъ нихъ взорвано при отступленіи Турокъ; умышленно ли Турки произвели эти взрывы, или таковыя произошли отъ сообщившагося фугасамъ огня изъ зажженного Турками карантина — неизвѣстно; остальные же фугасы были еще заряжены. Бывшій съ нами артиллерійскій капитанъ Гембачъ, въ предупрежденіе могущихъ быть несчастій, принялся съ рабочими за откапываніе сосиса и уничтожилъ его.

Укрѣпленія карантина имѣютъ теперь совсѣмъ другой видъ сравнительно съ тѣми укрѣпленіями, какія мы атаковали 23 октября. Впервые, тогда еще не было фугасовъ, иначе потеря наша была бы огромнѣе, потому что наши баталіоны двукратно пробѣгали пространство, на которомъ мы нашли теперь фугасы. Тогда, какъ я уже говорилъ выше, карантинное укрѣпленіе состояло изъ двухъ-трехъ люнетовъ, соединенныхъ между собою траншеей, которая съ одной стороны тянулась до Аржиса, а съ другой — загибалась по направленію къ Дунаю. Въ настоящее время укрѣпленія имѣли другое, болѣе обдуманное и правильное начертаніе и могли бы противустать атакѣ болѣе сильнаго отряда, особенно подъ покровительствомъ батарей Туртукая, острова и предмостнаго укрѣпленія на правомъ берегу.

Передъ свѣтомъ мы воротились, разрушивъ часть пеходящаго угла укрѣпленія и подобравъ на повозку еще нѣсколько мертвыхъ, найденныхъ на взорванномъ Турками фугасѣ. Но объ этихъ несчастныхъ жертвахъ турецкой кровожадности я подаю формальный *протестъ* Европѣ и человѣчеству.

Вотъ что я написалъ по этому предмету Николаю Ивановичу Гречу.

Въ 280-мъ номерѣ „Journal de Francfort“ (23 ноября) перепечатано изъ константинопольскаго журнала извѣстіе объ Ольтеницкой битвѣ 23 октября.

Доказать фактами ложность большей части извѣстій, сообщенныхъ этою

статьею, весьма нетрудно; но это значило бы унизиться до спора съ константинопольскою газетою, которой и безъ того никто изъ здравомыслящихъ людей ни въ чемъ почти не вѣрить.

Одно только обстоятельство, изложенное въ этой статьѣ, побуждаетъ меня возвысить голосъ.

Константинопольскій журналъ говоритъ: „*Императорскія войска не-рестали стрѣлять, когда Русскіе подбирали своихъ убитыхъ. Это благородное чувство не нуждается въ комментаріяхъ*“. Изъ показаній плѣнныхъ, а потомъ изъ разсказовъ бѣжавшихъ изъ Туртукая, плѣнныхъ Сербовъ и туртукайскихъ жителей, видно, что при нашемъ отступленіи отъ карантина Турки, у которыхъ взорвано нами въ карантинномъ укрѣпленіи два зарядные ящика, не имѣли уже снарядовъ на этой сторонѣ Дуная и потому прекратили огонь, а перевезти ихъ съ острова не смѣли,—таковъ былъ ужасъ, произведенный нашею стремительною атакою, заставившею ихъ отвезти орудія къ самому берегу Дуная, изъ которыхъ одно было, такъ сказать, забито нашимъ ядромъ, попавшимъ въ самое жерло онаго.

При нашемъ отступленіи мы не могли поднять нѣсколькихъ солдатъ, убитыхъ или смертельно раненыхъ во рву турецкаго укрѣпленія, на немъ самомъ, или подъ самыми окнами. Лишь только мы отошли на ружейный выстрѣлъ отъ окоповъ, какъ изъ-за карантина выскочила турецкая кавалерія (а константинопольскій журналъ говоритъ: потому Турки не взяли плѣнныхъ, что у нихъ не было кавалеріи на лѣвомъ берегу Дуная!) и частію понеслась за нами, частію стала отрѣзать головы убитымъ и раненымъ. Замѣтивъ это движеніе Турокъ, въ тотъ же моментъ, отступавшіе баталіоны остановились, застрѣльщики бросились впередъ, а командиръ батареи № 3 батареи подполковникъ Шейдеманъ, самъ наведя орудіе, ударилъ картечною гранатою въ самую толпу кавалеріи, отчего Турки, разсыпавшись во все стороны, стремительно усаkali въ карантинъ.

Турки покинули лѣвый берегъ Дуная ночью; только на разсвѣтѣ сдѣлалась намъ извѣстною ихъ обратная переправа и то когда послѣ взрыва двухъ фугасовъ, передъ оставленнымъ или укрѣпленіемъ, казаки пробрались кустами къ самому укрѣпленію узнать о происходящемъ.

Разумѣется, мы тотчасъ заняли карантинъ казаками, несмотря на то, что островъ, лежащій на ружейный выстрѣлъ отъ карантина и сильно занятый артиллеріею, былъ еще во власти турокъ.

Въ карантинѣ мы нашли много убитыхъ лошадей турецкой кавалеріи, также какъ и въ Дунаѣ у берега, а во рвахъ укрѣпленія и передъ оными неподняты нами, въ часъ боя, тѣла нашихъ солдатъ.

Большая часть убитыхъ была безъ головъ, тщательно отрѣзанныхъ по самый воротникъ, еще застегнутый на все крючки; тѣ, кому были оставлены головы, были скальпированы и не имѣли ни ушей, ни носовъ; у всѣхъ почти было спущено нижнее платье и вся задняя половина тѣла мелко изрублена ятаганами; въ р. Аржепъ нашли нѣсколько человѣкъ; должно по-

лагать, павшихъ на валу укрѣпленія тяжело ранеными и взятыхъ еще живыми; у нихъ нижнее платье тоже было спущено, шинель завязана надъ головою, чтобъ при мученіяхъ, какія имъ дѣлали, не было слышно криковъ страдальцевъ,—ноги и руки связаны и вся задняя половина тѣла также изрублена; потомъ, какъ видно, эти несчастные утоплены.

Съ молитвою и слезами мы предали землѣ тѣла этихъ мучениковъ Христовыхъ, кровь которыхъ, вопіющая къ Господу, будетъ время, тяжкою карою падеть на голову ислама.

И смѣютъ послѣ этого турецкія газеты провозглашать о благородныхъ чувствахъ, заставившихъ ихъ перестать стрѣлять, когда мы подбирали своихъ убитыхъ раненыхъ!

Знаютъ ли европейскія державы, готовыя ратовать за Турцію, объ этихъ подвигахъ изувѣрства и варварства во славу Корана и цивилизаціи? Помѣстятъ ли онѣ мною рассказанную горькую быль въ своихъ газетахъ, наполненныхъ тысячею гнусныхъ клеветъ на Россію?

Европейскіе образованные офицеры, такъ жаждущіе нашей крови, были въ карантинномъ укрѣпленіи и на острову во время и послѣ битвы, составляя свиту Омеръ-пашы, находившагося въ Туртукаѣ. Что же они, эти рыцари чести, несущіе свою жизнь, подъ бунчуками Магомета, противъ знаменъ Христовыхъ,—что-жь они допустили такое звѣрство? Неужели эти искатели сильныхъ ощущеній любовались мучающими раненыхъ, когда ихъ терзали и топили? Гдѣ же были наконецъ человѣческія чувства этихъ господъ, если они заставили молчать въ своихъ сердцахъ христіанскія чувства, пониманіе военной чести и уваженіе народныхъ правъ?

Раздѣляя со всею Россіей ея благородное презрѣніе ко всѣмъ выходкамъ европейцевъ противъ насъ,—ко всей жи, которою они наполняютъ свои газеты,—я не могъ однако же воздержаться, чтобы печальнымъ, мною рассказаннымъ фактомъ, за истину котораго порукою моя честь, честь моихъ товарищей, со мною вмѣстѣ бывшихъ очевидцами отысканія истерзанныхъ тѣлъ, не показать въ настоящемъ свѣтѣ образъ дѣйствій турецкихъ войскъ; не могъ воздержаться, чтобы не доказать всѣмъ благородномыслящимъ европейцамъ, что турецкій народъ и его регулярныя войска не покинули еще ни ненависти своей къ христіанству, ни изувѣрства, ни варварскаго образа дѣйствій съ плѣнными и ранеными, и что они тѣ же въ отношеніи къ просвѣщенію, какими были во времена Магомета 2-го, и наконецъ, что всѣ ихъ печатные возгласы о возвышенныхъ чувствахъ, о высокихъ подвигахъ благородства—не что иное, какъ журнальные крики турецкихъ наемниковъ, слишкомъ далекіе отъ правилъ, внесенныхъ въ жизнь Османлисовъ.

Именемъ моихъ бранныхъ сотоварищей беру на себя смѣлость покорнѣйше просить васъ напечатать эти строки въ вашей газетѣ, читаемой во всѣхъ концахъ Европы *).

*) Въ отвѣтъ на это посланіе я получилъ письмо Н. И. Греча отъ 21 января 1854 года. Вотъ что, между прочимъ, писалъ ко мнѣ этотъ извѣстный литераторъ: „Грустное, но

15 ноября.

Наша жизнь потекла мирно и покойно. Воспоминаніе о появленіи Турокъ на нашемъ берегу сохранилось: въ курганѣ, насыпанномъ на могилахъ убитыхъ; въ вѣчномъ или временномъ отсутствіи многихъ нашихъ товарищей, частію убитыхъ, частію раненыхъ; въ разбитыхъ стѣнахъ карантина и въ самомъ полѣ Ольтеницкомъ, на коемъ стаями сидѣли орлы и коршуны, слетаясь со всѣхъ сторонъ на кровавую трizinу по погибшимъ боевымъ конямъ.

Вѣрить трудно прожорливости орловъ: они до того наѣдались падали, что не могли вдругъ подняться на воздухъ. Казаки ихъ ловили руками: отправятся на ловлю двое, трое и ѣдутъ мимо орловъ, сидящихъ на лошадиныхъ трупахъ, будто и не обращая вниманія на птицъ; тѣ, привыкнувъ къ людямъ, невозмутимо продолжаютъ свою трапезу; вдругъ казаки повертываютъ лошадей и во весь духъ бросаются на лакомокъ, мгновенно овладѣвая двумя или тремя; казаки закутываютъ плѣнниковъ въ нарочно-приготовленные шинели, связываютъ и привозятъ въ Ольтеницу, гдѣ и продаютъ ихъ по двугривенному. У меня было нѣсколько орловъ. Кормимъ мы ихъ, бывало, сырымъ мясомъ; они его глотаютъ огромными кусками и дерутся между собою за пищу, а особенно когда голодны.

Все пришло въ прежній мирный порядокъ; военный громъ рокоталъ гдѣ-то въ отдаленіи. Недовольные новымъ знакомствомъ, Турки смѣрно сидѣли въ Туртукаѣ и окрестныхъ пунктахъ. Слышно, что 3 ноября они попытались было сдѣлать набѣгъ въ Турно, успѣли пограбить, убить кого-то, но лихой казачій полковникъ Шапольниковъ, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ, не далъ имъ опомниться, въ тотъ же день на нихъ ударилъ, опрокинулъ и прогналъ за Дунай. Въ Калафатѣ Турки счастливы. Командиръ Мало-Валахскаго отряда генераль Фишбахъ оставилъ ихъ въ покоѣ, не имѣя силъ нанести имъ рѣшительнаго удара, и они, затѣвая съ нами время отъ времени незначительныя стычки, завладѣвали все большимъ и большимъ пространствомъ, всюду находя радушіе жителей и большія запасы продовольствія, за которые Турки всегда впрочемъ выплачивали жителямъ деньги, боясь вооружить ихъ противъ себя.

Были у меня дѣла, по которымъ часто приходилось ѣздить въ Бука-

чрезвычайно интересное письмо ваше, отъ 4 декабря 1853 г., объ изъясненіяхъ, претерпѣваемыхъ бѣдными нашими солдатами въ рукахъ варваровъ, получено было во-время, но мы не имѣли возможности его напечатать, чтобы не утратить и не взволновать тысячи семействъ, у которыхъ родные на войнѣ. Между тѣмъ, чтобы извѣстіе объ этихъ ужасныхъ событіяхъ не пропало для Европы и исторіи, я послалъ ваше письмо въ нѣмецкомъ переводѣ, съ подписью вашего имени, въ редакцію лучшей изъ германскихъ газетъ — „Аугсбургскую Всеобщую Газету“ и проч.

Черезъ нѣсколько времени я дѣйствительно встрѣтилъ въ № 40 „Allgemeine Zeitung“, 9 фев. 1854 года, настоящее письмо мое и такимъ образомъ сдѣлался невольнымъ корреспондентомъ нѣмецкой газеты; впрочемъ вообще съ Ольтеницкимъ сраженіемъ мнѣ посчастливилось въ нѣмецкой литературѣ: мое описаніе этого дѣла появилось отдѣльной брошюрой, въ нѣмецкомъ переводѣ „P. Alabin: Die Schlacht bei Oltenitz am 23 vet. 1853. Uebersetzt von A. Tollert. S.-Petersburg 1854, in 8°“.

рестъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я видѣлъ въ главной квартирѣ привезеннаго изъ-подъ Калафата плѣннаго турецкаго капитана. Когда я вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ плѣнный, онъ, вѣроятно, судя по моему блестящему мундиру, принялъ меня за важнаго начальника, всталъ и почти тельно приложилъ руку къ головѣ и сердцу. Онъ имѣлъ на головѣ красную феску съ металлическимъ на ней полумѣсяцемъ и черною шелковою кистью; былъ одѣтъ въ синій короткій полукафтанъ, съ маленькими, мѣдными, гладкими пуговицами; на немъ была какъ бы пелеринка съ красными кантами и такимъ же башлыкомъ, — синія рейтузы съ краснымъ лампасомъ и большіе, выше колѣнъ, сапоги со шпорами. По его словамъ, чины у нихъ различаются по золотымъ знакамъ на шеѣ и по фескѣ. Въ началѣ кампаніи знаки у турецкихъ офицеровъ отобрали, — вѣроятно, чтобы, по нуждѣ, обратить ихъ въ деньги. Капитана этого взяли въ плѣнъ пьянаго, на возахъ пшеницы, которую онъ везъ въ Калафатъ; конвой частію бѣжалъ, частію убитъ. Наружность турецкаго капитана какъ-то топорна, неуклюжа; онъ даже не похожъ на офицера: черты лица его грубы, — манеры нашихъ солдатъ, право, облагороженнѣе. Вообще офицеры турецкой арміи не отличаются отъ солдатъ образованіемъ и даже образомъ жизни. Дисциплины въ турецкихъ войскахъ очень мало: неурядица большая. Говорятъ, турецкіе офицеры до штабъ-офицерскаго чина подлежатъ тѣлесному наказанію!! Можетъ ли быть послѣ этого развитіе нравственной стороны общества, составленнаго изъ такихъ лицъ? Большинство турецкихъ офицеровъ — старшіе варвары и только *).

19-го ноября.—Ольтеница.

Теперь только намъ сдѣлалось извѣстно, что на Кавказской нашей границѣ съ Турціею военныя дѣйствія Турками открыты раньше, чѣмъ у насъ, еще до объявленія намъ войны, а именно въ ночь съ 15 на 16 октября, внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ на Николаевскій таможенный пунктъ,

*) Да и вообще все управленіе, вся администрація турецкой арміи самая варварская. Дю-Кассъ, который, какъ офицеръ генеральнаго штаба, неоспоримо долженъ имѣть вѣрный взглядъ на администрацію арміи, при всемъ желаніи выставить Турокъ въ лучшемъ свѣтѣ, все-таки оуждастъ ихъ военное управленіе. Турецкія войска правильно не раздѣлены ни на полки, ни на бригады. Генералы посылаются на какой-нибудь пунктъ командовать тѣми войсками, какія на этомъ пунктѣ будутъ ими найдены. Нѣтъ ни генеральнаго штаба, ни интендантства, ни другихъ должностныхъ чиновниковъ. Омеръ-паша вмѣсто офицеровъ генеральнаго штаба и для исполненія множества другихъ порученій, встрѣчающихся при управленіи арміею, употребляетъ нѣсколько десятковъ писарей, состоявшихъ въ распоряженіи его трехъ секретарей. Нѣчто вродѣ интенданта при турецкой арміи, гражданскій чиновникъ, Мұштмаръ-бей — вмѣстѣ генераль-интендантъ и генераль-кригсъ-коммиссаръ; онъ именемъ главнокомандующаго даетъ предписанія губернаторамъ о доставленіи въ армію денегъ, продуктовъ, фуража и тому подобное. Губернаторы, въ свою очередь, передаютъ эти приказанія уѣзднымъ начальникамъ, которые въ сущности-то и суть лица, довольствующія турецкую армію! Жалованье, по закону, должно выплачиваться ежемѣсячно, но этотъ законъ, за недостаткомъ средствъ, исполняется весьма неаккуратно и служитъ часто причиною большихъ безпорядковъ въ арміи. Полкъ турецкой пѣхоты состоитъ изъ трехъ баталіоновъ, каждый изъ 8-ми ротъ; въ баталіонѣ отъ 800 до 1.000 человекъ. Часть войскъ въ началѣ кампаніи была вооружена кремневыми ружьями и только стрѣлки были снабжены штыцерами и ударными ружьями.

въ которомъ стояли 2 роты Черноморскаго линейнаго баталіона № 12-й, съ нѣсколькими милиціонерами и казаками, всего въ числѣ 255 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ капитана Щербакова. Несмотря на геройскую защиту этого ничтожнаго поста, не заслуживавшаго названія укрѣпленія и уже предназначеннаго къ упраздненію, всѣ его защитники, не исключая командира и мѣстнаго войсковаго священнослужителя іеромонаха Серафима, кромѣ какихъ-нибудь десяти человѣкъ, успѣвшихъ спастись, были перебиты *).

Почему-то историкъ Восточной войны генералъ Богдановичъ (томъ I, стр. 218—219), рассказывая о взятіи Турками поста Св. Николая, никакихъ кровавыхъ подробностей этого событія не приводитъ, говоря только, что гарнизонъ поста, подъ командою капитана Щербакова (состоявшій изъ 2-хъ некомплектныхъ ротъ Черноморскаго линейнаго баталіона № 12-й, въ числѣ 255 чел., нѣсколькихъ милиціонеровъ и казаковъ съ 2-мя орудіями), несмотря на отчаянную борьбу, не устоялъ противъ Турокъ, причемъ погибъ іеромонахъ Серафимъ, служившій молебствіе во все время боя.

21 ноября. — С. Будешти.

Сегодня мы переселились въ мирныя Будешти. Въ Ольтеницѣ остался полковникъ Голевъ съ Камчатскимъ полкомъ. Охотскій полкъ и Ольвиопольцы — здѣсь. Радень съ Нассаусцами въ Радованѣ. Селенгинцы опять въ Добрени. Якутцы въ Херешти — имѣніи Милоша Обреновича.

Мы съ генераломъ ѣзжали къ Якутскому полку и всегда находили прекрасное, спокойное помѣщеніе въ домѣ князя Милоша, гдѣ въ лучшей залѣ на первомъ мѣстѣ виситъ портретъ покойнаго Императора Александра I (особенно чтимаго Милошемъ, какъ благодѣтеля Сербіи); насупротивъ портрета „Благословеннаго“ виситъ изображеніе суровой личности бывшаго властителя Сербіи.

Всѣ жители деревни — Сербы, ничѣмъ непохожіе на окрестныхъ жителей — Валаховъ. Славянская наружность Серба не имѣетъ ничего общаго съ восточно-римскою фizioноміей Валаха; одежда ихъ, образъ жизни — тоже чрезвычайно различны. Мужчины — Сербы одѣваются во все коричневое. Штаны, узкія внизу и весьма широкія въ верхней части, и такого же цвѣта

*) Генералъ-адъютантъ покойнаго Государя, свѣтлѣйшій князь Эмилій Сайнъ-Витгенштейнъ, бывшій приближеннымъ къ Царской Семлѣ и къ Самому Государю, надо полагать, имѣлъ полную возможность пользоваться самыми достоверными свѣдѣніями о происшедшемъ на театрѣ войны, а потому мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ правдивости приведеннаго имъ извѣстія о происшедшемъ при нападеніи Турокъ на постъ Св. Николая.

Витгенштейнъ говоритъ: „Турки — подлые разбойники, которымъ не слѣдовало бы ни въ какомъ случаѣ давать пощаду. Ихъ звѣрства въ Николаевскѣ, этомъ маленькомъ гурійскомъ городкѣ, ими взятомъ, не имѣютъ имени! Они распыли управляющаго таможеней, прекраснаго молодого человѣка, у котораго я жилъ нѣсколько дней, и обратили его въ цѣль для своихъ практическихъ выстрѣловъ; они раскаленными клещами до смерти истерзали доктора; они расплили священника между двумя досками и пзбили ужасными способами всѣхъ женщинъ и дѣтей; они вырѣзали ребенка у одной беременной женщины, еще живаго, и разорвали его на части въ глазахъ умиравшей матери!... (Souvenirs et correspondance du prince Emile de Sayn Wittgenstein Berlebourg etc. Paris. 1880).

куртка изъ сукна, совершенно похожаго на наше крестьянское, баранья шапка и постолы на ногахъ, въ родѣ кожаныхъ лаптей, довершаютъ ихъ костюмъ; къ нему надо, впрочемъ, прибавить чрезвычайной ширины поясъ, состоящій изъ большого куска ткани, намотанной вокругъ живота.

Всѣ здѣшніе Сербы боготворятъ своего князя Милоша, да и, какъ сказываютъ, весь сербскій народъ лежитъ къ нему душою, хотя онъ, управляя имъ, успѣлъ составить себѣ громадныя богатства.

Жаль, что сотая только доля изъ насъ знаетъ историческую жизнь этого замѣчательнаго нашего сторонника, который изъ простыхъ пастуховъ достигъ верховной власти надъ своею отчизной: силой собственнаго генія умѣлъ создать ея самостоятельность, дать отчизнѣ новую жизнь и сокрушить ярмо неволи, надъ нимъ было отяготѣвшее.

Поэтическая, исполненная величайшаго интереса жизнь Милоша, какъ человѣка и какъ властителя своихъ согражданъ, начавшаяся въ пастушеской хижинѣ, на лонѣ суровой горной природы, проведенная на челѣ армій и на престолѣ и заканчивающаяся въ частномъ быту, достойна глубокаго изученія. Почти навѣрно можно сказать, что будь теперь Милошъ на Сербскомъ престолѣ, Сербы непременно явились бы нашими союзниками, составъ противъ Турокъ. За Сербами поднялись бы Черногорцы, а быть-можетъ и нѣкоторыя мѣстности Болгаріи. Чѣмъ бы кончилась тогда настоящая война для Турціи!... При настоящемъ же правительствѣ намъ на помощь Сербіи рассчитывать нечего *), да и едва ли мы можемъ рассчитывать на чью-либо помощь!... Франція и Англія видимо стараются намъ вредить; Австрія тоже; развѣ одна Пруссія останется вѣрною своей старой съ нами дружбѣ.

Вѣрнѣе—одинъ Богъ намъ прибѣжище и сила.

*) Отношенія наши къ Сербіи, того времени, лучше всего рисуются въ слѣдующемъ письмѣ нашего канцлера графа Нессельроде къ владѣтельному князю Сербскому, отъ 17 іюля 1853 года, помѣщенномъ въ № 292 „Journal de Francfort“ 1853 г. декабря 8 (нов. ст.). Изъ этого письма ясно видно, что въ Сербіи мы не только не могли видѣть союзницы, но напротивъ она намъ представлялась однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ, несмотря на свою микроскопичность по сравненію къ намъ. „Князь! (писалъ графъ Нессельроде) Императорское министерство по случаю смерти г. Томанскаго признало необходимымъ послать въ Сербію чиновника править Русскимъ консульствомъ.

„Это временное порученіе сдѣлано по волѣ Его П. В. господину де-Фонтону, секретарю Вѣнскаго посольства, который, отправясь въ Бѣлградъ, будетъ имѣть честь лично представить это письмо вашей свѣтлости. Г-ну де-Фонтону поручено также высказать вамъ, князь, испытанное нами искреннее сожалѣніе по поводу неудовольствій и волненій, обнаруживающихся въ Сербіи, послѣдствіемъ которыхъ было разномысліе народа съ правительствомъ, особенно съ того времени, когда оно, вслѣдствіе преподанныхъ ему совѣтовъ, провозгласило акты несовмѣстные съ понятіями общества, не обезпечивающіе ни настоящаго, ни будущаго страны. Донесенія, полученные нами изъ Вѣны, подтверждаютъ этотъ неприятный фактъ; но этимъ нисколько не скрывается, что ваша свѣтлость, а равно большая часть лицъ вашего правительства сознаютъ опасность того сблазна, которымъ они дозволили себя увлечь, и желаютъ исправить зло и уготовать своему отечеству болѣе счастливую будущность, чѣмъ та, какую имъ обѣщали нѣсколько темныхъ личностей и революціонная пропаганда. Князь, если вы дѣйствительно проникнуты такими же убѣжденіями, вы можете получить отъ насъ нѣсколько благоприятныхъ дѣлу совѣтовъ. Вы, князь, лучше чѣмъ кто-нибудь знаете, что Россія никогда не требовала ни отъ Сербіи, ни отъ ея правительства какихъ-либо жертвъ или услугъ и не потребуетъ ихъ. Но мы должны повторить, что

24 ноября.—Букарестъ.

Приѣдешь сюда по дѣлу и стараешься въ день-другой своего здѣсь пребыванія *нажиться* городской жизнью, насмотрѣться на суету людскую, на блескъ, на роскошь современной жизни; стараешься какъ бы самому принять въ ней хотя нѣкоторое участіе; стремишься въ общество; упиваешься, кажется, этимъ шумомъ, этимъ говоромъ толпы, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ забраться въ тишину деревни, обратится къ мирной одинокой жизни, наединѣ съ своими думами о прошломъ, о скучномъ настоящемъ и мечтами о будущемъ. Въ каждый свой приѣздъ сюда посѣщаю здѣшній большой театръ: ихъ въ Букарестѣ два.

Старый театръ—небольшое, некрасивое зданіе, почти ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ городскихъ домовъ—въ послѣднее время пересталъ быть храмомъ искусства и служить мѣстомъ, гдѣ заѣзжіе спекулянты показываютъ восковыя фигуры, фокусы-покусы, панорамы и тому подобное; и нынѣ забыто зданіе стараго театра порядочнымъ букарестскимъ обществомъ, которое спѣшитъ каждый вечеръ въ новый театръ. Зданіе этого театра безспорно лучшее въ городѣ. Онъ построенъ въ центрѣ Букареста, на главной его улицѣ Поду-Могушой, на небольшой, кажется отчасти искусственной, высотѣ.

Букарестскій театръ—зданіе вполне соединяющее все условія художественнаго совершенства и замѣчательной простоты и, въ то же время, удовлетворяющее самымъ прихотливымъ требованіямъ современнаго сценическаго искусства, особенно въ акустическомъ отношеніи.

Внутренность театра обыкновенная: три яруса ложъ; все мѣста обиты рытмъ малиновымъ бархатомъ; въ первыхъ четырехъ рядахъ креселъ (билеты по 80 к. сер.) сидѣть неудобно, потому что рядъ креселъ глухой, безъ прохода посрединѣ, и потому безпрестанно или лазаютъ по вашимъ ногамъ, или вы кого-либо должны беспокоить такимъ же образомъ; ложа владѣтельнаго князя—на обычномъ мѣстѣ противъ сцены—изящно отдѣлана золочеными рельефными украшеніями. У входа въ театръ, въ партеръ у лѣстницы, ведущей въ ложу князя, стоятъ на-сторожѣ солдаты пожарной команды, въ мѣдныхъ каскахъ, съ пѣхотными ружьями.

Театральный оркестръ очень удовлетворительно сформированъ; его составляютъ лучшіе музыканты валахскихъ полковъ, квартирующихъ въ Бу-

Императоръ, который въ силу существующихъ между Имъ и Портою договоровъ, обеспечивая Сербіи ея политическую независимость и другія привилегіи, не можетъ допустить, чтобы подъ Его эгидою Сербія сдѣлалась сборищемъ революціонеровъ-изгнанниковъ другихъ странъ, постояннымъ гнѣздомъ смуты и политическихъ интригъ, вредя такимъ образомъ своимъ собственнымъ сынамъ и дѣлаясь грозой сосѣднихъ странъ. Императорскій Августѣйшій Дворъ вполне раздѣляетъ наши воззрѣнія на изложенный предметъ, онъ принимаетъ подобно намъ участіе въ Сербіи и преданъ ей.

„Что до меня, я пламенно желаю, чтобы краткое пребываніе г. де-Фонтонна въ Бѣлградѣ увѣнчалось успѣхомъ и чтобы туземцы болѣе не неглижировали благотворными соображеніями, подаваемыми вамъ двумя учеными горными инженерами и другими лицами, согласно съ интересомъ нашего отечества и его правительства.

„Примите увѣреніе“ и проч.

каресть, музыканты собственного княжескаго оркестра и лучшіе военные музыканты, уже получившіе отставку. Музыканты, находящіеся на дѣйствительной военной службѣ, являются въ оркестръ въ своихъ мундирахъ; капелмейстеръ, отлично знающій свое дѣло, получаетъ большое содержаніе отъ театра; всѣ вообще музыканты прекрасно вознаграждены.

Освѣщеніе театра нѣсколько бѣдно; еслибъ прибавилъ свѣту, много выиграли бы, не говорю, хорошенкія куконы,—нѣтъ, ихъ красота замѣчательнѣе въ полумракѣ,—выиграла бы живопись *al fresco*, недюжинная работа какого-то Итальянца, покрывающая потолокъ, а равно много выиграли бы прекрасныя цвѣтныя и золотыя арабески, пестряція всю внутреннюю часть театра.

Мы въ театрѣ. Изящно расписанный занавѣсъ опущенъ, гремитъ увертюра; лучшее общество еще не появилось; по обычаю, оно явится къ второму дѣйствию, и бываетъ всегда такъ многочисленно, что на ложу, первые ряды креселъ и стульевъ—трудно достать билетъ.

Вотъ замоляли послѣдніе мотивы увертюры и *звизвились занавѣсъ шумитъ*. Играютъ Лукрецію. Прекрасныя декораціи, обширная сцена, отличныя машины работы нарочно выписанныхъ изъ Мангейма мастеровъ; костюмы, особенно женскіе, блестящи и изящны, хотя въ историческихъ роляхъ часто являются вопіющими анахронизмами.

Пьеса шла очень недурно. M-lle Kennet — примадонна; съ нею равняется искусствомъ первый теноръ; остальные персонажи итальянской труппы, разумѣется, несравненно ниже этихъ двухъ; но все-таки съ удовольствіемъ, особенно воротаясь съ передовыхъ постовъ, подобно мнѣ, прослушаете оперу до конца и даже не оскорбится ваше чувство уваженія къ искусству, когда въ антрактѣ, между вторымъ и послѣднимъ дѣйствиемъ Лукреціи, поднимается занавѣсъ и вамъ неожиданно предстанетъ толпа воздушныхъ одалисокъ, которыя роскошною, кипящею пляскою, эфирными костюмами, одушевленными личиками, позами то граціозными до совершенства, то сладострастными до упоенія, внезапно перенесутъ васъ въ тотъ міръ, куда правовѣрныхъ сыновей пророка переносятъ порядочный приѣмъ опиума. Вы увлечетесь,—повѣрьте, увлечетесь,—и упавшій занавѣсъ произведетъ на васъ непріятное впечатлѣніе и вы готовы будете промѣнять послѣдній чудный актъ „Борджіи“ на повтореніе огненной, увлекательной пляски одалисокъ.

Приѣздъ итальянской труппы заставилъ французскую прекратить свои представленія, къ живѣйшему сожалѣнію многихъ здѣшнихъ театраловъ. Французы очень мило играли маленькіе водевили. Правда, они было стали угощать зрителей драмами и трагедіями, но когда, послѣ двухъ-трехъ представлений, труппа должна была понять, что взялась не за свое дѣло, то стала мѣшать водевили съ балетными представленіями и доставляла большое удовольствіе искателямъ разсѣянія и пріятнаго, и непремѣнно веселаго отдыха послѣ служебныхъ трудовъ.

На томъ же театрѣ играетъ валахская труппа. Всякій изъ насъ счелъ долгомъ посѣтить ея представленія, чтобъ имѣть о нихъ понятіе. Актеры этой труппы весьма порядочно играютъ, но ихъ языкъ еще намъ чуждъ, а потому эти представленія не могутъ намъ доставить полного удовольствія. Репертуаръ валахской труппы составленъ по преимуществу изъ пьесъ переведенныхъ или передѣланныхъ съ французскаго; развѣ изрѣдка появится оригинальная пьеска, дѣйствіе которой происходитъ въ Валахіи и осмѣиваетъ современные нравы и обычаи страны.

Несмотря на сильное вліяніе европеизма, чувство народности не совсемъ угасло въ сердцахъ Валаховъ. Странно, какъ доселѣ не подмѣтятъ этой черты валахскіе писатели, какъ не займуться разработкою драматической литературы и не создадутъ для прекраснаго бухарестскаго театра репертуара оригинальныхъ пьесъ.

25 ноября. — Бухарестъ.

Какъ гласъ архангельской трубы разнеслась по арміи молва о Синопской побѣдѣ. Эта животворная вѣсть прибавила намъ больше духу, чѣмъ еслибы пришла сюда пятидесяти-тысячная армія. Черноморцы утѣшили Россію вѣстью: вражій флотъ не существуетъ! Не суждено ли и намъ порадовать Россію такою же вѣстью относительно непріятельской арміи? Говорятъ, кровавое синопское событіе ускорить вмѣшательство европейскихъ державъ. Онѣ явно примутъ сторону Турціи; онѣ оскорбятся, скажутъ: своимъ прибытіемъ въ Дарданеллы мы ясно показали, что Турція прикрыта нашимъ флагомъ, что нельзя нанести ей удара, не коснувшись этого щита, а всякое къ нему прикосновеніе руки враждебной нашимъ друзьямъ есть оскорбленіе намъ; можемъ ли мы равнодушно перенести, чтобъ у насъ, такъ сказать на носу, Русскіе уничтожили главныя силы Турціи, которую мы пришли защищать?!

Такъ они пришли своимъ присутствіемъ остановить всякое кровопролитіе, все еще надѣясь кончить дѣло мирнымъ путемъ. Они готовы оскорбиться, что мы побили Турокъ!... А почему же они допустили совершиться кровавому Чекетильскому событію, Ольтеницкой переправѣ и другимъ? Кто въ Европѣ оскорбится *за насъ*? Кто близко приметъ къ сердцу слезы нашихъ опротивѣвшихъ семействъ, кровь несчастныхъ жертвъ турецкаго изувѣрства, въ ужасныхъ мученіяхъ испустившихъ дыханіе на дымящихся еще развалинахъ Николаевского форта? Пусть злится Европа, а мы съ восторгомъ видимъ въ Синопскомъ пожарищѣ отблескъ Чекетильскаго.

Вѣсть о Синопскомъ побѣдищѣ принесена главнокомандующему въ театрѣ. Нашъ доблестный князь пришелъ въ неописанный восторгъ. Тотчасъ объ этомъ событіи узналъ весь театръ. Смѣшно было смотрѣть на актеровъ, еще продолжавшихъ пьесу, которая, какъ нарочно, шла очень хорошо, хотя никто на нихъ не обращалъ уже никакого вниманія. Въ театрѣ поднялся

шумъ, какъ при развѣздѣ, особенно въ партерѣ, который наполненъ преимущественно офицерами; пошли рассказы о подробностяхъ дѣла, возгласы, даже поцѣлуи, даже крики восторга, никто не стѣснялся въ способѣ выраженія своихъ чувствъ. Половина зрителей тотчасъ развѣхалась вслѣдъ за княземъ, актеры кое-какъ, съ пропусками, доиграли пьесу... Глухо, право, они, не умѣли найти: услышавъ чудотворную вѣсть, электрическимъ толкомъ пробѣжавшую по зрителямъ, актерамъ прекратить бы свое кривлянье, опустить занавѣсъ, мгновенно перемѣнить декорации, костюмы, всѣмъ бы выйти на сцену и зачитать: „Боже Царя храни!“—къ нимъ присоединился бы весь театръ и крошъ того ихъ забросали бы букетами и деньгами...

Но могли ли такъ поступить актеры Французы и Итальянцы? Какъ будто Синопская побѣда была торжествомъ ихъ дѣла? Они скорѣе зачѣли бы „Марсельезу“, еслибъ узнали, что Турки разбили нашу армію или флотъ!

26 ноября.—Букарестъ.

Вотъ какъ теперь рассказываютъ про Синопскую битву. Нарочно записываю рассказъ, чтобы слѣдить его впоследствии съ рассказами самихъ дѣйствующихъ *).

*) Въ дѣйствительности такъ произошелъ достопамятный Синопскій бой:

27 октября 1854 года Англо-Французская эскадра появилась у входа въ Черное море съ явнымъ намѣреніемъ оказать содѣйствіе Турціи въ войнѣ съ нами если не открытымъ противъ насъ дѣйствіемъ, за необъявленіемъ еще войны намъ, то покровительствомъ Турецкому флоту, старавшемуся поднять противъ насъ Кавказскія племена, доставляя имъ оружіе, артиллерійскіе и продовольственные запасы. Съ этою цѣлью Турецкая эскадра вышла въ Черное море, и въ то же время вышелъ въ море Турецко-Египетскій флотъ, чтобы привлечь на себя вниманіе Русскихъ, а эскадрѣ Османъ-паша дать время сдѣлать свое дѣло. Нѣсколько дней прокрейсировавъ въ морѣ и не открывъ непріятеля, Турки воротились въ Босфоръ. Обольщая себя надеждою, что Меньшиковъ, опасаясь присутствія кораблей западныхъ державъ въ Босфорѣ, не осмѣлится выдвинуться за черту дѣйствительнаго огня своей грѣбной артиллеріи, союзники не принимали никакихъ особыхъ мѣръ противъ Русскихъ. Между тѣмъ Меньшиковъ, зная во всей подробности планъ турецкихъ дѣйствій, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на высланный въ Черное море Турецко-Египетскій флотъ, а напротивъ сосредоточилъ все вниманіе на эскадрѣ Османъ-паша, застигнутой непогодой и вынужденной укрыться на Синопскомъ рейдѣ, одномъ изъ безопасѣйшихъ на берегахъ Анатолиі. Впие-адмиралъ П. С. Нахимовъ, впоследствии столь знаменитый, командовавший нашою Черноморскою эскадрою, получилъ 1 ноября извѣщеніе объ объявленіи войны и, зная о мѣстѣ нахожденія въ данное время Турецкой эскадры, поспѣшилъ атаковать ее. 18 ноября Нахимовъ, съ 6-ю линейными кораблями и другими мелкими судами, явился предъ Синопомъ, гдѣ Османъ-паша укрылся подъ пушками шести береговыхъ батарей съ двумя пароходами, 12-ю фрегатами и меньшими судами.

Въ 12 часовъ и 20 минутъ дня начался знаменитый Синопскій бой, послѣдствіемъ котораго была гибель всей Турецкой эскадры Османъ-паша, за исключеніемъ парохода „Талфъ“, состоявшаго подъ командою англичанина (въ турец. службѣ) капитана Слэда: пароходъ этотъ во-время успѣлъ бѣжать изъ Синопа, чтобы извѣстить турецкое правительство о погибеліи его эскадры.

Вѣсть о Синопскомъ погромѣ, весьма естественно, не только глубоко потрясла турецкое правительство, но и оскорбила Англію и Францію, самолюбія которыхъ были грубо поражены русскими ядрами.

Результатомъ этого славнаго для насъ дня, какъ мы уже сказали, была гибель всей эскадры Османъ-паша, причемъ нѣкоторые суда оной сгорѣли, другія были взорваны навоздухъ, многіе бросились къ берегу и—разбились. Самъ Османъ-паша и нѣсколько высшихъ офицеровъ его отряда, съ двумя-стами человекъ взяты въ плѣнъ и до 4.000 Турокъ убито.

При этомъ событіи интересенъ слѣдующій замѣчательный эпизодъ. Въ числѣ ата-

Турки послали часть своего флота на Кавказъ съ цѣлію снабдить кавказскихъ горцевъ оружіемъ, припасами, совѣтами и поднять ихъ на Россію. Выѣстъ съ этою эскадрою выступила изъ Босфора и другая эскадра, Турецко-Египетскаго флота, имѣвшая цѣлію привлечь на себя наше вниманіе и отвлечь его отъ эскадры, посланной за дѣломъ. Восемнадцать дней Турецко-Египетская эскадра прогуляла по Черному морю, не встрѣтивъ ни одного русскаго крейсера, и убѣдясь, что наши суда, тревожимыя слухами о готовности союзнаго Англо-Французскаго флота вступить въ Черное море, не смѣютъ выйти изъ-подъ береговыхъ пушекъ,—благополучно возвратилась въ Босфоръ. Дѣло было гораздо проще: Турецко-Египетская эскадра не наткнулась на нашу, кромѣ парохода „Первасъ Бахри“, взятаго нами. Между тѣмъ нашъ флотъ былъ въ морѣ и высмотрѣлъ, что на Синопскомъ рейдѣ притаился Османъ-паша съ эскадрою, уловивъ удобную минуту и попутный вѣтеръ, чтобы пробраться на Кавказъ. Безсмертный Нахимовъ явился Туркамъ грозный, какъ судьба, въ десятомъ часу утра, 18 ноября, принявъ ихъ вызовъ на смертный бой, и въ три часа того же дня

Надъ покинутой столицей Митридата,
Объятой пламенемъ и страхомъ казни,
Стоялъ нашъ флотъ, съ опущенной сѣкирой!

Конечно, это событіе не понравилось Европѣ. Намъ забросали ругательствами и рѣшительно объявили, что сколько Синопское дѣло приноситъ чести Туркамъ, столько же безчестія приноситъ намъ! Разумѣется, еслибы Турки могли поступить съ Севастопольскимъ портомъ и Черноморскимъ флотомъ какъ мы съ Синопомъ и эскадрою Османъ-паши, они назвали бы поступокъ Турокъ героическимъ, великимъ, и превознесли бы ихъ, въ похвалахъ, до небесъ. Но, какъ бы то ни было, синопскія пушки вызвали Европу на прекращеніе лицемерныхъ дѣйствій, прикрытыхъ личною же-

кованнымъ нами на Синопскомъ рейдѣ судовъ былъ фрегатъ „Фазль-Аллахъ“ (данный Богомъ). Этотъ фрегатъ назывался прежде „Рафаэль“ и былъ взятъ у насъ Турками въ 1829 г., по поводу чего тогда послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „предать огню фрегатъ Рафаэль, какъ недостойный носить русскій флагъ, когда возвращенъ будетъ въ наши руки“. Въ Синопскомъ дѣлѣ этотъ фрегатъ, будучи зажженъ выстрѣлами съ нашего флагманскаго корабля, бросился къ берегу и сгорѣлъ въ виду русскаго флота: такимъ образомъ было въ точности исполнено повелѣніе Государя, отданное предъ тѣмъ почти за 25 лѣтъ“ (Богдановичъ, *ibid.*, стр. 152—153).

Конечно, Турецкая эскадра, на которой было всего 476 орудій, уступала силою нашей, вооруженной 716-ю орудіями; но, взамѣнъ того, у турокъ были береговые батареи, которыя, по неподвижности своей, имѣютъ значительное превосходство надъ колеблющимися корабельными батареями“ (Богдановичъ, *ibid.*, стр. 162).

Генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Сайинъ-Витгенштейнъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, помѣщенныхъ въ его „Souvenirs“, стр. 205—206, вотъ что говоритъ о Синопскомъ боѣ: „Ужасно подумать: семь фрегатъ съ ихъ экипажами и съ линейными войсками, предназначенными для высадки на Кавказъ, взорваны или потоплены. Тѣмъ болѣе ужасно, что въ самомъ началѣ битвы турецкіе офицеры бѣжали съ кораблей на берегъ и, въ паническомъ страхѣ, забыли послать шлюпки для снятія и спасенія оставленныхъ на корабляхъ людей, отчего почти все они погибли. Много если успѣло спастись человѣкъ 120—150. Османъ-паша, приведенный плѣнникомъ на нашъ адмиральскій корабль, видя, съ какою предупредительностью къ нему относятся (ему даже предложили трубку и прохладительное), заплакалъ. Онъ думалъ, что съ нимъ поступятъ по-турецки и сейчасъ замучаютъ!...“

ланія мира и окончанія вражды народовъ дипломатическимъ путемъ, и наконецъ заставили враждебныя намъ державы сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ. По крайности мы могли опредѣлить свое положеніе,—мы узнали, съ кѣмъ намъ приходится драться! Союзныя флоты, доселѣ стоявшіе въ Дарданеллахъ, для защиты правъ Турціи на сушѣ и на морѣ, какъ нарочно, въ день и часъ Синопскаго погрома, производили примѣрное морское сраженіе въ Босфорѣ, для потѣхи константинопольской публики. Громъ Нахимовской побѣды заставилъ трепетать отъ ярости французское и англійское правительства, они немедленно должны будутъ предпринять что-нибудь рѣшительное. Что же касается до Валаховъ, то, повидимому, они торжествовали вмѣстѣ съ нами гибель турецкаго флота и съѣхались толпами въ церковь слушать благодарственный молебенъ, торжественно отслуженный по распоряженію главнокомандующаго князя Горчакова въ Серендарѣ, въ возблагодареніе Господу Богу за побѣду намъ дарованную.

28 ноября.

Нашъ будештскій хозяинъ, Мано, рассказывалъ, что до сего времени на валахской границѣ убито Турками, съ начала военныхъ дѣйствій, 24 граничара. Я отвѣчалъ, что, сколько мнѣ извѣстно, въ нашемъ отрядѣ, напримѣръ, ни одинъ граничаръ не пострадалъ. Мано замѣтилъ, что эта потеря произошла на пространствѣ отъ Браилова до Силистріи, гдѣ Турки весьма часто дѣлають на лѣвый берегъ незначительные, преимущественно ночные, набѣды.

Этимъ разсказомъ валахскій сановникъ хочетъ виднo показать намъ преданность своего отечества нашему дѣлу, или дать намъ понять, какъ терпятъ Валахія отъ столкновенія нашего съ Турками въ ея предѣлахъ.

3 декабря.—Будешти.

Опять отдаленный побѣдный гулъ начинаетъ долетать до нашего слуха! Сказываютъ, въ Букарестѣ опять служили благодарственный молебенъ за дарованіе намъ побѣды, какъ слышно блистательной, подъ Ахалцыхомъ, надъ непріятелемъ, несравненно превосходнѣйшемъ въ числѣ.

Хотя нѣкоторые изъ насъ и начинаютъ подсмѣиваться, говоря: „какіе мы сдѣлались богомольные, все молебны служимъ за чужія побѣды!“ (признаться, не завидная доля наша, если намъ здѣсь придется только этимъ и заниматься!), но кто бы ни билъ Турокъ, мы или товарищи наши, все равно, лишь бы кто-нибудь да билъ ихъ!!!

Празднованіе 6-го декабря 1853 года въ валахскомъ селеніи Будешти.

Отъ береговъ Ледовитаго моря до границъ Болгаріи и Азіатской Турціи, отъ сѣверо-американскихъ тундръ и Восточнаго океана до моря Адри-

тическаго и горь Богеміи, въ родной и чуждой земляхъ—сегодня ликуютъ Русскіе и единоплеменные имъ Славяне тезоименитство Николая—Царя Россіи... Но на всемъ этомъ пространствѣ, передъ громадною котораго смирается самое смѣлое воображеніе, вѣроятно, не найти мѣста, гдѣ совершилось бы въ этотъ день большее торжество, чѣмъ то, которое происходило въ маленькомъ Валахскомъ селеніи Будешти, лежащемъ въ 22 верстахъ отъ прославленнаго побѣдами Суворова Туртукая...

Послѣ литургіи и молебна за здравіе Государя Императора и Царственнаго Дома, по приглашеніи многолѣтня Виновику пражнства, Августѣйшей Его Семьи и доблестному воинству, розданы были начальникомъ расположеннаго въ Будешти отряда, генералъ-маіоромъ Павловымъ, знаки отличія военнаго ордена, Высочайше пожалованные за сраженіе подъ Ольтеницею 22-го и 23-го октября и назначенные, по выбору нижнихъ чиновъ, болѣе отличившимся: 64 человѣкамъ Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ полковъ; 2-мъ нижнимъ чинамъ батареиною № 3-го батареи 11-й артиллерійской бригады; 2-мъ рядовымъ легкой № 5-го батареи той же бригады; 1-му взвода донской казачьей № 9-го батареи; 2-мъ нижнимъ чинамъ Донскаго казачьяго № 34 Власова полка и рядовому Селенгинскаго пѣхотнаго полка Ѳедосею Логачеву за то, что онъ въ дѣлѣ 23 октября, несмотря на двѣ полученные имъ раны, не только не оставилъ фронта, но объявилъ, что не покинеть его, пока будетъ въ силахъ.

Въ убогой будештской церкви совершалось величественное богослуженіе. Семьдесятъ два Георгіевскихъ креста лежали на особомъ аналоѣ, какъ на алтарѣ, съ котораго избранныѣе изъ предстоящихъ должны были получить достойную дань за свою доблесть, отвагу и любовь къ Царю и Отечеству!... Настало торжественное мгновеніе, унеслись къ престолу Божію послѣдніе звуки молитвы о славѣ и благоденствіи Самодержца, Его Августѣйшаго Дома, Его доблестнаго войска; прогремѣла „вѣчная память“ за стяжавшихъ вѣнцы праведниковъ на полѣ бранномъ, войска построились... и тогда генералъ Павловъ, обратясь къ нимъ, изобразилъ въ нѣсколькихъ словахъ всю важность возлагаемаго на отличившихся орденскаго знака, напомнилъ, что это новое проявленіе щедротъ Государя Императора должно быть псунуто, при первомъ случаѣ, новыми подвигами во славу Его и земли Русской, въ заключеніе прибавивъ о новыхъ щедротахъ Государя Императора, который не только награждаетъ доблесть своихъ храбрыхъ солдатъ, но, какъ нѣжный отецъ, печется о раненыхъ, жалуя имъ за дѣло подъ Ольтеницею: лишившимся ногъ—по 100 руб. сер., рукъ—по 50 руб. сер., всѣмъ же остальнымъ—по 10-ти или по 5 руб. сер., и, не ограничиваясь тѣмъ, обращаетъ свое царственное вниманіе на семейства убитыхъ, подавая имъ скорую и щедрую помощь!

Затѣмъ принесли кресты. Настала минута возложенія на семьдесятъ двухъ человѣкъ *Георгіевскихъ* крестовъ—величайшей награды русскаго солдата, безспорно величайшаго по отвагѣ изъ солдатъ всѣхъ націй.

Слезы умиленія серебрились на рѣсницахъ усачей и молодыхъ солдатъ, когда генераль прикалывалъ имъ кресты; отвага рѣзкими чертами обозначалась на этихъ молодецкихъ лицахъ, надъ которыми такъ недавно въ тысячахъ образахъ летала смерть, собиравъ обильную жатву... Весело было окружающимъ смотрѣть на эти ряды новыхъ кавалеровъ, могучая грудь которыхъ украсилась великимъ знаменемъ побѣды и славы!

Глядя на неустрашимыхъ воиновъ, невольно приходишь къ слѣдующимъ мыслямъ: какой препоны не преодолеютъ они?... Чего не сокрушатъ во славу своего Царя? Какое войско устоитъ противу этой живой стѣны, которой предшествуетъ Св. Георгій, воинъ Божій, предвѣстникъ побѣды?...

Еще недавно, съ громкою пѣснью, мы стремились на встрѣчу врагу, неся смерть и гибель въ ряды его... Лилась кровь наша, лилась кровь невѣрныхъ; но мы показали Оттоманамъ, что Суворовскіе солдаты не умираютъ въ Русской арміи, что нѣтъ преграды ея смѣлости; что съ нею тѣ же знамена, предъ которыми столько разъ померкала луна, и что изъ рядовъ Русскаго войска вырывается тотъ же зловѣщій для Турокъ военный кликъ, отъ котораго не разъ трепетали ужасомъ сердца ихъ предковъ!...

И если столь доблестно дрались мы 23-го октября, то какъ же будемъ драться теперь, когда столько знаковъ Царской милости украшаетъ грудь храбрѣйшихъ нашихъ товарищей; и если одинъ первый бой осчастливилъ столько, то какъ же не стремиться къ новымъ битвамъ, какъ не желать намъ новой рѣшительной сѣчи?... О, пусть представится скорѣе случай дать примѣръ отваги,—мы порадуемъ своего Государя, мы порадуемъ и тебя, тѣнь безсмертнаго Суворова, царившая надъ нами въ часъ Ольтеницкаго боя, на поляхъ, гдѣ во вѣкъ не умолкнетъ громъ твоей славы!...

Кресты были розданы, и музыка, гремѣвшая во все время раздачи ихъ, замолкла.

— Поздравляю васъ, кавалеры!—сказалъ генераль новопожалованнымъ.

— Благодаримъ покорно, ваше п—о!

— Ребята!—сказалъ потомъ генераль, обращаясь къ войскамъ:—поздравьте новыхъ кавалеровъ.

— „Ура!“—закричали солдаты баталіона, бывшаго во фронтѣ; „ура!“—крикнулъ весь полкъ, вышедшій полюбоваться прекраснымъ зрѣлищемъ; „ура!“—отозвались всѣ присутствовавшіе, заключивъ въ одномъ этомъ словѣ выраженіе восторга, любви, удивленія и хвалы молодцамъ-товарищамъ.

Новые кавалеры, гордые своимъ отличіемъ, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо генерала, стали за нимъ по его приказанію, и мимо новопожалованныхъ прошли всѣ войска, бывшія въ парадѣ.

По окончаніи церемоніальнаго марша, кавалеровъ пригласили къ столамъ, заблаговременно приготовленнымъ командиромъ Охотскаго егерскаго полка; егеря угощали своихъ храбрыхъ товарищей чаркою водки, кускомъ бѣлаго хлѣба, кускомъ мяса и добрымъ борщомъ. На этомъ братскомъ пирѣ первая чарка была выпита за здравіе Государя Императора, вторая—за

Государя Наслѣдника и Царскій Домъ, третья—за новопожалованныхъ кавалеровъ. Снова этимъ тостамъ громко отвѣчало родное, грозное и вмѣстѣ радостное „ура“, единодушно вырвавшееся у всѣхъ, кто только присутствовалъ на этомъ празднествѣ, или хотя издали былъ его свидѣтелемъ.... Но *кавалерамъ* предстояла еще радость: ихъ обрुжили солдаты,—каждый спѣшилъ ихъ поздравить, неліцемерно порадоваться ихъ счастію: того обнималъ братъ, того землякъ, выросшій въ одномъ селѣ, того любимый товарищъ, или старый сослуживецъ... Понятно, какимъ теплымъ чувствомъ прониклись въ эти минуты сердца очастливленныхъ героевъ 23 октября; понятно, какимъ живымъ восторгомъ наполнились ихъ души, какимъ несокрушимымъ мужествомъ, любовью и благодарностью къ Царю затрепетали ихъ груди—эти твердые щиты Отечества.

Таке чудесно провели мы великій для всякаго Русскаго день 6 декабря, въ степяхъ Валахія, на пустынныхъ берегахъ Дуная („Русскій Инвалидъ“ 1854 г., № 6).

18 декабря.—Будешти.

Казаки аванпостовъ отряда Соймонова сходятся съ казаками нашихъ аванпостовъ. Пространство, на которомъ стоятъ эти аванпосты, представляетъ множество затрудненій при охраненіи онаго. Изрѣзанное болотами, озерами, ручейками и рѣчками, переплетающимися между собою, это пространство мѣстами непроходимо и поросло густымъ пловымъ лѣсомъ значительной толщины. Вся эта мѣстность до высотъ, идущихъ по лѣвому берегу Дуная, то приближающихся къ нему, то удаляющихся на значительное разстояніе, понимается водою при разливѣ Дуная и по спаденіи воды, значительное еще время, совершенно недоступна для пришельца: по этой мѣстности могутъ только пробираться туземцы въ крошечныхъ лодочкахъ, лавируя по фарватерамъ ручейковъ, извѣстнымъ имъ по особымъ примѣтамъ.

На пространствѣ отъ Ольтеницы до Журжи, Дунай покрытъ множествомъ острововъ, густо поросшихъ лѣсомъ. Во время управленія краемъ графа Киселева, было предположено по всему протяженію Дуная на извѣстное разстояніе отъ берега вырубить лѣсъ и кустарникъ и образовать нѣчто въ родѣ дороги по всему берегу, на которомъ тогда же поставили башни для граничаръ, содержащихъ и доселѣ карантинную стражу на Дунаѣ. По всѣмъ рѣкамъ и ручейкамъ на этомъ пространствѣ, перерѣзывавшимъ береговую дорогу, устроили мосты, перевозки и вообще установили правильное сообщеніе. Между тѣмъ, съ того времени, по небрежности и злоупотребленіямъ мѣстнаго валахскаго начальства, мосты не чинились, перевозки не приводились въ порядокъ, дорога, и въ самомъ началѣ вырубленная только мѣстами на узаконенную ширину, не расчищалась, а нынѣ заросла лознякомъ и ивою до того, что отъ башни до башни остались только тропинки, по которымъ едва можно пробраться. Ближайшія къ этимъ башнямъ деревни

лежать: одинъ отъ 8—10, а другія въ 15 верстахъ. Изъ деревень трудно пробираться къ башнямъ, да и не всегда возможно.

По этимъ-то башнямъ разставлены наши казачьи пикеты, резервы ихъ стоятъ въ деревняхъ! Конечно, никто не потрудился объѣхать, или правильно обойти этой мѣстности (объѣхать ее не вездѣ возможно), и пикеты расположены *по картѣ*. Генералъ Соймоновъ, съ началомъ военныхъ дѣйствій, видя совершенную невозможность оставить въ такомъ положеніи наши казачьи посты безъ сообщенія другъ съ другомъ и, въ случаѣ нападенія, безъ возможности подать взаимную помощь, обратился съ просьбою къ генералу Павлову—устроить въ его отрядѣ мосты и пути сообщенія для казаковъ по берегу Дуная, съ тѣмъ, что таковыя же будутъ немедленно устроены въ Журжинскомъ отрядѣ.

Вслѣдствіе этого, генералъ Павловъ поручилъ мнѣ осмотрѣть дунайскій берегъ, обойдя его съ подполковникомъ Власовымъ, которому и было приказано принять мѣры къ устройству *хозяйственнымъ образомъ* путей сообщенія до Журжинскаго отряда. 15 декабря мы пустились изъ Ольтеницы вверхъ по берегу Дуная, верхомъ, переѣхавъ на лодкѣ черезъ Аржишель и переплавивъ лошадей; но отъ второй же граничарской башни были вынуждены продолжать путь пѣшкомъ. Пройдя до первой рѣки, которая намъ перерѣзала путь, мы не имѣли средствъ черезъ нее переправиться;—воротились, дождались верховыхъ лошадей и пробрались въ деревню Кирноджи, а оттуда въ деревню Кашорли, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 35 верстъ.

Мы пріѣхали ночью въ Кашорли, расположенную на высокомъ берегу, въ ущельѣ. Здѣсь стоитъ казачья застава со времени занятія нами этого края. Турки еще не показывались. Жители прежде промышляли рыбною ловлею на Дунаѣ, но нынѣ мы имъ это запретили, въ отвращеніе могущихъ быть тайныхъ сношеній съ Турками и вообще съ жителями того берега Дуная, съ которыми они въ родствѣ и дружбѣ. У здѣшнихъ жителей вѣдьмо было отобрать и свезти въ Ольтеницу лодки, кромѣ нѣсколькихъ, для производства дозволенной имъ ловли по озеру Гряки и рѣчкамъ, въ него впадающимъ, не имѣющимъ сообщенія съ Дунаемъ.

Но жители черезъ валахское начальство провѣдали о такомъ распоряженіи, прежде чѣмъ оно было приведено въ исполненіе, и припрятали лучшія лодки, сдавъ казакамъ преимущественно старыя и негодныя.

Уловъ рыбы здѣсь бываетъ очень обиленъ, но жители употребляютъ рыбу большею частію для собственнаго обихода и доставляютъ ее въ Букарестъ въ свѣжемъ видѣ, въ прокъ же ее не заготавливаютъ, хотя имѣютъ къ тому возможность: потребность въ соли, необходимой при этомъ производствѣ, можетъ быть удовлетворена въ Ольтеницѣ—складочномъ мѣстѣ соли, привозимой въ этотъ край.

Съ разсвѣтомъ предо мною открылась живописная картина: плетеница озера, рѣкъ и болотъ, въ рамкахъ береговъ, поросшихъ лѣсомъ, и въ лѣсистомъ ложѣ роскошный Дунай, со множествомъ острововъ, покрытыхъ густою расти-

тельностью. Бросишь взоръ направо, по протяженію берега,—холмы громоздятся другъ на друга, а между ними вьются долины, пашни и скаты, частію обнаженные, частію покрытые виноградниками и садами, либо бурьяномъ и дикими кустами. Въ цѣломъ все это представляетъ роскошную картину, но, приставивъ въглядываясь въ этотъ край, видишь на всемъ лежащую печать невѣжества и лѣни: дикіе кусты лозняка и терна раскидываются тамъ, гдѣ могутъ быть богатые виноградники; значительное пространство при весеннемъ разливѣ понимается Дунаемъ; по спаденіи воды поемныя мѣста остаются покрытыми иломъ, на которомъ съ успѣхомъ могли бы разводиться разные овощи, особенно капуста, а между тѣмъ эти мѣста оставлены безъ всякаго вниманія: даже за виноградниками не видно тщательнаго ухода: несмотря на суровое время года, лозы не покрыты соломой или землею; повидимому, разъ посаженные, онѣ оставлены на произволъ судьбы; сады почти не огорожены, по нимъ безнаказанно ходятъ свиньи, скотъ, — про зайцевъ и говорить нечего. Словомъ, сельское хозяйство не здѣсь только собственно, но вообще въ Молдо-Валахіи въ жалкомъ состояніи и отъ земли здѣшніе хозяева, какъ и большинство нашихъ, не получаютъ должной дани.

Съ подполковникомъ Власовымъ, казаками и граничарами, мы побрались къ казачьимъ постамъ ближайшимъ путемъ—болотистою мѣстностью, которая по счастію замерзла этою ночью и держала насъ, хотя мы въ иныхъ мѣстахъ и должны были пробираться въ бродъ. Проходимый нами лѣсъ имѣлъ необыкновенный видъ. Толстыя вѣковыя явы, составлявшія его, нисколько не похожи на наши деревья. Находясь, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ во время разлива Дуная, на нѣсколько саженъ въ водѣ, онѣ въ это время изъ всего своего толстаго ствола и изъ вѣтвей, находившихся подъ водою, пускаютъ длинныя корешки, тонкіе, какъ нитки. Число такихъ корешковъ увеличивается съ каждымъ годомъ; вода сбудетъ, корешки высыхаютъ и впесять огромными бородами кругомъ дерева, колыхаясь при дуновеніи вѣтерка и придавая деревьямъ чудовищную форму, а всему лѣсу какой-то волшебный характеръ: вступишь подъ эти мрачныя своды и не умѣешь дать себѣ отчета, гдѣ ты и что видишь предъ собою. Мѣстные жители обдираютъ эти корешки и употребляютъ ихъ вмѣсто подстилки для себя, — они упруги, мягки, какъ конскій волосъ, и не имѣютъ никакого запаха.

Пройдя по дунайскому берегу, налюбовавшись живописными картинами граничарскихъ башенъ, изъ которыхъ каждая можетъ быть сюжетомъ прекраснаго пейзажа, мы убѣдились, что на пространствѣ, гдѣ въ предписаніи, намъ данномъ, были указаны только двѣ рѣки: Рунтура и Аржишель, чрезъ которыя намъ предстояло устроить сообщенія, въ сущности было не двѣ, а болѣе пяти рѣкъ, одинакой ширины съ Аржишелемъ, не говорю о другихъ несравненно меньше Аржишеля, а именно: Жапселата, Гура-Гирла и Струнтура. Воротясь въ Кашорли, мы донесли генералу Павлову, что если не желать гибели казачьихъ постовъ, изъ которыхъ на каждый могутъ безъ

наказанно напасть Турки, незамѣтно пробравшись къ самому посту, предварительно отрѣзавъ путь его отступленія и сообщенія съ другими, и вырѣзать его прежде, чѣмъ объ этомъ нападеніи узнаютъ сосѣдніе посты, то слѣдуетъ снять эти посты. Сообщенія устраивать нечѣмъ и не изъ чего; растущій вокругъ лѣсъ негоденъ на постройки; все или пнякъ, или гнилой осинникъ. Притомъ мостики и паромы могутъ погубить нашихъ казаковъ; задумавъ напасть на пикетъ, Турки сдѣлаютъ засады у такихъ мостиковъ или паромовъ, съ обѣихъ сторонъ атакованнаго пункта, зная, что ни къ нему, ни отъ него нѣтъ другого пути, и захватятъ или разобьютъ нечаяннымъ нападеніемъ всѣхъ, кто съ той или другой стороны бросится на помощь этому пункту. Кромѣ того на эти посты весьма затруднительна доставка фуража и припасовъ, все надо привозить на конѣ, а частая смѣна постовъ невозможна. Резервы въ Кашорли и Гряки ни въ какомъ случаѣ не могутъ услышать и увидѣть тревоги на берегу Дуная, а тѣмъ болѣе не могутъ во-время посигѣть на мѣсто тревоги. — Итакъ, мы сдѣлали представленіе о необходимости совершенно покинуть пространство, затопляемое Дунаемъ, тѣмъ болѣе, что оно необитаемо, и поставить казачьи пикеты отъ Кирноджи по берегамъ Аржишеля и Діакона далѣе по гребню высотъ, служащихъ гранью дунайскаго разлива и господствующихъ надъ окрестностью, до Кашорли и далѣе по озеру Гряки до села Гряки, запретивъ жителямъ путешествіе за наши аванпосты и рыбную ловлю на озерѣ Гряки съ притоками.

Наше дѣло было кончено; съ докладомъ о немъ я поѣхалъ къ генералу Соймонову, а Власовъ воротился въ Ольтеницу. Весь день валилъ снѣгъ и я ѣхалъ на санихъ. Въ этомъ климатѣ рѣдко приходится испытывать это удовольствіе.

Передъ Журжею разстилается равнина, сама же она на крутомъ берегу Дуная. Этотъ чистенькій городъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обстраивается послѣ совершеннаго очищенія его Турками. Развитію Журжи много способствуетъ торговля. Въ Турцію изъ Валахій и обратно товары идутъ на Журжу. На площади, обставленной большими каменными домами, православная церковь, построенная Русскими послѣ 1829 года, и ратуша. Бывшая здѣсь крѣпость срыта. Неподалеку островъ Моканъ, которымъ Турки попытались было овладѣть, но генераль Соймоновъ такъ ихъ отогналъ артиллерійскимъ огнемъ съ берега, что они оставили свою попытку. Нѣсколько правѣе за Дунаемъ виденъ Рушукъ, по выраженію Михайловскаго-Данилевскаго, *„облитый русской кровью!“* Турки порою стрѣляютъ изъ крѣпости по городу, но доселѣ не сдѣлали никакого почти вреда: попортили два-три дома, да въ казармахъ контузили двухъ нашихъ офицеровъ, спавшихъ въ одной комнатѣ.

Генераль Соймоновъ бесѣдовалъ со мною нѣсколько часовъ, рассказывая свои предположенія о партизанскихъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ, съ цѣлію безпрестанно ихъ тревожить набѣгами, и показалъ мнѣ придуманный имъ, какъ онъ называлъ, *карасъ* — желѣзную звѣзду съ острыми концами. На сре-

дну этой звѣзды наматывается пакля, пропитанная сильнымъ горючимъ веществомъ, пакля этой звѣзды зажигается при нападеніи, хоть бы напри- мѣръ, на турецкій пикетъ и карась бросается на крышу или въ стѣны. Впиваясь въ дерево острыми концами, пылающій карась зажигаетъ зданіе. Генераль подарилъ мнѣ на образецъ одинъ экземпляръ этого зажигательнаго снаряда.

Генераль Соймоновъ устраиваетъ флотилію изъ купеческихъ судовъ и рыбацкихъ лодокъ, вооружаетъ ихъ фальконетами, приучаетъ артиллеристовъ дѣйствовать на судахъ и гребцовъ ими управлять. Роль кормчихъ и матро- совъ у него съ успѣхомъ выполняютъ волонтеры, Греки, прирожденные мо- ряки; гребцами—наши солдаты. Этою импровизированною флотиліей Соймо- новъ надѣется порядкомъ насолить Туркамъ.

23 декабря.

Въ Ольтеницу я воротился опять на колесахъ,—весь снѣгъ стоялъ; здѣсь чрезвычайно измѣнчивый климатъ: то дождь, то морозъ. По ночамъ обыкновенно бываютъ большіе туманы и, когда нѣтъ вѣтра, длятся почти до полудня.

24 декабря.

Въ Малой Валахіи революціонная пропаганда и ея представители въ Валахіи, мятежники 1848 года, тогда бѣжавшіе, а нынѣ вновь собравшіеся въ Турціи, волнуютъ жителей прокламаціями, а тѣ возстаютъ противъ насъ цѣлыми деревнями; доробанцы и граничары бѣгутъ и пристають къ бунтов- щикамъ, и такимъ образомъ наши войска въ жителяхъ Малой Валахіи на- ходятъ враговъ. Для усмиренія края отрядъ генерала Анрена подвинули къ Быйлешти и 14 декабря послали къ нему на подкрѣпленіе Одесскій полкъ, за нимъ двинули всю 12 дивизію, а генералу Анрену предписали при остано- виться движеніемъ впередъ до прибытія 12-й дивизіи, которая придастъ этому маневру самостоятельность и обезпечитъ наши отряды отъ покушеній непріа- теля; но это послѣднее распоряженіе не могло остановить графа Анрена, онъ былъ уже въ Быйлештахъ съ Екатеринбургскимъ полкомъ и батареею, имѣя въ нѣсколькихъ отъ себя верстахъ 12 эскадроновъ съ кон- ною артиллеріею, расположивъ остальные части своего отряда на значитель- номъ пространствѣ, а именно: въ Моцефѣ—Бельгарда, за 12 верстъ отъ Че- тати, съ Одесскимъ полкомъ и въ Четати—Баумгартена, за 30 верстъ отъ Быйлешти, съ Тобольскимъ полкомъ. 19 декабря турецкая кавалерія бро- силась на Баумгартена на позиціи передъ Четати, но онъ разбилъ ее на-голову.

28 декабря.

Вскорѣ однако покушенія Турокъ возобновились въ большихъ размѣрахъ и разыгрались 25 декабря извѣстнымъ Четатскимъ дѣломъ, гдѣ Баумгартенъ

съ своими Тобольцами покрылъ себя славою. Но для этого дѣла, со всѣми его подробностями и обстоятельствами, его сопровождавшими, настанетъ исторія: она раскроетъ, почему имѣли возможность Турки въ превосходныхъ силахъ нападать на наши отряды? почему своевременно, 25 декабря, не подано Баумгартену надлежащей помощи? почему войска, находившіяся съ генераломъ графомъ Анрепомъ-Эльмпитомъ, не могли ударить Туркамъ въ тылъ или во флангъ во время Четатскаго дѣла или, занявъ Модловиту, отрѣзать имъ путь отступленія?

Въ настоящее время носится по этому дѣлу множество слуховъ и толковъ; я не привожу ихъ здѣсь, повторяя, что для этого событія еще не настало исторіи, а для толковъ, разнообразныхъ сужденій и противорѣчій современниковъ существуетъ ясный свѣтъ исторической критики, которая со временемъ воздастъ всѣмъ должное и осудитъ виновныхъ. Вообще въ этомъ дѣлѣ много темнаго, загадочнаго; ясно только, что въ немъ погибъ извѣстный у насъ въ корпусѣ знаніемъ военного ремесла полковникъ Захаровъ; въ Одесскомъ полку кромѣ этого штабъ-офицера перебиты и всѣ остальные баталіонные командиры; одежду пылаго генерала Бельгарда пробило одиннадцатью пулями, вообще въ двухъ полкахъ убито 5 штабъ-офицеровъ, 17 оберъ-офицеровъ, 813 нижнихъ чиновъ; раненъ командиръ Одесскаго полка, Жигмонтъ, 2 штабъ-офицера, 29 оберъ-офицеровъ и 1.157 нижнихъ чиновъ.

Въ этомъ дѣлѣ только ясно то, что еще за два дня до Четатскаго дѣла неосторожные Турки стягивали свои войска къ Гуніи и Модловитѣ, въ деревнямъ, лежащихъ въ степи, на открытой мѣстности, а между тѣмъ ударъ, произведенный Турками на Четати, оказался для всѣхъ неожиданностію!....

29 декабря.

Здѣшніе сторожилы говорятъ, что иногда Дунай въ концѣ декабря или въ началѣ генваря совершенно замерзаетъ, такъ что по немъ можно ѣздить. У насъ на этотъ случай готово множество проектовъ: мы думаемъ, если только замерзнетъ Дунай, намъ позволятъ задать трезвона Туркамъ и захватить Туртукай, что конечно должно отразиться въ Шумлинскомъ лагерѣ Омеръ-паши. Однако не только Дунай не замерзаетъ до сего времени, но погода стоитъ совершенно весенняя: днемъ тепло, ярко блещетъ солнце на голубомъ небѣ и только небольшіе заморозки ночью.

Австрійскій и прусскій консулы пріѣзжали въ Журжу—посмотрѣть мѣсто дѣйствія на Маканъ и потомъ ѣздили на поле Ольтеницкой битвы.

30 декабря.—Будешти.

Нынѣ только и разговоровъ, что о Четатскомъ дѣлѣ, только и разсказовъ, что о его подробностяхъ. Многіе свидѣтели и участники дѣла уже явились въ Букарестъ. Изъ всѣхъ разсказовъ видно, что наши геройски дрались, особенно хорошо дѣйствовали Тобольцы; говорятъ, турецкая кавалерія

бросалась на нихъ 22' раза и всякій разъ была опрокидываема съ большимъ урономъ. Переменяя позиціи, мы не могли подобрать многихъ изъ своихъ убитыхъ и раненыхъ: поле битвы было наводнено турецкими войсками; но Турки подобрали своихъ убитыхъ и раненыхъ и, по свидѣтельству жителей деревень, бывшихъ во власти непріятельской, подъ раненыхъ собственно выгнали 380 подводъ. Въ числѣ убитыхъ видѣли многихъ въ европейской одеждѣ. Рассказываютъ, что особенно былъ отваженъ какой-то европеецъ, на бѣломъ арабскомъ жеребцѣ, нѣсколько разъ впереди всѣхъ бросавшійся на нашъ фронтъ,—его уговорили одинъ изъ нашихъ штудерниковъ.

На одной изъ позицій остался раненый капитанъ Тобольскаго полка Грицай 1-й. Когда наши вторично овладѣли этою позиціей, его нашли мертвымъ, голаго, грудь его была надрѣзана посрединѣ и изъ кожи сдѣланы красные отвороты, концы ихъ прибиты были деревянными колышками.....

Три нашихъ полуфурка съ ранеными, по торопливости фурштатовъ, не попали на дорогу, по которой можно было спастись, и попались Туркамъ; они зарѣзали всѣхъ раненыхъ, а лошадей увели.

Часть обоза Тобольскаго полка досталась въ руки Туркамъ, когда наши покинули Четати, чтобы занять позицію, на которой приняли бой 19 декабря (эта позиція, какъ оказалось, была уже занята Турками, но отважный Баумгартенъ взялъ ее штыками и отнялъ у Турокъ артиллерію). Турки въ торопяхъ ничего не могли сдѣлать съ обозомъ, увезть его было не на чемъ, и стали рубить его саблями, большею частію неуспѣшно; начали было зажигать его, но и это не удалось, такъ что не сожгли ни одной телѣги; въ двухъ полуфуркахъ были солдатскіе мундиры, Турки ихъ всѣ повыкидали, вѣроятно, отыскивая что-либо цѣнное.

Наши солдаты дошли въ этомъ сраженіи до остервенѣнія: въ рукопашномъ бою убивали Турокъ не только штыками и прикладами, но даже кулаками. Кучеръ Баумгартена, захваченный въ обозѣ, оглоблею убилъ семерыхъ, но и самъ былъ убитъ.

Когда наши покинули Четати, толпы турецкой сволочи, забывая, что дѣло еще не кончено, бросились грабить землянки, но наши перешли въ наступленіе и вновь заняли Четати, причемъ захватили въ землянкахъ въ плѣнъ толпы непріятеля, преимущественно Египтянъ. Былъ послѣ того моментъ, что Турки опять стали наступать; вражьи волны охватили горсть нашихъ храбрецовъ; всѣмъ до одного надо было грудью и штыкомъ встрѣтить страшный напоръ, нечего было думать о плѣнныхъ, негѣмъ ихъ было караулить, а они на свою бѣду стали кричать: алла! алла! призывая этимъ возгласомъ на помощь и Бога и товарищей. Невозможно было послѣ этого оставить толпу враговъ въ своей средѣ,—ихъ уничтожили.....

Всѣ свои столкновенія съ нами Омеръ-паша называетъ побѣдами: посмотримъ, какъ онъ расскажетъ Султану Четатскую битву и какъ онъ ухитрится представить ее побѣдою? Трофеи у насъ въ рукахъ, численность нашихъ и его войскъ тоже нельзя утаить, а поле, усѣянное англійскими и

собственно турецкимъ оружіемъ, краснорѣчиво вопіеть противу успѣха Турокъ.

Плѣнные показали, что у Турокъ было 12 тысячъ пѣхоты и до 3-хъ тысячъ кавалеріи при 24-хъ орудіяхъ *).

*) Дю-Кассъ говоритъ, что Ахметъ-паша, командовавшій дѣвымъ флангомъ турецкой арміи, ударилъ на Четати съ 10-ю тысячами человекъ и 20 орудіями. Русскіе, по его словамъ, сопротивлялись съ величайшею энергіей; каждый домъ Четати сѣлался редутомъ, и его приходилось брать штурмомъ; дѣло продолжалось 4 часа; остатки Русскихъ, спасшіеся отъ турецкихъ штыковъ, зашли въ редутъ, а 10-ть тысячъ человекъ, показавшихся на горизонтѣ, двигаясь параллельно съ Дунаемъ, въ намѣреніи отрѣзать отступление Туркамъ, таковымъ маневромъ вынудили Ахмета-пашу отступить. Турки стали на позицію и атаковали новаго непріятеля: благодаря искусству артиллеристовъ и воинскимъ способностямъ своихъ начальниковъ, Турки вновь убиты были славою, видя бѣгущій передъ собою 10-ти тысячный отрядъ Анрепа, потерявшій въ этомъ дѣлѣ 6.000 человекъ.

(Не забудемъ, что отрядъ Анрепа не участвовалъ въ Четатскомъ дѣлѣ и не сдѣлать ни одного выстрѣла!)

Эженъ Пикъ еще полнѣе въ своемъ разсказѣ. Онъ увѣряетъ, что Турки, разбивъ Русскихъ въ селѣ Четати, окончательно ихъ разогнали по Калафатской дорогѣ, взявъ штыками съ четырьмя тысячами человекъ редутъ, защищавшійся десятию тысячами отборнаго русскаго войска (?). Правда, что при этомъ находился самъ Омеръ-паша, постоянно въ первыхъ рядахъ сражающихся. (Это говоритъ про главнокомандующаго писатель, составившій свое сочиненіе, какъ онъ увѣряетъ, съ помощью другихъ военныхъ писателей,—удивительно!) Омеръ-паша, смѣясь, приказывалъ подбирать послѣ побѣды мѣшки, ружья и прочее, даже музыкантскіе инструменты (стр. 35—36) (Мы должны вспомнить при этомъ, что Омеръ-паша и не былъ въ Четатскомъ дѣлѣ.)

La Bedolliere въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Sebastopol. Histoire de la guerre d'Orient“ (Paris), при описаніи Четатскаго дѣла вдается въ большія подробности, также искаженныя. Вотъ его слова: „Русскіе имѣли въ Четати 15 баталіоновъ пѣхоты (увеличено не болѣе какъ въ 5 разъ,—въ Четати стоялъ Тобольскій полкъ, имѣя неполное число рядовъ), два полка кавалеріи (опять изъ эскадрона вышло два полка,—въ Четати стоялъ одинъ эскадронъ!), больше двухъ эскадроновъ гусаръ Паскевича (?) и пять эскадроновъ (?) казаковъ—всѣ подъ начальствомъ генерала Анрепа (Аугер?). Для сохраненія сообщенія Четати съ Калафатомъ (какже съ Калафатомъ, когда онъ былъ занятъ Турками? Вотъ какъ пишутъ исторію!), еще три баталіона было выдвинуто въ Поляну. Четати занималось 4-мя русскими баталіонами (то 15-ю, то 4-мя: не поймешь), двѣнадцатью орудіями, двумя эскадронами гусаръ Паскевича и 5-ю эскадронами казаковъ; за этою деревнею Русскіе построили редутъ.

Четати атаковано 6-ю баталіонами, 12-ю орудіями и 2-мя кавалерійскими полками подъ начальствомъ Измаила-паши. Остальные турецкія войска: пять баталіоновъ пѣхоты, 10 орудій и полкъ кавалеріи остановились передъ деревнею подъ командою Мустафы-паши.

Русская кавалерія опрокинута первымъ ударомъ, пѣхота упорствовала, но уступила деревню послѣ трехчасоваго боя. Между тѣмъ какъ Турки дрались, другой русскій отрядъ изъ 8-ми баталіоновъ, 16 пушекъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ атаковалъ Мустафу-пашу, который, перемѣнивъ фронтъ, прикинулъ къ деревнѣ и встрѣтилъ непріятеля губительнымъ огнемъ. Русскіе бросились впередъ, но это движеніе было имъ пагубно: огонь турецкой пѣхоты и картечь произвели опустошеніе въ ихъ рядахъ и заставили бить отбой. Скоро отступление Русскихъ превратилось въ бѣгство, пѣхота ихъ преслѣдовала, и еслибъ не ночь и не усталость Турокъ, Русскіе совершенно были бы обращены въ бѣгство. Турки потеряли 300 убитыми и 700 ранеными, между послѣдними оказались Мустафа и Измаилъ-паши, три полковыхъ и пять баталіонныхъ командировъ. Извѣстно изъ самыхъ достойныхъ источниковъ, что потеря Русскихъ заключается въ 3.000 убитыхъ, въ томъ числѣ 4 полковника, 3 баталіонныхъ командира и по меньшей мѣрѣ 60 офицеровъ. Больше двухъ сотъ повозокъ, каждая съ 5-ю или 6-ю ранеными, отправлено изъ Крайова въ Слатино, не считая легко раненыхъ, которые пошли пѣшкомъ. Между ранеными находится генералъ Орловъ (?),—онъ умеръ отъ ранъ,—два полковника и семь баталіонныхъ командировъ; 1 полковникъ пропалъ безъ вѣсти. Три повозки съ амунициею и 500 ружей, 60 офицерскихъ шинелей, 500 лошадей, преимущественно раненыхъ, достались Туркамъ трофеями дня. Множество Георгіевскихъ крестовъ украшаетъ нынѣ солдатъ Омеръ-паши“.

Почти слово въ слово разсказъ Лябедольера повторяетъ Guérin (Idem, p. 60—61) рѣшительно утверждая, что Русскіе были совершенно разбиты несравненно малочисленнѣйшимъ турецкимъ отрядомъ.

Клапка о Четатскомъ дѣлѣ упоминаетъ только вскользь въ своемъ сочиненіи „La

3 января 1854 г.—Будешти.

Признаться, и въ день Рождества Христова, и на Новый годъ мы ждали новаго визита Турокъ, новой съ ихъ стороны пощипки. На этотъ разъ цѣлью набѣга Турки избрали наши посты на Дунаѣ, противъ Силистрии. Съ раз-

guerre d'orient en 1853 et 1854" etc (1855, Jénève). Онъ говоритъ: „Въ продолженіе зимы война не развивалась. Дурное время года совершенно испортило пути сообщенія и сдѣлало почти невозможными большія операціи. Русскіе воспользовались этимъ, чтобы припнуть свои подрѣзленія,—Турки, чтобы хотя сколько-нибудь подучить свои молодыя и необстрѣленные войска. Было только одно во всю зиму значительное столкновение у Турокъ съ Русскими: это—подъ Четати, вблизи Калафата; при этомъ случаѣ турецкія войска доказали свое мужество въ такой же степени, въ какой ихъ начальники доказали свою военную неспособность, благодаря которой они если и успѣли благополучно воротить свои войска въ Калафатъ, то только по мпlosti еще большей неспособности русскихъ военачальниковъ. Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что французскіе историки Восточной войны будто умышленно стараются перешеголять другъ друга въ искаженіи фактовъ. Въ дѣйствительности Четатское дѣло, какъ извѣстно, происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ концѣ декабря, въ Малой Валахіи, подъ Калафатомъ, занятомъ Турками, наши войска имѣли слѣдующее расположеніе. Начальникъ отряда, генераль-адъютантъ, графъ Андрей Эльмйтъ, со своимъ штабомъ, тремя баталіонами Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, батареей и конной батареей, дивизиономъ гусаръ принца Фридриха-Карла Прусскаго полка и двумя сотнями донскихъ казаковъ, стоялъ въ с. Былешти, столь прославленномъ генераломъ Гейсмаромъ, въ войну 1829 года, пораженіемъ турецкаго отряда. Въ с. Четати стоялъ отрядъ полковника Баумгартена, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ вѣреннаго ему Тобольскаго пѣхотнаго полка, при 6-ти легкихъ орудіяхъ, эскадрона гусаръ князя Варшавскаго полка и сотни Донскаго казачьяго № 38-й полка. Въ видѣ резерва названнымъ двумъ отрядамъ и для сохраненія между ними необходимой связи, стоялъ въ с. Моценей, въ 12-ти верстахъ отъ Четати и въ 30-ти верстахъ отъ Былешти, генераль-майоръ Бельгардъ съ Одесскимъ егерскимъ полкомъ, подъ командою полковника Жигмонта, при 6-ти легкихъ орудіяхъ, съ двумя эскадронами гусаръ князя Варшавскаго полка и казачей сотней № 38-й полка. Наконецъ 5 эскадроновъ гусаръ принца Фридриха полка стояли въ с. Синешти-Кручи, выславъ одинъ эскадронъ на аванпосты, затѣмъ 5 эскадроновъ гусарскаго князя Варшавскаго полка стояло въ с. Чаралмъ.

Передъ разсвѣтомъ 25 декабря, Турки въ числѣ 15.000 пѣхоты, 300 кавалеріи съ 24-мя орудіями ударили на Четати.

Судя по тому, что еще наканунѣ Турки стянули означенныя силы изъ Калафата къ Гуніи и Модловитъ и что они оперировали на голой степи, не будучи замѣчены нами, надо заключить, что въ нашихъ войскахъ аванпостная служба очень хромала, несмотря на значительность стянутой въ этой мѣстности кавалеріи. По счастью, полковникъ Баумгартенъ успѣлъ, при приближеніи Турокъ къ Четати, вывести свои войска на позицію, заранее избранную. Нѣсколько стремительныхъ турецкихъ атакъ было отбито нашими, но, подавляемый превосходными силами непріятеля, полковникъ Баумгартенъ видѣлъ, что ему не удержаться на занятой имъ позиціи, и рѣшился перейти на другую, болѣе выгодную, на которой онъ уже выдержалъ 19-го декабря сильный бой съ превосходившею его въ числѣ турецкою кавалеріей. Отбиваясь на всякомъ шагѣ отъ усиленныхъ турецкихъ атакъ, полковникъ Баумгартенъ подвигался къ намѣченной имъ позиціи, какъ усмотрѣлъ, что она уже занята непріятелемъ. Но это открытіе не остановило нашихъ молодцовъ: подъ личной командой полковника Баумгартена они штыками опрокинули Турокъ и отняли желанную позицію, захвативъ при этомъ два непріятельскія орудія. Повторенныя атаки Турокъ, сдѣланныхъ для воротитъ взятую нами позицію, были безуспѣшны. Послѣ трехчасоваго самаго упорнаго боя, когда у нашихъ стало уже не хватать ни снарядовъ, ни зарядовъ, а между тѣмъ турецкія силы все возрастали и съ тѣмъ вмѣстѣ усиливалась ихъ настойчивость, побѣда явно стала склоняться на сторону Турокъ... Но Богъ спасъ нашихъ героев! Въ это время подошедъ генералъ Бельгардъ, по первымъ выстрѣламъ двинувшійся на помощь товарищамъ, пѣвшій, впрочемъ, неосторожность раздѣлить свой отрядъ на двѣ части и тѣмъ подвергшій его опасности быть разбитымъ по частямъ Турками, обратившими на него свои удары. Но хотя по этой причинѣ натискъ отряда Бельгарда, а также отдѣленной части его, подъ командою полковника Жигмонта, не имѣлъ надлежащей силы, но самое появленіе этого отряда и вступленіе его въ бой парализовало успѣхъ Турокъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ за нимъ, со стороны Скрипетула, показались русскія войска, грозившія отрѣзать Турокъ отъ Калафата.

свѣтомъ 1 генваря на семи, а какъ говорятъ нѣкоторые казаки, все впрочемъ преувеличивающіе, и какъ донесъ генераль Богусевскій, на тридцати лодкахъ, Турки переправились на нашъ берегъ противъ Сплистріи. Разумѣется, казаки зажгли маяки, дали знать о происхожденіи и выѣсть съ границарами, также занимавшими пикеты, стали отступать; завязалась пе-

Турки отступили...

Недаромъ впослѣдствіи Баумгартенъ, въ письмѣ къ генералу Бельгарду, выразился, что „еслибы Одессы пришли къ мѣсту боя получасомъ позже, то не существовало бы Тобольскаго полка.“

Въ Четатскомъ дѣлѣ мы понесли большую потерю: у насъ убито 5 штабъ-офицеровъ, 17 оберъ-офицеровъ, 813 нижн. чпновъ; ранено: полковникъ Жигмонтъ (два раза и кромѣ того контуженъ), 2 штабъ-офицера, 29 оберъ-офицера и 1.158 нижн. чпновъ.

Герой дня, полковникъ Баумгартенъ, легко раненый въ этомъ дѣлѣ, произведенъ въ генералы и пожалованъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени. Говорятъ, Турки понесли потерю несравненно большую, простирающуюся до 3.600 человекъ.

Общій голосъ и самъ Государь обвиняли Анрепа за его неумѣнье, при представлявшейся ему возможности нанести Туркамъ окончательное и полное поражение. Очевидно, что Анрепъ, дѣйствуя съ нѣкоторой только энергіей и продолжая безостановочно свое движеніе изъ Скрипетула, могъ стать на путь отступленія изнеможенныхъ отъ продолжительнаго боя Турокъ и или заставить ихъ положить оружіе, или уничтожить ихъ поголовно... Между тѣмъ графъ Анрепъ, руководимый какою-то непонятною осторожностью, слишкомъ поздно началъ свое наступленіе, нескоро еще послѣ того, какъ услышалъ канонаду за Мадловитой, и слишкомъ рано остановилъ это движеніе, даже не вступивъ въ бой съ убѣгающимъ противникомъ.

Историкъ Восточной войны, генералъ Богдановичъ („Восточная война 1853—1856 гг.“, т. I. Спб. 1877), говоритъ, что въ Бийлешти, въ отрядѣ генерала графа Анрепа, „былъ также услышанъ гулъ канонады, гремѣвшей въ Четати, въ то самое время, когда въ главномъ отрядѣ отправлялось богослуженіе. Затѣмъ былъ произведенъ церковный парадъ. Въ артеляхъ варили кашу, но солдаты, слыша пальбу, которая постепенно усиливалась, опрокинули котлы, не выжидая, пока будетъ готова ихъ пища, и рвались въ бой, на выручку своихъ товарищей. Наконецъ приказано выступить. Войска двинулись по дорогѣ къ Мадловитѣ и могли бы отрѣзать хотя нѣкоторую часть турецкихъ войскъ, при обратномъ ихъ движеніи къ Калафату. Но, по достиженіи с. Скрипетула, графъ Анрепъ, получа свѣдѣнія о движеніи генерала Бельгарда къ Фонтинѣ-Банулуй, счелъ излишнимъ дальнѣйшее наступленіе и, полагая дѣль свою достигнутою, возвратился съ войсками въ Бийлешти.“

..... „Еслибы графъ Анрепъ, услыша канонаду въ сторонѣ Четати, тотчасъ выступилъ въ помощь сражавшимся войскамъ, то, занявъ Мадловиту въ 12-мъ часу, либо еще лучше Голенце въ 1-мъ часу пополудни, могъ бы совершенно истребить Турокъ, уже обезсиленныхъ боемъ при Четати и Фонтинѣ-Банулуй. Но, повидимому, Анрепъ, столь неоспоримо доказавшій свою личную храбрость въ прежнихъ войнахъ, не оцѣнилъ выгодъ своего положенія и чрезъ то потерялъ случай одержать славную побѣду.“

Въ извѣстной анонимной брошюрѣ: „Дунай и Нѣмцы“—дѣйствія Анрепа во время Четатскаго дѣла не только осмѣиваются, но и порицаются съ большею силою. „Нѣмецкій графъ,—говоритъ брошюра,—затѣялъ справлять русскій праздникъ Рождества Христова, для этого онъ собралъ церковный парадъ.“

Въ 8 часовъ, въ Бийлешти, услышали первые выстрѣлы, раздавшіеся въ Четати. Анрепъ, вѣроятно, забывъ о данной имъ самимъ диспозиціи, по которой каждая изъ отдѣльных частей его отряда должна была содѣйствовать одна другой, слѣдуя при первыхъ выстрѣлахъ на выручку атакованной части, сталъ принимать поздравленія отъ валахской сволочи и затѣмъ пошелъ производить церковный парадъ, а по его окончаніи, несмотря на всѣ представленія о необходимости идти на выстрѣлы, на встрѣчу неприятелю, на выручку своихъ,—пошелъ въ церковь.

Только около 2-хъ часовъ Анрепъ выступилъ изъ Бийлешти, дождавшись сначала прибытія туда кавалеріи. Остановившая нѣсколько разъ отрядъ на пути, онъ наконецъ добрелъ до с. Скрипетула и тамъ остановился, не ударивъ на Турокъ, въ виду его отряда нестройными толпами пробравшихся къ Калафату.

Былъ при Анрепѣ валахскій полковникъ Самсонъ, дѣлавшій партизаномъ Турецкую войну 1829 года, храбрый, отчаянная голова; не выдержавъ онъ при видѣ бѣгущаго врага: „Мадловита!—энергически крикнуть Самсонъ,—Мадловита!“ и прибавилъ одну изъ тѣхъ русскихъ фразъ, отъ которыхъ Анрепа всегда бросало въ краску. Съ презрѣніемъ непонятаго

перестрѣлка и продолжалась нѣсколько часовъ. По словамъ казаковъ, Турки не могли съ ними сладить: ихъ было 2.000, а казаковъ всего 50 человекъ! Генераль Богушевскій немедленно донесъ главнокомандующему о высадкѣ Турокъ, а самъ сталъ переправлять изъ Калараша по небольшому пѣшеходному мостику, устроенному черезъ рѣку Борчу, баталіонъ Люблинскаго полка, который безъ ранцевъ, бѣгомъ, пустился къ мѣсту переправы. Но Турки его не дождались, они захватили стадо барановъ, кажется, достигнувъ тѣмъ главнѣйшей цѣли своего наѣзда, ранили въ перестрѣлкѣ двухъ казаковъ, зажгли пять граничарскихъ башенъ и благополучно отплыли обратно въ Силистрію.

По милости этого набѣга, курьеръ привезъ намъ, 2 генваря, приказаніе—немедленно приготовить къ выступленію въ Каларашъ Охотскій полкъ и увѣдомленіе, что Селенгинскій и Якутскій полки, съ легкою № 5 батареєю, придутъ въ Будешти. Генераль Павловъ тотчасъ послалъ меня въ Каларашъ, къ генералу Богушевскому, узнать на мѣстѣ: въ чемъ дѣло, и что предпринялъ непріятель съ этой стороны? Съ трудомъ я проѣхалъ девятисто-верстное разстояніе на столь маленькихъ саняхъ, что мнѣ одному въ нихъ едва было возможно помѣщаться; шесть лошадей, запряженныхъ въ эти санки, попарно, едва могли бѣжать по снѣгу, выпавшему на грязь. Приѣзжаю къ генералу Богушевскому,—у него тишина и спокойствіе... Я поспорѣ назадъ. Результатомъ моей поѣздки была боль всѣхъ членовъ, безъ сна проведенная ночь, взглядъ на едва рисующуюся Силистрію, бѣглый обзоръ ничтожнаго мѣстечка Калараша и скучной, къ нему ведущей, степной дороги, пролегающей близъ извѣстнаго поля Обилештской битвы.

5 генваря.

Союзные флоты вступили въ Черное море и объявили, что не позволяютъ нашимъ судамъ выходить изъ своихъ портовъ, тогда какъ Туркамъ

величія взглянулъ Анрепъ на Самсона и что-то очень непонятное—ни себѣ, ни другимъ—заговорилъ о базѣ, о путяхъ наступленія и отступленія.

Между тѣмъ отрядъ стоялъ на мѣстѣ и Турки благополучно добрались до Калафата. Впослѣдствіи Анрепъ увѣрялъ всѣхъ и каждого, что онъ дѣйствовалъ со всею мудростью и осторожностью великаго полководца.

Мы выше упомянули, что самъ Государь Императоръ былъ недоволенъ Анрепомъ за исходъ Четатскаго дѣла. Дѣйствительно Императоръ Николай въ письмѣ къ князю Горчакову, отъ 7 янв. 1854 года (Рус. Старина, октябрь 1876, стр. 349), требовалъ разъясненія: 1) Зачѣмъ войска были растянуты? 2) Зачѣмъ, по первому свѣдѣнію о движеніи Турокъ, Анрепъ не пошелъ имъ въ тылъ, такъ какъ это было бы причиною, что никто изъ Турокъ не воротился бы въ Калафатъ? 3) Отчего Анрепъ съ 15 эскадронами и конной батареєю опоздалъ и не преслѣдовалъ бѣгущихъ Турокъ?

По мнѣнію Императора, надо было радоваться, что Турки такъ по-дурачки попались въ ловушку, выйдя въ открытое поле, послѣ чего ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ воротиться.

Въ другомъ письмѣ къ князю Горчакову, отъ 1 февраля 1854 г., уже послѣ получения подробнаго донесенія о Четатскомъ дѣлѣ, Государь писалъ: „Нахожу, что Анрепъ оплошалъ непрестительно“.

О дѣлѣ подъ Четати ген.-адъютантъ графъ П. Х. Граббе говорить:

„Дѣло подъ Калафатомъ генерала Анрепа навело грусть на Дворъ и общество. Потери наша огромна: 2.025 человекъ изъ строя выбыло. Распоряженія очевидно-нелѣпы“ (Изъ записной книжки. Рус. Архивъ 1889 г., № 4).

предоставляется право ходить къ своимъ берегамъ, доставляя войскамъ все необходимое. Слѣдовательно война съ Англіею и Франціею неизбежна, — оскорбленіе, сдѣланное намъ, невозможно перенести равнодушно. Жребій брошенъ. Оружіе рѣшитъ нашу тяжбу. Слышно, наши посланники отозваны изъ Париза и Лондона и вѣнскія конференціи совершенно прекратились.

.....

Пріѣзжіе изъ Малой Валахіи рассказывали потомъ различныя интересные подробности событій, тамъ происходившихъ.

Извѣстно, что князь Горчаковъ, вслѣдствіе Четатской битвы, 4 генваря, поѣхавъ съ большею частію своего штаба къ Калафату, отправилъ туда же значительныя части войскъ. Но, иногда удивляющій своими странностями, князь въ день же своего выѣзда изъ Букареста воротился съ дороги, въ Букарестъ, неизвѣстно зачѣмъ, а вечеромъ того же дня опять уѣхалъ, какъ говорятъ, рѣшительно объявивъ, что не вернется въ Букарестъ, доколѣ не прогонитъ Турокъ съ этого берега Дуная.

Пріѣхавъ въ Калафатъ 9 генваря, князь собралъ военный совѣтъ для изысканія лучшихъ способовъ осуществленія своей мысли. На этомъ совѣтѣ графъ Анрепъ, которому казалось возможнымъ взять Калафатъ и притомъ ужасно хотѣлось, чтобы честь этого взятія принадлежала всецѣло ему, Анрепу, а не князю, подалъ мысль оставить теперь Калафатъ въ покоѣ, ожидая для овладѣнія имъ вполне удобнаго и благопріятнаго случая. Таковая мысль Анрепа была основана на убѣжденіи, что послѣ отъѣзда Горчакова онъ опять останется главнымъ начальникомъ войскъ въ Малой Валахіи и что, слѣдовательно, если предполагаемый случай и представится, то никому другому, какъ собственно ему, Анрепу. Генераль Липранди, присутствовавшій на совѣтѣ и бывшій всегда хитрымъ въсколькихъ Анреповъ вмѣстѣ, очень хорошо зналъ, что Анрепа послѣ Четатскаго дѣла признали необходимымъ убрать изъ Малой Валахіи, а отрядъ его отдать ему, Липранди, рѣшился въ данномъ случаѣ, въ своихъ личныхъ интересахъ, поддержать Анрепа, вполне согласившись съ его мнѣніемъ. За этими двумя генералами, у каждаго изъ которыхъ была своя значительная партія, потянули почти всѣ прочіе члены совѣта; одинъ только князь Горчаковъ былъ противнаго мнѣнія, настаивая на необходимости немедленной атаки Турокъ, но и князь, видя, что всѣ противъ него, согласился съ мнѣніемъ большинства, рѣшилъ обложить Калафатъ и уѣхалъ въ Букарестъ.

Ждали, ждали послѣ этого совѣта, удобнаго момента для атаки калафатскихъ Турокъ, а такового все не представлялось. Анрепа дѣйствительно смѣнили; Липранди остался командиромъ Калафатскаго отряда и главнымъ начальникомъ въ Малой Валахіи и затѣмъ рѣшился сдѣлать наступленіе на Турокъ.

Послѣ долгихъ колебаній и размышленій, Липранди двинулъ 2 февраля 15.000 человекъ двумя колоннами, какъ утверждаютъ одни, рѣшивъ

шлись взять Калафатъ, а какъ послѣ неудачи стали рассказывать другіе и какъ гласить реляція Липранди, чтобы отхватить отъ Калафата турецкій отрядъ, въ числѣ 2.500 человекъ, занявшій сосѣднее съ Калафатомъ село Чепурчени. Одинъ изъ сказанныхъ отрядовъ нашихъ, состоявшій изъ полка пѣхоты съ артиллеріею подъ командою генерала Бельгардта, пошелъ прямо на Чепурчени, а самъ генералъ Липранди, начальствуя надъ главными силами своего отряда, двинулся на Калафатъ, причемъ люди были снабжены фашинами, штурмовыми лѣстницами и тому подобными необходимыми пособіями при штурмѣ. Отряды выступили съ позицій едва только стало смеркаться, причемъ стояла прекрасная погода при 6 градусахъ мороза. Солдаты шли бодро и весело, одушевленные еще свѣжимъ воспоминаніемъ Четатской битвы. Но, по несчастію, во время движенія поднялся вѣтеръ, морозъ началъ крѣпчать и скоро достигъ 16 градусовъ, на горе нашихъ плохо одѣтыхъ солдатъ, износившихъ уже свои шинели и не имѣвшихъ ни теплой обуви, ни полшубковъ.

Генералъ Бельгардтъ пришелъ на назначенное ему мѣсто, но Турокъ въ Чепурчени не нашелъ, — они очистили это селеніе, предупрежденные о нашемъ движеніи своими лазутчиками, наводнявшими враждовавшую намъ Малую Валахію. О неоткрытіи непріятеля Бельгардтъ тотчасъ далъ знать Липранди, который въ это самое время долженъ бы, согласно плана, достигъ уже Калафата и дѣйствительно достигъ его, но, также какъ и Бельгардтъ, не встрѣтивъ ни турецкихъ войскъ, ни даже ихъ передовыхъ постовъ и разбѣздовъ, очевидно стянутыхъ къ главнымъ силамъ, готовымъ встрѣтить наше наступленіе, не зналъ что предпринять. Въ это время офицеръ, посланный Бельгардтомъ къ генералу Липранди съ вышесказаннымъ донесеніемъ, не попалъ къ нему, заблудившись, и поставилъ тѣмъ своего генерала въ затруднительное положеніе, — Бельгардтъ не зналъ на что рѣшиться, не получая извѣстій отъ Липранди и боясь невѣрнымъ шагомъ повредить принятому плану дѣйствій. Между тѣмъ Липранди съ своей стороны ждетъ извѣстія о прибытіи Бельгардта на условленное мѣсто и, не получая его, не атакуетъ Калафата. Наконецъ, потерявъ терпѣніе въ долгомъ ожиданіи, Липранди посылаетъ узнать, что сдѣлалось съ Бельгардтомъ; по несчастію, и этотъ посланный заблудился и не нашелъ Бельгардта, который, видя что время уходитъ, недоумѣвая на что рѣшиться, что думать объ отрядѣ Липранди, чтобы дать о себѣ знать ему, зажегъ огромные запасы сѣна, окружавшіе село Чепурчени — цѣль его движенія. Этотъ пожаръ обнаружилъ наступленіе Русскихъ со стороны Чепурчени Туркамъ, уже знавшимъ о нашемъ движеніи на Калафатъ, и навелъ на нихъ паническій страхъ. Толпы калафатскихъ Турокъ бросились бѣжать, спасаясь кто куда могъ; орудія стали увозить на рукахъ; кавалерія уводила лошадей; всѣ устремились на мостъ; произошла ужасная давка; начальники стали на мосту, чтобы не пускать бѣглецовъ и, видя свои увѣщанія безуспѣшными, принялись рубить ихъ, но и это не помогло, — паника усиливалась... Казалось бы, ка-

кого болѣе благопріятнаго было ждать момента для атаки Калафата! Тутъ бы и ударить на Турокъ! Такъ нѣтъ—наши не могутъ ни на что рѣшиться и не атакуютъ!...

Просто какое-то роковое несчастіе тяготитъ надъ нами, не даетъ намъ ни одного успѣха, гонитъ побѣду отъ нашихъ знаменъ!

Начало свѣтать. Турки стали приходить въ себя. Липранди призналъ свой планъ не осуществившимся и приказалъ отступить.

Въ этомъ безобразномъ движеніи мы, говорятъ, понесли чувствительную потерю, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. По словамъ однихъ, у насъ до 350 человекъ отморозило себѣ пальцы, носы, даже ноги; по словамъ другихъ, этому несчастью подверглось до 150 человекъ; наконецъ, реляція говоритъ, что у насъ до 20 человекъ ознобило себѣ ноги.

Допустимъ, что первая изъ этихъ цифръ преувеличена, но и вторая достаточно указываетъ на наше неумѣнье взяться за дѣло, на тѣ крайне плохія средства, которыми мы располагаемъ въ дѣйствительности, не будучи въ состояніи противустоять 16 - градусному морозу, хотя на словахъ готовы бороться съ разъяреннѣйшими стихіями, увѣряя, что нашъ солдатъ закаленъ имп. Что же касается до третьей цифры—цифры реляціи, то она положительно невѣрна.

10 генваря.

Въ ночь съ 8 на 9-е Турки сдѣлали наѣздъ на нашъ берегъ, близъ Ольтеницы, на вторую граничарскую башню, вверхъ по теченію Дуная, считая отъ устья Аржишеля. Турки ошиблись въ расчетѣ: въ граничарской башнѣ они не нашли ни одной души. Генераль Павловъ, по нашему съ Власовымъ представленію, дня за два передъ этимъ нападеніемъ приказалъ снять съ дунайскаго берега посты и разставить ихъ такъ, какъ мы предполагали. Ясно, что казаки, занимавшіе атакованную башню, должны за насъ молить Бога: оставайся на этомъ посту, они погибли бы непременно. Какъ рассказываютъ казаки, Турки подъѣхали на двухъ большихъ лодкахъ, высадились, подошли къ пустой башнѣ, сдѣлали по ней залпъ, взяли ее,—конечно, безъ сопротивленія,—сожгли и воротились во-свояси *).

*) Во время рассказываемыхъ событій не существовало еще у насъ на Руси сатирическихъ газетъ или листовъ, а то неминуемо на страницы одного изъ нихъ попало бы слѣдующее донесеніе, приводимое нами съ буквальною точностью, относящееся до рассказаннаго случая:

«о происшествіи».

Въ дежурство передоваго отряда леваго отдѣла
Донскаго казачьяго № 25 полка
командира 3 сотни,
Рапортъ.

„8-го по 9-е сего генваря Въ 2-ва часа по полуночи обѣзжая Аванпосты занимаемые вверенною мнѣ сотнію, Доѣзжая до Башни № 151, за рѣчкою Аржишелемъ гдѣ Граничарскія башни состоящія пустыми открытъ огонь съ ружейными до 60-и выстрѣлами турецкими переправлявшихся съ Вѣрху Дуная. А въ слѣдъ за симъ зажгли неизвестно что и не-

16 генваря.

Сейчасъ мы воротились изъ Ольтеницы. Ночью съ 13 на 14-е Турки высадились на Туртукайскій островъ и стали производить тамъ земляныя работы, — повидимому, ложементы для штуцерниковъ, — чтобы, какъ надо полагать, обезпечить себѣ рубку лѣса на острову. 14 генваря мы сдѣлали по Туркамъ на острову десять пушечныхъ выстрѣловъ, изъ нихъ три очень удачныхъ. Но поврежденія, нами сдѣланныя въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, Турки тотчасъ засыпали. Турки намъ не отвѣчали, также какъ и вчера на сдѣланные нами четыре пушечные выстрѣла. Наши штуцерники также продолжаютъ тревожить Турокъ на острову, но, несмотря на это, ихъ земляныя тамъ работы видимо подвигаются.

23 генваря.

Какіе славные стоятъ здѣсь дни! Къ такимъ днямъ мы, сѣверные жители, совсѣмъ не привыкли, — весна да и только; ходимъ въ однихъ сюртукахъ; солнце во всемъ блескѣ; иногда даже бываетъ жарко, — разумѣется, не въ тѣни; по дорогамъ нѣтъ грязи; будто для воспоминанія, она сохранилась только въ деревняхъ, да въ городахъ, а ѣдешь въ полѣ, такъ пыль поднимается.

25 генваря.

У генерала Соймонова, въ Журжинскомъ отрядѣ, съ успѣхомъ дѣлаются небольшіе наѣзды казачьихъ партій на турецкій берегъ; нашему генералу стало досадно, что у насъ въ отрядѣ все тихо и ничего не предпринимается сколько-нибудь выдающагося, и вотъ генералу пришло въ голову приказать сорвать турецкій пикетъ, взять языка, въ сущности вовсе и не нужнаго, или что-нибудь подобное, и для этого генераль послалъ за командиромъ состоявшаго въ нашемъ отрядѣ казачьяго полка, полковникомъ Ивановъ Васильевичемъ Власовымъ. Надо сказать, что полковникъ Власовъ былъ

задолгимъ послѣ того и въ другомъ мѣстѣ зажжено тоже неизвѣстно что, потому замѣтно что непріятель подвигался по означенной мѣстности въ низъ по протоки которая въпадаетъ въ Аржишель тоже съ Выстрелами. А уже по пробитіи зари въ Туртукаѣ, былъ тамъ разговоръ оными, и замѣтно было что Турки переправлялись уже на правую сторону Дуная темже направлениемъ гдѣ и сюда периправясь Лотками только неизвѣстно на сколько и какими, большими или малыми, послѣ чего уже Выстреловъ не было слышать. А на нашу сторону незамѣтно было чтобы непріятель переправлялся потому что съ нашей стороны уселѣнъ былъ самой бдительный караулъ въ присутствіи Моимъ Дабы не впускать непріятеля на нашу сторону.

„О чемъ Дежурству передоваго отряда Честь Имѣю Донести и присовокупляю, что именно за Аржишетемъ горело еще по случаю сильнаго тумана не открыто. А когда разойдется туманъ тогда будетъ мною послана команда казаковъ для открытія и что тамъ окажется. Это время будетъ особо донесено.

Есаулъ Д.“

№ 14
9 Генваря 1854 года
Село Кирноджи.

типъ боевого казака: храбрый, твердый, смѣтливый и умный. Въ нашемъ отрядѣ было нѣсколько валахскихъ граничаръ, подъ командою валахскаго капитана Бужуриано, человѣка въ сущности дряннаго, но сумѣвшаго расположить къ себѣ генерала Павлова. Изъ желанія ли дать Бужуриану средство отличиться, или по другимъ какимъ соображеніямъ, не знаю, только генераль Павловъ приказываетъ явившемуся къ нему полковнику Власову поручить капитану Бужуриану десятокъ лучшихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы онъ поѣхалъ съ ними за Дунай, такъ какъ ему хорошо знакома мѣстность того берега и расположеніе тамъ турецкихъ постовъ, и сорвать одинъ изъ таковыхъ. Съ полчаса ораторствовалъ генераль Павловъ, излагая Власову свой планъ набѣга во всей подробности. Власовъ все слушалъ спокойно, стоя и опершись на шашку, но когда генераль кончилъ и спросилъ, какое его по этому мнѣніе, — отвѣчалъ преспокойно, съ своей обычной, суровостью: „Чтобы я этому *лоскуту* (обычное у Власова ругательное слово) поручилъ своихъ казаковъ! Да не бывать этому, ваше превосходительство! Нуженъ вамъ языкъ, — прикажите: будетъ доставленъ, а граничару надъ казаками командовать не дано!“

Картина!...

26 января.

Турки опять заняли Туртукайскій островъ. Баронъ Раденъ *) чуть было не попался имъ въ руки: будь Турки немного хладнокровнѣе, онъ бы отъ нихъ не могъ ускользнуть. Мы все это время часто ѣздили на островъ — то въ видѣ прогулки, то для наблюденія за Туртукаемъ. Собрался какъ-то ѣхать баронъ Раденъ, отъ берега начала уже отваливать его лодочка, на которой съ нимъ сѣло человѣкъ пять, какъ Турки открыли по немъ ружейный огонь изъ-за деревьевъ острова; разумѣется, баронъ Раденъ поспѣшилъ укрыться въ редутъ.

28 января. — Ольтеница.

Сегодня мы перешли въ Ольтеницу. Войска нашего отряда расположились нынѣ слѣдующимъ образомъ: казаки стоятъ на прежнихъ мѣстахъ, Камчатскій полкъ — въ Старой и Новой Ольтеницахъ (недостроенныя зданія этой послѣдней, а равно и все покинутыя домики приведены солдатами и казаками въ состояніе удобное для жилья), батарейная батарея — въ Кирподжи при Охотекомъ полку, Селенгинцы — въ Добрени, Якуты — въ Будешти, каждый со своею батареей.

11 февраля.

Главнокомандующій присылалъ генерала Бухмейера составить проектъ укрѣпленія Ольтеницкаго карантина, чтобы обезопасить этотъ пунктъ отъ

*) Командиръ Нассаускаго уланскаго полка, занимающаго с. Радованъ. О немъ было выше упомянуто.

всѣхъ могущихъ возобновиться покушеній Турокъ. Генераль Бухмейеръ снялъ мѣстность и составилъ предположеніе. Теперь у насъ съ 31 генваря на всемъ Ольтеницкомъ полѣ кипитъ работа. Впервыхъ, мы укрѣпили полуразрушенныя зданія карантина по правиламъ науки и срыли имѣвшіеся вокругъ него турецкія укрѣпленія, которыя могли бы мѣшать дѣйствию нашей артиллеріи изъ карантина. На самомъ полѣ битвы построили пять большихъ батарей, изъ нихъ четыре на лѣвомъ берегу Аржиса: № 1 на 6 орудій, въ 25 саженьяхъ отъ лѣвой граничарской башни; №№ 2 и 3, каждая на 4 орудія, съ энолементами, въ 250 саженьяхъ отъ карантина и въ 170 саженьяхъ другъ отъ друга; № 4 на шесть орудій, безъ амбразуръ, за загибомъ Аржиса, въ 400 саженьяхъ отъ батареи № 3, и батарея № 5, на правомъ берегу рѣки Аржиса, съ шестью фронтальными амбразурами, въ 400 саженьяхъ отъ устья Аржишеля и въ 300 отъ острова. Кромѣ того, я и забылъ сказать, что командиръ 2 бригады нашей дивизіи генераль-майоръ Заливкинъ призналъ необходимымъ, во время нахождения генерала Павлова въ Будешти и командованія генерала Заливкина авангардомъ нашего отряда въ Ольтеницѣ и Кирноджи, обратить граничарскую башню при устьѣ Аржишеля противъ Туртукайскаго острова въ укрѣпленіе, а потому построилъ на мѣстѣ башни редутъ для двухъ орудій и роты пѣхоты. Главнокомандующій предписалъ или уничтожить этотъ редутъ, давъ ему форму реданта, который бы служилъ прикрытіемъ казачьему посту, или передѣлать его совершенно и привести въ положеніе, въ которомъ онъ представлялъ бы надежную защиту ротѣ, но постоянной артиллеріи въ немъ отнюдь не держать. Вслѣдствіе этого въ передѣланный редутъ мы только на день стали посылать два орудія, отводя ихъ на ночь въ Кирноджи.

Независимо отъ назначенныхъ работъ, должно было исправить дороги отъ Ольтеницы до карантина, Кирноджи и всѣхъ батарей, особенно же сдѣлать проходимыми топкія мѣста.

Эти работы велѣно было окончить въ 5 дней, употребляя человекъ по 600 въ сутки, мы же употребляли несравненно большее число людей, а едва только еще начали приводить къ окончанію это тяжкое дѣло. Турки не давали намъ спокойно работать, стрѣляя въ насъ изъ Туртукаи и съ острова. По милости Господней у насъ не бываетъ большой потери въ людяхъ, но все-таки ежедневно бываютъ убитые и раненые. Оно бы все ничего, достигнуты бы только были какіе-нибудь дѣльные результаты этимъ кровавымъ потомъ и этою вновь проливаемой безнаказанно для Турокъ кровью, ежедневно мѣшаемою намъ съ Ольтеницкою землею. Мы съ генераломъ каждый день объѣзжаемъ работы и проводимъ нѣсколько часовъ въ этомъ глупомъ карантинѣ, который двумъ ротамъ, составляющимъ его гарнизонъ, и артиллеріи не представляетъ ровно никакой защиты отъ непріятельскихъ не только навѣсныхъ, но даже прицѣльныхъ выстрѣловъ. Что я говорю защиты?—въ немъ гораздо опаснѣе стоять, чѣмъ на чистомъ полѣ: въ его стѣнахъ не ядро убуеетъ, такъ каменные осколки, или обвалившійся сводъ;

конечно блиндажей въ немъ нѣтъ, ядро ударить и летать во всѣ стороны камни и куски извести, которые бьютъ не хуже ядра.

По общему нашему мнѣнію, нахожденіе двухъ ротъ въ карантинѣ съ артиллеріею совершенно бесполезно: захотятъ Турки сдѣлать переправу, карантинное укрѣпленіе не помѣшаетъ,—они его уничтожатъ и съ гарнизономъ, еще до начала переправы; городъ и островъ совершенно командуютъ этою мѣстностію, что даетъ возможность Туркамъ огнемъ крѣпостной артиллеріи и мортиръ разметать это дряблѣе зданіе съ земляными къ нему присыпками и перебить людей.

Сперва было назначили Камчатскаго полка майора Халютина комендантомъ укрѣпленія; онъ прожилъ дней 12 подъ непрестаннымъ огнемъ турецкой бомбардировки и заболѣлъ; послѣ него стали наряжать по очереди батальонныхъ командировъ и младшихъ штабъ-офицеровъ съ тою частію войскъ, къ которой они принадлежали.

Видя, что полевая артиллерія не наноситъ намъ большого вреда, Турки привезли въ Туртукай крѣпостную и вчера открыли усиленный огонь по нашимъ сооруженіямъ. Выпалъ глубокій снѣгъ, еще болѣе затрудняющій наши работы.

13 февраля.

Сегодня генераль Павловъ получилъ отъ генераль-лейтенанта Соймонова изъ Журжи слѣдующее собственноручное письмо отъ 12 февраля.

М. Г. Прокофій Яковлевичъ.

„Вѣроятно вамъ уже извѣстно о сильномъ поврежденіи Рушукской флотиліи 3 февраля. Много судовъ совершенно затоплено, много избито до того, что требуютъ значительной и продолжительной починки; главный врагъ нашъ—пароходъ—на боку; одинъ іолъ съ большимъ орудіемъ на днѣ Дуная. И теперь уцѣлѣвшія турецкія суда, большія и малыя, Турки втащили въ р. Ломъ,—суда эти видны, но, къ сожалѣнію, наши ядра ихъ не достигаютъ.

„Изъ выстроенныхъ батарей, по указаніямъ генераль-адъютанта Шильдера, оставилъ теперь 4 батареи, а 4 срыты до подошвы. Къ несчастію, болотистые, поросшіе камышомъ острова, особенно Радоманъ (противъ самой крѣпости Рушукъ), до того топки и вязки, что въ настоящее время года нѣтъ возможности провести туда орудія.

„Съ разлитіемъ водъ, ожидать должно, что и острова покроются водою, поэтому сегодня приказалъ я дѣлать батарею версты 4 ниже Журжи, на нашемъ берегу, болѣе возвышенномъ (на 4 орудія). Эта батарея безнаказанно не пропуститъ къ вамъ судовъ турецкихъ, а также встрѣтитъ, еслибы, пользуясь низовымъ вѣтромъ, суда отъ Васъ вздумали плыть вверхъ Дуная.

„Дай Богъ, чтобы наступившее скорѣе разлитіе водъ выжило съ острова Вашихъ безпокойныхъ сосѣдей. Мнѣ крайне надоѣдаетъ Рушукъ. Турки бьютъ городъ, когда имъ вздумается; снаряды ихъ ложатся далѣе нежели

за половину Журжи, и отвѣчать нечѣмъ, по неимѣнію ни одного осаднаго орудія. Въ настоящемъ положеніи Рущукской флотиліи, я не думаю, чтобы Турки могли набрать грозный флотъ и пустить вверхъ или внизъ Дуная; впрочемъ, начатая батарея (о которой говорилъ выше) завтра поспѣетъ и будетъ вооружена.

„Генераль Шильдеръ возвратился вчера изъ Спстова; тамъ множество судовъ, и туда, для сокрушенія, я отправляю сейчасъ два батарейныхъ орудія въ вѣдѣніе ген.-маіора Попова, при бригадѣ котораго нѣтъ батарейныхъ орудій. Состоящій при генераль-адъютантѣ Шильдерѣ, генер.-лейтенантъ Хрулевъ вчера обстрѣливалъ турецкія суда противъ Никополя. 14 февраля прибудетъ отъ меня посланный взводъ въ Зимницу, 15-го будутъ тамъ бить флотилію.

„О результатахъ генерала Хрулева дѣйствій я еще ничего не знаю; дня черезъ два, три, по словамъ генерала Шильдера, генер.-лейт. Хрулевъ будетъ въ Журжу и отсюда, вѣроятно, посѣтитъ Васъ.

„Ежели будетъ замѣчено движеніе войскъ непріятельскихъ отъ Рущука къ Вамъ, то конечно я, въ ту же минуту, сообщу Вашему Превосходительству, что впрочемъ трудно опредѣлить: гористая мѣстность много скрываетъ и вообще Турки стали шататься болѣе по ночамъ.

„Прошу принять увѣреніе“ и пр.

Въ отвѣтъ на это генераль Павловъ писалъ генералу Соймонову:

М. Г.

„Поспѣшаю отвѣчать на письмо Вашего П—ства, отъ 12 февраля. Турки, съ которыми Вамъ Господь Богъ, къ общей нашей радости, помогъ въ послѣднее время такъ удачно перевѣдаться, вспомнили о существованіи и моего отряда. Съ 11 февраля не проходитъ ни одного почти дня, чтобы они не громили крѣпостными орудіями, изъ Туртукая, небольшого укрѣпленія, сдѣланнаго изъ зданія бывшаго карантинна, а также батарей, воздвигнутыхъ нами и образующихъ нынѣ дугообразную оборонительную линію отъ Дуная (ниже карантинна), черезъ р. Аржисъ, до устья р. Аржишеля.

„Бываютъ дни, въ которые Турки посылаютъ намъ по сту и болѣе снарядовъ; но Богъ къ намъ милостивъ: несмотря на все превосходство позицій Турокъ, ихъ постоянныя, усиленныя канонады нашли одну только жертву — солдата Камчатскаго полка, которому оторвало ногу.

„Вашему П—ству извѣстно, что Турки заняли большой лѣсенный островъ, лежащій напротивъ Туртукая, укрѣпили его засѣками, завалами, ложементами, разными земляными батареями, изъ которыхъ нѣкоторыя уже вооружены. Вчерашняго числа дерзость Турокъ усилилась, — они, вѣроятно, надѣялись застать насъ въ-расплохъ по случаю заговѣнья. Турки перетаскивали часть своихъ лодокъ волокомъ, сухимъ путемъ черезъ островъ, на обращенный къ намъ берегъ его и бросились въ этихъ лодкахъ на нашъ берегъ въ тотъ моментъ, когда 19 лодокъ, наполненныхъ ихъ солдатами, обогнувъ мы съ острова, подъ огнемъ нашихъ штуцерниковъ и артиллеріи изъ каран-

тина, одновременно пристали къ нашему берегу и высадили на него свой десантъ. Высадившіеся такимъ образомъ Турки, въ числѣ болѣе 400 человекъ (въ 4-мъ часу пополудни), оставивъ незначительное прикрытіе у лодокъ, всѣми остальными силами ударили на редутъ, что устроенъ нами у устья Аржиселя. Высадившіеся были покровительствуемы усиленнымъ огнемъ турецкихъ батарей,—огнемъ 4-хъ орудій съ острова и значительнымъ числомъ штуцерниковъ, разсыпанныхъ за деревьями онаго. Но мнѣ дали знать лишь только началось движеніе непріятеля, и я немедленно принялъ мѣры отразить его, гдѣ бы онъ ни появился: тотчасъ по приближеніи Турокъ, по мѣсту высадки ихъ начали дѣйствовать два батарейныя орудія съ лѣваго берега Аржиса; съ фронта ихъ стали громить 4 легкихъ орудія изъ вышепомяну- таго редута; рота егерей, оставивъ редутъ подъ прикрытіемъ уже прибли- жавшихся резервовъ, бросилась на встрѣчу наступающему непріятелю, а сотня казаковъ, переправясь въ бродъ черезъ рѣку Аржисъ, понеслась чтобы уда- рить въ тылъ Туркамъ и отхватить ихъ отъ ихъ лодокъ. Но Турки за- мѣтили эти движенія и, не заблагоразсудивъ на этотъ разъ помѣрять съ нами оружія, повернули назадъ, стремительно бросились въ лодки и ушли на островъ. Между тѣмъ наша артиллерія и штуцерники не умолкали и, ко- нечно, нашли себѣ не мало жертвъ между Турками, совершившими въ районѣ нашихъ выстрѣловъ двукратный переѣздъ по довольно широкому рукаву Дуная. При этомъ съ нашей стороны 1 убитъ и пятеро нижнихъ чиновъ ранено, изъ числа которыхъ уже 2 умерло отъ ранъ. Вообразивъ, что все наше вниманіе обращено на этотъ пунктъ переправы ихъ, Турки въ то же самое время совершили другую переправу на лѣсистый островокъ, „*Малый Кичу*“ (лежащій правѣе, выше, редута) и заняли его. Замѣтивъ это дви- женіе Турокъ, четыре легкихъ орудія, ставъ правѣе редута, обстрѣляли островъ и заставили Турокъ съ него убраться. Трофеевъ этого дня въ моихъ рукахъ не осталось, да и остаться не могло, по бывшей отдаленности нашихъ войскъ отъ пункта переправы и по стремительности, съ какою непріятель убрался во свояси; но лучше всякихъ трофеевъ была для меня та неукротимая жажда сразиться съ врагомъ, съ какою солдаты и офицеры бѣжали (а не шли) на указанные имъ по диспозиціи мѣста, стремясь скорѣе встрѣтить недруга.

„Вашему Пр—ству едва ли еще извѣстно, что 19 февраля Турки начали громить изъ Силистріи воздвигаемыя между Каларашемъ и Дунаемъ батареи и своимъ страшнымъ огнемъ заставили нашихъ прекратить работы и отсту- пить. Воображая все дѣло поконченнымъ, Турки, въ ночь съ 19 на 20 февраля, высадили на нашъ берегъ нѣсколько тысячъ человекъ пѣхоты съ двумя орудіями, имѣя цѣлью срыть возведенныя нами укрѣпленія; но гене- раль Богусевскій ударилъ на этотъ десантъ, сбилъ его съ позиціи, по- гналъ Турокъ, взявъ въ плѣнъ 151 человекъ и, какъ утверждаютъ нѣкоторые, потопилъ ихъ орудія.

„Вообще, слава Богу, нашъ врагъ нигдѣ не торжествуетъ.

„Генераль Шильдеръ собирается пріѣхать ко мнѣ, жечь турецкую фло-

тилію, но она такъ ничтожна здѣсь и мѣсто ея стоянки такъ удалено отъ пунктовъ, съ которыхъ мы можемъ по ней дѣйствовать, что едва ли Его П—ство найдетъ возможнымъ осуществить свой планъ *).

„Съ отличнымъ уваженіемъ“ и пр.

18 февраля.

Ежедневно гремѣть канонада съ острова, а штуцерники постоянно поддерживаютъ огонь и открываютъ пальбу, лишь покажется гдѣ нашъ солдатъ; особенно силенъ штуцерный огонь противъ редута Заливкина **), какъ мы называемъ укрѣпленіе, построенное этимъ генераломъ при устьѣ Аржишеля. Сегодня болѣе ста пушечныхъ выстрѣловъ сдѣлали по редуту и бросили въ карантинъ девять разрывныхъ снарядовъ, но, по счастію, ни убитыхъ, ни раненыхъ у насъ не было.

Однако редутъ своими двумя орудіями заставилъ Турокъ прекратить огонь съ острова.

19 февраля.

Сегодня тишина. Турки не стрѣляютъ; не готовятся ли они къ чему-нибудь болѣе рѣшительному? Такъ и передъ вчерашнею стрѣльбою они два дня совершенно молчали.

21 февраля.

Сегодня въ полдень ударили тревогу! Мы бросились на лошадей. „Откуда принята?“ — Изъ Новой Ольтеницы. — Мы понеслись туда во всю конскую прыть. Поэтическое мгновеніе! кровь кипитъ. Не знаешь, что будетъ черезъ минуту, что передъ тобою откроется, когда конь вынесетъ тебя въ поле.... Несемся за генераломъ большою толпою. На встрѣчу казакъ изъ карантина. Записка отъ подполковника Радомскаго, — на этотъ день онъ начальникъ карантина: Турки съ острова переправились на лодкахъ, высадились на правый берегъ Аржиса и бросились на редутъ Заливкина. Двинувъ войска, приѣзжаемъ въ карантинъ. Все тихо. Что за исторія? Дѣло оказалось преувеличеннымъ нашими караульными. Турки вовсе не атаковали редута. Лежитъ туманъ; три или четыре небольшія турецкія лодки обогнули островъ и при-

*) Въ запискахъ Л. Н. К. (т.-е. Лавра Никаноровича Клугена, исправлявшаго должность квартирмейстера нашей дивизіи: „Военный Сборникъ“ 1873) можно прочесть подробности того удачнаго протеста передъ высшею властію противъ употребленія усилий къ сожженію туртукайской флотиліи, который былъ заявленъ генераломъ Павловымъ, чрезъ посредство названнаго офицера генеральнаго штаба.

**) О постройкѣ этого укрѣпленія сказано выше, а именно «11 февраля». По правдѣ сказать, редутъ этотъ назывался не такъ: онъ назывался «Зеленый редутъ» — въ насмѣшку надъ построившимъ его генераломъ Заливкинымъ, считавшимъ это сооруженіе свое весьма важнымъ въ тактическомъ и фортификаціонномъ отношеніи. Зеленымъ редутъ названъ потому, что его творецъ, генералъ Заливкинъ, франтъ большой руки, человекъ еще нестарый, чтобы скрыть свою сѣдину, можетъ-быть и преждевременную, но сплывшую, краситъ волосы такимъ какимъ-то составомъ, что въ случаѣ несвоевременнаго возобновленія окраски волосы дѣлались изъ черныхъ сперва фіолетовыми, потомъ изумрудно-зелеными. Поэтому генерала Заливкина звали зеленымъ генераломъ и отъ этого дали названіе «зеленаго» его редуту.

стали къ берегу его, къ намъ обращенному, между тѣмъ какъ съ редута и изъ карантина, замѣтивъ ихъ движеніе, сдѣлали въ нихъ по выстрѣлу. Они отвѣчали съ острова штурцернымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Турки вытаскивали лодки на берегъ. Войска наши тотчасъ были возвращены въ свои мѣста. Однако наблюденіе за туртукайскими Турками надо было усилить, потому что перетаскиваніе лодокъ на берегъ острова, къ намъ обращенный, что-нибудь да значить. Вчера было такихъ вытасканныхъ лодокъ только четыре, а сегодня ночью, они незамѣтно для насъ, перевели еще шесть и теперь ихъ вытаскано на берегъ десять.

Однако генераль Павловъ разсердился на подполковника Радомскаго за произведенную тревогу, напрасно, какъ оказалось, поднявшую на ноги отрядъ, и послалъ ему (за № 170) слѣдующее предписаніе:

„Ваше В—іе собственноручною запискою, съ казакомъ присланною, донесли мнѣ, что Турки переправились съ острова, какъ можно полагать, въ числѣ человѣкъ около 400, и бросились къ редуту, занимаемому Охотскимъ полкомъ.

„Предписываю во всей подробности, сейчасъ же, донести мнѣ, надписью на семь:

- „1) На чемъ Вы основывали донесеніе объ означенной переправѣ?
- „2) Отъ кого именно получили донесеніе объ оной?
- „3) Чѣмъ удостовѣрились въ дѣйствительности таковой?
- „4) На сколькихъ лодкахъ совершилась переправа и откуда таковыя взялись, потому что изъ утренняго донесенія майора Китаева видно, что на берегу острова, къ намъ обращенномъ, стояло сегодня утромъ только четыре маленькія лодки.

„и 5) На какомъ именно мѣстѣ была совершена Турками высадка и на какомъ они обратно сѣли на лодки?“

Подполковникъ Радомскій отвѣчалъ сегодня же, за № 3, изъ карантина: „На предписаніе это имѣю честь почтительнѣйше донести Его П—ству, начальнику лѣваго отряда, господину ген.-лейт. и кавалеру Павлову, что первоначально далъ знать часовой 6-й егерской роты Иванъ Годовалый, что Турки на восьми лодкахъ, обогнувши мель острова, вѣхали въ рукавъ Дуная и въ это же время былъ смѣненъ съ часовъ рядовымъ той же роты Демидомъ Ярушемъ, который также насчиталъ 11 лодокъ, вѣхавшихъ тоже въ рукавъ Дуная, которыя и я самъ лично видѣлъ плывущими съ вооруженными Турками. По первому донесенію рядоваго Годовалата, я распорядился переправить на правый берегъ Аржиса 8 человѣкъ штурцерныхъ, а остальныхъ расположилъ въ ложементѣ, которые и открыли сейчасъ же по Туркамъ огонь, а также изъ орудій, находящихся въ карантинѣ, былъ тоже открытъ огонь. Турки переправились на нашу сторону противу батареи № 5 и большая часть Турокъ бросилась бѣгомъ по берегу рукава Дуная на редутъ, занимаемый Охотскимъ егерскимъ полкомъ, а нѣсколько человѣкъ отдѣлились на батарею № 5 и оттуда бросились вслѣдъ за бѣгущими Турками.

къ вышеозначенному редуту; но когда сдѣланы были съ редута изъ орудій выстрѣлы по нимъ, то Турки пришли въ замѣшательство и слышны были съ обѣихъ сторонъ, а также и съ острова, сильныя ружейныя и пушечныя выстрѣлы, и въ скорости послѣ этого съ острова непріателемъ былъ поданъ въ рожокъ сигналъ, вѣроятно отступить, по которому Турки быстро бросились въ лодки и ушли совсѣмъ на островъ“.

22 февраля.

Товарищъ нашъ, Ал. Собашинскій *), позвалъ насъ къ себѣ на блины. Было шумно, весело. Денщики едва успѣвали подавать груды блиновъ.... Налиты уже первые стаканы шампанскаго. Такъ беззаботно, такъ славно на душѣ.... Вдругъ опять тревога, и не только здѣсь, въ Ольтеницѣ, но и въ Кирноджи... Скамейки полетѣли вверхъ ногами, мы повыскакали на дворъ и едва успѣли пристегнуть сабли, какъ наши лошади уже осѣдланы; мы догнали генерала въ Новой Ольтеницѣ. На встрѣчу скачутъ два казака: Что такое?

— Турокъ, ваше превосходительство!

— Гдѣ?

— Противъ острова, видимо-невидимо; палить ажъ небу жарко.

— Не по-вчерашнему ль?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! своими глазами видѣли, множество его на лодкахъ изъ-за острова выѣхало, а другіе съ острова столкнули лодки, да на нихъ и бросились.

На этотъ разъ можно было повѣрить казацкому разсказу: гремѣла страшная канонада. Редутъ Заливкина дѣйствовалъ безъ умолку, карантинъ тоже не прекращалъ огня. Генералъ сейчасъ же приказалъ четыремъ батареиннымъ орудіямъ идти на полныхъ рысяхъ на батарею № 4, чтобъ обстрѣливать правый берегъ Аржиса, а самъ поскакалъ къ карантину. Въ то время пѣхота уже шла бѣглымъ шагомъ. Прежде всѣхъ была готова 9-я рота Камчатскаго полка штабсъ-капитана Иванова 1 и уже выбѣгала изъ Новой Ольтеницы.

— Ваше превосходительство, позвольте, — попросилъ я, — 9-ю роту перевести на тотъ берегъ Аржиса и занять новую батарею № 5. Если Турки ударятъ на редутъ Заливкина, рота нмъ бросится въ тылъ.

— Хорошо, скорѣе!

Я мигомъ передалъ приказаніе, и 9-я рота бросилась бѣгомъ къ броду черезъ Аржисъ. Опять, догнавъ генерала, я испросилъ у него позволеніе взять казаковъ и броситься съ ними передъ батарею № 5, чтобъ или, если возможно, отрѣзать отступление Турокъ, или ударить нмъ во флангъ. Гене-

*) Александръ Адамовичъ Собашинскій былъ въ это время личнымъ адъютантомъ генерала Павлова. Въ сраженіи 4 августа 1855 года на Черной рѣчкѣ онъ раненъ; впоследствии онъ долго служилъ полицеймейстеромъ въ Ирбитѣ и затѣмъ занималъ должность нотаріуса въ Екатеринбургѣ.

ралъ приказаль. Несусь въ Новую Ольтеницу, казачьи сотни только выводили лошадей. Казаки были очень подгулявши, — былъ день заговѣнья: вольному казаку, стоящему не на пикетѣ, а въ резервѣ, простительно отвести въ такой день душу лишнимъ стаканомъ вина.

— Ребятюшки, велѣно живѣе съ Туркомъ перевѣдаться! Всѣ скорѣе на коней, и кто успѣетъ сѣсть — за мною! — и я повернулъ и пустилъ коня. Меня догоняли, обгоняли; окружили, перегнали и неслись вмѣстѣ со мною къ броду; живописною вереницею мы переправились черезъ быструю рѣку, поскакали по равнинѣ, строились и джигитовали; но вотъ скачетъ полковникъ Власовъ, казаки стали приходить въ порядокъ, сотни построились на маршѣ, несмотря на быстроту нашего слѣдованія. Вотъ мы начали сближаться къ батарее и видимъ весь Туртукайскій островъ дымится точно потухающій костеръ; сильнѣйшая ружейная трескотня время отъ времени прорѣзывается ревомъ пушек.... Турокъ не видно... нашихъ тоже не видно... Противъ кого же Турки открыли и поддерживаютъ этотъ огонь? Мы дальше, дальше; но въ это время, видимъ, на-перерѣзъ къ намъ несутся два казака.

— Что братцы?

— Начальникъ отряда приказаль остановиться и подѣ ружейный огонь не подходить. Турки ушли обратно.

Вотъ было непріятное-то извѣстіе! Власовъ скомандоваль, и мы повернули назадъ. Соловьемъ залился лихой казачій запѣвало; дружно, весело подхватили пѣсню его удалые товарищи, но эта пѣсня не шевелила души, не радовала, не одушевляла. Другое дѣло, еслибъ мы ѣхали назадъ, облитые кровью, послѣ упорнаго, счастливаго боя; эта же самая пѣсня произвела бы другое впечатлѣніе на душу.

Генераль возвращался со свитою; мы пристроились.

— Что такое, скажите, что засуматоха опять сегодня? Кто намъ помѣшалъ доѣхать блины?

— Турки затѣяли рекогносцировку, что ли. Внезапно нѣсколько сотъ человѣкъ на лодкахъ обогнули островъ и, несмотря на артиллерійскій и штуцерный огонь карантина, поднялись вверхъ по рукаву Дуная и пристали къ нашему берегу противъ батареи № 5, между тѣмъ какъ другіе столкнули въ воду тѣ вытащенные на берегъ лодки, о которыхъ было выше сказано, и тоже бросилась въ нихъ на нашъ берегъ, тогда какъ съ острова открытъ былъ сильный артиллерійскій огонь по нашему берегу съ цѣлью обстрѣлывать его и ослабить защиту пункта, избраннаго для высадки, хотя, надо замѣтить, на всемъ этомъ пунктѣ не было живой души. Конечно Турки высадились на берегъ безъ всякаго препятствія, въ 3-мъ часу пополудни, и часть ихъ бросилась съ шанцовымъ инструментомъ на батарею № 5, а часть, вѣроятно, для прикрытія этихъ рабочихъ, а въ особенности перевозочныхъ средствъ высадившагося отряда, двинулась по направленію къ редуту Заливнина. Замѣтивъ это движеніе, Охотцы, занимавшіе редутъ, приготовились встрѣтить давно жданныхъ гостей, начали дѣйствовать по нимъ картечью,

а рота, разсыпавъ стрѣлковъ, побѣжала къ нимъ на встрѣчу, оставивъ редутъ подъ защиту уже приближавшагося резерва.

Турки, слыша вездѣ тревогу, принятые въ три огня (съ батареи № 4, съ редута и изъ карантина) и угрожаемые атакою холоднымъ оружіемъ, стали отступать къ лодкамъ. Такъ же поступили и добѣжавшіе до батареи № 5, имѣя впереди какого-то европейца въ статскомъ платьѣ.

Быстрое наступленіе непріятеля обратилось въ таковое же отступление. Турки не выжидали прибытія нашихъ, сѣли на лодки и тѣмъ же путемъ воротились, какимъ пришли. Потеря у Турокъ была, вѣроятно, значительная, потому что наши снаряды ложились на мѣсто ихъ высадки, покрытое нардомъ, а штуцерники дѣйствовали изъ редута и карантина какъ по этому пункту, такъ и по лодкамъ, двукратно прошедшимъ подъ ихъ огнемъ по рукаву Дуная.

При этомъ наѣздѣ мы потеряли одного человѣка убитымъ и пять ранеными, изъ коихъ уже двое умерли.

Вѣроятно вообразивъ, что все наше вниманіе обращено на атакованный ими съ такою смѣлостію пунктъ и предполагая, что мы по случаю заговѣнья не способны имъ дать должнаго отпора, Турки одновременно съ описанною переправою сдѣлали другую, нѣсколько выше, на лѣсisty островъ Малый Бичу (западнѣе редута Заливкина, по ту сторону Аржишеля) и заняли его. Замѣтивъ это дѣйствіе непріятеля, полковникъ Бибииковъ, командиръ Охотскаго полка, поставилъ между редутомъ и Аржишелемъ четыре легкія орудія безъ всякаго прикрытія и, обстрѣливъ островокъ, заставилъ Турокъ покинуть его и убраться во-свояси.

23 февраля.

Турки дѣйствуютъ не противъ однихъ насъ. 20 февраля они сдѣлали попытку противъ Калараша, да наткнулись на Хрулева, а онъ шутить не любитъ: такого имъ задалъ трезвона, что будутъ его помнить. Вотъ какъ было дѣло.

16 февраля генералъ Хрулевъ съ инженерами пріѣхалъ въ Каларашъ и, построивъ на берегу Дуная, противъ Силистріи, семь батарей, произвелъ рекогносцировку Силистріи съ этого берега и отошелъ въ Каларашъ, оставя невооруженныя батареи подъ прикрытіемъ казачьихъ постовъ. Турки вздумали воспользоваться отдаленіемъ нашихъ войскъ отъ построенныхъ батарей и разрушить ихъ. Съ этою цѣлію болѣе двухъ тысячъ Турокъ, на разсвѣтѣ 20 февраля, переправились на лодкахъ къ новымъ батареямъ, прогнали казаковъ, разсыпали цѣпь и принялись разрушать наши постройки. Но генералъ Хрулевъ, что называется, какъ изъ земли выросъ: съ тремя конными орудіями, эскадрономъ уланъ и казаками прискакавъ къ мѣсту, занятому Турками, онъ, послѣ трехъ картечныхъ выстрѣловъ, бросился на Турокъ въ атаку и, несмотря на упорное сопротивленіе, тотчасъ сбилъ ихъ и опрокинулъ.

Правду сказать: съ такимъ начальникомъ, какъ Хрулевъ, нашъ солдатъ способенъ надѣлать чудеса.

Турки бросились въ лодки, а наша конная артиллерія подсакала къ самому берегу да и начала ваять картечью въ бѣгущихъ. У Турокъ произошла ужасная суматоха: кто успѣлъ вскочить въ лодку, спѣшили скорѣе отпихнуться, не дожидая товарищей, въ надеждѣ спастись; другіе бросались въ воду, хватались за лодки, лѣзли въ нихъ; сидѣвшіе въ лодкахъ не пустили, торопясь уйти и боясь опрокнуться; у Турокъ дошло до драки.

Толпа непріятельскаго войска, преимущественно Египтянъ, не успѣла броситься въ лодки и засѣла подъ обрывомъ дунайскаго берега, открывъ ружейный огонь по нашему отряду. Видя это, генераль Хрулевъ, не дожидая прибытія пѣхоты, бѣжавшей на помощь, спѣшили уланъ, казаковъ, даже конно-артиллерійстовъ и бросился съ ними въ пики и пашки на непріятеля. Ударъ былъ такъ стремителенъ и неожиданъ, что Турки были тотчасъ разбиты, никто изъ нихъ не спасся: 198 человекъ убито и утонуло, говорятъ, около 200 человекъ изъ числа бросившихся въ Дунай, чтобъ вплавь догнать лодки, 38 человекъ взято въ плѣнъ. Тутъ подоспѣла батарейная батарея и скрытно стала въ камышахъ, ниже мѣста драки; когда же поровнялись съ ней бѣжавшіе по Дунаю Турки, батарея открыла учащенный огонь и затопила двѣ лодки съ людьми.

Въ этомъ дѣлѣ у насъ убито 2 человека и ранено до 15. Пожалуй не повѣритъ тотъ, кто удостоитъ эти строки прочтениемъ. Но пусть при этомъ онъ припомнитъ, что я пишу частный, правдивый рассказъ, а не формальную реляцію, и не имѣю надобности искажать факты.

Наши войска опять отошли въ Каларашъ, совершенно и мгновенно освободивъ отъ непріятеля занятый имъ пунктъ. 21 февраля генераль Хрулевъ далъ отдохнуть отряду.

Ночью на 22 февраля на батареяхъ поставили девять орудій (5 батарейныхъ и 4 легкихъ), подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ пѣхотнаго князя Варшавскаго полка; съ разсвѣтомъ на правомъ флангѣ батарей стали 2 эскадрона Вознесенскихъ уланъ и двѣ сотни казаковъ Власова. Пріѣхалъ Хрулевъ и отслужилъ на центральной батарее (№ 4) благодарственный молебенъ за блистательное отраженіе Турокъ. Когда провозгласили многолѣтіе Государю Императору, девять нашихъ орудій открыли огонь по силистрійскимъ предмѣстьямъ и зажгли ихъ въ трехъ мѣстахъ. Въ Силистріи, вслѣдствіе этого, произошла большая суматоха: жители бѣжали въ крѣпость, солдаты слѣдовали за ними, покидая батареи. Чтобъ увеличить недоумѣніе Турокъ и произвести у нихъ большую суматоху, Хрулевъ повелъ свой отрядъ церемоніальнымъ маршемъ, сзади нашихъ батарей, неумолкавшихъ ни на минуту, съ музыкою, пѣснями, плясками и барабаннымъ боемъ... Ошеломленные Турки не знали, что думать, и не открывали огня изъ крѣпости; войска, пройдя мимо батарей и прокричавъ „ура“ артиллеристамъ, потянулись въ Каларашъ. Тутъ только Турки опомнились и открыли сильную канонаду,

при чемъ одному нашему солдату оторвало обѣ руки, контузило нѣсколько артиллеристовъ и офицера въ голову. Въ 9 часовъ вечера наша артиллерія снялась съ батареи и благополучно пришла въ Каларашъ.

Отважный подвигъ генерала Хрулева, такъ сказать, разметавшаго турецкій отрядъ въ самый моментъ его появленія на нашемъ берегу,—подвигъ, сопровождавшійся рассказанною нами военною потѣхою,—имѣлъ результатомъ возвышеніе нравственной силы Каларашскаго отряда, оставленнаго вдалекѣ отъ резервовъ и нашихъ главныхъ силъ, противъ одной изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей, имѣвшей значительный гарнизонъ и достаточно перевозочныхъ средствъ для переправы на нашъ берегъ, въ порядочныхъ силахъ. Каларашскій отрядъ увидѣлъ на опытъ, что ему нечего бояться Турокъ,—напротивъ, онъ самъ можетъ держать ихъ въ страхѣ. Со времени рассказанной попытки Турки сдѣлались благоразумнѣе и не осмѣливались болѣе набѣжать на нашъ берегъ.

По поводу этого дѣла ходилъ потомъ слѣдующій рассказъ:

Въ отрядѣ Хрулева, подѣ Каларашемъ, командовалъ кавалеріей бригадный генералъ Богусевскій, человѣкъ уже старій, неспособный къ живому, кипучему дѣлу и потому устранившійся Хрулевымъ отъ всякой почти дѣятельности; но, несмотря на это, Богусевскій все-таки показывалъ большое расположеніе къ Хрулеву. Однажды Хрулевъ пришелъ къ Богусевскому посидѣть вечеръ и, долго засидѣвшись, соскучился не играя въ карты, тогда какъ другіе гости играли, притомъ усталъ, пошелъ въ спальню Богусевского и прилегъ на его кровать,—извѣстно, что Хрулевъ былъ человѣкъ нецеремонный и ни въ чемъ не стѣснялся.—Прилегъ и чувствуетъ подѣ головой книгу. Хрулевъ совершенно машинально вытащилъ эту книгу, развернулъ ее и видитъ—дневникъ Богусевского. Это заинтересовало Хрулева, онъ сталъ его перелистывать и находить фамилію Шильдера и свою; читаетъ и видитъ, что Богусевскій ругаетъ ихъ обоихъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ, даже дураками и подлецами. Хрулевъ поскорѣ положилъ книгу на прежнее мѣсто и виду не подавъ, что читалъ ее.

Вскорѣ затѣмъ совершился рассказанный нами турецкій набѣгъ, за отраженіе котораго Хрулевъ представилъ Богусевского въ генераль-лейтенанты, выставивъ его главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, хотя онъ въ дѣйствительности не принималъ въ немъ никакого активнаго участія. Когда это представленіе было уважено и производство состоялось, Богусевскій бросился при всѣхъ обнимать и цѣловать Хрулева, хвалить его, лѣстить ему, увѣрять, что онъ давно постигъ его, вполне убѣдясь въ его необыкновенныхъ военныхъ дарованіяхъ и пр. Хрулевъ съ обычной своей прямою остановилъ изліяніе чувства Богусевского, сказавъ:

— Э, полноте, ваше превосходительство, хвалить въ глаза, когда ругаете заочно!...

— Какъ? что? никогда этого не бывало и быть не можетъ! Вамъ кто-нибудь напраслину на меня взвелъ.

— Никто не взводилъ,—я самъ читалъ.

— Гдѣ вы могли это прочесть, гдѣ?

— Въ вашемъ дневникѣ, что у васъ подъ подушкой лежить: нечаянно заглянулъ—и прочелъ...

— Ну, виновать, виновать; въ дневникѣ написалъ, это правда!—бормоталъ сконфуженный генералъ;—но я тотчасъ это вымараю; всю страницу вырву,—при васъ, если хотите, вырву; мало того, весь дневникъ сожгу.

— Нѣтъ, нѣтъ! зачѣмъ же? Оставьте въ покоѣ вашъ дневникъ....

— Все сдѣлаю, что вамъ только угодно, Степанъ Александровичъ.

— А если такъ, то я попрошу васъ только добавить въ вашъ дневникъ собственноручно, тамъ, гдѣ насъ съ Шильдеромъ такъ ругаете: Хрулевъ—скотина и Богушевскій—скотина; Хрулевъ—подлецъ и Богушевскій подлецъ; Хрулевъ—шарлатанъ и Богушевскій—шарлатанъ....

Эту исторію Козлиновъ разказалъ корпусному командиру генералу Даненбергу. Послѣ этого, какъ-то за обѣдомъ, Даненбергъ при Богушевскомъ спросилъ Хрулева: „что онъ вычиталъ въ дневникѣ генерала Богушевскаго?“ Хрулевъ на этотъ вопросъ, не стѣняясь присутствіемъ Богушевскаго, громко разказалъ корпусному командиру все дѣло. Богушевскій, полагая, желалъ во время этого разказа провалиться сквозь землю!

24 февраля.

Нѣсколько уже дней какъ поносится слухъ объ изданіи манифеста съ объявленіемъ войны Франціи и Англіи. Слава Богу. Дѣло разъянилось. Не скоро же придется намъ вложить саблю въ ножны, не скоро еще будемъ грѣться у домашнихъ очаговъ! Страшная борьба ждетъ насъ впереди! „*Противъ Россіи рядомъ съ врагами Христіанства становятся Англія и Франція*“, говоритъ нашъ Государь въ манифестѣ. Слава Богу!—отвѣтимъ мы единодушно:—будетъ съ кѣмъ подраться, будетъ что поразказать въ отпизнѣ тому изъ насъ, кто вынесетъ свою голову изъ предстоящей борьбы *).

25 февраля.

Въ настоящее время въ Букарестѣ производитъ большой эффектъ формированіе волонтеровъ изъ Грековъ, Валаховъ, Молдаванъ, Сербовъ, Болгаръ

*) Синопскій погромъ послужилъ поводомъ къ появленію въ Черномъ морѣ 24 декабря 1853 г. соединенной Англо-Французской эскадры, съ цѣлью защитить законные интересы Турокъ отъ нашего посягательства и препятствовать плаванію нашихъ судовъ въ Черномъ морѣ. Эта дерзкая противъ насъ мѣра поведла къ разрыву нашему съ Франціей и Англіей, а затѣмъ послѣдовало охлажденіе нашихъ добрыхъ отношеній съ нашими старыми союзниками—Австріей и Пруссіей, которыя не только отказались, въ случаѣ войны съ нами Франціи и Англіи, соблюдать строжайшій нейтралитетъ, но даже подписали съ этими державами договоръ—поддерживать цѣлость Турціи, настаивая на очищеніи нами Княжествъ. Въ слѣдъ за этимъ Австрія заключила съ Пруссіей трактатъ—потребовать отъ Россіи очищенія Княжествъ и въ случаѣ отказа принудить ее къ этому, хотя бы и силою оружія!...

и Черногорцевъ. Лишь только разнесся слухъ о намѣреніи нашего правительства сформировать такія дружины, какъ со всѣхъ сторонъ начали стекаться охотники. Баталіоны *) будутъ раздѣлены по племенамъ. Такъ сформируются греческіе баталіоны изъ Грековъ, Валаховъ и Молдаванъ, болгарскіе и сербскіе, къ которымъ примкнутъ Черногорцы. Формированіе этихъ дружинъ поручено генераль-маіору Саллосу **); офицеры будутъ назначены изъ среды самихъ волонтеровъ; разумѣется, будутъ избраны для этого люди обратившіе на себя особенное вниманіе военными способностями, храбростію и распорядительностію. Волонтеры будутъ носить свой народный костюмъ, столь живописный у этихъ племенъ; ихъ вооружаютъ ружьями и штуцерами; холодное оружіе и пистолеты у нихъ преимущественно свои, впрочемъ имъ раздаютъ тесаки, шашки и пистолеты, также снабжаютъ сумами и патронами. Волонтерамъ производятъ хорошее содержаніе.

Греки носятъ на фескѣ изображеніе креста на лунѣ, въ сіяніи, Болгаре—свой національный гербъ—золотаго льва.

Волонтеры очень храбрятся и страшно грозятъ Туркамъ, покучивая въ букарестскихъ тавернахъ. Нечего и говорить, что большая часть волонтеровъ способнѣе быть удалыми разбойниками, чѣмъ хорошими солдатами; большинство изъ нихъ на словахъ будетъ брать города, особенно Молдаване, Валахи и Сербы, а на дѣлѣ едва ли они будутъ очень полезны. Впрочемъ между поступившими въ волонтеры есть Греки, участвовавшіе въ Этеріи и войнѣ съ Турками за освобожденіе Греціи; много есть Черногорцевъ: какъ тѣ, такъ и другіе будутъ, надо полагать, отчаянно драться съ Турками, которыхъ они ненавидятъ до того, что готовы пить ихъ кровь.

Трудно вести дневникъ при такой тяжелой службѣ, какая нынѣ настала для насъ. Сядешь за книгу—выстрѣлы: скажи, посмотри, что тамъ дѣлается. Пріѣхалъ—пожалуйте къ генералу! Поѣдешь съ нимъ, набѣдисься день-деньской, такъ что лежишь и пера въ руки взять не хочешь—не отъ лѣности, а отъ утомленія, особенно спянаго, когда ночь за ночью не спишь, да и днемъ-то нѣтъ отдыха. Впрочемъ, это и жизнь: по крайней мѣрѣ

*) Каждый баталіонъ предполагается сформировать изъ 4-хъ ротъ, въ сто человекъ каждая. Каждая рота будетъ имѣть свое знамя. Въ ротѣ будетъ 8 унтеръ-офицеровъ, сержантъ (фельдфебель), прапорщикъ, поручикъ и командиръ роты. Въ случаѣ нужды, комплектное число воинскихъ чиновъ, составляющихъ роту, можетъ быть увеличено до потребныхъ размѣровъ. Баталіонъ будетъ имѣть своего особаго командира. Жалованья назначаются: баталіонному командиру по 3 р. въ сутки, командиру роты 2 р. въ сутки, поручику 1 р., прапорщику 80 к., сержанту 30 к., унтеръ-офицеру 25 к. и рядовому 15 к. Волонтеры обязаны имѣть собственную одежду по установленной формѣ; оружіе и амуницію даетъ наше правительство. Никакихъ свѣдѣній въ военной наукѣ и во фронтѣ отъ поступающихъ въ волонтеры не требуется, онъ только долженъ уметь стрѣлять и слушаться начальства.

Сформированные такимъ образомъ наши волонтерскіе баталіоны никакой дѣйствительной пользы не принесли, потребовали значительныхъ расходовъ и влестдствіи наѣлали только намъ очень много хлопотъ и непріятностей.

**) Иванъ Егоровичъ Саллосъ—грекъ по происхожденію. Влестдствіи онъ командовалъ лейбъ-гвардіи гренадерскимъ полкомъ и вышелъ въ отставку генераль-лейтенантомъ.

чувствуешь и самъ сознаешь, что и ты приносишь частицу пользы общему дѣлу, копошась какъ муравей въ своемъ муравейникѣ.

Вечеръ.

Сейчасъ отъ генерала. Приѣхалъ Хрулевъ: главнокомандующій поручилъ ему придушить Турокъ на Туртукайскомъ острову. Мнѣ приказано состоять при генералѣ Хрулевѣ во все время его здѣсь пребыванія. Радъ стараться!

Турки вновь заняли такъ-называемый Туртукайскій островъ, лежащій при устьѣ Аржиса, и кажется собираются сыграть съ нами какую-нибудь плохую для насъ шутку. Что же?—она будетъ только справедливымъ наказаніемъ за ту безобразную безпечность и совершенное какъ бы равнодушіе ко всему насъ окружающему въ эту войну.

И то сказать: возможно ли стоять, такъ сказать, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, который съ высоты своей береговой позиціи видитъ все, что у насъ дѣлается, и, слѣдовательно, можетъ слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ,—стоять многіе мѣсяцы и быть въ совершенномъ невѣдѣніи о намѣреніяхъ, предпріятіяхъ и движеніи этого непріятеля, имѣющаго на своей сторонѣ все береговое населеніе, тѣсно связанное и родствомъ, и дружбою, и торгово-промышленными сношеніями съ жителями праваго берега Дуная, остающагося во власти нашего непріятеля? Неужели, для собранія необходимыхъ свѣдѣній о Туркахъ, нельзя воспользоваться множествомъ нашихъ тайныхъ сторонниковъ, находящихся между прибрежными Валахами и въ особенности между задунайскими Болгарами?

Неужели у насъ не хватаетъ золота на наемъ шпионовъ? Да, и вообще говоря, какъ у насъ организована оборона Дунайскаго берега!? Войска растянуты на значительномъ пространствѣ, причемъ они ни въ какомъ случаѣ не будутъ имѣть возможности во-время стянуться къ дѣйствительно угрожаемому пункту. Высшее начальство находится слишкомъ далеко, чтобы его распоряженія могли поспѣть своевременно къ ближайшему начальству войскъ, охраняющихъ берегъ Дуная, которому не дано почти никакой самостоятельности. Начальникъ передоваго отряда, генералъ Павловъ, долго жилъ не въ с. Ольтеницѣ, какъ бы слѣдовало, а въ с. Будешти, почти въ 30 верстахъ отъ Дуная, собственно потому, что тамъ имѣлась вполне удобная и комфортабельная квартира, въ домѣ помѣщика Мано, а въ это время въ Ольтеницѣ начальствовали: то генералъ-маіоръ Заливкинъ—человѣкъ довольно безтолковый, то полковникъ Д. С. Вибиновъ (командиръ Охотскаго егерскаго полка)—крайне лѣнивый, хотя смыслящій дѣло человѣкъ и притомъ специально образованный, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба, получившій боевую опытность на Кавказѣ,—то, наконецъ, управленіе передовымъ отрядомъ раздѣлялось между генераломъ Заливкинымъ, которому предписы-

валось поселиться въ с. Кирподжи, на правомъ берегу р. Аржиса,—причемъ завѣдывать обороною Дунайскаго берега и вверхъ по Дунаю отъ Аржиса,—и полковникомъ Бибиковымъ, за которымъ оставлялось командованіе отрядомъ отъ Аржиса внизъ по Дунаю.

Отъ такихъ безпрестанныхъ перемѣнъ начальствующихъ лицъ и передѣловъ района, отдаваемого въ охрану каждаго изъ нихъ, происходила большая путаница.

Мѣры, принимавшіяся однимъ начальникомъ, измѣнялись при новомъ; ни у кого изъ нихъ не лежало сердце къ обязанности на него возложенной; никто изъ нихъ серьезно не относился къ своему дѣлу; никто изъ нихъ не старался самъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, составить планъ обороны ввѣреннаго ему пространства и настаивать, чтобы высшее начальство дало средства осуществить этотъ планъ, если признаетъ его цѣлесообразнымъ. Такъ напримѣръ, какъ до Ольтеницкаго сраженія никто не позаботился настоять, чтобы снятъ былъ планъ всей мѣстности, предоставленной въ охраненіе отряду, чтобы, по крайней мѣрѣ, сдѣлана была точная рекогносцировка этой мѣстности,—такъ и послѣ Ольтеницкой битвы, которая можетъ-быть если и проиграна, то частію отъ того, что не существовало означеннаго плана у ближайшаго начальника атаковавшихъ войскъ,—никто доселѣ и не подумалъ составить крайне необходимый планъ или произвести основательную рекогносцировку. Результатомъ было новое занятіе Турками Туртукайскаго острова *). Будъ сдѣлана надлежащая рекогносцировка и составленъ планъ оберегаемой нами мѣстности, начальство знало бы, напримѣръ, броды, существовавшіе съ нашего берега на Туртукайскій островъ, и тогда, вѣроятно, ни въ какомъ случаѣ не допустило бы занятія этого острова. Да и какъ намъ можно было потерпѣть это занятіе?! Съ чѣмъ это было сообразно допустить Турокъ укрѣпляться въ разстояніи ружейнаго отъ насъ выстрѣла и такимъ образомъ добровольно самимъ устроить себѣ безпрестанную тревогу, когда можно было оставаться совершенно спокойными, имѣя между собою и Турками такое надежное естественное прикрытіе, какъ Дунай. Мы укрѣпляли карантинъ и строили батареи на полѣ Ольтеницкой битвы, какъ будто Туркамъ только и пути наступленія противъ насъ, что по этому полю, а между тѣмъ мы не только не имѣли войскъ на острову, но даже, въ послѣднее время, не держали на немъ секретовъ, и такимъ образомъ допустили Турокъ безнаказанно занять этотъ островъ, ни однимъ выстрѣломъ не мѣшая имъ строить на немъ укрѣпленія; мало того, мы оставались равнодушными, когда Турки свою дерзость простерли еще дальше, вооруживъ эти укрѣпленія и открывъ по насъ безпрестанную пальбу не только изъ орудій, но и ружейную, причиняющую намъ по временамъ нѣкоторый вредъ, убивая нашихъ солдатъ и безпрестанно насъ тревожа. Теперь только наши какъ бы взяли за умъ и захотѣли

*) Покрытый лѣсомъ, Туртукайскій островъ отдѣлялся отъ лѣваго Дунайскаго берега рукавомъ шириною отъ 70 до 100 сажень и имѣлъ видъ длинной острокопечной лодки; въ длину онъ имѣлъ до 4-хъ верстъ и въ ширину около версты.

отнять у Турокъ и островъ, и его укрѣпленія. Въ-время! теперь если мы и будемъ имѣть успѣхъ, то оплаченный дорогою цѣною братской крови, тогда какъ при другихъ болѣе дальновидныхъ распоряженіяхъ эта драгоцѣнная кровь могла быть сбережена.

26 февраля.

Отъ командующаго войсками поступило слѣдующее предписаніе, за № 759:

„Господину генераль-лейтенанту Павлову.

„Генераль-адъютантъ Шильдеръ отправляется въ Ольтеницу, для поряженій къ охраненію этого пункта отъ покушеній непріятеля. Предлагаю Вашему П—ству исполнять всѣ его приказанія, а равно и генераль-лейтенанта Хрулева, если генераль Шильдеръ по отъѣздѣ своемъ оставитъ его въ Ольтеницѣ. — Подписалъ генераль-адъютантъ князь Горчаковъ“.

Въ то же время отъ Шильдера послѣдовало слѣдующее распоряженіе, за № 17:

„Господину генераль-лейтенанту и кав. Павлову.

„По уполномоченіи меня командующимъ войсками 3, 4 и 5 корпусовъ, генераль-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ, увѣдомляю Ваше П—ство, что, согласно приказанія его сіятельства, ввѣренный Вашему П—ству отрядъ поступаетъ въ распоряженіе временное г. генераль-лейтенанта Хрулева, которому я поручилъ сдѣлать работы и принять мѣры для очищенія острова противъ Туртукая.

„Генераль-адъютантъ Шильдеръ“.

Сегодня весь день и до поздней ночи генераль Хрулевъ ѣздилъ осматривать пространство влѣво отъ карантина, теченіе Аржпса, весь его правый берегъ до Аржишеля.

Возвращаясь въ Ольтеницу пообѣдать, я поѣхалъ кратчайшею дорогою, въ бродъ, тогда какъ Хрулевъ поѣхалъ на мостъ, чтобъ осмотрѣть его. При въѣздѣ въ Ольтеницу встрѣчаю полнаго генерала, почтеннаго старца съ Георгіемъ на шеѣ и костьюлемъ въ рукѣ. Я догадался, что это Шильдеръ.

— Гдѣ Хрулевъ?

— Ъдетъ съ рекогносцировки, сейчасъ будетъ.

— Нашелъ онъ что ли мѣсто, откуда бить Турокъ?

— Еще не опредѣлилъ.

— Главное, сзади ихъ, сзади! — кричалъ съдой генераль.

Его открытая паружность, восторженная рѣчь, поэтический взглядъ на дѣло заставлялъ забывать его года и видѣть въ немъ юношу-героя, энтузіаста.

Приѣхалъ Хрулевъ. Обѣдали у полковника Шейдемана; вечеромъ Шильдеръ уѣхалъ, оставивъ свой штабъ въ распоряженіи Хрулева.

Въ эту ночь подполковникъ Тотлебенъ построилъ четыре ложементъ на берегу Дуная, противъ острова, съ бойницами для штуцерниковъ *).

Ночью мы поѣхали за Аржишель; генераль Хрулевъ осматрѣлъ островъ Большой Кичу, при чемъ приказалъ съ разсвѣтомъ устроить на него мостъ черезъ Аржишель и занять его нашими войсками.

Прибытіе генераловъ Шильдера и Хрулева съ привезенными ими распоряженіями сильно оскорбило генерала Павлова. Въ этой мѣрѣ высшего военнаго начальства онъ увидѣлъ недовѣріе къ своимъ воинскимъ способностямъ и явное предпочтеніе ему генерала Хрулева, въ которомъ военнаго таланта онъ не признавалъ и котораго всегда считалъ авантюристомъ и выскочкой, всегда ставя далеко ниже себя какъ по заслугамъ, такъ по военнымъ дарованіямъ и храбрости.

Павловъ утверждаетъ, что никакой не было надобности дѣлать изъ мухи слона,—подымать такой содомъ изъ-за занятія Турками вовсе ненужнаго намъ острова; если же его занять было необходимо, по высшимъ соображеніямъ главнокомандующаго, то, вмѣсто того чтобы пріѣзжать къ намъ, нѣсколько разъ, чуть не всей главной квартирѣ, стоило только давнымъ-давно приказать ему, генералу Павлову, и онъ самъ съумѣлъ бы очистить островъ отъ Турокъ и даже не допустить ихъ къ занятію онаго.

Павловъ заболѣлъ отъ досады и отъ оскорбленнаго самолюбія, но дѣлать нечего, надо было повиноваться — и требованія Шильдера тотчасъ же были исполнены, что не мѣшало, впрочемъ, генералу Павлову относиться съ недовѣріемъ и насмѣшками ко всѣмъ послѣдующимъ дѣйствіямъ, на этомъ пунктѣ, Шильдера и Хрулева, хотя генераль Павловъ и скрывалъ отъ всѣхъ, кромѣ меня, это душевное настроеніе свое. Напротивъ, Павловъ былъ очень любезенъ съ Хрулевымъ, собиралъ различныя для него свѣдѣнія о мѣстности, на которой предстояло дѣйствовать, (въ-время—не правда ли?), — послалъ меня къ Хрулеву, приказалъ передать ему всѣ мои свѣдѣнія, собранныя по этому предмету во время моей осенней рекогносцировки съ подполковникомъ Власовымъ, лѣваго берега Дуная и его плавней и велѣлъ мнѣ, согласно желанія Хрулева, на утро явиться къ нему, чтобы состоять въ его распоряженіи во время предпринимаемаго дѣла.

27 февраля.

Въ ложементахъ, построенныхъ сегодня ночью подполковникомъ Тотлебенъ, засѣли наши штуцерники и заставили молчать непріятельскихъ стрѣлковъ, не позволяя имъ показаться изъ-за деревъ, или изъ траншей, которая проведена Турками по всему берегу острова, къ намъ обращенному. Пользуясь

*) Чуть ли это были не первыя лопаты земли, брошенныя подполковникомъ Тотлебенъ въ эту кампанію, составившую ему громкое имя и славу.

этим молчаніемъ, генераль Хрулевъ, со всею свитою, проѣхалъ отъ устья Аржиса до редута Заливкина, по самому берегу Дуная, и Турки не осмѣлились сдѣлать по насъ болѣе двухъ-трехъ торопливыхъ выстрѣловъ, на которые тотчасъ получили спланный отвѣтъ. Мостъ готовъ; мы переѣхали на Большой Кичу и осматривали его, какъ вдругъ Хрулевъ отдѣлился отъ насъ и поскакалъ къ острову Малой Кичу, соединенному, на этотъ разъ, песчаною отмелью съ Большимъ Кичу; казавъ успѣлъ доложить генералу, что Малый Кичу не осмотрѣнъ еще нами, что на немъ могутъ быть Турки, но Степанъ Александровичъ уже скакалъ по его берегу, обращенному къ туртукайскому острову, съ котораго Турки немедленно открыли ружейный огонь. Разумѣется, мы послѣдовали за генераломъ во всю прыть. Малый Кичу тотчасъ былъ занятъ ротою Охотскаго полка подъ командою поручика лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Воронова и перестрѣлка съ Турками закончилась. У насъ при этомъ ранено 5 человѣкъ. Мы воротились въ карантинъ.

Ночью подполковникъ Тотлебенъ съ состоявшимъ при немъ поручикомъ Титдебелемъ *) и чиновникомъ дипломатическаго корпуса, титулярнымъ совѣтникомъ барономъ Оффенбергомъ (отставнымъ инженернымъ офицеромъ), построили на правомъ берегу Аржишеля пять батарей противъ туртукайскаго острова, на берегу Дунай, каждая на одно орудіе, для дѣйствія косыми выстрѣлами по острову съ разстоянія 60 сажень, а полковникъ артиллеріи Шейдеманъ сдѣлалъ черезъ густой лѣсъ, покрывающій островъ Малый Кичу, 6 просѣкъ и построилъ четыре батареи, тоже каждая на одно орудіе, для пораженія косыми выстрѣлами туртукайскаго острова, съ разстоянія 69 сажень. Эти батареи съ батареями лѣваго фланга должны были дѣйствовать по острову перекрестнымъ огнемъ.

Генераль Хрулевъ всю ночь ходилъ по работамъ, взявъ только меня съ собою, толкая съ солдатами, ободряя ихъ, обѣщая дать имъ славный праздникъ и возможность потѣшиться надъ врагомъ, только бы теперь хорошенько работали лопатою, а придетъ время—штыкомъ. Обходя нашу цѣпь, стоявшую за деревьями по опушкѣ берега Малый Кичу, обращенной къ неприятелю, мы слышали говоръ турецкихъ часовыхъ, ихъ кашель, шумъ ихъ движенія, все же остальное было тихо и мертво: заснувшая природа съ сумрачнымъ небомъ, вода, лѣсъ и наши часовые, безмолвно и бдительно сторожившіе за всякимъ шагомъ недруга.

28 февраля.

Генераль Хрулевъ предполагалъ атаковать островъ съ разсвѣтомъ, но понтоны опоздали прибытіемъ. Дѣло затянулось по этому случаю: прибѣвъ понтоны раньше, Турки не успѣли бы подкрѣпить туртукайскій гарнизонъ и, слѣ-

*) Въ послѣднее время (1889) Сигизмундъ Андреевичъ Тидебель былъ инженеръ-генералъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ и почетный членъ Николаевской Инженерной академіи; онъ умеръ въ настоящемъ году.

довательно, островомъ легче было бы овладѣть. Сегодня весь день Хрулевъ обдумывалъ планъ дѣйствій и продолжалъ изучать мѣстность. Часу въ третьемъ онъ послалъ меня съ разными порученіями въ Ольтеницу. О намѣреніи сдѣлать немедленно попытку на островъ не было и рѣчи, и ни одного распоряженія не направлялось къ этой цѣли. Сижу и работаю въ Ольтеницѣ, вдругъ слышу—сильная канонада и въ Кирноджи бьютъ тревогу. Разумѣется, я на коня и съ казакомъ бросился отыскивать генерала Хрулева. Пріѣзжаю въ карантинъ—нѣтъ его; я на аржисскій мостъ *), ко мнѣ пристроилось еще нѣсколько человѣкъ; скачемъ къ редуту Заливкина и здѣсь нѣтъ! Гдѣ же? Кажется, на Маломъ Кичу. Мы—туда; проскакавъ еще съ версту, видимъ: генераль ѣдетъ къ намъ на встрѣчу; канонада замолкла, дѣло кончено. Что же такое произошло? Генераль Шильдеръ, уѣзжая, передалъ Хрулеву свое предположеніе, какъ онъ выражался, атаковать островъ „взадъ“, построивъ батарею выше острова Малый Кичу, на берегу ему сопредѣльнаго другаго валахскаго острова. Предположеніе о постройкѣ батарей на этомъ пунктѣ, смѣю замѣтить, было ошибочное: построивъ батарею на этомъ пунктѣ, все-таки нельзя бы взять въ тылъ—ни острова, ни его батарей, а разница въ атакѣ произошла бы только та, что мы атаковали бы не лѣвую, а правую оконечность острова; при этомъ нечего было и думать взять островъ артиллерійскимъ огнемъ, потому что необыкновенная толщина деревьевъ, а въ особенности глубокія траншеи и батареи съ необычайно толстымъ брустверомъ и глубокимъ рвомъ представляли защитникамъ острова надежное прикрытіе отъ артиллерійскаго огня. Генераль Хрулевъ, поѣхавъ послѣ моего отъѣзда еще разъ посмотреть на о-въ Малый Кичу, усмотрѣлъ, что съ него образовалась песчаная отмель на сопредѣльный съ нимъ валахскій островъ близъ того мѣста, гдѣ я показывалъ бродъ съ Малаго Кичу на Туртукайскій островъ. Генераль тутъ же рѣшилъ не терять ни минуты: приказалъ Охотскому полку ударить тревогу и съ 1-мъ его баталіономъ, взявъ пять орудій легкой № 4 батареи 11-й артиллерійской бригады, пошелъ съ Малаго Кичу по отмели на вышеупомянутый, сопредѣльный съ Кичу валахскій островъ, въ то же время приказавъ открыть канонаду со всѣхъ батарей, устроенныхъ противъ Туртукайскаго острова. Лишь генералы Хрулевъ и Заливкинъ съ Охотскимъ баталіономъ и артиллеріею двинулись на отмель, какъ Турки открыли такой убійственный штуцерный огонь по головѣ нашей колонны, что хотя наша артиллерія и отвѣчала имъ картечью, а штуцерники, высланные въ застрѣльщики штуцернымъ огнемъ, но наши не могли заставить ихъ замолчать и едва ли нанесли имъ какой вредъ въ ихъ засѣкахъ и траншеяхъ. Генераль Хрулевъ, видя, что его отряду для занятія валахскаго острова приходится пройти чуть ли не церемоніальнымъ маршемъ подъ огнемъ непріятельскимъ, причѣмъ произойдетъ неминуемо значительная и напрасная по-

*) Въ это время было уже нами устроено черезъ Аржисъ два моста. Тотъ, о которомъ говорю, находился не далеко отъ карантинна,—конечно, въ дѣло были употреблены рыбацкія лодки, взятыя у жителей.

теря людей, не сталъ упорствовать въ исполненіи своего маневра и приказалъ, прекративъ огонь, немедленно отступить на Большой Кичу, оставивъ на Маломъ, попрежнему, передовую цѣпь съ резервами.

При этой экспедиціи ранено 17 человекъ и контужено трое, также раненъ поручикъ Охотскаго полка Сининскій пулею въ голову (отчего онъ вскорѣ и умеръ).

1 марта.

Эта попытка показала Туркамъ наше рѣшительное намѣреніе атаковать островъ, а потому они перевезли ночью 1.000 человекъ въ подкрѣпленіе находившимся на острову.

Сегодня исполнились третьи сутки, какъ я на часъ не смыкалъ глазъ. Три бессонныя ночи сряду—очень тяжелое дѣло. Но интересъ совершающихся событій и нравственное напряженіе въ эти моменты такъ велики, что физическое утомленіе не можетъ сломить организма.

Мы провели эту ночь на центральной береговой батарее, построенной на мѣстѣ бывшаго турецкаго укрѣпленія, разрушеннаго въ ноябрѣ прошлаго года. На батареяхъ не было огня и всюду царствовала тишина, тогда какъ на полтора пушечныхъ выстрѣла отъ батарей стояли бивакомъ Камчатскій и Охотскій полки, разложивъ громадные костры, чтобъ показать Туркамъ, будто къ намъ подошло много войска.

Наконецъ-то пришли понтоны!...

— Давайте офицера!—сказалъ генераль Хрулевъ.

Явился прапорщикъ Бабушкинъ.

— Сколько понтоновъ?

— Столько-то.

— Во сколько времени вы ихъ можете навестъ вотъ на этотъ рукавъ Дуная?

— Въ десять минутъ, ваше превосходительство!

— Ну это, батюшка, пожалуй и черезчуръ скоро; наведите въ полчаса—спасибо скажемъ; рассчитайте такъ время, чтобъ только забрезжилъ день, понтоны были бы на водѣ,—заклучилъ генераль Хрулевъ.

— Слушаю.

Генераль еще разъ объѣхалъ батареи, еще разъ побывалъ на Маломъ Кичу и, сидя на бревнѣ устроеннаго черезъ Аржишель моста, окруженный толпою разныхъ лицъ, собравшихся въ ночной темнотѣ будто заговорщики, кутаясь отъ ночнаго холода въ широкіе плащи,—отдавалъ еще разъ приказанія генералу Заливкину—отрывисто, сурово, рѣшительно, поручая генералу въ управленіе правый флангъ отряда. „Моментомъ надо пользоваться, ваше превосходительство,—говорилъ генераль Хрулевъ.—Онъ вамъ можетъ представиться во время артиллерійскаго нашего огня; можетъ быть случай, когда всего удобнѣе будетъ атаковать островъ. Если мнѣ представится такой моментъ, я не упущу его. Прошу васъ еще разъ—не упустить такового же, или все дѣло будетъ испорчено“.

Тутъ между Хрулевымъ и Заливкинымъ произошло разногласіе и споръ.

Хрулевъ хотѣлъ повести главную атаку на позицію Турокъ съ острова Большой Кичу, т.-е. съ фланга, отданнаго въ команду Заливкина, а генераль Заливкинъ, основываясь на томъ, что мѣстность, которую предполагали атаковать, никому изъ насъ неизвѣстна и совершенно неизслѣдована нами, настаивалъ на необходимости ударить главнымъ нашимъ силамъ въ центръ острова, переправясь черезъ рукавъ Дуная между устьемъ Аржиса и редутомъ Заливкина.

— Такъ, ваше п—сво, вы находите атаку отсюда слишкомъ опасною, трудною, невозможною?—спрашивалъ Хрулевъ.

— Да, ваше п—ство,—отвѣчалъ Заливкинъ.

— Ну, и прекрасно,—продолжалъ Хрулевъ:—такъ я возьму на себя сдѣлать эту атаку, а вы потрудитесь завѣдывать всею остальною пѣхотою и дать мнѣ своевременное подкрѣпленіе, когда я отъ васъ потребую таковое.

— Но я не отказываюсь, Степанъ Александровичъ,—возразилъ Заливкинъ,—отъ порученія, я только дѣлаю вамъ свои представленія... долженъ же я предъ вами высказать свой взглядъ и убѣжденія?...—и пошелъ нашъ Заливкинъ, и пошелъ!... говорунъ онъ страшный, неудержимый, пошелъ засыпая словами... Хрулевъ долго не соглашался съ его доводами, но наконецъ, вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій Заливкина, уступилъ. Отчего онъ уступилъ? При всѣхъ блистательныхъ военныхъ качествахъ Хрулева, кажется въ немъ нѣтъ достаточной самоувѣренности; не изучивъ систематически военного искусства, онъ какъ бы не надѣется на свои знанія и поддается настойчивости тѣхъ, кто съ самоувѣренностію защищаетъ свой планъ дѣйствій. Настоящая уступка Хрулева привела къ проигрышу дѣла. Еслибы атака была поведена на пунктъ первоначально указанный Хрулевымъ, то онъ самъ находился бы при атакующихъ войскахъ и конечно взялъ бы островъ, такъ какъ въ дѣйствительности возможно было перебѣжать на него, хотя бы и подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, по тому броду, который былъ открытъ во время дѣла казакомъ Медвѣдовымъ; затѣмъ атака наша могла бы начаться гораздо раньше, т.-е. до свѣту, не имѣя надобности ожидать прибытія запоздавшихъ понтоновъ,—слѣдовательно, наше движеніе не было бы видно Туркамъ во всей подробности,—словомъ, всѣ шансы успѣха были въ нашу пользу. Но какъ бы ни было, а Хрулевъ уступилъ, и наша атака на островъ была совершенно неуспѣшно—потому собственно, что генераль Заливкинъ именно того-то и не исполнилъ, о чемъ ему такъ настойчиво твердилъ Хрулевъ, т.-е. не воспользовался удобнымъ моментомъ атаковать Турокъ, именно когда они были сбиты съ позиціи артиллерійскимъ огнемъ и бѣжали внутрь острова. Что бродъ былъ открытъ казакомъ Медвѣдовымъ, это фактъ не подлежащій сомнѣнію,—самъ Заливкинъ представилъ Медвѣдева за этотъ подвигъ къ награжденію знакомъ отличія Военнаго ордена и представленіе это уважено главнокомандующимъ. Если же бродъ былъ и Турки бѣжали отъ берега въ большомъ безпорядкѣ, какъ доносили Хрулеву

самъ же Заливкинъ, то почему же онъ въ этотъ моментъ не перешелъ въ наступленіе? На эти справедливыя укоризны Заливкинъ оправдывался, во-первыхъ, неимѣніемъ положительнаго приказанія наступать, на что своею властію онъ будто бы рѣшиться не могъ, зная о принятомъ рѣшеніи (по его же, припомнимъ, настоянію) атаковать островъ по понтонному мосту, въ центрѣ.

Но развѣ въ категорическомъ приказаніи Хрулева, которое мы всѣ слышали, „не упустить момента“, не заключалась широкая, предоставленная Заливкину, свобода дѣйствій? Развѣ Хрулевъ могъ предвидѣть, что именно тогда, когда побѣгутъ сбитые артиллеріей Турки передъ отрядомъ Заливкина внезапно откроется бродъ, по которому наступленіе наше дѣлалось совершенно возможнымъ? Еслибы Хрулевъ могъ предвидѣть это обстоятельство, конечно онъ прямо приказалъ бы Заливкину, обстрѣлывъ островъ, идти на него по этому броду или, всего вѣроятнѣе, самъ бы повелъ атаку на этомъ пунктѣ. Но если Заливкинъ видѣлъ себя не въ правѣ воспользоваться открывшимся бродомъ безъ особаго приказанія Хрулева и не согласился со старшими офицерами своего отряда, умолявшими его дать позволеніе броситься на островъ, то по какому же случаю онъ тотчасъ не послалъ Хрулеву донесенія объ этомъ открытіи и не ждалъ его дальнѣйшихъ приказаній, которыя, въ виду этого, вновь открывшагося факта, могли быть исполнѣны отличны отъ приказаній, привезенныхъ Заливкину капитаномъ Клуменовъ, а тотчасъ исполнилъ эти приказанія, т. е. прекратилъ огонь и началъ отводить войска.

Ясно, что Хрулевъ, получа донесеніе Заливкина о бѣгствѣ Турокъ и объ открывшемся бродѣ, тотчасъ измѣнилъ бы весь планъ атаки острова и непременно взялъ бы его, переведя войска по этому броду.

Словомъ, по нашему общему мнѣнію, въ неудачѣ этого новаго столкновенія нашего съ Турками исполнѣ виноватъ Заливкинъ.

Но разекажемъ, какъ происходило самое дѣло.

Начальство надъ нашими войсками генераль Хрулевъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: генераль Заливкинъ командовалъ войсками праваго фланга на Большомъ и Маломъ Кичу, полковникъ Голевъ—войсками по сю сторону Аржишеля, полковникъ Шейдеманъ—артиллерією у генерала Заливкина.

Генераль Хрулевъ со свитою и полковникъ Голевъ съ своимъ штабомъ находились на центральной батарее; у ней же предполагалось устроить переправу, а потому понтонны подъѣхали поближе къ ней; у насъ и у Турокъ царствовала тишина. За часъ до свѣта привели къ пункту передравы 3-й и 4-й баталіоны Камчатскаго полка; командовавшій 3 баталіономъ Камчатцевъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка капитанъ Ванновскій *) долженъ былъ первый устремиться на островъ съ охотниками. Нарядили рабочихъ,

*) Капитанъ Ванновскій Петръ Семеновичъ, нынѣ генераль отъ инфантеріи, генераль-адъютантъ, военный министръ.

поташили на рѣку понтоны, спустили; на берегу собралась большая толпа народа, произошли шумъ, суета; Турки — ни выстрѣла съ острова! Начни насъ они въ этотъ моментъ катать картечью, мы бы много потеряли людей. Стали наводить понтоны, — тоже ни выстрѣла! Вдругъ оказывается, что понтоновъ до берега не хватитъ. Что дѣлать? — рѣшили: часть понтоновъ употребить на устройство пристани, а на остальной совершать переправу, какъ на лодкахъ. Для переправы же употребить привезенныя казаками и приспособленныя ими для переправы въ значительномъ числѣ рыбацкія лодки, отобранныя у жителей.

Свѣтаетъ; можно разглядѣть островъ. Даже совершенно видны Болгаре, показывающіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Турки молчатъ. Еще стало свѣтлѣе. Островъ виднехонекъ. Видны Турки, пробѣгающіе изъ траншей въ траншею. На одномъ изъ береговыхъ деревьевъ волнуется красный флагъ; прежде онъ ни разу не развѣвался на острову. Къ берегу подошли двое Болгаръ и ребенокъ: кричатъ намъ, чтобъ мы шли смѣло на островъ, что на немъ нѣтъ Турокъ *). Былъ бѣлый день. Генераль Хрулевъ рѣшилъ обстрѣливать островъ и начать переправу.

Все было готово, понтоны спущены. Фитили дымились. Штуцерники по своимъ мѣстамъ. Два баталіона Камчатцевъ частью лежали, частью стояли у пункта переправы.

— Стрѣляйте, — сказалъ Хрулевъ артиллерійскому офицеру батареи, на которой мы стояли...

Роковой огонь брызнулъ — выстрѣлъ раздался. Онъ былъ сигналомъ боя. Турки будто ждали этого сигнала и прекратили молчаніе. Первая заговорила батарея, какъ оказалось, сооруженная Турками напротивъ пункта нашей переправы: она стала дѣйствовать по переправѣ картечью. Изъ элементовъ той же батареи посыпался сильнѣйшій ружейный огонь. Баталіонамъ Камчатцевъ, приготовленнымъ къ переправѣ, тотчасъ приказали лечь, одинъ не легъ капитанъ Ванновскій! Этому приказанію мы обязаны возможно меньшею потерей людей, которые если и спаслись отъ гибели, то по-

*) Обстоятельство это, весьма для насъ загадочное вначалѣ, разъяснено намъ жителями Туртукая, когда мы его заняли въ маѣ. Видя наши приготовления, Турки нагнали на островъ жителей Туртукая и окрестныхъ деревень исправлять ихъ оборонительныя сооружения, увеличивать застройки и утолщать брустверы батарей. Надо замѣтить, что Турки, во всю кампанію, большую часть своихъ укрѣпленій строили посредствомъ жителей-христіанъ: сгонять ихъ поголовно мужчинъ и женщинъ, и заставить работать, а сами только ходить съ палочкою въ качествѣ надсмотрщиковъ за работами, да понукають. Вотъ изъ числа такихъ-то рабочихъ Болгаръ Турки на острову заставили нѣкоторыхъ идти на берегъ и кричать намъ, что Турокъ на острову нѣтъ, чтобъ мы шли смѣло. Также Турки не пустили ни одного Болгара уѣхать въ Туртукай съ острова, не пустили ихъ женъ и дѣтей, говоря: „вѣдь это ваши защитники, за васъ пришли драться, за васъ проливать нашу кровь, — ну, пусть же ихъ ядра бьютъ и васъ вмѣстѣ съ нами!“ Дѣйствительно нѣсколько Болгаръ было убито въ этотъ день нашими снарядами. По словамъ туртукайскихъ жителей, Турки въ эти дни большой потери не понесли, потому что сидѣли въ глубокихъ траншеяхъ и въ лазейкахъ вродѣ блиндажей подъ широкимъ и плотнымъ брустверомъ батарей. По разсказамъ туртукайскихъ жителей, у Турокъ, 1 марта, на острову и въ городѣ было до 10-ти тысячъ войска.

тому, что залегли въ дурно зарытые рвы бывшего турецкаго укрѣпленія. Огонь разгорѣлся до высочайшей степени. Страшный трескъ раздавался на лѣсистомъ острову: наши ядра производили тамъ опустошеніе, деревья падали, ломались, увлекаа своимъ паденіемъ сосѣднія, но турецкій огонь не умолкалъ. Скоро наши подбили одно изъ орудій, дѣйствовавшихъ съ батарей противъ переправы, однако другое орудіе той же батареи упорно продолжало бой. Наша потеря становилась чувствительною, о переправѣ на лодкахъ и думать было нечего, пока не ослабнетъ огонь его защитниковъ. Меня послалъ генераль Хрулевъ на батарею № 1 наблюдать за русломъ Дуная, по которому Турки могли начать отступленіе въ Туртукай или получить сильный резервъ, чтобъ знать, какъ дѣйствовать въ томъ и другомъ случаѣ. Проскакавъ, что называется, сломя голову по берегу Дуная, подъ градомъ штурцныхъ пуль, я встрѣтилъ генерала Павлова, несмотря на нездоровье, при первыхъ выстрѣлахъ пріѣхавшаго посмотреть на ходъ дѣла.

Между тѣмъ, когда по сю сторону Аржишеля продолжался сильный ружейный и артиллерійскій огонь съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, посмотримъ, что дѣлалось на правомъ флангѣ у генерала Заливкина.

Онъ также открылъ огонь по непріятелю, когда уезжалъ нашъ первый выстрѣлъ; Турки такъ же энергически ему отвѣчали, какъ и намъ, но онъ сильнымъ и сосредоточеннымъ огнемъ подбилъ у нихъ орудія, разметалъ укрѣпленія и обратилъ Турокъ въ совершенное бѣгство. Въ это время казакъ Медвѣдевъ открылъ бродъ на островъ, гдѣ было воды немного выше колѣнъ, но генераль Заливкинъ, замѣтя оборонительныя средства непріятеля внутри острова и вторую линію его заваловъ и засѣкъ, какъ допустить главнокомандующему генералъ Хрулевъ, несмотря на бродъ и на готовность егерей идти черезъ него на штурмъ острова, удержался отъ исполненія этого намѣренія. изъ опасенія, овладѣвъ опушкою лѣса, понести большую потерю въ людяхъ, при дальнѣйшемъ очищеніи укрѣпленныхъ частей острова.

Не получая съ праваго фланга донесенія ни объ открытомъ бродѣ, ни о совершенномъ бѣгствѣ Турокъ изъ береговыхъ укрѣпленій и ничего не зная о происходящемъ тамъ, генераль Хрулевъ, видя совершенную невозможность овладѣть островомъ съ лѣваго нашего фланга, не потерявъ значительнаго числа храбрѣйшихъ людей, на штурмъ этой столь выгодной для Турокъ зарѣчной позиціи, послалъ подполковника Тотлебена къ главнокомандующему въ Букарестъ доложить о происшедшемъ, прося приказанія, брать ли островъ, не стѣсняясь потерей въ людяхъ, какаѣ при семъ неминуемо произойдетъ,—а генеральнаго штаба капитана Клугена послалъ къ генералу Заливкину съ приказаніемъ прекратить дѣло, что и было немедленно исполнено генераломъ.

Дѣйствіе это мнѣ кажется не совсѣмъ правильнымъ: по-моему, генералу Заливкину надлежало поддерживать артиллерійскій огонь и предложить капитану Клугену ѣхать опять къ генералу Хрулеву и доложить: Турки бѣжали; батарея ихъ сбита совершенно; отъ нашего берега открыть бродъ на

туртукайскій берегъ, по которому уже казакъ Медвѣдевъ проплясалъ казачка, на основаніи этихъ данныхъ спросить, что прикажетъ генераль дѣлать дальше, и поступать уже согласно новому приказанію.

Едва мы замолкли, замолчали и Турки. Вечеромъ, когда стемнѣло, мы сняли съ рѣки понтоны, которые, по счастью, почти не пострадали, если не считать двухъ-трехъ пробоявъ пулями. Къ удивленію, Турки не стрѣляли, хотя для снятія понтоновъ толпилось на одномъ мѣстѣ около пяти сотъ человѣкъ и каждый ихъ картечный выстрѣлъ напелъ бы обильную жатву.

Въ этотъ день у насъ убито 7 нижнихъ чиновъ, ранено 35 человѣкъ.

Въ дѣлѣ у насъ участвовали Камчатскій и Охотскій полки не въ полномъ составѣ, оставлены были караулы и посты на квартирахъ, а также мастеровые, писаря и люди, состоящіе по разнымъ порученіямъ; никто не былъ оторванъ отъ своихъ занятій; двѣ роты стояло въ карантинѣ. По острову дѣйствовало девять орудій. Двѣ сотни казаковъ Власова стояли въ резервѣ внѣ пушечнаго выстрѣла. Вотъ и все войска, атакующія островъ.

Въ эти дни генераль Хрулевъ привязалъ къ себѣ сердца солдатъ нашего отряда. Его молодечество, его безотчетная отвага, простота его обращенія со всѣми, умѣнье переносить труды и лишенія всякаго рода—чрезвычайно нравятся солдатамъ. Я самъ слышалъ, какъ ворчалъ старій солдатъ, въ кружкѣ товарищей, глядя на генерала Хрулева, который вечеромъ 28 февраля спалъ на батарее, завернувшись въ теплый плащъ, нагнувъ на глаза папаху и употребивъ фашину вмѣсто подушки: „Ишь, генераль вѣдь, а гляди—на фашинѣ спитъ, а нашему лефретору—и то соломки подстели!“

Иностранные писатели совершенно иначе рассказываютъ атаку туртукайскаго острова. Кто вѣрить возможности правдиваго рассказа очевидца, кто допускаетъ существованіе людей, которые во имя какихъ бы то ни было причинъ не станутъ кривить совѣстью и лучше промолчать, чѣмъ солгать, тотъ, быть можетъ, повѣритъ нашему разсказу, полному, сколько позволяютъ обстоятельства и условія недавности совершенія этихъ событій. А быть-можетъ найдутся и такіе, которые скорѣе повѣрятъ разсказамъ европейскихъ писателей?... Что-жь, въ добрый часъ! мы для нихъ-то и приводимъ ниже-слѣдующія выписки.

La Bedolliere (Idem, стр. 3) говоритъ: 12 марта н. с. шесть баталіоновъ русской пѣхоты, 8 пушекъ и отрядъ кавалеріи произвели рекогносцировку острова, что противъ Туртукая, занятого тысячею башн-бузуками и стрѣлками прегулярной пѣхоты. Въ ночь съ 12 на 13 туртукайскій комендантъ получилъ въ подкрѣпленіе полтора баталіона пѣхоты, роту отличныхъ, вновь сформированныхъ стрѣлковъ, и три орудія.

13 марта н. с. русская колонна, состоявшая изъ шестнадцати баталіоновъ пѣхоты, полка кавалеріи и 24 орудій разнаго калибра, пошла, чтобы овладѣть островомъ. Вся артиллерія, имѣя въ прикрытіи четыре баталіона,

подошла къ рукаву Дуная. Русскіе открыли по острову ружейный и артиллерійскій огонь, остальная часть колонны остановилась вѣ турецкихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Русскіе хотѣли заставить молчать артиллерию и пѣхоту Турокъ, предполагая, что онѣ такъ же малочисленны, какъ и наканунѣ, и, устроивъ мостъ, взять островъ штурмомъ. Русскіе стали наводить понтоны, но турецкая артиллерія тотчасъ уничтожила два или три изъ нихъ и совершенно разрушила строящійся мостъ.

Тогда русская пѣхота бросилась въ рѣку, чтобы вплавь достигнуть острова, но глубина и быстрота воды сдѣлали попытку бесполезною. Они отступили, оставивъ на мѣстѣ до 1.500 убитыхъ и раненыхъ. Видя безуспѣшность своего наступленія, Русскіе стали ждать подкрѣпленій, чтобы возобновить атаку, и, возвратясь съ превосходными силами, перешли Дунай, отбросили Турокъ, взяли Мачинъ, Исаичу, проникли въ Добруджу и проч.

Изъ настоящаго разсказа самый *пристрастный* читатель заключить, что и остальные разсказы г. Бедоліера вѣроятно такъ же далеки отъ истины, какъ и этотъ.

Guerin (Idem, стр. 74) утверждаетъ, что князь Горчаковъ, въ ожиданіи прибытія фельдмаршала Паскевича, открылъ кампанію, ¹/₁₂ и ²/₁₃ марта 1854 г., атакою Туртукая сильныхъ отрядомъ, который былъ отбитъ, потерявъ убитыми и ранеными 2.500 человекъ!!

Наши русскіе историки Восточной войны, упоминая съ большими или меньшими подробностями о нашей атакѣ туртукайскаго острова, тоже во многомъ погрѣшаютъ противъ истины.

Такъ Ег. Ковалевскій („Война съ Турціей и разрывъ съ Запад. державами въ 1853—54 гг.“ Спб. 1868) даетъ понять, что генераль Хрулевъ 1 марта ограничился только рекогносцировкой острова и устройствомъ батарей на нашей сторонѣ рукава Дуная, огонь которыхъ будто бы былъ такъ дѣйствителенъ, что даже часть жителей Туртукая оставили городъ,—чего въ дѣйствительности не было.

Потеря наша, по словамъ Ковалевскаго, въ послѣдніе три дня была: убитыми 16 нижнихъ чиновъ, ранеными 3 офицера и 82 нижнихъ чиновъ.

Богдановичъ („Восточная война“, т. I), основывая свой разсказъ на журналѣ военныхъ дѣйствій командующаго 3, 4 и 5 корпусами князя Горчакова, еще дальше становится отъ истины.

Про дѣло 1-го марта онъ говоритъ слѣдующее: Подполковникъ Тотлебенъ построилъ въ ночь на 28 февраля пять батарей на берегу дунайскаго рукава и четыре батареи на о—въ Малый Кичу, на одно орудіе каждая. Съ этихъ батарей въ часъ пополудни была открыта канонада и въ то же время перевезено на о—въ Большой Кичу два баталіона Охотскаго полка, причемъ 3-й баталіонъ оставленъ у переправы. Камчатскій полкъ поставленъ на правомъ берегу р. Аржиса.

Послѣ четырехчасовой канонады Хрулевъ послалъ 5 орудій, подъ прикрытіемъ баталіона Охотскаго полка, къ броду, чтобы отогнать Турокъ

отъ избраннаго мѣста переправы. Артиллерійскій огонь обратилъ Турокъ въ бѣгство. Но оказалось, что на намѣченномъ мѣстѣ не было брода, существовавшего за мѣсяць передъ этимъ (а казакъ-то Медвѣдевъ по какому броду перешелъ на островъ, за что и получилъ Георгія?!), поэтому Хрулевъ принялъ устроить переправу ниже, но, видя упорное сопротивленіе Турокъ, приказалъ войскамъ отступитъ.

(У насъ убито 16 ниж. чиновъ, ранено 3 офицера и 80 ниж. чиновъ.)

Вотъ, отъ слова до слова, подлинное донесеніе генерала Хрулева, о дѣлѣ 1 марта, князю Горчакову, причемъ замѣчательно, что подчеркнутыя мною въ этомъ донесеніи строки принадлежать перу самого, впоследствии столь знаменитаго, Тотлебена; строки эти включены въ донесеніе по приказанію самого Хрулева, будучи списаны съ собственноручной записки, поданной Тотлебену генералу Хрулеву и хранящейся у меня доселѣ:

„Командующему войскамъ 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ Господину Генераль-Адъютанту и кавалеру Князю Горчакову 2-му

Генераль-Лейтенанта Хрулева

рапортъ.

„Послѣ понесеннаго Турками двухдневнаго пораженія и большаго урона отъ перекрестнаго артиллерійскаго огня картечи и ружейныхъ пуль, я считалъ, что силы ихъ довольно ослаблены; и сверхъ того, имѣя въ виду, что лѣвый флангъ острова не шире полуверсты, имѣеть нѣсколько поперечныхъ просѣкъ и не очень густо-лѣсистъ, а потому казалось, еще разъ обстрѣливъ его, не предстояло большаго труда овладѣть имъ. Вслѣдствіе чего приказалъ подполковнику Тотлебену избрать на нашемъ лѣвомъ флангѣ мѣсто удобное для наведенія моста и въ ночь съ 28 февраля на 1-е марта сосредоточилъ 12 батарейныхъ и 8 легкихъ орудій близъ мѣста переправы.

„Оставивъ на Большомъ и Маломъ Кичу 4 легкихъ орудія, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ Охотскаго егерскаго полка и полусотни казаковъ Донскаго казачьяго № 25 полка, подъ начальствомъ генерала Заливкина, имѣю честь донести дополнительно о дѣйствіяхъ его.

„За устроенною прежде батареею № 5-й находился 3-й баталіонъ Камчатскаго егерскаго полка, назначенный по наведенію моста двинуться на островъ. Ночью для предполагавшейся переправы нашей на островъ перевезено 18 лодокъ съ рѣки Аржишеля сухимъ путемъ и поставлено въ скрытомъ мѣстѣ близъ рукава Дуная.

„Для управленія этими лодками казачій полковникъ Власовъ назначилъ казаковъ, которые спустили лодки на воду съ необычайною быстротою, несмотря на соседство непріятеля, понтонный паркъ пришелъ въ часъ по полуночи, а въ 2 приступили къ сдѣланію въ подрѣзкѣ моста изъ 12 понтоновъ для скорѣйшей переправы на лодкахъ и паромъ изъ 4-хъ понтоновъ, подъ начальствомъ прапорщика Бабушкина (знающаго свое дѣло и неустрашимаго офицера).

„Всю ночь на островѣ господствовала величайшая тишина; спуску нашихъ лодокъ и понтоновъ на воду, устройству пристани и паромъ изъ оныхъ не мѣшали Турки,—они ждали момента переправы.

„Съ разсвѣтомъ на острову, противу нашей переправы, появились двѣ женщины съ дѣтьми и нѣсколько крестьянъ, одинъ изъ нихъ кричалъ намъ по-молдавански, что Турки бѣжали и что островъ покинуть.

„Чтобъ убѣдиться въ этомъ, полковникъ Шейдеманъ когда жители удалились, въ 7 часовъ утра сдѣлалъ залпъ изъ всѣхъ орудій, тогда открылся обманъ Турокъ, противу мѣста избраннаго для переправы у нихъ стояло за ложементами 2 орудія, изъ нихъ намъ отвѣчали Турки бѣглымъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ, по всему протяженію острова. Наши орудія, направленныя полковникомъ Шейдеманомъ, прапорщикомъ Шульгинымъ и подпрапорщикомъ легкой № 4-й батареи—Шавровымъ, въ одно мгновеніе заставили замолчать непріятельское орудіе, подбивъ оное, но Турки упорно держались за своими ложементами, завалами и толстыми деревьями, покровительствуемые огнемъ орудій изъ Туртукая, тотчасъ открывшими канонаду по карантину и нашимъ батареямъ.

„Когда же учащенный огонь нашей артиллеріи и застрѣльщиковъ заставилъ Турокъ отступить изъ перваго ряда ложементовъ и занять второй рядъ въ лѣсу устроенныхъ, мы открылись какъ оборонительныя средства непріятеля, такъ и сильная позиція, имъ занятая внутри острова. Отложивъ покушеніе на островъ, сопряженное съ большою потерей людей послѣ двухъ-часовой канонады, и приказавъ постепенно уменьшать огонь, я прекратилъ оный черезъ полчаса.—Турки не осмѣлились долѣе держаться на опушкѣ острова.

„При этомъ покушеніи у насъ неожиданно убито: Камчатскаго егерскаго полка 7 нижнихъ чиновъ, ранено: тяжело 19 и легко 8-мъ.

„Таковая потеря людей произошла не отъ чего болѣе какъ отъ несокрушимаго мужества войскъ нашихъ; 3-й баталіонъ упомянутаго полка, подъ командою гвардіи капитана Ванновскаго, предназначенный для перехода на островъ, имѣвъ во главѣ своей юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, былъ положенъ на батарею № 5 и въ траншеяхъ близъ оной. Баталіонъ этотъ, лишь только открылась канонада, выскочилъ изъ-за своего ретраншамента, безъ приказанія, думая, что насталъ желанный моментъ начать наступленіе. Турки пустили по этому баталіону ружейный огонь со всего берега, чѣмъ и произвели въ немъ сказанную потерю. Артиллерійская же прислуга, штуцерники, саперы, наводившіе мостъ, казаки, управлявшіе лодкою, потеряли убитыми въ батареѣ разрывомъ гранаты только одного казака и одного артиллериста и легко раненъ одинъ саперъ.

„Начальники едва могли остановить стремленіе этого баталіона и снова уложить солдатъ въ ретраншаментъ; офицеры, слѣдуя примѣру баталіоннаго командира лейб.-гв. Финляндскаго полка капитана Ванновскаго, чтобы показать солдатамъ, что не опасеніе за свою жизнь заставляетъ ихъ уклоняться

отъ вражыхъ пуль за брустверомъ, безмятежно стояли на ономъ, причеиъ контужены пулею въ руку штабсъ-капитанъ Коршунъ и въ плечо прапорщикъ Модль, изъ скромности не согласившійся подвергнуться медицинскому освидѣтельству.

„Вечеромъ понтоны были разобраны, отвезены отъ берега, лодки вынуты изъ воды, артиллерія отведена въ свои парки, а пѣхота — на квартиры.

„При этомъ предпріятіи нашемъ, кромѣ мужества офицеровъ Камчатскаго и Охотскаго егерскихъ полковъ, равно артиллеріи, участвовавшей въ дѣлѣ неустрашимости, казаковъ и саперъ, наводившихъ и разводившихъ мостъ, особенно замѣчателенъ выборъ мѣста, сдѣланный подполковникомъ Тотлебенымъ, для моста, по которому непріатель не могъ дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ ни съ острова, ни съ туртукайскихъ батарей, что доказывается цѣлостью понтоновъ. Кромѣ того обращаетъ на себя вниманіе дѣйствіе артиллеріи нашей, которая заставила замолчать непріятельскія орудія, произвела страшное опустошеніе не только въ непріятельскихъ батареяхъ и ложементахъ, но и въ самомъ Туртукаѣ, и потопила двѣ лодки съ людьми, шедшими на помощь къ гарнизону острова. Удачному дѣйствію артиллеріи много способствовали устроенные при батареяхъ, по указанію генералъ-адъютанта Шильдера, эполементы и, приспособленные къ этому роду укрѣпленія храбрымъ полковникомъ Шейдеманомъ, небольшія прикрытія для прислуги, чѣмъ отвращена потеря въ оной, нынѣ состоявшая только, какъ упомянуто, изъ двухъ человекъ отъ разрыва гранаты.

„Донося Вашему Сіятельству о происшедшемъ въ послѣдніе 3 дня сраженія съ Турками, долгомъ считаю представить вниманію Вашего Сіятельства воинскихъ чиновъ отряда, который жаждой боя и презрѣніемъ опасности исполнилъ проявилъ тотъ духъ мужества и отваги, каковой вдохнулъ въ него пзвѣстный своею храбростью начальникъ 11 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Павловъ, который, пренебрегая своею болѣзнію, 1-го марта подъ выстрѣлами наблюдалъ за ходомъ дѣла подлѣ укрѣпленія карантинъ.

„Если же Вашему Сіятельству угодно знать, которые изъ достойныхъ достойнѣйшіе, я долженъ назвать командовавшихъ частями: генералъ-маіора Заливкина, командира Охотскаго егерскаго полка полковника Вибикова, Камчатскаго егерскаго полка полковника Голева, батареей № 3 батареи полковника Шейдемана, командира Донскаго казачьяго № 34 полка полковника Власова, сапернаго полковника Тотлебена, лейб.-гв. Финляндскаго полка капитана Ванновскаго, адъютанта генералъ-адъютанта Шильдера — поручика Шидебеля, титулярнаго совѣтника Офенберга, адъютанта генерала Павлова — штабсъ-капитана Алабина и генеральнаго штаба капитана Кругена, — послѣдніе двое постоянно подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ передавали приказанія.

„О частныхъ примѣрахъ неустрашимости и храбрости я буду имѣть

честь донести Вашему Сіятельству и почтительнѣйше просить дозволенія войти съ представленіемъ объ отличившихся.

„Подписалъ генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*.

„Вѣрно: капитанъ *Клуенъ*“.

№ 46.

2-го марта 1854 года.
С. Ольгеница.

Копія съ рапорта генералъ-лейтенанта Хрулева къ командующему войсками 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ, господину генералъ-адъютанту и кавалеру князю Горчакову, отъ марта за № :

„Въ дополненіе рапортовъ моихъ Вашему Сіятельству за № 44, 45 и 46-мъ, имѣю честь донести слѣдующее о дѣйствіи генералъ-маіора Заливкина на правомъ флангѣ нашей линіи.

„Въ ночь съ 28 февраля на 1-е марта этотъ флангъ былъ составленъ изъ 4 орудій легкой № 4 батареи 11-й артиллерійской бригады съ тремя баталіонами Охотскаго егерскаго полка и полусотнею казаковъ Донскаго № 25 Зарубина полка.

„Войска эти занимали острова Большой и Малый Кичу, имѣя штуцерниковъ и застрѣльщиковъ въ ложементахъ, на разстояніи 40 саж. отъ непріятеля, составляя прикрытіе орудій, поставленныхъ въ батареяхъ и просѣкахъ, для обстрѣливанія непріятельскаго острова продольными выстрѣлами.

„Съ разсвѣтомъ, при началѣ общей канонады, генералъ-маіоръ Заливкинъ, усмотрѣвъ, что непріятель сосредоточилъ свои силы у нашей переправы, открылъ артиллерійскій огонь по сильно занятому турецкою регулярною пѣхотою палисадированному ложементу, устроенному противу нашего редута, и по другимъ землянымъ укрѣпленіямъ, на всемъ открытомъ намъ берегу турецкаго острова. Несмотря на смертоносный ружейный огонь непріятеля, наши орудія подбили одно непріятельское, разбили ложементы, гранатою зажали одинъ изъ таковыхъ, обнесенный толстымъ частоколомъ, имѣвшій камышовую крышу, для защиты отъ непогоды. Устрашенные Турки побѣжали изъ перваго ряда укрѣпленій во второй рядъ засѣкъ; въ то время генералъ Заливкинъ, постоянно находившійся впереди, приказалъ сдѣлать залпъ картечью, причемъ осталось на мѣстѣ Турокъ болѣе ста человекъ, раненные спасались ползкомъ, послѣднихъ добивали пулями. Во второй линіи ложементовъ пальба у Турокъ начала рѣдѣть.

„Обстоятельство это показало оборонительныя средства непріятеля внутри острова противу нашего праваго фланга; а потому, несмотря на открытый казакѣмъ Медвѣдевымъ, подъ самымъ огнемъ непріятеля, неизвѣстный прежде бродъ, выше колѣнъ, съ М. Кичу на турецкій островъ, несмотря на готовность и порывъ егерей идти въ бродъ на штурмъ острова, генералъ-маіоръ Заливкинъ удержался отъ этого намѣренія, изъ опасенія, завладѣвъ опушкою лѣса, понести большую потерю въ людяхъ при дальнѣйшемъ очищеніи укрѣпленныхъ частей острова. Въ это время генералу Заливкину

передано мое приказаніе не предпринимать дальнѣйшей атаки острова и отступить за Аржишель, но снятіи понтоновъ съ воды на лѣвомъ нашемъ флангѣ, что и исполнено.

„Долгомъ считаю доложить, что по распорядительности командира 4-й легкой батареи, подполковника Гаицкаго, четыре орудія ввѣренной ему батареи дѣйствовали съ отличнымъ искусствомъ, а штучерники Охотскаго егерскаго полка въ полномъ смыслѣ превосходно.

„Что же касается до офицеровъ, то особеннаго вниманія Вашего Сіятельства заслуживаютъ, за мужество и распорядительность, кромѣ подполковника Гаицкаго, Охотскаго егерскаго полка командиръ 3 баталіона, подполковникъ Брантъ, занимавшій М. Кичу, завѣдывавшій штучерниками прапорщикъ Радзѣвскій, бригадный адъютантъ 2-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи поручикъ Моравицкій и состоявшій при генералъ-маіорѣ Заливкинѣ прапорщикъ Мольскій *).

„Въ этотъ день на правомъ флангѣ ранено: 4-й легкой батарее рядовой и Охотскаго егерскаго полка рядовыхъ 8-мъ.

„При семъ имѣю честь представить планъ означеннаго дѣла и рапортъ генералъ-маіора Заливкина о подвигѣ казака Медвѣдева.

„Подписаль генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*.

„Вѣрно: Генеральнаго штаба капитанъ *Клуненъ*“.

Копія съ рапорта командира 2-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Заливкина къ господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Хрулеву отъ 3-го марта 1854 года, за № 71:

„Въ дополненіе рапорта моего Вашему Превосходительству отъ 2-го сего марта, за № 70-мъ, обязанностию считаю довести до свѣдѣнія Вашего о примѣрномъ подвигѣ самоотверженія, на пользу службы Государю и Отечеству, заключающемся въ отважномъ поступкѣ казака Донскаго № 25 полка Петра Медвѣдева.

„Командуя отрядомъ въ с. Ольтеницѣ съ половины минувшаго ноября мѣсяца, мною было замѣчено, что двѣ песчанныя косы, одна съ острова занятаго Турками, а другая со смежнаго островка Малаго Кичу, гдѣ была моя позиція, при мелководьи почти соединяются. Въ настоящее время, когда вода залила это мѣсто и мнѣ необходимо было убѣдиться въ степени глубины тамъ брода, казакъ Петръ Медвѣдевъ вызвался доставить мнѣ это свѣдѣніе, почему я и велѣлъ ему оставаться при мнѣ.

„1-го марта рано утромъ, когда открылась по всей линіи канонада и сильный, бѣглый огонь изъ первой линіи турецкихъ ложементовъ, Медвѣдевъ вдругъ исчезъ и черезъ нѣсколько минутъ слышу въ ближайшей ротѣ крикъ: „Турокъ бѣжитъ, Турокъ!“ Всмотрѣвшись хорошенько, оказывается, что Медвѣдевъ, выбѣжавъ къ сторонѣ турецкаго острова въ бродъ между двухъ

*) Нынѣ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ (примѣч. 1887 г.).

сильно вооруженных непріятельскихъ ложементовъ, пробѣжалъ бродъ въ виду всего отряда и возвращается ко мнѣ съ донесеніемъ, показывая рукою по мокрымъ ногамъ, что бродъ немного выше колѣнъ. Попытку эту Медвѣдевъ сдѣлалъ такъ быстро, что Турки или его не замѣтили во время канонады, или не хотѣли открывать свою сильную засаду въ правомъ ложементѣ, откуда часомъ позже выбилъ я картечью около взвода регулярной пѣхоты. Это положительное свѣдѣніе о возможности пройти въ бродъ дало мнѣ рѣшимость изготавиться къ переходу на островъ. Въ это время капитанъ Генеральнаго штаба Клугенъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ Вашего Превосходительства, чтобы сообщить, что атака острова по извѣстнымъ вамъ причинамъ отменяется.

„Таковой подвигъ казака Медвѣдева подлежитъ по статуту награжденію знакомъ отличія Военнаго ордена и заслуживаетъ быть доведенъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія, какъ особенный примѣръ неустрашимости и отважности славнаго Донскаго войска.

„Подписалъ генераль-маіоръ *Заливкинъ*.

„Вѣрно: Генеральнаго штаба капитанъ *Клугенъ*“.

Къ этому донесенію кстати прибавить еще рассказъ о молодецкомъ подвигѣ барабанщика 3 карабинерной роты Камчатскаго полка Василія Базика. 1 марта Базикъ, будучи сильно раненъ пулею въ голову, обмылъ рану, самъ перевязалъ ее какими-то тряпками и остался при своей ротѣ до конца дѣла. За это молодечество Базикъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена.

Изъ приведеннаго донесенія генерала Хрулева и приложеннаго къ нему донесенія генерала Заливкина можно заключить, что все дѣло атаки туртукайскаго острова шло какъ заведенные часы и имѣло тѣ результаты, какихъ отъ него желали и ждали. Въ сущности же дѣло это, какъ мы выше видѣли, имѣло далеко не такой характеръ и наиболѣе складно о немъ разсказывающій генералъ Заливкинъ былъ главною причиною его неуспѣха. Между тѣмъ генералъ Хрулевъ въ своемъ донесеніи, частію гдѣ нужно для приданія картинѣ, имъ изображаемой,желаемаго колорита, смятчаетъ краски, частію даже отступаетъ отъ истины, чтобы нѣкоторымъ образомъ замаскировать передъ начальствомъ нераспорядительность командировъ, бывшую виною напрасной потери въ людяхъ. Такъ, напримѣръ, въ реляціи сказано, что наша пѣхота находилась, до открытія нами артиллерійскаго огня, за укрѣпленіемъ № 5-й, и если произошла въ этотъ день довольно значительная потеря въ людяхъ, то собственно потому, что лишь открылся огонь, солдаты, стораая жаждой боя, сами выскочили изъ-за батарей, при чемъ представивъ собою открытую цѣль непріятелю, понесли потери. Въ дѣйствительности дѣло было не такъ. Баталіоны, назначенные къ атакѣ острова черезъ понтонный мостъ, стояли у самаго берега дунайскаго рукава, противъ наводимыхъ пон-

тоновъ, ничѣмъ не будучи прикрыты, и только тогда имъ велѣно было лечь и залечь во рвы разрушенной нами прежде турецкой береговой флешы, когда уже нѣсколько жертвъ пало подъ огнемъ Турокъ.

Хрулевъ вообще человекъ очень добрый, всегда стремящійся выдвинуть своихъ подчиненныхъ, выхлопотать имъ какъ можно больше наградъ и выставить передъ высшимъ начальствомъ съ лучшей стороны тѣхъ, съ кѣмъ его сближаетъ служба. Иногда эта любовь *награждать* доходитъ въ Хрулевѣ до странности. Наприм., въ данномъ случаѣ, генерала Заливкина, про котораго самъ онъ говоритъ какъ про виновника неуспѣха дѣла 1-го марта, въ приведенномъ нами донесеніи называетъ: „*достойнѣйшимъ изъ достойныхъ!*“

Генерала Павлова онъ называетъ вдохнувшимъ воинскій духъ въ своихъ подчиненныхъ, блистательно ими проявленный въ настоящемъ дѣлѣ, упоминая при этомъ, что, пренебрегая своею болѣзью, генералъ Павловъ во время дѣла находился подъ непріятельскими выстрѣлами, наблюдая за его ходомъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, Павловъ не былъ боленъ, а только казался больнымъ, будучи оскорбленъ подчиненіемъ его отряда, безъ всякаго видимаго повода, другому генералу, хотя, правда, и старшему въ чинѣ, въ моментъ, когда отряду генерала Павлова предстояло вступить въ бой послѣ четырехъвѣснаго бездѣйствія.

Кстати прибавимъ здѣсь, что Павлова огорчало и оскорбляло вообще отношеніе къ нему главной квартиры. Да и какъ ему было не оскорбляться? До сего времени неоднократно приказаніями ему подтверждалось не вѣдаться ни въ какія столкновенія съ Турками, несмотря на неоднократныя словесныя и письменныя его заявленія о необходимости остановить дерзость Турокъ, не допуская ихъ безнаказанно появляться на туртукайскомъ острову. Между тѣмъ нынѣ предпринимается рѣшительное наступленіе на островъ, уже укрѣпленный Турками, и Павловъ, будто виновный въ этомъ попусеніи непріятеля такъ приблизиться къ намъ, совершенно устраняется отъ предпринимаемаго дѣла!

Какіе бы ни были недостатки генерала Павлова, но въ личной отвагѣ ему отказать невозможно, а настоящее устраненіе его отъ дѣла, въ которомъ кромѣ личной храбрости и способности увлечь за собою солдатъ ничего и не требовалось,—несправедливо. Мало того, такой образъ дѣйствій относительно его унижаетъ его въ глазахъ ввѣренной ему дивизіи и отряда, а между тѣмъ война только начинается и генералы подобные Павлову могутъ еще очень и очень понадобиться, генералъ же, въ котораго войско не вѣруетъ, далеко не вполне отвѣчаетъ своему назначенію *).

*) Почтенный сослуживецъ мой Лавръ Никаноровичъ Клугенъ, исправлявшій въ это время должность дивизионнаго квартирмистра нашей 11-й дивизіи (умершій въ должности дежурнаго генерала Инспекторскаго департамента Военнаго Министерства) и участвовавшій въ трехдневной атакѣ туртукайскаго острова, какъ впоследствии оказалось, очень былъ недоволенъ и обиженъ тѣмъ, что генералъ Хрулевъ не ему, а мнѣ поручилъ написать донесеніе о дѣйствіи его отряда противъ острова; мало того, Лавръ Никаноровичъ сердился и на меня за тотъ случай, хотя я въ немъ былъ совершенно неповиненъ.

10 марта.

Дѣйствіемъ генерала Хрулева противъ острова наказана дерзость Турокъ; теперь они, что называется, какъ шелковые; нарочно солдаты проходятъ по самому берегу дунайскаго рукава, Турки видятъ, а не дѣлаютъ ни одного выстрѣла, тогда какъ прежде, бывало, никто не показывался на ружейный выстрѣлъ, — такую откроютъ пальбу, словно на приступъ лѣзутъ. Да и кромѣ того каждый день, особенно въ послѣднее время, они тревожили насъ канонадою, ежедневными приготовленіями, постройкою укрѣпленій, открытіемъ перестрѣлки, наѣздами; теперь же, съ 1 марта, ни одного съ ихъ стороны не раздалось выстрѣла, какъ будто бы Турокъ и не существуетъ на острову; а между тѣмъ постоянное движеніе лодокъ отъ Туртукая къ острову и обратно показываетъ, что островъ занятъ Турками. Только 7-го марта самый незначительный отрядъ Турокъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ, вѣроятно думая сорвать одинъ изъ нашихъ пикетовъ, переправился на Малый Кичу; но когда наши два орудія съ берега Аржишеля сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по острову, они тотчасъ бѣжали назадъ.

Чтобы лишить Турокъ при будущихъ покушеніяхъ естественнаго прикрытія на этомъ острову, генералъ Заливкинъ приказалъ зажечь высокую

Вотъ что по этому поводу писалъ генералъ Клузенъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ Военномъ Сборникѣ 1873 года, подъ заглавіемъ „Воспоминанія о Дунайской кампаніи 1853—54 г.“ (подписанной инициалами „К. Л. Н.“):

„Генералъ Хрулевъ задался вопросомъ: кто же напишетъ подробное донесеніе о трехдневномъ дѣлѣ противъ туртукайскаго острова. На сдѣланное мною, по обязанности, предложеніе услугъ я встрѣтилъ вѣжливое отклоненіе въ томъ смыслѣ, что въ настоящемъ случаѣ требуется особенная наметанность и краснорѣчіе. При этомъ онъ выразилъ крайнее сожалѣніе, что нѣтъ здѣсь Меншкова. Тутъ кто-то высказалъ мысль, что лучше всего поручить это дѣло лицу, которое въ отрядѣ было извѣстно своими газетными статьями о дѣйствіяхъ 11-й пѣхотной дивизіи подъ Ольтеницей. Сказано — сдѣлано. Вечеромъ всѣ начальники были приглашены для прочтенія рапорта, чрезвычайно краснорѣчиваго (?) и весьма объемистаго (?); всѣ остались довольны, — о каждомъ участникѣ было упомянуто, включительно до дипломатическаго чиновника“ (стр. 389).

Рапортъ, о которомъ говоритъ генералъ Клузенъ, мною, по порученію генерала Хрулева (надо замѣтить, мнѣ особенно благоволившаго), составленный, приведенъ здѣсь дословно. Ни „чрезвычайнаго краснорѣчія“, ни особой „объемистости“, надъ которыми смѣется Тавръ Никаноровичъ, читатель въ томъ рапортѣ, вѣроятно, не усмотрѣлъ. Но что касается до того, что всѣ собравшіе генераломъ Хрулевымъ частные начальники, по прочтеніи этого рапорта, остались имъ довольны, такъ какъ о каждомъ участникѣ дѣла, включительно до дипломатическаго чиновника, было въ этомъ рапортѣ упомянуто, — то это можетъ-быть и правда, такъ какъ генераломъ Хрулевымъ мнѣ было приказано: происшедшее описать согласно дѣйствительности и на основаніи изложеній подробностей событія, сдѣланныхъ по его приказанію и мнѣ доставленныхъ самими главными дѣйствующими лицами. Что же касается до упоминанія о каждомъ дѣйствовавшемъ лицѣ при разсказѣ о самомъ дѣлѣ, то такое было сдѣлано мною *подъ диктовку самого генерала Хрулева*, который до такой степени простеръ свое вниманіе къ дѣятелямъ событія, что, напримѣръ, въ черновой составленной мною рапорта, когда я затруднился писать, хотя и подъ его диктовку, но о себѣ самомъ, *собственноручно* вписать въ этотъ рапортъ отзывъ обо мнѣ, — позволю себѣ прибавить: автографъ генерала Хрулева хранится мною доселѣ, какъ особенно мнѣ любезный и дорогой документъ!

Генералъ Клузенъ смѣется надъ упоминаніемъ въ реляціи даже дипломатическаго чиновника.

Но что же было дѣлать, когда дипломатическій чиновникъ этотъ, баронъ Оффенбергъ (впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Бразилію), бывший прежде полевымъ инженеромъ,

густую траву и болотистый кустарникъ, покрывающій Большой Кичу. Впрочемъ такое распоряженіе не имѣло успѣха: сырая трава и кустарникъ не горѣли и не могли быть выжжены.

18 марта.

Въ лѣсахъ и болотахъ между деревнею Кашорли и Дунаемъ, на пространствѣ, осмотрѣнномъ нами въ декабрѣ съ полковникомъ Власовымъ, которое и было вслѣдствіе нашего донесенія покинуто нами, произведена вчера удачная охота на Турокъ. Нѣсколько уже дней, какъ на рѣчкахъ и озерахъ, во множествѣ направлений, прорѣзывающихъ сказанное пространство, начали появляться Турки на двухъ или трехъ лодкахъ. Жители Кашорли, тайкомъ пробирающіеся за наши аванпосты для рыболовства по этимъ озеркамъ и рѣчкамъ, дали знать нашимъ казакамъ о появленіи Турокъ, опасаясь съ ихъ стороны какого-нибудь покушенія, тѣмъ болѣе вѣроятнаго, что на лодкахъ замѣчали, по увѣренію нѣкоторыхъ Валаховъ, старика Сараджи-Улу, туртукайскаго Турка, извѣстнаго въ окрестности разбойника, бывшаго нѣкогда пиратомъ, а въ войну 1828—29 годовъ составившаго себѣ блистательную извѣстность у Турокъ своими кровавыми подвигами противъ Русскихъ.

несъ, при атакѣ туртукайскаго острова, самую дѣйствительную боевую службу, наравнѣ съ другими инженерными офицерами, какъ наприм. съ Тотлебенымъ, Титдебелемъ, Ахбагеромъ и другими, по сооруженію, подъ непріятельскимъ огнемъ, прибрежныхъ батарей и другихъ укрѣпленій и, вообще, поступалъ все это время съ примѣрнымъ мужествомъ и отвагой.

Поэтому Хрулевъ, всегда такой добросовѣстный цѣнитель воинской доблести, въ комъ бы она ни проявлялась, могъ ли умолчать про боевую дѣятельность барона Оффенберга, хотя бы въ данное время и дипломатическаго чиновника?

Впрочемъ, разсматривая теперь замѣтки и отзывы доброй памяти Л. Н. Кругова о Восточной войнѣ, мы видимъ, что онъ вообще не совсѣмъ дружелюбно относился къ ея дѣятелямъ. Вотъ, въ подтвержденіе, небольшой отрывокъ изъ его письма ко мнѣ изъ Гродно, отъ 18-го октября 1860 года, по поводу готовившихся тогда къ выходу въ свѣтъ моихъ „Походныхъ Записокъ“:

„Съ особеннымъ интересомъ,—писалъ генералъ Круговъ,—ожидаю я выхода въ свѣтъ сочиненія Вашего; что-то скажетъ оно о той части прошлой войны, о которой сказать что-либо прямо, безъ утайки, въ настоящее время еще не совсѣмъ удобно: Дунай въ 1853 и 54-мъ годахъ и чепуха—вѣдь почти синонимы!

„Воспоминаніе объ этомъ времени доставляетъ мнѣ постоянно удовольствіе и главнѣйше потому, что оно прошедшее.

„Дай Богъ, чтобы не приходилось ни одному изъ военныхъ видѣть то, что мы тамъ видѣли, не встрѣчаться уже болѣе съ личностями вроде храбрѣйшаго изъ дурней Павлова *).

„А между тѣмъ правдивый рассказъ объ этой войнѣ можетъ быть очень полезенъ, очень полезенъ для всякаго, кто желаетъ пристально всматриваться въ причины удачъ и неудачъ на войнѣ; для насъ же, участниковъ, онъ долженъ имѣть бездну пріятнаго, какъ воспоминаніе о томъ, какъ мы дрались и какъ насъ били!“.....

*) Круговъ всегда выставилъ себя человѣкомъ въ высшей степени правдивымъ, какъ же согласовать послѣ этого его отзывъ о Павловѣ въ письмѣ ко мнѣ съ такими же печатными о немъ отзывами въ статьѣ его, цитированной нами выше? На стр. 189 этой статьи Круговъ говоритъ:

„Генералъ Павловъ былъ типъ храбраго, боеваго и бывалаго офицера.

„Во всѣхъ нашихъ войнахъ въ Европѣ съ 1828 по 1849 г. онъ принималъ дѣятельное участіе. Но военную его карьеру и извѣстность составила Турецкая война 1828—29 г.

„Для начинающаго боевую службу офицера было чрезвычайно полезно находиться подъ командой такого опытнаго начальника“.

Полезно находиться подъ командой „дури!“—странная логика!

Въ Охотскомъ полку вызвали охотниковъ захватить разбойниковъ. Но такъ какъ неизвѣстно было, гдѣ именно можно найти Турокъ, то и послали 80 человекъ охотниковъ, раздѣливъ ихъ на партіи и направивъ въ различные мѣста. Вся экспедиція была поручена прапорщику Чернецкому. Охотники сколь возможно далѣе проникли на лодкахъ въ глубь покинутого пространства, но наконецъ, когда добрались до мѣста постоянного появленія Турокъ, вышли на берегъ, оставивъ лодки въ бухточкѣ, густо поросшей камышомъ, отдѣливъ въ прикрытіе лодкамъ 6 человекъ съ юнкеромъ Бостельманомъ. Чернецкій раздѣлилъ свой отрядъ на небольшія партіи и послалъ ихъ по разнымъ направленіямъ густымъ лѣсомъ, кустами и болотами, покрывавшими мѣстность, условясь сбѣгаться всемъ на первый выстрѣлъ. Бостельманъ спряталъ свою маленькую команду въ прибрежные камыши, а молодого солдата Ивана Скрипку *) поставилъ караулить лодки. Надо думать, что Турки замѣтили приближеніе Русскихъ и только выжидали въ камышахъ, чтобы наши высадились и раздѣлились въ силахъ. Не прошло и двадцати минутъ, какъ изъ камышей внезапно выдвинулись двѣ лодки съ десятью человекъ Турокъ, въ нихъ сидѣвшихъ, и шибко пошли къ лодкамъ нашихъ охотниковъ. Скрипка, увидя ихъ, закричалъ благимъ матомъ: „Турки“ и выстрѣлилъ. Бостельманъ, съ своими выскочивъ изъ кустовъ, тоже далъ залпъ, на что Турки также отвѣчали залпомъ, причемъ пробили двумя пулями одного изъ солдатъ команды Бостельмана и бросились изъ одной лодки прямо на берегъ къ нашимъ лодкамъ. Видя опасность, Бостельманъ прыгнулъ навстрѣчу Туркамъ. Тутъ произошелъ упорный рукопашный бой и четверо выскочившихъ на нашъ берегъ Турокъ было переранено штыками. Старикъ Сараджи-Улу, сидѣвшій на другой лодкѣ, громко отдавалъ приказанія и готовъ уже былъ высадиться на берегъ нѣсколько ниже, чтобы взять нашихъ въ тылъ, какъ вдругъ изъ лѣса стали выбѣгать наши охотники, спѣшившіе на выстрѣлы. Тутъ силы оказались не равны: Турокъ засыпали пулями; конечно они тотчасъ же бросились бѣжать, но вскорѣ наши убили кормчаго на одной лодкѣ и перебили въ ней всѣхъ людей, ее понесло по теченію (впослѣдствіи ее нашли избитую пулями); на другой лодкѣ Сараджи-Улу, имѣя одного только весельнаго, бѣжалъ, несмотря на всѣ усилія нашихъ, старавшихся перехватить его **).

19 марта.

Слава Богу! мы торжествуемъ: 11 марта наши перешли Дунай въ трехъ пунктахъ и только на одномъ изъ нихъ Турки дерзнули принять бой, доро-

*) Убитъ при защитѣ Севастополя.

**) Когда мы заняли Туртукай, жители рассказывали, что Сараджи-Улу возвратился раненымъ двумя пулями, что изъ 10 человекъ, поѣхавшихъ съ нимъ на поискъ, 9 ранено; изъ нихъ трое умерло. Мы не застали Сараджи-Улу въ Туртукаѣ, — онъ ушелъ въ Рущукъ; но его покинутый домъ мы посѣтили изъ любопытства. Сараджи-Улу рыбакъ и промышленникъ, разбоемъ онъ занимается между прочимъ; туртукайцы рассказывали, что онъ же предводительствовалъ шайкою, убившею въ 1853 году казака Бойкова и захватившею тогда же другого казака на пикетѣ близъ Аржисскаго устья.

го впрочемъ заплативъ за свою рѣшимость. Мачинъ и Тульча, имѣя сильныя гарнизоны, покинуты ими и сдались безъ боя. Крѣпавый бой произошелъ только близъ переправы. Всего нашихъ войскъ перешло на турецкій берегъ: 51 баталіонъ, 31 эскадронъ, 17 сотенъ, 160 орудій и понтонный паркъ. Если Господь поможетъ, этотъ отрядъ потрясетъ Турцію *).

Теперь объясняется, что наши дѣйствія противъ туртунайскаго острова и дѣйствія полковника Зурова противъ Гирсова были демонстраціи.

Турки бѣгутъ изъ Добруджи; Болгаре съ восторгомъ встрѣчаютъ наши войска.

Что еслибъ идти прямо на Шумлу, гдѣ стоитъ Омеръ-паша съ своими главными силами, да разбить его! Вѣдь дорога въ Стамбулъ была бы намъ открыта и союзныя войска не успѣли бы преградить ее, несмотря на ихъ, говорятъ, поспѣшное движеніе въ значительныхъ силахъ на помощь Туркамъ, такъ какъ наступательный и оборонительный союзъ между Турціею, Франціею и Англіею уже подписанъ.

Нашъ отрядъ кипитъ желаніемъ скорѣе перейти на *тотъ* берегъ Дуная; признаться, надобно на этомъ берегу.

Не стану говорить о знаменитомъ переходѣ Дуная нашими войсками; рассказъ этотъ былъ бы повтореніемъ его оффиціальныхъ и частныхъ описаній. Не бывши очевидцемъ событія, не могу сказать о немъ что-либо новое. Переправа эта—дѣло блистательное. Доказательство, что иностранные писатели, осуждая каждый нашъ шагъ и распространяясь въ указаніяхъ нашихъ промаховъ, молчатъ объ этомъ подвигѣ, только говоря, что переправа совершилась и стоила намъ весьма дорого, вслѣдствіе энергическаго сопротивленія Турокъ, одолѣтъ которыхъ мы успѣли только чрезвычайнымъ превосходствомъ нашихъ силъ.

9 апрѣля.

Вчера Камчатскій полкъ ушелъ подъ Силистрію. Горько было разстаться съ добрыми друзьями; горько было прощаться съ И. П. Голевымъ, лучшимъ изъ друзей; но Богъ съ ними,—ихъ счастье.

10 апрѣля.

Природа быстро оживаетъ; все зеленѣетъ; въ воздухѣ распространяется живительная теплота; приближается время разгара военныхъ дѣйствій. Свѣтлый праздникъ мы встрѣтили съ ружьемъ въ рукахъ: мы ожидали на этотъ

*) Замѣчательно, что переправу черезъ Дунай князь Горчаковъ совершилъ согласно желанія Государя, но вопреки приказаніямъ фельдмаршала Паскевича, которому было поручено командованіе арміями. Паскевичъ, опасаясь объявленія войны Австріей, не хотѣлъ переходить Дуная, доказывая, что, перейдя его, мы встрѣтимъ главныя силы Турецкой арміи поддержанныя англо-французскимъ десантомъ, тогда какъ Турки выйдутъ изъ Калафата и, соединяясь съ Австріяцами, займутъ Фокшаны и Яссы и отрѣжутъ задунайскую армію отъ Россіи, прежде чѣмъ эта армія успѣетъ отступить. Въмѣсто перехода за Дунай, Паскевичъ приказывалъ Горчакову быть готовымъ къ отступленію за р. Сереть, въ случаѣ наступленія Австрійцевъ.

праздникъ какой-либо отчаянной попытки нашихъ враговъ, поэтому ежеминутно были готовы ихъ принять. Наши аванпосты увеличены; Охотскій полкъ въ полной парадной формѣ тѣснился въ единственной церкви Ольтеницы; но большинство полка стояло въ боевой аммуниціи вокругъ церкви за невозможностію помѣститься въ ея стѣнахъ. Составленные въ козла, ружья окружали церковь, которую мы сами убрали внутри всѣми ротными образами, зеленью, какую только могли найти, краснымъ сукномъ и коврами. Нашъ священникъ служилъ утрению соборно съ валахскимъ священникомъ, кое-что понимающимъ по-славянски.

Разговѣлись мы всѣ вмѣстѣ, шумно, разгульно, у хлѣбосольнаго полковника Бибикова, командира Охотскаго егерскаго полка; задравныя чаши не переставали пѣниться; весело было въ этотъ день, свѣтло на душѣ, въ природѣ, и свѣтлымъ казалось будущее. Но это былъ мигъ, день радости и спокойствія душевнаго; вообще же намъ здѣсь очень скучно, намъ крайне надоѣла жизнь въ Ольтеницѣ—быть-можетъ и потому отчасти, что намъ, привыкшимъ къ перемѣнамъ мѣстъ, впредь всякаго рода продолжительная жизнь на одномъ мѣстѣ будетъ не по сердцу. Скучными стали казаться большею частію безвредныя перестрѣлки съ Турками; перестали шевелить душу ничтожныя съ ними столкновенія, сдѣлавшіяся несравненно рѣже прежнихъ; присмотрѣлась прославленная русскимъ оружіемъ мѣстность; тѣмъ болѣе было скучно и тяжело на душѣ, что безпрестанно стали доходить слухи: на лѣвомъ флангѣ вотъ наши сдѣлали то-то, заняли такую-то мѣстность, подвинулись до Траянова Вала въ Добруджѣ; тамъ на правомъ крылѣ арміи, подъ Калафатомъ, наши такую-то имѣли удачную стычку съ Турками.... Здѣсь же мертвая тишина и спокойствіе....

Пользуясь этимъ *мирнымъ* временемъ, я занялся сооруженіемъ памятника на могилѣ нашихъ убитыхъ товарищей 23 октября прошлаго года и изученіемъ валахской исторіи. Курганъ растетъ не по днямъ, а по часамъ; посадженія, дѣлаемыя мною вокругъ него, ежедневно увеличиваясь въ числѣ, обратился въ обширный садъ; цвѣты, кусты, деревья—все обѣщаетъ прияться и многое быстро стало разрастаться, несмотря на неблагопріятную песчаную почву, которую я старался замѣнить для деревьевъ глубокими и широкими ямами, наполненными хорошею землею. Трудясь надъ устройствомъ памятника долго и много; спасибо, генералъ Павловъ не отрываетъ меня отъ этого дѣла и даетъ мнѣ средства для его окончанія, только подсмѣивается, бывало, надъ моими трудами почтеннѣйшій командиръ Камчатцевъ, полковникъ Голевъ. „Вотъ погоди,—говорилъ онъ,—оставимъ Валахію, Турки въ одинъ день перевернутъ твою работу на изнанку!“ Онъ же говаривалъ мнѣ: „Ну, что возишься, громоздишь памятникъ? повѣрь ты мнѣ, братъ, силъ не хватитъ настропить памятниковъ надъ всѣми могилами, что мы еще нароемъ въ эту войну!“ Правда, отъ этихъ словъ холодно становилось на душѣ, опускались руки, но нѣсколько утѣшала мысль: что-жъ, благо можно теперь—поставимъ памятникъ, а гдѣ нельзя будетъ—и такъ оставимъ!

Съ нѣсколькими рабочими я проводилъ цѣлые дни на работѣ. Ко мнѣ подъ вечеръ собирались каждый день десятки офицеровъ, памятникъ сдѣлался цѣлью прогулки нашего общества; солдаты тоже приходятъ смотрѣть, стоятъ кучками и любятъ сооруженіемъ, толкуя о прошломъ.

Въ домѣ перевязочнаго пункта поселился маркитантъ; велимъ принести вина, сидимъ на курганѣ, часть, другой, третій: бесѣдуемъ, попивая *драгошанъ*, любуясь живописною мѣстностью, развернутою предъ нами, и мысленно переносясь въ будущее, являющееся намъ въ такихъ фантастическихъ, загадочныхъ формахъ..... Да, минуты, проведенныя на памятникѣ, надо причислить къ отраднѣйшимъ минутамъ ольтеницкой жизни. Эта однообразная, удаленная отъ шумнаго свѣта, жизнь такъ сдружила насъ между собою, такъ сблизила, сроднила, что мы находимъ много прекрасныхъ минутъ, собираясь въ своемъ кружкѣ и коротая вечеръ то въ теплой избѣ теплаго душею казака Ивана Васильевича Власова, то, бывало, когда еще стоялъ въ Ольтеницѣ Камчатскій полкъ, въ шумной *бурсѣ*, какъ называли мы, шутя, большой пустой домъ, занятый нѣсколькими нашими офицерами *), отборною молодежью Камчатскаго полка, отличавшеюся молодечествомъ, возвышенностію чувствъ и неподдѣльною веселостію. Бывало, придутъ въ *бурсу* гвардейцы Ванновскій и Борейша, придетъ съ запасомъ хохлацкаго остроумія толстый Ефимовъ, приведетъ веселый артиллеристъ Вейсфлогъ старика Генбача, — и бѣжитъ до утра задушевная бесѣда, и не думаетъ никто изъ насъ о близости непріятеля, о нашемъ одиночествѣ въ пустынной сторонѣ; всѣмъ бываетъ весело и звонкій хохотъ потрясаетъ бумажныя окна *бурсы*.... „А что, господа, гдѣ то будетъ собираться наше общество на будущій годъ въ эту пору, и всѣ ли мы соберемся?....“ и нахмурятся брови, и необыкновенно какъ-то ёкнетъ сердце у многихъ.....

15 апрѣля.—Ольтеница.

Носится слухъ, будто Англо-Французскій флотъ бомбардировалъ Одессу наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Если это правда, то какъ объяснить дѣйствія союзниковъ? Развѣ съ тѣмъ предпринять этотъ разгромъ, чтобы заявить предъ всѣмъ міромъ свое забвеніе Креста Господня по случаю союза съ Магометанами, небреженіе къ Христову имени и къ памяти послѣднихъ дней Его земной жизни?! Союзники совершили истинно-удивительный подвигъ!

*) Коренными жителями *бурсы* были Н. О. Ковалевскій, составившій себѣ впоследствии нѣкоторую извѣстность отвагою при защитѣ Севастополя; подпоручикъ Жукъ и Толпыга, оба убитые въ Севастополѣ; постоянными посѣтителями *бурсы* были Ш. К. Юрьевичъ и поручикъ Павловъ, веселые и любезные, оба также погибшіе при славной защитѣ; П. С. Ванновскій, нынѣ генералъ отъ инфантеріи и военный министръ; поручикъ лейб-гвардіи Финляндскаго же полка Борейша, такъ печально кончившій свою жизнь самоубійствомъ въ послѣднюю Турецкую войну, будучи скомпрометированъ крайними неудачами своихъ дѣйствій въ Болгаріи, гдѣ онъ въ чинѣ генералъ-майора командовалъ пѣхотною бригадою и былъ устраненъ отъ этого командованія.

25 апрѣля.

Положительно сдѣлалось извѣстно здѣсь, что союзныя войска высадились въ Галлиполи. Думаютъ, что они бросятся на помощь къ Омеръ-пашѣ, ожидающему паденія Силистріи и движенія всей нашей арміи по пространству между Варною и Шумлою—прямо на Адрианополь.

4 мая.

Наступаетъ время великихъ событій. Главная квартира нашихъ войскъ въ Каларашѣ, подъ крѣпостью Силистріей. Шильдеръ горюетъ пуще прежняго; пламенный старикъ грозитъ костью своей давней знакомѣ *); онъ съ Хрулевымъ настроилъ множество батарей на берегахъ острововъ, лежащихъ нѣсколько ниже крѣпости, по Дунаю, разумѣется, предварительно овладѣвъ всѣми этими островами, кромѣ одного только послѣдняго, отдѣленнаго отъ турецкаго берега узкимъ рукавомъ. Всѣ эти острова, вдоль и поперекъ, изрѣзаны траншеями; потрудились-таки наши на этихъ работахъ, нечего сказать! Впрочемъ Голевъ въ восторгѣ отъ жизни на этихъ островахъ. Съ первыхъ чиселъ апрѣля онъ съ Камчатскимъ полкомъ въ отрядѣ Хрулева. Вся тягость приготовительныхъ для осады работъ и овладѣнія штыкомъ и лопатою рядомъ острововъ, а равно весь трудъ удержанія оныхъ за собою въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сильной крѣпости, слѣдовательно подъ ея огнемъ,—крѣпости, владѣющей рѣчными перевозочными средствами, которыя въ послѣдствіи всѣ достались намъ и послужили въ началѣ осады для постройки мостовъ черезъ Дунай и его рукава,—легла на Камчатскій и Эриванскій полки, исключительно дѣйствовавшіе въ это время болѣе мѣсяца передъ Силистрію. Нынѣ дѣло другое: къ Силистріи стали подходить войска **).

Про эту жизнь Голевъ говоритъ: опасностей, правда, много, труда и лишеній еще больше, но за то привольное житіе, свободное; такое житіе не часто достается испытать на службѣ! Даже поэзія много въ этой жизни, въ началѣ южной весны, въ тепломъ климатѣ, на лѣсномъ острову,

*) Хотя быстраго овладѣнія крѣпостью, путемъ правильной осады, ожидать было невозможно вслѣдствіе крайне нерѣшительныхъ распоряженій главнокомандующаго, благодаря которымъ генералъ Шильдеръ долженъ былъ заложить свою первую параллель, а именно противъ Арабъ-Табіа, въ разстояніи отъ нея болѣе 1000 сажень!!

**) Вооруженіе Силистріи состояло изъ 124 орудій (по другимъ изъ 170). Численность гарнизона простиралась до 12.000 человекъ (во время осады возросшей, благодаря свободному во-время сообщенію Силистріи съ Омеръ-пашей, до 18.000 человекъ), подъ начальствомъ Муса-паши. Мы имѣли подъ Силистріей до 90.000 человекъ, кромѣ пароходовъ, канонерскихъ лодокъ и осаднаго парка. Несмотря на столь значительныя силы, князь Паскевичъ, приступая къ осадѣ Силистріи противъ собственнаго убѣжденія въ ея необходимости, собственно только вслѣдствіе повелѣнія Императора Николая, призналъ невозможнымъ обложить Силистрію. Съ своей стороны Омеръ-паша безпокоился въ Шумлѣ, ежедневно ожидая извѣстія о паденіи Силистріи и опасаясь появленія Русскихъ подъ Шумлою, гдѣ онъ ждалъ помощи союзниковъ Турціи. „Военная исторія,—говоритъ Н. Шильдеръ («Графъ Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность». Спб. 1885 г.),—не представляетъ подобнаго втораго при-мѣра двухъ главнокомандующихъ, которые, опасаясь другъ друга жесточайшимъ образомъ, не двигались бы съ мѣста“, стр. 173.

подъ сѣнію густо разросшихся столѣтнихъ деревьевъ, въ просторной землянкѣ, надъ которою часто перелетаютъ непріятельскіе снаряды, заставляющіе шумомъ полета и трескомъ разрыва на мгновеніе умолкать множество соловьевъ, по зарямъ составляющихъ восхитительный концертъ, гармоническимъ звукамъ котораго немолчно вторятъ дунайскія волны!

Говорятъ, отрядъ генерала Лидерса приближается къ Силистріи; турецкія войска также сближаются къ ея стѣнамъ, подъ которыми можетъ произойти генеральное сраженіе. А мы отсюда будемъ только прислушиваться къ завываньямъ канонады, ежедневно то постепенно умолкающей, то перекатными страшными громами долетающей до насъ по Дунаю, терзая душу и слухъ....

5 мая.

Канонада немолчно гремитъ въ Силистріи съ самаго восхода солнца. Душа рвется туда, гдѣ братья умираютъ,—а служба не пускаетъ! Иду въ церковь. Пойду помолиться за тѣхъ, которые тамъ дерутся... о, еслибъ въ моей молитвѣ было столько силы, сколько ея было въ молитвѣ Моисея, когда онъ молился за свой народъ, сражавшійся съ Амаликитянами! О, еслибъ въ этой молитвѣ была такая же доступность къ Престолу Божію, какъ въ молитвѣ великаго законодателя,—мнѣ кажется, не опустились бы мои руки, мнѣ кажется, я бы умеръ съ воздѣтыми горѣ руками, лишь бы одолѣли наши!

6 мая.

Опять отъ ранняго утра канонада въ Силистріи доносится къ намъ какъ отдаленные раскаты грома; къ 8-ми часамъ утра она замолкла.

Зарываетъ Силистрія, какъ левъ въ клѣткѣ, а сердце у тебя такъ и рвется изъ груди; и невыносимо больно становится и хочется плакать; и бѣжалъ бы куда, чтобъ только не слышать этихъ выстрѣловъ; и пересыхаетъ въ горлѣ, томитъ какая-то необъяснимая внутренняя жажда! Невыносимо такое положеніе!

Пишутъ изъ Камчатскаго полка, что солдаты очень страдаютъ отъ дунайскихъ лихорадокъ: жизнь на болотистыхъ островахъ, хотя и оглашаемыхъ соловьиными пѣснями, безсонныя ночи, усиленные труды днемъ на работахъ—не могутъ имѣть благотворнаго вліянія на здоровье солдатъ, которое, впрочемъ, стараются поддерживать хорошею пищею и дѣйствительнымъ отпускомъ, въ натурѣ, винной порціи (а не запискою собственно отпускаемыхъ на водку денегъ, въ экономическія суммы, какъ это дѣлается въ другое время).

7 мая.

У насъ здѣсь теперь не весна, а лѣто. Многія деревья уже отцвѣли; траву косятъ, каждый почти день идетъ дождь и шумитъ гроза, принимаю-

иная иногда, какъ наприимѣръ въ настоящую минуту, грандіозные размѣры, — громъ почти не умолкаетъ и молнія сверкаетъ безпрестанно...

10 мая.

Съ мѣсяцъ уже, какъ въ Будешти идетъ усиленная работа: рота саперъ съ помощью значительнаго числа рабочихъ, ежедневно наряжаемыхъ Якутскимъ полкомъ, и цыганъ-кузнецовъ дѣятельно занимается постройкою плотовъ изъ мачтоваго лѣса, предназначенныхъ для сооруженія мостовъ на Дунаѣ и его рукавахъ подъ Силистрією, когда наши войска ее обложатъ. Эти плоты спустятъ по Аржису и Дунаю. Въ прошедшую Турецкую кампанію также былъ построенъ мостъ въ Митрени-Фундени (между Будешти и Ольтеницею) и проведенъ Шильдеромъ, тогда еще генераль-маіоромъ, къ Каларашу, черезъ рѣку Ботъ.

Это путешествіе Шильдера было сопряжено съ большими опасностями и затрудненіями: у непріятеля въ Рушукъ и Силистріи были сильныя флотиліи, постоянно крейсировавшія по Дунаю; но этотъ мостъ былъ плашкоутный и Шильдеръ, съ свойственною ему изобрѣтательностью, вооружилъ его артиллерією, давъ ему возможность, въ случаѣ нужды, съ боя пройти по Дунаю. Буря чуть было не потопила Шильдера съ его флотилією; но, благодаря неприспособленности Турокъ, не воспользовавшихся этимъ удобнымъ для себя моментомъ для нападенія съ своею превосходнѣйшею въ силахъ и подвижности флотилією, на неповоротливые мостовые плашкоуты, прикрытые паромомъ съ артиллерією, — флотилія Шильдера, не потерявъ ни одного человѣка, прошла отъ Аржиса до устья р. Боти, впадающей въ Дунай выше Силистріи, и этою рѣкою проникла въ дунайскій рукавъ, откуда впоследствии перешла въ Дунай. Этимъ же путемъ надлежало пройти теперь и будештскимъ плотамъ. Последнее путешествіе отъ Шильдеровскаго должно отличаться тѣмъ, что этимъ плотамъ приходилось пускаться въ Дунай невооруженными артиллерією и пройти мимо туртукайскихъ батарей подъ продолжными выстрѣлами мысовой батареи туртукайскаго острова. Удержать силистрійскую флотилію и не пустить ее на встрѣчу плотамъ должны наши береговые батареи, насыпанныя Хрулевымъ противъ Силистріи; удержать рушукскую флотилію отъ погонн за плотами поставлялось въ обязанность придунайскимъ батареямъ генерала Соймонова, равно какъ воздвигнутымъ имъ батареямъ на островахъ Моканъ и Радомакъ противъ Журжъ, также его гребной флотиліи, которая подъ начальствомъ гусарскаго полковника Бонтана, говорятъ, совершенно уже готова въ Журжѣ. Выходъ плотовъ изъ Аржиса въ Дунай должны прикрыть пушки карантина, равно батарея, устроенная у граничарской башни (ниже карантинъ); ея же обязанность не пустить дальше рушукскую флотилію, въ случаѣ еслибъ ей удалось прорваться мимо батарей Соймонова. Во всякомъ случаѣ дѣло провода плотовъ въ Силистрію не шуточное; завтра они должны сюда явиться.

12 мая.—Въ переѣздѣ по Дунаю на плотѣ.

Двѣ роты Якутскаго полка вчера раннимъ утромъ притащили 20 большихъ плотовъ. Они состоятъ изъ мачтовыхъ деревъ, крѣпко связанныхъ между собою деревянными брусьями. Эти плоты совершенно подготовлены, чтобы послужить мостами: стоить только связать ихъ между собою, укрѣпить на водѣ въ извѣстномъ порядкѣ и положить сверху накатникъ, теперь сложенный на нихъ кучами. Управляетъ плотами инженеръ - поручикъ Фашевскій *), замѣчательный молодой человѣкъ по блестящимъ способностямъ, пылкой отвагой и прекраснымъ качествомъ сердца. Съ восторгомъ услышалъ я приказаніе начальника отряда принять въ свое вѣдѣніе двѣ роты, назначенныя для препровожденія плотовъ въ Силистрію и слѣдовать съ ними. Главное начальство надъ экспедиціею поручено лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка штабсъ-капитану Радкевичу **). Часу въ пятомъ вечера мы были готовы къ отплытію, усердно помолясь Господу о дарованіи успѣха нашему предпріятію. На берегъ Дуная привезли четыре орудія для прикрытія нашего выхода изъ Аржиса, независимо отъ покровительства, которое намъ должны оказать карантинная батарея и та, что выстроена у граничарской башни. Въ помощь нашимъ двумъ ротамъ на первый разъ пришелъ баталіонъ Охотскаго егерскаго полка. Первый нашъ шагъ былъ самый трудный. Плоты, по распоряженію Фашевскаго, были связаны другъ съ другомъ, чтобы не лишить ихъ совокупности дѣйствій и чтобы ихъ не разбросало по Дунаю. Надо замѣтить, что Аржисъ, во всемъ теченіи чрезвычайно быстрый, впадаетъ въ Дунай словно бѣшеный: вода кипитъ, бурлитъ, вертится, какъ въ котлѣ. Лишь только мы съ плотами попали на эту стремнину, какъ насъ не вынесло въ Дунай, а перепутало совершенно и приперло къ берегу въ устьѣ Аржиса; задніе плоты наодвинулись на передніе; нѣсколько человѣкъ упало въ воду; поднялась суматоха, а между тѣмъ уже совершенно смерклося; баталіонъ Охотцевъ, бросаясь къ намъ на помощь, увеличилъ суматоху. Предполагалось сдѣлать выдвигеніе въ Дунай съ возможною тишиною и скрытностью, чтобы не привлечь на себя огонь туртукайскихъ батарей; вмѣсто того поднялся крикъ, гамъ, произошелъ безпорядокъ; съ минуты на минуту мы ждали неудачной развязки перваго нашего дебюта на водяномъ поприщѣ: или половина насъ перетонетъ, или Турки начнутъ насъ катать гранатами съ батарей крѣпости и острова.

Послѣ двухъ или трехчасовой борьбы съ упрямою рѣкою, сился распутать плоты и вытянуть ихъ въ одну линію, мы рѣшительно выбивались изъ силъ; лишь только вытянемъ два-три плота, какъ другіе напрутъ опять и перевернутъ заднюю часть плотовъ (на которыхъ были сдѣланы потеси для управленія ими) напередъ. Наконецъ мы догадались развязать

*) Убитъ при защитѣ Севастополя въ апрѣлѣ 1855 г.

**) Бывшій вполѣтствіи командиромъ Ревельскаго пѣхотнаго полка, нынѣ участковый мировоі судья въ гор. Павловскѣ. Прим. 1887 г.

плоты. Конечно, распутать канаты было невозможно, — их перерубили и, нѣсколько времени спустя, плоты стали, буквально, вылетать на Дунай, причемъ едва уже могли напряженные усилія рулевыхъ давать имъ должное направленіе. Я былъ на четвертомъ плотѣ. Слѣдующіе еще не могли выбиться. Рѣшившись не ожидать остальныхъ плотовъ, — да и удержаться на мѣстѣ для ихъ ожиданія было невозможно, — я пустился по Дунаю съ четырьмя плотами и очень скоро, увлекаемый теченьемъ, очутился внѣ выстрѣловъ Туртукая, въ которомъ также была суматоха, судя по бѣгавшимъ взадъ и впередъ люлямъ съ фонарями. Туртукайцы не сдѣлали въ насъ ни одного пушечнаго выстрѣла; раздалось, правда, нѣсколько ружейныхъ, но мы ихъ оставили безъ отвѣта. Мы не могли себя объяснить этого бездѣйствія туртукайскаго гарнизона. Молчать, когда могли *закатать* насъ ядрами.

Пройдя версты три, я рѣшился причалить къ берегу у казачьяго поста и ждать остальныхъ плотовъ. Въ теченіе ночи они все стянулись благополучно къ разложеннымъ мною, тотчасъ по выходѣ на берегъ, большимъ кострамъ, вокругъ которыхъ скорехонько образовались группы солдатъ, начался разговоръ о сегодняшнихъ походахъ и мечтанье о томъ, что намъ предстоитъ завтра. Нашъ кружокъ вокругъ кипящаго самовара и сложенныхъ въ кучу, каждымъ про запасъ взятыхъ, закусокъ, за стаканомъ добраго вина, былъ неподдѣльно веселъ. Разставивъ караульныхъ и выславъ казаковъ въ развѣздъ на обѣ стороны по лѣвому берегу Дуная и двѣ лодки съ казаками по самому Дунаю, мы къ утру уснули отлично и, едва сталъ бѣлѣть востокъ, поднялись, собираясь въ дальнѣйшій походъ. Пока размѣстили штучерниковъ по плотамъ, пока отчаливали да вытягивались, совершенно ризевѣло и мы увидѣли, что съ турецкаго поста, стоявшаго противъ нашего притона на крутомъ лѣистомъ берегу Дуная, Турки уходили, покидая свои новыя красивыя постройки. Закрихло русское сердце. Что дѣлать, ребята, крикнулъ я своимъ, вѣдь надо бы провѣдать Турокъ, а?!

— Надо бы, надо, ваше благородіе!

— Нутка, охотники, впередъ!

Человѣкъ двадцать отдѣлилось казаковъ и солдатъ. Съ согласія штабс-капитана Радкевича, мы съ прапорщикомъ Охотскаго полка Крыловымъ, лихимъ Кавказцемъ, мигомъ снарядили двѣ лодки, запаслись ружьями, сумы черезъ плечо, выбрали десятокъ охотниковъ и пустились на правый берегъ Дуная — попытать счастья. Признаться, въ Ольтеницкомъ сраженіи у меня такъ не билось сердце, какъ билось теперь, когда мы подѣзжали къ отвѣсному берегу Дуная. Сколько разнообразныхъ чувствъ тѣснилось въ груди! Встрѣтятъ насъ Турки, — для насъ нѣтъ другаго спасенія, какъ одолѣть ихъ; не одолѣемъ, — погибли.

— Смотрите, ребята, не выдавать другъ друга; къ лодкамъ не бѣжать никому, пока не прикажу. Впередъ вамъ говорю: застрѣлю перваго, кто побѣжитъ.

— Помилуйте, — ваше благородіе, не на то поѣхали, чтобъ осрамиться, — вѣдь сколько народу смотритъ на насъ.

— Да и на то, братцы, что много народа, не изволь надѣяться, — вся надежда у насъ на себя; не забудьте: тамъ лодокъ не осталось, они къ намъ на помощь не попадутъ.

— Знамо дѣло — не попадутъ.

Но вотъ и берегъ, отвѣсный, какъ стѣна.

— Ну, не дремать! впередъ, ребята! Двое у лодокъ, остальные за мною! — и я бросился на крутизну по едва замѣтной тропинкѣ; Крыловъ пустился лѣвѣе, по другой тропинкѣ. Вѣжимъ, едва переводя духъ отъ усталости и внутренняго волненія. Ни выстрѣла. Взбѣгаемъ; три хорошенькіе домика въ ущельѣ, покрытомъ лѣсомъ, стоятъ, нѣсколько отступивъ отъ маяка, торчащаго на краю обрыва. Нигдѣ ни живой души. Взбѣжали и Крыловъ. „Ступайте съ своими еще впередъ и поставьте ихъ цѣпью. Турки видно бѣжали; но опомнятся, пожалуй ударятъ, — смотрите въ оба. Ребята, огня!“ Въ одномъ домикѣ съ землянымъ поломъ еще дымился костеръ. Солдаты бросились въ домики, имъ на встрѣчу — нѣсколько куръ и пѣтуховъ. „Зажигай дома, живѣй!“ Разумѣется, казаки и солдаты обшарили уже всѣ лазейки, никого не было, оружія тоже не нашли и вытащили только нѣсколько войлоковъ, посуды, сѣнникъ и еще какую-то дрянъ. Огонь запылалъ; зажгли и маякъ. На всякій случай прикрываясь цѣпью, мы отступили безъ выстрѣла и, чрезъ нѣсколько минутъ, опятьплыли внизъ по Дунаю, догоняя уже ушедшіе плоты. Облака дыма, выползавшаго изъ покинутого нами ущелья, и красные языки пламени, высоко векидываемые сухими зданіями зажженного поста, рисовались на черномъ грунтѣ лѣсистаго берега и, отражаясь въ синихъ волнахъ Дуная, довершали очарованіе картины, давая знать нашимъ ольтеницкимъ товарищамъ, что дальнѣйшій нашъ путь совершается успѣшно.

Плоты ушли далеко, уносимые теченіемъ. Догоняя ихъ, мы проходили мимо другаго турецкаго пикета. „Ребята, надо просушить и этотъ!“ — „Точно такъ, ваше благородіе!“ грянули удалцы. Мы причалили, и чрезъ нѣсколько минутъ пламя и дымъ втораго пикета смотрѣлись въ Дунай. Пока мы занялись этимъ пикетомъ, плоты ушли уже дальше; пустившись за ними въ погоню, видимъ, два верховые Турка ѣдутъ по берегу, наблюдая за движеніями нашихъ плотовъ. Первымъ нашимъ дѣйствіемъ было одной лодкѣ припастать немедленно къ берегу, чтобы перерѣзать путь отступленія всадникамъ, а другой пуститься внизъ, чтобы перехватить ихъ; но когда мы поровнялись съ Турками, они поскакали не впередъ и не назадъ, какъ мы ожидали, а прямо на отвѣсную гору берега въ лѣсъ; штурцеры пули, посланные съ колышающейся лодки, конечно, ихъ не догнали. Продолжая путь, мы сожгли еще одинъ пикетъ и наконецъ добрались до плотовъ, которые, какъ стадо водяныхъ птицъ, несясь внизъ по быстрой рѣкѣ, безъ всякаго порядка разсыпались по ней; одни плоты плыли по срединѣ рѣки, другіе

у турецкаго берега, иные у нашего, гдѣ кому было сподручнѣе. Картина нашего путешествія была необыкновенно хороша: живописные берега, покрытые густою растительностью, быстро проходили мимо, ежеминутно представляя намъ новый видъ, одинъ другаго прекраснѣе. Изъ плавней и камышей, мѣстами прилежавшихъ къ Дунаю, поднимались стадами бабы-птицы, гуси, утки; гористая мѣстность того берега Дуная еще прекраснѣе казалась по контрасту съ этимъ берегомъ—болотистымъ, низменнымъ, по которому мѣстами съ трудомъ пробиралась конвоировавшая насъ рота и нѣсколько десятковъ граничаръ.

Но время за полдень. Пора дать отдохнуть утомленнымъ солдатамъ. По сигналу мы пристали къ берегу у казачьяго пикета; закипѣла каша на пылавшихъ кострахъ; досужіе казаки состряпали намъ отличную уху изъ живой рыбы, въ дорожномъ запасѣ одного изъ насъ оказалось нѣсколько бутылокъ шампанскаго; думали оставить ихъ до окончанія плаванія и распить тогда, Богъ дастъ, торжествуя успѣхъ дѣла; но другіе очень благо-разумно замѣтили, что результатомъ дѣла можетъ быть и неуспѣхъ, тогда, если предположить логичность въ нашихъ дѣйствіяхъ, эти бутылки не будутъ подлежать распивкѣ,—слѣдовательно, ихъ гораздо лучше распить теперь. Предложеніе принято, но съ тѣмъ, чтобы распить вино на турецкомъ берегу, обративъ въ пламенный костеръ еще одинъ турецкій постъ, красовавшійся предъ нами. Рѣшили—и двѣ наши лодочки птицами понеслись на непріятельскій берегъ. Опять запылали зданія турецкаго поста, опять спирально взвился къ облакамъ дымъ пылавшаго маяка; мы чокнулись манерочными крышками, на память Туркамъ бросили на берегу пустыя шампанскія бутылки и пустились съ плотами въ дальнѣйшій путь, по дорогѣ обративъ еще въ пепель 8 турецкихъ постовъ, изъ коихъ ни одинъ не состоялъ меньше чѣмъ изъ трехъ домиковъ, и кавалерійскіе посты (черезъ два пѣхотныхъ былъ кавалерійскій постъ), кромѣ того, имѣли по двѣ конюшни. Мѣсто было избрано нами для ночлега противъ болгарской деревни. Нѣсколько жителей, стоя на берегу, кланяются намъ въ поясъ и, махая руками, зовутъ къ себѣ на берегъ. Но мы, не имѣя ни времени, ни права вступать съ ними въ сношеніе, дѣлаемъ видъ, будто не замѣчаемъ ихъ приглашеній.

13 мая.—Почтовая станція въ М. Каларашѣ.

Едва мы сегодня сдѣлали около десятка верстъ (всего пути намъ предстояло отъ устья Аржиса до Силистріи до 75 верстъ), какъ встрѣтили ѣдущаго къ намъ на встрѣчу по берегу адъютанта генерала Шильдера, штабсъ-капитана Ахбауера. Онъ привезъ намъ приказаніе остановиться, не входя въ р. Ботъ, какъ прежде было приказано, а послать офицера съ докладомъ къ главнокомандующему о нашемъ прибытіи и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Когда мы остановились, непріятельскій разъѣздъ, около часа уже показавшійся на гребнѣ турецкаго берега и наблюдавшій за нами,

держась на одной высотѣ съ нами, повернулъ лошадей и скрылся. Мнѣ досталось ѣхать съ означеннымъ донесеніемъ къ главнокомандующему. Скачемъ мы съ казакомъ; ни онъ, ни я не знаемъ дороги, пробираемся все кустарникомъ и лѣсомъ впередъ, порою вовсе безъ дороги, порою выбираясь на берегъ Дуная и его теченіемъ повѣряя свой путь. Но, путешествуя такимъ образомъ, мы не попали на казачій пикетъ, гдѣ могли смѣнить лошадей, а вынуждены были на однѣхъ и тѣхъ же ѣхать къ Силистріи. Что дѣлать? Но вотъ мы выбрались на равнину; вотъ и Силистрія смотрится въ Дунай; ѣдемъ по его берегу позади нашихъ батарей, пространство за которыми не представляетъ живаго мѣста,—такъ изрыто непріятельскими снарядами, да нашими могилами; ѣдемъ дальше,—и не знаю какъ мой казакъ, а я любовался картиною величавой природы и грозной крѣпости, сумрачно глядящей на не менѣе грозное войско, раскинувшее вокругъ нея свои шатры, будто крѣпкія тенета.

— Ваше благородіе, — прервалъ мои мечтанія казакъ, — поверните налѣво; дальше отъ батарей надо ѣхать, — Турки подстрѣляютъ.

— Что за вздоръ такой, стануть они по двумъ верховымъ изъ пушекъ стрѣлять! Но не успѣли мы сдѣлать и десяти шаговъ, какъ клубъ бѣлаго дыма показался на одномъ изъ передовыхъ силистрійскихъ верховъ и, визжа, запрыгало передъ нами турецкое ядро. Добрый путь. Нагайкой, нагайкой измученныхъ коней — и поскакали дальше. Надо торопиться; ужасныя тучи заволокли небо: быть бурѣ. Что будутъ дѣлать наши плоты, — надо какъ можно скорѣе ихъ куда-нибудь направить. Но векорѣ тучи разразились ливнемъ. Не ожидая ничего подобнаго, я былъ въ одномъ скортукѣ и вмгъ промокъ до костей.

Ливень продолжался, лошади отказывались бѣжать; думая переждать его и дать возможность конямъ собраться съ силами, я бросился къ граничарской башнѣ, мимо которой проѣзжалъ, и вижу — казаки. „Кто здѣсь стоитъ?“ — „Генералъ Хрулевъ“. — „Гдѣ генералъ?“ — „На батареѣ: они приходятъ только обѣдать, да ночевать, а то цѣлый день на батареѣ“. Буря продолжалась, я пустился дальше и вижу, идетъ ураганъ черезъ Силистрію на нашъ лагерь, раскинутый на высотахъ. Въ этомъ-то столбѣ пыли, при раскатахъ грома, Турки бросились изъ крѣпости на наши траншеи. Открылась сильная канонада, затрепалъ батальный огонь. Несмотря на неожиданность нападенія, прикрытаго дѣйствіемъ бушующихъ стихій, наши отразили вылазку, гнали бѣгущихъ и только по причинѣ малочисленности своей не ворвались на плечахъ непріятеля въ передовыя укрѣпленія. Но я наконецъ добрался до главной квартиры, на конѣ, едва уже передвигавшемъ ноги. Доложивъ о своемъ порученіи начальнику главнаго штаба и отвѣчая на вопросы о замѣченномъ во время пути съ плотами, я рассказалъ о безпрепятственномъ выходѣ въ Дунай, о вѣроятности оставленія Турками Туртукая, судя по бѣгству ихъ пикетовъ, при нашемъ приближеніи къ ихъ постамъ, мною сожженнымъ. Мой докладъ чрезъ князя Горчакова былъ тотчасъ переданъ князю

Варшавскому; меня потребовали къ нему. Маститый герой сидѣлъ передъ своею палаткою, на походномъ стулѣ, окруженный большою свитою и своимъ азіатскимъ конвоемъ. Онъ внимательно слушалъ мой рассказъ.

— И ни одного выстрѣла?

— Ни одного, ваша свѣтлость.

— Не понимаю, ровно ничего не понимаю. И пикеты бѣжали? Позволили сжечь посты?

Князь Горчаковъ замѣтилъ, что вѣрно Турки вообразили, будто мы станемъ переправляться въ Туртукай.

— Да и какъ имъ это можно было думать, когда они знаютъ объ осадѣ Силистріи? Что-нибудь это другое значить. Не думаютъ ли они стянуть сюда все свои силы, чтобъ Омеръ-паша было съ чѣмъ на насъ ударить? Поѣзжайте сейчасъ, скажите Павлову, чтобы сейчасъ занялъ Туртукай, завтра въ обѣду будьте здѣсь и дождитесь мнѣ, что будетъ сдѣлано.

— Слушаю, ваша свѣтлость.

— Да, плоты... Ступайте за мною, поговоримъ съ Шильдеромъ, какъ это сдѣлать. Князь, поѣдемъ!

Свѣтлѣйшій сѣлъ съ княземъ Горчаковымъ въ дрожки и поскакалъ, окруженный свитою и Азіатцами, которые джигитовали кругомъ него. „А я на чемъ поѣду? — мой конь не идетъ“, жаловался я всѣмъ. Генералъ Коцебу приказалъ мнѣ дать казака и другую лошадь. Фельдмаршала я догналъ у нашихъ траншей. Его встрѣтилъ Шильдеръ. Завязалось жаркое о чемъ-то преніе у фельдмаршала, князя Горчакова и Шильдера; мы стояли въ отдаленіи. Кончился споръ; фельдмаршалъ и князь опять сѣли въ дрожки и поѣхали обратно, а я опять остался безъ приказанія о плотяхъ. Мысль, что думаютъ теперь и дѣлаютъ мои товарищи, не пострадали ли они отъ бури и не унесетъ ли ихъ подъ силистрійскія пушки, душила меня. Я выдвинулся впередъ къ самымъ дрожкамъ фельдмаршала, приложивъ руку къ фуражкѣ. Онъ меня увидѣлъ.

— Да, плоты... Поѣзжайте, — князь распорядится.

Дѣйствительно, тотчасъ по возвращеніи нашемъ въ главную квартиру, къ плотамъ послали офицера съ приказаніемъ не входить въ устье р. Боти, а когда смеркнется совершенно, пуститься внизъ по теченію Дуная, мимо Силистріи. Предиріятіе чрезвычайно отважное: плотамъ надлежало проходить меньше чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ крѣпостныхъ батарей; Турки могли снести картечью всѣхъ путешествующихъ на плотяхъ! Но, по милости Божіей, плоты, какъ оказалось впоследствии, по непонятной безпечности силистрійскаго гарнизона, проскользнули ночью мимо крѣпости безнаказанно, — разумѣется, храня совершенное безмолвіе и придерживаясь нашего берега Дуная; только когда проходилъ послѣдній плотъ, Турки сдѣлали два выстрѣла ядрами, но эти выстрѣлы, надо думать, были тѣми обычными выстрѣлами, что Турки время отъ времени дѣлали то съ одной, то съ другой батареи.

Пока изготовлялись бумажки, я не могъ отвести глазъ отъ бомбардируе-

мой Силистріи, неумолчно намъ отвѣчавшей. Съ высоты, на которой огромнымъ таборомъ раскинулась наша главная квартира, такая открывается картина, какихъ не много случалось видѣть въ жизни. Тутъ у нашихъ ногъ разбѣгаются многочисленные шатры осаждающихъ; правѣе лежитъ Дунай съ раскинутыми по немъ островами, будто гигантскій щитъ вороненой стали, исписанный матовыми узорами; прямо передъ нами, точно недоступная красавица, закутанная въ широкія покрывала, лежитъ Силистрія, одѣтая клубами порохового дыма, и надъ нею дивный куполъ темносиняго неба, покрытый золотыми арабесками огненныхъ снарядовъ и ярко горящими звѣздами, которыя валятся на землю, будто отъ грома орудій и вторящаго ему яраго вопля взволнованнаго бурей Дуная, отъ грома, кажется, потрясшаго самый сводъ небесный.

Наконецъ мнѣ была вручена курьерская подорожная и предписаніе на имя генерала Павлова слѣдующаго содержанія (отъ 13 мая за № 1539): „Адъютантъ Вашего Превосходительства штабсъ-капитанъ Алабинъ, препроводившій мостовые плоты до Силистріи, доложилъ Его Свѣтлости господину Генералъ-Фельдмаршалу, будто бы непріятель оставилъ Туртукай и всю часть праваго берега Дуная противу вашего отряда. Вслѣдствіе сего Его Свѣтлость приказать изволилъ, чтобъ Ваше Превосходительство удостовѣрились въ справедливости сего донесенія и обстоятельно о томъ увѣдомили. На сей конецъ Его Свѣтлости угодно, чтобы вы переправили сперва небольшую партію на противулежащіе острова для осмотра оныхъ и, если они очищены непріателемъ, то партія сія можетъ переправиться и на правый берегъ для развѣданія о направленіи, принятомъ непріателемъ, буде онъ дѣйствительно оставилъ Туртукай, а также о причинѣ оставленія. Если непріятеля нѣтъ въ Туртукаѣ, Вамъ должно переправить баталіонъ пѣхоты въ Туртукай и срыть тамошнія укрѣпленія. Во всякомъ же случаѣ господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ изволилъ приказать, чтобы вы тотчасъ же донесли съ нарочнымъ, въ какой степени извѣстіе, доставленное штабсъ-капитаномъ Алабинымъ, справедливо и проч.“

Кромѣ того приказано: переправясь, распускать слухъ, что за симъ въ скоромъ времени переправится въ Туртукай сильный корпусъ нашихъ войскъ, и не оставаться въ Туртукаѣ долѣе того времени, какое нужно употребить для срытія укрѣпленій, соблюдая въ то же время величайшую осторожность и собравъ достаточно перевозочныхъ средствъ, для обратной переправы.

14 мая.—Ольтеница.

На второй отъ Калараша станціи встрѣчаю товарища своего Фонъ-Витте: везетъ отъ генерала Павлова донесеніе о *занятіи Туртукая*. Я было сталъ спрашивать, что и какъ. „Некогда разсказывать; подробно-сти узнаешь на мѣстѣ; скажу только тебѣ, что Турки бѣжали, увидя плоты: они думали, что мы собираемся наводить мостъ противъ Туртукая“.

Пріѣзжаю въ Ольтеницу: тамъ все ликуеть, по случаю занятія турецкаго берега. Оказалось, Туртукай очень просто достался въ наши руки: прибытіе плотовъ изъ Будешти въ Ольтеницу заставило туртукайскихъ жителей Турокъ и бывший тамъ гарнизонъ бѣжать въ ближайшіе города, думая, что эти приготовленія дѣлаются для совершенія нашей переправы на этомъ пунктѣ. Войска турецкаго въ послѣднее время было на острову и въ Туртукаѣ всего до 300 человекъ. Этотъ отрядъ получилъ распоряженіе отретироваться въ Шумлу, гдѣ Омеръ-паша ждетъ Русскихъ, сосредоточивая большія силы. Туртукайскому отряду очень не хотѣлось идти въ Шумлу, а потому весьма многіе бѣжали съ дороги.

Генераль Павловъ, видя происшедшую у Турокъ суматоху при отпращиваніи плотовъ и учащенную ѣзду лодокъ на островъ, причеъ можно было видѣть, что они увозятъ съ него людей, лишь только совершенно стемнѣло, приказалъ полковнику Власову вызвать изъ казаковъ охотниковъ осмотрѣть островъ, соблюдая величайшую осторожность. Къ утру казаки донесли, что островъ покинутъ Турками, и съ разсвѣтомъ генераль переправилъ на него первый баталіонъ Охотскаго полка съ двумя орудіями. Лишь только христіане, жители Туртукай, замѣтили нашихъ на острову, какъ на маленькой лодочкѣ переплылъ болгаринъ Ганѣ и отъ имени всѣхъ жителей Туртукай, упавъ въ ноги командиру Охотскаго егерскаго полка полковнику Бибикову, бывшему на острову, просилъ немедленно переправиться къ нимъ, чтобы защитить ихъ отъ турецкихъ мародеровъ, которые съ удаленіемъ мѣстныхъ властей будутъ ихъ грабить и рѣзать. Ганѣ заклиналъ ради Христа не пренебрегать ихъ просьбами и занять Туртукай, гдѣ наше войско будетъ встрѣчено какъ братья и избавители. Получивъ разрѣшеніе начальника отряда, полковникъ Бибиковъ, посадивъ охотниковъ на три лодки, отправился съ ними въ Туртукай, на берегу котораго всѣ жители встрѣтили его съ распростертыми объятіями; священникъ вышелъ съ крестомъ въ облаченіи; старики поднесли хлѣбъ-соль. Встрѣча была полна восторга: Болгаре цѣловали нашихъ солдатъ, какъ родныхъ братьевъ; угощали виномъ, хлѣбомъ, рыбою, кричали, что настала часъ ихъ освобожденія отъ проклятаго ига, что явятся опять Турки, то они всѣ пойдутъ съ нами противъ своихъ угнетателей и лучше умрутъ всѣ, чѣмъ позволятъ имъ опять водвориться въ Туртукаѣ. Болгаре только просили ружей, пороку и свинцу, и предложили помогать намъ въ занятіи передовыхъ постовъ. Обойдя городъ и выставивъ въ необходимыхъ мѣстахъ шкеты, Бибиковъ предложилъ жителямъ снарядить годныя суда и лодки и помочь нашей переправѣ. Мигомъ всѣ бросились къ берегу и въ тотъ же день отъ Туртукай отчалила флотилія, вѣкорѣ забравшая на острову весь 1-й баталіонъ Охотцевъ, который вмѣстѣ съ полусотнею казаковъ и составилъ гарнизонъ Туртукай.

По пріѣздѣ въ Ольтеницу, я немедленно посѣтилъ Туртукай. Какое отрадное чувство волновало мою душу, когда я выскочилъ изъ лодки въ толпу радушныхъ Болгаръ! Каждого изъ насъ здѣсь встрѣчаютъ какъ дру-

та, какъ гостя дорогаго. Старики, дѣти, съ гордостью и торжествомъ на-
шили себѣ на грудь и на шапки бумажные кресты, другіе, менѣе осторож-
ные, выстригли это святое знаменіе на своихъ бараньихъ шапкахъ. Мы по-
нимаемъ рѣчь здѣшнихъ жителей, они понимаютъ нашу. Народъ этотъ не
то что чуждые намъ совершенно и враждебные (въ душѣ) Валахи, — нѣтъ,
на всякомъ шагѣ видишь, что эти исконные наши друзья готовы съ нами
и за насъ положить свой животъ, раздѣлить нашу судьбу, зная, что кро-
мѣ стремленія принести имъ благо и счастье у насъ для нихъ нѣтъ дру-
гихъ желаній.

Въ Болгарахъ заключаются всѣ элементы, необходимые народу, чтобы
достичь высшихъ мѣстъ въ семьѣ человечества, и имъ не достаетъ только
сокрушенія цѣпей, ихъ обременяющихъ, чтобы развить эти элементы. Мно-
говѣковыя страданія Болгаръ подъ магометанскимъ игомъ, несмотря на ко-
торое у нихъ достало силъ сохранить во всей чистотѣ свои нравы, образъ
жизни, вѣру отцовъ, жажду свободы, самая продолжительность періода вре-
мени несенія этого ига — развѣ не право Болгаръ на сокрушеніе его, на луч-
шую будущность?

Болгарская народность и свобода погнбли отъ меча на поляхъ Коссо-
выхъ, — и та и другая должны воскреснуть мечомъ пробужденія, вспысну-
тая кровью вѣковыхъ враговъ, какъ живой водой нашихъ сказокъ!

Болгарія — колыбель нашей народности, колыбель нашей вѣры, бросив-
шей изъ Болгаріи первые лучи на нашу землю, — колыбель нашего языка.
Не обязаны ли мы отплатить ей возстановленіемъ ея народности, возвраще-
ніемъ ея языку и ей должныхъ правъ, воскрешеніемъ ея вѣры въ перво-
бытномъ блескѣ и животворной лучезарности?

Толпы Болгаръ являются къ намъ въ гости на островъ. Полковникъ
Бибиковъ далъ сегодня блестящій обѣдъ офицерамъ отряда на берегу остро-
ва, обращенномъ къ Туртукаю, подъ навѣсомъ густо разросшихся деревьевъ.
Болгаръ, пришедшихъ толпами, щедро угощали виномъ и водкою, музыка
гремѣла цѣлый день; эти добрые люди въ восторгѣ отъ Русскихъ.

Прежде чѣмъ переѣхать въ Туртукай, мы обошли почти весь островъ;
какія громадныя постройки! Траншеи, глубокою въ человѣческій ростъ, изрѣ-
зываютъ островъ во многихъ направленіяхъ; нѣсколько прибрежныхъ батарей
съ брустверами значительной толщины; на всякомъ шагѣ засѣки. Признать-
ся, еслибы брать островъ съ боя и встрѣтить стойкую защиту гарнизона,
успѣхъ стоилъ бы много крови! Буквально, на каждаго десяти, двадцати
шагахъ мы могли встрѣтить препятствія, одолѣть которыя безъ чрезвычай-
ныхъ успѣй было бы невозможно. На острову нашли много землянокъ и
балагановъ, весьма плохо и безтолково устроенныхъ, изъ сучьевъ и тѣхъ
мелкихъ корешковъ, о которыхъ я разсказывалъ выше. Во всякомъ бала-
ганѣ въ качествѣ постели была подстилка изъ такихъ корешковъ, нѣкото-
рые окружены искусственными насажденіями и небольшими огородами, гдѣ
на грядахъ росъ лукъ и чеснокъ. Балаганъ начальника обсаженъ кустами

розъ, шиновника и различными породами алоэ (виднo вынутыми изъ горшковъ). Конечно, странно было видѣть въ густомъ ивовомъ лѣсу сидящіе въ грунтѣ алоэ! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ острова валялись трупы убитыхъ нами при февральской атакѣ лошадей. Въ одномъ глухомъ мѣстѣ нашли убитую лошадь и на ней полустлѣвшій трупъ человѣка въ турецкой одеждѣ, но безъ оружія. Зловоніе было ужасное, солдаты едва могли ихъ зарыть.

Туртукай раскинутъ безпорядочно, по-турецки, на скатѣ и обрывахъ дунайскаго берега. Многіе дома только одною стороною прикасаются къ грунту, а остальными висятъ на воздухѣ, будучи утверждены на сваяхъ. Улицы кривыя, до чрезвычайности узкія, со множествомъ переулковъ, большею частью мощенныя большими камнями, безъ всякаго искусства, отчего въ самомъ плохомъ состояніи и конечно не могли бы служить для ѣзды въ экипажахъ, но таковыхъ въ Туртукаѣ вовсе не имѣется, а только есть огромныя маджары, которыя могутъ ѣздить по всякимъ дорогамъ. Дома грязны, неказисты, лѣпятся другъ къ другу, преимущественно съ плоскими крышами и только нѣкоторыя съ черепичными — европейскими. Городъ раздѣляется на двѣ части: лѣвая, составляющая христіанскій кварталъ, бѣднѣйшая; правая — турецкая — гораздо лучше обстроена. Садовъ не видать, но кое-гдѣ, особенно въ турецкомъ кварталѣ, красуются группы душистой цареградской вербы, называемой туземцами *саччи* („лохъ“, *eleagnus argentea*), да громадные, болѣе похожіе на деревья, кусты мелкихъ, но махровыхъ розъ.

На главной улицѣ города мечеть, безспорно лучшее зданіе въ Туртукаѣ, украшенное стройнымъ минаретомъ. Мы вошли въ средину мечети, которую намъ отворилъ слѣпой, дряхлый Турокъ, по его словамъ, помнящій взятіе Туртукай Суворовыхъ, но, по смутности воспоминаній, не имѣвшій возможности передать намъ подробности знаменитаго событія. Слѣпаго Турка привела его внучка, бѣдно одѣтая въ турецкій костюмъ. Это единственные Турки, оставшіеся въ Туртукаѣ при нашемъ приближеніи. Мы вошли въ мечеть, снявъ шапки, что было не понравилось сопровождавшимъ насъ Болгарамъ, которые говорили, что Турки входили же въ шапкахъ въ нашу церковь. Конечно, мы отвѣчали, что Турки могутъ такъ поступать, а наше дѣло другое, мы должны уважать всякую вѣру — по-своему. Мечеть — обширная зала со сводами, чисто выбѣленная внутри. Въ задней стѣнѣ большая ниша; надъ нею по стѣнѣ виситъ въ черныхъ деревянныхъ рамахъ множество изреченій изъ Корана, написанныхъ на бумагѣ большими буквами, съ различными каллиграфическими украшеніями. Съ правой стороны ниши каедрa со ступенями. Въ залѣ висятъ четыре большіе круга, украшенные значительнымъ числомъ поставленныхъ на нихъ шкаликовъ; у круговъ подвѣски въ видѣ большихъ деревянныхъ ящѣвъ. У стѣнъ стоятъ высокіе, рѣзные изъ дерева подсвѣчники. Надъ входными дверьми глубокіе хоры, гдѣ обыкновенно молятся женщины. Вся мечеть устлана узорчатыми циновками; въ нишѣ коверъ для муллы. Близъ мечети мраморный съ золотою надписью памятникъ султану Махмуду, въ воспоминаніе его посѣщенія Туртукай. Кру-

гомъ мечети кладбище, густо засажненное душистою цареградскою вербою (лохъ), розами и воздушными жасминами въ полномъ цвѣту; на кладбищѣ обратили на себя наше вниманіе нѣсколько новыхъ памятниковъ съ цвѣтными на нихъ чалмами, золочеными надписями и арабесками. Эти новые памятники поставлены надъ трупами убитыхъ начальниковъ въ сраженіи 23 октября. На одномъ памятникѣ красная чалма, тогда какъ на другихъ зеленая и бѣлая; мы спросили о причинѣ; намъ отвѣчали, что пашѣ, похороненному подъ памятникомъ съ красною чалмою, оторвало голову въ сраженіи.

Намъ показали большой угловой домъ, стоящій неподалеку отъ мечети: тутъ жили Омеръ-паша и генералъ Примъ во время перехода турокъ въ Ольтеницкій карантинъ. Рассказываютъ, что этотъ искатель приключеній тщательно осматривалъ туртукайскія батареи и по его приказанію сдѣланы въ нихъ многія измѣненія.

Всѣ болгарскіе дома окружены террасами, турецкіе обведены заборами и ни одного окна не выходитъ наружу, а всѣ во дворъ, чтобы не было видно проходящаго въ домъ. Турецкій кварталъ совершенно пустой, только скитается по немъ множество собакъ.

Большая часть мѣстныхъ жителей Турокъ имѣютъ много друзей между христіанами, съ которыми они вообще живутъ въ ладахъ и никакихъ ссоръ не затѣваютъ, поэтому-то туртукайскіе жители-христіане не трогаютъ теперь турецкихъ домовъ и даже не входятъ въ нихъ, а то, еслибы они захотѣли только, вѣрно нашли бы много всякаго добра, зарытаго Турками въ землю, но невозможности увезти съ собою.

Изъ города съ нагорныхъ улицъ открывается чудесный видъ на задунайское пространство: Ольтеница и мѣстность за нею на значительное протяженіе видны какъ на ладони. Съ помощію подзорной трубы можно отличить въ карантинѣ каждаго человѣка. Митрени-Фундени, другія ближайшія деревни и дороги къ нимъ виднѣхоньки. Мудрено ли было Туркамъ видѣть каждое наше движеніе, всякій сборъ и приготовленіе, мудрено ли имъ было правильно дирижировать своими дѣйствіями и приготовить намъ всюду сильный отпоръ.

Улицы Туртукай грязны; груды всякаго рода нечистотъ валяются всюду, но тутъ же рядомъ растутъ розы въ полномъ цвѣту, жасмины; подтѣбно душистаго лоха бьютъ фонтаны кристальной воды, и забываешь окружающую тебя грязь и мерзость, жадно пьешь живительную влагу и бродишь взоромъ по безпредѣльной картинѣ долины Валахія, перехваченной голубою лентою Дуная, множествомъ концовъ падающею въ даль...

Болгарскія жилища не такъ изящны снаружи, какъ опрятны и уютны внутри. Женщины не дичатся, не прячутся, но въ ихъ очахъ, въ ихъ движеніяхъ не видно того нахальства, какимъ отличаются молодые валахскія женщины. Очень хорошихъ здѣсь не видать, но наружность болгарокъ благообразна, пріятна, костюмъ живописенъ. Мы входили въ нѣсколько домовъ и вездѣ видѣли большую опрятность, простоту, строгое изящество до-

машинного быта и его обстановки; вездѣ видѣли скромно висящее на стѣнѣ полуприкрытое полотенцемъ или кафтаномъ оружіе. У каждого болгарина, по словамъ самихъ болгаръ, припасено ружье или пара пистолетовъ про черный день; не всѣ только показываютъ свое оружіе, на всякій случай пока его припрятывая подальше.

Сегодня ушелъ подѣ Силистрію Охотскій полкъ; на дняхъ и мы отправимся туда же.

15 мая.—Ольтеница.

У насъ произошла большая суматоха. Вдругъ со стороны Рушукъ появилась флотилія. Смеркалось; трудно было разсмотрѣть, кто идетъ: другъ или недругъ. Жители Туртукая пришли въ большое смѣтеніе, толпами выбѣгая на высоту. Но затѣмъ, когда флотилія приблизилась къ городу, раздалось съ лодокъ „ура!“ и загремѣли салютационныя выстрѣлы. Наша артиллерія отвѣчала съ острова тѣмъ же. Оказалось, что эта флотилія полковника Бонтана, сформированная генераломъ Соймоновымъ въ Журжѣ, шла, не зная о нашемъ занятіи Туртукая, съ тѣмъ, чтобы захватить его съ боя. Пестрая команда гребной флотиліи была весьма живописна: въ ней греческіе волонтеры мѣшались съ солдатами разныхъ родовъ оружія. Дорогою отъ Журжи флотилія, также какъ и мы, по пути къ Силистріи, сожгла турецкіе посты и кромѣ того заходила въ прибрежную болгарскую деревню, гдѣ была встрѣчена по-братски. Завтра флотилія отплываетъ назадъ, но ея обратное плаваніе противъ теченія будетъ сопряжено съ большими затрудненіями. Во избѣжаніе напрасной борьбы съ Турками, которые, говорятъ, выслали изъ Рушукъ артиллерію, чтобы возвращеніе флотиліи, слабо вооруженной, а именно—фальконетами, въ Журжу сдѣлать невозможнымъ, полковникъ Бонтанъ хочетъ втянуться въ дунайскіе притоки и возвратиться въ Журжу по нимъ, по рѣчкамъ и озерамъ, которыми изрѣзано дунайское побережье на этомъ пространствѣ.

Прибытіе къ намъ партизанской флотиліи Бонтана мнѣ лично доставило нѣсколько пріятныхъ минутъ, такъ какъ въ составѣ флотиліи этой я совершенно неожиданно встрѣтилъ брата моей жены, юнаго конно-артиллерійскаго прапорщика Василья Васильевича Безобразова, командовавшего небольшою канонерскою лодкою, вооруженною одною турецкою пушкой!... Такое назначеніе моего юнаго шурина меня очень порадовало, потому что хотя Безобразовъ со своею пушечкой и не завоеуетъ Византіи, но все-таки командованіе такою лодкою, придающее нѣкоторую самостоятельность, усвоить офицеру нѣкоторую самоувѣренность въ дѣйствіяхъ и можетъ способствовать пробужденію и развитію въ немъ воинскихъ способностей, если только въ немъ имѣются ихъ зачатки,—образованію любви къ военному дѣлу и поэтическаго имъ увлеченія, безъ которыхъ немислимы успѣхи въ военномъ ремеслѣ.

16 мая.

Сегодня мы устроили въ Туртукаѣ торжество, которое вѣчно останется незабвеннымъ для его жителей. Вчера еще мы имъ объявили, что хотимъ въ ихъ бѣдной церкви отслужить обѣдню и благодарственное молебствіе за переходъ нашъ черезъ Дунай здѣсь, въ Туртукаѣ. Они приняли это предложеніе съ восторгомъ. Часовъ въ 9 утра начальникъ отряда съ большою свитою, всѣ въ полныхъ мундирахъ—отправился въ туртукайскую церковь, окруженные всѣмъ городскимъ населеніемъ, въ праздничныхъ костюмахъ, съ букетами цвѣтовъ и душистыхъ травъ въ рукахъ. Храмъ едва отличается отъ обыкновенныхъ домовъ, съ небольшимъ деревяннымъ крестомъ на одномъ углу зданія, крытого дранью; храмъ углубленъ въ землѣ, мрачный, темный... но онъ просвѣтленъ сегодня, просіявъ новымъ свѣтомъ торжества и славы. Входъ въ храмъ, окруженный тѣсною толпою надгробныхъ крестовъ (особенной формы, съ болгарскими надписями), между которыми мы тщетно искали могилъ суворовскихъ героевъ, усердными жителями былъ весь убранъ бѣлыми и красными розами; то же убранство, смѣшанное съ вѣтвями душистаго лоха, давало необыкновенный видъ внутренности храма, наполя его благоуханіемъ. Посреди висѣла древняя хрустальная люстра, десятки лѣтъ уже не бывшая въ храмѣ и находившаяся на сохраненіи у одного изъ жителей, также какъ нѣсколько серебряныхъ лампадъ, теперь пылавшихъ передъ мѣстными иконами, и на престольный серебряный крестъ старинной работы, сказываютъ, нѣкогда привезенный изъ Шумлы. Нѣсколько небольшихъ образовъ отличнаго византійскаго письма, отчищенные священникомъ для этого дня отъ толстаго слоя пыли и протертые масломъ, будто чудесно обновились, довершая обновленіе храма, сегодня совершившееся.

Жители наполняли церковь; впереди стояли мужчины, женщины — сзади.

Едва генераль вступилъ на церковный порогъ, какъ раздался надъ церковью благовѣстъ. Присутствующіе болгаре упали на колѣни; многіе зарыдали; многіе подняли руки къ небу, будто этотъ благовѣстъ неся отъ самаго Престола Бога живаго; будто благовѣстъ этотъ, отъ вѣка здѣсь не раздававшійся, нарочито теперь стоялъ надъ сонмомъ молящихся, вѣщимъ голосомъ своимъ на вѣки заглушая стоны рабства христіанскаго народа, ропоть страданія цѣлыхъ племенъ, которымъ сильный мечомъ Оттоманъ ставилъ въ позоръ неповѣданіе истины!

Колоколъ пожертвованъ владѣльцемъ Георгіемъ, изъ Кирподжи, а наши плотники въ одну ночь соорудили у церкви вышку, замѣнившую колокольную.

Литургія совершалась нашимъ священникомъ. Болгаре молились усердно, когда провозглашалось августѣйшее имя нашего Государя. Многіе Болгаре во время богослуженія клали земные поклоны.

Прекрасное служеніе нашего священника, его богатое облаченіе, драгоценное Евангеліе и утварь, нами принесенныя съ собою, согласное пѣніе нашего клира—все это, вмѣстѣ взятое, произвело необыкновенное впечатлѣ-

ніе на Болгаръ: все имъ казалось такъ ново, такъ дивно-хорошо, что въ совершающемся предъ ихъ глазами они видѣли знаменіе небесной къ нимъ благодати, особенной милости Творца вселенной, Который внялъ наконецъ теплымъ мольбамъ миллионовъ народа, воскресилъ ихъ церковь въ подобающемъ ей величіи; позволилъ имъ быть *людьми*, вступить въ среду человѣчества; за вѣка ихъ тяжкаго рабства, гоненій, позора—даровалъ имъ новую жизнь.

Болгаре думали, что со вступленіемъ нашимъ въ ихъ предѣлы настаеъ для нихъ золотой вѣкъ и сегодняшній день являея достойнымъ началомъ этихъ давно желанныхъ дней.

По окончаніи богослуженія, при радостныхъ звукахъ нашего колокола, мы вышли изъ церкви, окруженные Болгарами: они смотрѣли на насъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, съ особенною сердечною любовью и провожали насъ до самыхъ лодокъ, между тѣмъ какъ колоколъ не умолкалъ, будто благовѣсть самой земли Болгарской, во услышаніе міру гремѣщій радость народа въ первый день его освобожденія.

Сегодня я получилъ приказаніе отправиться съ казаками въ глубь края и по Шумлянскій дорогѣ проникнуть какъ можно дальше. Эта поѣздка была для меня истиннымъ наслажденіемъ. Мимо отлично построенныхъ батарей, громившихъ насъ такъ беспощадно 23 октября и вносѣдствій; мимо такъ называемой жителями, со временъ Суворова, „Русской дороги“, по которой нашъ вѣтязь взлетѣлъ на кручу туртукайскаго берега; мимо оврага, взятаго Суворовымъ съ боя и гдѣ теперь сильная батарея, дѣйствующая по Дунаю, я спустился внизъ по берегу Дуная и по ущелью круто повернулъ направо. Мы проѣздили нѣсколько часовъ въ сопровожденіи трехъ Болгаръ; скитались по горамъ; спускались въ овраги подъ навѣсомъ розъ, перекинувшихъ свои цѣпкія вѣтви, опутанныя дикимъ виноградомъ, черезъ дорогу,—съ минуты на минуту думая наткнуться на засаду; то пробирались лѣсомъ, то ѣхали напрямикъ полянами, то очертя голову бросались въ деревни, гдѣ не находили, впрочемъ, ни одной живой души человѣческой и встрѣчали только гусей да множество собакъ, стаями на насъ бросавшихся. Турки послѣ занятія нами Туртукая бѣжали изъ деревень и *угна*ли съ собою Болгаръ, прослышавъ, какъ дружески приняли насъ жители города. Воротясь въ городъ, мы ѣли отличную уху изъ живыхъ стерлядей на шампанскомъ, сваренную казаками по всѣмъ законамъ рыбацко-повареннаго искусства, и воротились въ Ольтенину, чтобы приготовиться на-завтра въ завѣтный походъ подѣ Силистрію, канонада которой, успиваясь по вечерамъ, ревѣла и грохотала, будто сзывая все человѣчество на кровавый пиръ.

Все время нашего здѣсь пребыванія не только туртукайскіе жители, но и жители окрестностей, откуда Турки не успѣли угнать поселянъ, извѣляли намъ величайшее расположеніе, ловили Турокъ и ихъ сторонниковъ,

скитавшихся въ окрестностяхъ, и доставляли ихъ къ намъ. Такимъ образомъ было намъ доставлено въ два дни человѣкъ пять, отъ которыхъ однако свѣдѣній, сколько-нибудь интересныхъ, мы не получили. Болгаре, намъ преданные, ревностно желали драться за насъ и въ нашихъ рядахъ, просили только оружія и пороху. Мы роздали нѣсколько фунтовъ пороху, нѣсколько ружей и запасъ пуль. Въ большемъ количествѣ раздавать оружіе мы не могли и представили это обстоятельство на разрѣшеніе главнокомандующаго, но едва ли это будетъ разрѣшено, потому что вооруженіе жителей было бы возможно и могло бы имѣть рѣшительные результаты только еслибы мы шли впередъ и страна, нами вооружаемая, была бы занята нашими отрядами на значительномъ пространствѣ.

Между прочимъ Болгаре указали намъ обильные запасы разныхъ продуктовъ, принадлежавшихъ турецкому провіантскому магазину и приготовленныхъ для квартировавшихъ здѣсь войскъ: пшеницу, ячмень, соль, мансъ, печеный хлѣбъ. Конечно, всѣ эти запасы были забраны нами и раздѣлены между войсками нашего отряда болѣе или менѣе уравниательно.

17 мая.—Ольтеница.

..... мертвымъ мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ.

А. Майковъ.

Итакъ, сегодня въ походъ; но еще взгляды на покидаемое пространство,—жаль съ нимъ расстаться!...

Предъ нами уже отдавшійся намъ гор. Туртукай. Какое знакомое всякому изъ насъ названіе! Съ дѣтства нераздѣльно оно въ нашей памяти съ безсмертнымъ именемъ Суворова. Исторія славы сѣвернаго героя какъ бы одною изъ первыхъ своихъ страницъ имѣетъ блистательное взятіе Туртукаля. И вотъ мы на тѣхъ же поляхъ, съ которыхъ герой совершалъ свои богатырскіе набѣги: вотъ мѣста его стоянокъ; вотъ гдѣ онъ отплылъ отъ валахскаго берега Дуная; дорога, по которой онъ поднялся на обрывистую высоту непріятельскаго берега; турецкія батареи, быть-можетъ, на тѣхъ же мѣстахъ существовавшія тогда, какъ и теперь; вотъ самый городъ, павшій два раза къ стопамъ героя; всѣ мѣста знаменитыхъ битвъ, скалы и крутизны, омывыя кровью нашихъ предковъ, павшихъ въ жестокомъ бою! Славная, но не полная картина: тѣ же живописныя высоты праваго берега, покрытыя множествомъ дикихъ розъ и терновникомъ, сокращая собою горизонтъ, смотря на насъ сквозь сумракъ дали, какъ смотрѣли нѣкогда на дѣла Суворова; у нашихъ ногъ несетя тотъ же Дунай, сливаясь съ быстрыми водами Аржиса,—Дунай, который не разъ пѣнился въ оны дни подъ русскими ладьями; то же прекрасное небо раскинулось лазурнымъ шатромъ надъ нашими головами, какъ нѣкогда надъ грозными биваками суворовскихъ солдатъ. Окрестная природа все та же, но гдѣ теперь эти чудо-

богатыри, не знавшіе себя равныхъ въ бояхъ и предъ силою которыхъ склонялось здѣсь все? Гдѣ эти священные жертвы, цѣною крови которыхъ куплены были суворовскія побѣды, гдѣ ихъ могилы? Помолиться бы на нихъ, оросить бы ихъ сочувственною слезою!... Нѣтъ слѣдовъ этихъ могилъ: рука времени все сгладила, все истребила,—исчезло изъ людской памяти даже самое преданіе о мѣстѣ послѣдняго успокоенія храбрыхъ. Какая печальная участь! Ужели то же ждетъ и насъ, наслѣдниковъ ихъ славы, ихъ готовности во имя креста Господня идти на смерть, наслѣдниковъ быть-можетъ ихъ участи—лечь костями за отчизну на чужой сторонѣ? Ужели и на насъ повѣтъ забвеніе своимъ печальнымъ крыломъ и даже не найдутъ могилъ нашихъ тѣ братья, которые смѣнятъ насъ на этихъ поляхъ и чрезъ сотни лѣтъ, быть-можетъ, придутъ сюда во славу русскаго имени рѣшать оружіемъ новые, имъ современные вопросы?... Очень возможно, что насъ, пишущихъ эти строки, или нашихъ, еще живущихъ братій—и ждетъ такая участь; но не такова доля тѣхъ, которые въ битвѣ съ Турками, 23-го октября 1853 года, на этихъ самыхъ поляхъ принесли жизнь свою въ жертву святому дѣлу родины и православія и приняли на грудь свою роковые удары... Мы, товарищи падшихъ героевъ, искупившихъ, быть-можетъ, собственною жизнью наше спасеніе,—мы употребили всѣ силы, чтобы видимымъ образомъ увѣковѣчить память храбрыхъ, которая не умретъ въ нашей отчизнѣ, и достойно отмѣтить ихъ незабвенную могилу.

Съ Высочайшаго разрѣшенія, офицеры и нижніе чины отряда, сражавшагося 23-го октября 1853 года подъ Ольтепницею, съ помощію постороннихъ жертвователей, сдѣлали денежное приношеніе для сооруженія на собранную сумму надгробнаго памятника на могилѣ убитыхъ въ семь сраженій и сверхъ того для богатаго вклада въ православную Ольтепницкую церковь *). Предпріятіе наше приведено къ окончанію: памятникъ и приношеніе въ церковь готовы. Сегодня, 17 мая, послѣ божественной литургіи, совершенной соборне въ Ольтепницкой церкви старшимъ священникомъ Якутскаго пѣхотнаго полка Евгеніемъ Меглицкимъ и мѣстнымъ валахскимъ духовенствомъ, послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи Великому Государю нашему побѣды и одолѣнія враговъ Церкви Православной и поборницы ея—Россіи, послѣ возглашенія многолѣтія Государю Императору и Его Августѣйшему Дому, величественно двинулся крестный ходъ изъ церкви къ вновь сооруженному памятнику, по тому самому, крестному для многихъ изъ насъ пути, по которому мы шли такъ недавно въ борьбу съ нашимъ врагомъ.

Давно ли, кажется, совершался этотъ воинственный *ходъ*, а теперь совершается иной. Какая разница въ ихъ видѣ и значеніи! Тогда двигались передъ полками одни боевыя знамена, теперь тѣ же знамена развѣваются вмѣстѣ съ церковными хоругвями. Тогда слышна была лишь удалая пѣсня

*) Ниже будетъ объяснена мысль, побудившая сдѣлать вкладъ именно въ Ольтепницкую церковь, и изъ чего состоитъ этотъ вкладъ.

солдата, съ которою онъ привыкъ стремиться въ бой; теперь не слышно пѣсенъ мірскихъ,—слышна лишь торжественно воспѣваемая молитва о всѣхъ и за вся. Тогда кипѣла радость на всѣхъ лицахъ, особый огонь—огонь вражды—пылалъ въ очахъ солдата; теперь видимъ слезы на рѣсницахъ уса- чей, и взоръ, не потуплявшійся предъ врагомъ, потупился, померкъ... Это воздается послѣдняя честь падшимъ въ честномъ бою, то—послѣдняя слеза товарища, друга, брата падаетъ на родимый прахъ. Тогда гремѣла пѣнь торжественнаго благословенія тѣмъ, кто только шелъ впередъ, кто только стремился разить враговъ Креста и ихъ поборниковъ; теперь—пѣнь хвалы тѣмъ, кто увѣнчался вѣнцомъ мученическимъ, кто теперь за насъ у Пре- стола Божія приноситъ свои чистыя молитвы, безъ сомнѣнія угоднѣйшія тѣхъ, какія мы дерзаемъ въ настоящія минуты возносить за нихъ. Тогда возглашали ратники Христовы имъ столь знакомый кликъ побѣды; теперь сумрачно стоятъ они же на могилахъ братій. Тогда лишь слышался громъ орудій, раскаты батальнаго огня, стоны раненыхъ; теперь—только говоръ молитвы, отдаленный звукъ колокола. Тогда стлался до земли тяжелый порохо- вой дымъ; теперь возносится горѣ ароматный ѳиміамъ. Тогда гремѣла воин- ская пѣсня, теперь—заупокойная. Заупокойная!... Великое и многозначитель- ное слово, ибо если надъ могилою уснувшего сномъ вѣчнымъ на покойномъ ложѣ, въ кругу родимой семьи, на старости лѣтъ, печальныя и полныя вы- сокой думы слова паннихиды болѣзненно сжимаютъ сердца присутствующихъ и долу клонятъ даже суровое чело закаленного въ бояхъ солдата, то какое же впечатлѣніе слова эти должны производить, когда раздаются надъ пра- хомъ людей, отошедшихъ къ вѣчности, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полнотѣ силъ, людей, съ увлеченіемъ и любовью невшихъ свою жизнь въ жертву отечеству, во имя Божіе,—людей, покинувшихъ все и съ восторгомъ устремившихся туда, куда имъ указала державная воля Государа!...

Предъ нами усыпальница героевъ-мучениковъ. Черезъ бѣлыя узорчатыя врата, стоящія въ срединѣ живой ограды изъ плакучихъ ивъ, обведенной съ двухъ сторонъ глубокими рвами, вступаемъ въ юный, нами насаженный садъ, которому, если благословить его Господь, суждено чрезъ нѣсколько лѣтъ, своими величавыми платанами, душистыми бѣлыми акаціями, розами, олеандрами, сребристыми тополями и развѣсистыми шелковицами *) раски-

*) Въ день освященія сооруженнаго нами памятника, мы, кромѣ живой изгороди, его окружающей, состоящей изъ акаціи, совершенно укоренившейся и давшей сильный ростъ, насчи- тали 152 дерева изъ числа посаженныхъ нами вокругъ памятника, вполне принявшихъ и обшавшихъ въ близкомъ будущемъ достигнуть полного и роскошнаго развитія.

Много лѣтъ прошло съ того времени, пока мы имѣли утѣшеніе убѣдиться, что труды наши не пропали даромъ. Въ послѣднюю войну обстоятельства такъ сложились, что намъ самимъ, несмотря на все наше желаніе, не удалось посѣтить Ольтеницы, но въ Бухарестѣ мы встрѣтились съ извѣстнымъ Каразинымъ, только-что оттуда возвратившимся, который передалъ намъ и впоследствии напечаталъ въ „Иллюстрированной хроникѣ Восточной войны“ за 1877 годъ слѣдующій рассказъ о посѣщеніи созданнаго нами памятника: „Въ извѣст- номъ Ольтеницкомъ сраженіи 23 октября 1853 года наши полки понесли не мало жертвъ.

„Въ память павшимъ героямъ посреди поля, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился перевязочный пунктъ, насыпанъ довольно высокій курганъ и сооруженъ памятникъ, уцѣлѣв-

нутъ надъ послѣднимъ жилищемъ нашихъ братій, павшихъ въ виду этихъ мѣстъ, навсегда незабвенныхъ въ исторіи русской славы.

По каменнымъ ступенямъ поднимаемся на большой зеленый курганъ, огражденный каменными тумбами, соединенными цѣпами, и усаженный цвѣтами. Подъ этимъ куртаномъ могила ольтеницкихъ героевъ. На кирпичномъ глубокомъ и прочномъ основаніи лежитъ, посреди кургана, большая мраморная плита, имѣющая въ возглавіи мраморную же пирамиду, увѣнчанную крестомъ, утвержденнымъ надъ погребальною урною. На одной сторонѣ пирамиды читаемъ: „Подъ симъ камнемъ почіютъ: штабсъ-капитанъ Жаворонковъ, поручики: Прохоровичъ, Зиненко *) и подпоручикъ Орѣховъ“. На другой сторонѣ пирамиды изсѣчено: „Общество офицеровъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка соорудило сей памятникъ въ память товарищей, убитыхъ въ сраженіи съ Турками, при с. Ольтеницѣ, 21 октября 1853 года“.

Подъ православнымъ крестомъ, подпирающимъ луку, изсѣчена на мраморной доскѣ слѣдующая надпись:

„Павшіе въ сраженіи съ Турками при с. Ольтеницѣ, 23-го октября 1853 г., нижніе чины полковъ Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ, 11-й артиллерійской бригады батареи: батареей № 3-го и легкой № 5-го.

„Прійдетъ часъ, въ онъ же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ“.

Какая безыскусственная, но краснорѣчивая повѣсть, какое утѣшительное заключеніе!

Для торжественнаго дня открытія памятника офицеры и солдаты, по возможности, убрали и, такъ сказать, принарядили его свѣжими вѣнками, сплетенными въ Туртукаѣ изъ вѣтвей найденнаго тамъ молодого лавра; одинъ изъ вѣнковъ положенъ на плиту могилы; другой повѣшенъ на крестѣ пирамиды въ напоминаніе терноваго вѣнца Господа, принесшаго Себя въ жертву за человѣчество и преобразившаго терновый вѣнецъ Своихъ страданій въ вѣнецъ славы вѣчной. Цѣпи, окружающія памятникъ, обвиты были также гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ и роскошныхъ розъ, нарванныхъ на ту-рецкомъ берегу Дуная; цвѣтами же устланы были ступени и верхняя площадка кургана, будто роскошнымъ ковромъ, сотканнымъ окрестною природою во славу тѣхъ, которые своею кровью упрочили громкую извѣстность этому уголку міра, не разъ уже прославленному русскимъ оружіемъ.

шій и до настоящаго времени во всей своей неприкосновенности. Прошло 24 года, и Ольтеница, это маленькое селеніе, разрослась въ довольно изрядный, весьма красивый, чистенькій городокъ. Памятникъ русскимъ героямъ очутился почти въ центрѣ; около него воздвигнута хорошенькая, оригинальная церковь, изображенная на приложенномъ рисункѣ, а молодыя деревца, посаженные вокругъ памятника, успѣли разростись въ густой, тѣнистый садъ“.

Далѣе слѣдуетъ описаніе сооруженнаго нами памятника и надписи на немъ, приведенныя въ текстѣ.

*) Поручикъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка Зиненко умеръ отъ ранъ въ с. Будешти и похороненъ на погостѣ тамошней православной церкви; бранные останки его предполагалось перенести въ общую усыпальницу убитыхъ 23-го октября, поэтому его имя изсѣчено на пирамидѣ, хотя онъ и не подлѣ нею покоится.

На надгробной плитѣ, до половины закрытой нарчевымъ покровомъ, стояли, отличавшіеся своею новизною отъ прочей церковной утвари, два изящные свѣщника и лежали: Евангеліе въ прекрасной оправѣ, кадило, траурные черные бархатные покровы на сосуды и такія же ризы (въ которыхъ священнослужители не могли облачиться по церковному уставу, не допускаящему черныхъ облаченій до дня Вознесенія Господня). Предметы, нами исчисленные—часть вклада, сдѣланнаго нами въ Ольтеницкую церковь. Солдаты съ особеннымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ смотрѣли на Евангеліе, которому суждено остаться здѣсь на вѣки памятникомъ ихъ воинственной доблести и христіанскаго благочестія. *)

Какъ все торжественно здѣсь въ настоящія минуты! Самая окрестность

*) Какъ бы велика ни была предъ Господомъ заслуга человѣка во время земной его жизни, но по отхождѣ его къ вѣчности онъ нуждается въ молитвахъ за себя. Лечь костыли въ борьбѣ за Святую Вѣру, за Крестъ Господень, при неуклонномъ исполненіи своего долга къ Царю и Отечеству—заслуга великая,—право на мученическій вѣнецъ! Но и за этихъ воиновъ Христовыхъ мы недостойные смѣемъ и должны возносить свои грѣшныя молитвы,—и чѣмъ больше ихъ, этихъ усердныхъ моленій, тѣмъ достойнѣе мы можемъ называться братьями со славою павшихъ! Св. Церковь православная возсылаетъ неумолчныя мольбы о упокоеніи въ небесныхъ обителяхъ за дѣло Церкви живыхъ свои положившихъ, но эти моленія—общія, хотя и назначены особые дни для поминовенія павшихъ и молитвы ко Господу объ упокоеніи ихъ; поминанія же частныя, совершающіяся независимо отъ общихъ, всегда пріятны Господу и полезны почившимъ—поминаемымъ. Эта мысль побудила насъ, ставя видимый памятникъ на могилѣ нашихъ павшихъ братьевъ, создать имъ же памятникъ духовный, вложивъ въ Ольтеницкую церковь, весьма убогую церковною утварью, цѣнную утварь—работы Сазикова и столько различныхъ вещей, приличныхъ церкви и ей необходимыхъ, на сколько достаточнымъ окажется денегъ. Кромѣ того, чтобы память о битвѣ 23-го октября осталась вѣчною въ полкахъ: Селенгинскомъ, Якутскомъ пѣхотныхъ и Ольбюпольскомъ уланскомъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, въ полковыя церкви оныхъ, равно къ образамъ батарей: батарейной № 3-го и легкой № 5-го 11-й артиллерійской бригады—принести по небольшому изящной работы образу (тоже трудовъ Сазикова) Св. Іакова Апостола, Брата Божія, въ день празднованія котораго совершилась битва. На этихъ образахъ должна быть приличная надпись, кратко повѣствующая о событіи.

Принесли вкладъ нашъ въ Ольтеницкую церковь съ Высочайшаго на то разрѣшенія Государя Императора, о чемъ увѣдомлено валахское правительство и наше генеральное консульство въ Валахіи, мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, обязываемъ священнослужителей этой церкви ежегодно, въ день Ольтеницкой битвы 23-го октября, на могилѣ воиновъ служить панихиду за упокой въ этой битвѣ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, въ оной полученныхъ. Слѣдующія части вклада уже принесены въ церковь:

Большое напестольное Евангеліе, на славянскомъ и валахскомъ языкахъ, позлащенное по обрѣзу, въ малиновой бархатной оправѣ и серебряномъ окладѣ, съ изображеніемъ на фнифти четырехъ Евангелистовъ и посредній Вскресенія Христова, а на оборотѣ съ четырьмя чеканными серебряными позолоченными угловыми украшеніями, такими же застѣжками и такою же, въ красивомъ бордюрѣ, доскою, съ выгравированною на ней надписью: „Сіе Евангеліе сооружено въ память битвы при с. Ольтеницѣ, 23 го октября 1853 г., офицерами и нижними чинами отряда россійскихъ войскъ, имѣвшихъ означенную битву съ Турками, и принесено въ даръ православной Ольтеницкой церкви, съ тѣмъ, чтобы ежегодно 23-го октября на могилѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, что близъ деревни Новая Ольтеница, совершалась панихида за упокой въ сей битвѣ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, въ оной полученныхъ.“

„Господи, прими молитву нашу; упокой души братьевъ нашихъ, за великое дѣло Твое живить свой положившихъ, и вознеси руки великаго Императора нашего Николая Павловича на плечи враговъ Твоихъ!“

Сооруженіе этого Евангелія обошлось въ 122 руб. сер. Два большіе напестольные трехсвѣщника накладнаго серебра, такое же кадило и напой съ покровомъ стоятъ—20 руб. 55 коп. Траурные покровы на священные сосуды и ризы—48 руб. 11 коп. (Немного, относительно говоря, лѣтъ прошло со времени этого вклада, всего съ чѣмъ-то тридцать, а между тѣмъ теперь самому даже кажется страннымъ, что за такую умѣренную сумму было воз-

будто приняла праздничный видъ. Какъ прекрасно мѣсто вѣчнаго упокоенія храбрыхъ, и какъ сладко думать, что прелесть этого мѣста, отрада, имъ проливаемая на душу посѣтителей, будетъ не преходящая и мимолетная, а чѣмъ долѣе будетъ существовать памятникъ съ его садомъ, тѣмъ будетъ казаться прекраснѣе. Духовное общеніе съ почившими для сего міра какъ-то полнѣе бываетъ въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, въ виду величавой картины природы; какъ-то больше свѣтлыхъ думъ и неземныхъ помысловъ тѣснится тогда въ душу и какъ-то полнѣе отрѣшается человѣкъ отъ всего дольняго.... Дастъ Богъ, вертоградъ, нами насажденный, разрастется и обѣнитъ своею прохладною тѣнью усыпальницу героевъ. Объ одномъ можно пожалѣть: что могилу нельзя было устроить нѣсколько далѣе отъ жилищъ и

можно получить такіа превосходныя вещи, какъ упомянутое Евангеліе работы лучшаго мастера того времени—Сазикова. Такъ потеряли свою цѣнность деньги и такъ поднялись на все цѣны!...

Затѣмъ въ Ольгеницкую церковь предназначены заказанные Н. П. Сазикову на сумму 460 руб. сер. крестъ напестольный и потиръ съ дискосомъ, двумя тарелочками, ковшикомъ для теплоты, лжицею и копіемъ.

Такой цѣнный вкладъ дѣлаемъ съ тѣмъ, чтобы оставить въ чужой землѣ достойный памятникъ не только русскаго благочестія, столь извѣстнаго уже міру, но и достойный памятникъ русскаго чеканнаго искусства, поставленнаго въ послѣднее время на высокую степень совершенства, особенно въ производствѣ церковныхъ вещей.

Крестъ и утварь эта, судя по рисункамъ оныхъ, доставленнымъ намъ Н. П. Сазиковымъ, дѣйствительно превосходны; въ созданіи ихъ виденъ строгій вкусъ, отсутствіе излишнихъ украшеній, совершеннѣйшая простота и высокое достоинство чекана. Словомъ, эта изящная утварь достойна своего извѣстнаго мастера; эскизы утвари составлены въ древнемъ византійскомъ стилѣ, столь родственномъ русскому, отчасти на подобіе утвари, готовящейся для Исаакіевскаго собора.

На поддонѣ чаши надпись:

„Господи, помини во царствіи Твоемъ воинъ православныхъ, за торжество Креста Твоего павшихъ 23-го октября 1853 года предъ с. Ольгеницею, въ битвѣ съ Турками, и умершихъ отъ ранъ, въ оной полученныхъ“.

На оборотѣ напестольнаго креста видимъ надпись, на валахскомъ языкѣ: „Крестъ сей, Евангеліе, церковная утварь, траурныя покровы на сосуды и ризы—сооружены офицерами и солдатами отряда Императорскихъ российскихъ войскъ, имѣвшихъ битву съ Турками 23-го октября 1853 года, при атакѣ Ольгеницкаго карантина, и принесены въ даръ сей церкви съ тѣмъ, чтобы священнослужители оной, ежегодно въ день означенной битвы, совершали на могилѣ убитыхъ павшихъ, за упокой убитыхъ въ сей битвѣ и умершихъ отъ ранъ, въ оной полученныхъ, рабовъ Божіихъ, майоровъ: Александра Галье, Василія Снявскаго; штабсъ-капитановъ: Филиппа Лютера, Ивана Жайворонкова, Федора Зимина; поручиковъ: Петра Прохоровича, Николая Зиненко, подпоручика Петра Орѣхова; прапорщиковъ: Егора Зазулевскаго, Алексѣя Попандопола, Раздеришина, Василія Михайлова, унтер-офицеровъ и рядовыхъ, а равно умершихъ отъ болѣзни и погребенныхъ на погостѣ церковномъ: поручика Александра Шавинскаго и медика Виктора Субботина“.

За образа Св. Іакова отдано 125 руб. На сооруженіе кургана, посадку деревьевъ, устройство памятника и ограды употреблено 327 руб. 22 коп.

Потребная на все вышеуказанное сумма образовалась добровольной складчиной. Въ счетъ оной поступило отъ: Сербскаго Князя Милоша Обреновича—90 р.; штаба 4-го корпуса 107 руб. 50 коп.; штаба 11-й пѣхотной дивизіи—25 руб. 75 коп.; Селенгинскаго пѣхотнаго полка 73 руб. 40 коп.; Якутскаго пѣхотнаго полка 226 руб. 30 коп.; Охотскаго егерскаго полка 117 руб. 80 коп.; Ольбюпольскаго уланскаго полка 169 руб. 75 коп.; 11-й артиллерійской бригады 67 руб. 48 коп.; легкой № 5 батареи той же бригады 8 руб.; батареейной № 3-й батареи той же бригады 84 руб. 61 коп.; командира казачьяго № 34-й Донскаго полка полковника П. В. Власова 30 руб. 90 коп.; полковаго штабъ-дѣкаря Камчатскаго полка Виктора Субботина 13 руб. 15 коп.; рядоваго Даниила Волкова 1 руб. 10 коп.; найдено въ разное время на сооружавшемся памятникѣ—3 руб. 14 коп.; отъ продажи изданнаго мною въ Бухарестѣ литографированнаго вида поля Ольгеницкой битвы и сооруженнаго на ономъ памятника—25 руб.; всего—1.043 р. 88 к.

ближе къ цвѣтущему берегу Аржиса, чтобы миръ и безмолвіе могилы не нарушались хлопотливымъ шумомъ обыденной жизни,—чтобы въ этомъ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія только и слышалось щебетанье птицъ; немолчный рокоть быстрыхъ волнъ Аржиса, сердечный вздохъ стараго солдата, посѣтившаго могилу собратій, или молитвенный возгласъ благочестиваго странника: „Господи! вѣчныхъ твоихъ благъ сподоби преставившихся отъ насъ, упокая ихъ въ нестарѣющемъ блаженствѣ Твоемъ!...“

Но... обратимся къ разсказу.—Слышимъ, чувствуемъ: льются сладостныя пѣсни Дамаскина на раны сердца, какъ цѣлебныя струи нѣкоего духовнаго врачеванія! Уже окончилось освященіе памятника и совершается панихида соборне. Съ душевнымъ трепетомъ внимаютъ ей предстоящіе воины, составившіе каре вокругъ братской могилы.

Не видывали мы панихиды трогательнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнѣе настоящей. Лица окружающихъ были грустны; солдаты молились усердно; многіе простояли всю службу на колѣнахъ; другіе клали частые земные поклоны. Сладостно было видѣть въ суровыхъ воинахъ такое сердечное чувство, такую богобоязненность, такую теплую любовь къ усопшимъ братіямъ. Но вотъ раздалось „вѣчная память“—этотъ возгласъ, исторгающій слезы у самыхъ твердыхъ, и всѣ предстоявшіе тутъ пали ницъ и многіе изъ насъ, прильнувъ челою къ землѣ, такъ недавно еще орошенной нашею кровью, казалось, не могли, не хотѣли оторваться отъ нея, какъ отъ лона матери, на которомъ скоро, быть-можетъ, и намъ суждено обрѣсть вѣчное упокоеніе. Глубоко въ душу западаютъ подобныя мгновенія; жадной скорѣйшихъ битвъ, новыхъ подвиговъ, побѣдъ или смерти наполняютъ они грудь солдата.....

Кончается служеніе. Святою водою окроплено загорѣлое чело предстоявшихъ, благовонные цвѣты могильнаго сада и могила воиновъ. Кончился обрядъ духовный, началась церемонія военная. Каре перестроилось въ общую колонну. Войска проходили мимо памятника, воздавая тѣмъ послѣднюю воинскую честь почившимъ.

Освящая памятникъ сегодня въ день нашего выступленія подъ крѣпость Силистрію, мы прощаемся съ могилою братій, будто принимая отъ нихъ благословеніе на новые подвиги.

Въ церемоніи открытія памятника участвовали: штабъ 11-й пѣхотной дивизіи, дивизіонъ гусаръ Его Королевскаго Высочества принца Фридриха-Вильгельма Прусскаго полка, бывшая въ дѣлѣ 23-го октября батарейная № 3-го батарея 11-й артиллерійской бригады и, по особенному счастливому случаю, баталіонъ Якутскаго пѣхотнаго полка, проходившій въ этотъ день изъ с. Будешти въ г. Туртукай. Такимъ образомъ торжество освященія случайно увеличилось бѣльшимъ числомъ дѣйствователей битвы.

Весело было смотрѣть, какъ стройно шли ряды войскъ..... Казалось, воскресло утро 23-го октября; по этимъ самымъ мѣстамъ идутъ, какъ шли тогда, тѣ же Якутцы, артиллеристы, многіе изъ тѣхъ же начальниковъ, мно-

гіе изъ тѣхъ же офицеровъ. Точно также, пріодѣтый синею пеленою дали, смотритъ на насъ изъ-за Дуная крутой берегъ Турціи, на которомъ виднѣются уже пики нашихъ казачьихъ пикетовъ; такъ же безмолвствуетъ карантинъ, будто ожидая нашего приближенія, только ядра русскія измѣнили видъ этого зданія, избивъ стѣны, крыши, окружавшія его деревья; только въ нашихъ рядахъ недостаетъ многихъ изъ тѣхъ, которые въ незабвенное утро 23-го октября такъ весело шли впередъ!... Начальникъ отряда генерал-лейтенантъ Павловъ благодарилъ много разъ солдатъ за ихъ молодецкій видъ, отличную выправку, славный шагъ, за сбереженіе одежды и оружія, вообще за все то необходимое военное щегольство, достиженіе котораго стоить большихъ трудовъ даже въ мирное время и которое явилось здѣсь въ полномъ блескѣ, какъ будто мы были во все время гдѣ-нибудь въ мирномъ учебномъ лагерѣ, а не на Дунаѣ, не восьмой мѣсяцъ послѣ того, какъ стоимъ въ авангардѣ, въ ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятеля, и точно какъ будто не бывали въ жестокомъ огнѣ, въ частыхъ передвиженіяхъ, тревогахъ, стычкахъ!....

Церемоніальный маршъ кончился. Ружья составлены въ козла около памятника, что увеличило эффектъ картины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, по старому русскому обычаю — поминать покойниковъ, былъ приготовленъ для участвовавшихъ въ парадѣ завтракъ: солдатъ ждала чарка водки, добрый кусокъ мяса и булка. Первую чарку, въ память павшихъ на этомъ самомъ полѣ, вознесенную начальниками, сопровождали слова „вѣчная память!“ За нероскошною трапезой закипѣла шумная бесѣда; въ тѣсныхъ кружкахъ пошли толки о битвѣ; участвовавшіе въ ней рассказывали, гдѣ проходили они, какъ завязалась битва, указывали мѣста, гдѣ бой кипѣлъ жарче, гдѣ палъ кто-либо изъ начальниковъ, или изъ товарищей, говорили много про оставшихся въ живыхъ. Воспоминанія освѣжались картиною мѣстности самаго боя. А между тѣмъ офицеры кончали свой завтракъ. Загремѣли тосты за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго Дома, христіанскаго воинства русскаго и мужественныхъ вождей его; наконецъ за здравіе всѣхъ соотечественниковъ, которые помогаютъ святому и великому дѣлу; за здравіе всѣхъ тѣхъ собратій по вѣрѣ и духу, которые или не имѣли еще силы поднять оружіе на сокрушеніе враговъ Христовыхъ и ихъ союзниковъ, или, по крайней мѣрѣ, гнетоме бременемъ золь и вѣковыхъ мученій, могли только указать на поцранный Крестъ Господень, на Гробъ Христовъ въ рукахъ враговъ Его и воскликнуть:

Возстань, о воинство Христово,
На Мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ
Созданье злобы и коварства,
Ихъ тяготящее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой!

Идите ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечемъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!...

Такъ совершилось освященіе мирной усыпальницы героевъ 23 октября, такъ совершилась первая на ней панихида. Говорю—первая, потому что за нею послѣдуетъ непрерывный рядъ другихъ, имѣющихъ совершаться на этой могилѣ, ежегодно въ день битвы, священнослужителями Ольтеницкой церкви, которые, такимъ образомъ ставъ на духовной стражѣ у опочившихъ здѣсь, будутъ съ тѣмъ вмѣстѣ блюсти наружное благолѣпіе этого священнаго мѣста.

18 мая.—На походѣ подѣ кр. Силистрію бивакъ въ степи.

Что дѣлаютъ теперь наши новые враги? гдѣ они и какія принимаютъ Европа мѣры на нашу бѣду?

Омеръ-паша сосредоточилъ свою 45-тысячную армію подѣ Шумлоу. Армія эта дурно содержана: ея хозяйственная часть въ самомъ жалкомъ положеніи, побѣги большіе; но турецкій главнокомандующій не унываетъ и только желаетъ, чтобы наши войска пробыли хоть одинъ мѣсяцъ въ Добруджѣ, надѣясь, что опустошенія, какія у насъ будутъ произведены болѣзнями, свойственными тому краю, дадутъ ему право считать себя выигравшимъ кампанію. Однако Омеръ-паша сильно ошибся въ расчетѣ: въ Добруджѣ у насъ только небольшіе отряды, и наши войска подѣ Силистріею пользуются прекраснымъ климатомъ и всѣми возможными на войнѣ удобствами жизни. Здоровье нашихъ войскъ совершенно удовлетворительно. Намъ бы только взять Силистрію! Вѣсть объ ея осадѣ самъ Омеръ-паша привезъ въ Варну, гдѣ съѣхались французскій и англійскій главнокомандующіе для совѣщанія съ нимъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, Силистрія долѣе десяти дней не могла бы держаться при рѣшительномъ ударѣ на нее нашихъ войскъ, но Омеръ-паша надѣялся на ея 18-тысячный гарнизонъ и готовъ былъ поручиться передъ новыми союзниками за ея болѣе продолжительную, упорную защиту. На военномъ совѣтѣ, когда союзные главнокомандующіе потребовали отъ него точной картины положенія его арміи и арміи нашей, для опредѣленія, что должны предпринять союзники въ настоящихъ обстоятельствахъ,—Омеръ-паша энергически высказалъ имъ бесполезность полумѣръ съ ихъ стороны въ настоящія минуты, когда Силистрія, которая хотя имѣетъ средства держаться до шести недѣль, можетъ пасть вдругъ подѣ напряженными ударами Русскихъ. Послѣдствіемъ этого наденія, настаивалъ Омеръ, будетъ, что двухсоттысячная армія князя Паскевича устремится на Шумлу, гдѣ если Омеръ и не будетъ разбитъ тотчасъ, то будетъ запертъ и дѣйствія его будутъ раздѣлены съ дѣйствіями союзниковъ, тогда какъ двинется онъ немедленно на помощь турецкой арміи, то какал бы судьба ни постигла Силистрію, Русскіе будутъ выброшены изъ Турціи.

Результатомъ этого совѣта было рѣшеніе: дивизію Англичанъ немедленно перевезть въ Девино, а дивизію Французовъ—въ Варну; но когда, посѣтивъ укрѣпленный шумлянскій лагерь, Сентъ-Арно и Рагланъ услышали отъ Омеръ-Паши, что Силистрія гибнетъ подъ усиленными ударами Русскихъ и что двѣ дивизіи союзниковъ ничего не значатъ вмѣстѣ съ арміею Омера-Паши противъ войскъ князя Паскевича, союзные главнокомандующіе измѣнили свое рѣшеніе и опредѣлили: Туркамъ выступить на два перехода впередъ отъ Шумлы съ 30-ю тысячами войска и 120-ю пушками, притянувъ къ себѣ немедленно войска изъ Софіи и Виддина, что составитъ вмѣстѣ до семидесяти тысячъ войска, съ 180-ю пушками, къ нимъ присоединить 20 тысячъ Англичанъ и 30 тысячъ Французовъ, чтобы было чѣмъ удержать Русскихъ до сосредоточенія остальныхъ силъ.

Итакъ, очень, очень скоро мы увидимъ вмѣстѣ съ бунчуками Магомета наполеоновскихъ орловъ и нѣкогда почтенное знамя *Старой Англіи*!... Что-жь,

«Иль намъ съ Европой спорить ново?»

Скоро надо ждать гостей, потому что энергическій Сентъ-Арно изъ Варны пошелъ на пароходѣ въ Галлиполи 10-го мая (ст. ст.) ускорить собственнымъ присутствіемъ прибытіе французскихъ войскъ въ Варну, употребивъ на его перевозку всю Французскую эскадру, находящуюся въ Черномъ морѣ, также какъ лордъ Рагланъ употребилъ на перевозку отряда своихъ войскъ весь флотъ адмирала Дундаса. Пишутъ, что 6-го іюня Сентъ-Арно нецеремѣнно хочетъ имѣть уже въ Варнѣ сорокъ тысячъ собственно французскаго войска. Посмотримъ, удастся ли французскому вождю осуществить свой огневой планъ.

19 мая.—Г. Каларашъ.

Вступая въ Каларашъ, слышимъ, въ городѣ гремѣть салютаціонные выстрѣлы. Что за причина? Не побѣду ли торжествуютъ?... Да, побѣду—смерти, а именно: хоронятъ генерала Сельвана!...

— Царство ему небесное, славный былъ человекъ!—говорятъ солдаты.

— Способный генералъ,—прибавляютъ офицеры,—деликатный въ обращеніи, вѣжливый, умный, съ большимъ тактомъ въ жизни и въ службѣ: твердый, рѣшительный и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожный; во всю служебную жизнь онъ, кажется, невѣрнаго шага не сдѣлалъ, глубоко его не обдумавъ прежде.

— Да, подите, всѣ знавшіе Сельвана знаютъ, что онъ вполне обладалъ нечисленными качествами, а посмотрите, какъ иногда судьба смѣется надъ людьми: и самъ онъ погибъ, и другихъ погубилъ—по опрометчивости!! Послушайте, что говорятъ въ Главной квартирѣ.

Кончивъ таковую бесѣду съ встрѣчными товарищами, прежде насъ сюда пришедшими, я отправился поклониться едва насыпанной могилѣ, надъ

которую со временем зажжется обличительный пламенный историк и, быть-может, возвратит должный свѣтъ имени въ этой могилѣ угасшему!...

Въ ночь съ 16 на 17 мая, блистательно отразивъ турецкую вылазку противъ работъ лѣваго фланга, генераль Сельванъ, въ моментъ, когда Турки сдѣлали такую же попытку противъ праваго фланга, ударилъ на фортъ Арабъ-Табію, находившійся противъ лѣваго крыла нашихъ осадныхъ работъ. Безстрашные солдаты Сельвана вошли на турецкое укрѣпленіе... Но дѣло кончилось гибельно для насъ... изъ строя нашихъ вышло до 800 человекъ, въ числѣ которыхъ оказалось до 270-ти убитыхъ и между ними генераль Сельванъ.

Вчера разобрали тѣла; въ ихъ числѣ найдено тѣло генерала Сельвана въ первыхъ рядахъ убитыхъ: оно было страшно изуродовано кровожадными нашими врагами, покрыто грязью, пылью, конечно обнажено... Люди генерала Сельвана узнали его тѣло лишь по сѣдинѣ на груди, по пальцамъ ногъ,—на немъ не было образа человѣческаго...

Упокой Господи душу несчастнаго страдальца!... быть-можетъ онъ былъ еще живъ, когда достался въ руки Туркамъ.

Сельвана я зналъ съ Венгерской кампаніи; тамъ еще я успѣлъ заслужить его расположеніе, внослѣдствіи онъ хотѣлъ взять меня къ себѣ въ адъютанты, но помѣшали разныя служебныя обстоятельства. Еслибъ это состоялось, то, быть-можетъ, моя голова была бы теперь тамъ же, гдѣ и его. Судьба каждаго въ рукахъ Господнихъ! Сельванъ былъ любимъ всѣми его знавшими. Кроткая наружность его, благородныя сѣдины, ласковыя манеры и твердость характера снискивали ему общую любовь. Въ прошедшую Турецкую войну Сельванъ что-то долго былъ комендантомъ Силистріи и вотъ, чрезъ столько лѣтъ, бывъ свидѣтелемъ и участникомъ столькихъ великихъ событій, воротился опять къ ея стѣнамъ, чтобы сложить тутъ свои кости! Какая странная случайность! Даже жилъ онъ теперь въ Каларашѣ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ жилъ и въ 1829 году, въ прошлую Турецкую войну, до перехода въ Силистрію.

Французскіе писатели рассказываютъ это событіе, конечно, по-своему. Не любо—не слушай, а врать не мѣшай: мы съ ними спорить не будемъ, а только приведемъ ихъ рассказы.

Дю-Кассъ (*Idem*, стр. 40) называетъ упомянутое нами дѣло заложениемъ третьей параллели, причемъ, будто бы, нѣсколько нашихъ баталіоновъ засѣли уже было въ двухстахъ метрахъ отъ крѣпости, но Турки выбили ихъ штыками, причемъ, будто бы, у насъ убиты генералы Сельванъ и Поповъ и 900 нижнихъ чиновъ!

Конечно, реляціи французскаго главнокомандующаго не могли быть такъ преувеличены, какъ фантастическія описанія битвъ и событій, сдѣланныя французскими писателями. Вотъ какъ Сентъ-Арно передаетъ это событіе въ

дешевѣ военному министру (отъ 4 іюня н. с.): „Ночью на 29/17 мая, въ половинѣ 2-го, массы русской пѣхоты атаковали укрѣпленія Арабъ и Гулантин-Табіи. Подъ сильнымъ огнемъ они ворвались въ ровъ; значительное число Русскихъ взобралось на парпетъ и проникло во внутренность укрѣпленія. Но гарнизонъ встрѣтилъ атакующихъ грудью и опрокинулъ ихъ въ безпорядкѣ, увеличивъ оный до чрезвычайности ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ“.

Ля-Бедольеръ (de la Bedollier: „Sebastopol“ и проч., стр. 13), восхваляя чрезвычайное мужество и стойкость силистрійскаго гарнизона, говоритъ, будто бы ночью 28 мая (т.-е. съ 16-го на 17-е мая) Турки отразили три нашихъ штурма. На первомъ приступѣ гарнизонъ былъ сбитъ, Русскіе проникли въ Арабъ-Табію, но были опрокинуты въ ровъ, подъ картечный огонь. Русскіе построились, ударили наступленіе и пошли впередъ, но ихъ на этотъ разъ отбили артиллерійскимъ огнемъ. Третій разъ, вмѣсто того чтобы единодушно ударить на лѣвый фасъ укрѣпленія, Русскіе бросились на фронтъ его и были разбиты Албанцами и Египтянами. Турки при этомъ потеряли 65 убитыми и 112 ранеными. У Русскихъ вышло изъ строя около 2.000 человекъ.

Особенно интересно дальнѣйшее сознаніе турецкаго панегириста.

На-утро послѣ этого дѣла башни-бузукъ и другіе иррегулярные солдаты выходили изъ Силистріи, обдирали мертвыхъ и отрѣзывали имъ головы. 30-го мая Мусса-паша, чтобы прекратить эти ужасы, выкинулъ бѣлый флагъ и приказалъ отнестъ русскіе трупы въ непріятельскій лагерь. Паша съ презрѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствія своихъ иррегулярныхъ солдатъ, которые ожидали было награды за всякую принесенную ими русскую голову.

Въ разсказѣ Бедольера о нашихъ штурмахъ съ 16-го на 17-е мая и о перемиріи 18-го мая (нашего стиля), вѣроятно, перепутаны цифры: съ нашей стороны никакихъ не было попытокъ въ ночь на 17-е мая, которыя можно было бы назвать штурмомъ, равно перемирія 18-го мая также не было заключаемо для разбора тѣлъ. Вѣроятно, эти разсказы относятся къ дѣлу Сельвана съ его печальными послѣдствіями.

Нашими историками Восточной войны (Богдановичъ, Ковалевскій) несчастное Сельванское дѣло разсказывается слѣдующимъ образомъ:

Войска наши въ траншеяхъ подъ Силистріей состояли въ командѣ начальника 8-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Сельвана; помощниками его были генералъ-маіоры: Веселитскій и князь Урусовъ и полковникъ графъ Опперманъ; при работахъ, по ночамъ, дежурили флигель-адъютанты полковники: князь Варшавскій, графъ Орловъ (впослѣдствіи князь, посолъ и полномочный министръ при Германскомъ императорѣ—нынѣ умершій), маіоръ князь Лобановъ-Ростовскій и штабъ-капитанъ Воейковъ.

Въ 11 часовъ ночи на 17-е мая Турки сдѣлали вылазку изъ Арабъ-Табіи, но были отбиты. Спустя около часу послѣ этого генералъ Сельванъ, заключивъ изъ скопленія Турокъ противъ праваго фланга нашихъ работъ

(ближайшихъ къ Дунаю), что вылазка ими сдѣланная была только демонстраціей, что они въ дѣйствительности намѣрены атаковать правый флангъ нашихъ работъ, предположилъ, что Арабъ-Табія занята ими очень слабо, и рѣшился воспользоваться благопріятнымъ моментомъ атаковать это укрѣпленіе, находившееся отъ нашихъ траншей въ трехстахъ шагахъ. Съ этою цѣлью генераль Сельванъ приказалъ: „двинуться 3-му баталіону Алексопольскаго полка и, подойдя шаговъ на 50 къ непріятельскому укрѣпленію, броситься съ барабаннымъ боемъ, бѣгомъ, въ ровъ и на валъ укрѣпленія; баталіону Полтавскаго полка оставаться на мѣстѣ и, когда раздастся барабанный бой въ Алексопольскомъ баталіонѣ, немедленно двинуться въ атаку; наконецъ баталіону Замостьскаго полка соображаться съ ходомъ дѣла и дѣйствовать по усмотрѣнію полковника Костанды“.

Подполковникъ фонъ-деръ-Бринкенъ повелъ Алексопольцевъ, которые и приблизились, въ непроглядной темнотѣ, къ форту незамѣтно для Турокъ, узнавшихъ о грозившей имъ опасности изъ барабаннаго боя наступавшей колонны, которую они и встрѣтили сильнѣйшимъ огнемъ, не помѣшавшимъ однако русскимъ ворваться въ укрѣпленіе, имѣя въ первыхъ рядахъ своихъ полковника графа Орлова, тутъ же тяжело раненаго въ голову. По несчастію, въ эти первые моменты нашего успѣха былъ убитъ генераль Сельванъ и неизвѣстно кѣмъ былъ поданъ сигналъ отступленія. „Не легко было, — говоритъ генераль Богдановичъ, — побѣдителямъ, обратясь въ отступающихъ, спускаться въ ровъ и взлѣзать на верхъ почти полуторасаженой крутой стѣны контръ-эскарпа, подъ выстрѣлами непріятеля. Ободренные нашимъ неожиданнымъ отступленіемъ, Турки яростно преслѣдовали переходившія черезъ ровъ войска...“

Послѣдовавшія затѣмъ попытки генераловъ Попова и князя Урусова возстановить бой были безуспѣшны и повели только къ значительной потерѣ людей,

Въ этомъ дѣлѣ у насъ, кромѣ убитаго генерала Сельвана, смертельно ранено три баталіонныхъ командира: Гладышевъ, Пиленко и Науменко, тяжело ранены графъ Орловъ и полковникъ Костанда, контуженъ подполковникъ фонъ-деръ-Бринкенъ; офицеровъ убито и ранено 22, нижнихъ чиновъ: убито 315 и ранено 596.

Для изслѣдованія причинъ столь гибельнаго происшествія назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Гротенгельмъ, но дѣйствительныхъ виновниковъ событія не открыто и, повидимому, вся вина его была приписана генералу Сельвану.

Но такъ говорятъ историки на основаніи бывшихъ у нихъ ввиду официальныхъ документовъ, сообщеній участниковъ дѣла и другихъ данныхъ, а у насъ, подъ Силистріей, этотъ неудачный штурмъ рассказывался слѣдующимъ образомъ, и мы считаемъ своею обязанностію повторить здѣсь этотъ рассказъ, какъ выраженіе взглядовъ, въ то время на это событіе установившихся, отнюдь не отвѣчая за его безусловную достовѣрность, такъ какъ мы участниками и очевидцами событія не были.

Турки сдѣлали вылазку на нашъ лѣвый флангъ, которая и была отбита нашими.

По мертвой тишинѣ и совершенному спокойствію, царствовавшему въ Арабъ-Табіи, командовавшій войсками на этомъ пунктѣ (а именно двумя баталіонами Замостьскаго полка, двумя эскадронами ольвіопольскихъ уланъ съ шестью пѣшими и четырьмя конными орудіями) лейбъ-гвардіи конно-артиллерійскій полковникъ Костанда, человѣкъ пылкій и въ высшей степени энергичный, заключилъ, что Турки для второй вылазки, именно въ это время ими произведенной противъ праваго фланга нашихъ работъ (и также отбитой), взяли войска, прикрывавшія Арабъ-Табію.

На основаніи этого предположенія, полковникъ Костанда пришелъ къ убѣжденію, что насталъ удобнѣйшій моментъ для овладѣнія Арабъ-Табіей, и бросился къ генералу Сельвану съ просьбою воспользоваться представляющимся благоприятнымъ моментомъ овладѣть названнымъ передовымъ турецкимъ фортомъ.

Сельванъ долго не рѣшался на такое дѣйствіе, говоря, что не имѣетъ ни приказанія, ни разрѣшенія атаковать турецкіе верки; что для атаки нѣтъ подготовленнаго войска; наконецъ, что не онъ здѣсь главный начальникъ, а генераль Шильдеръ, и потому самостоятельно распоряжаться не можетъ. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ настояній полковника Костанды, Сельванъ послалъ доложить обо всемъ Шильдеру и просить его разрѣшенія на атаку, но посланный офицеръ возвратился не отыскавъ генерала Шильдера, по случаю совершенной темноты *). Въ это время пришли къ генералу Сельвану генераль Веселитскій и флигель-адъютантъ графъ Орловъ, которые, выслушавъ доводы полковника Костанды, присоединились къ его мнѣнію и также принялись убѣждать генерала Сельвана не упускать благоприятнаго момента для взятія Арабъ-Табіи. Общія убѣжденія подѣйствовали, — Сельванъ началъ уступать. Въ высшей степени осторожный и предусмотрительный, Сельванъ если на этотъ разъ и измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, то, надо полагать, собственно изъ боязни повредить своей военной репутаціи. Окажется завтра, думалъ онъ, что предположенія Костанды вѣрны, а между тѣмъ, благодаря моей нерѣшительности, будетъ упущенъ благоприятный моментъ захватить

*) Несчастное Сельванское дѣло „Бывшій артиллеристъ“ въ своихъ „Запискахъ“, помѣщенныхъ въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1875 годъ, рассказываетъ нѣсколько иначе. Вотъ суть его разсказа. 16 мая нѣкоторые начальствовавшіе подъ Силистріей, повѣривъ шпіонамъ, утверждавшимъ, что Турки, изъ страха, обыкновенно оставляютъ фортъ Арабъ-Табію на ночь, рѣшили взять этотъ фортъ внезапнымъ нападеніемъ и пристали къ Сельвану, доказывая, что если такой благоприятный моментъ будетъ упущенъ, то фортъ никогда не будетъ взятъ. Генераль Сельванъ долго не соглашался на эти убѣжденія, указывая на свою подчиненность генералу Шильдеру. Тогда послали испросить разрѣшенія Шильдера, на что онъ отвѣтилъ, что предоставляет Сельвану дѣйствовать по его усмотрѣнію. Тамъ рѣшено было атаковать фортъ. Послѣдствія извѣстны. Что касается до упоминаемаго здѣсь разрѣшенія генерала Шильдера на производство атаки Арабъ-Табіи, то этотъ генераль категорически отвергаетъ дачу такового разрѣшенія, говоря въ письмѣ къ своему семейству отъ 23 мая 1854 года („Русская Старина“, декабрь 1875 г.): „Шильдеръ подъ Силистріей“): „Были неудачи, безъ моего позволенія хотѣли взять штурмомъ большой передовой фортъ крѣпости, и это предпріятіе стоило намъ 1.000 человѣкъ“.

турецкій фортъ, единственно изъ-за одной только формалистики и рутинной пунктуальности, — что скажетъ тогда общественное мнѣніе!? Да и какъ еще посмотреть на такую нерѣшительность генераль-фельдмаршаль, которому эти сильныя въ штабѣ господа сѣмѣютъ представить все дѣло съ своей, конечно неблагопріятной для него, Сельвана, точки зрѣнія!...

Но что бы тамъ ни думалъ Сельванъ, какими бы онъ ни руководствовался побужденіями, а дѣло въ томъ, что онъ согласился произвести предлагаемую атаку Арабъ-Табіи (впрочемъ, предварительно отобравъ голоса, поодиночкѣ, отъ каждаго изъ своихъ совѣтниковъ, единодушно высказавшихся за атаку) и отдалъ соотвѣтствующія приказанія. Когда наши бросились на Арабъ-Табію, Турки были такъ ошеломлены этимъ нападеніемъ, въ совершенно темную ночь, что уступили намъ атакованное укрѣпленіе почти безъ боя, и только когда наши прошли брустверъ Турки открыли по нимъ сильнѣйшій огонь и бросились въ рукопашную схватку.

Одними изъ первыхъ влѣзли въ амбразуру укрѣпленія князь Урусовъ и графъ Орловъ. Вообще мужества и отваги много было проявлено съ обѣихъ сторонъ; но Турокъ было гораздо больше, чѣмъ атакующихъ, и наши резервы, заранѣе не предупрежденные о предстоявшей атакѣ, не подали своевременной помощи атакующимъ; на другихъ пунктахъ осадныхъ работъ, также не предупрежденные, начальники не сдѣлали ни фальшиваго наступленія и ни какой другой демонстраціи, чтобы отвлечь вниманіе и силы Турокъ отъ пункта дѣйствительной нашей атаки. Мало того, говорятъ, что нѣкоторыя батареи наши, полагая, что внезапно закипѣвшая битва есть новая вылазка Турокъ, открыли учащенный огонь по атакованному нами укрѣпленію и нанесли немаловажную потерю ворвавшимся въ оное нашимъ войскамъ. Въ довершеніе несчастія, кто-то ударилъ отбой въ моментъ самаго жаркаго наступленія нашихъ, — естественно, въ нашемъ атакующемъ отрядѣ произошла величайшая суматоха, результатомъ которой было наше совершенное пораженіе.

Иные утверждаютъ, будто у насъ отбоя не было, а за него приняли какой-то турецкій сигналъ, съ нимъ схожій, и начали отступать одни, когда другіе продолжали наступленіе и бой.

Другіе говорятъ, что отбой дѣйствительно ударили, но не у насъ, а у Турокъ, чтобы произвести у насъ сумятицу.

Наконецъ, нѣкоторые настаиваютъ, что приказалъ ударить отбой самъ генераль Сельванъ, когда увидѣлъ, что надежда застать Турокъ въ-расплохъ и въ меньшемъ противъ насъ числѣ оказалась неосуществившеюся.

Обвиняли въ приказаніи бить отбой генерала Веселитскаго, однако онъ, говорятъ, доказалъ, что онъ дѣйствительно приказалъ бить отбой, но отнюдь не въ первый разъ, а вторично, когда первый сигналъ произвелъ уже суматоху и когда происходила бесполезная трата людей вслѣдствіе того, что одни отходили по поданному сигналу, тогда какъ другіе, увлекшись успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ нашими на нѣкоторыхъ атакованныхъ пунктахъ, все еще лѣзли впередъ, отчего не было ни единства въ патискѣ, ни смысла

въ дальнѣйшемъ продолженіи дѣла. Впрочемъ, что до меня, то мнѣ всегда казалось, что совѣсть въ чемъ-нибудь да упрекаетъ генерала Веселитскаго по поводу Сельванскаго дѣла. Къ этому заключенію меня приводило постоянное молчаніе Веселитскаго объ этомъ дѣлѣ, казавшееся всегда страннымъ при его словоохотливости и любви разсказывать о своемъ участіи въ боевыхъ дѣлахъ: около двухъ лѣтъ я былъ однимъ изъ ближайшихъ лицъ къ названному генералу и никогда не слыхалъ отъ него ни слова о Сельванскомъ дѣлѣ. Между тѣмъ мы слышали, что еще слѣдствіе не было окончено по поводу Сельванскаго дѣла, какъ однажды Мих. Дмит. Горчаковъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ, назвавъ по поводу онаго генерала Веселитскаго „трусомъ!“ Говорятъ, что Веселитскій отвѣтилъ князю: „Трусѣть одни подлецы! Вы не смѣете говорить мнѣ такихъ словъ!“

Фельдмаршалъ Паскевичъ, давно знавшій Веселитскаго за мужественнаго человѣка, принялъ его сторону и успокоилъ его, сказавъ: „Ты храбрый человѣкъ, я это знаю! Вѣроятно тутъ вышла какая ошибка“ *)!

Очевидно, что атака Арабъ-Табіи была крайне опрометчива. Поэтому весьма естественно, что она породила множество толковъ и легендъ, вызвала противъ нея виновниковъ цѣлый рядъ обвиненій и въ концѣ-концовъ облеклась какою-то таинственностью. Разсказываютъ даже, будто мысль о необходимости произвести эту внезапную атаку была вызвана у молодыхъ честолюбцевъ лишнимъ бокаломъ шампанскаго, выпитымъ за ужиномъ.

Разсказываютъ другіе, что, напротивъ, атака эта была произведена по распоряженію самого генералъ-фельдмаршала и что только вслѣдствіе ея

*) Въ 1-мъ № «Историческаго Вѣстника» за 1889 годъ помѣщенъ «отрывокъ изъ воспоминаній» А. С. Хорватова, бывшаго, въ чинѣ капитана гвардіи, командированнымъ на Дунай, для участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ, состоявшаго при Сельванѣ и *видѣвшаго* какъ его убили на Арабъ-Табіи въ присутствіи генерала Веселитскаго.

Веселитскій, —говоритъ г. Хорватовъ,—нагнулся и потрогалъ тѣло. Видно было, что онъ дѣйствовалъ какъ-то безсознательно (почему это безсознательно??); потомъ вдругъ совершенно неожиданно Веселитскій закричалъ: «Назадъ! назадъ! отступленіе!» Я изумился и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Какъ, отступать, когда Арабъ-Табія была взята, когда мы такъ дорого уже за нее заплатили!

Да развѣ это возможно? И это приказаніе отдаетъ генералъ несомнѣнно храбрый и опытный? Что это такое?

— Ради Бога! Что вы дѣлаете?—обратился я къ Веселитскому, забывая всякую дисциплину.

— Назадъ! назадъ!—неистово кричалъ генералъ, заглушая своимъ голосомъ всякій другой шумъ.—Горнисты, играй!

Въ достовѣрности приведеннаго разсказа, сдѣланнаго такимъ авторитетнымъ тономъ, трудно усомниться, хотя въ то же время невольно приходять въ голову:

1) Какими побужденіями руководствовался г. Хорватовъ, въ продолженіе 35 лѣтъ не выступая съ разъясненіемъ оставшагося доселѣ темнымъ вопроса: кто первый приказалъ ударить отбой на штурмъ Арабъ-Табіи,—какъ очевидецъ и свидѣтель событія?

2) По какимъ причинамъ г. Хорватовъ, если онъ былъ дѣйствительно свидѣтелемъ смерти Сельвана, состоя при немъ, допустилъ, чтобы тѣло этого генерала было брошено на поруганіе, въ жертву турецкаго изуверства, а не было вынесено изъ сраженія?

Намъ, близко знавшимъ характеръ и убѣжденія генералъ-лейтенанта Веселитскаго, тоже трудно вѣрится, чтобы онъ позволилъ кому-нибудь, младшему, дѣлать себѣ возраженія во время своихъ служебныхъ распоряженій, тѣмъ болѣе въ пылу боя, и чтобы онъ, видя смерть своего начальника, любимаго и уважаемаго имъ генерала, не приказалъ унести его при отступленіи!

совершеннаго неуспѣха дали всему дѣлу такой тонъ, что будто она произведена Сельваномъ самовольно, не будучи подготовлена надлежащимъ образомъ. Нелѣпность этихъ разсказовъ, особенно послѣдняго, очевидна. Второе изъ этихъ заключеній подтверждаютъ слѣдующимъ на примѣръ случаемъ.

При главной квартирѣ находился флигель-адъютантъ полковникъ Ахматовъ *); къ нему очень благоволилъ князь Варшавскій, всегда бралъ его съ собою въ траншеи, по долгу съ нимъ бесѣдовалъ и тому подоб. Фельдмаршалъ нѣсколько времени торопилъ Ахматова ѣхать куда-то, а между тѣмъ, когда Ахматовъ въ утро Сельванскаго штурма явился къ фельдмаршалу въ шарфѣ, чтобы откланяться и ѣхать куда приказано, фельдмаршалъ, когда вышелъ, тотчасъ замѣтилъ шарфъ на Ахматовѣ и спросилъ: „по какому случаю такимъ франтомъ?“ Ахматовъ отвѣчаетъ, что онъ пришелъ откланяться, но свѣтлѣйшій сказалъ ему: „нѣтъ, не уѣзжай, — ты мнѣ понадобится сегодня!“

Обѣдать Паскевичъ поѣхалъ изъ Калараша въ баракъ подъ Силистрію; къ обѣду пришелъ и Ахматовъ, думая, что фельдмаршалъ объяснитъ, зачѣмъ онъ ему нуженъ; но за обѣдомъ болтали о всякихъ пустякахъ, а объ дѣлѣ не было и помину. Послѣ обѣда Паскевичъ пошелъ отдыхать, а Ахматовъ отправился въ траншеи, гдѣ и пробылъ до вечера, все еще думая, что фельдмаршалъ пріѣдетъ и спроситъ его, но времени прошло много, а его не спрашиваютъ, какъ вдругъ, когда уже смерклось, онъ встрѣчаетъ кого-то, кто сказалъ ему, что фельдмаршалъ ищетъ его по всему лагерю. Ахматовъ пошелъ въ лагерь, но и половины пути не успѣлъ сдѣлать, какъ въ траншеяхъ завязалось дѣло, Ахматовъ бросился назадъ въ траншеи и попалъ въ самую свалку.

Послѣ неудачной атаки если у Паскевича и были какія тайныя отношенія къ этому несчастному покушенію, какъ замѣчалъ Ахматовъ, то ему и заикаться о нихъ уже было не зачѣмъ.

Признаться, что до меня, я не могу сообразить, что общаго въ этомъ указаніи на похищенія Ахматова въ день Сельванскаго штурма съ этимъ печальнымъ дѣломъ! Мало ли что могло побудить фельдмаршала удержать Ахматова еще нѣкоторое время при себѣ, сказавъ, что онъ ему понадобится въ этотъ день!

Полагаемъ, что опытный и испытанный въ бояхъ вождь еслибы и хотѣлъ произвести внезапное нападеніе на передовые силистрійскіе верки, то нашелъ бы возможность и сохранить свое намѣреніе въ полной тайнѣ до извѣстнаго момента, и обставить его такъ, что по крайней мѣрѣ можно было бы ждать какого-нибудь успѣха отъ задуманнаго предпріятія.

Не могъ же фельдмаршалъ, въ самомъ дѣлѣ, знать навѣрно, что Сельванъ будетъ убитъ, унеся такимъ образомъ съ собою въ могилу тайну этого дѣла. А еслибы Сельванъ остался живъ и былъ бы только разбитъ на-го-

*) Въ послѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.

лову, развѣ онъ не постарался бы разъясненіемъ всего дѣла защитить свою военную репутацію? Какая бы тѣнь легла тогда на фельдмаршала за недостатокъ надлежащей распорядительности и за неумѣные повести дѣло!...

Общественное мнѣніе, сложившееся здѣсь на основаніи бродящихъ слуховъ, также рассказовъ очевидцевъ и дѣйствующихъ лицъ этого кроваваго событія, имѣетъ на него свой, совершенно особенный, взглядъ *).

Со стороны Турокъ былъ назначенъ для командованія демаркаціонною линіей при перемиріи для разборки тѣлъ какой-то паша. Онъ очень любезно бесѣдовалъ съ нашимъ генераломъ Веселитскимъ, и когда тотъ предложилъ ему папиросу, паша расхвалилъ его портъ-сигаръ. Нашъ генералъ счелъ приличнымъ предложить эту бездѣлку папѣ въ знакъ памяти объ этомъ днѣ. Паша, принявъ подарокъ, замѣтилъ: „Вотъ еслибъ вы подарили мнѣ штуцеръ,—у васъ такіе славные, а я большой охотникъ до оружія,—я бы очень вамъ былъ благодаренъ!“ Генералъ В. общалъ. Черезъ нѣсколько минутъ заиграли отступленіе,—перемиріе кончилось. Паша и генералъ распростились весьма привѣтливо, но первый, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился: „а штуцеръ-то, генералъ!“—Какже, какже, доставлю вамъ лично, только возьмемъ Силистрію!—Паша засмѣялся и поклонясь пошелъ со своими.

Говорятъ, при разборкѣ тѣлъ, генералъ Шильдеръ послалъ нѣсколько инженерныхъ офицеровъ въ солдатскихъ костюмахъ тоже таскать тѣла, пробираясь какъ можно ближе къ турецкимъ укрѣпленіямъ, чтобы высмотрѣть непріятельскія сооруженія. Онъ и самъ съ костьюлемъ, въ одной рубахѣ, нижнемъ бѣльѣ и солдатской фуражкѣ ходилъ между солдатами, ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, Силистрію и Турокъ и общая смѣшать ее съ воздухомъ непремѣнно. Вышеупомянутый паша обратилъ вниманіе на отличную отъ другихъ солдатъ осанку Шильдера и особенную его наружность и указалъ на него генералу Веселитскому спрашивая, что это за человѣкъ и зачѣмъ онъ здѣсь?

*) „По всей вѣроятности,—говоритъ Богдановичъ (Idem, т. II, стр. 73),—причину такого необдуманнаго дѣла было увлеченіе самого Сельвана и состоящихъ при немъ офицеровъ главной квартиры, столь же храбрыхъ, сколько неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ“.

При настоянн молодежи, окружавшей Сельвана, въ необходимости немедленной атаки онъ колебался, говоритъ другой историкъ этого событія—Н. Шильдеръ (Idem, стр. 191). Но генералъ этотъ отличался, по несчастію, „большою угодливостію въ отношеніи всѣхъ лицъ Главной квартиры, особенно если эти лица принадлежали къ знатымъ фамиліямъ. Поэтому неудивительно, если предположенія молодежи увлекли слабого и добраго Сельвана; опасенія же подвергнуться упрекамъ въ нерѣшительности, трусости или нераспорядительности окончательно заставили его согласиться на предпріятіе необдуманное.“

„Генералъ Сельванъ не устоялъ противъ искушенія и, боясь упустить благоприятное время, самовольно рѣшился на безумное удалство—штурмовать Арабъ-Табію, двинувъ войска въ глухую темную ночь безъ распорядителя, безъ плана, на-обумъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни лѣстницъ, ни фашинъ!“

Веселитскій нашелся.

— Это, говоритъ, сумашедшій старый саперъ, который никогда не отходитъ отъ своихъ прежнихъ товарищей. Изъ состраданія къ его положенію ему позволяютъ слѣдовать за ними повсюду.

Папа успокоился.

Когда перемиріе кончилось и наши стали отходить, Шильдеръ повернулся къ Силистріи и къ стоявшимъ еще Туркамъ, между которыми, конечно, были знающіе по-русски, погрозя имъ костью, закричалъ: „надулъ, надулъ дураковъ. Все высмотрѣлъ, — все, подлецы!“ (за этимъ слѣдовала трехэтажная русская брань). „Я васъ теперь проучу, всѣ дорожки ваши знаю, я вамъ задамъ перцу!“

Солдаты хохотали...

20 мая. — Каларашъ.

Причина, побудившая насъ осадить Силистрію, а не идти прямо на Балканы, какъ того желало большинство арміи, — важность положенія Силистріи въ стратегическомъ отношеніи, какъ пункта, необходимаго для утвержденія нашей операціонной линіи, идущей на Шумлу.

Силистрія, древній Доростолъ, прославленный защитой Святослава Игоревича противъ Грековъ, въ наше время одна изъ замѣчательнѣйшихъ крѣпостей Европейской Турціи, въ 1829 году была нашими войсками взята, кажется, въ 12 дней, по словамъ европейцевъ (готовыхъ втоптать въ грязь всякій подвигъ Русскихъ, всякое ихъ славное дѣло), посредствомъ золота, а по фактическимъ доказательствамъ безпристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ событія — посредствомъ желѣза. Надъ Силистріей, которая раскинулась на берегу Дуная, господствуютъ высоты съ южной стороны. Одну изъ этихъ высотъ заняли наши съ боя въ 1829 году, построили на ней большое укрѣпленіе, командовавшее городомъ съ его цитаделью, забросали Силистрію снарядами, отрѣзали сообщеніе съ арміею, съ окрестною страной и заставили сдаться. Нынѣ обстоятельства измѣнились: высоты, господствующія надъ Силистріей, мы нашли сильно укрѣпленными и сильнѣйшей передовой веркъ крѣпости сооруженъ Турками на вышесказанной высотѣ, съ которой заставили сдаться Силистрію въ 1829 году. Этотъ фортъ, одѣтый камнемъ, представляя сильную сомкнутую постройку, въ честь султана названъ „Абдулъ-Меджидъ“ и вооруженъ сильной артиллеріею. Правый фасъ этого форта прикрытъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ. Лѣвый фасъ кромѣ артиллеріи крѣпости, его обстрѣливающей, прикрытъ рядомъ передовыхъ укрѣпленій, выдвинутыхъ на высоты передъ крѣпостные верки, составляя грозную оборонительную линію, не совершенно еще оконченную при началѣ осады. Эти укрѣпленія названы нами: Арабское, Песчаное, Змѣиное; у Турокъ они назывались: Арабъ-Табія (т.-е. арабская батарея, — ее строили преимущественно Египтяне), Ордонъ-Табія и Икланъ-Табія. На овладѣніе этими-то тремя укрѣпленіями устрем-

лены теперь все наши усилия. Со взятием их станемъ въ тылу „Абдуль-Меджида“ и тогда онъ долженъ немедленно пасть, а съ его паденіемъ Силистрія—наша. Силистрію защищаетъ 15—18-тысячный гарнизонъ, подъ начальствомъ Мусса-паши, весьма способнаго и энергичнаго генерала.

Мусса-паша родился въ 1810 году въ Солоникѣ, въ купеческомъ званіи; весьма быстрому возвышенію онъ обязанъ своей храбрости и воинскимъ способностямъ. Помощникомъ у него отличный прусскій офицеръ, полковникъ Грахъ, уже болѣе восьми лѣтъ находящійся въ турецкой службѣ. При паши состоитъ англійскій капитанъ Симонсъ, также принимая живѣйшее участіе въ защитѣ крѣпости.

Мусса-паша, надѣясь на близость турецкой арміи, съ которою у него доселѣ не было прекращено сообщеніе, и на обѣщанную помощь союзниковъ султана, уже начавшихъ высадку въ Варну, рѣшился держаться до послѣдней капли крови, умереть, но не сдаться, несмотря на скудость своихъ оборонительныхъ средствъ: въ Силистріи всего имѣется 124 орудія. Та же рѣшимость, говорятъ, и у нашего главнокомандующаго: мы должны взять Силистрію во что бы то ни стало. У насъ подъ ея стѣнами сосредоточены значительныя силы, ежедневно увеличивающіяся прибытіемъ свѣжихъ войскъ; но намъ, простымъ смертнымъ, кажется, что все-таки съ нашей стороны употреблено недостаточно энергіи для овладѣнія крѣпостію. Мы все здѣсь убѣждены, увѣренные очевидцами дѣла, что Силистрію можно было взять въ самый день приближенія генерала Лидерса, когда войска передовыхъ турецкихъ укрѣпленій бѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ. Другіе, возставая противъ возможности взятія Силистріи въ означенный день, хотя генералъ Хрулевъ, съ двумя ротами Камчатскаго полка, въ глазахъ всей нашей арміи совершенно было взять Песчаное укрѣпленіе, тогда еще не оконченное вооруженіемъ, и взялъ бы, будь только поддержанъ сильною колонною изъ резерва,—другіе, говорю, увѣряютъ, что Силистрія все-таки живетъ долѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Эта партія утверждаетъ, что намъ надлежало обложить Силистрію со всехъ сторонъ, чѣмъ потряслась бы нравственная сила ея защитниковъ и попытаться овладѣть съ бою однимъ изъ ея передовыхъ укрѣпленій, а тогда уже, еслибъ не удалось, дѣйствовать противъ нея лопатою.

Въ настоящее время наши войска расположены, съ одной стороны, по дунайскимъ островамъ противъ Силистріи; на этихъ островахъ устроены батареи, съ которыхъ осадныя орудія бьютъ ее и день и ночь, также какъ и канонирскія лодки, по ночамъ подтягивающіяся къ ней на пушечный выстрѣлъ, часто мѣняя свое положеніе, чтобы спастись отъ непріятельскаго огня.

На лѣвомъ нашемъ крылѣ стоитъ авангардъ генерала Хрулева, въ виду форта Абдуль-Меджидъ.

Третья параллель уже заложена въ столь близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ фортовъ, что найдено возможнымъ вести подкопъ подъ „Арабское“ укрѣпленіе и построены на важнѣйшихъ пунктахъ батареи, отлично

вооруженныя осадною артиллеріей, между тѣмъ какъ въ тылу осадныхъ работъ, на пунктахъ, указанныхъ генераль-фельдмаршалою, возведены укрѣпленія, которымъ предназначено служить, такъ сказать, опорами осадному корпусу. Самая отдѣлка этихъ укрѣпленій — верхъ совершенства, а нечего и говорить, что они поставлены съ большимъ знаніемъ дѣла.

У берега Дуная нашъ артиллерійскій паркъ и инженерное депо прикрыты однимъ изъ этихъ укрѣпленій и окружены войсками. Далѣе, на высотахъ, господствующихъ надъ окрестностію, Главная квартира и вокругъ нея пѣхотные и кавалерійскіе полки.

Конечно, виноградники, которые покрывали все это пространство, занятое теперь войсками, уничтожены, — все пошло на топливо.

Чины Главной квартиры помѣщаются въ палаткахъ. Для нѣкоторыхъ лицъ успѣли выстроить землянки, а для князя Горчакова — довольно обширный балаганъ, на самомъ гребнѣ дунайскаго берега. Въ этомъ балаганѣ останавливается генераль-фельдмаршалъ при ежедневномъ посѣщеніи осадной арміи.

Его свѣтлость квартируетъ въ Каларашѣ, но большую часть дня проводитъ въ лагерѣ.

Главная квартира представляетъ собою совершенный городъ, даже устроили базарную площадь. На ней ежедневно производится торгъ различными предметами жизненной потребности: Болгаре окрестныхъ деревень, пройденныхъ генераломъ Лидерсомъ и оставшихся въ районѣ дѣйствія нашей арміи, привозятъ всякую всячину: молоко, фрукты, живность, овощи. Какой-то спекулянтъ тутъ же устроилъ общій столъ, собирая обильную жатву полумиллеріалами съ офицеровъ отряда.

Изъ тѣхъ плотовъ, одна часть которыхъ была приведена нами (остальныя части также благополучно пришли на дняхъ), наведены мосты чрезъ все рукава Дуная и его русло. Соединеніе съ лѣвымъ берегомъ Дуная отличное. Вся хозяйственная часть Главнаго штаба: дежурство, обозъ, подвижные госпитали, полевой почтамтъ и все управленія, состоящія при Главной квартирѣ, помѣщены внѣ огня непріятельскаго, на одномъ изъ острововъ Дуная. У моста на этотъ островъ помѣстилось множество маркитантовъ русскихъ и иностранцевъ, разныхъ націй, слѣдѣвшихъ сюда клевать золотую приманку. Недостатка здѣсь нѣтъ ни въ чемъ; можно достать все: офицеры имѣютъ возможность тратить свое двойное жалованье съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Въ жизненныхъ потребностяхъ не терпимъ нужды, также какъ и солдаты, которыхъ отлично кормятъ и которымъ даютъ ежедневно винную порцію.

Сегодня Охотскій полкъ перешелъ на правый берегъ Дуная, принявъ дѣятельное участіе въ осадѣ крѣпости и будетъ чередоваться съ другими полками въ исполненіи траншейной службы. Нашему штабу вѣрно здѣсь оставаться впредь до распоряженія, но за то съ генераломъ, ежедневно объѣзжающимъ свои полки, приходится часто посѣщать силистрійскія траншеи.

21 мая.

Постоянно гремит канонада. Шпильдеръ ее безпрестанно поддерживает и усиливаетъ, въ намѣреніи ея громомъ заглушить стукъ кирки минера, чтобы Турки не могли выслушать, гдѣ идутъ наши мины и какое онѣ принимаютъ развѣтвленіе и направленіе. Турки отвѣчаютъ не такъ живо. По словамъ переметчика, вчера огонь нашей артиллеріи нанесъ чувствительную потерю силистрійскому гарнизону: разрывомъ гранаты убитъ начальникъ гарнизона Мусса-паша на террасѣ своей казематированной квартиры, что у Стамбульскихъ воротъ. Вообще наши снаряды производятъ большія опустошенія: нѣтъ дома, который бы не пострадалъ отъ нихъ *). Ежедневная потеря Турокъ весьма чувствительна для ихъ гарнизона: блиндажей у нихъ нѣтъ; единственное блиндированное зданіе существуетъ на одной изъ площадей крѣпости и въ немъ укрываются силистрійскія женщины; остальные же жители прячутся въ погребахъ.

22 мая.

Вчера вечеромъ была сильная канонада и взорвана мина или фугасъ передъ крѣпостью. Вчера у насъ вышло изъ фронта 40 человекъ, легко сказать! Одному офицеру оторвало ногу, и дня не проходитъ безъ жертвъ.

Разсказываютъ у насъ, что князь Варшавскій, еще когда вырабатывался планъ кампаніи и потомъ при началѣ ея, рѣшительно былъ противъ нашего перехода за Дунай, доказывая, что невозможно оставить Австрію въ тылу у себя, будучи увѣренъ, что ея правительство при первомъ благопріятномъ случаѣ, при первой возможности объявитъ себя противъ насъ. Маститый нашъ вождь былъ, говорятъ, убѣжденъ, что намъ въ данномъ случаѣ слѣдовало всѣми силами обрушиться на Австрію, которая въ настоящее время хитритъ съ нами, втайнѣ намъ завидуя и враждуя, и рѣшительнымъ образомъ заставить ее высказаться: на чьей она сторонѣ — на нашей ли или на сторонѣ Турокъ съ ихъ разноплеменными союзниками!!!... Тогда у насъ были бы развязаны руки и мы могли бы дѣйствовать какъ было удобнѣе въ нашихъ собственныхъ интересахъ. Оказалось, что наше правительство было другихъ взглядовъ на дѣло.

Мы переступили Дунай, продолжая переговоры съ Австрійцами и доселѣ все еще ожидая ихъ рѣшительнаго слова. Австрія его высказала, *но только теперь*, когда наши арміи не такъ уже для нея страшны, какъ

*) Завѣдующій нашими батареями, что на островахъ Дуная, противъ Силистріи, подалъ рапортъ своему начальству, что онъ, будучи хорошо защищенъ отъ крѣпостнаго *турецкаго огня*, проситъ защитить его и отъ огня *нашихъ* батарей лѣваго берега Дуная, полковника Шуббе! Значитъ, наши осадныя батареи дѣйствовали успешно не по Силистріи собственно!!

были нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Зналъ, что союзники Турокъ вмѣсто предполагаемыхъ въ началѣ шести или восьми тысячъ ставятъ въ помощь Турціи около восьмидесяти тысячъ; видя, что они уже всѣми силами устремились на насъ и готовы потрясти насъ съ помощію еще свѣжей арміи Омеръ-паши, Австрійцы вознамѣрились дѣйствовать откровеннѣе: они рѣшительно потребовали, чтобъ мы сняли осаду Силистріи и очистили Княжества!

Присяжнымъ дипломатамъ политика Австріи по отношенію къ намъ можетъ казаться вполнѣ естественною и законною; но намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, таковая политика кажется коварною и несоотвѣтствующею нашимъ издавна дружескимъ съ ней отношеніямъ.

По нашему, не упуская времени, надлежало бы шагнуть назадъ и, пока войска союзниковъ Турціи еще не сосредоточились и не устроились, слѣдовало бы намъ опрокинуться на нашу лукавую ссѣдку и разорвать ее на части!... Но нашимъ мечтамъ едва ли суждено осуществиться!

Длится долготерпѣніе нашего ГОСУДАРЯ, берегущаго свою Россію отъ всякой новой невзгоды, какъ бережетъ садовникъ любимое деревцо отъ свирѣпости стихій. Наше правительство въ отвѣтъ на дерзкое требованіе Австріи относительно снятія осады и очищенія Княжествъ объявило готовность исполнить ея желаніе, но съ тѣмъ, чтобъ Австрійцы взяли на себя устроить перемиріе между Россіей и союзными державами, впредь до окончанія вопроса мирнымъ путемъ, по взаимному соглашенію всѣхъ враждующихъ государствъ.

Подождемъ отвѣта, — отъ него зависить многое. Событія 1849 года породили въ австрійскомъ правительствѣ не благодарность намъ, — нѣтъ, а затаенную до времени вражду. Время ее обнаружить открыто; а такъ какъ намъ ГОСУДАРЬ хочетъ у нихъ отнять всѣ предлоги поднять на насъ оружіе, посмотримъ, какъ вывернутся они изъ этого затруднительнаго положенія и найдутъ ли возможность осуществить пророчество своего великаго государственнаго мужа...

Современныя дѣйствія Австріи и похвальба Шварценберга мнѣ напоминаютъ рассказъ, кажется, слѣснаго Араго; въ его всемірномъ путешествіи, гдѣ онъ говоритъ про матроса, который, утоная съ сыномъ, въ бурю, на лодкѣ, обѣщаль поставить образу Пречистой Дѣвы свѣчу, величиною съ мачту.

— Батюшка, — закричалъ ему сынъ, — что ты это обѣщаешь, гдѣ у насъ столько денегъ?

— Молчи, — отвѣчалъ погибающій рыболовъ-дипломатъ, — только бы спасла, а тамъ можно и грошовую!

Удивительно, почему Австрія не собиралась удивлять міръ величіемъ своею неблагодарности тогда, когда трехцвѣтное знамя готовилось сдѣлаться саваномъ Габсбургскому орлу!... Нынѣ усомнилась, обязана ли Австрія Россіи? Говорятъ, сокрушая венгерскій мятежъ, Россія преслѣдовала собственные интересы. Вправду, не могла же она допустить, чтобы у ея рубежа образовалось государство на тѣхъ началахъ, на которыхъ готово было сложиться Венгерское!

Если Россія подавила возстаніе въ Австріи, то она преслѣдовала собственные интересы, а отнюдь не интересы Австріи исключительно. Слѣдовательно о благодарности со стороны Австріи—Россіи и рѣчи быть не можетъ *).

24 мая.

Вчера или сегодня до генералъ-фельдмаршала дошла печальная вѣсть. Въ Маловалахскомъ отрядѣ одинъ изъ наблюдательныхъ нашихъ отрядовъ имѣлъ большую неудачу, будучи разбитъ Турками на голову, потерявъ четыре конно-артиллерійскія орудія и два зарядные ящика.

Вотъ какъ было дѣло.

*) „У насъ коварство и неблагодарность Австріи, въ настоящую войну, сдѣлалось общимъ, ходячимъ мѣстомъ. Но говорить о благодарности или неблагодарности въ политическихъ дѣлахъ—показывать только ихъ непониманіе. Государство—не частное лицо, ему нельзя изъ благодарности жертвовать своими интересами, тѣмъ болѣе, что въ политическихъ дѣлахъ самое великодушіе никогда не бываетъ безкорыстно. Если одно государство помогаетъ другому, то оно дѣлаетъ это не изъ чистой любви къ нему, а потому, что этимъ оно поддерживаетъ свой принципъ или свои интересы. Мы помогали Австріи въ Венгерскую войну, но при этомъ мы имѣли въ виду уничтоженіе либерализма и польской народности у самыхъ воротъ нашихъ и поддержаніе государства, соединеннаго съ нами единствомъ правительственныхъ началъ. Помощь же не только не могла привязать къ намъ Австрію узамъ благодарности, напротивъ поставила ее въ положеніе, которое для нея не могло быть пріятно. Какъ спасенная Россіею, она осталась болѣе или менѣе отъ насъ зависимою; она чувствовала тяготящую надъ нею руку и, какъ великая держава, не могла не желать избавленія отъ этой непріятной опеки. При первомъ случаѣ Австрія должна была стараться выказать свою самостоятельность, и вотъ теперь представился вопросъ, въ которомъ ея интересы совершенно противоположны нашимъ. Если есть государство, для котораго опасно распространеніе русскаго владычества въ Турціи, то это, конечно, Австрія. Россія—представительница славянскаго племени, которое составляетъ большинство народонаселенія въ Австріи, соединено съ нею только внѣшнимъ, насильственнымъ образомъ. Оно всегда можетъ тотчасъ отпасть отъ нея и примкнуть къ Россіи, если только послѣдняя будетъ слѣдовать политикѣ либеральной, а не охранительной австрійской; поэтому, каждый шагъ, который Россія дѣлаетъ въ Турціи, грозитъ Австріи разрушеніемъ.

„Такимъ образомъ, Австрія въ настоящемъ случаѣ не могла не дѣйствовать противу насъ, и упрекъ въ неблагодарности здѣсь не уместенъ. Справедливѣ ли обвиненіе въ коварствѣ? Австрія дѣйствовала коварно, потому что не прямо объявила намъ войну; но когда же Австрія обманывала насъ въ своихъ намѣреніяхъ? Не объявила ли она съ перваго раза, что не хочетъ обязываться сохраненіемъ нейтралитета и стѣснять себя въ будущихъ дѣйствіяхъ? Были ли увѣренія Австріи въ противорѣчій съ ея дѣяніями? Отказалась ли она этотъ разъ отъ избраннаго ею пути осторожнаго сближенія съ западными державами? Напротивъ, она много разъ показывала намъ свою непріязнь; но виновата ли она въ томъ, что мы не хотѣли этого понять? Она наносила намъ безпрестанныя оскорбленія; но виновата ли она въ томъ, что мы не хотѣли ими оскорбляться? Наше было дѣло поддержать свое достоинство, и если мы предпочитали униженіе, то не ее мы должны въ томъ обвинять!

Самое положеніе Австріи не позволило ей прямо объявить намъ войну. Какъ ближайшій нашъ сосѣдь, она прежде всѣхъ подвержена нашимъ ударамъ и никакъ не могла бы справиться съ нами одна, безъ чужой помощи. Чтобы обезпечить себя съ этой стороны, она старалась привлечь на свою сторону Германскій союзъ; но здѣсь она встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны вѣчной своей соперницы—Пруссіи. Послѣдняя не имѣетъ такихъ значительныхъ интересовъ, какъ Австрія, но за то ей, въ послѣднее время, нѣсколько разъ приходилось терпѣть отъ Россіи, которая своимъ внимательствомъ въ германскія дѣла положила предѣлы ея стремленіямъ къ либерализму и къ единству Нѣмецкой имперіи. Она, также какъ и всѣ другія державы, чувствовала опасность отъ усиленія Россіи на Востокѣ и потому вмѣстѣ съ другими подписала Вѣнскій протоколъ, осуждавшій притязанія Русскаго правительства“.

Начальникъ малдо-валахскаго отряда генераль-лейтенантъ Липранди, по приказанію генераль-фельдмаршала, отошелъ отъ Калафата и сталъ на лѣвой сторонѣ р. Олты. Турки, при отступленіи Липранди, двигались за нимъ и ихъ конныя партіи начали появляться по сую сторону Краіова, вслѣдствіе чего генераль Липранди и посылалъ конные отряды для развѣдыванія о непріятелѣ. 14-го мая въ штабъ квартиру отряда прибѣжала въ ужасѣ толпа Молдаванъ и Сербовъ, объявившая, что въ ихъ деревню близъ г. Каракалла пришло около 500 человекъ Турокъ—грабятъ и дѣлаютъ разныя насилія. Жители молили о защитѣ; генераль Липранди приказалъ командиру гусарскаго князя Варшавскаго полка съ своимъ полкомъ, съ сотней донскихъ казаковъ № 35-го полка и четырьмя орудіями конно-легкой № 10-го батареи идти прогнать Турокъ, отнюдь, впрочемъ, не вдаваясь въ неравный бой и наблюдая крайнюю осторожность.

Флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Алопеусъ, командиръ Варшавскаго гусарскаго полка, былъ боленъ; старшій по немъ полковникъ Карамзинъ *), недавно поступившій изъ отставки, тоже былъ боленъ; но, какъ человекъ энергическій и рѣшительный, не хотѣлъ уступить другому чести исполнить столь важное порученіе и повелъ отрядъ 16 мая.

Пройдя болѣе 35-ти верстъ, изъ которыхъ послѣднія десять вѣлъ отрядъ почти все время на рысяхъ, чтобы внезапно ударить на Турокъ, Карамзинъ, получивъ отъ жителей свѣдѣнія, что Турки недавно были здѣсь и уходятъ къ г. Каракаллу, сдѣлалъ привалъ и приказалъ находившемуся при его отрядѣ генеральнаго штаба штабсъ-капитану Черняеву **) произвести рекогносцировку бывшей уже въ виду непріятельской позиціи. Результатомъ рекогносцировки было то, что Черняевъ видѣлъ партію башни-бузукъ, человекъ въ восемьсотъ, съ разсыпавшею передъ ними передовою цѣпью, которая при его приближеніи стояла не отступая, примкнувъ однимъ флангомъ къ г. Каракаллу, что заставило Черняева думать, не имѣютъ ли Турки въ городѣ значительныхъ силъ, почему и просилъ полковника Карамзина немедленно отступить. „Мы отступимъ,—отвѣчалъ Карамзинъ,—только артиллерійскимъ огнемъ заставимъ Турокъ показать намъ свои силы“. Вслѣдъ за симъ Карамзинъ, перейдя небольшую рѣчку, занялъ позицію и велѣлъ артиллеріи открыть огонь. Едва орудія успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу, какъ показались значительныя силы башни-бузукъ, завязавшія перестрѣлку изъ винтовокъ и старавшіяся охватить наши фланги. Черняевъ рѣшительно убѣждалъ Карамзина начать отступленіе, но тотъ не соглашался. Черняевъ предложилъ одному изъ опытнѣйшихъ штабъ-офицеровъ полка, а именно командиру дивизіона подполковнику Дикю, помочь ему уговорить Карамзина въ необходимости немедленнаго отступленія; но Карамзину такое дѣйствіе казалось позорнымъ, и онъ приказалъ атаковать Турокъ, обѣщая отступить, лишь только они бу-

*) Сынъ нашего знаменитаго исторіографа.

**) Столь славный впоследствии Михаилъ Григорьевичъ здѣсь впервые является на аренѣ видной боевой дѣятельности.

дуть отброшены. Гусары повиновались. На измученных лошадяхъ, они пошли было въ атаку противъ въдесятеро сильнѣйшаго врага, но были опрокинуты, и вся масса Турокъ, лавою хлынувъ на гусаръ, опрокинула весь отрядъ, охвативъ его фланги; гусары и казаки искали спасенія въ быстротѣ своихъ лошадей, артиллеристы не успѣли взять орудій на передки, часть прислуги изрублена, офицеры дрались отчаянно, но тщетны были ихъ усилія; толпы Турокъ захватили орудія и только два зарядные ящика успѣли ускакать черезъ ручей.

Голосъ Карамзина, незнакомый солдатамъ, не могъ ихъ остановить. Офицеры не имѣли силъ удержатъ объятыхъ паническимъ страхомъ гусаръ, — тѣхъ самыхъ гусаръ, которые тому нѣсколько дней (3 мая) въ превосходной атакѣ разбили на голову турецкую кавалерію, прорвались черезъ ихъ пѣхоту и покрыли поле битвы трупами Турокъ!

Офицеры почти одни остались противъ Турокъ и бросились въ сѣчу, тѣмъ нѣсколько удержавъ натискъ, — шестнадцать изъ нихъ заплатили кровью за свою благородную рѣшимость *). Но усилія нѣкоторыхъ были тщетны, отрядъ спасался куда могъ.

У полковника Карамзина въ самомъ началѣ печальнаго погрома опрокинулась лошадь, порвались подпоясы, сѣдло съѣхало къ хвосту, нѣсколько гусаръ бросились подать коня Карамзину, но Турки замѣтили, что кого-то сажаютъ на лошадь, и толпою устремились на эту кучу, гусары и артиллеристы ему помогавшіе перебиты, ранены или прогнаны, Карамзина схватили въ плѣнъ, хотя онъ отбивался отчаянно и успѣлъ застрѣлить пзъ пистолета одного изъ Турокъ, и потащили, мгновенно оборвавъ съ него всю одежду. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и вида, вѣроятно, безвыходность своего положенія, Карамзинъ еще рѣшился попытать счастья, вырвался у Турокъ, выхватилъ саблю у одного изъ нихъ, убилъ и ранилъ нѣсколькихъ; но тутъ Турки его убили.

Турки не рѣшились гнать нашихъ гусаръ слишкомъ далеко, думая, что наши опомнятся и заплатятъ за свой погромъ, или опасаясь наткнуться на наши свѣжія силы.

Паника, объявившая гусаръ, была такъ велика, что они не слушали рѣшительно ничего голоса, убѣгая отъ Турокъ, и неслись какъ сумасшедшіе, саблями подгоняя своихъ коней. Орудія наши можно было бы увезти, если бы сохранено было хотя малѣйшее хладнокровіе; ручеекъ Тезлуй, который предстоило перейти при отступленіи, былъ ничтожный; два зарядные ящика могли же спастись, переѣхавъ черезъ него. Главныя массы Турокъ не смѣли преслѣдовать нашихъ; за гусарами, съ гикомъ, дикими воплями и выстрѣлами, гнались, — дѣло просто невѣроятное, — человекъ 15—20 удалцовъ пзъ баши-бузуковъ!...

*) Вистенгофъ въ „Рус. Старинѣ“, июнь 1878, совершенно другую даетъ оцѣнку поведенію офицеровъ въ этомъ дѣлѣ и нигдѣ не говоритъ, чтобы было 16 раненыхъ, замѣчая только, что было „нѣсколько раненыхъ“.

Когда уже наши проскакали около трех верстъ, подполковникъ Бантышъ, самъ сильно контуженный въ голову и также вовлеченный въ общее бѣгство, просилъ, молилъ бѣгущихъ гусаръ остановиться; кричалъ, что насъ гонять только нѣсколько человѣкъ, что это позоръ всему полку, полное безчестіе, — никто его не слушалъ и всѣ продолжали удирать... Наконецъ, Бантышъ собралъ послѣднія силы и закричалъ ближайшимъ гусарамъ: „Ребята, если вы такъ дѣлаете, отдаюсь въ плѣнъ!“ — и затѣмъ онъ осадилъ своего коня.

Бантыша знали солдаты, любили его. Человѣкъ 20 нашихъ окружили подполковника, бросились за нимъ на Турокъ, — изрубили изъ нихъ тѣхъ, которые на нихъ наскочили, прочіе же, видя такой рѣшительный отпоръ, повернули коней и понеслись назадъ, къ своимъ.

Остальныя части полка, никѣмъ уже не преслѣдуемая, на полныхъ рысяхъ удирали еще 6 верстъ, не останавливаясь, несмотря на увѣщанія опять догнавшего ихъ Бантыша и другихъ офицеровъ.

Потерявъ послѣднія силы, Бантышъ не могъ долго держаться на конѣ, и когда упалъ съ него, солдаты не остановились, чтобы его поднять... Нѣсколько офицеровъ увидѣли его паденіе, слѣзли съ лошадей и уложили его въ попавшійся экипажъ.

Когда Черняевъ прѣскакалъ къ Линранди съ донесеніемъ о происшедшемъ, онъ было двинулъ свой отрядъ впередъ, чтобы отомстить Туркамъ немедленно, но почему-то воротился. На другой день онъ опять было выступилъ съ тою же цѣлю, но воротился отъ деревни Балашъ, гдѣ не нашелъ Турокъ.

Тотчасъ послѣ Карамзинскаго дѣла у насъ оказалась огромная потеря: въ эскадронахъ осталось не болѣе какъ по 50 человѣкъ, но на самомъ дѣлѣ наша потеря была не такъ значительна: на другой и на третій день стали стѣбаться и сходитья разсѣявшіеся во всѣ стороны казаки и гусары. Оказалось, что у насъ убито 29 человѣкъ и взято въ плѣнъ 40 *). Раненыхъ немного вообще, а въ казачьей сотнѣ всей убили — одинъ раненый. Находившійся при отрядѣ, въ качествѣ волонтера, нѣкто Кадельбекъ (Чернесъ по рожденію) получилъ двѣнадцать ранъ дротиками башибузуковъ, но остался живъ и спасся **). Раненыхъ офицеровъ оказалось шестнадцать, убитыхъ два, третій — полковникъ Карамзинъ, которому дано было восемнадцать смертельныхъ ранъ. Офицеры заплатили жителямъ и они доставили тѣла Карамзина и его убитыхъ товарищей. Нѣкоторыхъ жители знали

*) Вистенгофъ (Idem, стр. 210) говоритъ, что гусаръ нижнихъ чиновъ вышло убитыми и ранеными всего 20 человѣкъ! Не первый ли это случай во всю войну, что въ реляціяхъ было показано убитыми и ранеными больше, чѣмъ было таковыхъ въ дѣйствительности, чтобы не такъ уже было совѣстно разсказывать дѣло?

**) Судьба Кадельбека полна чудеснаго. Онъ съ отцомъ-торговцемъ жилъ въ Константинополѣ; когда загорѣлась война, его завербовали, несмотря на то, что онъ нашъ подданный, и заставили служить султану противъ воли. Изъ-подъ Калафата онъ бѣжалъ къ намъ: впоследствии являлъ неоднократно отчаянную отвагу; убитъ въ Севастополѣ въ 1855 году.

въ лицо, потому что отрядъ прежде того стоялъ у нихъ въ деревнѣ, а тѣло Карамзина узнали по круглымъ бакенбардамъ *).

Одинъ гусарь бѣжалъ изъ плѣна и рассказалъ, что въ ночь, послѣ дѣла, Турки перепились, стояли съ величайшею безпечною и орудія, у насъ отобранныя, для безопасности помѣщены были въ сараѣ. Еслибъ въ эту ночь нашему отряду можно было ударить на Турокъ, произошло бы непременно дѣло, похожее на Бйленштское прошедшей Турецкой кампаніи **).

*) Въ Каракальскомъ дѣлѣ Карамзина доселѣ еще многое остается темнымъ и неразъясненнымъ; одно, къ сожалѣнію, ясно, что слѣдующее замѣчаніе князя Викт. Васильчикова объ этомъ дѣлѣ вполне вѣрно; онъ говоритъ: „несомнѣнно только то, что въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, виновникомъ котораго былъ конечно Карамзинъ, полкъ не стяжалъ себѣ новой славы и никто изъ подчиненныхъ Карамзина не исполнилъ своей обязанности, какъ бы слѣдовало („Русская Старина“, сентябрь 1878, „Замѣтка“).

**) Вышеприведенное повѣствованіе рассказано такъ, какъ передавалось очевидцами событія, официальными о немъ донесеніями и молвою, въ то время ходившею. Для полноты представленія объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, приведемъ рассказъ о немъ же—если не участника его, то офицера, имѣвшаго полную возможность получить точныя свѣдѣнія о происшедшемъ, состоя на службѣ въ этомъ же полку и только случайно не принявшемъ участія въ дѣлѣ, вслѣдствіе удержанія его при той части полка, которая не была послана съ Карамзинымъ.

Павель Оедоровичъ Вистенгофъ рассказываетъ, въ июньскомъ № „Русской Старины“ за 1878 годъ, о Каракальскомъ дѣлѣ, между прочимъ, слѣдующее:

16 мая выступивъ съ позиціи съ разсвѣтомъ и отойдя отъ передовыхъ частей главнаго отряда версты на 20 впередъ, Карамзинъ сдѣлалъ своему отряду двухчасовой привалъ, причемъ одна половина отряда разминутчила лошадей и кормила ихъ, а потомъ то же выполняла другая половина отряда. Солдаты поѣли сухарей; офицеры, приглашенные Карамзинымъ, одни закусывали у него, другіе отказались отъ приглашенія, а самъ онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, даже отказался отъ чаю.

Послѣ привала подошли къ небольшому, узкому мосту черезъ мелководную рѣку Тездуй, при чемъ Карамзинъ остановилъ отрядъ, но послѣ сдѣланнаго имъ совѣщанія, какъ было рѣшено большинствомъ голосовъ, приказалъ перейти мостъ, на томъ основаніи, что въ случаѣ отступленія легко можно было переправиться въ бродъ, вопреки убѣжденій бывшаго противъ этого движенія поручика генеральнаго штаба Черняева.

Перешли мостъ „справа по три“, такъ какъ онъ былъ узокъ и безъ перилъ, и отошли еще версты три впередъ. Черняевъ, ѣхавшій съ казаками въ авангардѣ, вдругъ остановилъ ихъ, самъ вернулся назадъ къ отряду и доложилъ Карамзину, что въ верстѣ отсюда предстоитъ еще переправа черезъ другой, такой же узкій мостъ, перекнутый надъ топкимъ болотомъ. Карамзинъ задумался; видя неудобство оставаться въ бездѣйствіи между двумя мостами, онъ сказалъ Черняеву: „На основаніи данной мнѣ инструкціи, я дѣйствую самостоятельно; не думаю, чтобы съ такимъ извѣстнымъ своею храбростію полкомъ намъ пришлось отступать; не допускаю этой мысли; съ этими молодцами надобно идти всегда впередъ!“

Всѣ молчали. Черняевъ замѣтилъ Карамзину, что это громадный рискъ съ его стороны, вернулся къ казакамъ и пошелъ съ ними впередъ. Вслѣдъ за казаками весь отрядъ съ артиллеріей перешелъ и другой мостъ, вступилъ на необозримую, ровную поляну; вдали, на горизонтѣ видѣлись высокія башни Каракала. Пройдя еще съ версту, наши увидали, что отъ Черняева несетъ казакъ: подлетѣлъ къ Карамзину и докладываетъ, что на обширной равнинѣ этой, впереди ихъ, стоятъ четыре колонны непріятельскихъ всадниковъ, каждая примѣрно въ 500 человекъ, двѣ колонны регулярной кавалеріи и двѣ башн-бузукъ; держатся они болѣе къ сторонѣ города; артиллеріи у нихъ не видно. Карамзинъ тотчасъ навелъ на указанное мѣсто свою подзорную трубу и, посмотрѣвъ внимательно, нашелъ, что стоятъ только двѣ колонны, а остальные двѣ массы, по его мнѣнію, суть два забора. Отрядъ двинулся на рысяхъ; пройдя этимъ аллюромъ три версты, онъ подошелъ къ непріятелю на такое разстояніе, что артиллерія видимо могла уже дѣйствовать; тогда Карамзинъ приказалъ дать сигналъ—„огонь“. Молодецки артиллеристы снялись съ передковъ *), орудія

*) Четыре конныхъ орудія легкой № 10 батареи были въ командѣ штабъ-капитана Малиновскаго; онъ остался живъ.

25 мая.

Чтобы посмотреть, какъ сталъ въ траншеяхъ Охотскій полкъ, сегодня мы съ генераломъ поѣхали къ траншеѣ въ фаэтонѣ; но когда мы приблизились на пушечный выстрѣлъ къ непріятельскимъ батареямъ, Турки открыли, собственно по насъ, сильный огонь, и нѣсколько ядеръ, одно за другимъ, пронеслось мимо нашего экипажа. Лошади перепугались и чуть было не разбили насъ; кое какъ остановивъ ихъ, мы отослали экипажъ назадъ, а сами отправились дальше, пѣшкомъ, чтобы не быть наказанными за свою дерзость. Впрочемъ, фельдмаршалъ всегда пріѣзжаетъ на дрожкахъ въ траншеи, на парѣ маленькихъ лошадокъ, достаточно уже обстрѣлянныхъ.

Первый баталіонъ и двѣ роты 4-го баталіона Охотцевъ заняли ближайшую къ непріятелю траншею; двѣ роты 4-го баталіона, 2-й и 3-й баталіоны стояли въ резервъ, на второй и третьей линіяхъ траншей, всѣ противъ арабскаго укрѣпленія.

Здѣсь, въ траншеяхъ, совершенно особый міръ, другая, необыкновенная жизнь, картину и подробности которой можетъ себѣ представить тотъ только, кто жилъ этою жизнью, или кто посѣщалъ траншеи неоднократно. Трудъ,

трянули, Турки зашатались, но торжество это продолжалось не долго: артиллерія, по неизвестной причинѣ, вдругъ безъ приказанія прекратила огонь, какъ подозрѣваютъ потому, что зарядовъ, по оплошности, взято было въ крайне ограниченномъ числѣ и ихъ не хватило.

(Прибавимъ отъ себя, подозрѣніе невѣроятное: не забудемъ, что при этихъ орудіяхъ было два зарядныхъ ящика. Неужели они были пусты? А если бы это была правда, неужели артиллерійскій офицеръ, оставшійся въ живыхъ, не былъ бы преданъ военному суду?)

Продолжаемъ разсказъ Вистенгофа. „Карамзинъ поблѣднѣлъ какъ полотно, но скрылъ свой ужасъ и не потерялся. Гусары видимо оробѣли; Турки ободрились; тогда Карамзинъ приказалъ подать сигналъ „къ атакѣ“. Начать долженъ былъ 8-й эскадронъ, на который Карамзинъ надѣялся болѣе другихъ; молодецки бросился эскадронъ на правый флангъ непріятеля, врубился въ середину Турокъ и началъ ихъ косить саблями; къ несчастію, въ самую жаркую минуту, командиръ эскадрона, поручикъ Винкъ, увидѣлъ, что старшій вахмистръ его, окруженный пятью Турками, непремѣнно будетъ изрубленъ, бросился съ однимъ гусаромъ къ нему на помощь. Храбрый Винкъ тутъ же былъ изрубленъ, а вахмистръ спасенъ. Это обстоятельство нравственно сильно подѣйствовало на солдатъ; увидя себя безъ начальника, который имѣлъ на нихъ большое вліяніе, они вдругъ сами собою, безъ приказанія, бросились назадъ. Данъ былъ сигналъ идти въ атаку 5-му эскадрону; командиръ эскадрона, майоръ Красовскій, рванулся впередъ, но, оглянувшись, увидѣлъ возлѣ себя одного только своего юнкера фонъ-Гана: эскадронъ на полдорогѣ до непріятеля повернулъ назадъ. Турки на мѣстѣ изрубили Гана, а Красовскій съ раздробленною рукою ускакать назадъ. Данъ былъ сигналъ къ „общей атакѣ“. Эскадроны не двинулись съ мѣста; офицеры и люди растерялись, жался одинъ къ другому, не слушая ни трубача, ни словесной команды Карамзина. Суматоха была общая; образовалось безначаліе!

„Между тѣмъ Турки, видя все происходившее у насъ и понявъ, въ чемъ дѣло, начали заскакивать намъ въ тылъ, торопясь завладѣть тѣмъ самымъ мостикомъ, который сзади насъ перекинутъ былъ черезъ топкое болото, дабы преградить намъ путь къ отступленію. Тотчасъ весь отрядъ, понявъ этотъ маневръ, увидѣлъ себя въ безвыходномъ, ужасномъ положеніи. Минута была тяжелая! Въ это самое мгновеніе, въ серединѣ разстроеннаго фронта, кто-то скомандовалъ громкимъ голосомъ: „Налѣво кругомъ! Маршъ, маршъ!“ Всѣ бросились опрометью назадъ; каждый изъ чувства самосохраненія летѣлъ скорѣе на этотъ роковой мостъ, спасая себя. Напрасно Карамзинъ кричалъ имъ: „Стойте, господа! куда вы? Стой, стой!“—никто не слушалъ. Турки, видя такой страхъ бѣжавшихъ, бросились на нихъ въ сабли и пики, настигли артиллерию, перебили почти всю растерявшуюся прислугу, перекололи всѣхъ лошадей, овладѣвъ вполне нашими четырьмя орудіями. На мосту была свалка своего рода: тутъ наши тѣснились, жался, торопясь пробиться и перескочить мостъ; въ этой свалкѣ были убиты поручикъ Брашневскій и юнкеръ князь Голицынъ.... Когда все

отвага и смерть—вот девизы траншейной жизни. Двухъ, трехъ минутъ сряду не бываетъ, чтобъ надъ головою находящагося въ траншеяхъ не пролетѣлъ какой снарядъ: то шумитъ картечь, то жалобно поетъ штучерная пуля и солдаты говорятъ: „она плачетъ, что смерть несетъ человѣку“, то урчитъ осколокъ, то чавкаетъ бомба, то на васъ валятся камни, сбитые ядромъ съ гребня вашей же траншеи. Пѣхотинцы смѣняются въ траншеяхъ, но артиллеристы и саперы съ начала осады живутъ здѣсь безвыходно, не имѣя ни дня, ни ночи покоя не только отъ непріятельскаго огня, но отъ множества занятій и отъ постоянного дѣйствія нашей артиллеріи. Выстрѣлы нашихъ осадныхъ орудій громадной величины потрясаютъ всю мою нервную систему, не говорю уже, если выстрѣлъ раздается для меня печально—нѣтъ, стою и жду выстрѣла: онъ раздается, и я едва могу устоять на ногахъ,—такъ все во мнѣ и содрогнется; вотъ что значитъ непривычка!

Разумѣется, черезъ гребень траншеи смотрѣть нельзя,—сейчасъ влѣпять пулю въ голову; но солдаты все-таки частенько любятъ на Турокъ, хотя дня не пройдетъ, чтобъ 20—30 человѣкъ съ головными ранами не отправилось изъ траншей: одни въ могилу, другіе въ госпиталь. „Неосторожны вы, ребята“, замѣтилъ генералъ Павловъ двумъ артиллеристамъ, смотрѣв-

ринулось бѣжать, лошадь Карамзина бросилась за прочими конями; онъ придержалъ ее, та взвилась на дыбы и опрокинулась назадъ, но онъ во время, вынувъ ноги изъ стремянъ, уклонился въ сторону; когда лошадь встала, Карамзинъ уже не могъ сѣсть на нее, потому что во время паденія она порвала подпояска, вслѣдствіе чего сѣдло съѣхало къ самому хвосту; она начала бить задомъ до тѣхъ поръ, пока не сбита совсѣмъ сѣдла, и затѣмъ ускакала вслѣдъ за другими пашими лошадьми. Карамзинъ остался пѣшій, совершенно одинъ,—два трубача, бывшіе при немъ, и тѣ ускакали. Скакавшій мимо него унтеръ-офицеръ Кубаревъ остановился, мгновенно схватилъ за узду бродившую тутъ лошадь изъ-подъ убитаго башки-бузукъ и подвелъ ее къ Карамзину. Карамзинъ сѣлъ на нее; но она была слишкомъ мала для его большого роста, слабосильна и лѣнива до того, что, не взирая на прищипориванье, почти не трогалась съ мѣста. Карамзинъ слѣзъ и бросилъ ее; въ это время артиллеристъ, увидавъ это, подводилъ ему прекрасную изъ-подъ орудія подручную лошадь, крича: „Вамъ в—іе, садитесь скорѣе какъ нибудь!“—„Благодарю тебя, мой другъ, благодарю: мнѣ теперь уже болѣе ничего не нужно“, нечально отвѣтилъ ему Карамзинъ. Въ это мгновеніе наскочили Турки, убили артиллериста, взяли лошадь и окружили Карамзина. Ихъ было человѣкъ 20; они сорвали съ него золотые часы, начали шарить по карманамъ, вынули все находившіеся при немъ полумперіалы, сняли киверъ, серебряную лядунку, кушакъ, саблю, пистолетъ, раздѣли его до гола, оставивъ только на немъ канусовую рубашку; затѣмъ близи его плашмя саблями по голымъ лямкамъ и ногамъ, погоняя идти проворнѣе въ плѣнъ. Страдалецъ повиновался; въ это самое время, одинъ изъ башки-бузукъ, подмѣтивъ золотую цепочку, болтавшуюся у него подъ рубашкой, разорвалъ ее и сорвалъ съ груди съ медальономъ его жены (про который онъ наканунѣ еще говорилъ Вистингофу, что не отдастъ непріятелю иначе какъ съ жизнью). Карамзинъ поблѣднѣлъ какъ смерть, внезапно выхватилъ саблю изъ ножена грабителя, со всего размаха ударилъ его по головѣ и убилъ. Другой Турокъ бросился къ нему, Карамзинъ перешибъ ему руку; тогда остальные Турки, освирѣпѣвъ, бросились разомъ на него, закололи его пиками и саблями, нанеся восемнадцать смертельныхъ ранъ, и, бросивъ трупъ, сѣли на лошадей и ускакали.

„Послѣднее обстоятельство, заключаетъ Вистингофъ, рассказывалъ намъ раненый гусаръ 1 эскадрона, сидѣвшій все время притаившись подъ мостомъ и видѣвшій все происходившее; онъ кое-какъ дотопался къ ночи на другой день къ намъ въ отрядъ“.

Князь Эмилій Витгенштейнъ о Карамзинскомъ дѣлѣ (на стр. 219 „Souvenirs et correspondance“, *idem*) говоритъ слѣдующее: „Я потерялъ одного добраго знакомаго, Андрея Карамзина, весьма храбраго офицера, который попался въ турецкую засаду и былъ изрубленъ съ четвертою частью своего полка, потерявъ, увязшими въ болотѣ, четыре артиллерійскія орудія“. Глушое дѣло, заключаетъ Витгенштейнъ, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что „нѣтъ кампаніи безъ несчастныхъ случайностей“.

шимъ черезъ гребень траншеи.— „Ничего, ваше превосходительство, мы привычны; здѣсь пули по шапкамъ летаютъ, да Богъ хранить; доли своей не минуешь!“ Конечно, такая траншейная философія отрадна и вдохновительна.

28 мая.

Разсказываютъ, что Охотцы стояли свою очередь въ траншеяхъ молодцами, даромъ что пошли впервые. Стоявшіе въ ближайшихъ къ непріятелю траншеяхъ подвергались дѣйствію ручныхъ гранатъ. Большая часть изъ брошенныхъ въ траншею, правда, оставались не лопнувшими, но нѣкоторыя дѣлали большой вредъ. Наши солдаты скоро такъ освоились съ этими снарядами, что ручныя гранаты сдѣлались имъ игрушкою, забавою; бываетъ, еще гранатка летитъ, а ужъ къ мѣсту, куда она готова упасть, бросаются два, три человѣка, кто съ чѣмъ—кто съ водою, кто съ грязью, а кто просто съ голыми руками, чтобъ схватить ее и успѣть перебросить обратно къ Туркамъ, пока она еще не разорвалась. Многимъ удавалось это удалое намѣреніе. Изъ подобныхъ подвиговъ замѣчательны слѣдующіе:

3-й егерской роты, Охотскаго полка, штуцерникъ Леонтій Федорецъ затушилъ грязью 5 гранатъ.

Гаврило Очказовъ (того же полка и роты) затушилъ одну гранату.

Рядовой Коробовъ перебросилъ Туркамъ нѣсколько не успѣвшихъ лопнуть гранатъ обратно въ траншею, дескать: „вашимъ добромъ, да вамъ же челомъ!“ Какъ-то, едва успѣвъ онъ перебросить Туркамъ одну такую гранату, чего, конечно, безъ особаго душевнаго движенія сдѣлать нельзя, какъ близъ него упала другая ручная гранатка. Коробовъ нѣсколько растерялся, однако бросился къ ней, но вмѣсто того, чтобъ грязью залѣпить трубку, во исполненіе мгновенно мелькнушаго намѣренія, онъ накрылъ гранату съ горящею трубкою фуражкой! Нечего и говорить, что лопнувшая граната разметала головной уборъ Коробова, но самъ онъ, по счастливой случайности, остался цѣль и невредимъ.

Въ первую же ночь, проведенную въ траншеяхъ, Охотцы набрали 27 нелопнувшихъ ручныхъ гранатъ, разрядили ихъ, начинили ихъ порохомъ, положили въ каждую отъ 8 до 10 турецкихъ пуль; съ помощію артиллериста какъ-то ухитрились придѣлать къ нимъ стопниъ и пошвыряли ихъ назадъ Туркамъ, когда тѣ, было, открыли частую пальбу, на которую наше начальство не приказало отвѣчать во избѣжаніе напрасной траты зарядовъ, потому что девяносто девять сотыхъ изъ этихъ выстрѣловъ, какъ не прицѣльныхъ, идетъ на воздухъ.

29 мая.—Лагерь подъ кр. Силистріей.

Сегодня на разсвѣтѣ насъ разбудилъ ужасный трескъ и громъ. Смотримъ: надъ однимъ изъ передовыхъ силистрійскихъ укрѣпленій стоитъ дымное облако.

Оказалось, что наши взорвали часть бруствера неприятельского укрѣпленія; взрывъ образовалъ воронку, при овладѣніи которою произошла сильная стычка: наши саперы и 12 рота Прагскаго полка бросились занять воронку, но были отбиты Турками, которые внутри самаго Арабскаго укрѣпленія, замѣчая работу нашего минера, построили редюитъ такъ, что взрывъ части бруствера Арабскаго укрѣпленія неоткрылъ доступъ въ оное, загражденное помянутымъ редюитомъ. Отбивъ нашихъ, Турки, въ свою очередь, перешли въ наступленіе, сдѣлали вылазку, но были опрокинуты въ свое укрѣпленіе.

Вчера была усиленная рекогносцировка юго-западной стороны Силистріи, пространства за фортomъ „Абдуль-Меджидъ“, къ деревнѣ Калопетри, которая лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости, въ глубокомъ оврагѣ, параллельномъ теченію Дуная *).

Однимъ изъ отрядовъ, составлявшихъ рекогносцировавшія войска, командовалъ генералъ Павловъ.

Всѣ войска, находясь подъ личнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала, состояли изъ тридцати одного баталіона пѣхоты, тридцати двухъ эскадроновъ кавалеріи, восьми сотенъ казаковъ и двѣнадцати батарей артиллеріи. Авангардомъ командовалъ генералъ Хрулевъ. Не доходя Калопетри **), онъ имѣлъ кавалерійское дѣло съ передовымъ отрядомъ башки-бузуковъ, силою до 5.000 человекъ, разбилъ ихъ правильною атакою, взялъ нѣсколько плѣнныхъ и значокъ редифа.

Что до насъ касается, то мы пришли на мѣстность между Калопетри и Силистріею и нѣсколько времени стояли подъ выстрѣлами дѣйствовавшего съ усиленною быстротою „Абдуль-Меджида“, которому отвѣчала одна изъ нашихъ батарейныхъ батарей.

Плѣнные, взятые отрядомъ Хрулева, хотя принадлежать къ нерегулярнымъ войскамъ, хотя большинство ихъ старики, но всѣ они лихой народъ. Гордая поступь этихъ людей, твердый, обличающій чувство собственного достоинства взглядъ, національная одежда, возвышающая ихъ живописность, всѣ эти наружные признаки добраго, полезнаго въ бою войска не имѣютъ ничего общаго съ жалкимъ видомъ регулярныхъ турецкихъ войскъ, которые въ полугреческой своей одеждѣ напоминаютъ собою похожденія щеголихи дѣдушки Крылова,—именно про низамъ, какъ и про нее, можно сказать: „И вышла наша Матрена—ни нава, ни ворона!...“

Между тѣмъ, какъ фортъ „Абдуль-Меджидъ“ ревѣлъ словно сумасшедшій, мы, утомленные большею частию дня, проведеннаго на конѣ, усѣлись

*) 28 мая, подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала, было предпринято общее наступленіе главныхъ силъ осаднаго корпуса къ Силистріи, съ цѣлью обзрѣнія отдѣльныхъ неприятельскихъ укрѣпленій и расположенія турецкихъ войскъ и, вмѣстѣ съ симъ, съ намѣреніемъ показать неприятелю значительность нашихъ силъ, а главное—показать войскамъ нашимъ, какимъ образомъ маневрировать и устраниваться въ виду неприятеля (Богдановичъ: *idem*, стр. 90).

**) Нѣмецкіе военные писатели называютъ эту деревню—«Петробей».

завтракать на краю калопетринского оврага. Необыкновенно хороша была открывшаяся предъ нами картина: у нашихъ ногъ, въ оврагѣ, большая болгарская деревня; въ ней, окруженные жителями, казаки поятъ лошадей у фонтана; налѣво отъ „Абдулъ-Меджида“ отрядъ Хрулева зажегъ шалаши и палатки опрокинутой имъ кавалеріи и стоги сѣна, ею заготовленнаго; огонь и дымъ закрыли отъ нашихъ взоровъ картину дали; тутъ, прямо за ревущимъ фортотъ, группы силистрійскихъ минаретовъ, мечетей, большихъ зданій, посреди которыхъ то тамъ, то сямъ, безпрестанно обозначаются бѣлыя облачка нашихъ бомбъ; правѣе, вдали, блещетъ Дунай, и кое-гдѣ бѣлѣются наши шатры на высотахъ; кругомъ роскошная природа, волнистая мѣстность, поля, засѣянные пшеницею и кукурузою, трава въ поясъ! По этимъ тучнымъ пажитямъ, звеня, несутся наши орудія, оставляя черныи по себѣ слѣды, проходятъ шибко баталіоны, или на полныхъ рысяхъ передвигаются блестящія эскадроны съ одного крыла отряда на другое. Болгаре, жители Калопетри, бѣгутъ къ намъ съ разными продуктами, цѣлуютъ наши руки, не хотятъ брать денегъ за принесенное; даже дѣти ласкаются къ намъ, понимая сердцемъ свое съ нами братство. Повсюду образовались чудныя группы. Цѣлое страшно должно быть недругу, живительно для насъ, утверждая насъ въ сознаніи собственной силы и могущества, едва ли сокрушимыхъ.

Но вотъ несется толпа офицеровъ, послѣдуемая большимъ конвоемъ азіатцевъ, гусаръ, уланъ, жандармовъ, казаковъ, ординарцевъ всѣхъ родовъ оружія: генераль-фельдмаршалъ лично обзрѣваетъ мѣстность. При его появленіи громкое „ура“ нашихъ войскъ заглушаетъ громъ артиллеріи! Видимъ, онъ остановился противъ форта; Турки, которые покрывали гребень этого укрѣпленія, слѣдя за нашими маневрами, направили огонь своей артиллеріи на эту группу, ядра запытали, одно ударило близъ лошади фельдмаршала, рикошетируя пошло дальше, обдавъ его и свиту землею. Лошадь фельдмаршала прыгнула въ сторону, но ядро сдѣлало свое дѣло: оно контузило нашего вождя. Вѣсть объ этомъ мгновенно полетѣла по арміи, лишь бы только она не достигла Силистріи, а то она возвыситъ нравственную силу ея защитниковъ.

Еще черезъ часъ мы возвращались съ этой военной прогулки.

Въ Каларашѣ медики осмотрѣли князя Варшавскаго и запретили ему выходить изъ комнаты: на боку у него образовалось синее пятно значительной величины. Контузія, говорятъ, можетъ имѣть сильное вліяніе на здоровье фельдмаршала. Сохрани его Богъ для славы русскаго оружія! Его пріѣздъ влилъ новое упованіе въ армію, которая въ теченіе многихъ лѣтъ привыкла видѣть побѣду, неразлучную съ его знаменами.

Итакъ, сегодня мы переселились на правый берегъ Дуная. Нашъ штабъ съ Камчатскимъ полкомъ стоитъ за Главною квартирой.

30 мая.

Генераль-фельдмаршалъ, говорятъ, не хотѣлъ доносить о своей контузiи Государю Императору, опасаясь Его огорчить, но сегодня послалъ курьера съ донесенiемъ единственно для того, чтобъ Его Величество не узналъ стороною о происшедшемъ и не подумалъ бы, что дѣло важнѣе, чѣмъ оно есть въ сущности *).

При такой громадной операціи, какъ осада крѣпости, не все удается. Вчера произвели взрывъ одной изъ частей бруствера „Арабъ-Табін“. Взрывъ

*) Объ этой контузiи много толковали и даже писали впоследствии, приходя къ заключенію, что контузiя эта была фиктивная *), будучи измышленна какъ благовидный предлогъ для отъѣзда фельдмаршала отъ арміи,—отъѣзда, вызывавшагося какъ политическими, такъ и административными соображеніями высшаго правительства.

Въ „Русской Старинѣ“ за 1875 г. помѣщена замѣтка врача Павлуцкаго: „Контузiя фельдмаршала Паскевича“ (мартъ, т. XII, стр. 634), въ которой онъ рассказываетъ слѣдующее: „Въ рекогносцировкѣ 22 мая подъ Силистріей была произведена нашими казаками и гусарами небольшая атака полившихся передъ крѣпостью башни-бузукъ, послѣ чего войска были остановлены. Фельдмаршалъ, съ большою свитою, былъ верхомъ. Вдругъ ядро упало въ двухъ-трехъ шагахъ отъ фельдмаршала, причемъ его лошадь, испугавшись, бросилась въ сторону и князь Паскевичъ непремѣнно упалъ бы съ ней, еслибъ его не поддержали конвойные. Вслѣдъ за этимъ послышался крикъ: „Доктора!“ При артиллеріи, участвовавшей въ рекогносцировкѣ и бывшей ближайшею военною частью къ мѣсту происшествія, находился врачъ Павлуцкій, который и былъ приглашенъ къ фельдмаршалу. Павлуцкій нашелъ свѣтлѣйшаго лежащаго на коврѣ, блѣднаго, но съ лицомъ спокойнымъ. На вопросъ врача: „Что болитъ?“—фельдмаршалъ отвѣчалъ: „бокъ“, указывая на правую сторону своего туловища, послѣ чего Павлуцкій попросилъ дозволенія растереть больное мѣсто спиртомъ, но больного бока не подвергъ освидѣтельствованію. Фельдмаршалъ на эту просьбу отвѣчалъ: „хорошо, докторъ“. Павлуцкій побѣжалъ къ походной своей аптечкѣ, смѣшалъ тинктуру арники съ камфарнымъ спиртомъ и свинцовою водою и бѣгомъ возвратился въ фельдмаршалу, причемъ засталъ его все еще лежащимъ и обложеннымъ подушками **). Когда Павлуцкій, протолкавшись сквозь окружавшую Паскевича толпу, бросился къ нему съ принесенной примочкой, предлагая приступить къ растпранію бока, то услышалъ лаконическое: „пошелъ прочь!“ Вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ уѣхалъ въ экипажѣ. Павлуцкій заключаетъ: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что происшествіе 22 мая послужило только предлогомъ къ выполнению давняго желанія фельдмаршала удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ скачокъ лошади и паденіе ядра въ трехъ шагахъ не могло произвести не только контузiи, но даже обыкновеннаго легкаго ушиба. Медицинское пособіе потребовалось только вначалѣ, при испугѣ, весьма натуральномъ; впоследствии же, послѣ отдыха, оно было уже излишнимъ“.

Въ юньскомъ номерѣ „Русской Старины“ за настоящій годъ помѣщено, доставленное отъ генерала Викинскаго, письмо фельдмаршала Паскевича, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „теперь я не командеръ въ Царствѣ, а инвалидъ, который лежитъ въ деревнѣ“. Генералъ Викинскій сопроводилъ это письмо примѣчаніемъ: „Письмо это доказываетъ, что Его Свѣтлость дѣйствительно былъ контуженъ и лежалъ. По-моему, письмо это доказываетъ только, что фельдмаршалъ лежалъ, но можетъ-быть и не отъ контузiи, а отъ тѣхъ болѣзней, которыя послѣ этого лѣченія въ деревнѣ и свели его въ могилу,—болѣзней, подробно исчисленныхъ въ письмѣ д-ра Четыркина къ министру Туркулу, помѣщенномъ въ томъ же номерѣ „Русской Старины“.

Другіе утверждаютъ, что Паскевичъ просто искалъ смерти. Увѣряютъ, будто онъ говорилъ передъ этой рекогносцировкой: „Мнѣ остается жить на свѣтѣ года два-три, много—пять лѣтъ. Не лучше ли мнѣ умереть теперь, на полѣ битвы, чѣмъ проиграть такое великое, на меня возложенное дѣло, успѣха котораго я не вижу при настоящемъ образѣ нашихъ дѣйствій!“

*) Извѣстный генералъ Шильдеръ въ письмѣ къ своему семейству отъ 30 мая 1854 г. говоритъ о контузiи Паскевича: „Онъ увѣряетъ, что его недавно ранили... Изъ лукавства онъ приказалъ поставить себѣ пивки; такимъ образомъ, дѣйствительно, добились поврежденія...“ („Русск. Старина“, декаб. 1875 г., стр. 726).

**) Подушки были принесены вѣроятно толпившимися тутъ же Болгарамъ, жителями сосѣдней съ мѣстомъ происшествія деревни.

былъ неудаченъ. Говорятъ, причиною неудачи самъ Шильдеръ, собственно изъ упрямства, не позволившій задѣлать мины надлежащимъ образомъ, отчего взрывъ обратился въ нашу сторону и разрушилъ большую часть работъ нашего минера. По несчастію, въ пыли и дыму, этой неудачи не возможно было рассмотретьъ. Шильдеръ, боясь потерять моментъ и дать Туркамъ время, опомнись, занять воронку, которую предполагалось образовать этимъ взрывомъ, и находясь въ ближайшей къ мѣсту взрыва траншеѣ, съ свойственною ему пылкостью крикнулъ солдатамъ: „Вотъ теперь бы, братцы, по положенной дорожкѣ-то, впередъ... Ура!“ Саперы и Прагцы, какъ я уже говорилъ вчера, бросились занимать воображаемую воронку, но Турки, уже опомнясь отъ взрыва, который, какъ оказалось впоследствии, кромѣ мгновеннаго страха не произвелъ имъ никакого вреда, встрѣтили нашихъ спланнымъ ружейнымъ огнемъ, и хотя наши отважные солдаты частію уже влѣзли на турецкое укрѣпленіе, но были опрокинуты, при чемъ у насъ убито до 40 и ранено до 170 человекъ.

Сегодня ночью Охотскаго егерскаго полка рядовые Антонъ Вальчикъ, Григорій Шевченко и Кондратъ Костюкъ перебросили обратно къ Туркамъ, въ траншею, по нѣскольку ручныхъ гранатъ, еще не успѣвшихъ разорваться.

Возвращаясь къ генералу Шильдеру и его дѣятельности при настоящей осадѣ. У насъ всѣ недовольны этою дѣятельностью и, отдавая полную справедливость его храбрости и мужеству, все-таки говорятъ, что Шильдеру слѣдовало бы убраться отсюда, предоставивъ продолженіе осады подполковнику Тотлебену, который у него и теперь всѣмъ орудуетъ, но, какъ лице подначальное и стѣсненное вліяніемъ и распоряженіями Шильдера, не имѣетъ никакой возможности развить всю свою энергію и дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно.

Въ упрекъ Шильдеру ставятъ еще слѣдующій случай. 4 мая Тотлебену было поручено открыть траншейныя работы противъ Силистріи. На этомъ основаніи три баталіона заняли назначенныя мѣста и приступили было уже къ работамъ, какъ откуда ни возьмись Шильдеръ съ адъютантомъ. Не обращая вниманія на сдѣланное уже распредѣленіе войскъ, Шильдеръ, тотчасъ по появленіи своемъ, приказалъ одному изъ вышеупомянутыхъ баталіоновъ двинуться впередъ и указать ему мѣсто для сооруженія четырехъ-орудійной батареи и направленіе параллели перпендикулярно работѣ. Между тѣмъ, другой изъ вышеозначенныхъ баталіоновъ, ничего не зная о распоряженіи Шильдера, услышавъ шумъ и говоръ впереди себя, открылъ огонь въ этомъ направленіи, какъ оказалось—по своимъ! Шильдеръ съ выведеннымъ имъ баталіономъ поспѣшили ретироваться, а за ними поспѣшно отступили и другіе два баталіона, растерявъ каски и шанцовый инструментъ.

Вообще, про Шильдера говорятъ здѣсь, что онъ въ самомъ дѣлѣ тронулся въ умъ.

Въ доказательство указываютъ, что онъ, какъ важнымъ государствен-

нымъ дѣломъ, занимается *верченіемъ стола* и черезъ его посредство ведетъ постоянную бесѣду съ покойнымъ Императоромъ Александромъ I-мъ, при томъ увѣряя всѣхъ, что всѣ свои распоряженія основываетъ на приказаніяхъ, непосредственно имъ получаемыхъ, съ того свѣта, отъ названнаго Государя.

31 мая.

Сегодня, было, на нашу долю досталось дѣло. Мы стоимъ въ резервѣ и, слѣдовательно, нашъ штабъ, не участвуя въ траншейной службѣ, не можетъ принимать ежедневно участія въ борьбѣ. Но генераль-фельдмаршалъ, который очень жалуетъ нашего генерала, сказалъ ему на дняхъ: „Вы въ резервѣ, не скучайте: и мнѣ часто случалось изъ резерва переходить въ авангардъ!“

Сегодня потребовали генерала въ Главную квартиру и дали ему въ команду отрядъ, въ который поступили: Охотскій, Камчатскій, Замостскій полки, два баталіона Якутцевъ, два полка уланъ, 5 сотенъ казаковъ и двѣ съ половиною батареи. Войскамъ велѣно выступить въ двѣнадцатомъ часу ночи и идти на Шумлинскую дорогу, гдѣ перехватить турецкій вспомогательный отрядъ, слѣдующій въ Силистрію, подъ начальствомъ англійскаго офицера, съ шестью баталіонами пѣхоты и двѣнадцатью орудіями.

Понятно, въ какомъ мы были восторгѣ! Конечно, намъ предстоялъ несомнѣнный успѣхъ. Не говоря уже о нашемъ одушевленіи и жаждѣ боя, — въ пользу нашего предпріятія говорило самое превосходство нашихъ силъ. Но нашъ восторгъ былъ непродолжителенъ: едва мы стали собираться въ походъ, какъ отъ главнокомандующаго прискакалъ генеральнаго штаба поручикъ Алексѣевъ съ приказаніемъ не выступать, — турецкій отрядъ успѣлъ пробраться въ Силистрію въ сумерки. Вотъ опять что называется: „по усамъ стекло, а въ ротъ не попало“.

4 іюня.

Воинское счастье опять было улыбнулось намъ и попрежнему стремительно улетѣло. По личному приказанію генераль-фельдмаршала, генераль-Павловъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, состоявшаго изъ полковъ: Охотскаго, Подольскаго, Камчатскаго, двухъ баталіоновъ Якутскаго, двухъ полковъ уланъ: Великаго Князя Константина Николаевича и Принца Альбрехта, четырехъ эскадронъ гусаръ Принца Прусскаго, пяти сотенъ Донцовъ полка № 40, шести батарейныхъ орудій и двухъ легкихъ батарей. Этотъ отрядъ былъ посланъ, 1-го іюня, для бдительнаго наблюденія за крѣпостью со стороны Шумлы и за окрестностями и съ тѣмъ, чтобы перехватить могущіе слѣдовать подкрѣпленія и подвозы; если же встрѣченъ будетъ непріятельскій отрядъ, атаковать и разбить его, впрочемъ отнюдь не вдаваясь въ бой съ превосходными силами.

Далѣе инструкція, данная генералу Павлову княземъ Горчаковымъ, предписывала стать *по ту сторону* Калопетрійскаго оврага, прикрываясь деревнею и оврагомъ отъ „Абдуль-Меджида“. Главнокомандующему дано

знать, что Омеръ-паша въ Силистріи, а потому предписывалось генералу Павлову захватить его, если онъ будетъ возвращаться въ лагерь. Главнокомандующій князь Горчаковъ, въ предписаніи своемъ, полагаясь на опытность генерала Павлова, изъявлялъ надежду, что онъ не вдастся въ дѣло безъ вѣроятности успѣха.

Мы, впрочемъ, никакъ не могли понять, что за таинственный смыслъ имѣетъ наше движеніе.

Неужели безъ шутокъ главнокомандующій предполагалъ посредствомъ нашего отряда пресѣчь доступъ подкрѣпленій и транспортовъ въ крѣпость, какъ буквально выражено въ инструкціи генералу Павлову, — атаковать и разбить ихъ, не вдаваясь въ бой съ превосходными силами, — не допустить имѣющимъ вступить на дняхъ въ Силистрію 6 баталіоновъ пѣхоты при шести орудіяхъ изъ Рушукъ и Шумлы и, наконецъ, захватить Омеръ-пашу, когда онъ будетъ возвращаться изъ Силистріи (гдѣ его впрочемъ въ эти дни и не было) подъ Шумлу.

Но, во первыхъ, на всѣ эти операціи давалось намъ всего два дня сроку; во вторыхъ, въ нашемъ движеніи не было никакой скрытности: оно, принятое днемъ, было виднѣхонько изъ Силистріи, сообщенія которой съ Шумлою не были прерваны и, слѣдовательно, изъ которой всегда могли послать приказаніе слѣдовавшимъ въ Силистрію транспортамъ, обозамъ и подкрѣпленіямъ или возвратиться немедленно, или остановиться, гдѣ ихъ застанетъ приказаніе, чтобы имъ не наткнуться на насъ. Что же касается до Омеръ-паши, то, еслибы онъ и дѣйствительно находился въ крѣпости, какая бы ему была неволя возвращаться немедленно въ Шумлу, видя наше движеніе на эту дорогу?

Другое дѣло, еслибы мы стали на той позиціи, которую заняли въ настоящемъ движеніи, твердою ногой, на недѣлю, другую, — по крайней мѣрѣ на десятокъ дней, — мы бы могли тогда разсчитывать отрѣзать Силистрію отъ сообщенія съ главными силами Турокъ, вызвать эти главныя силы, или гарнизонъ крѣпости на бой, и тогда или принять его, или, въ случаѣ очевиднаго неравенства силъ и шансовъ, отступить къ осадной арміи своей; но, во всякомъ случаѣ, мы могли бы разсчитывать на рядъ мелкихъ удачъ противъ подкрѣпленій и военныхъ транспортовъ, постоянно прибывающихъ въ Силистрію.

Наконецъ, еслибы наше движеніе было предпринято ночью, мы могли бы разсчитывать на внезапность нашего появленія близъ Шумлянской дороги и тогда, весьма вѣроятно, цѣль нашего похода, хотя въ нѣкоторой степени, была бы достигнута.

Однимъ словомъ, мы пришли къ рѣшительному убѣжденію, что въ нашемъ предпріятіи нѣтъ ничего серьезнаго и оно является не чѣмъ инымъ какъ простой военной прогулкой.

Но посмотримъ, какъ было дѣло.

Выступили мы изъ лагеря очень церемоніально и съ разсвѣтомъ потя-

нулись впередъ. Турки, по мѣрѣ нашего приближенія, снимали свои аванпосты и уходили: одни—въ фортъ „Абдуль-Меджидъ“, другіе—прямо въ крѣпость. Только на одномъ курганѣ долго видѣлась толпа всадниковъ. Мы послали нѣсколько десятковъ казаковъ отхватить ихъ отъ крѣпости, но они посѣвшили удалиться. Цѣпь башни-бузуковъ подвинулась подъ защиту крѣпостныхъ верковъ, но когда мы повернули налѣво и пошли, оставляя Калопетри въ правой рукѣ, турецкая цѣпь опять подвинулась впередъ и стала невдалекѣ отъ гребня Калопетрійскаго оврага. Занявъ позицію лицомъ къ этому оврагу и лѣвымъ флангомъ примкнувъ къ таковому же оврагу, впадающему въ Калопетрійскій, мы выдвинули къ нему казацкую цѣпь, ставшую въ виду турецкой. Едва мы успѣли занять позицію, какъ жители Калопетри толпами посѣтили насъ и принесли намъ разныхъ гостинцевъ, ни подъ какимъ видомъ не соглашаясь взять за нихъ деньги. Священникъ принесъ меду и пшеничнаго хлѣба, а другіе предлагали намъ молоко, сыръ, вино въ высокихъ, узкогорлыхъ кувшинахъ. Священникъ съ восторгомъ прочелъ нашу прокламацію, краснорѣчиво написанную на болгарскомъ языкѣ, и, кончивъ чтеніе, съ любовью поцѣловалъ листокъ. Мы снабдили священника кучею экземпляровъ этой прокламаціи для распространенія между окрестными жителями, не переставшими приходить къ намъ въ Калопетри узнать, что дѣлается въ ихъ сосѣдствѣ, на театрѣ борьбы.

Эта прокламація, напечатанная по-болгарски нашими церковными бумагами, безъ титула, на восьмушкахъ бѣлой бумаги, была подписана генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ, безъ означенія мѣста и времени изданія.

Вотъ ея содержаніе:

„Нашимъ единовѣрнымъ братьямъ, *що живеатъ въ турскы-ты области.*

„По волю Господаря, ИМПЕРАТОРА Всероссийскаго, азъ вступихъ съ Его побѣдоноснымъ и христолюбивымъ воинствомъ, въ страну, гдѣ вы живете, не какъ врагъ, не съ цѣлю завладѣть вами, но съ крестомъ въ рукѣ, со святымъ знаменіемъ для богоугодной цѣли, ради коей мы рѣшились на подвигъ.

„Единственная цѣль моего Благовѣрнаго и Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ—защитить Христову Церковь, защитить васъ, ея православныхъ чадъ, погранныхъ *отъ бѣсны-ты врагове.*

„Донныѣ русская кровь не разъ за васъ проливалась и, съ Божьяго благословенія, не тщетно проливалась. Этою кровью *напоены* права, добытыя нѣкоторыми изъ вашихъ братій, ихъ жизнь уже не такъ стѣснена, какъ ваша.

„Пришло время и вамъ, братья-христіане, добыть себѣ права и не на словахъ только, а на дѣлѣ. Итакъ, да вѣдаетъ каждый изъ васъ, что у Россіи одна цѣль: оградить святую Церковь, общую нашу мать, и ваше существованіе, чтобъ никто не смѣлъ произвольно васъ угнетать или при-тѣснять.

„Братья! Во имя Христа, воскресшаго на избавленіе человѣчества, идите, да соединимся на общій подвигъ за вѣру и за ваши права. Свято наше дѣло. Богъ за насъ,—Онъ намъ поможетъ!“

Калопетрійскіе Болгаре неотступно просили насъ занять ихъ село, на что мы не рѣшились, не видя въ томъ особой надобности.

Турки часто посѣщаютъ Калопетри, берутъ всякую всячину и не платятъ ни гроша.

Въ тотъ же день мы послали сильныя разѣзды до ближайшихъ деревень по Туртукайской и Шумлинской дорогамъ. Казаки воротились, приведя Болгаръ изъ двухъ деревень; эти люди отъ имени своихъ братьевъ молили насъ идти къ нимъ, обѣщая раздѣлить съ нами судьбу и всѣми силами помочь намъ одолѣть Турокъ, если они вздумаютъ на насъ ударить. Болгаре говорили, что турецкія партіи очень рѣдко проходятъ въ Силистрію изъ Шумы, но что по-одиночкѣ и по два человѣка они пробраются безпрестанно изъ Силистріи, дезертируя изъ тамошняго гарнизона. Въ случаѣ появленія Турокъ въ значительной силѣ, они тотчасъ обѣщали насъ увѣдомить. На ночь были нами отправлены другіе разѣзды съ резервами изъ гусаръ. На другой день рано утромъ, пока воротились разѣзды, пришли два Болгарина изъ деревни Афлотаръ, лежащей на Шумлинской дорогѣ, съ видимыми доказательствами своего къ намъ расположенія: перехваченною ими силистріею почтою. Почталіонъ убитъ изъ ружья однимъ изъ этихъ Болгаръ. Снятое съ убитаго оружіе, принесенное Болгаринами, начальникъ отряда отдалъ ему, какъ побѣдный трофей, а почту, разобравъ, представилъ въ Главную квартиру. Интереснаго въ этой почтѣ оказалось не много. Между прочимъ, наше вниманіе было обращено на предписаніе изъ крѣпости какому-то лейтенанту, на французскомъ языкѣ, съ инструкціей дѣйствія на аванпостахъ, которою предписывалось, избѣгая рѣшительнаго дѣла, стараться вредить намъ всѣми силами, такъ, чтобы мы, если двинемся впередъ, за каждымъ камнемъ, за каждымъ кустомъ нашли себѣ врага и опасность. Въ этой почтѣ было нѣсколько турецкихъ записокъ, вышеприведенная прокламація наша въ сокращенномъ видѣ и польское письмо, начинавшееся словами: „Коханы Валерку“. Въ этомъ письмѣ *благоразумный* начальникъ-товарищъ приказываетъ своему подчиненному посылать частые разѣзды на направленію, въ которомъ мы можемъ показаться; но самому отнюдь не ѣздить въ экспедицію, писать къ нему въ Силистрію *по-французски* о всемъ происходящемъ, но не подписывать своего имени. Письмо заключалось словами: „пошлать ци коцѣлекъ, але не вѣмъ цо въ нимъ бендземъ готовать, бо и самы не мамы цо есць“, т.-е. посылаю тебѣ котликъ, не знаю однако, что будешь въ немъ готовить,—намъ и самимъ нечего ѣсть...

Мы совѣтовали Болгарамъ хорошенько спрятать концы убійства почталіона, не то Турки найдутъ возможность, когда мы отодвинемся, отомстить имъ кровью. Болгаре просили послать въ ихъ деревню взять двухъ турецкихъ кушцовъ, которые непременно ихъ выдадутъ. Желаніе новыхъ нашихъ

друзей было исполнено; турецкихъ купцовъ вскорѣ привели и отправили въ Главную квартиру.

Поѣхавъ осматривать аванпосты, я остановился у полковника Антропова, помѣстившагося съ двумя резервными сотнями своего полка у вѣтренныхъ мельницъ, откуда открывалась полная картина юго-западныхъ передовыхъ укрѣпленій Силистріи, Дунай, нѣсколько отступившихъ отъ него высотъ и долина, образовавшаяся таковымъ отступленіемъ, по которой вѣтся Туртукайска ядорога, Калонетрійскій оврагъ съ его деревнею, тотъ оврагъ, что въ него впадаетъ съ юго-западной стороны и пространство за нимъ, по которому идетъ дорога въ Шумлу. Едва я успѣлъ перекинуться нѣсколькими словами съ полковникомъ Антроповымъ и закурить папиросу, какъ видимъ скачетъ казакъ: „Турки, ваше в—іе, Турки!“

— Гдѣ, что такое?

Мгновенно мы были на коняхъ. Скомандовавъ одной изъ резервныхъ сотенъ, полковникъ Антроповъ бросился къ указанному пункту. Ураганомъ мы пронеслись по пространству до западнаго окончанія Калонетри и видимъ — всего-то человекъ 20 Турокъ регулярной кавалеріи, на полныхъ рысяхъ, поднимаются на противоположную намъ сторону оврага. Отхватить ихъ уже не было возможности, но ни я, ни десятокъ казаковъ — мы не могли удержать лошадей и, такъ сказать, покатились въ оврагъ почти съ отвѣснаго спуска. Турки, завидя насъ, пустились во всю конскую прыть, стремясь вскочить въ линію своихъ передовыхъ постовъ, которые тотчасъ зашевелились и стали подвигаться впередъ.

„Стой, стой!“ — кричалъ намъ полковникъ Антроповъ, но мы едва только подъ горою могли удержать лошадей; нестись дальше за Турками было бы дѣйствительно безумно, — мы встрѣтили бы по ту сторону оврага бесполезную гибель, посреди непріятеля, имѣвшаго возможность окружить насъ. Итакъ, мы воротились ни съ чѣмъ, имѣвъ только удовольствіе видѣть, какъ отъ пистолетнаго выстрѣла свалились съ лошадей два турецкіе уланы — отъ испуга ихъ лошадей — и какъ потомъ бѣгомъ пустились догонять своихъ убѣжавшихъ лошадей.

Мы передневали на своей позиціи, но въ Силистрію не двигалось никакого транспорта и наши разъѣзды не привезли никакихъ особенно интересныхъ свѣдѣній. Хотѣли было послать меня съ двумя сотнями казаковъ, на третій день передъ вечеромъ, за Афлотаръ, по Шумлинской дорогѣ, поручивъ проникнуть дальше, чѣмъ ходили наши разъѣзды; генеральнаго штаба полковникъ Батезатулъ, состоявшій въ качествѣ начальника штаба при генералѣ Павловѣ, убѣждалъ его командировать меня, но генералъ Павловъ не рѣшился: „Этотъ сорви-голова непременно затѣетъ драку, — говорилъ онъ, — и, пожалуй, самъ погибнетъ да и казаковъ погубитъ! Притомъ въ инструкціи сказано: сегодня воротиться, если не будетъ транспорта. Подождемъ до полуночи и, нечего дѣлать, пойдемъ домой“.

Горекъ былъ этотъ отказъ. Правду сказать, хотѣлось сходить въ эту

экспедицію, хоть нѣсколько часовъ побыть начальникомъ горсти удалцовъ и, если Богъ поможетъ, перевѣдаться съ недругомъ въ битвѣ! Какая заманчивая мечта: по слову твоему на смерть бросятся люди; твоя собственная слава или позоръ, слава или гибель твоихъ братій по оружію—будетъ зависѣть отъ твоей головы, отъ твоей руки! Упоительная мечта, жаль, что ей было суждено такъ и остаться мечтою, не обратясь въ фактъ. Тщетно я увѣрялъ генерала Павлова, что если я встрѣчу Турокъ и увижу, что ихъ больше, чѣмъ насъ, не атакую, а уйду, и буду издали наблюдать, давъ знать отряду о ихъ приближеніи,—не повѣрилъ, не послалъ!

А между тѣмъ стало смеркаться. Вдругъ открылась пальба на правомъ флангѣ нашихъ аванпостовъ, ударили тревогу, загорѣлась перестрѣлка. Оказалось, что сильный турецкій отрядъ выступилъ на перерѣзъ нашему сообщенію съ Главною квартирой. Генераль Павловъ двинулъ противъ Турокъ свой отрядъ, перемѣнивъ его фронтъ, чтобы встрѣтить Турокъ лицомъ и опрокинуть на авангардъ генерала Хрулева тѣ части непріятеля, которыя не успѣютъ уйти въ крѣпость. Но пока мы приводили въ исполненіе этотъ маневръ и пѣхота съ легкими орудіями бѣжала на мѣсто перестрѣлки, имѣя впереди кавалерію, какъ перестрѣлка начала замолкать и турецкій отрядъ возвратился въ Силистрію, оставивъ противъ насъ однихъ фланкеревъ, которые тоже отступили подъ защиту „Абдуль-Меджида“, лишь только наша кавалерійская цѣпь начала подвигаться впередъ. Объѣхавъ передовую цѣпь и убѣдясь лично, что противъ насъ въ полѣ нѣтъ непріятеля, генераль Павловъ отвелъ на свои мѣста отрядъ.

Разсказываютъ, что движеніе Турокъ изъ крѣпости было демонстраціею, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ Шумлинской дороги, по которой въ это время прошелъ въ Силистрію транспортъ съ разными припасами подъ незначительнымъ прикрытіемъ. Въ какой степени этотъ разсказъ справедливъ, трудно опредѣлить; но должно замѣтить, что ни наши разъѣзды, достигавшіе ближайшихъ деревень и возвратившіеся послѣ полудня, не открыли приближенія транспорта, ни жители не дали знать о его приближеніи, хотя ихъ живое участіе въ нашемъ дѣлѣ доказано вышеприведеннымъ разсказомъ о убійствѣ почталіона; наконецъ, наши передовые посты, оставленные на гребнѣ калопетрійскаго оврага, до самаго момента отступленія нашего въ лагерь, не видѣли движенія Турокъ.

Послѣ донесенія о происшедшемъ, отрядъ генерала Павлова получилъ приказаніе утромъ воротиться въ лагерь.

5 іюня.

Генераль-адъютантъ Шильдеръ, 1 іюня, въ 5 часовъ вечера, при осмотрѣ траншей, раненъ въ правую ногу осколкомъ гранаты, съ раздробленіемъ кости. Необыкновенна энергія этого старца: первое слово его послѣ полученія раны—шутка. Доктора не хотѣли рѣзать ему ногу, обѣщая вылѣчить

его безъ ампутаціи, но онъ заставилъ отрѣзать ее, говоря, что эта нога и безъ того ему не годится *), —болить безпрестанно. Генераль Шильдеръ вынесъ операцію съ чрезвычайною твердостью и доктора надѣются сохранить ему жизнь, несмотря на его 70 лѣтъ—годы, въ которые не каждый выносить ампутацію.

Когда Шильдера несли въ Каларашъ на носилкахъ, онъ, прощаясь съ встрѣчными солдатами, шутилъ съ ними. „Я скоро опять къ вамъ ворочусь, ребята. Недѣлку другую проваляюсь и пусть только рана маленько подживетъ, а ужъ я этой проклятой Силистріи задамъ жару!“

Солдаты очень огорчены раню Шильдера: они всегда смотрѣли на него какъ на заколдованнаго отъ ранъ и смерти.

Шильдеръ постоянно выказывалъ особое расположеніе къ пѣхотѣ, и тѣмъ, конечно, пріобрѣталъ ея любовь. Онъ неоднократно повторялъ: „Я не люблю саперъ,—они лѣнивы для работы! Дайте мнѣ инженеровъ и пѣхоты, я съ ними чудесъ надѣлаю!“

Когда Шильдеру отрѣзали ногу, онъ приказалъ отрѣзанную часть бросить въ непріятельскую траншею. „Двадцать пять лѣтъ я носилъ, —говорилъ Шильдеръ,—поганую пулю въ этой ногѣ **), бросьте же эту ногу въ турецкую траншею, пусть она имъ заражаетъ воздухъ!“ Едва могли убѣдить его, что Турки не стоятъ такого *оружія*. „Ну, такъ похороните ее на томъ мѣстѣ, гдѣ произведены были послѣднія при мнѣ траншейныя работы“.

6 іюня.

Солдатъ стрѣлковаго баталіона уронилъ вчера шомполъ за гребень траншей. Молодецъ полѣзъ его доставать и досталъ, несмотря на открытый по немъ Турками учащенный огонь; но когда уже перекинулъ шомполъ на нашу сторону, замѣтилъ валяющееся передъ траншеей турецкое ружье и полѣзъ за нимъ. Турки усилили огонь. Солдатъ видитъ, что онъ ошибся въ расчетѣ,—замѣченное имъ ружье ближе къ непріятельской, чѣмъ къ нашей траншеѣ,—никакъ не возьмешь! Досадно показалось стрѣлку,—даромъ потрудился. Стрѣлокъ вскочилъ, штыкомъ ружья подхватилъ кусокъ какой-то рожи и началъ махать ею, дразня Турокъ... Турки не выдержали: трое удалцовъ выскочило изъ траншей, да къ нему; но одинъ какъ-то неловко подвернулся подъ штыкъ стрѣлка и покатился замертво; другіе два бросились было къ нему, а онъ бѣжать, преслѣдуемый Турками... Одинъ было схватилъ его сзади за застѣжку шинели, но стрѣлокъ рванулся, пуговица

*) На другой день послѣ ампутаціи генераль Шильдеръ собственноручно, 3 іюня, писалъ своему семейству: „въ числѣ столькихъ жертвъ принесть и я свою лепту злой судьбѣ. Турецкая пуля выгнала польскую, поэтому правая нога стала еще хуже. Я приказалъ докторамъ отрѣзать эту дрянъ и въ десять минутъ времени операція благополучно совершилась“ („Русс. Старина“ 1875 г.).

**) Въ сраженіи подъ Остроленкой въ 1831 году Шильдеръ былъ раненъ пулею въ ступню правой ноги, въ которой пуля и сидѣла съ того времени

застежки не выдержала, а стрѣлокъ вскочилъ въ ровъ своей траншеи, двухъ же турецкихъ удалцовъ товарищи стрѣлка-искателя приключеній, проводили славнымъ огнемъ и подстрѣлили одного изъ нихъ.

7 іюня. — Лагерь.

Съ приходомъ нашимъ сюда, между нами и Европою будто опустилась завѣса. Не знаемъ, что тамъ дѣлается, что намъ готовится, какія новыя козни куютъ враждебныя намъ западныя державы. Здѣсь не получаемъ никакихъ газетъ. Не то было въ Букарестѣ, живя въ которомъ мы были словно въ центрѣ Европы. Здѣсь мы въ пустынѣ, совершенное безмолвіе которой лишь нарушается ревомъ канонады и трескомъ лопающихся снарядовъ.

Носится молва, что Австрія, видя наше затруднительное положеніе и, можно сказать, неуспѣхъ силлестрійской осады, нашу медленность, съ какою мы отпираемъ этотъ замокъ, которымъ для насъ заперта Болгарія, приняла въ своихъ дѣйствіяхъ съ нами рѣшительный тонъ, о чемъ она конечно и не смѣла бы думать, еслибъ мы стояли, не переходя Дуная, и ежеминутно готовы были на нее обрушиться.

Говорятъ, Австрія на изъявленіе нашимъ правительствомъ готовности очистить Княжества, съ тѣмъ, чтобы она приняла на себя посредничество въ видахъ заключенія съ нами перемирія державами, объявившими намъ войну, на время продолженія переговоровъ, — отвѣчала рѣшительно, что она не можетъ ручаться за заключеніе перемирія съ нами, но что она *требуетъ* отъ насъ немедленнаго очищенія Княжествъ, какъ мѣры для нея необходимой.

Вотъ до чего мы дожили! Вотъ какое униженіе: Австрія смѣетъ отъ насъ *требовать*!!

Не слѣдовало бы Австріи забывать, что наши силы еще не тронуты; что для насъ еще многое возможно, что чувство безпредѣльной любви къ отчизнѣ, опасеніе за ея достоинствѣ и честь, за ея славу могутъ, наконецъ, побороть въ нашемъ Государѣ тѣ рыцарскія чувства, что останавливаютъ Его руку, которую жаждутъ увидѣть простертою къ себѣ, для заключенія братскаго союза съ нами на жизнь и смерть, славянскія племена Балканскаго полуострова, готовые возстать на помощь намъ противъ своего тирана!

Возстаніе ихъ не увлечетъ ли въ таковое же ихъ сородичей, отягощенныхъ подданствомъ Австріи, и тогда не поколеблятся ли основы этой дряхлой имперіи?!...

Пока судъ да дѣло, стоимъ въ своемъ лагерѣ спокойно, будто гдѣ-нибудь въ Россіи во время лѣтнихъ учебныхъ занятій; только очень жарко; за то купаемся въ Дунаѣ утромъ и вечеромъ, имѣемъ всегда чистѣйшую холодную воду изъ фонтановъ, которыхъ множество въ этой странѣ; болѣзней, благодаря Бога, никакихъ не знаемъ; доктора сочиняютъ, будто появляется холера, но намъ кажется, что такое извѣстіе они выдумываютъ для собственной пользы, — они, вѣдь, во время холеры получаютъ болѣе про-

тивъ обыкновеннаго содержаніе. Притомъ холера въ военно-походной медицинѣ очень нужная вещь: того, другого не успѣешь вылѣчить, хоть казалось и слѣдовало вылѣчить,—ну, и подгонять дѣло такъ, что вдругъ *холера развилась*, и все средства спасенія, разумѣется, въ-время преподанныя, оказались неэффективными. Въдѣ скорбный листъ написанъ на обыкновенной бумагѣ, такъ легко бываетъ вмѣсто одного написать другой, особенно, какъ за нѣсколько послѣднихъ дней жизни пациента, листъ, на всякій случай, оставался чистымъ и бѣлымъ!

Мы совершенно привыкли къ канонадѣ, также какъ привыкли къ дивной картинѣ Сплицтрін съ окрестностями, какъ будто начало черствѣть сердце: мы какъ-то сдѣлались равнодушными къ безпрестаннымъ извѣстіямъ: тотъ убитъ, тотъ раненъ!—какъ будто тотъ, о комъ говорили, уѣхалъ въ командировку или получилъ порученіе... Несутъ убитаго, и при видѣ его не бросается уже кровь въ голову, какъ было въ первое время, все равно какъ несли бы умершаго въ госпиталь отъ болѣзни... Тащить раненаго, и мечется онъ на неудобныхъ носилкахъ въ предсмертной агоніи, и несвязный бредъ вырывается изъ его растерзанной груди: взглянешь на страдальца—и въ душѣ не шевельнется затаенныхъ чувствъ, какъ будто потащили на съѣзжій дворъ хмѣльного, поднятаго на улицѣ обходомъ! Откуда это непрошенное равнодушіе въ сердцѣ? Откуда явилась эта холодность въ душѣ? Возмутительны эти чувства—дѣти привычки.

Траншеями, что предъ Арабскимъ укрѣпленіемъ, завѣдуетъ генералъ-майоръ Веселитскій. Солдаты его очень любятъ за его съ ними ласковое обращеніе, толковую рѣчь, твердость въ перенесеніи трудовъ, неуклонное мужество, за братское дѣленіе съ ними всехъ траншейныхъ лишеній и опасностей днемъ и ночью, за то, наконецъ, что его балаганъ-землянка устроена въ самой траншеѣ—на пунктѣ, гдѣ не всякій солдатъ согласился бы жить, постоянно подъ пулями.

Солдаты по-своему выражаютъ любовь и ненависть.

Вотъ какъ, напримѣръ, выразилась любовь солдатъ къ генералу Веселитскому. Онъ приказалъ денщику брать мясо для своего обѣда въ ближайшемъ полку, чтобъ по окончаніи мѣсяца разомъ сдѣлать расчетъ, съ кѣмъ будетъ слѣдовать, и заплатить деньги. Однажды денщикъ его приходитъ за обычною порціею; при раздачѣ мяса находился дежурный унтеръ-офицеръ.

— Кому это мясо получаешь?

— Генералу Веселитскому,—отвѣчалъ денщикъ.

— А, тому, что, въ траншеѣ; знаете, сударь, — прибавилъ *кравчій*, отрѣзывая мясо,—безрукому-то?

— Славный человѣкъ. Ну, братъ, какъ хочь, а что ни-на-есть лучшаго отпустить, да прибавь ему и мою порцію,—*жертвую ему отъ себя!*

Когда этотъ случай рассказали генералу Веселитскому, онъ былъ отъ него въ восторгѣ. „Это лучшая награда за мою траншейную службу,—за-

мѣтилъ онъ,—и если уже пошло дѣло на откровенность, я вамъ, господа, могу разсказать еще про одну подобную награду, мною здѣсь полученную. Вотъ какъ было дѣло:

„Надо было измѣрить разстояніе отъ нашихъ работъ до турецкаго рва. Я вызвалъ охотниковъ, и вышли двое — унтеръ-офицеръ и рядовой. Вотъ я ихъ прежде повелъ на мѣсто, откуда имъ предстояло начать путешествіе; разсказалъ имъ подробно, что имъ надлежало дѣлать, показалъ мѣстность; посоветовалъ, какъ, въ случаѣ нужды, употребить хитрость, какъ силу, а потомъ, когда стемнѣло, самъ выпроводилъ ихъ за траншею и благословилъ на дорогу. До турецкаго рва удалцы доплзли благополучно, но когда пошли оттуда, тотчасъ были замѣчены и по нимъ открыли жестокий огонь, на который мы, разумѣется, отвѣчали съ удвоеннымъ жаромъ. Богъ пощадилъ молодцовъ. Они вскочили въ нашу траншею, сдѣлавъ свое дѣло, и, что же вы думаете?... оба бросились на меня и ну меня, говорю безъ преувеличенія, душилъ поцѣлуями! Конечно, я отвѣчалъ такими же братскими, сердечными объятіями и поцѣлуями“.

Зная, какое уваженіе нашъ солдатъ питаетъ къ своимъ начальникамъ вообще, не говорю уже—къ каждому генералу, изумляешься силѣ чувствъ этихъ двухъ героев,—чувствъ, которыя не могли быть сдержаны ни чинопочитаніемъ, ни понятіями о громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ у насъ солдата отъ генерала.

Наши апроши такъ близко подведены къ непріятельскимъ веркамъ, что у насъ бываетъ слышно, что кричатъ намъ Турки. Большею частью это крупная, такъ называемая „трехъэтажная“ русская брань, очевидно произносимая Некрасовцами, которыхъ не мало въ турецкихъ рядахъ, или поляками, которыхъ у Турокъ развѣ немногимъ меньше. Но часто вмѣсто ругательства слышатся изъ турецкихъ траншей разныя увѣщанія, напримѣръ—не драться противу Турокъ, уходить домой и тому подобное. Нерѣдко своимъ сосѣдствомъ съ нами пользуются наши заклятые враги, чтобы дѣйствовать на моральную сторону нашихъ солдатъ, излагая свои ученія письменно, перебрасывая къ намъ въ траншею свои прокламаціи. Одинъ изъ таковыхъ подброшенныхъ сегодня ночью возмутительныхъ листовъ доставленъ мнѣ. Онъ написанъ по-русски, твердымъ, но дурнымъ, хотя весьма разборчивымъ почеркомъ, на большомъ полулистѣ синеватой бумаги. Для курьеза приводимъ его содержаніе съ буквальною точностью:

„Г. Г. Поляки, Козаки, Татары и члены всехъ народовъ, назначенныхъ встыдномъ рабствѣ Московскихъ Царей Самихъ Русскіе которы чувствуютъ свободу человѣческую честь. Пришли Французы и Англичаны чтобъ разкрушить ваше рабство, оддать свободу и счастье людямъ и народомъ прекратить тиранство Немцовъ Голштейнъ-Готардовъ самоназивающихъ себя Рускими Романовыми. Бегайте къ намъ кому воля будетъ имѣть честь и службу а кто захелаетъ свободу возможность пробивать дѣлать что ему

поправится. Бегайте къ намъ для щастія вашего для щастія и чести вашихъ народовъ. Чтобъ Французы и Англичане не сказали они уже ничего человеческого не чувствуютъ въ рабствѣ народились и к нему навикли оставтъ ихъ пускай пользуются рабствомъ, палками и долголетнюю службую начальствомъ Нѣмцовъ и встидной смѣртю нѣ за отечество, нѣ за свободу но за тырана Нѣмца. Такъ скажутъ ежли вы не будете бѣжать теперь время а послѣ сражени времени не станетъ встидъ будетъ вамъ и несчастіе вашимъ народомъ. Бѣгайте мы васъ дожидаемъ и щастіе вашихъ отечествъ, этого отъ васъ потребуеть. Бѣгайте, приходите къ намъ“.

Вчера я былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго для меня явленія природы. Послѣ полудня начали собираться тучи, поднялась сплная буря съ дождемъ, вѣтромъ и вихрями. Когда же всѣ эти особенно непріятныя въ лагерной жизни явленія поутихли, насъ поразило новое явленіе: все небо сдѣлалось совершенно пурпурнымъ,—чѣмъ дальше отъ закатывавшагося свѣтила, тѣмъ темнѣе, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ золотистѣе. Самый солнечный дискъ былъ почти бѣлый. Этой поразительной картинѣ безоблачнаго неба, покрытаго пурпуромъ и золотомъ, гармонировала земля, отразивъ пурпуръ и золото небесъ на волнахъ Дуная, на нашихъ бѣлыхъ шатрахъ, на минаретахъ Силистріи, на ея истерзанныхъ стѣнахъ и зданіяхъ и на сѣрыхъ клубахъ пороховаго дыма, безпрестанно появлявшихся, то на землѣ, то въ воздухѣ....

Мы знали, что сегодня передъ вечеромъ будетъ произведенъ взрывъ мины, подведенной подъ Арабское укрѣпленіе, и потому ждали этого момента на вышкѣ, устроенной на батарее передъ Главною квартирою. Общество наше, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ, состояло изъ профессора Вилевальде *), его ученика Филиппова **) и О. И. Константинова. Сначала собралось было полюбоваться новымъ зрѣлищемъ очень много офицеровъ, но многіе изъ нихъ, потерявъ терпѣніе, послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія момента взрыва, ушли, а мы остались. Артиллерія почти молчала, изрѣдка только раздавался выстрѣлъ то съ нашей, то съ непріятельской стороны. Вдругъ черная масса отдѣлилась отъ земли и, раздѣлясь на два языка, медленно, величественно поднялась къ облакамъ!... Такъ рисуютъ изверженіе огнедышащихъ горъ... За тѣмъ раздался страшный громъ и трескъ взрыва, которому начала вторить вся артиллерія наша и непріятельская... Переходъ отъ тишины и безмолвія къ ужасному грому и реву, мгновенное измѣненіе однообразной, обыкновенной картины на картину высшей степени оживленную и поэтическую, поразили всѣхъ!... Въ моментъ взрыва я взглянулъ на Вилевальде: онъ схватился было за карандашъ, но рука будто не повиновалась и онъ остался въ созерцаніи картины, не передавая ее бумагѣ въ этотъ моментъ, но, такъ сказать, врѣзывая ее въ свою память.

*) Вилевальде—извѣстный художникъ, профессоръ баталической живописи—здоровъ и понынѣ.

**) Константинъ Николаевичъ Филипповъ, академикъ баталической живописи, умеръ въ 1878 году въ Яссахъ.

Послѣ взрыва, произведеннаго 7 іюня, въ брустверѣ Арабской батареи оставлена была передъ воронкою, образовавшеюся послѣ взрыва, 3-я егерская рота Охотскаго полка поручика Сулимы съ приказаніемъ не допустить Турокъ утвердиться въ ней, а удержатъ воронку въ нейтральномъ положеніи до ночи, когда предполагалось занять ее достаточными силами и короновать. Между тѣмъ сегодня утромъ, замѣтивъ, что Турки начали пробираться въ воронку, несмотря на сильный ружейный огонь съ нашей стороны, поручикъ Сулима съ шестью человѣками охотниковъ бросился въ воронку и въ увлеченіи преслѣдованія Турокъ, бѣжавшихъ безъ сопротивленія, ворвался въ ихъ траншею. Пораженные нечаянною, опрокидываемые штыками удалцовъ, Турки бѣжали дальше, покинувъ траншею. Но удерживать за собою непріятельскую траншею поручикъ Сулима не имѣлъ ни права, ни возможности: опомнясь, Турки перешли бы въ наступленіе и онъ, съ храброю горестію своихъ охотниковъ, погибъ бы непременно, пока ему успѣли бы прислать помощь. Сулима отступилъ въ воронку.

При этомъ набѣгѣ солдаты захватили въ траншеѣ 50 ручныхъ гранатъ, пять пушечныхъ, два шомпола, два ковра, двѣ трубки съ длинными чубуками.

Воронка осталась въ нашихъ рукахъ и къ ночи въ нее введена вся 3-я егерская рота и взводъ 1 карабинерной Охотскаго же полка.

Поручику Сулимѣ главнокомандующій назначилъ за его удалой подвигъ золотую полусаблю, съ надписью: „за храбрость“.

Теперь только наше высшее начальство спохватилось и очень стало жалѣть, что повело осаду Силестріи не съ того пункта, съ котораго ее бы слѣдовало атаковать, а именно—не съ „Абдуль-Меджида“.

Еслибы мы столько заботъ и трудовъ употребили противъ этого форта, сколько употребили противъ нами нынѣ дѣйствительно атакованныхъ фортовъ, то существованіе его въ настоящее время приближалось бы къ концу, а съ нимъ и существованіе самой Силестріи, потому что „Абдуль-Меджидъ“ господствуетъ надъ крѣпостію. Теперь же мы очень недалеко ушли впередъ, трудясь и сражаясь битый мѣсяцъ.

Сегодня-завтра будетъ штурмъ „Арабъ-Табін“ и сосѣднихъ съ этимъ фортомъ передовыхъ силестрійскихъ верковъ; положимъ, мы возьмемъ ихъ, но надо будетъ много еще употребить трудовъ, времени и крови, чтобы затѣмъ взять „Абдуль-Меджидъ“, отъ котораго мы еще будемъ далеко, и безъ взятія котораго надежда на паденіе самой крѣпости — едва ли осуществима.

Правда, говорятъ, Тотлебенъ ручается головой за то, что, считая со времени паденія „Арабъ-Табін“, *Абдуль-Меджидъ* будетъ взятъ правильной атакой въ 18—20 дней; но, съ одной стороны, вѣдь это почти мѣсяцъ по взятіи передоваго форта,—мѣсяцъ, въ который могутъ разыгратъ различныя неблагопріятныя для насъ случайности, а съ другой стороны, если

не удастся взять „Абдуль - Меджидъ“ въ 20 дней, головы Тотлебену ни въ какомъ случаѣ не отрѣжутъ, а головы нашей братіи слишкомъ много можетъ скатиться съ плечъ!...

8 іюня.

Бьетъ роковой часъ Силистріи. Минуты ея сочтены. Сегодня ночью назначенъ штурмъ передовыхъ ея укрѣпленій: съ ихъ паденіемъ крѣпости не устоятъ!

Между прочими, Камчатскій и Охотскій полки идутъ на штурмъ *). Генералу Павлову не назначено особой части, но онъ приказалъ намъ быть съ нимъ въ траншеяхъ. Прислана диспозиція. Назначено атаковать „Арабское“, „Песчаное“ и „Промежуточное“ между ними укрѣпленіе. „Арабское“ станетъ брать генералъ Веселитскій съ Замостскимъ полкомъ, имѣя въ резервѣ Люблинскій полкъ. „Песчаное“ атакуетъ генералъ Заливкинъ съ пѣхотнымъ графа Дибича полкомъ, имѣя въ резервѣ Брянскій полкъ. „Промежуточное“ укрѣпленіе атакуетъ полковникъ Голевъ съ Камчатскимъ полкомъ, имѣя въ резервѣ Охотскій. Для подкрѣпленія всей атаки будутъ готовы полки: Князя Варшавскаго, Полтавскій и Прагскій. Всею атакою поручено командовать генералъ-лейтенанту Бельгарду. При каждой части войскъ, назначенной къ атакѣ, должны быть команды охотниковъ и при нихъ штурмовыя команды съ лѣстницами и проч. Войскамъ назначено прибыть на указанныя диспозиціею мѣста въ часъ пополудни—съ тѣмъ, чтобъ атаковать на разсвѣтъ; сигналомъ будетъ бунетъ ракетъ. По сигналу бросается Забалканскій полкъ и беретъ „Песчаное“ съ тылу, а полковникъ Голевъ съ Камчатцами долженъ овладѣть первою турецкою траншеей и, взойдя за „Песчаное“, на гору, податься правымъ плечомъ впередъ, чтобы взять „Арабское“ укрѣпленіе также съ тылу. Генералъ Веселитскій бросается съ Замостцами прямо на „Арабское“ укрѣпленіе.

Овладевъ чѣмъ кому указано, войска дальше не идутъ, а останавливаются и укрѣпляются съ помощью саперъ.

Отрядъ генерала Хрулева весь становится въ ружье и строитъ батарею на 12 орудій, которою обстрѣливаетъ непріятельскіе резервы въ тылу „Арабскаго“ укрѣпленія.

Всѣ батареи должны открыть канонаду.

„Какъ рѣшено,—говоритъ диспозиція,—непремѣнно овладѣть укрѣпленіями, то отступленія, а потому и *отбоя* не будетъ, и если такой сигналъ услышать, то это значитъ, что онъ поданъ Турками, для обмана“.

*) Для дѣйствія на правомъ флангѣ, противъ Песчаного форта, былъ назначенъ пѣхотный графа Дибича Забалканскаго (Черниговскій) полкъ подъ начальствомъ генералъ-майора Заливкина; а на лѣвомъ флангѣ для штурма Арабъ-Табіи, съ фронта и тыла, генералъ-майоръ Веселитскій съ Замостскимъ и полковникъ Голевъ съ Камчатскимъ егерскими полками, и за ними въ резервѣ Люблинскій и Охотскій егерскіе полки. Всѣми штурмовыми войсками командовалъ генералъ Бельгардъ (Богдановичъ: *Idem*, т. I, стр. 100).

Утромъ, чтобъ ознакомиться съ мѣстностью, на которой предстояло дѣйствовать, мы пошли съ полковникомъ Голевымъ и командирами частей Камчатскаго полка въ траншею, на то мѣсто, откуда завтра должно будетъ устремиться за вѣнцомъ мученическимъ или лавровымъ.

Полковникъ Голевъ, передавъ офицерамъ обязанности и выглядывая въ щель щита, задвигавшаго амбразуры, для нѣкоторой защиты отъ штурмовыхъ пуль, безпрестанно здѣсь жужжащихъ, указывалъ каждому офицеру точку, на которую онъ долженъ будетъ устремиться съ своими солдатами.

Эта практическая лекція, подъ вѣяніемъ крыла смерти, была крайне поучительна для слушателей и являла въ учителѣ глубокое знаніе военного дѣла, могучую твердость и холодную рѣшимость.

При закатѣ солнца Камчатскій полкъ служилъ папугатвенный молебенъ. Трогательная служба отца Александра Левитскаго возвышала душу при ревѣ канонады, посреди солдатъ, изъ коихъ многіе усердно молились, стоя на коленяхъ; многіе плакали; многіе выходили изъ рядовъ цѣловать образъ Св. Сергія Радонежскаго, — образъ, сопровождающій полкъ въ пятой войнѣ и послѣ Венгерской одѣтый усердіемъ полка въ новую изящную ризу работы Сазикова; многіе солдаты вѣшали на икону защитника Русской земли свои образки и тѣльники для сообщенія имъ его святости. Гроши и копѣйки солдатъ, приносимые на церковь, образовали большую грудку; иной отдавалъ послѣдній грошъ, думая, что онъ, быть-можетъ, не будетъ ему уже нуженъ завтра.

Веселѣе всѣхъ были командиры охотниковъ: старшій — гвардіи капитанъ Ванновскій *) и его помощники: Толпыга, Маевскій и Дорошинскій.

Что до меня касается, мнѣ было горько на сердцѣ: два мои родные полка, Камчатскій и Замостскій, идутъ въ первый огонь! Сколько въ этихъ полкахъ друзей и товарищей, сдѣлавшихся мнѣ братьями, сколько существъ, искренно любимыхъ, съ которыми провелъ я первые годы моей служебной жизни, — годы столь памятные и молодостью, и разнообразіемъ случайностей, мнѣ представлявшихся. — Конечно, завтра въ это время многихъ изъ этихъ близкихъ сердцу людей уже не будетъ существовать: ихъ прикроетъ молотильная тѣнь...

Но вотъ и ночь. Полки ушли. Въ 12 часовъ они должны быть на указанныхъ пунктахъ. Генераль приказалъ намъ въ 11 часовъ ѣхать съ собою туда же; онъ хочетъ быть съ своими полками, хотя могъ бы и не быть, потому что полки поступили въ ряды войскъ другихъ начальниковъ. Благородная рѣшимость!

Усердно помолясь въ своей палаткѣ, я уже сѣлъ на лошадь; генераль сѣдла, какъ вдругъ пріѣзжаетъ адъютантъ главнокомандующаго.

*) П. С. Ванновскій (нынѣ Военный Министръ) предназначенъ былъ командовать охотниками Камчатскаго полка при штурмѣ Сидистріи. Толпыга — убитъ въ Севастополѣ. Маевскій, тамъ тяжело раненный, живетъ доселѣ въ г. Пензѣ.

— Что такое?

— Ваше п—ство, прикажите воротить войска, — штурмъ отмѣняется. Кровь моя похолодѣла.

— Вы имѣете письменное мнѣ приказаніе?

— Извольте, ваше превосходительство!

9 іюня.

Штурмъ былъ отмѣненъ не по какому-либо особому соображенію командующаго войсками, а потому, что адъютантъ генералъ-фельдмаршала, Протасовъ, привезъ въ полночь 8 іюня приказаніе: *снять осаду Силистріи*.

Въ своевременности этого пріѣзда не виденъ ли перстъ Божій, безъ воли Котораго не спадетъ и волоса съ нашей головы? Пріѣзжай Протасовъ нѣсколькими часами позже, задержи его что-нибудь въ дорогѣ — и мы залили бы своею кровью передовыя укрѣпленія Силистріи! Сколько бы новыхъ жертвъ легло въ могилу, а все-таки отступили бы отъ Силистріи на другой, на третій день. Конечно, веселѣе было бы отступать, растерзавъ, такъ сказать, ризы на этой недоступной восточной красавицѣ взятіемъ „Арабскаго“ и „Песчаного“ укрѣпленій!...

Ясно, что мы отступаемъ по требованію Австрій, подкрѣпленному быстрымъ сосредоточеніемъ союзныхъ силъ у Варны *).

*) Съ фланговъ и тыла нашей арміи 200.000 Австрійцевъ, а съ фронта до 80.000 Турокъ, не говоря уже о союзникахъ ихъ. Но единственною причиною невзятія Силистріи не кто иной, какъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Это ясно изъ повѣствованія Дубровина („Восточная война 1851—56 годовъ“ и пр. С.-Пб. 1878), суть котораго заключается въ слѣдующемъ:

Паскевичъ былъ противъ войны за Дунаемъ, находя ее крайне для насъ опасною въ виду положенія, принятаго Австріей, и когда переправа, вопреки его желанію, совершилась, онъ если и рѣшился продолжать наступленіе по правому берегу Дуная, то только на нѣкоторое время, чтобы сдѣлать менѣе замѣтнымъ переходъ отъ наступленія къ оборонѣ, на которую онъ рѣшился. Во всякомъ случаѣ фельдмаршалъ не рассчитывалъ на взятіе Силистріи. Онъ писалъ Государю: „Если даже мы возьмемъ Силистрію, то это не принесетъ намъ много пользы, ибо должны будемъ оставить ее, когда въ тылу будутъ Австрійцы“.

„Атакованные съ фронта Французами и Турками, — утверждалъ Паскевичъ, — съ тыла Австрійцами, мы, окруженные со всѣхъ сторонъ, должны будемъ оставить Княжества, пробиваться, потерять половину арміи и артиллеріи, госпитали и магазины“.

Рискуя такое положеніе дѣлъ и опасаясь за свой путь отступленія въ Бессарабію, Паскевичъ отказался отъ всякихъ побѣдъ за Дунаемъ; оставался неподвиженъ, нерѣшительнъ и на всякомъ шагѣ парализовалъ осадныя работы, подвигавшіяся по тому крайне медленно, хотя Государь Императоръ 11 мая 1854 г. писалъ ему: „Не бойся Австрійцевъ, но съ помощью Божіей и съ твоими героями (подчеркнулъ Государь) бей вслѣдъ, кто ни явится“.

Такимъ образомъ отъ нерѣшительности и упорнаго преслѣдованія своей мысли фельдмаршала Паскевича былъ потерянь нами цѣлый май, когда Силистрію было возможно и удобно взять; а между тѣмъ политическія обстоятельства измѣнились, наши отношенія къ Австрій обострились еще болѣе и самъ Императоръ, признавъ, что „настало время бороться не съ Турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать за безстыдную неблагодарность“, приказалъ: „ежели до получения сего письма Силистрія не будетъ еще взята или совершенно нельзя опредѣлить, когда взята будетъ“, то снять осаду. (Собственноручное письмо 1 іюня 1854 г.)

Очевидно, прибавимъ отъ себя, что еслибы фельдмаршалъ передалъ князю Горчакову

такъ недавно спасенная нами Австрія—противу насъ! Она преградила намъ путь къ славѣ, къ успѣхамъ въ начатомъ нами дѣлѣ, быть - можетъ къ достиженію возможности устроить судьбу цѣлыхъ племенъ и народовъ; Австрія остановила нашу руку, уже протянутую къ лавровому вѣнцу!

Не такъ теперь ожесточены наши офицеры и солдаты противъ Турокъ, несмотря на ихъ кровавые обычаи, не такъ ожесточены противъ Франціи и Англіи, поднявшихъ уже на насъ оружіе, какъ противъ Австрійцевъ. Простая душа солдата, не постигая политическихъ тонкостей и дипломатическихъ потребностей, видитъ только черную неблагодарность въ дѣйствіяхъ Австріи *).

Сегодня, будто утѣшая насъ въ отступленіи, судьба вздумала насъ порадовать: въ Силистріи взорвали пороховой погребъ. Несмотря на то, мы отступимъ. Сегодня уже началось очищеніе траншей и начали въ нихъ ломать и жечь всѣ деревянныя постройки. Отступаемъ, хотя Силистрія близка къ сдачѣ. Со взятіемъ передовыхъ укрѣпленій она стала бы одною ногою въ могилу. Если къ этому успѣху, въ возможности котораго нечего было и сомнѣваться, прибавить взрывъ главнаго порохового погреба въ Силистріи и возможность частой посылки наблюдательныхъ отрядовъ (подобныхъ нашему и князя Бебутова) за Калопетри, чѣмъ было бы прекращено сообще-

буквально повелѣніе Государя: снять осаду Силистріи, если она еще не взята или время взятія оной опредѣлить невозможно, то Горчаковъ не снялъ бы осады, такъ какъ онъ могъ опредѣлить, что Силистрія будетъ взята *нынѣ же*, потому что онъ получилъ распоряженіе о снятіи осады только за нѣсколько минутъ до начала штурма.

Вотъ еще свидѣтельство того, что фельдмаршалъ Паскевичъ былъ противъ взятія Силистріи.

Дивизионный квартирмейстеръ въ легкой кавалерійской дивизіи, капитанъ Пестовъ, случайно въ квартирѣ генераль-квартирмейстера дѣйствующей арміи, во время проѣзда черезъ Фокшаны фельдмаршала Паскевича, былъ свидѣтелемъ сдѣланнаго имъ распоряженія о снятіи осады Силистріи. Вотъ какъ рассказываетъ этотъ случай капитанъ Пестовъ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1873 года, стр. 27—28 (статья „Изъ воспоминаній о войнѣ 1854 года“):

„Изъ Вѣны пишутъ,—началь фельдмаршалъ Паскевичъ, обращаясь къ генералу Фролову,—что австрійцы не тронутся, а между тѣмъ оттуда же, но изъ другаго источника, доносятъ, что они вооружаются.... Силистрію взять можно, но это будетъ бесполезно. Въ Варшавѣ я дома, могу даже самъ заглянуть въ Австрію, а здѣсь нельзя ручаться ни за одинъ день, чтобы они не явились въ тылу, или на флангъ, или на пути отступленія. Море теперь не наше.

..... Я сейчасъ получилъ вѣрное извѣстіе, что австрійцы сосредоточили въ Трансильваніи до 40.000 и что къ границамъ стягиваются еще болѣе значительныя силы. Надо рѣшиться сейчасъ снять осаду Силистріи, оставить Дунай и Княжества. Каждый день бесполезно уноситъ жизнь многихъ.... Каждый день политическія обстоятельства запутываются болѣе и болѣе. Чтѣ бы ни писалъ князь Горчаковъ (нашъ посолъ въ Вѣнѣ), я не убѣжденъ въ окончательномъ рѣшеніи Австріи. Гдѣ карта расположенія армій? Возьми бумаги и пиши“.

..... Затѣмъ фельдмаршалъ твердымъ голосомъ началъ диктовать генералу Фролову приказаніе о снятіи осады, объ отступленіи арміи черезъ Дунай и о совершенномъ оставленіи Княжествъ къ 1-му сентября.

*) Народы, какъ люди, не прощаютъ оказанныхъ имъ благодѣяній. Графъ Соллогубъ: „Воспоминаніе“. 1887.

ніе съ Силистрією Омера и окрестностей и отнята была бы у крѣпости надежда на спасеніе, то нечего и сомнѣваться, что она, особенно при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, скоро бы погибла. Недостатокъ этотъ, по отзыву переметчиковъ, и нынѣ въ ней ощутителенъ. Солдаты говорятъ, что лежа въ секретахъ передъ траншеями, не разъ бывало слышали, какъ кричатъ Некрасовцы изъ турецкихъ укрѣпленій: „Да бери же скорѣй Москва эту проклятую Силистрію,—намъ ѣсть нечего!“

10 іюня.

Сегодня продолжаютъ ложныя работы въ траншеяхъ, желая замаскировать свое намѣреніе — отступить. До чрезвычайности усилили огонь со всѣхъ нашихъ батарей, — видно не хотятъ перевозить снарядовъ; особенно сильно дѣйствуютъ прибрежныя дунайскія батареи.

Сняли ближайшій къ траншеямъ лагерь и палатки увезли за рѣку. Увозятъ понемногу всѣ тяжести и обозы. Строятъ батареи и ложементы для прикрытія отступления. Всюду видна печальная, но большая дѣятельность: на всѣхъ лицахъ какое-то озлобленіе, не то что горе.

12 іюня. — Островъ Тильхія.

Рѣшительное отступление началось еще ночью съ 10-го на 11-е іюня. Теперь около полудня. Полки нашей дивизіи и мы переходимъ изъ послѣднихъ по мосту, перекинутому черезъ Дунай, ниже всѣхъ другихъ мостовъ, противъ острова Тильхія и прикрытому отлично выстроеннымъ редутамъ. Выше стоящіе мосты уже начали разбирать. Отрядъ Хрулева прикрываетъ наше отступление. Быстрота и правильность нашего переселенія на лѣвый берегъ Дуная, по-истинѣ, удивительны: почти невѣроятно, чтобы стотысячный осадный корпусъ могъ отступить отъ сильной крѣпости, не потерявъ ни одного человѣка, не имѣвъ почти ни одного несчастнаго случая, кромѣ паденія казеннаго полуфурка съ моста въ Дунай съ лошадьми и фурштатомъ.

Турки на седьмомъ небѣ отъ восторга. Ночью, когда они по прекращенному огню траншей увидѣли, что мы ихъ покинули, тотчасъ выльзли изъ крѣпости, заняли траншеи и чуть съ ума не сошли отъ радости! До самаго свѣта во все горло кричали: „Алла, Алла!“ Стрѣляли вверхъ, разложили большіе костры изъ брошенныхъ нами туровъ и затѣяли вокругъ костровъ какія-то дикія пляски. Турки наступали очень медленно, вѣроятно подозрѣвая, не хотимъ ли мы ихъ выманить въ чистое поле да и прихлопнуть.

Съ нами переправились сюда на покрытый камышами о-въ Тильхія, гдѣ мы бивакируемъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, православные жители деревни Одакіой и еще другой сосѣдней съ нею—забылъ названіе. Болѣе 350 повозокъ переправилось съ нами. На нихъ подняли несчастные Болгаре все свое имущество, которое успѣли захватить, и хотятъ слѣдовать за нами въ Россію.

Это бѣгство нашихъ единовѣрцевъ—не вопіющій ли протестъ противъ турецкаго надѣ ними владычества и противъ усилій европейскихъ союзниковъ Турціи?! Горько стало—быть несчастнымъ Болгарамъ и трудно нести турецкое иго, когда представился только случай, и вотъ они цѣлыми деревнями, сотнями семействъ, бѣгутъ изъ Турціи, покидая привольную жизнь, отлично устроенные дома, роскошныя поля, лѣса, виноградники, сады, Дунай-питатель, и предаются невѣрной судьбѣ, со всею семьею пускаясь въ незнакомый край, гдѣ, можетъ-быть, и не найдутъ такого приволья, какое имъ здѣсь представляетъ роскошная природа. Видно, говорю, тяжело турецкое иго, горекъ лакомый кусокъ, ѣсть который приходится подѣ ударами бича невѣрныхъ!

Таборъ болгарскихъ переселенцевъ представляетъ удивительную картину*). Они построили изъ своихъ огромныхъ арбъ каре, въ средину котораго загнали домашній скотъ, птицъ и лошадей; этотъ громадный таборъ окруженъ множествомъ костровъ; на нихъ кипятъ котлы съ мамалыгою и молокомъ, у огня сидятъ толпами Болгаре—мужчины и женщины, перемѣшавшись съ нашими солдатами, по-братски съ ними бесѣдующими, рассказывая разные чудеса про матушку Русь, хваля ихъ рѣшимость слѣдовать за нами, стараясь выразить свою къ нимъ любовь и убѣдить ихъ въ ласковомъ приѣмѣ нашего отечества. Полунагіе ребятишки рѣзвятся и шумятъ. У молодыхъ мужчинъ не видно угрюмыхъ лицъ; веселы молодыя женщины, веселы дѣвушки—стройныя какъ пальмы, въ живописныхъ костюмахъ, съ полуобнаженною грудью. Но старухи и иные старики сидятъ подгорюнясь и въ ихъ глазахъ, полныхъ слезъ, обращенныхъ къ родимымъ понелнщамъ, къ могиламъ дѣтей и прадѣдовъ, видна тяжелая мука разлуки, вѣчной разлуки съ отчизною! Въ этихъ слезахъ выливается жизнь этихъ страдальцевъ. О, да падутъ эти слезы небесною карою на голову псама и на его защитниковъ!

13 іюня.—Г. Каларашъ.

Богу брани принесена еще новая жертва: Шильдеръ умеръ отъ раны и похороненъ сегодня.

Шильдеръ очень страдалъ передъ смертію. Онъ не хотѣлъ лежать въ своей комнатѣ,—ему душно было въ стѣнахъ! Онъ приказалъ вынести себя на террасу, откуда была видна Силистрія. Мысль о ней не оставляла Шильдера до послѣднихъ мгновеній его замѣчательной жизни. Въ предсмертномъ бреду онъ часто повторялъ несвязную рѣчь, въ которой слышалось: „Силистрія! Силистрія!“ Онъ умеръ какъ истинный христіанинъ, мужественный воинъ, твердый человѣкъ и нѣжный семьянинъ, велѣвъ сказать своимъ близкимъ, чтобъ не тужили по немъ, что онъ довольно пожилъ и счастливъ, умирая за отечество!

*) Картину бѣгства Болгаръ изъ-подъ Силистріи превосходно написалъ К. Н. Феллиповъ, обратившій на себя особое вниманіе на выставкахъ.

Комната, гдѣ лежалъ мертвый Шильдеръ, была обита чернымъ. Толпы офицеровъ и солдатъ приходили послѣдній разъ поклониться тѣлу поэта-рыцаря, всю жизнь свою проведшаго, какъ Байрдъ: безъ страха и упрека.

Шесть артиллерійскихъ лошадей отвезли на лафетѣ къ могилѣ прахъ Шильдера. Его похоронили рядомъ съ генераломъ Сельваномъ, у самой могилы князя Прозоровскаго (убитаго подъ стѣнами этой же крѣпости въ прошедшую Турецкую войну), на кладбищѣ, въ оградѣ церкви Св. Николая.

Я заставилъ художника Шатъ-Мари, по моей просьбѣ сюда пріѣхавшаго изъ Букареста, для снятія замѣчательныхъ видовъ и сохраненія на бумагѣ интересныхъ моментовъ осады, сдѣлать рисунокъ этого кладбища и этихъ свѣжихъ могилъ *).

Могилы Шильдера и Сельвана побудили насъ обратить вниманіе на тотъ уголокъ, гдѣ онѣ пріютились.

Погостъ обширной Каларашской церкви, единственной въ городѣ, искони принималъ въ свое лоно нашихъ старшихъ офицеровъ, погибавшихъ въ прежнія войны подъ Силистріею. Но большіе деревянные кресты, отличавшіе могилы храбрыхъ, сгнили отъ времени; даже надгробныя плиты изъ мягкаго известковаго камня, разбросанныя по кладбищу, не удовлетворяютъ любознательности: надписи, на нихъ бывшія, совершенно исказились отъ времени и прочесть ихъ нѣтъ возможности. Только одна могила князя Прозоровскаго представляетъ своимъ надгробіемъ трогательную повѣсть. Вотъ слова надписи: „Здѣсь погребенъ доблестный воинъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ, князь Иванъ Петровичъ Прозоровскій, въ цвѣтѣ лѣтъ убитый ядромъ подъ Силистріею, 1829 года, мая 7 дня, тогда какъ онъ спасалъ жизнь раненому воину. Онъ былъ добрый и покорный сынъ, другъ своей матери.— Прохожіи, прошу тебя, помолись Богу о немъ“.

Могила Прозоровскаго привлекла на бѣдную Каларашскую церковь обильную милостыню матери князя. Она соорудила каменную ограду вокругъ церкви, перестроила самую церковь, давъ ей настоящій ея видъ, и, кромѣ того, принесла ей богатый вкладъ: на серебряной напрестольной дарохранительницѣ прекрасной чеканной работы читаемъ: „За упокой князя Іоанна Прозоровскаго въ церковь города Калараша принесено: серебряный позлащенный кивотъ въ финифти, чаша, дискосъ и ограда кругомъ каменная“.

Такимъ образомъ имя воина Христова, князя Іоанна, не умретъ подъ сводами Каларашскаго храма, постоянно напоминая православнымъ чужеземцамъ о тѣхъ собратіяхъ ихъ, которые не разъ приходили изъ далекой стороны лить свою кровь за ихъ права, самостоятельность и свободу. Казалось бы, что столько крови, пролитой въ теченіе вѣковъ за святое дѣло этой страны, должно бы ея жителей связать особенными нравственными узами и съ нами, во имя того же дѣла ратующими и пролившими не меньшіе потоки крови... Но... но Богъ съ ними, съ горькими мыслями!...

*) Впослѣдствіи этотъ рисунокъ помѣщенъ въ „Художественномъ Листкѣ“—Тимма.

На дняхъ, по смѣнѣ изъ траншей, командиръ Охотскаго полка полковникъ Бибииковъ представилъ къ награждѣ рядового Савелія Дубченко, который ружейнымъ прикладомъ вышибъ горящую трубку изъ гранаты, упавшей въ толпѣ сидѣвшихъ въ траншеѣ солдатъ. Какіе бываютъ молодцы!

Сегодня въ послѣдній разъ я ѣздилъ взглянуть на Силистрію. Генераль Хрулевъ еще на той сторонѣ. Завтра значительное число валахскихъ и болгарскихъ семействъ, кромѣ перешедшихъ съ нами, будутъ переправляться черезъ Дунай, чтобы слѣдовать за нашею арміею. Со всѣхъ сторонъ жители бѣгутъ къ мосту, рассказывая, что въ Калопетри и Вейдемирѣ Турки зарѣзали нѣсколько человѣкъ, замѣченныхъ въ большой намѣ преданности, а молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ взяли къ себѣ въ Силистрію. Отъ варварства Турокъ и равнодушія европейскихъ офицеровъ къ ихъ дѣйствіямъ— всего можно ожидать.

Одни мосты снимаютъ, другіе грузятъ огромными запасами коммисаріатскаго, артиллерійскаго и провіантскаго вѣдомствъ. Тамъ хлопочутъ экипажи канонерскихъ лодокъ, вытягивая якоря, у другихъ рубятъ канаты. Копытятся пестрая группа болгарскихъ семействъ съ ихъ стадами, съ буйволами, лежащими въ водѣ, выставивъ только голову; множество купцовъ укладываетъ свои товары, одни на повозки, другіе на суда; укладываются хозяйственныя отдѣленія Главной квартиры; госпитали переносятъ больныхъ и раненыхъ на суда и плоты; однѣ команды проходятъ мимо съ музыкой и пѣснями, другія дѣлаютъ привалъ, а пныя, ставъ бивакомъ, варятъ кашу; за Дунаемъ пылаютъ бараки и землянки Главной квартиры; шумъ, гамъ, трескъ, говоръ, крикъ народа, ревъ и блеяніе стадъ; ропотъ Дуная; порою слышны выстрѣлы передъ Силистріей, мѣрный крикъ матросовъ, тянущихъ якорь; все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ хаосъ, для дополненія картины котораго поднимаются къ небесамъ гигантскіе столбы дыму и пламени отъ зажженныхъ нами, по невозможности увезти съ собою, большихъ запасовъ сѣна, сдѣланныхъ провіантскимъ вѣдомствомъ. Офицеры, глядя на этотъ пожаръ, жалѣли провіантскихъ чиновниковъ, что завѣдывали сѣномъ. „Плачутъ, чай, теперь бѣдные? Трудились, заготовляли для пользы отечества, а тутъ вотъ даромъ труды и пропали, да еще, того и гляди, дурную славу составить. Кого увѣришь, что сожжено именно то количество пудовъ, какое будетъ показано сожженнымъ по книгамъ!...“ *).

*) По официальному донесенію англійскому правительству находившагося въ Силистріи все время осады англійскаго капитана Симонса, подъ Силистріею, у насъ было 60 тысячъ человѣкъ; по таковому же донесенію французскому главнокомандующему состоявшему при Омеръ-пашѣ подполковника Діе (Dieu)—72.000 человѣкъ. Въ сущности Силистрію осаждали слѣдующія силы (кромѣ драгунъ съ ихъ артиллеріей, стоявшихъ особымъ лагеремъ и не принимавшихъ участія въ осадѣ): около 58 баталіоновъ пѣхоты, 32 эскадрона кавалеріи, до 170 полевыхъ орудій, три казачьихъ полка съ нѣсколькими сотнями, сотня валахской милиціи, 3 роты саперъ, два понтонные парка, два отдѣленія осаднаго артиллерійскаго парка, инженерный паркъ, два парохода: „Ординарецъ“ и „Прутъ“ и 11-ть канонерскихъ лодокъ.

14 ^{го} июня.

Какой-то разжалованный, служившій въ отрядѣ Хрулева, передался Туркамъ, предательски захвативъ съ собою одного казака. Ловкій на всѣ руки господинъ этотъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе Хрулева своею расторопностью и знаніемъ языковъ и былъ имъ неоднократно посылаемъ къ турецкимъ аванпостамъ, гдѣ онъ до того сблизился съ Турками, съ помощью водки, на которую онъ вымѣнивалъ у нихъ табакъ, что между нимъ и Турками установились пріятельскія отношенія. Молодецъ этотъ всегда зналъ, когда его знакомые стоятъ на аванпостахъ, докладывалъ объ этомъ Хрулеву, который только въ эти дни и сталъ ѣздить на рекогносцировку. Обыкновенно

По показанію исторіографа восточной войны, генерала Богдановича (Idem, стр. 101), наша потеря, со дня открытія траншей до снятія осады съ Силистріи, состояла изъ:

	Генер.	Шт.-оф. и об.-оф.	Нижн. чин.	Итого.
Убитыхъ	1	6	530	537
Раненыхъ	3	62	1.925	1.990
				Всего . . 2.527 чел.

Не могу оставить безъ вниманія разсказы французскихъ писателей объ осадѣ Силистріи; они такъ забавны, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ.

Повторяю, кто-нибудь изъ Русскихъ, кому попадется одна изъ этихъ иностранныхъ книгъ, пожалуй подумаетъ: стало-быть она говорить правду, когда наши молчатъ и спорить съ нею не смѣютъ. Впрочемъ, мы не станемъ разбирать разсказа, — онъ не стоитъ опроверженія и самъ говоритъ за себя; мы его приводимъ здѣсь какъ сущую небылицу отъ первыхъ до послѣднихъ словъ.

Еюжель Пикъ (Idem, стр. 58—59) говоритъ:

„Мусса-паша продолжалъ защищаться въ Силистріи—словно левъ. Гарнизонъ этой крѣпости, несмотря на голодъ, ежедневно совершалъ подвиги мужества, открытою силой добывая себѣ у врага съѣстные припасы, въ которыхъ нуждался. Каждая вылазка этого геройскаго гарнизона была побѣдою для Турокъ. Вскорѣ однако Русскіе, предполагая, что силы гарнизона ослаблены, пошли на штурмъ и ворвались было въ широкую брешь, образованную ихъ артиллеріей въ стѣнѣ крѣпости; но храбрость гарнизона, казалось, возрастала съ опасностію: Турки были неодолимы, а потери Русскихъ оказались столь огромны, что, они были вынуждены снять осаду, увозя своего главнокомандующаго, князя Паскевича, тяжело раненаго и оставляя 15.000 труповъ зарытыми подъ стѣнами города *).

„Отступая, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, Русскіе предались дикому мщенію: три дня сряду они ужасно бомбардировали Силистрію, что не могло имѣть другого результата, кромѣ гибели стариковъ, женщинъ и дѣтей, ибо отступленіе Русскихъ было уже рѣшено. Въ числѣ этихъ жертвъ былъ Мусса-паша, который послѣ защиты, почтенной всѣмъ міромъ, убитъ разрывомъ бомбы, когда молился, благодаря Аллаха за успѣхъ послѣдней вылазки.

*) Впослѣдствіи г. Пикъ въ томъ же сочиненіи сознался, что насъ откинула за Дунай демонстрація Австрійцевъ, а не гарнизонъ Силистріи, паденіе которой было неизбежно, и что мы не бѣжали отъ него, а напротивъ отступали, ежеминутно будучи готовы его встрѣтить.

венно, бывало, этотъ штуркаръ махнеть шапкой условленнымъ съ Турками способомъ, и они отбѣзжаютъ назадъ, не трогая нашихъ. Однажды онъ какъ-то особенно настойчиво сталъ уговаривать Хрулева выѣхать на аванпосты, утверждая, что Турки передали ему желаніе наши видѣться съ Хрулевымъ; но Хрулевъ не послушался, не поѣхалъ, какъ будто предчувствуя что-то недоброе. Господинъ этотъ поѣхалъ одинъ съ казакомъ и передался Туркамъ! Казакъ не успѣлъ опомниться, какъ его схватили и потащили въ крѣпость, ввиду нашихъ пинетовъ.

Въ день отступленія отъ Силистріи былъ другой подобный случай: Селенгинскаго полка поручикъ *Пржевальскій* тоже пожелалъ передаться Туркамъ, но казаки его схватили за линіей нашихъ аванпостовъ, хотя онъ и защищался саблей, и притащили къ начальству. Впослѣдствіи Пржевальскій увѣрялъ, что былъ совершенно пьянъ и самъ не знаетъ, куда забрелъ.

„Однако Омеръ-паша форсированнымъ маршемъ шелъ на защиту Силистріи (думалъ, да не посмѣлъ!); но когда онъ пришелъ къ стѣнамъ, Русскіе уже исчезли“.

Вотъ предъ нами сказка другого военнаго писателя, не забудемъ, офицера французскаго генеральнаго штаба—Дю-Касса (*Idem*, стр. 40 и 45). Но всего переводить я не въ силахъ, передамъ въ кратцѣ рассказъ Дю-Касса, исполненный фантазій:

20 мая Русскіе произвели штурмъ, но были отбиты, потерявъ 2.000 человекъ убитыми. 22 мая Паскевичъ опять приказалъ штурмовать Силистрію, поддержавъ атаку флотиліею и сѣлая взять передовые форты. Турки отбили приступъ, но въ концѣ дѣла убили Мусса-паша.

Русскіе генералы теряли надежду овладѣть крѣпостью открытою силою и начали минныя работы противъ „Арабъ-Таби“, но Турки, выученные французскими офицерами, соединили искусство съ своею извѣстною храбростію, повели контрминны и взорвали на воздухъ 400 Русскихъ. Пользуясь происшедшимъ при этомъ безпорядкомъ, гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, разбилъ Русскихъ и уничтожилъ ихъ работы. На утро Русскіе, пораженные ужасомъ, перевезли на лѣвый берегъ Дуная часть своего осаднаго парка. Неудачи на штурмахъ и въ подземной войнѣ заставили Русскихъ начать правильную осаду. Они пошли сапой къ Абдуль-Меджиду, достигли его контръ-эскарпа, сдѣлали передъ нимъ двѣ траншеи, подъ прикрытіемъ батарей, замкнутыхъ въ горѣ. Графъ Паскевичъ, произведя рекогносцировку противъ „Абдуль-Меджид“, былъ сильно контуженъ ядромъ и сдалъ команду князю Горчакову, который опять повелъ подземную войну противъ „Арабъ-Таби“, „Абдуль-Меджид“ и „Яніп“. 2 іюня Турки сдѣлали вылазки въ четырехъ пунктахъ, разбили Русскихъ и отбросили ихъ въ первую параллель, причемъ смертельно раненъ генераль Шильдеръ, легко князь Горчаковъ, осталось на мѣстѣ 1.000 труповъ и 2.000 человекъ выбыло изъ строя; у Русскихъ отнято знамя, пушки и, что всего для нихъ хуже, отнята надежда на успѣхъ. Нравственная сила Русскихъ такъ упала, что они рѣшились, вопреки приказанію (!), снять осаду. 3 іюня рѣшимость ихъ ускорила успѣшною вылазкою гарнизона, и крѣпость была совершенно освобождена 13 іюня, т.-е. черезъ сорокъ дней послѣ открытія траншей. Русскіе потеряли болѣе 15 тысячъ человекъ; въ числѣ ихъ считаютъ убитыми 8 генераловъ и ранеными трехъ (???)

Быстрому снятію осады, по увѣренію Дю-Касса, много способствовали демонстраціи, дѣланныя по распоряженію Омеръ-паши, сорока-тысячнымъ отрядомъ, подъ начальствомъ Саидъ-паши (!).

Достойна также вниманія ложь европейскихъ газетъ, современныхъ осадѣ Силистріи; нечего и говорить про константинопольскую газету—она превзошла себя.

По словамъ этихъ газетъ, у насъ убитыхъ едва ли не столько, сколько было всей арміи; мы дѣлали множество приступовъ къ крѣпости и всѣ они отбиты; мы бѣжали въ ужасѣ, бросили лазареты, тягости; у насъ Турки на вылазкахъ заклепали всю осадную артиллерию; князь Горчаковъ раненъ, генераль Гротенгельмъ тоже, генералу Лидерсу оторвало челюсть (!?).... Но, полагаю, довольно и этихъ образчиковъ французскаго историческаго вранья; не стану приводить подобныхъ же рассказовъ и другихъ писателей.

14 іюня.—Слободзея.

Мы на походѣ, идемъ въ село Урзичені форсированнымъ маршемъ; далеко уже отошли отъ Силистріи, а Турки все еще не подвинулись впередъ, и генераль Хрулевъ стоитъ на томъ еще берегу Дуная.

Сегодня намъ сорока-восьми-верстный переходъ, по большей части, степью. Очень трудный переходъ: почти на всемъ пространствѣ нѣтъ воды. Посреди дороги былъ одинъ колодезь; генераль-фельдмаршалъ, проѣзжая подъ Силистрію, приказалъ вырыть на этомъ мѣстѣ десять колодцевъ и далъ по 10 р. сер. на каждый. Колодцы уже готовы, они глубоки, но содержатъ дурную воду. Насилу мы добрались сюда, солдаты едва дотащились. Здѣсь извѣстный въ Валахіи древній монастырь. Онъ имѣетъ видъ крѣпости и по своему положенію дѣйствительно могъ бы, при случаѣ, дать врагу сильный отпоръ. Входишь въ его ограду, точно въ кіевскую лавру: то же величіе и обширность. Во дворѣ, направо, большой садъ, налево—архіерейскія кельи, прямо—соборъ. Блуждая по каменнымъ переходамъ и террасамъ келій зданія, выстроеннаго въ восточномъ вкусѣ, и вымощенныхъ кирпичомъ, по его обширному двору, мы встрѣтили какого-то монаха, который намъ разсказалъ, что, въ одну изъ турецкихъ войнъ, въ стѣнахъ этой обители провелъ нѣкоторое время главнокомандующій нашею арміею, престарѣлый князь Прозоровскій, котораго нѣкогда уговаривалъ Кутузовъ, когда былъ отбитъ нашъ штурмъ отъ Рущука, *не плакать*, убѣждая тѣмъ, что онъ не плакалъ, по неся аустерлицкій погромъ! Въ этомъ же монастырѣ живалъ старикъ Каменскій и, наконецъ, въ настоящую войну останавливался князь Варшавскій.

Обширная церковь Слободзейскаго монастыря во имя Архангеловъ Гавріила и Михаила первоначально сооружена воеводою Михаиломъ Бессараба, съ помощію постельника Енаки Караджи, въ 1634 г. Отъ времени церковь полуразрушилась, но ее возстановилъ Гавріиль Смирнскій, въ княженіе Георгія Бибеско и въ правленіе митрополита Неофита, въ 1842 году.

Слободзейскій монастырь зависитъ отъ аеонскаго монастыря Дохереу.

15 и 16 іюня.—С. Чеканы. Дневка.

Какая загадка для всѣхъ: почему мы покинули доведенную болѣе чѣмъ до половины осаду Силистріи? Почему покидаемъ правый берегъ Дуная? Почему мы прекратили военныя дѣйствія? Куда мы идемъ?... Сколько различныхъ догадокъ, предположеній, какое раздолье вѣстовщикамъ! Какое множество толковъ! Одна изъ догадокъ, что мы идемъ въ Окна, на австрійскую границу. Тамъ будемъ ждать выхода союзныхъ флотовъ изъ Чернаго моря и союзныхъ армій изъ Турціи, а если то и другое состоится, уйдемъ въ Россію и оттуда будемъ продолжать переговоры. Если же со стороны союзниковъ этого не будетъ исполнено,—Пруссія и вся Германія станутъ за насъ

и опять будемъ драться... Но всѣхъ слуховъ не перескажешь; посмотримъ лучше, что дѣлають союзники Турокъ.

Мы оставили маршала Сентъ-Арно въ Шумлѣ. Оттуда онъ поскакалъ въ Галлиполи, чтобы скорѣе лично двинуть войска въ помощь Омеръ-пашѣ, закрыть для насъ Балканы и, собравъ достаточно силъ, если Силистрія до того времени удержится, обрушиться на наши главные силы съ тремя арміями и отбросить насъ не только за Дунай, но и за Прутъ. Однако, не смотря на всю свою энергію *), Арно не могъ привести въ исполненіе своего плана. Хозяйственная часть его арміи не была еще такъ устроена, чтобы возможно было начать кампанію: его артиллерія и обозъ не имѣли лошадей, перевозъ войскъ въ Варну на парусныхъ судахъ, по бурному морю не могъ быть совершенъ съ разсчитанною точностію, притомъ свирѣпствовали сѣверные вѣтры. Дивизія Форе изъ Греціи, гдѣ она усмиряла инсургекцію, не присоединилась еще къ арміи; вообще невозможно было, очертя голову, начать кампанію, къ которой Англичане еще менѣе были приготовлены. Однако, чтобы сдержать слово, данное Омеръ-пашѣ, поднять нравственную силу какъ его самого, съ его арміею, такъ и силистрійскаго гарнизона, союзные главнокомандующіе, въ ожиданіи возможности перевезти всю армію, привезли дивизію Канробера и сира Броуна, которые и стали лагеремъ на варнскихъ высотахъ. Между тѣмъ Омеръ-паша трепеталъ за всякій моментъ существованія Силистріи и хотѣлъ, спасая ее отъ вѣрной гибели, съ сильнымъ корпусомъ явиться ей на помощь, доставить ей все необходимое, освѣжить потмоленный гарнизонъ и просилъ Канробера помочь ему, обезпечивъ его правое крыло движеніемъ въ Базарджикъ; но вслѣдъ за тѣмъ Омеръ-паша объявилъ, наканунѣ дня снятія нами осады, что Русскіе получили подкрѣпленіе и онъ не рѣшается вступить въ борьбу съ непріятелемъ, столь превосходящимъ въ силахъ, оставляя Силистрію ея судьбѣ. Союзники посѣпили на помощь къ Туркамъ, силась во время посѣтъ на театрѣ дѣйствій. Перевозка войскъ происходила съ изумительною дѣятельностію. Въ день нашего отступленія изъ-подъ Силистріи, 13 іюня, Сентъ-Арно прибылъ въ Варну, чтобы немедленно идти впередъ, но тутъ его ожидала горестная вѣсть: Русскіе ушли за Дунай! Энергическій Сентъ-Арно воскликнулъ: „Les Russes me volent en se sauvant“!

Французскій главнокомандующій не зналъ еще, что насъ отодвигаетъ

*) Назначено было двинуть въ Варну войска изъ Галлиполи. 1-я дивизія сіла на суда въ Галлиполи и поѣхала въ Варну; 3-я дивизія принца Наполеона пошла сухимъ путемъ до Константинополя и отсюда моремъ въ Варну; 4-я дивизія также выступила въ Варну моремъ, а 2-я дивизія пошла сухимъ путемъ до самой Варны, чрезъ Адрианополь, съ бригадою кавалеріи, инженернымъ паркомъ, артиллеріею и обозомъ. Весь этотъ сухопутный отрядъ шелъ подъ командою Боске. Въ Галлиполи остались только иностранный легионъ и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ. Этотъ отрядъ ждалъ приближенія 5-й дивизіи Левальяна, которой суждено было завезти въ союзную армію холеру изъ Прованса. Волѣнь эта произвела большое опустошеніе въ союзной арміи подъ Варной и вообще въ Добруджѣ; отъ нея погибли генералы Ней (Ney duc d'Elchingen) и Корбуччіа (Corbucci). Guérin, (Idem, т. I, стр. 115).

назадъ не ужасъ, наведенный появленіемъ его знаменъ, почти въ виду нашемъ, а политическія причины *).

Французамъ очень хотѣлось подраться; больше всѣхъ хотѣлось этого славолюбивому Сентъ-Арно; онъ былъ убѣжденъ, что удивитъ міръ славнымъ дѣломъ и порадуетъ Францію первою побѣдой юной имперіи; но возможность борьбы и побѣды, въ величайшей досадѣ его, исчезла, — по крайней мѣрѣ, отдалилась на долгое время. И армія Французовъ, и ея вождь глубоко огорчены нашимъ отступленіемъ. Что дѣлать, господа! Мы бы и сами не прочь ближе познакомиться съ вами, да видите, обстоятельства заставляютъ повернуть налѣво кругомъ.

18 іюня.—С. Кошерени.

Цѣлью нашего похода было мѣстечко Урзичены; но вотъ мы уже миновали это селеніе, получивъ маршрутъ до с. Радулешти, и положительно не знаемъ: куда идемъ? зачѣмъ идемъ? почему покинули поля, облитыя кровью нашихъ товарищей, покрытыя *дозрѣлымъ лавромъ* въ моментъ, когда намъ только оставалось пожать его? Мучительная неизвѣстность сдѣлалась нашимъ удѣломъ. Въ утѣшеніе намъ оставлены догадки не только о будущемъ, но и для разъясненія нашего прошлаго, да интересная по своей полудикости страна, достойная ближайшаго изученія. Здѣсь все замѣчательно для чужестранца.

Какіе, напримѣръ, какъ мы уже замѣтили выше, уродливые кресты ставятъ Валахи на кладбищахъ, на перекресткахъ дорогъ, иногда просто у дорогъ и у колодезѣвъ! Бревно, отесанное съ двухъ сторонъ и на немъ какіе-то вычурныя зарубки, составляютъ крестъ. Издали трудно согласиться, что этотъ столбикъ служитъ изображеніемъ креста. Некрасивый шрифтъ валахской надписи придаетъ этимъ крестамъ еще болѣшую оригинальность. Бываютъ каменные кресты; форма тѣхъ нѣсколько правильнѣе, но и тѣ, подобно деревяннымъ, покрыты чѣмъ-то вродѣ надстройкой, — издали кажется, точно шапка на крестъ надѣта. Деревянные кресты имѣютъ форму уже не восьмиконечнаго, а десяти и двѣнадцатиконечнаго. Въ кладбищенскихъ каменныхъ крестахъ обыкновенно сдѣлана маленькая ниша, часто съ желѣзны-

*) Вслѣдствіи онъ самъ въ этомъ убѣдился и сознался, что насъ откинули за Дунай демонстраціи Австрійцевъ, а не гарнизонъ Силистріи, которому не было спасенія, что мы не бѣжали отъ союзныхъ знаменъ, а напротивъ были готовы ихъ встрѣтить. Нѣкоторые же иностранные писатели (какъ напримѣръ Guérin: *Idem*, т. I, стр. 122) доказываютъ, что ничтожныя силы Австрійцевъ въ Банатѣ и Трансильваніи не могли быть для насъ опасными и заставить насъ отступить, а напротивъ, что мы отступили вслѣдствіе сосредоточенія турецкихъ силъ у Шумлы, усиленныхъ безпрестанно прибывавшими подкрѣпленіями и вслѣдствіе прибытія союзниковъ въ Варну и Базарджикъ. А извѣстный генералъ Кланка утверждаетъ, что Русскихъ заставило отступить убѣжденіе, что союзники, прибывшіе въ Варну, немедленно перейдутъ въ наступленіе, такъ какъ фельдмаршалъ Паскевичъ не могъ знать о невозможности этого движенія для союзниковъ по неприбытію перевозочныхъ средствъ арміи. Ясна ошибочность такого взгляда Кланки и Гереня, въ сожалѣнію испестрившаго свое интересное сочиненіе промахами и хвастливыми разсказами.

ми дверцами. На пняхъ могилахъ нишей въ крестахъ нѣтъ, но за то у креста стоитъ маленькій шкафчикъ, въ видѣ столбика, съ кровелькою. Какъ эти ниши, такъ и шкафчики служатъ при поминовѣніи за упокой опочившихъ въ этихъ могилахъ: по праздникамъ и поминальнымъ днямъ родственники умершихъ ставятъ въ эти ниши черепокъ или жаровню съ горячими угольями и сыплютъ на нихъ ладанъ. Но я видѣлъ гробницы, въ постройкѣ которыхъ этотъ обычай доведенъ до крайности: изъ ниши креста или шкафчика дѣлаютъ продушину въ самую могилу, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобъ благоволеніе еяіама проникало до погребеннаго!

Замѣтимъ кстати: на могилы молодыхъ людей сажаютъ деревья, могилы стариковъ не удостоиваютъ этихъ украшеній; впрочемъ за посаженными деревьями вовсе не смотрятъ: есть кладбища, на которыхъ не принялось ни одного деревца, а судя по высохшимъ остовамъ, ихъ было много посажено. То ли дѣло турецкія кладбища: каждое изъ нихъ—садъ, могущій служить гульбищемъ.

Наше отступленіе, кажется, поощрило здѣсь всѣхъ нашихъ тайныхъ враговъ; всѣ видимо подняли головы и стали громко высказывать такія мысли, которыя прежде, я думаю, старались отклонять отъ себя. Никто, вѣдь, не хочетъ понять, что отступать не предосудительно: маневръ въ смыслѣ стратегическомъ или политическомъ—не все ли это равно? Еще Богъ знаетъ, чѣмъ все это дѣло кончится. Судить и осуждать подобныя событія должна имѣть право только исторія.

23 іюня.—Лагерь подъ с. Радулешти.

По всему видно, что мы притянулись къ Молдавіи, а слѣдовательно и къ австрійскимъ границамъ, чтобы всегда быть готовыми встрѣтить недавнихъ друзей—новыхъ враговъ.

Со стороны нижняго Дуная мы обезпечены отрядами генераловъ Лидерса и Ушакова; они занимаютъ еще Бабадагскую область, а нашъ корпусъ, третій корпусъ и дивизія драгуновъ составляютъ главные силы. Нашъ правый флангъ обезпеченъ отрядомъ генерала Липранди—въ Плоешти. Главная квартира стоитъ въ нѣсколькихъ отъ насъ верстахъ, въ с. Мая-Катаржи.

Позиція, которую мы здѣсь занимаемъ, избрана на живописной мѣстности. Горизонтъ задвигается отрогами Карпатъ, пробирающихся въ Валахію, и за ними едва обрисована блѣдная полоса горъ, пограничныхъ съ Трансильваніею; на гребнѣ ихъ стоятъ граничары и австрійскіе кордонисты. Во всѣ остальные стороны, куда ни брось взоръ, вездѣ безграничная степь, съ разбросанными по ней деревнями, множествомъ рѣкъ, ручьевъ, озеръ и кое-гдѣ лѣсовъ и перелѣсковъ. Къ нашему лагерю прилегаютъ обширные луга,

сады и виноградники, принадлежащіе Калдерушанскому монастырю. Мы познакомились съ его привѣтливыми монахами и получили приглашеніе архимандрита-настоятеля—посѣтить его обитель. Вчера мы отправились большою компаніей и были вполне вознаграждены за это путешествіе по весьма плохой дорогѣ. Признаться, я и не думалъ найти такого благолѣпія и изящества въ валахскомъ монастырѣ. Черезъ каменные ограды, воротами во второй оградѣ, расписанными картинами духовнаго содержанія и украшенными большою иконой надъ высокою башней, мы вступили во дворъ обители, обнесенной, будто оборонительною казармой, стѣною, въ которой устроены жилища монаховъ, какъ духовной стражи не только монастыря, но и православія въ этой странѣ.

Церковь во имя Св. Великомученика Димитрія Солунскаго занимаетъ почти всю внутренность этого двора. Мы вошли въ нее главными дверьми, ярко раскрашенными, съ валахскою надъ ними надписью. Надъ дверьми, внутри храма, портретъ воеводы Матеея Бессараба, соорудителя храма, и жены его; валахская надпись подъ портретомъ кратко рассказываетъ повѣсть основанія обители въ 1638 году. Внутренность храма—въ византійскомъ вкусѣ; кругомъ по стѣнамъ стоялица для монаховъ и богомольцевъ, вращающіеся налоп для чтенія, позлащенный иконостасъ самой тонкой рѣзбы; такой же рѣзбы мѣсто господара противъ царскихъ вратъ; рядомъ съ этимъ мѣстомъ таковое же для митрополита и осѣненная византійскимъ двуглавымъ орломъ весьма возвышенная каеэдра, съ которой читается евангеліе и говорится проповѣди; алтарь мраченъ; его стѣны расписаны ликами святыхъ съ сохраненіемъ столь темнаго колорита, что нѣкоторыхъ изображеній невозможно различить; надъ престоломъ—превосходная древняя сѣнь. Въ алтарѣ все бѣдно, кромѣ нѣсколькихъ серебряныхъ лампадъ, паникадилъ и ковчега съ частицами мощей Св. Стефана, Св. Пантелеймона, Св. Харлампія и Св. Мученика Трофима.

Въ этомъ храмѣ замѣчательны иконы, писанныя монахомъ обители въ строжайшемъ византійскомъ стилѣ и отличающіяся строгостію рисунка. Между прочимъ, въ храмѣ много иконъ нашего русскаго письма, и изъ нихъ особенно замѣчательны образъ Св. Великомученика Димитрія; кромѣ этихъ иконъ наше вниманіе обратилось на принесенный со Святой Горы изъ монастыря Руссика образъ Божіей Матери, называемой „Русскою“. Онъ принесенъ съ Аѳона въ богатомъ окладѣ, съ ожерельемъ изъ турецкихъ монетъ. Монахи увѣряли меня, будто эта самая икона прославилась въ Руссикѣ чудомъ, отъ нея происшедшимъ: діаконъ обители о чемъ-то просилъ Богоматерь, но его молитва не была услышана, и онъ въ безумномъ увлеченіи бросился съ ножомъ на изображение Пречистой, но дерзновенная рука мгновенно засохла!

Мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы Аѳонскій монастырь уступилъ такую святыню сей обители, и я изъявилъ монахамъ сомнѣніе въ истинѣ этого преданія.

Весь церковный притворъ расписанъ картинами чудесъ Св. Великому-

ченика Димитрія Солунскаго. На одной стѣнѣ храма изображенъ переходъ черезъ Дунай какого-то валахскаго воеводы, по водѣ, *аки по суху*.

Выйдя изъ второй ограды, мы пошли въ церковь „на гробахъ“, во имя Успенія Пр. Богородицы, сооруженную братьями Кречулеско, самой простой архитектуры, безъ всякихъ украшеній какъ внутри, такъ и снаружи. Нѣсколькими ступенями мы спустились внизъ, въ подвалъ храма. Первая комната, или притворъ, пустая, — въ ней только изображеніе Распятаго. Отворились двери и мы вошли во вторую комнату: посреди ея лампада разливаетъ тусклый свѣтъ на сумракъ послѣдняго жилища многихъ; надъ дверьми икона, изображающая Лазарево Воскрешеніе; мрачно; все, представившееся намъ, вѣетъ на душу могильнымъ ужасомъ, со всѣхъ сторонъ смотрять на насъ глубокія впадины, въ которыхъ нѣкогда свѣтилась жизнь, горѣли очи!... Грудями, будто ядра у арсенала, въ математическомъ порядкѣ сложены черепы братіи, умравшей со времени основанія обители, и у каждаго черепа ярлыкъ съ надписью, кому онъ принадлежалъ при жизни.

Умершаго зарываютъ въ землю безъ гроба, черезъ три года вскрываютъ его могилу и черепъ его ставятъ въ общую усыпальницу, а кости сваливаютъ въ груды. Богатые родственники покойника для костей дѣлаютъ маленькіе гробики, тоже съ ярлыкомъ. Такими-то гробиками въ посѣщенной нами церкви заставлена вся стѣна, а груды костей бѣдняковъ свалены въ углахъ: и здѣсь различіе богатаго отъ бѣднаго!

Гробикъ, стоящій посрединѣ, составляетъ бранные останки валахскаго митрополита Григорія, здѣсь скончавшагося на покоѣ.

Правду сказать: тяжелое впечатлѣніе произвела на мою душу картина этой подземной комнаты! Слишкомъ тяжкимъ и печальнымъ показался мнѣ этотъ обычай исторгать у земли ея добычу, декоративно укладывая ее на показъ любопытнымъ, — обычай, пришедшій сюда съ Аѳона.

Почтенный архимандритъ пригласилъ насъ отобѣдать. Въ обширной трапезной помѣщались столы на 375 братій обители. Стѣны залы увѣшаны портретами святителей и замѣчательныхъ воеводъ. Между портретами мое вниманіе было особенно остановлено портретами: Доспоея, тридцать семь лѣтъ управлявшаго монастыремъ, перваго архимандрита обители; Георгія, умершаго въ 1802 году: лицо этого святителя отличается особеннымъ выраженіемъ величайшей святости; Инсиланти — предводителя этерін; между лицами святителей насъ остановили изображенія Св. Димитрія Ростовскаго, Св. Иннокентія, епископа Иркутскаго — новаго чудотворца, какъ лики родственниковъ намъ духовныхъ пастырей.

Послѣ обычной краткой молитвы и благословенія мы сѣли за столъ, между тѣмъ какъ монахи не сажались съ нами, — они пообѣдали въ свой урочный часъ, а эта трапеза была приготовлена собственно для насъ, и отцы обители исполняли роль хлѣбосольныхъ хозяевъ. Насъ угощали различными національными кушаньями, рыбами, отлично приготовленными въ различныхъ видахъ, фруктами и добрымъ виномъ. Въ обители нѣтъ квасу, непремѣнной

принадлежности наших русских монастырей. Здѣсь квасъ замѣненъ легкимъ виномъ, и оно подается въ большихъ кувшинахъ и ковшахъ.

Во всей Валахіи только двѣ киновіи: здѣшняя и монастырь Черники. Здѣсь 360 монаховъ и 15 пресвитеровъ. Здѣсь угощаютъ всѣхъ, приходящихъ молиться. Казначей сказалъ намъ, что одного вина собственно богомольцамъ раздается въ годъ болѣе сорока сороковыхъ бочекъ.

Монастырь Калдерушанскій имѣетъ большія средства, хорошія земли, лѣса и луга, завися отъ Аеонскаго монастыря Дохереу (Дохіаръ). Калдерушанъ при благоразумномъ хозяйствѣ своего пастыря и строгой жизни его и братій можетъ существовать ни въ чемъ не нуждаясь и не получая никакого установленнаго вспомошествованія отъ правительства.

Въ стѣнахъ Калдерушана выдѣлывается все, что нужно для одежды, обуви, бѣлья братіи. За его стѣнами съ обширныхъ полей, лѣсовъ, рѣкъ, озеръ, виноградниковъ, большихъ пчельниковъ, стадъ и садовъ монастыря собирается монахами все, что нужно для пищи и питія ихъ самихъ, ихъ прихожанъ и богомольцевъ, ихъ посѣщающихъ. Въ настоящее время, напри-
мѣръ, тоже болѣе большая часть братіи на покосѣ.

Въ монастырѣ обширная суконная и валяльная фабрики, на которыхъ изготавливаютъ особыя поярковыя шапочки, замѣняющія здѣшнимъ монахамъ клобуки, по точному примѣру греческихъ монаховъ.

На суконной фабрикѣ изъ шерсти, снимаемой съ монастырскихъ овецъ, выдѣлываютъ ежегодно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, посвящаемыхъ монахами этой работѣ, болѣе 1.000 аршинъ сукна.

Намъ показывали всякаго рода мастерскія, содержимыя въ отличномъ порядкѣ,—на нихъ работаетъ братія.

По осмотру монастыря во всей подробности, насъ пригласилъ настоятель къ себѣ. Его обширное помѣщеніе имѣетъ много характеристическаго. Кельи настоятеля обвѣшаны иконами, картинами духовнаго и историческаго содержанія, заставлены и завалены книгами, драгоценною церковною утварью, сундуками съ облаченіемъ, шкафами съ рѣдкостями, принадлежащими монастырю, хлѣбамъ, просфорами и съѣстными припасами. Обзоръ келій отца-архимандрита даетъ нѣкоторое понятіе о немъ самомъ, какъ о хозяинѣ, духовномъ лицѣ и ученомъ. Изъ вещей наше вниманіе особенно обратила епитрахиль, шитая для этого монастыря женою воеводы Матѳея Бессараба золотомъ, серебромъ и шелками, съ надписями, которыхъ мы не могли разобрать; ковшъ изъ монетъ, оправленныхъ въ серебро: въ срединѣ ковша вдѣлана монета съ изображеніемъ Александра Македонскаго, а на ручкѣ ковша надпись: *Анаѳема* (монахи не могли намъ объяснить назначеніе ковша и значеніе надписи); замѣчательны: кубокъ странной формы, покрытый странными изображеніями звѣрей и птицъ; старое русское Евангеліе, богато отдѣланное въ Вѣнѣ, писанное тамъ же тушью и золотомъ, съ превосходными бордюрами по краямъ листовъ, изящными заглавными буквами и рисунками. Но особенно намъ понравились деревянные напрестольные и благословляющіе кре-

сты необыкновенно пзящной работы, пздѣлія одного здѣшняго монаха, посвящающаго этому дѣлу свободное отъ своего послуха время, преимущественно зимою, потому что лѣтомъ некогда—по множеству полевыхъ работъ. Такіе кресты продаются монастыремъ даже червонцевъ по 50 и болѣе за каждый. Монахъ-художникъ—Болгаринъ, рѣзать выучился самоучкой.

Столь обширный и древній монастырь, какъ Калдерушанскій, конечно имѣеть значительную библіотеку и архивъ, въ которыхъ могутъ быть замѣчательные документы, относящіеся до исторіи не только сего монастыря, но и всего края. Архимандритъ соглашался съ вѣроятностію нашего предположенія, но показать намъ архива и библіотеки не могъ: библіотекарь на покосѣ, нельзя найти ключей. Мы удовольствовались увѣреніемъ, что на русскомъ языкѣ въ библіотекѣ и въ архивѣ нѣтъ ни книгъ, ни документовъ. „Впрочемъ,—продолжалъ почтенный архимандритъ,—есть у меня одинъ русскій документъ, хотите покажу?“

Мы полюбопытствовали, и архимандритъ вынулъ изъ конторки тщательно завернутый слѣдующій охранный листъ, данный монастырю знаменитымъ графомъ Румянцевымъ во время его войны съ Турціею.

„Вережемъ этотъ документъ какъ зеницу ока, — прибавилъ архимандритъ,—какъ доказательство расположенія къ намъ любезной Россіи, которой намъ не удалось послужить чѣмъ-либо въ эту войну, но которой мы въ прежнія войны ея съ Турціею помогали чѣмъ могли. Такъ въ 1828 году, въ стѣнахъ этого монастыря, былъ устроенъ госпиталь для русскихъ больныхъ и раненыхъ; графъ Паленъ обѣщалъ было выхлопотать у вашего правительства письменное выраженіе благодарности монастырю, но почему-то не исполнилъ обѣщанія“.

По указу

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

Екатерины Алексѣевны

Самодержицы Всероссійскія

и проч. и проч. и проч.

Данъ сей открытый листъ монастырю Калдерушанскому, въ Мунтянскомъ княжествѣ, силою котораго господамъ въ Диванѣ присутствующимъ и прочимъ земскимъ чинамъ повелѣвается содержать оный во всемъ, по точной и непремѣнной силѣ грамоты Мунтянскаго господара Маттея Бессараба 7155 года іюля 25 дня, упомянутому монастырю данной, на владѣніе селомъ Вельпенешты и увольненіе онаго отъ общенародныхъ податей и повинностей, и въ нарушеніе этой грамоты не дѣлать никакихъ притѣсеній и отягощеній. Равнымъ образомъ и военнымъ, особенно проѣзжающимъ, запрещается дѣлать обывателямъ онаго села напасти и раззореніе и брать что-либо безденежно

и безъ согласія хозяевъ, подъ наказаніемъ въ артикулахъ военныхъ изображеннымъ.

Въ Главной квартирѣ Яссахъ. Марта 21 дня 1772.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Самодержицы Всероссійскія Всемилоствѣйшей Государыни моей генераль-фельдмаршалъ, командующій первою арміею, Малой Россіи генераль губернаторъ, Президентъ Малороссійской коллегіи, орденъ Россійскихъ Императорскихъ Апостола Андрея, военнаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія большаго креста, Александра Невскаго и Голстинскаго Св. Анны кавалеръ.

Румянцевъ.

25 іюня.—Радулешти.

Намъ приказано выступить и идти форсированнымъ маршемъ черезъ Букарестъ въ Журжу, которая атакована Турками, перешедшими въ значительныхъ силахъ на этотъ берегъ Дуная.

26 іюня.—Букарестъ.

Итакъ, мы еще не окончили разчета съ Турками. Они на этомъ берегу Дуная и укрѣпляются въ Журжѣ. Мы не были свидѣтелями достопамятной борьбы при переправѣ, гдѣ 10-я дивизія дралась до изнеможенія, и потому не станемъ рассказывать: какими судьбами Туркамъ удалось перейти Дунай и овладѣть нашимъ берегомъ? почему мы не опрокинули Турокъ немедленно по переправѣ ихъ, если въ томъ была надобность? почему наши отступили изъ Журжи? почему не отступаемъ дальше, если рѣшено очистить Княжества, а напротивъ идемъ впередъ? Не станемъ описывать событій, чтобы повторять толки, не вѣдаться въ ложныя сужденія и не ошибиться заключеніемъ. Пусть всѣ эти дѣла разбираютъ военные историки и кладутъ свои неотразимые приговоры событіямъ и людямъ. Что до меня касается, скажу только, что турецкія войска подъ начальствомъ Гассана-Гали-паши овладѣли островами Манономъ и Радоманомъ, съ помощію огня крѣпости Рушукъ. Въ Журжѣ былъ оставленъ небольшой отрядъ генерала Соймонова для прикрытія Букареста, изъ котораго не были еще вывезены наши госпитали, провіантскіе и комиссаріатскіе запасы. Генераль Соймоновъ сегодня ночью очистилъ Журжу, чтобы не быть утромъ вынужденнымъ къ отступленію новыми усиленіями превосходящаго въ силахъ врага. Положеніе Соймонова дѣйствительно опасное, но къ нему на помощь еще вчера двинутъ Екатеринбургскій полкъ, да и мы подоспѣемъ.

Потеря Соймонова въ полкахъ Тобольскомъ, Томскомъ и Колыванскомъ, а также въ артиллеріи во время боя, часто переходившаго въ рукопашный, отъ 8 часовъ утра до 10 вечера—значительна; убито: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 458; ранено: генералъ-лейтенантъ Хрулевъ въ руку пулею на вылетъ, штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 32, нижнихъ чиновъ 819; гвардіи поручикъ Корниловичъ получилъ 21 рану по лицу, шеѣ, спинѣ, головѣ, ногамъ и рукамъ: бросаясь впередъ съ застрѣльщиками, Корниловичъ былъ въ суматохѣ рукопашнаго боя, раненъ и взятъ въ плѣнъ; въ плѣну онъ еще боролся съ Турками, но тѣ сорвали съ него всю одежду, отняли его полусаблю и сю рубили и кололи его безъ милосердія. По счастью, въ эту минуту бѣжалъ Тобольскій баталіонъ отнимать занятую Турками батарею; Корниловича отбили израненаго, но въ полномъ сознаніи, и понесли на перевязочный пунктъ. Видъ Корниловича былъ такъ ужасенъ, что встрѣчные товарищи не узнавали его! Но, по увѣренію докторовъ, этотъ офицеръ будетъ живъ.

Интриги, борьба партій, личности продолжаютъ дѣлать свое дѣло; чаще всего во вредъ нашимъ собственнымъ интересамъ.

Говорятъ, что по милости этихъ интригъ проиграно Журжинское дѣло и Туркамъ удалось взять острова передъ Журжей, которые чуть не цѣлый годъ мы приводили въ оборонительное положеніе и укрѣпляли.

Генералъ Соймоновъ никогда не отличался блестящими воинскими способностями: онъ былъ очень мелоченъ и не могъ бы увлечь за собою войска на какой-нибудь рѣшительный подвигъ. Князь Горчаковъ зналъ это очень хорошо и также хорошо зналъ высокія въ этомъ отношеніи качества Хрулева, а потому, когда увидѣлъ, что въ Журжѣ и ея окрестностяхъ должна разыгратъ драма, могущая своимъ заключеніемъ повліять на дальнѣйшій ходъ кампаніи, когда понялъ, что Турки на этомъ пунктѣ могутъ перейти въ наступленіе, чтобы разбить насъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ сосредоточиться,—тотчасъ послалъ въ Журжу Хрулева, поручивъ ему распорядиться находящимися тамъ войсками для противодѣйствія Туркамъ.

Корпусному командиру нашему генералу Даненбергу очень не понравилось это распоряженіе князя, какъ оскорбительное для генерала Соймонова. Поэтому, когда Хрулевъ предъявилъ Даненбергу предписаніе князя Горчакова, въ которомъ значилось: „Посылаю къ Вашему Высокопревосходительству извѣстнаго мнѣ генерала Хрулева своею опытностью въ артиллерійскомъ дѣлѣ, отвагой и мужествомъ,—поручите ему уничтоженіе судовъ у Рущука“,—Даненбергъ прочелъ это предписаніе, растолковалъ его по-своему и объявилъ Хрулеву, что онъ присланъ состоять въ распоряженіи его, генерала Даненберга.

— Я самъ,—заключилъ онъ,—ѣду въ Журжу,—прошу васъ находиться при мнѣ.

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ Хрулевъ и вышелъ. На квартирѣ ждалъ Хрулева, пріѣхавшій съ нимъ изъ Главной квартиры, вышеупомянутый артил-

лерійскій полковникъ Шейдеманъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Журжу.

— Что же,—спросилъ онъ,—ѣдемъ сейчасъ?

— Нѣтъ, не ѣдемъ,—не пускается!—и передалъ Шейдеману рѣшеніе корпуснаго командира.

— Такъ вы, Степанъ Александровичъ, попросите у него формальнаго въ этомъ смыслѣ предписанія, — какъ бы вамъ безъ этого, потомъ, передъ княземъ въ отвѣтъ не быть!

— И то правда!—сказалъ Хрулевъ и воротился къ Даненбергу.

— Извольте, извольте!—отвѣчалъ Даненбергъ на его заявленіе;—но знаете ли что?—князь самъ сюда пріѣхалъ, и потому я переговорю съ нимъ предварительно и улажу это дѣло, а вы ужъ потрудитесь раньше меня съ княземъ не видаться.

— Слушаю-съ!—опять отвѣчалъ Хрулевъ, не видя особой важности въ поѣздкѣ своей въ Журжу, такъ какъ наступленіе Турокъ было только однимъ нашимъ предположеніемъ, а не фактомъ несомнѣннымъ; притомъ Хрулевъ отчасти радъ былъ даже, что его поѣздка можетъ не состояться, страдая въ это время кровавымъ поносомъ и единственно изъ усердія и ревности къ службѣ не отказываясь отъ возлагавшагося на него порученія, всегда готовый потрудиться для общаго дѣла до истощенія силъ. Однако назначеніе Хрулева въ Журжу все-таки состоялось окончательно, хотя и не своевременно и не въ первоначальной формѣ, а именно: Хрулеву вновь было поручено отправиться въ Журжу—осмотрѣть приготовленія и средства Турокъ къ переправѣ на нашъ берегъ Дуная, не вѣшываясь ни въ какія распоряженія Соймонова, и къ шести часамъ слѣдующаго утра возвратиться, представивъ главнокомандующему свое мнѣніе о способѣ уничтоженія турецкихъ перевозочныхъ средствъ.

Хрулевъ, во исполненіе этого приказанія, поѣхалъ немедленно въ Журжу, но засталъ уже тамъ полный разгаръ дѣла съ Турками, форсировавшими переправу противу Журжи *).

Хрулевъ, окинувъ взглядомъ происходившій бой, тотчасъ увидѣлъ, что наша артиллерія плохо расположена; что тамъ, напримѣръ, стоитъ только два орудія, гдѣ ихъ слѣдовало бы поставить 12; что Турки безнаказанно переѣзжаютъ на нашъ берегъ, свободно высаживаются и собираются уже обойти нашу артиллерію. „Пропадутъ наши пушки!“ — закричалъ полковникъ Шейдеманъ, указывая Хрулеву на движеніе Турокъ. При этомъ Хрулевъ, замѣтивъ, что съ нашей стороны поддерживается бесполезная ружейная

*) Гассанъ-паша, командовавшій войсками въ Русукѣ, въ виду снятія осады Силистріи и отступленія русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная, вообразилъ, что мы очищаемъ и Журжу, и послалъ занять островъ Маканъ, переправиться на лѣвый берегъ Дуная. Но Турокъ встрѣтилъ генералъ Соймоновъ, при чемъ произошла упорная битва, въ которой обѣ стороны понесли значительныя потери; однако Турки удержали занятую ими позицію, несмотря на всѣ успія Русскихъ, слившихся сбросить ихъ въ рѣку.

Озабоченный тѣмъ, чрезвычайно неблагоприятными послѣдствіями, которыя могла бы имѣть сказанная попытка въ случаѣ неудачи, Омеръ-паша рѣшительно воспретилъ своимъ подчиненнымъ впредь предпринимать какія-либо наступательныя дѣйствія безъ его приказанія (Rousset: Idem, стр. 137).

перестрѣлка съ Турками, только причиняющая намъ напрасную потерю, а артиллерійскій огонь нашъ совершенно недействителенъ, лишь поощряя дерзость Турокъ,—поскакалъ къ Соймонову, доселѣ еще не сдѣлавшему ни одного распоряженія, которое могло бы дать благопріятные для насъ результаты, и попросилъ у него разрѣшенія опрокинуть сильно наступавшихъ Турокъ.

Соймоновъ согласился. На этомъ основаніи Хрулевъ бросился къ орудіямъ, тотчасъ перемѣнилъ ихъ направленіе, нѣсколькими выстрѣлами немедленно остановилъ наступавшихъ уже Турокъ и, взявъ двѣ роты изъ баталіона Томскаго полка, стоявшаго въ прикрытіи батареей, бросился съ ними на Турокъ въ штыки. Ударъ этотъ былъ такъ стремителенъ, что Турки побѣжали къ берегу Дуная, однако тутъ построились въ каре и съ трехъ его фасовъ открывали по нашимъ убійственный ружейный огонь, прикрывая имъ садившихся уже на суда Турокъ, составлявшихъ четвертый фасъ этого каре и стремившихся скорѣе спастись за Дунай. „Впередъ!“—кричалъ Хрулевъ; но солдаты, бѣжавшіе за нимъ, замялись подъ градомъ турецкихъ пуль и, не добѣгая шаговъ на сто до Турокъ, которыхъ Хрулевъ стремился опрокинуть ударомъ въ штыки,—остановились и стали стрѣлять!....

— Впередъ, ребята!—кричалъ Хрулевъ,—еще нѣсколько шаговъ впередъ, прошу васъ, впередъ за мной,—со мной всѣхъ побьемъ! Смотрите—Турки бѣгутъ уже,—впередъ!...

Но призывной крикъ Хрулева былъ напрасенъ: солдаты не шли впередъ, будучи поражаемы убійственнымъ огнемъ Турокъ, стоя на мѣстѣ кричали „ура!“—стрѣляли не видя цѣли, вверхъ и на-авось, по пословицѣ: пуля виноватаго найдетъ,—и уже начали подаваться назадъ, болѣе не выдерживая турецкаго огня....

— Впередъ!—еще раздался голосъ Хрулева,—ради дня рожденія Государя!—впередъ!... Но все было тщетно. Даже голосъ Хрулева, столь знакомый солдатамъ и столь имъ любезный, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ,—солдаты не шли впередъ, на призывъ любимаго вождя... По несчастію, Хрулева въ этотъ моментъ ранили. Не случись этого, быть-можетъ ему своимъ героизмомъ и личной отвагой удалось бы поборотъ минутную оторопь его войскъ и онъ нанесъ бы имъ рѣшительный ударъ врагу, но, оставшись безъ геройскаго командира, въ котораго вѣрили, солдаты окончательно стали отступать.... Однако, въ этотъ моментъ прибѣжалъ баталіонъ Тобольцевъ и возобновилъ бой. Турки были опрокинуты штыками, но торжество Тобольцевъ было непродолжительно: они не могли удержаться на занятой ими позиціи, съ нѣсколькихъ сторонъ будучи обсыпаны пулями Турокъ, уже успѣвшихъ сдѣлать новыя высадки. Острова остались за Турками. Мы понесли значительныя потери.

Одною изъ главныхъ причинъ потери сраженія должно признать не-распорядительность нашего начальства и безтолковую пальбу, производимую нашими солдатами, по милости которой у насъ, обыкновенно, въ самомъ скоромъ времени послѣ начала боя выходятъ всѣ патроны. Вообще, не мо-

жемъ приучить солдата стрѣлять только тогда, когда онъ ясно видитъ цѣль, слѣдовательно можетъ разсчитывать на возможность нанести напріятелю дѣйствительный вредъ своими выстрѣлами. Нѣтъ, нашъ солдатъ, будто для ободренія себя, палитъ, иногда никого не видя передъ собою (какъ и было въ разсказанномъ дѣлѣ подъ Журжей, на мѣстности густо заросшей камышомъ, скрывавшимъ непріятеля), — часто палитъ изъ колонны, идущей въ штыки, только торопясь какъ можно больше сдѣлать выстрѣловъ, при неистовыхъ крикахъ „ура!“

Такъ въ настоящій день, напрімѣръ, наши разстрѣляли 360.000 патроновъ!

Въ зарядныхъ ящикахъ отряда осталось не болѣе $\frac{1}{4}$ части имѣвшихся у нихъ зарядовъ, что и было одною изъ главныхъ причинъ отступленія Соймонова отъ Журжи. Къ тому же, во время дѣла при артиллерійскихъ орудіяхъ имѣлось съ собою только по одному зарядному ящику, а остальные были оставлены за нѣсколько верстъ, что лишало артиллерию возможности съ надлежащею силой обстрѣливать наступающаго непріятеля.

Вообще Соймонова обвиняютъ за слишкомъ поспѣшное очищеніе Журжи, въ которой онъ могъ бы держаться еще сутки-другіе, за валами бывшей Журжинской крѣпости, и выждать прибытія подкрѣпленій.

Въ этомъ же, говорятъ, его обвиняетъ и генераль Даненбергъ, хотя Соймоновъ и оправдывается неимѣніемъ свѣдѣній, придутъ ли къ нему подкрѣпленія. И въ этомъ отношеніи у насъ, въ Главной квартирѣ, сильно погрѣшили: такъ Екатеринбургскому полку было приказано идти на помощь къ Соймонову; но едва онъ тронулся въ путь, какъ его воротили на прежнюю позицію, потомъ послали опять къ Журжинскому отряду, не давъ впрочемъ знать этому отряду, что ему идетъ помощь.

Очевидно, что еслибы князь Горчаковъ по первому донесенію Соймонова о наступленіи Турокъ послалъ ему сильное подкрѣпленіе, — Туркамъ не удалась бы переправа. Во всякомъ случаѣ, Соймоновъ могъ и долженъ былъ еще держаться въ Журжѣ до послѣдней крайности.

Самъ Соймоновъ объясняетъ поспѣшность своего отступленія чрезвычайнымъ утомленіемъ солдатъ. Но мы должны замѣтить: въ первый, суточный бой не можетъ въ такой степени утомить войска, чтобы они на слѣдующій день не могли возобновить дѣло; во вторыхъ, не всѣ еще части отряда Соймонова были введены въ дѣло, а потому и нельзя было сказать, что всѣ войска утомлены; наконецъ, если наши были утомлены до невозможности продолжать дѣло, то не менѣе нашего были утомлены и Турки.

Генераль Даненбергъ поспѣлъ къ отряду Соймонова, когда онъ уже отступалъ. Соймоновъ донесъ генералу Даненбергу, между прочимъ, слѣдующее: „Чтобы непріятельской атакѣ завтрашняго числа не быть принужденнымъ къ отступленію, я счелъ за лучшее отступить сегодня, и отступаю“. Впрочемъ, голова отряда Соймонова была еще только во Фратешти, когда пріѣхалъ Даненбергъ; слѣдовательно, если онъ былъ не доволенъ преждевре-

меннымъ отступленіемъ Соймонова, то могъ и долженъ былъ воротить его отрядъ въ Журжу. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что Турки не рѣшались преслѣдовать нашъ отступающій отрядъ, думая, что это отступление есть не что иное какъ военная хитрость, чтобы вызвать ихъ на бой. Но генералъ Даненбергъ не рѣшился на такую мѣру, боясь взять на себя отвѣтственность въ случаѣ неуспѣха, и ограничился тѣмъ, что *распекъ* Соймонова за найденный имъ величайшій безпорядокъ, съ которымъ отступалъ нашъ Журжинскій отрядъ.

27 іюня.—Бивакъ на полѣ Калугеренской битвы.

Идемъ безъ ночлега, ограничиваясь необходимымъ приваломъ во время приготовления пищи. О, еслибъ наше бивакированіе на этомъ знаменитомъ полѣ, упитанномъ турецкою кровью, служило предназначеніемъ такового же разгрома ихъ силъ, какимъ прославился валахскій воевода Михаилъ Храбрый! Мы забыли бы о прежнихъ неудачахъ.

Картина поля битвы напоминаетъ самую битву *).

Конечно лѣсъ, покрывавшій часть этого поля во времена Михаила, измѣнилъ свой видъ, но болото, въ которое храбрый воевода загналъ Турокъ, является живымъ свидѣтелемъ прошлаго и, быть-можетъ, эти девять крестовъ, стоящіе въ рядъ на курганѣ, ветхіе, почти совершенно истлѣвшіе, современны знаменательному для Молдо-Валахін событію. Въ церкви, тоже очень древней, единственной въ большомъ селеніи Калугерени, не существовавшей еще во времена Михайловой побѣды, не имѣется никакихъ памятниковъ событія, даже церковь основана не во имя Св. Михаила.

На полѣ Калугеренской битвы насъ ждала печальная картина: мы встрѣтили транспортъ раненыхъ въ послѣднихъ дѣлахъ подъ Журжею. Раненымъ

*) Калугеренская битва достойна разказа. Геній воеводы Михаила II-го не могъ выносить рабства отчизны: онъ заключилъ сильныя политическіе союзы и выѣстъ съ Молдавіею возсталъ на Турцію. Закипѣла страшная война, ознаменованная ужасами съ обѣихъ сторонъ. Великій визирь Синанъ-паша поднялъ санѣжа Магомета и съ 180-тысячною арміею двинулся на мятежниковъ, давъ султану клятву представить голову Михаила.

Артиллерія и всѣ тяжести Турокъ пришли къ Рущуку сперва моремъ, потомъ Дунаемъ; къ той же крѣпости стянулась вся оттоманская армія. Михаилъ встрѣтилъ Турокъ на Дунаѣ и четыре недѣли не давалъ имъ построить мостъ, но, угрожаемый съ тылу движеніемъ части турецкой арміи на Малую Валахію, Михаилъ отступилъ къ Калугерени, гдѣ сосредоточилъ весь свой 16-тысячный отрядъ. Тотчасъ, по отступленіи Михаила, Синанъ-паша перешелъ Дунай, съ 200.000 человекъ, и слѣдовалъ за нимъ до Калугеренскаго брода, черезъ р. Нислову. Здѣсь враговъ раздѣляли болотистыя лѣса, по которымъ тянулась плотина. Визирь поставилъ свои войска въ лѣсу и на возвышенности 10 орудій. Съ восходомъ солнца 23 августа 1595 года началась битва. Михаилъ перешелъ сильно защищенную плотину и атаковалъ Турокъ, но былъ разбитъ и опрокинутъ за плотину, при чемъ потерялъ 12 орудій.

Между тѣмъ союзникъ валахскаго воеводы, предводитель Трансильванцевъ Альбертъ Кароли, отнялъ у Турокъ два орудія и, поставивъ на хорошей позиціи свою артиллерію, поколебалъ лѣвое крыло непріятеля.

Видя разстройство своего войска, отважный Михаилъ съ тѣлохранителями бросился въ центръ непріятельской арміи, собственноручно убилъ извѣстнаго храбростію Карайманъ-пашу и смѣшалъ Турокъ, а Валахи въ этотъ моментъ снова ударили на враговъ всѣми силами.

нечего было ѣсть: отправленные въ бухарестскій госпиталь при одномъ медикѣ, они не только не были снабжены продовольственными средствами (они не могли быть ими снабжены), но, неизвестно почему, не были снабжены деньгами на продовольствіе. Генераль Павловъ приказалъ Селенгинскому полку накормить раненыхъ и, кому позволять доктора, дать водки или вина, а равно командировалъ всѣхъ докторовъ и фельдшеровъ отряда—перевязать раненыхъ; оказалось, что многіе послѣ первоначальной торопливой перевязки на полѣ сраженія три дня уже оставались безъ медицинскаго осмотра и перевязки. Некому было за это приняться...

Раненые офицеры и солдаты рассказывали намъ нѣкоторыя подробности Журжинскаго дѣла. Передаемъ, что слышали.

23 іюня весь день Рушукъ обстрѣливалъ Журжу и занятый нами дунайскій берегъ. При этомъ у насъ убитъ достойный офицеръ—Арцыбашевъ; къ ночи Рушукъ прекратилъ огонь, но въ 9-мъ часу утра 25 іюня онъ опять заревѣлъ и, подъ прикрытіемъ его артиллеріи, Турки начали переправляться на островъ Радоманъ, противъ нашихъ батарей №№ 129 и 130, а незначительныя части Томскаго полка, составлявшія ихъ прикрытіе, стали отступать; но когда ихъ подкрѣпили, онѣ встрѣтили Турокъ штыками, были вновь отброшены, вновь подкрѣплены и восторжествовали; но новыя силы Турокъ, прибывшія на пароходѣ и высадившіяся правѣ сражавшихся, опять опрокинули нашихъ, однако майоръ Сѣменовъ съ двумя ротами Тобольцевъ безъ выстрѣла бросился въ штыки, къ нему пристроились разбитые Тобольцы и Колыванцы и прогнали Турокъ за батарею № 130.

Такимъ образомъ, доселѣ всѣ успія Турокъ овладѣть островами были тщетны, хотя ихъ силы безпрестанно возрастали. Турки вздумали обойти нашъ флангъ и стали высаживаться правѣ острова Чороя, но тутъ подо-

Спнанъ-паша, видя опасность, бросился съ отборными войсками на встрѣчу Михаилу, продолжавшему наступленіе, но попалъ подъ огонь артиллеріи Кароли, дѣйствовавшей ему во флангъ, тогда какъ отважный предводитель казаковъ—Коша, также союзникъ Михаила, ударилъ въ тылъ Туркамъ и привелъ ихъ въ совершенное разстройство.

Великій визирь едва могъ возстановить нѣкоторый порядокъ, но Михаилъ опять атаковалъ его съ фронта. Трансильванцы помогли казакамъ дѣйствовать въ тылъ Туркамъ; огонь Кароли не умолкалъ и Турки были окончательно разбиты. Трое нашей утонули въ болотѣ, самъ великій визирь, втоптанннй въ грязь своими солдатами, потерялъ послѣдніе зубы!... Турецкая армія бѣжала. Михаилъ взялъ бунчукъ, священный санджакъ Магомета и отнялъ свои орудія. На Калугеренской равнинѣ убито болѣе 3.000 Турокъ, множество погнбло въ рѣкѣ и болотѣ; говорятъ, вода была красна отъ человѣческой крови...

Если вѣрить поэтическому разсказу современниковъ, два ручные оленя сопровождали Михаила во все время битвы; но когда одного изъ этихъ прекрасныхъ животныхъ убило ядромъ, другой отъ ужаса и горя бѣжалъ въ лѣса.

Ночь прекратила рѣзню. Этою же ночью произошелъ въ турецкомъ лагерѣ взрывъ пороховаго запаса; говорятъ, его зажегъ одинъ изъ плѣнныхъ Валаховъ. Турки, вообразивъ, что Михаилъ сдѣлалъ на нихъ ночное нападеніе, въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Но благоразумный Михаилъ, видя, что мгновенный успѣхъ его оружія все-таки не окончательное торжество надъ Турціей, собралъ военный совѣтъ для обсужденія своего положенія и, согласно его рѣшенію, отступилъ въ Малую Валахію.

Исторія справедливо назвала воеводу Михаила II—храбрымъ, ибо вся жизнь его была сѣдлениемъ эпизодовъ кровавой борьбы, изъ которой онъ чаще выходилъ побѣдителемъ, чѣмъ побѣжденнымъ.

спѣлъ майоръ Прикотъ съ 1-ю гренадерскою и мушкетерскою ротами Тобольцевъ и опрокинулъ Турокъ въ лодки; между тѣмъ, какъ такую же попытку на другомъ флангѣ остановилъ взводъ конно-легкой № 8 батареи подпоручика Безобразова 1-го (Сергѣя), который сталъ на островѣ Радоманѣ, правѣе гранпчарской башни № 125, вмѣстѣ съ двумя орудіями № 2 батареи 10-й артиллерійской бригады, подбилъ пароходъ, буксировавшій новый десантъ, разбилъ у него трубу и остановилъ его; послѣ чего перемѣнилъ позицію и началъ осыпать картечью высадившихся уже Турокъ, заставивъ ихъ броситься въ лодки. (Отважный юноша въ этомъ дѣлѣ сильно контуженъ въ грудь.)

Баталіонъ Томцевъ удержался на атакованной позиціи до 4-хъ часовъ вечера, пока подполковникъ Вислогурскій съ баталіономъ Колыванцевъ штыками вырвалъ у Турокъ батарею № 129 и, пройдя дальше, очистилъ отъ непріятеля весь правый флангъ, при чемъ однако смертельно раненъ; а разъяренные солдаты положили множество Турокъ, въ числѣ коихъ замѣтили нѣсколько европейскихъ офицеровъ*). Одинъ закричалъ „pardon!“—солдаты закололи его, отвѣчая: „сегодня нѣтъ пардона,—въ отпуску“; другой, когда пришлось круто, сорвалъ съ себя часы и предлагалъ ихъ выкупомъ жизни, но солдаты, которымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ было не до пльняныхъ, отправили и его къ предкамъ.

Человѣкъ 300 Турокъ бросились вплавь къ своимъ лодкамъ, многіе изъ нихъ утонули.

Но, несмотря на всѣ эти частные успѣхи, наши были отброшены отъ берега огнемъ подошедшихъ турецкихъ судовъ. Турки, видя отступление нашихъ, высадились и заняли береговые камыши, откуда ихъ нѣсколько разъ вытѣсняла наша пѣхота, въ свою очередь бывшая вынужденною отступать неоднократно, подавляемая многочисленностью и осыпаемая картечью, лишь только приближалась къ берегу, чтобы бросить Турокъ въ Дунай. Такимъ образомъ наши не могли имѣть рѣшительнаго успѣха и отошли къ средней батарее, откуда поддерживали перестрѣлку.

Тутъ-то прискакалъ генералъ Хрулевъ съ полковникомъ Шейдеманомъ. Видя, что съ нашей стороны дѣйствуютъ только четыре орудія, тогда какъ ихъ слѣдовало поставить больше, если желать остановить переправу; видя, что длится бесполезная ружейная перестрѣлка, нисколько почти не вредящая Туркамъ, прикрытымъ камышами, и что она только поощряетъ ихъ дерзость; видя, что Турки, такъ сказать, наводняютъ пространство и рѣ-

*) Геренъ (Idem, т. I, стр. 125) рассказываетъ, надо думать, про этихъ же офицеровъ: „Когда на одномъ пунктѣ боя,—говоритъ онъ,—очень пришлось круто небольшому отряду Турокъ, уже отступавшему, нѣсколько молодыхъ англійскихъ офицеровъ, несмотря на большую опасность, не слушая убѣжденій, бросились на помощь Туркамъ. Между прочими былъ инженерный капитанъ Бурке (Burke), Мейнелъ (Meynell) 75-го пѣхотнаго англійскаго полка и Арнольдъ (Arnold) пидійской арміи. Эти храбрые молодые люди жемами и криками увлекли за собою отступавшихъ Турокъ и еще разъ ударили на Русскихъ, но, отличаясь костюмомъ и находясь впереди атакующихъ, были перебиты. Бурке находился въ Силестріи съ инженернымъ капитаномъ Бентомъ (Bent) и не разъ уже отличался въ стычкахъ съ Русскими“.

шительно готовятся отхватить орудія,—генералъ Хрулевъ перемѣнилъ направленіе орудій, остановилъ картечью Турокъ въ камышахъ и, схвативъ двѣ роты Томцевъ, крикнулъ имъ: „за мной, ребята, за мной богатыри: всѣхъ побьемъ, потопимъ!“—и бросился на Турокъ. Тѣ не выдержали удара и побѣжали къ берегу. Но картечь съ лодокъ и батальный огонь турецкой толпы, приклонившейся тыломъ къ Дунаю, остановилъ натискъ горсти храбровъ. Генералу Хрулеву пробило руку пулею... произошло большое замѣшательство... Тутъ прибѣжали баталіонъ Тобольцевъ и возстановилъ бой; Турки еще разъ были опрокинуты и въ свою очередь Тобольцы опрокинуты отъ дунайскаго берега адскимъ огнемъ артиллеріи. Битва кипѣла на различныхъ пунктахъ острова: въ камышахъ, на полянахъ, на берегу и батареяхъ. Случалось, что Турки толпами бросались къ своимъ лодкамъ, не въ силахъ будучи устоять противъ натиска нашихъ, но въ такомъ случаѣ Турки съ лодокъ встрѣчали своихъ картечью и тѣ возвращались и лѣзли, какъ сумасшедшіе, противъ нашихъ. Съ нашей стороны поддерживался сильный ружейный огонь, патроны песточались не только въ сумахъ, но и въ ящикахъ. Продолжительный бой довелъ солдатъ до ожесточенія, даже раненные или не покидали фронта, или возвращались въ бой съ перевязочнаго пункта. Въ одномъ мѣстѣ острова было маленькое озеро сажень 20 ширины. На одномъ берегу его засѣли наши, на другомъ—Турки. Кипѣла сильнѣйшая перестрѣлка. Наши нѣсколько разъ бросались въ бродъ, черезъ озеро; вода доходила до груди, пули неслись роями, солдаты нѣсколько разъ были опрокинуты, однако 8-я егерская рота Томскаго полка перешла-таки преграду и выбила Турокъ, но подосѣли новыя толпы непріятеля, ударили во флангъ нашимъ молодцамъ и опрокинули ихъ.

Частные случаи мужества и отваги представляли любопытные примѣры; общая картина боя являла безпорядокъ—въ одно и то же время: рукопашный бой и перестрѣлку, бѣгство и наступленіе, артиллерійскій огонь и страшную сѣчу съ Турками греческихъ волонтеровъ, пѣзъ которыхъ нѣкоторые дрались какъ львы, между тѣмъ какъ раненые, лежа на землѣ, или сидя на спинѣ товарища, уносившаго ихъ съ поля битвы, громко, какимъ-то дико-торжественнымъ голосомъ, пѣли воинственные пѣсни своей родины, затлущая ими въ себѣ голосъ немощи человѣческой и одушевляя товарищей. Развитія какой-либо мысли, системы въ настоящемъ дѣлѣ давно уже не было: одни, какъ умѣли, лѣзли на островъ, силясь овладѣть имъ, другіе, какъ умѣли, старались ихъ отразить. Главный начальникъ не могъ руководить боемъ по чрезвычайной пересѣченности мѣстности, по милости камышей, покрывавшихъ большую часть поля битвы, не видя, что и гдѣ происходитъ, не получая донесеній о происходящемъ на томъ или на другомъ пунктѣ,—такимъ образомъ не имѣя, слѣдовательно, возможности указать частямъ, что онѣ должны дѣлать. Болѣе часа главный начальникъ не зналъ, гдѣ какая часть въ настоящій моментъ. Кто прибѣгалъ съ своею частію, тотъ бросался въ шумныя волны боя и—тонуть въ нихъ!....

Ночью наши отошли на лѣвый берегъ Дуная и сожгли за собою мосты, уводя 19 человекъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного капитана.

Въ камышахъ осталось много нашихъ раненныхъ, которыхъ не могли унести въ моментъ битвы, а потомъ, когда пробѣгали впередъ или въ сторону, не могли уже найти этихъ несчастныхъ, которыхъ Турки по преимуществу перерѣзали и побросали въ воду. Турокъ погибло очень много; наши солдаты набрали много ружей, разнаго оружія, штуцеровъ, сабель, денегъ; у солдатъ оказались пригоршнями золотыя турецкія *миры*, разумеется, въ ту же ночь перешедшія къ маркитантамъ, которые увѣрили солдатъ, что этими монетами красная цѣна два цванцигера (40 коп. сер., тогда какъ они ходятъ болѣе 1 рубля 20 коп.). Несмотря на такую дешевизну курса золотой турецкой монеты у нашихъ маркитантовъ, солдаты собственно на эти *миры* выпили двѣ бочки водки въ поддержаніе силъ послѣ утомительнаго побоища. Можно судить, сколько было собрано этой монеты, обыкновенно носимой Турками въ широкихъ поясахъ или въ чалмахъ!

28 іюня.—Бивакъ на высотахъ передъ Журжею.

Соймоновъ оставилъ Журжу до нашего еще прихода. Турки, опасаясь съ нашей стороны какой-нибудь военной уловки, въ теченіе всего 26 іюня не смѣли занимать Журжи. Еще вчера утромъ удалой штабсъ-капитанъ конной артиллеріи Лавровъ съ нѣсколькими казаками пробрался въ Журжу, въ одной части которой онъ замѣтилъ турецкую цѣпь, и воротился благополучно, сдѣлавъ нужныя покупки въ лавкахъ.

Наконецъ къ Журжинскому отряду пріѣхалъ князь Горчаковъ. Еще было время отнять Журжу съ помощью подошедшихъ поддержаній, такъ какъ она еще не была укрѣплена Турками. Князя и уговорили было сдѣлать наступленіе, онъ уже согласился, даже соотвѣтствующія распоряженія сдѣлалъ, но вскорѣ раздумалъ и отмѣнилъ ихъ. Что было причиной такой непослѣдовательности въ дѣйствіяхъ князя, не знаемъ, но факты видимъ. Мы знаемъ также, что князь благодарилъ Соймонова за его благовременное отступленіе, тогда какъ генералъ Даненбергъ за то же дѣйствіе давалъ понять Соймонову свое неудовольствіе. Мы сами видѣли, какъ князь, объѣзжал лагерь, благодарилъ солдатъ, безпрестанно повторяя: „доволенъ, доволенъ“, причемъ, не сходя съ лошади, протянулъ руку подошедшему къ нему полковнику Пустовойтову, командиру Томскаго полка, который, въ порывѣ не знаю какого рода чувствъ, поцѣловалъ у ѣхавшаго за княземъ генерала Даненберга, также протянувшего ему руку, не руку даже, а *ногу*—повыше колѣна!... *).

*) Это тотъ самый Пустовойтовъ, дочь котораго во время послѣдняго польскаго мятежа приобрѣла европейскую извѣстность, служа адъютантомъ у Лангевича.

4 іюля. — Лагерь тамъ же.

Судьба шутить надъ нами! Который это разъ намъ неудачи? Съ вечера было приказано приготовиться къ усиленной рекогносцировкѣ и взять продовольствія на три дня. Мы торжествовали, воображая, что достанется же намъ когда-нибудь видѣть погромъ турецкой арміи и потопленіе ея въ Дунаѣ. Сегодня съ утра мы начали собираться, ожидая окончательнаго приказанія выступить, и вдругъ — отрицна приказанія: на рекогносцировку пошла одна кавалерія.

Оказалось, что Турки укрѣпляютъ Журжу и Слободзею; устроили между этими двумя пунктами предмостное укрѣпленіе; при приближеніи нашего отряда тотчасъ убрали свою передовую кавалерію и встрѣтили рекогносцировку артиллерійскимъ огнемъ, причемъ, говорятъ, контузило ядромъ походнаго атамана казаковъ графа Орлова-Денісова.

Художникъ Филипповъ *) былъ въ свитѣ князя и набросалъ моментъ паденія графа Орлова съ лошади.

8 іюля.

Не могу припомнить, была ли гдѣ во время настоящаго похода стоянка скучиѣе и однообразнѣе этой. Подъ Силистріей были свобода, жизнь, безпрестанная канонада, новости, трепетъ ожиданія, невольно учащенное биеіе сердца въ моментъ сближенія со смертію; а здѣсь? — Да эта жизнь скучиѣе лагеря во время учебныхъ занятій. Жара страшная. Нельзя дышать въ палаткахъ. Купаться негдѣ; цѣлыми баталіонами вынуждены посылать купаться вереть за 15, если еще не дальше. Подъ Силистріей было дѣло, а здѣсь — бездѣлье. Тамъ бывало ни на комъ и не увидишь каски, даже къ фельдмаршалу всѣ являлись въ шинели, безъ галстуха, въ фуражкѣ, шаровары въ сапоги по колѣна; а здѣсь извольте-ка ходить въ формѣ, да чистоту наблюдать. Здѣсь начальство сердится, что палатки не выровнены; прогоняютъ лошадей за унтеръ-штабъ, — поди, бѣги за ними въ случаѣ тревоги! — тогда какъ, стоя у палатки, лошади всегда подъ рукою, и при-смотреть за ними лучше, и всякую минуту готовъ вскочить на коня и нести къ куда посылаютъ. Начали строить бани. По всему видно, что мы здѣсь намѣрены еще долго *танцовать*. Турки и вниманія на насъ не обращаютъ, громоздятъ себѣ укрѣпленія въ Журжѣ, да и только.

Что за идея этого перехода турецкой арміи — трудно понять. Хотятъ они насъ гнать изъ Княжествъ, что ли, чтобъ мы не могли сказать Европѣ, будто отходимъ въ полномъ сознаніи своихъ силъ, дѣлаемъ шагъ назадъ изъ политическихъ видовъ, но не бѣжимъ отъ Турокъ, или испугавшись приближенія европейскихъ войскъ?...

*) Рисунокъ этотъ помѣщенъ нами въ „Художественномъ Листкѣ“ Тимма.

Попытались было Турки разметать насъ; обожглись на Радоманъ — и сѣли.

Не думаетъ ли Омеръ-паша задержать насъ здѣсь, на равнинахъ Валахін, приманкою побѣды, а между тѣмъ дожидаться прибытія союзныхъ европейскихъ и тогда обрушиться на насъ тремя арміями и, конечно, подавить?

Но, какъ слышно, союзники, по удаленіи нашемъ отъ Силистріи, перестали и думать о борьбѣ съ нами въ предѣлахъ Турціи и чуть ли не атрому дѣйствій не хотятъ избрать одинъ изъ уголковъ Россіи.

Вечеръ.

Сегодня, для праздника явленія иконы Пр. Богородицы Казанскія, раздавали Георгіевскіе кресты болѣе отличившимся нижнимъ чинамъ въ дѣлѣ 25 іюня. Какъ-то прежде я рассказаль одну подобную раздачу и готовъ бы рассказать ихъ всѣ, потому что съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдовало бы рассказывать: за какой именно подвигъ товарищи присуждаютъ крестъ тому или другому изъ своей среды, выбирая солдата для лестной награды на видъ иногда невзрачнаго, пекасистаго, мухрышку, повидимому: это была бы обширная лѣтопись славныхъ дѣлъ и событій.

На этотъ разъ князь прислалъ 104 Георгіевскихъ креста нижнимъ чинамъ, 3 креста и 3 медали волонтерамъ.

Какіе молодцы наши солдаты! Какой дивный видъ этого фронта, на правомъ флангѣ котораго стоятъ Георгіевскіе кавалеры нашей дивизіи, какъ старшіе по времени полученія крестовъ въ эту кампанію! Стоить взглянуть въ лица новыхъ кавалеровъ: какую гордость и самоувѣренность придаетъ каждому изъ нихъ этотъ бѣленькій крестикъ, надѣтый рукою генерала Коцебу (главнокомандующій боленъ—не пріѣхалъ), сопровождаемый привѣтливымъ словомъ, подъ сѣнію знаменъ, данныхъ за усмиреніе Трансильваніи и теперь вновь въ виду ея развитыхъ!

Солдатамъ на счетъ главнокомандующаго сдѣлали угощеніе: по пирогу, по крышкѣ водки, по фунту мяса на каждого и по манеркѣ вина на двухъ.

По окончаніи церемоніи раздачи крестовъ у солдатъ пошелъ пиръ горою, оживившій хоть нѣсколько нашу скучную лагерную жизнь.

Толпы офицеровъ и солдатъ любовались греческими волонтерами, состоящими при 10-й дивизіи. Командиръ этого отряда волонтеровъ, Папа Коста, священникъ—личность замѣчательная. Высокій, красивый собою, въ греческомъ костюмѣ, залитомъ въ золото, и въ блестящемъ оружіи, онъ носитъ длинные волосы, бороду и поповскую шапочку, какую носятъ въ Греціи духовныя лица, съ блестящимъ на ней крестомъ. Весьма оригинально. Говорятъ, онъ дерется молодцомъ и служить намъ на свой счетъ, содержа также сколько-то волонтеровъ.

Волонтеры стояли фронтомъ въ одной линіи съ нашими солдатами; это

было живописно! На привѣтствіе начальника главнаго штаба они отвѣчали возгласомъ: „зито элеферіенъ!“ т.-е. „да здравствуетъ освобожденіе!“ На церемоніальномъ маршѣ они шли безпорядочною, пестрою толпою, а проходя мимо начальства, повторяли тотъ же возгласъ, махая ружьями и обнаженными саблями.

9 іюля.

Сегодня ударили тревогу: турецкая кавалерія съ небольшою частью пѣхоты и артиллеріи двинулась впередъ. По этому случаю князь сейчасъ же направилъ противъ нихъ часть войскъ, а самъ со свитою поскакалъ на мѣсто—наблюдать происходящее.

Мы не могли отлучиться отъ своего отряда, поставленнаго также въ ружье, а потому не выдали рекогносцировки Турокъ; время для ней было выбрано непріателемъ весьма неудачное,—лежалъ туманъ.

Генераль Даненбергъ, ѣхавъ въ цѣпь, встрѣтилъ двухъ казаковъ,—они вели двухъ плѣнныхъ, схваченныхъ въ незначительной стычкѣ; турецкая цѣпь, не видя мѣстности за туманомъ, очень близко подошла къ нашей казачьей цѣпи, не примѣчая своихъ сосѣдей, но казаки не прозѣвали,—ударилъ на непріятеля нечаянно для него, смяли и погнали, захвативъ двухъ непріятельскихъ солдатъ. Когда плѣнныхъ встрѣтилъ генераль Даненбергъ, оружія на нихъ уже не было,—казаки *убрали*,—но рыжія бороды и русскія одежды обличали въ нихъ *Некрасовцевъ*.

— Не стыдно ли вамъ, братцы, идти на своихъ, а?—спросилъ генераль,—драться съ своими братьями?

— Ну, васе превосходительство,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—я только увидѣлъ свое войско—заразъ бросилъ оружіе!—Оказалось, что это жида. Онъ дѣйствительно тотчасъ бросилъ оружіе, увидя казаковъ, но, конечно, не потому, что обрадовался увидѣть *свое войско*, а просто по той же уважительной причинѣ, какая побудила безсмертнаго Горація бросить свое оружіе въ сраженіи. Напротивъ, у Некрасовца оружіе было взято послѣ рѣшительнаго сопротивленія.

— Ну, а ты что мнѣ скажешь?—продолжалъ генераль Даненбергъ. Некрасовецъ упорно молчалъ.

11 іюля.

Все время стоянки на этой позиціи мы испытывали значительный недостатокъ въ чистой, годной для питья, водѣ. Одинъ только фонтанъ на всей позиціи нашей дивизіи даетъ сильную струю воды; но однимъ фонтаномъ мудрено довольствоваться большому отряду. Начали рыть множество колодцевъ и открыли въ нѣсколькихъ мѣстахъ остатки древнихъ, должно полагать турецкихъ, водопроводовъ. Глиняныя трубы по преимуществу уцѣлѣли, только самый истокъ воды задѣланъ или испорченъ. Говорятъ, Турки

умышленно попортили въ этомъ краю множество фонтановъ, когда, на основаніи трактатовъ, должны были оставить Молдо-Валахію и переселиться за Дунай. Кромѣ ключевой воды, у насъ на позиціи есть небольшой проточный ручей, образующій прудъ въ оврагѣ. У него поселились всѣ хлѣбопекіи отряда и кухни, вырывъ себѣ помѣщенія въ обрывистомъ берегу; къ нимъ въ сосѣдство пріютились и другія хозяйственныя заведенія: цейхгаузы, конюшни артельныхъ лошадей и тому подобное. Вчера природа разомъ вознаградила насъ за недостатокъ въ водѣ необыкновенно сильнымъ дождемъ. Что и говорить про несчастное положеніе тѣхъ изъ насъ, чья палатка была разбита на скатѣ горы или на косогорѣ! Какъ хлынулъ дождь, всѣ побѣжали по своимъ палаткамъ закрыть, закупорить свои пожитки, спасти отъ дождя что можно; прибѣгаютъ многіе къ дверямъ своего жилища и вдругъ на встрѣчу имъ *плывутъ* изъ палатки постель, бѣлье изъ раскрытаго чемодана, сапоги, бумаги... Въ большей части офицерскихъ палатокъ, во всю ихъ величину, была вынута земля, четверти на двѣ и даже на три глубины; все это пространство мигомъ наполнилось и переполнилось водою, которая пошла внизъ по скату горы, увлекала за собою походный багажъ офицеровъ... Напрасны успія денщика, бродящаго въ водѣ выше колѣнъ, остановить уплывающія вещи; солдаты не бѣгутъ на помощь, — каждый занятъ спасеніемъ своихъ пожитковъ!... Въ лагерѣ чрезвычайная суматоха, а дождь усиливается ежеминутно, потоки воды хлынули съ горы, на которой былъ раскинутъ лагерь, каскадомъ перекидываясь къ пруду черезъ кухни, цейгаузы, хлѣбопекарни!... Нѣкоторые изъ этихъ заведеній обрушились, заваливъ людей, не успѣвшихъ выскочить; поднялся крикъ, шумъ, слышались вопли, бросились откапывать несчастныхъ и, по милости Божіей, успѣли спасти всѣхъ, но за то въ другомъ мѣстѣ трое погибли: они шли по плотинѣ и сброшены въ воду вдругъ образовавшимся потокомъ, который стремительно хлынулъ черезъ плотину изъ пруда, переполненнаго водою. Буря едва утихла поздною ночью. На утро произведенные ею безпорядки и разрушеніе представили жалкую картину. Большая часть нашихъ хозяйственныхъ построекъ была разрушена: все падо было строить снова.

14 іюля.

Рѣшено: мы совершенно отступаемъ изъ Княжествъ. Наши дѣла съ Австріей запутались, и мы внезапно можемъ очутиться между ея арміею и турецкими войсками, какъ между двухъ огней *). Пойдемъ, сосредоточимся за Прутомъ, — пусть жалуютъ къ намъ.

*) „Каковъ бы не былъ планъ кампаніи Французовъ, — говорилъ фельдмаршалъ Паскевичъ, — не они, не Англичане и не Турки, а Австрійцы всего намъ опаснѣе“. Тогдашнее поведеніе Австріи повидному оправдывало опасенія стараго вожда. Въ поведеніи этомъ не было ничего прямого и опредѣленнаго, въ немъ всѣ видѣли желаніе принять участіе въ столкновеніи, чтобы безъ всякихъ жертвоуаній, при удачѣ, воспользоваться всѣми выгодами участника, а въ противномъ случаѣ скрыться за ширмами своей политики.

Вчера еще послали рабочихъ съ саперами на путь нашего отступленія — чинить мосты, разрабатывать дороги. Ночью велѣно всеѣмъ лишнимъ повозкамъ идти по тракту на Букарестъ въ Виняву; въ 6 часовъ вечера станемъ валить палатки, начиная съ заднихъ рядовъ, и на разсвѣтъ оставимъ эту позицію; начнемъ отступать четырьмя путями, такъ что еслибъ Турки осмѣлились насъ преслѣдовать, можемъ каждую минуту перейти въ наступленіе.

Какъ слышно, въ Главную квартиру пріѣхалъ свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіоръ князь Меншиковъ, съ письмомъ отъ своего отца изъ Крыма о трудномъ положеніи арміи въ Крыму, при настоящемъ оборотѣ дѣлъ, когда союзники собираются высадиться на полуостровъ. Слѣдствіемъ этого извѣщенія былъ внезапный походъ въ Крымъ 16-й дивизіи. Говорятъ, нашъ доблестный князь двинулъ ее въ Крымъ на помощь Меншикову собственною властью, не ожидая Высочайшаго на то повелѣнія. И дѣйствительно, въ подобныхъ обстоятельствахъ невозможно переписываться за тысячи верстъ, прося разрѣшенія на всякій шагъ.

15 іюля.

Сегодня на разсвѣтъ мы отступили въ стройномъ порядкѣ, со всеѣми однако воинскими предосторожностями, хотя Турки и не смѣли показаться изъ-за своихъ окоповъ и не затѣвали перестрѣлки съ нашими казаками, прикрывавшими отступление. Нечего грѣха таить, мы-таки думали, что они ударятъ хоть на одну изъ нашихъ колоннъ, тогда бы другія отхватили ихъ отъ Журжи, — да нѣтъ, не пошли на эту удочку.

Ольтеница тоже оставляется нашими войсками; тамъ велѣно съечь мосты черезъ Аржисъ и перевозочныя средства, взятыя нами въ Туртукаѣ, а равно плоты, сдѣланные нашими саперами изъ рыбацкихъ лодокъ, очень удобныя для перевозки войскъ. Что-то нашъ памятникъ? Неужели его разорятъ Турки, неужели будетъ нарушенъ мирный покой спящихъ подъ нимъ братьевъ нашихъ?

Говорятъ, будто ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ не доволенъ Журжинскимъ дѣломъ, будто Онъ замѣтилъ: „Или не слѣдовало принимать боя и отсту-

Въ концѣ іюня 1854 г. Австрія успѣла заключить съ Турціею договоръ, по которому Порты предоставила исключительно ей протекторатъ Придунайскихъ княжествъ, подъ гарантіею двухъ союзныхъ западныхъ державъ. Войдя въ такое соглашеніе съ Турціею и общаясь до времени занять Княжества, Вѣнскій кабинетъ тѣмъ самымъ какъ бы говорилъ Портѣ: „я принимаю тебя подъ свое покровительство“. Франціи и Англіи Австрія твердила: „я займу Княжества и тѣмъ развяжу вамъ руки, заставивъ Русскихъ удалиться за Прутъ“; наконецъ, Австрія увѣряла Россію, что всѣ враждебныя дѣйствія дѣлаются только для вида, а занятіе Княжествъ — даже и съ благою цѣлью, чтобы отъ ненависти и фанатизма Турокъ не погибло христіанское населеніе края.

Не высказывая послѣдняго слова, Австрія приводила на военное положеніе большую часть своей арміи и, располагая ее на нашей границѣ, заставляла насъ держать войска въ сборѣ на юго-западной границѣ, при чемъ въ распоряженіи нашего правительства не оставалось ни одной свободной части, которая могла бы быть безотлагательно отправлена въ Крымъ на помощь князю Меншикову (Дубровинъ: *Idem*, стр. 63 и 64).

пить, или, если были вынуждены принять, сосредоточивъ войска, на прощанье разбить Турокъ въ прахъ, но ни въ какомъ случаѣ не драться съ непріятелемъ вдесятеро сильнѣйшимъ“.

22 іюля.—Синешти. Бивакъ въ лѣсу.

Занимательно отступленіе Камчатскаго полка изъ Букареста: онъ выступалъ послѣднимъ изъ пѣхотныхъ полковъ, тамъ квартировавшихъ. Командиръ его, полковникъ Голевъ, старый служивый, поднялъ полкъ на разсвѣтъ и увелъ потихоньку, чтобы никто не видалъ. Соединясь съ нами, полковникъ Голевъ рассказывалъ: „Такъ было совѣстно при выступленіи, просто не зналъ куда глаза дѣвать. Столько разъ въ жизни торжественно вступалъ и выступалъ изъ этого города, а теперь не только боялся встрѣтить желчный взглядъ людей, но, казалось, дома киваютъ мнѣ насмѣшливо, церкви улыбаются,—такъ и казалось, что вотъ каждый камень хочетъ сказать: хороши вы, покидаете меня,—видно не подъ силу пришлисъ вамъ Турки: зачѣмъ же было вамъ соваться?...“

За день до отступленія и я былъ въ Букарестѣ, но не видалъ съ чьей-либо стороны проявленія враждебнаго намъ чувства. Правда, все какъ будто съ удивленіемъ на насъ смотрѣли, какъ будто хотѣли спросить: „а, вы еще здѣсь?“

При выступленіи войскъ въ народѣ не было замѣтно даже того простаго участія, дружелюбнаго расположенія, какое обыкновенно проявляется у обывателей, когда уходятъ войска, у нихъ квартировавшія и ладно съ ними жившія. Кажется, ни одно сословіе Валаховъ не можетъ на насъ пожаловаться: обходились мы съ ними кротко, ласково, и не только даромъ ничего не брали, но пролили въ этомъ краю золотныя рѣки *).

Впрочемъ и здѣсь у насъ не безъ друзей; хотя эти друзья не смѣли выказать своей къ намъ любви официально, не зная, какая ихъ постигнетъ участь послѣ нашего отступленія, точно также какъ враги наши, которыхъ гораздо больше, чѣмъ друзей, не смѣли выразить открыто своей ненависти, все еще боясь насъ.

Наши тяжело раненные отданы подъ покровительство каймакама Княжества, Константина Кантакузена, а наши сторонники и Русскіе, издавна здѣсь поселившіеся,—подъ покровительство прусскаго генеральнаго консульства.

Странное зрѣлище представляетъ собою походъ собственно нашей колонны,—съ нею идетъ Главная квартира. *Баши-бузуки* (такъ армія назвала офицеровъ всехъ оружій, составляющихъ управленіе Главной квартиры)

*) Иностранные писатели клеветуютъ на насъ, сляясь доказать противное, какъ напримѣръ Герень (*Idem*, стр. 127).

переѣзжаютъ изъ Бухареста въ Фокшаны не по станціямъ съ нами, а по особому, усиленному маршруту. Большинство офицеровъ ѣдетъ въ экипажахъ, нѣкоторые верхомъ. Нашу колонну *баши-бузук* обгоняли болѣе получаса, коляска за коляскою, экипажи всѣхъ видовъ и формъ, повозки, фургоны, каруцы, обозы вещей и дѣлъ управленій, отряды жандармовъ, заводскія лошади, купцы, маркитанты, подрядчики и опять повозки, точно будто цѣлый городъ поднялся въ дорогу. Болѣе 300 офицеровъ составляетъ Главную квартиру, а сколько писарей, прислужниковъ, солдатъ, приживальщиковъ и проч., и проч., и проч.!

Особенно Главной квартирѣ жаль было расставаться съ Бухарестомъ: она съ нимъ ежилась, сдружилась. Сколько привязанностей пришлось покидать, досадно было отказаться отъ тысячи обольщеній и наслажденій. То-то у всѣхъ и пасмурныя лица!...

Проходимъ мимо баштановъ, покрытыхъ, большею частію, еще незрѣлыми арбузами и дынями. Изумительна невоздержность нашихъ солдатъ: ни присутствіе начальства, ни хозяева не могутъ совершенно остановить солдатъ, бросающихся на баштанъ, чтобъ схватить два-три еще сырыхъ арбуза или дыню, скорѣе похожихъ на рѣпу, чѣмъ на лакомый плодъ. Едва отвернется начальникъ, тотчасъ бросятся на поискъ молодцы, — соблазну вишь много, такъ и выглядываютъ со всѣхъ сторонъ: тутъ арбузы, тутъ золотая дыня. На фронтовыхъ солдатъ нельзя еще очень жаловаться: рота или баталіонъ проходитъ чинно, особенно, если командиръ, приближаясь къ баштану, остановится у него и пропуститъ мимо себя колонну; но замѣчаніе мое, во всей его полнотѣ, относится къ партіямъ хлѣбопековъ, квартиргеровъ, къ казеннымъ обозамъ, обыкновенно отправляемымъ впередъ, и, къ ужаснѣйшему бичу всего съѣдомаго, что находится или растетъ вблизи дороги, начиная отъ фруктовъ до стоговъ сѣна — къ офицерскому обозу, который обыкновенно тянется позади войскъ передъ самымъ арріергардомъ, наконецъ къ партіямъ кашеваровъ, которые отправляются, когда нѣтъ вблизи непріятеля, впереди войскъ, чтобы приготовить къ ихъ приходу кашу. Эта саранча преимущественно и бываетъ грозою окрестностей дороги, проходимою войсками. Безпорядки, какіе случаются при походѣ арміи относительно обращенія съ жителями, и грабежи происходятъ, по большей части, отъ этихъ людей, и потому совершенно неправильно поступаютъ, командуя съ этими безпардонными партіями офицеровъ, не обращая на выборъ ихъ особаго вниманія; при чемъ смотрятъ только, чтобъ офицеръ могъ распорядиться по хозяйственной части, по приему дровъ и тому подобными необходимыми предметами для варенія пищи, а до того и дѣла никому нѣтъ, будетъ ли онъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ этихъ варителей пищи, обыкновенно сопровождаемыхъ порядочною толпою солдатъ — дармоѣдовъ, посланныхъ съ ними подъ различными предлогами: тотъ въ качествѣ артельщика по приему продуктовъ, тотъ въ качествѣ помощника кашевара, конюха; съ ними обыкновенно ѣдутъ человѣка два для рубки дровъ и носки воды, каптенармусъ и еще человѣка

два-три изъ состоящихъ *при милости на кухне*. Мало обращено вниманія на обозныхъ людей, а между тѣмъ они—самые опасные люди для жителей. Да и вообще нашъ солдатъ, когда на немъ нѣтъ ружья и ранецъ не тянетъ его плечъ, когда онъ чувствуетъ, что онъ на свободѣ, не очень бываетъ осмотрителенъ въ своихъ поступкахъ и охотно даетъ просторъ своей размашистой натурѣ. За нашимъ солдатомъ, особенно во время кампаніи, нужны, что называется, глаза—да глаза.

27, 28 и 29 іюля.—Г. Бузео.

Говорятъ, Турки заняли Букарестъ *). Первоначально появился въ немъ (26 іюля) отрядъ баши-бузукъ въ 50 человѣкъ. Ага букарестскій встрѣтилъ ихъ, далеко не добѣжая до заставы, и проводилъ въ городъ. Сопровождаемые и слѣдимые полиціею, Турки объѣхали весь городъ, остановились у Кантакузена, гдѣ потребовали закуски; напились запрещеннаго Магометомъ напитка и возвратились въ свой лагерь, гдѣ ихъ стояло до 3.000 человѣкъ. Это были только передовые, вскорѣ явится въ Букарестъ самъ Омеръ-паша,—его встрѣтятъ съ большою торжественностію, чѣмъ встрѣтили насъ недавно!... Валахскія власти и букарестскіе жители забудутъ, что еще такъ недавно большинство населенія поносило Омеръ-пашу и называло бичомъ христіанства, ренегатомъ, человѣкомъ достойнымъ гибели!

Омеръ-паша перешелъ Дунай въ Рушукъ по мосту, нарочито выстроенному для перехода арміи. Этотъ переѣздъ имѣлъ видъ побѣдоноснаго вступленія въ завоеванную у непріятеля страну. Посреди моста была сооружена триумфальная арка, украшенная знаменами соединенныхъ государствъ. По обѣимъ сторонамъ моста, шпалерами, стояли англо-французскіе понтонеры. На ворономъ арабскомъ жеребцѣ, въ полномъ мундирѣ, покрытомъ золотомъ, въ лентѣ почетнаго легіона, медленно ѣхалъ по мосту Омеръ-паша съ огромною свитою Турокъ, Египтянъ, Французовъ, Англичанъ, Венгерцевъ, Австрійцевъ и другихъ нашихъ *друзей*, при грохѣ рушукскихъ орудій. Турецкаго генералиссимуса на берегу ждали великолѣпныя палатки, съ приготовленнымъ въ нихъ банкетомъ.

Турки рѣшились подвинуться впередъ и чуть ли не слѣдуютъ за нами. Мы остановились здѣсь, чтобъ имѣть возможность частію поднять, а частію потребить сдѣланные нами продовольственные запасы, а также чтобъ не осмѣлились Турки предполагать, будто мы бѣжимъ отъ нихъ, не смѣя ихъ выждать.

Бузео—не большой городокъ, но одинъ изъ лучшихъ въ Валахіи, чистенькій и довольно хорошо обстроенный; онъ стоитъ на правомъ берегу песудо-

*) 10 августа Омеръ-паша вступилъ въ Букарестъ. Въ тотъ же день фельдмаршалъ лейтенантъ Коронини вступилъ въ Валахію съ Австрійцами, къ величайшему неудовольствію Валаховъ.

ходной рѣчки Бузео; городъ съ большою площадью, посреди которой прекрасное зданіе здѣшней епископіи, гостепріимно принявшее нынѣ въ свои стѣны нашу Главную квартиру. Монастырь во имя Успенія Богоматери основанъ въ 1649 году Матеемъ Бессарабомъ, какъ и большая часть лучшихъ монастырей Княжествъ. Другая, меньшая церковь въ той же оградѣ—во имя Константина и Елены. Обѣ церкви въ византійскомъ стилѣ; живопись образовъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Епископъ бузеоскій—въ Букарестѣ. Въ стѣнахъ епископіи отличный садъ, со множествомъ самыхъ лучшихъ фруктовыхъ деревьевъ, отягченныхъ уже совершенно дозрѣлыми плодами: обширные виноградники, тѣнистыя аллеи, бесѣдки и цвѣтники. Садъ этотъ, хотя и въ монастырскихъ стѣнахъ, но служитъ городскимъ гулбищемъ и мѣстомъ совершенія множества интригъ,—конечно, не политическихъ, а болѣе нѣжныхъ. Гуляя по саду до поздняго вечера, мы за толпами народа послѣдовали въ соборъ, гдѣ совершалось бракосочетаніе. У насъ въ Россіи въ монастырскихъ стѣнахъ не совершаютъ этого таинства! Обряды бракосочетанія въ церкви тѣ же, что у насъ, съ тѣмъ только различіемъ, что на насъ, составившихъ большую толпу позади вѣнчающихся, бросали самую мелкую серебряную монету, такъ сказать осыпая щедротами всѣхъ присутствующихъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобъ они помолились о счастіи вновь обвѣнчанной четы.

При вѣнчаніи бѣдныхъ бросаютъ мелкія турецкія мѣдныя деньги—*нары*; при вѣнчаніи богатыхъ—бросаютъ серебряную монету, или особо выбиваемые жетоны, съ означеніемъ дня совершенія брака; присутствующіе поднимаютъ жетоны на память.

До вступленія въ церковь и по выходѣ изъ нея, свадьба Молдаванъ и Валаховъ сопровождается множествомъ обрядовъ, исполненіе которыхъ предписано вѣковыми и непреложными законами народнаго обычая.

Вотъ нѣкоторыя подробности валахской свадьбы.

Обыкновенно посылаютъ сватовъ отъ жениха къ родителямъ невѣсты; сваты напыщеннымъ языкомъ, съ восточными прикрасами, говорятъ, что, по примѣру отцовъ, которые нашли во время охоты эту страну, сдѣлавшуюся ихъ отечествомъ, и господинъ *такой-то*, молодой человѣкъ, съ *такими-то* достоинствами, тоже пошелъ на охоту и въ горахъ, и лѣсахъ увидѣлъ скромную лань, успѣвшую однако скрыться. Идя по ея слѣдамъ, онъ увидѣлъ, что *скромная лань* скрылась въ этотъ домъ и они, его посланные, просятъ ее выдать, или указать, куда она скрылась. Родители отвѣчаютъ, что *лань* не входила въ ихъ жилище. Сваты настаиваютъ. Тогда родители вызываются показать сватамъ всѣхъ женщинъ своего дома,—пусть узнаютъ, кого ищутъ. Сваты соглашаются. Вводятъ всѣхъ родственницъ; входитъ сама мать, вводятъ служанокъ. На вопросы: та ли?—сваты твердятъ одно: нѣтъ, нѣтъ! наша *лань* такая, сякая, чудо красоты. Тогда только отворяются двери и во всей парадной формѣ входитъ сама невѣста, причемъ на нее бываетъ надѣто все, что только есть лучшаго въ ея приданомъ. При появленіи невѣсты сваты кричатъ: она, она! Вслѣдъ за симъ совершается обрученіе, и невѣста обязана

не выходить изъ дому до вѣнца. Въ день свадьбы дружки ѣдутъ объявить невѣстѣ о немедленномъ пріѣздѣ жениха. На дорогѣ ихъ ждутъ дружки невѣсты и берутъ въ плѣчи посланцевъ; на допросѣ они отвѣчаютъ, что за ними слѣдуютъ главные силы, которыя возьмутъ крѣпость, а они только передовое войско. Тогда они всѣ отправляются на встрѣчу жениху. У дома невѣсты начинается скачка. Призъ состоитъ изъ шитаго полотенца, получаемого побѣдителемъ изъ рукъ невѣсты. Ѣдутъ въ церковь, гдѣ обрядъ вѣчанья не имѣетъ другихъ особенностей, кромѣ разсказанной нами выше. Изъ церкви ѣдутъ въ домъ родителей невѣсты, гдѣ садятся за брачный пиръ. Когда настанетъ моментъ заключиться счастливымъ юношамъ въ храмъ Гимена, толпа родныхъ и близкихъ друзей окружаетъ невѣсту и сзади ея, въ качествѣ шафера или дружки, становится, такъ называемый здѣсь, *вата-шелемъ* съ жезломъ, украшеннымъ цвѣтами и лентами, при чемъ онъ произноситъ рѣчь отъ имени невѣсты, благодаря родителей за всѣ блага, ей данныя; проситъ прощенія за всѣ неудовольствія и горе, какое она могла имъ причинить, во время своей дѣвичьей жизни, проситъ благословить и не оставить свою любовью, совѣтомъ и расположеніемъ до конца дней. Молодые цѣлуютъ руки у родителей, при чемъ эти въ свою очередь благословляютъ молодыхъ, совѣтуя имъ, какъ жить своимъ домомъ, какъ достичь семейнаго счастья — величайшаго блага на землѣ, ниспосылаемаго человѣку. Въ заключеніе родители молятся, да будутъ ихъ дѣти благословенны въ чадехъ своихъ! Молодая бросается въ объятія родителей... Супругъ стремится увлечь возлюбленную на ложе упоеній, но.... но между новобрачными становятся братья и родные съ саблями на-голо или, за неимѣніемъ такихъ, съ топорами и не выдаютъ молодой безъ выкупа. Наконецъ, молодую сажаютъ въ повозку, гдѣ лежитъ ее приданое, туда же садятся ея теща и золовки. Молодой съ толпою друзей и гостей провожаетъ жену верхомъ, — скачутъ вокругъ повозки, обгоняютъ ее, джигитуютъ, несутся на перегонки, возвращаются, кричатъ, стрѣляютъ, поютъ веселыя пѣсни, музыка гремѣтъ на повозкахъ, скачущихъ вперед.... Пріѣхавъ въ домъ молодого, опять песторія: молодая съ своими родными запирается въ комнату, женихъ съ своею партіей бросается на приступъ; шумъ, борьба; выламываютъ двери или отпираютъ силою, молодой бросается къ своей подругѣ, вырываетъ ее у родственниковъ и уноситъ на брачную постель.....

Отступая изъ-подъ Журжи, князь Горчаковъ ѣхалъ проститься съ Букарестомъ.

Князь Вагратіонъ, адъютантъ главнокомандующаго, разсказывалъ намъ за вѣрное, что прощаніе было очень трогательно даже для Валаховъ, у которыхъ оно вызвало слезы... Сомнѣваемся, чтобы эта скорбь и эти бодрекія слезы были искренни, тѣмъ болѣе, что не видимъ ничего трогательнаго въ рѣчи, произнесенной княземъ въ домъ генерала Будберга, гдѣ была собрана

для прощанья вся валахская знать. Князь говорилъ по-французски. „Господа!—началь онъ,—вы хорошо знаете, что не сила оружія заставила насъ оставить Букарестъ (боляре поклонились, вѣроятно, думая про себя: что же заставило, если не сила оружія),—принять эту мѣру меня вынудили обстоятельства. Вѣрьте мнѣ, господа,—продолжалъ князь Горчаковъ, прижавъ руку къ сердцу:—еслибы я только могъ, я бы этого не сдѣлалъ; но я не говорю вамъ прощайте; идѣть—до свиданья! Вѣрьте, Русскіе еще будутъ въ Букарестѣ! Благодарю васъ за то содѣйствіе, какое вы оказывали нашимъ войскамъ. Вы имъ доказали, что преданы намъ, что вы проникнуты одною идеей съ русскимъ народомъ,—однимъ съ нимъ стремленіемъ: дать свободу христіанскому населенію Турціи!“ Однимъ словомъ, на этомъ пунктѣ наши разстались съ Валахами полными друзьями, а все-таки обезоружили ихъ милицію и распустили ее по домамъ, къ неудовольствію большинства мѣстныхъ воротилъ.

4 августа.—Лагерь у с. Нерчешти подъ Фокшанами, въ Молдавіи.

Мы остановились. Нашъ лагерь вытянулся на равнинѣ, примыкающей къ Фокшанамъ и омываемой рѣкою Мильковой. Вправо на горизонтѣ Карпаты. Главная квартира—въ Фокшанахъ. Увозятъ продовольственные запасы, которыхъ здѣсь заготовлено значительное количество. Дѣло безостановочнаго поднятія провіантскихъ запасовъ поручено генералу Веселитскому, извѣстному своею дѣятельностью. Работа кипитъ; цѣлые полки ходятъ по наряду наваливать провіантъ. А между тѣмъ изъ Главной квартиры выходитъ множество слуховъ о причинѣ нашей остановки и о томъ, что будетъ дальше. Эти слухи, кажется, нарочно выпускаютъ, чтобъ ихъ разнообразіемъ прикрыть дѣйствительныя намѣренія. Съ этою же цѣлью, равно какъ и желая, вѣроятно, поднять нравственную силу солдатъ видомъ ихъ собственного фронта въ блестящемъ состояніи, вмѣстѣ съ тѣмъ показать Княжествамъ и Европѣ, въ какомъ видѣ отступаетъ наша армія,—назначены ей смотры по частямъ. Послѣ частныхъ маневровъ корпусныхъ командировъ армію будетъ смотрѣть самъ главнокомандующій. Нашей дивизіи суждено дебютировать. Какъ подъ Верту, по окончаніи Французской кампаніи, были смотры всѣмъ арміямъ, такъ дѣлаютъ смотры и нынѣ,—неужели ими закончится война? Сохрани Господи!—какъ-то еще совѣстно будетъ вложить саблю въ ножны. Да и быть этого не можетъ: у насъ въ Россіи затѣвается что-либо серьезное, если внезапно вчера послали Тотлебена въ Севастополь! Говорятъ, союзники предпринимаютъ высадку въ Крымъ. Союзники, высадившись въ Варнѣ, выстроили новыя пристани, магазины, воздвигли большія зданія, и тысячи людей работаютъ съ утра до вечера. Чтобъ облегчить своихъ солдатъ и чтобъ добыть перевязочныя средства, въ которыхъ ощущался большой недостатокъ, союзники хотѣли употребить мѣстныхъ жителей, по добровольному съ ними соглашенію, за хорошую плату. Замѣчательно, что ни одинъ Болгаринъ не

опозорилъ себя службою друзьямъ Турокъ, тогда какъ за насъ готовъ былъ отдать и самую жизнь. Болгаръ не соблазнила значительная заработная плата—75 коп. сереб. въ день и кромѣ того продовольствіе погонщику и его животнымъ. Маршалъ Сентъ-Арно допесъ своему правительству, что успѣлъ принять въ службу 800 погонщиковъ съ волами (вѣроятно, успѣлъ *завзвѣтитъ*); имъ аккуратно платили каждый день, хорошо кормили, какъ ихъ, такъ и ихъ воловъ, но, за всеѣмъ тѣмъ, въ одну прекрасную ночь бѣжало 500 человекъ изъ числа этихъ погонцевъ. Болгаре ломаютъ и жгутъ свои повозки, только бы ихъ не брали въ службу французской арміи. Видно понятно этому народу, что службою союзникамъ Турціи онъ будетъ самъ ковать на себя цѣпи! У Варны союзники стали живописнымъ лагеремъ на высотахъ по берегу озера, въ садахъ и виноградникахъ, но тѣмъ не спаслись отъ холеры, которую сами завезли изъ Галлиполи,—эта болѣзнь произвела опустошеніе въ ихъ рядахъ. Развитію болѣзни способствовали чрезвычайныя жары.

Нетерпѣливые французы жаждали движенія впередъ, жаждали славы, а между тѣмъ разныя обстоятельства: недостатокъ обозовъ, невозможность совершенія безъ нихъ значительнаго похода и еще болѣшая невозможность бить на - удалую, бросающаго за нами въ погоню, рискуя проиграть одно-другое дѣло и совершенно погибнуть — приковывали союзниковъ къ варнскимъ скаламъ, какъ былъ прикованъ Прометей къ скаламъ Кавказа, и холера, какъ ненасытный воронъ, терзала ихъ грудь, раны которой ежедневно зарастали прибытіемъ свѣжихъ войскъ изъ Галлиполи, Константинополя и Мальты. Тутъ-то, посреди этихъ мукъ союзной арміи созрѣла въ пылкой головѣ Сентъ-Арно мысль о высадкѣ въ Крымъ. Сентъ-Арно хочетъ нанести намъ чувствительный ударъ, который потрясетъ бы въ основаніи наше могущество. Занятіе Бомарзунта, наши неудачи на Дунаѣ, наше выступленіе изъ Княжествъ не удовлетворяютъ союзниковъ потому, что все эти дѣла прикрыты кровавою тогой нашей воинской славы, и громъ кавказскихъ побѣдъ, вторя пушкамъ Синопа, заглушаетъ торжественные возгласы нашихъ враговъ.

Первоначальною идеей французскаго и англійскаго правительствъ было начать войну рѣшительнымъ ударомъ: когда Англо - Французы бросятся на Севастополь, турецкой арміи устремиться на Кавказъ или овладѣть Перекопомъ, чтобы запереть для насъ Таврическій полуостровъ. Между тѣмъ Австрія, наша добрая *старая союзница*,—Австрія, эта твердая опора пресловутаго „*священнаго союза*“, его, можно сказать, создательница,—явно начала дѣйствовать противъ насъ и, присоединясь къ новому *священнѣйшему* союзу съ поборниками Магомета, требовала, чтобы союзники присоединили свои арміи къ ея войскамъ и начали противъ насъ кампанію въ Придунайскихъ княжествахъ. Но морскія державы, въ сознаніи собственныхъ силъ, хотѣли дѣйствій самостоятельныхъ и, не исполнѣ полагаясь на обѣщанія Австріи, отговаривались вредоносностью края, неблагоприятнаго для военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ выжидали, что произойдетъ у насъ съ Австріей

чтобы поступить по обстоятельствамъ. Однако Австрія не могла предпринять что-нибудь рѣшительное: ее страшило расположеніе къ намъ Пруссіи, единственной державы, которая еще стѣснялась порвать, связующія насъ съ нею, двойныя узы: кровнаго родства Царствующихъ домовъ и исконной дружбы. Къ тому же Австрія видѣла, что прусскія знамена, изъ собственныхъ интересовъ націи, гордой чувствомъ собственного достоинства, не могутъ пойти слѣдомъ за ея знаменами, а скорѣе разовьются противу нихъ...

Въ то время, какъ Наполеонъ взвѣшивалъ все приведенныя соображенія и не хотѣлъ сдѣлать одного невѣрнаго шага, англійское правительство, убѣжденное, что Франція уже не можетъ отстать отъ Англіи, чтобы она не затѣяла, послало рѣшительное приказаніе Раглану высадиться въ Крымъ. Энергическій Сентъ-Арно только и ждалъ рѣшительнаго слова: собралъ военный совѣтъ въ Варнѣ, гдѣ и рѣшили въ началѣ августа, во что бы то ни стало, высадиться въ Крымъ. Главнокомандующіе послали Канробера и Броуна съ большою свитой офицеровъ генеральнаго штаба, артиллерійскихъ и инженерныхъ, изучить берега Крыма, найти удобное мѣсто высадки и собрать, если возможно, все необходимыя свѣдѣнія для успѣшнаго начала предпріятія. Между тѣмъ Сентъ-Арно, находя большія затрудненія въ экспедиціи противъ Крыма, на которую потребуется много средствъ и быть - можетъ даже придется употребить цѣлый мѣсяцъ на взятіе Севастополя, предварительно разбивъ русскія войска, находящіеся въ Крыму, и не пустивъ тѣ, которые пойдутъ изъ Россіи, образовавъ въ Перекопѣ крѣпость, — думалъ было броситься на Анапу и соединиться съ Шамилемъ, который прислалъ въ Варну къ французскому главнокомандующему своего наиба съ депутаціею изъ 50 черкесовъ съ приглашеніемъ высадиться на Кавказъ, гдѣ обѣщалъ поднять ему въ помощь все враждебныя намъ племена и выставить подъ ружье 40-тысячную армію; но этой блестящей идеѣ, изъ области фантазій, не суждено было перейти въ міръ фактовъ.

Въ это время, готовясь къ высадкѣ въ Крымъ и, съ одной стороны, желая чѣмъ-нибудь развлечь свою армію, страдавшую отъ бездѣйствія и холеры, начинавшую терять дисциплину, роптать, жаловаться, съ другой стороны, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ Крыма и заставить насъ опять стянуть войска въ Добруджѣ, въ предположеніи, что армія союзниковъ двинется на насъ этимъ путемъ*), — Сентъ-Арно рѣшился сдѣлать демонстрацію въ Бабадагскую область.

Дивизіи Канробера, Боске и принца Наполеона, предшествуемыя отрядомъ баши-бузуковъ, сформированныхъ Сентъ - Арно для службы Франціи,

*) Французскіе писатели сильно обвиняютъ Сентъ-Арно за эту экспедицію, въ которой судьба отряда предоставлена была случайности, безъ малѣйшаго вѣрнаго разсчета на успѣхъ, — экспедицію, предпринятую безъ основательной вѣли, даже не посоветовавшись съ главными медиками, которые указали бы на гибельныя послѣдствія для здоровья арміи, какія неминуемо повлечетъ за собою походъ въ столь нездоровый край, какъ Добруджа. Французскіе писатели доказываютъ, что, посылая экспедицію въ Добруджу, Сентъ - Арно самъ не зналъ, чего хотѣлъ отъ этой экспедиціи, и объясняютъ ее только необходимостью занять войска, начинавшія роптать на бездѣйствіе.

подъ начальствомъ генерала Юсуфа, двинулись въ Добруджу 23 іюля. Послѣ двухъ-трехъ самыхъ ничтожныхъ стычекъ, эта экспедиція должна была воротиться въ Варну, потерявъ, какъ утвердительно говорятъ, значительное число солдатъ и офицеровъ отъ холеры, достигнувшей величайшей степени развитія, при благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, въ болотистой странѣ, въ войскахъ, непривычныхъ къ туземному климату и водѣ, вынужденныхъ бивакировать подъ открытымъ небомъ, безъ палатокъ, на сырой землѣ, посреди гниющихъ болотъ, отдѣляющихъ зловредныя міазмы, подъ проливными дождями въ перемежку съ знойными днями и холодными ночами. Добруджскій отрядъ, погибавшій ежедневно уже не сотнями, а тысячами, заропталъ особенно противъ генерала Эспинаса, занявшаго временно мѣсто Канробера въ 1-й дивизіи и бывшаго какъ бы начальникомъ экспедиціи, хотя въ сущности у ней не было одного начальника, а дивизионные начальники, также какъ и генераль Юсуфъ, дѣйствовали каждый самостоятельно. Медицинской помощи не было, перевозочныхъ средствъ тоже, переходы были огромные, по болотистой, безлѣсной пустынѣ, подъ палящимъ солнцемъ. Башни-бузукъ рѣшительно не хотѣли повиноваться глаурамъ-Французамъ и ихъ строгой дисциплинѣ; дезертированіе ихъ приняло огромные размѣры: они каждую ночь разбѣгались сотнями *); словомъ, положеніе экспедиціоннаго корпуса было не только бѣдственно, но просто ужасно.

Экспедиція, дойдя до Кюстенджа, куда пріѣхалъ генераль Канроберъ и съ отчаяніемъ увидѣлъ положеніе своей несчастной дивизіи, воротилась въ Варну, потерявъ изъ 14.000 человекъ, выбывшими изъ строя за смертію и болѣзнями, до половины.

Вслѣдъ за сими событіемъ союзную армію постигло другое несчастье—варненскій пожаръ. Говорятъ, Варну подожгли враги турецкихъ союзниковъ, Болгаре или Греки. Очень вѣроятно. Большая часть города сгорѣла и громадныя запасы союзныхъ армій, комиссаріатскіе и провіантскіе, въ одну ночь обратились въ пепель. Сентъ-Арно употребилъ почти весь варненскій отрядъ, чтобъ остановить огонь; борьба была ужасна и для армій стоила сраженія. Отвага Французовъ восторжествовала надъ разъяренною стихіей, — пожаръ прекратился; солдаты послѣ неимоверныхъ усилій отстояли пороховой магазинъ, на который неслись и падали огненные тучи исеръ и головней.

*) Омеръ-паша рѣшительно отказался присоединить къ своей арміи многочисленныхъ башни-бузукъ, съ которыми невозможно было управиться, не получая никакой почти отъ нихъ пользы. С.-Арно воображалъ, что съ помощью генерала Юсуфа, уже сформировавшаго во Франціи отличный корпусъ африканскихъ спаговъ, онъ приведетъ въ порядокъ и этихъ дикарей, извлечь изъ нихъ пользу для своей арміи, и такимъ образомъ организовалъ изъ нихъ особый отрядъ, подъ командою генерала Юсуфа, подъ именемъ восточныхъ спаговъ (spahis d'orient). Но этотъ отрядъ существовалъ не долго, — онъ преимущественно разбѣгался. Причиной этому были лишенія, ими понесенныя въ Добруджскую экспедицію: холера свирѣпствовала; правильнаго хозяйства у нихъ устроено не было, продовольствія они не находили на фуражировкахъ, которыми они и жили исключительно, по большей части отказываясь отъ казеннаго содержанія, доказывая, что они не служатъ на жалованьи у глауровъ, а на собственный свой счетъ сражаются за свое отечество! — и вотъ эти спаги дезертировали сотнями каждую ночь.

Въ воспримчивой и легко увлекающейся арміи Французовъ поселилось неудовольствіе къ главнокомандующему, раздуваемое газетными крикунами, вѣчно всѣмъ недовольными и все осуждающими, часто въ сущности не понимая дѣла. Всѣ кричали и говорили, что армія напрасно гибнетъ и что виною ея гибели неспособность стараго Сентъ-Арно. Надо было торопиться занять умы блестящими событіями и дѣйствительно спасти армію, исторгнувъ ее изъ бездѣйствія. Сентъ-Арно созвалъ военный совѣтъ, и на немъ-то, послѣ долгихъ преній, положили немедленно предпринять экспедицію въ Крымъ *).

Итакъ, дѣло рѣшено. Три вражьи арміи готовы вторгнуться въ предѣлы нашей отчизны, четвертая, огромная, грозитъ намъ съ другой стороны ежеминутнымъ вторженіемъ! Воскресаетъ великая эпоха двѣнадцатаго года: опять, какъ и тогда, мы остаемся одни передъ сонмомъ враговъ!...

*) Интересенъ рассказъ Базанкура объ этомъ замѣчательномъ военномъ совѣтѣ, гдѣ было рѣшено взяться за столь великое предпріятіе, какъ Крымская экспедиція. Все происходившее на военномъ совѣтѣ въ подробности рассказано автору однимъ изъ участниковъ совѣта (стр. 148—149). Вообще въ рассказахъ, подобныхъ настоящему, Базанкуръ заслуживаетъ полного вѣроятія. Онъ былъ поставленъ въ положеніе, въ которомъ многое могъ ясно видѣть своими собственными глазами, и постоянно имѣлъ сношеніе съ главными дѣйствующими лицами событій, слѣдовательно подробности ихъ, а часто и тайныя причины дѣйствій, могъ знать изъ первыхъ рукъ.

Когда собрался военный совѣтъ, маршалъ Сентъ-Арно съ величайшимъ жаромъ высказалъ присутствующимъ свои мысли о томъ способѣ дѣйствій, какой необходимо принять въ борьбѣ съ Россіею. Онъ представилъ картину жалкаго положенія союзныхъ армій, пораженныхъ холерой, армій бесполезныхъ дѣлу, за которое подняли оружіе, армій погибающихъ въ бездѣйствіи, вдали отъ врага и отъ славы. Напомнивъ присутствующимъ о борьбѣ, какую уже вынесла Турція, онъ представилъ всю необходимость начать наступательныя дѣйствія, результатъ которыхъ былъ бы достоинъ великихъ державъ. Но при этомъ Сентъ-Арно ясно и отчетливо представилъ всѣ невыгоды, препятствія, трудности и лишенія, какія было необходимо преодолѣть арміи, чтобы выйти съ честію изъ затѣваемаго дѣла, доказавъ, что всѣ эти препятствія, какъ бы они велики ни были, возвысятъ только собою торжество арміи, ея славу, что преодоленіе всѣхъ преградъ потрясетъ удивленіемъ весь міръ. „Судите, взвѣсьте все, вознеситесь до высоты обстоятельствъ,—говорилъ Сентъ-Арно,—не забудьте, что вся Европа на васъ смотритъ, и скажите свой приговоръ, но знайте: здѣсь нерѣшительность не должна имѣть мѣста,—рѣшась однажды, оглядываться невозможно, возвратиться нельзя. Если вы согласитесь на предложеніе, насъ ничто уже не должно останавливать!“

Начались пренія. Много было возраженій противъ экспедиціи въ Крымъ. Сильнѣе всѣхъ были возраженія адмирала Дундаса, до послѣдняго момента оставшагося вѣрнымъ своей мысли о невозможности экспедиціи; адмиралъ Гамленъ также не видѣлъ вѣроятности успѣха; Рагланъ, Лайонсъ, Брюа подали голоса въ пользу экспедиціи. Преніе очень долго продолжалось. На соглашеніе всѣхъ Сентъ-Арно употребилъ всю силу своего краснорѣчія, проникнутаго убѣжденіемъ и энергіей. Стали собирать голоса. Первый сказалъ „да“—Рогланъ; за нимъ, слѣдуя его примѣру, скрѣпя сердце—Дундасъ, далѣе всѣ до одного объявили себя въ пользу экспедиціи.

Сентъ-Арно пришлось говорить послѣднему: „Господа,—сказалъ онъ, вставая,—итакъ, это дѣло кончено, предпріятіе неотмѣнно утверждено! Экспедиція состоится. Соединимъ теперь всѣ успія, чтобы не терять дня, часа, минуты!“ („L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol. Chronique de la guerre d'Orient par le baron de Bazancourt“. Ч. I. Paris, 1857).

Рѣшеніе предпринять экспедицію въ Крымъ немедленно едва не было измѣнено по совѣту Фератъ-пашы (баронъ Штейнъ, бывшій венгерскій генералъ), убѣждавшаго не начинать экспедиціи такъ поздно, а отложить ее до весны, между тѣмъ перенести оружіе на Кавказъ. Но, на мгновеніе увлекшись было этою основательною мыслью, Сентъ-Арно не рѣшился ей послѣдовать, такъ какъ уже былъ объявленъ войскамъ походъ въ Крымъ. Такимъ образомъ окончательно рѣшились на высадку въ Крымъ съ тѣмъ, чтобы однимъ ударомъ сокрушить Севастополь, уничтожить его и уѣхать изъ Крыма до начала зимы (Геренъ: *Idem*, стр. 206—207).

«Но не нужна намъ чуждая помощь!...
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ!...

Намъ помощники: Богъ и убѣжденіе въ правотѣ нашего дѣла!

16 августа.—Нерчешти.

5 августа былъ смотръ и линейное ученіе нашей дивизіи, а 6 августа—9-й дивизіи. Князь Горчаковъ остался весьма доволенъ какъ церемоніальнымъ маршемъ, на которомъ войска явились въ полномъ блескѣ военного щегольства и здоровья, такъ и маневрами, исполненными съ отчетливостью и чистотою.

Я переселился изъ лагеря и живу у единственнаго священника села. Большинство молдаво-валахскаго духовенства своимъ домашнимъ бытомъ, условіями семейной жизни, нисколько не отличается отъ крестьянъ; развѣ нѣкоторые изъ нихъ могли бы считаться самыми зажиточными изъ деревенскихъ обывателей. Мой хозяинъ богатъ: у него много хлѣба, скота, большія надворныя строенія, славный домъ, или, правильнѣе, на обширномъ дворѣ выстроено, въ видѣ *покоя*, нѣсколько жилыхъ домовъ, гдѣ помѣщаются семья священника и его прислужники. Во дворѣ обширный садъ, пчельникъ, большіе плетеные коши для храненія кукурузы,—разумѣется, слѣдую мѣстному обычаю, не обмолоченной,—и особые амбары для зерноваго хлѣба, что рѣдкость у другихъ поселенъ. Домъ выстроенъ по тому же плану, что и всѣ остальные въ деревнѣ, только въ каждомъ окнѣ между звеньями рамы, заклеенными бумагой, есть по одному звену со стекломъ. Внутренность избы та же, что и у зажиточныхъ крестьянъ: печь—изъ узорчатыхъ изразцовъ съ архитектурными украшеніями; въ углу—большой сундукъ, расписанный яркими цвѣтами и покрытый коврикомъ—приданое дочери хозяевъ, съ уложенными на сундукъ, до потолка, коврами своего издѣлія; вокругъ стѣнъ—турецкіе диваны, подобные широкимъ скамьямъ. Для письма мнѣ принесли единственный во всемъ домѣ круглый столикъ на маленькихъ ножкахъ. Вся семья священника ведетъ жизнь совершенно на крестьянскій ладъ, только лѣтомъ поцѣ носятъ шляпу съ большими полями, да иногда ходитъ съ посохомъ.

Вообще, между здѣшними священниками очень немного образованныхъ, хотя, конечно, существуютъ, какъ рѣдкія исключенія, просвѣщенные духовныя лица, но таковыя принадлежатъ городскому духовенству и преимущественно монашеству; что же касается сельскихъ священниковъ, то большею частью кругъ ихъ познаній ограничивается знаніемъ чина богослуженія.

Существуютъ и духовныя семинаріи: ихъ въ Молдавіи двѣ, въ Валахіи—четыре, но онѣ не даютъ полного образованія духовенству. Эта неразвитость духовенства частію происходитъ и отъ того, что, не будучи обезпечены въ своемъ существованіи, вынужденные совершенно предаться труду для при-

обрѣтенія средствъ удовлетворенія своимъ житейскимъ потребностямъ, сельскіе священники совершенно отдаются матеріальнымъ заботамъ и не имѣютъ возможности заняться усовершенствованіемъ себя въ духовномъ отношеніи.

Впрочемъ виною неразвитости молдаво-валахскаго духовенства—съ тѣмъ вмѣстѣ и отсутствія религіознаго стремленія въ народѣ наконецъ—долготѣнее турецкое иго, пскони подавлявшее всякое нравственное возвышеніе народа. Также къ причинамъ этихъ явленій справедливо можно отнести то обстоятельство, что Священное Писаніе и книги духовнаго содержанія, со времени введенія въ Княжества христіанской вѣры, не читались народомъ на понятномъ ему родномъ языкѣ. Наконецъ только въ 1696 году переводъ Священнаго Писанія на народный языкъ былъ порученъ валахскимъ воеводою двумъ братьямъ Гречеано, подѣ редакціею особой комиссіи, состоявшей изъ митрополитовъ обонхъ Княжествъ и епископовъ бузескаго и рымникскаго. Богослуженіе стали отправлять на валахскомъ языкѣ съ начала XVIII столѣтія. Равнодушіе къ богослуженію на непонятномъ языкѣ вкоренилось въ народѣ и слѣды этого равнодушія рѣзко обозначаются еще и доселѣ.

Въ Молдаво-Валахіи замѣчательная терпимость вѣроисповѣданій: здѣсь позволяютъ всѣмъ исполнять свои обряды, отправлять богослуженіе и имѣть церкви. Это послѣднее право дано всѣмъ, кромѣ магометанъ, которымъ ни подѣ какимъ видомъ не дозволяется строить мечетей, да и не зачѣмъ затѣвать ихъ постройку, когда Турція очень близко, слѣдовательно правовѣрный всегда можетъ найти мечеть на правомъ берегу Дуная, и когда Туркамъ рѣшительно воспрещено поселяться на землѣ Княжествъ.

Духовенство Княжествъ управляется яскимъ и букарестскимъ митрополитами, зависящими отъ константинопольскаго патріарха, ихъ поставляющаго.

Католики, которыхъ въ обонхъ Княжествахъ до 80 тысячъ, имѣютъ своихъ епископовъ.

Мы съ товарищемъ улучили время съѣздить въ Одобешти, извѣстное мѣстечко по своимъ превосходнымъ винамъ, добываемымъ въ значительномъ количествѣ. Изъ нашего лагеря совершенно видны отроги Карпатъ, которые, постепенно возвышаясь, образуютъ грань Трансильваніи. Въ одномъ изъ ущелій этихъ-то отроговъ пріютились Одобешти. Мы подъѣзжали къ селу роскошными садами, виноградниками и воздѣланными полями. Самое мѣстечко, такъ сказать, тонетъ въ зелени, ярко отдѣляющейся отъ живописныхъ домовъ съ большими надворными строеніями и отъ церкви изящной архитектуры. Проѣхавъ мѣстечко по длинной улицѣ, обставленной лавками, мы заѣхали къ лучшему одобештскому винодѣлу и посѣтили его погреба, которые однако не могутъ сравниться съ великолѣпными лабиринтами погребовъ Маада, Токая, Шанто и другихъ венгерскихъ городовъ, прославившихся своими винами. Хозяинъ подчивалъ насъ лучшими сортами вина; оно довольно пріятнаго вкуса, имѣетъ нѣкоторый букетъ, и мы пили его съ удовольствіемъ.

Въ Валахіи лучшее вино „драгошанское“. Какъ это, такъ и „одобештское“ вывозятся и за границу, преимущественно въ Австрію и Трансильванію, гдѣ продаются за легкое венгерское. Лучшія молдаво-валахскія вина — бѣлыя. Они здѣсь очень дешево продаются и пьются въ значительномъ количествѣ, не будучи такъ крѣпкіи, какъ наши „крымскія“ вина, но имѣя нѣкоторое сходство съ бордосскими. Замѣчательны букетъ, нѣжность и мягкость этихъ винъ; обратн винодѣлы большее вниманіе на разведеніе винограда, на уходъ за нимъ, а также на выработку вина, — не подлежатъ сомнѣнію, что одобештское и драгошанское вина стали бы въ рядъ съ хорошимъ сотерномъ и даже рейнвейномъ.

Мы воротились въ лагерь поздною ночью, привезя съ собою порядочный запасъ одобештскаго вина какъ для себя, такъ и для товарищей.

Во все почти время кампаніи въ городѣ Одобешти помѣщался нашъ госпиталь.

20 августа.—Г. Рымникъ.

Горами подъѣзжаемъ къ Рымнику, прославленному русскимъ оружіемъ. При выѣздѣ изъ ущелья открывается живописная долина съ пробирающеюся ничтожною рѣчкою, Рымникомъ, въ обыкновенное время едва сочащеюся по песчаному грунту, распадаясь на множество самыхъ маленькихъ ручейковъ. Предъ нами городъ, утонувшій въ садахъ, орошенный лентами пашень и лѣсовъ; на горизонтѣ — Карпаты, а направо — степь.

Рѣчка Рымникъ, какъ извѣстно, была колыбелью славы Суворова и могилкою его сына.

Въ городѣ монастырь во имя Успенія Божіей Матери, гдѣ былъ похороненъ Суворовъ-сынъ. Мы посѣтили монастырь. Преддверье храма отдѣляется отъ самаго храма четырьмя колоннами коринтскаго ордена, полъ вымощенъ каменными плитами; иконы древне-греческаго письма. Надъ вѣхою гробница Суворова: здѣсь подъ спудомъ погребено его сердце и внутренности.

Церковь сооружена Кантакузеномъ; задняя стѣна расписана портретами различныхъ воеводъ.

Сохранился дискосъ съ надписью: „Щербаномъ Бессарабомъ Кантакузеномъ воеводою, съ семействомъ, святому монастырю Рымникскому на вѣчное поминовеніе“. На этомъ же дискосѣ большой чеканный гербъ византійскій и дома Кантакузена! *На мстѣ*, нечего сказать! Изъ церковной утвари обращаетъ на себя вниманіе своимъ изяществомъ потиръ, покрытый эмалевыми цвѣтами отличной работы.

На гробницѣ Суворова множество самыхъ пошлыхъ и глухихъ русскихъ надписей въ стихахъ и прозѣ; большая часть этихъ надписей относится къ прославленію нашего полководца Суворова и, кажется, въ простотѣ сердечной, большинство Русскихъ, писавшихъ на этой стѣнѣ, воображало, что пишутъ на гробницѣ самого героя.

Много польскихъ надписей 1792 года, подобныхъ слѣдующей: Wincenty Malishewsky Kapitan W—sk. Ross: Polak.

Большая часть мѣстныхъ иконъ, а также всѣ иконы алтаря обезображены: у всѣхъ ликовъ выковырены или высверлены глаза, нѣкоторые серафимы и херувимы, изсѣченные изъ камня на стѣнахъ и колоннахъ, изрублены саблями и почти у всѣхъ изрублены головы или носы; прекрасныя колонны съ рельефною рѣзбою также пострадали. Нечего и говорить, что таковыя неистовства—дѣло Турокъ, ворвавшихся въ этотъ монастырь въ войну противъ этеристовъ въ 1822 году. Турки бивакировали въ монастырѣ, посреди церкви разложивъ огонь и грѣясь, закоптивъ дымомъ костровъ церковную живопись и украшенія. Доселѣ все оставлено въ томъ видѣ, въ какомъ найдено послѣ Турокъ; по счастью, церковная утварь была спрятана, а то она непременно была бы расхищена. Такое печальное воспоминаніе оставило по себѣ послѣднее пребываніе Турокъ въ Рымникѣ. Въ довершеніе бѣдствій этого монастыря, и безъ того небогатаго, онъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія, особенно его колокольня, которая совершенно разрушилась, причемъ колокола разбилась.

Еслибы не трагическая смерть сына великаго Суворова, имя отца, кажется, вовсе не было бы извѣстно обитателямъ города, прославленнаго его мечомъ! Горько дѣйствуетъ на душу такое забвеніе великихъ событій на самомъ мѣстѣ ихъ свершенія. Изумительно невѣжество здѣшнихъ монаховъ: на вопросъ: гдѣ поле рымникской битвы?—они отвѣчаютъ пренаивно: „должно быть гдѣ-то за рѣчкою, потому что, одержавшій надъ Турками побѣду, Суворовъ ѣхалъ изъ-за рѣки въ городъ и утонулъ въ Рымникѣ...“ Каково!? Но мы не поѣхали за *рѣку* отыскивать знаменитаго поля, а отправились по направленію къ деревнѣ Мартинешти.

Никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ указать намъ поля битвы. Послѣ часового пути мы, по догадочнымъ опредѣленіямъ поселянъ, достигли поля, на которомъ, не доѣзжая селенія Возина, разбросаны большіе курганы. Одинъ, на который мы взобрались, огромнѣйшій, имѣетъ совершенное сходство съ курганами, разбросанными въ такомъ множествѣ по южной Россіи. Форма этого кургана, какъ и большей части помянутыхъ, усѣченный конусъ, съ признаками выемки земли вокругъ кургана и землянаго окопа по гребню насыпи, образующей на площадкѣ кургана какъ бы котловину. Такіе курганы въ южной Руси ученые называютъ *майданными* могилами. Съ кургана открывается видъ на значительное пространство. Саженьяхъ на 150 восточнѣе этого кургана торчалъ другой поменьше и саженьяхъ на 60-ть западнѣе—еще курганъ. Покинувъ эту группу кургановъ и пройдя въ с. Кяту, мы, по указанію жителей, увидѣли наконецъ прославленное поле Рымникской битвы.

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ церкви Св. Георгія (уединенно стоящей внѣ деревни, будто священнымъ знаменіемъ побѣды, намъ дарованной на сихъ самыхъ мѣстахъ, помощію Св. Воина Христова), возносится большой оконъ,

обставленный множеством кургановъ. Преданіе говоритъ, что это нѣмецкій окопъ, что тутъ во время битвы стояли наши *милые союзники* — окопавшись. Окопъ имѣетъ форму редута, открытаго въ горѣ, обращенной къ западу. Валу его осунулись; самая большая возвышенность укрѣпленія отъ основанія до гребня насыпи обращена къ востоку.

Правый флангъ позиціи, которую вѣроятно избралъ себѣ отрядъ, занимавшій этотъ окопъ, покрытъ глубокимъ оврагомъ, лежащимъ отъ кургана на ближній выстрѣлъ легкаго орудія. Впередѣ, верстахъ въ двухъ, виденъ крупный лѣсъ, заканчивающій перспективу, если смотрѣть съ кургана прямо и вправо; влѣво — деревня Бонза; лѣвѣе на сѣверъ отъ кургана — деревня Мартинешти; еще лѣвѣе сливается съ горизонтомъ степь, а близъ деревни рѣка Лакъ-Негру (черное озеро), по словамъ крестьянина, замѣнявшаго намъ чичероне, поглотившая много жертвъ въ день Рымникской битвы. На болотистыхъ берегахъ этой рѣки завязло множество Турокъ, думавшихъ спастись бѣгствомъ. Нѣсколько дней послѣ битвы, какъ рассказывали старики, все населеніе окрестныхъ деревень, женщины, даже дѣти, ходили по болотамъ и добывали Турокъ, раненыхъ или погибавшихъ отъ истомленія, отъ голода и холода *). По берегамъ Лакъ-Негру, отъ бывшей во время сраженія бури

*) Дѣло подъ Рымникомъ (Австріяцы именуютъ его дѣломъ при Мартинешти) нашими историками такъ рассказывается **): командовавшій турецкими войсками великій визирь Юсуфъ-паша, намѣреваясь всѣми своими силами ударить на австрійскія войска принца Кобургскаго до соединенія его съ русскими войсками, сдѣлалъ диверсію корпусомъ бывшаго Капуданъ-паши Гассана по направленію къ Саачи, гдѣ 18 августа и произошло авангардное дѣло у Турокъ съ отрядомъ князя Репнина, направленного Потемкинымъ противъ Турокъ, послѣ чего Турки отступили ночью. Достигнувъ своей цѣли отвлеченіемъ Русскихъ, великій визирь съ значительными силами перешелъ Дунай у Браилова и двинулся къ Рымнику, но Суворовъ разгадалъ турецкій маневръ и, не ожидая приказанія Потемкина, собственноручно по извѣщенію принца Кобургскаго о грозившей ему опасности, присланному съ просьбой придти къ нему на помощь, далъ принцу, съ курьеромъ, лаконическій отвѣтъ: „Иду!“ и немедленно, темною ночью, бросился къ нему на выручку. Преодолѣвъ необыкновенныя трудности, встрѣченныя при этомъ движеніи, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, размытыхъ проливными дождями, отсутствія переправъ черезъ разлившіяся рѣки и бурной погоды, Суворовъ, 10 сентября, соединился съ Австріяцами на р. Милкѣ, близъ Фокшанъ, гдѣ для Суворова тотчасъ разбили шатеръ и навалили сѣна, на которое онъ и бросился, измученный лихорадкой и перенесенными трудами. Но когда принцъ Кобургскій поспѣшилъ къ Суворову, онъ вскочилъ со своего ложа, сталъ его цѣловать и потащилъ къ себѣ, на сѣно. Тутъ Суворовъ началъ настаивать на необходимости немедленной атаки Турокъ, но Кобургъ призналъ эту мѣру крайне рискованною, имѣя въ виду, что Турокъ вчетверо больше союзниковъ. Суворовъ возражалъ, что при такомъ неравенствѣ силъ только быстрая, смѣлая атака и обѣщаетъ успѣхъ, да притомъ, прибавилъ Суворовъ, *„все же ихъ не столько, чтобы заслонить намъ солнце!“* Наконецъ, послѣ продолжительныхъ, безуспѣшныхъ настояній, Суворовъ разсердился и объявилъ Кобургу, что если онъ не соглашается съ нимъ, то онъ одинъ ударитъ на Турокъ и надѣется ихъ разбить... Кобургъ былъ вынужденъ согласиться на немедленную общую атаку. Затѣмъ Суворовъ, тотчасъ, съ нѣсколькими офицерами и казаками отправился на рекогносцировку къ рѣкѣ Рымнѣ, влѣзъ тамъ на дерево, всмотрѣлся въ пространство, на которомъ располагалась огромная турецкая армія, и составилъ въ головѣ планъ битвы. Съ закатомъ солнца войска выступили противъ Турокъ, перешли р. Милку въ бродъ и продолжали движеніе въ совершенной тишинѣ, чтобы явиться передъ неприятелемъ внезапно.

**) Петрушевскій: „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, т. I. С.-Петербург. 1884. А. Петровъ: „Вторая Турецкая война въ царствованіе Императрицы Екатерины II, 1787—1791“, т. II, 1886.

и предшествовавшихъ дождей, образовались топи, и вотъ Турки въ бѣгствѣ, попадая на нихъ, по незнанію, вязли десятками, покидали лошадей, думая спастись пѣшкомъ, но, не зная мѣстности, не находили спасенія. Окрестные жители собрали множество цѣннаго оружія, шалей, золота. Рымникское сраженіе обогатило многихъ въ окрестности; даже много лѣтъ спустя, при дождѣ, народъ ходилъ на это кровавое поле собирать металлческія вещи турецкой одежды, свинецъ и чугуны; случалось находить при этихъ западавшихъ поискахъ оружіе и монеты.

Близъ церкви на погостѣ, покрытомъ чертополохомъ, величиною выше человѣческаго роста, говорятъ, есть могила какого-то генерала, убитаго въ этой битвѣ. Памятникъ, поставленный ему товарищами, разбили въ 1822 году Турки. Насилу мы отыскали въ кустахъ чертополоха каменные остатки памятника; на небольшомъ каменномъ пьедесталѣ торчалъ обломокъ нижней части значительныхъ размѣровъ креста изъ довольно твердаго камня; въ нѣсколькихъ шагахъ мы нашли всю верхнюю часть креста; не доставало только,

У союзниковъ было въ строю до 25.000 человѣкъ (Австрійцевъ до 18.000 и Русскихъ до 7.000), Турокъ же было, по самымъ достовѣрнымъ источникамъ, не менѣе 90.000 человѣкъ, но искусство и рѣшимость были на сторонѣ атакующихъ, не говоря о неукротимомъ мужествѣ ихъ, такъ какъ отвага отчаянія была вполне проявлена и Турками въ этотъ кровавый день.

Наступленіе Русскихъ не было замѣчено Турками до полного разсвѣта и дѣло началось атаккой батарей, защищавшихъ 12-тысячный турецкій лагерь, тянувшійся отъ р. Рымны до лѣса Каята. Произошла упорная битва, рѣшающимъ моментомъ которой была бѣшеная атака, произведенная русской и австрійской кавалеріей (вскорѣ подкрѣпленной атаккой пѣхоты), турецкихъ ретраншаментовъ, не бывшихъ еще вполне оконченными, что дало возможность кавалеріи перескочить рвы и брустверы и врубиться въ толпы янычаръ. *„Не можно довольно описать сего пріятнаго зрѣлища!“*—говоритъ Суворовъ въ своемъ донесеніи Государынѣ про эту атаку, имѣвшую послѣдствіемъ страшную рѣзню и затѣмъ—безпорядочное бѣгство Турокъ, по направленію къ д. Мартинешти на рѣкѣ Рымнѣ, гдѣ находился третій, самый большой ихъ лагерь; что же касается до четвертаго лагеря, самого великаго визиря, то онъ открытъ у д. Мартинешти и взятъ только на слѣдующій день.

Побѣда была полная. Вся обширная равнина между Крынгумейлоромъ и р. Рымникомъ была, буквально, покрыта турецкими тѣлами; здѣсь, при преслѣдованіи Турокъ, полегло ихъ гораздо болѣе, чѣмъ во время сраженія. Переправа черезъ р. Рымникъ у Мартинешти хотя и прикрывалась земляными окопами, но ихъ уже никто не защищалъ. На мосту безпорядочно столпились обозы, загорода единственный путь отступленія бѣгущимъ. Турки бросились вплавь, но, по несчастію, вода въ рѣкѣ была выше обыкновеннаго уровня и потому ихъ потонуло множество подъ выстрѣлами союзниковъ. Уронъ Турокъ простирался до 15.000 человѣкъ, въ плѣнъ взято ихъ нѣсколько сотъ; побѣдителямъ досталось 100 знаменъ, 80 орудій, стада скота, нѣсколько тысячъ повозокъ съ имуществомъ, лагерь и ставка великаго визиря изъ золотой и серебряной парчи и множество драгоценнаго оружія.

Рымникское сраженіе произвело на Турокъ удручающее впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго наши взяли Гаджибей и Паланку,—кр. Бендеры сдался Потемкину, также сдался на капитуляцію Аккерманъ,—только при появленіи авангарда войскъ Кобурга Турки съ четырьмя пашами бѣжали изъ Букареста,—Бѣлградъ сдался генералу Лаудону.

Суворовъ и его отрядъ были щедро награждены Екатериной за Рымникское дѣло. Для болѣе отличившихся выбита была медаль съ надписью: „Рымникъ“; Суворову пожалованы: орденъ св. Георгія 1-го класса, графское Русской Имперіи достоинство съ прозваніемъ „Рымникскій“, брилліантовый эполетъ, весьма богатая шпага, драгоценный перстень.

Австрійскій императоръ пожаловалъ Суворову графскій титулъ Священной Римской Имперіи.

Подкомандующіе и офицеры получили повышенія и ордена, а солдаты — денежные награды.

Принцу Кобургскому Австрійскій императоръ даровалъ званіе фельдмаршала, а Императрица Екатерина пожаловала ему брилліантовую шпагу.

повидимому, небольшого куска, который соединялъ бы два обломка. Крестъ, судя по остаткамъ, былъ съ pedestalомъ величиною въ сажень, толщиною $\frac{3}{4}$ аршина.

Казалось бы, такой памятникъ проченъ, но Турки—мастера разрушать памятники, ухитрились разбить и его; славянскія слова, покрывавшія одну сторону креста, такъ изрублены, что почти ничего нельзя разобрать. Однако, при внимательномъ разсмотрѣніи надписи, мы различили въ верху креста обычные слова: І. Н. Ц. І. Ниже этой надписи небольшой кругъ, въ которомъ былъ изсѣченъ образъ, въ самой срединѣ креста большой кругъ также съ образомъ, на правой и лѣвой вѣтви креста также круги съ бывшими образами—все это порублено Турками до безобразія. Можно разобрать еще нѣсколько буквъ изъ надписи, сдѣланной вязью, по смыслу хотя бы и одного слова невозможно добиться, и такимъ образомъ для насъ остается загадкою: кто именно изъ героевъ Рымникской битвы похороненъ подъ этимъ крестомъ.

30 и 31 августа, 1 и 2 сентября.—Яссы.

Сегодня, по случаю тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, князь Горчаковъ дѣлалъ на соборной площади парадъ нѣкоторымъ частямъ нашихъ и молдавскихъ войскъ. Парадъ былъ блистательный, при многочисленномъ стеченіи народа. По войскамъ и не замѣтно, чтобъ они возвращались изъ долговременной и трудной кампаніи. Въ церкви служили здѣшній митрополитъ.—Во время обѣди пронесся слухъ, будто союзники Турокъ сдѣлали высадку подъ Севастополемъ, на Качѣ, но будто ихъ князь Меншиковъ опрокинулъ, разбилъ въ прахъ 25-тысячную ихъ армию и потопилъ артиллеріей береговыхъ батарей нѣсколько кораблей и пароходовъ. Въслѣдствіе этой молвы, такой распространился восторгъ между присутствовавшими при литургіи, что даже забыли благодарить Господа за милосердіе Его къ намъ и каждый торопился пересказать сосѣду желанную вѣсть. Многие побѣждали изъ церкви рассказывать отсутствующимъ о блистательной побѣдѣ, и черезъ часъ весь городъ зналъ всю исторію событія, съ мельчайшими его подробностями.

Но не далѣе, какъ къ вечеру, всѣ разочаровались: ничего подобнаго разсказанному событію не происходило ни на морѣ, ни на сушѣ; по послѣднимъ извѣстіямъ, союзники еще не дѣлали высадки въ Крымъ.

Ну, какъ быть: не дѣлали, такъ и не дѣлали! подождемъ, какъ высадятся, а между тѣмъ и то хорошо—пришлось хоть минуточку порадоваться, походить на-послѣдяхъ *пѣтухомъ* передъ Молдаванами, и за то слава Богу!

У главнокомандующаго сегодня парадный обѣдъ. При настоящемъ обратномъ походѣ нашихъ войскъ городъ несравненно болѣе оживленъ, чѣмъ когда мы впервые его проходили. Жизни и шуму много придаютъ наши офицеры, во множествѣ наѣхавшіе въ Яссы изъ Главной квартиры и изъ полковъ, стоящихъ близъ города. У всѣхъ довольно золота отъ двойнаго жало-

вапья и фуражныхъ, можно было сберечь порядочную копѣйку, чтобъ имѣть возможность пожить нѣсколько дней въ послѣднемъ иностранномъ городѣ, лѣжавшемъ на нашемъ пути, и купить всякой всячины какъ въ гостиницы до-машнимъ, такъ и на память себѣ.

Выступая изъ Букареста, мы еще не знали навѣрно, какая насъ ждетъ судьба, куда мы бросимся, возвратимся ли въ Россію или поидемъ еще скитаться по чужбинѣ. Поэтому каждый остерегался дѣлать какіе-нибудь покупки или запасы; теперь—дѣло другое: теперь—иди послѣдняя копѣйка ребромъ. Я увѣренъ, что мы также съ пустыми карманами переступимъ свою границу, какъ и на обратномъ походѣ изъ Австріи въ 1849 году. Буквально ни у кого больше полунимперіала не останется: самъ не истратимъ,—товарищи взаимъ возьмутъ.

По городу ѣзда, шумъ, точно здѣсь большая ярмарка; въ лавкахъ ужасная толкотня, раскупили все, что только было порядочнаго въ Яссахъ: экипажи, сахаръ, чай (по 1 руб. сер. за фунтъ—очень порядочный на видъ, но не на вкусъ), вина, холстъ, сукна, дамскія вещи, часы, ковры и пр. и пр. Всѣ товары чрезвычайно поднялись въ цѣнѣ, а вчера и сегодня почти ничего порядочнаго невозможно было достать,—все раскупили. Одинъ матазинъ Бжезинскаго продать товару въ нѣсколько дней нашего здѣсь пребыванія на 100 тысячъ червонцевъ. Дошло до того, что золота и звонкой монеты у насъ не хватило: у многихъ были изъ Россіи серіи, у нѣкоторыхъ сохранились сторублевныя ассигнаціи, и услужливые жидки съ удовольствіемъ принимали тѣ и другія, — разумѣется, за извѣстный процентъ уступки. Пользуясь чудеснымъ случаемъ сбыть свои товары, яссскіе купцы вытащили изъ кладовыхъ все залежалое и пополнили имъ опустошеніе, произведенное въ ихъ лавкахъ нашими полунимперіалами, стараясь, и не безъ успѣха, сбывать намъ старое за самое модное и новое.

Что же касается до яссскихъ гостиницъ, то въ лучшихъ изъ нихъ былъ хаосъ. Въ маленькихъ комнатахъ французскаго отеля бывало биткомъ набито проголодавшихся посѣтителей, во время же обѣда и ужина въ этомъ трактирѣ столько бывало алчущихъ, что три четверти не имѣли мѣста сѣсть. Добившись до прилавка, выпивъ рюмку одного изъ множества крѣпкихъ напитковъ, на немъ поставленныхъ, посѣтитель хватаетъ бутербродъ и помѣщается у дверей буфета, какъ бы ожидая добычи. Вотъ бѣжитъ изъ кухни человекъ съ супомъ, или жаркимъ, потребованнымъ уже однимъ изъ *терпеливыхъ* посѣтителей, сидящихъ у стола, въ ожиданіи полного обѣда; одинъ изъ караулящихъ у дверей буфета хватается несомое камердинеромъ, несмотря на его представленія, и мгновенно поглощаетъ миніатюрную порцію; вотъ несутъ другую: если успѣетъ, — онъ схватитъ и другую, все равно слѣдующее ли это блюдо, предыдущее или повтореніе одного и того же! Дѣйствуя такимъ образомъ, можно было еще въ теченіе часа сѣсть два, три блюда и даже выпить чашку кофе, а иначе приходилось двухъ кушаньевъ ждать по три часа! Замѣчательно, что въ такой

суматохѣ трудно было бы хозяину учитывать своихъ гостей и подавать каждому особый счетъ. Каждый посѣтитель, собираясь уходить, подходилъ или правильнѣе пробивался къ конторкѣ и говорилъ хозяину: „я съѣлъ то-то, выпилъ то-то, — что съ меня слѣдуетъ?“ — Столько-то. — И дѣло копчалось мгновенно, и малѣйшей непріятности при этихъ расчетахъ не происходило. Ни одного случая во все время нашего послѣдняго пребыванія въ Яссахъ не было, который бы вызвалъ столкновение между хозяиномъ гостиницы и посѣтителемъ. Хозяинъ, видно, порядочный человѣкъ. Да и вообще Молдаване несравненно обходительнѣе Валаховъ и благоустройство - то у нихъ во всей сторонѣ и городахъ, безъ сравненія, больше, чѣмъ въ Букарестѣ и въ Валахіи. Здѣсь, напримѣръ, на большей части улицъ отличная мостовая, всюду тротуары; въ городахъ отлично содержанныя пожарныя команды (между прочимъ таковая команда въ Фокшанахъ оказала большую помощь Валахской сторонѣ города, которая вся была бы поглощена пожаромъ, еслибы съ Молдавской стороны не прикатила пожарная команда и чрезвычайными усиліями не остановила огня); здѣсь въ каждомъ городѣ каланча и подъ нею пожарная команда; по Молдавіи въ двухъ направленіяхъ тянется шоссе, въ Валахіи его нѣтъ; здѣшнее шоссе хотя нѣсколько узко, но все - таки представляетъ отличный путь сообщенія по безграничнымъ степямъ, покрытымъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ непрѣздною грязью; вездѣ каменные почтовые станціи; нынѣ вездѣ въ Молдавіи запрягаютъ въ повозки крупныхъ лошадей и самыя повозки устроены на манеръ нашихъ, бессарабскихъ, — въ нихъ по крайности можно сидѣть, и т. д. Въ Молдавіи замѣтны многія административныя улучшенія.

Здѣсь жители вообще смотрятъ на насъ съ меньшимъ неудовольствіемъ, чѣмъ въ Букарестѣ, но все-таки косятся, особенно молодежь.

Произошло было нѣкоторое столкновение съ молдавскимъ войскомъ, мы взяли молдавскія орудія, а злонамѣренные люди распространили слухъ, будто намъ велѣно волею-неволею взять съ собою всю молдавскую армію въ Россію для войны съ Турками. Произошло небольшое замѣшательство: нѣсколько молдавскихъ офицеровъ арестовано и, говорятъ, отправлено въ Россію. Впрочемъ серьезнаго ничего не было.

4 сентября.—Яссы. Раннее утро.

Выступаемъ. Трое нашихъ штабъ-офицеровъ назначено съ партіями казаковъ и валахской милиціи ѣздить по городу съ полицейскими комиссарами до 4-хъ часовъ вечера и выводить всѣхъ Русскихъ до одного. Партіямъ этимъ поручено осмотрѣть всѣ уголки, трактиры, кабаки, всѣ публичныя мѣста, чтобы не осталось нигдѣ ни одного Русскаго и чтобы по возможности захватить дезертировъ, если таковые будутъ. Наша дивизія оставляетъ Яссы послѣдняя, мы въ арріергардѣ графа Анрепа Эльмита; за нами только остались казаки.

Совершенно развѣло; собираемся; холодный утренникъ заставилъ казаковъ, бивакировавшихъ на площади, противъ дворца Госнодари, разложить костры. Картина безподобная, поэтическая! Любуясь ею, невольно думаешь: гдѣ не пылали наши боевые костры, отъ Парижа до Константинополя и отъ береговъ Швеціи до Малой Азіи!... Какіе народы не сбѣгались смотрѣть на нихъ и на насъ!... Но при этихъ мысляхъ невольно приходитъ другая: суждено ли опять когда-нибудь засверкать въ этихъ улицахъ русскимъ штыкамъ, на этихъ площадяхъ пылать нашимъ кострамъ и скоро ли опять казакъ напоятъ своего боевого коня дунайскою водой?...

Приваль на походѣ.

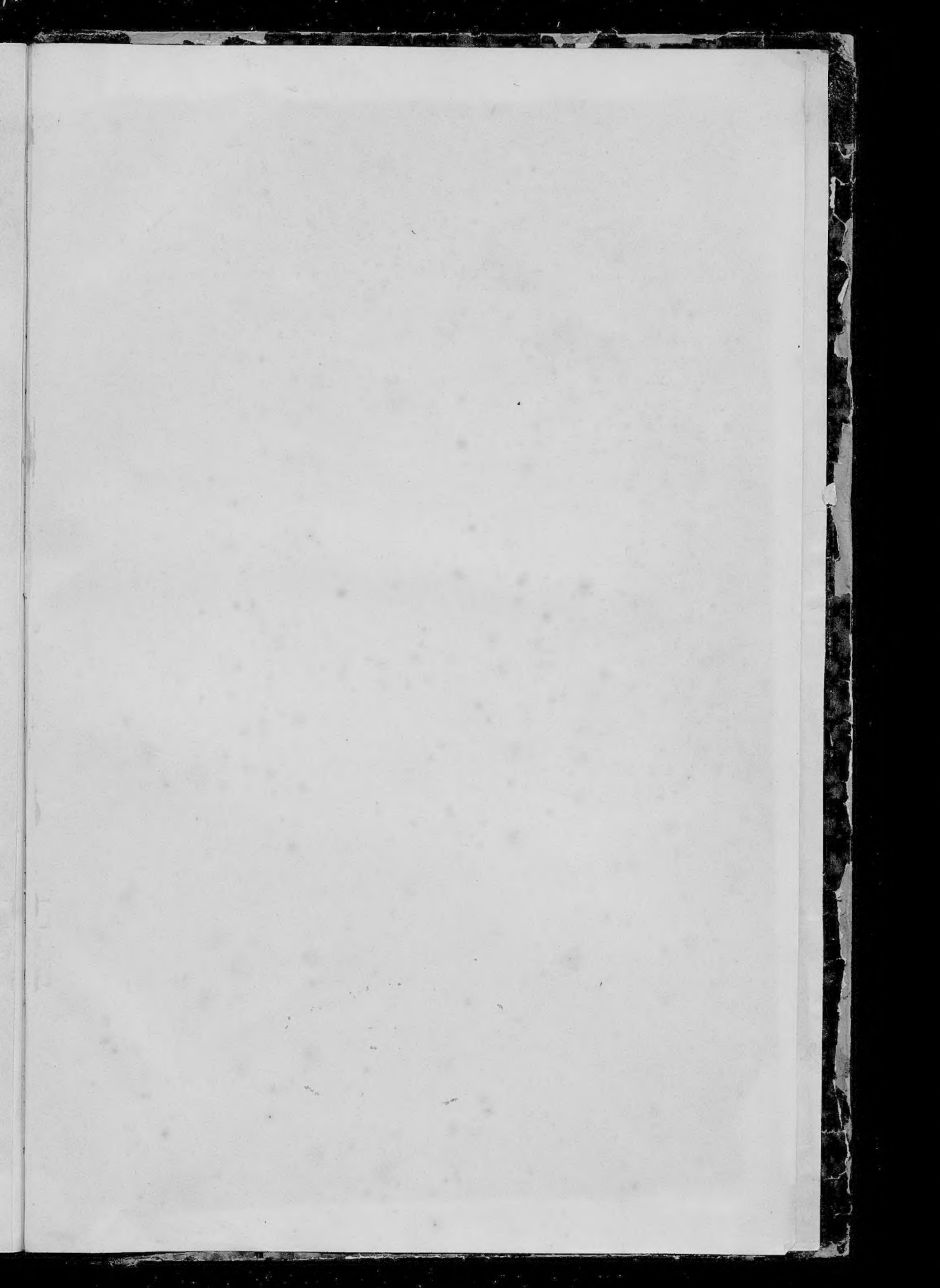
Но вотъ бьютъ фельдмаршъ; мы потянулись изъ Яссы съ большою самоувѣренностью, чѣмъ выходили наши товарищи изъ Букареста, но съ меньшею гордостью, чѣмъ мы входили сюда. Правду сказать, вѣзжали мы въ Яссы прошлаго года подобравъ коней, приподнявъ голову, вздернувъ брови,—надо признаться, гордо какъ-то на все смотрѣлось. А нынѣ?... Ну, и то правда, постарше мы немножко стали, да и попзмучились... Не такъ что-то пляшетъ копь... Хотя и не побѣждены мы, хотя и съ честію отходимъ, да все-таки не *опередъ* мы идемъ, а *назадъ*...

Виноградниками, садами, ущельями мы ушли отъ Яссы, простясь на привалѣ съ добрымъ, почтеннымъ комиссаромъ молдавскаго правительства, состоявшимъ при нашей дивизіи, г. Идгеромъ, который одинъ изъ всѣхъ Молдаво-Валаховъ поѣхалъ насъ проводить до привала и приесть намъ напутственную хлѣбъ-соль.

Конечно, за прощальнымъ стаканомъ шампанскаго мы пожелали г. Идгеру всѣхъ благъ, пожелали сохранить о насъ воспоминаніе, какъ мы сохранимъ о немъ, родивъ же его пожелали лучшихъ чувствъ, стремленій и укрѣпленія дружбы съ Австрійцами, которые на-дняхъ займутъ Яссы: сегодня уже читали объявленія молдавскаго правительства, приглашающаго принять на себя поставку продуктовъ для вмѣющей немедленно занять Княжества австрійской арміи... *). Однако Австрійцы очень осторожны и не нагоняютъ насъ.

Дорога вьется съ горы на гору по довольно узкимъ ущельямъ. Съ нами тинется молдавская артиллерія, безпрестанно ломаясь и тѣмъ замедляя наше движеніе, къ общей досадѣ тѣхъ изъ насъ, кому хочется скорѣе завидѣть матушку-Русь!...

*) Первый вступилъ въ Валахію графъ Коронини съ первою дивизіей Австрійцевъ, за нимъ слѣдовала 2-ая дивизія.

2

